

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

В ы п у с к 9

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2014

УДК 821.0:398

ББК 82

ИЗ2

Из истории русской фольклористики. Вып. 9 / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. — СПб.: Наука, 2014. — 861 с.

ISBN 978-5-02-038225-1

Выпуск содержит материалы и публикации по теории и практике отечественной науки о фольклоре XIX—XX вв.

Для филологов-фольклористов и интересующихся историей русской культуры.

Редколлегия:

А. Н. ВЛАСОВ, А. А. ГОРЕЛОВ, В. И. ЕРЕМИНА,
М. В. РЕЙЛИ, А. Н. РОЗОВ

Ответственный редактор

М. Н. ВЛАСОВА

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 14-04-16017*

© Коллектив авторов, 2014
© Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Из истории русской фольклористики» (разработка, оформление), 1978 (год основания), 2014

ISBN 978-5-02-038225-1

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Очередной, девятый выпуск серийного издания «Из истории русской фольклористики» продолжает изучение истории отечественной науки о народном творчестве и различных аспектов фольклорной традиции. Основная в сборнике — тема преемственности научного знания, актуализации открытий прошлых лет.

Раздел «Фольклористика: Историко-биографические материалы. Статьи» включает исследования, посвященные творческим судьбам и научному наследию талантливых фольклористов, диалектологов, собирателей и знатоков фольклора.

В. И. Еремина в статье «Теория и методика сравнительно-исторического изучения фольклора и литературы в трудах В. М. Жирмунского» рассматривает эволюцию идей известного литературоведа, плодотворно работавшего и в области фольклористики. В. М. Жирмунский первым сформулировал принцип историко-типологического изучения фольклора и осуществил разграничение понятия «поэтика» на поэтику «историческую», разработанную академиком А. Н. Веселовским, и поэтику «теоретическую», основы которой были заложены А. А. Потебней.

Теории и методике изучения фольклора посвящено полемически заостренное исследование Г. Л. Венедиктова «Морфология русской сказки как отражение законов общества», подготовленное к изданию М. А. Никифоровой.

В основу статьи «Новые задачи изучения фольклора в связи с диалектологией», подготовленной к печати Я. В. Зверевой, легла научно-техническая обработка архива крупнейшего лингвиста А. П. Евгеньевой. В середине XX в. А. П. Евгеньева обратилась к проблемам регионального изучения языка фольклора; ее идеи остаются востребованными и в наши дни.

Тернистый научный путь одного из ведущих былинове-дов страны обрисован в работе Т. Г. Ивановой «Документы по защите докторской диссертации А. М. Астаховой». Основываясь на материалах нескольких петербургских архивов, автор харак-

теризует разностороннюю научно-собираТЕЛЬскую деятельность А. М. Астаховой; публикует и комментирует документы, связанные с защитой диссертации.

А. А. Горелов в публикации «Из эпистолярного наследия писателя-сказочника, художника С. Г. Писахова» обращается к многогранному наследию писателя и живописца, творчество которого синтезирует русскую народную культуру Севера России и высокий европеизм литературных и живописных традиций, актуальных на переломе XIX и XX ст. Переписка С. Г. Писахова и А. А. Горелова прокомментирована в контексте новых биографических сведений.

Проблема фольклоризма литературного творчества рассмотрена и в небольшом, однако основанном на обширном материале исследовании С. В. Березкиной «Два спорных наброска А. С. Пушкина в фольклорном стиле».

В раздел «Фольклор: Неизданные материалы» вошли публикации, расположенные в зависимости от времени записи. А. Б. Никаноров в работе «Сборник Иоганна Георга Доппельмайра „Russische Volkslieder für eine Singstimme mit Klavierbegleitung“ („Русские народные песни для голоса с фортепиано“))» знакомит читателей с нотным сборником начала XIX в., о котором не упоминает ни один из ныне существующих обзоров истории русской музыкальной фольклористики. Особенность сборника Доппельмайра, выгодно отличающая его от предшествующих изданий XVIII ст., — наличие комментариев к каждой песне (краткой или развернутой характеристики ее сюжета, элементов обряда, с которым она связана, в отдельных случаях — музыкальной специфики напева).

Исследование Т. С. Шенталинской посвящено «Марковскому песеннику» — рукописи, датированной 1896-м годом и хранящейся в Музейном центре г. Анадыря. «Марковский песенник», публикуемый максимально приближенно к оригиналу, углубляет наши представления о русском фольклоре Чукотки. В дополняющем публикации очерке изложена биография составителя «Песенника», Афанасия Ермиловича Дьячкова, «чукотского просветителя», личности уникальной в масштабах Чукотки, и возможно, — всего северо-востока Сибири.

Традиционно в центре внимания фольклористов-филологов и этномузыковедов — фольклор Русского Севера. Представленные материалы охватывают период с 1915 по 1957 г. Публикация М. В. Рейли «Фольклорно-этнографические заметки В. Федоркова „На рыбной ловле“» содержит сведения о быте и верованиях крестьянского населения Заонежья начала прошлого века. Несмотря на литературную обработку, заметки В. Федоркова, сохраняя самобытность крестьянской речи, привлекают вдумчивостью и достоверностью изложения.

В публикации М. Н. Власовой «Рукописный архив И. М. Левиной: „импровизационные“ кукольные игры и другие фольклорно-этнографические материалы (Мезень, 1928 г.)» особый интерес представляют материалы по детским кукольным играм, собранные И. М. Левиной в Мезенском уезде. Они свидетельствуют о том, как велась дальнейшая работа над темой, блестяще раскрытой в статье «Кукольные игры в свадьбу и метище», написанной собирательницей по результатам экспедиции на Пинегу.

Работа А. Ю. Кастрова «Обонежские причитания в записи З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиуса» выходит в свет после смерти автора и продолжает серию публикаций образцов музыкально-поэтического фольклора, собранных в 1926 г. участниками комплексной экспедиции Крестьянской секции Государственного института истории искусств (ГИИИ, Ленинград).

Деятельность печорской экспедиции ГИИИ 1929 г. охарактеризована в публикации Ю. И. Марченко «Замечания о лирических песнях Печоры, записанных Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд». Итоги этой экспедиции внушительны: всего выполнено 249 звукозаписей, более половины из них — лирические песни. Ю. И. Марченко формулирует ряд проблем, связанных с исследованием песенного фольклора Печоры, в частности, с необходимостью сравнительного изучения песенных традиций русских и коми — непосредственно в условиях живого бытования.

Основу публикации А. Н. Власова «Свадебный фольклор Дмитриевской волости 20—30-х гг. XX в. в записях устьянского краеведа М. И. Романова» составляет этнографический очерк «Свадебный обряд», снабженный подробными комментариями Михаила Ивановича Романова — наиболее значимой фигуры в местном краеведческом движении. Широко привлекая материалы местных архивов и, в частности, архива Вельского краеведческого музея, А. Н. Власов подчеркивает потенциальную значимость записей, которые сделаны местными любителями старины, краеведами, музейными сотрудниками, школьными учителями и могут восполнить пробелы в собирательской практике.

Публикация Л. И. Петровой «Беломорский эпос в записях Д. М. Балашова 1957 г.» включает все образцы — в том числе фрагменты — былин (вне зависимости от степени сохранности сюжета, представленного конкретным вариантом), и большую часть баллад и духовных стихов из собрания Д. М. Балашова, которое хранится в Рукописном отделе ИРЛИ РАН. Экспедиция на побережье Белого моря летом 1957 г. положила начало плодотворной собирательской деятельности Дмитрия Михайловича Балашова. Перипетии этой поездки, наблюдения и размышления собирателя нашли отражение в «Отчете», а скорее — в дневнике экспедиции, предваряющем публикуемые тексты.

Е. И. Якубовской подготовлена публикация «Псковские песни сестер Судаковых в записи Н. Л. Котиковой». Собрание Натальи Львовны Котиковой — одна из значительнейших по объему и качеству звуковых коллекций Фонограммархива ИРЛИ РАН. В 1966 г., когда собирательница уже не в первый раз обратилась к традиции Псковского Обозерья, судьба свела ее с семейным ансамблем четырех сестер Судаковых — уроженок побережья Псковского озера. По художественности исполнения и полноте традиционного репертуара ансамбль сестер Судаковых не уступает лучшим народным мастерам Печорского и Псковского районов.

В публикации Г. Н. Щупак «Экспедиции Сектора народно-поэтического творчества ИРЛИ АН СССР в Пермскую область (1962—1963)» вниманию читателей предлагаются дневники участниц пермских экспедиций А. Н. Мартыновой и З. И. Власовой, хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Целью экспедиции было изучение современного состояния народного творчества, однако основной интерес для ее участников представлял традиционный пласт местного фольклора.

Раздел «Историческая жизнь фольклорных жанров» включает публикацию Н. Г. Комелиной «Запрещенные песни: к истории социологического изучения городского фольклора в 1920-е гг. (Песни в записи Л. В. Домановского из Фольклорного собрания РО ИРЛИ)». В преамбуле и комментариях к публикуемым материалам охарактеризованы социально-исторический и фольклористический контексты бытования и собирания различных жанров городского фольклора.

В раздел «Архивы. Библиография» вошли обзорные публикации трех авторов, которые значительно расширяют источниковедческую базу фольклористических исследований.

А. Н. Розовым подготовлен аннотированный тематико-библиографический указатель «Фольклорно-этнографические материалы на страницах журнала „Калужские епархиальные ведомости“ (1862—1917)».

А. И. Васкул представила указатель «Фольклорно-этнографические материалы на страницах газеты „Новгородские губернские ведомости“ (1838—1917)».

Сообщение Е. И. Камшиловой «Белгородский архив И. Я. Лесенчук в Фонограммархиве ИРЛИ РАН» содержит описание архива Инессы Яковлевны Лесенчук, возглавлявшей экспедиции в Белгородскую область. Ранее материалы этой коллекции не публиковались; исследований в связи с ней не проводилось.

РАЗДЕЛ I. ФОЛЬКЛОРИСТИКА: ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ. СТАТЬИ

В. И. ЕРЕМИНА

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ В ТРУДАХ В. М. ЖИРМУНСКОГО

Виктор Максимович Жирмунский — яркий представитель старой петербургской филологической школы. В начале XX в. в Петербургском университете еще сильны были традиции школы А. Н. Веселовского в литературоведении и И. А. Бодуэна де Куртенэ в языкознании.¹ Творческий путь В. М. Жирмунского отражает влияние и развитие идей, связанных с обеими этими школами. Диапазон его исследовательских интересов необычайно широк: история и теория русской и западноевропейских литератур, поэтика фольклора и литературы, народное эпосоведение, теория стиха, сравнительное и общее языкознание, диалектология. Сочинения В. М. Жирмунского связаны между собой не только именем их автора, но и внутренним единством, на первый взгляд, быть может, и не всегда отчетливо различимым. «Философия здесь сливается с историей литературного процесса, теория и история фольклора помогает изучению разнообразнейших форм личного творчества, языкознание способствует выработке литературоведческой методологии, поэтика и стиховедение

¹ Ссылки В. М. Жирмунского на труды И. А. Бодуэна де Куртенэ как первооткрывателя целого ряда внутренних законов развития языка достаточно широко встречаются в его трудах. См., например: *Жирмунский В. М. Внутренние законы развития языка и проблема грамматической аналогии // Труды Института языкознания АН СССР. 1954. Т. 4. С. 89; Жирмунский В. М. Задачи поэтики // Жизнь искусства. М., 1919. № 313—317. С. 37 и др.*

ние позволяют глубже проникнуть в произведение словесного искусства как явление идеологии, воплощенной в художественной форме».²

В. М. Жирмунский родился 2 августа 1891 г. в Петербурге в семье врача. Среднее образование получил в Тенишевском училище, где особое внимание было обращено на изучение иностранных языков. Хорошее знание западноевропейских языков открыло ему доступ на романо-германское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета, куда он поступил в 1908 г. Непосредственным учителем Жирмунского был один из ближайших учеников А. Н. Веселовского — Ф. А. Браун. В 1912 г. после успешного окончания университета Жирмунский был оставлен при кафедре романо-германской филологии и почти сразу же его командировали в Германию для завершения образования и подготовки к профессорскому званию. В Берлине, Лейпциге и Мюнхене Жирмунский слушал лекции по литературоведению, философии и языкознанию. Особое значение имели для него лекции крупнейшего представителя младограмматического направления в языкознании Г. Пауля и фонетиста Э. Сиверса, влияние которых проявилось позже — во второй половине 1920-х гг., когда интересы Жирмунского вышли за рамки литературоведения, и он обратился к вопросам языкознания.

Первая научная публикация В. М. Жирмунского — «Современная литература о немецком романтизме»³ появилась в апреле 1913 г., а по возвращении из-за границы в 1914 г. он опубликовал книгу «Немецкий романтизм и современная мистика».⁴ Проблемам немецкого романтизма посвящена и вторая книга Жирмунского «Религиозное отречение в истории романтизма. Материалы для характеристики Клеменса Брентано и гейдельбергских романтиков»,⁵ где по-прежнему история немецкого романтизма начала XX в. рассматривалась на фоне и в связи с истоками современной русской поэзии. «Романтизм перестает быть только литературным фактом, — писал Жирмунский в 1914 г., — он становится прежде всего новой формой чувствования, новым способом переживания жизни».⁶ В основе новой эстетики и ху-

² Левин Ю., Эткинд Е. Виктор Максимович Жирмунский — теоретик и историк литературы // Русская литература. 1966. № 4. С. 240.

³ Жирмунский В. М. Современная литература о немецком романтизме // Русская мысль. 1913. № 14.

⁴ Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1914.

⁵ Жирмунский В. М. Религиозное отречение в истории романтизма. Материалы для характеристики Клеменса Брентано и гейдельбергских романтиков. М., 1919.

⁶ Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. С. 13.

дожественных форм оказываются теперь историко-философские проблемы и особый «психологический фон» эпохи.

В предисловии к изданным им позднее статьям 1916—1926 гг. Жирмунский отметил: «...мы учились пониманию теоретических проблем поэтики и особенностей искусства времен отдаленных на живом материале современной поэзии, непосредственно доступном нашему художественному восприятию».⁷

В начале XX в. интересы Жирмунского были полностью связаны с философско-историческими и литературоведческими проблемами. Современные литературные течения начала века оказались в центре внимания начинающего исследователя. «Зимы 1915/16 и 1916/17 годов, — писал он, — были для меня, как и для многих других представителей молодой истории литературы того времени, периодом методологического кризиса и напряженных методологических исканий. В эти годы умственное направление нашего поколения характеризует прежде всего недовольство беспринципным эклектизмом и общим упадком старой университетской „истории литературы“, повышенный интерес к вопросам принципиальным и методологическим, особое внимание к новым проблемам литературной формы, т. е. к изучению поэзии как искусства <...> Изучение поэтики исторической и теоретической было уже раньше выдвинуто в русской науке трудами А. Н. Веселовского и А. А. Потебни. Но живые импульсы для методологических исканий в области вопросов литературной формы фактически были восприняты нами от теоретиков символизма, заставивших по-новому заинтересоваться и академической традицией изучения поэтики <...> Для меня вопросы словесного стиля встали с особой отчетливостью под влиянием кризиса символизма и резкого перелома поэтических вкусов, связанного с выступлением нового поколения поэтов „акмеистов“».⁸

В 1916 г. из печати выходит статья В. М. Жирмунского «Преодолевшие символизм»⁹ о поэзии «акмеизма» — новом направлении в русской поэзии. В статье анализируется творчество молодых поэтов «Гиперборея» — А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама, М. Кузьмина и др., у которых «вместо сложной, хаотической уединенной личности — разнообразие внешнего мира, вместо эмоционального, музыкального лиризма — четкость и графичность в сочетании слов, а главное, взамен мистического прозрения в тайну жизни — простой и точный

⁷ Жирмунский В. М. Вопросы теории литературы: Статьи 1916—1926 гг. Л., 1928. С. 9—10.

⁸ Там же. С. 7—10.

⁹ Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм // Русская мысль. 1916. Кн. 12.

психологический эмпиризм».¹⁰ Высоко оценивая новую поэзию, Жирмунский тем не менее отметил, что «формальное совершенство» и «художественное равновесие» в стихах поэтов «Гиперборея» «достигается рядом существенных уступок и добровольным ограничением задач искусства. Не победой формы над хаосом, а сознательным изгнанием хаоса».¹¹

Успешно развивается в эти годы и профессиональная карьера Жирмунского. В 1917 г. он был избран профессором и заведующим кафедрой романо-германской филологии в Саратове. Он читает курс лекций по сравнительной фольклористике, где сопоставлялись славянский, германский и романский эпосы. Первая печатная работа Жирмунского по фольклору «Английская народная баллада» появилась чуть ранее — в 1916 г. в журнале «Северные записки».¹² Здесь *впервые* был сформулирован Жирмунским принцип историко-типологического изучения фольклора, который впоследствии станет вершиной его филологической деятельности.

С 1919 по 1950 г. Жирмунский возглавляет кафедру западноевропейских литератур в Ленинградском государственном университете. С 1920 по 1930 г. он заведует кафедрой западноевропейских языков в Педагогическом институте им. А. И. Герцена и одновременно стоит во главе Отдела словесных искусств в Институте истории искусств.

В 1919 г. В. М. Жирмунский публикует свою программную статью «Задачи поэтики»,¹³ которая представляет собой как бы методологическую преамбулу к его трилогии по теории стиха и ряду других работ по поэтике.

Статья открывается определением понятия «поэтика»: «Поэтика есть наука, изучающая поэзию как искусство. Если принять это словоупотребление, освященное давностью, можно смело утверждать, что за последние годы наука о литературе развивается под знаком поэтики. Не эволюция философского мировоззрения или „чувства жизни“ по памятникам литературы, не историческое развитие и изменение общественной психологии в ее взаимодействии с индивидуальной психологией поэта-творца составляет в настоящее время предмет наиболее оживленного научного интереса, а изучение поэтического искусства, поэтика историческая и теоретическая. Тем самым история поэзии становится в один ряд с другими науками об искусстве, совпадая с ними в своем методе и отличаясь лишь особыми свойствами

¹⁰ Там же. С. 31.

¹¹ Там же. С. 54—55.

¹² Жирмунский В. М. Английская народная баллада // Северные записки. Пг., 1916. Октябрь. С. 91—94.

¹³ Жирмунский В. М. Задачи поэтики // Жизнь искусства. 1919. № 313—317.

подлежащего ее ведению материала. Рядом с историей изобразительных искусств, историей музыки и театра она занимает место как наука о поэтическом искусстве».¹⁴

В настоящей статье Жирмунский *впервые* делает разграничение понятия «поэтика» на поэтику «*историческую*», разработанную академиком Веселовским, «который оставил незаконченным грандиозный замысел истории литературы, построенной по поэтическим жанрам»,¹⁵ и поэтику «*теоретическую*», основы которой были заложены А. А. Потебней в его книге «Из записок по теории словесности» (Харьков, 1905). Метод Потебни, сближающий поэтику и лингвистику, представлялся Жирмунскому весьма плодотворным.

Вопросы методологии истории литературы, поднятые в трудах В. Брюсова, А. Белого (Символизм. М., 1910), в «Лекциях по методике истории русской литературы» В. Н. Перетца (Пг., 1914), в трудах «Общества изучения поэтического языка» (ОПОЯЗ), становятся предметом особого интереса, научного изучения и ожесточенных споров. В. М. Жирмунский в статье «Задачи поэтики» четко определяет свою позицию. «Рассматривая памятники литературы как произведение художественное, — пишет он, — мы будем каждый элемент художественного целого расценивать с точки зрения его поэтической действительности: в пределах поэтики как науки о поэтическом искусстве не может быть двойственности между выражаемым и выражением, между фактами эстетическими и внеэстетическими. Это не значит, конечно, что к литературному памятнику нельзя подойти с другой точки зрения, кроме эстетической: вопрос об искусстве как о социальном факте или как о продукте душевной деятельности художника, изучение произведения искусства как явления религиозного, морального, познавательного остаются как возможности; задача методологии — указать пути осуществления и необходимые пределы применения подобных приемов изучения. Но бессознательное смешение переживаний поэта и идей его современников как содержания литературного произведения с приемами искусства как формой не должно иметь места в научной работе по вопросам поэтики».¹⁶

Задачей искусства, по мнению Жирмунского, должно быть изучение «художественных приемов данного произведения, поэта или целой эпохи в историческом плане или в порядке сравнительном и систематическом».¹⁷ Отвергая теорию наглядности

¹⁴ Жирмунский В. М. Задачи поэтики // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 15.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 17—18.

¹⁷ Там же. С. 18.

(отождествление образности и поэтичности), а также кантовскую эстетическую систему «целесообразности без цели» и прочее, Жирмунский формулирует задачу: при построении поэтики «исходить из материала вполне бесспорного и, независимо от вопроса о сущности художественного переживания, изучать структуру эстетического объекта, в данном случае — произведения художественного слова».¹⁸ И далее: «Объяснить художественное значение этих поэтических приемов, их взаимную связь и характерную эстетическую функцию составляет задачу теоретической поэтики. В свою очередь поэтика историческая должна установить их происхождение в поэтическом стиле эпохи, их отношение к предшествующим и последующим моментам в развитии поэзии».¹⁹

Занимаясь общей, или «теоретической», поэтикой исследователь стоит перед необходимостью систематического изучения поэтических приемов, их сравнительного описания и классификации. Теоретическая поэтика должна опираться на конкретный исторический материал, то есть ту систему научных понятий, в которых нуждается историк поэтического искусства при решении встающих перед ним индивидуальных проблем. «Поскольку материалом поэзии является слово, в основу систематического построения поэтики должна быть положена классификация фактов языка, которую даст нам лингвистика. Каждый из этих фактов, подчиненный художественному заданию, становится тем самым поэтическим приемом».²⁰ Таким образом, каждой главе науки о языке должна соответствовать особая глава теоретической поэтики. В. М. Жирмунский не предлагает исчерпывающей научной классификации, поскольку в самой лингвистике до сих пор продолжают споры о возможных группировках лингвистических дисциплин: «при настоящем состоянии науки достаточно перечислить важнейшие проблемы, сюда относящиеся, примыкающие к привычным категориям проблем языковых».²¹

Прежде всего звуки языка — это не пустые места в художественном произведении, не беспорядочные шумы, сопровождающие течение поэтических образов, а существенные средства художественной выразительности. «Звуки поэтического языка упорядочены и организованы; особый выбор звуков и особое их расположение отличают поэтическую речь от прозаической. Фонетике как отделу лингвистики соответствует поэтическая фонетика, или эвфония, как отдел поэтики».²²

¹⁸ Там же. С. 23.

¹⁹ Там же. С. 27.

²⁰ Там же. С. 28.

²¹ Там же.

²² Там же.

Отдел лингвистики, изучающий значения слов (семантика или семасиология) должен, по мнению Жирмунского, составить особый отдел поэтики, где рассматриваются проблемы значения слова в поэтической речи, так же как и синтаксис в лингвистике должен соответствовать поэтическому синтаксису, изучающему приемы художественного использования синтаксических форм. И последнее: «язык данной эпохи представляет для говорящего как бы ряд исторических напластований, имеющих для поэта разную ценность и обладающих разной художественной действенностью. Слова устарелые (архаизмы), новообразования (неологизмы), иностранные заимствования (варваризмы), влияние местных говоров (провинциализмы), различие между языком простонародным и литературным, разговорным и условно-возвышенным существенны для поэта и могут быть использованы как художественный прием. В большинстве случаев нам приходится при этом иметь дело с вопросами исторической лексикологии; разумеется, однако, в распоряжении поэта могут быть и фонетические дублеты, и различные конкурирующие формы словообразования и словоизменения, и синтаксические обороты, характерные для того или иного слоя языка».²³

Из всего сказанного В. М. Жирмунский делает вывод о том, что все перечисленные отделы поэтики составляют вместе учение о поэтическом языке в узком смысле слова. Традиционное словоупотребление обозначает это учение названием стилистики. Таким образом, «стилистика есть как бы поэтическая лингвистика: она рассматривает факты общей лингвистики в специальном художественном применении. Но содержание поэтики стилистикой не исчерпывается».²⁴ Жирмунский наметил еще два самостоятельных отдела поэтики: тематика и композиция. Эта двойственность уже может быть отмечена в области стилистики, то есть в учении о поэтическом языке. «Основа тематического элемента поэзии — в словесных темах, т. е. в поэтической семантике (символике). Композиционное задание художника, звуковое и смысловое, находит выражение в метрическом и синтаксическом построении словесного материала. Но существуют такие элементы поэтического произведения, которые, осуществляясь в материале слова, не могут быть исчерпаны словесно-стилистическим анализом».²⁵ С вопросом о композиции непосредственно связано и учение о поэтических жанрах, каждый из которых (элегия, ода, новелла, роман, лирическая или героическая эпопея и пр.) имеет свое особое композиционное задание. Так, внешним критерием более или менее глубокой обработки художественного

²³ Там же. С. 30.

²⁴ Там же. С. 30—31.

²⁵ Там же. С. 31.

материала и тем самым «сравнительной зависимости или свободы художественного замысла от его осуществления в словесной стихии служит обычно присутствие метрической композиции (стиха), т. е. упорядочение словесного материала со стороны его звуковой формы: лирическое стихотворение в своем словесном составе, в выборе и соединении слов, — как со смысловой, так и со звуковой стороны, — насквозь подчинено заданию эстетическому».²⁶

Изучение отдельных поэтических приемов не исчерпывает задач поэтики. Необходимо не только систематизировать поэтические приемы («морфологии»), но также «указать их важнейшие стилевые функции в *типологически* наиболее существенных группах поэтических произведений».²⁷ Единство (системность) стиля данного поэта Жирмунский определяет как «взаимную обусловленность всех приемов, входящих в стилевую систему. В художественном произведении мы имеем не простое сосуществование обособленных и самоценных приемов: один прием требует другого приема, ему соответствующего. Все они определяются единством художественного задания данного произведения и в этом задании получают свое место и свое оправдание».²⁸

Жирмунский строит понятие стиля, исходя из художественного единства поэтического произведения. Наличие эстетического единства для целой эпохи или литературной школы объясняет, по его мнению, факт одновременного и независимого друг от друга появления поэтических произведений, «сходных по своим приемам и в одинаковом направлении преодолевающих господствующую литературную традицию».²⁹ Более того, духовная культура той или иной значительной исторической эпохи, ее философские идеи, ее нравственные и правовые убеждения и навыки и т. д. «образуют в данную эпоху *такое же единство*, как и ее художественный стиль. Изменение жизни в этих параллельных рядах различных культурных ценностей происходит одновременно».³⁰

Таким образом, в начале XX в., когда «формальная школа» в литературоведении, объединенная в ОПОЯЗе была на пике своей славы, методологическая позиция В. М. Жирмунского, как мы видим, была совершенно особой. «Мои занятия формальными проблемами, — писал он, — начались уже в 1916 г., независимо от выступлений „Опояза“, и, в значительной степени, исходили из других предпосылок. К доктрине этого кружка <...> я не

²⁶ Там же. С. 33.

²⁷ Там же. С. 37.

²⁸ Там же. С. 34.

²⁹ Там же. С. 37.

³⁰ Там же.

мог, по всему складу своего художественно-исторического мировоззрения, не относиться критически <...> Для меня поэтическое произведение являлось единством взаимно обусловленных элементов <...> Основания для системы эстетических фактов я искал в единстве „сверхэстетическом“ и поэтому склонен был связывать эволюцию поэтических приемов и стилей с общим развитием культуры в особенности с изменением „чувства жизни“, „психологического фона“ эпохи, которым обусловлено также изменение художественных вкусов...»³¹

Высоко оценивая интерес своих современников к художественной форме,³² Жирмунский утверждал, что идеи ОПОЯЗа оказали живое и глубокое воздействие на изучение теории и истории литературы.³³ Жирмунский стоял на позициях куда более близких Оскару Вальцелю. Он приветствовал «философский метод» последнего, благодаря которому вопросы мировоззрения ставились в тесной связи с вопросами искусства.³⁴

Творческие расхождения Жирмунского с теоретиками ОПОЯЗа со всей очевидностью проявились в его полемической статье «К вопросу о „формальном методе“». ³⁵ Мировоззрение опоязовцев определялось Жирмунским следующим образом: «Все в искусстве есть *только* художественный прием, в искусстве на самом деле нет ничего, кроме совокупности приемов. В наивном виде это учение приписывает самому поэту исключительно художественные задания <...> Мнение, что в искусстве нет ничего, кроме искусства, как наследие отшумевшей эпохи эстетизма, нуждается в серьезном пересмотре». ³⁶ Подходы к изучению художественного произведения должны быть разными. Произведения словесного искусства могут рассматриваться и как «социальный фактор», и как «продукт душевной деятельности», и как «эстетическая система» и пр. Задача методологии и заключается, по Жирмунскому, в том, чтобы разграничить законные области этих возможных подходов к литературному произведению. ³⁷ Выбирая один из таких подходов, не следует отрицать законность других.

³¹ Жирмунский В. М. К вопросу о «формальном методе»: Предисловие к русскому переводу книги О. Вальцеля «Проблема формы в поэзии» // Вальцель О. Проблема формы в поэзии. Пг., 1923. С. 9.

³² Под руководством Жирмунского в 1927—1929 гг. выходили сборники Государственного института искусств «Поэтика».

³³ Жирмунский В. М. Вопросы теории литературы. С. 15.

³⁴ См., например, предисловие В. М. Жирмунского к книге: Вальцель О. Импрессионизм и экспрессионизм в современной Германии (1890—1920). Пт., 1922. С. 5.

³⁵ Жирмунский В. М. К вопросу о «формальном методе». С. 10.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 9—10.

Теоретические расхождения с «формальной школой» не мешали Жирмунскому издать в рамках этого объединения трилогию: «Композиция лирических стихотворений» (1921), «Рифма, ее история и теория» (1923) и «Введение в метрику. Теория стиха» (1925), которая, как предполагал автор, должна была стать «вводной частью о стихе и охватить область метрики в широком смысле слова».³⁸ П. Н. Берков писал по этому поводу следующее: «Опираясь на огромный фактический материал русской поэзии и фольклора (преимущественно былин) и поэзии немецкой, английской, французской, итальянской, отчасти и испанской, В. М. Жирмунский классифицировал, привел в систему и обобщил данные по определенным разделам теоретической поэтики, явившись в решении ряда проблем формального изучения поэзии пролагателем новых путей. Однако самый характер поставленных вопросов и примененные для их решения приемы с неизбежностью влекли за собой отказ исследователя от многих его положений, перечисленных выше. Так, например, вопросы содержания поэтических произведений, хотя бы в форме «тематик», о которых В. М. Жирмунский бегло говорит в самом начале „Композиции лирических стихотворений“, совершенно выпали из поля его зрения и в этой и в дальнейших его работах. В „трилогии“ по теории стиха В. М. Жирмунский при всех частных своих несогласиях с рядом участников „Опояза“ был в наибольшей степени близок к „формальной школе“. Особенно чувствуется это в „Композиции лирических стихотворений“, которая имеет чисто эмпирический, описательный характер. Во второй и третьей частях своей „трилогии“ В. М. Жирмунский стремился преодолеть эту описательность и старался „повсюду, по мере возможности... представить... материал в сравнительно-историческом освещении“.³⁹ В этих работах, по словам Ю. Левина и Е. Эткинда, в упомянутой выше статье, — виден широкий исследовательский кругозор автора, который постоянно учитывает «целостность, системность произведений словесного искусства». Книга о композиции лирических стихотворений связана с книгой о рифме: рифма рассматривается прежде всего как «прием метрической композиции», а в «узком смысле слова метрические элементы образуют как бы композиционный остов поэтической речи». «Таким образом, — продолжают авторы статьи, — синтаксический строй стихотворения, его метрический остов, характер

³⁸ Жирмунский В. М. Рифма, ее история и теория. Пг., 1923. С. 4. Во «Введении в метрику» (Л., 1925. С. 5) Жирмунский писал: «По-прежнему, в основу своего построения я кладу явления истории русского стиха, но, по-возможности, окружаю их... сравнительно-историческим материалом».

³⁹ Берков П. Н. В. М. Жирмунский как литературовед // Русская литература. 1961. № 3. С. 235.

его рифм — все это связывается в единую проблему *композиции*, к которой относятся также вопросы инструментовки и мелодики». ⁴⁰ Иными словами, все частные факты литературной формы представляют собой систему, где все элементы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Потому-то свои стиховедческие работы Жирмунский строил на сопоставлении разных национальных систем, стремясь учесть их взаимозависимость. Путь к построению теоретической поэтики, считал Жирмунский, лежит «через сравнительно-историческое изучение явлений поэтического стиля». ⁴¹

К проблемам сравнительно-исторического изучения литературных явлений В. М. Жирмунский шел постепенно. Так, оценивая новую поэтическую школу начала XX века, Жирмунский стремился обнаружить в теории акмеизма определенные закономерности, которые привели к ее возникновению. Он дает символизму и поэзии акмеизма «типологическую характеристику, видя в первом продолжение музыкальной лирики романтиков, а во второй параллель к „четкому и сознательному искусству“». ⁴²

Это типологическое различие легло в основу его книги «Валерий Брюсов и наследие Пушкина», где дана «характеристика классического и романтического стилей: первому свойственны „вещественно-логический принцип словосочетания.., стремление слова стать точным понятием, метонимические обобщения и перифраза, обилие сентенций в эпиграмматически законченной форме, заостренных в форме логической антитезы, распределенной в ритмически параллельных стихах, связанных между собою парной рифмой“; а второму — „преобладание стихии эмоциональной и напевной, желание воздействовать на слушателя скорее звуком, чем смыслом слов, вызвать «настроения», т. е. смутные, точнее неопределимые, лирические переживания в эмоционально взволнованной душе воспринимающего“». ⁴³

Метод историко-типологических аналогий, который способствовал раскрытию исторически обусловленной закономерности процессов литературного развития, впервые был сформирован Жирмунским в 1920 г. в статье «О поэзии классической и романтической», опубликованной в газете «Жизнь искусства» (1920), а затем в «Вопросах теории литературы» (С. 175—181). ⁴⁴

⁴⁰ Левин Ю., Эткинд Е. Виктор Максимович Жирмунский. С. 244.

⁴¹ Жирмунский В. М. Рифма, ее история и теория. С. 5.

⁴² Левин Ю., Эткинд Е. Виктор Максимович Жирмунский. С. 241.

⁴³ Жирмунский В. М. Валерий Брюсов и наследие Пушкина: Опыт сравнительно-стилистического исследования. Пб., 1922. С. 86—87. Ориентация на современную поэзию проявилась в книге: Поэзия Александра Блока. Пг., 1922.

⁴⁴ Цитируется по книге: Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. С. 134—137.

В данной статье автор противопоставляет два типа поэтического творчества: искусство классическое и романтическое. «Как всякое историческое явление, — пишет Жирмунский, — романтизм и классицизм такого-то века представляют из себя живой индивидуальный факт, объединенный единством жизненного импульса; основы его лежат в области сверхэстетической и проявляются одновременно в различных сферах духовной культуры».⁴⁵ Однако Жирмунского интересовало не историческое явление в его индивидуальном богатстве и своеобразии, а «некоторый вневременной тип поэтического творчества». Для автора статьи французский классицизм XVII и XVIII вв. и романтизм начала XIX в. являются «лишь частными, исторически обусловленными примерами этого *типологического* противоположения».⁴⁶

В работе Жирмунского начала 1920-х гг. «Жизнь и творчество Байрона»⁴⁷ формирование мировоззрения поэта показано на фоне европейского романтизма Новалиса и Уланда, Ламартина и Мицкевича, Мюссе, Шелли, Гоголя, Вл. Соловьева, и др. Поиски своего метода отмечают и следующую книгу Жирмунского, создававшуюся в течение 1919—1923 гг. — «Байрон и Пушкин».⁴⁸ Противопоставляя свои принципы исследования художественного произведения как *целостной системы* формалистическому и отвлеченно-социологическому методам, Жирмунский писал: «Формальный анализ художественного произведения, ограничивающий себя исключительно вопросами композиции и словесного стиля, всегда будет казаться формалистическим и внешним по отношению к смысловой значительности, т. е. содержанию. Художественно-исторический метод в том случае докажет свою применимость не только к чистой лирике, но также к тематическим жанрам (как поэма, роман, драма), если он сумеет подойти к самому содержанию с художественной точки зрения, рассматривая его как поэтическую тему».⁴⁹ Здесь же сформировано Жирмунским и свое понимание предмета литературоведения и методов его изучения: «Всякое художественное произведение имеет для меня как бы особого рода идеальное бытие, вполне самостоятельное и независимое от субъективных процессов в сознании творящего и воспринимающего. Именно это особое бытие художественного произведения и является объективным предметом научного анализа, в котором мы сами так же авторитетны,

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ *Жирмунский В. М.* Жизнь и творчество Байрона // Джордон Гордон Байрон. Драмы. Пг.; М., 1922.

⁴⁸ *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин: Из истории романтической поэмы. Л., 1924.

⁴⁹ Там же. С. 7.

как современники поэта, если будем стараться изучать предмет, стоящий перед нами, — произведение искусства, а не свои собственные душевные переживания по поводу этого предмета».⁵⁰

Связь Пушкина с западноевропейской литературой позднее была еще раз рассмотрена им в статье «Пушкин и западные литературы»,⁵¹ где проблема взаимовлияний была сформулирована следующим образом: «...соприкосновения Пушкина с литературами Запада не имели характера внешних и механических влияний со стороны. Они были подсказаны Пушкину русским литературным развитием, в котором он участвовал, и русской общественной действительностью, которую он изображал».⁵²

Методология сравнительно-исторического изучения литературных явлений разрабатывалась Жирмунским в традиции Веселовского. При определении художественного воздействия иноземного поэта, которое проявляется в жанре, тематике, сюжете и композиционном построении, стиле и манере повествования», Пушкин «творчески переосмыслил импульсы, полученные от поэзии Байрона, создавая традицию русской романтической поэмы, он «преодолел воздействие английского поэта на путях к реализму».⁵³

В книге «Байрон и Пушкин» Жирмунский сконцентрировал свою позицию: «Я считал бы методологически более правильным занимать позицию т. н. „наивного реализма“, чем вдаваться в крайности того *наивного психологизма и субъективизма*, который сохранился до сих пор в науке о литературе, как своеобразный пережиток философского безвременья нашего недавнего прошлого».⁵⁴

Принципы художественно-исторического метода получили дальнейшее развитие в капитальном труде Жирмунского «Гете в русской литературе».⁵⁵ В этой книге он, опираясь на труды И.-Г. Гердера и А. Н. Веселовского, дает теоретическую программу изучения литературных влияний: «...всякий факт литературного взаимодействия есть факт *идеологический* и, следовательно, *социально значимый*. Специфические литературные взаимодействия в области формирования и развития жанров и стилей, в сюжете, образности и языке, наконец, и частичные *заимствования* в деталях, свидетельствующие об усвоении определенных тенденций литературного мастерства, должны быть также раскрыты

⁵⁰ Там же. С. 8.

⁵¹ Жирмунский В. М. Пушкин и западные литературы // Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. Т. 3.

⁵² Там же. С. 103.

⁵³ Левин Ю., Эткин Д. Е. Виктор Максимович Жирмунский. С. 244.

⁵⁴ Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. С. 8.

⁵⁵ Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1937.

в своей идеологической значимости и направленности как выражение мировоззрения и — тем самым — в своих социально-исторических предпосылках».⁵⁶

Своеобразным итогом раздумий Жирмунского на тему особого восприятия иностранного поэта в чужой национальной среде может, очевидно, рассматриваться его статья 1936 г. — «Жизнь и творчество Гете».⁵⁷

Таким образом, от статьи к статье, от книги к книге В. М. Жирмунский поднимался по ступеням научного обобщения, круги которого все более расширялись, захватывая разнообразные явления общественно-идеологической и специфически-художественной жизни. «С этим связано своеобразие лучших исследований В. М. Жирмунского: в его трудах вступает в органическое соединение определение общих закономерностей с наблюдениями, казалось бы, сугубо частного свойства; на страницах одной и той же статьи или книги мы найдем не только общую характеристику мировоззрения автора или направления в целом, но и тщательнейший анализ — „на ядерном уровне“ — эпитетов, метафор, сравнений, ритмической системы стихов, свойственных данному автору синтаксических конструкций или стилистически выразительных морфологических форм, соотношения гласных и согласных звуков».⁵⁸

В дальнейшем разработка теории сравнительно-исторического изучения литератур была продолжена В. М. Жирмунским в трудах «Байрон и современность»,⁵⁹ «Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения»,⁶⁰ «История западноевропейской литературы. Раннее средневековье и Возрождение»,⁶¹ «Легенда о докторе Фаусте».⁶²

⁵⁶ Жирмунский В. М. Жизнь и творчество Гердера // Гердер И.-Г. Избранные сочинения / Под ред. В. М. Жирмунского, Н. А. Сигал. М.; Л., 1959. Статья о Гердере была написана Жирмунским в конце 1930-х гг., практически одновременно с изданием им двухтомного собрания сочинений А. Н. Веселовского (1939, 1940).

⁵⁷ Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. С. 13.

⁵⁸ Гухман М. М., Мелетинский Е. М., Эткинд Е. Г., Ярцева В. Н. Виктор Максимович Жирмунский (1891—1971) // Philologica : Исследования по языку и литературе. Л., 1973. С. 5.

⁵⁹ Жирмунский В. М. Байрон и современность. Л., 1941.

⁶⁰ Жирмунский В. М. Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения // Труды юбилейной научной сессии [ЛГУ]. Секция филологических наук. Л., 1946.

⁶¹ Жирмунский В. М. История западноевропейской литературы. Раннее средневековье и Возрождение. Л., 1947.

⁶² Легенда о докторе Фаусте / Изд. подгот. В. М. Жирмунским. М.; Л., 1958. (Серия «Литературные памятники»).

Одновременно с проблемами сравнительного литературоведения В. М. Жирмунский занимался сравнительно-историческим языкознанием и фольклором.

Знакомство с трудами Т. Фрингса по методике лингвистической географии и с новейшими работами В. Вреде, одного из создателей немецкой школы диалектологии,⁶³ способствовало развитию интереса Жирмунского в этой области знаний. С середины 1920-х гг. языкознание оказывается для Жирмунского второй, очень важной темой его исследований. И в результате В. М. Жирмунский становится основателем изучения проблем лингвистической географии в нашей стране. Также как А. А. Потебня и А. А. Шахматов, В. М. Жирмунский стремился изучать внутриязыковые механизмы на основе изучения живых диалектов в их взаимосвязи с фольклором и этнографией.

В период с 1926 по 1931 г. В. М. Жирмунский обследует немецкие поселения Украины, Крыма и Закавказья. Собранный Жирмунским громадный песенный материал, который составил более 5000 текстов и нотных записей,⁶⁴ позволил ему впоследствии прийти к новым интересным общетеоретическим выводам по историко-лингвистическим проблемам. Значительное число текстов песен и баллад, записанных Жирмунским, впоследствии вошло в знаменитое собрание немецких песен Джона Мейера,⁶⁵ создавшего во Фрайбурге центральный Архив песни. На собранном фольклорном материале немецких переселенцев Жирмунский опубликовал целый ряд работ.⁶⁶

⁶³ Необходимо отметить, что общетеоретические выводы этих выдающихся лингвистов не были опровергнуты в дальнейшем В. М. Жирмунским. Однако конкретизирующие положения его теории имели принципиальное значение. В частности, им были показаны основы воздействия социально-исторических факторов на общий строй языка.

⁶⁴ Рукописный отдел Института русской литературы РАН, кол. акад. В. М. Жирмунского № 104 (Немцы-колонисты. 1926—1930 г.) (49 папок включают 9597 документов и 10325 листов. Из них 4000 текстов немецких песен, 1000 мелодий); Фонограммархив ИРЛИ: 321 восковая пластинка. См.: *Светозарова Н. Д.* Инопоэтические коллекции Института русской литературы // Из истории русской фольклористики. СПб., 2007. Вып. 7. С. 493—500.

⁶⁵ Переписка Жирмунского с Дж. Мейером прервалась перед самой Великой Отечественной войной. См.: *Чистов К. В.* В. М. Жирмунский и Дж. Мейер : Эпизод из истории фольклористики // Звезда. 2002. № 6. С. 212—213.

⁶⁶ Важнейшие из них: *Schirmunski V.* 1) Die deutschen Kolonien in der Ukraine : Geschichte. Mundarten. Volkslied. Volkskunde. Charkow, 1928; 2) Volkslieder aus der bayrischen Kolonie Jamburg am Dniepr. Wien, 1931; *Жирмунский В. М.* Методика социальной географии // Язык и литература. 1932. Вып. 8. С. 83—119.

В конце XVIII в. в Россию переселились немецкие крестьяне. Их диалектная речь, вкрапленная в виде небольших островков в огромные массивы русской, а в ряде мест также украинской, татарской, грузинской и т. п. речи, стала развиваться по особым законам так называемых «островных диалектов». С первых шагов исследования этих говоров стало очевидным, что «их изучение представляет для лингвистики большой интерес не только с фактической стороны — как описание говоров, до сих пор почти не исследованных, но также с точки зрения принципиальной, методологической: изолированные среди иноязычного населения немецкие колонии являются как бы экспериментальной лингвистической лабораторией, в которой, на протяжении сравнительно короткого промежутка времени в 100—150 лет, в обстановке удобной для наблюдения, совершались языковые процессы, обычно развертывающиеся на протяжении целых столетий».⁶⁷

В. М. Жирмунский поставил перед собой сложнейшую задачу: путем сравнения развития этих говоров в условиях их изоляции от родной среды и данных, известных по описанию диалектов из лингвистической литературы и Немецкому диалектологическому атласу, реконструировать историю этих говоров и соответственно выявить основные закономерности их исторического развития. «В условиях „островного“ развития имели место процессы смешения говоров из различных районов Германии, нивелирование речи поселенцев в границах новых районов, образование смешанных говоров, непосредственно не совпадающих ни с одним из первоначальных диалектов, явившихся исходным пунктом для процессов смешения. В. М. Жирмунский пришел к убеждению, что изучение этих процессов может быть плодотворным только на основе теоретических принципов лингвистической географии, или, как он выражался, „диалектографии“, немецкой и французской. Один из пионеров лингвогеографического изучения диалектов в нашей стране, В. М. Жирмунский посвящает теперь ряд исследований выяснению методологической важности новых диалектологических методов».⁶⁸ В результате Жирмунскому удалось опровергнуть устойчивое в немецкой диалектографии положение о *замкнутости* диалектных систем.

⁶⁷ Академик В. А. Жирмунский как языковед // Вопросы языкознания. 1971. № 4. С. 4—5 (статья без автора). См. также: Жирмунский В. М. Проблемы колониальной диалектологии // Язык и литература. Л., 1929. Вып. 3.

⁶⁸ Академик В. М. Жирмунский как языковед. С. 5. См. также работы В. М. Жирмунского: 1) Проблемы немецкой диалектографии в связи с историческим краеведением // Этнография. 1927. Кн. 3; 2) О некоторых проблемах лингвистической географии // Вопросы языкознания. 1954. № 4; 3) Предисловие к сборнику: Немецкая диалектография. М., 1955.

Им были обнаружены переходные зоны (или «зоны вибраций») между диалектами. В условиях языкового смешения и взаимодействия диалектов В. М. Жирмунский выявил реальные процессы языковых механизмов. «По отношению к отдаленным историческим эпохам, — писал он, — ввиду отсутствия непосредственных свидетельств, возможны лишь гипотетические реконструкции. Даже для говоров восточной Германии, возникших в результате колонизации земель, первоначально населенных славянами, процессы смешения до сих пор остаются невыясненными <...> Напротив, в современных колониях процесс смешения доступен непосредственному наблюдению в благоприятных условиях лингвистического опыта».⁶⁹

Изучение «островной» диалектологии дало возможность Жирмунскому сделать существенные выводы общетеоретического значения. При сравнении фонетического строя диалекта с фонетическим строем литературного языка, Жирмунский обнаружил разные (первичные и вторичные) признаки отклонения диалектной речи от литературного языка. «Первичные» признаки находятся в противоречии с литературной нормой языка, «вторичные» — представляют собой отклонения не столь явно выраженные, которые не осознаются самими носителями диалектной речи. «Только по признакам второго рода можно определить диалектную принадлежность того или иного субстрата, а потому если речь идет о реконструкции старых говоров, то опираться можно только на вторичные признаки».⁷⁰

В 1930-е гг. общие проблемы исторической диалектологии становятся приоритетными среди научных разысканий В. М. Жирмунского. Итоговым трудом по диалектологии явился его капитальный труд «Немецкая диалектология».⁷¹ Книга, опубликованная в Германии в 1962 г., ценна не только тем, что в ней определены внутренние механизмы развития диалектов, но и тем, что в ней показаны общие *типологические* черты в развитии немецких диалектов.⁷²

Книга «История немецкого языка»,⁷³ задуманная как учебное пособие, осветившее те изменения, которые происходят в соотношении литературного языка и живых диалектов, подвела опре-

⁶⁹ Жирмунский В. М. Проблемы колониальной диалектологии. С. 182.

⁷⁰ См. работы В. М. Жирмунского: 1) Проблемы колониальной диалектологии; 2) Sprachgeschichte und Siedlungsmundarten // Germ.-rom. Monatsschrift. 1930. Jg. XVIII. Hf. 3—4, 5—6; 3) Die deutschen Kolonien in der Ukraine. М., 1928.

⁷¹ Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.; Л., 1956.

⁷² Deutsche Mundartkunde : Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten. Berlin, 1962.

⁷³ Жирмунский В. М. История немецкого языка. М., 1948.

деленный итог лингвистическим исследованиям Жирмунского, прояснила все его основные методологические принципы.

В 1940-е гг. В. М. Жирмунский занимается вопросами сравнительной грамматики в связи с вопросами генезиса языка⁷⁴ и другими важнейшими теоретическими вопросами общего языкознания.

Работы Жирмунского по сравнительному языкознанию ценны прежде всего тем, что вскрывая взаимосвязь языковых явлений, раскрывая внутренние законы развития языка, он использовал исторический метод.⁷⁵ Рассматривая структуру конкретных языков, Жирмунский пришел к выводу, что «те явления, которые при описании грамматического строя языка в синхронии могут выглядеть как исключения, с точки зрения исторической раскрываются как пережитки предшествующих стадий языкового развития или как зарождение новых закономерностей, еще не получивших полного развития и общего значения».⁷⁶ Динамический подход к изучению структуры языка следует считать важным новым фактором для сравнительно-исторического изучения языков. Историческая диалектология, которой Жирмунский занимался, начиная с 1920-х гг. и далее в течение всей жизни, представляла собой основу сравнительно-исторического исследования, а методика лингвистической географии требовала прежде всего «постановки вопроса о конкретных связях языка с породившей его социальной действительностью, с его реальными историческими носителями».⁷⁷ При этом задачей сравнительно-исторического исследования родственных языков он считал не реконструкцию «архетипов» или «системы архетипов», то есть гипотетической модели «праязыка», что является задачей хоть и важной, но все же вспомогательной. Важнейшая цель подобного рода исследований, по мнению автора, заключается «в раскрытии внутренних закономерностей (тенденций) развития, проявляющихся в исторически обусловленных сходствах и различиях между этими

⁷⁴ См., например: *Жирмунский В. М.* 1) Происхождение категорий прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении // *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка.* 1946. № 3; 2) *Сравнительная грамматика германских языков: В 5 т. М., 1962—1966.* Т. 1—4. В этом коллективном труде В. М. Жирмунскому принадлежат разделы: «Племенные диалекты древних германцев» (т. 1) и «Категория имени прилагательного в древних германских языках» (т. 4).

⁷⁵ *Жирмунский В. М.* О синхронии и диахронии в языкознании // *Вопросы языкознания.* 1958. № 5. С. 43.

⁷⁶ *Гухман М. М., Мелетинский Е. М.* и др. Виктор Максимович Жирмунский. С. 23. См.: *Жирмунский В. М.* Развитие строя немецкого языка // *Известия АН СССР. Отделение общественных наук.* 1935. № 4. С. 345.

⁷⁷ *Жирмунский В. М.* Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.; Л., 1964. С. 7.

языками».⁷⁸ Именно поэтому сравнительно-историческая грамматика столь тесно связана со сравнительно-типологическими исследованиями.

Сравнительно-типологический подход объединял труды В. М. Жирмунского по литературоведению, языкознанию и фольклористике. Вершиной теоретической разработки этого метода стали его труды по фольклору. Следуя за Веселовским, Жирмунский считал, что сходство далеких между собой фольклорных явлений, не связанных генетической общностью, могло быть объяснено близкими условиями общественного развития в момент их возникновения.

В плане постановки вопросов фольклорной типологии В. М. Жирмунский в 1935 г. опубликовал статью о странствующих сюжетах немецких и французских песен-баллад.⁷⁹ Их сюжетное сходство объяснялось им историческими условиями: тесным общением этих народов в прибрежных областях. В эти годы Жирмунскому была близка и стадийная концепция Н. Я. Марра, объясняющая возможность фольклорных аналогий не только общностью происхождения или заимствования, но и «сходством языка и мышления на одинаковых стадиях социально-исторического развития».⁸⁰

Проблема изучения народного эпического творчества стала *центром* исследовательских интересов Жирмунского достаточно поздно — лишь в 40-е г. XX в. Эпос понимался Жирмунским «как живое прошлое народа в масштабах героической идеализации. Отсюда его научная, историческая ценность и в то же время его большое общественное, культурно-воспитательное значение для нашего времени».⁸¹ Эпос должен изучаться прежде всего на той национально-исторической почве, где он сложился. Его идейно-художественное содержание «объясняется кон-

⁷⁸ Жирмунский В. М. Общие тенденции фонетического развития германских языков // Вопросы языкознания. 1965. № 1. С. 3.

⁷⁹ Жирмунский В. М. К вопросу о странствующих сюжетах: Литературные отношения Франции и Германии в области песенного фольклора // Известия АН СССР. Отдел общественных наук. 1935. № 9.

⁸⁰ Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение и проблемы литературных влияний // Известия АН СССР. 1936. № 3. С. 383.

См. также: Жирмунский В. М. Сравнительная грамматика и новое учение о языке // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1940. № 3. Согласно формулировке Жирмунского «сравнительная грамматика генетически должна опираться на сравнительную грамматику *типологическую*» (Там же. С. 59). См. также: Шишмарев В. Ф. Н. Я. Марр и А. Н. Веселовский // Язык и мышление. М.; Л., 1937. Т. 8.

⁸¹ Жирмунский В. М. Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии // Вопросы изучения эпоса народов СССР. М., 1958. С. 24.

кретными условиями многовекового исторического развития народа, его создателя и носителя, особенностями общественных отношений и исторически сложившегося национального характера, народного быта, традиций и верований».⁸² В статье 1936 г. «Сравнительное литературоведение и проблема литературных влияний» были намечены важнейшие моменты изучения героического эпоса разных народов мира: героический эпос, возникающий на высшей ступени варварства и в эпоху зарождения феодализма, — «германский дружинный эпос, русские былины, сербские исторические песни, тюркский и монгольский эпос и т. д. — обнаруживает при сравнении черты существенного сходства. Героизация образа дружинного вождя и его соратников в духе идеалов воинской аристократии, круг эпических сюжетов, стилизующих боевые подвиги дружинников, традиционные особенности эпического стиля с его типическими формулами, повторениями, идеализирующими эпитетами, моменты жанровой эволюции (циклизация сюжетов, распространение краткой героической песни в эпическую поэму) — все эти признаки героического эпоса, как и многие другие, возникают в одинаковых условиях общественного развития».⁸³

В годы Великой Отечественной войны В. М. Жирмунский оказался в эвакуации в Ташкенте, где он начал изучать живые эпические традиции народов Средней Азии. Он активно сотрудничает с местными фольклористами, изучает узбекский язык, и постепенно тюркология становится для него еще одной специальностью. В 1947 г. выходит из печати новая книга Жирмунского, написанная совместно с узбекским фольклористом Х. Т. Зарифовым, «Узбекский народный героический эпос».⁸⁴ В этом обширном труде нашел свое отражение весь репертуар узбекского эпоса: богатырский эпос «Алпамыш», воинская повесть «Юсуф и Ахмед», дастаны исторического и романтического содержания, цикл «Гороглы» и др. Установленная последовательность, по словам А. В. Десницкой, не была произвольной, она отражала открытую В. М. Жирмунским историческую перспективу развития эпических форм. В этой перспективе изучение эпического творчества узбекских сказителей представлялось ему особенно поучительным, так как оно сохранило в живой народной

⁸² Там же. С. 36.

⁸³ Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение и проблемы литературной формы. С. 380.

⁸⁴ Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т. Узбекский народный героический эпос. М., 1947. Историко-типологическая теория эпоса нашла свое отражение в «Избранных трудах» В. М. Жирмунского: «Тюркский героический эпос» (М., 1974) и «Сравнительное литературоведение. Восток и Запад» (М., 1979).

традиции⁸⁵ ряд последовательных стадий эпического развития: «от патриархального богатырского эпоса степных кочевников, своими глубочайшими корнями соприкасающегося с эпосом гомеровским („Алпамыш“), — до народного романа, теснейшим образом связанного с поэтической культурой развитого феодального общества недавнего прошлого».⁸⁶

Сюжеты узбекского эпоса сопоставлялись Жирмунским с эпическим творчеством других тюркоязычных народов. Эти сопоставления, проведенные на широком общественно-историческом и культурном фоне, дали возможность Жирмунскому проследить эволюцию: от героического эпоса к романтическому. Так, например, рассматривая сравнительно поздний цикл «Гороглы», в котором объединены и эпические и романтические темы, Жирмунский обратился «к историческим истокам сюжета, первоначально возникшего в азербайджанской среде. В этой связи отмечается, что азербайджанский „Кёр-оглы“ многими своими чертами напоминает аналогичное по содержанию английское народное предание, сохраненное в цикле народных эпических баллад XV—XVI вв. о благородном разбойнике Робине Гуде <...> Более поздний этап развития этого сказания может быть отмечен в узбекских поэмах, «представляющих Гороглы как эпического богатыря, а также как мудрого государя, идеального правителя и грозного защитника своей страны, что отразило процесс дальнейшей эпической идеализации народного героя».⁸⁷ На примере героя киргизского эпоса Манаса Жирмунский показал ряд исторических трансформаций: от сказочного богатыря до грозного завоевателя, а сопоставительный анализ вариантов сказания об Алпамыше показал пути изменения самого сказания от богатырской сказки до героической эпопеи.

Исследование международного сюжета о возвращении мужа в день свадьбы жены показало поразительную близость вариантов в узбекском эпосе «Алпамыш» и в «Одиссее» Гомера. По сравнению со средневековым, феодальным вариантом сказания, как оно сложилось на Западе, «мы находим в „Алпамыше“, как и в „Одиссее“, живое и непосредственное отражение гораздо более ранней ступени развития человеческого общества, еще близ-

⁸⁵ Десницкая А. В. Об историко-типологической теории эпоса // Вестник АН СССР. 1981. № 9. С. 116.

⁸⁶ Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т. Узбекский народный героический эпос. С. 5.

⁸⁷ Десницкая А. В. Об историко-типологической теории эпоса. С. 116. В труд Жирмунского «Тюркский героический эпос» вошли также его исследования: «Манас» (1948, 1961), «Сказание об Алпамыше и богатырская сказка» (1960), «Огузский героический эпос и „Книга Коркута“» (1962), «Сказание об Идиге» (1973) и др.

кого патриархально-родовому строю на высшем этапе его развития, когда сложилась наиболее древняя форма этого сказания». ⁸⁸ Помимо историко-типологического сходства данных вариантов, В. М. Жирмунский делает и весьма рискованное предложение о наличии древних исторических связей. Близость «Одиссеи» и «Алпамыша» (особенно кунгратской редакции) «настолько значительна, что вряд ли мы можем говорить о случайном совпадении мотивов: „Алпамыш“ и „Одиссея“ восходят, по-видимому, к общему „восточному“ варианту древнего сказочного сюжета. Свидетельство „Одиссеи“ позволяет отнести существование этой восточной версии сказания о возвращении мужа по крайней мере уже к VII в. до н. э.». ⁸⁹

И несмотря на то что пути распространения «Алпамыша» в древнюю историческую эпоху Передней и Средней Азии все еще остаются *неясными*, Жирмунский полагает между тем, что «в свете других аналогичных фактов сходство „Одиссеи“ и „Алпамыша“ позволяет поставить вопрос о древнейших связях между античной и среднеазиатской культурой».

В связи с этим для Жирмунского неизбежно возникает вопрос о *мере отражения* в эпосе достаточно правдивой исторической действительности, «несмотря на эпическую идеализацию». ⁹⁰

Чем архаичнее эпос, считал Жирмунский, тем он менее «документален»: сказания о ногайских богатырях или старофранцузская «Песнь о Роланде» с этой точки зрения гораздо более историчны, чем «Манас». ⁹¹ Именно казахский богатырский эпос, отмечает Жирмунский, «может служить весьма показательным примером отношения эпоса к истории. Большинство казахских богатырских песен по своим источникам восходит к историческим преданиям времен Ногайской орды, которая в XV—XVI веках объединила тюркские кочевые племена, входившие ранее в состав Ногайской Орды, на широком протяжении от Крыма и причерноморских степей до Сибири и Казахстана». ⁹²

Специально вопрос об отношении эпоса и истории был поставлен Жирмунским в работах «Эпические сказания о нагайских богатырях в свете исторических источников» и «Сказание об Идиге». «Мера и характер идиализации исторической действительности в народном сознании, превращения исторического

⁸⁸ Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. С. 316. См. также его работу: Эпическое сказание об Алпамыше и «Одиссея» Гомера // Известия АН СССР. 1957. Т. 16. Вып. 2. С. 97—113.

⁸⁹ Там же. С. 333.

⁹⁰ Там же. С. 334.

⁹¹ Там же. С. 114.

⁹² Там же.

предания в художественный фольклор могут быть весьма различны и определяются конкретными национальными условиями сложения эпоса».⁹³

В 1950—1960-е гг., продолжая работать над проблемами тюркского эпоса (в основном над вопросами художественной формы),⁹⁴ Жирмунский изучает и эпические традиции европейских народов. Он отмечает в связи с этим важный методологический принцип: «Эпос живой, еще поющий и даже развивающийся в устной народной традиции... может служить ключом к пониманию эпоса античного и западноевропейского, дошедшего до нас только в классических письменных памятниках, в большей или меньшей степени литературно обработанных».⁹⁵ Этим объясняется особое внимание исследователя к богатейшему эпосу народов Средней Азии; изучение его, по словам В. М. Жирмунского, «стало в настоящее время важнейшим ключом для исследования общей исторической проблемы становления и развития героического эпоса».⁹⁶

В работе о «Калевале» вновь встал вопрос о богатырской сказке как типологически наиболее ранней форме народного эпоса.⁹⁷ В это же время Жирмунский обращается к немецкому эпосу. С большой вступительной статьей В. М. Жирмунского выходит перевод книги А. Хойслера «Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах» (1960).⁹⁸

Однако поворотным моментом в изучении героического эпоса явился его доклад «Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса», прочитанный им на IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г.⁹⁹

⁹³ Жирмунский В. М. Народный героический эпос. М.; Л., 1962. С. 221.

⁹⁴ Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. С. 393.

См., например, работы В. М. Жирмунского: 1) Ритмико-синтаксический параллелизм как основа тюркского народного эпического стиха // Вопросы языкознания. 1964. № 4; 2) О некоторых проблемах тюркского народного стиха // Вопросы языкознания. 1968. № 2; 3) Орхонские надписи — стихи или проза? // Народы Азии и Африки. 1968. № 2.

⁹⁵ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958. С. 3.

⁹⁶ Жирмунский В. М. Эпическое сказание об Алпамыше и «Одиссея» Гомера. С. 98.

⁹⁷ Жирмунский В. М. «Калевала» и финская буржуазная фольклористика // Труды юбилейной научной сессии, посвященной 100-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 1950. С. 80—98.

⁹⁸ Жирмунский В. М. Германский героический эпос в трудах Андреаса Хойслера // Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Л., 1979. С. 281—313.

⁹⁹ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958. В немецком переводе: Schirmunski V. Vergleichende Epenforschung. Berlin, 1961.

Разрабатывая историко-типологический подход в рассмотрении эпического творчества, В. М. Жирмунский в своих рассуждениях исходил из известного положения А. Н. Веселовского о том, что *живой*, еще поющийся эпос, является ключом к пониманию как народного эпоса, так и эпоса, дошедшего до нас в письменных памятниках (поэмы Гомера, «Нибелунги» и пр.).¹⁰⁰

В 1920—1950-е гг. русский героический эпос еще активно бытовал. Это подтверждали организованные Российским институтом истории искусств экспедиции 1926—1929 гг. в Зонежье, экспедиции на Пинегу, Мезень и Печору, экспедиция братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых по следам П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга 1926—1928 гг., Вологодская экспедиция 1937 г. и др. Сербский эпос в его живом бытовании активно записывался М. Пэрри и А. Лордом.¹⁰¹

Сравнительное изучение эпосов разных народов в 30—40-е гг. XIX в. было предпринято в работах ряда зарубежных ученых. В. М. Жирмунский ссылается на труды Х. М. Чадвика, С. М. Боуры, Т. Фрингса,¹⁰² в которых были использованы материалы русского, южнославянского, германского и восточных эпосов. Подробное рассмотрение видимых международных параллелей привело Жирмунского к уточнению известного положения А. Н. Веселовского о международном характере народного эпоса.¹⁰³ Международный характер, подчеркивает В. М. Жирмунский, имеют прежде всего сюжеты сказок, о чем свидетельствуют Указатели сказочных сюжетов, хотя и это положение нуждается в дополнительном историческом объяснении. Международный характер в типологическом, но не генетическом плане, имеют и многие эпические темы, мотивы и сюжеты. Однако вопрос об их заимствовании из письменной и устной литературы в области героического эпоса должен ставиться гораздо осторожнее, чем в других областях народного творче-

¹⁰⁰ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1940. С. 622.

¹⁰¹ Serbocroatian Heroic Songs / Collected by M. Parry; Ed. by A. Lord. Belgrad; Cambridge, 1953—1954. Vol. 1—2. Публикации из собрания Пэрри были продолжены в серии «Publication of Milman Parry Collection»: 1974 (vol. 4), 1979 (vol. 14), 1980 (vol. 6) и т. д. См. также: Lord A. B. The Singer of Tales. Cambridge, 1960.

¹⁰² Chadwick H. M., Chadwick N. K. The Growth of Literature. Cambridge, 1932—1940. Vol. 1—3 (о русском и сербском эпосе см. т. 2); Frings Th., Braun M. Brautwerbung. Leipzig, 1947. Т. 1; Frings Th. 1) Europäische Heldendichtung // «Neophilologus». 1949. Т. 24. S. 1—29; 2) Die Entstehung der deutschen Spielmannsepen. Leipzig, 1951 (Sächsische Akademie der Wissenschaften); Bowra C. M. Heroic Poetry. London, 1952.

¹⁰³ «Народный эпос всякого исторического народа по необходимости — международный» (Веселовский А. Н. Южнорусские былины // Сборник Отд-ния рус. яз. и словесности АН. СПб., 1881. Т. 22. № 2. С. 401).

ства.¹⁰⁴ Героический эпос, в отличие от сказки, не мигрирует, а потому для его весьма редкого заимствования нужны были в каждом отдельно взятом случае *особые* социально-исторические условия. Наличие международных типологических взаимосвязей, обусловленных близостью их общественного и культурного развития, не снимает, по мнению В. М. Жирмунского, вопроса о возможности культурных и литературных взаимодействий между ними: «...напротив именно сходство общественной ситуации является предпосылкой подобных взаимодействий. Однако в старых работах по сравнительному изучению эпоса масштабы таких взаимодействий необычайно преувеличивались: всякие типологические параллели, реальные или мнимые, рассматривались как заимствования. В результате подобных исследований складывалось убеждение, что эпос данного народа не столько отражает героические воспоминания его национального прошлого, сколько пересказывает своими словами литературные сюжеты, занесенные из-за рубежа».¹⁰⁵

В своих обобщениях А. Н. Веселовский опирался в значительной степени на данные из истории эпосов славянских, французских, итальянских и германских народов. Им же были заложены основы французско-итальянской теории. Изучая источники русской повести о Бове Королевиче, А. Н. Веселовский, как указывает В. М. Жирмунский, «восстановил как посредствующее звено между ним и итальянским рыцарским романом „*Vovo d'Antona*“ (восходящим в конечном счете к французской эпопее „*Vueve d'Hanstone*“) утраченный сербский перевод этого итальянского романа».¹⁰⁶ В работе «Хорватские песни о Радославе Павловиче и итальянские поэты о гневном Радо» и в более позднем труде «Из истории романа и повести»¹⁰⁷ А. Н. Веселовский показал ряд весьма вероятных случаев проникновения французско-итальянских романов каролингского цикла в Дубровник, где часть рукописей находилась во владении местного женского монастыря. Ученый видел перспективность изучения славянско-итальянских литературных отношений, поскольку, по его мнению, славянские музыканты и скоморохи проникали в Италию в XIV и XV вв., так же как и жонглеры XIII—XIV вв. «могли заходить на рубежи итальянско-славянского мира и заносить туда рассказы

¹⁰⁴ См. об этом: Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958. С. 113 и др.

¹⁰⁵ Там же. С. 90.

¹⁰⁶ Там же. С. 91—92.

¹⁰⁷ *Веселовский А. Н.* 1) Хорватские песни о Радославе Павловиче и итальянские поэмы о гневном Радо // Журнал Мин. нар. просв. 1879. № 1. С. 88—112; 2) Из истории романа и повести. Вып. 2 // Сборник Отд-ния рус. яз. и словесности АН. СПб., 1888. Т. 44. № 3. С. 246.

о Карловингах и рыцарях Круглого стола, издавна популярные в Италии».¹⁰⁸

В. М. Жирмунский утверждал, что аккуратные и ненавязчивые славяно-романские сближения, сделанные А. Н. Веселовским, в дальнейшем были во многом вульгаризированы его последователями. Так, например, М. Е. Халанский, показав многочисленные соответствия южнославянского эпоса со старофранцузским, германским и античным, сделал смелые предположения об их генетических связях.¹⁰⁹ Доказать это практически невозможно, так как указанные схождения в лучшем случае могут быть рассмотрены только на уровне типологии. Несостоятельной, по мнению Жирмунского, оказалась и попытка Н. Банашевича объяснить развитие песен из цикла Марка Кралевича заимствованиями из франко-итальянской рыцарской литературы.¹¹⁰ Эпос, по убеждению В. М. Жирмунского, создается в живой традиции устного народного песнетворчества, а не в кабинете за письменным столом. «Он вдохновляется памятью народа о своем прошлом, а не чужеземными литературными образцами. Поэтому, несмотря на наличие в нем книжных и заносных элементов, он никогда не определяется и не исчерпывается этими элементами».¹¹¹ В. М. Жирмунский не отрицал возможности единичных случаев влияния французско-итальянского эпоса на южнославянский, поскольку этому, по-видимому, содействовало культурное общение на территории Дубровника и Далматинского побережья. Однако подобные влияния, скорее всего, должны быть рассмотрены в области сюжетов новеллистического, а не героического характера. В любом случае эти воздействия могли иметь лишь периферийный характер, не затрагивающий существа процесса образования южнославянского эпоса.

Столь же широко, как французско-итальянские влияния на славянский героический эпос, М. Е. Халанский рассматривал

¹⁰⁸ *Веселовский А. Н.* Хорватские песни о Радославе Павловиче... С. 107—108.

¹⁰⁹ *Халанский М. Е.* 1) Южнославянские сказания о Кралевиче Марке, в связи с произведениями русского былевого эпоса: Сравнительные наблюдения в области героического эпоса южных славян и русского народа. Варшава, 1893—1894; 2) К вопросу об отражениях сказания о Бове в сербском эпосе // Русский филологический вестник. Варшава, 1889. Т. 21. С. 260—282; 3) К вопросу о заимствованиях в южнославянском эпосе // Русский филологический вестник. Варшава, 1884. Т. 11. С. 99—113, 233—243.

¹¹⁰ *Банашевич Н.* 1) Циклус Марка Краљевића и одједи француско-талијанске витешке књижевности. Скопље. 1935. С. 79—83; 2) *Le cycle de Kosovo et les chansons de geste* // *Revue des études slaves*. 1926. Vol. 6. S. 224—242.

¹¹¹ *Жирмунский В. М.* Эпическое творчество славянских народов... С. 101.

и его зависимость от германских источников. Так, например, он проводит прямую гипотетическую параллель между Дунаем-сватом в былинне «Женитьба князя Владимира» и сватом Аттилы в «Песне о Нибелунгах» и в «Саге о Тидреке»,¹¹² а русского Илью Муромца отождествляет с героем германского эпоса — Детлейфом (Дитлейбом) и т. п. В целом работы М. Е. Халанского, Н. Банашевича и др. по вопросам германистики, как отмечает В. М. Жирмунский, «пестрят филологическими недоразумениями и ошибками, которые вообще характерны для компаративистов, когда они не являются специалистами по привлекаемым для сравнения иностранным литературам».¹¹³ Широко использованная для сопоставления в работах разных ученых «Песня о Нибелунгах», по всей вероятности, не имеет ни прямого, ни косвенного отношения к славянскому эпосу, так же как русские былины об исследовании Ильи не являлись источником для немецкого эпоса XII—XIII вв.

Сравнительное изучение русского героического эпоса и южнославянских юнацких песен показало безусловное тематическое сходство между ними. На этом сходстве основан целый ряд древних эпических мотивов и сюжетов, таких как героическое сватовство, змеборство, образ девы-поленицы и др. Однако, подчеркивает В. М. Жирмунский, «историческая связь генетического характера между сюжетами русского и южнославянского эпоса, там, где она существует, не носит характера *непосредственного взаимодействия*, заимствования с той или с другой стороны: она возникает в большинстве случаев <...> в более поздний период, в результате распространения международных сюжетов песенного, новеллистического, сказочного («балладного») характера».¹¹⁴

У разных народов мира основы героического эпоса относятся к разным историческим периодам. Корни эпоса германских народов В. М. Жирмунский возводит ко времени племенного существования этих древних народов, то есть к эпохе «„великого переселения народов“, предшествующей сложению политически и культурно обособленных германских народностей феодальной эпохи. Готы пели об Эрманарике и Теодорике-Дитрихе, бургунды — о гибели Гунтера и его царства, франки — о Зигфриде. Племена эти были связаны между собой языком и этнической культурой, сталкивались и смешивались и в процессе формиро-

¹¹² См. также: Соколов Б. М. Эпические сказания о женитьбе князя Владимира: Германско-русские отношения в области эпоса // Учен. зап. Саратовского ун-та. 1923. Т. 1. Вып. 3. С. 69—122.

¹¹³ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов... С. 102.

¹¹⁴ Там же. С. 141.

вания народностей передавали друг другу свои песни».¹¹⁵ В более позднее время «на заре феодальной эпохи (VI—IX вв.) близость языка и этнической культуры сделали возможным проникновение севернонемецких эпических песен из цикла Нибелунгов к скандинавским народам, в Норвегию и оттуда в Исландию, и отражение их в эпических сказаниях исландской „Эдды“ (песни IX—XII вв., рукопись XIII в.) о Гьукунгах и Нифлунгах, т. е. о франкском по своему происхождению Зигфриде (Сигурде), гуннском короле Аттиле (Атли) и бургундском Гунтере (Гуннаре) и его братьях (исторических Гибихунгах)».¹¹⁶ Все эти рассуждения приводят В. М. Жирмунского к мысли, что древнегерманский эпос был не столько «международным» в обычном понимании этого слова, сколько межплеменным, и это общение не имело характера заимствования мотивов и сюжетов. Шел переход *готовых песен*, которые трансформировались, творчески перерабатывались и в процессе этого песенного обмена «становились основой для новых, самобытных национальных версий данного сказания».¹¹⁷ В качестве наглядного примера ученый приводит разнообразные исландские версии песен о Нибелунгах.

«Подобный обмен готовыми песнями, — указывает В. М. Жирмунский, был возможен только там, где родственные языки были взаимно понятны, как диалекты одного языка, и песня захожего певца не требовала перевода. Существование двуязычных певцов в узбекско-таджикских районах южного Узбекистана и Таджикистана дало начало появлению самостоятельной таджикской версии популярных в Узбекистане эпических сказаний о народном герое Гёроглы (Кёроглы)».¹¹⁸

Южнославянский эпос точно так же может быть лишь условно назван «международным». Он международный только в том смысле, что в его образовании были задействованы родственные по происхождению, языку и культуре народы Болгарии и Македонии, Сербии и Хорватии, Боснии и Герцеговины. Сейчас уже невозможно определить конкретный вклад каждого из этих народов в разработку образов эпических героев и четко обозначить их национальное происхождение. Наиболее важным общественно-историческим фактором, «объединившим южнославянские народы со второй половины XIV в., т. е. с того времени, когда начинает слагаться южнославянский эпос, была турецкая неволя и многовековая совместная борьба за освобождение от

¹¹⁵ Там же. С. 114.

¹¹⁶ Там же. С. 115.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же. См. подробнее: *Жирмунский В. М.* Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии // Эпос народов СССР. М., 1956. Вып. 1. С. 42—46.

этой неволи — фактор, определивший участие большинства южнославянских народов в создании народного героического эпоса, в котором тема эта является центральной». ¹¹⁹

Приблизительно в XII—XIII вв., то есть достаточно поздно, началось взаимодействие между народами, которые говорили на романских языках. Именно в это время впервые было замечено проникновение старофранцузского эпоса в Италию и Испанию. Это взаимовлияние тоже было связано с близостью и понятностью языков и наречий и тесным культурным общением между народами этих стран. Французский эпос, распространяемый национальными жонглерами, вскоре, однако, был вытеснен собственно испанским эпосом («Песнь о Сиде» и др.). ¹²⁰ Как подчеркивает В. М. Жирмунский, в Италии французско-итальянский эпос на темы *chansons de geste*, «исполнявшийся в городах северной Италии сперва французскими бродячими жонглерами, потом (с XIII в.) итальянскими народными певцами (так называемыми *santastorii*) на смешанном французско-итальянском литературном диалекте, в дальнейшем, в особенности в больших прозаических компиляциях типа „I Reali di Francia“, все более превращается из героического эпоса в авантюрно-фантастический рыцарский роман, тем самым теряя свой первоначальный историко-героический и национальный характер, столь существенный для старого французского эпоса типа „Песни о Роланде“ или „Песни о Вилламе“. Именно это обстоятельство и способствовало интернациональному хождению его сюжетов в их новых редакциях, соответствовавших космополитизму рыцарской культуры средневековья». ¹²¹ Однако интернациональные черты средневекового рыцарского романа, как справедливо утверждал В. М. Жирмунский, — явление качественно совершенно иное, чем «международный» характер народного героического эпоса, о котором говорил А. Н. Веселовский. Таким образом, взаимосвязи в области эпоса в каждом конкретном случае в значительной степени индивидуальны, и они должны получать самостоятельное объяснение, несмотря на то что близость языков и культуры по-прежнему должны как обязательное условие присутствовать в любом из этих случаев. В статье «К вопросу о странствующих сюжетах» ¹²² В. М. Жирмунский утверждал, что

¹¹⁹ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов... С. 117.

¹²⁰ Смирнов А. А. Испанский народный эпос и поэма о Сиде // Культура Испании. М., 1940. С. 130—133.

¹²¹ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов... С. 116

¹²² Жирмунский В. М. К вопросу о странствующих сюжетах: Литературные отношения Франции и Германии в области песенного фольклора // Известия Отд-ния обществ. наук АН СССР. 1935. № 9. С. 775—811.

языковых и культурных связей для песенного взаимодействия между немцами и французами и для взаимопроникновения эпических песен, оказалось недостаточно. Немцы не знали эпических песен о Роланде, французы — песен о Зигфриде. И это тем более удивительно, что «Песнь о Роланде» «была переведена на немецкий язык „попом Конрадом“ из Регенсбурга еще в середине XII в.; перевод сохранился во многих рукописях и несколько раз перерабатывался в течение XII—XIV вв.; переводилась и поэма „Алисканс“ из цикла Гильома Оранжевого, притом таким выдающимся поэтом, как Вольфрам фон Эшенбах («Willehalm», 1210—1220). Однако это не сделало ни Роланда, ни Вивьена и Гильома героями немецкого народного эпоса».¹²³ Примеры эти очень показательны и далеко не единичны.

Исходя из всего сказанного, становится совершенно очевидно, что вопрос о происхождении героического эпоса нуждался в серьезном и решительном пересмотре. Сравнение, т. е. установление сходства или различия между историческими явлениями, неоднозначно, оно «может преследовать *разные*, хотя и взаимосвязанные задачи, смешение которых приводит к путанице, отражающейся и на методике сравнительно-исторического анализа».¹²⁴

В. М. Жирмунский пришел к убеждению о необходимости различать следующие аспекты сравнительно-исторического исследования:

- 1) *простое сопоставление* литературных явлений;
- 2) сравнение *историко-типологическое*, которое способно в результате близких условий общественного развития объяснить сходство генетически не связанных между собой явлений;
- 3) сравнение *историко-генетическое*, объясняющее явления родственные по происхождению, но разошедшиеся, трансформированные в процессе исторической эволюции;
- 4) и, наконец, сравнение, устанавливающее в результате *культурных взаимодействий* (заимствований) генетические связи между явлениями.

Культурные взаимодействия являются «дополнительным фактором генетического порядка, важное значение которого невозможно оспаривать, поскольку в реальных исторических условиях не существовало общественного и культурного развития».¹²⁵

Новым в этой градации стало положение об *историко-типологическом* типе сопоставлений, главной предпосылкой, базовой

¹²³ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов... С. 118.

¹²⁴ Там же. С. 6.

¹²⁵ Там же. С. 7.

основой которого оказывается «единство и закономерность процесса социально-исторического развития человечества, которым, в свою очередь, обусловлено развитие литературы (или фольклора) как одной из идеологических надстроек».¹²⁶ Определив для себя, *почему* возможны сопоставления историко-типологического типа, необходимо было понять, в *каких пределах* эта теория приложима к конкретному материалу. В. М. Жирмунский критически подошел к пониманию А. Н. Веселовским понятий *мотива* и *сюжета*. Мотив как простейшая повествовательная единица, по А. Н. Веселовскому, мог самозарождаться, а потому для объяснения сходства мотивов нет необходимости искать их генетические корни. Гипотеза заимствования (т. е. определения источника возникновения сходства) не применима в своей основе, когда речь идет об одночленных повествовательных единицах. Другое дело, считал А. Н. Веселовский, — многочисленная комбинация подобных единиц, т. е. сюжет. Чем сложнее сюжет, тем больше шансов, по А. Н. Веселовскому, говорить о заимствовании. Это разделение, «так четко проведенное Веселовским, во многих случаях может служить критерием для исследователя».¹²⁷ Однако здесь необходимы существенные оговорки. В. М. Жирмунский не разделяет точку зрения Веселовского о сюжете как в определенной степени *случайной комбинации* мотивов. Он считает, что «развитие повествовательного сюжета и последовательность в нем мотивов имеют внутреннюю логику, отражающую закономерности и связи объективной действительности и в то же время обусловленную историческими особенностями человеческого сознания, отражающего эту действительность. Поэтому при определенной исходной ситуации дальнейшее движение сюжета в конкретных условиях человеческого общества до известной степени *предопределено* особенностями быта, общественной жизни, психологии и мировоззрения людей».¹²⁸ Более того, область историко-типологических аналогий *не ограничивается* только повествовательными сюжетами и мотивами, но она охватывает *все* стороны идеологии, образности, жанровой композиции и художественного стиля поэтических произведений. Это положение В. М. Жирмунского чрезвычайно важно, потому что дает возможность раздвинуть круг возможных историко-типологических сравнений за пределы единичных мотивов.¹²⁹

¹²⁶ Там же. С. 15.

¹²⁷ Там же. С. 23.

¹²⁸ Там же. С. 24.

¹²⁹ Конкретные примеры подобного типа в эпосах Востока и Запада были продемонстрированы В. М. Жирмунским в работе: *Жирмунский В. М. Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения* // Труды юбилейной научной сессии Ленинград-

Тщательное и многолетнее изучение среднеазиатского фольклора (эпоса, в частности)¹³⁰ привело В. М. Жирмунского к убеждению, что несмотря на то что восточные материалы позволяют подчас вскрыть древнюю тотемическую основу сюжета, окончательно утраченную на европейской почве, возводить эпический сюжет *напрямую*¹³¹ к тотемическим верованиям было бы ошибкой, так как нельзя не учитывать посредника между этнографическим субстратом как источником и его отражениями в мифе и эпосе. Таким посредствующим звеном, по В. М. Жирмунскому, являлась и «богатырская сказка», которая в своей архаической форме сохраняет целый ряд мотивов, известных как в восточном эпосе (тюркском, в частности), так и в эпосе индоевропейских народов. Примером тому может служить известный мотив брачных состязаний, мотив магической неуязвимости героя (Ахилл, Алпамыш, Зигфрид и др.).

Случаи частичной трансформации «богатырской сказки» в героический эпос В. М. Жирмунский видит в сказаниях о Зигфриде («Сага о Тидрике»), герое, выросшем в лесу, вскормленным ланью и совершившем впоследствии удивительные героические подвиги. Сказочный характер богатыря — его чудесное происхождение, магическая неуязвимость, бой со Змеем и пр. — все это, по мнению В. М. Жирмунского, характерные признаки богатырской сказки, «этой типологически наиболее древней ступени развития эпоса, сложившейся в условиях патриархально-родового общества; с развитием феодальных отношений богатырская сказка трансформируется в героический эпос, наполненный новым национально-историческим содержанием».¹³² Подобные трансформации не являются универсальным, строго обязательным путем происхождения эпоса.¹³³ Русские былины, эпос испанский и старофранцузский, южнославянские юнацкие песни «представляют в своей основе создания феодальной эпохи и непосредственно связаны в своей героике с историческими народными судьбами, с борьбой народа за свою независимость против чужеземных захватчиков. В них наличествуют лишь отдельные разрозненные

ского гос. ун-та. 1819—1944. Секция филологических наук. Л., 1946. С. 156—179.

¹³⁰ Жирмунский В. М. Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии // Вопросы изучения эпоса народов СССР. М., 1958. С. 24—65.

¹³¹ Ср. позицию представителей этнографического направления в фольклористике — Дж. Фрэзера, Э. Б. Тэйлора, А. Лэнга и др.

¹³² Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов... С. 68.

¹³³ Закономерность, всеобщность характера происхождения эпоса из сказки отстаивал В. Вундт: *Wundt W. Völkerpsychologie. Leipzig, 1908. Bd. 3. S. 348—515.*

элементы, темы и мотивы древней богатырской сказки, использованные как средство поэтической идеализации, в общих рамках средневекового мировоззрения. Наличие таких элементов еще не дает права на выделение в славянском эпосе древнейшего „мифологического“ слоя или „мифологических“ сюжетов, как это делается, например, в эпосе южнославянском по традиции, восходящей к Вуку Караджичу». ¹³⁴

Не следует искать и прямой зависимости эпоса, русских былин, в частности, от летописных рассказов, хотя бы потому, что былина значительно *древнее*, чем исторические события, отраженные в письменных источниках. В. М. Жирмунский также считал, что не весь состав русского героического эпоса восходит к «богатырской сказке», а потому он рассматривал типологические сходжения в области эпических сюжетов и более *нового* происхождения, возникшие в средние века и характерные для феодальной эпохи. Примером тому могут служить следующие широко известные мотивы: заточение богатыря в темницу и его вынужденное освобождение при приближении врага (рус. «Илья Муромец и Калин-царь»); спасение героя из плена дочерью чужеземного царя (южнослав. «Марко и дочь арапского короля»); убийство героя во время охоты (убийство Зигфрида в «Эдде») и др.

Общий вывод новаторского исследования В. М. Жирмунского по вопросам сравнительного изучения эпоса сводится к следующему: «Сравнительное изучение эпоса может быть плодотворным только в том случае, если четко различать сравнение историко-типологическое от сравнения генетического (заимствования). Типологическое сравнение, недостаточно представленное в предшествующей литературе, имеет чрезвычайно важное значение, так как в повторяющихся явлениях сюжетики и стиля эпоса позволяет раскрыть социально обусловленные закономерности их развития. Разграничение типологических сходжений и заимствований в эпосе имеет исторический характер. Эпос собственно героический, в соответствии со своим местным национальным и историческим содержанием, не легко поддается международным литературным влияниям со стороны. Черты сходства между героическим эпосом разных народов имеют почти всегда типологический характер. В таких случаях сопоставления, рассматривающие всякое сходство или тень сходства как заимствование, легко опровергаются указанием на более широкий типологический характер данной черты». ¹³⁵

Сравнение таким образом становится методическим приемом историко-фольклорного и историко-литературного исследования.

¹³⁴ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов... С. 70—71.

¹³⁵ Там же. С. 144.

В 1930-е гг. В. М. Жирмунский вернулся к на время покинутому им литературоведению. Речь уже шла о книге «Гете в русской литературе», выпущенной отдельным изданием в 1937 г. В 1940-е гг. Жирмунский четко формулирует свой подход по отношению к историко-литературному процессу. В этой области филологии он опирается на выводы Веселовского. Концепция литературного процесса, выработанная Веселовским, позволяла Жирмунскому сопоставлять как равнозначные в социальном отношении, явления одностадиальные: поэзию древних греков, древних германцев и североамериканских индейцев, «Илиаду» и «Калевалу», похоронный обряд англосаксонского «Беовульфа» и абиссинское причитание о «Балае».¹³⁶

Статьи Жирмунского этого времени «Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения» (1946) и «К вопросу о литературных отношениях Востока и Запада» (1947) важны своими исходными методологическими принципами. В 1950-е гг. Жирмунский вновь обращается к немецкой литературе, таковы его труды о Гердере (1959), о докторе Фаусте (1958) и др.

Для литературного процесса Жирмунский выделяет историко-типологические схождения как предпосылки для взаимодействия между литературами. Что касается «частных различий», то они «вызываются местными особенностями исторического процесса и создаваемым этими особенностями национально-историческим своеобразием. Их сравнительное изучение... позволяет установить общие закономерности литературного развития в его общественной обусловленности и в то же время национальную специфику литератур, являющихся предметом сравнения».¹³⁷ В статье 1960 г. «Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур» Жирмунский подвел своеобразный итог своим более ранним работам по данной теме и сформулировал наиболее общие методологические принципы. «Беспринципное эмпирическое сопоставление фактов художественной литературы, больших и малых, вырванных из исторического контекста и из системы мировоззрения и стиля писателя, на основе наличия между ними чисто внешнего сходства, часто случайного, иногда и вовсе мнимого, объяснение, всякого такого сходства механиче-

¹³⁶ См.: *Жирмунский В. М.* 1) А. Н. Веселовский и сравнительное литературоведение // Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Л., 1979. С. 84—136; 2) Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // Там же. С. 66—83 и др.

¹³⁷ *Жирмунский В. М.* Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1960. Т. 19. Вып. 3. С. 178—179. Статья написана на основе доклада, прочитанного в Институте мировой литературы АН СССР 11 января 1960 г.

ски понимаемым влиянием, „толчком“ со стороны, — вызвали вполне обоснованное недоверие к так называемому „сравнительному методу“ в целом.

Справедливо указывали, что подобный метод не учитывает предпосылок изучаемого литературного явления в местном историческом или специально литературном развитии, его связей с общественной действительностью, которую оно отражает, его исторической, национальной и индивидуальной специфики, а также глубокой переработки всякого заимствованного образца на основе этой специфики.

Между тем *сравнение*, т. е. установление сходств и различий между историческими явлениями и историческое их объяснение, представляет <...> обязательный элемент всякого исторического исследования. Сравнение не уничтожает специфики изучаемого явления (индивидуальной, национальной, исторической); напротив, только с помощью сравнения, т. е. установления сходств и различий, можно точно определить, в чем заключается эта специфика». ¹³⁸ Когда мы говорим о смене больших литературных направлений и стилей, то подразумеваем изменение как общественной идеологии, так и средств ее художественного воплощения. «На этой основе возможны более частные схождения идей, образов, сюжетов, литературных жанров, особенностей поэтического стиля, всей системы средств художественного выражения». ¹³⁹ Вопрос о близких путях развития литературы разных народов пересекается с вопросом о международных литературных взаимовлияниях и взаимодействиях. Жирмунскому удалось наметить определенную *последовательность* литературных — и шире — идеологических влияний, «очагами которых по очереди становятся страны, представляющие на данном этапе передовые участки общественного развития. Такое международное влияние имели в XV—XVI вв. итальянское Возрождение, в XVII в. — французский классицизм, в XVIII в. — английское и французское буржуазное Просвещение, в XIX в. — французский и английский критический реализм». ¹⁴⁰ Однако, как предугадал Жирмунский, не следует прямолинейно и односторонне понимать международные литературные влияния только как влияния передовых литературно-общественных идей и течений: «в этом вопросе было бы *неправильно* представлять себе последовательность литературных направлений и стилей как „единый поток“, игнорируя социальные противоречия и борьбу, наличествующие на каждом этапе литературного процесса». ¹⁴¹

¹³⁸ Там же. С. 177.

¹³⁹ Там же. С. 180.

¹⁴⁰ Там же. С. 181.

¹⁴¹ Там же. С. 182.

Учитывая это обстоятельство, Жирмунский предложил говорить о «литературных связях и взаимодействиях» и не настаивать на взаимном характере всех подобного рода связей. Действительно, «если бы влияние классического писателя прошлого было ограничено пределами литературы, имеющей одинаковую с ним социальную базу, влияние Шекспира на романтиков было бы вообще невозможно. Еще меньше можно было бы говорить о жизни Шекспира в веках, т. е. о влиянии его на литературу разных направлений, времен и народов, включая и нашу... драматургию, о судьбе наследия Гете в русской литературе на разных этапах ее исторического развития <...> Между тем, — продолжает Жирмунский, — в богатом и сложном, а иногда исторически противоречивом наследии великих классиков прошлого, писатели, принадлежащие к разным литературным направлениям и различным общественным группам, в разные исторические эпохи могут находить те или иные аспекты и элементы, созвучные их современности и необходимые им при решении тех или иных актуальных творческих задач».¹⁴² И если мера творческого осмысления наследия прошлого не безгранична, потому что «ее пределы заложены в объективных, исторически обусловленных особенностях самого произведения или писателя», то границы эти тем не менее достаточно широки. Иначе писатель не мог бы жить в веках, «вызывая теоретический интерес и творческую симпатию к тем или иным аспектам своего поэтического наследия, самый отбор которых характерен для заимствующей литературы на каждом новом этапе ее развития».¹⁴³

Для правильной постановки вопроса международных взаимодействий Жирмунский предложил учитывать следующие методологические соображения.

Прежде всего необходимо понимать, что это влияние закономерно и социально обусловлено, и оно не может представлять собой «случайный, механический толчок извне» или эмпирический факт индивидуальной биографии писателя. Далее, нужно учитывать, что всякое литературное влияние связано с *социальной трансформацией* заимствуемого образа, под которой Жирмунский понимал творческую переработку этого образа и его «приспособление к тем общественным условиям, которые являются предпосылкой взаимодействия, к особенностям национальной жизни национального характера на данном этапе общественного развития, к национальной литературной традиции, а также к идейному и художественному своеобразию творческой индивидуальности заимствующего писателя».¹⁴⁴ Для всякого

¹⁴² Там же. С. 182.

¹⁴³ Там же. С. 183.

¹⁴⁴ Там же. С. 184.

сравнительно-исторического изучения литературных взаимодействий вопрос «о чертах *различия* и их исторической обусловленности не менее важен, чем вопрос о *сходстве*. Проблема так называемого „байронизма“ молодого Пушкина <...> имеет смысл только как проблема становления и созревания творческого гения Пушкина, его пути к художественному реализму».¹⁴⁵ И наконец, подводит итог Жирмунский, «огромное методическое значение имеет сравнение творчества писателя с литературной традицией, национальной и международной, с влиявшими на него предшественниками и современниками, в целях установления исторически обусловленного сходства и различия между ними. Именно с помощью подобных сопоставлений познается творческая самостоятельность писателя и его место в общем развитии литературы, национальной и мировой».¹⁴⁶

Одна из последних работ В. М. Жирмунского «Средневековые литературы как предмет сравнительного литературоведения»¹⁴⁷ вышла из печати уже после смерти ее автора. Жирмунский расширил здесь предмет сравнительного литературоведения за пределы науки о литературе только нового времени (от Ренессанса до современности). В трудах Жана-Мари Каре, Поля Ван Тигема, Вернера Фридриха и других западноевропейских исследователей¹⁴⁸ средневековая литература не входила в хронологические границы сравнительного литературоведения, что, по мнению Жирмунского, сужает историческую перспективу научных исследований и становится особенно ощутимо по мере приближения к исследованию вопросов всеобщей литературы. Исключение фольклора из области сравнительного литературоведения объяснялось тем, что искусство, как понимал это, например, Ван Тигем, «не имеет отношения к этой анонимной традиции, которая, по своему характеру, остается безличной, в то время как сравнительное литературоведение изучает воздействие и влияние личностей (*l'action et l'influence des personnalités*)».¹⁴⁹ Между тем, считает Жирмунский, если подойти к сравнительному литературоведению с точки зрения «более далеких традиций», то окажется, что именно медиевисты и были основателями этого

¹⁴⁵ Там же. С. 184.

¹⁴⁶ Там же. С. 185.

¹⁴⁷ *Жирмунский В. М.* Средневековые литературы как предмет сравнительного литературоведения // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1971. Т. 30. Вып. 3.

¹⁴⁸ *Guyard M.-F.* La littérature comparée. Paris, 1958; *Jeune S.* Littérature générale et littérature comparée. Paris, 1968; *Tieghem van, P.* Histoire littéraire de l'Europe et de l'Amérique de la Renaissance à nos jours. Paris, 1946; *Friederich W. P.* Outline of Comparative Literature from Dante Alighieri to Eugene O'Neill. Chapel Hill, 1954.

¹⁴⁹ *Tieghem van, P.* Histoire littéraire de l'Europe... S. 1.

направления. Гердер,¹⁵⁰ Г.-М. Поснетт¹⁵¹ включали в свои программы фольклор как важнейшую область сравнительно-исторических исследований, так же как и первый журнал по сравнительному литературоведению, издававшийся Максом Кохом («*Zeitschrift für vergleichende Literaturgeschichte*». 1887—1906). Героический эпос, куртуазная лирика, легенды, сказки, бытовая новеллистика и по своим жанровым особенностям, сюжетам и мотивам, художественному стилю и прочему интернациональны, потому они «не могут рассматриваться в узких границах истории одного языка или народа без учета, с одной стороны, аналогичных путей литературного и общественного развития, с другой стороны — активного взаимодействия между различными его участками в рамках единого процесса социально-исторического развития человечества».¹⁵² Средневековые литературы еще не обладают узкой национальной замкнутостью. В средневековых литературах не приходится говорить «ни о смене литературных направлений, ни о личных влияниях, типическое здесь господствует над индивидуальным, смена литературных течений представлена как последовательность литературных жанров. В рамках господствующих жанров замкнуто индивидуальное творчество; жанр является выражением не индивидуально-своеобразного, а социально-типического мировоззрения и стиля».¹⁵³

Итоговое заключение Жирмунского сводится к тому, что сравнительное изучение средневековой литературы как явления международного диктуется самим объектом изучения, а потому включение средневековой литературы в общие рамки сравнительного изучения мирового литературного процесса совершенно необходимо с учетом присущих этой эпохе социально-исторических особенностей.¹⁵⁴

Последние работы В. М. Жирмунского: вступительная статья к стихотворениям Анны Ахматовой в большой серии «Библиотека поэта», написанная в течение 1969—1970 гг., статья о средневековой литературе как предмете сравнительного литературоведения (1971) и «Заметки к подготовке „Диалектологического Атласа тюркских языков СССР“» (1971) — как бы замкнули круг долгой разнообразной и плодотворной творческой деятельности этого выдающегося ученого.

¹⁵⁰ Жирмунский В. М. Жизнь и творчество Гердера // Гердер И. Г. Избранные сочинения / Под ред. и со вступ. статьей В. М. Жирмунского. М.; Л., 1954. В немецком переводе: *Herder J. G. Hauptlinien seines Schaffens*. Berlin: Aufbau-Verlag, 1963.

¹⁵¹ *Posnett H. M. Comparative Literature*. New York, 1886.

¹⁵² Жирмунский В. М. Средневековые литературы как предмет сравнительного литературоведения. С. 187.

¹⁵³ Там же. С. 188.

¹⁵⁴ Там же. С. 197.

Г. Л. ВЕНЕДИКТОВ

**МОРФОЛОГИЯ РУССКОЙ СКАЗКИ
КАК ОТРАЖЕНИЕ ЗАКОНОВ ОБЩЕСТВА**

Публикация и комментарии М. А. Никифоровой

Г. Л. Венедиктов (1932—2004) — филолог, фольклорист, ученик В. Я. Проппа, поэт, художник-график. При широте научных интересов (филология, этнография, история и история искусства, антропогенез, социальная психология и нейропсихология и пр.) главным своим делом он считал фольклористику, работая и как собиратель, уделявший большое внимание методике собирания, и как исследователь, многие годы сотрудничавший с отделом фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. «Поле» было для него своеобразной лабораторией, в которой ставились новые проблемы, проверялись собственные и чужие выводы. Сказка как базовое явление культуры многие годы привлекала его особое внимание. Ей посвящены как опубликованные,¹ так и неопубликованные работы: в архиве автора хранятся записи сказок, материалы с анализом сюжетов, заме-

¹ *Венедиктов Г. Л.* 1) Опыт фиксации фольклорной прозы как творческого процесса // Русский фольклор. Л., 1985. Т. 23. С. 100—106; 2) Фольклоризация памятников древнерусской литературы в Русском Устье // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 40. С. 400—409; 3) Литература и культура : Сказки Русского Устья // Русская литература. 1985. № 2. С. 128—141; 4) Ритмика фольклорной прозы и ритмика «Слова о полку Игореве» // Там же. 1985. № 3. С. 7—15; 5) Духовная культура народа. Русская сказка // Там же. 1986. № 4. С. 84—98; 6) Фольклор Русского Устья / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габышев и др. Л., 1986. В последнем издании Венедиктову принадлежит часть вступительной статьи о сказке и прозе в целом (с. 13—24), комментарии к сказочным и другим прозаическим текстам (№ 1—93. С. 304—319) и подготовка к печати несказочной прозы.

ток и объемные тексты, посвященные изучению этого жанра, в том числе и четыре варианта статьи по морфологии сказки. Два из них — главы двух версий монографии «Духовная культура народа. Русская сказка», адресованной относительно широкому кругу образованных читателей. Именно потому, что предполагались для разного читателя, два варианта статьи освещали проблему каждый со своей стороны. Предлагаемый вариант выбран не потому, что он самый лучший, а потому, что адресован в первую очередь фольклористам. Это вторая по времени написания работа (1988), небольшая по объему и учитывающая замечания, любезно высказанные Л. И. Емельяновым и Е. А. Костюхиным, которым автор был очень благодарен.

В статье Г. Л. Венедиктов продолжил исследования своего учителя В. Я. Проппа и А. И. Никифорова в области морфологии сказки 1928 г. Е. А. Костюхин небезосновательно полагал, что именно 20-е гг. XX в. были периодом становления отечественного сказковедения.² В связи с тем, что данная работа не готовилась к публикации самим автором, в отличие, например, от статьи о Каратаеве,³ в тексте ее возможны некоторые стилистические погрешности, которые автор данной публикации не сочла возможным изменить. Статья подверглась минимальной редакторской правке и была дополнена необходимым, с точки зрения публикатора, справочным аппаратом: все сюжеты паспортизованы по номерам согласно указателю.⁴ Недостающие примеры конкретных текстов приводятся, как и подобранные автором, в основном из сборника А. Н. Афанасьева;⁵ если у Афанасьева они отсутствуют или менее ярки, то из других сборников.⁶ Для примеров использована малая часть сюжетных типов и конкретных текстов; эти иллюстрации не имеют всеобъемлющего характера и являются просто примерами. Тексты, использованные при составлении формул, относятся к афанасьевскому сборнику.

Слова, необходимые для понимания текста, вставлены в квадратные скобках, сокращения развернуты при помощи угловых скобок. Примечания автора публикации отмечены отдельно.

² Костюхин Е. А. 1920-е гг.: становление отечественного сказковедения // Из истории русской фольклористики. СПб., 2007. Вып. 7. С. 33—42.

³ Венедиктов Г. Л. Платон Каратаев как модель коллективного сознания // Русский фольклор. СПб., 2011. Т. 34. С. 296—309.

⁴ Сравнительный указатель сюжетов : Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979, далее именуемый СУС. Список приведенных в качестве примеров сюжетов СУС помещен в Приложении.

⁵ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. текстов, предисловие и примеч. В. Я. Проппа. М., 1957.

⁶ Перечень использованных изданий см. в Списке сокращений.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА НАРОДА. РУССКАЯ СКАЗКА

Русская сказка — современное нам явление: в отдельных деревнях еще недавно вам могли ее рассказать. Одновременно она — явление не современное: это порождение прошлых веков и тысячелетий. В ней соединяются новое время и время давно минувшее. В поэтике ее находят и черты, общие с литературой авторской, и черты чисто фольклорные, древние, литературе авторской не свойственные. В поэтике сказки можно различить «синтаксис» и «морфологию», которые не совпадают с синтаксисом и морфологией языка: они затрагивают не построение предложений и речи, а построение сказки как уникального жанра фольклора и явления культуры. К синтаксису сказки можно отнести систему образов, сюжетно-идейное решение, художественные приемы, частично синтаксисом определяется так называемая обрядность сказки. Морфология сказки — это поэтика минимальных сказкообразующих единиц, тот способ подачи любого сказочного содержания, по которому узнается именно народная сказка.

К этому пласту поэтических средств не применимы представления об «идейности и художественности» произведения — он выражает существо сказочной ткани. Он свидетельствует о том, что русское крестьянство, творец и хранитель сказок, еще не так давно обладало отличным от нас типом общественного сознания.

В данной работе нас будет интересовать не происхождение сказки, а сказка в том виде, в каком она была записана собирателями и дошла до нас. Автор проработал большое количество волшебных сказок и их вариантов и более трехсот сказок о животных.

К открытию существа, построения народной сказки наука шла этнографическим и формально-эмпирическим путями. За последние годы развился структурно-семиотический путь, но, к сожалению, он искал структуру сказки не в ее своеобразии, а в чем-то, что выходило за ее рамки.¹

Первым следует назвать А. Н. Веселовского с его курсом по поэтике сюжетов, читанном в 1897—1903 гг. Основными категориями для А. Н. Веселовского стали «тема» и «мотив»: «Под сюжетом я разумею тему, в которой снуются разные положения — мотивы...».² Мотив понимается как некий «одночленный схематизм», простейший элемент сказки. Ср.: кто-то похищает

¹ См.: Зарубежные исследования по семиотике фольклора / Сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. М., 1985. С. 1—316.

² *Веселовский А. Н.* Поэтика сюжетов // *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л., 1940. С. 500.

солнце, птица сносит огонь с неба, враждебные силы иссушили источник.³ Приведенные примеры показывают, что это — простейший вид субъектно-объектной связи, связи односторонней, вне содержания сказки (формальной). Содержание такого мотива — этнографическое, мифологическое, волшебное. На фоне восприятия науки того времени морфология сказки выступала, естественно, как отражение мифологического содержания сказки.

Мысли А. Н. Веселовского развивал Р. М. Волков. Сюжет сказки он рассматривал как состоящий из «звеньев», слагающихся из двух мотивов. Например, звено сказки «Морозко»: а) дочь мачехи накликает на себя беду, б) мачехе привозят ее косточки.⁴ Заслугой Р. М. Волкова следует признать стремление определить связь мотивов в сюжете. Однако мотивы группировались им в звенья по принципу сходства, «усиления», т. е. тематически, и не получили структурной определенности (мотивы вещей советчиков, добывания коня, чудесного растения на могиле убитого, мотив птицы, несущей героя, в трактовке Волкова менее убедительны, чем мотивы Веселовского).⁵ Волков полагал, что основу сказки может составлять развитие одного мотива.⁶ Так сказка приравнивалась к нефольклорному литературному произведению. Игнорирование специфики фольклора не способствовало дальнейшим открытиям.

Крупнейший шаг в изучении морфологии сказки был сделан в 1928 г., когда вышли в свет монография В. Я. Проппа «Морфология сказки» и статья А. И. Никифорова «К вопросу о морфологическом изучении народной сказки».⁷

Роль В. Я. Проппа в изучении морфологии сказки огромна. Мысль Ж. Бедье о существовании постоянных и переменных сказочных единиц он использовал для их вычленения и сделал это на основании сопоставления массы фольклорных текстов. Оказалось, что постоянными, устойчивыми, сказкообразующими элементами являются лишь действия сказочных персонажей, а переменными, неустойчивыми, несюжетообразующими элементами — набор действующих лиц и атрибуты действующих лиц.⁸ Постоянные элементы Пропп назвал «функциями сказки», определил, что функций тридцать одна и дал каждой характери-

³ Там же. С. 494.

⁴ Волков Р. М. Сказка. Одесса, 1924. Т. 1. С. 215, 216.

⁵ Волков Р. М. Сказка. С. 32, 216, 39, 42, 45, 46.

⁶ Там же. С. 6, 221.

⁷ Никифоров А. И. К вопросу о морфологическом изучении народной сказки // Сборник Отд-ния рус. яз. и словесности АН. Л., 1928. Т. 101 (в честь акад. А. И. Соболевского). С. 173—178.

⁸ Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969. С. 23, 79.

стику. В основу изучения морфологии сказки был положен конкретный сравнительный анализ текстов.

Определяющую роль действий персонажей в сказке прекрасно демонстрирует сюжет «Победитель змея» (СУС 300₁=АА 300А): змей требует царевну, герой вызывается заступиться за нее, царевна принимает его заступничество, герой сражается со змеем и побеждает; пока он спит, утомленный борьбой, его соперник («ложный герой») требует руки царевны и т. п. (в конце концов истина обнаруживается). В этом сюжете не важно, из воды выходит змей или прилетает, либо это вовсе не змей, а Кашей или некто другой. Не важно, кем является соперник героя, — водовозом, генералом, цыганом и пр.

«Под функцией, — писал В. Я. Пропп, — понимается поступок действующего лица, определяемый с точки зрения его значимости для хода действия».⁹ Однако выявление «значимости» отдается на произвол исследователя и, значит, оно субъективно. Так, в приведенном выше сюжете змей требует царевну — царевна плачет, герой вызывается спасти ее — царевна возражает, не веря в спасение. Однако ни плач, ни возражения, ни последующее воскрешение героя, столь важные для хода действия сказки, «функциями» не являются. Из значимых действий приходится делать отбор, но что именно отбирать, остается неясным, поэтому определение, сформулированное Проппом, неполно.

Продолжив изыскания Веселовского, Пропп пришел к выводу, что «волшебная сказка в своих морфологических основах представляет собой миф», хотя мысль эта, по его признанию, была «достаточно дискредитирована сторонниками мифологической школы».¹⁰ Морфология сказки, по Проппу, определяется действиями, функциями персонажей, а миф, как признал ученый в монографии 1946 г. «Исторические корни волшебной сказки», — наличием особых персонажей с особыми свойствами. Миф, по его мнению, — это «рассказ о божествах или божественных существах, в действительность которых народ верит».¹¹ Если в 1928 г. Пропп изучал действия сказочных персонажей, то в 1946 г. объектом исследования стали исторические корни отдельных мифологических мотивов; изучение функций было прервано. Вторая монография, вопреки утверждениям автора, стала не продолжением «Морфологии», а особой работой.

В ней Пропп пришел к выводу: «Миф не может быть отличае- м от сказки формально». Сказка в своем существе отождествля- лась с мифом, разнясь с ним только по «социальной функции».¹²

⁹ Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 25.

¹⁰ Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 82.

¹¹ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 16.

¹² Там же. С. 16.

«Начало сказки» Пропп воспринимал как возникшее из «представлений о смерти» («в области мировоззрения») и из религиозно-магической обрядовой практики — обряда инициаций («в области конкретной социальной жизни»), полагая, что «одно без другого не может быть рассмотрено».¹³ Ученый считал и миф, и обряд «продуктом некоторого мышления»¹⁴ (как и Л. Леви-Брюль в работах о первобытном мышлении).¹⁵ Такой подход сводил основополагающие мифологические представления человечества к представлениям о смерти, а всю обрядность — к инициациям, что было крайне сомнительным даже с точки зрения этнографии: ведь «в синкретическом монолите первобытной культуры спрессовано все многообразие будущих видов человеческой деятельности».¹⁶

Содержание сказки в ее праоснове было определено исследователем как религиозно-мистическое и узкоэтнографическое; поэтому и функции оказались весьма формальными и отчасти произвольными.

В «Исторических корнях волшебной сказки» Пропп сделал поправку: сказка отражает «представления о смерти, а не какие-нибудь другие», но — «в основном».¹⁷ Но такое допущение разрушило и каноничность «жесткого порядка» сказочных единиц, который постулировал ученый. Никаких инициаций у восточных славян («русских») не было уже к моменту образования государственности. Это означает, что либо твердого порядка составляющих единиц в сказке нет, либо этот порядок отражает вовсе не «праобряд» и не «прамиф». Ведь мифология сказки большей частью условна. Сказочные Кашеи, царь-девицы, змеи на конях не годятся для реконструкции мифологии подлинной, древней. Признавая, что названия персонажей и их характеристики — это неустойчивые и несюжетообразующие элементы сказки, В. Я. Пропп сам вывел волшебнo-мифологическое за пределы сказочной морфологии.¹⁸

Так миф ли определяет морфологическое существо сказки? И что такое миф — самодвижение мистически ориентированной мысли или осознание обществом своей социальной сущности в мифологической окраске?

¹³ Там же. С. 41.

¹⁴ Там же. С. 20 — именно *мышления*, а не стадияльного миропонимания. — Пояснение Г. Л. Венедиктова.

¹⁵ *Леви-Брюль Л.* 1) *Первобытное мышление*. М., 1930; 2) *Сверхъестественное в первобытном мышлении*. М., 1937.

¹⁶ *История первобытного общества : Эпоха первобытной родовой общины* / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М., 1986. С. 514.

¹⁷ *Пропп В. Я.* *Исторические корни...* С. 41.

¹⁸ *Пропп В. Я.* *Морфология сказки*. С. 29.

Сказка вовсе не инобытие мифа, как полагали В. Я. Пропп и К. Леви-Стросс, сказка – особый жанр, который в древности соприкасался с мифом, вероятно, отпочковался от мифа, но был в корне иным. (Миф сакрален.) Сказка самими носителями фольклора воспринималась как «складка», — будучи выражением «чаяний и ожиданий народных», она демонстрировала особый способ отражения жизни, давно разошедшийся с восприятием ее сказочниками. Сказка, как правило, по содержанию серьезна, хотя по форме иногда забавна. Но она далеко не всегда «забава»: наука засвидетельствовала обрядовое исполнение сказок в ряде регионов Севера. Еще относительно недавно сказки были существеннейшей частью народного быта и творчества. Характерно, что даже выпущенный в 1976 г. сборник П. Г. Ширяевой и В. С. Бахтина «Сказки Ленинградской области» вызвал повышенный интерес именно у взрослых читателей.¹⁹

Исходное (этнографическая правда) и конечное (вымысел) понимание сюжета оказывались взаимоисключающими, поступки, важные для «хода сказки» — равнокачественными, как равнокачественны мифологические мотивы, простые мифологемы. Поэтому функции превращались в формальные и отчасти произвольные единицы целого.

Возражая Леви-Строссу,²⁰ обвинявшему его в формализме, Пропп с гордостью назвал себя неподкупным эмпириком.²¹ Этим он подчеркнул сугубую приверженность своей работы эмпирическому наблюдению, а не предвзятым априорным схемам. Однако на практике все оказалось не так однозначно. Важность эмпирических исследований Проппа несомненна, но придется согласиться и с тем, что набор функций раскрывал форму сказки, но не ее содержание.

Пропп обнаружил определенный порядок действий в сказке. Но этот порядок не был непререкаем, он мог объясняться вовсе не восхождением к порядку обряда и мифа, а [системой] отношения сказочников к миру. Если сказка — выражение миропонимания прошлого, то она должна включать в себя как основные составляющие законы этого миропонимания, которые стоят за Пропповыми функциями: наказом, разведкой, подвохом, борь-

¹⁹ Сказки Ленинградской области серьезные и несерьезные, озорные и не очень, байки, народные анекдоты и прибаутки собрали и подготовили к печати Владимир Бахтин и Пелагея Ширяева. Л., 1976.

²⁰ *Леви-Стросс К.* Структура и форма : Размышления над одной работой Владимира Проппа // Семиотика / Ред. Ю. С. Степанов, 1983. С. 400—428. То же // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М., 1985. С. 9—34.

²¹ *Пропп В. Я.* Структурное и историческое изучение волшебной сказки // Пропп В. Я. Фольклор и действительность : Избранные статьи. М., 1976. С. 133.

бой, свадьбой — и эти составляющие, эти единицы миропонимания должны выстраиваться в определенный порядок.

Так мы подходим к мысли, что морфология сказки отражает базовые социальные законы коммуникации. К этому выводу, вопреки созданной им схеме, приблизился и сам Владимир Яковлевич, увидевший «заложенный в сказке» «мир народной философии и народной морали в их историческом развитии», — но только приблизился, ибо тут же заговорил о «слоистом» строении сказки.²² Однако народная философия и мораль — вовсе не «слой», не надстройка над морфологией сказки, а ее существо.

Очевидно, что ни мифолого-этнографические мотивы, ни абстрагированные от них функции элементами, выражающими существо, миропонимание сказки, не являются. Ученому не удалось, к сожалению, найти те единицы сказки, в которых форма и содержание составляли бы неразрывное единство и оказывались сторонами друг друга.

При рассмотрении вопроса о морфологии сказки необходимо учитывать не только исследование В. Я. Проппа, но и статью (его товарища по Сказочной комиссии. — М. Н.) А. И. Никифорова «К вопросу о морфологическом изучении народной сказки», появившуюся в том же, 1928 г. Никифоров очень близко подошел к пониманию функций, высказанному Проппом, и, подчеркивая «динамические элементы» сказки, отметил неустойчивость персонажей и постоянство функций персонажей.²³ Важнейшим законом сказки он счел неравноценность действий (т. е. «функций»), определив одни действия как «корневые», а другие — как «префиксальные», «суффиксальные и флексийные».²⁴ Никифоров развивал мысль о том, что действия в сказке всегда подаются в виде «устоявшихся, типизированных тематических двучленов, трехчленов и даже многочленов», «типичных эпизодов», «сложных морфологических гнезд», которые выступают как «постоянные, неменяющиеся морфологические единицы». Эти сложные «частные компоненты», единицы сюжетосложения предстают как «группировка частных функций главного персонажа и вторичных персонажей».²⁵

Такое понимание очень близко подвело ученого к открытию сказочного звена как комбинации двух разногеройных функций.

На этом пути был и Пропп, когда отметил парность некоторых выделенных им функций («очень большое количество функций расположено попарно»)²⁶ и даже большее: «Парные

²² Там же. С. 148.

²³ Никифоров А. И. К вопросу о морфологическом... С. 174, 176.

²⁴ Там же. С. 175.

²⁵ Там же. С. 177, 176.

²⁶ Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 60.

функции выполняются разными лицами. Трудную задачу задает одно лицо, а решает ее другое».²⁷ Но исследователь назвал соединения парных функций (таких, например, как бой и победа) «механическими соединениями», «непригодными» для изучения композиции и последовательности функций.²⁸ Смысл звена как выражения нового качества сказочной структуры, как формы раскрытия социальной коммуникации и традиции остался ему неясен.

На наш взгляд, Никифоров совершенно верно понимал сюжет сказки как относительно свободную комбинацию морфологических гнезд.²⁹ К сожалению, он не дал конкретного описания морфологических гнезд либо их составляющих. В науке же со временем все больше побеждала линия формализующего сравнения сказки с языковой структурой. Концепция Никифорова не получила заслуженного внимания и разработки.

В период <19>60-х гг. в центре внимания оказалась парность (бинарность) сказочных функций, понятая как противопоставление, оппозиция, сходная с логическими противопоставлениями языка (сырое/вареное, холодное/горячее и пр.). Некоторые советские исследователи обратили внимание на парность иного рода: бинарность «больших синтагматических единств», «блоков» (испытание/приобретение либо потеря «сказочных ценностей», действие/противодействие, стимул/реакция).³⁰ Но, при ближайшем рассмотрении, испытанию противостоит не функция, а закономерные следствия звена, его атрибуты (об атрибутах звена см. далее). В паре «действие/противодействие» функция противостоит функции, а в паре «стимул/реакция» стимул смахивает на мотивировку функции. Некоторая нечеткость понимания структуры сказки прослеживается и в опубликованном позже продолжении указанной работы, где авторы предпочитают говорить уже не о «блоках», а об «эпизодах».³¹ Такие работы уводили в сторону от эмпирических наблюдений В. Я. Проппа, который давно отметил тяготение к парности некоторых функций.³²

Из тридцати одной функции В. Я. Проппа в пары складывается большинство: запрет и нарушение его (вторая и третья функции), разведка и выдача сведений (четвертая и пятая функции),

²⁷ Пропп В. Я. Структурное и историческое... С. 144.

²⁸ Там же.

²⁹ Никифоров А. И. К вопросу о морфологическом... С. 176—178.

³⁰ Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М. Проблемы структурного описания волшебной сказки // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. Т. 4. С. 92.

³¹ Мелетинский Е. М. и др. Еще раз о проблеме структурного описания сказки // Там же. Тарту, 1971. Т. 5. С. 63—91.

³² Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 60.

подвох и принятие его (шестая и седьмая), вред и противодействие ему (восьмая и десятая), недостача и ликвидация ее (девятая и девятнадцатая?), действие дарителя и реакция на него героя (двенадцатая и тринадцатая), получение волшебного средства и пользование им (четырнадцатая и пятнадцатая), борьба и победа (шестнадцатая и восемнадцатая), клеймение и узнавание по клейму (семнадцатая и двадцать седьмая), преследование и спасение от него (двадцать первая и двадцать вторая), неузнанное прибытие и трансфигурация (двадцать третья и двадцать девятая), притязания и их разоблачение (двадцать четвертая и двадцать восьмая), трудная задача и ее решение (двадцать пятая и двадцать шестая) — всего 26 функций. Все пары построены не как оппозиции, а как своеобразный диалог действий (действие и его результат).

Нетрудно заметить, что субъект первой функции в такой паре всегда наступает, субъект второй — обороняется, первая функция — всегда ввод в ситуацию, вторая — способ разрешения ее. Перед нами та самая группировка функций главного и вторичного персонажей, та бинарность, то морфологическое гнездо, о котором писал А. И. Никифоров. Это и есть сказочное звено.

В основе морфологии сказки лежит набор ситуаций и тех или иных решений. Однако многие очень значимые для ее хода деяния оказываются морфологически нейтральными. «Функциями» являются только те из них, благодаря которым ситуации создаются и разрешаются.

Звено как комбинация ввода в ситуацию и разрешения ее представляет собой определенную сюжетную законченность, замкнутость, автономность. Тогда сказочный сюжет выступает как цепь автономных единиц, не сказкообразующих (как у А. И. Веселовского и В. Я. Проппа), а сказкосоставляющих, где каждое звено — это потенциально отдельная сказка, или, как называют это явление Е. М. Мелетинский и его соавторы, «микросказка».³³ Пример такой однозвеньевой сказки — сказка о лисе, укравшей у старика рыбу (СУС 1).

Для современности характерен способ раскрытия мира от имени «я», индивида, «микромра» (хотя бы писательского). Поэтому авторское произведение предстает как субъективный и логически связанный единый поток. Отсюда и простор для субъективных переживаний, рассуждений, мотивировок, отступлений от действия, любования пейзажем и т. п. Отсюда и сложные союзные — в том числе сложноподчиненные — предложения. Таков взгляд изнутри, ориентация вовнутрь, психологизм.

³³ Мелетинский Е. М. и др. Еще раз о проблеме... Т. 5. С. 82. Здесь, кстати, авторы говорят о сюжетной замкнутости микросказки, о том, что действия себя полностью исчерпывают в ней.

Так, тургеневский Рудин почти ничего не совершает, но предстает ярким психологическим характером.

В сказке это невозможно... Сказка строится как диалог разнонаправленных действий, диалог субъектов действия, поэтому сюжет, «ход» ее — дискретная цепь звеньев.

Сказка берет за основу, за точку отсчета поступки многих лиц, раскрывая мир от имени не индивида, а этого множества, коллектива — не изнутри, а извне.

Сказка основывается на действиях, а не на рассуждениях и переживаниях, поэтому ей чужд психологизм. Поэтому же она тяготеет к простым предложениям (или сложносочиненным — как их набору). Сказочный персонаж редко бывает героем, т. е. психологическим характером: мотивировки его действий прямо не раскрываются, его положение как главного лица определяется набором отнесенных к нему событий, сюжетом. Персонаж авторской литературы, в отличие от сказочного, сам определяет сюжет (хрестоматиен пример с вышедшей замуж пушкинской Татьяной).

Так сказка демонстрируя нам миропонимание, отличное от привычного нам, и раскрывает свое существо как продукт коллективного творчества, коллективного сознания. С помощью сказочных звеньев можно описать определяющее содержание не только любой волшебной, но и всякой другой (о животных, бытовой и пр.) сказки и этим сохранить целостность понимания сказки как жанра. Суть сказки определяется как диалог действий, как драма жизни, как многолинейность и многогеройность жизни, как борьба и единство, как сумма противоположностей, как трагедия — при обострении этой драмы, ее гиперболизации, и как комедия — при расхождении драматической формы и не соответствующего ей, сведенного на нет содержания (см. далее о мнимом звене). Сказка сосредоточена не на индивидууме, а на жизни всего социума и прямо соотносится с миропониманием социума.

Вернемся к функциям В. Я. Проппа. Из тридцати одной Пропповой функции пять не имеют пары: первая — отлучка, девятая — связка-сообщение, двадцатая — возвращение героя, тридцатая — наказание, тридцать первая — свадьба. Из оставшихся двадцати шести надо исключить девятую и девятнадцатую функции как дублирующие восьмую и десятую (вред и противодействие ему, недостача и ее ликвидация), а также четырнадцатую и пятнадцатую (получение волшебного средства и пользование им) как пару искусственную. Волшебное средство, по нормам сказки, герой получает не просто так, а как награду за выдержанное испытание или в силу действия иного звена, о чем речь далее (см. об атрибуте звена). Остаются двадцать две функции — на деле их несколько больше, ибо ученый не заметил

просьбы о помощи и оказания ее, предложения союза и принятие его и некоторых других функций, не говоря уже о вариантах функций названных. Существуют усложненные формы функций, об их самостоятельности можно спорить; но всегда сказка раскрывается как диалог действий и персонажей.

Так, сюжет сказки «Победитель змея» «правильнее» выглядит так: змей требует царевну — ее выдают, герой расспрашивает ее — она сообщает о змее, змей похваляется силой — герой осаживает его, змей наступает — герой убивает его, уставший в сражении герой засыпает — возникает ситуация незащитности, которой соперник и пользуется. Здесь убийство подлинного героя ложным не функция сказки, а признак последнего, определяющее его свойство, как свойство змея — похищать, царского советника — науськивать, царя как хозяина стрельца — пытаться отнять у него жену и т. д. Ложный герой шантажирует незащищенную царевну — та вынуждена согласиться на его требования и т. д.

Чрезвычайно существенно то, что в звене функции ввода в ситуацию и вывода из нее не равновелики: если ввод в ситуацию один, то разрешение ее может быть двояким — положительным или отрицательным: запрет-наказ может выполняться или не выполняться, подвох приниматься или не приниматься и пр. В. Я. Пропп вводит эти отрицательные решения в свою схему под видом дополнительных, «обращенных функций»; складывается представление, что главными оказываются функции положительные. Однако функции отрицательные в звеньях столь же часты, как и положительные, и в этом отношении они равноправны. Для разных сюжетов типично или то, или другое решение, иногда же оба (при повторении ситуации): в «Животных-зятках» (СУС 552А=АА 552) родители дают наказ выдать сестер за первых посватавшихся — герой исполняет его, и это хорошо; в «Трех подземных царствах» (СУС 301А, В) братья не выполняют наказа героя поднять его с иного света, и это плохо; в «Чудесном бегстве» и других сюжетах баба Яга наказывает герою спрятать крылышки или одежду одной из купающихся дев-птиц, что он и исполняет, и это благо; в «Молодильных яблоках» (СУС 551) она велит не пить из колодца царь-девицы — герой никогда не выполняет наказа, и это в конце концов тоже благо; в «Сивке-Бурке» (СУС 530=АА 530А) дурак выполняет наказ отца дежурить на могиле, а умные братья не выполняют — дурак получает волшебного коня, а братья нет.

Каждое звено правильнее считать типовым образованием, включающим в себя варианты содержания, и потому состоящим потенциально не из двух, а из трех функций: одного ввода в ситуацию и двух потенциальных выводов из нее. Таким образом, сказкообразующей величиной выступает не функция, а звено,

действие определяется как «функция» только благодаря своей способности слагать звено.

Таких функций значительно больше, чем тридцать одна. В. Я. Пропп постулирует равновеликость функций и твердый порядок их. Между тем жесткого, устойчивого порядка функций не существует, ибо каждая вторая функция звена — величина переменная. Устойчивость того или другого решения ситуаций — это вопрос истории конкретного сюжета, она носит «идейный» характер и не является результатом мертвой схемы будто бы восхождения к определенному обряду или мифу, схемы, не имеющей смысла и потому неподвижной и однозначной. Отсюда неизбежность ряда натяжек в книге В. Я. Проппа.³⁴ Ему приходилось не раз объявлять четко оформленные звенья просто связками на том основании, что это противоречило предлагавшейся схеме.

О взаимосвязи функций В. Я. Пропп писал: «...если прочесть все функции подряд, то мы увидим, как с логической и художественной необходимостью одна функция вытекает из другой. <...> Все они принадлежат одному стержню, а не нескольким стержням...»³⁵ Такая формулировка приписывает определенную функцию определенному персонажу — герою или его антагонисту. Это противоречит признаваемому самим исследователем закону: персонажи относятся не к постоянным, а к переменным величинам сказки. Одна и та же функция может оказаться действием и героя, и его противника. Так, разведка в «Бое на калиновом мосту» совершается не антагонистом, как постулировал В. Я. Пропп, а героем. Функция безразлична к своему субъекту, к тому, герой он или антагонист героя,³⁶ не предопределяется никакой схемой — это не исключение, а закон сказки. Сами функции, оторванные от субъектов, особого порядка не представляют — правота остается за А. И. Никифоровым, утверждавшим текучесть и относительную свободу морфологического ряда сказки.

³⁴ *Пропп В. Я.* Морфология сказки. С. 66. Так, в сказке «Бой на калиновом мосту» (СУС 300А=АА 300*В=К 303) очевидна, классически выражена разведка и выдача сведений (герой возвращается, чтобы выведать замыслы змеих), что признавал и сам В. Я. Пропп. Однако он предлагал видеть здесь не «разведку», а «непосредственное ознакомление».

³⁵ Там же. С. 60.

³⁶ Так, жертвой подвоха может быть как антагонист героя (Яга на дороге героя; Кашей, которому переставили сильную и бессильную воду в «Трех подземных царствах»), так и сам герой (в «Смерти Кашея от коня» и др.) или его братья (в «Молодильных яблоках» и вариантах «Боя на калиновом мосту»), существа нейтральные (например, захваченный ворон, который призван принести живой и мертвой воды для воскрешения героя в разных сюжетах).

Таким образом, сказка оказывается рядом морфологически однородных звеньев, автономных и замкнутых на себя сюжетно, то есть цепью «микросказок», где каждое звено выстроено по принципу субъектно-субъектных, предикатно-предикатных отношений, не соотносимых со структурой языка, где эти отношения субъектно-объектные. Как явление специфическое, она непригодна для общесемиотического истолкования.³⁷

На наш взгляд, нет не только жесткого порядка функций (сказки дают примеры вариантных цепей звеньев, в которых не все функции совпадают), но и жесткого порядка звеньев в звеньевой цепи. Так, звено *разведка*³⁸ в «Царевне-лягушке» (СУС 402), где жена выведывает причину горя мужа, предшествует *наказу-задаче*, который она дает своим волшебным слугам (Афанасьев 269); в «Бое на калиновом мосту» (Афанасьев 136—138) — бегству от змеих; в «Шести чудесных товарищах» — приглашению Опыталы, Обьедалы и других в товарищи (Афанасьев 137, 144 в контаминациях); в сюжетах, где герой набредает на избушку яги — «испытанию» или «подвоху».

Сказка морфологически, в силу наличия своих звеньевых единиц, восходит к типизированным формам коммуникации, к социальным законам. Пора рассмотреть ее звенья. Их порядок условен, но для удобства и сохранения традиции мы в основном следуем за схемой В. Я. Проппа, с необходимыми дополнениями и некоторой перестановкой, вызванной соображениями обобщающего характера.

Основных, простых звеньев тринадцать. Есть и более сложные, усложненные звенья, но для принципиального понимания любой сказки достаточно этих тринадцати.

1. Наказ — его исполнение или нарушение.

Наказ может быть выражен в форме запрета, табу:³⁹ герою запрещается пить из копытчика (СУС 450: Афанасьев 261, 262); заходить в закрытую комнату (СУС 302₂: Афанасьев 159, ЗКП I 55); открывать до дома заветный сундучок (СУС 313В, С: Афанасьев 219—221, 224); целовать сестру (или других родных) по возвращении (СУС 313А, В, С: Афанасьев 219, 222—225); поднимать перо жар-птицы (СУС 531=К 531: Афанасьев 169, 170); засматриваться на кувшинчик (СУС 300А=АА 300*В=К 303: Афанасьев 136) и т. д.

³⁷ В рамках семиотической структуры, которая базируется на параллелизме семантики языка и других знаковых систем, отношения между знаками — это отношения субъектно-объектные, отношения «говорящего» и «адресата».

³⁸ Описание звеньев см. ниже.

³⁹ Такие запреты характерны для многих сюжетных типов, примеры приводятся лишь из некоторых. — М. Н.

Табу, отрицательная форма наказа, предстает в сказке в виде личного запрета — змея, Кашея, медведя, героини и др. За нарушение его на героя обычно обрушивается беда. Но в сказках о «молодчестве» героя, отражающих эпоху складывания новой морали, нарушение некоторых старых запретов одобряется: Кашей запрещает герою увозить невесту, но тот увозит ее (СУС 302₂: Афанасьев 159 в контаминации, Худяков 22); Яга запрещает в девичьем царстве трогать царь-девицу (запрет иногда нечеток), но герой пренебрегает запретом (СУС 551: Афанасьев 172—177); медведь запрещает заходить в закрытую комнату, но умная сестра-невеста заходит туда безнаказанно (СУС 311: Зеленин-2 16, Балашов 76), без негативных последствий для себя героиня оказывается дома и в версии «Не садись на пенек, не ешь пирожок» (Садовников 29).⁴⁰

Но наказ может быть дан и в положительной, побудительной форме: отец наказывает сыновьям караулить на его могиле (СУС 530=АА 530А: Афанасьев 179—180, с продолжением СУС 530А=АА530В*: Афанасьев 182, 184), взять жен там, куда упдут их стрелы (СУС 402: Афанасьев 267—269); царь приказывает герою добыть диковинки (СУС 465А: Афанасьев 212—215), герой велит братьям наплевать на кувшинчик и разбить его (СУС 300А=АА 300*В=К 303: Афанасьев 136), братьям или товарищам — проследить, когда тарелка (миска, таз и пр.) наполнятся кровью, и бежать к нему на помощь (СУС 300А= АА 300*В=К 303: Афанасьев 136—138), поднять его с того света (СУС 301А, В: Афанасьев 141, 142), родители наказывают сыну выдать сестер замуж за первых посватавшихся (СУС 552А=АА 552: Афанасьев 159, 160). Выполнение *наказа* обычно несет благо герою.

Наказ может выступать в мягкой форме — форме приглашения. Орел в «Чудесном бегстве» (эпизод СУС 313В: Афанасьев 219, 220, 224) приглашает героя сесть на него и полететь; жена стрельца предлагает ему не печалиться из-за царской опалы, а отдыхать: утро вечера мудренее (СУС 465А: Афанасьев 212, 213). Похоже, что здесь уже наблюдается вырождение звена, формализация его.

Наказ может выступать и в виде предвещения: некто или надпись на камне, столбе, дубе предвещают путнику, что с ним случится на той или иной дороге. В сказке Русского Устья «Федор Бермятин» (СУС 485=АА *485А: Фольклор РУ 50, 65) каждый из одураченных противников героя под конец ему предвещает: «Обманул меня... — не обманешь ... [другого]». Это предвещение очень похоже на выражение средневекового провиденциализма, о котором писал Д. С. Лихачев. Возможно, что *наказ* как предвещение — это след феодальной эпохи.

⁴⁰ Часто носит название «Маша и медведь». — М. Н.

Очень важно, что «волшебство» сказки оформляется, как правило, именно звеном *наказ* (или звеном *задача*): «Избушка, избушка! Встань по-старому, как мать поставила», — избушка останавливается дверью к герою (Афанасьев 204); «По щучьему веленью <...> ступайте, ведра, сами на гору!» — и ведра идут (СУС 675: Афанасьев 165); «Сивка-Бурка <...> стань передо мной, как лес⁴¹ перед травой!» — и Сивка появляется: (Афанасьев 182, 183); «Играйте, гусли-самогуды!»⁴² — и гусли играют; «Пей, мой зад, воду!» — и зад пьет (СУС 715А=АА 715: Смирнов 158); «На, куколка, покушай, моего горя послушай!» — и куколка оживает (СУС 480В*=АА 480*F: Афанасьев 104); «Дума Премудрая, рож-вернись на этот швет!» (варианты «Чудесного бегства»: Фольклор РУ 23, 38) — и Дума Премудрая не «развертывается»: колдовство наталкивается на колдовство.

Вероятно, когда-то сюда относились и приказы, которые теперь мы не воспринимаем как волшебные: «Ловись, рыбка, и мала, и велика!»; «Мерзни, мерзни, волчий хвост!» — глупость волка раскрывалась первоначально вовсе не как глупость ловли рыбы на хвост, а как неумелая, глупая магия (СУС 2: Афанасьев 4). Такие конструкции часто воспринимаются как застывшие формулы.

С забыванием стадияльных магических формул стиралось и четкое позвоньеовое членение. Так, в «Чудесной дудочке» (СУС 780) купцы берут дудку — дудка поет (Афанасьев 245), а по логике вещей надо бы: купцы приказывают дудке — дудка поет. Или: Иванушка влез в ушко коня — напился, наелся, сделался красавцем (СУС 530=АА 530А и 530А=АА 530*В: Афанасьев 180, 183, 184). А надо бы: влез — конь сделал его красавцем (конь же волшебный!), т. е. влез и приказал — конь выполнил. В «Семи Симеонах» один из братьев «пошел на корабль, на нос, затопил этот корабль и повел его по-под воде» (СУС 653: Фольклор РУ 32). По-видимому, «повел», приказав кораблю выполнить определенные действия: здесь корабль ощущается как живое, доступное магии существо, подобное лодочке Ивашечки (СУС 327F), которой мальчик велит плыть к бережку,⁴³ или лодке «Калевалы», плывущей по приказу кормчего.

⁴¹ Так у автора, которому многочисленные исполнители этой сказки объясняли, что Сивка должен встать перед героем не как «лист», а как «лис», то есть высокий лес перед низкой травой — в северных говорах исконный «ять», произносившийся как дифтонг «ие», перешел в «и». Сказка входила в дореволюционные хрестоматии — благодаря этому неверное понимание могло закрепиться. — *М. Н.*

⁴² Номер с таким приказом не найден ни в СУС 465В Гусли-самогуды, ни в СУС 592 Чудесная скрипка (дудка, гусли, флейта), ни в СУС 850 Приметы царевны. — *М. Н.*

⁴³ См. Афанасьев 112: «Ближе, ближе, мой челночок! Это родимой ма-тушки голосок!»; Афанасьев 110: «Пливи, пливи, човничку, до бережку...».

Не только живые существа, но и вещи, явления природы в прошлом воспринимались как подобные людям, со своим языком, обычаями и т. п. Поэтому звенья *наказ* и *задача* раскрывают не саму магию, не магические представления, а социальные отношения, распространявшиеся и на эти субъекты. Само «мифическое» содержание сказки оставалось за пределами сказочной морфологии.

II. **Задача:** приказание решить задачу и его выполнение или невыполнение. *Задача* в сущности — это тоже *наказ*, но в специфически конкретной форме. Таковы задачи Морского царя (СУС 313А, В, С: Афанасьев 219, 222; Фольклор РУ 23, 38), стропливой невесты или ее матери, которые выполняют Опивала, Обьедала, Студенец и прочие (СУС 513А: Афанасьев 137, 138, 144), задачи спрятаться претенденту на руку невесты (СУС 329: Афанасьев 236, 237; Худяков 23), трудные задачи царя подданному, чтобы погубить его и завладеть его женой (СУС 465А, В, С: Афанасьев 212—215 и др.), зятьям — для проверки соответствия их высокому социальному статусу (СУС 530А=АА 530*В: Афанасьев 182—184), потенциальному зятю (СУС 560: Афанасьев 190, 191) чародея — отцу или матери ученика (СУС 325: Афанасьев 250, 251) и т. п.

III. **Помощь:** призыв о помощи — оказание ее или отказ в ней. Таковы просьбы к братьям подоспеть в нужную минуту в «Бое на калиновом мосту», просьба героя к птице вынести его на белый свет в «Трех подземных царствах», просьба заспоривших мыши и воробья рассудить их (СУС 222*В=АА 222*В: Афанасьев 221, 224; Зеленин-1, 13), просьба волшебной девы-птицы не губить ее (СУС 465А: Афанасьев 212), Медного лба — освободить его из темницы (СУС 502: Афанасьев 123—126), просьба пойманного Балдака Борисьевича (СУС 946А*=АА *946) к товарищам сослужить ему «последнюю службу» (Афанасьев 315), а в Русском Устье — просьба Памфила-вора не губить его дружины, а губить только его (Фольклор РУ 13), и пр.

Помощь может и не оказываться: «умные» братья в «Сивке-Бурке» отказываются взять дурака с собою; загубленная Аленушка не может помочь братцу-козленочку (СУС 450: Афанасьев 261—263); в русскоустынской редакции «Золушки» (СУС 510А: Фольклор РУ 30) «хорошие» сестры не хотят помочь тонущему, вытащить его из болота, а «худая» помогает, вытаскивает; святой Касьян отказывается помочь мужику вытащить воз из грязи (СУС-790**): Афанасьев Легенды 11).

Помощь очень близка к предыдущим звеньям и иногда замещает их.⁴⁴

⁴⁴ Так, в «Емеле-дурачке» (СУС 675: Зеленин-1 63) невестки не наказывают или приказывают, а просят принести воды, в «Дураке Емеле» (Афанасьев 166) — то приказывают («ступай за дровами!»), то про-

Помощь — оформление в сказке действия важнейшего социального закона — закона взаимопомощи.

IV. Захват (подвох): подвох и принятие или непринятие его. Как и в предыдущих звеньях, действие может направляться как на самого героя, так и на его противника. В «Чудесном бегстве» жертвой подвоха оказываются отец героя («Отдай, чего дома не знаешь!»): СУС 313А), дочь Морского царя (герой захватывает ее рубашку или крылышки), Морской царь и его слуги (подвохи-превращения в пути во время бегства героев), сам герой (в варианте Русского Устья Морской царь отправляет его к своим братьям-людоедам, но герой благодаря помощи суженой подвоха избегает — Фольклор РУ 23, 38).

Захвата может не произойти: герой не попадает в ловушки змеих (СУС 300А=АА 300*В= К 303),⁴⁵ избегает *подвоха* с сильной и бессильной водой (СУС 301А, В: Афанасьев 129, 130). Неприятно подвоха обычно предшествует *разведка*.

Интересен эпизод встречи героя с Ягой на пути в иное царство. В одних вариантах, явно поздних, Яга (иногда бабушка-задворенка) сразу встречает гостя хлебосольно, в других она сначала угрожает съесть его, но герой отводит угрозу с помощью подвоха, напоминая Яге о законе гостеприимства (требуя сперва накормить, напоить и пр.): статус гостя исключает причинение ему вреда, он всегда под покровительством хозяина.

Захват — четко выраженный тип социальной коммуникации, дающий власть над противником всякому, кто сумеет воспользоваться плодами подвоха.

V. Разведка: разведывание обстановки и получение или неполучение (выдача или невыдача) сведений. Это звено довольно часто оформляется с помощью приема утверждения через отрицание.⁴⁶ Герой через жену пытается узнать, где находится смерть Кашея, и разведка удается только после двух неудач (СУС 302₁: Афанасьев 159 в контаминации); герой прячется от Елены Премудрой, и той дважды удается узнать где, а на третий раз ее *разведка* кончается неудачей (СУС 329: Афанасьев 246).

сят («сходи хоть за водой!») или приглашают помочь («ты бы пошел»); в «Молодильных яблоках» (СУС 551: Афанасьев 175—177) отец просит (а не приказывает или дает задание) достать лекарство для его больных глаз (наказ-задача дан в такой мягкой форме, что воспринимается как просьба о помощи). Таков наказ или просьба орла не убивать, а выжидать его в «Чудесном бегстве» (СУС 313В, С: Афанасьев 220, 221; Фольклор РУ 23).

⁴⁵ А змеиха в образе свиньи в его ловушку попадает (Афанасьев 136).

⁴⁶ См.: *Венедиктов Г. Л.* Внелогическое начало в фольклорной поэтике // Русский фольклор. Л., 1974. Т. 14. С. 231—235 — о приеме утверждения через отрицание.

Разведка сродни захвату, ибо знание о противнике сродни власти над ним. В сказках она иногда принимает форму действия: в «Бое на калиновом мосту» герой превращается в муху (Афанасьев 136), воробья (Афанасьев 137), голубя (Худяков 6), котика (Афанасьев 135) и других и узнает нужное, но чаще — форму простого вопроса: жена, невеста (Афанасьев 157) или мать (Афанасьев 156) героя спрашивает Кашея о его смерти; Яга спрашивает подвластных ей животных (СУС 301₂: Афанасьев 157); герой выпрашивает о способностях будущих товарищей перед заключением с ними товарищеского союза (СУС 513А: Афанасьев 137) и т. д.

VI. Испытание и правильная или неправильная реакция героя. Под этим звеном разумеется косвенное испытание: перед героем не ставится никакой задачи, ситуация возникает перед ним совершенно неожиданно, смысл того или иного ее решения остается самому герою неясным. Он здесь как будто независим от субъекта, создающего ситуацию, полностью свободен в выборе. Герой встречает обреченных животных и спасает их (СУС 560: Афанасьев 191; Садовников 5), ему предстоит трудный выбор (СУС 550: Афанасьев 168). Он не ждет пользы от своего поступка или награды за него, да и польза или награда за верный поступок герою остается неясной. В поздних вариантах может встречаться нелепый для народной культуры торг (влияние буржуазных отношений). Такой торг нелеп, ибо обнаруживающаяся «выгода» превосходит все ожидания; здесь сама ситуация говорит не о расчетливости героя, а о его бескорыстии.

Часто испытание сопровождается просьбой о помощи, так что трудно определить, *испытание* или *помощь* являются главными. Например, стрелок набредает на птицу, прицеливается, иногда ранит, и та просит не убивать ее;⁴⁷ голодный или ищущий звериного молока герой находит и не убивает желанную добычу;⁴⁸ Емеле везет — ему случайно попадает в ведро щука, которой можно «разговеться» (СУС 675: Афанасьев 166, 167).

Испытание персонажа — это испытание его на знание законов социальной взаимопомощи: герой выдерживает экзамен — антигерой нет.

Сюда не относится толкуемый В. Я. Проппом как испытание героя с помощью пищи мертвых эпизод в избушке Яги.⁴⁹ Напротив, герой здесь не испытываемый, а хозяин положения:

⁴⁷ Напр.: СУС 465А: Афанасьев 212; эпизод СУС 313В: Афанасьев 219—221 и др.

⁴⁸ Напр.: СУС 302₁: Афанасьев 156; СУС 400₁=АА 400А=К 400А, В, С, D: Афанасьев 268; СУС 554: Садовников 4; СУС 315=АА 315А: Афанасьев 202, 204.

⁴⁹ *Пропп В. Я.* Исторические корни... С. 53, 54, 56, 65, 67, 79, 80.

угрозе Яги герой противопоставляет подвох, требуя накормить и прочее, т. е. поступить согласно закону гостеприимства.⁵⁰ Накормленный, он уже гость, и хозяйка дома должна служить ему. Перед нами *захват* (иногда — испытание героем Яги на знание законов гостеприимства).

VII. Предложение и принятие или непринятие его. Чаще всего это предложение брака, как в «Волшебном кольце», «Кашее», «Елене Премудрой». Либо — предложение союза, дружбы (в древности, вероятно, побратимства, очень важного и частого союза): таково предложение встречным богатырям (или богатырей) в «Трех подземных царствах».

Предложение может исходить от любой стороны и заменяться другим звеном, например, *помощью* или *встречей*: так, богатыри могут быть приглашенными, или просто встреченными, или просить о товариществе. Например, о принятии в товарищи просят чудесные старички — будущие помощники героя (СУС 513А: Афанасьев 137 в контаминации); богатыри Усыня, Горыня и Дубыня (СУС 301А, В: Афанасьев 141) и др.

VIII. Встреча неантагонистов и заключение союза или разрыв уже заключенного союза (брак, братание, служба, предательство). Чаще всего это побратимство, заключение товарищеского союза (как в *предложении*, но без формального предложения союза): герой на пути к цели встречается будущих товарищей — Вырвудуба, Вернигору, Усыню, Объедалу, Опивалу и т. д. — и дальше они едут вместе. В современных записях смысл этого когда-то великого союза (обряда) остается неясным.

Встреча с девицей выступает как заключение брака в разных сюжетах (напр., в контаминации Афанасьев 159). В ряде вариантов сказок неясно, что речь идет именно о супружестве, ибо дохристианский брак обходился без церковного венчания и порою не ограничивался союзом только с одной супругой.⁵¹

⁵⁰ Речь идет не только о кормлении. Мотив еды, вообще, может отсутствовать: например, от хозяйки требуется слезть с печи и посидеть с гостем (Афанасьев 137).

⁵¹ Особенно ярко это проявляется в записях И. А. Худякова (СУС 301А, В). В одной из сказок хозяйки медного и серебряного царств просят героя взять их замуж с оговоркой: не за себя, так за брата, — и дают по яйцу, в которое скатывают все свое имущество; в конце герой прощает братьев и *разрешает* им жениться на царевнах медного и серебряного царств (Худяков 2). В другой сказке каждая из двух девиц дает ему кольцо и посылает к следующей сестре; последняя помогает убить льва только за обещание жениться на ней. Сестер герой сразу предназначает в жены братьям, но женится на нареченной, а братьев бросает в ров, наказывая за предательство (о судьбе девиц не говорится) (Худяков 114). В третьем тексте девки указывают герою путь к матери за обещание взять замуж, дают по перстню, потом скатывают дворцы в яички, и братья спускают мать и

Иногда звено кончается принятием героя на службу, в подданство и т. п.⁵² Заключение союза обнаруживается лишь в дальнейшем, когда «встреченным» обязательно даются ответственные задания.

Если же встреча оказывается встречей людей, уже связанных договором, родством (товарищи, братья), то ситуация может разрешиться разрывом союза, предательством, как, например, в «Молодильных яблоках», где старшие братья обкрадывают и убивают младшего: сбрасывают в пропасть (СУС 551: Афанасьев 173), рубят на куски (Афанасьев 172).⁵³

IX. Клеймение: наложение знака и узнавание или не узнавание по знаку. В одном случае это буквальное нанесение клейма: в «Сивке-Бурке» царевна клеймит допрыгнувшего до нее дурака (Худяков 10) и потом узнает его по этому клейму.⁵⁴ Перед нами форма заключения брака. В других случаях это не клеймо, а знак, по которому узнается герой: например, кольцо или перстень царевны, ее платок.⁵⁵ Жена героя, обретенная в результате *захвата*, дает мужу в дорогу полотенце (убрус, ширинку, платок своей работы и пр.) — знак, по которому Яги признают в герое родственника и оказывают ему помощь (СУС 465А, С, В: Афанасьев 212, 215, 216); Яги дают герою или героине «тряпóк» или платок для «смягчения» или укрощения сестры и получения от нее помощи (эпизод СУС 551: Балашов 65; СУС 432: Балашов 88).

Третий случай, где предметы, оставленные героем, подают знак о необходимости ему срочной помощи, наиболее ярок в «Бое на калиновом мосту»: герой оставляет товарищам или братьям нож с полотенцем и тарелку, миску или таз, которые наполняются кровью и пр. (Афанасьев 136—138). См. также эпизод в контаминации «Марья Маревна»⁵⁶ (Афанасьев 159), где герой оставляет мужьям сестер серебряные вещи, чернеющие, когда Кашей отнимает у него жену или убивает его, и др.

всех трех *его* невест; дома его просто венчают с хозяйкой золотого царства, а старших сыновей казнят за предательство царь (Худяков 3). В четвертом тексте девушка только одна — украденная царевна (Худяков 5).

⁵² См.: СУС 653: Афанасьев 145—147; Фольклор РУ 26, 32; СУС 531=К 531: Афанасьев 170 и др.

⁵³ Характерно и для других сюжетов: например, братья сбрасывают героя в ров (Худяков 113 в контаминации).

⁵⁴ Царевна может одновременно заклеить героя и оставить ему «опознавательный знак» — клеймо и платок (СУС 530=АА 530А и 530А=АА 530*В: Афанасьев 184) — или ограничиться одним из них (Афанасьев 181).

⁵⁵ В разных сюжетах, например, в СУС 530=АА 530А: Афанасьев 181, в СУС 301А, В: Худяков 5, СУС 300=АА 300А: Афанасьев 176 в контаминации, СУС 532: Афанасьев 295 и в других сюжетах.

⁵⁶ Так у автора, считавшего, что отчество героини происходит не от «морья», а от мужского имени Марей (церк. Мáрий). — М. Н.

Х. Противостояние (антагонизм): вызов, вредительство, нанесение недостачи и обнаружение супротивника, затем принятие вызова или отказ от сопротивления. Смысл звена — в обнаружении противников. Чаще всего оно раскрывается как обмен словесными ударами, как похвальба одного и осаживание его другим. Это почти обязательный сказочный ритуал встречи противников. Ситуативность первой функции подчеркивается тем, что «супротивник» находится часто не сразу, а лишь на третий раз. Для такого ритуала типично «выдувание» полей, «токов» для боя в разных сюжетах,⁵⁷ кормление друг друга железной пищей в «Катигорошке».⁵⁸ Наиболее сложная форма противостояния встречается в «Курочке рябе» (СУС 2022В=АА *241 III, 2022), где отказ от сопротивления беде принимает гротескную форму всеобщего отчаяния по ничтожному поводу (яичко разбилось).

ХI. Борьба (противоборство): столкновение и победа или поражение.

Столкновение происходит по закону звена, как диалог действий, как обмен ударами (если это бой), последний из которых приводит к победе или поражению. Но иногда бой ведется уже как одновременное взаимное действие. Поражение героя часто раскрывается как его смерть.⁵⁹

Сказка по своей морфологии не призвана отражать процессы, их длительность. Процесс боя раскрывается уже на синтаксическом уровне как повторение взаимных ударов, через гиперболизацию *борьбы* и прием утверждения через отрицание: дважды неудача, а победа на третий раз. В «Бое на калиновом мосту» герой изнемогает, просит помощи у заснувших товарищей, но лишь на третий раз прибегают либо они, либо конь героя, помощь оказывается и он наносит победный удар.

⁵⁷ Например, выдувание «токов» для боя в «Бое на калиновом мосту» (Худяков 6), «Трех подземных царствах» (Афанасьев 139), «Катигорошке» (Афанасьев 133, 134), «Победителе змея» (Зеленин-2 24).

⁵⁸ Пища змея — железные бобы и хлеб (СУС 312D=АА*312 I: Афанасьев 134); пища Ворона Вороневича — «чигунные орехи» (СУС 312D=АА *312 I: Зеленин-1 27).

⁵⁹ Смерть героя от руки противника — нередкий случай: Кашей дважды шадит и наконец убивает героя (Афанасьев 159), в «Молодильных яблоках» его сбрасывают на тот свет или убивают братья; в «Неверной жене» губит героя португальский король либо названный по-другому любовник жены (СУС 318=АА 315*В=К 568: Фольклор РУ 4, 21 — в контаминации); в «Катигорошке» змей убивает братьев героя (Афанасьев 134); в «Двух братьях» (СУС 303=К 300) одного из них колдунья превращает в камень (Куприяниха II в контаминации), глотает (Афанасьев 155). Там, где гибель героя происходит в результате действия другого звена (*захвата*, подвоха колдуни в «Двух братьях»), гибель описывается коротко или просто констатируется.

Борьба часто предваряется похвальбой, словесным поединком (*антагонизм*). Примечательно, что силой хвастает противник героя, а последний осаживает его. Таким образом, бой в русской сказке складывается в целый ритуал из *антагонизма* (X), *борьбы* (XI) и *помощи* (III), с повторением и варьированием звеньев, причем суть боя — борьба. Так в звеньевой цепи складываются излюбленные для данной традиции сращения.

XII. **Преследование** и спасение или не спасение от него. Таково удачное бегство Симеонов с похищенной царевной, бегство от Морского царя, от царь-девицы с живой водой и (или) молодильными яблоками, бегство от змеих в «Бое на калиновом мосту» — удачное для героя и неудачное (или не всегда удачное) для его спутников, бегство от Кашея — дважды неудачное и под конец удачное, и пр.

XIII. **Соперник (притязания)**: притязания и подтверждение или неподтверждение их. Чаще всего звено выступает в форме, отмеченной В. Я. Проппом: ложные притязания и их разоблачение.⁶⁰

С притязаниями может выступить сам герой, и тогда они подтверждаются: притязания на победу над вредителем в сюжете «Солдат находит исчезнувшую царевну» (Фольклор РУ 4, 21), на решение задачи (добывание диковинок. — М. Н.) в «Свинке — золотой щетинке» и др.

Этим звеном оформляются притязания царя, генерала или купца на супругу героя (СУС 465А, В, С): за соперником героя стоит сила, он оказывается вовсе не «ложным», в классовую эпоху он воплощение некоей социальной и антинародной силы. Звено *соперник* выражает скрытый антагонизм как противостояние внутри социума, исторически это последняя форма противостояния.

Особое отношение вызывает пара Пропповых функций (двадцать третья и двадцать девятая): неузнанное прибытие и трансфигурация (преображение, повышение статуса), реабилитация героя. Например, в «Трех подземных царствах» или «Молодильных яблоках» он после смертельных передрыг возвращается на родину неузнанным, но решает трудные задачи и возвращает себе статус героя. Обычно это следует за звеном *притязания (соперник)*, за разоблачением ложного героя. Казалось бы, стоит поднять вопрос о звене XIV (**реабилитация**).

Как будто именно переход от низкого [социального] положения к высокому выражает существо сказок о приниженном герое, сироте, запечнике. Однако здесь речь идет не о звене, а о теме, о сюжете в [современном,] «незвеньевом» понимании: ведь сказки о падчерице и запечнике оформляются вышеназванными зве-

⁶⁰ Например, в сюжетах «Три подземных царства», «Молодильные яблоки», «Чудесная дудочка», «Солдат находит исчезнувшую царевну» и пр.

нями и в дополнениях не нуждаются. Возражения против четырнадцатого звена диктуются морфологией сказки. Во-первых, вводной функции (неузнанное появление) противостоит не два, как обычно, а только одно действие (преображение, реабилитация). Во-вторых, субъекты двух функций звена всегда разные, а здесь субъект один: и «прибывает», и «преображается» герой. Проверка показывает, что преобразование — это следствие действия предыдущего звена (разоблачения ложного соперника или правильного решения поставленной задачи). Таким же следствием (следствием предательства братьев, поражения или смерти) оказывается и неузнанность героя. В сказках о запечнике («По щучьему велению», «Сивко-Бурко», «Золушка») такая «неузнанность» — просто исходное положение героя.

Таким образом, перед нами не звено, а пара действий — очень существенных для понимания хода сказки, но функциями не являющихся. Очевидно, что кроме функций в сказке есть еще сюжетообразующие величины, о чем будет сказано ниже.

Итак, бесспорных звеньев тринадцать. Исключая последнее (*соперник*), их легко сгруппировать по трое, тогда *наказ, задача и помощь* составят группу «Деяние»; *захват (подвох), разведка и испытание* — группу «Препятствие»; *предложение, клеймение и встреча* — группу «Союз»; *противостояние (антагонизм), борьба (противоборство) и преследование* — группу «Антагонизм» («Борьба») (в вариантах статьи соответственно «Деяние», «Услуга», «Договор», «Борьба». — М. Н.). В каждой группе первое и последнее звено противопоставлены по активности — пассивности. Отметим, что группы складываются эмпирически.

Внутри каждой группы хотя бы часть звеньев взаимозаменяема. По существу, в практике рассказывания одно действие может оформляться то *наказом*, то *задачей*, то *помощью*. Так, в «Сивке-Бурке» отец, умирая, может то приказать детям дежурить на могиле, то попросить их об этом. Морской царь то дает наказ герою, то ставит перед ним задачу. Эпизод о герое в избушке на курьих ножках оформляется то *захватом*, то *испытанием*, а по существу герой часто совершает здесь *разведку*: Яга обязательно указывает ему дорогу. Встреча героев может оканчиваться формальным *предложением*, а может обходиться без него, но союз всегда заключается. Близость *антагонизма* и *борьбы* тоже очевидна. Взаимозаменяемости звеньев разных групп обычно не наблюдается, только *помощь* может тяготеть к разным группам и выступать в различном значении.

Отметим, что только первая группа отражает отношения внутри социума, три другие охватывают и межсоциумные отношения.

Относительный порядок между звеньями или их группами все же существует. Но он вовсе не соответствует неким праобряз-

ду и прамифу, а отражает понимание человеком жизни как цепи деяний, в которой большую роль играют преодоление препятствия и услуга, социальный союз и борьба. Эта матричная мысль и определяет порядок функций, который был во многом угадан В. Я. Проппом. В любом случае морфология сказки в мифологических подсказках не нуждается.

Возможно, что порядок звеньев и вообще раскрывает историческое становление социальных отношений. Так, первое звено *наказ* в основе своей несет древнейший институт табу, лежащий в фундаменте таких явлений, как экзогамия и тотемизм. Последнее, *соперник*, выражает противостояние внутри социума.

«Неиспорченная» сказка легко укладывается в звеньевую цепь. Однако надо иметь в виду, что звенья могут не только следовать одно за другим, но и составлять пирамиду. Часто причиной или условием замыкания, завершения звена служит иное звено или ряд иных звеньев, так что складывается целая пирамида — конструкция, внутри которой оказывается несколько звеньев. В ней всегда наблюдается строгий порядок: звено может находиться только внутри другого звена, следующее звено — внутри второго и т. д.; но половинки звена (функции) не могут быть разбросаны внутри разных звеньев. Пирамида звеньев может быть сколь угодно высокой, но закон этот неукоснительно соблюдается. Исключение только одно — *клеймение*. Внутри звена может находиться не только пирамида, но и цепочка звеньев, иногда осложненная их пирамидой.

Посмотрим, как выполняется задание царя достать диковинку в «Пойди туда, не знаю куда».⁶¹ Царь задает герою задачу — достать диковинку. Но, чтобы ее решить, герой должен ответить на расспросы жены о причине его горя — звено *разведка*; жена его — дать *наказ* слугам (а те — выполнить его); произвести *клеймение* героя, снабдив его полотенцем, по которому Яги узнают в нем «своего»; герой должен пройти *испытания* в доме новой родни, Ягишен; последняя Яга — произвести *разведку*, расспросив зверей о Невидимке; герой должен выполнить *наказ* лягушки, которая предлагает перевезти его через огненную реку; произвести *разведку* — узнать, как ведет себя Невидимка; сделать *предложение* послужить ему, выдержать *испытание* (приглашает Невидимку вместе пообедать и выдерживает испытание): следствием выдержанного героем испытания является служба ему

⁶¹ По всей видимости, речь идет о разборе не всего сюжетного типа «Красавица жена» (СУС 465А), а конкретного текста (Афанасьев 212). Для него автор ошибочно называет Ягишнами и Ягой красавиц-сестер героини и старуху мать в великолепном дворце. Герой ведет себя с тещей и свояченицами так же, как с Ягой, требуя прежде расспросов проявить гостеприимство. — М. Н.

Невидимки (атрибут звена *испытание*). Таким образом задача достать Невидимку оказывается выполненной. Нередко пирамида звеньев еще выше.

С помощью звеньев можно дать морфологическое описание любого сказочного текста и, согласно нумерации звеньев, составить его формулу, причем описание и формула могут быть краткими или развернутыми. При этом надо учесть, что звенья внутри смысловых групп могут быть взаимозаменяемыми.⁶²

Рассмотрим теперь конкретный текст «**Семь Симеонов**» (СУС 653: Афанасьев 145, подробное описание).⁶³

Встреча: отец приводит детей царю, тот производит неудачную *разведку* (отец не дает сведений об умениях сыновей), затем удачную (выспрашивает каждого о его ремесле и получает ответы) и принимает Семенов на службу. Царь дает *наказ* одному из братьев узнать, что делается на свете — наказ выполняется. Царь ставит *задачу* достать царевну — задача, благодаря раскрытию умений каждого из братьев, выполняется. Царь приказывает узнать, кто приехал, и узнает, что Семены; дает *наказ* встретить их пушечным боем, что исполняется. Далее текст скомкан: *предложение* и *разведка* (царевна не хочет замуж за царя, хочет за Семена, и царь соглашается). Приказ обвенчать с Семеном — апофеоз.

[Формула сказки:] VIII — V; 7V — VIII; I; II — 7II; I — V — I; I; VII — V — VII; I!

Неструктурным в данной сказке оказывается самый конец: «Только царевна не пошла за царя взамуж: он был уже стар». Это нетипичный для сказки кусок: надо, чтобы царь, например, делал предложение, и героиня отказывала.

«**Молодильные яблоки**» (СУС 551: Афанасьев 175, краткое описание).⁶⁴

Помощь (царь ищет, кто бы выполнил задачу, и находится старший сын); *задача* (ставится задача, старший сын едет выполнять ее и не выполняет), внутри звена *задача* находятся звенья *наказ* (герой наезжает на дуб с надписью-предвещением, оно исполняется) и *захват* (Ирина устраивает ловушку герою, тот

⁶² Звенья обозначаются римскими цифрами. Законченные звенья отделяются друг от друга точками, тире отмечают включения в звено других звеньев; если они велики, то могут применяться круглые и квадратные скобки (см. формулы). Апофеоз обозначается «!», периоды — «;».

⁶³ Тексты (Афанасьев 145 и 147) имеют общее название, но в данном тексте говорится не о Симеонах, а о Семёнах. — М. Н.

⁶⁴ В данном варианте автором дано подробное описание текста (включая внеструктурные куски и обломки звеньев), уместное для монографии. Оно заменено кратким вариантом описания, взятым из следующей редакции статьи. Формулы сказки в них тоже различаются. — М. Н.

попадает в нее и оказывается в подвале) — таким образом, задача не выполняется. Все повторяется в отношении второго царского сына. *Помощь* (царь просит помощи — младший сын вызывается помочь), *задача* (которая на этот раз выполняется), внутри звена *задача* звенья *разведка* (герой выпрашивает бабушку-задворенку о нужном коне — та дает ответ), *наказ* (герой наезжает на дуб с предвещением) и *захват* (заставляет бабушку-задворенку служить себе); далее скомканный кусок — задача выполняется. Затем *преследование* (погоня и спасение от нее); далее *наказ* и его исполнение (опять приезжает к дубу), *захват* («подвоха» Ирины герой избегает, но сам устлавает ей ловушку и благодаря этому спасается и спасает братьев); *наказ* (некий старичок предупреждает героя о смерти), внутри звена — *встреча* (братья убивают героя), *захват* (старичок захватывает ворона, тот достает живой воды, в результате герой воскресает);⁶⁵ далее *наказ* (царь-девица требует виноватого — он выдается): внутри него звено *соперник* (необоснованные претензии старших братьев) — дважды, наконец *наказ* выполняется, следует апофеоз.

(III. II — I. IV — II.)²; III. II — (V. обломки звеньев I. IV) — II; XII — (обломки) — XII; I. IV; I — VIII — I.IV; [I — (XIII — V — XIII) — I]²; I — I. V — I!⁶⁶

Текст содержит довольно большое количество обломков разрушенных звеньев и внеструктурные фрагменты.

«Горшения» (СУС 921E*=AA *921 II: Афанасьев 324, краткое описание).

Задача (царь задает загадку — она в конце концов отгадывается), внутри этого звена — *помощь* (барин выпрашивает, кто бы помог, и горшения отказывается), *предложение* (предложение денег за разгадку — горшения отказывается) и *помощь(?)* (горшения обещает царю отгадку и выполняет обещание); далее *наказ* (царь велит каждому являться к нему только с горшком, купленным у отгадчика), внутри звена *наказ* — *помощь* трижды (барин просит продать — горшения не продает) и *захват* (горшения вместо платы предлагает везти его на себе — барин принимает подвох), апофеоз.

II — (III. VII. III?) — II; I — (III. IV) — I!

Обратим внимание на то, что «Семь Симеонов» и «Горшения» сюжетно относятся к позднему этапу сказки, и все же их композиция целиком находится в рамках позвеньевого цепи, не считая

⁶⁵ Далее скомканный кусок: вероятно, речь о своеобразной просьбе о помощи и оказании ее старичком.

⁶⁶ Внутри *задачи* братьям находится цепочка звеньев, а внутри *наказов* царь-девицы — пирамида звеньев. Выдачей виноватого снимается противостояние героини царю (звено X). — М. Н.

незначительных перебоев (в первой сказке *наказ* узнать о событиях в мире дается одному герою, а должен бы всем; звено *помощь* во второй сказке: надо бы, чтобы не горшения обещал разгадать загадку, а царь просил — горшения исполнял).

Понятие звена и звеньевой цепи дает в руки исследователя инструмент, позволяющий не только опознать народную сказку, но и отчленить канонические, традиционные части ее от морфологически [не оформленных,] скомканных, с обломанными звеньями, с описаниями вместо последовательного раскрытия, инструмент для разделения древних слоев сказки и слоев верхних, возникших под влиянием литературы письменной, с новой эстетикой, чуждой собственно сказочной структуре. Любой не оформленный согласно законам морфологии сказки период свидетельствует о нарушении цельности конкретного текста, о том, что перед нами либо забытый сказочником сюжет, либо усвоенный из письменного источника, либо свидетельство распада сказочного творчества, либо творчество рассказчика современного типа, включающего в себя только сказочные мотивы, а не структурированную ткань, либо это описательная, вольная, неяршливая запись...

В позвеньевую цепь не укладываются фрагменты, которые и на слух воспринимаются как материал, чуждый сказочному канону, как порча. При нарушении законов построения народной сказки в первую очередь страдает [основной] закон двусубъектности звена. Пример нарушения законов сказочного мира демонстрирует текст «Молодильные яблоки» (Афанасьев 173).⁶⁷

Перейдем к завершению описания звена и морфологических единиц сказки. Каждое звено в реальности состоит из двух «функциональных». Однако ими не исчерпываются действия, существенно важные для «хода» сюжета. В число таких действий, не являющихся ни вводом в ситуацию, ни выводом из нее, входят следствия разрешения ситуаций определенным образом, следствия функционирования звена. Их можно назвать атрибутами звена. Атрибуты звена не надо путать с атрибутами — свойствами персонажей (волшебная жена — помощница мужа; Яга — в более древних вариантах — всегда людоедка и т. п.), даже если перед нами похожие действия. Так, змей начала сказок — похититель: он похищает сестру Катигорошка (Афанасьев 133, 134) в силу

⁶⁷ Здесь герой сам создает себе ситуацию и решает ее; вместо благодарности за перевоз убивает помощника, а разведка при этом оказывается чисто формальной. Герой добывает волшебное зелье, усыпляет с его помощью великана (*захват!*), а потом убивает его. Здесь убийство выступает окончанием звена *антагонизм*, но где его начало? Весь материал не каноничен для данного сюжета — перед нами, [вероятно], личное творчество сказочника.

своей природы похитителя женщин — это свойство, характеристика, атрибут данного персонажа. Похищение же героини Кашеем в «Марье Маревне» — это следствие звена *захват*: герой поддается на уловку (подвох) противника, в результате Кашей набирается силы, получает власть над ним и похищает его жену.⁶⁸ Такое действие, не зависящее от характеристики персонажа, но являющееся результатом функционирования звена, и будет атрибутом этого звена.

Так, выполнение *наказа* (например, наказа отца дежурить на его могиле в «Сивке-Бурке») всегда ведет к одариванию героя,⁶⁹ невыполнение часто приводит к беде (например, исчезновение волшебных супругов из дому часто является результатом сжигания «звериной» шкурки без их наказа),⁷⁰ выражением крайней степени беды может стать смерть героя.⁷¹ Выполнение поставленной задачи повышает статус героя (например, делает его царским зятем).⁷² Оказание помощи герою (героиней) делает обязательной ответную помощь ему (ей) в трудную минуту — благодарных животных, отпущенного пленника, Емелиной шуки, накормленной падчерицей мышки,⁷³ и пр. Таково и очень важное для ряда сюжетов воскрешение героя животными, которых он в свое время в ответ на просьбу не ест их, пожалел и отпустил.

Захват персонажа или героя дает власть над ним. В результате, например, Яга служит герою, ворон добывает живую и мертвую воду для оживления героя⁷⁴ или его брата. Удавшийся подвох противника приводит к похищению жены героя Кашеем, к зато-

⁶⁸ Змей как похититель женщин: СУС 312D=AA*312 I (Афанасьев 133, 134); Кашей похищает жену героя: СУС 302₂ (Афанасьев 159).

⁶⁹ В некоторых вариантах у отца три волшебных коня, по числу сыновей, и все они достаются дураку. Если конь один, то он много раз служит герою, если их три, то каждый раз дурак выезжает на новом коне (и в «Сивке-Бурке», и в «Свинке-золотой щетинке»).

⁷⁰ См.: СУС 402, далее СУС 400₁=AA 400A=K 400A, В, С (Афанасьев 267—269). Иногда это благо: СУС 430 (Афанасьев 277) и др.

⁷¹ Не только подвох матери-героини, но и нарушение запрета мужа говорить о том, как его вызвать, приводит к смерти мужа-водяника (СУС 425 M=K458: зап. от А. Я. Кольцовой 1907 г. р. из д. Обрамово Тихвинского р-на Ленинградской обл. в 1984 г. — хран. в личном архиве Г. Л. Венедиктова. — М. Н).

⁷² В «Сивке-Бурке» и «Волшебном кольце» он становится мужем царевны, в «Чудесном бегстве» (СУС 313A, В, С) получает предложение Морского царя жениться на его дочери (Афанасьев 219, 220).

⁷³ Соответственно СУС 554 (эпизоды в Афанасьев 159, 160 — помощь в добывании волшебного коня); СУС 502 (Афанасьев 123—125); СУС 675 (Афанасьев 165, 166), СУС 480=AA480*C (Афанасьев 98: родная дочь, отказавшая мышке в помощи, гибнет) и пр.

⁷⁴ Оба примера входят во многие сюжеты. Так же горностаи добывают волшебный перстень героя для кота и кобеля (СУС 560 Фольклор РУ 8).

чению братьев в погребке Ирины-мягкой перины⁷⁵ и прочим бедам. *Захват* персонажа или герою иногда ведет его к гибели. Удачная *разведка* позволяет, например, герою «Боя на калиновом мосту» избежать беды и спастись от змеих⁷⁶ и пр. Атрибутивность звеньев *захват* и *испытание* проявляется особенно наглядно. Герой выдерживает испытание: спасая собаку и кота, он получает верных помощников (СУС 560: Афанасьев 190—191), приглашая Невидимку разделить с ним трапезу, обретает вечного слугу (СУС 465А: Афанасьев 212); пройдя испытание железной пищей противника,⁷⁷ Катигорошек обеспечивает себе победу в борьбе.

Заключение союза в результате *предложения*, *клея*, *встречи* ведет к обязательной службе или помощи герою в нужную минуту,⁷⁸ к соблюдению законов братства и товарищества названными или родными братьями (до их предательства — расторжения союза). То, что В. Я. Пропп назвал «неузанным прибытием», является, скорее всего, следствием поражения или гибели героя в результате разрыва братского или товарищеского союза. Вероятно, к атрибутам *встречи* с царевнами иного мира относится в «Трех подземных царствах» свертывание ими своих царств в яички (Афанасьев 132, 139), клубочки (Афанасьев 130) — действия, необходимые для будущей реабилитации героя.

Свадьба, если она приходится на конец сказки (в сказках о Кашее, например, свадьба героя происходит в начале и подается очень скромно) оказывается не только атрибутом группы звеньев «Союз», но и апофеозом всей сказки. Так сказка подчеркивает, что свадьба — общесоциумное явление (см. застывшие формулы концовок сказок: «Я там был, мед-пиво пил...», «Нищие, бедные, подзамочники, подтюремщики бочками катили!»; это типично для сказок Русского Устья и пр.).

⁷⁵ См.: СУС 302₂ (Афанасьев 159, в контаминации); СУС 551 (Афанасьев 175).

⁷⁶ См.: СУС 300А=АА 300*В=К303 (Афанасьев 136—138; Худяков 6). Разведка жены дает ей возможность выполнить свои задания (СУС 402: Афанасьев 269), задания мужа (СУС 313А, В, С: Афанасьев 219, 222—225; Фольклор РУ 23, 38), дать ему совет, например для обуздания «жеребца» (СУС 313А, В, С: Афанасьев 224; Фольклор РУ 23, 38), снарядить его в путь, снабдив путеводным средством (мяч, кольцо, клубок) и/или предметом (платок, ширинка, письмо), по которому ее родня признает его зятем и окажет помощь (СУС 465А и его контаминации с СУС 465В и С: Афанасьев 212—215, Зеленин-2 1, 32 и пр.).

⁷⁷ Железные бобы и хлеб змея (Афанасьев 134), «чигунные орехи» Ворона Вороневича (Зеленин-1 27).

⁷⁸ Такова служба или помощь шести чудесных помощников героя (СУС 513А), помощь волшебной жены, ее родни и пр. Служить могут и герои, принятые в подданство, на службу царем или изначально состоявшие на царской службе (Симеоны; Стрелец, герой «Конька-горбунка») и пр.

Наименее ясны атрибуты группы «Антагонизм (борьба)». Но следствия [функционирования] звеньев *противостояние (антагонизм), борьба (противоборство) и преследование* тоже порою совершенно наглядны.⁷⁹

К атрибутам относится и реабилитация героя — результат разоблачения соперника (звено *соперник* или *притязания*).⁸⁰

Атрибутивность является отражением законов тогдашнего мира, таких как родство, гостеприимство, взаимопомощь и т. п. То, что в ряде случаев эта закономерность ускользает от нашего внимания, объясняется отдаленностью от нас подобных явлений. Главный закон, выраженный звеном *наказ*, раскрывает господство традиции: *наказ* выступает обычно в форме приказа-наставления и воплощает вековую мудрость старших в социуме.

Итак, реальное сказочное звено состоит из двух (потенциально — из трех) функций или из двух функций и атрибута. Таким образом, морфология сказки выражается цепью звеньев, состоящих из двух (ввода в ситуацию и ее разрешения) или трех действий (ввода в ситуацию, ее разрешения и следствия этого разрешения) — вот они, «двучлены» и «трехчлены» А. И. Никифорова! Звенья и их атрибуты — это и есть морфологические единицы сказки.

«Ход действия» в сказке — последовательная цепь звеньев и их атрибутов. При этом атрибут может следовать непосредственно за породившим его звеном, а может отделяться от него сколькими угодно другими звеньями: так, змея в «Волшебном кольце» одаривает героя за свое спасение сразу, а кошка и собака помогают по мере надобности. Действие атрибута конкретного звена может быть однократным, разовым, а может повторяться в данной сказке многократно. Традиционная сказка поражает закономерностью своих действий и отсутствием случайностей. Атрибут звена можно обозначить в сказочной формуле как «а» после многоточия в степени соответствующего звена, например, ...а^{IV}.⁸¹

Единицы морфологии сказки этим исчерпываются. Мы уже говорили о том, что в звеньевой цепи внутри каждого звена может оказаться цепочка и пирамида звеньев; они также могут содержать атрибуты звена.

⁷⁹ Так, в результате победы над змеями пеший герой обретает богатырских коней сначала для братьев (именно кони, а не братья, помогают герою, вышибая третьего змея из седла) и себя (СУС 300А=АА 300*В=К303: Афанасьев 136).

⁸⁰ Характерно для СУС 550=К417 (Афанасьев 168), СУС 551, 300,=АА 300А и их контаминации (Афанасьев 171, 172, 174—178) и др.

⁸¹ Если атрибут следует непосредственно за породившим его звеном, знак степени может опускаться. (Таковы обозначения в формулах сказок, написанных автором. — М. Н.)

Пара слов о мнимом звене и мнимом (точнее обратном) атрибуте. Есть сказки со введением юмористического и сатирического материала. Возьмем сказку «Напуганные медведь и волки» (Афанасьев 44), ее вторую часть (сюжет «Кот — царь зверей»),⁸² где напуганные звери прячутся кто куда, а наши герои⁸³ принимают за приготовленную трапезу, кот при этом мурлычет, а напуганным слышится: «Мало, мало!» — кот, [увидевший хвост сурка], со страху лезет на сосну, а медведю кажется — за ним. Формально перед нами подвох и принятие подвоха. Но на деле подвох существует только в сознании напуганных, это мнимый подвох, который принимается за настоящий, мнимая «функция». Конец этой сказки — *разведка*. Лиса спрашивает медведя, не ушибся ли он падая, а медведь отвечает: «Нет, кумушка, если б я не прыгнул, кот бы давно меня съел!» И здесь вторая функция звена — мнимая. Несоответствие формы звеньев и их мнимого содержания дает комический эффект.⁸⁴ Если в научных работах писали об особом приеме комического, где поступки персонажей или условия, в которых они действуют, получают характер необычности,⁸⁵ то этот прием находит здесь себе морфологическую расшифровку.

При написании формулы мнимое звено можно обозначать надстрочным знаком «обратности» — стрелкой, направленной против движения, справа налево: \overleftarrow{V} , \overleftarrow{IV} .

Кроме мнимого звена встречается и мнимая (вернее обратная) атрибутивность. Вся сказка «Старая хлеб-соль забывается» (Афанасьев 27) строится на нарушении закономерной атрибутивности звена *помощь*: вместо благодарности следует обратная атрибутивность — неблагодарность.

Начало сказки таково: волк просит помощи — мужик спрашивает его и оказывает помощь. Вместо благодарности (атрибут звена *помощь*) волк демонстрирует неблагодарность и угрожает съесть мужика. В формуле эта мнимая, обратная атрибутивность может обозначаться как \overleftarrow{a} : III — V — III... \overleftarrow{a} . X... — и далее продолжение сказки.

В центре морфологического строения сказки оказывается не простая мифологема. Сложное сказочное звено показывает, чем сказка была первоначально, — цепью автономных ситуаций,

⁸² Сказка состоит из двух сюжетов: СУС 125 (Напуганные волки) и СУС 103А* (Кот — царь зверей); автор рассматривает часть только второго сюжета. — М. Н.

⁸³ Здесь: кот и баран, который занимает место лисы. — М. Н.

⁸⁴ Иными словами, реальным звеном оформляются оба действия, одно из которых в реальности оказывается мнимым.

⁸⁵ Тарасенкова Е. Ф. Жанровое своеобразие русских народных сатирических сказок // Русский фольклор. Л., 1957. Т. 2. С. 62.

их разрешений, а иногда — и следствий этих разрешений. Суть сказки заключалась в раскрытии способов выхода из различных ситуаций, т. е. в раскрытии форм поведения человека. Сказка начинается не с размышления, а с осознания, с типизации, с формализации этих форм поведения, ее морфологическая единица является не отражением мифологических представлений далекого прошлого, но выражением вечно актуальных законов социальной коммуникации.

Этим определяются достоинства и историческая ограниченность сказки. Сказка оказывается выражением коллективного, а не индивидуального взгляда на мир: она чужда психологизму, мотивировкам поведения, ориентирована вовне, она не рассуждает, а показывает фундаментальную основу характера человека — его действенность. Сказка говорит только о законах социума, поэтому ее действия носят характер «случайной неслучайности»: случайной, но необходимой победы, случайной как будто женитьбы, случайного, но неизбежного выезда из дому и т. п. Сказка — выражение общего, коллективного сознания, ее герой всегда оказывается дробью общего, дробью социума, сказка обнажает социальную сущность человека.

Из этого следует, что простейшая звеньевая цепь не несет идеи ни в форме мысли, ни в форме отношения, идейность сказки — это вопрос ее синтаксиса. Смысл сказывания сказки первоначально состоял не в донесении до слушателя идеи, не в обсуждении жизни, не в забаве, а в поддержании установленной традиции. Вспоминая наблюдения этнографов над условно «первобытностью», можно согласиться с императивным влиянием сказки на слушателей. Возможно, что с ослаблением императивности, побудительности звеньев сказки только и открывается дорога к идейности как к оценочности и пересмотру тех или других институтов. «Идейность» сказки просматривается как борьба между противоречащими друг другу институтами первобытности, например, между материнским и отцовским правом.

И. И. Ревзин писал о сказке: «...любая вторичная знаковая система, построенная на основе естественного языка, помимо свойственной ей эстетической функции, несет определенную коммуникативную функцию, облегчая языку его роль как средства общения».⁸⁶ Но морфологический анализ раскрывает сказку не как некую информацию, не как подобие речи, а как нечто своеобразное, не позволяющее перенести на нее законы структурной лингвистики. Ее морфология — инструмент для проверки

⁸⁶ Ревзин И. И. К общесемиотическому истолкованию трех постулатов Проппа (Анализ сказки и теория связности текста) // Типологические исследования по фольклору : Сборник статей памяти В. Я. Проппа (1895—1970). М., 1975. С. 89.

древности, подлинной «сказочности» текстов, отчленения в них сказки, жившей века и тысячелетия, от сказки периода упадка феодализма и сближения ее с литературой авторского типа. Морфология сказки раскрывает пласт, совершенно свободный от «авторского» начала, от произвола отдельных индивидуумов.

Такова морфологическая система русской и всей восточнославянской⁸⁷ сказки. Эта система в своей основе была заложена В. Я. Проппом и А. И. Никифоровым. Автору осталось, насколько [это] возможно [на данном этапе], попытаться завершить ее.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- РГО — Русское географическое общество
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
СУС — Сравнительный указатель сюжетов : Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.
Афанасьев — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. текстов, предисловие и примеч. В. Я. Проппа. М., 1957.
Афанасьев Легенды — *Афанасьев А. Н.* Народные русские легенды / Под ред. И. П. Кочергина. Казань, 1914.
Балашов — Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л., 1970.
Зеленин-1 — [Зеленин Д. К.] Великорусские сказки Пермской губернии / Сборник Д. К. Зеленина. Пг., 1914 (Записки Имп. РГО по отд-нию этнографии; Т. 41).
Зеленин-2 — [Зеленин Д. К.] Великорусские сказки Вятской губернии / Сборник Д. К. Зеленина. Пг., 1915 (Записки Имп. РГО по отд-нию этнографии; Т. 42).
ЗКП I — Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Имп. РГО по отд-нию этнографии / Под ред. А. В. Адрианова. Красноярск, 1902. Т. 1. Вып. 1.
ЗКП II — Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Имп. РГО по отд-нию этнографии / Под ред. Г. Н. Потанина. Томск, 1906. Т. 1. Вып. 2.
Куприяниха — Сказки Куприянихи / Запись сказок, статья о творчестве Куприянихи и коммент. А. М. Новиковой и И. А. Оссовецкого; Вступ. статья и общ. ред. И. П. Плотникова. Воронеж, 1937.
Фольклор РУ — Фольклор Русского Устья / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габышев и др. Л., 1986. № 1—66 (сказки).
Садовников — Сказки и предания Самарского края / Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. СПб., 1884 (Записки Имп. РГО по отд-нию этнографии; Т. 12).

⁸⁷ А возможно, и сказки восточноевропейской.

Смирнов — Сборник великорусских сказок Архива РГО / Изд. А. М. Смирнов. 1917. Вып. 1—2 (Записки РГО по отд-нию этнографии; Т. 44).

Худяков — Великорусские сказки в записях И. А. Худякова / Изд. подгот. В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева; Отв. ред. В. Г. Базанов. М.; Л., 1964.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В качестве примеров в статье использованы сюжеты:

СУС 1 Лиса крадет рыбу с воза (из саней)

СУС 2 Волк у проруби

СУС 103 Кот и дикие животные (103А* Кот — царь зверей)

СУС 125 Напуганные волки

СУС 155 «Старая хлеб-соль забывается»

СУС 222В*=АА 222*В Мышь и воробей (часть сюжета СУС 313В)

СУС 300₁=АА 300А Победитель змея

СУС 300А=АА 300*В=К 303 Бой на Калиновом мосту

СУС 301А, В Три подземных царства

СУС 301D*=АА 301*С Солдат находит исчезнувшую царевну

СУС 302₁ Смерть Кашея в яйце

СУС 302₂ Смерть Кашея от коня

СУС 303=К 300 Два брата

СУС 311 Медведь (леший, чародей, разбойник) и три сестры

СУС 312D=АА *312 I Катигорошек

СУС 313А, В, С Чудесное бегство: 313А начинаются эпизодом: черт (водяной) схватывают за бороду путника, пытающегося напиться; сказки типа 313В: человек спасает птицу, она уносит его в заморское царство, дарит сундучок, который нельзя открывать, он нарушает запрет; тип 313С оканчивается эпизодом «Забятая невеста».

СУС 315=АА 315А Звериное молоко

СУС 318=АА 315*В=К 568 Неверная жена

СУС 325 Хитрая наука

СУС 327F Мальчик-рыбак и ведьма

СУС 329 Елена (Алёна) Премудрая

СУС 400₁=АА 400А=К 400А, В, С, D Муж ищет исчезнувшую (или похищенную) жену (жена ищет мужа)

СУС 402 Царевна-лягушка

СУС 425M=К 458 Жена ужа (змея, гада)

СУС 430 Муж-осел (баран, козел, пес)

СУС 432 Финист ясный сокол

СУС 450 Братец и сестрица

СУС 465А Красавица-жена («Пойди туда, не знаю куда»)

СУС 465В Красавица-жена (Гусли-самогуды)

СУС 465С Красавица-жена (Поручение на тот свет)

СУС 480=АА 480*С Мачеха и падчерица: падчерица играет в прятки с медведем

СУС 480В*=АА 480*F Мачеха и падчерица: падчерицу посылают
за огнем к Бабе-Яге
СУС 485=АА *485А Борма-ярыжка
СУС 502 Медный лоб
СУС 510А Золушка
СУС 513 А Шесть чудесных товарищей
СУС 530=АА 530А Сивко-Бурко
СУС 530А=АА 530*В Свинка-золотая щетинка
СУС 531=К 531 Конек-горбунок
СУС 532 Незнайка
СУС 550=К 417 Царевич и серый волк
СУС 551 Молодильные яблоки
СУС 552А=АА 552 Животные-зятя
СУС 554 Благодарные животные
СУС 560 Волшебное кольцо
СУС 592 Чудесная скрипка (дудка, гусли, флейта)
СУС 653 Семь Симеонов
СУС 675 «По щучьему велению»
СУС 715А=АА 715 Петух (мальчик-с-пальчик) и жерновцы
СУС 780 Чудесная дудочка
СУС-790** Николай и Касьян
СУС 850 Приметы царевны
СУС 921Е*=АА *921 II Горшеня
СУС 946А*=АА *946 Балдак Борисьевич
СУС 2022В=АА *241 III, 2022 Разбитое яичко

А. П. ЕВГЕНЬЕВА

НОВЫЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА В СВЯЗИ С ДИАЛЕКТОЛОГИЕЙ

Публикация Я. В. Зверевой

Изучение фольклора в региональном аспекте ведется уже давно. Многочисленные исследования произведений устного творчества доказали прямую зависимость языковой специфики фольклорного текста от места его бытования. В последнее время в русле лингвофольклористики активно развивается новая научная дисциплина «фольклорная диалектология», предметом изучения которой являются территориальные особенности лексики языка русского фольклора. Весомый вклад в изучение региональной специфики устно-поэтического текста внесли труды Н. И. Толстого, К. В. Чистова, В. М. Жирмунского, Б. Н. Путилова, Ю. А. Новикова и многих других. В середине XX в. к проблемам регионального изучения языка фольклора обращалась также Анастасия Петровна Евгеньева.¹

Практически сразу после успешной защиты кандидатской диссертации² А. П. Евгеньева была эвакуирована из Ленинграда в Киров, а затем в Яранск, где с сентября 1941 до августа 1943 г. работала доцентом кафедры русского языка Кировского педагогического института им. В. И. Ленина. В 1942—1943 гг. кафедре

¹ Евгеньева Анастасия Петровна (1899—1985) — известный лексикограф, диалектолог, исследователь языка фольклора.

² 22 июня 1941 г. в Государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена состоялась защита кандидатской диссертации «Язык былин в записях XVII в.». Оппонентами выступили Н. П. Гринкова и Н. П. Андреев.

русского языка возглавлял ее университетский учитель, руководитель кандидатской диссертации, Б. А. Ларин,³ также оказавшийся в эвакуации.

С 1941 г. сотрудники кафедры хотели начать работу по собиранию диалектных материалов для составления Диалектологического атласа Кировской области, в августе планировалась экспедиция в Халтуринский и Котельничский районы. Б. А. Ларин и А. П. Евгеньева, уже имевшие большой опыт работы над Диалектологическим атласом русского языка,⁴ должны были присоединиться к ним, однако в сложных условиях военного времени, а главное — изолированности города — начинать эту работу не представлялось возможным.⁵

А. П. Евгеньева решила использовать положение города⁶ и провести диалектологическую экспедицию по «изучению говоров Яранского района и шире — старого Яранского уезда с точки зрения исторического их сложения».⁷ Подготовка к экспедиции была самой серьезной: А. П. Евгеньева вела диалектологический кружок, на занятиях которого изучались работы Д. К. Зеленина,⁸

³ Ларин Борис Александрович (1893—1964) — российский и украинский лингвист, член-корреспондент АН УССР (1945), академик АН Литовской ССР (1949), специалист по славянской диалектологии, русской исторической лексикологии и лексикографии, украинскому, литовскому языкам и санскриту, переводчик с литовского, один из руководителей работы над Диалектологическим атласом русского языка и Древне-русским словарем.

⁴ В 1935 г. сотрудники кабинета Русской диалектологии (Ф. П. Филин, руководитель, В. М. Жирмунский, Б. А. Ларин и др.) Института языка и мышления им. академика Н. Я. Марра начали работу над Атласом русского языка: был составлен вопросник для собирания диалектологического материала, в 1936—1939 гг. были проведены экспедиции в Архангельскую, Вологодскую, Новгородскую, Псковскую области и в Карельскую АССР. См.: Лингвистический атлас района озера Селигер / Сост. М. Д. Мальцев, Ф. П. Филин. М.; Л., 1949.

⁵ См.: «Отчет о работе по диалектологии в Кировском пединституте им. В. И. Ленина за годы 1942-й и 1943-й доцента А. П. Евгеньевой» (Рукописный отдел Института лингвистических исследований (Пушкинский Дом) РАН (далее — РО ИРЛИ), р. V, ф. 283). Поскольку научно-техническая обработка фонда А. П. Евгеньевой еще не завершена, здесь и далее ссылки даются только на номер фонда.

⁶ Яранск — районный центр Кировской области, находящийся далеко от водных и железнодорожных путей сообщения (140 км от Котельнича, 85 км от Йошкар-Олы).

⁷ РО ИРЛИ, р. V, ф. 283.

⁸ Зеленин Д. К. 1) Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губернии // Живая старина. 1901. Вып. 1. С. 81—86; 2) Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913; 3) Великорусские сказки Вятской губернии : Сборник Д. К. Зеленина // Записки Рус. геогр. общ-ва, 1915. Т. 62.

М. А. Колосова,⁹ В. Магницкого,¹⁰ А. Васнецова,¹¹ студенты работали в Яранском краеведческом музее, беседовали со старожилами города. Чем больше А. П. Евгеньева изучала историю края, тем больше ее интересовали не диалекты, а фольклор. Среди подготовительных материалов экспедиции больше конспектов и заметок по народной словесности, чем о языке Яранского района.

В 1942 и 1943 гг. состоялись две «комбинированные фольклорно-лингвистические» студенческие экспедиции, целью которых стало целостное обследование выбранного региона: параллельная запись фольклорного и диалектологического материала от одних и тех же исполнителей. Попутно изучался также и тип постройки домов. Работа велась в населенных пунктах Барановского и Ломовского сельсоветов Яранского района Кировской области. Отметим, что недостаток знаний по этнографии не позволил сделать это исследование по-настоящему комплексным. На февраль 1944 г. была намечена третья экспедиция в Рождественский сельсовет, но она не состоялась, поскольку А. П. Евгеньева переехала в Казань для поступления в докторантуру Института литературы.¹²

В ходе экспедиций было записано всего десять анкет для Диалектологического атласа Кировской области, но зато был велик объем фольклорного материала: собиратели зафиксировали яркие образцы сказок, песен, частушек. Как отмечала А. П. Евгеньева, результаты экспедиций были высоко оценены Б. А. Лариным. Собранные материалы использовались им в одном из докладов, вероятнее всего в лекции «Что дают яранские говоры для истории русского языка»,¹³ в которой автор, вопреки установке ватстей на возвеличивание всего национально-русского, показал татарское, марийское, удмуртское влияние на язык русских жителей края.

Развивая идеи Б. А. Ларина о необходимости использования фольклора в качестве материала для исследований по диалекто-

⁹ Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области Северно-великорусского наречия // Сборник Отд-ния рус. яз. и словесности имп. АН; СПб., 1877. Т. 17, № 3.

¹⁰ Магницкий В. Особенности русского говора в Уржумском уезде Вятской губернии. Казань, 1885.

¹¹ Песни северо-восточной России : Песни, величания и причеты / Записаны Александром Васнецовым в Вятской губ. М., 1894.

¹² В 1943—1947 гг. А. П. Евгеньева была докторантом Отдела древнерусской литературы и работала над темой «„Сборник Кирши Данилова“ (вопросы истории языка и стиля русского фольклора XVII—XVIII вв.)» под руководством В. П. Адриановой-Перетц.

¹³ Доклад опубликован. См. о нем: Долгушев В. Г. Собиратели вятских слов : Пособие по курсу «Лингвистическое краеведение». Киров, 2009. С. 48.

логии и опираясь на опыт предшественников, она в 1940-х гг. вновь обращается к популярной в 1920-е гг. идее о комплексном исследовании языка и различных явлений народной культуры. Известно, что ее учитель Б. А. Ларин, в круг научных интересов которого также входил фольклор, активно поддерживал эту работу. В письме мужу, Леониду Михайловичу Евгеньеву, написанном 19 марта 1943 г. после возвращения из экспедиции, А. П. Евгеньева пишет: «Меня занимает только работа. Б. А. [Ларин] говорит, что я сделала очень много, что это войдет в науку и надолго и серьезно изменит в ней многое».¹⁴

В отличие от Д. К. Зеленина и Н. П. Гринковой, понимавших комплексность исследования как синтез диалектологии, фольклора и этнографии, А. П. Евгеньева, в русле господствовавших в те годы воззрений на фольклор как на словесное искусство народа, в своих исследованиях на первое место выводит историко-филологическую и историко-литературную сторону. В самом подходе к изучению языка фольклора А. П. Евгеньева была прежде всего историком в самом широком смысле слова: явления традиционной культуры и языка рассматривались ею в неразрывной связи с политической, экономической и культурной жизнью нации.

Исследования многих предшественников, работавших в этом же направлении, в основном, оставались на положении первоначального накопления и добросовестного описания материала, в целом без обобщения опыта. А. П. Евгеньева попыталась дать серьезное научное обоснование целесообразности комплексного подхода к собиранию, картографированию, а также изучению диалектного и фольклорного материала. Экспедиции 1942, 1943 гг. были весьма успешными, однако попытка провести комплексные фольклорно-диалектологические экспедиции в Псковскую область со студентами Ленинградского государственного университета в 1945—1947 гг. успеха не имела: объем записанного фольклорного материала оказался ничтожно мал. Сама идея не имела поддержки ни со стороны руководства кафедры, ни со стороны самих студентов, что вполне объяснимо: ведение параллельных записей (фольклора и разговорной речи) от одного исполнителя, на чем так настаивала А. П. Евгеньева, неизбежно привело бы к многочисленным лакунам, «белым пятнам» на карте. Для создания комплексного фольклорно-диалектологического атласа потребовались бы годы серьезной работы и большое число сотрудников, одинаково хорошо знающих и фольклор, и диалекты. Серьезные специалисты в этих областях знаний в 1940—1950-е гг. не проявляли интереса к подобным работам. Даже В. М. Жирмунский, внесший немалый вклад в развитие лингвистической географии, с большим интересом следивший за этнографическими и фольк-

¹⁴ РО ИРЛИ, р. V, ф. 283.

лорными атласами, в 1958 г., отвечая на вопросы по литературоведению для IV Международного съезда славистов, писал об ограниченности перспектив подобного рода изданий. «Что касается произведений устной народной словесности, в особенности песни, отчасти и сказки, то они отличаются, по-видимому, гораздо большей подвижностью, чем язык, и распространяются не только от одного географического пункта к соседнему, но преодолевают большие пространства вместе с передвижением своих носителей, что вносит элемент случайности в картину, отраженную на карте».¹⁵ План комплексного изучения и собирания фольклорного и диалектного материала, предложенный А. П. Евгеньевой, нуждался в более детальной разработке, что отметила А. М. Астахова во время обсуждения доклада «Новые задачи изучения фольклора в связи с диалектологией», прочитанного на одном из заседаний Отдела фольклора народов СССР Института литературы (Пушкинский Дом). В комментарии к тексту доклада содержится запись: «Анна Мих<айловна Астахова>: „Только общие положения, нет конкретных путей. Каким образом изучать систему языка фольклора в связи с диалектологией“».¹⁶

Ареальные исследования более позднего времени, например, работа над Полесским этнолингвистическим атласом,¹⁷ доказали большую целесообразность сближения диалектологии с этнографией, тем не менее работа, проделанная в середине XX в. А. П. Евгеньевой, является интересной с точки зрения развития фольклористики и содержит важные методологические соображения ученого, имеющего большой опыт работы в области смежных наук — фольклористики и диалектологии.

Наиболее четко воззрения А. П. Евгеньевой представлены в неопубликованном докладе «Новые задачи изучения фольклора в связи с диалектологией».¹⁸ Доклад был прочитан на Научной сессии Историко-филологического факультета Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина, проходившей 22—24 апреля 1944 г. В работе четырех секций: лингвистической, литературоведческой, исторической и педа-

¹⁵ Цит. по: *Десницкая А. В.* Вопросы социально-географического изучения явлений языка, этнографии, фольклора в работах В. М. Жирмунского // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. М., 1974. С. 15.

¹⁶ РО ИРЛИ, р. V, ф. 283 (Новые задачи изучения фольклора в связи с диалектологией).

¹⁷ *Толстая С. М., Толстой Н. И.* О задачах этнолингвистического изучения Полесья // Полесский этнолингвистический сборник : Материалы и исследования. М., 1983. С. 14—15; Материалы к Полесскому этнографическому атласу: Опыт картографирования // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 3—44 и др.

¹⁸ РО ИРЛИ, р. V, ф. 283.

гогической — прозвучало 29 докладов, среди авторов которых такие видные ученые как В. П. Адрианова-Перетц, И. И. Толстой, Д. С. Лихачев.

Доклад и написанная по его материалам статья носили программный характер: одна из целей А. П. Евгеньевой заключалась в организации комплексных фольклорно-диалектологических экспедиций в разные районы СССР для сбора сведений для фольклорно-диалектологического атласа, поэтому его название корреспондирует со статьей Ю. М. Соколова «Очередные задачи изучения русского фольклора».¹⁹

В работе А. П. Евгеньевой очерчен круг проблем изучения и собирания фольклора, среди которых не только и не столько лингвистические, но и фольклористические: проблема определения понятия «варианта», вопрос о территориальных границах диалектов и различных явлений традиционной культуры. А. П. Евгеньева показала неэффективность методики изоглосс²⁰ при изучении языка фольклора и в определении путей распространения различных явлений фольклора. Также в статье она касается вопроса о соотношении языка фольклора и литературного языка, фольклора и диалекта. На этом этапе своих исследований А. П. Евгеньева предполагала, что соотношение языка фольклора и диалекта будет различным в зависимости от жанра произведения, региона его бытования и времени записи.

Примечательно, что представители курской лингвофольклористической школы считают, что язык фольклора имеет двуслойную структуру. Первый слой — набор слов и формул, образующих основу текста, второй — все остальные слова, включенные в фольклорное произведение. «Первый слой внешне един и именно он породил мнение о наддиалектности всей устно-поэтической речи, второй слой заметно дифференцирован и постоянно вызывает мысль о его диалектной дифференциации».²¹ Сосредоточившись на изучении языка фольклора в диахронии, А. П. Евгеньева отказалась от вариативности в пользу диалектной основы языка фольклора.

¹⁹ Соколов Ю. М. Очередные задачи изучения русского фольклора // Художественный фольклор. Орган фольклорной подсекции литературной секции ГАХН (Гос. академия худож. наук). М., 1926. Вып. 1.

²⁰ Изоглосса — важнейшее понятие ареальной лингвистики, условная линия, ограничивающая зону распространения одного диалектного явления от другого. Каждая диалектная особенность имеет свою зону распространения, не вполне совпадающую с зоной других диалектных особенностей, поэтому диалектолог, как правило, имеет дело не столько с «границами диалектов», сколько с границами отдельных диалектных явлений — изоглоссами.

²¹ Хроленко А. Т. Введение в лингвофольклористику : Учебное пособие. М., 2010. С. 13.

Среди материалов личного архива А. П. Евгеньевой сохранилось четыре варианта статьи (один из них озаглавлен «Новые задачи собирания и изучения фольклора в связи с диалектологией»), два варианта тезисов, доклад и авторский комментарий «Несколько замечаний по поводу темы доклада», а также разрозненные листы из разных редакций и обзор фольклорных материалов, собранных в ходе экспедиций 1942—1943 гг. Варианты различаются степенью разработанности отдельных ключевых положений и, как можно предположить, написаны с учетом интересов разных аудиторий — лингвистической и фольклористической. Все редакции — автографы со множественными сокращениями слов и авторскими правками. Наиболее ранний датируется 1944 г., остальные создавались не позднее 1945 г.

В данную публикацию также помещен текст еще не изданного доклада А. П. Евгеньевой «Диалект или народно-поэтическое *κοινή*»,²² созданного как дополнение и уточнение позиции, представленной в монографии «Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв.».²³ Скорее всего, работа написана около 1968 г. и завершает важнейший этап в научной биографии ученого: этап комплексного изучения языка фольклора.

Из всех вариантов доклада «Новые задачи изучения фольклора в связи с диалектологией», условно обозначенных литерами А, В, С, D, были выбраны наиболее полные варианты: А²⁴ и фрагмент варианта В. За основным текстом следует комментарий автора «Несколько замечаний по поводу темы доклада».

Текст доклада «Диалект или народно-поэтическое *κοινή*» приводится по единственному варианту.

Тексты работ А. П. Евгеньевой даны с незначительными сокращениями. При воспроизведении текстов статей сохранены все авторские выделения; сокращения и недописанные части слов раскрыты в угловых скобках, восстановленные слова — в квадратных скобках. Пунктуация подлинника приведена в соответствии с современными нормами. Все сноски даны публикатором, цитаты сверены, ко всем фамилиям приведены инициалы.

²² РО ИРЛИ, р. V, ф. 283. *Κοινή* (койне) — функциональный тип языка, используемый в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов (этнолектов) или языков. В данной публикации род термина «койне» заменен на средний в соответствии с современными нормами.

²³ *Евгеньева А. П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.; Л., 1963.

²⁴ РО ИРЛИ, р. V, ф. 283, л. 7—21 (Новые задачи изучения фольклора в связи с диалектологией).

Новые задачи изучения фольклора в связи с диалектологией²⁵

Понятие языка, русского или какого-либо другого, чрезвычайно широко по своему объему. Необычайно многообразны и точки зрения, и ракурсы, с которыми подходит наука к языку, используя ту или иную его сторону, в зависимости от поставленных задач, и тем не менее не только не охвачено все многообразие материала, но нет четкости в соотношении отдельных изучаемых областей и методов их научной разработки, нет также четкого представления об объеме и содержании конкретного, живого материала, образующего изученную область.

В плане синхронного изучения языка больше всего собрано материала и разработаны области письменного литературного языка и территориальных диалектов (я отнюдь не хочу сказать, что сделано уже достаточно в этих областях — собственно сделано и собрано еще очень мало), и области эти наиболее полярные. Другие же стороны языка: профессиональные диалекты, язык города, разговорный язык — в отличие от письменного, почти совсем не изучались, и материал по ним накоплен очень незначительный.

Но есть одна область языка, которая оказалась вне изучения как самостоятельное целое, хотя широко использовалась учеными и продолжает использоваться, но только в отдельных своих фактах, а не как нечто целое и только в качестве подсобного иллюстративного материала или недостающих звеньев при построении истории языка «в его целом». Ясно, что для истории фольклора язык как система имеет такое же огромное значение, как для истории литературного языка. Я имею в виду язык фольклора. Это один из самых [сложных] вопросов в нашей науке, и история его представляет большой интерес.

Почти все крупные европейские и русские лингвисты первой половины третьей четверти XIX в. были одновременно и фольклористами. Достаточно назвать имена бр<атьев> Гриммов, М. Мюллера, Т. Бенфея, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни.

Для одних фольклор служил доказательством реальности теории праязыка, другие обращались к нему, как к сокровищнице, из которой черпался материал для истории языка, для истории родственных языков и т. д.

И, тем не менее, специально языком фольклора никто не занимался. Но чем тверже становилась фольклористика на ноги как самостоятельная наука, тем дальше отодвигались в ней вопросы языка. <...>

Для лингвистов же, в связи с развитием младо-грамматического направления, интерес к фольклору совсем угас. Но во вто-

²⁵ В авторском тексте название зачеркнуто.

рой половине XIX в. растет интерес к диалектологии, которая становится наконец самостоятельной областью изучения. В связи с этим неизбежно должен был стать вопрос и о фольклоре, поскольку носители [знали и фольклор]... Первоначально фольклорный материал привлекается довольно широко диалектологами, но уже в 1890—1900-е гг. и чем дальше, тем определеннее он исключается из поля внимания диалектолога как ненадежный в силу специфики своей природы и истории. Это обусловлено тенденцией отграничить отдельные области, определить материал, входящий в них. В результате диалектолог оперирует только материалом живого разговорного бытового языка, а ученый, занимающийся [только] современным литературным языком — только языком письменной художественной литературы. Это действительно особые области, но кроме них есть еще и другие. Сопоставление их только тогда будет законным и возможным, когда будут восстановлены недостающие звенья: разговорный бытовой язык людей, владеющих литературной речью и язык устной художественной литературы, которой владеют говорящие на том или ином диалекте. (До сих пор у нас есть сопоставления только по линии фонетики-орфоэпии и морфологии, синтаксис и даже лексика (принципы использования) совершенно выпадают.)

Но о языке фольклора есть некоторые суждения и мнения. На основе истории изучения фольклора в течение XIX—XX вв., той роли, которую он играл в работах ученых — и лингвистов и фольклористов, а также на основании более широких гипотез, которые были приняты в нашей науке, сложились эти суждения и положения о языке фольклора. [Они] являются общепринятыми и до настоящего времени, хотя большая часть гипотез, послуживших основанием для них, давно отвергнута наукой. Оставить в стороне Н. Я. Марра, т<ак> к<ак> это совсем другое: содержание фольклорного произведения, кот<орое> изложено современным языком, но содержащим древние элементы [плюс] палеонтология речи — это совсем «особая статья».

Основное из этих положений — утверждение «общего», наддиалектного фольклорного языка. Но самоочевидность диалектных элементов в записях произведений фольклора заставляет исследователей оговариваться, и фольклористы (потому, что они не могут обойти молчанием язык изучаемых произведений) говорят о том, что произведения фольклора «воспринимают диалектические особенности личности», что они «одеты в простонародную форму речи», но при анализе языка «область диалектологии, разумеется, должна быть оставлена в стороне, т<ак> к<ак> она будет характеризовать данную запись, а не произведение».²⁶

²⁶ Сперанский М. Н. Русская устная народная словесность. М., 1917. С. 150—151.

Что же входит в данном случае в «область диалектологии»? Фонетика? Морфология? Синтаксис? Лексика? Ведь речь идет не о теме и идее произведения, а о его языке.

Второе положение, сохраняющее свою силу до настоящего времени, заключается в утверждении архаичности языка традиционных жанров фольклора: обрядовой поэзии, былин и т. д. Но здесь уже совсем нет ясности — что понимать под этой архаичностью, какова степень этой архаичности.

В последние годы вопрос о языке фольклора поставлен самой жизнью с необычайной остротой, но, тем не менее, нет работ, отвечающих на этот запрос.

Стало трюизмом положение о том, что все крупнейшие, великие писатели земли русской обращались к устному творчеству народа и черпали оттуда не только идеи, художественные приемы и образы <...>. Но никто до сих пор не сказал, что для А. С. Пушкина язык фольклора служил несколько иным целям, нежели для М. Горького, и что в их использовании фольклорного материала большая разница, обусловленная историей развития литературного языка на протяжении почти столетия.

Об использовании фольклора писателями XIX—XX вв. написано много и литературоведами, и фольклористами (М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, Б. М. и Ю. М. Соколовы, Н. К. Пиксанов, А. Л. Дымшиц и т. д.) и даже лингвистами, но эти работы ограничиваются фиксацией отдельных фольклорных элементов и комментариями к ним. Основной же вопрос о принципиальном отношении устной и письменной литературы в языке, об историческом ее отношении по-прежнему не только не решен, но и не затронут даже. <...>

Едва ли можно сомневаться в том, что язык фольклора представляет собой совершенно самостоятельную и специфическую область в нашей науке о русском языке, что надо заниматься изучением его как определенной системы, обусловленной спецификой жизни устной художественной литературы, отличной как от системы письменной художественной литературы, так и того разговорного, бытового языка, т. е. диалекта, в области которого живут устные произведения. И что, наконец, нужно историческое изучение этой системы, как нужно и историческое изучение системы письменного языка и отдельных диалектов.

Работы А. А. Потебни и А. Н. Веселовского, намечавшие и открывавшие пути изучения языка фольклора, по существу забыты, оставлены, а многие их положения упрощены и вульгаризированы.

А. Н. Веселовский в третьей главе «Исторической поэтики»²⁷ в общих чертах наметил вопрос о языке фольклора. Он говорит

²⁷ *Веселовский А. Н.* Три главы из исторической поэтики // Историческая поэтика. Л., 1940.

об образовании народно-поэтического *koivŋ* и об отношении его к диалектам.

Останавливаясь на том, что западная народная песня балладного типа поется не на диалектах, а на языке «повышенного типа», близком к литературному (во Франции, Германии, Норвегии и в Литве), а язык сказок ярко окрашен диалектными чертами, А. Н. Веселовский объясняет это спецификой отдельных жанров и их историей, а также особыми условиями жизни и исторического развития различных районов страны.

«Оказывается, что в областях, отдаленных от большой исторической дороги, либо живших когда-то самостоятельною политической жизнью, в песне господствуют местные диалекты: так в Дитмарше, у семиградских немцев, в немецких же поселениях, включенных в иноязычную среду, например в [Кулэнджен], в Италии, Провансе, Гаскони. Иначе в средней Германии и на Рейне: здесь уже с XV в. происходило песенное общение между отдельными областями, и диалекты настолько сближались, что усвоение народом песни на общелитературном языке не представляло особых затруднений. Либо наблюдается отличие по категориям песен: в Нормандии, Шампани, в области Меца и французской части Бретани песни не обрядового, балладного и т. п. характера поются на общепольском языке, тогда как другие, раздающиеся во время празднеств, процессий, — на диалектах; при этом интересно отметить, что древние и наиболее поэтические песни последней категории, например майские, также отличаются общепольским типом языка, тогда как новые и более грубые предпочитают местный говор. В Швабии, Баварии, Фогтланде импровизированные четверостишия, песни на случай, сатирические, принадлежат диалекту; большинство других поются на языке, близком к литературному».

И далее: «На больших исторических дорогах и вообще в благоприятных условиях соседства и взаимных влияний диалекты общались, сближались формы и словарь, получалось нечто среднее, действительно шедшее навстречу литературному языку, когда он сложился в том или другом центре и стал районировать. Общались в тех же условиях и народные областные песни, и я объясняю этим общением подбор и выбор тех мелких стилистических форм и приемов, которые мы предположили самозарождающимися в начале всякой поэзии».²⁸

Это положение А. Н. Веселовского, открывающее широкие и большие перспективы, намечающее пути собирания и исследования, не только не получило развития, точнее, было вульгаризировано, из него собственно было усвоено только одно — положение об образовании народно-поэтического *koivŋ*. Подкрепленное

²⁸ Там же. С. 359—360.

положением об «архаичности» языка традиционных жанров фольклора, с одной стороны, и широкой распространяемостью фольклора, с другой. Оно и обусловило то совершенно нелепое положение, в результате которого язык фольклора выброшен из науки о языке, а к нему обращаются иногда фольклористы, но, не имея достаточной базы, безрезультатно пытаются решать вопросы локализации, миграции и т. п. Примером может служить работа П. С. Богословского об «Усах» из Сб<орника> Кирши Данилова.²⁹

Надо сказать, что и незначительные работы лингвистов о языке фольклора, которые имеются, представляют собой обычно вступительные статьи и перечисления отдельных языковых фактов (В. И. Чернышева, Л. Л. Васильева, А. Лескина, В. П. Брюханова и т. д.). Попытка, сделанная Г. Ф. Нефедовым во вступительной статье к сборнику «Былины Пудожского края»,³⁰ объяснить происхождение былин в связи с предполагаемой им историей современных диалектов, должна быть признана совершенно несостоятельной. <...>

Язык фольклора представляет собой особую область в общей языковой системе, т<ак> к<ак> это, подобно языку письменной художественной литературы, исторически складывавшаяся система, но, в отличие от нее — система, определяемая спецификой жизни устного творчества и жизни и истории диалектов, в области которых складывались, складываются и живут устные произведения.

Отношение языка фольклора к письменному литературному языку было совершенно различно в разные эпохи.

Моя работа над языком записей былин XVII в. дает возможность утверждать, что язык записей XVII в. — это современный язык XVII в. Язык записей XVII в. совершенно иначе относится к литературному языку XVII в., чем язык записей XIX в. к литературному языку XIX в.

Материал, собранный мной в 1937—1939 гг. (Олонецкая губерния — районы записей П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга) в сопоставлении с записями более ранними и фольклора, и диалектов, обнаружил, что на протяжении 50—70 лет в лексическом составе происходят большие и серьезные изменения: непонятному нет места в произведении, и оно выкидывается или заменяется.

Запись А. Д. Григорьева:

²⁹ Богословский П. С. Песня об Усах из Сборника Кирши Данилова и Камская вольница: Опыт анализа и локализации текста / Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. 4. С. 1—117.

³⁰ Былины Пудожского края / Подгот. текстов, статья и примеч. Г. Н. Париловой, А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941.

«А у шубочки пугофки вольячьные
Кабы литы во льяк были красного золота.
А выливаны соловьи, птицы садовые».³¹

Запись А. М. Астаховой: «А пугофки... того ле вальяку да красна золота».³²

<...>

Архаизмы реально поддерживаются бытом: потом — воспоминания, потом — исчезновение, [например], «дружинушка хоробрая». «Песни о сыне Разина»: «баско», «шепетно», «люднёхонько», «кафтан», «балахон».

Интересно сопоставление одного произведения по разным районам: Илья на севере и на юге.

Сопоставление фольклорных записей с диалектными данными из тех же районов, сделанных в XIX—XX вв. (В. Мансиккой,³³ Материалы атласа ИЯМа³⁴ и т. д.) обнаруживает, что многие черты языка былин отнюдь не являются архаизмами, характеризующими традиционные жанры фольклора, а это живые черты диалекта, в области которого записаны произведения (имею в виду в данном случае записи П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, которые являются основным материалом, который использовался русскими и западными учеными).

1. Так «краткая» форма прилагательного (см. соответствующий раздел нашего вопросника — здесь не место решать вопрос о соотношении именных и местоименных форм прилагательных в былинах).

2. Безличные обороты: «[Ишша] было у Добрынюшки погрежоно / [Ишша] было у Добрынюшки покурежоно»,³⁵ «У него было побратанось», «Крестами поменялось», «У вас давно с Ленинграду выехано?», «Ой и много у меня по свету пошлялось», «У меня с жонкой разведенось».³⁶ <...>

Наконец, даже такое употребление местоимения как «мня» вместо «меня», обычно определяемое фольклористами как результат сокращения ради ритма, широко распространено

³¹ Цит. по: Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. СПб., 2002—2003. Т. 3. № 312.

³² Астахова А. М. Былины Севера. М.; Л., 1938. Т. 1. № 13.

³³ Мансикка В. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии // Известия Отд-ния рус. яз. и словесности АН. 1912. Т. 17. Кн. 2. С. 86—144.

³⁴ Материалы, собранные в ходе работы над Диалектологическим атласом русского языка.

³⁵ Цит. по: Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым... Т. 2. № 333.

³⁶ Примеры записей, которые вела А. П. Евгеньева во время диалектологических экспедиций.

в Пудожском крае и зафиксировано в наших экспедиционных записях.

Это заставляет нас пересмотреть вопрос об отношении языка фольклора к диалектам, которые являются живой языковой средой бытования фольклора.

Для лингвиста совершенно ясно, что нельзя говорить о том, что «область диалектологии должна быть оставлена в стороне»,³⁷ т<ак> к<ак> она будет характеризовать запись, а не произведение, т<ак> к<ак> то, что является с нашей точки зрения «диалектологией»: лексика, фонетика, морфология, — будучи отделено от произведения, оставит в нем только идеи и образы, систему композиционных приемов, а отнюдь не язык.

Т<аким> о<бразом> ясно, что без тщательного и широкого сопоставления с данными живого диалекта, в области которого живет произведение устного творчества, нельзя судить об особенностях его языка, о степени его диалектной окрашенности. Но это только одна сторона, правда, чрезвычайно важная.

Другая же, не менее важная сторона, но уже для лингвиста, для диалектолога заключается в том, что при нашей системе собирания и изучения диалектного материала, мы имеем только бытовую разговорную речь, т. е. давая характеристику диалекту и его особенностям, мы апеллируем к совершенно иным качественным материалам, чем тот, с которым мы соотносим его, — т. е. письменным литературным языком и его нормами.

Нельзя не вспомнить здесь доклада проф<ессора> А. Б. Шапиро³⁸ на диалектологической конференции в 1939 г.³⁹ о синтаксисе севернорусского наречия. Тогда у проф<ессора> А. Б. Шапиро получалось, что предложение аморфно.

Несомненно, что отношения языка фольклора и диалекта к литературному письменному языку различны в различные исторические эпохи.

Сейчас эти отношения особенно сложны, благодаря широкому распространению культуры, грамотности, благодаря тому, что

³⁷ Фрагмент цитаты из учебника М. Н. Сперанского: «Область диалектологии <...>, разумеется, должна быть оставлена в стороне: она характеризовать будет данную запись, а не произведение» (*Сперанский М. Н. Русская устная словесность*. М., 1917. С. 150).

³⁸ Шапиро Абрам Борисович (1890—1966) — лингвист. Впервые в отечественном языкознании рассмотрел вопрос о синтаксисе народной речи. См.: *Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения*. М., 1953.

³⁹ Вероятно, имеется в виду одно из заседаний образованного в 1939 г. Сектора славянских языков Института языка и письменности, где под руководством Д. Н. Ушакова велась активная работа по диалектологии: проводились экспедиции, составлялись карты, библиографии, писались монографии.

роль устного творчества глубоко изменилась не только в широких социальных масштабах, но и для его носителей и ценителей.

Сложность и многообразие связей и отношений отнюдь не могут служить основанием для того, чтобы отказываться от изучения языка фольклора, именно они и объяснят многие явления, сейчас неясные, именно их анализ даст новый богатый языковой материал, которым можно будет уверенно оперировать в нашей науке как в русском языке в его целом, так и в науке о фольклоре.

В 1942—1943 гг. я провела комбинированные фольклорно-диалектологические экспедиции в Яранском районе. Материал, который был собран, чрезвычайно интересен как по диалекту, так и по фольклору. К сожалению, проведены всего две экспедиции, предполагавшаяся в этом году экспедиция не состоялась.

Характеристика Яранского района — позднее заселение, поэтому в группе пунктов они обследовались почти все подряд, во всяком случае, с очень незначительными расстояниями между ними.

Необходимо было собрать как можно больше материала, чтобы отразить, с одной стороны, пестроту и многообразие явлений диалекта, с другой, — общность явлений [устной словесности], чтобы раскрыть причины [возникновения] и условия их [бытования].

Фрагмент из варианта В.

Экспедиции 1936—1940 гг.⁴⁰ — записи фольклора и т. д., предполагавшаяся экспедиция на Печору — язык бытовой, собрать материал живой языковой среды сказителя, в кот<ором> живет произведение.

Прошлогодняя (1942 г. — Я. 3.) экспедиция в Барановский и нынешняя (1943 г. — Я. 3.) в Ломовской [сельсоветы Яранского района Кировской области] строились таким [образом], чтобы охватить возможно полнее языковую деятельность населения. Поэтому мы вели записи, учитывая: 1) возрастные группы и общественное положение (дом<о>хоз<яйки>, передовики с<овхоза>, грамотные и неграмотные [жители]), 2) бытовую диалектологическую речь, монологическую — рассказы о войне, сельском хозяйстве и т. д., 3) фольклор в различных жанрах. Кроме этого, мы собирали материал и этнографического характера, т. е. занимались с характером построек, с костюмами, предметами обихода и т. п.

Собранный материал богат, интересен, разнообразен и в то же время очень сложен и пестр. Естественно, задать рядовой вопрос «почему?» по отношению к самым различным областям: фонетике, морфологии, лексике, синтаксису, фольклору, быту и т. д. Одним из важнейших моментов в решении этих «почему?» является история заселения района, во-первых, а во-вторых,

⁴⁰ Экспедиции по собиранию сведений для Лингвистического атласа, в которых А. П. Евгеньева, помимо диалектного материала, записывала фольклор.

специфический — узко сельскохозяйственный — характер района и его удаленность не только от промышленных центров, но и от путей сообщения.

Наша задача: 1) собрать как можно больше материала из разных населенных пунктов, 2) дать подробное описание говоров нескольких из населенных пунктов, чтобы отразить, с одной стороны, пестроту и многообразие явлений, а с другой — общность явлений, чтобы раскрыть причины и условия их [бытования].

В прошлом году в Барановском [сельсовете] мы обнаружили, что крайне развитым и распространенным жанром фольклора являются свадебные песни, лирические песни, сказки и частушки. Особенно интересным и богатым оказался свадебный обряд.

Поэтому нынче мы тщательно записывали свадебные песни и причеты с тем, чтобы сопоставить их, как и в области говора, с материалами прошлого года.

Считаем, что образцовый фольклор, как наиболее традиционный, должен дать своеобразную картину по сравнению с другими жанрами. Этот доклад и является результатом наблюдений над песнями свадебного обряда.

Несколько слов о наблюдениях и сопоставлениях говоров, обследованных в прошлом и нынешнем году. Останавливаюсь на различиях, а не на совпадениях.⁴¹

Деревня Барышники Барановского сельсовета Яранского района	Деревни Лом и Рыжаково Ломовского сельсовета Яранского района
«ъ» — «и»: «зд'ис'/н'ит»	«ъ» — «е»
«а» — «е»: «опёт'/грэс'/закричела».	«а» — «а».
еканье и јоканье	кроме еканья и јоканья, часто «иканье»
нет мягкости шипящих	есть мягкость шипящих
«щ» — «шш», «жж» — «жж»	«щ» — «ш'ш'», «жж» — «ж'ж'»
цоканье	нет цоканья
глаголы на -ти	[глаголы на -ти —] редко
«смејошша»	«смејоc'с'а»
синтаксис — именительный падеж «Надо земля пешшанаја»	синтаксис — именит<ельный падеж> при [управлении] «Надо земля пешшанаја».

⁴¹ Данный фрагмент представлен в авторском тексте в виде чернового конспекта, для удобства восприятия в данной публикации он дан в виде таблицы.

Иной характер постройки.

Много и общего.

Т<аким> о<образом> прослеживая черты различия, мы можем говорить о различных пришестьцах. Если Барановские, Барышники пришли из Орловского (одного из старых Вятских [поселений]) и имеют связи с более северными группами говоров, то жители Лома, одного из старых поселений, имеют связи с другими группами говоров — с Владимиро-Поволжскими <...>.

Естественно было предположить, что и фольклор может дать значительные различия. Но при тщательном сопоставлении оказалось, что фольклор дает несколько иную картину, чем диалект.

Самый [свадебный] обряд в Лому и Баран<овском сельсовете> совпадает почти во всех деталях, песни же, кот<орые> поются, имеют некоторые различия.

[Песни], сопровождающие свадебный обряд, распадаются на две группы. Первая — песни, являющиеся словесным пояснением отдельных моментов обряда, поэтому они твердо прикреплены к нему, и другая группа — песни величальные, которые поются и в сговор и в свадьбу. Эти песни тематически теснейшим образом связаны со свадебным обрядом, но история их возникновения несколько иная, чем первой группы. Кроме песен в обряде большое место занимают причеты невесты, ее родных, причеты⁴² дружки.

Мы остановимся пока только на песнях той и другой группы.

Большая часть песен свадебного обряда в Лому и Барышниках: «Розан», «Ты сокол», «Не из гор матери», «Олень», «Не павушка», вдовья, рекрутская, «Черна ягода смородина».

Отличия будут следующие:

В Барышниках и Баранове нет:

1. «Крук Казани славные», «Крук Нова города».

2. «Вога славная, да про тебя речь хорошая».

3. Песни парню, когда он поедет жениться.

4. «Из-под лесу конь бежит».

5. «Два дубочка — на горке, на горе».

6. «Межу лесы».

7. «Ой, да как ли мая речка».

8. «Жарко камешку во горе лежать».

9. «Через речку рябинка лежала».

10. На дворе у жениха — «Ой, зелен был, красен был мак во огороде». «Ой зелен был, зелен был виноград на блюде».

В Лому, Загулеве нет, а в Барышниках и Баранове поют:

1. «Не было ветров...».

2. «Во раздольице во чисте поле».

⁴² Приговоры.

3. «Што не реченька, што не быстрая...».

4. «Во саду под яблоней».

5. «Бабья старость».

6. «Олександрушка Сергеевна ко морю пришла».

Варианты различные. Барышники: «Вьюн на реке извивается, гусь на плоте умывается», «Речка вьюн увивается...». Лом, Загуляево: «Волга-река разливается».

Есть еще некоторые детали, отличающие другие песни, но они не так значительны и относятся к числу тех, которые обусловлены неизбежной утратой и изменениями.

Разница в песенном репертуаре и в вариантах в общих чертах подтверждают данные диалекта, т<ак> к<ак> в Ломоском с<ельсовете> поют песни, которые характерны для Поволжских селений: 1. «Волга... да про тебя речь хорошая», 2. «Волга река разливается».

«Крук Казани» известна еще только в Пермской г<убернии>. Это общие черты, т<ак> к<ак> перечисленные песни поются на чрезвычайно широкой территории.

Чтобы проследить связи и установить некоторые закономерности, я провела тщательную проверку записанных нами песен свадебного обряда по всем имеющимся в Яранске материалам: по собранию П. В. Киреевского,⁴³ П. В. Шейна,⁴⁴ бр<атьев> Соколовых.⁴⁵ Т<аким> о<бразом> общие основные собрания просмотрены, просмотрены и некоторые частные, т<ак> к<ак> представляющие собой записи одного обряда или отдельные части его. В. А. Тонков «Свадебный обряд г. Мезени»,⁴⁶ Д. К. Зеленин «Свадебные приговоры Вятск<ой губернии>»,⁴⁷ А. В. Васнецов.⁴⁸

По памяти, поэтому без четкости записи с севера. Наблюдения и изучение географии свадебных песен открывают иную картину, чем наблюдение диалектных особенностей <...>. Безусловно, будут и есть совпадения, но имеются и глубокие расхождения. Так, совершенно ясно, что свадебный обряд и его песенный и предметный репертуар «олонецкий» (условно сюда [относятся] часть Воло<годской> и б<ывшей> Новгор<одской> г<уберний>)

⁴³ Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860—1874. Ч. 1—3. Вып. 1—10.

⁴⁴ Великоорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.: Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1898—1900.

⁴⁵ Сказки и песни Белозерского края / Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.

⁴⁶ Тонков В. А. Свадебные песни и обряды г. Мезени. Казань, 1931.

⁴⁷ Зеленин Д. К. Свадебные приговоры Вятской губернии / Записал и снабдил коммент. Д. К. Зеленин. Вятка, 1904.

⁴⁸ Песни северо-восточной России : Песни, величания и причеты / Записаны Александром Васнецовым в Вятской губ. М., 1894.

резко отличается от Вятского, Волжского, Московского и т. д. Вятский гораздо больше общего имеет с Тульским, Рязанским, Московским, Тамбовским, Нижегородским, чем с Олонецким. Архангельский, Мезенский, Печорский представляют собой интереснейшее явление контаминации линий Олонецкой и Вятско-среднерусской. Причет невесты и ее родных — основа свадебного обряда Олонецкой губернии — построенный на описании деталей конкретной крестьянской жизни, резко отличен.

Таким образом в фольклоре свадебного обряда имеются сложные линии, которые выражаются в нескольких основных типах самого обряда и фольклора, в различном репертуаре, в различной разработке отдельных вариантов.

Все эти особенности будут иметь различные объяснения: древнейшая основа, история заселения, культурные центры и их влияния и культурные связи, местные бытовые и прочие условия.

Фольклор свадебного обряда и его география влечет за собой и следующий вопрос: соотношение и география других фольклорных жанров. Почему, например, в Яранском районе и почти во всех районах Кировской области отсутствуют записи былин и исторических песен. Здесь может быть и отсутствие тщательного собирания фольклора в наиболее древних местах заселения Кировской области. Здесь районы позднего заселения. Сказка, ее тематика, жанр.⁴⁹

Таким образом нам представляется совершенно необходимым не только для решения вопроса о языке фольклора, но для правильной постановки его, собирание фольклора по определенной системе в теснейшей связи с диалектологией — это даст материал для решения вопроса об отношении языка фольклора и диалекта, но это еще не все для решения этого вопроса, фольклор должен быть прослежен и по жанрам и по отдельным произведениям и их вариантам. Тогда выяснится соотношение языка фольклора в отдельных жанрах, выяснится и жизнь, и распространение тех или иных жанров, произведений, будут вскрыты и основания, причины такого их распределения.

Только такое собирание и изучение даст возможность решать вопрос о том, что такое язык фольклора и народно-поэтическое койнэ — А. Н. Веселовский (может быть), его выводы были справедливы только по отношению к Западной Европе), и ка-

⁴⁹ Во время экспедиции в деревни Барановского сельсовета А. П. Евгеньева обнаружила активно бытующую там сказочную традицию, которую не смог зафиксировать Д. К. Зеленин, побывавший в Яранском районе в 1901 г. Подробнее см.: *Зверева Я. В.* Фольклорное собрание А. П. Евгеньевой // *Русский фольклор* : Материалы и исследования. СПб., 2011. Т. 34. С. 418—446.

ковы отношения языка устного поэтического творчества и языка литературного.

Для нас одновременно с вопро<осником> ИЯМа [важно] собирание фолькл<орных> мат<ериалов>. Былина, жанры, внутри жанров темы, варианты, причем необходимо делать записи от нескольких лиц, чтобы вариabельность, ее зависимость от индивид<уальных>, или социальных, или территориальных причин была ясной. <...>

Этот фольклорный вопросник необходим для лингвиста, историка языка, т. к. он откроет культурные связи, откроет многое в области лексики — «свечушки», «сандалики», «каличка мелкотравчатая», «букетовая ленточка» и т. д.

Запись вместе с диалект<ным> мат<ериалом> даст возможность решить кардинальнейшие вопросы: есть ли *koivî* или второй литературный язык, только устный, а не письменный. Каково отношение языка фольклора к диалекту с одной стороны, с лит<ературным> яз<ыком> с другой.

Можно ли говорить о едином языке фольклора, или его жанры будут иметь различное отношение к лит<ературному> яз<ыку> и диалекту? <...> Переработка в народе произвед<ений> поэтов.

О диалекте — различать различные пласты, фольклор — земледельч<еский>, лексика свадебн<ого> обряда>.

Вопросник — явления, имеющие широкое распространение. Количество вопросов: конкретно-лингвистич<еские>: фонетич<еские>, синтаксич<еские>. Два раздела — подобно тому, как разделена лексика и 3 [раздел]: приведите, что не вошло. Что именно поют, есть ли это или иное. Вопросы: 1. По жанрам, 2. По отд<ельным> произвед<ениям>, 3. По вариантам — основание — [сборники] Шейн<а>, Киреевск<ого>.

Наддиалект⁵⁰ или народно-поэтическое *koivî*?

Мое сообщение вызвано двумя причинами. В прошлогоднем докладе А. В. [Десницкая]⁵¹ характеризовала язык албанских устных поэтических произведений как язык наддиалектный, распро-

⁵⁰ Наддиалект, наддиалектная форма существования языка — языковое образование, которое носители разных диалектов (или разных форм существования языка) используют при междиалектном общении. На ранних стадиях истории языка такой наддиалектной формой общения может быть койне, позже — литературный язык.

⁵¹ Вероятно, речь идет о докладе А. В. Десницкой. См.: Десницкая А. В. 1) Язык устной народной поэзии как проблема социальной диалектологии // Проблемы языкознания : Доклады советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. Москва, 1967. С. 111—115; 2) Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.

странья свои наблюдения на фольклор других народов. У меня эта характеристика вызвала глубокие сомнения, так как по отношению к русскому фольклору [она] не отвечает действительности. Язык русской устной поэзии нельзя назвать наддиалектным. История устного и письменного языка у разных народов различна, не берусь поэтому судить о языке фольклора других народов, но думаю, что для характеристики необходимо учитывать специфику жанра, время [возникновения], историч<еские> условия. Возражения, сделанные мне А. В. [Десницкой] по поводу моей позиции, изложенной в «Очерках [по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв.]»,⁵² мне представляются не совсем отвечающими реальному положению в той части, где А. В. [Десницкая] интерпретирует мою позицию.⁵³

Поэтому мне бы хотелось еще раз вернуться к вопросу о [диалектной] природе языка русского фольклора. <...>

Вероятно, здесь есть и моя доля вины, [которая] заключается в излишнем акцентировании характера отношений между диалектом и языком устной поэзии. Я пересмотрела то, что было мной написано.

Диалектный язык — язык в его бесписьменных формах в любом пункте территориального распространения на всей территории данного языка. При этом для диалектологии основное значение имеет стилистически нейтральная форма диалектного языка: только на фоне последней, с диалектологическими целями могут изучаться стилистически окрашенные его формы (например, произведения фольклора: песни, былины, сказки) (Рус<ская> диал<ектология>).⁵⁴

1. Общерусские черты: те элементы структуры, кот<орые> в равной степени свойственны всем разновидностям языка.

2. Общерусские черты устного языка (свойственные всем).

3. Черты просторечно-диалектного языка: те элементы, которые объединяют диал<ектный> яз<ык> на данной территории с нар<одно>-разговорн<ым> языком той же территории, отсутствуя в лит<ературном> письм<енном> и устн<ом> языке.

Народно-разговорная речь, полудиалект — практически язык коренных жителей городов той же территории.

Следовательно: язык — это лит<ературный> язык и диалектн<ый> язык, и между ними: народно-разговорный язык, полудиалект, просторечие.

⁵² *Евгеньева А. П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.; Л., 1963.

⁵³ См. пересказ концепции А. П. Евгеньевой: *Десницкая А. В.* Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970. С. 38—41.

⁵⁴ Введение // *Русская диалектология* / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964. С. 10.

А. В. [Десницкая], говоря о наддиалекте, рассматривала и его развитие, связывая наддиалект с языком древнего обряда. Где же место языка фольклора? Наддиалект! Особый язык! Что же такое наддиалект? Причем по отношению к диалектам в целом, поскольку устные произведения живут на всей территории русского языка?

Это должна быть «система» фонетических, морфологических, словообразовательных, синтаксических и лексических [единиц]. Одна такая наддиалектная «система» есть. Это литературный язык в своей письменной и устной форме (внеграницей и всеобъемлющий). В качестве «наддиалекта» и рассматривал лит<ературный> язык Л. В. Щерба (последняя конференция 1944 г.).⁵⁵

А. А. Шахматов, излагая свою теорию сложения соврем<енного> рус<ского> лит<ературного> языка, рассматривал [его] в ряду с системными говорами. Излагая свою концепцию образования лит<ературного> нац<ионального> яз<ыка>, он писал: «Создается так называемая *κοινή*, язык, обнимающий сначала ограниченную территорию большого города, но распространяющийся с течением времени на широкое пространство области и даже государства по мере роста культурного и политического влияния этого центра». ⁵⁶ Далее — «в настоящее время наш литературный язык должно признать одним из великорусских наречий (московским наречием), обнаруживающим в своем составе, во-первых, свою первоначальную природу (церковнославянизмы), во-вторых, свои древнейшие судьбы на Руси (южноруссизмы, украинизмы)». ⁵⁷ Это характеристика языка XIX—XX вв.

Если говорить о диалекте (кроме литературного языка), надо характеризовать его прежде всего в тех чертах, которые составляют его систему, и установить этапы его создания. Можно предположить, что в других языках, приближающихся к «наддиалекту» может быть устное *κοινή*, пока нет письменного языка, что сомнительно. Это м<ожет> б<ыть> только у небольшого по численности народа, занимающего незначительную территорию, находящегося в тесном общении [с другими народностями].

Пока ни в фольклористике, ни в языковедении нет работ, которые бы обнаружили и описали «наддиалектную» систему устных произведений какого-либо народа.

Когда исследователи обращаются к языку устных произведений в собственном и узком [смысле], нельзя считать..., что [они]

⁵⁵ См.: Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 113—129.

⁵⁶ Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. С. 64—65.

⁵⁷ Там же. С. 70.

обнаруживают или диалект, или литературный (а также приближающийся к литературному) язык. Причем здесь приходится принимать во внимание эпоху и исторические условия, а также жанры устных произведений. [Почти все] исследования [языка фольклора] относятся к XIX в. Ученые XIX в., наблюдая фольклор европейских стран, указывают на Я. Гримма, Т. А. Гофмана, И. П. Гебеля, А. Гауфена. <...>

П. Г. Богатырев⁵⁸ считает необходимым учитывать то обстоятельство, что у отдельных народов и в отдельных местностях язык песни сильно отличается от диалекта в его коммуникативной функции, а у других — чрезвычайно близок к диалекту. <...> Остановившаяся на славянской песне (украинской, словацкой, русской, чешской, болгарской), которая близка диалекту, П. Г. Богатырев указывает на то, что в 90-е гг. XIX в. И. Гошек, изучая диалект и язык песен в деревнях Витойовес и Rogozna, пришел к выводу, что в песнях этих деревень много фонетических черт, которые являются принадлежностью литературного языка, а не местного диалекта.⁵⁹ Т. е. та же картина, что и в странах Зап<адной>Европы. Ян Оравец,⁶⁰ собиравший материал уже в наше время в словацком селе Розбеги, пишет о «стирании» и «устранении» диалектных фонетических черт.

Эти наблюдения, фиксирующие отдельные «отступления» от системы говора или сближение говора с литературным языком, не дают оснований говорить о языке устных произведений как особом наддиалекте, сложившемся и выработавшемся исторически. С одной стороны, это переход от системы говора к системе лит<ературного> яз<ыка> в XIX—XX вв. С другой стороны, [такие] фонетические особенности, как появление «j», изменение гласного при «растяжках» или вставки гласных, связаны...⁶¹

Эти наблюдения, относящиеся к определенным жарам лиро-эпич<еских> песен (в отличие от сказок, обрядового фольклора), [сложившихся] в определенную историческую эпоху (XIX—XX вв.), — фиксируют движение, развитие песенного фольклора и его языка в определенном направлении — приближение к литературному языку, что, несомненно, связано и с новым этапом как в развитии самой песни, так и отношениях языка лит<ературного> и диалектного.

⁵⁸ *Богатырев П. Г.* Язык славянских народных песен в его отношении к диалектной речи // Вопросы языкознания. 1962. № 3. С. 75—86.

⁵⁹ *Hosek I.* O pomeru jazyka pisni narodnich k mistni'mu nafeci. Praha, 1897.

⁶⁰ *Oravec J.* Rec l'udových piesni a narečova norma // Jazykovedné studie 2. Bratislava, 1957. S. 74—85.

⁶¹ Здесь авторский текст обрывается.

Кроме этих наблюдений, в лит<ерату>ре имеются и другие. П. Г. Богатырев останавливается на тех фонетических особенностях в песенном языке, которые ничем не связаны с диалектом, а обусловлены или характером песенного исполнения, напр<имер> изменение гласных при пении, появление дополнительных гласных в слове, появление «j» перед начальным гласным в слове («Юж ты, веснушка, весна, јесень, ёна» и т. д.). На появление «j» в начале и перед гласным слова в песнях указывали Н. Н. Дурново,⁶² И. К. Зайцева,⁶³ Л. Андрейчин⁶⁴ — в болгарских, И. Гошек — в чешских⁶⁵ и т. д.

Подобные явления, как оказалось, характерны для различных языков, а некоторые из них не только для народной песни, но и для исполнения артистов-певцов (изменение растянутого звука).

Однако и приведенные им (П. Г. Богатыревым. — Я. 3.) данные, материал, собранный исследователями не дают никаких оснований говорить о том, что мы имеем дело с наддиалектом.

«Кирша Данилов...» и Песенники XVIII в. «снимают» диалектную окраску, приспособлены для дворянского употребления.

Нельзя не заметить попутно, что Р. О. Якобсон в статье «О соотношении между песенной и разговорной народной речью»⁶⁶ высказывает совершенно ошибочное суждение:⁶⁷ «Степень сходства между песенным языком и окружающим говором существенно меняется в зависимости от художественного жанра. Если в русской народной лирике отступления от локальных речевых норм, по справедливому указанию П. Г. Богатырева, относительно невелики, то между языком былевого эпоса и обиходной речью его исполнителей разница несравненно значительней. Несмотря на тесную и многообразную связь между говором сказителя и языком его «старин», в их лексике, фразеологии и грамматическом составе обнаруживается немало особенностей, чуждых не только данному диалекту, но нередко всей совокупности современных русских наречий <...> П. Г. Богатырев прав в том, что нафос

⁶² Дурново Н. Н. Заметка о говоре Шацкого уезда Тамбовской губернии // Известия Отд-ния рус. яз. и словесности АН. 1900. Т. 5. Кн. 3. С. 921—955.

⁶³ Зайцева И. К. Некоторые фонетические особенности языка русской народной песни // Филологический сборник: Труды Воронежского гос. ун-та. Воронеж, 1961. Вып. 63. С. 147.

⁶⁴ Андрейчин Л. Основни черти в езика и стила на народната песен // Българско народно творчество. София, 1950.

⁶⁵ См.: Hósek I. O pomeru jazyka písní narodních k místnímu náfeci...

⁶⁶ Якобсон Р. О. О соотношении между песенной и разговорной народной речью // Вопросы языкознания. 1962. № 3. С. 87—91.

⁶⁷ В данной работе анализу этой статьи уделяется особое внимание, поскольку А. В. Десницкая в своей монографии противопоставила позицию А. П. Евгеньевой мнению Р. О. Якобсона.

*самоотождествления исполнителя лирической песни с ее героем ищет приближения песенного сказа к говору певца, тогда как вера в отдаленную, стародавнюю древность былинного действия требует не только особой, условной поступи действующих лиц, но и особого архаичного отпечатка на речитативной речи сказителя, нарочито отмежеванной от его повседневного говора. Существенно способствует слиянию языка лирической песни с говором среды массовость исполнения народной лирики, тогда как избранность сказителей былевого эпоса благоприятствует сохранению языковой специфики старин».*⁶⁸ <...>

Казалось, можно бы усмотреть некоторую поддержку теории «наддиалектного» характера языка фольклора в [этой] статье Р. О. Якобсона. Но дело в том, что статья эта представляет собой рассуждения на основе очень разных и отдельных наблюдений и мнений, и иногда из «вторых рук», без *малейшего* учета самого материала, конкретных исторических условий, обстоятельств и т. д. Вся статья построена на каких-то неточных, смещенных истолкованиях.

Сначала [лирическая] *песня*. Это утверждение не только ошибочно, а противоположно реальному положению вещей. Речь идет о текстах, записанных в основном в XIX—XX вв. и в незначительной части в XVIII в. Отношение языка русской былины, с одной стороны, и с другой — лирической песни к диалекту и к литературному языку, прямо противоположно тому, что утверждает проф<ессор> Р. О. Якобсон. В XIX в. именно язык былины теснее, глубже связан с диалектом, а *песня* содержит много элементов литературного языка, для этого достаточно открыть любое из собраний песен, записанных в XIX в.

Былина в XIX в. живет полной жизнью на Севере, в Сибири — в меньшей степени, а *песня* представляет неотъемлемую часть быта самых различных социальных слоев (с XVII в.): канты, песенники, собрания песен, уже в XVIII в. более 10 печатных песенников, в XIX [в.] — более 200. Писатели. Помещичий быт: певцы-крепостные, новый жанр в лирич<еской> поэзии «Русская *песня*», песни и романсы.

Лирическая *песня* «дальше» от диалектных форм по двум причинам: <...> [положение П. Г. Богатырева] не совсем верно, действит<ельно>, в лирич<еской> *песне* [есть] стремление выразить наиболее современными формами, а «соврем<енность>» часто ближе к литерат<урной> речи. На язык лирич<еской> *песни* с XVIII в. огромное влияние оказывает междиалектное и литературное общение, оно особенно возрастает в XIX в. с массовым распространением песенников!

⁶⁸ Там же. С. 88—89. Здесь и далее подчеркивания А. П. Евгеньевой заменены курсивом.

Совершенно другое положение с былинами. Диалектные особенности текстов былин настолько отчетливы, что с самого начала об этом стоит вопрос и дается объяснение: былина «опустилась» в крестьянскую среду и «обнародела». <...>

Отношение к языку былины, его оценка с позиций литературного языка.

1. Диалектологи (Л. Л. Васильев, В. И. Чернышев, А. Ф. Гильфердинг, П. Н. Рыбников) описывают диалектные явления.

2. Фольклористы, историки литературы видят в языке былины: а) архаизмы, б) формы, образованные по аналогии с ними, в) черты народной (нелитературной) речи, реже черты местные, но органически сросшиеся с былинным стихом, г) или же такие, которые объясняются исключительно потребностями ритмического строя музыкально-стихотворной строки. <...>

Работы советских исследователей об отношении языка устных произведений к диалекту, в области которого записано то или иное произведение, главным образом, молоды. [Работы ученых], проводивших тщательный скрупулезный анализ по сопоставлению языковой «системы» былин с «системой» диалекта, языковой «системы» лирической песни с «системой диалекта», показали со всей очевидностью, что «системы» устных произведений и диалекта *совпадают*. Те отступления, которые обнаруживали исследователи в текстах устных произведений, обусловлены функциональными особенностями и спецификой жизни устного произведения (миграций).

В работе последних двух десятилетий неоднократно ставился вопрос об отношении языка устных произведений к диалекту, в области которого записаны те или иные произведения (это былины и песни). О. И. Богословская («Соотношение народно-поэтической и народно-разговорной речи»),⁶⁹ тщательно проверившая и сопоставившая отношение языка былин, записанных от четырех поколений Рябининых, — с 1871 по 1940-е гг. с кижским, заонежским диалектом. Система языка былины (в рамках именного склонения) — это в основном система того диалекта, в области которого живет произведение. <...> И. К. Зайцева «Соотношение языковых особенностей народно-песенной и обиходной речи диалекта».⁷⁰ <...>

Я, авторы «Русской диалектологии» считают фольклор «стилистически окрашенной формой диалектного языка». Для диалектологии основное значение имеет стилистически нейтральная

⁶⁹ Богословская О. И. Соотношение народно-поэтической и народно-разговорной речи : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1965.

⁷⁰ Зайцева И. К. Соотношение языковых особенностей народно-песенной и обиходной речи диалекта : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1965.

форма диалектного языка: только на фоне последней с диалектологическими целями могут изучаться стилистически окрашенные его формы (например, произведения фольклора: песни, былины, сказки). Следовательно, тезис о диалектной системе остается в силе.

Что же делает «единым» язык устной поэзии, язык устных произведений на всей территории русского языка, если они «живут» в «диалектной форме»? Это устно-поэтическое или народно-поэтическое *koivŋ*. Что это такое? Как оно может проявляться и существовать в разных диалектах? Сам термин и вопрос о содержании его далеко не нов. <...>

А. Н. Веселовский выдвигает на *первое место* образование *koivŋ*, которое ему представляется идущим с начала пути образования «общих» языковых форм, а далее — художественных.

Нельзя забывать, что междиалектное общение восточных славян в эпоху сложения *сначала* Киевского, потом Московского государства не затруднялось различиями в диалекте, устные поэтические произведения свободно переходили из одной области в другую. Общерусские элементы были чрезвычайно глубокими и широкими — поэтому сложение устно-поэтического *koivŋ* не было ничем затруднено. Собственно, поэтика. Что же следует понимать под устно-поэтическим *koivŋ*? «Система» *изобразительных* средств: параллелизм, сравнения, эпитет (зеленеть — молодеть, битва — молотьба, веянье, пир), и что гораздо важнее: «систему» *выразительных средств*, опирающихся на собственно языковую систему, использующую *те* возможности, которые заложены в языке, наличествуют в нем иногда в потенции, а будучи использованы определенным образом, становятся «приемом».

В «Очерках...» я, как мне кажется, показала пути сложения и функцию таких «приемов», как тавтологические сочетания разного типа (дождь дождит, мосты мостить, год годовать и т. д. и т. п.).

Я о чем вам буду говорить:
Уж не годик мне годовати,
Не неделюшку неделывать,
Не ночку ночевати,
Один часик часовати.

(Шейн, 1376)⁷¹

Синонимы: «бой-драка великая».

Соединение:

Не ровня со мной ровняется,
Не верста со мной верстается,

⁷¹ [Шейн П. В.] Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.: Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1898—1900. Т. 1.

Молодым я малодешенька
И глупым-то я глупешенька,
Зеленым я зеленешенька.

(Шейн, 1357)⁷²

В последнее время все чаще появляются работы, посвященные синтаксическим и лексическим особенностям языка песен, их художественным средствам. Назову некоторые: Е. Б. Артеменко «Синтаксические функции полных и кратких прилагательных в русской народной лирической песне»,⁷³ А. Т. Хроленко «Паратактические конструкции в русской народной лирической песне и проблема их продуктивности в современном поэтическом фольклоре»,⁷⁴ В. И. Еремина «Иносказания народной лирики»,⁷⁵ более слабая работа Н. М. Горшковой... о простом предложении в причитаниях.⁷⁶ Работа, касающаяся собственно изобразительных средств и истории их развития (В. И. Еремина «Иносказания народной лирики. От метафоры к символу»).

Употребление семантико-стилистических функций однокоренных сочетаний, различные виды использования синонимов, повторение предлогов, экспрессивная функция суффиксов, употребление кратких и полных прилагательных, паратактические конструкции — это не выразительные средства, которые характеризуют язык устных произведений. Паратактические конструкции — «тур-золотые рога», «сапоги-зелен сафьян», «ведром-водою», «чару зелена вина», как и многие другие синтаксические явления, в языке устной поэзии рассматриваются обычно как остатки более древней структуры, сохранившейся в песне.

Однако эти конструкции сохраняются в песнях отнюдь не в качестве древнего обломка, удержанного ритмом, рифмой и т. д. Исследование А. Т. Хроленко⁷⁷ раскрывает семантико-стили-

⁷² Там же.

⁷³ Артеменко Е. Б. Синтаксические функции полных и кратких прилагательных в русской народной лирической песне : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1958.

⁷⁴ Хроленко А. Т. Паратактические конструкции в русской народной лирической песне и проблема их продуктивности в современном поэтическом фольклоре : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1968.

⁷⁵ Еремина В. И. Иносказания народной лирики: От метафоры к символу : Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1967.

⁷⁶ Горшкова Н. М. Синтаксис простого предложения в языке русского фольклора (на материале причитаний И. А. Федосовой, собранных Е. В. Барсовым) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1967.

⁷⁷ Хроленко А. Т. 1) К вопросу об использовании паратактических конструкций в русской народной лирической песне // Известия Воронежского гос. пед. ин-та. Воронеж, 1968. Т. 81. С. 42—54; 2) Один из типов паратактических конструкций в русской народной лирической песне //

ческую функцию паратактической конструкции, ее подлинно «конструктивный» характер в композиционных приемах песни. <...>

Комплекс выразительных собственно языковых средств, сложившихся и выработанных в устной поэзии на основе общерусских черт, свойственных всем сторонам языка, не противостоит диалекту, а реализуется в нем в тех формах, которые составляют его органические черты.

Общность жизненных условий русских определила близость образов, представлений, отражаемых в народных произведениях, а поэтому и легкость их усвоения, закрепления при миграции из одной области в другую. Надо заметить, что не только «модель», сущность того или иного средства, приема, но часто и самая «реализация» их, отдельные обороты, целые стихи, удачно найденные, различные *loci communes* становятся «строительным» материалом при создании новых поэтических произведений на разных территориях русских говоров.

Выразительные средства языка, разработанные творцами и носителями устной поэзии, в теснейшей связи с собственно изобразительными и жанровыми, и композиционными, используемыми в устной поэзии, и составляют то народно-поэтическое *koivŭ*, которое не только объединяет, охватывает русское народное творчество, но является его основой и выражает национальное своеобразие русской устной поэзии.

Общность жизненных условий определила общность образов, легкое их усвоение при передаче. *Как и в диалектном языке, различные при всей общности приемов, опирающихся на общерусские основы, есть и другие, такие, которые различаются территориально.* Надо заметить при этом, что не только «модель» того или иного приема, но очень часто и целые строки, удачно найденные, поддерживаемые ритмико-музыкальной структурой, переходят из одной области в другую. <...>

Поэтические и прозаические жанры, записанные в разных областях распространения русского языка, оказываются различными и по своей судьбе, и по своему характеру.

Былина северная, сказыв<ается>, а южная поется. Естественно, здесь общие черты получают различное выражение. Даже в таком жанре, как бытовые песни (исп<ользуя> терм<ин> Н. П. Колпаковой), которые распространены по всей территории, имеются свои отличия. Но бытов<ые> песни, которые с XIX в. стали наиболее прогресс<ивными> (связь с лит<ературным> яз<ыком>), наиболее отвечающими жизни, свидетельствуют о

Известия Воронежского гос. пед. ин-та. Воронеж, 1968. Т. 81. С. 55—64;
3) Архаическое ли явление паратактические конструкции // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1973. С. 38—46.

вариабельности их, при этом раскрывают сущность народно-поэтического *koivŋ*.

Реализуясь в формах, которые составляют «систему» диалекта, народно-поэтическое *koivŋ* организует и представляет фольклорно-диалектную речь, имеющую стилистически приподнятый, литературный характер. Это дает основание считать народно-поэтическую речь одной из функционально-стилевых разновидностей диалектной речи. От обиходно-бытовой речи говора народно-поэтическая (т. е. фольклорно-диалектная) отличается чертами, которые обусловлены жанром того или иного произведения, большей устойчивостью и наличием старых черт говора, а также наличием инодиалектных, а также литературных элементов, которые приходят вместе с произведением. Таково отношение диалектологов (В. Г. Орлова,⁷⁸ И. А. Оссовецкий,⁷⁹ Т. Г. Строганова,⁸⁰ Л. И. Баранникова).⁸¹

Выразительные, стилистические средства художественной литературы шире, разнообразнее, индивидуальнее, их «системы» сменяются со сменой школ, направлений, гораздо устойчивее и определеннее совокупность выразительных средств, разработанных и разрабатываемых в устной поэзии. Вполне реально изучение этих систем, сопоставление их на разных исторических этапах, взаимопроникновение и взаимодействие.

Это фольклорно-диалектная речь, имеющая стилистически приподнятый «литературный» характер. Но это не наддиалект. «Народно-поэтическое *koivŋ*» мне кажется более точным и верным названием фольклорно-диалектной речи.

Надо сказать также, что при этой общности народно-поэтического *koivŋ* существует также и территориальное разграничение по жанрам устных произведений, по составу (тематически) тех или иных общих всем территориям жанров (ср., напр<имер>, даже сугубо современные частушки, страдания и т. д.), по разработанности и употребительности тех или иных выразительных средств, и т. д. Например, былина северная и южная [имеют]

⁷⁸ Орлова В. Г., Сологуб А. И. Изучение диалектной лексики при подготовке областных (региональных) словарей русского языка // Лексикографический сборник. М., 1957. Вып. 2.

⁷⁹ Оссовецкий И. А. 1) Об изучении языка русского фольклора // Вопросы языкознания. 1952. № 3; 2) О языке русского традиционного фольклора; 3) Язык фольклора и диалект // Основные проблемы эпоса восточных славян. М., 1958 и др.

⁸⁰ Орлова В. Г., Строганова Т. Г. Народные говоры: Фонетика // Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова. М., 1968. [Т. 4] : Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры.

⁸¹ Баранникова Л. И. К вопросу о развитии функционально-стилевого многообразия языка // Вопросы стилистики. Саратов, 1973 и др. Вып. 6.

разный характер: поется — сказывается, повторение предлогов, причитания.

Обследование и изучение языка и поэтики фольклора еще только разворачивается, это одна из важных тем. Когда будет по-настоящему в комплексе с изучением диалектного языка как той или иной системы, изучаться язык художественных произведений устного творчества, мы получим решение вопроса о зависимости, об отношениях диалекта и языка устных произведений, литературного языка и языка устной поэзии, о различных видах этих отношений на разных исторических этапах.

А пока мы можем говорить о том, что поддается рассмотрению в настоящий момент, в настоящем своем виде. И с русской устной поэзией дело обстоит так, как я показала это сегодня.

С. В. БЕРЕЗКИНА

ДВА СПОРНЫХ НАБРОСКА А. С. ПУШКИНА В ФОЛЬКЛОРНОМ СТИЛЕ

(«Расходились по поганскому граду...»,
«Не курится там огонек малешенек...»)

В настоящей заметке автор хотел бы привлечь внимание фольклористов к наброскам А. С. Пушкина «Расходились по поганскому граду...» и «Не курится там огонек малешенек...», относящимся ко времени его жизни в Михайловском, а именно — к 1825 г. Что является спорным в этих крошечных набросках? Степень авторского участия. Что это — начальные записи, связанные с творческими замыслами Пушкина в фольклорном стиле, или же обрывки каких-то народных песен, над которыми поэт размышлял, припоминая их текст и делая поправки в своих записях? Из-за различий в решении этого вопроса наброски оказывались в собраниях сочинений Пушкина то в «Dubia», то в основном корпусе, то вообще исключались из оригинальных текстов поэта... Вокруг этих набросков велась научная полемика, но она, к сожалению, заглохла, вопрос же не просто остался, а обострился в связи с подготовкой нового академического издания Пушкина. Ниже дан обзорный очерк по каждому из спорных набросков как своего рода итог их изучения. Сразу же подчеркнем: объем сопоставительных фольклорных параллелей по ним скуден, чем, не в последнюю очередь, обусловлена сложность в определении характера этих пушкинских записей. Помещая свою статью в настоящем сборнике, автор надеется на помощь фольклористов в той части комментария, которая нуждается в расширении представлений о народнопоэтических текстах, связанных с набросками Пушкина «Расходились по поганскому граду...» и «Не курится там огонек малешенек...».

Текст первого наброска:

Расхотились по поганскому граду,
Разломали темную темницу...

Набросок был записан Пушкиным во второй половине (не ранее 19 июля) 1825 г.¹ Автограф ПД 68 (Рукописный отдел Института русской литературы, далее — РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 68, л. 2 об.)² — белой, с дважды повторенной под текстом метрической схемой.³ Первоначальная запись схемы была сделана с пропуском во втором стихе первой стопы (такта), что должно было свидетельствовать об ее идентичности по отношению к первому стиху:

— — — | — — — — — | — —
| — — — — | — — —

Затем в первом стихе была перенесена на другое место черта между вторым и третьим тактами, и поскольку при этом стал неясен объем третьего такта, над ним было надписано (повторено) его окончание (—). Ниже метрическая схема всего двустихия была записана еще раз набело:

— — — | — — — — | — — — —
— — — | — — — — | — — —

Публикации этой схемы, осуществленные П. О. Морозовым⁴ и затем М. А. Цявловским (2, 1205), не вполне точны, поскольку в них — наряду с буквальным воспроизведением — отсутствует объяснение работы над ней Пушкина.

Набросок впервые попал в издание сочинений Пушкина в 1928 г. (см. примеч. 4). Вслед за этой публикацией отрывок стал печататься в отделе «Dubia» пушкинских изданий.⁵ Обоснование

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1949. Т. 2. С. 1205 (примеч. М. А. Цявловского); ссылки в тексте даны на это издание. Подробнее о датировке наброска по двум другим творческим записям Пушкина на том же листке (это стихотворения 1825 г. «<Из Вольтера>» («Короче дни, а ночи доле...») и «К ***» («Я помню чудное мгновенье...»)) см.: *Томашевский Б. В.* Генезис «Песен западных славян» // *Атеней. Л.*, 1926. Кн. 3. С. 38.

² Впервые, с цитацией первого стиха: *Срезневский В. И.* Пушкинская коллекция, принесенная в дар библиотеке Академии наук А. А. Майковой // *Пушкин и его современники. СПб.*, 1906. Вып. 4. С. 6.

³ Воспроизведение автографа см.: *Медриш Д. Н.* Фольклоризм Пушкина: Вопросы поэтики. Волгоград, 1987. С. 24.

⁴ *Пушкин А. С.* Соч. Л., 1928. Т. 4. Примеч. С. 286.

⁵ Впервые: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1930. Т. 1. С. 386. (Прил. к журн. «Красная нива»); то же в изданиях ГИХЛ (Гос. изд-во ху-

этому решению дал М. А. Цявловский, который полагал, что стихи «Расходились по поганскому граду...» «взяты из не известной нам [народной] песни».⁶ Более осторожно о наброске высказался Б. В. Томашевский: «Неизвестно, является ли это опытом в духе народных песен или простой записью народной песни».⁷ Т. Г. Цявловская включила текст в отдел «Незавершенное, отрывки, наброски» Пушкина, указав при этом, что запись народной песни, из которой поэт мог бы заимствовать стихи «Расходились по поганскому граду...», в печати не известна.⁸ Следует подчеркнуть, что в русском фольклоре до сих пор не обнаружены ни источник текста «Расходились по поганскому граду...», ни сюжетно-тематические параллели к нему.

Отрывок был связан с работой Пушкина по освоению русского народного стиха. Поэт, под впечатлением услышанных в Михайловском народных песен, стремился приблизить свои произведения в фольклорном стиле к их звучанию. По мнению Томашевского, двустиишие «Расходились по поганскому граду...» — это опробование Пушкиным на практике теоретических выводов о русском народном стихе А. Х. Востокова (1781—1864), поэта, переводчика, филолога-слависта. Пушкин мог познакомиться с ними, во-первых, по книге Востокова «Опыт о русском стихосложении» (отдельное издание вышло в 1817 г.; известен одобрителный отзыв Пушкина о книге в белой редакции 1834—1835 гг. статьи «<Путешествие из Москвы в Петербург>»), а во-вторых, по переводам сербских песен в «Северных цветах на 1825 год», выполненным, как сказано в примечании на с. 337 альманаха, с помощью «русского размера о трех ударениях с хорейским окончанием» (этим размером, переводя, Востоков заимствовал стих сербского оригинала).⁹

Томашевский полагал, что метрическая схема в автографе «Расходились по поганскому граду...» «целиком входит в определения Востокова: трехчастность (оба стиха разбиты вертикалями на три части), одно ударение в каждой части, перемещение ударений в средней части и неподвижное положение, на предпоследнем слоге, последнего ударения. Пушкин дает метрическое

дож. лит-ры) 1931—1937 гг., в изданиях «Academia» 1935—1938 гг., наконец, в академических изданиях — «большом» (см. примеч. 1) и «малом» (как в первом 1950—1951 гг., так и во втором 1956—1958 гг.).

⁶ Рукою Пушкина: Несобр. и неопubl. тексты / Комментар. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 320.

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М.; Л., 1956. Т. 2. С. 442.

⁸ См.: Пушкин А. С. 1) Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 2. С. 536; 2) Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 2. С. 618.

⁹ О высокой оценке в пушкинском литературном кругу стиховедческих трудов Востокова см.: Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 18, 254.

осуществление востокской формулы». ¹⁰ Сходный характер носит запись стиха «Уж как пал туман седой на синее море» из народной песни, сопровождавшейся метрической схемой (с поправками) и затем воспроизведением звучания стиха в наброске «Гостомыслову могилу грозную вижу...» (1821). ¹¹ Хореическое окончание Востоков связывал только с песенным стихом, в то время как трехчастный «сказочный» (повествовательный, былинный) стих требовал, по его мнению, дактилического окончания; ¹² этим соображениям близка метрическая схема, которая сопровождала отрывок Пушкина «Не курится там огонек малешенек...», довольно близко воспроизводящий стих известной ему народной баллады (см. ниже). Востоков считал, что в народном стихе число слогов в промежутке между сильными ударениями метрически безразлично. В своей поэтической (и в частности переводческой) практике, ориентированной на фольклор, он, однако, избегал значительных колебаний в количестве безударных слогов, что вело к расширению провозглашенной им тонической системы стихосложения на пути учета слогового объема междударных интервалов. ¹³ Еще более осторожный подход к стихам в фольклорном стиле, нежели в стихах и переводах Востокова, ¹⁴ усматривается в пушкинских образцах «народного стиха» и в частности в схеме на листке ПД 68: перемещения ударений внутри второго и третьего тактов носят незначительный характер, определяя для наброска «Расходились по поганскому граду...» достаточно твердые рамки тактовика. По мнению С. М. Бонди, в записях отдельных народных стихов метрическая разметка свидетельствовала, что «Пушкин искал [их] ритмической закономерности». ¹⁵

¹⁰ *Томашевский Б. В.* Генезис «Песен западных славян». С. 37. О полемике в русской периодике вокруг «русского стиха» см. также в статье Томашевского «Незавершенные кишиневские замыслы Пушкина» (Пушкин. Исслед. и материалы : Труды Третьей всесоюзной пушкинской конференции. М.; Л., 1953. С. 178—179). Судя под отзыву в «<Путешествии из Москвы в Петербург>», Пушкин не принял идей об упорядоченном счете слогов в народном стихе, высказывавшихся в ходе полемики с Востоковым.

¹¹ См.: *Томашевский Б. В.* Из пушкинских рукописей // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 274—280, 283 (факсимиле).

¹² См. об этом: *Штокмар М. П.* Исследования в области русского народного стихосложения. М., 1952. С. 38—40.

¹³ См.: *Гаспаров М. Л.* Народный стих А. Востокова // Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971. С. 441—443.

¹⁴ См.: *Гаспаров М. Л.* Русский народный стих в литературных имитациях // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1975. Vol. 19. № 2. P. 95.

¹⁵ *Бонди С. М.* Народный стих у Пушкина // Бонди С. М. О Пушкине : Статьи и исследования. М., 1983. С. 396.

Д. Н. Медриш указал на сходство с наброском, весьма, впрочем, отдаленное, некоторых стихов из песни о Георгии Черном (Карагеоргии) «О Почетку Србске буне против Дахѣ 1804 лета» («О начале сербского восстания против дахий [турок-янычар] 1804 года») из сборника Вука Караджича (Караџић, 1787—1864) «Народна србска пјеснарица» (1815).¹⁶ По замечанию Медриша, для русского фольклора эпитет «поганый» не характерен в отношении «города» («„Чужое“ («поганское») связывалось с „полем“»);¹⁷ между тем у слова «поганский» был более широкий, выходящий за рамки фольклорных применений, стилистический диапазон, о чем можно судить по «Словарю Академии Российской», куда оно было включено со значением «нехристианский, идолопоклоннический».¹⁸ Нельзя исключить, что уже в Михайловском Пушкин проявлял творческий интерес к собранию Караджича, стимулированный удачными опытами Востокова и тем вниманием к сербскому освободительному движению, которое было присуще ему еще на юге (это отразилось в стихотворении «Дочери Карагеоргия», 1820). Тем не менее согласиться с выводом Д. Н. Медриша о том, что двустипшие Пушкина 1825 г. является «первым подступом к „Песне о Георгии Черном“ и к циклу „Песни западных славян“ [1833—1834] в целом»,¹⁹ нельзя. Хронологически набросок ближе к другой работе Пушкина, выполненной народным стихом, очень близким к предложенной в автографе ПД 68 схеме тактовика, — это стихотворный цикл «Песни о Стеньке Разине» (1824—1826). Разин со своей вольницей неоднократно предпринимал опустошительные разбойничьи походы по прикаспийским «магометанским» землям, что позволяет указать на возможную связь отрывка «Расходились по поганскому граду...» с работой Пушкина над произведением о нем.

2

Гипотеза о связи с «Песнями о Стеньке Разине» выдвинута в академическом издании и относительно пушкинского наброска «Не курится там огонек малешенек...» (17, 24), весь текст которо-

¹⁶ Медриш Д. Н. К творческой истории «Песни о Георгии Черном» из цикла «Песни западных славян» А. С. Пушкина // Фольклорная традиция в русской литературе. Волгоград, 1986. С. 26—27; текст сербской песни см. в издании: Сабрана дела Вука Караџића. Београд, 1965. Књ. 1. С. 300.

¹⁷ Медриш Д. Н. К творческой истории «Песни о Георгии Черном»... С. 26.

¹⁸ Словарь Академии Российской. СПб., 1793. Ч. 4. С. 242.

¹⁹ Медриш Д. Н. К творческой истории «Песни о Георгии Черном»... С. 31.

скольку ни с одной из трех песен в нем запись об «огоньке» не имеет содержательных параллелей.

«Огонек (огонечек) малешенек» упоминается в народных балладах, повествующих о «молодце», который умирает от ран у костра и просит донести до его жены весть — он женился «на чужой жене», и ее сосватала за него «калена стрела»... Первая связанная с этой песней запись в творчестве Пушкина относится к 1821 г.: это стих «Уж как пал туман седой на синё море», сопровождавшийся метрической схемой (см. выше). Б. В. Томашевский считал, что Пушкин взял этот стих из статьи Н. А. Цертелева, посвященной разбору взглядов Востокова на народное стихосложение и напечатанной в «Сыне Отечества» в июле 1820 г.²⁴ Между тем Пушкин мог знать эту песню и по публикации, осуществленной в «Московском журнале» в 1791 г. (Ч. 4. С. 91—101): это было яркое, содержательное письмо Н. А. Львова к П. А. Вельяминову того же 1791 г., в котором он рассказывал о празднике в тверском имени Арпачёво по случаю освящения церкви, построенной по его проекту.²⁵ Из тех сборников, в которых перепечатывалась эта песня, в библиотеке Пушкина был «Всеобщий российский песенник» (СПб., 1810. С. 169).²⁶

Вторая запись среди автографов Пушкина, обнаруживающая какую-то связь с песней на этот же сюжет, — отрывок «Не курится там огонек малешенек». Однако если начальный стих песни из письма Львова (или же из статьи Цертелева) в точности совпадает с пушкинской записью «Уж как пал туман...», то стих об огоньке (а он не попал в цитату в статье Цертелева) расходится со сходным отрывком Пушкина. Ср. в записи Львова:

Не звезда блестит далече во чистом поле,
Курится огонечик малешенек;
У огонечка разостлан шелковой ковер,
На коврике лежит удал доброй молодец...²⁷

Ср. тексты баллады из собрания А. И. Соболевского:

Как далече, далече во чистом поле
Разгорался огонечек малешенек;
Возле огничка послан ковричек,
А на ковричке лежит добрый молодец...

²⁴ Томашевский Б. В. Из пушкинских рукописей. С. 277—278.

²⁵ Львов Н. А. Избр. соч. / Вступ. статья, сост. и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1994. С. 339—342.

²⁶ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина : Библиогр. описание. М., 1988. [Репринт. изд. 1910]. С. 24 (№ 81).

²⁷ Львов Н. А. Избр. соч. С. 341.

Другой вариант:

Ах, как далече, далече во чистом поле,
Раскладен там был огонечек малешенек,
От огонечка шел дымочек тонешенек,
Подле огонечка разостлан шелковой ковер,
На ковричке лежит добрый молодец...²⁸

В комментариях отрывка «Не курится там огонек малешенек...» указывалось на публикации песен, включавших сходный стих (три текста из собрания Соболевского, включая в их число запись Львова), в песенниках конца XVIII—начала XIX в. При этом не учитывалась другая запись народной песни, которая была сделана самим Пушкиным в Михайловском. Запись «Во славном городе во [Киеве]...» находится в тетради «Пушкин ПД 836» на л. 50 об.—50 и относится к концу 1824 г.—началу 1825 г.²⁹ Баллада «Во славном городе...» рассказывает о девяти братьях, которые «под разбой пошли», и их единственной сестре, отданной замуж «за Морьянина»; при возвращении в Киев сестра не была узнана братьями, убившими ее мужа и сына; баллада заканчивается покаянным обращением разбойников к своей матери. О месте, где происходят кровавые события, в записанной Пушкиным песне говорится:

Они день идут и другой идут,
На третий день становилися.
Нарубили огоничек малёшенек
Пустили дымочик тонешеник;
Напали вору, разбойники...³⁰

Рядом со стихом «Нарубили огоничек малешенек» в автографе написано слово «развели», что, по-видимому, указывает на

²⁸ См.: Великорусские народные песни / Изд. А. И. Соболевского. СПб., 1895. Т. 1. С. 461, 465—466, 467 (№ 381—383). О популярности этого образа из народной баллады говорит оригинальная его интерпретация в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» (1895): «Поповский стан был устроен очень уютно. Стояли три телеги с поднятыми оглоблями, а на них раскинут громадный полог. Получался импровизированный шатер, перед которым курился какой-то сказочный „огонечек малешенек“. Под дымом стояла неизменная поповская кобыла, отмахивавшаяся от овода кушым, точно обгрызленным хвостом» (*Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.*: В 8 т. М., 1955. Т. 7. С. 430).

²⁹ О датировке записи песни см.: *Иезуитова Р. В.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 836 (История заполнения) // Пушкин : Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 134.

³⁰ Рукою Пушкина. С. 455.

редакторскую правку Пушкина; с ее учетом стих следует читать: «Развели огоничек малешенек».

Таким образом, стих об «огоньке малешеньком» был дважды записан Пушкиным на протяжении 1824—1825 гг., причем в разных вариантах; в обоих случаях, что важно подчеркнуть, Пушкин подверг его правке. Из того, что в обширном тексте «Во славном городе во [Киеве]...» правка, связанная не с последовательностью отдельных элементов, а с самим звучанием стиха, касалась только стиха «Нарубили огоничек малешенек...», можно заключить, что он привлек особое внимание поэта своей яркой, колоритной образностью.

Расхождение отрывка «Не курится там огонек малешенек...» с записанным и правленным стихом в тексте песни «Во славном городе...» (а также с тем, как этот стих звучал в публикации Львова) может свидетельствовать, с одной стороны, о том, что Пушкин слышал его в другом варианте и в другой песне. Вместе с тем нельзя исключить и вероятность иного происхождения отрывка. Правка в нем Пушкина может свидетельствовать о ее творческом характере: добавление союза «а», а затем и частицы «ль» придают стиху совершенно иной, нежели в народных балладах, вопросительный смысл; отвергнутые варианты стиха напоминают отработку ситуации зачина. Отрицательная форма использования образа курящегося «огонька» в пушкинском наброске не имеет соответствий в известных нам народных песнях. При сравнении отрывочной записи Пушкина со стихом в народных балладах (в том числе в тексте «Во славном городе во [Киеве]...») обращает на себя внимание еще одна ее особенность: в записи «Не курится там огонек малешенек» отсутствует особое нагнетание слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами (вместо «огонечек» — «огонек»), что также может свидетельствовать в пользу творческого характера записи Пушкина. Все эти соображения говорят о возможности включения наброска стиха в отдел оригинальных текстов Пушкина («Отрывки»), хотя решение это носит условный характер и нуждается в дополнительных исследовательских усилиях.

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ ПИСАТЕЛЯ-СКАЗОЧНИКА, ХУДОЖНИКА С. Г. ПИСАХОВА

Публикация и комментарии А. А. Горелова

Фигура Степана Григорьевича Писахова — одного из выдающихся писателей и живописцев Архангельщины синтезирует в себе русскую народную культуру Севера России и высокий европеизм литературных и живописных традиций, актуальных на переломе XIX и XX ст.

Будучи урожденным сыном поморской сельской и городской среды, Писахов явил себя в частности оригинальным мастером русского художественного слова, замешанного на устности. В произведениях прозы Писахова жила не имитационная фактура народной словесности, а самобытность и оригинальность сказочного творчества, где сложно воссоединились усвоенные с детства навыки народного разговорного общения и возникавшая в этой стихии яркая поэтическая смеховая игра, способность объединять разнородный устно-поэтический творческий фонд целостными сюжетными композициями, в центре которых — уникальный народный персонаж Сеня Малина. Этот герой — крестьянин, способный на фантастическую выдумку и волшебно-фантастические действия в родной ему местной среде. Житель архангелогородской деревни Уйма, Сеня Малина полноправно встал как персонаж в один ряд со сказочными героями мировой литературной смеховой традиции, обнаружив родство с бароном Мюнхаузеном и детищами раблезианского творчества, а одновременно остался глубоко национальным типом, укорененным в базовую русскую фольклорную традицию. Как никогда прежде в литературной русской сказке, Писахов сумел создать ткань повествований, где словесные образы зримо и то и дело овеществляются и становятся субъектами действия, а перетека-

ние метафор в житейскую стихию и обратное движение жизненных эпизодов в слово поражают естественностью и изысканностью мнимо-простодушной фантазии, творя непредсказуемую чарующую сферу народного миропонимания. Естественно, что люди, соприкоснувшиеся с творчеством Писахова, ощутившие огромность и специфичность дарования мастера, сравнительно поздно запечатлевшего свою устную сказочную серию (произведения о Сени Малине в виде публикаций), всегда интересовались личностью и биографией того, кто выпустил в Архангельске в 1939 г. скромную книжечку «Сказки Ст. Писахова». Она была «на ура» принята писательским сообществом, а ее автор стал членом Союза советских писателей по коллективной рекомендации президиума Приемной комиссии.

С 1930-х гг. к С. Г. Писахову жаловали визитеры, желавшие уяснить тайны биографии замечательного мастера слова, а вместе с тем сокровенного живописца Русского Севера, по мнению Юрия Казакова, достигавшего своей выразительностью, национальной органикой глубины истолкования русского пейзажа на уровне В. Д. Поленова, М. В. Нестерова, И. И. Левитана.

Наилучшими знатоками его натуры и судьбы становились ученики живописной студии, которую он вел в Архангельске с 1920-х гг., и деятели культуры, открывавшие при сближении с уникальным талантом его многогранность. В числе друзей Писахова видим мастеров слова — Леонида Леонова, Ивана Соколова-Микитова, собирателя книжных древностей Владимира Малышева и многих участников совместных с С. Г. Писаховым экспедиций по полярным островам Ледовитого океана.

В середине 1950-х гг. образ Степана Писахова стал привлекать молодых столичных писателей, впервые познакомившихся с искусством архангельского «метра», поражавшего незаурядностью своей литературной манеры и как бы предлагавшего осознавшим силу его дарования горожанам приобщиться к неистоцимости фольклорных источников. О Писахове в это время начинают упоминать разные современники, от Константина Паустовского до Федора Абрамова. Юрий Казаков, щедро награждая писателя высокими эпитетами, призывал молодых современников оценить значение «классов» Писахова.

Именно в этот период, после первых знакомств с книгами С. Г. Писахова, решил написать о многосложности его творчества и жизни автор нынешней публикации, а тогда — редактор отделов критики и искусства журнала «Нева». Первое письмо, пошедшее в Архангельск в августе 1959 г., содержало целый вопросник, касавшийся обстоятельств судьбы Писахова. Письмо встретило на редкость теплый отклик адресата, по причинам, о которых он обстоятельно рассказал уже в ответе 6 сентября 1959 г.

А дальше развернулась переписка, которая всколыхнула воспоминания Степана Григорьевича. Она была полна взаимного воодушевления корреспондентов. Под влиянием писем сразу начала формироваться статья о его судьбе и творчестве «Чередой чудес».

Между тем обстоятельства жизни А. А. Горелова менялись. Покинув редакцию журнала «Нева», он поступил научным сотрудником в Отдел народно-поэтического творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Новая среда внесла столь же неожиданный, сколько несправедливый корректив в мажорную переписку. Один из вольноприходящих членов СП СССР, услышав о наших контактах с С. Г. Писаховым, огорошил А. А. Горелова третирующей писателя «подсказкой», что, де, Писахов не проявил сочувствия к деятелям архангельской интеллигенции, подвергавшимся в 1930-е гг. репрессиям. Возразить на это ошеломляющее обвинение молодой человек, который переписывался с С. Г. Писаховым, не сумел, хотя и не мог в него поверить. Переписка, однако, пошла на спад, что отражено в последних письмах.

Последующие годы открыли ряд эпизодов биографии писателя из времен гражданской войны и его поездок на «железнодорожный фронт», о которых он ничего не рассказывал (они отражены в местной архангельской печати), но наушническая версия о неблагодарстве Степана Григорьевича Писахова в трагические дни властного преследования мастеров культуры не могла подтвердиться. Выяснилось лишь, что весной 1938 г. Писахов, по его признанию, «хотел покончить с собой». Ей противоречила вся жизнь исполненного доброты и мужества человека, личность которого всегда была эталоном нравственного достоинства.

ПИСЬМА С. Г. ПИСАХОВА ЛИТЕРАТУРОВЕДУ А. А. ГОРЕЛОВУ

№ 1

Дорогой Александр Александрович!

Спасибо за хорошее, приветное письмо! Вы и не думаете о действии своего письма, а оно для меня целительно.

Что-то с глазами случилось. Едва добрался до поликлиники, думал: покажусь и вернусь, — иначе вышло. Доктора Архангельска всполошились. Опрокинули в кровать. Всех специальностей, с сердечниками вместе, отнесли сердчно. Угрожал паралич. Я думал — дошел до края. Забота докторов оттолкну-

ла меня от края — снова живу. Подходит мое совершеннолетие (80). Это время оглянуться, время итогов. Может быть, писать буду перебегая, себя перебивая. Таким теплом пахнуло Ваше письмо!

Жить начал 1879 года 25 октября н/с в городе Архангельске, Поморская 27, в комнате той самой, где жил до капитального ремонта. Дом старше меня на 10 лет. Дали комнату. Картины, книги, рукописи — в разных концах города.

Интервенты в Архангельске. В первые же дни явилось слово «инстервенты».¹

В 1924 [г.] написал «Морожены песни»,² раньше сказки сказывал, но не записывал. Проходило благополучно. Уроки рисования в средней школе обеспечивали.

Радуют письма учеников и встречи. Встречаю учеников со внуками. Многие стали художниками. Мне посчастливилось подтолкнуть на эту дорогу.

Позвольте, Александр Александрович, назвать двух-трех. Всех перечислять долго. В Ленинграде живут три.

Данилов Юрий³ после десятилетки явился в Акад<емию> художеств! Ему обстоятельно, терпеливо разъяснили: «Не было случая, чтобы после гимназии или десятилетки без пятилетней подготовки поступали в Академию». Юрку приняли! Сейчас он график.

Васильев Игорь⁴ очень хотел в Ак<адемию> художеств. Партия предложила военную академию. Игорь послал фотографию: жена, сын, сам в чине подполковника, со значком академии и значком воздушного флота. И работает в студии Грекова.

Один уверяет, что я сделал его художником. Я разъяснил: у певца можно сорвать голос или развить...

¹ «Инстервенты» — народный эпитет, вошедший в лексикон эпохи гражданской войны. Писахов боролся за употребление этого слова в текстах своих сказок, но ко вчерашним союзникам старой России относился достаточно терпимо.

² Первая редакция «Мороженных песен» публиковалась в трех частях как единое произведение (второй и третий тексты весьма кратки). См.: «На Северной Двине»: Сборник Архангельского Об-ва Краеведения. Архангельск, 1924. С. 74—80.

³ Данилов Юрий Михайлович — жил и работал как график в Ленинграде. См. первомайское письмо к нему С. Г. Писахова за 2 дня до смерти (1960 г.).

⁴ Васильев Игорь Сергеевич (1919—2000) — художник-баталист военной студии живописи им. М. Б. Грекова (создана в 1935 г.). См. его «Воспоминания» о С. Г. Писахове в богато документированной книге: Пономарева И. Б. Главы из жизни Степана Писахова. Архангельск, 2005. С. 201—202.

Есть ненец-художник Тыко Вылка.⁵ Был большой талант, пока не попал в Москву. В 1905 г. я встретил его на Новой Земле. Работы его контрастны: то лучше тончайших акварелистов, то дико набросаны. Вылка пояснял: «Это — горы. Страшно. Горы смотрят сердито». На другом листе — тихое море, островок и два розовых облачка. Впечатление музыки, тишины — на третьем листке: «Жонка ловит рыбу». В тихой воде залива поплавки сетей, лодка, ненка наклонилась из лодки. Вспомнился «Бедный рыбак» Пюви де Шаваня.⁶ У Вылки музыкальнее! Пробовал уговаривать не ехать в Москву: «В Москве не знают Новую Землю, поработай, покажи ее!». Не мог же сказать: «Окрепни, больше верь в себя!»

В Париже работы Вылки имели большой успех. Учителей Вылка звал: «хозява».

Дали Вылке допек, пенсию. Вылка делает полудетские картины, музей покупает по 40 р.! Приезжающие ученые хвалят, берут на память. (Дикарь, самоед. Взять — оказать честь!) Я уговорил жену Вылки, чтобы не позволяла дарить. Теперь учатся нацмены, сохраняя себя.

Бывшие ученики своим отношением уверяют, что этот итог в порядке.

После войны были такие сцены: полковник с густым рядом орденских ленточек вытянулся, рапортует:

— Такой-то, такой-то, ваш бывший ученик!

Не выдержал, бросился обнимать.

Хорошие ребята! В школе был свой кукольный театр. Сами составляли пьесы — лепили головы, шили костюмы, делали декорации. Свой оркестр. Как это сближало, развивало, оздоравливало!

Сказки. В 1935 [г.] попали в «30 дней».⁷ Лагин Лазарь Иосифович⁸ дал сказкам право жить и мне...

⁵ Тыко Вылко (Илья Константинович) (15(27).II.1886—28.VI.1960) — ненец, живописец и график, живший на Новой Земле, после 1956 г. — в Архангельске. Зимой 1909/10 г. провел в Москве, учился у художников А. С. Архипова и В. В. Переплетчикова. В 1911 и 1914 г. в Москве состоялись выставки его работ. Собирал фольклор ненцев. Был председателем Совета депутатов трудящихся поселка, а затем острова Новая Земля.

⁶ Пюви де Шаванн (1824—1898) — известный французский живописец, сочетавший в творчестве элементы символизма и романтики. Его композиции отличались уравновешенностью и статичностью, светотень полотен признавалась музыкальной.

⁷ «30 дней» — ежемесячный литературно-художественный, общественный и научно-популярный журнал. Выходил в Москве с 1925 по июнь 1941 г.

⁸ Лагин (Гинзбург) Лазарь Иосифович (1903—1979) — автор повести «Старик Хоттабыч» (1938), сказок для детей, памфлетно-политической прозы.

В 1939 [г.] принят в С<оюз> П<исателей>, окончательно окреп. Лукин Ю. Б.⁹ редактировал книжку сказок в ГИХЛе (Государственное издательство художественной литературы. — А. Г.). Помешала война. Не знаю, что стало со сказками. Война помешала выходу книжки.

Редакторы так выравнивают, подстригают... более точно сказать — уродуют, что жуть берет! Покровская Ан<на> Конст<антиновна>¹⁰ говорила: «перевод с русского». Что же делать? Только бы печатали!

В книжке 1959 [г.] выкинута сказка «Как Уйма в город на свадьбу пошла».¹¹ Виновность сказки — громадна! В сказке колокола звонят: «К нам, к нам!» Это поповский зов!

Гранки мне не показали, — убрана сказка «Лётное пиво»:¹² девки в небе пляшут. Сказочник должен сказать, пояснить, что девок вызняло. Редактор борется с пьянством, и про пиво нельзя поминать.

Я сам не пью спиртного. Лет 50 назад пил крепкий кофе. Ныне пью крепкий чай. Герои моих сказок могут пить. Но — пусть уродуют, переделывают до перевода с русского — только бы печатали. В издании «Сов<етского> П<исателя>» *интервентов* назвали интервентами. У меня сказано было: «...сделал лицо мимоходом и...» Редактор «п о п р а в и л»: «...сделал мимоходом». Такого редактора только палкой... Нет, бить не надо. Просто — скипидаром... Пробегается, набегаются, убегается, авось будет всматриваться в рукопись. У редактора есть оправдание: он показывает с в о ю р а б о т у.

О Шергине.¹³ Знает Север, знает старину, знает старины, очень хорошо рассказывает. Сказок у Шергина не хватает.

⁹ Лукин Юрий Борисович (1907—1998) — известный редактор московских издательств, редактировавший сочинения крупных писателей-современников (М. А. Шолохов, М. М. Пришвин и др.).

¹⁰ Покровская Анна Константиновна (1878—1972) — видный педагог 1920-х гг., профессор, исследователь детской литературы, создательница детского отделения Московской библиотеки им. А. С. Грибоедова и Института внешкольных методов образования. См. ее фото 1956 г.: Пономарева И. Б. Главы из жизни... С. 176.

¹¹ «Как Уйма в город на свадьбу пошла» — сказка, изъятая из сборника: Писахов Ст. Сказки / Отв. ред. Г. И. Суфтин и Л. И. Одинцова. Архангельск: Архангельское книжное изд-во, 1959.

¹² «Лётно пиво» — сказка, изъятая в 1959 г. С нею соседствовала сказка «Девки в небе пляшут», где было употреблено то же «криминальное» название «лётно пиво» для объяснения бытовой ситуации (Там же. С. 49).

¹³ Шергин Борис Викторович (1893—1973) — писатель, начинавший свой путь с постижения народной сказительской манеры исполнения былин и сказок. Владение ею стало основой его литературного мастерства.

Шергин очень талантлив.

В 1940 г. Караваева А. А.¹⁴ принародно и строго спросила:

— Кто автор сказки «*Морожены песни*», вы или Шергин?

Борис оправдался словами:

— Что слышу, то мое!

Много авторов «пытались присоседиться». Артистка Фунтикова,¹⁵ разговаривая по телефону, гневно фыркнула:

— Вы-то тут при чем?

Забыл фамилию ловкача,¹⁶ сделавшего сценарий сказки «*Попинкубатор*».

Довольно о них. Приятно про учеников, а про...

Школу Штиглица¹⁷ не пришлось окончить в 1905 г. «Без права продолжать худож^{ественное} образование в России».¹⁸ Уехал

¹⁴ Караваева Анна Александровна (1893—1979) — русский советский прозаик, журналистка, публицист.

¹⁵ Фунтикова — артистка, исполнявшая со сцены сказку С. Г. Писахова «*Морожены песни*».

¹⁶ Бархаш. — Дополнительное примечание С. Г. Писахова в письме.

¹⁷ «Школа Штиглица» — Санкт-Петербургское центральное училище технического рисования, основанное меценатом бароном Александром Людвиговичем Штиглицом (1814—1884).

¹⁸ Известна копия коллективной петиции, поданной учащимися училища Штиглица в адрес «товарища министра финансов» 25 марта 1905 г. Письму предшествовало почти два месяца протестных действий учащихся, начиная со сходки 8 февраля, где молодежь круговой поручкой уславливалась «прекратить занятия до 1 сентября». Из-за опасения репрессий большинство учащихся «по необходимости» утвердительно ответило на распространенные администрацией именные вопросные листы. Петиция же, подписанная 147 лицами, требовала необходимости «реформ преподавания» в училище, с привлечением в теоретические курсы сведений о русском искусстве, и патристически негодовала, что «в столице всяя Руси» училищному музею «для русского искусства отведен самый убогий и темный уголок» (Рос. гос. ист. архив, ф. 790, оп. 1, ед. хр. № 372. Журнал совета 1901—1905. С. 924, 925, 928). Вольнослушатель С. Г. Писахов был исключен из училища, несмотря на его положительный ответ на анкету о желании заниматься (Там же, ед. хр. 106, л. 121). Было ли это желанием Писахова «пострадать» или за этим крылась иная причина, нам не известно (не прояснено это и в статье Е. И. Ружниковой «Писахов — художник. Заметки к биографии», вошедшей в кн. Ирины Пономаревой). См., в частности, с. 229—230, где справедливо снята версия о выступлении Писахова в 1905 г. «против самодержавия». Формула эта подходила для обстановки советских лет, и только. Писахову, в числе 7 учащихся, отчисленных начальством за отказ от занятий, документы были возвращены 22 марта 1905 г. См.: ЦГИАЛ (Центр. гос. ист. архив в Ленинграде), ф. 790, оп. 1, № 105. Дело № 105. Сборник прокламаций, листовок и воззваний различных студенческих организаций. 1898—1899 гг. Списки учащихся, выбывших в 1905 году, — л. 27.

домой, благополучно — на Новую Землю. В том же году попал в Египет (только до Каира). В 1907 [г.] — тем же путем.

Меня манила Индия, Китай. Про Европу я знал: «Гнилая Европа». Америка — фабрики и тюрьмы. Англичан видел в Архангельске.

Простая и дешевая дорога — паломником через Одессу. Паспорт паломника дешевле, билет до Яффы и обратно — 25 р.

Иерусалим. Мертвое море. Удалось побывать в древнем Хевроне,¹⁹ к удивлению русских и местных жителей.

Из Яффы пароход идет (шел) в Порт-Саид. Я вышел, на поезде — до Каира. К пирамидам на трамвае (!). В этом было что-то оскорбительное. Надо было пешком приближаться.

Пирамиды, раскопки. Этюдник служил подставкой: забирался на камень, на ремне вытаскивал этюдник, снова карабкался. Легкий солнечный удар. Упал в тень, отлежался.

Раскопки, все спят. В жаркие часы жизнь замирает.

Короче: я на раскопках. Галлюцинация: я в глубине тысячелетий... (Я легко вхожу в прошлое. И — у Иерихона, в Колизее, на форуме.) Жара спасла меня от назойливых голодных арабских ребят и от взрослых. Без помехи сделал этюд сфинкса. Написал этюд «Пальмы и пирамиды». (В Каире увидел рекламу мыла Бодло. Пальмы и пирамиды!) Жара помогла благополучно попасть в пирамиду. Арабы спали, это не мешало выбраться. Я запас огарок свечи и спички.

Довольно. Скажу еще: от пирамид к трамваю ехал на верблюде. Больше не хочу такой езды.

Из Александрии — в Бриндизи и Рим. Хорошие воспоминания! Из Рима — в Пирей и Афины.

Видел Олимп, проезжая. Если бы я был Богом, хотя бы Гераклом,²⁰ — не стал бы тут жить. Индусы говорят: «Боги жили там, где один день и одна ночь в году». У нас — на Севере!

На Новой Земле я останавливал часы. Солнце идет кругом. Час — который я хочу! В летнюю полночь (я — с этюдником) на высоком берегу сидел парень ненец, пел. Я не нарушил его одиночество. Ведь я был первый невинопродавец. Парень сказал русскими словами, о чем поет:

— Вышел я ночью на Гору,
смотрю на Солнце,

¹⁹ Султанское, правительственное «ирадэ» (разрешение) рисовать по всей Турции и Сирии было бессильно в Хевроне, где находится мечеть с священными могилами Авраама и Сарры. «Скорее, скорее покидайте Хеврон», — уговаривал Писахова переводчик.

²⁰ Вариант этого эмоционального всплеска см. в набросках книги «Голодная академия» (Пономарева И. Б. Главы из жизни... С. 87).

смотрю на Море —
Солнце смотрит на Море,
Солнце смотрит на Меня.
Хорошо нам втроем —
Солнцу, Морю и Мне!

Я тихо поднялся. Долго шел молча. Далеко: парень не услышит. Я бросил этюдник, раскинул руки. Казалось, обнимаю весь простор!

Солнце! Море! и Я!
Где еще мог я так сказать?..

Египет?.. Белый костюм, белый платок, белые перчатки. Из этюдника текут краски с палитры...

В Италии?..²¹ Да, к милым итальянцам, храмам, палаццо и солнышку...

В Петербурге?.. Тут — некогда.

Тот год снегу не видел. Зиму проездил. В Одессе снегу нет, в Петербурге снегу нет. В Архангельске снегу нет.

Пароход отходил на Мурман. Капитан распахнул двери своей каюты, показал на свою койку: «Устраивайся!» Капитан спал на диване.

На Мурмане в становище увидел снег!

Бросился, жадно вдыхал запах снега. Капитан поднял на руки: «Довольно, простуду схватить легко, а каково мне будет?..» Из лап капитана я и не вырывался.

В Самарканде советовали: «Сядь в тень и не двигайся. В тень карагача не садись — тарантулы, скорпионы». Несколько этюдов и — домой.

Крым — Коктебель: пыльная зелень, темные ночи. Старался восхитаться. У остатков крепости подбирал упавшие камни, поднимал на стену. Хотелось думать, что возвращаю на место. На семь дней сократил отдых — больше не заманят!

Против Неба на Земле, в самой середине, где я родился, — самое лучшее место! Так сказывали старики.

В 1906 г. в Карском море с прославленной экспедицией болтался три месяца с половиной — не скучал, с Ворониным В. И. ходил к Земле Фр<анца> Иос<ифа> в его каюте, в его койке. В. И. — на диване, редко было иначе. В 1945 г. был в последний раз в Арктике. Иной стала Арктика.

В 1913 г. в журнале «Аргус» помещена фотография — я сижу голый на льдине.²² Много фотографировали меня купающимся во льдах. Вода чистая, прозрачная: как удержать желание окунуть-

²¹ Поездка состоялась зимой 1906 г.

²² Фотографию «С. Г. Писахов на льдине» из журнала «Аргус» 1913 г. см.: Пономарева И. Б. Главы из жизни... С. 69.

ся, побыть под одной крышей с хорошим народом — моржами, тюленями?.. Сегодня, 4 сент<ября>, в поликлинику приходил представитель польского журнала, ему надо сведения о летчике Нагурском.²³ 45 лет тому. И страницы прошлого быстро развертываются!

Ваше хорошее, приятное, приятельское письмо, как видите, дало мне радость вернуться в прошлое. Представитель польского журнала сфотографировал в музее мою картину «Самолет Нагурского на Новой Земле в 1914 г.».²⁴

Да, я был и в Европе. Через Берлин — в Париж. «Свободная академия», где издевались над рисунком, над красками. В Париже я понял слова: Г н и л а я Е в р о п а.²⁵

Для очистки воспоминаний расскажу, как встретил Али (в «Персидской монете» я его вспоминал) — верного спутника.

В Иерихоне предлагали конную охрану (я шел к Мертвому морю) — отказался. С крыши все видно: кусты терновника, серные, смолистые камни. Дали большой красный платок тонкого шелка. Легко уместил его в карман. Припадении надо размахнуть.

Никого.

Вдруг, от куста терновника поднялся парень — очень милый. Поздоровались. Парень легко хлопнул по плечу:

— Москов?

— Москов!

Я спросил:

— Араби?

— Араби! Елла сава, сава (пойдем вместе).

Я спросил имя. Парень в простоте сказал:

— Али.

Я спросил имя отца. Парень сказал:

— Ахмет...

Идем. Али махнул рукой. Конец дамасского кинжала уперся мне в живот! Али стал требовать 20 золотых! Мне стало весело. Али сбавлял цену до одного золотого. Я провел пальцем по лбу. Али понял: я скажу каймакаму (градоправителю) Иерихона. Бедный Али вздрогнул, кинжал исчез!

— Не надо, не надо — Али Ахмед!

Али хотел нести этюдник. У меня было мало слов, я сказал:

²³ Нагурский Ян Иосифович в 1914 г. разыскивал на гидросамолете бесследно исчезнувшие в полярных льдах экспедиции Г. Седова, Г. Брусилова, В. Русанова (Там же. С. 70).

²⁴ См. тоновую репродукцию картины в изд.: Степан Григорьевич Писахов. Сто лет со дня рождения. 1879—1979 : Каталог выставки. Архангельск, 1979. С. 25.

²⁵ Пребывание Писахова в Париже относится к зиме 1907 г.

— Елла рух!²⁶

Али исчез! Жаль. Он как-нибудь что-нибудь рассказал бы о Мертвом море.

Я выкупался. Выходя из безжизненной воды, заметил — что-то мелькнуло за кустом: Али берёт меня от нападений. Милый Али!

В Иерихоне удивились, что никто не нападал. Каймакам предлагал пистолет. На мои слова: «Без оружия я смогу себя защитить». Оружие — не защита»...

Этюды Мертвого моря каймакаму понравились. До Иерихона я шел с караваном паломников. Нас охраняли вооруженные конные. Путь по древней стране с древними преданиями сам по себе интересен. Арабы — разбойники, но очень хороший народ.

Воздержусь вспоминать. Одно скажу: много хороших людей встречал!

До больницы была встреча. Идут детины, по походке — моряки.

— Нашему художнику, нашему сказочнику — привет!

Выдвигается фигура:

— Позвольте за всех полярников пожать руку!

— Я хочу всем полярникам пожать руку.

Зная пожатия, я всей силой сжимал протянутые лапищи. Разговор — согревающий.

Бывает — начинают соблазнять поездкой. Но этот соблазн перестал действовать.

Письмо (на редкость короткое) пошлю на адрес редакции «Нева».

Шлю привет от Севера, своей красотой венчающего весь земной шар!

Привет от ледовых просторов!

Привет от морских далей!

Привет от северных сияний!

Привет от летнего незакатного Солнца!

Привет сердечный от меня.

Желаю радоваться работой, радоваться новыми достижениями нашего Советского Союза!

Ст. Писахов

Видите, дорогой Александр Александрович, как мне трудно расстаться с Вами.

Еще надо сказать: редакторы мучают много, а критики поддерживают, не в оговор сказать, всем сердцем желаю им радости.

²⁶ «Иди ... !»

Кузьма Прутков сказал: «Поощрение необходимо, как канифоль для смычка виртуоза».²⁷ А «Английская корона»²⁸ — если позволите, по выходе из поликлиники пошлю Вам.

Жму Вашу руку

Ст. Писахов

г. Архангельск

Мой адрес
Архангельск
Ст. Гр. Писахову

Я не знаю, где буду, — в спецполиклинике, во временной квартире или закончат ремонт дома. Почта доставит.

Простите, письмо мало выразило, что хотелось сказать. Этому и больничная обстановка помешала.

Только завтра, 6 сент<ября>, будут посетители, завтра могу отправить письмо. Вспоминаю прошлое до 75 лет назад. Ведь можно «вспомнить» (придумать), что будет через 41 год. Знаю: красивая, новая будет жизнь!

Записываю: «*Как мы встречали 2000-й год*». Поощажу Вас, не буду рассказывать. Землякам хоть каждый день говори новую сказку. Я и говорю о 2000-м годе...

Раз в саду обступили ребята, сели рядом, сели перед скамейкой, стали сзади. Я рассказал, как поднял маленькую речонку, проветрил. А всей деревней — зимой Двину подняли. На хохот прибежали еще ребята, просят повторить. Один из слышавших стал рассказывать.

Ребята поправляли:
— Говори, как было!..

У нас говорят: «Говоримое в слове живет».

Есть у меня сказка «Английская корона». В печать не пустят. Выйду из поликлиники, с Вашего позволения, пошлю Вам.

Книжка сказок появилась в продаже. Магазины закрылись на учет — книжные магазины. Ко мне приносят для подписи. Жду, когда попаду домой: надо посылать. Думаю Вам послать.²⁹

²⁷ Цитируя «Плоды раздумья» К. Пруткова по памяти, С. Г. Писахов отступает от оригинала: «Поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза» (*Кузьма Прутков*. Полн. собр. соч. / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Б. Я. Бухштаба. 2-е изд. М.; Л., 1965. С. 129. («Библиотека поэта. Большая серия»).

²⁸ Ныне машинопись сказки, начинающейся словами «Корона соединенного королевства Великобритании», хранится в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

²⁹ Экземпляр упомянутого сборника 1959 г. «Сказки» с талантливыми иллюстрациями Ю. М. Данилова, графическим портретом писателя рабо-

Легко писались сказки, когда печатали «30 дней». Пишу, только не всякая нитка — в узор ковра.

Архангельску исполняется 350 лет. Юбилей отложен на 50 лет. Мой, видимо, отложен будет на 5 лет. За два месяца в поликлинике только один Суфтин (возглавляющий здешний отдел С<оюза> П<исателей>) раз заходил. Никто из пишущей братии не показался.

В 1910 г. была первая в Архангельске выставка моих работ, в 1960 г. будет [тому] 50 лет. Трудно пересчитать, сколько выставок моих работ было за 50 лет.

Я утомил Вас, простите, дорогой Александр Александрович!

Ст. —

6 сент<ября> 1959 г.
г. Архангельск

№ 2

Дорогой Александр Александрович!

Я уже вышел из спецполиклиники. Могу писать не карандашом, могу посылать свои книжицы. Кузьма Прутков сказал: «Поощрение необходимо, как канифоль для смычка виртуоза». Ваше письмо для меня целительное. Мне предложили курорт. Нет, нет! Я два месяца отдохнул в ласковой заботливости врачей!

Книжица «обработана» редактором. Я все же посылаю Вам. «Английскую корону» передам отбарабанить машинистке. Не имею Вашего разрешения, а пошлю Вам.

Сентябрь богатый, урожайный! Луна — наша! Атомоход! Спутник 8-ю тысячу [оборотов крутит], радует нас и «радует» капиталозаправил! Хочется представить себе переживания Эйзенхауэра и еже с ним, когда Н. С. Хрущев преподнес вымпел и знаки — точную копию тех, что на Луне. Говорят: «Луна — часть СССР!» Улыбки, выражение благодарности, крепкое рукопожатие, восторг учеными и рабочей силой большевиков! Все артистически-дипломатически исполнил Эйзенхауэр! Не скрипел зубами, не бросился с кулаками. Только чтобы не видеть подарка, отдал его в музей. Это разумно: продававшие и покупавшие участки Луны пусть знают. Пусть требуют обратно деньги за «свои» участки Луны!.. А Микоян А. И. «шутя» сказал, что прав на производство и торговлю русской водкой американцы не получили. Он не сказал, что это жульничество! Он, А. И. Микоян, сказал «шутя», а все-таки дал по морде!

ты М. С. Баранчеева с автографом автора проделал в свое время путь по домам ленинградских писателей — поклонников С. Г. Писахова.

Н. С. Хрущев мне представлялся укротителем среди чудищей, жаждущих рвать, уничтожать за деньги, деньги, деньги! У Н. С. Хрущева вместо хлыста укротителя — ракета, атомоход, 3-й спутник, наши артисты, спортсмены! И т. д. А сокращение рабочего дня!!

В поликлинике думалось: «Если бы я был [в] Америке? Какой счет предъявили бы за каждый день!» А забота! Ласка! Ведь это у нас, в СССР!

Я хотел подарить докторам свою книжицу. Предупредили. Приносили с просьбой подписать. Мой товарищ (мы с ним с 1905 г. не встречались: он стал гражд<анским> инженером) пишет: «Записался для полета в Космос... Чем я хуже собаки!» — восклицает. «Конца» не боится: ему уже исполнилось 80! Я написал ответ: «У меня тоска по родине. Доктора оттолкнули от края. Хочу быть дома».

А ракета вернула к встрече 2000-го года. Если за первые 40 лет весь мир стал жить новой жизнью! А еще 40?.. Много вспомнил (придумал): «Газету „Правда Севера“ из Архангельска послали на Марс (через промежуточную станцию) раньше, чем дали нам, читателям! Газета развернулась. Я не видел передовую, не видел объявлений на последней странице. Успел схватить глазом правительственное постановление». Если какой-нибудь намек на содержание передовой 1-го января 2000-го года, я обяжусь назвать автора, кто вспомнит (придумает).

Еще о действии хорошего слова. У Бориса Шергина умер его приятель, дорогой Борису, — дороже всех родных. Сам Борис углублен в старину и в старины. В [газете] «Лит<ература> и Жизнь» появилась статья «Душа Севера». Это смягчило горе Бориса.

Дорогой, хороший Александрович Александр (по-старинному, впрямь говорили отчество — почет отцу — поклон отцу, со вторым поклоном называли имя приветствуемого).

Сейчас почталион принес Ваше второе письмо. (Я собирался по выходе из поликлиники и начал сегодня 28 сент<ября>.) Это дает право говорить с Вами, не щадя Вашего терпения и времени.

В 1905 г. я выступил с речью. Это не в моем характере. Я рассказываю много, а выступать, произносить речи — на это меня нет. В 1905 г. я так кипел! Мое выступление в Школе Штиглица вызвало отклик. Исключено до ста пятидесяти и т. д. Остальное я писал.³⁰

В Палестине я был два раза. В 1905 г. ехал втроем.

³⁰ Замечания С. Г. Писахова «остальное я писал» здесь и далее связаны с тем, что одновременно писатель рассказывал свою биографию разным корреспондентам. Между собой перекликались письма, направлявшиеся мне и Н. Л. Сахарному, который в 1959 г. выпустил в Архангельске биографический очерк «Степан Григорьевич Писахов».

В Константинополе, для проверки, сел перед дворцом Султана. Открыл этюдник, начал писать этюд. Ждал ареста. Оный не заставил долго ждать. Два офицера что-то говорили, делали какие-то знаки. Я откликнулся:

— Любезно с вашей стороны, милые турки! Ведите, теперь я узнаю, куда, к кому надо обратиться.

В полиции меня мило приветствовали. Я подошел к сидящему за столом: это, видимо, было какое-то старшее начальство. Я знаками попросил его освободить место. Чин удивился и сошел со своего кресла. Я уселся. Стал рассматривать бумаги. Строки каких-то знаков, строчки идут вверх. Пересмотрел все на столе. Хлопнул по ящикам стола. Турка — забавный чин — открыл ящик, достал наручники. Показал на сотrudниках, как быстро умеет защелкивать. Я просил «освободить», пожал руки, только что бывшие... Хотелось обнять ребят, но я не знал, как это по турецким обычаям. Показали арестные помещения: яма, решетка сверху. Решетка из железных прутьев — клетка у стены, выходящей на улицу. Прохожие могут бросать хлеб, деньги. Страж может бить прутом, пленный отскакивает.

Я вернулся в канцелярию. Явился чиновник из посольства. Озабоченно спросил: «Как отнеслись чины?» Я просил передать мои извинения и благодарность за терпение, рассказать, что я из страны льдов, белых медведей. Чиновник просил проверить, все ли в сохранности в этюднике. Я протестовал. Положил руку на этюдник, не позволил открыть. Потом узнал: недоверие — оскорбление тяжкое для турок. С турками я попрощался, как с друзьями. Чиновник переводил.

Пошел в посольство. Посол — Зиновьев выходил, куда-то ехать собралось Его высокопревосходительное сиятельство. Я, минуя лишние приветствия, высказал просьбу добыть разрешение писать этюды в городах Турции и Сирии.

Зиновьев говорил:

— По представлению турок, изобразивший образ человека будет жестоко наказан «Там». Изображенные явятся и скажут: «Ты дал нам образ — дай и душу!» Давший образ обрекается терпеть мучения и за них.

Я согласился. И с высокопревосходительным сиятельством мы расстались ласково.

Ведь это не «Гнилая Европа»!

Мне сказали: самое большое оскорбление для турка — касаться лица. Ответ — смерть!

Нет, это не страшно! Выбрал турка. Стоит важно, довольный своим самочувствием. Поздоровались. Мои спутники удрали «от греха». Я ткнул указательным пальцем в пузо. Турок ласково качнул головой. Я сделал шаг пальцами. Турок доволен. Еще и еще шаг пальцами. Турку забавно. Поднял палец к подбородку и оста-

новился вопросительно. Турок двинул голову к пальцу. Я поднял палец к носу. Турок сам ткнулся носом в палец! А дальше я всю милую морду т е р д в у м я р у к а м и! Прощаясь, я проделал руками: «Умом почитаю, устами хвалю, в сердце образ храню». Турок — тоже. Отошел, обернулся: турок стоял с рукой у сердца, улыбнулся, как родному, и прижал руку к сердцу! Это второе движение руки к сердцу согревает до сих пор! Да позаботится Аллах о душе его!

В Иерусалиме я получил султанское *ирадэ*: бумага с печатью султана, разрешающая рисовать во всех городах Турции и Сирии. Не сказано: кроме Хеврона. Сие подразумевалось. Да, но не было сказано.

Каймакам Хеврона оказался болен. Переводчик уговаривал скорее, скорее покинуть Хеврон! ([Бывшее] дальше я уже писал.)

В Петербурге художник Гольдблат Я. С.,³¹ глядя на этюд мечети, покрывающей могилы Авраама, Исаака, Иакова, расплакался. — Что с Вами?

— Сейчас я не художник, я старый еврей. Продайте!

Я у него уже учился, и бесплатно: мои работы оставались собственностью мастерской. Этюд остался у Гольдבלата.

До Мертвого моря добрался (до Иерихона шел с караваном паломников пешком). Это было весной. Точно месяц, число не помню.

Как легко вспоминается в письменном разговоре с Вами. Вы повернули меня к себе душой. Сколько говорят: записывай! Нет, нельзя рассказывать просто так, не обращаясь к живому человеку. Прошлое разворачивается ярко. Многие сглаживаются.

Вторая поездка в Палестину в 1907 [г.] — с 4-мя копейками, двумя кулками сахара.

В 1905 г. в Константинополе я бродил в Старом городе. Стемнело, заблудился. На какой-то площади за выдвинутым от заку<со>чной столом шумели детины — то ли грузчики?.. Широкие спины, морды разбойничьи. Напомнили компанию, пишущую ответ султану, только дух сказок «1001-й ночи». Красота! Фонарь из закускойной, керосиновая лампа на столе. Ближе ко мне — албанец в мягкой феске, кисть упала на спину. Так по-хорошему широкая спина, что со всей силой я трахнул! Я великан — рост одинаковый с Наполеоном! (Это сравнение явилось, когда явилась сказка «Наполеон».) Албанец обернулся с такой радостной улыбкой, что мне до сих пор приятно! Своей лапищей осторожно взял за руку, усадил рядом.

³¹ Художник Яков Семенович Гольдблат (1860—?) — ученик П. П. Чистякова. В Академии художеств в 1880-е гг. писал картины на исторические и религиозные темы. Получив звание классного художника, создал в Санкт-Петербурге свою рисовальную школу.

Я произнес, подражая актерам, выпренным тоном:

— О, порожденные сказкой сверкающего Востока! Приветствую всем сердцем! Благодарю, что не во сне, не на сцене, а в яви вижу ваши образины! В сердце моем — любовь к вам!

Привстал — и снова трахнул албанца по спине!

Ожившие из дальних столетий тянули свои лапищи и пожимали руку бережно (наши поморы и полярники сжимают так, что надо самому жать, дабы сохранить свою). Детины сказочные бережно отнеслись. Подвинули кофе, раки<ю> (анисовую водку), вино. Я отказался.

Объяснил милым чудищам: заблудился! Все заговорили — устроят, где спать!

Кое-как объяснил:

— Монастырь Синай. (Я остановился на Синайском подворье.)

Поняли ребята. Все хотели проводить. Битый мной албанец отстаивал с в о е п р а в о. Он так умильно смотрел, так прижимал свою руку к сердцу, что я погладил его по месту нахождения сердца. Что-то говорили мне, упоминая Аллаха.

Да, спасибо! Да будет борода Магомета на головах ваших, милые дети! Буду хранить в памяти сердца моего встречу с вами! (Вот 54 года храню — это часть моего богатства.)

Хранитель мой довел меня до подворья в Галате. Как я хотел обнять его громадную грудь, но я не знал, как это может быть истолковано.

Как я варил халву, я уже говорил.

Брел по узкой улице. Верхние этажи выступают над улицей. Идет нищий слепой. Улица пуста. На нищем надето что-то голубое, выцветшее. Глаза оба закрыты бельмами, подняты кверху, рука протянута. Нищий один в безлюдной улице. В верхнем окне отодвинулась деревянная решетка. Милое лицо без чадры, рука бросила монету. Я поднял, передал слепому. Я не утерпел, что-то приветное крикнул *джамили* (красавице). Из ворот рванулся дряхлый старик с палкой!

— Русс, нет хорош, русс нет хорош!..

Я двигался скорее старика.

Если бы условия были тех времен (о визах не говорили; паспорт в порядке — и все), я поехал бы еще раз.

А в Европу?.. Нет, из нашей чистой страны — никуда!

А. К. Покровская была директором Инст<иту>та методов внешкольной работы. Там работала Крупская Н. К., Менжинская И. Ю. и Фрумкина Е. Е.,³² Лилина.³³ Покровскую зовут — «женщиной без компромиссов». (Она редактировала

³² Фрумкина-Гвоздикова Екатерина Евгеньевна (1882—1929) — детская писательница 1920-х гг.

³³ Лилина Злата Ионовна (1882—1929) — журналистка.

какие-то ученые труды.) Я приезжал в Москву, останавливался в этом инст<иту>те. Рассказывал свои новые сказки и, рассказывая, заканчивал, и тогда записывал, нес в редакцию.

В Самарканд попал, кажется, в 1911 [г.].

В Крым заманили в 1952 г. Виноват Литфонд. Больше не заманят!

Тыко Вылка в Архангельске. Поставили домик на две квартиры. В одной — Вылка с женой. Стряпает картинки полудетские. Акварели покупает музей. «Ученые» приезжие приходят посмотреть Вылку, хвалят и уносят на память! Я уговорил жену Вылки, чтобы даром не отдавала.

«Ученые» приходят на меня поглядеть. Задают вопросы. Про это я, кажется, писал Вам.

Мой портрет и оформление сделал Баранчев Мих<аил> Серг<еевич>. Рисунки в тексте — моего ученика Данилова. Юрий Михайлович после десятилетки попал в Академию.

С Леонидом Леоновым знаком, если не ошибаюсь, с 1917 года. Фотографию свою пошлю, если найду. Местные фотографы уже не один десяток лет фотографируют — мне не дают. Ждут какого-нибудь случая: юбилея или смерти. Лучший фотограф Коровицын К. С. работает в газете «Правда Севера».

Сказки для «Невы» — очень хотел бы! Да не для печати. Пошлю Вам *«Англ<ийскую> корону»*. Сказку *«Польза от губернатора»* — надо сначала просить извинения у машинистки. Сказка не имеет похабщины. Я соединил желудок с губернаторским ... Похабщины нет у меня.

Кинооператор Козырев делал съемку у меня, целый день шипели юпитеры. В перерыве Козырев рассказал о пребывании в СССР рас-про-пропочтенной леди Черчилль, она же Черчиллиха. Ни одной кондитерской фабрики не пропустила. Выходила с фабрики леди Черчилль, за ней несли большие пакеты! Кинооператоры почтительно запечатлевали для потомства. В Ленинграде леди Черчилль посетила Музей обороны города. Встретил директор Музея. На нем — серая каракулевая шапка. Черчиллиха разахалась, шапкой восхищаясь. Уходя из музея, распро-леди несла в руках шапку серого каракуля, директор шел в фуражке. Ведь никто из русских не взял бы с головы английского офицера — из брезгливости. Могла спросить: «Где купить такой каракуль?..»

Про Луну, про восторг Эйзенхауэра, получившего вымпел и знаки, утверждающие принадлежность Луны к СССР.

Причем было любезнейше сказано:

— На Луну лететь можете, если сможете...

Прошлым летом приезжал художник из Москвы. Просил позировать. Я сидел. Портрет какого-то стодевяностолетнего, расслабленного, со слезящимися глазами. Увидал меня в бе-

лой рубашке: дни были жаркие. Хотел сие писать. Но я — благодарил.

Приехала акварелистка Польская (имени ее не знаю и не хочу узнать... слова и музыка заимствованы). Явилась ко мне.

Сначала — хотела поселиться.

2-е — ей надо картины порта:

— Если не позволят — повешусь!

— Вешайтесь!

— Ах, что вы сказали?

— Вешайтесь. Вам и людям легче.

3-е:

— Ах, какое удобное кресло! Я хочу иметь!

— Вешайтесь — не отдам!

Обратилась Польская в М.В.Д. Отнеслись прекрасно! Дали моторную лодку и повезли писать картины порта. Польская могла любоваться работой лесосплава. А лесосплавщики таким фольклором щеголяли!

— Ах, какой ужас! Они так! Так! Во всю — растак!

Я думаю: лесосплавщикам посоветовали [показать себя] — для картины порта. Если бы я знал, кому пожать руку, поблагодарить.

О Хевроне есть поверие: если гяур дойдет до могилы Авраама, Исаака, Иакова — конец турецкому владычеству!

Я многословно и долго выражал радость о болезни каймакама! Переводчик испуганно слушал и успокоился, узнав, что я имею лекарство для исцеления каймакама. И я буду иметь радость, счастье видеть г-на каймакама в полной парадной форме, и с подобавшей свитой, — и показал ирадэ с печатью султана. Я лицезрел великую особу, отвечал на поклоны. Из Хеврона до Иерусалима снова пешком — с караваном. От Хеврона до Мамврийского дуба — один.

Хорошо вспоминать Восток. Пока писал — рассказывал — я душой согрелся.

Александр Александрович, я не мог писать спокойно. Таким теплом Солнца, теплом человеческого сердца пахнуло! На тепло сердец я не жалуясь. Если и конец, то хорошо провожают.

А передовую для газеты 1-го января 2000-го года, может быть, придумаете — вспомните. Если соберусь собрать воспоминания — пошлю.

Это еще не все!

Мой портрет Вы видите в книжице. Мне хочется видеть — кому я так пишу. Турок, которому я мял морду. Албанец, которому я трахал со всей силой по спине, чувствовали, что я их люблю!

Если нещадно пишу, значит люблю!

В чем и расписуюсь

Ст. Писахов

Начал 29 сент<ября>
Сейчас уже третий час 30 сент<ября>
Надо посылать телеграммы.
Утомил — простите. Фото пошлите. Спасибо, что дали заглянуть в хорошее в прошлом!

Ст. —

Еще о моем наряде в пути к Мертвому морю. Али упер кинжал обоюдоострый, дамасской стали, — на мне был белый тонкий пиджак, внизу — белая рубашка. Острие кинжала не обижало — щекотило и очень забавляло! Белые тонкие брюки, надо точно сказать: не белые, а чуть кремового цвета. Куплен костюм в Иерусалиме за 4 р. 50 к. Очень удивились окружающие арабы, что я не торговался.

На шляпе — большой белый платок, спускавшийся до плеч. Вместо тяжелой черной повязки, похожей на колбасу, я купил зеленую с золотыми перехватами.

Повязка начальника. Я не знал. Просто легче и красивее.

Повязка показывала, что я не *хаваджи* — господин, а *эфенди* — начальник. Это спасло меня на раскопках у Пирамиды. Я уже писал.

В Одессе свой белый костюм (уже довольно загрязненный и в пятнах красок) я продал за рубль. Разом закричали:

— Дам два!

— Дам три!

Я назначил цену. Первый сиял, будто получил сокровище!

Он доволен!

И я доволен!

№ 3

Дорогой Александр Александрович!

...А лет ему...
завучало! И придвинулась пора того времени, а в мыслях подсчет пошел... внук, правнук...

В 1905 году у Передольского, в Новгороде. Сначала голос широкий и сердитый слышал:

— Кого нелегкая принесла?

Вышел старик, ростом больше Толстого. В теплой рубахе. Я остановился снимать пальто.

— Не в час пришел? Простите, приду в другой раз.

(И мысли не было в другой раз такому приему себя подставить.)

— Сколько вам лет?

Я сказал.

— Я на сорок верст раньше вышел, можете не сердиться!

Дальше общение с Передольским было дружеское.

Рассказали: при каких-то раскопках нашли каменные надгробницы князей (имени их нет в моей памяти). Губернатор продал (!) англичанам. Передольский приказал возчикам везти к нему во двор. Рассвирепевший губернатор явился к Передольскому. В разговоре Передольский дал по морде губернатору! Губернатора перевели.

1100 лет Новгорода. Расстрогал новгородец письмом.

Простите, милый правнучек, когда подходит конец, приветное слово — живительное, как Ваши письма.

Пишет новгородец:

«Я давно являюсь поклонником Вашего таланта, Вашего чудесного поморского языка, так близкого и дорогого и нам, новгородцам. Этот язык сохранился еще во многих деревнях вокруг Новгорода, особенно на берегах Ильменя».

№ 4

Дорогой Александрович!
Дорогой мой Александр Александрович!

26.X

Несколько дней назад я писал Вам. Найду написанное — пошлю. Вчера 25.X — куча адресов, кажется 25 — подарки, телеграммы, письма, а мне не доставало слова от Вас (избаловали). Сегодня светлее стало — от Вас слово есть. Когда Вам стукнет 80, сами узнаете, как дорого приветное слово.

Получил зачетную книжку студента Арх<ангельско>го Госуд<арственно>го педагогического инс<титу>та имени М. В. Ломоносова. Почетный студент. Эта книжка даст право являться на танц-вечера.

Много хороших слов слышал. В ответ речь построил на трех сорокалетиях. Жил 40 при старом мире, 40 строительство нового и 40 светлого (40 коих хочу прожить, не пропуская ни дня). Сказал часть — о «Встрече 2000-го года».

В привете от лесопильного завода назвали «наш Бажонный». Это давнишняя ласка.

Леонид Леонов...

...не буду всего перечислять. Три ученика из Ленинграда (ученики в средней школе). Один окончил Акад<емия> Художеств, другой Академию военную. Третий не говорит о своем чине: воен-пенсионер. Написали: «Дни

на Поморской у меня — лучшие в их жизни!»! Особо одаренных я приглашал к себе не более шести за раз. Удобнее, когда три. Юрий Данилов после десятилетки попал в Ак<адемию> Худож<еств>.

Много взяла война. Для меня мои ученики не чужие. Сейчас их письма трогают до слез (радости).

Ю б и л е й — гражданская панихида, а у меня такое желание мне быть! Представитель Обкома так ласково сказал, что я ударил его по шее (нельзя же по голове погладить). Словом: очень хорошо! Хорошо, что подарки и адреса привезли на квартиру.

А я каждую новую телеграмму открывая, смотрел на подпись, ждал и сегодня — имею! Отложу.

Написанное поищу, добавлю, поправлю. Вам уже не привыкать стать к о р о т к и е письма мои читать.

40 лет впредь — лучи Солнца заменят все горячее и т. д. Сообщение с Москвой — без затраты времени. Просвечивание Земли — геологам не надо и с к а т ь. Облучают — и видят, где что.

О м у з ы к е... молчу: много времени займу.

Мои ученики из Ленинграда. Трое, о коих я упомянул. Послали посылку. Тяжелая. Встречные считали своей обязанностью помочь. Это внимание трогает. Дома открыл: в посылке самовар электрический!!! Чудаки, знают, что мне интереснее что-либо, что называют лакомство. Знают ребята: вино, водка, курево — не моя специальность. Очень трогательно сидеть за самоваром. Одна героиня моих правдивых рассказов чай пьет первые 18 ч а ш е к — б е з с а х а р у! Но ведь не я! Хлопотали, посылали — спасибо, но...

Как-то хотел рассказать, как я п е л в Риме. Успех! Ни голоса, ни слуха.

Музыку иногда вижу. Это большая радость.

Картины слушаю, ощущаю. Люблю холод Брюллова, далеко уйду — продолжая.

Лет... словом — в 1907—1909 писал «Сны» акварелью. Сон после усталости, после работы. Сон очень хороший, а рассказать нечего. Что-то рушит сон. Будильник врывается в глубокий сон и т<ак> далее. Все пейзажи — далекие от реальных.

На эту тему спрашивают двое, а мне легче писать Вам. Утомляю — простите. Вы вызвали «дух откровенного говорения» — терпите. Помните у Гете?.. Нет, нет! Я реалист.

В сказках не надо сдерживать себя — врать надо во всю! В живописи я обязан быть правдивым. П о с с о р и т ь с я с П р и р о д о й р а д и в ы к р у т а с а — П р и р о д а з а м к н е т с я.

Пора спать, скоро заговорит Москва (скоро утро).

На Новой Земле летом Солнце идет кругом — время, какое мне угодно! Бедные южане этой радости не знают.

Были поиски Нобиле. В Арктику попал Александр Степанович Яковлев. Увидали медведя. Палили во все стороны. Корреспондентам интересно стрелять в Арктике. Медведь благополучно ушел (я рад до сих пор).

Оглянулись «охотники»: полночь. Солнце над горизонтом. Золотые радуги стелются над льдами, льды розовеют, часть льдов в воде. Зеленая и светлая тишина!

Яковлев писал: «...Вот где рождается сказка!»

Следовало Александру Степановичу добавить:

Вот где рождается музыка!

Вот где берет начало поэзия!

№ 5

[Открытка]

Поздравляю милого Александра Александровича с 42-й годовщиной Великого Октября!

Желаю много радостных встреч годовщины Октября до 2000-го года!

И далее!

Желаю радости новых достижений нашего Советского Союза!

Ст. Писахов.

[4.XI].1959 г.

г. Архангельск

№ 6

Дорогой Александр Александрович!

Сегодня 7 ноября. Снова берусь писать Вам. Это становится привычкой: на приветное слово легко откликаться.

На парад не пошел: надо рано встать и на трибуне три часа стоять...

Вчера, 6-го, на торжественное [собрание] пошел. На билете сказано: «Действителен при предъявлении паспорта». При входе протянул чину билет пригласительный и паспорт. Чин взял паспорт и хотел развернуть.

— А если бы я дома оставил паспорт?..

Чин сейчас же вернул паспорт. Руки были заняты, я не мог ткнуть кулаком в пузо чина. Сие значило бы: «Желаю быть здоровым и в хорошем настроении». Сказал чину:

— Прощаю!

И чин и присные с ним поняли, что это однозначно кулаку в пузо!

Совершеннолетие прошло благополучно. Ведь это гражданская панихида. В письмах начатых я как будто уже описывал. Сначала напишу, поговорю. Разберу исписанные листы и... пошлю. Не очень протестуйте. «Просите писем...» Я Вам пишу с удовольствием: приятно, что можно обо всем говорить... сами виноваты.

До сего дня получаю поздравления от людей, коих не знаю или не помню. Из Арзамаса зав. облоно пишет, жена его вторит, что мы знакомы и т. д. Спрашивает согласия на приезд в Арзамас: «Вечера сказок Писахова для учеников, студентов, партактива». Надо будет написать: «У меня тоска по родине (мучительная болезнь)». Я уже говорил, что началась с 1905 года.

В 1907 году приехал мой друг Дм. Дм. Руднев. Спросил у мамы:

- Дома ли?
- Да, дома.
- Позовите.
- Он на Новой Земле.

Мама считала, что в Арктике — дома. И я так сам чувствовал. Ехать в ВУЗ, в школу — это легко.

Получил отклик от Леонида Леонова. Как подобает, начинает с поздравления в возраст входом:

«Дорогой...»

Читал присланную Вами книжку сказок и поражаюсь количеством юмора, оптимизма и вообще хорошего, заразительного для читателей настроения. Как видите, и на меня, известного своей мрачной писательской философией, творчество Ваше производит благотворное влияние».

Ура, ура! Салют, салют! Привет, привет! Обнимаю, обнимаю! Прошибить Леонида! Это очень радует.

Хотел вспомнить, как я попал в его объятия... У меня силы-то — не как у него. Я — бородой... Происходило это в мрачные дни Леонида.

Загляну в страницы исписанные. М<ожет> б<ыть>, все пошлю.

Рассказал, как при входе на торжественное заседание я не стукнул чина по пузу. Не думайте, что избиваю чинов.

Раз, весной, я спросил милиционера:

— Когда будет хорошая погода? — Милиционер подтянулся, козырнул:

— Мама сказала: через 5 дней!

Какой хороший парень! Отношение к маме, отношение мамы к нему! Настоящий советский парень! И не знает, детина, как обрадовал меня! Через пять дней наступила хорошая погода.

Еще не ответил на Ваш вопрос о Ближнем Востоке.

Самарканд. *Сарты* — обидное слово для узбеков. С ними никакого слова! К русским отношение (было) озлобленное, похоже на отношение к англичанам и американцам в Архангельске в дни эвакуации. Мой товарищ, соблазненный ехать с ним, к нему, уговаривал:

— Сядь в тень и не двигайся, легче будет. К карагачу не подходи, не соблазнишься тенью. В ветках карагача селятся тарантулы и скорпионы: не прозевают оказать внимание!

Я уехал.

Товарищ писал мне: «О, сын Снегов Северного Полюса, брат Северного Сияния, друг Белого медведя! Долго после отъезда твоего, ввергнувшего в скорбь всех правоверных, продолжалась прохладная погода... Да почиет на голове твоей борода пророка, устраняя с пути духа твоего камни зла и порока!»

Я ответил кратко: «Не знаю, как борода пророка на моей голове, а моя на твоей будет при первой встрече».

На 2-й с/х выставке я заходил в павильон Узбекистана.

В Москве с узбеками можно было говорить. М<ожет> б<ыть>, Октябрь повернул их к русским? Раньше презрительное отношение чиновной России заставляло презирать русских. Это было в 1911 году.

После больницы мне предложили курорт. Это даже испугало. Курорты мне кажутся значными местами.

Если в кино иностранные города, хочу спросить: «Когда поезд отходит?»

В Москве мне надо каждый день видеть кремлевские звезды. Это не было трудно. Я жил на Маросейке.

В Архангельске мне надо видеть Двину. Ширина от 3-х до 5 километров зимой. Прошагать километр, и кажется: далеко от шума городского. И вернуться домой хорошо.

Предстоит тяжелая пора: возвращение в отремонтированный дом. Будет тепло с полу. Две печки — выюшки под потолком. Говорил с предс<едателем> исполкома, с обкомовцем — ему подведомственно. Но жакт сильнее. Моя комната — 50 м. Пригодна для пивной, парикмахерской...

Через десять лет опять юбилей — 90. К тому-то времени подготавлиюсь.

В 1907—1909 гг. «сотворил» две картины: «*Голубое колебание розовой души*» и «*Восторг рыжей коровы*». Мой учитель отговорил выставить: дешевый успех соблазнит, уведет от общения с природой.

Друже милый! Утомил я Вас — простите и обнять Вас разрешите —

Ст. Писахов.

А. А. Караваева проявила большую заботливость. До юбилея за полторы недели послала поздравительную телеграмму и адресовала: в юбилейную комиссию.

Приезжал детина из [газеты] «Литература и Жизнь», пояснил: Анна Александровна напомнила о юбилее и т. д. Пожалуй, А. А. была права. Следующий — 90 лет — я сам буду рассылать билеты. Многие говорят: не получили билета. Прочитали в газете извещение, но не знали часа. А все-таки собрались!

В 1939 г. Аннушка сказала: надо написать заявление так-то так-то. Не сказала, что надо собрать рекомендации. Я уже говорил: на вопрос: «Кто рекомендовал?» — ответ: «Президиум».

Не удивляйтесь ребячеству. Гёте сказал: «Неправда, что человек впадает в детство. Старость, приходя, застаёт детство».

На днях в столовой подсел студент 3-го курса Лесного техникума института. Назвался критиком. Хочет поговорить со мной. Заявил: хочет разнести всю литературу. Сделал большую ошибку: поставил бутылку пива. Без пива я охотно поговорил бы. А пиво — разговор был краток: я ушел. У парня началась вторая, самая страшная старость. Ему 27.

Первая старость — 14 лет. В статистике прошлого много самоубийств в 14. Пугала половая зрелость.

Вторая — 27. Полное физическое развитие. После 30 — освобождение от второй старости. Тициан на 93-м году писал весенние идиллии...

Иногда большие имена помогают, как увеличительные стекла. Кабы не бутылка пива, я поговорил бы. Может быть, разном моих сказок он подсказал бы что-либо. А отзыв молодого Л. Леонова (ему всего-навсего — 63-й) и без пива приятнее.

Получил письмо из Новгорода. Пишет тамошний старожил. По душе ему язык моих сказок. «В деревнях около Новгорода и Ильмена таким языком говорят». Писал ответное, вспомнил о старике Передольском. Собирая, что писал Вам, <...> для ответа Вам я обозначал №№ страниц, а не отмечал, кому.

Александр Александрович, Вам со стороны виднее. Может, я просто впадаю в болтливость старческую? А Гёте «Фауста»-то заканчивал 60-ти лет. Л. Леонов на 63-м переработал «Вора».

А спутник 8-ю тысячу крутит и про остановку разговора не ведет! Никакого горючего на такой путь не хватит! Если запряжено Солнце! А это страшно! Не нам овладеть лучами Солнца. Тогда не только на Луну — в галактики! Счастливые Ваши годы! Сколько Нового, Прекрасного! Как светло обновится жизнь! Мои 40 в прошлом, 40 в настоящем! Ах, как хочется заглянуть в 40 грядущих!

А жениться надо или до 27 или после 30. Вы не женаты?

Еще раз простите за долгое-длинное письмо. Лет через 60 Вы поймете, как дорого приветное слово, как оно заставляет откликнуться.

Уже 8 ноября! Ночь проходит.

Ст. П.

Архангельск

Жаль, если после этого краткого письма Вы прекратите переписку.

Ст. П.

№ 7

Дорогой, хороший Александр Александрович!

Поздравляю с новой ракетой!

Приходится всем Никсонам верить! Придется согласиться с разоружением! Поджечь хвосты. А как будут восторженно поздравлять!

Эта Осень для нас Весна! а для..... пропускаю слова, опасаясь, что бумага не выдержит — для миллиардворотил — осень!

Александр Александрович, я уже сдал машинистке «Корону» и «Бабушка, закинь меня на Луну». Не получил Вашего позволения послать, а пошлю Вам. Заранее прошу, хороший мой, простите!

Глав<ный> ред<актор журнала> «Литература и Жизнь» просил послать что-либо неопубликованное. Пошлю «Корону», — не пустят. А про «Луну» — авось! Есть еще «Польза от губернатора».

Это воспоминание 1907 года. Его Превосходительство изволило ехать на Новую Землю, удостоился возможности видеть (лицезреть) распоя<сав>шегося Властелина Севера! Для посылки Вам прошу Вашего согласия, без коего не решусь послать.

Скажу: похабины не может быть в моих рассказах. Но может быть отзвук с «Проданным аппетитом».

Жду газет, жду прочитать дипломатические поздравления миллиардакул! Нельзя о них начать плести сказку с натуры. Ракета рассказывает хорошо, убедительно! А какие достижения будут к 2000-му году! Хочется подождать! Сначала перешагнуть через совершеннолетие.

Очень жду получить фото. По письмам чувствую, радуюсь, хочу видеть.

Крепко обнимаю —

Ст. Писахов.

5.XI.1959 г. Архангельск

№ 8

Дорогой Александр Александрович[!]

Так и не дождался я Вашего разрешения послать «Корону». Извините, что послал. Я просто выразил «уважение» англичанам. После интервенции («инстервентов») еще не выветрилось впечатление.

«Как мы встречали 2000-й год» все еще «вспоминаю». Особенно задерживает передовая газеты 2000-го года — 1-го января. Я успел глазом схватить правительственное постановление — только.

«Польза от губернатора» — т о л ь к о с Вашего позволения могу послать. Даже не отдал печатать машинистке.

Крепко Вас обнимаю —

Ст. Писахов.

8.XI<...>1959. Архангельск

№ 9

«Вы просите песен,
их нет у меня...»

Дорогой Александр Александрович!

Вы просите писем, для Вас — вороха исписал! Вините себя, неосторожный, Ваше первое приветное слово повернуло меня к Вам.

На моей гражданской панихиде (вечер в день 80-летия) представитель Обкома, милая морда у него (надо сказать: личико, но оно широко улыбается. Назвать «личность», но таковых в Обком не пускают). Спина: на ней у хорошей морды «рожь молотить». После его слов я дал ему п о ш е е! И зал, и детина, получивший по шее, были довольны.

Два раза начинал писать Вам. Раздумывал: послать ли? Пошлю! На днях. Моему прапраправнуку.

Ст. Писахов

27.XI.1959 г. Архангельск

№ 10

Дорогой Александр Александрович!

Знаю: нельзя много писать хотя бы к человеку, к которому «сердце лежит» — «душа повернулась».

Мое счастье, что не стал вспоминать о поморах. Турки, арабы, болгары... Чуть не начал вспоминать поездку в Карское море на «Фоке» в 1906 году. Науч<но->пром<ы>с<ловая> эксп<едиция> Книповича. Я...

Простите. Ремонт дома закончен. Снова перетряска. Снова не знаю, где что? И адрес пишу: «Дедушке в деревню».

Пишут читатели.

Нашелся родственник, коего я не знал и не слышал о его существовании. Племянник моего зятя. Проф<ессор> Ленин<градско>го ун<иверсите>та. Послал родственнику книжку.

Огорчил, оттолкнул, Ал<ександр> Ал<ександрович>. Это огорчительно до боли! Я представил Вас себе и полюбил. Милый образ гаснет — это тяжело.

Если не очень протестуете, обнимаю Вас, Александр Александрович!

Ст. Писахов.

26.XII.1959 г. Архангельск

ДОКУМЕНТЫ ПО ЗАЩИТЕ ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ А. М. АСТАХОВОЙ

Публикация и комментарии Т. Г. Ивановой

Анна Михайловна Астахова (1886—1971) пришла в науку во второй половине 1920-х гг., причем будучи уже весьма зрелым человеком: свою первую научную статью, пока еще не фольклористическую, она опубликовала в 1926 г. в возрасте 40 лет.¹ В 1921 г., имея уже большой педагогический опыт,² А. М. Астахова стала слушателем словесного отделения Высших курсов искусствознания при Российском (Государственном) институте истории искусств (РИИИ/ГИИИ). Еще будучи слушательницей курсов, в 1922 г. она была зачислена вне штата научным сотрудником второй категории в ГИИИ. С 1923 по 1929 г. А. М. Астахова — научный сотрудник первой категории (вне штата); тогда же она начала читать в ГИИИ лекции по введению в русскую литературу XVIII—XIX вв. и по стиховедению.

Никаких фольклористических интересов в начале 1920-х гг. у А. М. Астаховой не было. Однако летом 1926 г. ГИИИ орга-

¹ *Астахова А. М.* Из истории и ритмики хора // Поэтика : Временник Отдела словесных искусств. Л., 1926. Вып. 1. С. 54—65.

² Из документов «Дела о защите докторской диссертации Астаховой Анны Михайловны» (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПФ АРАН), ф. 150, оп. 4, № 1, л. 23—24) следует, что в 1908—1909 гг. А. М. Астахова преподавала русский язык, литературу и историю в частной женской гимназии Иогансон в г. Валке Лифляндской губ.; в 1909—1911 гг. — во 2-й женской гимназии в Тифлисе; в 1912—1920 гг. — в гимназии Мельниковой в Петербурге (после 1917 г. — единая трудовая школа). Одновременно с 1912 по 1931 г. она была учителем в гимназии Таганцевой (единой трудовой школе). В 1920—1922 гг. будущая фольклористка преподавала также в советской школе ликбеза Московского района; в 1929—1931 гг. — в общеобразовательной школе для взрослых «Красный путиловец»; 1930—1934 гг. — в автодорожном техникуме.

низовал первую комплексную экспедицию в Заонежье, целью которой было изучение деревенской архитектуры, предметов народного быта, ткачества, вышивки, а также народных обрядов, музыкального и прозаического фольклора. А. М. Астахова присоединилась к экспедиции, во главе которой стоял специалист по народному зодчеству К. К. Романов, а в состав фольклористической группы входили И. В. Карнаухова, Н. П. Колпакова, А. И. Никифоров, Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд, а также составившие отдельный отряд В. Н. Всеволодский-Гернгросс, С. С. Писарев и Р. Р. Суслович. А. М. Астахова взяла на себя в поездке запись былин и заговоров.

В 1927 г. сотрудники ГИИИ ездили на Пинегу, в 1928 г. — на Мезень, в 1929 г. — на Печору. Севернорусские экспедиции, позволившие А. М. Астаховой накопить большой багаж наблюдений над песенно-эпической традицией, определили ее дальнейший научный путь. В зимнее время участники экспедиций обрабатывали собранный материал и делали доклады, на основе которых выросли ее первые фольклористические труды. В статье «Былина в Заонежье»,³ сравнивая заонежские материалы 1926 г. с записями в том же регионе, сделанными П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом в 1860—1870-е гг., исследовательница описывает механизмы разрушения былинной традиции (полное забвение былин в семейной традиции, сокращение и обеднение эпических текстов, исчезновение героических сюжетов при сохранении новеллистических, искажение формульного языка и метрики и пр.). Вторая статья А. М. Астаховой была посвящена заговорам.⁴

В 1930-е гг., в силу исторических обстоятельств, в работах А. М. Астаховой серьезные подлинно научные изыскания начинают причудливо переплетаться с откровенно идеологически обусловленными заключениями. Кратко очертим научный путь исследовательницы в 1930-е гг.

В 1930—1931 гг., при реорганизации ГИИИ, А. М. Астахова короткое время числится младшим научным сотрудником при Ленинградском отделении Государственной академии искусствознания (бывший ГИИИ), а затем вместе с другими фольклористами (во главе с М. К. Азадовским) она была переведена в Институт по изучению народов СССР (ИПИИ, апрель 1931—февраль 1933 г.), где в должности младшего научного сотрудника выполняла обязанности секретаря Фольклорной секции. В 1932 г.

³ Астахова А. М. Былина в Заонежье // Искусство Севера : Заонежье. Л., 1927. С. 77—103 (Крестьянское искусство СССР; Вып. 1).

⁴ Астахова А. М. Заговорное искусство на реке Пинеге // Искусство Севера : Пинежско-Мезенская экспедиция. Л., 1928. С. 33—76 (Крестьянское искусство СССР; Вып. 2).

А. М. Астахова подготовила к изданию по полевым материалам, собранным на улицах и барахолках Ленинграда, сборник «Ленинградские уличные певцы и песни» (рукопись хранится: Рукописный отдел Института русской литературы (далее — РО ИРЛИ), ф. 724 (А. М. Астахова), оп. 1, ед. хр. 14, 15), объективно отображавший репертуар ленинградской улицы конца 1920-х—начала 1930-х гг. Во вступительной статье и комментариях исследовательница дает характеристику социальной среды (деклассированное городское население) и рисует колоритные портреты уличных певцов. Сборник этот, не содержащий произведений, воспевавших новую власть (а следовательно, не отвечавший советской идеологии), к печати принят не был.

Одновременно в начале 1930-х гг. А. М. Астахова участвовала в коллективном проекте ИПИНа по собиранию фольклора рабочих. В этой работе наряду с научными целями ставились и «правильные» идеологические задачи: «...установление путей борьбы с классово-враждебными тенденциями и стимулирование развития идеологически ценных элементов путем активного воздействия на массовый музыкально-поэтический быт рабочих».⁵ Летом 1932 г. вместе с И. В. Карнауховой и С. С. Писаревым фольклористка совершила экспедицию по планам Карельского научно-исследовательского института (КНИИ) (Петрозаводск) на Белое море. Помимо собирания традиционных жанров русского фольклора А. М. Астахова ставила идеологически обусловленную задачу записи фольклора Гражданской войны.

В феврале 1933 г. ИПИН слился с Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамерой), в результате чего Фольклорная секция стала структурой Института антропологии и этнографии АН СССР (ИАиЭ). Соответственно в 1933—1938 гг. А. М. Астахова — старший научный сотрудник Фольклорной комиссии при институте. С 1 марта 1939 г. Фольклорная комиссия (бывшая Фольклорная секция) из ИАиЭ была переведена в Институт литературы АН СССР;⁶ здесь ее преобразовали в Отдел фольклора народов СССР.

В рамках ИАиЭ исследовательница совершает ряд экспедиций: в Забайкалье (июль—август 1934 г.);⁷ в Рязанский край по

⁵ Астахова А. М., Эвальд З. В. Работа бригады ИПИН по собиранию и изучению фольклора рабочей среды // Советская этнография. 1932. № 2. С. 142; см. также: Астахова А. М., Ширяева П. Г. Старая рабочая песня // Советская этнография. 1934. № 1/2. С. 201—203.

⁶ Именно так назывался Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в данный период.

⁷ См. отчет и статью, написанную по собранным материалам: Астахова А. М. Фольклорная экспедиция в Тарбагатайский район Бурят-Монгольской АССР // Советская этнография. 1935. № 1. С. 122—123; Детский фольклор в работах 1930-х годов : (Неизвестные статьи А. М.

программе Московского областного исполкома и Московского комитета партии большевиков (декабрь 1934—январь 1935 г.); на Зимний берег Белого моря, где записывала эпические песни у М. С. Крюковой (1937); в Вологодскую область (1937).⁸ В период работы в ИПИН и ИАиЭ исследовательница создала фольклорный архив, который в настоящее время находится в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.⁹

В 1930-е гг. А. М. Астахова становится одним из ведущих былиноведов страны. В 1935 г., при учреждении в СССР кандидатских и докторских степеней, ей без защиты была присуждена кандидатская степень.

В 1935 г. в малой серии «Библиотека поэта» вместе с Н. П. Андреевым исследовательница издала антологический сборник «Эпическая поэзия» (Л., 1935), во вступительной статье которого декларировала приверженность «исторической школе», включая и признание теории «аристократического» происхождения былин (былины произошли в княжеско-боярской, торгово-буржуазной и церковно-паломнической среде и только на позднем этапе стали достоянием крестьянства). Соответственно в 1936—1937 гг., когда развернулась кампания по разгрому «исторической школы», эта работа А. М. Астаховой подверглась идеологической критике.¹⁰

В 1930-е гг. советской фольклористике, а вместе с ней и А. М. Астаховой, пришлось отказаться от фундаментальной проблемы историзма былин и искать новые аспекты в изучении этого жанра. В конечном счете исследовательница нащупала в былиноведении проблемы, максимально устраивавшие новую идеологию. В статье «Былинная традиция на современном Севере»,¹¹ построенной на материалах экспедиций 1920-х—начала 1930-х гг., на большом статистическом материале, пред-

Астаховой и Г. С. Виноградова) / Публ. И. М. Колесницкой, Т. Г. Ивановой // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. [Вып. 4/5]. С. 241—258.

⁸ Материалы последней экспедиции нашли место в сборнике: Народные песни Вологодской области : Сборник фонографических записей / Записи текстов А. М. Астаховой, Н. П. Колпаковой; Муз. записи В. В. Великанова, Ф. А. Рубцова; Под ред. Е. В. Гиппиуса, З. В. Эвальд. Л., 1938.

⁹ См.: Астахова А. М. Рукописное хранилище при фольклорной секции ИАЭ АН СССР // Советский фольклор : Сборник статей и материалов. М.; Л., 1936. Вып. 2/3. С. 435—440.

¹⁰ Керженцев П. М. Исторические темы в искусстве и Камерный театр // Против фальсификации народного прошлого. М.; Л., 1937. С. 30; Семенов Я. Народная поэзия в антинародном освещении // Книга и пролетарская революция. 1937. № 1. С. 100.

¹¹ Астахова А. М. Былинная традиция на современном Севере // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности А. С. Орлова. Л., 1934. С. 401—412.

ставленном в нескольких таблицах, исследовательница дает сведения о репертуаре различных регионов, обозначает сужение репертуара по сравнению с дореволюционными записями, показывает тенденции преобладания новеллистических сюжетов над героическими в записях последнего времени. В 1938 г. вышел в свет первый том подготовленных ею «Былин Севера», очень скоро ставших классикой отечественной фольклористики.¹² Во вступительной статье А. М. Астахова углубляет характеристику каждого из севернорусских регионов (Прионежье, Поморье, Пинега, Мезень, Печора, Зимний берег Белого моря). В статье по-новому по сравнению с дореволюционной «исторической школой» поставлена проблема варианта: «Вариант становится интересным и значительным не только как одно из звеньев, необходимых для уяснения основ сюжета, но и как проявление живой творческой энергии народных масс».¹³ Вместо тезиса о «последовательном искажении» былин, по мере того как они из дружинной среды попадали в крестьянскую (позиция «исторической школы»), А. М. Астахова выдвигает положение об «исконной народности эпоса».¹⁴ Исследовательница разрабатывает типологию былинных певцов, занявшую важное место в науке второй половины 1930—1970-х гг. Применяв сравнительный метод (сравнение текстов сказителей «учителей» и «учеников», разных «учеников» одного «учителя», повторных записей от одного и того же исполнителя), А. М. Астахова описывает три типа сказителей: сказители-передатчики (запоминают былины своих «учителей» максимально близко к тексту); сказители-творцы (воспринимают от «учителей» только «общий остов» былины и создают новые редакции сюжетов, вырабатывая собственный стабильный текст); сказители-импровизаторы (смело вставляют в былины новые эпизоды, каждый раз создавая новую версию сюжета).

Одновременно с названными серьезными исследованиями, оставшимися и в наше время в кругу значимых трудов отечественной фольклористики, А. М. Астахова в предвоенное время, по-видимому, абсолютно искренне занималась произведениями советского фольклора, которые сочинялись сказителями под руководством собирателей. В 1941 г. она участвовала в Москве в совещании, посвященном советскому эпосу. Исследовательница выступила с докладом, где попыталась теоретически осмыслить

¹² Былины Севера / Записи, вступ. статья и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938. Т. 1: Мезень и Печора.

¹³ Астахова А. М. Былинное творчество северных крестьян // Там же. С. 9.

¹⁴ Астахова А. М. Былинное творчество северных крестьян // Там же. С. 15.

жанровую природу нового советского эпоса, выделив следующие жанры: 1) советские сказки (прозаический жанр, опирающийся на поэтику традиционной волшебной сказки); 2) советские былины (песенно-поэтические фабульные произведения о каком-либо одном событии, имитирующие поэтику традиционных былин); 3) поэмы (произведения, аналогичные советским былинам, но с более сложной фабулой, в которой развивается многособытийное действие); 4) плачи по поводу смерти вождей и героев Советского Союза (песенно-поэтические произведения, близкие к традиционным похоронным плачам); 5) сказы (песенно-поэтические бесфабульные произведения описательного характера, не изображающие события, а рассказывающие о разных явлениях настоящей и прошлой жизни путем их перечисления); 6) сказы-думы (произведения, аналогичные сказам, но с более развитым лирическим началом, выражающие раздумья сказителей над виденным, слышанным, вспоминаемым).¹⁵

Таким образом, к началу 1940-х гг. в научном багаже А. М. Астаховой было две одинаково важные для нее (и взаимосвязанные) темы — былины и советский эпос. Постоянное пребывание в рамках официальных научных учреждений (ГИИИ, ИПИН, ИАиЭ, Пушкинский Дом), без сомнения, имело свои положительные стороны (дало ей возможность получить богатый экспедиционный опыт), однако совершенно очевидно, что это пребывание заставило ее вольно или невольно подчиниться идеологическому диктату.

Перед Великой Отечественной войной А. М. Астахова начала писать докторскую диссертацию, тема которой в 1940 г. в архивных документах Отдела фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН первоначально значится как «История былин на Севере». Война и блокада на какое-то время прервала работу. Пережившая страшную блокадную зиму 1941/42 г. в Ленинграде, А. М. Астахова 12 июля 1942 г. вместе с Пушкинским Домом была эвакуирована в Казань.

Можно предположить, что уже в дороге она стала планировать прерванную работу над диссертацией. По ее поводу А. М. Астахова, как можно понять, советовалась с М. К. Азадовским. Еще с дороги, не зная, куда направят Пушкинский Дом — в Казань или Елабугу, — она писала М. К. Азадовскому в Иркутск, где тот находился в эвакуации (с 18 мая 1942 г.). А. М. Астахова, можно предположить, рассказывала о диссертационных планах, явно

¹⁵ Доклад фольклориста А. М. Астаховой «Пути развития русского советского эпоса» на совещании, посвященном советской былине, во Всесоюзном доме народного творчества // Фольклор России в документах советского периода 1933—1941 гг. : Сборник документов. М., 1994. С. 202—222.

изменившихся в связи с отъездом из Ленинграда с его богатыми библиотеками. В ответ глава ленинградских фольклористов 27 сентября 1942 г. с одобрением замечал: «Я очень рад, что мой план вполне совпадает с Вашим (говорю о диссертации). Это будет очень хорошо: и споро, и скоро. И книг очень много не надо — во всяком случае, Казани Вам хватит. Вот только обидно, если Вы упустите иностранную литературу. Ведь был ряд работ на немецком языке о проблеме эпического повествования, о народном рассказывании (Erzählerkunst — пожалуй, лучше перевести „народное сказительство“?). Едва ли что есть в Казани? Но, в крайнем случае, можно пережить и отсутствие этих работ. Поройтесь в Казанской университетской биб<лиоте>ке среди иностранных диссертаций, обычно посылаемых в порядке обмена в разные старые унив<ерситет>ы; м<ожет> б<ыть>, на что-нибудь и наткнетесь».¹⁶

17 ноября 1943 г. И. И. Толстой, также попавший во время эвакуации в Казань, сообщал В. Я. Проппу, находившемуся в Саратове, куда был эвакуирован Ленинградский университет, о докторской диссертации А. М. Астаховой: «Фольклорная секция Института литературы в Казани совсем немногочисленна:¹⁷ А. М. Астахова и вернувшаяся теперь в Казань и проживающая теперь здесь вместе со своими маленькими детьми Поля Ширяева.¹⁸ Анна Михайловна вплотную работает над своей докторской диссертацией по поэтике русских былин. На очередных заседаниях Института, которые проходят часто, уже прочла ряд глав из своей диссертации, очень солидных и интересных. Слабое место, по которому, чувствуется, ее буду бить, это — ее чрезмерное, может быть, увлечение сюжетами новых, современных былин и сказок и поэтикой и самой личностью новых, современных сказителей. Но материалом она владеет огромным и в совершенстве знает старую литературу».¹⁹

В мае 1944 г., после того как блокада Ленинграда была снята, А. М. Астахова вернулась в родной город. К этому времени диссертация, по-видимому, была полностью готова (см. рукопись: РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 46—54; подготовительные материалы: ед. хр. 55—57). Защита докторской диссертации

¹⁶ Письма военного времени М. К. Азадовского / Публ. Т. Г. Ивановой // Живая старина. 2005. № 2. С. 45.

¹⁷ О судьбах пушкинских фольклористов во время Великой Отечественной войны см.: *Иванова Т. Г.* Фольклористы Пушкинского Дома в годы Великой Отечественной войны // Традиционная культура. 2005. № 2. С. 15—24.

¹⁸ Ширяева Пелагея Григорьевна (1903—1986) — фольклорист, сотрудник Пушкинского Дома.

¹⁹ *Мартынова А. Н.* Владимир Яковлевич Пропп: Жизненный путь. Научная деятельность. СПб., 2006. С. 149—150.

А. М. Астаховой «Северный период в истории русской былины» состоялась в Пушкинском Доме 14 декабря 1944 г. На защите присутствовали члены Ученого совета: директор Пушкинского Дома, чл.-кор. АН П. И. Лебедев-Полянский, акад. А. С. Орлов, зам. директора Л. А. Плоткин, чл.-кор. В. П. Адрианова-Перетц, чл.-кор. С. Д. Балухатый, д-ра филол. наук В. А. Десницкий, В. Е. Евгеньев-Максимов, Б. М. Эйхенбаум, М. П. Алексеев, В. С. Спиридонов, Г. А. Бялый, ученый секретарь Института М. О. Срипиль.

Официальными оппонентами были В. П. Адрианова-Перетц, П. Г. Богатырев и В. Я. Пропп. Голосование в пользу диссертанта оказалось единогласным. Согласно протоколу заседания, Ученый совет постановил:

«Признать диссертацию А. М. Астаховой „Северный период в истории русской былины“ на соискание ученой степени доктора филологических наук ценным и оригинальным вкладом в русскую фольклористику. Исследование А. М. Астаховой свидетельствует о большой практической работе диссертанта, произведенной на месте бытования русского эпоса, и о глубоком теоретическом изучении печатных работ и рукописных фондов. Этот труд дает широкую картину жизни эпоса на севере в прошлом и настоящем и разрабатывает новые методы его исследования.

Работу признать оформленной в соответствии с требованиями, предъявляемыми к диссертации на ученую степень доктора филологических наук, и достойной напечатания, а защиту вполне удовлетворительной.

Произведенным закрытым голосованием при участии 12 членов Ученого совета Ученый совет Института литературы АН СССР единогласно присудил А. М. Астаховой степень доктора филологических наук».²⁰

Высшая аттестационная комиссия утвердила защиту 12 мая 1945 г.²¹ Впоследствии исследование вышло в свет в виде монографии «Русский былинный эпос на севере».²²

Ниже мы публикуем четыре документа, связанных с защитой: 1) «Содержание диссертации А. М. Астаховой „Северный период в истории русской былины“» — некий аналог современных авторефератов (СПФ АРАН, ф. 150, оп. 4, ед. хр. 1, л. 42—45 — машинопись; РО ИРЛИ, ф. 724 (А. М. Астахова), оп. 1, ед. хр. 58, л. 15—26 — черновой автограф, по которому печатается

²⁰ СПФ АРАН, ф. 150, оп. 4, № 1, л. 20—21.

²¹ РО ИРЛИ, ф. 150 (Институт русской литературы), оп. 2, ед. хр. 121, л. 20 об.

²² *Астахова А. М.* Русский былинный эпос на севере. Петрозаводск, 1948. В РО ИРЛИ находится корректура книги: ф. 724, оп. 1, ед. хр. 68.

документ); 2) Отзыв о диссертации В. П. Адриановой-Перетц (СПФ АРАН, ф. 150, оп. 4, № 1, л. 49—56 об. — машинопись); 3) Отзыв о диссертации В. Я. Проппа (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 401 — неавторизованный машинописный вариант; рукопись датирована 14 декабря 1944 г.);²³ 4) Ответ А. М. Астаховой оппонентам (СПФ АРАН, ф. 150, оп. 4, ед. хр. 1, л. 5—15 об. — машинописная стенограмма; РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 59 — черновой автограф, по которому печатается документ).

I

А. М. АСТАХОВА

Содержание диссертации А. М. Астаховой «Северный период в истории русской былины»

Задача работы — восполнить один из существеннейших пробелов в науке о русском былевом эпосе, именно — показать основные творческие процессы, характеризующие жизнь эпоса в его позднейший период, среди северного крестьянства. Вопрос этот почти не освещался, так как внимание исследователей было направлено по преимуществу на разрешение генетических проблем; позднейший же этап в жизни былины трактовался в основном только как период механического хранения и «последовательного искажения» эпической традиции.

Работа включает в себе три части. Первая, вводная, состоит из трех глав. В первой («Задачи исследования») кратко сообщается об основной направленности всей предшествующей литературы о русском эпосе и об утвердившейся в ней концепции в отношении позднейшего этапа в жизни былины. Этой концепции, по которой позднейший этап мыслится лишь как период угасания и распада, противопоставляется тезис о непрекращающейся творческой жизни эпоса.

Вторая глава — «Происхождение северной эпической традиции» — посвящена критическому обзору существующих в науке положений о том, где, в какой среде возник и складывался русский былевой эпос, когда и какими путями он проник на Север, и каковы были причины, обусловившие его сохранность и живое бытование на Севере. В главе особенно подчеркивается, что былинный эпос, создававшийся как профессиональными певцами из дружинной среды, так и непрофессиональными мастерами из широких народных масс, был при самом зарождении своем глу-

²³ К сожалению, в известных нам архивных материалах отсутствует отзыв П. Г. Богатырева.

боко народным. Занесенный на Север в процессе колонизации и, частично, скоморохами, он был для северного крестьянского населения идейно близким искусством, что и определило при содействии целого комплекса специфических условий новой обстановки его дальнейшую творческую жизнь.

Последняя глава вводной части — «Очаги эпической традиции на севере» — подытоживает все наблюдения автора над распределением былин по районам и над изменениями в областных репертуарах и в бытовании былин на протяжении всего периода с начала собирательских работ. В главе устанавливаются и анализируются два основных этапа в истории собирания былины на Севере: 1) период крупных открытий, собирания основного инвентаря сюжетов и установления главных былинных гнезд (2-я половина XIX в. и начало XX в.) и 2) эпоха повторного собирания на местах прежних работ и уточнения карты распространения былин на Севере (советский период). Далее дается сравнительная характеристика областных репертуаров и картина бытования былин в разных районах. Приложенные таблицы наглядно показывают сюжетный состав эпоса по районам и происшедшие в нем изменения в течение первой четверти XX в.

Центральная часть работы посвящена былинному творчеству северных крестьян. Она состоит из 6 глав. В них рассматриваются следующие творческие процессы: 1) работа сказителей над образом (глава IV «Развитие и вариирование образа»); 2) творчество в области композиции (глава V «Перестройка композиции»); 3) явления новотворчества (глава VI «Образование новых былин»); 4) процесс обратного возвращения в устную традицию былинных текстов из книги (глава VII «Былинное сказительство и книга»); 5) образование традиций областных (глава IX «Областные эпические традиции»).

²⁴ В процессе разработки образа автором устанавливается, во-первых, линия дальнейшего углубления и расширения содержания образа в направлении, уже намеченном в предыдущем периоде; во-вторых, линия коренных изменений в результате переосмысления образа. Первая сторона процесса показана главным образом на материале героического образа Ильи Муромца, в котором северными сказителями особо подчеркиваются, выделяются и разрабатываются его крестьянские черты, а также его высокие нравственные свойства, особенно как защитника родины и русского народа. Для характеристики процесса автором привлекается также материал разработки образов Добрыни Никитича, Алеши Поповича, Василия Игнатьева, сатирических образов князя Владимира и бояр и др.

²⁴ О гл. VIII «Творческие категории северных сказителей» А. М. Астахова говорит далее особо.

го переосмысления образа показан на судьбе былин о Василии Буслаеве. В качестве основных моментов в развитии образа в позднейший период автором выделены и показаны психологизация образа, внедрение реально-бытовых элементов, модернизация и переоформление образа под воздействием местной обстановки.

В композиционном творчестве северных сказителей автор главным образом выделяет процесс контаминирования, в котором, по его мнению, особенно проявилось, вопреки существовавшим представлениям, творчески-активное отношение сказителей к эпосу. Автор прослеживает все многообразные случаи творческих контаминаций — и объединенных фигурой главного героя, и контаминаций былин с разными героями, — выясняет внутренние мотивировки этих контаминаций, их художественные и идейные функции; исследует различные композиционные приемы при контаминациях и художественный результат применения тех или иных приемов. Кроме контаминаций рассматриваются позднейшие явления в области циклизации, тоже ведущие к переоформлению композиции, а также изменения развязок в результате переосмысления сюжета.

В главе об образовании новых былин показаны пути новоторчества: сложение новых былин на основе традиционного эпического материала; обработка в былины сказочных сюжетов и мотивов; переработка песен и песенных мотивов; возникновение былин на местном материале; использование ранних исторических материалов (летописных сказаний, исторических анекдотов и др.); переработка литературных произведений. Автор подробно останавливается на каждом из отмеченных процессов, стремясь вскрыть внутренние закономерности. В данной главе, как и в предыдущих, все время отмечается и подчеркивается творческий характер наблюдаемых явлений.

В главе VII исследуется явление, до сих пор игнорировавшееся в литературе, — процесс возвращения в устную традицию когда-то записанных и опубликованных текстов. Автор показывает значение этого процесса, выражающееся в обогащении местных эпических традиций новыми сюжетами, мотивами и поэтическими приемами. Автор обрисовывает два случая процесса: 1) усвоение подлинно народных текстов и 2) усвоение текстов, искусственно обработанных. В последнем случае на материале текстов заонежского сказителя Туруева, репертуар которого восходит к «Книге былин» Авенариуса,²⁵ показана ярко выраженная тенденция к освобождению от элементов, чужеродных для на-

²⁵ Имеется в виду: Книга былин : Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии (Новое издание «Книги о киевских богатырях», дополненной былинами новгородскими, московскими, казацкими,

родного творчества. На анализе былин известной беломорской сказительницы Аграфены Крюковой²⁶ автор показывает, что учет и изучение фактов воздействия книги на былинное сказительство в корне меняет наши представления о специфике былинных репертуаров отдельных исполнителей и целых районов.

В главе об областных традициях рассматриваются специфические особенности районных обработок сюжета. С этой стороны выделены как противостоящие друг другу традиция прионежская и северо-восточные традиции. Среди последних обособляются мезенская, кулойская, зимне-золотицкая, пинежская, печорская и поморская. В северо-восточных обработках автор показывает явления более позднего времени по сравнению с прионежской традицией, сохраняющей более ранние редакции.

Кроме указанных глав, раскрывающих наиболее значимые творческие процессы в позднем сказительстве, в центральную часть работы включена еще глава, рассматривающая основные творческие категории сказителей. Автор устанавливает три таких категории: 1) сказителей-передатчиков, 2) создателей новых редакций («реконструкторов») и 3) импровизаторов — и выясняет различную роль их в отношении самой эпической традиции.

Третья, заключительная, часть работы посвящена судьбам эпоса после Октября. В нее входят две главы: «Старинный эпос в советскую эпоху» (глава X) и «Пути создания и развития нового эпоса». В первой отмечается ослабление эпического творчества в 1920-е и в начале 1930-х гг. и некоторое повышение интереса к богатырскому эпосу с середины 1930-х гг., в эпоху общего подъема и расцвета народного творчества. В качестве основной причины этого возрождения интереса к эпосу автор указывает созвучность образов героического прошлого новой эпохе. Вместе с тем отмечается постоянное взаимодействие этого обращения к феодальному эпосу с процессом формирования эпоса советского. В главе прослеживаются наиболее характерные черты эпической традиции в современности: смена непосредственно наивной веры в реальность былинного вымысла сознательно-эстетическим восприятием; более свободное отношение к эпическому наследию; усиление циклизации и тенденции к образованию эпопей; заметное заострение социальных моментов; еще большее выделение мотивов героических; усиление роли книги; сильное воздействие смежных жанров.

петровскими и безымянными) / Сост. В. П. Авенариус. СПб., 1880. Книга была переиздана в наше время: М., 2006.

²⁶ См.: Беломорские былины, записанные А. В. Марковым / Этногр. отд. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1901.

В последней главе, исследуя процесс становления советского эпоса, автор подчеркивает закономерность этого процесса. Он отмечает огромную роль эпоса старинного; вскрывает основной пафос нового творчества; дает опыт классификации новых эпических произведений в зависимости от их тематики и различного использования фольклорного наследия; показывает новое качество, которое характеризует советский эпос даже при всей видимой близости к старинному жанру; отмечает сближение процесса создания нового эпоса с литературным творчеством. В заключение указывает и на большой научно-теоретический интерес современного этапа эпического творчества, и на значение советского эпоса как мощного фактора идейного воздействия.

II

[В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ]

ОТЗЫВ

Об исследовании ст. научного сотрудника ИЛИ АН СССР, кандидата филологических наук А. М. Астаховой «Северный период в истории русской былины», представленном на соискание ученой степени доктора филологических наук

А. М. Астахова — один из крупнейших в настоящее время знатоков и исследователей русского былевого эпоса. Около 20 лет тому назад она начала собирать и изучение былин в их живом бытовании в северных областях нашей родины. СобираТЕЛЬСКАЯ работа А. М. Астаховой, с первых ее шагов, отмечена образцовой тщательностью, вдумчивым вниманием ко всей обстановке, в которой бытует записанный материал, к исполнителям и слушателям. Облик прекрасно владеющего своим материалом, серьезного и вдумчивого специалиста в области изучения русского былевого эпоса хорошо и давно знаком читателям солидных этюдов по истории былин, образцовых изданий текстов, рецензий, напечатанных А. М. Астаховой в фольклорных журналах, сборниках и отдельных изданиях с 1927 г. Передавая свой опыт собирателя, издателя и исследователя молодым фольклористам, А. М. Астахова активно участвует в подготовке научных кадров по своей специальности. Фольклорный отдел Института литературы АН СССР и Карело-Финский научно-исследовательский институт — те центры, в которых успешно протекает не только научно-исследовательская, но и научно-педагогическая работа А. М. Астаховой.

Вся эта работа уже сама по себе дает право А. М. Астаховой на положение руководителя целого направления в изучении поэ-

тического творчества русского народа, т. е. право на ученую степень доктора филологических наук. Представленная диссертация «Северный период в истории русской былины» подтверждает это право.

Задача исследования А. М. Астаховой — представить жизнь былевого эпоса на Севере, т. е. в тот период, когда «основной процесс формирования эпоса был закончен» (стр. 2). В общей картине жизни эпоса на Севере т<оварищ> Астахова использовала весь наличный материал — от записей XVIII в. до современных; в историографическом очерке, выполненном тщательно, критически оценены построения, искажающие историческую перспективу, и учтены все положительные итоги изучения былевого эпоса. В самом исследовании А. М. Астаховой особенно ценны те части, которые основаны на собственных ее наблюдениях. Характеристика творческих типов сказителей и анализ специфических особенностей былин в разных районах Севера войдут как неоспоримый итог в изучение русских былин. Большую и несомненную заслугу А. М. Астаховой составляет то, что она впервые так широко поставила вопрос о творческом отношении сказителей нового времени к былине. Взамен взгляда на изменения былины, как на более или менее случайные разрозненные факты, А. М. выдвигает свою точку зрения на них как на проявления закономерного процесса. Справедливо оценивает она опыты создания новых былин на старые эпические сюжеты как «конечный этап в сюжетосложении внутри самого эпоса», как «процесс простых перепевов» (стр. 315), которые «лишены художественной убедительности», свойственной «эпосу, выросшему на исторической почве» (316).²⁷ Ценны и интересны наблюдения автора над тем, какие мотивы определяют выбор сказочного материала для переделки в былину (319 и сл.).

Можно не соглашаться с трактовкой в диссертации отдельных групп фактов, но следует признать, что самые факты собраны и классифицированы А. М. Астаховой вдумчиво, свежо и тщательно. И даже тот исследователь, который иногда пойдет своим²⁸ путем в истолковании приведенных фактов, сможет вполне уверенно опереться на них, не проделывая вторично сложной и трудоемкой работы по изучению северных вариантов былин и по установлению их особенностей.

Остановлюсь детальнее на главах, где новый материал дал возможность поставить и частично решить новые проблемы в истории эпоса или пересмотреть выводы предшествующих исследователей.

²⁷ В. П. Адрианова-Перетц непоследовательно обозначает страницы: с сокращением «стр.» и без него.

²⁸ Здесь и далее подчеркнуто В. П. Адриановой-Перетц.

Обилие творческих вариантов — признак фольклорной трактовки художественных произведений, характерный, конечно, не только для нового времени. Это подтверждается всеми исследователями, в частности, и западноевропейских поэтов-исполнителей: жонглеров, шпильманов. Весь вопрос в том, держатся ли еще эти варианты в рамках устоявшейся традиции, отвечающей запросам закрепившего ее коллектива, или эти запросы уже ломают традицию. Интерес собранного А. М. Астаховой материала и заключается в том, что значительная часть обнаруженных ею былинных вариантов говорит о ломке традиции, о новых запросах к эпосу, о новом отношении и к сюжету, и к способам изображения героя, и к отдельным художественным приемам вообще. Возникает проблема: сохраняется ли в итоге всех этих изменений эпическая форма, которую мы вправе называть по-прежнему былинной, или это уже какой-то новый вид эпоса. В сущности, к этой проблеме ведут все частные вопросы, поднятые автором в диссертации.

Прежде всего мне думается, что А. М. Астахова преувеличивает итоги изучения былины, когда пишет (стр. 1): «...общая картина сложения русского эпоса в основном ясна». Действительно, мы знаем иногда довольно обстоятельно, как складывались отдельные былевые сюжеты. Но что такое былина как некое органическое единство содержания и формы, как художественное целое, каковы существенные признаки разных видов былин, называемых исследователями героическая, балладная, новеллистическая, — этот вопрос в фольклористике не решен, да, пожалуй, по-настоящему и не поставлен во всем объеме. Не говоря уже о далеком прошлом, исследователи эпоса не установили даже отличий былины в записях XVII, XVIII вв. и того «классического» периода, который представлен записями Рыбникова и Гильфердинга. Незаработанность этого основного вопроса чрезвычайно затрудняет задачу А. М. Астаховой и мешает ей ответить определенно — тождественна (так! — *Т. И.*) ли современная былина, как поэтический жанр, своему прототипу хотя бы середины XIX в., или в итоге творческих изменений текста создан уже новый качественно вид эпоса, который лишь условно может быть назван «былиной». Ряд тезисов А. М. Астаховой приобретет полную убедительность лишь после того, как старая былина будет изучена во всем ее художественное своеобразие.

Характеризуя жизнь былины в позднейший период ее бытования — конец XIX и XX вв. — как творческий процесс и оспаривая мнение Вс. Миллера об изменениях текста былин как об искажениях, А. М. Астахова впадает в другую крайность и дает несколько одностороннюю картину жизни былины на Севере, совершенно оставляя в стороне действительные искажения и сюжеты

та, и формы во многих позднейших записях. Нет в диссертации и раздела, посвященного переходу былины в сказку (хотя обратное — переделка сказки в былину — обстоятельно охарактеризована).²⁹ А между тем и в искажениях может быть часто прослежена известная закономерность: легче искажалось то, что было особенно чуждым и непонятным.

Какая-то двойственность и недоговоренность есть в выводах А. М. Астаховой, когда она разбирает вопрос: почему в одних районах Севера былина, выражаясь словами автора, «архаика» (стр. 11), а в других в ней «бьется живой пульс», почему местами мы наблюдаем «угасание и распад» (стр. 15), а местами встречается «творческая жизнь» былины. Неясность осталась и в решении более общего вопроса: почему именно на Севере былина задержалась дольше, чем в других областях, почему историческая песня, хорошо знакомая Северу, не вытеснила здесь старую былину; что помешало вне Севера «культивировать этот сложный и трудный для восприятия и исполнения поэтический жанр» (стр. 41). А. М. Астахова возражает против мнения, что «особый консерватизм в быту» Севера был одной из важных причин, задержавших здесь былину (39), но ниже (40) сама говорит, что с XVIII в. Север «оказался в стороне от главной арены исторической жизни», что «новые культурные веяния доносились сюда слабо». Если добавить сильное на Севере влияние несомненно консервативного старообрядчества, то вряд ли придется спорить с утверждением, что консерватизм быта, а главное, сознания, здесь был налицо.

Объясняя живой интерес к былине на Севере, А. М. Астахова слишком большое значение придает внешнему фактору: ряд ремесел и промыслов создавали, по ее мнению, особо благоприятную обстановку для сохранения былины, они давали «жаждущую художественного слова и интересного повествования „аудиторию“» (42). Но, во-первых, все перечисленные занятия известны и в других районах, во-вторых, важно не только то, что была аудитория, а то, что же этой аудитории оказалось интересным. Отсюда необходимость разобраться не только во внешней обстановке, а и глубже заглянуть в сознание исполнителей былин и их слушателей. Быт ведь отражается на этом сознании всей совокупностью условий, а не только профессией. А. М. Астахова касается вопроса о влиянии книги на сказителей и слушателей: «Чтение, расширяя кругозор, прививает новые вкусы и интересы» (44). Но ведь вопрос в том, что³⁰ читается. На Севере, например, много грамотеев-старообрядцев, но вряд ли круг их чтения — положи-

²⁹ А. М. Астахова позднее этой проблеме посвятила монографию «Народные сказки о богатырях русского эпоса» (М.: Л., 1962).

³⁰ Здесь и далее выделено курсивом В. П. Адриановой-Перетц.

тельный фактор в смысле развития «вкусов и интересов». Да и из светского чтения на Севере еще в начале XIX в. можно было встретить сборники конца XVIII в., типа Старичка-Весельчака.³¹ Что же нового, устраняющего интерес к былине, принесло такое чтение? Итак, следует как-то пристальнее изучить культурное состояние населения в разных районах Севера, чтобы найти опору в решении вопроса о причинах того или иного отношения к былине.

Нельзя не признать, что ограничение материала только северными районами при решении этого вопроса чрезвычайно затрудняет исследователя. Каковы условия, например, в Сибири, на Урале, где еще недавно делались записи былин? Сопоставление разных районов, может быть, навело бы на верный путь в решении общего вопроса.

Не вполне ясно в изложении А. М. Астаховой, в чем заключается отношение в иных северных районах к былине, как к «архаике». Ведь на стр. 44 совершенно правильно высказана мысль о существовании «сознательно-эстетического подхода к былине как к высокому искусству — источнику больших художественных эмоций»; этот «подход», по мнению А. М. Астаховой, сменяет «былую веру в реальность былинных фантастических образов». Как будто это и обозначает отношение к былине, как «архаике», но — эстетически ценной? Автор указывает, что такому новому отношению к былине не мешает «усвоение грамотности, близость школы и других культурных учреждений» (44). И вот снова возникает вопрос: почему же в одних районах новая культура не помешала существованию былин, а в других вытеснила ее совершенно. Неясно и другое: в чем выражается «сознательно-эстетический подход» к былине. Влечет ли он за собой стремление сбросить былинку в ее неприкосновенности, как наследие старины, или заставляет «творчески» менять ее, и как именно.

В главе III «Очаги эпической традиции на Севере» мы снова оказываемся перед вопросом: почему «художественная сила» былевого «искусства и его народность» (59) в одних районах Севера «обусловили возможность новых переживаний художественных образов», а в других привели к забвению его. «Консерватизм сознания и бытового уклада» (59) А. М. Астахова отвергает как причину живучести былин. Но вместо этого объяснения выдвигает неопределенные ссылки на «разные причины малой распространенности эпоса с давних пор» (59), говорит об «особых причинах» преобладания той или иной разновидности былин,

³¹ Имеется в виду книга «Старичок-весельчак, рассказывающий давние московские были» (СПб., 1790), имевшая около 20 переизданий вплоть до 1875 г.

о «местных исторических условиях». Очевидно, эти-то «причины» и «условия» и надо детальнее изучить, или уж отказаться совершенно от прямого ответа на поставленный вопрос о странной двойственности в отношении к «высокому искусству» былин, которое, между прочим, по признанию А. М. Астаховой, даже «в районах наилучшей сохранности былинной традиции» «все более и более замыкается в кругу немногих любителей» и уже не знает к 1920—30-м годам «массовой аудитории».

Глава IV «Развитие и вариирование (так! — Т. И.) образа» вызывает ряд вопросов.

1) Поскольку не установлена твердо для каждого данного образа его персональная форма, не во всех случаях можно так категорически утверждать, что та или иная черта возникла именно на Севере и только для него и характерна. Например, можно ли действительно, при данном состоянии материала, доказать, что Илья Муромец стал крестьянином только в северных пересказах? Почему именно здесь появились «гуманные наставления» родителей Илье (123)? Характеризуя «доработку» образа Ильи Муромца северными сказителями, автор настолько сгущает краски, что создается впечатление, будто многое из положительных черт его явилось только на Севере. Но каким же был тогда этот герой в былине, принесенной на Север?

2) Такая же переоценка получается в разделе, характеризующем усиление «социальных тенденций». Создается представление, будто былина только на Севере приобрела социальную остроту. Вряд ли это правильно. Например, почему изображение бояр изменниками — поздний мотив? Он характерен для XVI и начала XVII в. и, может быть, мы имеем в нем дело с сохранением исторических припоминаний. Но средняя Русь знала бояр в роли изменников ничуть не хуже, чем Север (147). В истолковании образа Василия Буслаева неправильно расценивать как демократическую массу тех «мужиков новгородских», с которыми воюет Василий. Это обычное название для зажиточной части посада, и потому в былине эти «мужики» пируют у князя вместе с боярами.

3) Самый процесс вариирования образов в былине также не всегда квалифицируется А. М. Астаховой правильно. «Углублением и расширением» автор называет иногда словесное распространение обычного мотива или введение новой детали, иллюстрирующей данную черту характера или поведения героя. Между тем *образ* от этого не меняется. Например, в былине об Илье Муромце и создателям, и многим поколениям слушателей было совершенно ясно, что он освободил «прямоезжую» дорогу от разбойников не для собственного удовольствия, а для общего блага, потому и былина на этот сюжет так была популярна. И вряд ли образ Ильи углубился оттого, что сказитель расширил

здесь текст былины, заставив Илью Муромца объяснять и без того понятный поступок:

Но очистил я ту дорожку правую,
Чтобы не был народ в погибели,
Во погибели и во несчастии,
Чтобы все было по-хорошему,
По-хорошему да по-счастливому.

(130)

Или в другом варианте:

Поезжайте, православные, без опаси,
В пути торные эти дороженьки,
Нет больше воров-разбойников,
Не станут они губить буйны головы.

(131)

Переходя от суждения к оценке, А. М. Астахова называет итог такого распространения былины «высшим этапом» (143). Это *новый* этап, и задача исследователя — объяснить, какие исторические причины привели к нему. Но вряд ли замена выразительной краткости и вытекающей отсюда поэтической силы былины длиннотами поздних сказителей есть «высший этап». Но эти длинноты *нужны*, чтобы растолковать новому слушателю дела и людей такого далекого от него прошлого. И в этом их закономерность. Поэтому большая заслуга А. М. Астаховой, что она обратила внимание на подобные варианты в былинах. Их надо только иначе оценить и разъяснить.

4) К таким длиннотам, совершенно чуждым старой былины, относится и то, что А. М. Астахова называет «психологизацией» (163). Совершенно немислим в старой, выразительной в своей сжатости, героической былине богатырь, который, угощаясь в палате неизвестного ему богатыря, «сам сидит да улыбается», раздумывая:

Доброй-от хозяин у меня с хозяйшкой,
Они очень у меня есть да приемные,
Они приемны очень приятные,
Поблагодарить только их нет же здесь.

(168)

Это — результат восприятия героя иным сознанием и передача этого восприятия иными художественными средствами. Это *принципиальное* отличие новых вариантов от старой былины, отличие, создающее уже какой-то новый вид эпоса.

5) Чрезвычайно большой интерес именно с точки зрения образования этого нового качества имеет отмеченное А. М. Астаховой

«внедрение реально-бытовых черт» в старый сюжет (172). Это явление недостаточно глубоко оценено автором, когда А. М. пишет: «...когда этот процесс охватывает всю систему образов, тогда вся былина в целом меняет свой общий колорит» (172).

Дело, конечно, здесь не только в «общем колорите», а в том, что благодаря такой перестройке создается новая эпическая форма, и об этом следует сказать со всей решительностью. Чувство стиля старой былины у сказителей, прибегающих к широкому «внедрению реально-бытовых черт», потеряно, этот былой стиль уже не отвечает их художественному сознанию, и вот на старой сюжетной канве создается повествование, выраженное иными художественными средствами. Приведенный А. М. Астаховой пример как раз и показывает перестройку старой героической былины в плане баллады.

б) Глубже следовало бы остановиться и на роли «местных элементов» (175) в жизни былины. Вместе с реально-бытовыми чертами местные элементы, входя в былинку, ломают ее, а затем, накопившись в достаточном количестве, создают новый эпический жанр. Все ценные наблюдения А. М. Астаховой над изменениями внутри старой былины следует осветить именно как вехи на пути к созданию нового эпоса. В главе VI «Перестройка композиции»³² А. М. нащупывает такой подход, но пока — применительно к одному частному случаю (251). С точки зрения создания нового эпического жанра следует здесь остановиться и на искажениях старой былины, попытаться и в них найти какие-то определенные линии.

В главе VI «Образование новых былин» осталось нерешенным, что же получается в итоге переделки сказки в былинку: действительно былина на сказочный сюжет или, выражаясь словами А. М., песня «с былинной окраской», но и «многими стилистическими линиями сказочного жанра» (370). Свидетельствуют ли эти переделки о живучести былины или о повышенном интересе к сказке, которая лишь принимает легче запоминающуюся ритмическую форму былины. Если бы параллельно изучался процесс превращения былины в сказку, возможно, и причины создания сказочных новых былин стали бы яснее. Но здесь недостаточно одного внешнего сопоставления, необходимо осознать весь комплекс художественных приемов переработки.

Вообще в этой главе, богатой по материалу, следовало бы поставить вопрос: сохраняется ли в новых былинах та органическая связь былинной формы с сюжетом, которая характерна для старой былины. Или — любое содержание может быть оформлено внешне по-былинному, т. е. эта старая эпическая

³² Ошибка В. П. Адриановой-Перетц: «Перестройка композиции» не VI, а V глава.

форма механически переносится на новое содержание. Вопрос этот имеет свою историю. Ведь уже Григорьев³³ в предисловии к своим записям былин отмечает, что он встречал певцов, которые «настолько хорошо владеют эпическим стихом, что готовы переложить в стихи переводную сказку об Еруслане» (стр. 19). Но эту героическую сказку еще не так трудно сблизить с сюжетами героических былин. А вот была сказительница, которая, «владея размером, могла бы пропеть о чем угодно». И собирателям конца XIX и начала XX в. приходилось сталкиваться с такими случаями, когда сказительница, исчерпав репертуар, пробовала былинным напевом петь любую песню (если за напетую былинку платили). Не случайно ведь И. Жданов³⁴ в свое время назвал былинку «Нерасказанный сон» сказкой в песенной передаче, он усмотрел в этой переделке «былевую окраску», но не былинку как вполне определенный жанр. Думаю, что в главе «Образование новых былин» и надо было строже отнестись к этим новым былинам и точнее установить, какие внутренние признаки композиции роднят их со старой былиной, сохраняется ли в них та же функция отдельных художественных приемов. В частности, былины М. Крюковой с их нагромождением образов, при внешнем сходстве фразеологии со старой былиной, ушли бесконечно далеко от своего первоисточника. Существо поэтического языка былины изменилось до неузнаваемости, она уже совсем по-своему относится к былинной метафоре, символу, эпитету. Безудержное нагромождение их — признак деградации старой формы.

Подробно (излишне) анализируя переделки М. Крюковой литературных произведений в былевую форму, А. М. Астахова признает, что такие переделки «лишь условно можем назвать былинами» (432). Вот этот тезис следовало бы шире развить и обосновать применительно ко многому, что трактуется в этой главе о новых былинах. Конечно, главная трудность здесь в том, что единица измерения — старая былина — не определена как эпический жанр во всей полноте ее постоянных признаков. Но если нельзя вопрос разрешить, то следовало бы хоть поставить его, наметив тем самым путь для дальнейшего исследования этих новообразований.

Последняя глава диссертации «Пути создания и развития нового эпоса» ставит интересный вопрос о том, каким путем пойдет создание новых эпических форм. В этот момент работы снова чувствуется связанность автора территориальным ограничением материала. А. М. Астахова защищает правомочность старой былины формировать новые эпические сюжеты. Трудно спорить

³³ Имеется в виду: Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. М., 1904. Т. 1; Прага, 1939. Т. 2; СПб., 1910. Т. 3.

³⁴ Имеется в виду: *Жданов И. Н.* Русский былевой эпос. СПб., 1895.

против того, что для сказителей, привыкших к художественному методу былины, естественно и новое содержание облекать в эти привычные формы. Но ведь и за пределами районов бытования старой былины возможно создание нового эпоса. Очевидно, что здесь старая былина уже не станет на пути автора. Вопрос нуждается в более широкой постановке.

В целом исследование А. М. Астаховой представляет богатую по материалу, добросовестную по тщательности выполнения и интересную по ряду выводов и отдельных наблюдений работу. Ряд положительных выводов ее неоспорим. Но ценность исследования и в том, что оно показывает пути, по которым должна дальше пойти разработка данной и смежных проблем: таких путей в основном два — изучение русского былевого эпоса в разные периоды его бытования, во всем разнообразии его форм с целью определить признаки былины как художественного жанра на каждом этапе ее истории (хотя бы в пределах записанного материала); исследование новых эпических форм не только со стороны их традиционных элементов, но и во всем охвате их художественного метода.

Исследование «Северный период в истории русской былины» дает А. М. Астаховой несомненное право на ученую степень доктора филологических наук.

Член-кор. АН СССР (В. П. Адрианова-Перетц)
<...>1944 г.

III

В. Я. ПРОПП

**Отзыв о диссертации А. М. Астаховой
«Северный период в истории русской былины»,
представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

Диссертация А. М. Астаховой представляет собой значительное явление в современной русской фольклористике. В противовес текстуальному, филологическому изучению здесь выдвигается принцип изучения эпоса вместе с его носителями и исполнителями. Предметом изучения является не столько сам эпос (т. е. не генезис или история сюжетов, всемирные соответствия, не поэтика³⁵ и пр.), сколько те живые люди, которые его осуществляют и которые вносят в эпос свое личное творчество.

³⁵ Обратим внимание на то, что, в отличие от И. И. Толстого, В. Я. Пропп не считал, что в диссертации А. М. Астаховой решаются вопросы поэтики былины.

Несомненно, что такая постановка задачи сама по себе возможна и правильна, и что в числе других сторон эпоса и эта сторона его жизни должна быть подвергнута систематическому, обобщающему изучению. Частных материалов накопилось очень много, а обобщающего исследования нет. Предпринимая такую работу, автор заполняет насущный пробел в нашей фольклористической науке.

Для осуществления такой задачи автор подготовлен наилучшим образом. А. М. Астахова неоднократно побывала в тех местах, о которых пишет, и знает жизнь былины на севере по личным наблюдениям. Автор в курсе всех основных экспедиционных материалов, как опубликованных, так и хранящихся в архивах. Можно без преувеличения сказать, что автор — лучший в СССР знаток былины и ее исполнителей.

Изучение северных районов распространения былин («гнезд») привело автора к крупному открытию, состоящему в том, что эпос севера в этом отношении неоднороден. Недифференцированный «север» предстал в совершенно четкой картине довольно резко отличающихся районов. Это — Прионежье, Поморье, Пинега, Мезень, Печора. По каждому району даются сводные таблицы, характеризующие не только состав репертуара, но и изменения его. Для каждого сюжета приводится количество записей, прежних и новых, и отсюда делаются выводы относительно движения репертуара. И хотя статистический метод в отдельных случаях, когда количество записей незначительно, и может вызывать некоторое сомнение, в целом картина получается весьма четкая, ясная и совершенно убедительная. В особой главе исследуются не только количественные, но и качественные изменения репертуара. Причину этих репертуарных изменений автор справедливо видит в истории колонизации, в социальном составе разных поселений и в «специфике социально-экономических процессов на местах» (С. 89). Остается только пожалеть, что причины эти только намечены, но что вопрос не разработан. По ходу своих исторических рассуждений автор обнаруживает взгляды, с которыми рецензент согласиться не может. Так, теория, что эпос занесен на север скоморохами, должна быть, на мой взгляд, совершенно оставлена как несовместимая с современными взглядами на жизнь эпоса.

Книга не представляет собой одного целого от начала до конца, где одни тезисы вытекают бы из других. Она сложилась из ряда очерков, частично ранее уже опубликованных и разнородных по своему составу и методу. Хотя автору и удалось спаять их в нечто целое, но все же остались неслаженности и противоречия, которые имеют не редакционное, а принципиальное значение. Так, материал изложенной главы показывает несомненное сужение репертуара, т. е. явление некоторой деградации. Следующая

же глава посвящена творческой переработке образов северного эпоса и развертывает картину несомненного творчества. Оба явления показаны правильно и убедительно, но не поставлены между собою в связь. Самая проблема противоречивости процессов, совершающихся в эпосе, не поставлена, хотя она и вытекает из материалов исследования и сама давалась в руки.

Задача автора — дать широкую картину жизни эпоса на севере. При таком широком охвате очень часто страдает глубина проработки. Так, в 4-й главе имеем ряд прекрасно выполненных характеристик, как-то характеристик Ильи Муромца как защитника родины, Василия Буслаевича и т. д. Эти характеристики предприняты с целью показать вклад северного крестьянского творчества в данные образы. Все другие стороны, однако, остаются вне внимания и освещение получается иногда одностороннее. В образе Вас<илия> Буслаева не раскрыты ни его трагичность, ни сложность его взаимоотношений к Новгороду и т. д. Точно так же в связи с вопросом о крестьянской природе Ильи сам собой напрашивается вопрос о социальной природе Ильи вообще и о многообразии и противоречивости этой стороны Ильи, и об исторических причинах этого (казацкая природа его не затронута). Правда, автор рассматривает крестьянскую природу Ильи потому, что та, по ее мнению, — позднее явление, создание северных сказителей. Тем не менее даже такой частный вопрос выиграл бы в глубине постановки и разрешения, если бы он был показан хотя бы на фоне всей сложности явлений.

То же следует сказать об изучении композиции. Вопрос о композиции былины мог бы составить (как и другие вопросы этой диссертации) самостоятельную диссертацию. Все наблюдения автора верны, не вызывают спора, некоторые весьма ценны и новы. Но так как в основном они отнесены только к творчеству исполнителей и ничему другому, то опять не находят своего полного разрешения. Проблема композиции былин чрезвычайно сложна. Композиция имеет свои специфические фольклорные закономерности, которые хотя и не выяснены в науке полностью, но которые нельзя обойти. Так нельзя не посетовать на автора, что им совершенно оставлен в стороне вопрос о законе хронологической несовместимости. Без приложения этого закона к былине, и в частности к вопросу о контаминациях, вопросы композиции не могут быть разрешены. И в данном случае все главы о композиции выиграла бы, если бы учитывались и общие закономерности. Так, анализируя контаминации, автор устанавливает ценнейшее, на мой взгляд, наблюдение непереносимости действий с одного лица на другое. Все случаи нарушения этого приведены полностью. Автор не видит здесь закономерности, противоположной закономерности сказочной, где действие переносится совершенно свободно и ограничивается установлением факта как такового.

Зато большой силы достигает работа в главе, посвященной новым былинам. Здесь с величайшей тщательностью дается смотр всем поздним былинам, как-то: былинам, возникшим в развитие какого-либо эпизода классического репертуара, основанным на других жанрах, на сказке, на песне и т. д. К каждой такой былине дается критический смотр литературы (если она есть), приводятся все особенности ее бытования, исполнения и пр., скорее — дается научный комментарий к былинам, находящимся в пренебрежении у старой науки. Для былин сказочного происхождения даются ссылки на указатели. Даются анализы художественных приемов в тех или иных текстах, характера эволюции и т. д. В этой части работы сказался издательский опыт автора, и для будущего научного издания былин эти страницы послужат основой. Особо рассматриваются былины книжного происхождения у М. С. Крюковой, начиная от самых ранних и кончая современными. Огромная начитанность автора позволяет ему установить источник почти всех былин книжного происхождения. В некоторых случаях дается развернутый сравнительный анализ былины и ее источника. Детально сравнивается, например, «Старина про князя Меньшикова» и роман А. Н. Толстого «Петр I», послуживший источником для нее. Далее рассматриваются былины, восходящие к печатным сборникам былин, т. е. прослеживается обратный процесс перехода из книги в фольклор. Здесь опять сделан ряд очень метких и тонких наблюдений и, главное, для многих былин указаны их источники, благодаря чему эти былины часто представляются в совершенно новом свете.

Последний раздел (часть III) посвящен современности. Огромный материал по эпосу, накопившийся за советское время, давно уже настоятельно требовал теоретического изучения. Уже в предыдущих главах автор неоднократно касается современности, здесь наблюдения как бы суммируются и продолжаются. Ни одно из положений автора не вызывает возражений (усиление цивилизации, отношение к эпосу как к идейно-художественной, а не реально-бытовой правде, создание новых жанров и т. д.). Особого внимания заслуживают страницы, посвященные отображению в эпосе современного строительства новой жизни, образов Ленина и Сталина и идейной насыщенности современного эпоса.

* * *

Метод автора в основном есть метод описательных характеристик. Для этого привлекается весь существующий материал, вследствие чего и работа имеет огромный объем. Основные тенденции автора — показать живучесть народного творчества вопреки утверждению о его вырождении, угасании и т. д. Картина

получается, действительно, очень убедительная. Автор показал наличие этого творчества во всех его видах, а попутно сделал ряд крупных и мелких открытий, которые войдут в науку с именем их автора.

В этом, конечно, большая заслуга автора. Заслуга эта могла бы быть еще больше, если бы разбираемые им явления рассматривались в рамках собственно фольклористических явлений и проблем. Так, например, отказ от изучения поэтики в собственном смысле слова (слово «эпитет» во всей диссертации встречается 1 раз на стр. <...>³⁶ сужает возможности и круг наблюдений автора. В пределах же тех рамок, которые автор ставит себе сам, и материал, и возможные выводы исчерпаны полностью.

Все изложенное свидетельствует о праве автора на искомую им степень.

Проф. Пропп,
доктор филологических наук.

14.XII.<19>44.

IV

А. М. АСТАХОВА

[Ответ оппонентам]

Прежде всего я хочу принести мою глубокую благодарность своим оппонентам, с таким вниманием отнесшимся к моей работе и сделавшим так много тонких, содержательных замечаний. *Некоторые из них вскрывают известные несовершенства в моей работе, неясности, недоговоренности, указывая иногда на необходимость включения, для большей четкости, не затронутых мною явлений; другие, параллельно моим соображениям, а иногда и в противовес им, выдвигают иные возможные решения; третьи, наконец, отмечают те проблемы, которые вытекают из показанного мною материала, но мною еще не разрешаются.*³⁷ Далеко не со всеми сделанными мне возражениями я могу согласиться; но во всяком случае все из них заставят меня еще раз просмотреть соответствующие места, еще раз проверить собственные установки, выводы, самые методы работы. Некоторые из них очень помогут мне в дальнейших моих изысканиях по эпосу.

³⁶ Пропуск в тексте.

³⁷ Здесь и далее курсивом выделены фрагменты, перечеркнутые автором.

Я не могу не выразить и свое чувство большого удовлетворения, что основная направленность моей работы, ее содержание и задачи вызвали у оппонентов сочувствие, а общие конечные результаты — признание. Особенно приятно мне указание, что моя работа будет полезна и нужна и тем исследователям, которые пойдут иным, своим³⁸ путем, поскольку мои наблюдения представляют для них надежную опору, и что мое исследование помимо того, что дает ряд неоспоримых положительных выводов, показывает пути дальнейшего изучения данной и смежных проблем. Очень ценно для меня признание, что моя работа может быть полезной и в деле изучения эпосов др<угих> народов.

Однако возражения и замечания, сделанные мне, чрезвычайно существенные *и в значительной своей части принципиальные*; и я чувствую потребность остановиться на них и постараться отразить те из них, с которыми я не согласна.

Одно из самых значительных замечаний общего порядка сделано В<арварой> П<авловной>. Оно заключается в упреке **в некоторой односторонности показа жизни эпоса на Севере**: характеризуя жизнь былины в позднейший период как творческий процесс, я впадаю в другую крайность и даю несколько одностороннюю картину, оставляя в стороне действительные искажения, явления деградации и т. п.

Действительно, подобные явления я выключаю из моей работы. Об этом я говорила и во вступительном слове. Это крепко связано с самим замыслом книги. Северный период я и задумала показать под углом зрения только творческой жизни былин. *Такое сосредоточение мне казалось необходимым не только потому, что в до-октябрьской науке процессы творческого порядка почти исключались из поля зрения, но и потому еще, что в самой советской фольклористике имеется в этом плане всего несколько отдельных работ по частным вопросам (Липец,³⁹ Соймонова-Париловой⁴⁰ и превосходная еще не опубликованная работа Чичерова).⁴¹ И мне казалось, что уже настало время попытаться поставить вопрос в общем плане на большом материале.* Явления деградации и отмирания неизбежно сопутствуют фольклорному процессу и также подлежат изуче-

³⁸ Здесь и далее полужирным шрифтом выделены фрагменты, подчеркнутые автором.

³⁹ Былины М. С. Крюковой / Зап. и комм. Э. Бородина и Р. Липец; Вводная статья Р. Липец, М., 1939—1941. Т. 1—2 (Летописи Гос. лит. музея; Кн. 6).

⁴⁰ Былины Пудожского края / Подгот. текстов, статья и примеч. Г. Н. Париловой, А. Д. Соймонова; Предисл. и ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941.

⁴¹ Исследование В. И. Чичерова в настоящее время опубликовано: Чичеров В. И. Школы сказителей Заонежья. М., 1982.

нию. Совершенно права В<арвара> П<авловна>, когда говорит о том, что и в них может быть прослежена известная закономерность. Но включение их в работу помешало бы концентрации внимания на том, что входило в основную задачу. Не северный период вообще, не жизнь эпоса на Севере во всем ее многообразии я стремилась показать, а лишь творческие процессы в ней. Думаю, что такое ограничение вполне законно. Вот почему я, В<арвара> П<авловна>, не рассматриваю и процесса перехода былины в сказку, хотя это и чрезвычайно интересный процесс. В нем, правда, сказалась живучесть былинных образов, но основной смысл его в силе сказки, втягивающей смежный материал. Процесс касается творческой истории сказки по преимуществу.⁴² Но все же невольно после Вашего замечания задаю себе вопрос: не искривляет ли такое ограничение действительно наших представлений о северном периоде. Не может ли показаться, что я его рисую как период исключительно творческого цветения? Думаю, что нет, поскольку <...>⁴³ В некоторых местах работы я делаю и соответствующие оговорки. Так, в главе V я говорю на стр. 191—192.⁴⁴ Имеются подобные оговорки еще и в др<угих> местах. Однако сделанный мне упрек показывает, что такие данные попутно оговорки все же недостаточные и надо было дать соответствующее разъяснение в первой главе вводной части, где я говорю о задаче исследования.

Второе крупное замечание общего порядка сделано мне и В<арварой> П<авловной>, и В<ладимиром> Я<ковлевичем>. Это **упрек в некоторой двойственности или противоречивости, а также в недоговоренностях**. Так, при констатации несомненного ослабления эпич<еского> творчества я все время подчеркиваю творческое развитие эпоса. В. Я. Пропп объясняет, между прочим, такую двойственность тем, что **книга якобы сложилась из ряда очерков, разнородных по составу и методу**

⁴² Сказки на былинные сюжеты стали предметом исследования А. М. Астаховой в ее монографии «Народные сказки о богатырях русского эпоса».

⁴³ Предложение не закончено.

⁴⁴ Здесь должна была следовать цитата из диссертации, касающаяся процессов деградации эпоса: «Как и в области вариирования эпических образов, так и в отношении изменений, касающихся композиции, следует строго отграничивать моменты творческого порядка от тех изменений, которые вызваны забыванием или плохим усвоением сюжета мало одаренными сказителями. В таких случаях мы будем, конечно, иметь дело с фактами разложения эпического творчества. Здесь будут все признаки деградации — и чисто механическое сцепление осколков разных сюжетов, и внутренне не оправданное перенесение в основной сюжет эпизодов из других былин и т. п.» (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 5, л. 191—192 — машинописный вариант диссертации).

и лишь потом спаянных в одно целое. Это не так. Книга возникла и сложилась из единого замысла и в самом начале работы над ней как единое целое. Правда, в ней использованы некоторые очерки, ранее написанные и уже опубликованные. Из 11 глав книги лишь две главы (третья и восьмая) представляют такие ранее написанные очерки,⁴⁵ но и они вошли в книгу, и конечно, в измененном виде, именно потому что они оказались совершенно необходимы для целого. Все же остальные главы написаны специально в плане всего исследования. *Тезисы же не всегда вытекают один из другого, потому что в книге прослеживается не единое явление, не один процесс, а несколько. Только при исследовании единого процесса, непрерывно проходящего через всю работу, бывает такая же внутренняя непрерывность и в тезисах.* Впрочем, вопрос о том, как именно возникла книга, не важен. Важно то, действительно ли есть в ней противоречия и внутренняя неслаженность.

Прежде всего упрек касается того, **что я, отмечая общее ослабление эпической традиции в ряде мест Севера, говорю об интенсивности творческих процессов.** При этом В<ладимир> Я<ковлевич> замечает, что оба процесса показаны правильно и убедительно, но не поставлены в связь и не поставлена проблема противоречивости этих процессов. В<ладимир> Я<ковлевич>, я принимаю Ваш упрек. Конечно, надо было остановиться на этом явлении, поскольку его действительно можно принять за противоречие. Однако это характерное явление фольклорного процесса, наблюдаемое в жизни не только эпоса. Общее ослабление традиции в жизни того или иного жанра, в смысле сужения круга мастеров, его культивирующих, сужение вслед за этим и репертуара, вызванное особыми причинами, вовсе еще не означают умирание данного жанра. Это мы видим сплошь да рядом и в отношении сказки, и в отношении песни. Несчастье в том, что собиратели, наблюдая и подсчитывая факты такого убывания в известных районах, тотчас же заключали об умирании жанра вообще, не вникая в его внутреннюю жизнь. И мне, конечно, поскольку мой материал выявлял подобные факты, следовало бы их разъяснить, поставить в связь.

В<арвара> П<авловна> со свойственной ей требовательностью к предельной четкости и ясности указывает **целый ряд подобных неясностей и недоговоренностей.** В<арвара> П<авловна>, я глубоко признательна за все Ваши указания, ко-

⁴⁵ По-видимому, имеются в виду следующие статьи: *Астахова А. М.* 1) Былинное творчество северных крестьян // *Былины Севера / Записи, вступ. статья и коммент. А. М. Астаховой.* М.; Л., 1938. Т. 1: Мезень и Печора. С. 7—110; 2) Былинная традиция на современном Севере // *Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова.* Л., 1934. С. 401—412.

торые побуждают меня еще раз и с особым вниманием продумать отмеченные Вами места. Но на некоторые замечания мне хочется ответить и дать объяснения, которые, по-моему, должны снять известную долю упреков.

Так, Вы отмечаете, что я, констатируя разное состояние живучести былинной традиции в разных местах Севера, *вплоть до того, что в отношении одних нельзя уже говорить о настоящем бытовании, в то время как в других эпос вполне живое творчество, не даю объяснений этому явлению.* Не даю я и объяснений тому, **почему на юге у казаков, в Поволжье, на Урале и в целом в ряде др<угих> мест России, где найдены следы былин, позднейший этап был в основном периодом угасания и распада, а на Севере он был периодом творческой жизни.**

В отношении последнего я должна сказать, что в мою задачу и не входило параллельное выяснение истории бытования былин во всех районах, где только были обнаружены когда-либо былины. Если я упоминаю о них на стр. 15-й,⁴⁶ то только для того, чтобы выделить бытование былин на Севере как особый этап в развитии былинного творчества. Добросовестное же изучение всей обстановки бытования былин у казаков, на юге, на Урале, в некоторых местах Сибири, в Поволжье, в средней России увело бы меня слишком далеко от поставленной мне цели и чрезмерно расширило бы вводную часть моего исследования. Я считала и считаю это ненужным. *Дать же краткие соображения, при полной неизученности вопроса, было невозможно. Вот в плане моих последующих работ намечено изучение южной, донской былины, там и подобное исследование будет необходимо.*

Другой вопрос в том, что я, по словам В<арвары> П<авловны>, **недостаточно и необъяснительно объясняю причины задержки былевой поэзии на Севере, а также различных ее состояний** в разных северных очагах былин. О последнем также говорит и В<ладимир> Я<ковлевич>, отмечающий, что я, спра-

⁴⁶ См. о южнорусских былинах в диссертации: «В некоторых районах — на Дону, в Оренбургском крае и на Северном Кавказе (у казаков) былина испытала, кроме того, коренное переоформление: она лишилась своей эпичности, превратилась в отдельные фрагменты древних сюжетов и ассимилировалась, как по словесной своей форме, так и по характеру исполнения, с поздней исторической песнью. Это говорит о том, что в этих районах позднейший этап в истории былины был в основном периодом угасания и распада, в то же время на Севере он был периодом вполне еще творческой жизни» (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 51, л. 15—16). В настоящее время И. И. Земцовским выдвинута теория «жанровых дублей», объясняющая (без тезиса об «угасании и распаде» былин на юге) одновременное наличие в русской традиции сказительской и хоровой версий песенного эпоса. См.: *Земцовский И. И. Жанрово-исполнительские «дубли» русского эпоса // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 327—335.*

ведливо усматривая причины этих отличий в истории колонизации, в социальном составе ранних поселений и в специфике социально-экономических процессов на местах, не разрабатываю этого вопроса. Признаю справедливость указания на то, что в данной моей работе, в ее вводной части, эти причины должны быть раскрыты. Но я должна сказать, что пока я еще не в состоянии была это сделать, хотя и все время сознавала, что эта задача передо мной стоит. Не могла же я этого сделать из-за неразработанности необходимых мне участков в исторической науке. История колонизации северных районов разработана крайне слабо. Того, что мне нужно было, я не нашла. Следовательно, мне предстояло самой предпринять исторические исследования в этом направлении. А так как это касалось не одного района, а всего Севера в целом, во всем многообразии его районов, то это просто оказалось недостижимым. Желая выяснить социальный состав ранних поселений, я, между прочим, принялась все же за первоисточники, за изучение писцовых книг. Мною проработаны пинежские писцовые книги и писцовые книги Обонежской пятины. Но пока я не получила материала, на который я могла бы опереться. Вот поэтому я и говорю в своей работе (стр. 89).⁴⁷

⁴⁷ Здесь должна следовать цитата из диссертации: «Вопрос о причине репертуарных отличий — один из самых трудных в области изучения былевого эпоса, так как в значительной степени связан с историей колонизации, с социальным составом ранних поселений и со спецификой социально-экономических процессов на местах. Несомненно, что слабое развитие на Пинеге былины героической, вообще монументального былинного жанра, было обусловлено, прежде всего, особыми обстоятельствами проникновения эпической традиции на Пинегу. Эти начальные моменты зарождения традиции для нас неясны, как неясны еще и основные социально-исторические предпосылки к дальнейшему ее развитию. Наметим здесь лишь один момент, не лишенный значения в изучении условий, способствующих развитию и процветанию былевого эпоса, но, конечно, не решающий всей проблемы в целом. Население Пинеги сравнительно мало было втянуто в те промыслы, которые, по наблюдениям ряда собирателей, веками поддерживали эпическую традицию, создавая условия для ее культивирования. Мы имеем в виду здесь рыболовные и зверобойные морские артельные промыслы» (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 51, л. 89). В настоящее время становится все более очевидным, что в формировании областных эпических традиций важную роль играют разные пути колонизации Русского Севера. Пинега, согласно исследованиям, была первой территорией славянской колонизации северо-восточных районов Заволочья (Кулой, Мезень, Печора), причем здесь переплелись новгородский и ростовский («низовский»), а позднее и московский колонизационные потоки. Пинега в этой части Русского Севера была метрополией (Кевролский уезд), куда из центральной Руси были занесены древнейшие изводы русского эпоса, в связи с чем соседние кулойская, мезенская и печорские эпические традиции должны рассматриваться как позднейшие. См.: *Иванова Т. Г.* История

Я считала, что добросовестнее сейчас пока признаться в невозможности осветить эти вопросы и ограничиться одними предложениями. Вот поэтому вся эта часть, где я говорю о причинах того или иного состояния традиции на Севере, носит лишь гипотетический характер.⁴⁸ *Предварительные же предположения я считала своим долгом высказать, поскольку я думала над этими вопросами, и мои соображения могли бы послужить некоторым толчком к исследованиям в этом направлении.*

Так же, в сущности говоря, **обстоит и с общим вопросом о задержке былевой поэзии на Севере.** Над ним бьются ученые несколько десятилетий, не уходя дальше Гильфердинга, впервые указавшего два основных фактора: «свободу» и «глушь». Признавая в основном справедливость первых прозрений Гильфердинга, [а] также вполне разделяя его указание на специфичность промысловой обстановки Севера, как содействующей бытованию эпоса, я пытаюсь во второй главе лишь расширить и разъяснить эти положения, а также внести существенные поправки в истолкование фактора «глушь». Я прежде всего возражаю против знака равенства, который значителен между «глушью» и «культурной отсталостью». Если Север с XVIII в. оказался в стороне от главной арены исторической жизни, если новые влияния из средней России доносились сюда слабо, то это вовсе еще не знаменует особой культурной отсталости населения, создавшего богатую художественную культуру. Отграниченность от центральных районов, *охраняя эту культуру от внешних влияний*, вовсе не приводит к омертвлению этой культуры, а лишь обуславливает ее самобытное развитие. Изучение не только эпоса, но и других видов поэтического искусства говорит об этом самобытном развитии. Вот отсюда и вытекает мой тезис, выраженный на стр. 40-й моей работы.⁴⁹ *Если консерватизм сознания и быта*

Пинежского края в связи с вопросом о местной былинной традиции // История и культура : Исследования. Статьи. Публикации. Воспоминания. СПб., 2010. Вып. 8. С. 86—103.

⁴⁸ В издаваемой в настоящее время серии «Былины» Свода русского фольклора вопросы колонизации разных регионов Русского Севера в связи с былинной традицией занимают важное место. См.: Былины Печоры. СПб.; М., 2001 (Свод русского фольклора. Былины. Т. 1—2); Былины Мезени. СПб.; М., 2003—2006 (Свод русского фольклора. Былины. Т. 3—5); Былины Кулоя. СПб.; М., 2011 (Свод русского фольклора. Былины. Т. 6); Былины Пинеги. СПб.; М., 2012 (Свод русского фольклора. Былины. Т. 7).

⁴⁹ См. в диссертации: «и вплоть до начала XVIII столетия Север жил чрезвычайно интенсивной жизнью. Он был связан с культурными, административными и торговыми центрами старой Руси, имел общение и с Западом, благодаря торговым сношениям, которые велись тогда русскими преимущественно через северные реки, впадающие в Белое море. В этот период среди свободного от крепостной зависимости населения и

понимать в плане отсутствия культурных веяний извне, то я не буду спорить против такой терминологии, но если под этим понимается именно остановка на определенной стадии, подлинная отсталость, то я буду протестовать и спорить, так как в северном крестьянстве ее было меньше, чем, скажем, в аграрных районах Средней России. Это свое соображение я высказываю лишь в качестве предположения, которое должно вопрос о факторе «глушь» повернуть как-то иначе и побудить пересмотреть традиционное положение о «консерватизме сознания», т. е. об остановке культурного развития на определенной стадии.

Это свое соображение я высказываю лишь в качестве предположения, которое, конечно, должно быть проверено глубоким изучением специфики культурного развития Севера. Пока же то, что я знаю о Севере, препятствует мне делать акцент на культурной отсталости северного крестьянства и заставляет поставить вопрос о необходимости поправок в отношении традиционных представлений об особом консерватизме северян.

В<арвара> П<авловна> отмечает также, что в этой части своей работы я **слишком большое значение придаю внешне-му фактору — особой промысловой обстановке**. Я не могу не придавать ему действительно большого значения, вслед за Гильфердингом, вслед за целым рядом других собирателей, вслед за многочисленными высказываниями в этом направлении самих сказителей, тем более что в фольклорном процессе особенное значение имеет обстановка, благоприятная или неблагоприятная бытованию того или иного жанра. Но я не придаю этому фактору ни значения исключительного, ни преобладающего. В<арвара> П<авловна> говорит, что следует «глубже заглянуть в сознание исполнителей былин и их слушателей и что самое

развилась, окрепла и богато расцвела высокая художественная культура — в замечательном деревянном зодчестве, в разных видах кустарных изделий — чудесных вышивках, резных, деревянных и костяных работах, в расписных фронтонах, в костюме, — и [во] внушительном по богатству, глубине, яркости образов и звуков музыкально-поэтическом творчестве. В нем видное место занимали и былина, один из самых высоких по идейному и художественному значению фольклорных жанров.

Но с начала XVIII в., в связи с завоеванием Прибалтийского края, Север оказывается в стороне от главной арены исторической жизни, от тех мест, где развертывались и сменялись один за другими исторические события. Новые культурные веяния доносятся сюда слабо. Это обуславливает наиболее крепкую и прочную сохранность старого художественного наследия именно на Севере.

Однако здесь правильнее говорить не столько о консервации старой культуры, сколько о дальнейшем ее самобытном росте, более, чем в центре, свободном от приходящих извне влияний» (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 51, л. 40).

здесь главное, **что** аудитории кажется интересным и нужным. В целом ряде мест своей работы я все время подчеркиваю, что идейное и художественное содержание эпоса оказалось Северу особо созвучным, и это именно в первую очередь и обусловило его живую сохранность. Но нужна была и целая совокупность других условий, и вот среди них я отмечаю и значение северных промыслов. На них я задерживаюсь, б<ыть> м<ожет>, несколько долее, потому что этот фактор до сих пор не раскрывался в полной мере — и вот эта-то задержка моего внимания на нем, должно быть, и создала впечатление особого его выделения. Вообще же, конечно, нужно говорить о целом комплексе условий и только тогда и ясно будет, почему один и тот же фактор не дает одинаковых результатов в разных местах, — именно потому, что ему не сопутствует весь комплекс других факторов. *Что касается до характера влияния промысловой обстановки, то она не была только внешним фактором. В главе X, возвращаясь к причинам длительного переживания былин, я привожу (на стр. 691) слова Липец, которая, по-моему, правильно оттенила еще одну очень значительную сторону промысловой обстановки, и именно влияние ее на сознание северян, и удачно сформулировала это.*⁵⁰

Вот все основные замечания, сделанные по вопросам вводной части моей работы. И еще одно, сделанное по одному конкретному вопросу двумя моими оппонентами П<етром> Г<ригорьевичем>⁵¹ и В<ладимиром> Я<ковлевичем>, — о скоморохах.

У нас нет решительно никаких оснований отвергать роль скоморохов в истории нашего эпоса и идти против фактов. Нам

⁵⁰ Далее написано: «Прочеть». Имеется в виду — прочеть цитату из статьи Р. С. Липец «Местные мотивы в былине о Садко у М. С. Крюковой и других сказителей» (Былины М. С. Крюковой / Записали и коммент. Э. Бородин, Р. Липец. М., 1941. Т. 1. С. 719—767): «как правильно замечает и удачно формулирует Р. С. Липец, „по своей идейной сущности они (былины. — Т. И.) не только были созвучны быту промышленников (рыбаков и звероловов) и мореходов, но и помогли им организовывать этот быт, т. е. воспитывать в себе необходимые в условиях их промысловой жизни нравственные качества и нормы поведения“. „Мужество героев былин, — пишет она, — их презрение к опасности и физическим страданиям, чувство товарищества, отважная борьба — все это сделало былины особенно близкими и актуальными для северян, в старое время привыкших на промыслах бороться с постоянной опасностью, работать в необычайно тяжелых и трудных условиях, которые требовали спаянного и верного коллектива, а от каждого члена артели — отваги и выносливости“» (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 54, л. 691—692).

⁵¹ Имеется в виду Петр Григорьевич Богатырев (1893—1971), в 1944—1948 гг. являвшийся заведующим Фольклорной комиссией Института этнографии АН СССР (Московская часть).

известно, что в репертуаре скоморохов были и эпические песни (известный рассказ, например, Олеария о скоморохах в Ладоге, исполнявших песню о царе Михаиле);⁵² в самих былинах сохранились воспоминания о скоморохах как певцах былевых песен; присутствие скоморохов на Севере, в частности в Пинежском крае, не подлежит сомнению: об этом говорит и обилие того материала, который входил в репертуар скоморохов. Замечательная былина о Вавиле-скоморохе, представляющая возвеличение скоморошьей профессии, известна только в пинежской записи; на Пинеге встречается фамилия Скомороховы, есть озеро Скоморошье, о котором мне рассказывали, что жили там люди, называемые скоморохами. Знали они много разных штук, напр<имер>, могли перескакать с одного мыса озера на другой и т. д.⁵³ Но, конечно, нельзя приписывать скоморохам той исклю-

⁵² Адам Олеарий (1599—1671) — секретарь голштинского посольства, побывавшего в России в 1634 г. См.: «Здесь мы услышали впервые русскую музыку, а именно в полдень 23-го с. м. (июля. — *Т. И.*), когда мы сидели за столом, явились двое русских с лютнею и скрипкою, чтобы позабавить господ [послов]. Они пели и играли про великого государя и царя Михаила Федоровича; заметив, что нам это понравилось, они дополнили увеселение танцами...» (*Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. М., 1996. С. 43).

⁵³ Современная исследовательница А. А. Иванова по экспедиционным материалам Московского государственного университета существенно дополняет фактические сведения о скоморохах на Пинеге. Следы их пребывания сказываются в местной топонимике: «Пожни Гусли у д. Чакола и Лохново, Скомороховская новина у д. Чешегора, д. Шутовская близ Матверы, упоминаемая в писцовых книгах по Кеврольскому уезду за 1623, 1678 годы <...>; д. Дудинская, приписанная к Суре (фигурирует в писцовых книгах за 1623, 1678, 1744, 1859, 1905, 1918, 1922 годы)» (*Иванова А. А.* Скоморошья традиция в современном фольклорном репертуаре (по полевым материалам 1970—1996 годов) // *Русский фольклор : Материалы и исследования.* СПб., 1999. Т. 30. С. 468). Равным образом писцовые книги Пинежья регистрируют «скоморошья» имена: «Тренька Иванов (д. Юркино Печище), Тренька Григорьев (д. Михайловская), Гуляйко Исаков (д. Раменская), Ивашко Гуляев (д. Якушевская), Жданко Гуляев (починок Глядень)» (Там же. С. 468). Исследовательница приводит также предание об озере Скоморошье, расположенном в районе д. Малое Кротово на реке Покшеньга (приток Пинеги). Текст свидетельствует, что и в конце XX в. у местного населения сохранилась какая-то память о скоморохах: «Раньше говорили — скоморохи ходили. Шли они, скоморохи, куды, не знаю, куды переходили. Вот и это озеро разошлось. Обходить туда далеко — оно на пять километров — а посередине два мостка не так далеко. Ну, в общем метров пятьдесят будет. Раньше говорили — скоморохи скакали. Про скоморохов много есть, былины всякие. Скоморохи, старики говорили, шли с востока на запад. И эти мостки, где они перепрыгивали у Скоморошьего озера, так и называются „скоморохи“. Скажут — „скоморошин мост“... Они вот занимались рыбной ловлей, промыслом... Бродяги

чительной роли в формировании эпоса, которую приписывал в свое время Вс. Миллер, и я такой роли им и не приписываю.⁵⁴

П<стр> Г<ригорьевич> укоряет меня, что я будто бы все комическое и сатирическое в былинах отношу на долю скоморохов и так<им> обр<азом> как бы ограничиваю крестьянское творчество и отказываю ему в создании сатирич<еских> и юморист<ических> вещей. Это не совсем так. Сатиру и юмор в героическом эпосе я рассматриваю. Все местные шутовые старины, небылицы и пр<очее> — все это я рассматриваю тоже, как крестьянское творчество в специальном разделе главы об образовании новых былин. Но я, действительно, вижу в этом следы скоморошьей традиции, — традиции, конечно, не в возникновении издевки над местными жителями и событиями, а в использовании серьезной формы в комических целях, в комическом плане. Нельзя не поставить в связь также [такой] факт, как обилие того материала именно там, где наиболее очевидны следы пребывания скоморохов. Но я готова признать следующее: 1) необходимо осторожнее и менее категорически решать вопрос в каждом конкретном случае; 2) пришло время поставить вопрос о степени и характере воздействия скоморохов на крестьянское творчество.

В отношении центральной части работы возражения сводятся главным образом к следующему: 1) **я слишком категорически отношу к северу многие мотивы, изменения и перестройки**, которые, возможно, уже были в предшествующем периоде; 2) отдельные из затронутых мною вопросов, в связи с широким захватом явлений, **не доработаны, взяты недостаточно глубоко**.

Первое возражение, особенно выделенное В<арварой> П<авловной>, я, между прочим, ожидала. Ведь особая трудность предпринятых мною изучений и заключалась в том, что мне приходилось выделять поздние явления в материале, известном только в поздних записях, что ранний вид былин не установлен. Как я и говорила во вступительном слове, только путем самого тщательного и кропотливого анализа вариантов, сопоставления всех записей, и ранних и поздних, можно как-то разобраться в движении материала. И нужно быть исключительно при этом осторожным. Может быть, ввиду всех трудностей и опасности ошибок следовало совершенно отказаться от подобных изучений?

какие-то... Как артисты, как шарманщики... На дудках играли, только на самодельных дудках, из бересты. Летом из пучек делали свистки» (Там же. С. 468). Второе устное сообщение о Скоморошьем озере запечатлело тему гонений на скоморохов: «Скоморошье озеро. А там были Скомороховы. Они политически были высланы. Давно было» (Там же. С. 468).

⁵⁴ Далее красным карандашом вписана фраза: «Богатырев о скоморохах», отсылающая к фрагменту текста на л. 13: «П<стр> Г<ригорьевич> укоряет меня <...> за крестьянское творчество».

Думаю, не следовало. Пусть в некоторых случаях я и ошибусь, ошибки эти будут исправлены дальнейшими изысканиями, но такие попытки предпринять нужно было. В своих выводах я старалась быть очень осторожной. В частности, такую осторожность я как раз проявила в отношении **крестьянской природы образа Ильи Муромца**. Я нигде не стремилась доказать, что И<лья> М<уромец> стал крестьянином только в северных пересказах. Но мотив крестьянского происхождения я считаю действительно не исконным, а более поздним и связываю его возникновение с сюжетом об исцелении, поздним, по происхождению. На это у меня, думаю, есть основания. Вот точно, что я говорю о мотиве крестьянства И<льи> М<уромца> (стр. 109—110).⁵⁵

Также и в отношении ряда положительных черт И<льи> М<уромца>. Как раз в отношении облика И<льи> М<уромца> я все время подчеркиваю, что развитие образа идет по пути **уже** намеченному. Происходит лишь углубление образа, его завершение, чеканка. Вот, например, что я говорю о **разработке морального облика И<льи> М<уромца>** (стр. 119).⁵⁶ Думаю, что в такой постановке вопроса я права.

⁵⁵ «В разработке образа Ильи Муромца прежде всего обращает внимание особое культивирование северными сказителями крестьянских черт богатыря.

Стремление любимого народного богатыря, носителя глубоко демократических черт, в образе которого отложились заветные народные идеалы, сделать и по происхождению представителем широких народных масс, — крестьянином, — явилось совершенно естественным моментом в развитии образа Ильи Муромца. Когда именно и где это произошло, мы определенно сказать не можем. Мотив крестьянского происхождения Ильи Муромца впервые находим в записи сюжета об Илье Муромце и Соловье-разбойнике в двух прозаических пересказах второй половины XVIII в. и затем в нескольких записях таких же прозаических „гисторий“ об Илье Муромце начала XIX в. Но мотив в ранних записях еще не устойчив. Большинство их этого мотива не знают. В них Илья Муромец чаще всего именуется „уроженцем“ города Морова или Муромы. Нет этого мотива и в тексте былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике сборника Кириши Данилова. О крестьянском происхождении богатыря в ранних записях иногда не говорится даже при наличии рассказа о его детстве и исцелении, тогда как в былинах и сказках об исцелении Ильи Муромца, записанных в XIX в., этот мотив становится уже традиционным. Это и дает нам право мотив крестьянского происхождения Ильи считать не исконным, а внесенным впоследствии» (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 51, л. 109—110).

⁵⁶ «Илья Муромец является носителем человеколюбия, великодушия, бескорыстия. В какой мере эти черты были уже намечены в первоначальный период формирования эпоса, мы не знаем. В записях XVIII в. они присутствуют. На Севере они не только бережно сохраняются, но особенно выделяются, подчеркиваются, дополняются новыми характерными штрихами, находят выражение и воплощение в новых поступках героя» (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 51, л. 119).

То же **относительно социальных тенденций**. Сильную социальную окраску былины, несомненно, приобретают с конца XVI в. в связи с растущим народным движением. Тогда, очевидно, и создаются такие социально острые сюжеты, как «И<лья> М<уродец> и голи», как сюжет ссоры и некоторые др<угие>. Север усваивает все эти сюжеты из средней России. Но на Севере они не только особо культивируются, но и усиливаются новыми деталями. Это происходит потому, что настоящая творческая жизнь эпоса в позднейший период именно на Севере. Творческую работу северных сказителей над этими мотивами я и стараюсь показать. *В частности, мне представляются вполне убедительными приводимые мною данные о сатирической раскраске на Севере образа князя Владимира. И опять-таки я говорю (стр. 150—151).*⁵⁷ Что касается **до мотива бояр-изменников**, то тут, В<арвара> П<авловна>, возможно, вы правы: этот мотив мог быть уже привнесенным, и факт исключительного культивирования его на Печоре еще недостаточен, чтобы относить его к данному району. Здесь, конечно, необходима оговорка, которой у меня нет.

Но **в отношении Василия Буслаева** ваш укор неправилен. Прежде всего я вовсе и не стремилась истолковать образ В<асилия> Б<услаева>, как и другие былинные образы. Не это моя задача. Но я показываю, как менялась трактовка этого сложного образа у самих носителей эпоса. Конечно, «мужики новгородские» как историческая категория — не демократическая масса. И столкновение с ними В<асилия> Б<услаева> имело в свое время определенный социальный смысл. Но время стерло в сознании сказителей историческое содержание былины. За мужиками новгородскими уже не виделась их историческая категория, она была забыта. Поздними носителями эпоса «мужики новгородские» воспринимались иначе. Это и дает мне, кажется, право на то объяснение нот осуждения В<асилия> Б<услаева> в былине, которое я даю в работе (стр. 158).⁵⁸ Я не раскрываю здесь исторический смысл термина «мужики новгородские»,

⁵⁷ О своднической роли князя Владимира в былине «Илья Муромец и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» А. М. Астахова замечает: «Роль эта не обязательна для построения сюжета; в целом ряде вариантов она отсутствует, поэтому возможно, что она не изначальна былинной обработке данного сюжета и включена позднее, в связи с общим развитием образа князя Владимира в плане сатирическом. Произошло ли это уже после того, как былина проникла на Север или ранее — неизвестно. Во всяком случае, определенное усиление данный мотив несомненно получил среди северного крестьянства» (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 51, л. 150).

⁵⁸ «В процессе восприятия и осмысления образа Василия Буслаева северным крестьянством стирались некоторые исторические черты былины. Образ Василия Буслаева, избивающего „мужиков“ новгородских, воспри-

думая, что это общеизвестно, и лишь поставила слово мужики в кавычки. Так<им> обр<азом>, упрек Ваш здесь простое недо-
разумение, а справка о соц<иальном> содержании термина лишь
поддерживает мое положение.

Вы говорите еще, В<арвара> П<авловна>, что я неправильно
квалифицирую **процесс вариирования образов, и простое сло-
весное распространение трактую, как «углубление и расши-
рение»**, а также Вы отмечаете, что **от внесения даже новой дета-
ли образ не меняется**. Пример, который Вы приводите, ссылаясь
на указанные мною варианты былины об И<лье> М<уромце>
и разбойниках, совершенно правилен. Здесь, действительно, не
вносится нового мотива, а лишь в различных словесных форму-
лировках вскрывается его смысл. В обилии и своеобразии этих
формулировок я вижу выражение творчески активного отноше-
ния северных крестьян к образу. Это-то я и хотела показать дан-
ными примерами. Вы правы, указывая, что здесь нет никакого
расширения образа. Редакцию этого места надо исправить. Но
я не могу согласиться с тем, что **внесение новой детали не углуб-
ляет образа**. В существе своем образ оттого часто не меняется,
не переосмысливается, но черты, данные скупо или только наме-
ченные, развиваются внесением новых деталей, включением но-
вых эпизодов. Такова как раз история образа И<льи> М<уромца>.

Что касается образа И<льи> М<уромца> у Крюковой,⁵⁹ то я
не потому отмечаю **высшее завершение** его у Крюковой, что
она словесно распространяет и истолковывает то, что и без того
ясно, а потому, что она не только собирает все черты, разъеди-
нено встречающиеся у разных сказителей, но и дополняет их ря-
дом новых деталей, напр<имер>, мотивом «управушки», «хозяй-
ина земли», создает новые эпизоды, обрисовывающие в И<лье>
М<уромце> особо обостренное сознание своего значения и долга
(раньше этого мы не видели), создает новые эпизоды, в которых
он проявляет себя как защитник родины и т. д. Все это я показы-
ваю. И я думаю, что я права, когда не называю это **новым, пово-
ротным** этапом в развитии образа И<льи> М<уромца>, а **этапом
завершения** всей предыдущей коллективной работы, так как все,
что она вносит, находится в русле традиции. Другое дело, что все
же перестраивает былинку, что былины М<арфы> С<еменовны
Крюковой> по своим художественным методам сильно отлича-
ются, напр<имер>, от ранних заонежских — все это верно, но
я ведь нигде и не утверждаю их тождественность.

нимался преимущественно как отрицательный» (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1,
ед. хр. 51, л. 158).

⁵⁹ Имеется в виду беломорская сказительница Марфа Семеновна
Крюкова (1876—1954), чье былинное творчество отличалось огромным
импровизационным началом.

Не могу согласиться и с тем, что приведенный мною **пример из былины М. Крюковой о Святогоре — не пример психологизации**. Ведь в приведенных стихах мы находим стремление сказителя выявить известные внутренние движения. Это не простая длиннота. Другое дело, что [это] немислимо было в старой былине. Но я как раз и говорю, что психологизация принадлежит уже к позднему времени (стр. 164).⁶⁰ *Ну а целый ряд других примеров, которые я привожу, тоже лишь словесное распространение? Я считаю, что процесс психологизации образа как позднейший творческий процесс не подлежит никаким сомнениям, и я его показала на убедительных примерах. Против других примеров Вы не возражаете.*

В отношении главы об образовании новых былин В<арвара> П<авловна> замечает, что следовало поставить **вопрос, сохраняется ли в новых былинах та органическая связь былинной формы с содержанием**, которая характеризует былину классического периода, и что **всякое ли содержание могло быть безболезненно оформляемо в былину** без того, чтобы не образовался разрыв между формой и содержанием. Вопросы эти, конечно, поднять было вполне целесообразно, в связи с изучаемым мной материалом. Между прочим, я как раз все время, где только позволяет материал, ставлю вопросы, какие именно сказочные, песенные и литературные сюжеты втягиваются в эпос, чем это обусловлено (каков характер этих сюжетов), что именно происходит с переоформляемыми произведениями (воздействие эпического жанра на втягиваемые сюжеты). Я говорю также и о том, какие жанровые разновидности в результате получаются. Возможно, что все эти вопросы следовало бы провести более углубленно, детальнее, *но ведь мне здесь в этой области приходилось буквально взрывать целину, и я оказалась лицом к лицу с огромным и совершенно нетронутым материалом. Это как раз было отмечено в рецензии В<ладимира> Я<ковлевича>*. Вот почему ряд моментов и мог ускользнуть. Что же до той постановки вопроса о нарушении или ненарушении связи между формой и содержанием, которое Вы желали бы, В<арвара> П<авловна>, то **в таком направлении я бы и не поставила вопроса, так как несколько по-иному осознаю наблюдаемый процесс**. При втягивании нового содержания в эпос видоизменяется и сама эпическая форма и образуются иные связи между формой и содержанием. И здесь

⁶⁰ «Процесс этот (психологизации. — Т. И.) — один из самых характерных для позднейшей стадии развития эпоса и, главным образом, характерен для самых последних десятилетий. Обо всем этом говорит обилие проявлений данного процесса преимущественно в записях XX в. при сравнительно меньшем выражении его в вариантах XIX в. и совсем слабых следах в записях XVIII в.» (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 51, л. 164—165).

должен стоять вопрос не о деградации жанра, а об его изменениях, о новых его разновидностях. *В этом направлении мы уже не раз с Вами спорили, В<арвара> П<авловна>, и я буду продолжать спорить.* Былины Марфы Крюковой с ее, как Вы говорите, нагромождениями, — не факт деградации жанра, а новая разновидность этого жанра на новом этапе. Они могут не нравиться тем, кто форму былины XVIII в. считает идеальной, что другое дело, но в этом случае мы должны исходить не из нашей эстетики, а из эстетики той среды, которая создает и воспринимает. Вы скажете, что все эти вопросы я и должна была поставить в работе, но я в ней все же не занимаюсь историей жанра как такового. В последнем случае я обязана была бы, конечно, прежде всего постараться определить особенности ранней былины, установить все разновидности по старым записям, а потом уже шаг за шагом следить за изменениями жанра. Но передо мной стояла в данной работе другая группа вопросов: 1) я должна была установить, случайное ли явление образование новых былин или процесс; 2) по каким линиям этот процесс развивается; 3) вскрыть по возможности все конкретные факты, относящиеся к процессу, и изучить их; 4) уяснить, по мере возможности, известные закономерности в данном процессе. Эти вопросы я и старалась разрешить. Материал, который мне удалось поднять, неудержимо вызывает еще целый ряд новых и новых вопросов. Я радуюсь этому. Я очень благодарна В<арваре> П<авловне>, которая забросала меня рядом таких вопросов, но не все из них должны были обязательно быть в поле моего зрения.

Другое основное замечание по центральной части, сделанное и В<арварой> П<авловной>, и В<ладимиром> Я<ковлевичем>, — о том, что при широте охвата явлений **страдает порой глубина проработки**, — я принимаю. В<арвара> П<авловна> совершенно права, указывая, что глубже следовало остановиться **на роли «местных элементов» и что перестройка былины под влиянием и местных, и реально бытовых элементов должна была быть мною дана и более решительно, и более отчетливо, и что в некоторых случаях дело идет не о колорите, а о перемещении в иной художественный план.** Правда, как раз тот пример, на который Вы, В<арвара> П<авловна>, ссылаетесь — на былинку Журавлева «Добрыня и Алеша», — еще не знаменует такой полной перестройки. Былина не перестраивается в балладу, остается в пределах новеллистического жанра, но свой канонический характер она потеряла. Но вообще на процессе такой перестройки мне следовало бы больше остановиться — в этом Вы правы.

В<ладимир> Я<ковлевич>, я принимаю Ваш общий упрек [одно слово срезано], что иногда (Вы говорите даже, что часто) страдает глубина проработки, но не все Ваши конкретные пре-

тензии могу принять. Ведь Вы сами указываете, что каждый вопрос, затронутый в моей работе, мог бы составить самостоятельную диссертацию. Совершенно ясно, что я должна была поставить себе какие-то рамки. Рамки эти были определены самой целеустремленностью работы. Так, в мою задачу вовсе не входило полное и глубокое раскрытие былинных образов. Изучая и показывая работу северных сказителей над образом И<льи> М<уромца>, я брала не все, а лишь те стороны, в которых и проявилась эта работа. **Казацкую природу И<льи> М<уромца> я отбросила**, поскольку этот момент относится к более раннему периоду. То же и в отношении образа Василия Буслаева, то же и в отношении главы о композиции. Передо мной совершенно не стояла проблема композиции в целом, вот поэтому и не освещаю те явления в композиции, которые связаны с внутренними закономерностями самого былинного жанра. Изучая былинное творчество крестьян, я стремилась выяснить проявления его в области композиции, уяснить внутренние, психологические мотивировки изменений. Вы правы, что в иных случаях следовало бы учитывать и общие закономерности, связанные с природой жанра (в частности закон хронологической несовместимости), и я кое-что, б<ыть> м<ожет>, и проглядела в этом направлении, но все же эти общие закономерности я не должна была ставить в край угла.

Вообще, В<ладимир> Я<ковлевич>, я очень хорошо понимаю Ваши нападки на меня. Вас привлекает прежде всего проблема внутренних законов жанра. Тот же материал, кот<орый> я показала, оказался очень интересным для постановки вопросов в этом плане. Поэтому-то, очевидно, Вы и сожалеете о том, что разбираемые явления **не рассматриваются мною в рамках, как Вы говорите, собственно фольклористических явлений и проблем**. Не знаю, правильно ли я поняла скрытый смысл этой неясной формулировки, неясной потому, что и те явления и проблемы, которые я рассматриваю, тоже фольклористические, но лишь другого порядка. Но ведь автора судят с точки зрения его замысла, если, конечно, этот замысел заслуживает внимания. С точки же зрения моего замысла, мне надо было выделить **самые** основные творческие процессы. Я думаю, что те, кот<орые> я выделила, принадлежит к основным. Работа сказителей в области приемов изобразительности, в области художественной речи, действительно оставлена мною пока без внимания. Это, конечно, жалко. Но всех процессов я охватить не могла. Задача решалась на другом материале. Если бы задачей было исследовать эволюцию самого жанра, вопросы поэтики были бы выдвинуты на первое место. В пределах тех же рамок и тех задач, которые я себе поставила, Вы сами признали, что и материал, и возможные выводы исчерпаны полностью.

Еще одно замечание В<арвары> П<авловны>, связанное уже с вопросами развития нового эпоса. **Ограничение северным материалом** не отражается на наблюдениях и выводах, потому что именно Север — и колыбель нового эпоса и место, где протекает его дальнейшее формирование. Материал из других мест мне известен, он крайне невелик и не вносит пока ничего нового. Что же касается северного материала, то в нем мы не видим, и я и не показывала, лишь процесс формирования нового эпоса на основе феодального эпоса, старой былины. Я указывала и другие разновидности нового эпоса, и другие пути его развития, и как раз указывала, что мы имеем среди создателей нового эпоса сказителей, не связанных с былиной и использующих другие фольклорные традиции. Я отмечаю также, что в дальнейшем мы вправе ожидать новых исканий и что указанными мною разновидностями не исчерпываются, конечно, все возможности в развитии нового эпоса (стр. 798).⁶¹ Почему же я несколько больше задерживаюсь на рассмотрении той разновидности, кот<орую> я называю «советской былиной», объясняется, во-первых, тем, что я в работе прослеживаю судьбы феодального эпоса, а одним, и важнейшим, моментом его творческой жизни в современности и явилось то, что он становится поэтической опорой для эпоса советского. Этого бы не произошло, если бы сам феодальный эпос был мертвым. Кроме того, мне пришлось заострить последнюю главу своей работы против тех, которые, основываясь на произведениях неудачных, обобщают свои оценки и видят в советских былинах лишь искусственное приспособление старой формы к новому содержанию. Я стремилась показать и всю глубокую обоснованность процесса, и новое качество в создаваемых произведениях.⁶²

Укор П. Г. Богатырева в отношении того, что я рядом с подлинно фольклорными произведениями в области нового эпоса привлекаю к рассмотрению и явления, относящиеся к литературе, связан с общим принципиальным вопросом о том, куда относить произведения, созданные нашими народными сказителями — М. Крюковой, П. И. Рябиным и др<угими>, — к ф<олькло>ру или к литературе, поскольку процесс их сложения сближается

⁶¹ «Однако опыты создания поэм мы находим и у других сказителей, особенно у тех, которые не столь крепко, как группа сказителей Прионежья, связаны именно с традицией богатырского эпоса, и которые вместе с тем в совершенстве владеют всем богатством общесказительных поэтических средств, как это мы видим на примере печорской сказительницы М. Р. Голубковой» (РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, ед. хр. 54, л. 798).

⁶² Здесь красным карандашом дан знак √, отсылающий к фрагменту на стр. 26 (по авторской нумерации) или к л. 28 (по архивной нумерации): «Укор П. Г. Богатырева <...> от традиционного фольклора».

в целом ряде моментов с литерат<урным> процессом. *Нужно сказать, что современное творчество наших нар<одных> сказителей, конечно, имеет особые специфич<еские> черты, сильно отличающие...*⁶³

Большинство фольклористов — и совершенно правильно — считают, что выводить их из поля зрения фоль<клористи>ки и всецело причислять их к литерат<уре> было бы ошибкой. Здесь создание нового творч<ества> силами тех, для которых ф<олькло>р — родная стихия; слагатели их — не профессон<альные> поэты; художественные средства, которыми владеют сказители и которые они применяют в своем творчестве, — средства фольклора. В характере их бытования многое от характера бытования фольклорных произведений. Как раз ф<ольклори>ст может скорее всего и должен разобраться во всем своеобразии творимого на наших глазах нового народного поэтического искусства, но он должен уметь вскрыть это своеобразие, отличающее это искусство от традиционного фольклора.

Я ответила, кажется, на большинство сделанных мне возражений. Но и не соглашаясь с многими из них, я еще раз выражаю глубокую признательность за то, что они были высказаны. В свете этих возражений я еще раз продумаю целый ряд вопросов.

Теперь, когда завершился какой-то этап в моей работе над эпосом, я вспоминаю ряд людей, в общении с которыми вынашивалось и выковывалось мое научное мировоззрение. И я чувствую потребность принести им мою большую признательность. Это прежде всего мои дорогие спутники и товарищи по северным экспедициям, по началу моей фольклорной работы;⁶⁴ во-вторых, это группа участников наших первых научных фольклорных совещаний, на которых мы делились нашими первыми наблюдениями, и где под руководством В. П. Адриановой-Перетц и при неизменном участии Вл. Ник. Перетца намечались вопросы и пути нашей исследовательской работы.⁶⁵ К этим собраниям и научному общению на ул. Маяковского, 27 восходит не одна фольклористическая работа. В<арваре> П<авловне> я обязана и в дальнейшем многими советами и указаниями; в-третьих, — это мои товарищи по Отделу фольклора и, главным образом, его руководитель Марк Конст<антинович> Азадовский, мой постоян-

⁶³ Предложение не закончено.

⁶⁴ Имеются в виду экспедиции РИИИ в 1926 (Заонежье), 1927 (Пинега), 1928 (Мезень) и 1929 (Печора) гг.

⁶⁵ См. подробнее о заседаниях в ГИИИ (РИИИ) в 1920-е гг.: *Иванова Т. Г.* Фольклористика в Государственном институте истории искусств в 1920-е гг. // Русский фольклор : Материалы и исследования. СПб., 2004. Т. 32. С. 48—66.

ный советник, которому я многим обязана и отсутствие которого я особенно ощущаю.⁶⁶ **Всем приношу мою благодарность.**

И, наконец, я очень благодарю К<арело>-Ф<инский> научно-исследовательский ин<ститут> культуры⁶⁷ в лице его б<ывшего> директора В. И. Машезерского⁶⁸ и заведующего Фольклорной секцией А. Д. Соймонова⁶⁹ за неоценимую помощь, которую Ин<ститу>т оказал, предоставляя постоянно и широко пользоваться всеми ф<ольклор>ными материалами Ин<ститу>та.

⁶⁶ М. К. Азадовский в это время находился в эвакуации в Иркутске. См. подробнее: *Иванова Т. Г.* Фольклористы Пушкинского Дома в годы Великой Отечественной войны. С. 15—24; Письмо военного времени М. К. Азадовского / Публ. и коммент. Т. Г. Ивановой // Живая старина. 2005. № 2. С. 45—47.

⁶⁷ См. о связях ленинградских фольклористов с Карело-Финским научно-исследовательским институтом культуры (КНИИК; бывший Карельский научно-исследовательский институт — КНИИ) подробнее: *Иванова Т. Г.* Роль ленинградских ученых в становлении фольклористики в Карельском научно-исследовательском институте // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2010. № 4. С. 115—122. В настоящее время это Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

⁶⁸ Виктор Иванович Машезерский (1902—1977) в 1936 г. занимал должность ученого секретаря. В декабре 1938 г., после того как руководство КНИИК было репрессировано, он стал исполняющим обязанности директора. См.: *Филимончик С. Н.* Роль научно-исследовательских институтов Карелии в развитии гуманитарных наук в 1930-е годы // Там же. С. 104, 106, 110. Впоследствии В. И. Машезерский являлся директором Института с 1950 по 1965 г.

⁶⁹ Алексей Дмитриевич Соймонов (1912—1995) был заведующим фольклорной секции Карельского научно-исследовательского института культуры (бывший КНИИ) с ноября 1938 г. до начала Великой Отечественной войны. См.: *Иванова Т. Г.* Роль ленинградских ученых в становлении фольклористики... С. 118.

РАЗДЕЛ II. ФОЛЬКЛОР: НЕИЗДАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

А. Б. НИКАНОРОВ

СБОРНИК ИОГАННА ГЕОРГА ДОППЕЛЬМАЙРА «RUSSISCHE VOLKSLIEDER FÜR EINE SINGSTIMME MIT KLAVIERBEGLEITUNG» («РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ДЛЯ ГОЛОСА С ФОРТЕПИАНО»)

(НЕИЗВЕСТНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА
РУБЕЖА XVIII—XIX вв.)

Вторая половина XVIII века — время становления отечественной фольклористики: серьезный интерес к народному творчеству и, в частности, к русской песне стали проявлять не только отдельные любители народной словесности, но и писатели, музыканты. В основном, имена этих собирателей хорошо известны, а их сборники с первыми публикациями народных напевов в настоящее время стали классикой отечественной музыкальной фольклористики. Достаточно вспомнить собрания В. Ф. Трутовского (1776—1795),¹ Н. А. Львова и И. Прача (1790),² И. Герстенберга и Ф. Дитмара (1797—1798),³ а также «Новый российский песенник» Т. Полежаева⁴ (1792), сборник Ф. Мейера

¹ *Трутовский В. Ф.* Собрание русских простых песен с нотами. СПб., 1776. Ч. 1; СПб., 1778. Ч. 2; СПб., 1779. Ч. 3; СПб., 1795. Ч. 4. Первая часть дважды переиздавалась: СПб., 1782; СПб., 1796 (*Лобанов М. А.* Трутовского В. Ф. сборник // Музыкальный Петербург : Энциклопедический словарь. СПб., 1999/ Т. 1: XVIII век. Кн. 3. С. 175).

² *Львов Н. А., Прач И. Г.* Собрание народных русских песен с их головами на музыку положил Иван Прач. СПб., 1790.

³ *Герстенберг И. Д., Дитмар Ф. А.* Песенник, или Полное собрание старых и новых российских и протчих песен для пения с форто-пиано, собранные издателями. СПб., [1797—1798]. Ч. 1—3.

⁴ *Новый российский песенник, или Собрание разных песен с приложенными нотами, которые можно петь на голосах, играть на гусях, клавинодах, скрипках и духовых инструментах / Издан иждивением Т. Полежаева.* СПб., 1792.

(1781).⁵ В общей сложности в них опубликовано около пятисот напевов. Это лирические, хороводные, плясовые, а также свадебные песни, которые во второй половине XVIII в., по-видимому, пользовались популярностью в городском быту, а также в домашнем и светском музицировании. Более глубокие пласты народного творчества, такие как календарно-обрядовые или старые эпические жанры, собирателей и издателей того времени, заботившихся в первую очередь о прикладном использовании своих трудов, мало интересовали. Основными источниками при публикации, и напевов, и текстов, служили рукописные нотные песенники, из которых — с учетом живой исполнительской практики — материалы отбирались и обрабатывались для изданий.

Упомянутые выше печатные собрания русских песен, в особенности сборник Львова—Прача, были достаточно известны. Их мелодии неоднократно включались в последующие печатные сборники XIX в.⁶ Некоторые из них стали тематической основой музыкальных сочинений отечественных и зарубежных авторов.⁷ Однако до сих пор нет полной ясности по поводу того, какие еще публикации русского музыкального фольклора существовали в конце XVIII—начале XIX в.; в какой степени издания русского музыкального фольклора того времени были известны за границей; пытались ли фиксировать и популяризировать этот фольклор иностранные музыканты, работавшие в России.

Как удалось выяснить, в начале XIX в. был издан сборник русских народных песен, до сих пор остававшийся неизвестным российским фольклористам. Он составлен доктором медицины И. Г. Доппельмайром и опубликован в 1803 г. немецким издательством Breitkopf und Härtel (Брейткопф и Хертель) в Лейпциге. О сборнике и его составителе не упоминается ни в одной историографии русской музыкальной фольклористики. В немецкой литературе удалось найти лишь одну работу, касающуюся сборника Доппельмайра. Это монография германского слависта доктора философии Эрхарда Гюнтера Гексельшнайдера «Русская народная поэзия в Германии до середины 19-го века».⁸ Этот автор,

⁵ Мейер Ф. Собрание наилучших российских песен / Изданныя иждивением книгопродавца Ф. Мейера. СПб., 1781. Ч. 1—5.

⁶ Орлов С. Ян Прач в русской мелографике // Sborník I Sjezdu slovanských geografů a ethnografů v Praze. Praha, 1926. С. 343—353.

⁷ Бачинская Н. М. Народные песни в творчестве русских композиторов / Под ред. проф. Е. В. Гиппиуса. М.: Музгиз, 1962. 215 с.; Гиппиус Е. В. Обзор важнейших сборников музыкальных записей русских народных песен с 60-х годов XVIII века до начала XX века // Материалы и статьи: К 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса / Ред.-сост. Е. А. Дорохова, О. А. Пашина. М., 2003. С. 59—111.

⁸ Hexelschneider E. Die russische Volksdichtung in Deutschland bis zur Mitte der 19. Jahrhunderts. Berlin, 1967. S. 24—27, 176—177; 59—60, 189. (Ve-

хотя и приводит ряд интересных источниковедческих данных, сам сборник, как следует из текста книги, не держал в руках и убежден, что издание безвозвратно утрачено. Он делает попытку частично реконструировать содержание сборника по материалам, некогда заимствованным из него другими составителями и композиторами XIX в.⁹ Музыкальной специфики русского фольклора Э. Гексельшнайдер вовсе не касается, ограничившись формальным сводом нотных примеров в приложении к своей монографии.

В истории российской медицины имя доктора Доппельмайра почти не известно.¹⁰ Судя по немецким биографическим справочникам и некрологам, опубликованным в газетах Германии и Прибалтики,¹¹ Иоганн Георг Готфрид Доппельмайр (Johann

röffentlichungen des Instituts für Slawistik / Deutsche Akad. der Wissenschaften zu Berlin. № 39). К сожалению, знакомство с этой работой состоялось уже после проведения наших самостоятельных и очень непростых разысканий по поводу сборника и его составителя, доктора Доппельмайра.

⁹ Э. Гексельшнайдер, в частности, широко пользовался сборником Карла Клаге (о нем речь пойдет ниже), экземпляр которого хранится в фондах Российской государственной библиотеки.

¹⁰ Имя Доппельмайра отсутствует в монографических изданиях на русском языке по истории российской медицины XIX—XX вв., в том числе таких, как: *Рихтер В. М.* История медицины в России: В 3 ч. М., 1814—1820; *Материалы для истории медицины в России*: В 4 вып. СПб., 1881—1885; *Змеев Л. Ф.* Русские врачи-писатели: В 3 вып., 5 тетр., 2 доп. СПб., 1886—1892; *Мирский М. Б.* Медицина России XVI—XIX веков. М., 1996; *Мирский М. Б.* Медицина России X—XX веков : Очерки истории. М., 2005; *Наханетов Б. А.* В попечении о государевом здравии (лейб-медики Российской империи). М., 2003; *Даниленко Е. Д.* Медицина Нарвы : Исторический обзор 1223—1990. Нарва, 2003 и др.

¹¹ *Intelligenz-Blatt der Jenaischen Allgemeinen Literatur-Zeitung.* Jena; Leipzig, 1826. № 66 (December). Sp. 524—525; *Neuer Necrolog der Deutschen.* Ilmenau, 1826 (1828). Jg. 4. Tl. 2. S. 837—838; *Ostsee-Provinzen Blatt.* 1826. 14 April, № 15. S. 71—72; *Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland / Joh. Fr. v. Recke und C. Ed. Napiersky; Nachfrage und Fortsetzungen von Th. Beise.* Mitau, 1859. Bd. 1 (A—K). S. 154; *Чистович Я. А.* История первых медицинских школ. СПб., 1883. Прилож. X, с. CLXII [162]; *Stieda L.* Zur Geschichte der Familie Doppelmaier // *Düna Zeitung.* Riga, 1908. 26 Juli (8 August). № 171. S. 2; 28 Juli (10 August). № 172. S. 2; 29 Juli (11 August). № 173. S. 2 (по-видимому, единственный оттиск: Riga: Grothuß, 1908. 16 s. имеется в Архивной библиотеке Литературного музея им. Ф. Крейцвальда в Тарту, шифр: ÕES XXXII:25. Текст газетной статьи и оттиска подписан литерой «S.», авторство Л. Штиды устанавливается по изданию: *Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft.* 1908. Jurjew—Dorpat, 1909. S. XXVI. № 6); *Brennsohn I.* Die Aerzte Estlands vom Beginn der historischen Zeit bis zur Gegenwart ein biographisches Lexikon. Riga, 1922. S. 164; *Stieda L.* Doppelmaier // *Biographisches Lexikon der hervorragenden Ärzte aller Zeiten und Völker:* In 5 Bd. 2. Aufl. Berlin; Wien, 1929. Bd. 2. S. 296; *Verzeichnis der*

Georg Gottfried Doppelmaier)¹² родился 11 ноября 1753 г. в Баварии, в городе Хоф (Hof) Аншпахского ландграфства, близ Байройта. Учился в Йене (Jena),¹³ затем — в университете Эрлангена, где защитил (28 февраля 1776 г.) и опубликовал диссертацию по анатомии, получив диплом доктора медицины.¹⁴ Некоторое время Doppельмайр служил врачом у мелких немецких князей в Шварценбахе (Schwarzenbach) близ Хофа. В августе 1783 г. он получил право практиковать в России, где и поселился с 1784 г. Он работал врачом, как и его брат, Иоганн Габриэль Готфрид Doppельмайр, покинувший Германию двумя годами раньше. Карьера Иоганна Георга Doppельмайра в России сложилась удачно. Он жил то в Петербурге, то в Москве и со временем занял должность штат-физика медицинской коллегии (главного городского врача Москвы). По высочайшему указу императора Павла, 23 апреля 1799 г. Doppельмайр был назначен придворным врачом и произведен в 6-й класс (чин коллежского советника).¹⁵ Но в том же году, подав, вероятно, в отставку, уволился со службы и получил пожизненную пенсию.¹⁶ Вскоре Doppельмайр уехал из России,¹⁷ жил в Лейпциге, Гейдельберге, Мангейме. В 1810 г.

Erlanger Promotionen 1743—1885: Teil 2: Medizinische Fakultät / Universitätsbibliothek Erlangen-Nürnberg. Erlangen, 2009. S. 453. № 2026—2027. (Erlanger Forschungen Sonderreihe; Bd. 14, 2); Fischer M. Russische Karrieren. Leibärzte im 19. Jahrhundert. Aachen, 2010. S. 71—72. (Relationes; 4) и др.; Исторический архив Эстонии в г. Тарту (далее — ИАЭ) 1674—2—386—389, 743; 1646—3—9060 (97 л.), 9830 (5 л.) (по данным, полученным из ИАЭ на запрос автора статьи об Иоганне Георге Doppельмайре 12.05.2010 пр. 3060 от главного специалиста архива Татьяны Шор).

¹² Написание фамилии могло варьироваться как *Doppelmeier*, *Doppelmeier*, *Doppelmeyer*, *Doppelmaier*, *Doppelmayer*.

¹³ Чистович Я. А. История первых медицинских школ. По другим данным, это была Вена (Wien) (*Gelehrtes fürstenthum Baireut: oder biographische und literarische Nachrichten von allen Schriftstellern / Verf. von Georg Wolfgang Augustin Fikenscher*. Erlangen, 1801. Bd. 2. S. 38).

¹⁴ Текст диссертации, как и полагалось тогда, написан Doppельмайром на латинском языке: *Dissertatio Inauguralis Medica De Difficili In Observationes Anatomicas Epicrisi. Commentatio V <...> / examini submittit auctor et respondens Io. Georg Gottfrid Doppelmayr. Erlangae [Erlangen]: Typ. Waltheri, 1776. XXXVIII p.*

¹⁵ Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря. СПб., 1888. Ч. 2. С. 652 (Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 62); РГИА, ф. 468, оп. 1, ч. 2, № 3915, л. 138.

¹⁶ РГИА, ф. 468, оп. 1, ч. 2, № 3915, л. 339—340 (О назначении придворному доктору Doppельмайру пенсии в размере жалования).

¹⁷ Есть данные о том, что отъезд Doppельмайра в Германию состоялся после 1795 г. (*Gelehrtes fürstenthum Baireut... Erlangen, 1801. Bd. 2. S. 38*), однако это, по-видимому, неточность или опечатка, противоречащая архивным данным и другим источникам.

он вернулся в Москву. Во время Отечественной войны 1812 г. в московском пожаре он потерял значительную часть своего имущества, был направлен в лазареты вглубь империи и служил лазаретным врачом.¹⁸ Позднее Доппельмайр поселился в Нарве, занимаясь частной практикой, где и умер 28 марта 1826 г.¹⁹

По-видимому, Доппельмайр был хорошо образован не только в области медицины и естественных наук, но и в гуманитарной сфере. Он переписывался с немецким писателем Жаном Полем²⁰ (1763—1825); с крупным филологом и нумизматом профессором Дерптского университета Иоганном Карлом Симоном Моргенштерном (Johann Karl Simon von Morgenstern, 1770—1852),²¹ что дало ему право называть себя литературным корреспондентом университета, о чем он сообщил и в заглавии своего сборника. По всей видимости, Доппельмайр был неплохим знатоком музыки и музыкальных инструментов. В 1801 г. именно к нему обратился мастер Иоганн Георг Штрассер (I. G. Strasser, ?—1815), желая получить отзыв о своем «механическом оркестре» — больших напольных часах с музыкой, хранящихся сейчас в Эрмитаже.²² В «Allgemeine Musikalische Zeitung» («Всеобщей музыкальной газете»), выходившей в Лейпциге, Доппельмайр опубликовал небольшую статью о «механическом

¹⁸ В справочном издании «Российский медицинский список» (СПб., 1809—1826) Доппельмайр числится, начиная лишь с 1813 г. (с. 30) и затем, ежегодно до 1826 г. включительно. С 1809 по 1812 г. его имя в «Списке» не зафиксировано.

¹⁹ Эта дата приводится в большинстве некрологов. По архивным данным Г. Доппельмайр умер 4 апреля 1826 г. (ИАЭ, Картотека фонда «Матрикульная комиссия Немецкого общепольного общества», Нарвская Свято-Иоанновская церковь, 1674—2—386—389, 743; ф. 4380 (метрические книги Нарвского прихода церкви Св. Иоанна), оп. 1, д. 4, л. 181).

²⁰ Настоящее имя Иоганн Пауль Фридрих Рихтер. Письма Доппельмайру см.: *Die Briefe Jean Pauls*: 4 Bd. München, 1922. Bd. 1. S. 66—71.

²¹ Более двух десятков автографов писем на немецком языке, адресованных Карлу Моргенштерну с 1803 по 1808 г., хранятся в Отделе рукописей Библиотеки Тартуского университета. Там же находятся и другие материалы из эпистолярного наследия Доппельмайра. Некоторые из них использованы и цитируются в издании: *Suss W. Karl Morgenstern (1770—1852) // Acta et commentationes Universitatis tartuensis (Dorpatensis). V. Humaniora. Tartu, 1929. Bd. 16.*₂. S. 138; Tartu, 1929. Bd. 19.₂. S. 191, 217—218, 235, 272.

²² Сычев И. О. 1) Механический оркестр Иоганна-Георга Штрассера // Пинакотекa. 2002. № 15. С. 88—93; 2) Мастера «механической музыки» в России конца XVIII—XIX вв. // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2008. Т. 40 : Культура и искусство России. С. 28—44; 3) Мастера «механической музыки» // Русское музыкальное общество : [сайт]. СПб., 2011. URL: http://www.irms.ru/mech_inst.html.

оркестре»,²³ на которую как на одобрительный отзыв сослался в своей брошюре И. Г. Штрассер.²⁴ Доктор Доппельмайр, несомненно, умел играть на клавире. Сочинял ли он музыку, пока не ясно,²⁵ но тот факт, что Доппельмайр взялся за составление нотного сборника русских песен, отредактировал, а где-то и «досочинил» аккомпанементы к ним, свидетельствует о владении основами музыкального искусства.

Сборник русских песен был выпущен, скорее всего, очень небольшим тиражом. Как раритетный музыкально-исторический источник он включен в международный свод RISM под № D3420.²⁶ Считанные его экземпляры хранятся в библиотеках Германии, Англии, США и России.²⁷ В данной публикации описание будет основываться на экземпляре из фонда Отдела нотных изданий и звукозаписей Российской государственной библиотеки (далее — МЗ РГБ), с подлинником которого удалось ознакомиться в июле 2010 г. Сборник Доппельмайра зарегистрирован в каталогах библиотеки под шифром МЗ Р-ИН/3552, инвентар-

²³ *Doppelmaier J.* Strassers mechanisches Orchester in St. Petersburg // *Allgemeine Musikalische Zeitung.* Leipzig, 1801. 29 Julius (№ 44). Sp. 736—739.

²⁴ И. Г. Штрассер писал: «Наконец, в дополнение к выше сказанному ссылаюсь я на музыкальную газету (№ 44 сего года), содержащую сочинение некоторого знатока, который часто сие творение со вниманием рассматривал и который, между прочим, пишет: „Кажется, что играют виртуозы, старающиеся слиянием, ударением, приращением и уменьшением тонов и целых пассажей, также и разными оттенками (ежели смею сие выражение здесь употребить) оным пьесам сообщить надлежащую живость. Ни единый из слушателей сего оркестра не оставит оной без удивительнейшего удовольствия“» (Описание изобретенного и составленного И. Г. Страсером механического оркестра, равно как и изобретенного им для лотереи плана. СПб., 1801. С. 11).

²⁵ По сообщению Э. Гексельшнайдера, Доппельмайром была сочинена песня на текст Ивана Дмитриева «Стонет сизый голубочек» в переводе И. Рихтера (*Hexelschneider E.* Die russische Volksdichtung in Deutschland bis zur Mitte der 19. Jahrhunderts. Berlin, 1967. S. 24).

²⁶ Répertoire International des Sources Musicales (RISM). Serie A : Einzeldrucke vor 1800 / Red. Karlheinz Schlager. Kassel [u.a.]: Bärenreiter Verlag, 1972. Bd. 2 : «Cabezón—Eyre». S. 434.

²⁷ По данным национальных и международных информационно-библиографических систем, сборником обладают в Германии — Государственная библиотека в Берлине (Staatsbibliothek zu Berlin) и Саксонская государственная и университетская библиотека Дрездена (Sächsische Landesbibliothek — Staats- und Universitätsbibliothek Dresden); в Англии — Британская библиотека (The British Library), в США — Библиотека Принстонского университета (Princeton University Library). Даже если учесть, что далеко не все библиотеки размещают полную информацию о своих фондах в интернет-каталогах, этот приблизительный перечень вряд ли сможет значительно расширяться.

ный номер — И 17271-63. В МЗ РГБ издание поступило в 1963 г.²⁸ Штампов других библиотек, владельческих записей или экслибрисов не имеется, но, судя по множеству различных карандашных помет на титульном листе и на форзаце, ранее издание принадлежало иным фондам, к примеру Музею книги.²⁹ Изучение истории «миграций» сборника по библиотечным хранилищам может стать предметом дальнейшего специального исследования.

Издание не датировано, но его выход из печати и поступление в продажу приходится примерно на первую декаду ноября 1803 г.³⁰ Сборник упомянут в списке новых нот фирмы Брейткопф и Хертель, опубликованном в приложении к «Allgemeine Musikalische Zeitung» от 16 ноября 1803 г. Там же указана цена (1 талер 8 грошей), по которой его предполагалось распространять.³¹

Несомненно, что материалы для публикации Доппельмайр стал подбирать и готовить до отъезда в Германию, который мог состояться лишь после 1799 г. Поэтому с полной уверенностью издание можно причислить к собраниям конца XVIII в.

Сборник имеет альбомный формат размером 23.5 × 32 см. Переплет глухой из красной кожи с золотым орнаментальным тиснением по периметру обложки и на корешке. Форзацы голубого цвета. Бумага плотная светло-серая. Обрез страниц позолочен. Всего в издании 27 листов с отдельной постраничной пагинацией (5—12, 1—38). Первый и последний листы чистые. Страницы первого, второго и двух последних листов не нумерованы. Двенадцать страниц первого счета содержат титул (с. 3) и пояснительные тексты (с. 5—12). На тридцати восьми страницах второго счета напечатаны ноты 24 песен для пения одного голоса в сопровождении фортепиано. Все они имеют заглавия,

²⁸ Специализированный отдел с фондом нотных изданий как самостоятельное подразделение РГБ (Отдел нотных изданий и звукозаписей) был создан в 1960 г. (<http://www.rsl.ru/ru/s1/s11/s104/s188/d76/>). Дата обращения: 13.07.14).

²⁹ Среди различных карандашных помет, сделанных в правом верхнем углу титульного листа, одна имеет вид двух слитых прописных букв «МК», что соответствует стандартному обозначению, которым в РГБ принято помечать издания, принадлежащие фондам Научно-исследовательского отдела редких книг (Музей книги). На форзаце имеется еще один номер: «Д⁶⁴⁵_{20.}», значение которого работники библиотеки объяснить не смогли.

³⁰ Судя по интернет-каталогам, в библиотеках, в фондах которых имеется сборник, его произвольно датируют 1804 г. (Staatsbibliothek zu Berlin), 1805 г. (The British Library; Princeton University Library), а то и вовсе 1810 г. (Sächsische Landesbibliothek — Staats- und Universitätsbibliothek Dresden).

³¹ Intelligenz-Blatt zur Allgemeinen Musikalischen Zeitung. 1803. November (№ 4). Sp. 14 (приложение к изданию: Allgemeine Musikalische Zeitung. 1803. 16 November, № 7).

не совпадающие с зачином. Подтекстован только первый куплет. Остальные (без повтора начальной строфы) даются только в виде словесного текста. Если куплетов много, они продолжают на следующей странице. На нумерованной странице предпоследнего листа сборника помещено оглавление («Inhaltsverzeichnis») в виде двух столбцов, содержащее алфавитный перечень зачинов песен с указанием страниц, на которых эти песни напечатаны.

Титульный лист сборника выполнен не типографским шрифтом, а в виде гравированного рукописного текста, включающего и заглавие, и посвящение. Середина титульного листа украшена овальной виньеткой с выгравированным и раскрашенным рисунком: возле деревьев изображены стоящие и сидящие на земле крестьяне, поющие песню и танцующие под нее. Рисунок подписан фамилией известного немецкого художника Христиана Гейсслера (Christian Gottfried Heinrich Geissler, 1770—1844), который в конце XVIII в. путешествовал по России. Его раскрашенными картинками, аналогичными той, которая находится на титуле сборника Доппельмайра, иллюстрированы многие этнографические издания начала XIX в.³²

Текст на титульном листе издания следующий:

«RUSSISCHE VOLKSLIEDER für eine Singstimme mit Klavierbegleitung aus dem Russischen übersetzt und Ihrer Majestät der Kaiserin aller Reussen und grossen Frau ELISABETH ALEXIEWNA in allertiefster Ehrfurcht und Unterthänigkeit zu Füßen gelegt von GEORG von DOPPELMAIR. Russ. Kais. Kollegienrath u. litterar. Korrespondenten d. Russ. Kais. Univers. zu Dörpt».

Перевод: «Русские народные песни для голоса в сопровождении фортепиано, переведенные с русского и возложенные с глубочайшим почтением и смирением к ногам Ее Величества Императрицы Всероссийской Елизаветы Алексеевны Георгом фон Доппельмайром, российским императорским коллежским советником и литературным корреспондентом Российского Императорского университета в Дерпте».³³

Посвящение сборника Елизавете Алексеевне (1779—1826) имело, вероятно, несколько причин. Любительница и покровительница разных искусств, государыня была соотечественницей Доппельмайра. Родившись в Германии, в Карлсруэ, до вступле-

³² В просмотренных автором публикации изданиях с иллюстрациями Х. Гейсслера точно такой же рисунок, как на титуле сборника Доппельмайра, найти не удалось.

³³ Этот и другие тексты, напечатанные в оригинале на немецком языке, а также тексты восьми песен, цитируются в настоящей статье в переводе моей ученицы, выпускницы Санкт-Петербургского музыкального колледжа им. М. П. Мусоргского Наталии Сергеевны Трифионовой, которой выражаю искреннюю признательность.

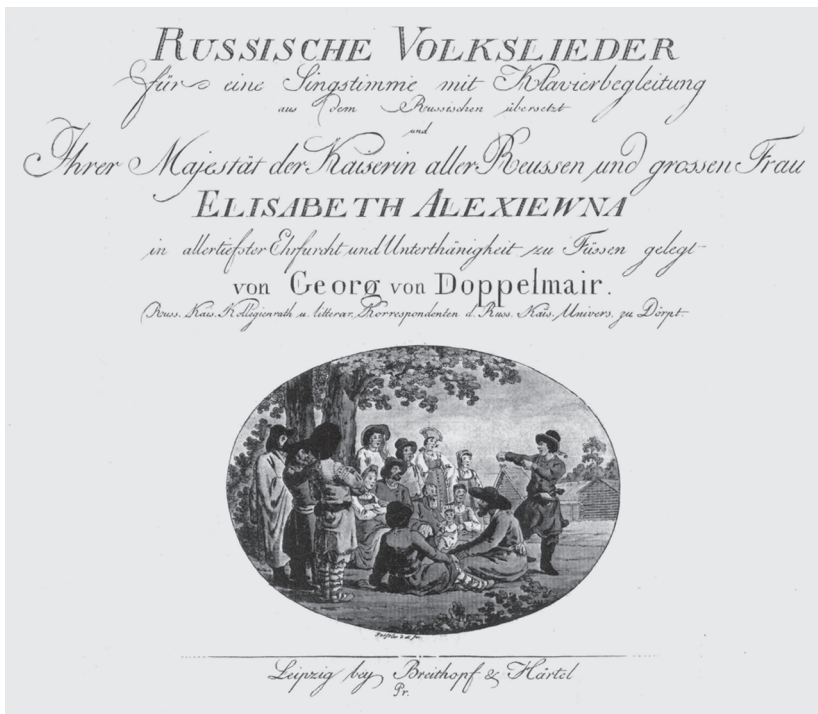

Рис. 1. Титульный лист сборника Иоганна Георга Доппельмайра.

ния 28 сентября 1793 г. в брак с будущим российским императором Александром I (1777—1825), Елизавета Алексеевна именовалась принцессой Луизой Марией Августой Баденской. Вполне уместным поводом для выражения Доппельмайром верноподданнических чувств могла стать коронация Елизаветы Алексеевны и Александра I, состоявшаяся 15 сентября 1801 г.³⁴ Тон посвящения, не нарушая этикетных норм того времени, передает не столько подобоострастие, сколько восторженно-благоговейное отношение к царствующей особе. Можно предположить, что составление и издание сборника русских песен, предназначенного для немецкоязычного читателя, было осуществлено с ведома самой Елизаветы Алексеевны либо ее ближайшего окружения.³⁵

³⁴ Реальное вступление на престол Александра I состоялось на полгода раньше — 12 марта 1801 г., сразу после смерти, точнее убийства, императора Павла Петровича в Михайловском замке.

³⁵ В частично сохранившейся нотной библиотеке Елизаветы Алексеевны сборник, составленный Доппельмайром, пока не выявлен (Огаркова Н. А. 1) Императрица Елизавета Алексеевна и ее нотная библиотека //

I. Sehnsucht der Geliebten. 1

Andante molto.

Singstimme.

Oh - ne - deu Ge - lieb - ten, Mit - ter - chen, ach wie seuf - zt das Magdlein

Pianoforte.

jung und zart! — trau - rig sieht sie, wie der Lena er - scheint, wie sich al — les um sie liebt und paart.

Dennoch trüber ist die Liebende Mutter, auf dem hohen Berge dort, Längs der ideo Strasse braust der Sturm,
Und mit Klagen füllet sie die Luft. Oder auf der Treppe lass mich stehn. Schüttelt sich im Schneegestöber wild;
Wenn ihr Treuer ihr zu lange weilt. Gute, liebe Mutter! denn ich muss, Doch der Treue lachet seiner Wuth,
Denn der Liebe Sehnsucht gierend ruft. Muss nach meinem treuen Jungling sehn. Deckt ihn nicht der Liebe festes Schild?

Sch' ich recht? — er kommt, mein schöner Falk a)!	Wehe nur mit deinem weisen Tuche,
Ja, er ist's — ich kenne seinen Zug!	Ja — ich seh' es weh'n, du meine Lust!
Ha, sein brauner a) rechter Fittig eilt,	Du, an Schönheit einer Jungfrau gleich,
Eilt zu mir in doppelschnellem Fluge!	Eil' und ruhe dann an meiner Brust!

Russ. Lieder. 1

Рис. 2. Песня № 1 «Sehnsucht der Geliebten» («Тоска по милому»).

Сборнику предпослано небольшое предисловие, в котором составитель характеризует духовную и национальную сущность русского песенного фольклора, справедливо акцентируя внимание на ценности не только текстов, но и напевов. Прочитав его полностью в переводе на русский язык.³⁶

«У русского народа — огромное количество песен, отличающихся особым веселым нравом, который редко можно встретить в родных ему европейских культурах. Большинство этих песен является гениальными творениями народных сказителей, вдохновленных родными лесами и деревнями, о коих эти традиционные песни, несомненно, были так же любимы их современ-

Нотные издания в музыкальной жизни России : Сборник науч. трудов. СПб., 1999. С. 85—101; 2) Песни К. М. Вебера и нотная библиотека императрицы Елизаветы Алексеевны // Вопросы музыкального источниковедения и библиографии : Сборник науч. статей. СПб., 2001. С. 52—58).

³⁶ Текст предисловия был позднее, в 1812 г., перепечатан в «Австрийской музыкальной газете» с небольшими изменениями в качестве статьи (Russische Volksgesänge // Musikalische Zeitung für die Österreichischen Staaten. Linz, 1812. 15 Oktober (№ 13). S. 99—101). В приложении к нему даны две песни из сборника: № 13 и 24.

никами, как и сегодняшним поколением. Они — национальное наследие, прошедшее через века. Практически нет новых песен, которые могли бы сравниться со старинными. Их звучание изумительно изящно, абсолютно современно, но в то же время немного чуждо народу. И только некоторым из них достаются любовь и признание, потому что у них есть то, чего другим, несмотря на всю их красоту, не хватает, — верность старым традициям и патриотизм. То же относится и к мелодиям этих песен. И, по мнению автора, только один из признанных гениев отечественного песенного творчества знал, как произведение народного искусства сделать благозвучным и гармоничным.

Темами народных песен обычно были наивные, доверительно-сердечные любовные истории, часто рассказанные в игривом тоне с ярко выраженной национальной окраской. Нередко в них вплетались восточные мотивы, которые делали их привлекательнее. Как в любых народных песнях, в них отразились национальные нравы, обычаи и привычки, которые русский народ соблюдает и свято чтит с давних времен и по сей день. Через особый характер этих песен, который служит подлинным подтверждением их древности, они приобретают энтузиазм современности и передают его следующим поколениям. Еще долго они будут улаживать наш слух своим национальным колоритом. Хотя корней этих народных напевов и мелодий, возможно, не найти уже и в России.

Эти старинные песни еще звучат из уст бодрых юношей и вырываются из груди бородатых мужиков как песни о торжестве над тяготами жизни во время пахоты, войны, под удары молота в мастерских, впереди марширующего полка, на лодке под мерный плеск весел и среди ликующей толпы народа. Поют их и юные крестьянки как в полях, так и на играх, танцах и праздниках. Исполнением народных песен в роскошных покоех под аккорды гитары улаживают слух своих матерей искусные в пении благородные девицы, и это тоже относится к народному пению. Но никогда русские красавицы не кажутся прекраснее, чем тогда, когда они убаюкивают своих детей колыбельными, которые пели еще их пращурсы с тем удивительным национальным настроением, которое трудно описать и сложно повторить, — его можно лишь слышать.

Тем не менее эти удивительные песни были неизвестны немецким ценителям иностранной литературы и народной поэзии. Лишь несколько месяцев назад известный немецкий писатель Рихтер,³⁷ живший в Москве, первым издал сборник русских на-

³⁷ Имеется в виду Иоганн Готфрид Рихтер (Richter, Johann Gottfried, 1763—1829), с 1803 г. начавший издавать журнал «Russische Miscellen» («Русская смесь»), в котором, помимо других материалов, он печатал тек-

родных песен на немецком языке, зная, что для многих это станет настоящей находкой. Лишь одного не хватило издателю этого собрания так тщательно переведенных песен — их мелодий, которые послужили бы отличным дополнением и увеличили бы количество немецких поклонников русских песен, весьма оригинальных с точки зрения музыкального искусства. Поскольку сам автор не был ни поэтом, ни музыкантом, он ощущал некоторые трудности, связанные с переложением текстов на немецкий язык. Одно только поддерживало его — в краткие часы отдыха он в уединении вспоминал и наслаждался звучанием русских народных напевов, слышанных им во время многолетнего пребывания на своей второй родине, в России, под покровительством просвещенного, милостивого монарха Александра I. Эти воспоминания вдохновляли его на работу и подвигли на решение преподнести немецким друзьям образчики старинного народного поэтического искусства, открыть им простые радостные напевы о северных подснежниках и диких розочках, которыми он любовался в часы отдохновения на берегах Волги, Москвы и Невы и которые он „пересади“ для них на немецкую почву.* Оттого, как Вами будет принят [предлагаемый сборник], зависит, будет ли он первым и последним, или же за ним последует второй, а может, и третий.³⁸

* Переводчик и издатель еще раз выражает обоим достопочтенным русским друзьям глубокую признательность за помощь, которую они как знатоки русского и немецкого языков оказали при проверке работы. Еще он хочет отметить, что при переводе он не имел изданного на русском языке материала, а лишь рукописное собрание русских народных песен, так как его владелец, к несчастью, обработал большинство старых песен, не спилив, однако, своим напильником их старинной ржавчины.

Переводчик и издатель».

Как следует из предисловия, сборник песен предназначался исключительно для немецких читателей и любителей народной

сты русских сказок и песен (Russische Volkslieder // Russische Miscellen / Herausgegeben von Joh. Richter. Leipzig, 1803. Bd. 1. № 1. S. 77—86; *Кокотовихина О. В.* Русские сказки в журнале И. Г. Рихтера «Russische Miscellen» (1803—1804) // Общество — язык — культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке : Сборник трудов Первой Международной научно-практической конференции, 18 октября 2006 г. / Московский ин-т лингвистики. М., 2006. С. 32—34). На момент выхода из печати сборника Доппельмайра были выпущены первые три номера этого журнала. .

³⁸ Изданий других нотных сборников Доппельмайер, по-видимому, не предпринимал, но публикацию переводов двух русских песен он осуществил еще в 1809 г. (*Doppelmaier [J.] Zwei russische Volkslieder // Heidelbergischen Taschenbuch / Hrsg. von A. Schreiber. Heidelberg, 1809. S. 79—82).*

музыки. Оригинальные тексты на русском языке не приведены. Как и большинство составителей ранних нотных сборников, Доппельмайр, неоднократно слышавший исполнение русских песен, для подготовки к печати использовал рукописный песенник или, по его выражению, собрание, из которого отобрал образцы, показавшиеся ему наиболее интересными. Примечательно и то, что песни, как сообщает Доппельмайр, были уже обработаны — их «голоса» (мелодии) положены на ноты, сделан к ним аккомпанемент. Что представляло собой упомянутое «собрание» и кто был его составителем, вряд ли удастся узнать. Можно лишь утверждать, что если не весь этот рукописный песенник, то значительная его часть, судя по материалам, включенным в издание Доппельмайра, была скомпонована на основе печатных изданий, по крайней мере двух: сборника Львова—Прача и сборника И. Герстенберга и Ф. Дитмара.

Представим в таблице состав сборника Доппельмайра. Названия всех песен, их зачины, а в отдельных случаях — и первые куплеты, приведены в оригинале (на немецком языке), с переводом на русский язык. Указаны совпадения с более ранними публикациями и кратко охарактеризованы различия (эти примечания размещены в правой колонке и набраны курсивом). Для краткости собрание Львова—Прача в таблице обозначено как Л—П, а сборник И. Герстенберга и Ф. Дитмара — Г—Д с последующим указанием порядкового номера по печатным изданиям³⁹ (табл. 1).

Из двадцати четырех номеров сборника Доппельмайра с более ранними печатными публикациями совпадают пятнадцать песен. Тринадцать из них (№ 3, 5—7, 9, 11—15, 17, 19, 21) воспроизведены по сборнику Львова—Прача; две песни (№ 4, 23) — по сборнику И. Герстенберга и Ф. Дитмара. Совпадения с соответствующими образцами из названных изданий прослеживаются в отношении мелодий и текстов; в значительной мере сходна

³⁹ В табл. 1 и далее использованы : [*Львов А. Ф., Прач И.*] Собрание народных русских песен с их голосами / [Сост.] А. Ф. Львов; На музыку положил Иван Прач; Под ред. и с вступ. статьей В. М. Беляева. М.: Музгиз, 1955. 350 с.; Русские песни XVIII века : Песенник / [Сост. и изд.] Д. Герстенберг и Ф. А. Дитмар; Акад. наук СССР, Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом); Общ. ред. и вступ. статья Б. Вольмана. М.: Музгиз, 1958. 382 с. Для сверки и уточнения исторических данных привлекались также современные издания сборника Львова и Прача: *Sobranie russkikh narodnych pësen s ikh golosami : A collection of Russian folk songs by Nikolai Lvov and Ivan Prach / Ed. Malcolm Hamick Brown; With an introd. and app. by Margarita Mazo. Ann Arbor; London, 1987. (Russian music studies; 13); [*Львов А. Ф., Прач И.*] Русские народные песни, собранные Николаем Львовым, положенные на музыку Иваном Прачем и опубликованные в 1790—1806 гг. / Изд. подгот. Е. Е. Васильевой, В. А. Лапиным; Оформление А. В. Стрельникова. СПб.: Композитор • Санкт-Петербург, 2012. 216 с.*

Таблица 1

№ и название в сборнике	Зачин, первая строка или первый куплет	Русский печатный источник
1. Sehnsucht der Geliebten (Тоска по милому)	«Ohne den Geliebten Mütterchen, ach wie seufzt das Mägdlein jung und zart!» (Без возлюбленного, матушка, ах как страдает молодая и нежная девица)	Не установлен Вариант текста: Л—П № 7 «Скучно, матушка, весной мне жить одной»
2. Das bittende Wörtchen (Просительное словечко)	«Auf den Wiesen dort» (Там на лугах)	Не установлен Вариант: Л—П № 78 «Во лугах» — <i>запев отличается, припев тот же</i>
3. Der Abschied (Проводы)	«Dort, dort am hohen Berge» (Там, там высоко в горах)	Л—П № 1 «По горам, по горам» — <i>почти полное совпадение</i>
4. Das Hanfäckerchen (Конопелька)	«Hab mein Aeckerchen wohl und gut bestellt säte schönen Hanf auf mein kleines Feld» (Возделаю я свой уголок красивыми ровными рядами, прекрасной засею коноплей на моем маленьком поле)	Г—Д № 18 «В темном лесе» («Лен») — <i>почти полное совпадение, кроме баса</i>
5. Das Mädchens Gang zum Strömchen (Девушка, идущая к ручейку)	«Hin zum Strömchen will ich eilen» (Я спешу спуститься к ручейку)	Л—П № 75 «Выйду ль я на реченьку» — <i>почти полное совпадение</i>
6. Das Lied der Mädchen am Vortag des Semikfestes (Песня девушек накануне Семика)	«Eine Birke steht dort im Felde» (Там в поле береза стоит)	Л—П № 62 «Во поле береза стояла» — <i>почти полное совпадение</i>
7. Wechselgesang der Jünglinge und Mädchen am Semikfest (Диалог парней и девушек на празднике Семик)	«Hirse wird gesäet heute» (Сегодня будем сеять просо)	Л—П № 121 «А мы просу сеяли, сеяли» — <i>почти полное совпадение</i>

Таблица 1 (продолжение)

№ и название в сборнике	Зачин, первая строка или первый куплет	Русский печатный источник
8. Die verlassene Geliebte (Покинутая возлюбленная)	«An dem Strömchen bei der Brücke» (Возле речки, возле мосту)	Варианты: Г—Д № 2 «Возле речки, возле мосту»; так же Л—П № 103 (2-е изд. 1806)
9. Annchen und Wanka (Анька и Ванька)	«Friedlich bei einander hegen» (Нежно лелеять друг друга)	Л—П № 52 «Ах, деревня от деревни» — <i>почти полное совпадение</i>
10. Bitte um Gegenliebe (Просьба о взаимной любви)	«Meines Herzens Flammenliebe» (Пламенная любовь моего сердца)	Не установлен
11. Der Blumenkranz (Цветочный венок)	«Oi! Dort im Felde grünt. Oi! Dort im Felde grünt. Eine Linde grünt im Feld» (Ой, там во поле зелено. Ой, там во поле зелено. Липа зеленеет в поле. Липа зеленеет в поле)	Л—П № 126 «Ай, во поле. Ай, во поле, ай, во поле липенька, ай, во поле липенька» — <i>почти полное совпадение</i>
12. Die Vögel (Птицы)	«Traurig sass ich hier allein Tage lang» (В печали сидела я здесь целыми днями)	Л—П № 70 «Я сидела либо день, либо два» — <i>почти полное совпадение</i>
13. Ein altes russisches Lied (Старинная русская песня)	«Netzchen, webe dich» (Плетись, сеточка)	Л—П № 125 «Заплетися плетень» — <i>почти полное совпадение</i>
14. Der Weidenbaum (Ива)	«Sag doch, mein Weidenbaum» (Скажи мне, моя ива)	Л—П № 25 «Ивушка, ивушка зеленая моя» — <i>почти полное совпадение, кроме баса и каданса</i>
15. An die Nachtigall (К соловью)	«Singe nicht, du junge Nachtigall» (Не пой, ты молодой соловушка)	Л—П № 6 «Не пой, не пой, мой младенькой соловейко» — <i>почти полное совпадение</i>
16. Wanka und Dunuschka (Ванька и Дуношкa)	«Dunuschka dir ist's gelungen» (Дуношкa, тебе удалось)	Не установлен

Таблица 1 (продолжение)

№ и название в сборнике	Зачин, первая строка или первый куплет	Русский печатный источник
17. Die Verlobung (Обручение)	«Mütterchen, sieh wie's dort im Felde staubt» (Матушка, смотри, как в поле пыльно)	Л—П № 114 «Матушка, что во поле пыльно» — <i>почти полное совпадение</i>
18. Der Abschied des zum Heer wandernden Jünglings von seiner Mutter (Прощание юноши с матерью перед военным походом)	«Nein, es ist nicht des Guckucks Ruf im finstern Tannenwald» (Нет, это не крик кукушки в темном ельнике)	Не установлен
19. Die singende Nachtigall (Поющий соловей)	«Lieblich ist und grün dieses Gärtchen hier» (Этот прекрасный зелен-сад)	Л—П № 5 «Как у ба-тюшки в зеленом саду» — <i>полное совпадение</i>
20. Eheliche Treue (Верность в браке)	«Auf die Wiese flog ein Täubchen himmelblau, azurblau» (На лужайку голубок прилетел небесно-голубой, лазурно-голубой)	Не установлен
21. Der liebende Jüngling (Влюбленный юноша)	«Tief im Thale blühet ein Musherbaum» (В глубокой долине цветет калина)	Л—П № 93 «При долинушке калинушка стоит» («Камаринская») — <i>почти полное совпадение</i>
22. Der Räuber (Разбойник)	«Sing' der Traurenden, sing' ihr Trost und Ruh, Sängerin der Luft Frühlingslerche du!» (Воспой, весенний жаворонок, воздушный певец, о своих печалях и утешениях)	Не установлен Вариант текста: Л—П № 33 «Ты воспой, воспой, млад жавороночик»
23. Der Mönch (Монах)	«Horch, da schleicht sie vor der Schwelle, ach, des Mönchs, des Armen Zelle» (Чу! Крадется она от порога, ах, бедной кельи монаха)	Г—Д № 12 «Как проходит дорогая мимо кельи» — <i>полное совпадение мелодии и база</i>
24. Geständniss der Liebe (Признание в любви)	«Kaum sah' ich dich, so lieb' ich dich» (Лишь увидел тебя, полюбил я тебя)	Не установлен

фактура аккомпанементов. В отдельных случаях (№ 19 — «Как у батюшки в зеленом саду», № 23 — «Как проходит дорогая...») совпадение с оригиналами полное. Прочие песни с образцами, опубликованными в сборниках, совпадают почти точно. Различия чаще всего касаются деталей, как правило, — усложнения фактуры аккомпанемента в сравнении с версией Прача (тем более — И. Герстенберга и Ф. Дитмара).⁴⁰

Две песни лишь частично сходны с ранее опубликованными образцами. Так, № 8 («Возле речки, возле мосту») — отдаленный вариант мелодии песни из сборника И. Герстенберга и Ф. Дитмара (*нотный пример* 3–5), а № 2 («Во лужях») лишь в некоторой степени аналогична публикации Львова—Прача. Запев здесь совершенно иной, но припев идентичен (*нотный пример* 1–2). Для семи песен (№ 1, 10, 16, 18, 20, 22, 24) печатных источников пока установить не удалось, хотя две из них (№ 1, 22) имеют явное сюжетное сходство с публикациями Львова—Прача (*нотные примеры* 6–8, 10–13).

Особенность сборника Доппельмайра, выгодно отличающая его от предшествующих изданий народных песен XVIII ст., — наличие комментариев к каждой песне сборника (краткой или развернутой характеристики ее сюжета, элементов обряда, с которым она связана, изредка — музыкальной специфики напева). Составитель делает примечания к некоторым словам и выражениям, встречающимся в заглавиях и текстах песен. Эти примечания (под литературными номерами и, как правило, с абзаца) включены в текст комментария к соответствующей песне, т. е. комментарии и примечания совмещены. Что касается содержания всех этих ремарок, следует признать, что для иностранных читателей и музыкантов они вполне оправданы.

Составитель не сомневается, что значительная часть песен (№ 1–3, 5–8, 11, 13, 14, 16–20, 22) относится к «старинным образцам» русского фольклора. Утверждая это, он в первую очередь исходит из своего понимания сюжета и характера напева:

«Уже одна только прекрасная оригинальная мелодия этой песни говорит о ее древности» (№ 1 «Скучно, матушка...»).

«Текст и мелодия, вероятно, старинные и исполнены поэтическим чувством» (№ 3 «По горам, по горам» — «Проводы»).

«Старая, весьма любимая русская народная песня, полная нежнейшего чувства любви, ставшая повсеместно любимой песней в своем отечестве» (№ 5 «Выйду ль я на реченьку»).

⁴⁰ Э. Гексельшнайдер не прав, основываясь, по-видимому, лишь на словах рецензента сборника, утверждая, что мелодии лишь изредка совпадают с русскими оригиналами, что они чаще всего искажены или совершенно иные (*Hexelschneider E. Die russische Volksdichtung in Deutschland bis zur Mitte der 19. Jahrhunderts. Berlin, 1967. S. 60*).

«Старая народная песня, полная доверительных, задумчивых мест, которые к концу приобретают патриотическое звучание»⁴¹ (№ 18 «Нет, это не крик кукушки в темном ельнике» — «Прощание юноши с матерью перед военным походом»).

«Простодушный, доверительный разговор влюбленной девушки с самой собой, просительное словечко (маленькая просьба), в котором она пытается объяснить своему отцу выбор ее сердца, и простая, незамысловатая и мягкая мелодия этой старинной русской народной песни сделали ее любимой песней целого народа» (№ 2 «Во лузях»).

«Старая и оригинальная национальная мелодия этой очень наивной песни, в которой молодой крестьянин поссорился и вновь помирился со своей возлюбленной, что свидетельствует о его возрасте. Дунюшка, Дашка [производны] от имени Доротея — это одно имя»⁴² (№ 16 «Ванька и Дунюшка»).

«Старинная народная баллада, полная силы и красоты, ее мелодия звучит меланхолично и очень доверительно» (№ 22 «Ты воспой, воспой, млад жавороночик»).

Также, доверяя лишь своей интуиции и отталкиваясь от сюжета, некоторые песни Доппельмайр называет «новыми», «поздними», или «песнями нового стиля»:

«Новая народная песня, мелодия которой не вполне соответствует истории, созданной пылкой фантазией автора» (№ 23 «Как проходит дорогая мимо кельи»).

«Вероятно, новая песня с прелестной мелодией, относящейся к „легкому“ стилю» (№ 24 «Лишь увидел тебя, полюбил я тебя»).

«Эта песня, вероятно, более поздняя, чем предыдущая и, в сущности, является северной идиллией. Ни одному современному поэту не было бы стыдно признать такое дитя своей музыки. Имя Ванька в России используется как сокращение от имени Иван (Иоганн)» (№ 9 «Ах деревня от деревни» — «Анька и Ванька»).

«Скорее всего, украинская веселая песенка нового стиля» (№ 4 «В темном лесе» — «Конопелька»).

В примечаниях Доппельмайра заметны и субъективность характеристик того либо иного сюжета, и желание истолковать большинство песен в лирическом ключе, не считаясь с тем, что далеко не для всех жанров приемлемы прямолинейные трактовки. Такой подход сомнителен в отношении плясовых и хороводных,

⁴¹ Имеется в виду текст последнего куплета: «Но — прощай, теперь я ухожу, / Твое благословение придаст мне мужество, / Моему Царю и Отечеству / Я буду верно служить / До последней капли крови» (полный текст см. после *нотного примера 10*).

⁴² Издатель ошибается, он перепутал имена Евдокия и Дарья. — *Примеч. переводчика.*

а также песен, близких к обрядовому фольклору. Некоторые песни составитель не только снабжает краткими пояснениями, но пишет о них небольшие «очерки». По содержанию они довольно причудливы, наивны, порой — ошибочны, и представляют исключительно историографический интерес — как суждения о специфике русской песни, высказанные более двух столетий назад иноязычным наблюдателем. Так, Доппельмайр предлагает довольно неожиданную трактовку сюжета песни № 17 («Матушка, что во поле пыльно» — «Обручение»). Текст ее (в форме диалога дочери и матери) сейчас хорошо известен благодаря авторскому исполнению таких певиц, как Надежда Обухова (1886—1961), Людмила Зыкина (1929—2009), Жанна Бичевская (1944 г. р.) и других, с напевами, как правило, отличными от первой публикации в сборнике Львова—Прача (№ 114) и сборнике Доппельмайра (*нотный пример 9*).

«В этой очень старой песне представлен разговор дочери с матерью, который старый плут-сочинитель зарисовал с натуры, потому как оба этих образа еще встречаются в нижних слоях народа. Он хотел, похоже, сочинить сатирическую песню о матери, которая выдает дочь за мужчину, которого та никогда не видела, не слышала о нем ни хорошего, ни плохого, и никто не спросил воли ее сердца. В этой сатире высмеиваются и мать, и дочь сразу. Первая — за то, что свою дочь она вырастила в самом потаенном углу дома (воспитание не может быть получено взаперти). А вторая — за то, что слушается глупых наставлений матери о неизвестных ей из-за ее застенчивости и глупости обязанностях, к которым она вскоре должна приступить, обязанностей замужней женщины, хозяйки дома, а со временем и матери. Речь этой русской матери пересыпана всяческими уменьшительными именами, которые всегда встречаются в разговоре матерей и дочерей, например — „мой прекрасный ясный свет“, „моя голубка“ и т. д. В конце песни представлено описание части свадебной церемонии.

„Принеси друзьям соль и хлеб“.⁴³ По древнему, но еще бытующему в России обычаю, человек, приезжая на место, где хочет на какое-то время остановиться, чтобы выразить уважение и по-

⁴³ Этой и последующих строк и еще двух куплетов в сборнике Львова—Прача нет. Возможно, они были в рукописи, которой пользовался Доппельмайр, либо присочинены им самим. В переводе на русский язык они выглядят так:

«„Доченька, принеси друзьям соль и хлеб, / Иди, голубка, иди скорее, / Принеси друзьям соль и хлеб“. // „Матушка, один загляделся на меня, / Спрячь меня, матушка, / Один загляделся на меня!“ // „Доченька, доставь ему это удовольствие, / Мое дорогое, золотое дитя, / Доставь ему это удовольствие“».

чтение или дружеские чувства, подносит в подарок каравай хлеба или иной выпечки с солонкой, полной соли. Путешествуя по своей стране, русские получают как раз такие домашние подарки. В русских городах, в которых они останавливаются лишь на короткое время, получают [хлеб и соль] в знак уважения и любви из рук старейшин. По мнению издателя, есть в этом обычае что-то сердечное, что словами объяснить получается довольно неуклюже: „Твой приезд для нас неожидан, но мы охотно разделим с тобой хлеб, а чтобы удовольствие твое стало еще более приятным, приправим его еще и солью“. Происходит этот обычай, разумеется, от гостеприимства старых почтенных русских, которые и по сей день дружелюбно держат открытыми для всякого двери больших домов и маленьких избушек.

„Смотри, со стены снимают икону старца / Ах, и благословляют меня ею“.⁴⁴ Благословение образом святого русской церкви — это церемония, когда на обручении отец и дед жениха, а затем невесты, молятся за обоих и как бы утверждают брак. С невестой в этой песне это происходит так быстро, что у нее просто нет времени спросить о значении этой совершенно неизвестной [ей] церемонии, в которой она — главное действующее лицо.

„Господь Бог с тобою...“⁴⁵

Это обычное пожелание родителей, по народной традиции, на церемонии обручения их детей».

Значительно больший интерес представляют комментарии Доппельмайра, содержащие описание семицкого обряда. Они сделаны как на основе собственных наблюдений (в каком регионе — неясно), так и со слов некоего «знатока русской жизни», к услугам которого составитель сборника прибежал неоднократно. Приведем тексты, комментирующие две хорошо известные нам песни. Это № 6 «Во поле береза стояла» (в сборнике она имеет название «Песня девушек накануне Семика») и № 7 «А мы просу сеяли, сеяли» («Диалог парней и девушек на празднике Семик»)⁴⁶.

⁴⁴ В оригинале: «Матушка, со стены образ снимают, / Матушка, меня благословляют» (Львов—Прач, № 114).

⁴⁵ В оригинале: «Дитятко, Господь Бог с тобою / Свет милое, Господь Бог с тобою» (Львов—Прач, № 114).

⁴⁶ Упоминание обеих песен в связи с семицкими обрядами, а также частичное сходство некоторых высказываний о них с соответствующим фрагментом текста из работы Матвея Гутри (Guthrie, Matthew, ?—1807), позволяет предположить, что Доппельмайр, либо те лица, которые ему помогали, были с ним знакомы. Правда, М. Гутри судит об обрядах с большей осторожностью, не впадая в излишнюю конкретизацию и домысливание (Guthrie M. Dissertations sur les antiquités de Russie. Saint-Pétersbourg, 1795. S. 68—73; русский перевод, сделанный около 1797 г., опубликован:

[№ 6] «Семик, аналогичный немецкому Saatfest, — праздник во время посевной. У крестьян по всей Руси это ежегодный народный праздник, чей возраст теряется во тьме глубокой древности. Этот праздник начинается каждый год в пятницу перед Троицей,⁴⁷ и сходятся девушки из каждой деревни. Под пение этой очень старой песни идут к ближайшему лесу и срезают там березки. По возвращении в деревню, самая красивая девушка деревни проходит с березкой мимо ее поющих товарок, а вечером того же дня девушки украшают [березки] лентами и цветочными венками. В субботу перед Троицей начинается первый торжественный и радостный день Семика. Девушки, в их лучших крестьянских нарядах, а некоторые — в цветочных венках, сначала собираются на зеленой площадке в середине деревни и устанавливают там украшенные березки. Затем они делятся на две равные группы, из которых одна должна изображать юношей. Они стоят друг напротив друга, поют попеременно [песню] № 7 и танцуют потом под пение других своих народных песен среди березок. (Удивительная по нашим дням скромность. На многих Семиках, в которых участвовал автор, он никогда не видел юношей в толпе весело танцующих девушек, хотя видел их крадущимися в некотором отдалении и подглядывающими за ними. Обычно желающие жениться соколы ищут невест между певичками на Семике).⁴⁸

Затем девушки уносят свои березки оттуда и заходят в каждый дом в деревне, чтобы повторить там свое поочередное пение и танец. Этот праздник длится два дня и заканчивается во второй день Троицы, но очень печально для нарядных березок. Несчастные деревья, вокруг которых прежде пели и танцевали девушки, лишаются своих украшений — цветочных венков и лент, их относят к ближайшей реке или озеру и бросают в воду. Кто не вспомнит в связи с этим обо все еще известном у нас майском дереве (Maienstecken) на Троицу в некоторых областях Германии, и танцах немецких молодых крестьян вокруг него,⁴⁹

Гутри М. О древностях русских // Маяк современного просвещения и образования. 1844. Т. 15. Кн. 29—30. С. 50—52).

⁴⁷ Здесь и далее у Доппельмайра серьезные расхождения в обозначении дней недели. Семик, как известно, — это седьмой *четверг* по Пасхе, который приходится на неделю перед Троицей (Пятидесятницей).

⁴⁸ Дело, скорее всего, не в «скромности парней», удивившей Доппельмайра, а в запрете лицам мужского пола являться на тайные девичьи игрища троиче-семицкого цикла. Такой запрет был известен и позднее (*Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX—начала XX в. М., 1979. С. 190).

⁴⁹ О майском дереве у разных народов см.: *Зеленин Д. К.* Майское дерево // Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.; Л., 1937. С. 61—72. (Труды ин-та антропологии, археологии, эт-

о празднике Григория или Wiesenfest у школьников на городских рынках во многих городах южной Германии?

Балалайка... балалайка — это цитра,⁵⁰ у которой только две струны, и это любимый инструмент русского народа. Три гудочка⁵¹ — это старые флейты Пана и новые флейты Папагено (Papageno's Pfeife),⁵² сиринга⁵³ древних народов и русская свирелька.⁵⁴

Встань ты, Седая борода... Так древнерусский поэт представляет себе зиму в образе старика с седой бородой, и потому зовет его „Седая борода“.⁵⁵ Певица в этой песне дает весне прелестные имена.

Любимый! Поэт дает здесь заметить, что старик с седой бородой (в северных областях России) влюблен в певицу, с которой он провел большую часть года. Ему не хочется ее покидать, и он с чрезвычайной приятностью пребывает у нее спящим и бездельничающим. Но береза снова стоит в поле *юная и зеленая*. Только она [певица] может наконец-то пробудить его от сна. Она делает это и прислуживает ему после его пробуждения, как гостю в доме, она готовит ему туалет, но не в обычной славной русской манере. Она подает ему воду из лужи, чтобы умыться. Седая бо-

нографии АН СССР. Т. 15. Вып. 2. Этнографическая серия 5); Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы, конец XIX—начало XX в.: Весенние праздники / Отв. ред. С. А. Токарев. М., 1977. С. 156—168, 354; Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды... С. 188—227; Протт В. Я. Русские аграрные праздники. СПб., 1995. С. 71, и др.

⁵⁰ Правильнее было бы говорить о лютне, так как у нее есть гриф. К цитре и инструментам цитровидной формы балалайка не имеет никакого отношения.

⁵¹ У Доппельмайра «Die drei Pfeifchen» буквально — «три ствола» или «три флейты», т. е., как и в русском тексте песни, «три гудочка». Гудки («гудочки»), как, впрочем, и весь текст этой песни, не следовало бы толковать слишком конкретно. Напомним, что в русской традиции гудком называли не духовой, а струнный инструмент. Создание (по тексту песни) из «прутчиков» не только «гудочков», но даже балалайки, вовсе не свидетельствует о принадлежности ее к группе аэрофонов.

⁵² Разновидность пан-флейт.

⁵³ Сиринга, или сиринкс, — одноствольная или многоствольная древнегреческая флейта (Герцман Е. В. Сиринкс // Музыкальная энциклопедия: В 6 т. М., 1981. Т. 5. Стб. 37).

⁵⁴ Что подразумевалось под свирелью, в данном контексте мало понятно. Так могли называть инструмент флейтового типа, состоящий из одного ствола, двух стволов (двойная свирель, или двойчатка), или многоствольный.

⁵⁵ Персонаж, обрисованный Доппельмайром, напоминает, скорее, Деда Мороза, а его отношения с Весной — сюжетный мотив из сказки о Снегурочке. Не исключено, что в этом комментарии именно сказка, а не этнографические данные послужили основой для всех дальнейших рассуждений составителя.

рода заслужил получить от нее чистую воду. Он, во время сна которого Север покрылся снегом, коей весна превратила в воду, а она в лужицах собралась перед его сеньями!

Не так (поет она) разбуду я любимого! С любовью спрашивает она его тихо: *Спишь ли ты еще, любимый? / Проснулся ты уже, душа моя!*⁵⁶

С нежностью она предлагает ему маленький подарок, из тех, что русская любящая крестьянская девушка-невеста обычно дарит своему жениху!

*И этот образок ему, чтоб молиться.*⁵⁷ К этим подаркам невесты своему жениху относится и образок святого Русской православной церкви, перед которой русские обычно совершают свою ежедневную молитву в глубоком благоговейном раздумье. Певица прислуживает весне совсем как своему любимому жениху по народному обычаю. То, что любящему ее старику вместо образка она предоставляет лопату, чтобы перед нею совершать свою утреннюю молитву, простительно ей, ибо так она убедительно хочет выразить свою ненависть».

[№ 7] «Преыдущая песня очень древняя, но и эта не менее, ведь относятся они к одному обряду. Хотя в преыдущем и следующем куплетах речь идет о рублях, что могло бы свидетельствовать против возраста этой песни, это лишь доказывает, что песня была осовременена и название старой денежной единицы было заменено на не такой уж древний рубль,⁵⁸ чтобы быть понятным современникам.

О, Дид и Ладо! Дид и Ладо — имена двух славянских божеств. Дид — это враг, а Ладо — друг любви у славян. Почему эти оба, в своих качествах настолько противоположные божества, в этой песне на веселом Заатфесте разом призываются, трудно догадаться. Возможно, к первому из них обращаются, чтобы отдалить его от празднующих юношей и девушек, а второго призывают, чтобы он с ними приятно провел время».⁵⁹

Вскоре после выхода сборника Доппельмайра из печати, в рецензии на него, опубликованной в «Allgemeine Literatur-Zeitung»

⁵⁶ В оригинале: «Встань ты мой милый проснися, / Лей ли, лей ли проснися, / Ты, душа моя, пробудися / Лей ли, лей ли пробудися» (Львов—Прач, № 62).

⁵⁷ В оригинале: «Вот тебе иконка, помолися» (Львов—Прач, № 62).

⁵⁸ Доппельмайр неправ, слово «рубль» в значении денежной единицы — достаточно старое. Согласно словарю М. Фасмера, оно известно по письменным источникам, по крайней мере, с 1316 г. (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М., 1987. Т. 3. С. 511).

⁵⁹ О песне см.: Земцовский И. И. «А мы просо сеяли»: Этюд об одной межславянской ритмоформуле // Musicologica Slovaca. Bratislava, 1978. Roč. 7. S. 35—53.

(«Всеобщая литературная газета») анонимный критик высказал аргументированные замечания.⁶⁰ Рецензент отметил: «почти во всех текстах песен не только утрачена первоначальная краткость простой, но сердечной речи, своеобразное настроение, но и в большинстве случаев утерян или искажен смысл».⁶¹ К такому выводу он пришел, сличив переводы двадцати песен,⁶² выполненные Доппельмайром, с русскими оригиналами. По мнению автора рецензии, комментарии составителя к песням «не содержат практически ничего, кроме произвольно вплетенных или выдуманных картин, или таких же произвольных сентиментальных тирад, которые на самом деле мало объясняют, а то и вовсе ничего».⁶³ Кроме того, рецензент указывает на отсутствие в подлинных русских песнях рифмы, а также регулярной межстрочной ритмики, чем пренебрег в своих переводах Доппельмайр. И наконец, критик ставит в вину составителю искажение мелодий ряда песен, в первую очередь тех, которые опубликованы в ранее изданных сборниках.

Если первые два замечания во многом справедливы, то с последним упреком трудно согласиться, если вспомнить о вариативной природе народного творчества. Именно вариативностью может быть объяснено частичное несовпадение текстов в публикации Доппельмайра и в сборнике Львова—Прача. Впрочем, составитель действительно вносил изменения и, как ему казалось, «улучшал» не только тексты, но и музыку, в первую очередь — аккомпанемент. Пока трудно сказать, насколько эти преобразования коснулись мелодий.

Еще в одном кратком отклике в газете «Ernst und Scherz» («В шутку и всерьез») «переводы Доппельмайра хвалили (правда, совершенно не зная русского языка) „за тонкое отражение настроения и изящества поэзии“, находили „наивными и добрыми“».⁶⁴ Обстоятельных рецензий на сборник Доппельмайра больше не появилось. Даже знаменитая «Allgemeine Musikalische Zeitung», выпускавшаяся тем же издательством Breitkopf und Härtel, что и труд Доппельмайра, кроме упомянутого уже сообщения о поступлении сборника в продажу, ни одним словом о нем не обмолви-

⁶⁰ Allgemeine Literatur-Zeitung. Jena; Leipzig, 1804. Bd. 1. № 76 (10 März). Sp. 601—604.

⁶¹ Там же. Sp. 601.

⁶² Нам удалось таких найти лишь 19 песен.

⁶³ Allgemeine Literatur-Zeitung. Sp. 603.

⁶⁴ Ernst und Scherz : ein Unterhaltungsbl. literar. u. artist. Inhalts. Berlin: Frölich, 1803. 12 November (№ 39). S. 155 (цит. по: *Hexelschneider E.* Die russische Volksdichtung in Deutschland bis zur Mitte der 19. Jahrhunderts. Berlin, 1967. S. 27). В этом же издании опубликованы были тексты двух русских песен в переводе Доппельмайра, вошедшие в его сборник под № 11 («Der Blumenkranz») и № 19 («Die singende Nachtigall»).

лась. Спустя десять лет (в июне 1813 г.) в этой газете было напечатано объявление о выходе из печати другого сборника русских народных песен, а позднее — и небольшой отклик на него.⁶⁵ По сути он стал вторым изданием доппельмайровского собрания, сокращенным и несколько переработанным.⁶⁶ Составил его некий Карл Клаге,⁶⁷ который аранжировал для пения с аккомпанементом гитары десять номеров (№ 2, 4, 5, 8—11, 15, 18, 24).

Благодаря переложению песен для такого популярного инструмента, как гитара, издание пользовалось большим успехом, чем его первоначальная версия, предназначавшаяся для пения с фортепиано. Спустя полгода, в феврале 1814 г., сборник в аранжировке К. Клаге потребовалось даже допечатать: и на обычной, и на пергаментной бумаге (в виде «подарочного издания», имевшего более высокую цену, вместо прежних 10 — уже 12 грошей).⁶⁸ Причина возросшего интереса к русской песне понятна. После разгрома и изгнания в конце 1812 г. армии Наполеона из России, русские войска участвовали в освободительном походе и боях на территории европейских государств: Австрии, Германии, Франции. Именно тогда у жителей этих стран появился заметный интерес к России, к русской культуре, искусству, в том числе и к народной песне. К ней, в частности, обратился Л. Бетховен (1770—1827), уделявший внимание русской песенности и ранее. В 1815—1816 гг. композитор подготовил к изданию сборник обработок народных напевов «Песни разных народов» («Lieder verschiedener Völker»), куда вошли три русские

⁶⁵ *Intelligenz-Blatt zur Allgemeinen Musikalischen Zeitung*. 1813. July (№ 7). Sp. 34 (Приложение к изданию: *Allgemeine Musikalische Zeitung*. 1813. 28 July, № 30).

⁶⁶ *Zehn Russische Volkslieder ins Deutsche übersetzt vom Russisch-Kaiserlichen Kollegienrath von Doppelmeier / Für die Guitarre und Gesang arrangirt von Carl Klage*. Berlin: Schlesingerschen Musikhandlung, [1813]. 15 s. Preis 10 Gr. (Десять русских народных песен, переведенных на немецкий язык российским императорским коллежским советником фон Доппельмайром с аранжировкой для гитары, выполненной Карлом Клаге... Цена 10 грошей). Это издание имеется в МЗ РГБ (W 6/219), а также существует в электронной форме на сайте MDZ = Münchener Digitalisierungszentrum. Digitale Bibliothek (Мюнхенский центр оцифровки. Цифровая библиотека. URL: http://www.digitale-sammlungen.de/index.html?c=sammlungen_kategorien&l=en).

⁶⁷ Карл Клаге (Carl Klage, 1788—1850) — композитор, автор многочисленных переложений для фортепиано в две и четыре руки симфонических, камерно-инструментальных и оперных сочинений музыкантов XVIII—первой половины XIX в. (И. Гайдна, В. Моцарта, Л. Бетховена, К. М. Вебера, Л. Керубини, Д. Мейербера и др.).

⁶⁸ *Intelligenz-Blatt zur Allgemeinen Musikalischen Zeitung*. 1814. Februar (№ 1). Sp. 2 (Приложение к изданию: *Allgemeine Musikalische Zeitung*. 1814. 2 Februar, № 5).

и одна украинская песни.⁶⁹ Был ли знаком Бетховен со сборником Доппельмайра или аранжировкой Клаге, неизвестно; содержащийся в них музыкальный материал ни в одном из сочинений композитора не выявлен. По-видимому, Бетховен предпочел заимствовать русские песни из оригинального источника: сборника Львова—Прача, получить который композитор мог благодаря своему доброму знакомому — российскому послу в Вене, графу Андрею Кирилловичу Разумовскому (1752—1836).

В сборнике Клаге представлен лишь только нотный и словесный текст десяти песен; все комментарии и примечания опущены. Клаге не только уменьшил состав сборника Доппельмайра более чем в два раза, но и сузил жанровый состав: оставил лирические, плясовые и хороводные песни, исключив песни обрядового содержания или близкие к ним (см. табл. 2). В рецензии на новую версию сборника (также анонимной) сказано: «Пусть, как и в песнях любого народа, там не так много новых слов и новых идей, их всегда будут с удовольствием исполнять за их простоту, сердечность, естественность и своеобразие. Несмотря на то, что г-н [фон] Д[оппельмайр] очень умело записал слова и мелодию, как минимум в двух номерах из этого сборника, а именно — в № 4 и 7, уже нет тех завораживающих оборотов, что рецензенту посчастливилось слышать самому из уст русских певцов, исполняющих эти песни. Как бы то ни было, он [Клаге] сделал отличную работу: вернул нам одно из уже было забытых сборников, показав при этом, что переложение для гитары определено оправдано, и на самом деле для таких песен этот инструмент предпочтительнее, чем фортепиано».⁷⁰

В первой половине XIX в. некоторые песни из сборника Доппельмайра, как и десять его же песен в аранжировке Клаге, изредка перепечатывались, включались в некоторые статьи⁷¹

⁶⁹ Фишман Н. Л. Предисловие // Бетховен Л. Песни разных народов для голоса в сопровождении скрипки, виолончели и фортепиано [WoO 158a]. М., 1959. С. 3—8; Кириллина Л. В. К истории «Русских квартетов» Бетховена // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2006. Т. 2. С. 161—172; Кириллина Л. В. Бетховен : Жизнь и творчество: В 2 т. / Моск. гос. консерватория им. П. И. Чайковского; Гос. ин-т искусствознания. М., 2009. Т. 2. С. 50—78.

⁷⁰ Allgemeine Musikalische Zeitung. 1814. 13 July (№ 28). Sp. 475—476. Предположительно автор рецензии — Иоганн Фридрих Рохлиц (Rochlitz, Johann Friedrich, 1769—1842) — главный редактор данного издания, интросовавшийся русской песней (*Hexelschneider E. Die russische Volksdichtung in Deutschland bis zur Mitte der 19. Jahrhunderts.* Berlin, 1967. S. 60).

⁷¹ Напев песни № 13 «Ein altes russisches Lied» («Netzchen, webe dich» — «Заплетися плетень») и № 24 «Geständniss der Lied» («Kaum sah' ich dich, so liebt' ich dich» — «Лишь увидел тебя, полюбил я тебя») перепечатаны в Приложении к названной выше статье (Russische Volksgesänge //

или в состав фольклорных изданий, например в славянские выпуски многотомного сборника обработок народных песен датского композитора и органиста Андреаса Берггрена (Andreas Peter Berggreen, 1801—1880).⁷² Однако о самом сборнике Доппельмайра очень скоро забыли. Российские фольклористы, похоже, вообще его не знали и не учитывали в обзорах публикаций народных песен. Пожалуй, лишь Е. В. Гиппиус имел представление о том, что песни из сборника Львова—Прача в сокращенном виде переводились на немецкий язык. Какое издание имел в виду ученый — сборник Доппельмайра или Клаге, — к сожалению, неясно.⁷³

Неизвестно, какие были песни в рукописном «собрании», которым пользовался Доппельмайр, но самому Доппельмайру нельзя отказать в наличии музыкально-эстетического чутья. Двадцать четыре русские народные песни, с которыми он знакомит немецких соотечественников, представляют почти все основные жанры, известные и популярные в то время в кругах городской интеллигенции. Это протяжные (лирические), плясовые, хороводные, «новые», т. е. «русские песни». Несколько песен несет отпечаток обрядовой культуры (свадьба и троице-семиц-

Musikalische Zeitung für die Österreichischen Staaten. Linz, 1812. 15 Oktober (№ 13). S. 99—101); напев песни № 4 «Das Hanfäckerchen» («Hab mein Aeckerchen wohl» — «В темном лес») (Allgemeine Musikalische Zeitung. 1814. 13 July (№ 28). Sp. 476); напев песни № 23 «Der Mönch» («Horch, da schleicht sie vor der Schwelle...») — «Как проходит дорогая мимо кельи») с английским вариантом текста и некоторыми изменениями композиции напева («Silly boy, 'tis full moon yet» // The Harmonicon. London, 1823. Part 2. № 46. P. 348). В английском заглавии указано: «A popular Russian song. From a German work, entitled *Russi[s]che Volkslieder*; adapted to English words <...> The poetry by Sir Walter Raleigh». Уолтер Рэли (1552/1554—1618) — английский придворный, государственный деятель, поэт и писатель времен Елизаветы I.

⁷² Первое издание: Folke-Sange og Melodier : fædrelandske og fremmede / Udsatte for Pianoforte ved A. P. Berggreen. Bind 1. Kjøbenhavn: C. A. Reitzels Forlag, 1842. Материал неоднократно перепечатывался в других сборниках А. П. Берггрена, выходявших под теми же заглавиями в разные годы (Slaviske Folke-Sange og Melodier, Russiske, Polske, Bohmiske, Mahriske, Slovakiske, med Ledsagelse af Pianoforte. Et Afsnit af den store Samling: «Folke-Sange og Melodier: fædrelandske og fremmede». 1—3 Bind / Ved. A. P. Berggreen. Kjøbenhavn, 1850; Folke-Sange og Melodier: fædrelandske og fremmede / Udsatte for pianoforte ved A. P. Berggreen. 1—4. Bind. Kjøbenhavn, 1855, и др.). Второе издание вышло в 8 выпусках: Folke-Sange og Melodier : fædrelandske og fremmede / Samlede og udsatte for Pianoforte af A. P. Berggreen. Anden udgave. Bind 8: Slaviske Folke-Sange og Melodier. Kjøbenhavn: C. A. Reitzels Forlag, 1868. Из сборников Доппельмайра и Клаге в него вошли лишь четыре русские песни (Там же. С. 209).

⁷³ Гиппиус Е. В. Обзор важнейших сборников музыкальных записей русских народных песен с 60-х годов XVIII в. до начала XX в. // Материалы и статьи : К 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса / Ред.-сост. Е. А. Дорохова, О. А. Пашина. М., 2003. С. 71.

Таблица 2

Кляге 1813	Доппельмайр 1803	Берггрен		Зачин по-немецки и по-русски в оригинале ⁷⁴
		1842	1868	
№ 1	№ 2 Das bittende Wörtchen	№ 13	—	Auf den Wiesen dort Во лугах
№ 2	№ 8 Die verlassene Geliebte	№ 2	№ 6a	An dem Strömchen bei der Brücke Возле речки, возле мосту
№ 3	№ 10 Bitte um Ge- genliebe	№ 3	—	<i>Meines Herzens Flammen- liebe</i> Пламенная любовь моего сердца
№ 4	№ 5 Das Mädchens Gang zum Ström- chen	№ 4	№ 8	Hin zum Strömchen will ich eilen Выйду ль я на реченьку
№ 5	№ 11 Der Blumenk- ranz	№ 1	—	Oi! Dort im Felde grünt. Oi! Dort im Felde grünt. Eine Linde grünt im Felde Ай, во поле липенька
№ 6	№ 15 An die Nachti- gall	№ 5	—	Singe nicht, du junge Nachtigall Не пой, не пой, мой младинькой соловейко
№ 7	№ 18 Der Abschied des zum Heer wandernden Jüng- lings von seiner Mutter	№ 14	№ 4	<i>Nein, es ist nicht des Guck- gucks Ruf im finstern Tan- nenwald</i> Нет, это не крик кукушки в темном ельнике
№ 8	№ 24 Geständniss der Liebe	№ 16	—	<i>Kaum sah` ich dich, so liebt` ich dich</i> Лишь увидел тебя, полюбил я тебя
№ 9	№ 4 Das Hanfäcker- chen	№ 6	№ 31	Hab mein Aeckerchen wohl und gut bestellt säte schö- nen Hanf auf mein kleines Feld В темном лесе («Лен»)
№ 10	№ 9 Annchen und Wanka	№ 15	—	Meines Herzens Flammen- liebe Ах, деревня от деревни

⁷⁴ Курсивом набраны зачины песен, оригиналы напевов которых и текстов на русском языке не установлены.

кий цикл). Будучи «миниатюрной фольклорной хрестоматией», подборка Доппельмайра предвещает появление некоторых сборников XIX ст. В первую очередь вспоминаются «100 русских народных песен» Н. А. Римского-Корсакова (1877), которые в немалой степени основаны на выборках из более ранних публикаций, в том числе и сборника Львова—Прача. Показательно, что ряд песен, опубликованных Доппельмайром (при том, что сборник в России не знали), стал классикой русского фольклора. До сих пор хорошо известны такие песни, как «Во лужях», «В темном лесе», «Выйду ль я на реченьку», «Во поле береза стояла», «А мы просу сеяли», «Возле речки, возле мосту», «Ай, во поле липенька», «Заплетися плетень», «При долинушке калинушка стоит» («Камаринская»).⁷⁵ Составитель тонко почувствовал (либо угадал) характерность интонационного строя и своеобразие сюжетов отобранных им образцов. Именно их он преподнес немецким читателям и слушателям в качестве национально-русского музыкального достояния.

НОТНЫЕ ПРИМЕРЫ

№ 1

Das bittende Wörtchen (№ 2)

Andante

Auf den Wie - sen dort, - hier am Sil - ber - teich grü - net

7
zar - tes Gras, der weich - sten Sei - de gleich, grü - net zar - tes Gras, der weich - sten Sei - de gleich.

⁷⁵ Многие из этих песен с немецкими текстами до сих пор популярны в Германии (*Вафеев Р. А.* Из истории двустороннего русско-немецкого двуязычия // *Вестник Югорского государственного университета.* 2009. Вып. 1 (12). С. 54).

№ 2
Во лужях, во лужях

Львов, Прач (1790, 1-е изд.) № 78

Allegro

Во лу - зях, во лу - зях, е - щё
во лу - зях, зе - лё - ны - их лу - зях, е - щё
во лу - зях, зе - лё - ны - их лу - зях.

№ 3
Die verlassene Geliebte (№ 8)

Andante

An dem Ström - chen bei der Brük - ke
grü - net zar - tes, wei - ches Gras.

9 **Allegro**

An dem Ström - chen bei der Brük - ke grü - net wei - ches Gras.

13 **Adagio**

An dem Ström - chen bei der Brük - ke grü - net wei - ches Gras.

№ 4 Возле речки, возле мосту

Allegretto Герценберг, Дитмар (1797) I № 2

Воз - ле реч - ки, воз - ле мос - ту,

5

воз - ле реч - ки, воз - ле мос - ту,

9

под - ле реч - ки, — под - ле мос - ту тра - ва рос - ла.

13

под - ле реч - ки, — под - ле мос - ту тра - ва рос - ла.

№ 5
Возле речки, возле мосту

Львов, Прач (1806, 2-е изд.) № 103

Allegretto

Воз - ле реч - ки, воз - ле мос - ту,

5

воз - ле реч - ки, воз - ле мос - ту,

9

воз - ле реч - ки, воз - ле мос - ту тра - ва рос - ла,

13

под - ле реч - ки, под - ле мос - ту тра - ва рос - ла.

№ 6
Sehnsucht der Geliebten (№ 1)

Andante molto

Oh - ne der Ge - lieb - ten Mut - ter - chen, ach wie seuf - zt das Mägd lein jung und zart!

7
trau - rig sieht sie, wie der Lenz er - scheint, wie sich al - les um sie liebt und paart.

Тоска по милому⁷⁶

1. Без любимого, матушка,
Ах, вздыхает девица молодая и нежная!
Печально смотрит она, как приходит весна,
Как все вокруг любит и сближается.
2. Но все печальнее влюбленная
И жалобнее вздыхает,
Потому что любимый надолго ее покинул,
И от любви она тоскует.
3. Мама, там, на высокой горе
Или на крыльце оставь меня стоять,
Дорогая, любимая мама! Потому что я должна,
Должна смотреть, не едет ли мой верный
возлюбленный.
4. Вдоль пустынной улицы шумит буря,
Трясется в буйной метели,
Только ее ярость
Не победит моей любви.

⁷⁶ Перевод этого и последующих текстов на русский язык с максимальным приближением к немецкому оригиналу выполнен музыковедом Н. С. Трифиновой.

5. Правда ли? Идет он, прекрасный сокол,
Да, это он, я узнаю его шаг!
Ха, его коричневое правое крыло спешит,
Спешит ко мне в двоеускоренном полете.

6. Взмахни только белым твоим платочком,
Да, я вижу тебя, моя любовь.
Ты к красоте девичьей
Спешу, и успокойся на моей груди.

№ 7 Bitte um Gegenliebe (№ 10)

Moderato

The musical score is for a piece in 3/4 time, key of B-flat major. It features a vocal line and a piano accompaniment. The piano part consists of a steady eighth-note accompaniment in the right hand and a more active eighth-note accompaniment in the left hand. The vocal line is in a soprano or alto range. The lyrics are in German. The score is divided into two systems. The first system contains measures 1-5, and the second system contains measures 6-9. Dynamics include piano (p), forte (f), and crescendo (cresc.).

Mei - nes Her - zens Flan - men - lie - be, Mäd - chen, mei - ne rei - nen. Trie - be, füh - le

sie! Wie ich dich, du hol - de Lie - be, liebt' ich nie.

Просьба о взаимной любви

1. Пламенная любовь моего сердца,
Девушка, чистый порыв,
Почувствуй его!
Как я тебя, чистую, люблю,
Я не любил никогда.

2. Когда я впервые увидел тебя,
Пожал твои белые ручки,
Я был твоим!
Добротель говорит в твоих глазах
Небесной чистотой.

3. Петушки, украшенные золотыми гребнями,
Играют на твоём переднике

И прижимаются к твоему сердцу с удовольствием,
Защищая твою мраморно-белую
Прекрасную грудь.

4. Ах, моя кровь начинает дымиться
Перед огненным взором
Черных орлиных глаз,
Каждая [ее] волна
Возвращается к сердцу горячей.

5. И я вижу округлые руки
Белые, как твои шелковые волосы.
Ах, кричу я, восхищенно и пылко:
«Что за женщина!»

6. Друг, [выйди] поговори со мной в моем саду,
Дай мне надежду дожидаться [тебя] этой ночью.
Но увы! Напрасно я
Там без сна ожидал.

7. Как, ты могла меня обмануть;
Притворяться, обманывать в любви
Коварное дитя,
[Ты] улетела обратно в деревню
Быстрее ветра.

8. Ха, тогда я нашел тебя, — со слезами
Плакал я пред тобою, глубокая печаль,
Жестокое сердце!
Но ты с немым взором смеялась
Над моей болью.

9. Неужели мой стон, неужели скорбь моя
Никогда не растопят твое холодное сердце
Для меня?
О, тогда погубишь ты меня
Напрасно.

10. Позволь всей моей жизни
Сплестись с твоею,
Милая!
Свяжи тогда своею нитью
Мой покой.

11. Дни нашей жизни должны
Среди любви, среди поцелуев
Весело бежать
Каждое утро тебя должны окружать
Цветочные венки.

12. Хочу, пока смерть не разлучит нас,
Пока любовь не закроет нам глаза,
Быть счастливым!
Прекрасная девица, милая, любимая,
Стань моею!

№ 8
Wanka und Dunuschka (№ 16)

Allegro

Du - nusch - ka, dir ist's ge - lun - gen, hast mich ar - men
gu - ten Jun - gen, fast in bö - sen Ruf ge - bracht.

Ванька и Дунюшка

1. Дунюшка, ты обманула,
Мне, бедному доброму юноше,
Чуть не сделала дурную славу.
2. Скажи, и я, подобно мышке
Ночью вокруг белого домика
Оставлю следы на белом снегу.
3. Скажи, что я, как неверный,
Неверен, подобно волку,
[Но] ты почти ничего не сказала.
4. И я должен тихо страдать?
Нет, я должен с тобой расстаться,
Дорогая Дашка, всего доброго!
5. Я хочу, не долго мучаясь,
Выбрать себе другую невесту,
Ты слышишь, Дунюшка?

6. Та, которой я вечно верен,
Не должна каждый вечер
По сто раз жаловаться на что-то.

7. «Так смотри, Ванька, вон живет Анька,
Девушка, стройная, как елочка,
Возьми ее вместо меня в жены!»

8. Не шути так горько, голубка!
Нет, лишь ты скоро станешь моей женушкой,
Другие мне не нужны.

№ 9 Die Verlobung (№ 17)

Moderato

Mut - ter - chen, sieh, wie's dort im Fel - de
staubt! Ach he - bes Mut - ter - chen, sieh, wie's dort im Fel - de staubt!

The musical score is for a piece titled 'Die Verlobung (№ 17)' in a moderate tempo. It features a vocal line and a piano accompaniment. The key signature has two flats (B-flat and E-flat), and the time signature is common time (C). The vocal line consists of two staves of music. The first staff contains the lyrics 'Mut - ter - chen, sieh, wie's dort im Fel - de' and the second staff contains 'staubt! Ach he - bes Mut - ter - chen, sieh, wie's dort im Fel - de staubt!'. The piano accompaniment is written for the right and left hands, with the right hand playing chords and the left hand playing a bass line.

Обручение

1. Матушка,
Смотри, как в поле пыльно,
Что это, матушка
Смотри, как там в поле пыльно!

2. «Доченька,
Кони играют там в песке,
Сердечная моя доченька,
Кони играют там в песке».

3. Матушка,
Гости идут на двор,
Ах, милая матушка,
Гости идут на двор.

4. «Доченька,
Пуškai идут, не бойся,
Мой прекрасный, ясный свет,
Пуškai идут, не бойся».

5. Матушка
Они уже на лестнице,
Я дрожу, не уходи!
Они уже на лестнице.

6. «Доченька,
Ничего не бойся, ты со мною,
Ты мое единственное утешение,
Ничего не бойся, ты со мною».

7. Матушка,
Все садятся за стол!
Ах, милая матушка,
Все садятся за стол!

8. «Доченька,
Принеси друзьям соль и хлеб,
Иди, голубка, иди скорее,
Принеси друзьям соль и хлеб».

9. Матушка,
Один загляделся на меня,
Спрячь меня, матушка,
Один загляделся на меня!

10. «Доченька,
Доставь ему это удовольствие,
Мое дорогое, золотое чадо,
Доставь ему это удовольствие».

11. Матушка,
Смотри, со стены снимают
Икону старца,
Ах – и благословляют меня ею!

12. «Доченька,
Господь Бог с тобою,
Милое, хорошее дитя,
Господь Бог с тобою!»

№ 10
Der Abschied des zum Heer wandernden Jünglings von seiner Mutter
(№ 18)

Andante sostenuto

Adagio

Прощание юноши с матерью перед военным походом

1. Нет, это не кукушки крик в темном бору,
 Это не соловьи наши жалобно поют надо мною.
2. Нет — то добрая мать рыдает,
 Это ее прощальный плач.
 Ах, она в последний раз
 Печально держит рукой
 Своего любимого, своего сына.
3. Скоро, — воскликнул юноша,
 Разлучит нас с тобою война!
 Еще одни глаза плачут обо мне,
 Не твои, мама?
 Нет, лишь твои оплакивают меня!
4. Ах, всякое несчастье я переносил легко,
 И все тяготы
 Переносил я, мама, переносил ради тебя!
 Но тебя покинуть —
 Это мне тяжело перенести!
5. Но — прощай, теперь я уйду,
 Твое благословение придаст мне мужество,
 Моему Царю и Отечеству
 Я буду верно служить
 До последней капли крови.

№ 11
Eheliche Treue (№ 20)

Andante

Auf die Wie - se flog ein Taub - chen him - mel - blau, a - zur - blau,
dort ver - lohr es von der Brust sei - ner Fe - dern schön - ste.

Верность в браке

1. На луг прилетел голубок
Небесно-голубого цвета,
Лазурно-голубой,
И потерял самое прекрасное перо
Из своей груди.
2. Глубоко в траве
Лежало перо
Совсем одно,
Как осиротелое,
И смотрело вслед ему,
Сизому голубку.
3. И голубок,
Потерявший его,
Призывал громко,
Громко его.
И его, прекрасного, призывало оно,
[Того], который потерял его
4. Ярость и любовь
Заставили его, молодого,
Посреди ночи
Покинуть дом,
Где его любимая, вздыхая,
Ожидает супруга.

5. «Спишь ли ты? — крикнул он, —
Отцовская выносливость
Спасла меня,
Встань и кинься
В объятия твоего верного!»

6. «В ком я верность восхваляю,
Дремлет здесь, возле меня,
Теперь забудь, что я когда-то,
Юноша, хотела быть твоею».

7. Забыть тебя!
Нет, ныне я клянусь
Учинить разбойнику
Кровавую расправу!
Услышь вопль отчаяния —
Сегодня он умрет!

8. Смелый юноша,
Тот, кого я любила,
Покинул меня,
Покинул меня,
Я не люблю его,
Но я ему верна.

№ 12 Der Räuber (№ 22)

Andante

Sing der Trau - ren - den, sing! ihr Trost und Ruh,

Sän - ge - rin der Luft — Früh - lings - ler - che du!

5

p

fz

The image shows a musical score for a piece titled 'Der Räuber (№ 22)'. It is marked 'Andante' and is in a key signature of three flats (B-flat, E-flat, A-flat) and a common time signature (C). The score is written for voice and piano. The first system contains the vocal line and piano accompaniment for the first two lines of lyrics. The second system starts at measure 5 and contains the vocal line and piano accompaniment for the next two lines of lyrics. The piano part features a steady eighth-note accompaniment in the right hand and a more active bass line in the left hand. Dynamics include piano (*p*) and fortissimo (*fz*).

Разбойник

1. Воспой печали,
Воспой утешение и покой,
О ты, воздушный певец,
Весенний жаворонок.
2. Ах, этот юноша, который
Плачет в темнице,
Был гордостью девушки,
Был другом девушки.
3. Причитая, пишет он
Один лишь год
Это коротенькое письмо
Своим родителям.
4. И ты донесешь его,
Жаворонок, мокрое от слез,
Его отцу, опирающемуся на посох
И хрипящему.⁷⁷
5. Отец, напиши ему,
На твое любящее сердце
Перейдет полная раскаяния
Сыновняя боль!
6. Отец, услышь меня,
[Взывающего] из тюремного склепа!
Это твой сын,
Прозящий о сострадании!
7. Оковы тяжелы,
Тяжко руке преступника,
Его злодеяние
Тебе уже известно.
8. Спаси, спаси его,
Которому страшно в темнице,
Чью жизнь уже подтачивает⁷⁸
Бледная смерть.
9. Спаси, мать, его,
Своего единственного [сына],⁷⁹
Которому ты, добрая,
Всегда была подругой!

⁷⁷ Дословно: хрипящему на посохе. — *Примеч. переводчика.*

⁷⁸ Дословно: сгрызает. — *Примеч. переводчика.*

⁷⁹ Дословно: единственного, рожденного тобой. — *Примеч. переводчика.*

10. Отец, мать, услышьте,
Услышьте мой испуганный вопль,
Дайте выкуп,
И я стану свободным!

11. Но отец воскликнул:
«Свершилась справедливость!
Ты не сын мне,
Ты позор моего рода.

12. Разбойника — нет!
Я не рождал,
И жена моя
Не вскармливала вора.

13. Был бы ты сыном моим,
Горе тебе, злодей!
Терпел бы удары
Бича».

14. Воспой печали,
Воспой утешение и покой,
О ты, воздушный певец,
Весенний жаворонок.

15. Ах, этот юноша, который
Плачет в темнице,
Был гордостью девушки,
Был другом девушки.

16. Второе письмо
Пишет он своей невесте,
Потоки его слез
Текут к ней.

17. И ты принесешь ей,
Жаворонок, это письмо,
Ах, бедной ей,
Которая так спокойно спала.

18. «Дорогая, — писал он ей,
Брось, презирай меня,
Меня, свернувшего
С тропы добродетели.

19. Ныне влачат ноги мои
Позор тяжких оков,
Боже, ах, до могилы
Со мной вина моя.

20. Ах, ты ждала меня,
И ждала напрасно,
Я погубил себя
Своим воровством!

21. Оттолкни от груди своей,
Оттолкни любимого,
Сжался лишь
Над умоляющим!

22. Ты исполняешь
Волю моего отца,
Потому что суровый этот человек
Не внемлет моей мольбе.

23. Милостивейшая!
Мои оковы пали,
Ты, исполненная сочувствием,
Заплатила выкуп!»

24. И девушка воскликнула:
«Да, я спасла тебя!
Добрая нянька, приди,
Спаси его и меня!

25. Возьми ключи, —
Сказала она мягко и нежно, —
Ради счастья юноши
Я отдам все свое золото.

26. Отдам браслет и кольцо,
Чтобы спасти его,
Слыша, как он плачет,
Я должна спасти его!»

27. Бедное, бедное сердце,
Которому чуждо все грешное,
Говори себе чаще:
«Он был, ах, он был Твоим Другом!»

№ 13
Geständniss der Liebe (№ 24)

Andante un poco

Kaum sah' ich dich, so liebt ich dich, zu dei - nem

6

1. Schla - ven weih't ich mich. 2) An lebt in mir.

f

p

p

Schluss des letzten Verses

Исповедь любви

1. Лишь увидел тебя, полюбил я тебя,
Твоим рабом хотел бы быть
2. Под взглядом твоим я скорее согласился бы исчезнуть,
Чем признаться в моей любви.
3. Для князей и для нищих одинаково
Любовь — это цветочная лента.
4. Лишь имени твоего достаточно
Чтобы сердце мое не устояло.
5. Да будет молния и поразит меня,
Для меня радость возможна лишь в могиле!
6. Ибо, ах! Мое сердце, оно боится
И не признается, что я люблю тебя!
7. И боль моего последнего стога
Выразит мои любовные страдания.
8. Она прошепчет: «Ах, как он любил тебя,
Его сердце было верно до самой смерти».
9. О, летите, мысли, к ней,
Скажите, что та, которую любил, жива во мне!

МАРКОВСКИЙ ПЕСЕННИК

Публикация и комментарии Т. С. Шенталинской

Чистый случай сохранил эту ценную рукопись. Она оказалась в ворохе бумаг, продававшихся старьевщиком в послевоенном Харбине на вес, как макулатура.

На титульном листе тетрадки обозначены: название — «Марковский песенник», место — «Село Марково в Анадырской округе»¹ — это центральная Чукотка, среднее течение реки Анадырь, время — «1896 года июня 9 дня» и имя составителя — «Чуванец Афанасий Дьячков».²

Ворох макулатуры оказался архивом бывшего начальника Анадырской округи Николая Львовича Гондатти, умершего в Харбине. Приобрел и спас эти бумаги большой любитель книг и рукописей И. Г. Гетманов, который в свою очередь передал материалы, относящиеся к Анадырскому краю, будущему научному сотруднику Ленинградской части Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР³ будущему доктору исторических наук Владимиру Сергеевичу Старикову, вернувшемуся из Харбина на родину и вернувшему на родину бесценный архив.⁴ В этом архиве и был обнаружен «Марковский песенник». В настоящее время рукопись хранится в Музейном

¹ Село Марково к середине XIX в. стало центром анклава русского языка и фольклора на Чукотке. Особенностью этого анклава является то, что он существует в среде метисов, живущих в метрополии своих предков по материнской линии.

² Чуванцы — народ в Российской Федерации, восточная ветвь племени юкагиров.

³ Ныне Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

⁴ *Стариков В. С.* К биографии Афанасия Ермиловича Дьячкова, первого марковского краеведа самородка // Записки Чукотского краеведческого музея. Магадан, 1961. С. 99—100.

центре «Наследие Чукотки» (г. Анадырь), где публикатору была предоставлена возможность получить ее ксерокопию.

Тетрадь содержит 42 песенных текста. Они сгруппированы в четырех разделах по жанрам, коим даны определения:

А. *Песни игровыя* — это 21 песня.⁵

Б. *Песни заунывные и любовные* — 8 песен.

В. *Виноградие*⁶ песни — 3 песни.

Г. *Свадебные песни* — 10 песен.

Виноградья и свадебные песни составитель счел необходимым снабдить ссылками и ремарками-комментариями об их месте по ходу обряда.

Игровыми Дьячков назвал все *хороводные и плясовые* песни. Среди них есть *троицкий хоровод* («Ах ты, венчик, мой веночек»), песня, во многих местах Сибири, как и в Маркове, ставшая вечерочной; *хороводно-игровые*, с разыгрыванием сюжета в соответствии со словами песни (№ 1, 2, 7, 8, 10, 12, 15, 19);⁷ *фигурный хоровод* («Заплетайся, плетень, завивайся»); *плясовые*⁸ (№ 3, 4, 5, 6, 9, 10, 14, 17, 18). Почти половина из них — «поцелуйные», заканчиваются поцелуем пар (№ 1, 3, 4, 5, 7, 10, 11, 14).

В общем, это все — хрестоматийная классика хороводного и плясового жанра,⁹ довольно полно сохранявшаяся в памяти марковских старожилов до последних десятилетий прошлого

⁵ Общее количество не совпадает с авторской нумерацией. Так первая песня «Венчик», названная Дьячковым «игровой», помещена перед самим разделом игровых, и их нумерация начинается со второй — «Я хожу, хожу кругом города». Кроме того, две песни объединены под одним номером, так как по традиции они следовали одна за другой, составляя хороводную сюиту: «Заплетайся плетень» и «Вы раздайтесь, расступитесь, добрые люди». Таким образом, в разделе игровых автором пронумерованы 19 песен.

⁶ Предпоследняя буква написана с исправлением: то ли «н» исправлено на «и», то ли наоборот. Мы посчитали, что «виноградие» звучит, в данном случае, более достоверно, чем «виноградне».

⁷ Нумерация указана по Дьячкову.

⁸ Здесь жанровое определение дано на основании свидетельства местных жителей в 60-е и 80-е годы прошлого века о бытовании этих песен в качестве таковых.

⁹ Некоторые образцы известны еще по сборникам XVIII в. «Заплетися плетень» (Чулков М. Д. Собрание разных песен. СПб., 1773 г. Ч. 3, с прибавлениями. Прибавления, № 88); [Львов Н. А., Прач И.] Собрание народных русских песен с их голосами на музыку положил Иван Прач. СПб., 1790. № 87), «Вы раздайтесь, расступитесь, добрые люди» (Чулков М. Д. Собрание разных песен. СПб., 1770. Ч. 1. № 174; Трутовский В. Ф. Собрание русских простых песен с нотами. СПб., 1776. Ч. 1. № 8); [Львов Н. А., Прач И.] Собрание народных русских песен... № 71; «Плыла лебедь» («Ах! по морю») (Чулков М. Д. Новое и полное собрание российских песен. Ч. 4. 1780. № 187); Трутовский В. Ф. Собрание русских простых песен с нотами. 1776. Ч. 1. № 18; [Львов Н. А., Прач И.] Собрание народных русских песен

века. В Маркове, в середине 1960-х гг., когда автор публикации впервые туда приехала, все эти песни принято было называть вечерочными, по их бытовой приуроченности, а плясовые еще и «вертятьими» (вертячьими), по излюбленному кружению пар под эти песни. Но в материалах американской, так называемой Джезуповской экспедиции (The Jesup North Pacific Expedition), которая производила фонографические записи на Анадыре в 1900—1901 гг.,¹⁰ спустя четыре года после составления «Марковского песенника», эти песни тоже названы «игровыми».¹¹ Следовательно, это было традиционное местное определение жанра, со временем утраченное.

Две песни — «Заплетайся плетень» и «Вы раздайтесь, расступитесь, добрые люди» — не случайно помещены Дьячковым под одним номером. Это часть сюиты из хороводных и плясовых песен, исполнявшихся одна за другой на вечерках и в Маркове, и в колымских селениях.¹² В репертуаре самодельного фольклорного хора «Марковские вечерки» утвердился цикл из трех песен, первая из которых «Ай во поле травонька» (так же как и в колымской записи В. Г. Богораза, но отсутствующая в «Песеннике» Дьячкова), вторая — «Заплетайся плетень» в более полном варианте, с «расплетанием плетня», и третья — «Вы раздайтесь, расступитесь...». Интересно, что спустя более 60 лет после составления «Песенника», от активной участницы хора «Марковские вечерки» А. П. Никулиной (1902 г. р.) этот цикл был зафиксирован точно в такой же комбинации, как у Дьячкова.¹³

с их голосами, положенных на музыку Иваном Прачем, вновь изданное с прибавлением к оным второй части. СПб., 1806. Ч. 2. № 6).

¹⁰ См.: Шенталинская Т. С. «Не прошло и ста лет...»: Фонографические записи русского фольклора американской Северо-Тихоокеанской экспедиции // Живая старина. 1999. № 2. С. 31—34; Якубовская Е. И. Традиционный фольклор русского населения Анадыря и Колымы в записи В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона // Русский фольклор. СПб., 2008. Вып. 33. С. 181—246; Якубовская Е. И. Русский фольклор и христовские песнопения на Анадыре и Колыме в записи В. Г. Богораза, В. И. Иохельсона и Я. Строжецкого (1900—1903 гг.) // Русский фольклор. СПб., 2012. Вып. 36. С. 332—433.

¹¹ Якубовская Е. И. Русский фольклор и христовские песнопения на Анадыре... С. 427.

¹² См.: Областной словарь колымского русского наречия / Собрал на месте и составил В. Г. Богораз. СПб., 1901. № 24 (Отдельный оттиск из Сборника Отд-ния рус. яз. и словесности имп. АН. СПб., Т. 68. № 4); Шенталинская Т. С. Марковские вечерки. Магадан, 1983. С. 34; Якубовская Е. И. Русский фольклор и христовские песнопения на Анадыре... С. 427—428.

¹³ Запись 1962 г., сделанная уроженцем с. Маркова, краеведом Э. Гунченко, хранится в архиве марковского Дома культуры.

Конечно, ценны тексты, не столь уж распространенных *виноградий*. Среди них — два традиционных семейных благопожелания: одно с мотивом «Семья в достатке»,¹⁴ второе — с мотивом «Одаривание хозяев» и третье — историческая песня об отравлении Скопина Шуйского с «виноградным» припевом. Ее пели как на Анадыре, так и на Колыме, при рождественском обходе домов. Пели, уже войдя в избу, по приглашению хозяина, о чем свидетельствует и комментарий составителя. Как известно, в этой же функции, то есть рождественского винограда, песня о смерти Скопина бытовала на Русском Севере,¹⁵ и, судя по всему, это одна из старейших русских песен, принесенная на Анадырь первопроходцами, пришедшими из Велико-Устюжских земель.

Эта историческая песня была опубликована еще в XVIII в. в первом печатном сборнике русских песен М. Д. Чулкова.¹⁶ Песня о подвигах Михайла Скопина — «обережателя миру крещеному, и всей нашей земли светорусския» и о его трагической гибели вошла и в рукописный сборник XVIII в. Кириши Данилова.¹⁷

Заунывными и любовными Дьячков назвал *лирические песни*, среди которых также классика жанра: «Лучинушка», «Угрюмая жена»,¹⁸ «Заря занималась, солнце выкаталось» — солдатская о прощании с полком-хатерушкой-хозяюшкой и, тоже классика жанра, но уже более позднего слоя: городская — «Вечёр был я на улице, на дворе»,¹⁹ песни литературного происхождения, такие как «Матушка да голубушка» («грезится, будто наяву, будто мой миленький в горенку зашел»), «Снежки белые, пушисты».²⁰

¹⁴ Определение Ю. И. Смирнова. См.: *Смирнов Ю. И.* Колымское винограде // Русский фольклор Сибири. Элементы архитектоники : Сборник научных трудов СО Академии наук СССР. Новосибирск, 1990. С. 7.

¹⁵ См. *Бернштам Т. А., Лапин В. А.* Винограде — песня и обряд / Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 24, 25, 29, 81, 85.

¹⁶ *Чулков М. Д.* Собрание разных песен. Ч. 3. № 159.

¹⁷ [*Кириша Данилов.*] Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым и вторично изданные с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева. М., 1818. № 27.

¹⁸ Зачин этой песни: «Сказали про молодца, будто без вести пропал» известен еще по сборнику Трутовского: *Трутовский В. Ф.* Собрание русских простых песен с нотами. № 60.

¹⁹ Эта песня, начинающаяся со слов «Получил письмо от девушки сейчас», опубликована в сборнике: [*Львов Н. А., Прач И.*] Собрание народных русских песен... 1806. Ч. 1. № 9.

²⁰ Фольклор Русского Устья / Отв. ред. С. Н. Азбелев, Н. А. Мещерский. Л., 1986. С. 326; Песни Пинежья : Материалы Фонограммархива, собранные и разработанные Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд. Кн. 2. М., 1937. С. 393—395; *Новикова А. М.* Русская поэзия XVIII—первой половины XIX в. и народная песня : Учеб. пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит». М., 1982. С. 48—50.

Из 8 лирических песен 4 не записывались в Маркове больше никем и таким образом пополняют наименее известную часть марковского песенного фольклора. Это песни: «Спой, соловей, ну пропой, молодой», «Вечёр был я на улице, на дворе», «Заря занималась, солнце выкаталось», «Что ты, сокол мой, да не весел».

Особую значимость представляют *свадебные* песни. Эти 10 текстов — от «девишника» до «свадебного обеда» — восполняют лакуну в фиксации традиционного местного репертуара, так как свадебные песни были утрачены в памяти марковцев вместе с разрушением самого обряда. Две сохранились, перейдя в репертуар вечеров, — «Гуляла, погуливала наша гордая боярыня» («По сеням было сенечкам»)²¹ и «Как у голубя». Последняя (по традиционным мотивам — величальная) в памяти некоторых марковских женщин осталась как приуроченная к свадьбе, ее пели, когда невесте расплетали косу.²² Вместе с тем традиция петь эту песню на вечерках, по-видимому, сложилась уже давно. Ведь и в песеннике Дьячкова она помещена в раздел *игровых*, и на Колыме в 90-е годы XIX в. была зафиксирована в качестве таковой.²³ Фонографические записи свадебных песен, сделанные в Маркове в 1900—1901 гг., когда там работала Анадырская партия американской Дрезуповской экспедиции, пока не поддались расшифровке из-за дефектов звучания, а возможно, и непоправимо утрачены из-за состояния восковых валиков, с которых снимались копии. Доступной для восприятия оказалась та же «По сеням было сенечкам», которая теперь уже расшифрована и опубликована Е. И. Якубовской.²⁴

8 свадебных песен из 10 совпадают с записями Богораз на Колыме (табл. 1 в Приложении), что говорит о едином источнике этого свадебного цикла на Колыме и Анадыре, источнике, который еще предстоит найти. Варианты трех марковских свадебных песен — «NN по двору ходила, по двору гуляла», «Семена були сахарные» и «NN выходила на крыльцо», — бытовали и были записаны на Индигирке.²⁵ В трех других свадебных индигир-

²¹ Шенталинская Т. С. Марковские вечерки. С. 22, 35.

²² Там же. С. 21, 35.

²³ Областной словарь колымского русского наречия. № 13. В. В. Богораз описывает действие, которое совершали под пение песни «Гойубь» (колымское произношение), действие для традиционных «проходочных» вечерочных песен: «При разыгрывании в каждой резе участвуют две пары, которые ходят на встречу друг другу, взявшись за руки, и при последних строках здороваются, т. е. целуются. Резы повторяются, пока все участники хоровода не исполнят своей очереди» (Там же. С. 202).

²⁴ Якубовская Е. И. Русский фольклор и христовластные песнопения на Анадыре... № 26.

²⁵ Фольклор Русского Устья. С. 187, 190, 197.

ских песнях звучат сходные с марковскими мотивы.²⁶ Следует напомнить, что две из свадебных песен, бытовавших в Маркове, № 1 и 9 из «Песенника», также известны по сборникам XVIII в.²⁷ Несомненно, свадебный цикл, сохраненный для нас Афанасием Дьячковым, так же как и винограды, принадлежит к старшему «пласту» местной песенной традиции.

Если чистый случай сохранил рукопись «Марковского песенника», то само появление его вообще чудесно, потому что связано с чудом личности его составителя.

Афанасий Ермилович Дьячков (1840—1907) — личность совершенно уникальная. В масштабах Чукотки, а может быть, и всего северо-востока Сибири, можно сказать — свой «Ломоносов». Его по праву называют «чукотским просветителем».

Он подписывает свою рукопись — «*Чуванец Афанасий Дьячков*» и действительно принадлежал к чуванскому обществу жителей Маркова. Но однозначно определять национальное происхождение марковцев не представляется возможным. Показательна родословная Афанасия Ермиловича Дьяčkова.²⁸ Выясняется, что прапрадед его — «природный коряк», как называет его Афанасий Дьячков. Он был взят в аманаты (заложники до уплаты долга-ясака) в Гижигинский острог,²⁹ там он крестился и получил русское имя Никифор и фамилию Дьячков и уже не вернулся к родичам. Так вот этот «природный коряк» женился «на чуванской девице»; их сын «перешел в Колыму, где женился на якутской девице»; средний сын этой пары «женился на чуванской девице»; в свою очередь у их старшего сына Ермила и его жены — «омотской девицы» родился Афанасий Ермилович «по званию чуванец». Так заканчивает свою родословную сам Дьячков в написанной им краткой автобиографии.³⁰ А родился А. Е. Дьячков, как вычислил автор написанной о нем повести Николай Жихарев, в 1840 году.³¹

²⁶ Фольклор Русского Устья. № 187—190, 196, 197, 204.

²⁷ Песня «NN по двору ходила» (№ 1): Чулков М. Д. Собрание разных песен. Ч. 3. Прибавления, № 27; [Львов Н. А., Прач И.] Собрание народных русских песен... 1806. Ч. 2. № 2. Песня «Гуляла, погуливала наша гордая боярinya» (№ 9): Чулков М. Д. Собрание разных песен... Ч. 1. № 154.

²⁸ Некоторые подробности жизни Дьяčkова стали известны из написанного им самим краткого жизнеописания, см.: Стариков В. С. К биографии Афанасия Ермиловича Дьяčkова, первого марковского краеведа самородка: Записки Чукотского краеведческого музея. Магадан, 1961. С. 98—101.

²⁹ Основан в 1753 г. на р. Гижиге, в 25 верстах от места впадения ее в Гижигинскую губу Охотского моря с целью усмирения непокорных коряков.

³⁰ Стариков В. С. К биографии Афанасия Ермиловича Дьяčkова... С. 99.

³¹ Жихарев Н. А. Повесть об Афанасии Дьяčkове. А. Е. Дьячков. Анадырский край. Магадан, 1992. С. 15, 17.

Дотошливая любознательность, тяга к знаниям росли вместе с мальчиком, и отец даже купил ему на ярмарке в Маркове за шкурку лисицы-огневки две книжки: «Евангелие» и «Записки Сибирского одеда Императорского русского географического общества», казалось бы, совсем не нужные в семье безграмотных промысловиков. Но Афанасий стал искать возможность научиться читать. И начал учиться... лишь в 21 год (как опять же вычислил Н. Жихарев). Учился у малограмотного колымского мещанина, занимавшегося торговлей на Анадыре.³²

«Когда же Афанасий стал достаточно почитать книжки, ему захотелось учиться письму, — так пишет Дьячков в автобиографии, говоря о себе в третьем лице и называя по имени. — Письму научиться еще труднее, чем читать. Надо бумагу, чернила и карандаш, где же их взять... в Марково не было таких вещей... Афанасий стал писать сперва-наперво на ледяных окнах. Потом стал писать заостренной свинцовою палочкой на тонко драной бересте».³³

И вот результаты: марковский священник о. Митрофан Шипицын стал приглашать Афанасия читать в церкви во время богослужения. А когда в 1883 г. по распоряжению епархиального начальства открыта была в Маркове школа, отец Митрофан обратился к Афанасию с предложением учить в школе детей хотя бы тому, что знает сам. Итак он становится первым учителем, и на многие годы единственным, в первой школе на Чукотке. А начальник Анадырского округа — Леонид Францевич Гриневецкий³⁴ поручает Дьячкову вести метеонаблюдения, учит его снимать показания с приборов, установленных на оборудованном метеорологическом пункте.

Затем Гриневецкий доверил и поручил Афанасию Ермиловичу написание краеведческого очерка. Он сам должен был писать обстоятельный научный отчет об Анадырской округе и собирал нужные сведения о географии, животном мире, о населении. Очевидно, он получал удовлетворяющие ответы на свои вопросы от школьного учителя. Но, не прослужив и года на Анадыре, Гриневецкий смертельно заболел и, чувствуя близкий конец, переложил задачу описания Анадырской округи на Дьячкова. Он не ошибся в своем выборе и доверии.

Гриневецкий передал в помощь Дьячкову составленную им «Общую схему очерка», в которой были обозначены главы:

1. Географическое описание края.
2. Животный мир.

³² Там же. С. 17.

³³ *Стариков В. С.* К биографии Афанасия Ермиловича Дьячкова... С. 99—100.

³⁴ Л. Ф. Гриневецкий прожил в Маркове с лета 1890 г. по лето 1891 г.

3. Население.
4. Промыслы.
5. Быт населения.
6. Торговля.

Вот тут-то и пригодилась купленная когда-то отцом книжка — «Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества». В качестве примера она помогла Дьячкову приступить к написанию своего краеведческого очерка.³⁵ Помогло и то, что, несмотря на свою малограмотность, учитель на протяжении многих лет вел дневник, составлял тексты для чтения учеников, которые включали рассказы о природе края, растительном и животном мире, о народах Чукотки, сказки, случаи из жизни анадырцев.³⁶

Поражает и восхищает, как быстро, как содержательно был исполнен уникальный труд: 4 месяца (1891 г.). И это на фоне занятости работой в школе, на метеопункте, тяжелейших хозяйственных забот северного быта!

В 1893 г. в Записках Общества изучения Амурского края во Владивостоке выходит очерк «Анадырский край. Рукопись жителя села Марково г. Дьячкова».³⁷

Содержание заданных глав автор наполняет массой фактических данных с цифрами, таблицами, приводит исторические сведения, топонимику обширной территории, в некоторых случаях с попыткой этимологического анализа, демонстрирует социальный состав жителей и устройство общества, сообщает уникальные этнографические сведения о хозяйственно-бытовых и культурных традициях полиэтничного местного населения, описывает многие обычаи и обряды, дает описание музыкальных инструментов, а также включает в повествование фольклорные тексты, в том числе мифы, сказки, предания, поверья, былички, анекдоты. Мы можем констатировать, что самые ранние записи фольклора марковцев принадлежат Афанасию Ермиловичу Дьячкову.

За этот труд — очерк «Анадырский край» — Дьячков был удостоен серебряной медали Императорского русского географического общества (1895).

Медаль — медалью, а жизнь — жизнью. Бывали периоды, когда годами учитель работал бесплатно, бесплатно работал и на метеопункте.

«Вот уже четвертый год школа ничего не получает, — писал анадырский начальник епископу Камчатскому, Курильскому

³⁵ Жихарев Н. А. Повесть... С. 32, 108.

³⁶ Там же. С. 106.

³⁷ Анадырский край : Рукопись жителя села Марково г. Дьячкова / С предисл. Ф. Ф. Буссе // Записки Общества изучения Амурского края. Владивосток, 1893. Т. 2. Переиздана: Жихарев Н. А. Повесть...

и Благовещенскому Макарию. — Не на что приобрести пособия, нет возможности дать хотя бы 50—60 рублей в год местному учителю из оседлых чуванцев Афанасию Дьячкову, человеку хотя и не особенно грамотному, но все-таки благодаря ему среди населения есть ныне умеющие немного читать и писать. Он — самоучка и очень любит свое дело». А к этому времени семья А. Е. Дьячкова насчитывала уже десять человек.³⁸

В статье «Развитие грамотности в с. Марково в 1896 г.», — это тот же год, когда был составлен и песенник, — Дьячков пишет: «Мальчики и девочки не имели у себя ни книжки, ни карандаша, а о писчей бумаге и говорить нечего». Ученики мастерили себе маленькие тетради из бересты и писали в них свинцовыми карандашами, которые делали сами из ружейной дроби.³⁹

А между тем к 1893 г., например, школу закончило 115 человек. И это на село, в котором жило всего 304 человека взрослых и детей!⁴⁰

Сохранилось фото, по которому можно представить себе облик автора «Марковского песенника». В 1890 г. в честь начала нового учебного года была сделана групповая фотография, запечатлевшая детей-школьников и марковскую «элиту»: начальник округа и его помощник, казаки, старосты сельских общин, церковный притч. А в левом углу — и школьный учитель. С этого маленького, еле различимого отпечатка художником В. Е. Королевым был сделан портрет Афанасия Ермиловича Дьячкова (рис. 1).

Есть мнение, что «Марковский песенник» был составлен в ряду других школьных пособий учителя.⁴¹

Впрочем, возможно, «Песенник» был составлен по поручению или просьбе, по совету нового начальника Анадырского округа, весьма просвещенного человека — Н. Л. Гондатти.⁴² Служа на Чукотке, он собрал крупнейшую этнографическую коллекцию, включающую и музыкальные инструменты (коллекция хранится и экспонируется в Кунсткамере и частично в Российском этнографическом музее в Петербурге). Феномен бытования русского фольклора у «инородцев», как тогда называли аборигенов края, наверняка живо интересовал его. Не случайно «Марковский пе-

³⁸ Жихарев Н. А. Повесть... С. 127.

³⁹ Там же. С. 80, 81.

⁴⁰ Там же. С. 126.

⁴¹ Там же. С. 89.

⁴² Гондатти Николай Львович (1860—1946) — в прошлом ученый секретарь антропологического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, участник экспедиций в северную Сибирь, член-корреспондент Антропологического общества в Париже, после Анадырского округа (1894—1897) — губернатор Тобольской, затем Тюменской губернии, Приамурской области.

Рис. 1. Портрет А. Е. Дьячкова работы В. Е. Королева.

сенник», среди других рукописей Дьячкова, оказался именно в архиве Гондатти (рис. 2).

В рукописи А. Е. Дьячкова песни записаны «в строку», не разделены на стихи и строфы (рис. 3, 4), в данной публикации «строчная» запись заменена постиховой. Сохранена орфография оригинала, передающая особенности местного говора. Добавлены недостающие знаки препинания; явные опiski и некоторые грамматические ошибки исправлены. Общая последовательная нумерация всех текстов «Песенника» проставлена автором публикации в квадратных скобках, нумерация оригинала, отсчитывающая песни по разделам, также сохранена. Нумерация листов проставлена по ксерокопии, поскольку в оригинале отсутствует. Песня «Заплетайся, плетень, завивайся» помечена двумя номерами: [17, 18], так как со слов «Вы раздайтесь, расступитесь...» начинается другая песня, о чем говорилось выше. Пояснения к текстам, сделанные А. Е. Дьячковым, выделены курсивом.

Некоторые пояснения к песням-виноградьям и свадебным песням сделаны Дьячковым в виде сносок-примечаний. В виноградьях в рукописи отсылки к ним помечены арабскими цифра-

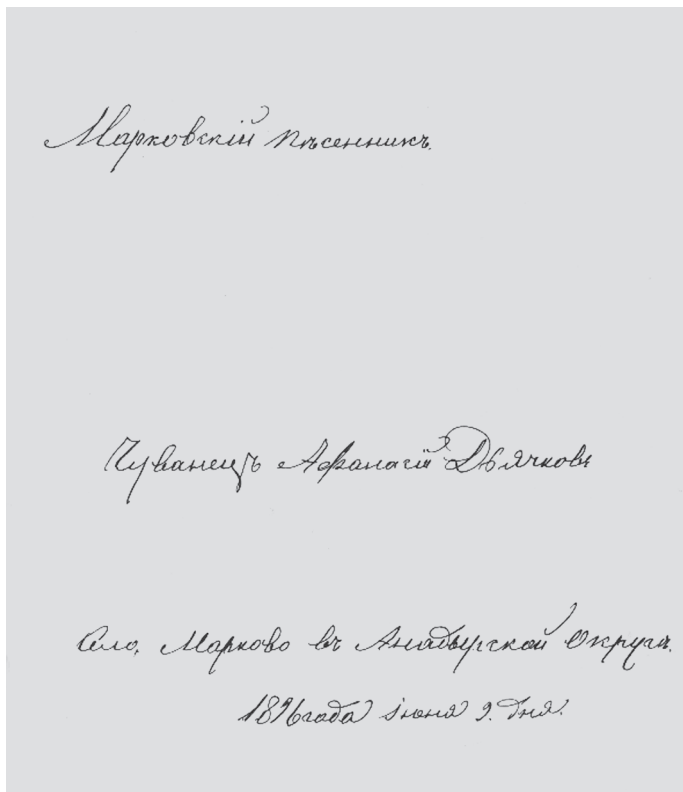

Рис. 2. Титульный лист «Марковского песенника» (1896).

ми со скобкой, в свадебных — крестиком со скобкой. В данной публикации все отсылки к примечаниям Дьячкова помечены арабскими цифрами со скобкой. В нескольких случаях Дьячков допускает ошибки в отсылках к примечаниям, здесь они исправлены. В рукописи примечания помещены внизу листа; так как в публикации страницы не совпадают с листами рукописи, здесь эти примечания помещены под соответствующими текстами.

Фрагменты текста, помещенные в квадратные скобки, — предлагаемая реконструкция автора публикации.

А. Письма Игровые

XXXXXXXXXXXXXX

1. Я кошу кошу кривою сорода, Я кошу кошу
кривою мирока, Я кошу рублю месяць ворота да
Я кошу рублю месяць ворота, да Я возьму её за пра-
вую руку, да обведу её кривою сорода, Я поставлю у
малы стелю, да что на мятюно показание. Вы со-
битесь Ближешинно да обоймитесь кривою да по-
здоровайтесь млышнннн. XXXXXXXXXXXXXXX

2. Кадать Царь кривою нова сорода кривою новаши-
рока, Мцетъ Царь царьвиу свою Короквиу свою,
он да еще кто сызая да еще кто выданъ процари-
виу мою короквиу мою; он да вои она стоитъ во
новомъ сорода во новомъ мирока, оидо золотни^{клични} да
золотни клични изобротакма изобротакма, оидо
золотни выцель да золотни выцель изпротакма
изпротакма, оидо ты возми её да ты возми её
за правую руку за правую руку, оидо обведи её да
обведи её кривою сорода кривою нова мирока, оидо
ты поставь её да поставь во новомъ сорода во новомъ
мирока, оидо ты заставь её да ты заставь её скаати
и мятю скаати мятю, оидо вои она скотни
вотъ она скотни поттишиа Царь своа корока!

Рис. 3. Страница рукописи А. Е. Дьячкова.

5. Встречают тасуцана с поздравом
на кравице у дома невесты.
Тыже бодре, тыже бодре спрашиваемся, тыже
болевшия спавобляемся. Небуди ~~ветри~~ ветри на
вельми, не буди гости на вельми, милости про-
сими, милости просими, Добро-милостиво, пос-
мотрите на нашу М.М. (1) ...

6.
передь выведомы невесты изъ за
стола подь благословенія родителей
идти повоиница
Сонцо сонцо катилась изъ за мысокы, красное
катилась изъ за тельного, выведывающая М.М. изъ
за стола бросила кинжи на зубовые столы, и
тебѣ батюшка тебѣ не кышеница твоя, и
кышеница буду свекру батюшка, и тебѣ
рабная матушка не варабеница твоя, вараб-
еница и буду свекру матушка. Охъ, ты
Светитко не отдашь тебѣ. Охъ, ты батю-
шка, ведь во двора то бодре. Ну Светитко
ты дитя божь стобой.

+) М.М. и Светитко невесты.

Рис. 4. Страница рукописи А. Е. Дьякова.

МАРКОВСКІЙ ПЪСЕННИКЪ

л. 1

*Чуванецъ Афанасій Дьячковъ
Село Марково въ Анадырской округѣ
1896 года іюня 9 дня*

[1]

Вѣнчикъ. *Игровая пѣсня*

л. 1 об.

Ахъ, ты, вѣнчикъ, мой вѣночикъ,
Ой да, мой вѣночикъ;
Ты лазоревой цвѣточикъ,
Ой да, мой цвѣточикъ.
5 Разкуда тебя, вѣночикъ, соложити,
Ой да, соложити;
Соложу тебя, вѣночикъ на головку,
Ой да, на головку,
Ко удалому да ко молóдцу,
10 Ой да, ко молóдцу, *(если дѣйствующее лицо
представляетъ мущина, тогда:
«Ко душе красной ко дѣвицѣ»)*
Что ни кумъ со кумою покумился,
Ой да, покумился;
Среди кружка становился,
Ой да, становился.
15 Ахъ, ты, мой кумъ,
Ахъ, и я твоя кума,
Гдѣ мы сойдемся,
Тутъ обоймемся,
Поцѣлуемся, помилуемся.

А. Пѣсни игровыя

л. 2

[2]

1. Я хожу, хожу кругомъ города,
Я хожу, хожу кругомъ щирока,
Я сѣку, рублю мечемъ ворота,
Да я сѣку, рублю мечемъ ворота,
5 Да я возьму её за правую руку,
Да овведу её кругомъ городá,
Я поставлю е на мѣстечкѣ,
Да что на мѣстечко показаное,
Вы сойдитесь ближѣшинько,
10 Да обоймитесь крѣпчешинько,
Да поздоровайтесь милѣшинько.

[3]

2. Ходить Царь кругъ нѡва города,
 Кругъ нѡва, широка́,
 Ищетъ Царь Царевну свою,
 Королевну свою,
 5 Ой да, еще кто слыхаль, да еще кто видалъ
 Про царевну мою, королевну мою;
 Ой да, вонъ она стоитъ во новомъ городѣ,
 Во новомъ широкѣ,
 Ой да, золотми ключми да золотми ключми
 10 Изпробракала, изпробракала,
 Ой да, золотымъ вѣнцем да золотымъ вѣнцем
 Изпросвѣтила, изпросвѣтила.
 Ой да, ты возьми её да ты возьми её,
 За правую руку́, за правую руку,
 15 Ой да, овведи ее да овведи её кругъ города,
 Кругъ нова, широка,
 Ой да, ты поставь ее да поставь
 Во новомъ городѣ, во новомъ широкѣ,
 Ой да, ты заставь её да ты заставь ее
 20 Скакати и плясати, скакати и плясати.
 Ой да, вотъ она скотила, вотъ она скотила,
 Потѣшила Царя, своево короля.

[4]

л. 2 об.

3. Какъ у голуба, какъ у сизова
 Золотая голова, золотая голова;
 Да у дѣвочкѣ, у красоткѣ
 Подзолотеной вѣнецъ, подзолотеной вѣнецъ.
 5 Позавидоваль [позавидоваль]⁴³
 Разудалой молодець, разудалой молодець;
 — Кабы ты, моя голубка,
 Со мной съ голубомъ жила, со мной съ голубомъ жила,⁴⁴
 Кабы ты, красна дѣвица,
 10 Со удалымъ молодцемъ, со удалымъ молодцемъ.
 Я бы лѣтомъ, я бы лѣтомъ
 Во коретѣ прокатиль, во коретѣ прокатиль,
 Я бы осень, я бы осень
 Епаньчу тебѣ сошилъ, епаньчу тебѣ сошилъ,
 15 Золотою, золотою
 [Золотой]⁴⁵ Парчей покрылъ, золотой парчей покрылъ.

⁴³ Вероятно допущен пропуск повтора.⁴⁴ Здесь повтор надписан над зачеркнутыми словами следующего стиха.⁴⁵ Вероятно допущен пропуск повтора.

Соболями, соболями,
Соболями распушилъ, соболями распушилъ.
Я бы зимною порою
20 Въ Петербурху развозилъ, Петербурху развозилъ;
Прошу радость, прошу радость,
Поздороваться со мной, поздороваться со мной.

[5]

4. Сяду, сяду подь окошко, посмотрю в окошко,
Не въ лѣсахъ, не въ долинѣ стоитъ кустъ малины.
Отъ куль вѣтеръ не повѣет, туда кусты клонить,
Куда милой не поѣдетъ, туда мысли гонить;
5 Приходили мнѣ, младенькѣ, любими подружки,
Приносили мнѣ подружки отъ милова письма,
А я письма принимала, къ сердцу прижимала,
Ево слово прочитала, слезно возридала,
Пишетъ, пишетъ мой милинькой: с тоски нездоровъ я,
10 Хоть я буду, хоть не буду, // тебя не забуду. л. 3
Жди недѣльку, жди другую, хоша три, четыре.
Стелю, стелю подушечку мягку, пуховую,
Люблю, люблю молодушку её молодую,
Кто меня любить, тотъ подаруетъ,
15 Кова люблю, кова люблю, това поцѣлюю.

[6]

5. Не ходи, моя⁴⁶ милая, бережкомъ-уваломъ,
Не люби, моя милая, женатова даромъ,
Разженатый, разбогатый, холостоётъ⁴⁷ мильчикъ,
Холостоётъ мильчик, сизынькой голубчикъ.
5 Холостой глазомъ наводитъ, из ума выводитъ.
— Пойдемъ, душечка, со мной, въ садикъ разгуляться.
— Мнѣ наскучило одной по травѣ шататься,
Я люблю тебя душюю, а ты лицомѣришь.
— За любовь твою другую семь разъ поцѣлюю,
10 Семь ли восемь разъ цѣлюю любезньюю.

[7]

6. Лѣтал голубь, лѣталь сизой со голубушкою,
Разудалой молодець красной дѣвицею.
Кабы ты, моя голубка, со мной, голубомъ жила,

⁴⁶ Слово «моя», очевидно, ошибочно написано дважды.

⁴⁷ По-видимому, имеется в виду «холостой-от».

Кабы ты, красна дѣвица, со удалымъ молодцемъ,
5 Я бы золотомъ обсыпаль, жемчугомъ обложилъ,
На емскихъ лошадяхъ, на прикрасныхъ саняхъ.
Сажу голуба на рученьку, не трохнется,
Посажу я на другую, не ворохнется. . .
Скажу — кесь! Скажу — кесь! Полѣтай, голубъ да мой,⁴⁸
10 Полѣтай, голубъ да мой, разпрощаемся со мной.

[8]

л. 3 об.

7. Со вьюномъ я хожу, животомъ гуляю,
Я не знаю, куда вьюна положить,
Я не знаю куда вьюна соложить.
Соложу я вьюна, соложу живота
5 Ужь я Павла на Павловича,
Катеринѣ на наволоку,
Возбояринѣ на⁴⁹ правое плече.
Ужь я дамъ, я не дамъ за него
Три гривинки серебряные,
10 Три-четыре подзолотеные,
Ужь коня выноходова,
Молодца кудреватова,
Холостова, неженатова.
Я за дѣвицей иду-иду,
15 За хорошинькой бѣгу-бѣгу,
Поцѣлую да назадъ отойду.

[9]

8. У воробушкѣ головушка болѣла,
Возболѣла, возболѣла, возшумѣла.
Что рѣчивое сердечушко болѣло,
Возболѣло, возболѣло, возшумѣло.
5 Ты садися, воробейко, на лужечик,
На лужечикъ, на лужечикъ, на кружечикъ.
Ты ужли, ужли, воробушекъ, сълѣтаешь,
Ты сълѣтаешь, ты сълѣтаешь,⁵⁰ улѣтаешь,
На кова ты воробейку покидаешь.
10 Ты ищи, ищи, воробушекъ, замену,
Что замену, что замену, перемену.

⁴⁸ По-видимому, имеется в виду «домой».

⁴⁹ Слово «на», очевидно, ошибочно написано дважды.

⁵⁰ Слова «ты слетаешь», очевидно, ошибочно написаны трижды.

[10]

9. Погорѣла лебеда безъ воды,
Погорѣла лебеда безъ воды,
Моя крупная росадушка,
Моя крупная зеленая,
5 Моя крупная зеленая.
Пошлю казака за водой,
Пошлю казака за водой,
Не воды нѣтъ, не ка//зачинки,
Не воды нет, не казачинки.
10 Кабы мнѣ, младѣ, ворона коня,
Кабы мнѣ, младѣ, ворона коня,
Я бы вольна казачка була,
Я бы вольна казачка була,
Скакала, плясала по лугамъ,
15 Скакала, плясала по лугамъ,
По зеленымъ дубровушкамъ,
По зеленымъ дубровушкамъ
Съ донскимъ, съ молодымъ казакомъ,
Съ донскимъ, съ молодымъ казакомъ,
20 Разудалымъ, добрымъ молодцемъ,
Разудалымъ, добрымъ молодцемъ.

л. 4

[11]

10. Караводѣ были мы,
Караводѣ были мы,
Были мы, были мы,
Во тальянскомъ⁵¹ гуляли,
5 Во тальянскомъ гуляли,
Гуляли, гуляли,
Что намъ нужно видѣли,
Что намъ нужно видѣли, да
Видѣли, видѣли.
10 Стань, молодчикъ, прибодрись,
Стань, молодчикъ, прибодрись, да
Прибодрись, прибодрись,
Передъ дѣвкой степенись⁵² да
Степенись, степенись,
15 Трижды, дважды повернись,⁵³ да
Повернись, повернись,

⁵¹ После этого слова зачеркнуто «да».

⁵² Здесь, в последующих строфах и в последней составитель не выпи- сывает повторы стиха.

⁵³ Ударение здесь, скорее всего, поставлено ошибочно.

Трижды ниже поклонись да
Поклонись, поклонись,
Хоть немношко протонцуй,
20 Хоть немношко протонцуй,
Протонцуй, протонцуй,
Сорокь семь разъ поцфлуй, поцфлуй.

[12]

л. 4 об. 5 11. Стань, мой милой, караулъ, стань, хороший, караулъ,
Станемъ разсходиться, станемъ разсходиться,
Я во етомъ караулѣ, я во етомъ караулѣ
Скакала, плясала, скакала, плясала,
Вотъ ска//кала, вотъ плясала,
Вѣнок сороняла, вѣнок сороняла,
Я вѣночик сороня[ла], я вѣночик сороняла,
Милова искала, милова искала,
Вонъ мой милинькой идетъ, вонъ хорошинькой беготъ,
10 Вѣночикъ несеть, вѣночикъ несеть,
Я вѣночикъ принимала, я вѣночикъ принимала,
Дружка цфловала, дружка цфловала.

[13]

12. Плыла лебедь, плыла лебедь,
Плыла лебедь со лебедушкою,
Плыла лебедь со лебедушкою,
Плавши лебедь,⁵⁴
5 Плавши лебедь укорнулася,
Укорнулася, стрепенулася,
Укорнулася, стрепенулася;
Вышла лебедь,
Вышла лебедь она на бережекъ,
10 Вышла лебедь она на бережекъ,
Ходить, гулять,
Ходить, гулять по садамъ, по лугамъ,
Ходить, гулять по садамъ, по лугамъ,
Сбирать перья,
15 Сбирать перья соколиныя,
Сбирать перья лебединыя,
Нѣоткуль взялся,

⁵⁴ Здесь и далее в некоторых строфах составитель не выписывал повторы слов, типичные для композиции строфы в данной песне (см. первую, восьмую, девятую строфы), или не соблюдал последовательность этих повторений. Возможно, что и в пении допускались подобные варианты.

Неоткуль взялся удалой молодець,
Неоткуль взялся удалой молодець.
20 — Ты спесивая, ты спесивая,
Ты спесивая, гордивая була.
Пошлю свата, пошлю свата,
Пошлю свата, высватáю за себя,
Пошлю свата высватáю за себя.
25 — Я думала, я думала,
Не ты идешь, низко кланяеся,
Не ты идешь, // низко кланяеся,
Не ты идешь, здоровася со мно[й],
Не ты идешь здоровася со мной.

л. 5

[14]

13. Я катю, катю по блюдичку,
По малиньему яблочку,
Что ни конь берегами бѣтъ,
Берегами бѣтъ, воды не пѣтъ,
5 Золотой уздой побракиваетъ,
Стременами пошевѣливаетъ,
На всѣ стороны посматриваетъ;
Туда шель, проходилъ молодець,
Разудалый добрый молодець,
10 За собой онъ ведетъ суженую,
Душу красную дѣвицу,
Молоду её, молодушку.
Ужь трепаль бы, трепаль бы её,
Цѣловаль бы, миловáль бы её.
15 Мои ручиньки болятъ да болятъ,
Мои бѣлы изгибаются,
Мои бѣлы изгибаются,
На рукахъ перстни ломаются,
Изъ перстней ставки теряются.
20 Что лиха свекра журить, да бранить,
Что журить, бранить, здороваться велить.

[15]

14. По ельничку, по березничку,
По такому, по мѣлкому, по осиничку
Идетъ мóлодець горой, ведетъ дѣвицу собой.
— Пойдемъ, дѣвица, пойдемъ, красная,
5 Какъ у насъ во пиру, во весоломъ терему
Много шитыхъ, много браныхъ, много бѣлыхъ полотень.
Много шелковицы, полушелковицы.

Мальчикъ на ногу ступаетъ, ума-разума питаетъ,
Мальчик ручку // жмотъ, поцѣлуя ждетъ,
10 Поцѣлуй мои уста ради милова дружка.

[16]

15. Пѣлипѣлка-ласточка, сизокрылая, косатая моя,
Да ужъ пѣлипѣлушка головушка болить.
Да уж пѣлипѣлушка-ласточка, сизокрылая, косатая моя,
Животъ-сердце болить.
5 Да пѣлипѣлушка-ласточка, сизокрылая, косатая моя,
Права ножка болить.
Да пѣлипѣлушка-ласточка, сизокрылая, косатая моя,
Права ручка болить.
Да пѣлипѣлушка,⁵⁵ сизокрылая, косатая моя,
10 Вся здрава стала.
Да пѣлипѣлушка,⁵⁶ сизокрылая, косатая моя,
Куда захотѣла, туда полѣтѣла,
Кого полюбила, того иянимала.

[17, 18]

16. Заплѣтайся плѣтень, завивайся,
Золотая труба, завивайся,
Сѣрая утица
Потопила малыхъ дѣтушек,
5 Что во мѣди, во патугѣ,
Что во еси сахарные.
Вы раздайтесь, разступитесь, добрые люди,
Вы на всѣ, вы на четыре на сторонки,
Еще дайте мнѣ, младенькѣ, походить,
10 Еще травачку-мураву потоптати,
Покуль батюшко-сударь замужъ не выдасть
За такова, за дѣтину, за невежу,
л. 6 За такова, за дѣтину, // за невежу;
15 Съ кабаку идетъ невежа, свищеть, гайкать,
Съ кабаку идетъ невежа, пьянщеть, скачетъ,
С кабаку идетъ невежа, пьянщеть, скачетъ.
— Еще дома не жена, жена молодая,
Еще жена молодая.
Поскорешинько съ кроваточкѣ ставала,
20 На босу ножку башмачки надѣвала,
Одной тонинькой сорочкѣ выбѣгала,

⁵⁵ Пропуск: «-ласточка» (?).

⁵⁶ То же.

Одной тонинькой сорочкѣ выбѣгала,
Крѣпко-накрѣпко ворота запирала,
Посмѣлѣшинько съ невежей говорила,
25 — Ты начуй, начуй, невежа, за воротьми,
Вотъ те крутые зголовья — мои подворота,
Вотъ те мягкая перина — бѣлая пороха,
Соболинное одьяльце — лютые морозы,
Вотъ те крѣпки караулы — мурзые⁵⁷ собаки.

[19]

17. Въ доль по улицѣ, улицѣ большой,
Въ доль широкой удалинькой прошель,
Онъ которую по стречу искаль,
Постречался ни здорова не сказалъ.
5 — Вѣрно, миленькой, не любишь меня,
Вѣрно, милой, есть иная у тебя.
— Правда, правда, красна дѣвица-душа,
Не одна ты уродилась хороша,
Не одна ты уродилась хороша,
10 Есть таковихъ много лучше тебя.
— Посмотрите, добры люди, на меня,
Тѣмъ я, дѣвица, родилась дурна?
— Наша Катинька бѣлѣшинька,
На нее смотреть милешинько,
15 Наша Катинька не съ кѣмъ не говорить,
Наша милая рѣчами // всехъ дарить.
— Вотъ станю я ранешинько,
Я обмоюся бѣлешинько,
Я обмоюся бѣлешинько,
20 Снаряжусь я хорошошинько,
Снаряжусь я хорошошинько,
Побѣгу дружку хорошинькой,
Побѣгу дружку хорошинькой,
Ощепню его легошинько,
25 Ощепню его легошинько,
Поздороваюсь милѣшинько.

л. 6 об.

[20]

18. Ты, Паранюшка моя,
Себѣ Ванюшку манила,

⁵⁷ По В. Далю: *мурза* — замарашка, чумичка; кто *мурзится*, говор. о ребенке, упрямится, дурит; *мурза* — татарский князек, местами слово это обратилось в бранное: татарин, бусурман; *мурзиться* — гневаться, злиться.

Ваня скокъ на порокъ,
Сапожиньки спали съ ногъ,
5 Пошелъ Ванюшка на крукъ,
Перчаточки спали с рукъ,
Пошелъ Ванюшка домой,
Съ него шапочка долой,
Ево мила по поскакала,⁵⁸
10 На головку надѣвала,
На добра коня садила,
Приговаривала:
— Ты гуля[й], мой другъ,
Не загуливайся,
15 На хорошихъ, на пригожихъ
Не засматривайся,
Я одна, твоя Паранюшка, спѣшивая была,
Что спѣшива, что гордива,
Что сударюшка твоя,
20 Что сударюшка твоя,
Поцѣлую три раза,
Иванушку-сокола.

[21]

19. — Бояре, да вы затѣм⁵⁹ пришли,
Молодые, да вы затѣм пришли?
— Княгини, да мы нѣвѣсть смотреть,
Молодые, да мы нѣвѣсть смотреть.
5 — Бояре, да покажите жениха,
Молодые, да покажите жениха.
— Княгини, да во се нашъ женишекъ,
Молодые, во се нашъ женишекъ.
— Бояре, // да покажите намъ кафтанъ,
10 Молодые, покажите намъ кафтанъ.
— Княгини, да во се нашъ кафтанъ,
Молодые, да во се нашъ кафтанъ.
— Бояре, да покажите колпачекъ,
Молодые, да покажите колпачекъ.
15 — Княгини, да во се нашъ колпакъ,
Молодые, да во се нашъ колпакъ.
— Бояре, да покажите башмачекъ,
Молодые, да покажите башмачекъ.
— Княгини, да во се нашъ башмакъ,
20 Молодые, да во се нашъ башмакъ.
— Бояре, да покажите намъ перчатки,

л. 7

⁵⁸ Вместо «поскакала» (?).

⁵⁹ В рукописи приставка написана отдельно: «за тѣм» — дважды.

- Молодые, да покажите намъ перчатки.
 — Княгини, да недовязанные,
 Молодые, да недостроченные.
 25 — Бояре, да вы вяжите поскорее,
 Молодые, да вы вяжите поскорее.
 — Княгини, да намъ Аннушка сошьеть,
 Молодые, да Ивановна⁶⁰ пришлютъ.
 — Бояре, да вамъ которая люба,
 30 Молодые, вамъ которая люба?
 — Княгини, намъ Аннушка люба,
 Молодые, да намъ Ивановна люба.
 — Бояре, да поздороваемся,
 Молодые, да поздороваемся.
 35 — Княгини, да какъ прикажите,
 Молодые, да какъ дозволите.
 — Бояре, да вамъ приказано,
 Молодые, да вамъ дозволено.
 — Княгини, да со всемъ поѣздомъ,
 40 Молодые, да со всемъ поѣздомъ.

Б. Пѣсни заунывные и любовные

[22]

1. Спой, соловей, ну пропой, молодой, гром//ку пѣсенку, л. 7 об.
 Громку пѣсенку.
 Нѣт у мнѣ молодца, нѣт роднова отца, нѣт ни матери,
 Нѣт ни матери.
 5 Хоть на правду сказать, есть родимая мать, та спѣшивая,
 Та гордивая.
 Хотя есть родной отец, но и тотъ, наконец, позабылъ меня,
 Позабылъ меня.
 Скучно жить сиротѣ на чужой сторонѣ безъ отрадушкѣ,
 10 Безъ отрадушкѣ.
 Та отрада была, нѣ когда-то, всегда, красная дѣвица,
 Раскрасоточка.
 Она шлет мнѣ письмо, что пропало кольцо обручальное,
 Обручальное.
 15 Разступись для меня, мать-сырая земля, страшной пропастью,
 Страшной пропастью.

⁶⁰ «Ивановна» написано над зачеркнутым «Аннушка».

[23]

2. Матушка, голубушка, солнишко⁶¹ мое,
 Пожалей да, родимая, дитетку свою,
 Пожалей да, родимая, дитетку свою.
 Словно змѣя лютая грудь мою сосеть,
 5 Словно змѣя лютая грудь мою сосеть,
 Всю мнѣ ночь темную спать мнѣ не даетъ.
 Когда я спать ложуся, молитву творю,
 Чудь заснувши мнѣ грезится будто наяву,
 Буд[т]о моетъ⁶² милянкой въ горенку зашелъ,
 10 Ко тесовой кроваточкѣ тихо подошелъ,
 Шелковую занавѣску смѣло распахнулъ,
 Соболинное // одѣяльцо тинно приоткрылъ,
 — Спишь ли ты, моя милая, или такъ лежишь?
 — Не сплю я, милянкой, не такъ лежу,
 Пришло время роставанье, милянкой, съ тобой.

л. 8

[24]

3. Вечѣрь былъ я на улицѣ, на дворѣ,
 Очудился во царевомѣ, славномѣ кабакѣ,
 Получилъ письмо от красоточкѣ сейчасъ,
 Получилъ письмо, крѣпко сердцу прижималь,
 5 Распечатываль письмо, я головкой покачалъ,
 Сталь читать письмо, полелись слезы изъ глазъ.
 Пишетъ, пишеть мнѣ красоточка въ письмѣ:
 Приѣзжай, другъ, я очень трудна, больна,
 Трудна, больна въ постелечку слегла.
 10 Хотъ ты не приѣдешь, позавочно распростишь.

[25]

4. Лучинушка березовая,
 Зачѣмъ ты, лучинушка, неясно горишь,
 Неясно горишь, не спихиваешь?
 Неясно горишь, не спихиваешь?
 5 Видно ты, лучинушка, вечеръ въ печи не была,
 Въ печи не была, не высушилась;
 Лихая свекоровушка водой залила.
 Ахъ вы, нянюшки-мамушки мои,
 Ложитесь спать, ложитесь спать,
 10 Вамъ некова ждять.
 А мнѣ, молодой, младенькѣ,

⁶¹ Слово «солнишко» написано над зачеркнутым «дитетко».

⁶² По-видимому, имеется в виду «мой-от».

- Всю ноч//ку не спать, всю ночку не спать,
 Мила дружка ждать.
 Первой спень я заснула, нѣту никова,
 15 Второй спень я заснула, нѣтъ милой при мне,
 Третий спень я заснула, заря-бѣлой день.
 Взглянула я въ окошечко, порошка лежитъ,
 По етой порошинькѣ дорожка бѣлетъ,
 По етой дорожинькѣ мой милой гулять.
 20 На немъ кафтанные полы повеиваютъ,
 Черна его шляпочка промѣлькиваетъ.
 — Затѣм ты, любезная, всю ночку проспала,
 Дорога гостя не ждала?
 — Не крыти, не ревы, мой милинькой,
 25 Мой Папаша на дворѣ.
 Услышитъ мой Папашинька,
 Будеть мнѣ журить, бранить.

[26]

5. Сиѣшки бѣлые, пушісты покрывали всѣ поля,
 Одно полѣ непокрыто — лютова гора моева.
 Есть кусточикъ среди поля одинешинекъ стоитъ.
 Онѣ не низко къ землѣ клонить, ни листочка нѣтъ на немъ.
 5 А я, бѣдная, злосчастлива, я горюю по миломъ,
 Я горюю и тоскую понапрасно слезы лью.
 Слеза канетъ не простая, травка выростетъ на немъ.

[27]

6. Сказали про мѳлодца, будто без вѣсти не сталь,
 Вечеръ, вечеръ мѳлодецъ въ доль по улицѣ прошель,
 Любимую⁶³ пѣсенку на свисточкахъ просвисталь,
 Ко своей же, ко любезной теремъ вѣстку подаваль.
 5 Горѣла у дѣвицѣ воску ярова свѣча.
 Ждала она мѳлодца до девятого часа.
 Пришел, пришел мѳлодецъ во второмъ часу ночи.
 — Затѣм, затѣм, милинькой, долго не буваль,
 Зачѣм, мѳлодецъ, призамешкался въ дому?
 10 — Любимую свояченицу на игрище снаражалъ,
 Любимова шурина на стрѣльбище отправлялъ,
 А съ угрумой женою роспабранушка была.
 Журила и бранила, съ тобою, красная дѣвица, корила.
 Чудь я еѣ, росбестію до смерти не зашибь.
 15 — Не бей, не бей, мѳлодецъ, угрумую жену,

⁶³ Слово «Любимую» написано с исправлением, вместо «Любезную».

Съ угрумой женою тебѣ вѣк вѣковать,
А со мною, красною дѣвицей, одну ночку ночевать.

[28]

7. Заря занималась, солнце, солнце выкаталось
Выше ельничку, выше да березничку,
Выше горкова, младова осинничку.
Что не ясенъ соколь со гнезда слѣтаетъ,
5 Не добрый молодець со двора съѣзжаетъ.
Самъ да прощается.
л. 9 об. Ты прощай, // прощай, мой образованъ полкъ,
За полкомъ прощай, моя хатерушка,
За хатерушкой прощай, моя хозяйюшка,
10 За хозяйюшкой прощай, моя любезная-душа Аннушка.
Когда я тебя любил, тогда я счастливъ булъ,
Какъ отъ вась о[т]сталъ, злой-несчастливъ и болѣнь
весь я сталъ.

[29]

8. Что ты, соколь мой, да не весель, призадумавши сидишь?
Блейну голову повѣсилъ, хвостъ по вѣтру опустилъ?
Или кто тебя обидѣлъ по небесной вышенѣ?
Двѣ великіе печали есть на сердце у меня,
5 Мою душу разчерзають, словно лютая змѣя.
Тамъ за моремъ, моремъ синимъ голубицу я любилъ,
Одинъ соколь черноокій отъ меня ее отбилъ.
Во степахъ, степахъ широкихъ бистра рѣчинько течеть,⁶⁴
Онъ ее, разбѣстія, всю до капли изшушилъ.
10 Отъ тово-то я невесѣлъ, хвостъ по ветру опустилъ.

л. 10

В. Виноградіе пѣсни¹⁾

Дома ли хозяйинъ? Дома!

[30]

1. А мы ходимъ робаты, виноградшики, да
Виноградѣ красно зеленое.
Да мы ищемъ, поищемъ господина наводворъ,²⁾ да
Виноградѣ красно зеленое.

⁶⁴ В начале этого стиха ошибочно повторено и зачеркнуто «Там за мо».

- 5 Да господина водворъ на семидесять верстовъ, да
 Виноградъ красно зеленое.
 Да на семидесять верстовъ, на семи столбовъ, да
 Виноградъ, да красно зеленое.
 Да вокругъ этого двора все железный тын, да
- 10 Виноградъ красно зеленое.
 Какъ хозяинъ въ дому, какъ Адамъ во яру,³⁾ да
 Виноградъ красно зеленое.
 Да какъ хозяйка-то въ дому, какъ чулочка въ башмачку, да
 Виноградъ красно зеленое.
- 15 Да малы дѣтушки въ дому, какъ аладики въ меду, да
 Виноградъ красно зеленое.
 Хозяинъ, хозя//инъ, пошивѣливайся, да л. 10 об.
 Виноградъ красно зеленое.
 Ты, хозяйка, хозяйка, поворачивайся,
- 20 Мнѣ⁴⁾ кафтанъ коротокъ, я весь передрокъ, да
 Виноградъ красно зеленое.
 У мнѣ торбоса тоненьки, у мнѣ ножки зябуть, да
 Виноградъ красно зеленое.
 Да у мнѣ шапочка малѣнька, у мнѣ ушки зябуть, да
- 25 Виноградъ красно зеленое.
 Да у мне перчаточки тонѣньки, у мне ручки зябуть, да
 Виноградъ красно зеленое.
 Коледа, коледа, подавай пирога, да
 Виноградъ красно зеленое.
- 30 Да не подаждь пирога, отворяй ворота, да
 Виноградъ красно зеленое.

*(По окончании этой песни отворяют дверь и виноградшики входят.
 Под пляску начинают петь другую песню.)*

¹⁾ Эти пѣсни поются на святкахъ, нѣсколько молодожи, мужчинъ и
 женщинъ, ходять по домамъ, первая пѣсня поется передъ крытыми дверь-
 ми дома, а послѣднiе двѣ поютъ по входѣ въ домъ.

²⁾ Господинова двор.

³⁾ В яру.

⁴⁾ У меня.

[31]

2. Пришли мы, пришли во двор господину,
 Виноградъ, виноградъ[е] красно зе[ле]ное;
 Хозяина дома нѣтъ, хозяйошки не случилось,
 Виноградъ, виноградъ красно зеленое;
- 5 Хозяина звали на стóлы сто//ловать, л. 11
 Виноградъ, виноградъ красно зеленое;
 Хозяйку-то звали на пири пировать,
 Виноградъ, виноградъ красно зеленое;
 Сына-то звали на стрѣльбище стрелять,

- 10 Виноградѣ, виноградѣ красно зеленое;
 Дочь-ту звали на игрище играть,
 Виноградѣ, виноградѣ красно зеленое;
 Хозяина дарили золотымъ вѣнцемъ,
 Виноградѣ, виноградѣ красно зеленое;
 15 Хозяйку дарили куньей шубой,
 Виноградѣ, виноградѣ красно зеленое;
 Сына-то дарили тугимъ лукомъ,
 Виноградѣ, виноградѣ красно зеленое;
 Дочь-ту дарили золотымъ кольцомъ,
 20 Виноградѣ, виноградѣ красно зеленое;
 Малыхъ дѣтушекъ дарили ритымъ бархатомъ,
 Виноградѣ, виноградѣ красно зеленое.

(По окончании пѣсни виноградшики по просьбѣ хозяина садятся, поютъ третью пѣсню.)

[32]

3. Скопина родна матушка наказывала, да
 Виноградѣ красно зеленое.
 Да добро-жалобно ему да наговаривала, да
 Виноградѣ красно зеленое.
 5 Да ты не ѣзди, Скопинъ, да въ каменну Москву, да
 Виногра//дѣ красно зеленое.
 Не дружися купцами Запоротскими, да
 Виноградѣ красно зеленое.
 Да не кумися дочерью малютою, да
 10 Виноградѣ красно зеленое.
 Да не послушался Скопинъ да родну матушку, да
 Виноградѣ красно зеленое.
 Да поѣхал Скопинъ да въ каменну Москву, да
 Виноградѣ красно зеленое.
 15 Да подружился купцами запоротскими, да
 Виноградѣ красно зеленое.
 Да покумился дочерью малютою, да
 Виноградѣ красно зеленое.
 Подавала ему кума чару зелена вина, да
 20 Виноградѣ красно зеленое.
 Посередѣ чари ключъ кипить, да
 Виноградѣ красно зеленое.
 Да по краямъ чари змѣи вьются, да
 Виноградѣ красно зеленое.
 25 Да выпиваль онъ чару единымъ духомъ, да
 Виноградѣ красно зеленое.
 Ево бойная головушка покатила, да
 Виноградѣ красно зеленое.
 Да ево бѣлыя ручки распустилися, да
 30 Виноградѣ красно зеленое.

л. 11 об.

Да ево резвые ножки // подломилися, да л. 12
Виноградѣ красно зеленое.
Ложился Скопинъ на добра коня, да
Виноградѣ красно зеленое.
35 Да не неси меня, добрый конь, да в каменну Москву, да
Виноградѣ красно зеленое.
Да не въ каменну Москву, да къ родной матушке, да
Виноградѣ красно зеленое.

Г. Свадебные пѣсни⁶⁵

л. 13

Въ домѣ невесты наканунѣ брака или, какъ говорятъ, на дѣвичникѣ

[33]

1. NN¹⁾ по двору ходила, по двору гуляла,
Всѣхъ своихъ подруженьковъ собирала.
Садила и[х] рядомъ всѣхъ,
Сама садилась выше всѣхъ,
5 Голову клонила ниже всѣхъ,
Думушку думала больше всѣхъ:
Какъ мнѣ жить, какъ мнѣ быть,
Какъ мнѣ свекра-свекру звать?
Назову я свекра батюшкой,
10 Назову я свекру матушкой,
Деверьевъ назову я братцами,
Золушоку назову сестрицами.

¹⁾ *Имя и отчество невесты.*

[34]

2. Охъ! Вы нянюшки, мамушки мои,
Не дивуйтесь надо мной,
Не своей волей я замужъ пошла,
Отдаетъ меня сударь-родной батюшко,
5 Судариня-родна матушка
Какъ чужому свекру-батюшкѣ,
Къ чужой свекрѣ-матушкѣ.
Свекр-оть будто въ полѣ волкъ, лютой звѣрь,
А свекра-та будто туча грозная,
10 Безъ дождичка вымочить,
Безъ солнишка // высушить. л. 13 об.
Какъ деверья-то, братцы мои,

⁶⁵ Лист 12 об. — чистый.

Будто вѣтри-вихора,
Какъ золовушки, сестри мои,
15 Будто змѣи-змеи подпажушные,
Какъ чужоеть⁶⁶ чуженекъ
Безъ морозу сердце выморозить,
Безъ плеточкѣ выучить,
Безъ дождика вымочить,
20 Безъ солнишка высушить.

[35]

3. Ахъ Команъ ты мой Команъ, лошадь добрая,
Отпустила эту лошадь NN.¹⁾
Побѣги, моя лошадь, ко двору воеводскому,
А ты будь, а ты, лошадь непокорная,
5 Покорайся ты NN²⁾
Ко крыльцу ко тестевому,
Ко терему,⁶⁷ ко тѣшиному,
Ко спалинкѣ ко невѣстиной.
Туть увидала душа N³⁾
10 Волка, испужалася,
Увидала сѣрова, побросалася,
Золотые перстенья притерала,
Жемчужные сережки притерала.
И стала эта лошадь у ней будто вкопаная.
15 Она золоту ево гриву учесывала,
Учесывала, углаживала,
По тугимъ ево бедрамъ да утрепивала.
Туть садилась она на добра коня,
Туть садилась N³⁾ на выноходова,
20 Понеси меня, конь, ко двору NN,²⁾
За бѣлы ево ручки принимала,
За золоты ево перстенья прижимала,
Въ сахарны ево уста соловала.

л. 14

1) *Имя и отчество невесты.*

2) *Имя и отчество жениха.*

3) *Имя невесты.*

[36]

По входѣ въ домъ невѣсты жениха и тысяцкого съ подарками.

4. Сѣмена були сахарные,
Я немного васъ посѣяла,

⁶⁶ По-видимому, имеется в виду «чужой-от».

⁶⁷ Перед словом «терему» зачеркнуто недописанное слово «горенке».

- На што вы много уродилися,
Три поля, поля чистыя?
5 Какъ первое полѣ — до Кіѣва,
Второ-то полѣ — до Черніѣва!¹⁾
Тутъ она заплакалася, растужилася,
Душа красна дѣвица — NN²⁾
О своей, объ русѣ кось:
10 Мнѣ теперъ тебя не чосывать,
Золотой кошничекъ не преплѣтывать.
Доставалась мужику ему,
Мужику ему городинскому,
Ко кафтану, ко камчатому,
15 Разложили косу нагрое,
Тутъ покроють ее золотымъ венцомъ.

¹⁾ Чернигова.

²⁾ *Имя и отчество невесты.*

[37]

Встрѣчаютъ тысяцкаго съ поездомъ на крыльцѣ у дома невесты. л. 14 об.

5. Тихо Бояре, тихо Бояре снаряжались,
Тихо большія сподоблялися.
Не були ветри, навѣяли,
Не були гости, наѣхали.
5 Милости просимъ! Милости просимъ! Добро-жаловать,
Посмотрите на нашу NN.¹⁾

¹⁾ *Имя и отчество невесты.*

[38]

Передъ выходомъ невесты изъ-за стола подѣ благословеніе родителей идти подъ вѣнецъ.

6. Сонцо, сонцо катилося изъ-за лѣсочку,
Красно катилось изъ-за темнаго,
Выходила душа NN изъ-за стола,
Бросила ключи на дубовые столы:
5 — Я тебѣ, батюшко, тебѣ не клюшница твоя,
Я клюшница буду свекру-батюшкѣ,
Я тебѣ, родная матушка, не варебница твоя,
Варебница я буду свекрѣ-матушкѣ.
— Охъ! ты, дитетко, не отдамъ тебя.
10 — Охъ! ты, батюшко, ведь во дворѣ-то бояре.
— Ну, дитетко, ты дитя, Богъ с тобой.

[39]

л. 15 *Во время благословенія отцомъ и матерью жениха и невѣсты (родителями невѣсты).*

7. Благословляетъ меня родной батюшко,
 Благословляетъ меня родна матушка
 Во Божью церковь идти,
 Законъ Божій принять.
 5 А мы станемъ подъ златъ подъ венець,
 А мы будемъ обручатися.

[40]

Въ доме жениха передъ благословеніемъ и отходомъ его въ домъ невѣсты, откуда пойдуть в церковь.

л. 15 об. 8. NN¹⁾ выходила на крыльцо,
 Выпушала сокола изъ рукава,
 Изъ рукавчика наверхатова.
 Полетай, ты, мой ясенъ соколь,
 5 Ко двору-двору, ко тестеву,
 Ко терему ко тѣшиному,
 Ко спалинкѣ, ко невѣстиной.
 Тутъ невѣсте, тутъ було не времо,
 Ишо було ей великой недосукъ.
 10 На // бѣло лицо она бѣлилася,
 На румян она румянилася,
 Въ чистомъ зеркалѣ она смотрелася,
 Красотѣ своей удивлялася.
 Тутъ злянула она в окошечко:
 15 — Охъ! вы, нянюшки, вы, мамушки мои,
 Ишо что это за пташечка сидить,
 Ишо что это за маленька?
 — Ишо это не пташечка,
 Ишо не маленька,
 20 Ишо это твой суженой,
 Съ ним ты во божью церковь пойдешь,
 Ишо станешь с ним подъ златой под венець,
 Ишо съ [ним] ты примешь законъ божий.

¹⁾ *Имя и отчество матери жениха.*

[41]

По порядку эта пѣсня поѣтся между 4—5 пѣснями въ честь ты- сяцкаго и шаферовъ.

Тысяцкій — большой человекъ,
Тысяцкій — воевода.
Торгуеть онъ не рублями,
А человѣческими головами;
5 Ты дари, дари пѣвицовъ ни рублями,
Ты дари, дари пѣвицовъ сто рублями.¹⁾

¹⁾ *Эта пѣсня повторяется столько разъ, сколько шаферовъ по женихъ, которые кладутъ деньги въ пользу пѣвиць.*

[42]

*Это столовая пѣсня. Она поется во время свадебного обѣда и по- л. 16
вторяется столько разъ, сколько паръ присутствует на обѣде. Подъ
парой я разумею мужчину и женщину.*

9. Гўляла,⁶⁸ погўливала
Наша гордая бояриня — NN.¹⁾
Она бўжила, побўживала
Своево дружка милова NN.²⁾
5 Ты встань, пробудися, мой другъ,
Оторвался нашъ доброй конь
У столба-столба дубовова, да
У колечѣчка серебрянова.
Ты не платъ, моя умница, да
10 Не тужи, душа-разумница,
Наживомъ себѣ зеленые луга, да
Наживомъ себѣ зеленые луга
Со калиною-малиною, да
Черной ягодой смородиною.

¹⁾ *Имя и отчество женщины, про которую начнется пѣсня.*

²⁾ *Мушина, ея муж или другой, припѣваемый къ ней.*

Заслуживаютъ вниманія особенности лексики, отраженной в рукописи Дьячкова. В текстах много редких слов и старых, даже древних словесных форм, например: «Первый **спень** я заснула, второй **спень**, третий **спень**...», «Из перстной **ставки** теряются», «С кабаку идет невежа, **пьянщѣт**, скачет», «А мы ходим **робаты**», «Из рукавчика **навѣрчатовъ**», «**мурзые** собаки»,

⁶⁸ Зачеркнут вариант начального слова «Ходила».

«— Княгини, да во **се** наш кафтан», «**неоткуль**», церковно-славянское «**подаждь**» в последнем стихе винограда — явный след церковного служения автора.

Встречаются типичные для чукотского жителя «слуховые» подмены слов, например: «По **малиньему** яблочку» или: «Со вьюном я хожу, **животом** гуляю... Соложу я вьюн, соложу **живота**...». Эти же «**животом, живот**», заменившие «золотой, золото», обнаруживаются и в других сибирских записях XIX в.: в колымском варианте (здесь особенность колымского говора приближает произнесение к слову «золото»: «Со вьюном я хожу, / **Зивотом** гуляю... / Я не знаю, где **зивот** поместить»⁶⁹), в варианте с Алтая,⁷⁰ и в камчатской записи 60-х гг. уже XX в.⁷¹ В тексте этой песни, записанном от участниц хора «Марковские вечерки», хранящемся в архиве Дома культуры, находим еще один вариант слуховой подмены: «Со венком я хозу, **живо-то** гуляю, / Я не знаю, куда венки солозить, / Я не знаю, **живо-то** солозить». Подобная слуховая подмена слова зафиксирована Дьячковым и в традиционном зачине песни — «Стой, мой милый хоровод» (в репертуаре «Марковских вечеров» «Встань, мой милый, в хоровод»),⁷² где вместо слова «хоровод» находим «караул». Возможно, что это индивидуальное слышание самого Дьяčkова, так как марковцы в годы близкие составлению «Песенника» пели «Стой, мой мирной **каравол**».⁷³

В рукописи Дьяčkова настойчиво дают о себе знать характерные особенности местного говора:⁷⁴

частая мена свистящих и шипящих согласных, например, мягкое [г'] на [ч'] и наоборот: «Речивое сердечушко», но

⁶⁹ Областной словарь колымского русского наречия. № 10.

⁷⁰ Хороводные и игровые песни Сибири / Отв. ред. А. И. Федоров; Вступ. статья, сост. и примеч. Ф. Ф. Болонева, М. Н. Мельникова. Новосибирск, 1985. № 200.

⁷¹ Русские свадебные песни Сибири / Отв. ред. А. И. Уланов. Сост., вступ. статья и примеч. Р. П. Потаниной. Новосибирск, 1979. № 179.

⁷² Шенталинская Т. С. Марковские вечерки. С. 12.

⁷³ Якубовская Е. И. Русский фольклор и христородавные песнопения на Анадыре... С. 389, № 15а.

⁷⁴ Это важная примета не только с лингвистической точки зрения, она характеризует и автора собственно рукописи. Почти весь «Песенник» написан каллиграфическим почерком, что может дать основание для предположения о работе какого-то переписчика. Но вряд ли этот человек поставил бы перед собой сугубо научную задачу скрупулезного сохранения грамматических ошибок и множества случаев «не литературных» фонетических транскрипций автора-составителя. Если все-таки предположить, что чистовые листы «Песенника» написаны не самим А. Дьячковым, сделано это было человеком местным, спокойно и уверенно чувствующим себя в родной речевой стихии.

«Подзолотеной венец», «Одеяльцо тинно приоткрыл» (след русско-северного цоканья);

мена [з] на [ж]: «Вы сойдитесь ближёшинько»;

частая мена твердых и мягких губных согласных: «Любими подружки», «Тут невесте, тут було не времо», «Ума-разума питает», «Есть таковых много лучше тебя», «Неясно горишь, не спихиваешь»;

типичное для марковцев явление, в большом количестве примеров отраженное в рукописи — то смягченное, то жесткое [р]: «Слезно возридала», но «Посмотру в окошко», «Что сударюшка твоя», «Не крыти... мой миленькой», «Золотми ключми испробракала»;

столь же характерная фонетическая замена [о] и [ы] на [у]; [у] на [о] — «Укорнулася, стрепенулася», «Я бы вольна казачка була»;

многократно отраженное в рукописи, характерное выравнивание основы глагола во всех формах настоящего времени: «Я катю, катю, по блюдечку», «Вон хорошенький бегот»;

фонетические особенности, связанные с характерным для говоров русского северного наречия произношением твердых губных согласных на месте мягких в конце слова, например: голуб, — отсюда: «Кабы ты, моя голубка, со мной, голубом жила»;

характерная для марковцев примета — пропуск, утрата предлога, например: «Получил письмо, крепко сердцу прижимал»;

типичная для русского северного говора черта — стяжение гласных в окончании глагола: «По етой порошиньке дорожка белет, / По етой дорожиньке мой милой гулят».

По-видимому, составитель пропевал песни, когда их записывал, о чем свидетельствуют проставленные во многих случаях «песенные», не грамматические ударения. Например: «Соложу тебя веночик на головку, ой да на головку, ко уда́лому да ко молóдцу, ой да ко молóдцу».

При сравнении текстов «Песенника» с другими сибирскими публикациями и записями выяснилось, что в количественном отношении наибольшее совпадение, как и следовало ожидать, оказывается с колымскими записями В. Г. Богораза, современными «Песеннику» Дьячкова, — это 32 песни!⁷⁵

⁷⁵ Областной словарь колымского русского наречия.

Сходству традиционного песенного репертуара колымчан и анадырщиков есть историческое обоснование. Первое русское поселение на Анадыре — сначала зимовье (1649), затем Анадырский острог — основано казаками, посланными с Колымы (Среднеколымский острог). Когда Анадырский острог был расформирован (1770), его гарнизон был переведен в Нижнеколымск. На Колыму переселилась большая часть русских промышленников и чуванцев, живших под защитой острога. После уста-

В качестве приложений к публикации приводятся таблицы, сопоставляющие содержание «Марковского песенника» с публикациями вариантов, входящих в него песен, как колымских, так и вариантов, записанных в Маркове в XX в. Из таблиц 5, 6, в которых представлены публикации вариантов с напевами, видно, что напевами, с которыми они распевались в Маркове, могут быть дополнены больше половины словесных текстов «Песенника». Варианты 20 песен имеются в фонографических записях Джезуповской экспедиции, почти 30 могут быть «озвучены» напевами марковских записей, сделанных в 1960—80-х гг. В Приложении приведены некоторые образцы из этих записей, в которых, как и в словесных текстах, запечатленных А. Е. Дьячковым, проявлены особенности местного говора и отчетливо слышны особенности местной мелодики, в частности бесполутоновые мелодические обороты, излюбленные здесь последовательные терцовые «шаги» в объеме септими.

Одна из *заунывных и любовных* «Песенника» — «Матушка да голубушка» — была записана в с. Марково в 1969 г. от чуванца Якова Дмитриевича Созыкина, 1913 г. р. В варианте Я. Д. Созыкина происходит контаминация с песней об «угрюмой жене» (в «Песеннике» — «Сказали про молодца, будто без вести не стал»), имеющей сходный поэтический мотив — «ночной приход любовника».⁷⁶ Обращает на себя внимание особенность мелодической строфики в этом исполнении. Двухстиховая мелострофа (АБ) подчиняется способу песенного высказывания со свободным комбинированием последовательности мелодических фраз. В стихах перечислительного содержания многократно (с 4-го по 8-й стих) повторяется второе мелодическое предложение (Б), и, по-видимому, не случайно исполнитель возвращается к зачинному музыкальному предложению (А) в драматические моменты начала диалога героев и в последней стиховой строке, подводя-

новения мирных отношений с чукчами с конца XVIII в. начинается обратный процесс — «этап стихийного переселения, бегства чуванцев и ходынцев с Колымы на р. Анадырь, которая славилась обилием мигрирующих диких оленей и промысловыми запасами рыб» (*Вдовин И. С. Чуванцы : Монография // Архив Музея антропологии и этнографии РАН, ф. 36, оп. 1, д. 16, л. 45*). Оседлая жизнь на Анадыре начинает возобновляться (конец XVIII—первая четверть XIX в.). Большая часть оседлых, русскоязычных чуванцев, потомков русских казаков, промышленных людей и женщин из местных племен юкагиров, ламутов (эвенов), составляющих основу населения Маркова и других небольших поселений на Анадыре, переселилась с Колымы. В этот же период на Анадырь с Колымы стали возвращаться и семьи русских старожилов.

⁷⁶ Вариант начального стиха с обращением, нелогичным по смыслу: «матушка да голубушка, дитятко мое», бытовал и при А. Е. Дьячкове, о чем свидетельствует сделанное им исправление (см. сноску 61).

щей итог в их взаимоотношениях. После «правильно» спетой мелострофы (стихи 9 и 10) снова многократно повторяется второе мелодическое предложение (Б) (стихи 11—14). Соответствующее предпоследней стиховой строке второе мелодическое предложение (Б) вбирает в себя восходящую зачинную интонацию первого, а первое (А) становится финальным в песне.

Близкая к этому трактовка мелострофы известна в сказительской практике, но встретила нам и в исполнении песни «Вниз по матушке по Волге» марковским жителем чуванцем Иваном Ивановичем Куркутским (1916 г. р.).⁷⁷

Уникальная во всех отношениях рукопись А. Е. Дьячкова представит возможность для многосторонних наблюдений и анализа как фольклористов, так и лингвистов.

Если Михайло Ломоносов добрался из своих Холмогор до столичных «академий» и в полной мере раскрыл свои дарования, то Афанасий Дьячков так и умер на далекой Чукотке в бедности и безвестности. Умер он в 1907 г. Николай Жихарев, написавший повесть о Дьячкове, заканчивает свое повествование о первом марковском учителе, а мы теперь можем добавить и «первом фольклористе» на Чукотке, такими словами: «Жизнь Афанасия Ермиловича — это подвиг во имя просвещения малочисленных народов Чукотки, во имя науки общероссийской».⁷⁸

⁷⁷ Шенталинская Т. С. Русская «Лодка» на крайнем северо-востоке России // Русская народная песня : Неизвестные страницы музыкальной истории. СПб., 2009. Вып. 2. С. 158—159.

⁷⁸ Жихарев Н. А. Повесть об Афанасии Дьячкове. С. 159.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Матушка да голубушка¹

(Вариант текста — «Марковский песенник» [23], [27])

Зап. Шенталинской Т. С. — от Якова Дмитриевича Созыкина (1913 г. р.): с. Марково, 1969 г.

$\text{♩} = 90$

1.—Ма - ту - ска да го - лу - (х)у бу - шка, ди - ти - тко ро - ди - мой,

2. Чуть я за - сну - ла, да гре - зи - тца ми - не во сьне.

3. Гре - зи - тца ми - не во сне бу - дта как на я - (h)а - ву:

4. При - сол, при - сол да ми - ли - ни - кой во хто - ром тя - су но - ти.

5. Зы - ле - зной - те кро - ва - то - ськи сми - ла(в)он по - дхо - дил,
6. Сол(ы) - ко - ву - ю да за - ла - но - вись сми - ла(в)он ро - ство - рил,
7. Со - бо - ли - нно - йо [о]дья лыцы - цо сми - ла он ро - слорь - хнул,
8. Пра - ву - ю ру - те ньку по - ло - (h)о - зыл на бе - лу - ю мне грудь.

9.—Спис ли, спис ли, ми - и - ла - я, ни спис, так лё - зы - ыс?

10.— За - тем, за - тем ты, ми - лый мой, дол(ы)го ты ни би - вал?

11. При - сол, при - сол да ми - ли - ни - кой во хто - ром тя - су но - ти.

¹ Все публикуемые песни расшифрованы и нотированы Т. С. Шенталинской.

- Магуска да голубушка, дититко родимой,
 Чуть я заснула да грезитца мне во сьне,
 Грезитца мне во сне, будта как на яву:
 Присол, присол да милиником во хтором тясу ноти.
 5 Зылезной-те кроватоськи смила (в)он подходил,
 Солковую да зановись смила (в)он растворил,
 Соболинной [о]дьяльцьщо смила он распорьхнул,
 Правую рутеньку полозыл на белую мне грудь.
 — Спис ли, спис ли, милая, ни спис, так лёзыс?
 10 — Затем, затем, ты, милый мой, долго ты ни бивал?
 Присол, присол да милиником во хтором тясу ноти.
 Затем, затем ты, добрый мо... вот, долго ты не бивал?
 — Красна девица, с тобой ночку натювал,
 Розугрумой-ти мне зыной век мне с ней зэ викувать.
 15 — Добрый, добрый молодец, распростимся мы навсигда!

Я хожу, хожу кругом города²

(Вариант текста — «Марковский песенник» [2])

Зап. от самодеятельного хора «Марковские вечерки». Государственный Дом радиовещания и звукозаписи (17-ВДКСС-05263). Москва, 1982 г.

$\text{♩} = 66$

Одна *Все*

² Исполнительница с низким голосом в начале песни вступает на октаву ниже, затем присоединяется к общему регистру.

Я хожу, хазу кругом гарада, да
 Я секу-рублю метём варата, да
 Я секу-рублю мичём варата, да
 Ищё тут я красну девицу иссу, да
 5 Иссо тут я красну девицу иссю, да
 Иссё где-та я малодуску найду, да
 Иссё где-та я малодуску найду, да
 Ищё тут я златым перстнем падару, да
 Исё тут я златым перстнем адару, да
 10 Я вазьму иё за правую руку, да
 Я вазьму иё за правую руку, да
 Абведу её кругом гарада, да
 Абведу её кругом гарада, да
 Я паставлю иё на местечко, да
 15 Я паставлю иё на местечко. Да
 Всё на местичко показанаё, да
 Всё на местетьке показанае: да
 Вы сайдитися близёсэнько, да
 Вы сайдитися близёсэнько, да
 20 Абаймитися крепчёсэнько, да
 Абаймитися крепчёсынько, да
 Паздаровайтесь милёсэнька.

Ай по морю

(Вариант текста — «Марковский песенник» [13])

Зап. от самодеятельного хора «Марковские вечерки». Государственный Дом радиовещания и звукозаписи (17-ВДКСС-05248). Москва, 1982 г.

♩=43→60

Двое

Ай, па мо - ру,

Все

Ай, па мо - ру,

Ай. па мо - ру, мо - ру си не - му,

Ай. па мо - ру, мо - ру си - не - му...

Ай, па мору,
 Ай, па мору,
 Ай, па мору, мору синему,
 Ай, па мору, мору синему

⁵ Плыла лебедь,
 Плыла лебедь,
 Плыла лебедь, сё лебядусками,
 Плыла лебедь, сё лебядусками,

Всё с малыма,
¹⁰ Всё с малыма,
 Всё с малыма, сё дитятусками,
 Всё с малыма, сё дитятусками.

Акурнулася,
 Акурнулася,
¹⁵ Акурнулася, стрепехнулася,
 Акурнулася, стрепехнулася,

Пад ней вада,
 Пад ней вада,
 Пад ней вода скалыхнулася,
²⁰ Пад ней вода скалыхнулася.

Вышла лебедь,
 Вышла лебидь,
 Вышла лебидь, всё на наш березок,
 Вышла лебидь, всё на наш березок.

²⁵ Хадил-гулял,
 Хадил-гулял,

Хадил-гулял па садам, па лугам,
 Хадил-гулял па садам, па лугам,
 Сбирал перья,
 30 Сбирал перья,
 Сбирал перья лебединые,
 Сбирал перья лебединые,
 Ниаткуль взялся,
 Ниаткуль взялся,
 35 Ниаткуль взялся удалый маладец,
 Ниаткуль взялся удалый маладец,
 Низка кланился,
 Низка кланился,
 Низка кланился, здоровался са мной,
 40 Низка кланился, здоровался са мной.

Ты лучинушка

(Вариант текста — «Марковский песенник» [25])

Зап. Шенталинской Т. С. от самодеятельного хора «Марковские вечера»: с. Марково, 1969 г.

♩ = 75

1. Ты лу - чи - ну - шка да бе - рё - за - ва - я,
 2. Не я - сна го - ришь да не вспи - хи - ва - ешь.

Ты лучинушка да берёзавая
 Не ясна горишь да не вспихиваешь.
 Што ли ты, лучинушка, да берёзавая
 В печи не была да не высушена.
 5 Как лиха свекра да всё журит, бранит,
 Всё журит, бранит да любить не велит.

Сопоставление текстов «Марковского песенника» с публикациями колымских и марковских вариантов

Таблица 1

Песни игровые

Дьячков ³	1	2	3	4	5	7	8	9	11	12	13	14	15	16	17	18	20	21
Богораз 1901	18	19	13	20	12	20	10	16	31	15	26	17	23	11	24	109		27
Лебедева 1985	с. 137	с. 138								с. 138							с. 137	

Таблица 2

Песни заунывные и любовные

Дьячков	22	24	27	28
Богораз 1901	96	106	82	135
Селюкова			13	
Строжецкий			5	

Таблица 3

Виноградные песни

Дьячков	30	31	32
Богораз 1901	115	114	116
Селюкова	25		
Строжецкий			1
РЭПС			195

Таблица 4

Свадебные песни

Дьячков	33	34	36	37	38	40	41	42
Богораз 1901	48	54, 63	57	58	50, 67	56	74	62
Строжецкий								7

³ Указаны номера сплошной нумерации песен из «Песенника» Дьячкова, помещенные в квадратных скобках наст. публикации.

**Сопоставление песен из «Марковского песенника» с публикациями их колымских
и марковских вариантов с напевами**

Таблица 5

Песни игровые

Дьячков	1	2	3	4	5	6	8	9	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Шенталинская 1983	с. 7.	с. 6		с. 21					с. 13	с. 12	с. 5	с. 14	с. 19		с. 9	с. 10			с. 18
Якубовская 2012	11	10	9		17	16	14	19		15		20		13	4	5	22	19	8

Таблица 6

	Песни заунывные и любовные		Виноградие песни		Свадебные песни	
Дьячков		27	30	31	32	42
Шенталинская 1983			с. 20	с. 20		с. 22
Якубовская 2008			20	21	22	
Якубовская 2012		28				26, 26б, 26в
Строжецкий					2	9

Источники песенных вариантов, представленных в таблицах

Богораз 1901 — Областной словарь колымского русского наречия / Собрал на месте и составил В. Г. Богораз. СПб., 1901. Отдельный оттиск из Сборника Отд-ния рус. яз. и словесности имп. АН. СПб. Т. 68. № 4.

Лебедева 1985 — *Лебедева Ж. К.* Песенное наследие казаков-землепроходцев Чукотки / Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1985. Вып. 12. С. 133—138.

РЭПС — Русские эпические песни Сибири и Дальнего Востока / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, Т. С. Шенталинская. Новосибирск, 1991.

Селюкова — *Селюкова Т. А.* Новые записи произведений устного народного творчества русского нижнеколымского населения (по следам В. Г. Богораз) // Записки Чукотского краеведческого музея. Магадан, 1967. Вып. 4. С. 58—68.

Строжецкий — *Анучин Д. Н.* О применении фонографа к этнографии и, в частности, о записи шаманского камлания в Средне-Колымске Якутской области // Труды Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М. 1911. Т. 2: Нотное приложение : Песни Якутских казаков. С. 269—297. [Записи на фонограф Яна Строжецкого].

Шенталинская 1983 — *Шенталинская Т. С.* Марковские вечерки. Магадан, 1983.

Якубовская 2008 — *Якубовская Е. И.* Традиционный фольклор русского населения Анадыря и Колымы в записи В. Г. Богораз и В. И. Иохельсона // Русский фольклор. СПб., 2008. Вып. 33. С. 181—246.

Якубовская 2012 — *Якубовская Е. И.* Русский фольклор и христославные песнопения на Анадыре и Колыме в записи В. Г. Богораз, В. И. Иохельсона и Я. Строжецкого (1900—1903 гг.) // Русский фольклор. СПб., 2012. Вып. 36. С. 332—433.

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ В. ФЕДОРКОВА «НА РЫБНОЙ ЛОВЛЕ»

(ПО МАТЕРИАЛАМ РО ИРЛИ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН)

Публикация и комментарии М. В. Рейли

В хранилище Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее — РО ИРЛИ) нами была обнаружена коллекция фольклорно-этнографических материалов, записанных сельским учителем из Заонежья, воспитанником Петрозаводской учительской семинарии, Василием Федорковым в 1915—1923 гг. В это собрание входят песни (№ 1—6, зап. в 1916 и 1923 гг.); альбомные стихи (№ 7—8 листов); 96 частушек (№ 8); копия выписки из рукописи «Из уложения 1649 г. Алексея Михайловича о разбойных и татии делах», сделанная В. Федорковым 28 декабря 1916 г. (№ 9); заговоры (№ 10—16); сказки (№ 17—26, 1916 г.); план д. Тарасы, Заонежье, 1902 г. (№ 27); 4 ученические тетради, озаглавленные «На рыбной ловле» 1915—1917 гг. (№ 28—31); олонецкие суеверия (№ 32: «О том, как моя тетка видела черта»); анекдоты и др. (№ 33); I. Краткое повествование о развитии грамотности в районе Узкинской ц^{ерковно}-пр^{иходской} школы, II. Летопись Узкинской ц^{ерковно}-пр^{иходской} школы (№ 34); записки В. Федоркова (№ 35); добавочные записки В. Федоркова (№ 36—38); материалы по вопросам религии, собранные В. Федорковым (№ 40—44);¹ «стишки» (№ 45—46).

Для публикации использованы фольклорно-этнографические заметки В. Федоркова «На рыбной ловле» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 73, п. 1, № 27—32), которые представляют собой, по-видимому, дневник собирателя, и заключены в пяти ученических тетрадях по

¹ № 39 в собрании отсутствует.

12 листов каждая. Три тетради, судя по характеру записей, перечеркнутых карандашом, содержат черновые или полевые материалы, а четвертая представляется перебеленной рукописью, прошедшей литературную обработку.

Записки интересны тем, что содержат ценные наблюдения о быте и верованиях крестьянского населения Заонежья начала прошлого века еще дореволюционного периода. Несмотря на литературный стиль повествования, заметки В. Федоркова сохраняют своеобразие и самобытность крестьянской речи, так как большая их часть представлена в виде диалогов собирателя с деревенскими жителями.

ИЗ ОЛОНЕЦКИХ ПРЕДАНИЙ И СУЕВЕРИЙ. НА РЫБНОЙ ЛОВЛЕ

Василий Федорков.

Воспитанник Петрозаводской Учит. семинарии.

[И ч а с т ь]

В одно прекрасное летнее утро в начале августа пришел ко мне товарищ Федя <...> и сказал, что они сегодня с дядей Тимофеем едут ловить рыбу. <...> Я <...> побежал к дяде Тимофею, <...> а он сидит в углу, чинит сети. «Здравствуй, — говорю, — дядя Тимофей!» — «Здравствуй, здравствуй, (нос красный)!² Садись да хвастай!» — «Нечем хвастать, дядя Тимофей: нового ничего не знаю, а вот слышал я, что Вы с Федей едете сегодня рыбу ловить, так вот к тебе с просьбой пришел: возьми меня на ловлю». — «Ну, поедем, — только поскорее справляйся. <...> Смотри, скорее одевайся, некогда тут канительиться», — крикнул мне вслед дядя Тимофей, (когда я уже подходил к двери).³ Дома я наскоро оделся и пошел к Феде. <...>. Мы решили с ним <...>⁴ таскать в лодку свои и его запасы <...>, т<ак> к<ак> мы выезжали из дому, «если пощасливить», по выражению дяди Тимофея, на несколько дней.

² В скобках — вычеркнуто карандашом.

³ В скобках — вычеркнуто карандашом.

⁴ Две предыдущие фразы в рукописи переставлены местами.

И I ч а с т ь

[Дядя Тимофей]⁵ <...> был мужчина лет 56-ти, участник последней (до 2-й отечественной) русско-турецкой войны⁶ <18>77 и <18>78 года. Роста он был среднего, с курчавыми и черными, как смоль, волосами и с небольшой горбинкой на носу. Высокий лоб его и лицо были покрыты глубокими морщинами, которые терялись в густой рыжей бороде с проседью. Глубокие, пронизательные, по временам грустные и задумчивые глаза и вообще все лицо его доказывало, что немало пришлось ему, бедняге, пережить горя на своем веку. (В молодости его телосложение не имело никаких недостатков, но под старость, уже после военной службы, у него, наверно, от трудной крестьянской работы, образовался горб).⁷ Раньше у него были жена и дети, но все они перемерли <...>.

После смерти жены он бросил крестьянство, принялся за рыболовство и с тех пор не бросает этого любимого⁸ промысла. Да и по нем этот промысел — работа не трудная,⁹ а выгодная: у себя почти всегда харч на столе, а излишек продает, а на вырученные деньги и покупает хлеб и «церемонию» (чай, сахар, закуску и проч.), по выражению его самого. Круглый год он находится на озере: летом с удочкой и сетями, весной с «мережками» (рыболовные снасти), а зимой — с одной¹⁰ удочкой. Бывало, оденет на себя свой длинный тулуп [с красными заплатами, пришитыми им самим], подпоясется красным [длинным] кушаком, топор за пояс заткнет, а корзинку через плечо на коротком удилище, и идет на лыжах на середину озера, как будто по команде, мерным солдатским шагом. Там у него есть уже заранее приготовленные проруби (он посещает их почти каждый день), к которым подсадет, бывало, и целыми днями просиживает у них на корзинке. <...> Мне приходилось несколько раз побывать с ним на рыбной ловле. Одну из таких поездок я и постараюсь <...> описать.

И I I ч а с т ь

Мы с товарищем живо собрали в лодку свои припасы и пошли к дяде Тимофею. <...> Только собрались идти в лодку, вдруг дверь открывается и входит к нему неожиданный гость — сосед

⁵ Зачеркнуто, исправлено сверху на «экспедиции». Здесь и далее в квадратных скобках восстановлен зачеркнутый автором текст.

⁶ Зачеркнуто, исправлено сверху на «кампании».

⁷ В скобках — вычеркнуто карандашом.

⁸ Слово вставлено сверху карандашом.

⁹ Слово вставлено сверху карандашом.

¹⁰ Слово вставлено сверху карандашом.

Иван Михайлович, и говорит: «Дядя Тимофей, дай, пожалуйста, займы рублей 5-ть до понедельника. Повестка от брата с Питера пришла на 15 рублей, да деньги не получены, — в понедельник схожу на почту, получу и отдам. Теперь деньги до зарезу нужны». — «Куда ж тебе с деньгами-то теперь, или молодуху отправил в гости, так кутнуть вздумал?» — спросил дядя Тимофей <...>. — «Какое кутнуть, не до кутежа теперь: 3-й день телка болеет. Молодуху-то я справил за Малахой в Бор. Говорят, что она хорошо ладит насчет эвтово. Вот сегодня молодуха привела Малашку, да ведь та с пустыми-то руками не станет, пожалуй, приниматься за такое дело. Ведь сухая ложка рот дерет, как сказывают старые люди, — тоже нужно сунуть немножко чего-нибудь, тогда и возьмется, а то, не дай Бог, хуже чего бы не сделала, подлая. Ведь она, окаянная, с бесами знает. Ей — что, только слово сказать — и готово». — «Так-то так, да ведь мы-то на дело отправляемся. Не мог вчера-то спросить». — «Ну, прости, дядя Тимофей, а я и ни к чему, што вы на дело отправляетесь. Если бы знал, разве пошел бы».

На суровом выражении лица дяди Тимофея можно было прочесть, что он был не доволен визитом соседа перед «началом дела». Мне хотелось узнать от него подробности этой приметы <...>. Наконец, не выдержал и спросил. «Эх, ребята, ребята. Мало вы еще жили на сем свете. Поживете — узнаете. Опыт покажет вам, что не во время гость — хуже татарина», — ответил дядя Тимофей на мой вопрос. <...> «На, возьми», — сказал дядя Тимофей с горестью, подавая деньги Ивану Михайловичу. Последний поблагодарил дядю Тимофея и с радостью побежал домой. Дядя Тимофей взял сети через плечо, а Федя его удочки, и мы пошли на берег. Только зашли в лодку, дядя Тимофей вспомнил, сожалея: «А парус-то мы и забыли дома. Назад, может быть, «пóветерь завьет». Федя, сходи на сарай, он там на балке висит, так принеси». Федя живо исполнил его приказание. <...> Дядя Тимофей важно уселся в корму, взял в руки руль-весло и занял высоким тенором старинную песню:

«Высоко звезда расходится,
Широко звезда разливается:
Выше лесу, выше темного;
Выше садику зеленого,
Выше ворот, выше царских.
Тут стояла темна темница,
Темна темница, злодейка-заклочевница,
А во этой темной темнице
Был засажен добрый молодец,
Добрый молодец — донской казак.
Он с по темнице похаживал,
Табаку трубку накладывал,

Накладывал, закуривал,
В окошечко поглядывал,
В решетчато посматривал.
Случилось царю-то мимо ехати,
Мимо эту-эту темну темницу,
Темну темницу — злодейку-зключевницу:
«Уж ты, царь мой государь-батюшка,
Прикажи меня поить-кормить,
Поить-кормить — на волю выпустить.
Если ты меня на волюшку не выпустишь,
Напишу я письмо-грамотку
Ко родителю ко батюшку,
Ко родимой ко матушке,
Ко братцам ясным соколам,
Ко сестрицам белым лебедям,
Они твое царство огнем сожгут,
Твоих воинов всех перебьют,
А Тебя самого в полон возьмут».

Старческий голос его дрожал и придавал еще больше красоты грустной его мелодии. <...>

IV ч а с т ь

«Да, прошли времена», — сказал дядя Тимофей, окончив песню. — «Старость одолела, — продолжал он с грустной улыбкой на лице. — Бывало, как в солдатах мы певали эту песню, так любо было слушать. [Полковой] командир, [как услышит, так] и тот, бывало, похвалит да еще и на водку иножды даже пожалует синенькую. Добрая душа был, — дай ему, Господи, царствие небесное (убит в японскую кампанию). В наш полк его в „Питери“ тогда назначили, и, с тих пор, он больше не расставался с нами до конца кампании. Лучше отца родного был». <...>

«Дядя Тимофей, а долго ли вы в Петрограде тогда жили», — спросил Федя. — <...> «Считай сам, с Благовещенья и до вешного Миколы». — «<...> Ну, а как тебе понравился Петроград или нет?» — «Ну, как может не пондравиться такой город. Какие дома, какие памятники, везде богачество какое да расхожество. Так бы и жил там. <...> Одны памятники чего стоят. Вот хоть взять Петровского, што близ Исакия, где Петр Великий на коне едет, а вокруг ноги коня змея обвилась». <...> «<...> Дядя Тимофей, отчего это змея вокруг ног коня обвилась?» — спросил Федя. — «Да разно¹¹ рассказывают об этом.¹² Я-то слышал так.

¹¹ Поверх слова карандашом «всяко-яко».

¹² Поверх карандашом «эфтом».

Когда Петр Великий окончил войну со шведом и ввел в Россию иностранные¹³ порядки, то стал сравнивать себя с Богом; говорит: „Нет ничего невозможного на свете, — все может победить человеческий разум“. А шут-то Балакирев услышал это;¹⁴ подошел к нему да и говорит: „Как это так, што ничего на свете нет невозможного? А ну-ка перескочи¹⁵ на лошади через Неву!“ Петр Великий, недолго думая, приказал оседлать своего <...> рысака и перескочил¹⁶ на ём через Неву два раза. Только хотел перескочить в третий раз, вдруг пришло ему в голову сказать: „Все мое да Богово“. Это нужно так понимать, што вся земля „в моей да Боговой власти“. Разъехался он на коне в третий раз и только хотел вот с этого самого камня, што памятник на котором стоит, перескочить через Неву, вдруг змея-то обвилась вокруг ног лошади,¹⁷ да [конь] и остановился так, „на дыбах“, как на памятнике стоит. Если бы Петр сказал, што все Богово да мое, так перескочил бы и в третий раз, а то он захотел быть выше Бога — „мое“ поставил впереди, — да Бог и не допустил <третье>го-то раза перескочить.¹⁸ Ну, вот как он остановился на камне, такой и памятник ему поставили».

«Дядя Тимофей, кто же это тебе рассказывал?» — [спросил Федя]. — «Покойный дедушка, царство ему небесное. Любитель был рассказывать. Бывало, как сядет куда-нибудь на „дубравку“, а кругом его соберутся все „суседи да суседки“, а он им и рассказывает про старину-матушку, а те развесят, бывало, уши, да и слушают. Много кое-чего знал. А особливо о Петре Первом. Петра-то он на десятое небо превозносил. Да и есть за что: эх, человек-от был, редкостный человек! Недаром Великим его прозвали. А простоты-то что в нем было, хоть отбавляй — с каждым мужиком поговорит, бывало. А ума — палата. За словом в карман не полезет. Судил всех по правде — хоть сам енерал быть, а если виноват — разжалует. Много таких случаев было вот хоть взять, например, таковой. Приезжает один раз Петр Великий в Александро-Свирскую обитель. В это время там обедню игумен служил, а после обедни проповедь стал говорить. Петр простоял обедню и прослушал проповедь. Проповедь-то игумена хорошо сказана. Увидел Петр, что игумен умно рассуждает. „Дай-ка, — думает, — загадаю ему три загадки. Если отгадает, — сделаю архиереем“. Подозвал к себе и говорит: „Хорошо, отец игумен, ты проповедь говоришь, молодчина! А теперь вот

¹³ Поверх карандашом «иноземные».

¹⁴ Поверх карандашом «эвто».

¹⁵ Поверх карандашом «перескакни».

¹⁶ Поверх карандашом «перескакнул».

¹⁷ Поверх карандашом «коня».

¹⁸ Поверх карандашом «перескакнуть».

слушай — задам тебе три загадки. Если разрешишь, то я тебя сделаю архиереем. 1-я: сколько звезд на небе? 2-я: что я стою? 3-я: что я думаю? Сроку тебе думать даю 3 дня“. Испугался игумен: „Што будет, если я не отгадаю. Вот на беду-то попал. Не было печали, да черти накачали. Пойду, думает, посоветуюсь с мельником. Может быть, тот поможет“. А мельник-от был тоже человек не без ума. Он жил на угодьях монастырских за кортому.¹⁹ Пришел игумен к нему, рассказал о всем подробно и говорит: „Помоги, дружище, я тебя впишу в поминальную книжку за эфто. Уж ты только не оставь“. Мельник живо смекнул, в чем дело, и говорит: „Давай мне твой подрясник. Я одену его на себя и на все загадки Петру дам ответ“. Игумен согласился и отдал свой подрясник мельнику, а сам оделся мельником. На третий день является мельник в подряснике игумена к Петру Великому. Петр Великий и говорит ему: „Ну што, о. игумен, отгадал загадки?“ — „Отгадал. Звезд на небе столько же, сколько волосинок на правом боку у коровы“. — „А сколько волосинок у коровы на правом боку?“ — спросил Петр. — „2 миллиарда 658 тысяч“, — ответил мельник. — „А ты не врешь, о. игумен?“ — „А если ты, государь, мне не веришь, то изволь сосчитать сам“. — „Молодец. Ну, а сколько я стою?“ — „И<исуса> Х<риста> Иудя продал за 30 серебрянников, так ты, Государь, хоть на один серебрянник да меньше стоишь И<исуса> <Христа>, а именно 29 серебр<енников>“. — „Ну, а что я думаю?“ — „Вы думаете, Государь, што я игумен, но ты ошибаешься — я мельник, только подрясник игумена на мне“. Удивился Государь находчивости мельника и говорит ему: „С сегодняшняго дня ты будешь игуменом, а игумен — мельником“. Прошло несколько лет после эфтово случаю. Спомнил Петр Великий этого игумена и велел позвать его к себе. У Петра Великого в то время был сын лет так около 5-ти. Игумен, приехавши во дворец к Петру, первым делом взял на руки мальчика и сказал: „Милосердный Боже, благодарю Тебя: Симеону Бессмертному Ты сподобил принять на руки И<исуса> Х<риста>, а мне — Великого наследника России. Теперь я могу спокойно умереть. Пондравились такие слова Петру Великому, и он сделал его архиереем. На поезде Государыня у этого архиерея спросила: „Когда ты, от. игумен в следующий раз пожалуешь к нам?“ А он и ответил: „Когда Царица Небесная внушит царицы земной позвать меня, я готов“. Услышав эти слова, Петр Великий еще больше полюбил эфтогво мельника и оставил его при своем дворе).

«А хорошо башка-то варила у мельника», — добавил Федя, когда дядя Тимофей кончил. — «Наверно, не отрепами была набита, потому и варила хорошо. У игумена как отрепами была набита, Петр и сделал его мельником. Был бы у него ум, так не

¹⁹ За плату. — Пояснение В. Федоркова.

отдал бы подрысника мельнику. Поделом ему за эфто и чин сбавить». — «Дядя Тимофей, а как бывший-то игумен попал в игумены или так мельником и остался?» — спросил Федя. — «Года два был мельником, — ответил дядя Тимофей, — а потом опять как-то затесался в игумены. А мельник так и остался при царском дворе». <...>

«Дядя Тимофей, не слыхал ли ты что-нибудь от него²⁰ про обельных крестьян?

<...> Почему же они называются „обельными“?» — «(Да говорят),²¹ што когда Марфа, мать Мих<аила> Федоровича, ехала в Толвую, у некоторых крестьян стояла.²² Когда Михаил Федорович поступил царем, простил (им подать)²³ „навечно“. Эти-то „крестьяна“ и называются „обельными“».

«Дядя Тимофей, а я так иначе слыхал об этом, — [перебил Федя дядю Тимофея]. Из Петрограда в прошлом году мне пришлось ехать зимой на лошадах. (Нам пришлось стоять в деревне...)»²⁴ <...> Зашел как-то разговор про этих обельных крестьян. Извозчик-то у нас был молодой — [кровь с молоком] — разговорный парень, <...> [не будь дурак, да и] спросил у хозяина, почему эти крестьяне так называются. Хозяин ему объяснил это так: говорит, у Петра Великого нога сильно болела, так какие-то мужики ходили лизать [его] больную ногу <...>. У Петра нога и поправилась. За это он хотел наградить мужиков деньгами, но мужики денег не взяли; тогда Петр Великий наделил их самой лучшей землей и освободил от оброков. [С той поры они жили обельно]».

«Может ли быть это», — сказал дядя Тимофей, когда Федя окончил. — «Я-таки думаю, што после Михаила Федоровича образовались обельные „крестьяна“. Никто достоверно об этом не знает. Старые-то люди правду говорили, а на теперешних молодых людей нельзя положиться. Скажешь им слово, а они прибавят десять, да и пойдут потом врать, один другому, другой третьему, и так без конца. А стариков-то много ли теперь есть: на сотню один-два, да, пожалуй, и то не во всяком месте. Теперь народ правду дьяволу продал. Ну да ладно, — не нам об этом судить; есть люди поумнее нас. Наше дело сторона. А вот лучше давайте-ка „прокаляжим“²⁵ здесь, у „Язихи“. (Название ручья, впа-

²⁰ Поверх карандашом «деда».

²¹ Текст в скобках (скобки наши — *М. Р.*) зачеркнут и заменен на «Он так объяснял».

²² Поверх карандашом «останавливалась на обед и на ночлег».

²³ Поверх текста в скобках (скобки наши — *М. Р.*) карандашом «тем крестьянам оброки».

²⁴ Поверх текста в скобках (скобки наши — *М. Р.*) карандашом «Остановились мы в одной деревне на ночлег».

²⁵ *Каляжить* — запустить рыболовную сеть вокруг какого-нибудь участка воды и гнать рыбу в нее (в сеть) из середины. Удобным из

дающего в заливчик озера.) Тут рыбное место». Сказав это, дядя Тимофей направил лодку к маленькой скале, которая виднелась на другой стороне озера. <...> (Подъехав к берегу, мы)²⁶ запустили сеть вокруг устья ручья. Дядя Тимофей взял в руки длинную палку, на кончике которой был воткнут деревянный кружок (это орудие местные крестьяне называют «тарбало») и стал им гнать рыбу, сначала из речки а потом от берега — из участка, обнесенного сетью. <...> У подножия скалы лежали обгоревшие бревна, которыми кожевники на скале «калили золу», а после употребления их скатывали вниз. На другой стороне речки, на самом берегу [озера] стоял больш[ой] ивовый куст. Густые ветки его свесились в воду.

«Тут, под ивовым кустом, наверно, есть щуки. Это любимое „ихное“ место», — сказал дядя Тимофей и ткнул в воду перед кустом своей палкой. — «Так оно и есть, — продолжал дядя Тимофей, — вон две небольшие щучки побежали от куста. Теперь поезжайте к концу сетки, — пора тянуть». Вскоре мы вытащили сеть из воды и поехали дальше. Дядя Тимофей с сияющей радостной улыбкой на лице стал перебирать сети и снимать рыбу из них. «Ну, слава Богу, — почин дороже денег», — сказал он, положив в корзинку отпуганную первую рыбку.

<...> Вдруг на гладкой поверхности воды показалась небольшая точка, а от берега до точки в ту и другую сторону расходились мелкие волны. <...> [Дядя Тимофей] пристально устремил свой взгляд по направлению к точке и утвердительно проговорил: «Да это гад плывет по воды». — «Интересно, — я еще никогда не видел. Как же он плывет?» — спросил Федя у дяди Тимофея. — «Да как бы тебе сказать — не соврать? <...> Когда он плывет, держит во рту таинственную траву, которую зовут „разрыв-травой“. Эта трава имеет особенное свойство. Если добыть ее и положить в порезанную ранку в руку, а потом заростить там, тогда можно этой рукой ломать замки, машины и все железные предметы,²⁷ которые захочет человек. Только стоит ударить тем кулаком о железный предмет,²⁸ и предмет²⁹ сразу ломается. Вот есть пожня у стай³⁰ за озером — против нашей деревни, так, как вы думаете, — из-за „разрыв-травы“ запустошена.³¹ Совсем на гладком месте косы

участков является залив. Таким способом принято ловить особенно в Петрозаводском и Повенецком уездах. — Пояснение В. Федоркова.

²⁶ Поверх текста в скобках (скобки наши. — М. Р.) карандашом: «Мы подъехали к берегу и».

²⁷ Поверх карандашом «вещи».

²⁸ Поверх карандашом «железную вещь».

²⁹ Поверх карандашом «вещь».

³⁰ *Стаи* — постройки в стороне от деревни, большею частью за озером, куда крестьяне полагают скот на ночь. — Пояснение В. Федоркова.

³¹ *Запустили* — бросили. — Пояснение В. Федоркова.

ломаются. Нет на пожне ни кустышка, ни камешка, а все вот из-за ней, из-за разрыв-травы косы ломаются. Уж пробовали было отдавать и в часовню — Кузьмы да Демьяну эту пожню — ништо не помогает. В каждый год, бывало, как станут косить, обязательно штук пять-шесть кос сломают. Наконец, забросили. Так и стоит [теперь] пустая». — «Дядя Тимофей, что же тут не берут и не употребляют в дело разрыв-траву?» — «Да где ж ты ю найдешь-то? Ведь она сама не покажется. А так ей никто не знает».

«Дядя Тимофей, а что будет, если мы будем на воде колотить веслом змею?» — «Нет, Боже упаси! — отвечал дядя Тимофей. — Она тут „разсердится“, так всех нас заклюет.³² На воды она сильнó зла!» <...> — «Было много таких случаев, — [продолжал дядя Тимофей], — взять, в пример хоть Афоньку Косого, что старой Коргой прозывался, от эфтого смерть получил. Таким манером (образом) раздражил ею на воды, а она и бац ему прямо в лодку, вскочила на шею да и „жог!“ ему прямо в грудь, в самое сердечко, в левый бочек, — тут, сказывают, дохтура, у человека сердце. Он так назад и повалился, как сноп, а она спрыгнула опять в воду, да нет, брат, шалишь! Возившись с Афонькой, разрыв-то траву затеряла, а без ней и сама прямо ко дну. Да, брат, дружки, как разозлить ею, окаянную, на воды — дело бедовое! Вот и на сухом месте тоже не угодишь — так беда! С ними обходиться — надо быть умным, а то она живо, окаянная, — того! И убивать-то её нужно знать, каким деревом. А не знавши этого беду залучишь (получишь)».

«Дядя Тимофей, каким же деревом надо убивать змею?» — спросил Федя <...>. — «Это первым делом надо знать человеку. Без этого нельзя», — ответил дядя Тимофей. — «Змею нужно убивать всегда ольховой палкой», — продолжал открыисто дядя Тимофей, принимая позу старинного учителя-самоучки. — «Дядя Тимофей, а почему же не осиною или березой, а непременно ольхой?» — спросил снова Федя. — «А потому ольхой, — отвечал дядя Тимофей, — что ольха — святое дерево. Осиною да березой ни под каким видом нельзя, потому они прокляты самим Иисусом Христом. Вот послушайте, я расскажу вам случай с Микулкой, что Горбатым прозывался. Поехал он однажды в поле пахать яровое. День-то выпал красивый такой, веселый. Так душа и радуется, как вспомнишь этот день. Бывает, как заскачет, заскачет солнышко-то с утра самого — как будто в Пасху, когда радуется, что Христос Воскресе. Оно, говорят, скачет только с радости или перед бедой. Уж, верно, оно предчувствовало, беду-то Микулкину. Я увидел, что оно скачет, да и говорю соседу-то: „Не перед добрым солнцем-то скачет“, — а он и отвечает: „А брось ты лучше думать-то о пустом“. Я ему больше

³² Ужалит. — Пояснение В. Федоркова.

слова не сказал, а оно вышло — правда. Выехал Микулка пахать. Пахал, пахал, вдруг заметил, что лошадь, подходя к сопке, стала беситься. Он ю кнутом стеганул, а она на ответ ему задними ногами, да на дыбы и стала. Што угодно-то делай, нейдет дальше — хоть убей! „Наверно, утром, когда я поехал пахать, — подумал Микула, — так попавши навстречу старик из Соновца, порчу навел на коня“. Дело бедовое, да ничего не попишешь. Взял Микула, роспряг коня и отпустил. „Пущай, — думает, — поотдохнет — может, лучше будет пахать“. Только отпустил лошадь, обернулся к сопке, глядь, а на сопке гадище, пребольшущий такой. Да какой еще проклятый есть, — то не поверите, если сказать, с ногами, окаянный! А возле-то сопки осиновая палка лежала. Схватил Микула осиновою палку и давай ю этой палкой стегать. Только стеганул первый-то раз, — она как прискочит выше его головы да засвищет, будто Соловей-разбойник, страшно даже и подумать. Он ноги за спину и давай бежать, она, проклятая, за ним вслед да на ходу свищет, противная. Микулка бежал, бежал — никак не может уйти — змея тут как тут. Наконец, до того добежал, што дух захватило. „Дай, — думает, — остановлюсь“. Сказано — сделано: остановился. Вдруг змея ему на шею. Обвилась вокруг шеи три раза и смотрит ему прямо в глаза так злобно-злобно. Испугался бедный Микула, но делать было нечего. „Верно, Богом мне суждено так“, — сказал он и пошел домой. Рассказал обо всем подробно отцу и матери и решил ходить по монастырям да святым местам до тех пор, пока не избавится от своей спутницы. Долго ходил он по монастырям, много он сдержал сребра на свечи да молебны, ништо не помогает, ништо не действует на проклятую злодейку. Как только зайдет в Божью церковь, змея спрыгнет на паперти у входа и ждет его. Как только он выйдет из церкви, она и бац ему на шею! Случилось ему однажды побывать в церкви Троицкой (Лавре). После обедни подождал игумена и рассказал ему все по порядку. Тот пообещал избавить его от этой беды. Отслужив пред мощами св. Сергия молебен, дал ему крестик с образа пр<е>п<одобного> Сергия и благословил его им. Микула одел крестик и вышел из церкви. Змея хотела вскочить ему на шею и обожглась. Увидав на шее крест, отступила назад и с тех пор больше не подходила к нему. Обрадовался бедный Микулка, бегом домой подрал. 3 дня с радости пировали».

«Да правда ли это, дядя Тимофей, в ту ли дорогу ты заехал?» — «Ну как не в ту? Своими собственными глазами видел змею-то: длинная такая, два раза вокруг шеи обвившись была. С шестью ногами, дьявольское отродье. Глазища злющие-презлющие такие — страшно даже смотреть!»

«Дядя Тимофей, — перебил Федя его, — почему это говорят, что когда змея ужалит человека, то старается первая прыгнуть

на камень?» — «Этого нам нельзя знать, потому што Богом так положено. Это исстари так идет. Старые-то люди сказывали, што кто первый, человек или змея, прыгнет на камень, так тому опухоль не пристанет», — ответил дядя Тимофей. (Разговаривая таким образом, мы и не заметили, как приехали на предназначенное место)³³ — в залив или «Судакову губу». <...> Запустив сети, мы подъехали к хвойнику и, запустив камень, служивший якорем, принялись за ужение рыбы.

«Ну, ребята, — предварительно заявил нам дядя Тимофей, — теперь, чур, не разговаривать, — рыба шороху боится. Она всякие звуки слышит». <...> Мы долго сидели на одном месте с удочками в руках. Ближе к полудню рыба почти совсем перестала попадать.

«Не пора ли нам, ребята, на обед ехать? Што-то рыба пообклевалась. Да, здорово мы ю накормили. Пойдемте на мельницу», — проговорил дядя Тимофей и, вытащив камень из воды, сел на свое обычное место. Взявшись за весло, он направил лодку прямо к мельницам. <...> Возле каждой из них были маленькие избушки, которые служили квартирой для мельников и гостиницей для приезжающих. <...> Весь в муке, седенький мельник стоял возле мельницы. Глубокие серые глаза его, смотревшие из-под густых седых бровей, как будто окна из-под соломенной крыши, были очень яркие. Дядя Тимофей подошел к нему и, вежливо раскланявшись с ним, попросился расположиться у него на обед в избушке. Последний с радостью позволил, и мы через несколько времени чувствовали себя, как дома. Товарищ разложил огонь на плите.³⁴ В это время дядя Тимофей приготовил рыбу и, положив в котел, повесил на огонь, а сам прилег в угол избушки, застланной сеном, который служил мельнику спальней. Печка в избушке была черная. Такие печки сохранились еще в Олонии не только в мельничных избушках, но даже и в деревнях. Вместо настоящей трубы в потолке было сделано отверстие. Дым не успевал уходить в это отверстие, так оно было очень маленькое, и накаплился вверху под потолком. Потолок был покрыт толстым слоем дымовых осадков. В переднем углу, на полочке, стоял старинный образ, почерневший от дыма и переколотый. Половинки его чуть-чуть держались на перекладине. Под иконой стоял столик, предназначенный для нескольких человек. По обеим сторонам столика стояли скамейки. У одной из них вместо ножек были поставлены необтесанные сосновые чурбаны. Хотя избушка была и новая, но пол был сколочен из старых половиц. Древесина в половицах была истоптана, а сердцевина и сучки

³³ Текст в скобках (скобки наши. — М. Р.) вымаран карандашом.

³⁴ В старых печах то место, где разжигают огонь для варки пищи, принято называть жараткой или огнестком. — Пояснение В. Федоркова.

торчали вверх и придавали ему своеобразный вид. Хотя все это и служило препятствием при ходьбе, но никто большого внимания не обращал, во-первых, потому, что привыкли, а во-вторых, у всех существует убеждение, что в лесных избушках «никто и видит».³⁵ Повыше окон были небольшие, топорной работы, полочки, еще выше — толстые балки. На них поперек были положены доски. В свободное время мельник делал деревянную посуду. В настоящее же время весь этот материал, почерневший от дыма, обсыхал. <...> Федя притащил с улицы толстый чурбан и, поставив его возле печки, уселся на него следить за огнем. Тут мне пришло на мысль спросить у дяди Тимофея, почему называется Судаковой губой тот залив, в котором мы ловили рыбу.

<...> — «Ну, ладно, так и быть расскажу. Досюль водилось в этой губы много судаков. Попадали они изрядно в невод и „киревод“.³⁶ Случилось однажды ловить тут киреводникам — Петру и Павлу. Запустили они свой киревод перед Силиным наволоком. В первый раз им попало пудов пятнадцать судаков. Им это пондравилось, и они запустили во второй раз, но вытащили пустой. Много раз после того запускали — там-сям, ан нигде не попадает. Кружились, кружились — пользы никакой нет, хоть все брось. Делать нечего, пришлось подождать, пока снова соберется рыба. Поехали наши ловцы на берег, на Силин наволок. В то время мельниц-то не было. Только расположились варить уху со свежих судаков, вдруг является к ним старушка и просит у них судаков на „варьку“. Ловцы отказали ей. Тогда старушка сказала: „Отныне и до веку не будет здесь судаков больше!“ (*Действительно, судаки перевелись.*) Как только старушка проговорила — и скрылась. Тут только ловцы догадались, что старушка была не простая, а Мать Божья,³⁷ и переглянулись. Им стало стыдно. Совесть мучила их. Петр стал рвать на себе волосы и тут же сошел с ума.³⁸ Стал бегать и кричать, што есть мочи. Второй, Павел, стал его унимать и хотел его захватить и связать, но только хотел встать, вдруг почувствовал: што нога не действует. Тут только он понял, што их Бог наказал <...> (и догадался, што нужно скорее домой пробираться).³⁹ Но, увы... как Петра заманить в лодку? Тот говорит все, что на ум взбредет, бегаёт, кричит, песни поет. Вдруг он пал на землю — в обморок. Павел

³⁵ Сверху вставлен текст: «Бары с города на мельницу не ездят».

³⁶ Киревод — рыболовная снасть, вроде невода. — Пояснение В. Федоркова.

³⁷ «Мать Божья» зачеркнуто, сверху написано: «Богом послана на испытание».

³⁸ Рехнулся ума. — Пояснение В. Федоркова.

³⁹ Текст в скобках зачеркнут, сверху написано: «Надо как-нибудь домой ехать».

спугался, но делать было нечего, не оставишь его тут. Кое-как затащил в лодку и повез его домой, а нога не действует. Ехать нужно было верст восемь. Кое-как доехал до дому, а из лодки вынести и не может, у него и другая нога стала, как бревно. Тут он стал кричать народ. Народ сбежался, вынесли его домой. Петр лежал, как мертвый, его тоже унесли домой, а дохтуров-то в то время не было, помощи ждать было неоткуда. Жена и ребятишки у Петра ревят во все горло. Весь народ собрался к Петру, но сделать ничего не могли.

Только одна старушка посоветовала обратиться за помощью к колдуньи Мавры, которая жила верст за сорок от них. Жена Петра послушала старуху и поехала к ней, а старушку, которая посоветовала ей это сделать, оставила хозяйничать и смотреть за ребятами и мужем. Народ весь хлынул к Павлу и стали его спрашивать, как и што с ними случилось. Тут Павел рассказал им все по порядку. На другой день поздно вечером жена Петра привезла Мавру. Та посмотрела сначала Петра, велела всем выйти из избы, поворожила чего-то над ним, а потом впустила народ и говорит, што на Петра нашел сон, который продолжается три дня.⁴⁰ Через три дня он, говорит, поправится. Жена Петра немного успокоилась, а Мавра посыпала немного каких-то порошков ему в нос, показывая вид колдуньи, и пошла к Павлу. Когда она узнала, што у Павла ноги отняло, взяла немного соли, велела всем уйти с избы, потом подошла к печки, повернулась к востоку лицом и стала што-то шептать в соль. Потом положила соль в стакан, залила водой, размешала кончиком ножика и дала выпить Павлу. Павел выпил. Сразу же у него ноги очистились и стали действовать. Обрадовался бедный Павел. Плакал даже от радости. Живо устроил пир для соседей, вином всех напоил, а старуху всем обдарил: и муки, и хлеба, и чаю, и сахару дал. Все были довольны. Через три дня Петр, как говорила Мавра, действительно очнулся, но с постели не мог выстать. Лежа, подзвал к себе детей, благословил их, потом сказал жены: „Жена, не забывай нищих. Прощай“, — и тут же Богу душу отдал. Ничего не посмел больше сказать, уж верно большие страсти он видел во сне-то», — закончил дядя Тимофей свой рассказ.

В то время, как дядя Тимофей говорил последние слова, вошел в избу сосед Наум Миха<йлович> — ржи молотъ на мельницу приехал. Это был мужчина лет шестидесяти с лишком и с длинной рыжей бородой на две стороны, с толстым носом и широким лбом. Лицо его было испещрено веснушками и красными пятнами. Морщинистый его высокий лоб показывал, что он был человек не без ума — недаром он слыл по всей деревне краснобаем. Как выражаются соседи, — за словом в карман не

⁴⁰ Наверное, летаргический. — Пояснение В. Федоркова.

полезет. Как только дядя Тимофей кончил свое предание, Наум Михайлович подклинил: «Да, действительно, это так было, мне покойничек дедушка рассказывал, бывало».

«А почему же это наволок, на котором Петр да Павел отдыхали, называется Силиным?» — спросил Федя у дяди Тимофея. — «Силиным? А Силиным он называется потому, што досюль на эвтом самом наволоке жил святитель Сила. Выстроил он тут себе келью, разделал поле и жил себе весь век один-одиношенек, даже и не ходил никуда». <...> — «Дядя Тимофей, где же святитель Сила похоронен?» — спросил Федя. — «А Бог его знает где. Наверно уж, на этом острове. Как ты думаешь, Наум Михайлович?» — «Да, пожалуй, што так. От стариков приходилось слышать, што иногда они святым называли этот наволок. Да если бы не был этот наволок святым, так разве показалась бы тут Божья Мать? Святые показываются на святых местах». — «Дядя Тимофей, может быть, эта старушка — привидение такое», — сказал Федя. — «Привидение-то, привидение, да святое. Такия-то привидения редко показываются». <...>⁴¹ — «Наум Михайлович, а тебе не приходилось ли видать какое-нибудь святое привидение?» — «Что ты, Тимофей Никитич, разве допустит Бог нас, грешных, до того, чтобы святые показались, — да мыслимо ли это? Скорее, бесеныш, так тот скорее покажется. Он того и гонит, как бы соблазнить человека на худое на каждом шагу. А ты про святых говоришь. Да сам ты посуди, братец, достойны ли мы того, чтобы святые показывались нам, как почти на каждом шагу грешим. Вот бесенка, так того приходилось видеть. У, какой страшный, шут⁴² его дери! Как вспомнишь, так волос дыбом и станет. Вот как вас вижу, так и его самого видел. Провались я на этом месте сквозь землю, если это неправда!». <...> — «Ну-ка, Расскажи, как ты его видел». — «Со всем бы удовольствием рассказал, да некогда; надо идти в С-ое,⁴³ там И. К. „оружье“ продает, так купить. Я обещал к нему сегодня притти <...>». — «Да куда тебе с оружием, Наум Михайлович?» — «Как это, куда с оружием? Да, как десять старух застрелю, так мне георгиевский крест выдадут в награду, за то, што они, дьявола, Государеву монету в землю копают». — «Ну а ты к ночи-то сюда приедешь?» — «Да, если не успеет Петр Степ<аныч> смолоть ржи, так придется. А пока — прощайте!» <...> Проговорив это, Наум Михайлович ушел. <...>

«Ну-ка, Федя, посмотри-ка, не готова ли уха», — сказал дядя Тимофей, когда Наум М<ихайлович> ушел. — «Пожалуй,

⁴¹ Далее текст из тетр. № 3: «продолжение. 1916 г. 29 янв.».

⁴² Сначала было написано «черт». — *М. Р.*

⁴³ С. — деревня за 3 версты от мельницы, прямо на запад. — Пояснение В. Федоркова.

готова, — ответил Федя, посмотрев. — Садитесь, обедайте». — «Федя, сходи, позови мельника на свежую уху». Федя живо исполнил приказание дяди. Мельник с радостью согласился принять участие в обеде и через несколько времени пришел вместе с Федей в избушку.

«Ну, как ты поживаешь, старина?» — спросил дядя Тимофей, когда мельник вошел в избушку. — «Живу, молодею, помереть не смею, ну, а как ты живешь?» — «Да, слава тебе, Господи, брожу еще. Хоть старость и ходит по косточкам, да от смерти-то все еще отдуваюсь. Што нового в вашем государстве?» — «Ничего не случилось, все старо по-старому. Садись-ка лучше с нами за компанию свежъя». — «Хорошо, покорно благодарю», — проговорил мельник, и, помолясь Богу, он сел под образ на лавочку. Его примеру последовали мы. За неимением посуды пришлось уху есть прямо из котелка.

«Ну, каково вы рыбку ловите?» — «Да ничего, пока, слава Богу. Не знаю, што вперед будет. И теперь нечего Бога гневить, попадает порядочно. А все-таки, по сравнению со стариной, так меньше. Повыловили рыбку-то. Раньше бывало, так эк как попадало! А вот за последние семь лет все меньше и меньше. Не знаю вот в это 7-милетие будет ли, нет подниматься в гору. Я так слышал от старых людей, што первые семь лет рыба попадает плохо. А в следующее семилетие должна попадать хорошо. Это уж испокон веку так ведется. Я уж вот 5-й год наблюдаю, так все меньше и меньше попадает. Посмотрим, што будет дальше». — «Да, рыбаки все так верят. Здесь ведь, в Судачьей губе, какое раньше рыбное место было, а теперь совсем не то».

«Ну, а как поживает ваш рыбак Григорий Лукич? — спросил дядя Тимофей у мельника. — Говорили, што нездоров он был, так мне пришло в голову осведомиться о его здоровье. А жалко бедного старика, ведь он мне был друг и приятель». — «Да Богу душу отдал на днях, што его в пятницу хоронили». <...> — «А жалко бедного старика. А этот Григорий гостеприимный такой был — век его не забудешь. Ну, хоть ребята, слава Богу, большие — успели вытянуться при нем. Он ведь, кажется, смолоду охотой занимался. Я еще помню, когда охоту-то он бросил, а за рыболовство принял. Да, до самой смеретушки бредил все о ловушках: „Как, мол, все ли в исправности“. Да спрашивал все — попадает ли рыба». — «Отчего же он охоту-то, слышь, бросил?» — спросил дядя Тимофей.

«Последний раз как ходил на охоту, так страсти большие видел, ну, вот, с тех пор и забросил и принял за рыболовство. Рыболовство-то ему по уму пришло, полюбил, как отца родного, да с тех пор все и занимался им до самой смерти». <...>

«Ну так Расскажи нам, што он видел-то». — «Да много кое-чего. „Пошли, — говорит, — на охоту утром рано на целый день».

Дело-то было осенью, снегу еще не было. Ходим, ходим, и время-то к пабедью движется. Устал, — говорит, — до пропасти. Делать нечего, надо пообедать. Сел под елочку, местечко такое хорошее. После-то обеда ко сну стало клонить. Дай, — говорит, — думаю, поудную. Оружье поставил возле елочки, топор к «оружью» и лег. Только стал засыпать, вдруг слышу, кто-то говорит мне: «Довольно спать, давай ставай скорее, да пойдем на охоту, а то смотри, проспидь все». Я, — говорит, — спугался, вскочил, смотрю, а передо мной стоит сосед Вавила Митрич и будит меня — тоже на охоту ходил. — «Ну-ну, — говорит, — ставай скорее да пойдем». Я встал да и пошел за ним, а топор, оружие да кошель и оставил там, под елочкой, где спал! Уж такое наводнение на меня нашло. Он идет впереди, а он, говорит, — взади, и так шли, шли, я до того устал, што еле-еле, — говорит, — плетусь за ним. «Давай, — говорю, — посидим, поотдохнем. Я ийти больше не могу». — «Иди, иди давай, недалеко осталось ийти до моего пристанища-то. Идем, — говорит, — дальше». Шли-шли, вдруг Вавила Митрич обернулся ко мне и сказал, указав пальцем под толстую-толстую елку, где лежали все его припасы: «Вот где мое пристанище». А я-то и ни к чему, што со мной леший говорит, да и сморозил: «Господи ты, Господи, какая ель-то!» Вдруг, — говорит, — на улице стало так темно-темно, што хоть глаз выколи, не видно. «Вавила Митрич, — говорю, — где ты?» А Вавила Митрич и не говорит, его уже след простыл. «Вот беда-то, — думаю. — Што теперь делать?» Я, — говорит, — стал воскресну молитву читать. Темнота-то была, пожалуй, минут пятнадцать. Как только стал воскресну молитву читать, вдруг и стало светло, а я «очудился» на своей поляны. Пришел домой да, — говорит, — и послал жену к Вавилы Митричу, узнать, был ли он на охоты. Оказалось, што Митрич и с печки-то не слезал никуда. Тут только я, — говорит, — понял, што мне бесеньш показался“». <...> — «Да он, может быть, это такой сон видел?» — сказал Федя. — «Какое тебе сон? Если бы сон, так как бы он домой пришел?» — «Да, это бывает, любит леший подшутить над православными. Ну, а тебе-то самому не приходилось видеть лешаго? Здесь один живет, так ведь и не мудрено повидаться-то с ним», — сказал дядя Тимофей. — «Здесь-то не приходилось видать. Вот когда дома жил, так сподобил Господь повидать его. <...> Ригачником, окаянный, показался». — «А давно ли это было?» — «Давно. Я еще тогда холостым был. У нас много тогда ржи росло. Один раз покойничек-батюшка велел насадить. Я насадил, затопил обои ригачи и пошел домой. Отец говорит мне: „Ну, што, вытопил ли овин?“» — „Затопил“, — говорю. — „Ну, а хорошо топится?“ — „А вот сейчас схожу, посмотрю“. Пришел в овин, открыл дверь — смотрю, а у меня все стены горят. Вот беда, думаю, што теперь делать? Я и давай закрывать двери, што-

бы дымом заглушить огонь. Только стал закрывать, вдруг слышу грубый голос: „Тебе што, ригачи жалко стало? Меня сожгать хочешь? Если тебе жалко и <нрзб> было, так сказал бы мне, я давно бы уже вышел в другую. А ты собрался жгать меня!“ Я так и остолбенел, стою и не знаю, што и делать. Хотел закричать, да и кричать не могу, што в горле сдавило. Силился, силился, никак не мог. Кое-как натужился и побежал. Бежу и слышу, што за мной хто-то бежит. Вот напугался-то, век будет не забыть! Вдруг ко мне навстречу сосед Вавила Митрич. „Чего ты, говорит, бежишь?“ А я и слова проговорить не могу. „Да ну же, говори, чего?“ Я долго не мог заговорить. Горло так и сдавило. Кое-как показал ему овин <нрзб>, он догадался, увидел, што овин горит, и побежал туда, а там уже огонь в гумно пробрался, и гумно горит. Сейчас же собрал народ и стали тушить. Но где потушишь, как огонь выбрался наружу. Так и сгорел овин».

«Да ты не во сне ли это видел?» — спросил товарищ. — «Ну, какое тебе во сне! Наяву видел, вот как вас вижу, так и его видел *своими собственными глазами!*» <...>

«Да, бывает, бывает это!» — подтвердил дядя Тимофей, — «ригачник может показаться. И я, бывало, ригачника видал. О святках показался, окаянный. Ходили мы с девками слухать. И взбрело нам в голову сходить к Науму Михайловичу на берег поленья выбирать.⁴⁴ У него возле ригачи костер дров стоял. Девки да парни все взяли по полену и побежали, а я остался выбирать после всех. Только взял полено, хотел бежать, вдруг вижу, из ригачи выходит большущий-пребольшущий старичина — выше гумна. А шаги-то таки огромнейшие. Я давай бежать, а он идет вслед. Девки да парни все разбежались с испугу. Я как бежу, а назад оглянуться не смею. Еле-еле ушел. На другой день мы ходили на ригачи посмотреть следов, так следища, пожалуй, с аршин будут, и эти следы вышли на дорогу и потерялись. Верно, убег он куда-нибудь, в путешествие пустился. Ух, какой страшный! Ночь-то была лунная, светлая, так я его хорошо высмотрел: борода такая черная, глаза лоскучие (блестящие. — В. Ф.), за спиной котомочка».

В это время вошла в избушку мельника женщина.

«Здорово, Петр Степанович!» — «Здорово, здорово, Авдотьюшка. Садись да хвастай!» — «Нечем хвастать. Вот, приехала на мельничку с рожью, так занята ли мельница? Один мешочек ржицы только и есть. Немного. Сделай милость, смели поскорее». — «Ладно, готов служить тебе. Ну, а как ваш сосед-то, Гермилу Лукич, поживает? Сказывали, он нездоров

⁴⁴ В деревне о святках молодежь ходит выбирать дрова из костра: кому попадет суковатое полено — если барышни, то примечают, что барышня выйдет в этом году замуж, а мужчине — то женится. — Пояснение В. Федоркова.

был?» — «Шибко нездоров, уж 2 дня душу караулит». — «Так што же, у него, верно, душа-то обокралась?», — спросил, усмехаясь, мельник. — «Нет, батюшка, не обокралась, а при смерти беденький лежит, все бредит. Вчера говорил, будто смерть в виде „щилета“ (скелета. — *В. Ф.*) с косою показалась. „У, говорит, какая страшная. Скоро, верно, говорит, помру. Недаром смерть в глаза лезет“». — «А што же, они не обращались ни к какой колдуньи? Может быть, та бы помогла». — «Ходили, батюшка Петр Степанович, ко многим, да ништо не помогает. Верно, уж Богом так суждено ему в молодости помереть. Если бы $\frac{1}{4}$ побольше дать колдуньям денег, так они и принялись бы как следует да и вылечили бы. А то где бедной Марьи деньги-то взять, как сама чуть-чуть кормится, ребятишек целая изба. Если помрет Гермилу Лукич, так уж им, бедным, придется по миру ийти с сумочкой — именем Христовым питаться». — «Да, бедные детишки. Ну, ладно, пойдём в мельницу, для тебя постараюсь смолоть поскорее». — «Спасибо, благодетель, на добром слове. Никогда хоть ты меня не задерживаешь». С этими словами они вышли из избышки. «Других остановлю молотье, а твое смелю!», — слышался громкий голос мельника с улицы.

«Дядя Тимофей, когда ты ригачника-то видел, так он не сказал тебе ничего?», — спросил Федя. — «Нет, не сказал». — «Эх, интересно бы повидать когда-нибудь его-то, мне бы», — сказал Федя. — «Ну, не дай Бог. Это ты только здесь так говоришь, как еще ничего не видал, а как увидел бы, тогда другое стал бы глаголить. Ну, да ладно, пора ехать рыбу ловить. Теперь, с полудня, наверно, хорошо будет клевать. Ну-ка, собирайте поскорее». — «Да что собирать? — сказал товарищ, — мы уж давно готовы». — «А готовы, так идите в лодку, а я к мельнику забежу, скажу ему, што к ночи сюда приедем». <...> Мы с Федей, в идании дяди Тимофея, сели в лодку на лавочки. Вдруг мы услышали шелест травы недалеко от нас, на другой стороне речки. Устремив туда свой взгляд, мы через несколько времени заметили на самом берегу речки голову змеи. Она злобно посмотрела на нас и, не долго думая, юркнула в воду. Федя хотел чем-нибудь бросить в нее, но не успел даже схватить в руки весла, как она скрылась в траве уже на другой стороне речки, сажени за две от нас. «Маленько не успели, черт её возьми. А хотелось бы разрыв-траву достать?» — сказал Федя, бросив в лодку весло. В это время к лодке подходил дядя Тимофей.

«Ты чего это, Федя, с веслом заходил?» — спросил он, спихнув лодку. — «Змея сейчас плыла через речку, так хотим разрыв-траву добыть — змею убить». — «Брось ты пустяки городить. Где ты убьешь на воды змею. Да слыхано ли это. Здесь очень гадливое место», — сказал дядя Тимофей, садясь на корму. — «Што-то левый глаз чешется — какая-то радость бу-

дет. Ну, давайте поедem скорее». Вскоре мы выбрались из речки и ехали уже по озеру к тому месту, где были запущены сети. <...>⁴⁵ Федя один взялся грести, а мы с дядей Тимофеем стали тянуть сети. Вытащили первую сеть — ничего нет. Принялись за вторую — ничего не видать. Вдруг что-то стало тянуть вниз, ко дну. Нам стало тяжелее подымать сеть. Дядя Тимофей и говорит: «Верно, колодина задела за сетку. Как бы не разорвать сетей. Надо тянуть тихонько». Когда колодина подходила к лодке, дядя Тимофей посмотрел в воду и проговорил: «Ой-ёй-ёй, какая колодина-то к сетке пристала». Мне стало тяжело удерживать нижнюю веревку сети — чуть-чуть удерживаю. Когда колодина высунулась из воды, дядя Тимофей вскричал радостно: «Ба, да это щука!!!» <...> Федя крикнул ему: «Дядя Тимофей, тащи скорее!». Дядя Тимофей дернул за веревку, и щука ударила о борт лодки головой. Я остолбенел. Товарищ выхватил у меня из рук сети, но тоже ничего не мог сделать. Наконец, дядя Тимофей выхватил у нас нижнюю веревку, к которой привязывали камни, и рванул ее из воды. Щука взбунтовалась и ударила о борт хвостом и, Бог весть, как, перескочила через борт в лодку. Обрадованный дядя Тимофей не знал, что и делать. А щука билась в лодке, запутываясь в сети. Через несколько времени дядя Тимофей схватил весло и давай колотить веслом по щучьей голове. Щука еще сильнее стала биться. Наконец, кое-как он осилил ее. Последняя немного успокоилась, хотя хвостом все еще колотила то о тот, то о другой борт. Дядя посмотрел-посмотрел на нее и сказал: «Пожалуй, пуда 1½ есть. Эдакую колодину Бог послал нам. Не зря у меня сегодня левый глаз чесался». Долго мы любовались щукой, а она все больше и больше путалась в сетях, как будто курица «в отрепах», по выражению дяди Тимофея. «Ишь какая неугомонная, шут ее дери. Ну, да ладно. Надо вытянуть остальные сети». <...> В сетке стали показываться сижок за сижком. Между ними попадались окуни и плотва. Наконец, кончились сети. Пришлось ехать на мельницу распутывать щуку из сетей. <...>⁴⁶ Всю дорогу только и разговоров было, что о щуке. «Мне еще на своем веку не приходилось такого черта выловить. — Первый раз. Ну и щука! На правом боку мох вырос! Вот жирная-то уха будет! Сейчас, как только на мельницу приедем, сразу и будем уху варить. Ну и день сегодня. Да ведь сегодня суббота. Суббота — день щасливый!» — говорил дядя Тимофей. Разговаривая, мы не заметили, как подъехали к знакомой уже нам мельнице. <...> Часа два распутывали щуку из сетей. Наконец, покончили с этим делом. <...> Когда распутали,

⁴⁵ Далее вставка из тетради, озаглавленной «На рыбной ловле. 1915 г. 4 ноября. В. Федорков» (кол. 73, п. 1, № 31, с. 19—22).

⁴⁶ Конец вставки.

то оказалось, что щука схватила сижка, который попал в сеть, а потом и сама запуталась в нее. Дядя Тимофей сходил к мельнику за безменом. Оказалось, что щука весила 1 п<уд> 28 фунтов, да около 2-х пудов было мелкой рыбы. <...> Товарищ пошел в мельничную избушку и, по приказанию дяди Тимофея, мигом согрел чайник (за неимением самовара). Мы с дядей Тимофеем не успели даже сетей перебрать, как он пришел звать пить чай. «Да не оставь же так!» — сказал дядя Тимофей. — «Ну-ка, Федя, помоги скорее перебрать. Да дружнее — вот так». Вскоре у нас уже все было готово. Мы пошли в избушку. Дядя Тимофей шел впереди всех с щукой в руках. Наум Михайлович уже пришел из д. С. и ожидал нас в избушке. «Да это у вас што такое?» — сказал он, когда дядя Тимофей вошел в избушку. — «Рыбина. Аль ты не видишь, ослеп?» — «Вижу, што рыбина, да какая рыбина-то?» — «Какая, — вестимо, щука, кроме щуки какая рыба в нашем озере найдется крупнее, ерш, што ли?» — «Да не водяник ли вам попал в виде щуки?» — сказал Наум Михайлович. — «Ну и щука! Ай да щука! Первый раз такую вижу <...>. Да как же вы такого черта из воды-то вытащили?» — «Да чуть-чуть, братец ты мой, насили подняли», — и дядя Тимофей пустился рассказывать Науму Михайловичу, как мы добыли щуку. Вскоре пришел мельник. — «Ну и щука же вам попала <...>. Как она вас не потопила». — «Ну, что ты, будто уж щука может людей потопить». — «Да ведь в морях есть такая рыба, што корабли топит, вот хоть кита взять, например». — «Ну, кита. Разве может быть в нашем озере кит?» <...> Долго после того, как дядя Тимофей рассказал всю свою историю со щукой, мельник и Наум Михайлович удивлялись, «как это могла такая колодина прильнуть к сетке». У дяди Тимофея было взято на запас невмочь вина. Он угостил Наума Михайловича и себя тут, кстати, не обидел. Мельник отказался, говоря, что от рождения капли хмельного в рот не брал. У Наума Михайловича развязался язык. Тут Федя вспомнил, что Наум Михайлович обещал рассказать, как он лешого видел, и надпомнил ему. Тот, сидя под образом в большом углу, поразгладил свою широкую бороду и начал: «Ага, так, значит, я хотел вам рассказать о том, как я черта видел. Ну, ладно — так и быть, расскажу. Только, чур, не пенять, если вам ночью этот самый черт, которого я видел, приснится во сне. Ну, слушайте же. На Светлой неделе было у меня. Несколько лет тому назад, на рождественских святках, там подошло, што жена моя имянинница была на святой неделе. <...> Я, честь-честью, купил винца, созвал гостей и напоил всех допьяна, да и сам изрядно хлебнул. <...> Гостей-то было много, день выпал праздничный. После угощения бабы по домам разбрелись, а парни да девки колдовать и гадать ушли, а мужички собрались идти в другую деревню еще подбавить, там одна старуха в то время вином торговала. Когда гости раз-

бредись, тут только я спохватился, што сена-то лошадям у меня и нету. А время-то уж около 11 часов ночи. Дай, думаю, съезжу на пожню за сеном, а пожня-то стоит версты за две от деревни, што Ломом называется. А пожня за рекой, в котловине. Возле-то пожни, значит, стоит большущая „щельга“. Я, значит, и поехал. Ну и хорошо. Ночь-то такая лунная, светлая. Морозец выпал. Деревья так все и покрыло инеем. „Да, слава Богу, думаю, о святках иней на деревьях. Значит, будет урожай“. Приехал, значит, на пожню, повалил „заколону“ (стог сена. — *В. Ф.*) и кладу сено на дровни. Только, значит, я положил, охапку сена в сани, отвернулся, смотрю — собачка бегаёт у моих ног. Да такая маленькая, красивенькая. Я и подозвал к себе: „Куть-куть-куть“, — говорю. Она и подошла ко мне, а я стал гладить ю по спинке. Вдруг слышу грубый голос над верхом: „А ты чего мою собачку трогаешь, увезти, верно, хочешь? Смотри, будь поосторожнее!“ Я поднял глаза кверху, смотрю, а передо мной стоит черт, большущий такой, выше щельги. Глаза, как медь — горят, зубы оловянные, рога завитушкой, весь в шерсти, а хвостик сажени три будет, точь-в-точь такой, что на картинке в сказке, ах, забыл название сказки, у ребят дома книжка валяется. Я тут же сразу и упал в обморок, да, слава Богу, перед санями стоял, да и упал-то прямо, значит, в сани. Лошадь спугалась и, значит, побежала. Ды, слава Богу, што умная была — домой увезла. Привезла эдаки домой меня, полумертвого, и стоит у ворот. Жена-то вышла и увидала, што я на дровнях лежу без сена — думала, што я умер, спугалась, бедная. Созвала всех соседей, и стали они меня снегом обтирать. Насилу отводились. Когда очнулся, и понять не могу, што со мной сделалось. Вспоминал, вспоминал, и, наконец, припомнил, што видел черта. Рассказал соседям, так те и не верят. Несклько дней не мог успокоиться и всю жизнь не забыть этого случая <...>. <...>

«Вот и Евлампий — работник Якова Филимоныча, на мельницу приехал, вот поблажить-то с кем можно», — сказал мельник, посмотрев на улицу в окошко. К избушке подъезжал верхом на лошади, запряженной в «воложи» (две длинные жерди. — *В. Ф.*) в дровни, мужчина небольшого роста с коротенькой черной бородкой, лет сорока. На лицо он, хотя и некрасив был, но любил пофорсить. На себе у него был старенький расстегнутый пиджачек, из-под которого виднелся старый, поношенный жилет. От кармана жилета болталась небольшая серебряная цепочка от часов. Ев<лампий> Сем<енович> был глуповатым и служил в работниках у Якова Филимонова за очень скудную плату, да, впрочем, ему больше бы никто и не дал. Подвязав лошадь к столбу, он вошел в избушку.

«Здорово, здорово, Петр Степанович», — сказал он, перекрестясь несколько раз у порога. — «Здорово-здорово, Евлампий Семенович. Как ты поживаешь? Кого к сердцу прижимаешь?» —

сказал ему в ответ мельник. — «Кого станешь прижимать, как старуха ушла и разводную взяла, а девки все от меня бежат, как будто сито я им такое худое сделал». — «Верно уж чем-нибудь не угодил им», — подхватил Наум Михайлович. — «Ты, будто как говорили, што ходил в город к купцам получать долги, а ты уже и дома?» — «Я ходил-то давно, еще до „Ильину дни“, да не получил ничего. Говорят, о новом годе приди, теперь денег нет. Сходил-то даром в город, сапоги стоптал, да к тому же под грозу попал, што об Ильину дни была. Чуть на тот свет не попал». — «Так как же ты жив-то остался?» — «Ну, как жив остался? По-хорошему. Шел я эдак по ржаному полю, вижу — а гроза тут. В то время, как гроза-то стала начинаться, я шел по ржаному полю, 2 версты не доходя до деревни. Как только гром-то первый раз грянул, я в рожь и завалился. Лежу себе и думаю: „Што-то будет, если стрела в меня ударит. Пожалуй, убьет“. Только подумал эдак, смотрю, а мне стрела-то прямо летит в лоб. Меня этой стрелой и убило. Только прошла гроза, я и давай вставать на березу. На самую верхушку встал да и воскреснул. Ну, думаю, слава Богу, жив опять. А рана-то на лбу так и осталась. Теперь, хоть и зажила немножко, да ямка-то на том месте осталась порядочная». — «О, да у тебя, друг, и часы на вороте. Я еще первый раз вижу, верно, в городе купил», — спросил Наум Михайлович у Евлампия Семеновича. — «Да, в городе, в городе». — «А какие они есть?» — «Серебряные под золотом», — сказал спокойно Евлампий Сем<енович>, ожидая, што Наум Михайлович будет хвалить их. — «Што же, вместе с золотом лежали, так золота потряслось в них? Ну-ка, посмотри, сколько времени?» — сказал Наум Ми<хайлович>. — «Сейчас посмотрим. Раз, два, три, четыре, пять, шесть», — сказал Евл<ампий> Сем<енович>, поведив пальцем по циферблату и посмотрев на солнце в окно. — «Дружище, чего ты на солнце-то смотришь? Аль у тебя часы-то стоят? Ну-ка, покажи». Тот подал Науму Мих<айловичу> свои часы. — «И впрямь стоят. Так оно и есть». — «Да ты стряхни их — они пойдут». — «А, дружище, так ты часы-то носишь для красоты, штобы девки любили, а время узнаешь по солнцу? Ну, брат, это не часы, как кнут для них нужно носить с собой. А с чем ты приехал, Евла<мпий> Семенович?» — спросил у него мельник. — «С рожью, Петр Степ<анович>, с рожью. Не можешь ли как-нибудь поскорее смолоть». — «А вот, сейчас схожу в мельницу, посмотрю, может быть, Наума Михайловича уже смолосось, так и твою начну». — «Ну вот, спасибо на добром слове». — «Коня-то ты выпряги да подвяжи тут на веревку, пусть он траву ест». — «Евлампий Семенович, один стаканчик чаю выкушай, мы сейчас только кончили, так горячее еще». — «Нет уж, спасибо. Я не хочу. А вот што, Петр Степанович, до тебя еще одна просьба. Я минутки без работы жить не могу. А времени-то сво-

бодного много будет. Скучно так сидеть. А вот я видел у тебя тут, возле мельницы, костер дров стоит, так дай, я его разрою да снова складу. Я без работы жить не могу. Все што-нибудь да надо работать». — «Ну, поди, поди, разрой, да только лучше склады». — «Постараюсь, батюшка Петр Степанович. Вот благодетель-то, вечно буду Бога молить», — с этими словами Евлампий Семенович вышел на улицу, а за ним мельник. Евлампий Семенович живо выпряг своего коня, привязал на веревку к столбу, а сам пошел разрывать костер. — «Ну и чудак же этот Евлампий Семенович». Прямо-таки удержаться не могу от смеху, а он все смешит да смешит».

Вдруг послышался голос мельника на улице: «Эй, Евлампий Семенович, носи рожь в мельницу». Через несколько времени вошел в избушку мельник и сказал: «Наум Михайлович, твоя рожь готова». — «Ну так, и прощайте, — сказал нам Наум Михайлович, — надо ехать домой». <...> Наум Михайлович, выйдя из избушки, стал таскать в лодку мешки с мукой. Вскоре послышался стук дров и насвистывание какой-то песни нашего трудника — Евлампия Семеновича. Дядя Тимофей отрубил хвостик шуки и велел Феде варить уху. «Дядя Тимофей, давно ли этот Евлампий Семенович глупый сделался?» — спросил Федя, раскладывая огонь. — «Да как бы тебе сказать, лет десять тому назад». — «Отчего же он сделался таким глупым?» — «Все это дело рук его тещи. Когда женился, жена с первого дня стала его ненавидеть, да и действительно он не красив, не за што и любить. Ну вот после того как жена невзлюбила, стала жаловаться матери, што он бьет ю. А та дура и поверила. Так-то разойтись стыдно было, да и боялись, верно, што люди будут судить да рядить, и вот нашли они способ глупым его сделать. Сходили к какой-то колдуньи, дали ей денег, а та, глупая голова, и научила, как это сделать: взять от мертвого „пересады“ и дать ему выпить вместе с чаем. Они так и сделали. С того уж он и спортился, а потом жена взяла разводную и перешла жить к матери, а он пошел шляться по работникам». — «Почему это его в сумасшедший дом не увезли?» — «Кто его повезет? Кому есть дело, да ведь он и не буянит, нужды нет везти. Ну, Федя, ты тут вари уху, а я пойду помогу Науму Михайловичу выносить мешки с мукой». С этими словами дядя Тимофей вышел на улицу.

Я тоже вышел осмотреть окрестности мельниц. <...> Мельница... почти вся была в земле; только один верхний этаж... выделялся на поверхности земли. <...> Я зашел в нижний этаж. <...> Шум воды сливался со стуком мельничных колес <...>, даже на расстоянии 3 шагов я не мог расслышать слов мельника.⁴⁷ Последний был мужчина лет сорока среднего роста с ры-

⁴⁷ Далее запись датирована 4—5 февраля 1916 г.

жей небольшой бородкой. Он был в длинной красной рубахе, побелевшей от мучной пыли, в высоких белых сапогах. Русые его волосы были острижены в скобку. Излюбленная деревенская прическа «рядником» была исполнена добросовестно и содержима в исправности. Он возился около мешка муки и что-то многое бормотал мне, но я не мог ничего расслышать, хотя по губам его понял, что он спрашивал, не молоть ли чего я приехал, и сразу же ответил отрицательно. <...> Через несколько времени мельник перестал возиться с мешком и поднялся по узкой лестницы в верхний этаж. <...> Недалеко от входных дверей лежал большущий кремнистый камень, а возле него — молот. Мельник спокойно, с важной осанкой, взял в руки молот и, не торопясь, стал им отбивать камень, вероятно, делая из него жернов. Оттуда я вышел на улицу. От мельницы вверх вела каменная дорога, в телеге по которой не было возможности проехать. <...> У входа в избушку навстречу мне попал дядя Тимофей: собрался искать меня.⁴⁸ <...> Мельник и Федя сидели уже за столом. Евлампий Семенович, покончивший с укладкой костра, сидел тоже в избушке. «Ну, Евлампий Семенович, садись ухи хлебать», — сказал дядя Тимофей. — «Нет, спасибо, я щуки не ем, потому што она произошла от гада и „клеск“-го (чешуя. — В. Ф.) у ней такой же, как у гада». <...> С этими словами он вышел.

«Ну и уха!» — сказал мельник, покушав. — «Ай да уха! Первый раз в жизни удостоил Господь такой ухи покушать.⁴⁹ Редкостная щука! Эту бы щуку да в Питер бы свезти да какому-нибудь барину продать — эх денег бы дал! Опьянеть бы в деньгах можно было». — «Да можно бы, можно. Там за какую-нибудь мелкую гниль и берут в десять раз дороже, чем в деревни. А здесь вся идет за бесценок, да и то сбывать некому. Если только снести телеграфноту или купцу какому, да и те сначала в затылке почешут, подумают, взять или не взять. А когда решат, так еще подумают, сколько дать да и предложат самую пустяжную цену. Знают, што окромя их некуда сбывать. Бывало, эдак же выудил я окуня в три с половиной фунта». — «А и дядька же тоже был, если 3½ фунта. Ай да окунь! Да и рыба же на тебя как идет. Ты уж, верно, слова какие знаешь». — «Ну, какие тебе слова. И всего-то навсего один такой окунь в жизни клонул, ды уж и слова. Один-то может и без слов клонуть. Выудил эдак — обрадовался — ну, думаю, снесу телеграфному барину, кучу денег даст. Сразу же в тот день и понес. Принес к нему, предлагаю, а он и говорит: „Если по гривеннику возьмешь за фунт, так давай сюда. Мне все равно, у кого хочешь покупать“. Я слова проговорить ему на это не мог, а плюнул да и пошел от него дальше. Дома да-

⁴⁸ Далее запись датирована 8 февраля.

⁴⁹ Далее запись датирована 9 февраля.

вали по 15 к<опеек>, а туда тащил, тащил 30 верст до кровавого поту, — торопился, штобы окунь-то не скиснул, а он — по гривеннику предлагает. Снес Осипу Ивановичу — по 28 к<опеек> дал и слова даже против не сказал. „Спасибо, — говорит, — што принес такого окуня“. Так вот, ты скажешь, какие невежи эти бары-то». — «Да ведь и бары-то всякие бывают, разные они бывают.⁵⁰ Жалованья большие получают, так заносятся, думают, што мужики будут уважать, как высоких людей — образованных. Да не все мужики-то таковы».

<...> После ужина мельник отвел нам место для ночлега — угол, знакомый уже нам, заваленный сеном. Мы выносили из лодки в избушку все, что было взято с собой из дому, и легли спать. <...> На другой день дядя Тимофей встал с солнцем и разбудил нас. <...>⁵¹ Чайник уже стоял готовый на столе. <...> «Ну-ну, собирайтесь-одевайтесь скорее, да садитесь пить чай. Надо ехать скорее рыбы ловить: она в это время хорошо клюет». Вскоре и мельник проснулся. «Ставай, ставай скорее, Петр Степанович, чайку с нами за компанию кушать». — «Чайку-то — ни худа, да тяжеленько вставать такую рань. Старость — не радость. Всяко место так и ломит». — «Ставай, ставай, а то сейчас за ноги вытащу с угла». — «Ну, коли на то дело пошло, так я и сам выстану. А раненько ты сегодня поднялся», — проговорил, кряхтя и вставая, мельник. — «Да, примеру св<ятых> отцов надо следовать. Вот хоть взять Варлама Футинского, што память на первой неделе Петрова поста празднуют. Он всегда до солнца вставал», — оправдывал дядя Тимофей себя. — «Так говорят, за то, что рано вставал Варламей, его на суд за это потребовали в Новгород», — добавил мельник. — «Да, да, пришлось съездить. Да как еще и ездил-то, — летом на санях», — добавил дядя Тимофей. — «Дядя Тимофей, за что же его судили?» — спросил Федя. — «Как это за за што? За то, што до солнца вставал!» — ответил дядя Тимофей. — «Да как же узнали в Новгороде, что он до солнца встает?» — «Найдутся лихие люди донести. Много их есть, было и будет. Какой-то боярин жалобу подал. Жили они в одной деревне с боярином. Варламей-то Футинской встанет да и рубит дрова под окном: боярину спать не давал. Ну вот, тот и подал в суд. Через несколько времени получает Варламей Футинской повестку, што на такое-то число нужно явиться на суд в Новгород по делу обвинения боярином в том, што де беспокоит в каждое утро до показанного времени. Делать нечего, надо явиться на суде. „Вот што, дружок, — сказал Варламей послу с Новгорода, который повестку принес, — теперь распута, ехать худо, а я лучше приеду на санях по первой неделе Петрова

⁵⁰ Далее запись датирована 10 февраля.

⁵¹ Далее запись датирована 16 февраля.

поста в пятницу. Так скажи боярину да и судье“. Тем пока дело и кончилось. „Как это на санях Варлаамий поедет в пятницу на первой неделе Петрова поста?“, — подумал боярин, когда ему объявил это посол. Чтобы не прозевать суда, боярин выехал из дому в понедельник на 1-ой неделе Петрова поста в своем любимом легковом тарантасике, а Варлаамий остался дожидаться снегу. Вдруг ночью с понедельника на вторник выпал снег, да такой большой, што на санях можно ехать. Варлаамий собрался ехать во вторник на санях. Он с собой взял и своего слугу. Боярину-то тяжело стало ехать в телеге по снегу. А у Варлаамия кони бежат всю дорогу и ног под собой не слышат. Сам-то Варлаамий поехал на вороной лошади, а слуга его на белой. На постоялом дворе догнали боярина со своим извозчиком. Те ужинали. Варлаамий со своим слугой убрали на двор лошадей, дали им сена и расположились ночевать на постоялом дворе. А боярин-то поужинал, да, штобы не прозевать суда, и поехал дальше после ужина ночью. А Варлаамий со слугой легли спать. Утром они встали до восхода солнца. Слуга Варлаама вышел посмотреть коней и увидел, што у обеих лошадей головы отрублены. Он испугался и побежал скорее к своему господину доложить о таком несчастье. Пришел к своему господину да и говорит со слезами на глазах: „Дорогой Господин, што мы теперь будем делать? Боярин-то вчера головы отрубил у наших лошадей!“ — „Есть нужда плакать о таких пустяках. Иди скорее, приклади головы, они и приростут снова“. Слуга побежал скорее да второпях и приложил к белой лошади черную голову, а к вороной лошади — белую голову; они так и приросли. Поехали дальше. Только выехали в лесок, вдруг птички запели. Варлаам и говорит: „Ну, птички, летите на суд в Новгород“. Птички и полетели вслед. Едут дальше. Бежит волк через дорогу: „А, друг, и ты до восхода солнца встаешь. Бежи на суд в Новгород“. И волк побежал вслед. Таким образом он собрал всех зверей и едет в Новгород, а звери вслед идут. В Новгороде Варлаам остановился в гостинице. Зверей столько в Новгород за ним набралось, што в городе проходу не было. На другой день в пятницу пошел Варлаам к судье, а за ним на суд и все звери. Боярин уже был там. Когда Варлаам зашел к судье, так весь дом, в котором судили, наполнился зверями, и на улице осталось еще много.⁵² Варлаам подошел к судье да и говорит: „Вы обвинили меня в том, что я рано встаю, и вызвали на суд. И вот, когда я ехал сюда, заметил, што все животные и птицы тоже встают до солнца. Вот я им и велел тоже на суд явиться. Судите и их, <господин> судья“. Судья удивился мудрости Варлаама и оправдал его, а потом спросил у него, почему именно он обещался приехать на 1-й неделе Петрова поста в пятницу, и как он узнал, што в это

⁵² Далее запись датирована 17 февраля.

время выпадет снег? Тогда Варлаам ответил: „Как это я узнал, только Богу да мне известно, сходите лучше в поле и посмотрите, што в земле творится — тогда сами узнаете“. Судья заинтересовался этим вопросом и велел посмотреть, что в земле творится. Как только слуги его стали в поле копать для пробы на полосе ямку, увидели, што там червей в земле так видимо-невидимо, так слоем и лежат: всю бы озимь съели. Тут только судья понял, што Варлаам святой человек, и што это все было Богом так сделано. Обрадовался, што по Варлааму судил. А то ведь судил бы против святого человека, так добра бы не было. Рублевою свечку поставил Спасителю за то, што Он помог судить по Варлааму». — «Да, это верно!» — сказал мельник. — «Так старые люди все говорят. Вот поэтому-то и празднуют в пятницу на 1-й неделе Петрова поста, што суд ему в этот день был». — «Дядя Тимофей, где же жил Варлаам?» — спросил Федя. — «А Бог его знает, я не слыхал. Говорят, што несколько времени был в Париже и оттуда по морю, где он есть? В Англии, што ли?» — «Нет, во Франции», — поправил товарищ. — «Ну, хоть во Франции, так вот оттуда он приплыл на камне в Олонецку губ<ернию> и остановился на Суне-реке (Петрозаводск<ого> уезда. — *В. Ф.*). Камень еще и до сих пор существует, плоский такой, как плот». — «Дядя Тимофей, тебе приходилось ли бывать у этого камня, видал ли его?» — «Нет, не доводилось, так он далековато от дороги отстоит. <...>⁵³ Вот Петр Степанович — человек старый, бывалый, <...> так, наверно, и у этого камня бывал». — «Какое бывал! Разве есть время ходить по святым местам рабочему человеку. Кроме „Иванова“ нигде не пришлось побывать. Хотя они („Иваны“) и близко, нечего Бога гневить, да и то с большим трудом сходил. Времени свободного нет».

Теперь не лишним было бы упомянуть о том, что такое «Иваны». Недалеко, версты за 2 от К... погоста есть небольшая деревянная часовенка. Находится она посреди мелкого леса и обнесена несколько лет тому каменным забором. Внутри этой часовенки есть небольшой родничок, для которого в полу сделана прорезь и небольшие ступеньки. Вода в родничке такая светлая, что многие, посещавшие этот родничок, даже не замечали ее (бывали такие случаи. — *В. Ф.*) и потом говорили, что грешным вода не показывается. Возле родничка есть железный ящик «казенка», как зовут его крестьяне, куда посетители жертвуют деньги, впрочем, мало туда спускают, все больше бросают на дно родника. Посетителей, особенно летом, бывает очень много, верст за 60—70 приходят «обдаться» святой водой. Возле часовенки лесок, хоть и мелкий, но густой, способствующий укрываться при обдавании. Святым это место считается потому, что

⁵³ Далее запись датирована 18 февраля.

существует предание такого рода: «В старину в нашей местности жили беглые польские паны, а возле этой часовенки жили 3 святых Ивана. Они долго укрывались от поляков, но впоследствии польским панам удалось поймать святых Иванов. Они сразу же, как только поймали, и замучили до смерти, а тела их бросили на то место, где теперь часовенка, без всякого погребения. Местные жители тайком от поляков похоронили св. Иванов, и через несколько времени на том месте, где были они похоронены, образовался небольшой родничок с чистой водой. Когда поляки были высланы в другие места, крестьяне построили на том месте небольшую часовенку и стали посещать её частенько, и светлой водой ее обдаваться, чтобы очиститься от всех дурных греховных мыслей. Кому не удастся посетить, тому родные и знакомые на дом приносят воды в бутылочках, особенно маленьким детям и больным».

<...> «Ну, да как у Иванов не побывать за 15 в<ерст>, так какой ты христианин будешь. Я почти в каждый год посещаю», — сказал в ответ мельнику дядя Тимофей. — «Сходишь, оно как-то и легче будет. Как будто какая обуза с плеч свалится». <...>⁵⁴

«Дядя Тимофей, надо скорее ехать удить. Пора. А то с разговорами прозеваем самое лучшее время». — «Я готов, — ответил дядя Тимофей. — Идите, собирайте в лодку все. А я допью стакан и марш!» <...> Мы с Федей пошли в лодку, захватив с собой часть наших припасов. <...>⁵⁵ <...> Дядя Тимофей чинно уселся на корму и проговорил: «Время-то хорошее, самое клевное; будет или нет клевать рыба. Что-то кончик носа чешется — будет покойник на нашей деревне. Кто у нас есть больной-то?» — «Да И. Кулявый уже 2-й месяц лежит, так если тот, а то больше некому», — ответил Федя. — «Ну, так представился раб Божий — дай ему, Господи, Царство Небесное!» — сказал с уверенностью дядя Тимофей. — «Дядя Тимофей, да может быть, твой нос врет?» — «Ну, какое врет? Разве в первый раз-то?»⁵⁶ Бывало, когда в Турецкую войну жили мы в Питери, так вот тоже у меня нос зачесался. Ну, думаю, кто-нибудь дома помер. И как ты думаешь, через две недели получаю письмо, что в тот самый день, в который нос чесался, младший брат Богу душу отдал.⁵⁷ Уж это испокон веку так ведется».

Через несколько времени мы очутились у хвойника. «Ну, Федя, можешь ли опустить в воду якорь?» — «Могу-могу». — «Ну, опусти, да потихоньку, не оборони сам в воду. Ну, чур, теперь сидеть тише, чтобы слышно было, как муха пролетит».

⁵⁴ Далее запись датирована 19 февраля.

⁵⁵ Далее запись датирована 22 февраля.

⁵⁶ Далее запись датирована 23 февраля.

⁵⁷ Далее запись датирована 24 февраля.

<...>⁵⁸ Туман хотя и стал понемногу рассеиваться, но все-таки было прохладно. <...> Нам пришлось в своих летних костюмах покупать за бесценок дрожжи, как выразился дядя Тимофей. Дядя Тимофей <...> заметил, что на нас стал действовать «утренник», <...> и сказал с сожалением: «Эх, народ, народ, — какой недогадливый. Ложитесь спать туда, в нос, да окройтесь чем-нибудь там в носу». <...> К счастью, дяде Тимофею рыба попадалась очень плохо. Подождав немного времени, он сказал нам: «Ну-ка, грейтесь — садитесь в весла». Товарищ вытащил якорь, и мы поехали к другому хвойнику. «Ну и день же сегодня вышел. Десяток малявок только выудили. Недаром сегодня пятница. <...> Пятница — самый несчастливый день недели», — сердился дядя Тимофей. — Недаром сегодня ночью сны все такие противные в глаза лезли. <...> Ну, зайдем еще к одной, если уж там ничего, так придется домой ехать».

У другого хвойника мы пробыли почти до полудня. <...> Слегка повеял южный ветерок. «Ну, слава Богу, — улыбнулся дядя Тимофей, — „поветерь“ заваяла».

К полудню рыба совсем перестала клевать, и нам пришлось ехать домой. «Да, мало, мало на этот раз, — рассуждал дорогой дядя Тимофей. — Что еще в сетке будет, а здесь совсем мало». К радости дяди Тимофея, в сетку столько «пальнуло» мелюзги, что пропасть, по выражению дяди Тимофея. <...> Вскоре мы уже были опять в мельнице, и перед нами на плите очутился чайник, поставленный Федей. После чая дядя Тимофей принес рыбы из лодки для мельника, распростился с ним, поблагодарил за ночлег, и мы поехали домой. К счастью, развеялся попутный ветер. Дядя Тимофей поставил парус и спросил у Федей: «Федя, ты править-то умеешь?» — «Умею, умею». — «Ну так возьми весло да потрудишься немного за меня. Мне што-то спать захотелось, так я немного того... поотдохну». С этими словами дядя Тимофей лег на середину лодки и с таким аппетитом заснул, что даже не слышал, как бабы в лесу горланили свои деревенские песни. Он проснулся только тогда, когда мы подъезжали к своему полю. «О, да мы уже у Никоновой гибели? — сказал он, подняв голову и посмотрев по направлению к берегу. — Скоро же нас притащило». — «Дядя Тимофей, про какую это ты Никонову гибель говоришь?» — спросил Федей. — «Так ты еще и Никоновой гибели не слыхал? Вот видишь, там недалеко от берега трестички. Так вот, возле этой трестички по озерную сторону есть „луда“ (груда подводных кам<ней>). Давно-давно жил, бывало, в нашей деревне пастух кореляк по имени Никон. Хороший пастух был и отпуски хорошие знал. Бывало, как весной отпустит скотинку в лес, да сам и не ход<ил> никогда за ней: все сама скотинка домой при-

⁵⁸ Далее запись датирована 26 февраля.

ходила. А он в это время и работал что-нибудь. А в ту пору все дешевое такое было, бывало, за пятак целые дни работали мужики. Вот один раз взялся он у дедушки Наума Мих<айловича> за пятак плот дров приплавить из лесу. Вот он эдак утром раненько уехал вот сюда на бор, нарубил до обеда дров, а с обеда сплотил и едет домой. А этой-то луды он совсем и не знал, да как-то нечаянно и заехал с плотом на эту луду. Заехал и сидит себе — ни взад, ни вперед нельзя. Вот беда, што делать. Ничего такого придумать не может. Дай, думает, загину (*<нрзб>* заплачу), может, кто на крик и придет, выручит из беды. Загинул, а моя-то покойница бабушка, царствие ей небе<сное>, ягоды тут возле по бору собирала и услышала, што он ревит. „Чего ты, Никонка, реवेशь-то так?“ — спрашивает она. „Да как же мне не реветь: на луду плот запал — пятачок из-за этого пропадает“. — „Поезжай ты, поезжай, Никон, домой. Да<к> я лучше тебе свой пятачок заплачу, а ты брось-оставь тут плот-то“. Никон так и сделал, уехал домой, а бабушка и отдала ему свой пятак. На другой день витрина страшный разыгрался, и плот с камней сбило. Никон переплавил и другой пятачок получил. А луда эта после него так и назы<вают> — Никонова гибель».

«Дядя Тимофей, а долго ли после этого Никон жил у нас в пастухах?» — «Да как бы тебе сказать, — и году не жил, в ту же осень и вышел». — «А почему же он вышел?» — «Дело такое вышло, што пришлось ему покинуть нас. Один раз осенью коровы долго домой не приходили. Одна соседка и собралась итти искать. Только вышла за поле — видит: черт гонит коров домой. Уж, видно, отпуск у него такой действительный был. Чертина такой большущий, выше лесу рога такие большие. Молодухато испугалась, да и давай домой бежать, а черту-то это невзлюбилось: как хватит ея корову за шею, да так сразу и придавил. Ну вот как узнал об этом Никон, да и говорит: „Зачем ты пошла за коровой без моего дозволения? Я больше у вас не могу служить“. И ушел». — «Так разве он с чертями знался?» — спросил Федя. — «Ну как же пастуху быть-то без этого? Знался-знался, бывало, и мне хотел показать чертеняток, да я не посмел идти. Говорит, нужно только черту задать самую трудную работу, и тогда он не тронет человека. А самая трудная работа — это плести из песку веревку. Он мне много раз говорил: „Пойдем, поставим веревку из песку плести, и он не тронет нас“. Но все-таки страшновато иттить-то было. Так и не удалось повидать с ним бисенка-то. Што глаза так и слипаются — спать охота». И дядя Тимофей опять заснул богатырским сном и до дому больше не просыпался, да, наверно, если бы Федя не разбудил, он проспал бы в лодке до самого вечера.

Дядя Тимофей не ошибся: в тот же день скончался Кулявин...

ОБОНЕЖСКИЕ ПРИЧИТАНИЯ В ЗАПИСИ З. В. ЭВАЛЬД И Е. В. ГИППИУСА (1926)

Публикация и комментарии А. Ю. Кастрова

Представляя к научному обращению архивные материалы, автор настоящих строк продолжает серию публикаций образцов музыкально-поэтического фольклора, собранных в 1926 г. участниками комплексной экспедиции Крестьянской секции Государственного института истории искусств (ГИИИ, г. Ленинград).¹ В состав настоящей публикации входят музыкально-поэтические тексты, зафиксированные с помощью фонографа на восковых цилиндрах группой собирателей, которую возглавлял известный музыковед, ученый секретарь ГИИИ А. В. Финагин. В состав группы входили также сотрудники ГИИИ — З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиус.² Музыковеды, осуществ-

¹ Эпические баллады и духовные стихи Обонежья в записях 1926—1934 годов / Публ. А. Ю. Кастрова // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. Вып. 4—5. С. 403—438; *Кастров А. Ю.* Напевы причитаний Сенногубской волости в контексте плачевой традиции Обонежья // Русский фольклор. СПб., 2004. Вып. 32. С. 282—317. Обратим внимание на современную публикацию поэтических текстов: Духовные стихи Обонежья (По материалам экспедиций 1926—1932 гг.) // Публ. Л. И. Петровой // Из истории русской фольклористики. Вып. 4—5. С. 439—491.

² В паспортной документации к восковым цилиндрам отсутствует фамилия А. В. Финагина. Тем не менее в комментариях к публикуемым нотациям последовательно указывается фамилия руководителя группы МУЗО (Музыкальный отдел Народного комиссариата просвещения РСФСР), как одного из соавторов звукозаписей. Восстанавливая историческую справедливость, мы опираемся на записи в дневнике экспедиции (РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 11, ед. хр. 2), данные официального отчета о результатах экспедиции (Крестьянское искусство СССР : Сборник Секции крестьянского искусства Комитета социологического изучения искусств: Искусство Севера. Т. 1: Заонежье. Л., 1927. С. 7), а также на мемуарные сви-

влявшие звукозаписи на территории Заонежья, ориентировались на фиксацию образцов местной музыкальной культуры в многообразии ее современных форм.³ При этом ни один из упомянутых участников экспедиции не обладал даже самым скромным опытом фольклорно-собирательской деятельности. Поэтому представляется вполне естественным наличие методических просчетов в экспедиционной работе, главным из которых являлся принцип автономной фиксации вербальных и музыкальных компонентов фольклорных текстов. С наибольшей очевидностью это заметно при сравнении звуковых инципитов заонежских причитаний с полными поэтическими текстами причети, зафиксированными от одних и тех же исполнителей. Обращение к текстам, записанным Н. П. Колпаковой,⁴ полностью подтверждает факт слабой координации в работе музыковедов и филологов, избегавших синхронности. Кроме того, собиратели фиксировали попросту, различные причитания, приуроченные к разным эпизодам как свадебного обряда, так и похоронно-поминального ритуала.

Несмотря на то, что полевые тетради группы А. В. Финагина недоступны современным исследователям, можно с уверенностью утверждать, что сами авторы звукозаписей не производили синхронной фиксации поэтических текстов причитаний. Сохранившиеся черновые нотации З. В. Эвальд косвенно подтверждают высказанное предположение. Прослушивая фонограммы в стационарных условиях, она столкнулась с непреодолимыми трудностями расшифровки поэтических текстов. На полях рукописи своей первой нотации причетного образца З. В. Эвальд отмечает: «текста нет».⁵ Начинаящему фольклористу не удалось расслышать поэтические строки причитаний, представляющие собой канонические клише, свойственные местной традиции. Попытка опереться на тексты Н. П. Колпаковой не могла увенчаться успехом в силу их асинхронности с фонограммами. В итоге значительное число нотных фрагментов осталось без подтекстовки, а некоторые поэтические строки, почерпнутые у Н. П. Колпаковой, не имели аналогов на фонограммах. Тем не менее З. В. Эвальд, в настойчивом стремлении расшифровать

детельства (*Колпакова Н. П. У золотых родников: Записки фольклориста. Л., 1975. С. 3—51*). Расплывчатость сведений, касающихся деятельности проф. В. В. Эвальда, оказавшего участникам экспедиции «огромные услуги по собиранию песенного музыкального материала» (*Крестьянское искусство... С. 7*), не позволяет причислить его к авторам звукозаписей.

³ *Гунтус Е. В. Крестьянская музыка Заонежья // Крестьянское искусство... С. 147—164.*

⁴ См.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 5, ед. хр. 1—19 (машинопись).

⁵ См. ноты к текстам № 1—15.

звукозаписи заонежских причитаний, многократно прослушивала оригиналы восковых цилиндров. Поскольку каждое воспроизведение негативно сказывалось на качестве звучания оригинала, звукозаписи в конце концов оказались основательно «затертыми». Лишь с помощью методов цифровой реставрации фонограмм удалось снизить уровень шума восковой массы и усилить полезный звуковой сигнал до уровня, позволяющего выполнить аналитически достоверные нотации напевных образцов заонежских причитаний.

К настоящему времени в фондах Фонограммархива ИРЛИ сохранились 6 восковых цилиндров с записями инципитов 13 причитаний (10 свадебных, 2 погребально-поминальных и 1 рекрутского), выполненных группой А. В. Финагина в экспедиции 1916 г.: ФВ 0017, ФВ 0021, ФВ 0032, ФВ 0033, ФВ 0038, ФВ 0047. Нотации указанных фонограмм выполнены автором этих строк и представлены в данной публикации. Паспортные сведения к ФВ 0018 указывают на звукозаписи инципитов еще двух свадебных причитаний. Однако обращение к фонограммам показывает, что на восковом цилиндре зафиксированы 2 свадебные величальные припевки, ошибочно атрибутированные собирателями как причитания. Два восковых цилиндра (ФВ 0028 и ФВ 0029), содержавшие звукозаписи причитаний, не дошли до наших дней. Каждый из них «выключен по акту от 23.10.1934 г. как разбитый при перевозке». Привлечение нотаций З. В. Эвальд, избыточных в сравнении с сохранившимися фонограммами, осложняется тем, что нумерация цилиндров подвергалась изменению. Поэтому, не всегда достигается возможность координации паспортных данных указанных нотаций с паспортными сведениями разбитых восковых оригиналов. К упущениям собирателей также следует отнести недостаточность информации этнографического характера, касающейся зафиксированных напевных образцов. Описание свадебного обряда Заонежья, выполненное Н. П. Колпаковой, имеет чересчур обобщенную форму.⁶ Сведения, касающиеся приуроченности каждого из музыкально-поэтических образцов настоящей публикации, носят гипотетический характер, но учитывают место аналогичных текстов причитаний в местных системах свадебного и погребально-поминального обрядов. С большой долей вероятности можно до-

⁶ См.: Колпакова Н. П. Старинный свадебный обряд // Фольклор Карело-Финской ССР : Сборник статей. Вып. 1 : Русский фольклор / Под ред. проф. Н. П. Андреева. Петрозаводск, 1941. С. 163—199. Заметим, что автор объединяет этнографические сведения, собранные в Заонежье, с данными, полученными в пудожских экспедициях (Там же. С. 163—178). В качестве примеров одного ряда используются заонежские и пудожские причетные тексты.

пустить, что собирателями с помощью фонографа зафиксированы напевные инципиты свадебных причитаний, составлявших основу репертуара подголосницы.⁷ Это подтверждает приписка («причетница»), имеющаяся в одной из нотаций З. В. Эвальд (См. Приложение).

Наибольшей упорядоченностью структур отличаются напевные образцы заонежских причитаний, опирающиеся на 9-сложный стих с редуцированным окончанием (см.: № 3, 4, 6 наст. публ.). Первичная ритмическая модель стиха, учитывающая фразовую просодию, описывается как двухударный акцентный стих с анапестической анакрузой и дактилической клаузулой (2.3.2). Вторичная ритмическая модель стиха, учитывающая словесную просодию, характеризуется как четырехстопный хорей с дактилическим окончанием.⁸ Ритмику напевного слога произнесения в музыкальном периоде двоянной метрической пульсации характеризуют ускоренная форма произнесения анакрузы и выделение долготой 5-го слога. Первый из указанных приемов способствует маркированию первого акцентного слога, а последний — созданию иллюзии цезуры. Типологически родственные однострочные напевы, в которых ярко выражена песенная стилистика, зафиксированы собирателями на территории Сенногубской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии.⁹ Различия заонежских образцов с сенногубскими касаются долготы последнего акцентного слога и музыкального времени словообрыва и междустрочной паузы, что обусловлено приемами исполнительской агогики. Во всех заонежских напевах рассматриваемого типа, равно как и в сенногубских, 2-й акцентный слог не выделен долготой. Напротив, сокращено виртуальное время, требуемое на произнесение редуцированных слогов клаузулы. Таким способом маскируется междустрочная цезура, свойственная одиночной причети. Можно предположить, что собирателями зафиксированы в сольном исполнении реликтовые образцы напевов групповой причети, в инвариантной форме которой каждый последующий сольный зачин мелостиха накладывается на редуцированное окончание:

⁷ См.: Кузнецова В. П. Подголосницы Заонежья // Кижский вестник. № 4: Заонежье. Петрозаводск, 1994. С. 75—85; Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья: Конец XIX—начало XX в. Петрозаводск, 2004. С. 17—20.

⁸ Обстоятельный стиховедческий анализ указанной формы содержится в кн.: Бейли Дж. Три русских лирических размера. М., 2010. Глава 6. С. 269—305. См. также: Бейли Дж. Ритмическая модель стиха некоторых пудожских причитаний // Русский фольклор. СПб., 2001. Т. 31. С. 140—149.

⁹ Подробнее см.: Кастров А. Ю. Напевы причитаний Сенногубской волости... С. 288—291.

Ты бруд- га, бруд- га- бо- я... Стань на
рез- вы сво- и но...¹⁰

Отступления от стихового инварианта в напеве № 3/3, 5 осуществляются в рамках изохронной формы 7-мерного мелопериода двояной формы метрической пульсации. Сам принцип формирования расширенной формы стиха за счет мультипликации хорейческой стопы (напевы 3/5, 6/8 наст. публ.) подтверждает наше суждение, касающееся механизма формирования развитых в слогочислительном отношении стиховых структур.¹¹

Проявление комплекса особенностей песенного стиля можно наблюдать в причетных образцах, которые характеризует 10-мерный напевный период двояной метрической пульсации, опирающийся на 13-сложный трехударный стих с редуцированной дактилической клаузулой (2.3.3.<2>). Равномерная форма слогопроизнесения контрастирует с ускоренным произнесением анакузы, что способствует маркированию первого акцентного слога:

Я са- ма си- бе в за- бо- ту об за- бо...<тила>¹²

Однотипные формы напевов причитаний зафиксированы как в заонежских, так и в сенногубских деревнях.¹³ Нарушение ритмического норматива стиха осуществляется за счет добавления дополнительного слога к 2-стопной хорейческой группе слогов:

Я сама́ сибѣ
ды в невóлю да
обневó... <лила>.¹⁴

¹⁰ Напев № 4/2—3. Здесь и далее через косую черту после номера примера указываются номера музыкально-поэтических строк.

¹¹ См.: *Кастров А. Ю.* Напевы причитаний Сенногубской волости... С. 285—288.

¹² Напев № 1/2. См. также напев № 2.

¹³ Подробнее см.: *Кастров А. Ю.* Напевы причитаний Сенногубской волости... С. 291—292. Попутно исправим опечатку в 8-й строке на с. 291 указ. изд. Следует: «10-мерный период».

¹⁴ Напев № 1/3. Также см.: напев № 2/3.

В итоге формируется конфигурация строенного пятисложного стиха, характеризующегося как строенный хореодактиль (2.22.22.<2>). Сверхнормативные слоги реализуются с учетом тенденции к изохронности напева за счет дробления музыкального времени слогопроизнесения. Преодоление изохронности, подчеркивающее членение мелострок, достигается за счет расширения зоны первого преддыкта и добавления зачинного возгласа.¹⁵

Обратим внимание на координацию однотипного напева со стихом, характеризующимся как 12-сложный 3-ударный стих с анапестической анакрузой и хореической клаузулой (6-стопный хорей), в котором редуцирован последний слог (2.3.3.<1>):

Я не шоў- ко- ву тра- ву да-й по- то пта...<ла>¹⁶

Подобно описанным выше данный образец демонстрирует способ формирования стиховой структуры строенного 5-сложного состава:

Пропустите-тко,
люди добры, да
мене-й, деву... <шку>.¹⁷

Значительная часть заонежских причитаний, записанных с помощью фонографа в экспедиции 1926 г., характеризуют структурные признаки, свойственные напевно-декламационным формам. Они находят отражение в узкообъемном амбитусе напева, отсутствии развитых внутрислоговых распевов, равномерной форме слогового ритма и ускоренной форме произнесения анакрузы. Мелопериод, охватывающий поэтическую строку, инвариантная форма которой определяется либо как 13-сложный трехударный акцентный стих с анапестической анакрузой и дактилической клаузулой, либо как бесцезурный 6-стопный хорей с дактилическим окончанием (2.3.3.2). В напевной форме редуции, как правило, подвергается заключительный слог и добавляется избыточный слог в анакрузе, выполняющий функцию зачинного возгласа.¹⁸ В рассматриваемых напевах преобладает

¹⁵ Напев № 2/2, 3, 5.

¹⁶ Напев № 5/2.

¹⁷ Напев № 5/5.

¹⁸ См.: *Бейли Дж.* 1) К анализу ритма похоронного причитания «Плач по родном брате» И. А. Федосовой // Бейли Дж. Избранные статьи по русскому народному стиху. М., 2001. С. 302—331; 2) Хореический ритм в похоронном причитании И. А. Федосовой «Плач о брате двоюродном» // Традиционная культура: Научный альманах. М., 2010. № 1 (37). С. 113—

троичная система метрической пульсации, в рамках которой хореическая стопа стиха получает реализацию в трехмерной форме слогового ритма:

Ой, я гля- жу- смо- трю, о- бид- на кра- сна де- ву...
<шка>.¹⁹

Появление ритмической ячейки ямбической конфигурации в клаузуле-кадансе обладает не только структурно-разделительной функцией, поскольку ритмическими средствами подчеркивается область третьего акцента стиха. Структуры регулярно-метрического периода с ярко выраженной хореической стопностью слогового ритма обнаруживаются не только в образцах заонежских и сенногубских причитаний, но и в нарративных напевах различных локальных традиций русского фольклора.²⁰

Наравне с хореическими ячейками в рассматриваемых напевах троичной системы метрической пульсации хореическая стопа получает реализацию в ритмической ячейке ямбической конфигурации, образуя ямбо-хореические структуры:

И я гля- жу- смо- трю, кру- чин- на- я го- ло...
<вухка>.²¹

Заметим, что принципы расширения инвариантной формы стиха заонежских причитаний и образования гипертрофированных конструкций стиха соответствуют общим структурным закономерностям, свойственным обонежской причетной традиции.²²

Обратим особое внимание на образец причитания № 13. Первоначальная его нотация была опубликована в составе нот-

121. Работы снабжены обширной библиографией, относящейся к данной проблематике. Нами сознательно не учитывается сомнительное в научном и этическом отношениях послесловие, присоединенное ко второй из указанных статей д-ра Бейли не только без согласия автора, но даже без его информирования.

¹⁹ Напев № 8/1.

²⁰ Подробнее см.: *Кастров А. Ю.* Напевы причитаний Сенногубской волости... С. 292—295.

²¹ Напев № 14/4.

²² Подробнее см.: *Кастров А. Ю.* Напевы причитаний Сенногубской волости... С. 285—288.

ных приложений статьи Е. В. Гиппиуса.²³ Вследствии того, что автор нотации не вполне точно определил единицу метрической пульсации, напев приобрел характерные стилистические признаки (широкообъемный амбитус, сдвоенная метрическая пульсация), свойственные групповой причети. Обращение к оригинальной фонограмме позволило корректно установить темп ($\text{♩} = 126$) и устранить иллюзию наличия развитого внутрислогового распева. Инвариантная структура стиха рассматриваемого образца выходит за пределы традиции обонежской причети. Однострочный напев опирается на расширенную форму силлабического стиха десятисложного состава, или иначе, сдвоенного пятисложника (5+5):

В контексте указанного выше, рассматривая приведенные в приложении к упомянутой статье нотные образцы напевов двух типов причитаний, вряд ли можно согласиться с утверждением Е. В. Гиппиуса, касающимся процесса «вырождения причети», сопутствующего исчезновению «особой касты профессиональных причетниц».²⁵ Слуховая запись напевного образца свадебного причитания М. П. Ведёшкиной, скорее всего, отражает традицию одиночной причети невесты.²⁶ Следует учесть, что напевный текст, зафиксированный «на слух», приурочен к обряду прощания невесты с волей,²⁷ сопровождавшемуся одиночной причетью невесты «со слезами».²⁸

Завершая краткий обзор представленных материалов, отметим необходимость публикации наряду с современными нотными расшифровками черновых нотаций заонежской причети, выполненных З. В. Эвальд. Они объективно отражают исторический процесс научного освоения этномузыковедами сложного фонда фольклорных источников.

²³ Гиппиус Е. В. Крестьянская музыка Заонежья. Приложение (Нотные примеры). № 20 // Крестьянское искусство СССР : Сборник Секции крестьянского искусства Комитета социологического изучения искусств. Вып. 1. Искусство Севера. Заонежье. Л., 1927. С. 202.

²⁴ Напев № 13/9.

²⁵ Гиппиус Е. В. Крестьянская музыка Заонежья. С. 163.

²⁶ Кузнецова В. П. Подголосницы Заонежья. С. 81—82.

²⁷ К поэтическому тексту данного причитания (РО ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 5, ед. хр. 11) имеется комментарий Н. П. Колпаковой: «причитывается, когда невеста отдает волю».

²⁸ Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья. С. 214.

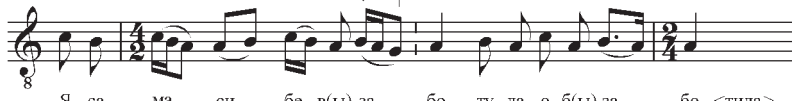
ТЕКСТЫ

№ 1

$\text{♩} = 108$

[Што я сле] - ла - ла, по - д(ы) - ня - воль - ня к(ы)рас(ы) - на де... <вушка>!

Я са - ма си - бе в(ы) за - бо - ту да о.б(ы)за - бо... <тила>,

Я са - ма си - бе ды в(ы) не - во - лю да о.б(ы) - не - во... <лила>...

[Што я сле]лала, под(ы)нявольня к(ы)рас(ы)на де... <вушка>!
 Я сама себе в(ы) заботу да об(ы)забо... <тила>,
 Я сама себе в(ы) неволю да об(ы)нево... <лила>...

№ 2

$\text{♩} = 112$

[...И я про] - гне - ва - ла, под(ы)не - воль - ня да крас(ы)на - й де... <вушка>.

И пе.р(и)вой рас(ы) - то я то - пе - ре да - й(и) по.к(ы)ло - ни... <ласи> -

И мо - я во - люшка на го - лов - ки да с - по - ша - ти... <ласи>.

Уж я дру - го.й(и)рас(ы)то - перь да - й(и) по.к(ы)ло - ни... <ласи> -

И мо - я во - лю - шка-й на пле - щюш(и)ка с(ы)ва - ли...<ласи>...

[...И я про]гневала, под(ы)нево́льня да крас(ы)на-й де... <вущка>.
И пёр(и)вой рас(ы)-то я топер(е) да-й(и) пок(ы)лони... <ласи> —
И моя волюшка на головки да с-пошати... <ласи>.
Уж я дру́гой(и) рас(ы) топерь да-й(и) пок(ы)лони... <ласи> —
5 И моя волюшка-й на плещюш(и)ка с(ы)вали... <ласи>...

№ 3

♩ = 90

[Мой по-к(ы) - ло - н(ы) да - й(и) по] - ни - зё...<хонёк>.

Ду - бо - во - му да с(ы)-то - лу в(ы) го...<рници>.

Мо - ло - до - му да к(ы)-не - зю Ми...<трию>.

Ты, у - да - лой да до - б(ы)-ра-й(и) мо...<лодец>.

Ну - тка, ста - нем с то - бо-й(и) на мо - сти...<ночку>.

На о-д(ы) - ну с(ы)то - бо-й(и) пи - ре - к(ы) - ла...<динку>.

Ты по - вы - с(ы)та - н(и) - ко - й(и), по - жа...<луйста>.

Стань на но - ш(ы)ки с(ы) - во - и ре...<звье>...

[Мой пок(ы)лон да-й(и) по]низё... <хонёк>.
 Дубово́му да с(ы)то́лу в(ы) го... <рници>,
 Молодому да к(ы)не́зю Ми... <трию>.
 Ты уда́лой да доб(ы)рай(и) мо... <лодец>,
 5 Ну-тка, станем с тобой(и) на мости... <ночку>,
 На од(ы)ну с(ы) тобой(и) пирек(ы)ла... <динку>.
 Ты повыс(ы)тан(и)-ко-й(и), пожа... <луйста>,
 Стань на нош(ы)ки с(ы)вои ре... <звье>...

№ 4

♩ = 92

[Мой] по - кло - н(ы)да - й(и) по - низё...<хонёк>.
 Ты брюд(ы)га, б(ы)рюд(ы)га - й(и) - боя...<рыня>,
 Стань на ре - з(ы)вы с(ы)вои но...<женьки>,
 На са - по - ш(ы)ки да с(ы)тан(и) коз(ы)ло...<вьи>.
 Да-й на пя - то - [чки] ста - [н(и) то - чё...<ныи>...]

[Мой] поклон(ы) да-й(и) понизё... <хонёк>.
 Ты брюд(ы)га, б(ы)рюд(ы)га-й(и)-боя... <рыня>,
 Стань на рез(ы)вы с(ы)вои но... <женьки>,
 На сапо́ш(ы)ки да с(ы)тан(и) коз(ы)ло... <вьи>.
 5 Да-й на пято[чки] ста[н(и) то чё... <ныи>...]

№ 5

$\text{♩} = 96$

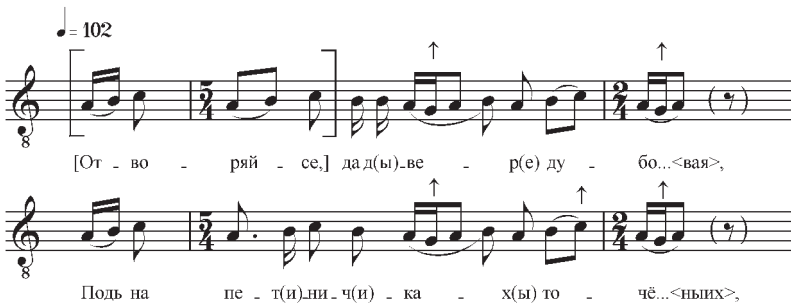
[Я не в зе] - ле - ном(ы)са - ду да-й(и) по - бы - ва...<ла>,
 Я не шо_ў - ко - ву т(ы)ра - ву да-й(и) по - то.п(ы). та...<ла>,
 У ду - бо - во - во с(ы)то - ла да-й(и)по - бы - ва...<ла>,
 Я о - студ - ни - ка в(ы)гла - за да-(й) по - ви - да...<ла>.
 Про.пу - сти - те.тко, лю - ди до.б(ы)ры, да ме - не-й(и), де.ву...<шку>...

[Я не в зé]леном(ы) саду да-й(и) побыва... <ла>,
 Я не шоўкову т(ы)раву да-й(и) потоп(ы)та... <ла>,
 У дубово во с(ы)тола да-й(и) побыва... <ла>,
 Я остудника¹ в(ы) глаза да-(й) повида... <ла>.
⁵ Пропустите-тко, люди доб(ы)ры, да мене-й(и), деву... <шку>...

¹ жениха.

№ 6

$\text{♩} = 102$

[От - во - рьяй - се.] да д(ы).ве - р(е) ду - бо...<вая>,
 Поль на пе - т(и)ни.ч(и) - ка - х(ы) то - чё...<ных>.

Да-й на пе - те - ў - ка - х(ы) бу - ла...<тных>!

От - во - ри - лась да д(ы)-ве - р(е) ду - бо...<вая>.

Про - пу - сти - те - тко, кра - с(ы)_ны де...<вухки>.

Мни по-к(ы) - ло - н(ы) во - з(ы) - да - т(и), по - жа...<луйста>.

Как во-й э - то - т(ы) в да - л(и)-не-й(и) у...<голок>-

Тут си - лет не-слышьли - во

ста - ру - шки ста - ро - пре...<жниѳ>.

Ста - риць - ки да с(ы) - то - го - до...<выѳ>.

Мни пой - ти бы - ло, кра - с(ы)-на-й(и) де...<вухки>.

Как во-й э - то - т(ы) во боль - шо[й]...<угол>-

Тут си - дя - т(ы) всё ве - сё - лы ве-д(и) мо...<лодци>...

[Отворяйсе], да д(ы)вер(е) дубо... <вая>,
Подь на пет(и)нич(и)ках(ы)¹ точё... <ных>,
Да-й на петеуках(ы)² була... <гных>!
Отворилась да д(ы)вер(е) дубо... <вая>.
5 Пропустите-тко, крас(ы)ны де... <вушки>,
Мни пок(ы)лон(ы) воз(ы)дат(и), пожа... <луйста>,
Как во-й этот(ы) в дал(и)ней(и) у... <голок> —
Тут сидёт неслышьливо старушки старопрэ... <жниё>,
10 Старицьки да с(ы)тогодó... <выё>.
Мни пойти было, крас(ы)най(и) де... <вушки>,
Как во-й этот(ы) во большо[й]... <угол> —
Тут сидят(ы) всё весёлы вед(и) мо... <лодци>...

¹ на пятничках (на пятах).

² на петелках.

№ 7

$\text{♩} = 168$

[И по-дой - ди - тка сю] - ды, ро -
- ди - тель ты мо - я ма...<минька>,
О - й(и), прими - ка де - ву - ш(и) - ку на
бе - лы с(ы) - ва - и ру - це...<ньки>
И по-г(ы) - ла-д(и) -

по - дро - ци ты по бла -

до - й(и) ме - ня го - ло...<вушки>

И мо - жо - т(ы) ру - це - н(и) - ки т(ы) - во -

- и да есь ща - сли - вы...<и,>

И в(ы) ру - чень - ка - х(ы) па - л(е) - щи - ки ве - д(и)

есь да всё та - ла...<ннии.>

И то - л(и) - ко с(ы) - лу - хай, мо - я ро -

- [ди - тель ты мо - я ма...<минька>...]

[И подойди-тка сю]ды, родитель ты моя ма... <минька>
 Ой(и), прими-ка девуш(и)ку на бёлы с(ы)вай руце... <ньки>
 И пог(ы)лад(и)-подрочи¹ ты по бладой(и)² меня голо... <вушки>:
 И можот(ы) руцен(и)ки т(ы)вои да ес[т]ь щасливы... <и>,
⁵ И в(ы) рученьках(ы) пал(е)щики вед(и) ес[т]ь да всё тала... <ннии>.
 И толь(и)ко с(ы)лухай, моя ро[дитель ты моя ма... <минька>...]

¹ погладь.

² младой.

№ 8

$\text{♩} = 150-168$

Ой, я г(ы) - ля - жу - с(ы) - мот - рю, о -

- би - д(ы) - на кра - сна де - ву...<шка>,

Ой, я на сво - ю [на] ро -

- ди - тя - л(и) ми - лу ма - минь...<ку>.

Ой, по - дой - ди ко мне, ро -

- ди - тьяль ми - ла ма - минь...<ка>.

Ой, ни у - бо - й(и) - ся - тка о -

- би - д(ы) - най кра - снай де - ву...<шки>.

Ой, ни о - го - н(и) го - ри - т(ы) на

мла - да - е - й(и) го - ло - вуш...<ки>.

Ой, ни ре - ка бя - жит по лет -
 - ри - во - му по се-р(и) - де чу...<шку>,
 Ой, не з(и) - ме - я п(ы) - лы - вёт во
 ре - з(ы) - вых мо - их но - жа...<чка>,
 То - л(и) - ко слу - шай - ка, ро -
 - ди - тьяль мо - я ма - минь...<ка>,
 У - ш(ы) мы ся - дём на бру -
 - со - ву - то бе - лу ла - воч...<ку>,
 Хоть под о-д(ы) - но с(ы) то - бо - й(и) ко -
 - си - в(ы) - ча - то о - ко - ша...<чко>.

Ой, ты ни г(и) - ни - с(и), не гнишь, бру -

- со - ва да бе - ла ла - во...<чка>, ^{1/8}

Ой, вы ни т(ы) - ре - с(ы) - кай - ся, ко -

- си - в(ы) - ча - ты - й о - ко - ша...<чки>,

Што ль о - т(ы) ми - ня, да всё о - т(ы) о -

- би - д(ы) - най кра - с(ы) - най де - ву...<шки>

То - л(и) - ко слу - шай - ка, ро -

- ди - тя - л(и) мо - я ма - ми...<нька>, ^{1/8}

Што с(ы) - ка - жу ти - бе, о -

- би - д(ы) - на кра - сна де - ву...<шка>: ^{1/8}

Ты с(ы) - пу - сти ми - ня в лю -
 - би - ма - я во го - сте - би...<щё>...

- Ой, я с(ы)ляжу-с(ы)мотрю, обид(ы)на красна деву... <шка>,
 Ой, я на свою [на] родитял(и) милу маминь... <ку>.
 Ой, подойди ко мне, родитяль мила маминь... <ка>,
 Ой, ни убой(и)ся-тка обид(ы)най краснай деву... <шки>,
 5 Ой, ни огон(и) горит(ы) на младаей(и) головуш... <ки>,
 Ой, ни река бязит по летривому¹ по сер(и)дечу... <шку>,
 Ой, не з(и)мея п(ы)ливёт во рез(ы)вых моих ножа... <чках>,
 Тол(и)ко слушай-ка, родитяль моя маминь... <ка>,
 Уш(ы) мы сядём на брусóву-то белу лавоч... <ку>,
 10 Хоть под од(ы)но с(ы) тобой(и) косив(ы)чато окоша... <чко>.
 Ой, ты ни г(и)нис(и), не гнись, брусóва да бела лаво... <чка>,
 Ой, вы ни т(ы)рес(ы)кайся, косив(ы)чаты-й окоша... <чки>,
 Што ль от(ы) миня, да всё от(ы) обид(ы)най крас(ы)най
 деву... <шки>.
 Тол(и)ко слушай-ка, родитял(и) моя мами... <нька>,
 15 Што с(ы)кажу тебе, обид(ы)на красна деву... <шка>:
 Ты с(ы)пусти миня в любимая во гостéби... <щё>...>

¹ ретивому.

№ 9

$\text{♩} = 104$

[Мне] - ко се - сти бы - ло, [бед...<нушки>,
 И мне л(и) на э - ту - то на бру -
 - со - ву на бе - лу [ла...<вочку>,
 И [што л(и) под э - то] под ко -

- [сив - ча] - то - е о - ко - шач - ко.

И у - ш(и) ты с(ы) - лу - хай, мо - я за -

- кон - на ма - е се - ме - [ю...<шка>]

И што ты с(ы) - де - лал, мо - я за -

- кон - на - я мо - я се - ме...<юшка>

И до - пу - с(ы) - тил ты да сю - [ды - й(и)]

смир - ну ю сме - рё...<тушку>

И у - ш(и) ты с(ы) - лу - ха - й(и) - ко, зло -

- дей - ка да ты с(ы) - ме - рё - ту - шка.

И ты л(и) по го - ру - ш(и) - кам ве - д(и)

шла - то да не у - би - [ла...<си>...]

[Мне]-ко сести было, [бед... <нушки>],
 И мне л(и) на эту-то на брусóву¹ на белу [ла... <вочку>],
 И [што л(и) под это] под ко[сивча]тое окошачко.²
 И уш(и) ты с(ы)лухай, моя законна мае семе[ю... <шка>],
⁵ И што ты с(ы)делал, моя законная моя семе... <юшка>,
 И допус(ы)тил ты да сю[ды-й(и)] смирную смерё... <тушку>.
 И уш(и) ты с(ы)лухай(и)-ко, злодейка да ты с(ы)мерётушка.
 И ты л(и) по горуш(и)кам вед(и) шла-то да не уби[ла... <си>...]

¹ В рукописи: *брустову*.

² Автор нотации расшифровала строку предположительно, заключив подтекстовку в квадратные скобки: *И подойти-то мне под косячатое окошачко*.

№ 10

$\text{♩} = 168$

По - с(ы) - мо - трю, о -

- би - д(ы) - на кра - сна де - ву...<шка>,
 Ой, я на сво - ю на ро -

- ди - тья всё видь ма - минь...<ку>,
 Ой, по - дай - ди ко мне, ро -

- ди - тья ми - ла ма - минь...<ка>,

Ой, не у - бо - й(и) - ся - тво о -

- би - д(ы) - ной кра - с(ы) - ной де - ву...<шки> ,

Э, ды ни о - го - н(и) го - рит нам(ы) -

- ла - да - е - й(и) го - ло - ву...<шки> ,

Э, ды ни ря - ка бя - жит по рел(ы) -

- ли - во - му по се - р(и) - де - чу...<шку> ,

Э, не з(и) - ме - я п(ы) - лы - вёт во

ре - з(ы) - вых мо - их(ы) но - жа...<чка> .

То - ли) - ко слу - шай - ка, ро -

- ди - тьяль всё(хо) видь ма - ми...<нька> ,

У - ш(и) мы ся - дем- ка на бру -

- со - ву да с то - бой ла - ва...<чку>,

Ой, по - д(ы) о - д(ы) - но с(ы) то - бой ко -

- си - в(ы) - ча - то о - ко - шач...<ко>.

Ой, ты не г(ы) - ни - с(и), не г(ы) - нись, бру -

- со - ва да бе - (хэ) - ла ла - вач...<ка>,

Ой, вы не т(ы) - ре - с(ы) - кай - ся, ко -

- си - в(ы) - ча - ты о - ко - ша...<чки>,

Што ль о - т(ы) ме - ня видь, да от о -

- би - д(ы) - най кра - с(ы) - най де - вуш...<ки>.

То - л(и) - ко слу - шай - ка, ро -
 - д(и) - тьяль всё видь ма - минь...<ка>,
 Што с(ы) - ка - жу те - бе, о -
 - би - д(ы) - на кра - с(ы) - на де - вуш...<ка>...

- Пос(ы)мотрю, обид(ы)на красна деву... <шка>,
 Ой, я на свою на родитяль всё видь маминь... <ку>.
 Ой, подойди ко мне, родитяль мила маминь... <ка>,
 Ой, не убой(и)ся-тко обид(ы)ной крас(ы)ной деву... <шки>,
 5 Э, ды ни огон(и) горит на м(ы)ладаей(и) голову... <шки>,
 Э, ды ни ряка бяжит по рет(ы)лiвому¹ по сер(и)дечу... <шку>,
 Э, не з(и)мея п(ы)лывёт во рез(ы)вых моих(ы) ножа... <чка>.
 Тол(и)ко слушай-ка, родитяль всё(хо) видь мами... <нька>,
 Уш(и) мы сядем-ка на брусову да с тобой лава... <чку>,
 10 Ой, под(ы) од(ы)но с(ы) тобой косив(ы)чато окошач... <ко>.
 Ой, ты не г(ы)нис(и), не г(ы)нись, брусóва да бé(хэ)ла лавач... <ка>,
 Ой, вы не т(ы)рес(ы)кайся, косив(ы)чаты окоша... <чки>,
 Што ль от(ы) меня видь, да от обид(ы)най крас(ы)най девуш... <ки>.
 Тол(и)ко слушай-ка, родитяль всё видь маминь... <ка>,
 15 Што с(ы)кажу тебе, обид(ы)на крас(ы)на девуш... <ка>...

¹ ретивому.

№ 11

...И не по ра - зу - му хо -
 ром - но да по-с(ы) - тро - е...<ньше>...

Не пла - ру - би - ли те - бе ко -
 - сив - ча - тых о - ко...<щечёк>,

Не спра - в(ы) - ле - ны - то д(ы)-ве б(ы) - ру -
 - со - вых да бе - лы - х(ы) ла...<вочёк>.

И я г(ы) - ля - жу - смо - трю, к(ы) - ру -
 - чин - на - я всё го - ло...<вушка>,

И да - й(и) не впер - вы - я г(ы) - ля -
 - жу, да - й(и) всё в(ы) по - сле...<дние>,

И да - й(и) у - ви - деть - це с ма - ей
 бе - ла - ей да ле - бе...<душкой>,

И да - й(и) на-й э - ту - ю мо -

- ги - лу - ш(ы) - ку у - мё...<ршую>,

И да - й(и) на-й э - ту - ты на - рос -

- кат - го - ры вы - со...<кую>.

И близ - ко-й э - та - ва - тре -

- зво - ну - да ко - ло - ко - лья...<нёго>.

И близ - ко-й э - та - ва - ты

пе - ни - я - церь - ков...<нёго>.

За - ка - ти - лась - та - тё - п(ы) - ла

кра - сна да-й э - то со...<лнышко>

И да - й(и) под са - мо - ю под
 си - ве - р(ы) - ну сто - ро...<нушку>,
 И у - ка - ти - ла - с(и) ка - к(ы) лю -
 би - ма - я го - ло...<вушка>...

- ...И не по разуму хоромно да пос(ы)троё... <ншиё>,
 Не пларубили¹ тебе косивчатых окó... <шечёк>,
 Не справ(ы)лены-то д(ы)ве б(ы)русовых да белых(ы) ла... <вочёк>.
 И я г(ы)ляжу-смотрю, к(ы)ручинная всё голо... <вушка>,
⁵ И да-й(и) не впёрвья г(ы)ляжу, да-й(и) всё в(ы) послé... <дниё>,
 И да-й(и) увидетьце с маей белаей да лебё... <душкой>,
 И да-й(и) на-й этую могилуш(ы)ку умё... <ршую>,
 И да-й(и) на-й эту-ты на роскát-горы висо... <кую>.
 И близко-й этава трезвону да колоколь... <нёго>,
¹⁰ И близко-й этава-ты пения церькóв... <нёго>.
 Закатилась-та тёп(ы)ла красна да-й это со... <лнышко>
 И да-й(и) под самую под сивер(ы)ну сторо... <нушку>,
 И укатилас(и) как(ы) любимая голо... <вушка>...

¹ прорубили.

№ 12

...И я как вы - ро - сти - ла, и те -
 - перь я су - мля - ва...<юси>,

И всё как ду - ма - ла я, по -
 - бед - на - я го - ло...<вушка>.

И во - з(ы) - ро - ста - ё - те, се.р(и).
 - деч - ны да мо - и де...<тушки>.

И бу - дет доб - ро - ё у бес -
 - [с]час[т] - ной - то до - бро - у...<мьшце>.

И бу - дят лёх - ка - я ведь
 мне - ка да пе - ре - ми...<нушка>.

И всё как ду - ма - ла я, к(ы) - ру -
 - чин - на бед - на го - ло...<вушка>.

И бу - дут ла - ско - вы с(ы) - ло -
- ве - чо - ш(ы) - ка при - я...<тлив>,
И лё - х(ы) - ки го - до - ц(и) - ки ведь
бу - дут да всё ща - сли...<выё>,
И го - ды на - по - сле - д(ы) -
- нынь - ко да хло - пот - ли - вы - ё,
И хло - пот - ли - вы - я се-р(и).
- деч - ны ро - жо - ны ди...<тятки>...

- ...И я как выросла, и теперь я сумлява... <юси>,
И всё как думала я, победная голо... <вушка>:
И воз(ы)ростаёте, сер(и)дечны да мои де... <тушки>,
И будет дóброё у бес[с]час[т]ной-то доброу... <мьницё>,
⁵ И будят лёхка ведь мне-ка да переми... <нушка>.
И всё как думала я, к(ы)ручинна бедна голо... <вушка>:
И будут ласковы с(ы)ловечюш(ы)ка прия... <тливы>,
И лёх(ы)ки годиц(и)ки ведь будут да всё щаслі... <выё>,
И годы напослед(ы)нынько да хлопотлівыё,
¹⁰ И хлопотливыя сер(и)дечны рожоны ди... <тятки>...

№ 13

♩ = 126

От - прав - ляй - тесь,

бе - лы да вы ле - бе...<душки>,

И ко с(ы) - ла.в(ы) - но - (а) - му

к О - не - гу - шку стра - хо - ви...<тому>:

И та - м(ы) О - не - гу - ш(и) - ко вот ши - ро...<коё>,

И та - м(ы) ко - ло - де - цки - ти вид(и)глу - бо...<кни>,

И по - че.р(и) - пни - те - ко клю - че - во[й]...<воды>.

И со - му - то - м(ы) да во - да с(ы) - му - ти - ла...<си>-

И-й э - та во - да вель не к(ы) - лю - че...<вая>,

И не и-з(ы) - мо - ю я ли - цё бе...<лоё>

И со - му - то - м(ы) да во - да с(ы) - му - ти...<ласи>

И о - т(ы).пра-в(ы) - ля - й(и).тес - ко,

мо - и бе - лы да вы ле - бё...<душки>

И дру - к(ы) да со - ве - т(ы).ны лю - би - мы - е по...<дружки>

И да - й(и) се.с(ы) - три - ци вы же си - ро - ти...<ночки>

Та - м(ы) ко Ла - дож - ско - му ведь серь - ди...<тому>

И та - м(ы) ве.д(и) Ла - дож - ско ве - д(и) ши - ро...<коё>

И та - м(ы) ко - ло - дец - ки ве.д(и)г(ы)лу - бо...<кни>

И та - м(ы) ве.л(и) це - р(и).ков да Бож(и) - я сто...<льная>

И та - м(ы) че - со - в(ы) - ня ведь бо - го - мо...<льная>,
 И по - че - р(и) - пни - те - ко клю - че - во[й]...<воды>.
 И со - му - то - м(ы) во - да ведь с(ы) - му - ти...<ласи> -
 И - й э - та во - да ведь и к(ы) - лю - чё...<вая>,
 И я из(ы) - мо - ю да ли - цё бе...<лоё >...

- Отправляйтесь, бёлы да вы лебё... <душки>,
 И ко с(ы)лав(ы)но(а)му к Онегушку страхови... <тому>:
 И там(ы) Онегуш(и)ко вот ширó... <коё>,
 И там(ы) колодецки-ти вид(и) глубо... <кии>,
 5 И почер(и)пните-ко ключево[й]... <воды>.
 И с омуто́м(ы) да вода с(ы)мутила... <си> —
 И-й эта во́да ведь не к(ы)лючё... <вая>,
 И не из(ы)мою я лицё бе... <лоё>.
 И с омуто́м(ы) да вода с(ы)мути... <ласи>.
 10 И от(ы)правляй(и)тесь-ко, мои бёлы да вы лебё... <душки>,
 И друк(ы) да совет(ы)ны любимые по... <дружки>,
 И да-й(и) сес(ы)трици вы же сироти... <ночки>,
 Там(ы) ко Ладожьскому ведь серьди... <тому>:
 И там(ы) вед(и) Ладожьско вед(и) ширó... <коё>,
 15 И там(ы) колодецки вед(и) г(ы)лубо... <кии>,
 И там(ы) вет(и) цер(и)ков да Бож(и)я сто... <льная>,
 И там(ы) чесов(ы)ня ведь богомо... <льная>,
 И почер(и)пните-ко ключево[й]... <воды>.
 И с омуто́м(ы) вода ведь с(ы)мути... <ласи> —
 20 И-й эта во́да ведь и к(ы)лючё... <вая>,
 И я из(ы)мою да лицё бе... <лоё...>

№ 14

$\text{♩} = 156$

Ты по - слу - шай - ко, се - р(и) -

- де - чно да мо - ё ди...<тятко>,

Как по-езь - жа - е -

как и съезь - ди - ла я

за О -

- не - гу - шко стра - хо - ви...<тоё>,

И да - й(и) вой э - то

ка - к(ы) во во -

- ен - но да во при - су...<тствиё>,

И я г(ы) - ля - жу - смо - т(ы) - рю, к(ы) - ру -

- чин - на да я го - ло...<вушка>...

Ты послушай-ко, сер(и)дечно да моё ди... <тятко>,
Как поезжайе — как и съездила я за Онегушко страхові... <тоё>,
И да-й(и) во-й это как(ы) во военно да во прису... <тствиё>,
И я з(ы)ляжу-смот(ы)рю, к(ы)ручинна да я голо... <вушка>...

№ 15

 = 200

Ты по - слу - шай - ко, под - не -

- воль - на - я кра - сна де...<вушка>,

Я гля - жу - смо - трю, к(ы) - ру -

- чин - на - я - то го - ло...<вушка>,

И на те - бя смо - трю,

под - не - воль - на - я кра - с(ы) - на де...<вушка>,

И ске_м(ы) ты слу - ма - ла со -

- вет да - й(и) ду - му [сду - ма...<ти>,
И с кем ты сду - ма - ла со -
- вет - ну ре - ч(и) го - во - ри...<ти>?..]

Ты послушай-ко, подневольная красна де... <вушка>,
Я гляжу-смотрю, к(ы)ручинная-то¹ голо... <вушка>,
И на тебя смотрю, подневольная крас(ы)на де... <вушка>,
И с кем(ы) ты сдумала совет да-й(и) думу [сдума... <ти>,
И с кем(ы) ты сдумала советну реч(и) говори... <ти>?..]

¹ В рукописи: *коручинная-то*.

КОММЕНТАРИИ

Нотные расшифровки, за исключением отмеченных особо, выполнены автором публикации на основе принципов, устоявшихся в фольклорных публикациях ИРЛИ. Поэтические тексты отражают нормы современной орфографии с сохранением морфологических и лексических особенностей местного диалекта. «Г» фрикативное выделено курсивом. Конъектурная правка музыкально-поэтического текста заключается в квадратные скобки, реконструкция редуцированного окончания стиха — в угловые.

В состав паспортных данных звукозаписи входит место ее хранения и архивный шифр (номер единицы хранения, порядковый номер записи на восковом цилиндре). Нотации З. В. Эвальд имеют шифры Рукописного фонда ФА ИРЛИ.

№ 1. ФА ИРЛИ, ФВ 0017.01. Свадебное причитание на рукобитье. Олонецкая губ., Петрозаводский у., Великогубская волость, д. Кондоберережная. Исп.: Омельина Иринаья Алексеевна, 53 лет. Зап.: А. В. Финагин, З. В. Эвальд, Е. В. Гиппиус 17 июня 1926 г. Напев транспонирован на $\frac{1}{2}$ тона выше. Вариант нотации З. В. Эвальд см. Приложение 4 наст. публ.

№ 2. ФА ИРЛИ, ФВ 0017.02. Свадебное причитание на рукобитье. Паспортные сведения см. коммент. к № 1. Напев транспонирован на $\frac{1}{2}$ тона выше. Вариант нотации З. В. Эвальд см. Приложение 5 наст. публ.

№ 3. ФА ИРЛИ, ФВ 0017.03. Свадебное причитание жениху перед столом с поезжанами. Паспортные сведения см. коммент. к № 1. Вариант нотации З. В. Эвальд см. Приложение 6 наст. публ.

№ 4. ФА ИРЛИ, ФВ 0017.04. Свадебное причитание брудгэ перед столом с поезжанами. Паспортные сведения см. коммент. к № 1. Напев транспонирован на ½ тона выше.

№ 5. ФА ИРЛИ, ФВ 0017.05. Свадебное причитание на рукобитье. Паспортные сведения см. коммент. к № 1. Напев транспонирован на 1 тон выше. Вариант нотации З. В. Эвальд см. Приложение 7 наст. публ.

№ 6. ФА ИРЛИ, ФВ 0017.06. Свадебное причитание обряда девичьей бани (?). Паспортные сведения см. коммент. к № 1. Напев транспонирован на ½ тона выше. Вариант нотации З. В. Эвальд см. Приложение 8 наст. публ.

№ 7. ФА ИРЛИ, ФВ 0021.03. Свадебное причитание по возвращении невесты из гостей (?). Олонецкая губ., Петрозаводский у., Великогубская волость, д. Космозеро (Погост). Исп.: Коренная Пелагея Никифоровна, 60 лет. Зап.: А. В. Финагин, З. В. Эвальд, Е. В. Гиппиус 29 июня 1926 г. Напев транспонирован на ½ тона выше. Биографические сведения об исполнительнице см.: Былины Севера. Т. 2: Прионежье, Пинега и Поморье / Подгот. текстов и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. С. 328—329.

№ 8. ФА ИРЛИ, ФВ 0032.02. Свадебное причитание перед поездкой невесты по гостям. Паспортные сведения см. коммент. к № 7.

№ 9. ФА ИРЛИ, ФВ 0029.01. Похоронное причитание. Паспортные сведения см. коммент. к № 7. Фонограмма до настоящего времени не сохранилась, восковый цилиндр «выключен по акту от 23 октября 1934 г. как разбитый при перевозке». В паспорте к цилиндру отсутствуют сведения о фонограмме. Сохранившаяся нотация З. В. Эвальд (см. Приложение 3 наст. публ.) приводится в редакции автора настоящих строк. Учитывая замечание автора нотации, согласно которому причитания П. Н. Коренной исполняются на один и тот же напев, нотный текст скорректирован с однотипным напевом (см. № 8 наст. публ.). Напев транспонирован на 2 тона выше, в соответствии с сохранившимися звукозаписями причитаний исполнительницы. Поэтический текст, расшифрованный З. В. Эвальд, исправлен в соответствии с традиционными причетными клише. На полях рукописи автором нотации отмечено: метроном «нельзя проставить точно».

№ 10. ФА ИРЛИ, ФВ 0033.01. Свадебное причитание по возвращении невесты из гостей (?). Олонецкая губ., Петрозаводский у., Великоновская волость, д. Великая Нива. Исп.: Тищевская Настасья Ивановна, 19 лет. Зап.: А. В. Финагин, З. В. Эвальд, Е. В. Гиппиус 30 мая 1926 г. Вариант нотации З. В. Эвальд см. Приложение 12 наст. публ.

№ 11. ФА ИРЛИ, ФВ 0038.01. Поминальное причитание по дочери (?). Олонецкая губ., Петрозаводский у., Шуньгская волость, д. Крестные Горы. Исп.: Мишина Марфа Алексеевна, 71 год. Зап.: А. В. Финагин, З. В. Эвальд, Е. В. Гиппиус 6 июля 1926 г. Напев транспонирован на 1 тон ниже. Вариант нотации З. В. Эвальд см. Приложение 9 наст. публ.

№ 12. ФА ИРЛИ, ФВ 0038.02. Похоронное причитание («по ребенку»). Паспортные сведения см. коммент. 11. Вариант нотации

З. В. Эвальд см. Приложение 10 наст. публ. Начальная строка «Ты послухай-ка, сер(и)дечно да моё ди... <тятко>» на фонограмме не зафиксирована.

№ 13. ФА ИРЛИ, ФВ 0047.01. Свадебное причитание обряда девичьей бани («над водой»). Олонецкая губ., Петрозаводский у., Шуньгская волость, д. Крёстные Горы. Исп.: Мишина Марфа Алексеевна, 71 год. Зап.: А. В. Финагин, З. В. Эвальд, Е. В. Гиппиус 05 июля 1926 г. Напев транспонирован на ½ тона ниже. Вариант нотации Е. В. Гиппиуса см. Приложение примеч. 13 наст. публ.

№ 14. ФА ИРЛИ, ФВ 0047.01. Рекрутское причитание. Паспортные сведения см. коммент. 10. Вариант нотации З. В. Эвальд см. Приложение 13 наст. публ.

№ 15. ФА ИРЛИ, РФ, п. 5, № 7. Свадебное причитание подруги невесты на рукобитье (?). Олонецкая губ., Петрозаводский у., Шуньгская волость, д. Крёстные Горы. Исп.: Мишина Марфа Алексеевна, 71 год. Зап.: А. В. Финагин, З. В. Эвальд, Е. В. Гиппиус 5 или 6 июля 1926 г. Нотация З. В. Эвальд фонограммы, не сохранившейся к настоящему времени. В рукописи подтекстованы 4 строки напева, 5-я строка поддается реконструкции. Остальные строки допускают множественность вариантов подтекстовки. В предлагаемой версии нотации напев транспонирован на 2 ½ тона ниже, в соответствии с тесситурой сохранившихся на фонограммах причитаний М. А. Мишиной. Также скорректировано показание метронома (в рукописи: ♩ = 100), расставлена тактировка и отредактирована подтекстовка напева. Полный текст нотации З. В. Эвальд см. Приложение 1 наст. публ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ФА ИРЛИ, РФ, п. 5, № 7. Свадебное причитание подруги невесты на рукобитье (?). Олонецкая губ., Петрозаводский у., Шуньгская волость, д. Крёстные Горы. Исп.: Мишина Марфа Алексеевна, 71 год. Зап.: А. В. Финагин, З. В. Эвальд, Е. В. Гиппиус 5 или 6 июля 1926 г. Нотация З. В. Эвальд не сохранившейся к настоящему времени фонограммы. Предлагаемый вариант нотации начальных 5 строк напева см.: № 15 наст. публ.

2. ФА ИРЛИ, РФ, п. 5, № 32. Свадебное причитание подголосницы. Олонецкая губ., Петрозаводский у., Великогубская волость, д. Космозеро (Погост). Исп.: Коренная Пелагея Никифоровна, 60 лет. Зап.: А. В. Финагин, З. В. Эвальд, Е. В. Гиппиус 28 июня 1926 г. Нотация З. В. Эвальд (ФВ 0028.03). Фонограмма до настоящего времени не сохранилась, восковый цилиндр «выключен по акту от 23 октября 1934 как разбитый при перевозке». В паспорте к цилиндру приводится начальная строка поэтического текста «Я гляжу, кручинная головушка». Нотация носит самый предварительный характер и допускает множественность вариантов реконструкции.

№ 338

И V. 7

Виденье красоты года " Ты пошукал в поднебесной стране в... виденье

34

М. = 100

Ты пошукал в поднебесной стране в... и шукал смугло кудрявую под волос...

и на тебе смугло поднебесная красина де... и см-ны ты шука-ча во-буда и бу-ду

⊗ Формативные темпеленне локунессе от: $\text{♩} \text{♩} \text{♩}$

Рис. 1

|| *небеса и земля* ||

The image shows a handwritten musical score for the piece "небеса и земля" (Heavens and Earth). The score is written on ten staves, organized into five systems of two staves each. The notation includes various rhythmic values such as eighth and sixteenth notes, rests, and dynamic markings like *pp* and *ff*. The music is written in a single melodic line on a treble clef. The first system begins with a double bar line and the handwritten text "|| небеса и земля ||". The score concludes with a double bar line and a fermata over the final note.

Рис. 2

343

22

А.У

Н. И. Крещенная. Проще свад. 302 У.И

343

но - ки - ма - жу с ивк пус - тенъ ай ,

не ре - ка ли да сав - стит и де - ти ма - ту - син - ка

Рис. 3

Н. Корбанав
 Нова апраўдана

М.І.
 44.

М. Ш. Выходзіць на вуліцу матор
 і пачынае іграць

(35.)

і матор на вуліцу іграць
 і матор на вуліцу іграць
 і матор на вуліцу іграць
 і матор на вуліцу іграць
 і матор на вуліцу іграць

і матор на вуліцу іграць
 і матор на вуліцу іграць
 і матор на вуліцу іграць
 і матор на вуліцу іграць
 і матор на вуліцу іграць

і матор на вуліцу іграць
 і матор на вуліцу іграць
 і матор на вуліцу іграць
 і матор на вуліцу іграць
 і матор на вуліцу іграць

і матор на вуліцу іграць
 і матор на вуліцу іграць
 і матор на вуліцу іграць
 і матор на вуліцу іграць
 і матор на вуліцу іграць

Рис. 4

(192) 17a

М.М.Д-96

Н.У. 49.

и в не-любой рас-к. :мо а ма-ма да и по-ка-е-во-носъ
 и мо-я во-шо-шка на ро-мо. вое да [му] ык а шу-гой рас и
 ма-мёръ да и по-ка-мо-мич и ма-я во-мо-ин-ка-и [5-мил]

Рис. 6

195

N.V. 52

о-ми даи о-ти-дан да-го-му , репроду 6 навел 193 да муи,

195

М.И. 1=104

(Mansur)

Рис. 9

46

Малена Александровна Лилина

подборная шумица

N.V. 53. ?

38?

и не по па-су - му хо-ро-шо да по си-мпо - е...

46

М.И.

1=80.

Шурина. Крестная рфа

не про-гу-да-м не-се ко-са-ша-Тух о-ко...

да и не о-бид-сам огу-сто-вах да се-лах и ла... и в за-мис-ту ко-то-ро Кгу-ли-ли-на да все со-во...

Рис. 10

№ 39

Слад. пршеице

И.У. 62

33/11

Нов. Куха
Нам. из Кухиберна

и - сь - фу си - ма - мрю а - вь - ин - на кра - ста ро - ву...

Мед. Т. = 144

оу з на сво - ю на ра - ди - теб [со - вет - ка] ма - шна...

ви по - сти ди - ко мне ро - ди - теб ти - на ма - шна...

ви не у - до ис - ся - тко о - ви ди - ноу кро - см - ноу вь - ву...

Рис. 13

Звукоряд

СВАДЕБНАЯ ПРИЧИТЬ (НАД ВОДОЙ) МАРФА
АЛЕКСЕЕВНА МИШИНА, Д. КРЕСНЫЕ ГОРЫ ШУМЬГСКОЙ В.

От-ПРАВЛЯ-ТЬСЯ КО МО-И БЕ-ЛЫЕ ОИ ЛЕББ... КО СОЛЛАВЫНО-МУ К О-НЕ-ГУШКУ СТРАХОВИ...
И ТАМЫ О-НЕ-ГУШНО ОИ ШИРО... И ТАМЫ КО-ЛО-ДЕСЫ ЕСТЬ ОИ СЛЫВО... И ПОЦЕРИЛИТЕ НА КЛЮ-ЦЕВО...

Рис. 14

3. ФА ИРЛИ, РФ, п. 5, № 44. Похоронное причитание. Паспортные сведения см. примеч. 2. Нотация З. В. Эвальд (ФВ 0029.01). Скорректированный вариант нотации см.: № 9 наст. публ.

4. ФА ИРЛИ, РФ, п. 5, № 48. Свадебное причитание на рукобитье. Олонекская губ., Петрозаводский у., Великогубская волость, д. Кондоберережная. Исп.: Омельина Ирина Алексеевна, 53 года. Зап.: А. В. Финагин, З. В. Эвальд, Е. В. Гиппиус 17 июня 1926 г. Нотация З. В. Эвальд (ФВ 0017.01). Вариант нотации см.: № 1 наст. публ.

5. ФА ИРЛИ, РФ, п. 5, № 49. Свадебное причитание на рукобитье. Паспортные сведения см. примеч. 4. Нотация З. В. Эвальд (ФВ 0017.02). Вариант нотации см.: № 2 наст. публ.

6. ФА ИРЛИ, РФ, п. 5, № 50. Свадебное причитание жениху перед столом с поезжанами. Паспортные сведения см. примеч. 4. Нотация З. В. Эвальд (ФВ 0017.03). Вариант нотации см.: № 3 наст. публ.

7. ФА ИРЛИ, РФ, п. 5, № 51. Свадебное причитание на рукобитье. Паспортные сведения см. примеч. 4. Нотация З. В. Эвальд (ФВ 0017.05). Вариант нотации см.: № 5 наст. публ.

8. ФА ИРЛИ, РФ, п. 5, № 52. Свадебное причитание обряда девичьей бани (?). Паспортные сведения см. примеч. 4. Нотация З. В. Эвальд (ФВ 0017.06). Вариант нотации см.: № 6 наст. публ.

9. ФА ИРЛИ, РФ, п. 5, № 53. Поминальное причитание. Паспортные сведения см. примеч. 1. Нотация З. В. Эвальд (ФВ 0038.01). Вариант нотации см.: № 11 наст. публ.

10. ФА ИРЛИ, РФ, п. 5, № 59. Похоронное причитание. Паспортные сведения см. примеч. 1. Нотация З. В. Эвальд (ФВ 0038.02). Вариант нотации см.: № 12 наст. публ.

11. ФА ИРЛИ, РФ, п. 5, № 60. Рекрутское причитание. Олонекская губ., Петрозаводский у., Шуньгская волость, д. Крестные Горы. Исп.: Мишина Марфа Алексеевна, 71 год. Нотация З. В. Эвальд (ФВ 0047.02). Вариант нотации см.: № 14 наст. публ.

12. ФА ИРЛИ, РФ, п. 5, № 62. Свадебное причитание. Олонекская губ., Петрозаводский у., Великонивская волость, д. Великая Нива. Исп.: Тишевская Настасья Ивановна, 19 лет. Зап.: А. В. Финагин, З. В. Эвальд, Е. В. Гиппиус 30 мая 1926 г. Нотация З. В. Эвальд (ФВ 0033.01). Вариант нотации см.: № 10 наст. публ.

13. *Гиппиус Е. В.* Крестьянская музыка Заонежья. Приложение (Нотные примеры). № 20 // Крестьянское искусство СССР : Сборник Секции крестьянского искусства комитета социологического изучения искусств. Вып. 1. Искусство Севера: Заонежье. Л., 1927. С. 202. Свадебное причитание обряда девичьей бани («над водой»).

Нотация фонограммы ФА ИРЛИ, ФВ 0047.01 выполнена Е. В. Гиппиусом. Вариант нотации см.: № 13 наст. публ.

**РУКОПИСНЫЙ АРХИВ И. М. ЛЕВИНОЙ:
«ИМПРОВИЗАЦИОННЫЕ» КУКОЛЬНЫЕ ИГРЫ
И ДРУГИЕ ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ (МЕЗЕНЬ, 1928 г.)**

Публикация и комментарии М. Н. Власовой

Участие в комплексных экспедициях Государственного института истории искусств (ГИИИ, ныне — РИИИ — Российский институт истории искусств) 1926—1928 гг. — значимая страница научной биографии Ирины Михайловны Левиной, способствовавшая выработке новых подходов к собиранию и изучению фольклорных произведений.

Экспедиции ГИИИ имели целью комплексное исследование регионов Заонежья, Пинеги, Мезени, Печоры и проводились регулярно с 1926 по 1929 г.¹ Как фольклорист-собираатель Ирина Михайловна Левина работала на Пинеге и Мезени. Собранные ею материалы, преимущественно — сказки и детский фольклор — хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) — в форме полевых тетрадей, черновых и беловых.²

Ирина Михайловна Левина получила известность благодаря прекрасной статье «Кукольные игры в свадьбу и метище»,³ опубликованной ею по итогам пинежской экспедиции.

¹ Первые статьи по итогам комплексных экспедиций ГИИИ, предоставивших обширный материал для многочисленных публикаций и исследований, были опубликованы в сборнике «Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера» (Вып. 1. Л., 1927; Вып. 2. Л., 1928).

² Об архивных коллекциях И. М. Левиной подробнее см.: Неизданные материалы экспедиций на Русский Север. 1926—1928 гг.: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / Сост., вступит. статья и коммент. М. Н. Власовой. СПб., 2011. С. 534—555.

³ *Левина И. М.* Кукольные игры в свадьбу и метище // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера. Вып. 2. Л., 1928. С. 201—234.

Об И. М. Левиной, «молодой словеснице, прикомандированной от Университета», бегло упоминает в своих экспедиционных дневниках Н. П. Колпакова.⁴ «Едем оживленно, весело, компания жизнерадостная, плохого настроения ни у кого не бывает. <...> Правда, наружность наша не во всем соответствует нашей научной квалификации. У всех у нас на головах — пестрые, завязанные по бабьи платки; у шефа — гороховый балахон, в котором он похож не то на ломового извозчика, не то на уездного землемера былых времен; мальчики — все в каких-то дешевых, чуть не ситцевых брюках... Один из соседей по нашему I классу отвел в сторону А. И. Никифорова и опасливо осведомился, кто мы такие. Название „научной экспедиции“ его не успокоило, так как он тут же выразил сомнение, чтобы люди с подобной внешностью могли вообще заниматься интеллигентным трудом. <...> Когда Ира Левина проходила сегодня по коридору в своем рабочем халатике и платке, кто-то из каюты I класса остановил ее: „Получите, милая, за чай и за обед...“»⁵

До недавнего времени биография Ирины Михайловны, прекратившей после 1928 г. занятия фольклористикой, была «белым пятном»; высказывалось предположение, что ее репрессировали. В действительности И. М. Левина, которая на протяжении всей жизни в анкетах, в графе «происхождение» отчетливо писала «из дворян», почти полвека, с 1935 по 1982 г., успешно трудилась неподалеку от Зубовского института, в Отделе истории западноевропейского искусства Эрмитажа.

По отзывам коллег, Ирина Михайловна Левина «была одним из крупнейших специалистов в области истории испанского искусства», хранителем испанских картин; занималась атрибуционной, просветительской, исследовательской работой. «Начиная с 1930-х гг. и на протяжении нескольких десятков лет ее статьи появлялись как в советской, так и в зарубежной печати. <...> Исследования И. М. Левиной были посвящены творчеству Мурильо, Сурбарана, Веласкеса, но главной темой ее исследований было творчество Франсиско Гойи; ее фундаментальная монография о великом живописце широко известна и высоко оценена в Испании. <...> Прекрасное знание материала позволяло ей быть консультантом исследователей из многих музеев, режиссеров, художников. В последние годы И. М. Левина много сил отдавала созданию научного каталога эрмитажного собрания испанской живописи».⁶

⁴ Колпакова Н. П. У золотых родников: Записки фольклориста. Л., 1975. С. 53.

⁵ Там же. С. 55—56.

⁶ И. М. Левина (1899—1983) // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1986. № 51. С. 95.

Очевидно, что перед нами — профессионал высокого класса, музейевед, искусствовед. По признанию самой Ирины Михайловны, она всегда мечтала работать в Эрмитаже.

Первым шагом к восстановлению ее биографии стала автобиография, датированная 30 апреля 1929 г., обнаруженная сотрудником РИИИ А. Б. Никаноровым в 2010 г. среди личных дел истопников и уборщиц института.

«Родилась 28 ноября 1899 г. в Санкт-Петербурге, — сообщает о себе Ирина Михайловна. — В 1918 г. поступила на историко-филологический факультет Высших женских курсов».

В 1924 г. И. М. Левина окончила музейный цикл литературно-художественного отделения Ленинградского университета, куда перевелась в 1919 г. Занималась у профессоров Б. В. Фармаковского, Н. П. Сычова, Д. В. Айналова. Слушала лекции и семинары профессоров литературного отделения — С. А. Венгерова, Г. К. Горбачева, В. М. Жирмунского, Б. М. Эйхенбаума. Одновременно, с 1919 по 1922 г., состояла студенткой ГИИИ. «В 1920 г., летом, по приглашению Б. В. Фармаковского работала практиканткой в Академии истории материальной культуры по разряду греческих колоний на юге России. <...> Участвовала в 1921 г. в экспедиции семинария Л. А. Мацулевича в Олонецкую губернию (деревянная архитектура Севера), в Кириллов и Ферапонтов монастыри. Занималась там ферапонтовской композицией Страшного суда и эту же работу продолжала в Университете под руководством Д. В. Айналова по Спасо-Нередицкой церкви. В 1922 и 1924 г. работала в Новгороде над фресками Волоотовской церкви (тема занятий — влияние раннего итальянского ренессанса на Новгород). Фольклором заинтересовалась, работая над древним русским искусством».⁷

Весной 1927 г., через секретаря Общества социологии и теории искусств, И. М. Левина обратилась в Комитет по социологическому изучению искусств (Соцком) ГИИИ, открытые заседания которого она посещала с момента его основания, с просьбой об участии в работе Крестьянской секции ГИИИ и в экспедиции на реку Пинегу.⁸

Таким образом, вопреки сведениям, сообщенным в экспедиционных дневниках Н. П. Колпаковой, Ирина Михайловна вовсе не являлась для ГИИИ сторонним, «прикомандированным от Университета» человеком, а ее интерес к фольклору не был случайным и достаточно рано сконцентрировался

⁷ Curriculum vitae: Левина Ирина Михайловна // Архив РИИИ, оп. 7, д. 13, л. 32—32 об. Эти же сведения менее подробно изложены в личном деле И. М. Левиной: Архив Государственного Эрмитажа, ф. 1, оп. № 15, д. № 124 (1945—1982).

⁸ Curriculum vitae: Левина Ирина Михайловна, л. 32 об.—33.

именно на детском фольклоре, который она собирала на Пинеге и Мезени.

С 1918 г. Левина работала воспитателем в детских домах; с 1924 г., в течение десяти лет, преподавала русский язык и литературу в школе, а также в интернате Института народов Севера.⁹ В статье «Кукольные игры в свадьбу и метище», Ирина Михайловна указывает, что «опросы о кукольной игре в свадьбу» производились ею «среди учеников 62 школы Московско-Нарвского района Ленинграда, а также среди взрослых, приехавших из деревень».¹⁰

В преамбуле к статье «Кукольные игры в свадьбу и метище» И. М. Левина пишет: «Самое большое внимание этнографы уделяли до сих пор детской песенке. Из детских игр собиратели большей частью останавливались на тех, которые сопровождают-ся обычно припевками, а также на играх „формальных“».¹¹ В пределах известного мне материала почти совсем нет подробных описаний игр крестьянских детей, подражающих быту взрослых, очень интересных и носящих в себе почти всегда элементы драматургии. Г. С. Виноградов, указывая на бытование подобных игр, относит их к „играм-импровизациям“, выполняемым не „по правилам“, как „формальные“ игры, а „по уговору“».¹² Сравнительно мало изученными ко времени написания статьи были и игры с игрушкой.

И. М. Левина указывает на необходимость заполнить лакуны в наблюдениях «над отдельными сторонами детской жизни»;¹³ этой цели подчинена ее исследовательская и собирательская деятельность 1920-х гг.

Рукописный архив И. М. Левиной (1928 г.) содержит сведения о кукольных играх на Мезени — несомненно, в качестве продолжения работы, которая велась на Пинеге и была оборвана в 1929 г. (согласия на участие в экспедиции на Печору, ради чего, собственно, и писалась автобиография, Ирина Михайловна, по-видимому, не получила). Мезенские материалы включают записи кукольной игры в свадьбу, сделанные в деревнях Лебская, Засулье, Малые и Большие Нисогоры.¹⁴ Не перебеленные и не

⁹ Curriculum vitae: Левина Ирина Михайловна, л. 33; И. М. Левина (1899—1983). С. 95.

¹⁰ Левина И. М. Кукольные игры в свадьбу и метище. С. 202.

¹¹ «„Формальная игра“ — термин Г. С. Виноградова, под которым он подразумевает игры, имеющие определенные правила: городки, горелки, лапта и так далее» (Там же. С. 201).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее — РО ИРЛИ), р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 8, л. 134 об.—144; р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 14, л. 41 об.—45 об., 65 об.—69, 331—337.

подготовленные собирательницей к печати, они нуждаются в расшифровке и детальном изучении.

Особое место отведено фиксации прочих «импровизационных» игр. Некоторые из них («в гости»; «в „страдание“ на пожне») описаны подробно, другие — обрисованы в общих чертах. В нашу публикацию включены примеры обобщенных и детальных записей.

Упоминания о бытовании на Пинеге кукольных игр «в бесе́ду» и «в похороны»¹⁵ в мезенской экспедиции дополнены сведениями о целом ряде игр: «перед нами проходит быт взрослых в своеобразной передаче его детьми»¹⁶ — куклы нянчат детей («домашничают»), моют избы, сенокосничают, охотятся, ловят рыбу, торгуют, посещают церковные службы, уходят в солдаты.

Материал по детским играм призван прояснить сформулированные И. М. Левиной теоретические проблемы: правомерно ли именовать такие игры «импровизационными»; какие части определенного обряда либо уклада жизни взрослых детям более известны; как наследуется данная игровая традиция и как она изменяется в зависимости от возраста, состава участников, и пр. Собирательница стремится зафиксировать весь ход игры: распределение ролей между куклами и их хозяйками, обустройство игрового пространства, динамику разворачивающегося действия, реплики, ремарки детей и даже возникающие между ними конфликты. К сожалению, значительная часть мезенской коллекции сохранилась лишь в форме скорописи, с пропусками и трудночитаемыми местами, что дает представление о том, насколько важна была для И. М. Левиной послеэкспедиционная работа со сделанными ею записями (вероятно, какая-то их часть хранилась в ее личном архиве). Утрачено и собрание «своедельных» кукол, купленных либо выменных Ириной Михайловной у маленьких северянок.

Загадочна судьба подготовительных материалов к единственному опубликованному, но обстоятельному и совсем не ученическому исследованию И. М. Левиной: страницы, на которых должны были бы находиться пинежские записи о кукольных играх, из полевой тетради аккуратно вырезаны и нигде не перебелены. Пока трудно сказать, какие причины привели к такому буквальному «отрыву» Ирины Михайловны от фольклористики.

¹⁵ «...девочки упоминали еще про „бесе́ду“, куда куклы являются с прялками, и „похороны“, когда куклу хоронят в специально сделанном ящике или просто в коробке, и где одним из элементов игры являются причитания — плач родных по умершему» (*Левина И. М.* Кукольные игры в свадьбу и метище. С. 224).

¹⁶ Там же. С. 225.

Помимо сведений об играх, экспедиционный архив И. М. Левиной, полагавшей, что изучение детской игры «должно идти в самом широком диапазоне, охватывая, по возможности, все стороны детского быта»,¹⁷ включает более пятисот записей загадок и значительное количество колыбельных, считалок, дразнилок, игр.¹⁸

И. М. Левина была привержена «сплошному» методу записи, то есть старалась опросить и записать по возможности всех жителей той или иной деревни, без предварительного выделения наиболее одаренных, по мнению односельчан, рассказчиков. Это давало, может быть, не столь блестящую, но наиболее адекватную картину бытования фольклора.

Судя по дневниковым, а также полевым и статейным материалам, Ирина Михайловна умела установить с детьми непринужденные, доверительные отношения.

«Работала весь день. Ходила за три версты в Пустынку. Деревушка, одиноко затерянная в лесах и болотах. Бедность, доходящая до нищеты. Земли почти нет, она расположена в низинах, и часто река не только сносит все посевы, но и „землю матушку всю разнесет“. <...> А дорога в Пустынку чудесная. Бор, весь полный молодыми нежными лиственницами, седыми елями, кустами вереска. Олений мох под ногами.

Ребятишки сначала были страшно дики. Маленькая Фелицата в избе Василья-губернатора, где мы сидели с И., долго стояла у печки, закрываясь руками, боялась подойти. Потом познакомилась на улице со всеми. Стали доверчивы, подходили, играли со мной, материал пошел легко, та же Фелицата освоилась настолько, что даже положила мне ручонку на плечо, чтобы протискаться ближе».¹⁹

Небольшой экспедиционный дневник И. М. Левиной проникнут неподдельным интересом и уважением к северянам разных возрастов и состояний: от мятущегося революционера до старухи-бобылки из Вожгор.²⁰ Выйдя из небогатой дворянской семьи, считая труд необходимой принадлежностью жизни, Ирина Михайловна приняла многие изменения, произошедшие после Великой Октябрьской революции, способствовала просвещению и образованию всех, кто получил возможность учиться: преподавала на рабфаках, читала лекции. Она принадлежала к тем представителям русской интеллигенции, которые в любых обстоятельствах сохраняли высокие человеческие качества и профессионализм.

¹⁷ Левина И. М. Кукольные игры в свадьбу и метище. С. 234.

¹⁸ Большая их часть опубликована в сборнике: Неизданные материалы экспедиций на Русский Север. С. 417—504.

¹⁹ Неизданные материалы экспедиций на Русский Север. С. 400.

²⁰ Там же. С. 395—400.

И. М. Левина работала в экспедициях и самостоятельно (в основном — с детским фольклором, что очевидно из ее дневника и тетрадей), и совместно с И. В. Карнауховой, А. И. Никифоровым — записывая сказки. В одной из ее полевых тетрадей содержится упоминание о том, что сказка «Про Агея гордово правителя», сообщенная сказочником Н. Д. Челаковым, «далее дописана Никифоровым».

В сборнике «Сказки и предания Северного края»,²¹ где была опубликована значительная часть сказок, записанных экспедициями ГИИИ, Ирина Михайловна Левина вообще не упоминается, однако ее рукописный архив (и, одновременно, отсутствие такового у И. В. Карнауховой) дает основание включить И. М. Левину в число участников экспедиций ГИИИ, внесших вклад в собиранье не только детского, но и прозаического фольклора. В архив И. М. Левиной входят также обширная коллекция частушек и записи, фиксирующие некоторые обряды семейного цикла. Часть этих материалов, до сих пор не обнародованных, публикуется ниже.

В круглых скобках курсивом даны примечания собирателя, в квадратных скобках — восстановленные слова, сокращения раскрыты в угловых скобках.

Кукольные игры

№ 1

Родома

Фелицата Гречкова

Маленькие (<пять, семь> лет) играют так: пекут шаньги из глины. Ходят в гости к себе. Косят сено на «пожне» (*палкой*). Шаньги носят на пожню в черепке глиняном.

Чай греют, самовар ставят.

Лет <семь, восемь> — играют в бобки.²² Это называется «шаньги пекчи».

Играют в рыбную ловлю. Побросают щепок в невод (*кусок старого [невода]*). Дорога, песок — река.

²¹ Сказки и предания Северного края / Запись, вступ. статья и коммент. И. В. Карнауховой; Предисл. Ю. М. Соколова. Л., 1934.

²² Здесь и далее *бобки, бобочки* — битая посуда, стекляшки, осколки, изображающие в игре посуду настоящую. В пинежских материалах И. М. Левиной слово *бобки* не упоминается.

Пожню убирают (*палки валяются обыкновенно на пожне*), очищают пожню прежде, чем косить.

Куклы играют в свадьбу, в застенки, «в церковь» (просто так ходят). Хоронят кукол, зарывают в землю, щепочками заложат (кто обратно зарывает, а кто и не). Причитывают. Голосят за родственников.

№ 2

Мария Соукова, Сусанна Соукова, Люба Соукова

Кукла играет: зыбка, да малый ребенок, да нянька. Нянька-кукла качает. Зыбка — спичечная коробочка.

Парень сделан большой (кукла. — *М. В.*), величиной с локоть. Одет в черн<ые> штаны, руб<ашка> с галст<уком>. На ногах катанки. <Пять> пальцев на руке.

[Играют] в свадьбу. На окнах [делают] избы. <...>²³

Становые делают куклам на страде из щепочек. На пожню едут и косят. Палку берут и на пожне чай пьют, и костер делают из щепочек. Топят нарочно — без огня. Помощь собирают из кукол — чистить пожню. Копают, палочку сделают, будто керку.

Делается все руками куклы. Копают и песни поют за кукол.²⁴ Вино пьют куклы.

Потом вечером будто придут — пляшут, кружатся.

Пень добывают (*выворачивают*) — «Дубинушку» поют...

Куклы избы моют свои — шорками, голицком, руками будто водят.

Взрослые (*родители*) играли так же. Из веков. Куклу отдавают в работницы, в домашницы, — другие уходят на работу. У Марьи Соуковой есть кукла-домашница. Уходит [домашничать] на другое окно. <...>

Куклы делают сами.

В солдаты уходят куклы: спровожают, голосят. Мужика на окошко посодют, будто ушел. Из щепки пароход — уехал парень.

²³ Окна избы включались в игровое пространство и на Пинеге. Ср.: «„Избы“ устраивались на окнах. Невестина ближе к красному углу, женихова — на следующем». (*Левина И. М.* Кукольные игры в свадьбу и метище. С. 206). На Мезени устройство «изб» на окнах зафиксировано в играх «в гости», «парня провожают в солдаты», в «похороны» (см. ниже).

²⁴ Эту краткую запись можно сопроводить более подробным описанием: «Двигая кукол, говоря за них, заставляя их кланяться, здороваться за руку, молиться, исполняя за них причитания и песни», девочки «играли за кукол и скрывались за ними» (*Левина И. М.* Кукольные игры в свадьбу и метище. С. 227).

Мужики в лес уходят — [им] платками машут, говоря: «Прощай!» Куклы-мужики [ходят] за утками, — хоть на улицу, хоть на порог. Приносят лозиночку, будто утку, другие варят, все садятся за стол.

Имена есть у кукол: Анна, Олька (Александра), Таиска. Окрестят куклу, — и всегда одно имя.²⁵

Жонки говорят: «Что им? Ведь не роботу робят, что и делать те?»

На вечереньки куклы ходят, мужики водят, а куклы кружатся. Свадьбу играют.²⁶ Голосить не всё умеют. В баню куклы ходят — с окошка на окошко перейдут.

Мужики ходят за зайцам, капканы ставят (*в избе играют*): щепочку какую возьмут — и то заец. Капканы — тоже щепочки. На большую [щепочку] малую положут — то капкан.

В лавку играют: окно одно, платьев покладут, стопой. Из бумажек — деньги. Чашки — осколки посуды (*бобочки*). Покупают, разговаривают, торгуются.

№ 3

Вожгоры

Параня Гачева, Федоска Кудрецова

[Кукольная игра в «страдание» на пожне]

Матрасы, подушки. Стул из разбитой чашки. На другой табуретке, рядом, — другая изба. На стене для басы наклейка из текстильного треста. Стол также постлан скатертью. На нем — осколки (изображающие посуду. — *М. В.*); самовар, чайник (*такие же*). Висят в каждой избе зыбки с ребятами: на веревке, в спичеч<ном> короб<ке>, устланном тряпками, внутри — куколка. <...>

²⁵ Ср. рассказ о пинежской кукле — «малой девушке», которая становится постепенно «взрослой девушкой», невестой, женой (*Левина И. М. Кукольные игры в свадьбу и метише. С. 202—203*).

²⁶ По наблюдению И. М. Левиной, обоснованному мезенскими материалами, «свадьбу дети видят не всю, то, что у жениха — меньше, после пира не видят», что влияет на отбор и построение основных эпизодов игры. То же предположение высказано в статье о пинежских кукольных играх: «...выпущены или слабо развиты те моменты, которые происходят в избе жениха <...> дети, воспроизводя обряд, виденный у взрослых, берут из него моменты действительного, виденные, выпуская то, что им смутно известно» (Там же. С. 232).

Собираются ехать на Пижму страдать. Ладят лодку. Лодка — узенький школьный самодельный пенал. Собирают хлебы в лодку. Кладут хлебы, молоко, мясо (*пробка — тусес молока*).

Маня замечает: «Пошто наклали на корму — затонет, на середку-ты надо, а на носу мужик бат стоит!»

Девочки испуганно перекладывают. Вспоминают, что надо еще подушку, одеяло. Накладывают полную лодку одеял. На носу — мужик, на корме — жонка. Лодка едет по полу... Едет к печке, там — «Пижма».

Приехали. «Усе, выкладать надо!» Кладут [вещи] в кучку.

Очищают от палок пожню. Куклы кричат: «Палок-то больно много!»

«Теперя чай будем греть!» Строят поварню из палочек. Федоска лезет под печь и ищет их там. Затем берет нож, садится на пол, стругает. Жонки сидят на одеялах свернутых. Палочки втыкают в щели пола.

Часть горелки от лампы — горшок, подвешен на поварню. На горшок кладут камень — мясо, под поварню дрова кладутся. Садятся едят.

Надо домой ехать. Опять грузят все, едут домой. Один гребет.

Говорят: «Прощайте, срежемся! Кладь повезем до Кревого мыса (?), потом в лодку складем, поплывем, прощайте!»

«Ну, Паранька, поплыли домой!»

По дороге:

«Плотнее пихайся в пороге, штобы не заворотило-ти!»

По приезде стелятся на пол — тюфяк, <три> пары подушек. Валят семью спать. «Пушай спят. Манин мужик-от, он там спать будё». Закрывают [кукол] одеялами.

«Боле всё».

№ 4

Белоцелье

Уля Семенова, Клаша Семенова, Марья Попова, Степан Семенов

[Кукольная игра «В гости едут на вёсну»]²⁷

<Четыре> куколки. Избы [делают] на окнах. Уле — отдельно. <Два> спичечных коробка открытых изображают шкаф с посудой. В него запихивают осколки (посуду. — *М. В.*). Чурочка

²⁷ «„Весна“ — девятая пятница от Пасхи (бывает в июне)». — Пояснение И. М. Левиной.

пр<остая> дерев<янная>, принесенная с улицы — стол, заржавелые жестянки — стулья. Белячок от телеграфа — кресло. Зеркало прилепляется к косяку окна. Скляшка с камушками — сахарница. Бобки — всякая посуда.

Девчушки Кл<аша> и М<аша> делают на окне избы из щепок.²⁸ Сеня говорит: «Ну, ровно байни!»

У Ули консервная желтая (?) банка в углу, посланная тряпочкой. Стол постилается тряпочкой.

«Чашки-те есь, блюда есь» (*делятся бобочками*).

Марья зубами делает щепинки, а из них — рыбу. Уля: «За цветкам побегу!» Бежит приносит цветы, желтые одуванчики, рвет — каша (*так же, как в Засулье*), пучки — рыба.

Делают все молча. Иногда говорят: «Ева (эва. — М. В.) у меня!»; «Ну, боле будё».

Мать, Наталья Никандр<овна>, говорит: «Они молчком, они всегда так, все так играют, редят кукол да избы вот делают!»

Маня с Клашей переходят играть на два окна. На второе также кладутся бобки, цветки. Избушки из щепок...²⁹

У<ля> куколку берет — «ето в гости». Идут. «Здрастуйте!» — «Проходите! Давай я налью чай, пей, у меня еще сахар есть».

Дев<очки> берут бобки и кусают их (*сахар*). «Клашка, садись!». Клашка прид<вигается> ближе. «Все съели, ешь! Ищю ложку нать те». — Несет щепочки. «Ешьте рыбу-то, девки. Ешь, Клаша, кашу-то!»

Кончают есть.

«Цай отпили. На улицу теперь нать идти». — «Уля оболокает сарафаны нарядны-те».

Куклы гуляют по столу.³⁰

²⁸ В рукописи И. М. Левина изображает форму избы (видимо, в игре достаточно условную) двумя палочками с перекладиной наверху.

²⁹ Это место в рукописи неразборчиво; нарисовано нечто вроде большой буквы «П», возможно, изображающей избы.

³⁰ Комментируя запись, И. М. Левина поясняет: «Уля раньше играла с Олькой, <двенадцати лет>, Поповой. <...> Олька показывала, как играть, играла в эту игру — „В вёсну в гости ходят“. Пела Олька песни за кукол. Та знает. За кукол говорила Олька Попова». По свидетельству «жонки Натальи Никандровны», сорока лет, Уля Семенова может петь повертушки (частушки. — М. В.), но в этой игре повертушек не поют, «поют долги песни». (РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 14, л. 28 об.). Данное уточнение подтверждает тезис И. М. Левиной: один из «источников игры», помимо «впечатлений из действительной жизни», — «заимствования друг у друга»; подражание «девочке-руководительнице» более старшего возраста. (*Левина И. М. Кукольные игры в свадьбу и метище*. С. 230, 232—233). Ср. примечание к тексту № 5 (за игрой девочек десяти и семи лет наблюдают дети пяти и трех лет).

Катя Чурсанова, Палладия Новикова

[Кукольная игра «в гости»]

[Девочки-домашницы]³¹ одевают куклам кустышки. (*Младенцы девочек-домашниц ревут и мешают.*) «Давай, Палашка, в гости к вам придем!»

Устраиваются на окнах (*убранства окна нет*). Палладия берет себе жен<иха> и невесту (кукол. — *М. В.*)³² Ищет самовар, находит: большая катушка от скальня, вдвое больше невесты, веретено — труба на нем. <...>

Раскладывают бобки: осколки от телеграфных чашечек. «Што блюдцев у чашечек нет?» — «А эки-то!» — «Нате, пейте».

Пьют. «Гореце це-то!» — «Пейте!» — «Горецо». — «Гостем-то не налила». — «Всем налила». — «Налей ищо. Налей, Палаха, хлеба ещо нать». — «Беритё, а сахару?» — «Нет, маленько (?)». — «Много порато. Ищо налей!» — «Ну, Анюха, давай брагу-то». (Младенцы-то ревут, во!)³³

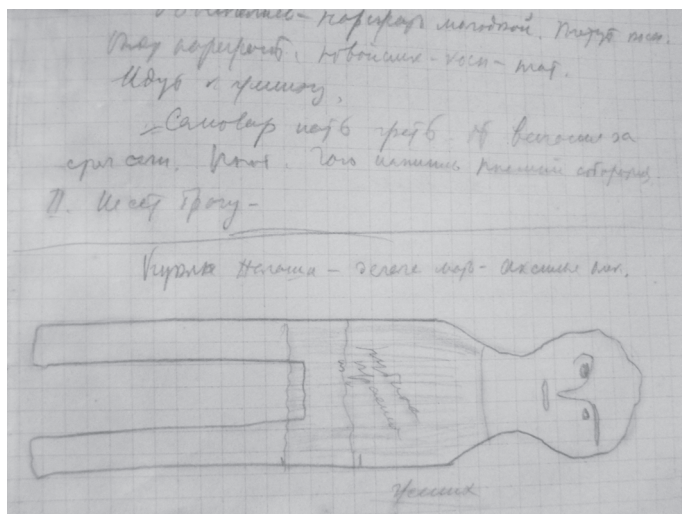
Девки продолжают [игру]. «Эва брага, на пей брагу!». Дают Федосье (девочке, наблюдающей за игрой. — *М. В.*). «На, Фенька, пей! Нать теперь песни петь». — «Обожди, не напились ещо»...

[Завершив столованье, девочки начинают петь, чередуясь].

³¹ Из записи не вполне ясно, играют ли девочки-домашницы, в обязанности которых входит присмотр за младенцами, либо «куклы-домашницы», отправившиеся «в гости» по воле своих хозяек, Палаша и Кати. Первое предположение кажется мне более вероятным.

³² То есть приспособливает «жениха и невесту» к игре «в гости». О распределении «ролей» между куклами в зависимости от темы игры см.: Левина И. М. Кукольные игры в свадьбу и метище. С. 204—206. В этой же статье описаны пинежские куклы, сделанные, по большей части, «из тряпок» и сохраняющие «все черты, присущие игре, ту же четкую точность в деталях и ту же условность, дополняемую воображением зрителя. <...> Доминирующее значение имеет костюм, и он обдумывается с большой тщательностью. Из всех виденных мною кукол преобладали куклы-женки и девушки...; реже делаются куклы-ребята и еще реже — куклы-парни, которые дополняются в случае надобности и палочками» (Там же. С. 228—229). На странице из дневника И. М. Левиной, иллюстрирующей публикацию, изображен кукольный «жених» самой простой (даже условной) формы, но в непрременной красной рубаше (см. рисунок).

³³ «Один из младенцев выливает на себя опару, девки-домашницы встают и моют его, другой ревет». — Пояснение И. М. Левиной.

Страница из полевой тетради И. М. Левиной с изображением «куклы-женуха». Мезень. 1928 г.

Палаша:

Перепела голосок,
 Ходила в лес по хвересок,
 Перепела тоненькой,
 Ходила за смородинкой
 С горки на горку каменную,
 Оторвут мою головушку отчаяную!

Катя:

Отличены уголки,
 По всей деревне огоньки,
 У миляшки два огня —
 Наверно старая родня.

Палаша:

Бежит Карюшка конек,
 По всей деревне огонек.
 Не посватана ли любушка
 Севоднишний денек?

Катя:

Ліса по лесу ходила,
 Голосяночку водила,

Бересту драла,
Мужу лапти плела —
Себе двой, мужу — трои,
Ребятишкам — по лаптишкам.

Палаша:

Руки-ноги на дороги,
Голова в кусту.
Я у татки, у мамки
Одна расту!³⁴

№ 6

Лебская

Таня Аксенова, Оля Гольчикова, Филипп Лешуков, Иван Лешуков, Семен Аксенов³⁵

[Кукольная игра «Парня отдают в солдаты»]

На столе изба. Парень (кукла. — *М. В.*) спит. «Пушай на дорогу выпется-то!» Мать пеет шаньги, хлеба складает (*бумажки рваные, камни*). Парень спит на повети (*корзинка*). Хлеб кладут в мешки (*тряпки*).

³⁴ Данная публикация включает шесть из семи пропетых девочками песен. Пояснения к завершающей части игры И. М. Левиной не сделаны.

³⁵ Несмотря на предельную конспективность и трудночитаемость, запись включена в число публикуемых, поскольку обрисованная в ней кукольная игра примечательна не только тематикой, но многоэпизодностью и участием ней мальчиков. Девочки играют за кукол-девушек и жонок, мальчики — за кукол-парней и мужиков (ср. игру в метище, где за кукол-парней играют девочки). Игра «спрессовывает» события, происходящие на протяжении длительного времени: «уход» в солдаты, возвращение спустя месяц (вероятно, на побывку. — *М. В.*); новый отъезд «в солдаты» и вторичное, вновь через месяц, возвращение «из солдат». Эпизоды приездов и отъездов чередуются с эпизодами заготовки дров, сенокосничанья, мытья избы в отсутствие «солдат». Играющие «останавливают свое особое внимание на моментах, наиболее насыщенных движением и изобразительностью» (*Левина И. М.* Кукольная игра в свадьбу и метище. С. 225), однако, при отсутствии достаточного сравнительного материала, трудно сказать, насколько давней и традиционной является именно такая структура игры. В д. Засулье игра «Парня отдают в солдаты» строится иначе: в ней участвуют одни девочки; игровое действие охватывает только день проводов и сосредотачивается на попеременном гостеванье в домах рекрутов, где разыгрываются сценки наставлений и напутствий, раздачи прощальных подарков, и т. п. (РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 8, л. 148—152).

В другой избе спровожают тоже. «И [у] вас парня в солдаты?» — «И у нас. Паужинать будем. Поди, девка, зови паужинать-то. Накрывай стол». <...>

[Другая изба]. «В узел завежу-ти деньги, не забудешь. А как я одна буду страдать-то!»

(«Лучше на окошке избу сделать» — переставляют [избу] на окошко.) <...>

Избы на одном окне разделяются корзиной. Парню <второму> одевают ташку. Хлебы [кладут] туда. Ташку одевают за спину. Завязывают. «Одевайся, чай студено!»

Жонки плачут... Целуются все. Плачут — «бытто голосят». («Голосить мы не умеем, простите!»)

«Пароход где-ка?» <...> Пароход — шепка. «Сами в гости приезжайте, [через] месяц». — «Прощайте боле!» Жонки плачут.³⁶ Вода под пароходом — из платков (волны). Мужики в солдаты уплыли.

Утром [жонки] стали, пекли шаньги в печке (за корзиной). «Испеклись уже шаньги-то? Давай исть!» — «Ну, дрова нать рубить-то, пойдём». — «Пошто нас-то не звали?» — «Так обедать еще нать. Пила-то где?»

Одевают кукол, поправляют одежду, одевают платки. «А ты, кукла-то, дома оставайся обрезать. Шанек-то напеки мне». — «А у меня некому обрезать». — «Ну так пущай».

[Кукла] обряжается в избе, убирает постели. «Нать выпахать». Метет. «Самовар поставлю».

Лес — лавка. Пилят дрова. Две девки пилят, две бабы пом<огают>. [Возвращаются домой.] «Обрядила все?» — «Обрядила все и ходила, дров наносила, все». — «Самовар готов?» — «Готов».

Садятся ужинать. «Боле все сробили». <...>

«Ну, месяц прошел... Нать скорее посыпáть (спать. — М. В.). А парни будто едут, долго ночью, а пароход заревет — ставать будут. Ну, давай пореви (за пароход. — М. В.)».

«У-у-у!»

«Ну, убирай скорее все, они пришли, пароход пришел». — «Денег-то не выдержали?» — «Выдержали... Колацей привез, дам». — «У меня еще белы колацы». — «Ой, садитесь, пейте. Каково там жили да поживали? Тоскливо? Мы уж ждали, думали — вечером приедете, а вечером игрищо соберем».

Чай пьют. Напились. «Вецер пришел. Вот поди игрище собирай, а молодяжники вино выпили». — «Перережайтесь, девки!» — «Что мне перережаться-то?» — «Бабы-то тоже придут».

³⁶ В ремарке И. М. Левиной сообщается, что жонки выспятся утром и пойдут на пожню.

Девки идут по лавке, песни поют, кружатся.³⁷ <...>
«Пошли, девки, спать. Мужики пить пошли». — «На повети постелем». — «Пущай».³⁸ (*Куклы ушли.*)

[Куклы-девки возвращаются] «Те (парни. — *М. В.*) спят». — «Чо на голом-то полу?» (*Парни спят вверх ногами.*)

Жонки говорят: «Напились. Поди спи на повесть, в переднюю [избу] пойдя, завтра работать не будешь!»

Утром:

«Дайте бритву, дайте бело полотенце, мне-ка с горя утереться!»

Месяц прошел. «У-у-у!» — пароход идет. «Скорее ставайте, ташки вяжите... Не, опять деньги-ти возьмите!»

[Девки причитают]: «Уж куда собрался, любезный мой, склался-собрался, отлетает мой душа-сокол!»³⁹

«Сенька, письма пиши, да всё спысылай!» — «Ладно, эва Таньке письмо пришло с пароходу».

Жонки сидят на берегу, [поют] «Последний нонешний денечек».⁴⁰

Мальчики возят пароход. Делают письма: «Это — Таньки, это — Ольки». <...>

[Девки и жонки] на пожню страдать пошли. Гребут, косят палками. Идут домой. Пароходик приходит. «Письмо!» — «Давай!» — «Выкупать надо». «Девки, девки, пароход иде! Эва, эва, уже близко!»

Дают свернутый конверт. Марка от катушки есть [у Оли], у Тани нет. Откупают. «Ты грамотна, нет?» — «Девка грамотна». — «Ну, давай, читай!».

Читает: «Приедем <двадцать восьмого> июня, вот приедем домой, дорогая подруга. Шлем-то поклон — Насте поклон, Кате, Ирине... Пока более ницего не знаю писать. Дожидайте нас».

«У-у-у!» — пароход.

«Ну, давай, Олька, денег <три> рубля, спысылать надо им!»

«У-у-у!» — «Пароход поиде, давайте письма!»

Ящики на пароход грузят. «У-у-у!» — пароход идет.

«Пароход пошел в зыряне!» — «У-у-у!» <...>

³⁷ В полевой тетради неразборчиво записано начало нескольких песен. Одна из («Русы кудри по плечам...»), видимо, вариация плясовой. Отмечено, что играющие мальчики подпевают девочкам.

³⁸ Несколько неразборчивых фраз, по-видимому, — о том, что парни продолжают гулять.

³⁹ «Дальше [слова] не знают». — Пояснение И. М. Левиной.

⁴⁰ Текст еще одной песни неразборчив.

[Девки и жонки] в гости идут. «Пашутся-ты да всё». — «Я пришла — пойдете завтра ко мне избу мыть?» — «Пойдем!»

Идут. «Да скиньте платья-то!» — «Я скинула». — «Может, пойдете обедать-то после?» — «Стены мойте, потолок мойте. Натъ еще все мыть-то. Песни давайте петь».

(Поют «Не пой, не пой-ка соловьюшка...».)

«Пароход пришел!» — «Куда его! Мы в рубахах, потулим мужиков!»

Поют и моют. «В байну, девки, идите!»

Девки кричат мальчикам (изображающим пароход. — М. В.): «К чаю-то приедут из солдатов?»

«У-у-у!» — «Пришли! Вот беда (*радость!*)» <...>

Наставляют самовар.

(Поют «Русы кудри по плечам...».)⁴¹

№ 7

Засулье

Маня Михеева, Августа Михеева, Сусанна Михеева, Виринея Чурсанова

[Смерть и похороны куклы]

Опять делают избы. <...>

«У меня девка занемогла, бат умрет» — «Плоха?» — «Помрет боюсь!» (*всхлипывает*)⁴²

Девка (кукла. — М. В.) лежит на кровати.

«Пошто одеяло-то добро кладете? Эва легонько есь!» <...>

«Девку-то надо переодеть. Неделю лежит, неделю уж грезь».

[Другая] кукла смотрит в зеркало. «Эва, и видать, и ручкой так она сделает!» (*кукла поднимает руку*). <...>

⁴¹ Судя по мезенским записям, в кукольных играх (как и на Пинеге) звучат более простые для исполнения либо широко известные в деревне необрядовые песни. Ср. ремарки к кукольной игре «В гости едут на вёсну» (№ 4): девочки играют «молчком», так как не знают «долгих» (протяжных) песен, а петь частушки «не полагается». В менее регламентированной ситуации куклы-гости распевают частушки и припевки (№ 5).

⁴² Репликами обмениваются Маня Михеева и Виринея Чурсанова. Маня — «мать» заболевшей куклы. Игру предваряет описание «изб» Мани и Виринеи, сделанных на окнах и снабженных кроватями, шкафами, комодом, столом, зыбкой, самоваром, зеркалами, половиками.

(Изъясняют родство: «Больша семья. Эта кукла — больной девке мать, те — <две> сестры, та сестреница, та — тетушка, сестра матери. В один дом они взамуж вышли».)⁴³

Сестреница сидит за зыбкой. Маня переодевает кукол. «Что вы, девки, не смотрите, люди голы ходят, [а] они нарочно выглядывают». — «Мамка, одень-ка мне аглицкой сарафан» — «Нать одеть-то, как больна».

Маня качает головой: «Вот беда, у меня кукла-то вся заревётся! (Жалеть ведь будет дочку.⁴⁴) Срежалась, срежалась, а девка-то у меня умерла, вот беда!» — «Давай вымою. Из балагущечки моют».

Выливают воду.

«Гроб нать ладить».⁴⁵

Обрезают по<койницу> (роются в коробке). «Подушечку-то каку нать найти». <...>

«Сейчас нать хоронить». — «Я пойду отведу место».

Мать голосит: «А-а-а!»⁴⁶ <...>

Копают в парнике. Яму выкладывают листьями...

Телега (корзина), в середине — покойник. Все сидят кругом и плачут. Конь — дер<евянный> лебедь, запряжен ниткой. <...>

Везут (плачут и т.п.). Высаживают кукол на землю. В яму кладут еще бумагу, подушечку. Кла<дут> покойника.

«Зарывай!» — «Нать щепку». Ставят крест, делают крест.

«Нать на могилу поставить цветы».

Заговоры, приговорки, магические действия

№ 1

Родома

Константин Дементьевич Карманов

Раб Божий Константин, выхожу на улицу с дверей в двери, из ворот в ворота, стану на восток лицом, на запат хребтом. Возьму, раб Божий Константин, в леву руку тугой лук, а в праву — кале-

⁴³ По уточнению И. М. Левиной, в игре принимают участие восемь кукол.

⁴⁴ Это ответ на вопрос собирателя («Почему кукла „заревётся“?»).

⁴⁵ Девочки рассказывают о том, что закопали («похоронили») одну куклу зимой: «весной она вся-я выгнила». — Пояснение И. М. Левиной. По конспективной скорописной записи трудно исчерпывающе проследить ход игрового действия. Создается впечатление, что «гроб» заменяют бумага и листья.

⁴⁶ «Слов нет: [голосить] не умеют». — Пояснение И. М. Левиной.

ну стрелу. Стрѣлю под восток, под восточну сторону. Лети, моя каленая стрела, ломай сырые лиственничные, березовые сучья, также сломай у двух сырых дубов, рабов Божьих (Константина или кого хошь назови, хошь Анну аль Матрену), смешай их ум с разумом и кров со печенью, чтобы они не могли друг без друга не жить, не быть. Аминь тому слову.

(Надо говорить в вино, в воду, — выпоить, съисть этой пары.)

№ 2

Штоб мужа отнять, полюбовница должна тайно взять иглу без ушко и полóжить тайно в пинжак, — и жону любить боле не станет.

№ 3

Малые Нисогоры

Федосья Калинишна Познякова

Штоб корова не легалась:

Стой, Пестронюшка,
Стой горой,
Теки рекой,
Ножецку не переступи,
Хвостиком не махни,
Рожкой не кивни,
И дай вымецко,
Сахарни титоцки
Хозяюшки в ручушки!

№ 4

Матрена Федоровна Авдышева

Хоть человек испугается, хоть скотина, надо взять веник, от веника три прутка и говорить — примахивать скотину иль человека прутком по глазам. Это, примахивать и говорить, что: «Секу, высекаю, вон выгоняю, уроки, прекосы, переполохи, йсполохи, ветры напереломы из ясных оцей, из черных бровей, из черных пеценей, с ретивого сердца!»

Ну вот это-то <три> раза проговорить и примахивать. Больше всё.

№ 5

Большие Нисогоры

Если руку обрежешь:

Ехал Данила на белой кобыле,
Кобыла пристала, кровь перестала!

№ 6

Когда осы кусают:

Осы вы осы,
Каленые носы,
Не жгите меня,
Жгите муравью траву!

№ 7

Кого комары кусают:

Комары да мошки,
Кусайте понемножко!

№ 8

Клопов выводить:

Где попы — тут и клопы,
Где-ка поп — тут и клоп!

(Если придет поп в избу, то взять клопа завернуть и бросить за попом следом.)

Похоронные и поминальные обряды, обычаи

Родомы

Прасковья Дементьевна Солкова⁴⁷

По первости веников накрошат сухих в гроб, по всему, значит, постелют постилку (у кого нову, у кого — ветошку, хто как

⁴⁷ На Мезени распространено и другое написание этой фамилии: Соукова.

может). Подушецку набивают листками, под голову ложат покойнику. На подстилку — покойника. И покрывало есть, — ветошка аль новая, у кого как, одежда у покойника какая есть: у другого старика — порты; не осуди, так старый — где возьмешь? У Марьи-то, бат, шаль шолкова (<шесть> рублей) положена и сапоги с калошам, <двадцать> рублей. Сей год она померла, и попутка была нова, и постилка была, все складено.

Поминки — когда лежит в гробу. Подавают через гроб нищим, кто принимать придет. Подавают все: жито, шерсть, мукой, пеценым; одежду раздавают. Доцка померла у Костиньки сей год, так <тридцать> вещей раздавали, чаем поили, — и рабочих, что гроб тесали, всих поили. А хто не работал, — так тесно в избы, — тот народ может и выйти, а как народ откормят, то и повезут на кладбище.

Поминок на кладбище нет, а есть на <третий> день обед, на <девятый>, <двадцатый>, <тридцатый>, <сороковой>. Хто не может, тот только на <третий>, на <сороковой> обедом кормят старух, а молодые — ты и самы не пойдут, молиться только старому можно. Опять милостыню подавают.

Гроб ставят на пол (на полу через гроб и подавают). До гроба покойник лежит на лавке. Моют сродственники, а ежели нет, то, если жонка померла, — старуху зовут, а как старик — старика.

Постелю не стелят до <сорока> дней. Из Лопского говорят, что покойник ходит ноцевать, у нас кадят то место старухи, если где померла — то место кадят.

Тряпочку чисту вешают, до <шести> недель висит. Душа вытирается, а на <сороковой> день [душу] на небо берут, на воле боле она не ходит. А шесть недель прошло — тряпку снесут на могилу. Настоящего полотенца не кладут, гроб носят на полотенцах, и то полотенце попу отдавают. У нас хорошо было отдано. И икону еще весят на полотенце, тоже по-старому. А сей год комсомолка одна померла, так икону не посмели, с флагом хоронили.

Полгода как Марья померла, а милостыню все носим старухам, хоть и <два> года, а все носят старухам в дом поминать. Год сполнится — обед.

Чашку с водой [в доме] ставят, дорожку не выкидывают.

В могилу бросают деньги: землю откупают, другой покойник штоб не сказал: «Ты мое место занял!» А он отвечает: «У меня земля откуплена!»

Роют могилу не родные, они много плацут, так где уж! Сторона роет, а то покойник скажет, что «Уж скорей зарыват-то меня отец аль мать!»

Места [для покойника] на поминках не оставляют, что не видят его, как видели бы — так оставляли, а ежели дух — так он и сам запихался бы.

Плакальщицы свои, а сторона хоть и не голосит, а плачут, ревут, как хорошей. Другой старый надоел, так скажут: «Бог прибрал, так и мотается». А хороший помрет, иль малы дети остаются, плачут старые тоже, вси ревут. Марья померла — так старые пуще плакали.

Горе припадет — так и голосишь, а как давно не было — голосить не знаю.

КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТАМ

Кукольные игры

№ 1. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 6, л. 92 об.—93.

Зап. 23 июня 1928 г.: д. Родома Мезенского у. Архангельской губ., Фелицата Гречкова, 12 лет.

№ 2. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 6, л. 95—96 об.

Зап. 23 июня 1928 г.: д. Родома Мезенского у. Архангельской губ., Мария Соукова, 10 лет, Сусанна Соукова, 10 лет, Люба Соукова, 8 лет.

№ 3. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 1, л. 13—14.

Зап. в 1928 г.: д. Вожгоры Мезенского у. Архангельской губ., Параня Гачева, 8 лет, Федоска Кудрецова, 9 лет. По замечанию собирательницы, в избе присутствовала еще одна девочка: «Маня, девяти лет — созерцает».

№ 4. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 14, л. 27 об.—28 об.

Зап. 5 июля 1928 г.: д. Белошелье Мезенского у. Архангельской губ., Уля Семенова, 10 лет, Клаша Семенова, 9 лет, Марья Попова, 9 лет, Степан Семенов, 7 лет.

№ 5. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 5, л. 30—30 об.

Зап. 6 июля 1928 г.: д. Конечщелье Мезенского у. Архангельской губ., Катя Чурсанова, 7 лет, Палладия Новикова, 10 лет. Собирательница уточняет, что еще три девочки — Анна Новикова, 5 лет, Поля Чурсанова, 5 лет, и трехлетняя Федосья (фамилия не указана) — наблюдают за игрой.

№ 6. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 7, л. 121 об.—127.

Зап. 26—27 июня 1928 г.: д. Лебская Мезенского у. Архангельской губ., Таня Аксенова, 12 лет, Оля Гольчикова, 10 лет, Иван Лешуков, 11 лет, Семен Аксенов, 8 лет, Филипп Лешуков, 7 лет.

№ 7. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 8, л. 144 об.—147.

Зап. 30 июня 1928 г.: д. Засулье Мезенского у. Архангельской губ., Маня Михеева, 10 лет, Сусанна Михеева, 11 лет, Вирина Чурсанова, 11 лет, Августа Жданова, 12 лет (возраст и фамилия Августы в полевой тетради указаны нечетко).

Заговоры и магические действия

№ 1. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 5, л. 74—74 об.

Зап. в 1928 г.: д. Родома Мезенского у. Архангельской губ., Константин Дементьевич Карманов, 53 года.

№ 2. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 5, л. 74 об.

Зап. в 1928 г.: д. Родома Мезенского у. Архангельской губ., Константин Дементьевич Карманов, 53 года.

№ 3. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 14, л. 337.

Зап. 18 июля 1928 г.: д. Малые Нисогоры Мезенского у. Архангельской губ., Федосья Калинишна Познякова, 53 года. По сообщению собирательницы, Ф. К. Познякова «заговоры знает от матери, которая умерла тринадцать лет тому назад».

№ 4. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 14, л. 73 об.—74.

Зап. 16 июля 1928 г.: д. Малые Нисогоры Мезенского у. Архангельской губ., Матрена Федоровна Авдышева (Авдушева), 48 лет. В заговоре «от испуга» традиционное словосочетание «ветрены переломы» заменено искаженным «ветры напереломы».

№ 5—8. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 14, л. 59 об.—61 об.

Зап. в 1928 г.: д. Большие Нисогоры Мезенского у. Архангельской губ. — от группы детей.

Похоронные и поминальные обряды, обычаи

№ 1. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 5, л. 75—77 об.

Зап. в 1928 г.: д. Родома Мезенского у. Архангельской губ., Прасковья Дементьевна Солкова, 46 лет.

Ю. И. МАРЧЕНКО

ЗАМЕЧАНИЯ О ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ ПЕЧОРЫ, ЗАПИСАННЫХ Е. В. ГИППИУСОМ И З. В. ЭВАЛЬД

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ СЕКЦИИ
КРЕСТЬЯНСКОГО ИСКУССТВА ГИИИ, 1929 г.).

Печорская песенность представлена в публикациях достаточно полно и разнообразно, но только по материалам второй половины прошлого столетия. Особенно это касается необрядовой лирики как жанра наиболее показательного в музыкально-стилевом отношении.¹ Следует отметить, что Н. П. Колпакова дополнила собрание «Песни Печоры» поэтическими текстами, записанными в 1929 г. З. В. Эвальд,² однако до обработки фонографических записей дело, к сожалению, не дошло.

¹ См.: *Абрамский А. С.* Песни Русского Севера / Под общей ред. С. Аксюка. М., 1959 (№ 18—21, 23—28); Песни Печоры / Издание подготовили Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1963. С. 33—114 (№ 1—75), 164—174 (№ 132—142), 181—246 (№ 150—204), 332—340 (№ 308—316); Традиционная культура Усть-Цильмы: Лирические песни / Сост. Т. С. Канева, А. Н. Власов, А. Н. Захаров, Ю. И. Марченко, З. Н. Мехреньгина, Е. А. Шевченко. М., 2008.

² См.: Песни Печоры. С. 352—384, № 324—383; лирические песни — № 324—335, 356—365. Судя по публикации материалов в «Песнях Печоры», записи поэтических текстов, осуществленные З. В. Эвальд, по уровню детализации заметно превосходят полевые записи филологов, других участников экспедиции. К сожалению, рукописное наследие З. В. Эвальд, отражающее ее экспедиционную работу 1926—1930 гг., Е. В. Гиппиус в составе своего личного архива перевез в Москву, где материалы со временем рассредоточились по разным хранилищам. Это серьезно затрудняет обработку фонографического фонда экспедиций Государственного института истории искусств (далее — ГИИИ) и отчасти объясняет сравнительно редкое обращение к нему со стороны музыковедов-фольклористов. В связи с этим возникает довольно сложная ситуация. Исключительная ценность ранних звукозаписей всеми признается, желательность скорейшей их обра-

Образцы напевов печорской лирики, введенные в научный оборот в результате расшифровки фонограмм Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд, исчисляются единицами.³ Все прочие записи, за исключением былин, остаются достоянием архива. Поэтому основным научным результатом экспедиции оказывается собрание А. М. Астаховой, в котором отражены проблемы изучения севернорусского эпоса.⁴

В настоящей публикации предлагаются некоторые сведения о работе по собиранию и изучению печорских лирических песен, проделанной Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд в 1929 г.

Экспедиции ГИИИ снаряжались с целью комплексного изучения местных культурных традиций и в конечном счете очень серьезно повлияли на развитие фольклористической деятельности последующего времени.⁵ Помимо фольклора и этнографии исследователей интересовали проблемы народной архитектуры, жизненного уклада, краеведения.⁶

ботки и введения в научный оборот постоянно подчеркивается. Но темпы, которыми осуществляется такая работа, не только не удовлетворяют опытных фольклористов-музыковедов старшего поколения, но даже вызывают недоумение у фольклористов новой, более молодой формации.

³ Пять песен, записанных в д. Абрамовская, предлагаются в одной из публикаций выпуска 7 серии «Из истории русской фольклористики». См.: Образцы печорского песенного фольклора в записях 1929 года / Публ. и коммент. Ю. И. Марченко // Из истории русской фольклористики. СПб., 2007. Вып. 7. С. 224—266 («Ай, дак во бору, ой, сосна стояла», «За Невагою», «Что ты, Машонька, сделала», «Ой, из палаты-то было белокаменной», «Ай, да не ясе́н-то ли да сокол»).

⁴ Былины Севера. Т. 1 / Записи, вступ. статья, коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938. Записи эпоса, выполненные в экспедиции, представлены в томах академического собрания: Свод русского фольклора : Былины: в 25 т. Т. 1—2: Былины Печоры / Корпус текстов подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова; Отв. ред. А. А. Горелов. СПб.; М., 2001.

⁵ Инициатором экспедиций выступил Б. В. Асафьев. В 1925 г., вернувшись в Ленинград из Прионежского края, «Асафьев выступил в Институте истории искусств с сообщением, в котором поделился своими живыми, непосредственными наблюдениями над песенным бытом русской деревни и предложил организовать ежегодные комплексные искусствоведческие экспедиции по изучению русского Севера. Это предложение было принято Ученым советом Института и поддержано наркомом просвещения А. В. Луначарским» (*Гиппиус Е. В.* З. В. Эвальд и ее исследования белорусского народного песенного искусства // Эвальд З. В. Песни белорусского Полесья / Под ред. Е. В. Гиппиуса; Сост. и текстологич. подгот. к печати З. Я. Можейко; Ред. белорусских текстов М. Я. Гринблата. М., 1979. С. 11).

⁶ По воспоминаниям Н. П. Колпаковой, «сотрудники экспедиций должны были исследовать собираемый материал одновременно со всех сторон: крестьянское жилище описывалось и как архитектурный объект, и как комплекс бытового искусства с его художественной кустарной

При относительной самостоятельности конкретных участников, выполнявших индивидуальные задания, решающим оказывался общий результат, который зависел как от теоретической подготовки конкретных специалистов,⁷ так и от их практического опыта.⁸

утварью, костюмами крестьянской семьи, ее песенным и сказочным репертуаром, обрядами, верованиями; обряды брались с напевами песен и действиями, записанными синхронно; лирические песни — в неразрывной связи напевов и текстов...» (*Колтакова Н. П. У золотых родников (записки фольклориста)*. СПб., 2002. С. 10.

⁷ О том, какое значение имела для Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд теоретическая подготовка, можно судить хотя бы по тому факту, что в «Песнях Пинежья» для комментирования материалов привлечены более четырех сотен источников, среди которых едва ли не все известные в первой половине прошлого столетия собрания русского фольклора (247 репертуарных сборников и публикаций, 219 песенников, изданных с 1780 по 1935 гг. См.: *Песни Пинежья...* С. 547—567). Полезно вспомнить и о том замечании, которое Е. В. Гиппиус сделал много позже, в мае 1976 г. на одном из заседаний Фольклорной комиссии СК РСФСР: «Нужно, чтобы в самой экспедиции был четко продуманный исследовательский план. Обследование в плане очередного обследования — это не ответ на вопрос. Проблемы нет. А всякое исследование начинается с постановки проблемы и ее разработки на материале». (Материалы и статьи : К 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса / Ред., сост. Е. А. Дорохова, О. А. Пашина. М., 2003. С. 25).

⁸ К началу работы в 1929 г. Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд были участниками трех экспедиций ГИИИ: в Заонежье (1926 г., Медвежьегорский р-н, работа в группе совместно с А. В. Финагиным: кол. 1. ФВ 1—50; 92 записи), на Пинегу (1927 г., Карпогорский и Верхне-Тоемский р-ны: кол. 3. ФВ 57—186, 5432; 264 записи), на Мезень (1928 г., Лешуконский р-н: кол. 6. ФВ 272—427; 327 записей). Кроме того, Е. В. Гиппиус записал в Ленинграде на фонограф: в августе 1926 г. и в ноябре 1927 г. сестер Эповых Анну Алексеевну и Августу Алексеевну, родом из д. Юргино Яренского у. бывш. Вологодской губ. (кол. 5. ФВ 258—271; 19 записей); в 1927 г. совместно с З. В. Эвальд — исполнителей из Заонежья (Медвежьегорский р-н: кол. 2. ФВ 51—56; 10 записей). Следует указать на еще одно направление собирательской деятельности: «В 1927 г., — пишет Е. В. Гиппиус, — по моей инициативе и благодаря горячей поддержке проф. Б. В. Асафьева, был основан Музыкально-этнографический кабинет Ленинградской государственной консерватории» (*Гиппиус Е. В. Фонограммархив Фольклорной секции Института антропологии, этнографии и археологии Академии наук СССР // Советский фольклор : Сборник статей и материалов*. М.; Л., 1936. Вып. 4—5. С. 409). Сотрудниками кабинета в 1927 г. была организована экспедиция в Армению (Е. В. Гиппиус, Х. С. Кушнарев, З. В. Эвальд), в 1928 г. состоялась узбекская экспедиция (Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд). Кроме того, согласно планам Музыкально-этнографического кабинета, в 1927—1928 гг. Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд осуществляли записи музыкального фольклора от студентов Северного факультета Института живых восточных языков (там же, с. 411). На фоне возрастающего интереса к изучению песенных культур народов СССР Е. В. Гиппиус в эти годы принял

В начале эпохи звукозаписи важные коррективы в собирательскую деятельность музыковедов-фольклористов вносили достижения предшествующих собирателей, в первую очередь — Е. Э. Линевой, публикации которой были хорошо известны как Е. В. Гиппиусу, так и З. В. Эвальд.⁹ Следует, конечно, учесть и другие собрания, которые могли быть использованы при подготовке к экспедиции, независимо от того, опирались ли они только на слуховые записи или содержали нотировки фонограмм.¹⁰ Но для работы на Печоре они могли быть лишь косвенными источ-

участие в работе по записи фольклора немецких колонистов (кол. 235Ф. ФВ 5853—5934. 267 записей. Собиратели: В. М. Жирмунский, Л. Р. Зиндер, Э. Г. Иогансон-Гегель, Е. В. Гиппиус). Подробнее см.: *Светозарова Н. Д.* Иноэтнические коллекции в Институте русской литературы (Изучение фольклорных собраний Пушкинского Дома в международных проектах) // Из истории русской фольклористики. СПб., 2007. Вып. 7. С. 495—500).

Объем собирательской работы, проделанный Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд за три года сильно впечатляет, если учесть, что, по воспоминаниям Н. П. Колпаковой, перед экспедицией 1926 г. «ни у кого в секции, кроме К. К. Романова, опыта экспедиционной работы не было. Все казалось новым, непривычным; многому приходилось учиться на ходу» (*Колпакова Н. П.* У золотых родников. СПб., 2002. С. 10).

⁹ *Линева Е. Э.*: 1) Великорусские песни в народной гармонизации / Записаны Е. Линевой. Вып. 1. СПб., 1904; 2) Великорусские песни в народной гармонизации / Записаны Е. Линевой. Вып. 2. Песни Новгородские. СПб., 1909. Фонографические цилиндры Е. Э. Линевой поступили в Фонограммархив после 1931 г. (подробнее см.: *Гиппиус Е. В.* Фонограммархив Фольклорной секции Института антропологии, этнографии и археологии Академии наук СССР // Советский фольклор : Сборник статей и материалов. М.; Л., 1936. Вып. 4—5. С. 406.

¹⁰ Исходя из задач, поставленных перед экспедициями ГИИИ 1926—1929 гг., наиболее вероятны следующие источники: Песни русского народа : Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году / Записали: слова — Ф. М. Истомина, напевы — Г. О. Дютш. СПб., 1894; Песни русского народа : Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской / Записали: слова — Ф. М. Истомина, напевы — С. М. Ляпунов. СПб., 1899; Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. С напевами, записанными посредством фонографа. Т. 1. Ч. 1: Поморье. Ч. 2: Пинега. СПб., 1904; То же. Т. 3 : Мезень. С картой распространения старин на Крайнем Севере Европейской России. СПб., 1910; Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 1 : Зимний берег Белого моря. Волость Зимняя Золотица // Труды музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете. М., 1906. Т. 1. С. 11—157; Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 2 : Терский берег Белого моря // Труды музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе Императорского Общества любителей есте-

никами. В основном же Е. В. Гиппиусу и З. В. Эвальд пришлось полагаться на собственный опыт, начиная работу по изучению местной песенности фактически «с чистого листа».

Данные по печорской экспедиции 1929 г. внушительны. Сеансы звукозаписи осуществлялись в следующем порядке: 2—7 июля — Усть-Цильма; 11—13 июля — Замезное; 14 июля — Абрамовская; 17 июля — Ижма; 19—21 июля — Щельяюрское. Всего выполнено 249 звукозаписей, более половины из которых — лирические песни.¹¹

ствознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете. М., 1911. Т. 2. С. 3—116, XV.

¹¹ Кол. 8. ФВ 569—679. Предлагая в настоящей публикации несколько образцов, записанных в с. Замезное, Ижма и Щельяюрское, приводим полный репертуар лирических песен, записанных в этих населенных пунктах.

Замезное: «Ай, вспомни-ко, вздумай, друг любезный, нашу прежнюю любовь», «Ай калинушка да с размалинушкой, ты не стой-ко, не стой да на горе, горе крутой», «Ай, летает по воле орёл молодой», «Без поры-то ле было, безо времени стала травка сохнуть», «Ветёр дуёт-подуваёт, сад зелёнькой шумит», «Во городе ли, что во городе было во Саратове», «Во слободке-то во новой да живёт мальчик, ой, да молодой», «В Питёр-Москву да проезжали, ой, во деревню да заезжали», «В саду ягодка да малинка под прикрытием росла», «Вы вставайте-ко, братцы, поутру вставайте раненько», «Горё моё горюшко, что на свете жить, что мне за неволя друга позабыть», «Да экой ты, Ваня, да разудалая голова», «За Невагою», «За лесом, за лесом, за рощицей», «Зачем я тебя полюбила», «Зимушка, ой, зима, не морозь-ко, зима, да добра молодца», «Из палат, палат да белокаменных да выезжал-то майор да полковничек», «Как вечер, моя милая, был я в гостях у тебя», «Как вечер-то ли тоска нам нападала, ой, да темную ночку не спала», «Как у нашей тётки паньи да был хороший-от сын», «Калина со малиной не во время расцвела, ой, на ту пору маменька дочку она родила», «Кого нету, того больно жаль, отъезжает милый в дальний край», «Маша-Маша, да девка, радость наша, ой, да приуныла да без мила», «Нам-то не дорого злато да чисто серебро», «Не велят-то мне за реченьку-то ле ходить, да не велят-то мне молодчика да любить», «Невесёлая-то ли компаньюшка, ой, где милого нет», «Не в саду девки гуляли, в хороводе да на лужку», «Не сидела бы я у окошечка да една», «Один молодец по Невскому ходил-гулял, другой молодец да девчонку себе отмечал», «Ой, да круг-то кусточика было, пенёчика хмелинушка въётце», «Ой, да как вечер-то, вечер, моя милая, был я в гостях у тебя», «Ой, дак моя мати, да ты ли моя мати», «Ой, да травка сохнет да без дождя», «Ой, да уродилася да Дуняша да хороша», «Ой, из-за лесу, да лесу тёмного», «Ой, лучше бы я девушкой у маменьки росла», «Ой, не светёл месяц», «Ой, последний час разлуки с тобой, мой дорогой», «Ой, разосенние комарочки да пискуньи», «Ой, сторонушка, ай, да цюжедальная», «Отлетает душечка-соколик да сокол высоко да, ох, далеко», «Ох, молодцу ли много виделось», «Ох-то думка-думушка думку спобивает, эй, да ум-то в головушке ли вот разум расширяет», «Ох ты, Сашенька-Размашенька моя, ой, сызмалешенька да глупешенька росла», «Разбессовестна-то ли сударушка да моя», «Раздидьвы да тому да на свете жить, ой, у кого-то нету да стыда-то ли в глазах»,

Репертуар лирических песен на Печоре охвачен разнообразно — от классических образцов протяжной лирики до мещанских романсов.¹² Многие песни неоднократно продублированы запися-

«Размолоденькой мальчишка молодой, моему сердцу приятель дорогой», «Сидела Катюшенька поздно вечером одна, ой, шила-вышивала тонки белы рукава», «Сизенькой голубчик, ой, сизенькой голубчик сидел на дубочку», «Соловей ты мой, соловей, ой, да соловейко да маленькой же», «Ты не пой-ко, соловьюшко, дак во етом да часу», «Уж мы сядемте-ко, ой, ребятушка, во единой круг», «Шёл-то Иванушко да долиною», «Я куда-то ли с горя, бедна, деваюся», «Я не думала да ни-й о чём, да только думала-гадала, ой, снарядиться хорошо», «Я сидел на бережку да я смотрел на любушку».

Ижма: «Ах, мамонька, мамонька», «Заболит головушка, заноеет сердечушко, ой, по любушке да своей», «Зачем я тебя полюбила», «Из-за лесу-то, лесу тёмного», «Как во нашей во деревне, во весёлой слободе», «На горке, при на горке тут стояла деревнюшка», «Над серебряной рекою, на златом песочке», «Нигде не вижу я милого, да ни в деревне, ни в Москве».

Щельяюрское: «А из-за лесу-ту, да лесу тёмного», «Вечор-то добрый молодец», «Во слободке во новой», «Да невесел наш сегодняшний день», «День маленёк-коротенёк, да скрылось солнышко из глаз», «За Дунаем гуляет казак молодой», «Зачем я тебя полюбила и верность тебе отдала?», «И уж ты, друг, да ты, мой друг», «Как во нашей было во деревне», «Как сегодняшний день скука», «Край ли кусточика было, да край да пенёчика, ой, хмелина не вьётсе», «Кругом, кругом обсиротело», «На калине ле да соловей птица сидит, горьку ягоду малинушку да клюёт», «Ночка темная да ночь весенняя», «Один молодец по Невскому ходил», «Ой, да ты калинушка-размалинушка, ой, да ты не стой, не стой на горе крутой», «Ох, глухая ты красная девица», «Просветил-то месяц», «Прощайте, ласковые взоры», «Раз-да-молоденький мальчишка да молодой, да моему сердцу приятель дорогой», «Разосённые комарочки-пискуны, ой, да не дают-то мне, младенькой, да ночку спать», «Рас-то-печальное моё девье сердце да часто занывает», «Сидела Катюшенька поздно вечером одна, да шила да вышивала да тонки белы рукава», «Сидит-то Ваня, ой, Ваня на диване», «Сижу и люблюсь тобою», «Сохнет травка да без дождя», «Улонька, улонька, ой, да широка», «Что-й на горке, при-на горке, на прекрасном да на местечке», «Шёл-то Иванушко горою да он-то да вечерненькою порою», «Экой ты, Ваня», «Я вечер-то дружка, его, милого, ой, да ль унимала я, да-й ночевать», «Я нигде дружка да не вижу».

¹² Список записей народной лирики по трем населенным пунктам весьма красноречив и в некотором смысле поучителен — с позиций избавления от некоторого снобизма, присущего иным современным собирателям. При первичном ознакомлении с песенной традицией Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд уже в те годы стремились зафиксировать максимальное количество стилистически контрастных музыкальных форм, восходящих к различным и, подчас, стадиально отдаленным системам интонационного мышления. Циклы лирических песен, записанные на Печоре помогают понять один из путей, по которым у Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд формировалась идея музыкальной полистилистики жанра и местной песенной традиции. Идея, несколько позже получившая отражение в упомянутом

ми в разных населенных пунктах. Вероятно, идея изучения песен по совокупности контрастных вариантов, нашедшая отражение в сборнике Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина,¹³ рассматривалась собирателями как одна из наиболее важных.

Несмотря на серьезные реформы, которые осуществились в ГИИИ к 1929 г.,¹⁴ печорская экспедиция как географически, так и методически по существу оказалась продолжением деятельности 1927—1928 гг.¹⁵ К моменту ее начала у собирателей, с уче-

собрании «Песни Пинежья». Другое дело, что в ограниченных условиях полевой фонографической записи проблемы различных уровней прорабатывались с различной степенью детализации. Однако эти проблемы прорабатывались, или, во всяком случае, фиксировались, но никак не игнорировались.

¹³ *Лопатин Н. М., Прокунин В. П.* Сборник русских народных лирических песен : Опыт систематического свода лирических песен с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содержания Н. М. Лопатина, с положением песен для голоса и ф-но В. П. Прокунина и с приложением полной расстановки слов некоторых вариантов по их напеву. М., 1889. Ч. 1—2.

¹⁴ Если в экспедиции 1928 г. принимали участие 13 человек (*Колпакова Н. П.* У золотых родников. СПб., 2002. С. 89), то поездке на Печору Н. П. Колпакова пишет следующее: «На этот раз нас немного: всего шестеро. Не буду вдаваться в подробности, почему так произошло. На это были сложные внутриинститутские причины. Скажу только, что с нами нет отдела ИЗО, нет и многих других бывших членов Крестьянской секции. Нас, ЛИТО, едет трое — А. М. Астахова, Ирина Карнаухова и я. Двое МУЗО — Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд. Один ТЕО — С. С. Писарев» (Там же. С. 136).

Интересны воспоминания Н. П. Колпаковой о том, в каком режиме приходилось работать на сложном печорском маршруте: «Два дня прошли в совершенно невозможной напряженной работе. Замечное оказалось таким золотым дном, какого не могли нам предсказать все наши предчувствия. За два дня мы записали 180 песен... Рабочий день наш начинался в семь часов утра. Работали до 12-ти. До часу был перерыв, потом опять запись до 6-ти вечера, не вставая. От шести до семи наши певицы „управлялись“ и „обряжались“ со скотом, а к семи приходили снова и пели до 12-ти ночи. Запевалы менялись перед „трубой“, хоры пели поочередно — то девушки, то женки, то все вместе. У нас карандаши вываливались из рук от усталости» (Там же. С. 162—163).

¹⁵ Судя по исключительной последовательности и необычайной для тех лет скупулзости собирательской работы, исследователи, вероятно, предполагали завершить ее первичными изданиями песенного фольклора Пинежья, Мезени и Печоры; возможно — с продолжением работы на территории бывшего Вологодского края в районах верховья Северной Двины. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты экспедиции 1930 г. (кол. 4. ФВ 187—257; 135 записей в Карпогорском и Верхне-Тоемском р-нах Архангельской обл.) и небольшой репертуарный сборник, вышедший в свет пятью годами позже: Яренские песни, напевы А. А. Эповой / Сост., запись фонографом, расшифровка Е. В. Гиппиуса. М., 1935.

том их предшествующего опыта, сформировался, по-видимому, определенный круг показательных произведений, тех самых произведений, наличие или отсутствие которых в репертуаре характеризовало особенности местной песенности. Более того, по регулярности, с которой эти произведения фиксировались, можно предположить, что уже в то время музыковедами постепенно накапливался материал не только для сравнительного изучения песен по контрастным вариантам, но, возможно, и для работ по картографированию местных традиций.¹⁶ При этом заметно возросший профессиональный уровень собирателей позволял им фиксировать обширный и разнообразный репертуар, не упуская чисто местных, а потому в определенном смысле уникальных явлений народнопесенной культуры.¹⁷

¹⁶ Приводим фрагмент из выступления Е. В. Гиппиуса на отчетно-экспедиционной сессии ФК СК РСФСР 1978 г.: «Я позволю себе поделиться опытом, который у меня был принят в экспедиции в конце 20-х годов. Мне кажется, что можно было бы попробовать то, что мы тогда сделали. Мы выбрали в каждом жанре определенную группу песен, которые мы регистрировали в каждой деревне во всех возрастных слоях, и в каждом селе записывали варианты этих песен от слова до слова... Мы записывали песни у разных исполнителей: у одиночек, у старшего поколения, у младшего, при исполнении песен с разными запевалями в одном и том же хоре... Если бы можно было запись тех же песен организовать в разных районах, то мы имели бы большой материал для сопоставления, могли определить черты местного стиля, не только типичные для этих районов, но и отличные от других. Необходимо найти такой круг признаков, которые очерчивали бы определенный стилиевой ареал» (Материалы и статьи : К 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса. М., 2003. С. 26). Демонстрацией последовательности в собирательской работе 1929 г. может быть следующий пример. Репертуар Ижмы оказывается заметно скромнее записей, выполненных в Замежном и Щельяюрском. Вероятно, и состояние местной песенной традиции отличалось в невыгодную сторону от того, что собиратели наблюдали в других населенных пунктах. Однако Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд все же отыскали исполнителя и осуществили необходимую запись для того, чтобы хоть одно показательное произведение, песню «Из-за лесу, лесу тёмного», представить образцами из трех населенных пунктов. Не может быть сомнения и в том, что репертуар Замежного тщательно «проверялся» в Щельяюрском.

¹⁷ Не исключено, что уже с первых экспедиций на Русский Север по наблюдениям над лирическими песнями и особенностями их бытования постепенно накапливался материал, на основе которого Е. В. Гиппиусом были высказаны идеи о сравнительном изучении групповой и сольной культуры пения, о специфике мужского и женского репертуара, о различии традиций виртуозного и обиходного пения, о своеобразии распространения этих традиций в мужской и женской среде (Материалы и статьи : К 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса. М., 2003. С. 20—21). В конечном счете идеи как теоретические, так и музыкально-текстологические были реализованы Е. В. Гиппиусом в сборнике: Двадцать русских народ-

С этих позиций весьма интересна протяжная песня «Ой, сторушка, ай, да цюжедадьная» (№ 1). Заслуживает внимания комментарий, которым Н. П. Колпакова сопроводила публикацию этой песни: «Близких вариантов в основных печатных сборниках не найдено: многочисленные песни с аналогичным зачином после нескольких строк дают обычно другое развитие сюжета и образов. На северной Печоре известна отдельным пожилым женщинам».¹⁸

Очень важно, что одно из направлений работы, обозначенное ранее в мезенской экспедиции — попытка сравнительного изучения песенных традиций русских и коми непосредственно в условиях живого бытования — получило продолжение и некоторое развитие на Печоре.¹⁹ В частности — в целенаправленном поиске

ных песен в ранних звукозаписях (в звукозаписях Е. Линевой, М. Пятницкого, З. Эвальд, Е. Гиппиуса. 1897—1935) / Сост., нотирование и общ. ред. Е. В. Гиппиуса. В подг. изд. принимал участие А. С. Кабанов. М., 1979. Лирическая песня рассматривалась Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд в качестве одного из главных объектов собирания и изучения. Известно, что еще во время «ленинградского» периода деятельности Е. В. Гиппиус задумал специальную монографию, посвященную народной лирике. Работа была им продолжена в Москве, и вот что пишут об этом московские фольклористы: «Русская лирическая песня была именно тем материалом, на котором он (Е. В. Гиппиус. — Ю. М.) рассматривал, ставил и решал многие ключевые проблемы музыкальной науки. Это все проблемы, связанные с ритмической и звуковысотной организацией народных песен (лад, мелодика, строй, многоголосие), с системой локальных традиций музыкального фольклора, с теорией народного исполнительства. Причем, лирическая песня была для Гиппиуса и точкой отсчета при определении специфики других музыкально-фольклорных жанров. Гиппиус готовил к изданию двухтомное собрание русских лирических песен, которое должно было войти в серию «Свод памятников музыкального фольклора народов СССР», благодаря чему сохранилось более 200 сделанных лично им нотных расшифровок лирических песен из разных регионов России. Все свои многолетние наблюдения он изложил в книге, которую писал на протяжении многих лет, но которая так и осталась неопубликованной. В ней он изложил историю собирания, типологию сюжетов русских лирических песен, результаты их сравнительного анализа с сюжетами песен других жанров и плачей, свои наблюдения над поэтикой и музыкальной строфикой, ритмикой, мелодикой, строем и формами многоголосия протяжных песен» (Материалы и статьи : К 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса. М., 2003. С. 38—39).

¹⁸ Песни Печоры. С. 399 (коммент. 65).

¹⁹ Е. В. Гиппиус пишет об этом следующее: «Из села Вожгор (экспедиция 1928 г. на Мезень. — Ю. М.) мы с З. Эвальд сделали кратковременный выезд в ближайшие села Коми для записей русских народных песен в их интерпретации... В июне 1929 г. мне удалось организовать фольклорную экспедицию на Печору. Мы обследовали Усть-Цильму и группу сел по реке Пижме, — притоку Печоры, после чего литературоведы занялись обследо-

и фиксации на фонограф напевов одних и тех же лирических песен у русских (усть-цилемских и пижемских старообрядцев) и коми-ижемцев при как можно более полном охвате репертуара в каждом населенном пункте.²⁰ Результаты сопоставления контрастных вариантов двух песен («Круг-то кусточика было, пенёчка» — № 2, 5; «Из-за лесу, лесу тёмного» — № 3, 4) могут оказаться интересными по многим позициям, в том числе — и для фольклористов-музыковедов.

Следует отметить еще две особенности собирательской работы Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд на Печоре: более внимательное отношение к сольным исполнениям крестьянских лирических песен (№ 4), а также заметно возросший интерес к изучению традиции мужского ансамблевого пения (№ 5, 6).²¹

Задача, поставленная перед музыковедами в печорской экспедиции, усложнялась тем, что у них не было каких-либо предварительных данных о состоянии местных фольклорных традиций. И среди заметных публикаций печорского фольклора не было таких, которые содержали бы нотные образцы.²² По существу всю работу Е. В. Гиппиусу и З. В. Эвальд пришлось выполнять впервые. Правда, это несколько компенсировалось сравнительно

ванием низовских сел по Печоре, а мы с Эвальд совершили рекогносцировочную поездку в села, лежащие по Печоре выше Усть-Цильмы (опять в селения Коми)» (*Гиппиус Е. В. З. В. Эвальд и ее исследования белорусского народного песенного искусства. М., 1979. С. 11*). Об экспедиции 1928 г. см. также у Н. П. Колпаковой: «МУЗО, т. е. Женя и Зина, которые ездили на один день вверх по Мезени, выше Родомы, к коми, в деревню Латьюгу, встретили там старика-коми, который допытывался у них — растут ли камни» (*Колпакова Н. П. У золотых родников. СПб., 2002. С. 115*).

²⁰ При работе с коми-ижемцами Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд отнюдь не ограничивались только лишь записями русских песен. В материалах экспедиции есть несколько записей фольклора народа коми, которые заслуживают отдельного внимания.

²¹ См.: Образцы печорского песенного фольклора в записях 1929 года. СПб., 2007. С. 224—228. Следует подчеркнуть, что образцы лирических песен, записанных в районах Русского Севера от мужских ансамблей, оказываются большой редкостью. Все наиболее показательные фонограммы датированы 1901—1930 гг. и содержатся преимущественно в собраниях Е. Э. Линевой, Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд.

²² Как известно, собрание Н. Е. Ончукова нотных материалов не содержит. См.: Печорские былины / Записал Н. Е. Ончуков. СПб., 1904. (Зап. РГО по отделению этнографии. Т. 30); *Ончуков Н. Е.*: 1) Печорские былины // Изв. ОРЯС, 1902. Т. 7, кн. 3. С. 277—355; 2) Новые былины на Печоре // Изв. ОРЯС. 1903. Т. 8, кн. 3. С. 298—326; 3) Печорские стихи и песни // Живая старина. 1907. Вып. 1. С. 10—24; Вып. 2. С. 51—54; Вып. 3. С. 73—82; Вып. 4. С. 100—110. Поэтому материалы оказались полезными в первую очередь для А. М. Астаховой, которая занималась изучением местной эпической традиции.

большей рабочей самостоятельностью, которая была предоставлена музыковедам в экспедиции 1929 г.²³

Материалы, собранные Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд в экспедициях на Русский Север в целом и в печорской экспедиции 1929 г. в частности, свидетельствуют о бесспорных и весьма значительных достижениях музыковедов ГИИИ. Однако эти достижения необходимо оценивать прежде всего с позиций деятельности всей Секции крестьянского искусства, которая в конечном счете имела решающее значение для развития ленинградской фольклористики. Ее результаты самым серьезным образом повлияли на творческие планы фольклористов Пушкинского Дома.

Нельзя не заметить, что своей работой 1955—1961 гг. на Печоре и Мезени Сектор народнопоэтического творчества ИРЛИ прежде всего частично возродил и продолжил научно-исследовательскую проблематику, восходящую своими истоками именно к фольклорно-этнографической деятельности Секции крестьянского искусства. Знаменательно и то, что в новых условиях инициатором такого почина выступила Н. П. Колпакова, постоянная и активная участница экспедиций 1926—1929 гг.

Несколько позже интерес к изучению севернорусского песенного фольклора заметно возрос у московских фольклористов, а вслед за тем — у филологов-фольклористов СыктГУ.

Что же касается музыковедческого наследия, то очень хотелось бы надеяться, что севернорусские (а вместе с ними — и печорские) фонды фонографического собрания Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд со временем будут совмещены с экспедиционными рукописными источниками собирателей, полностью расшифрованы и опубликованы. Тогда, может быть, и появится надежно аргументированный ответ на вопрос о том, от кого именно на протяжении нескольких десятилетий исходили те идеи, профессиональные советы, а временами — осторожные «подсказки», реализация которых позволила специалистам не только удержать, но и надежно закрепить изучение народнопесенной культуры Русского Севера как одно из наиболее престижных и постоянно востребованных направлений отечественной фольклористики.

²³ Полную самостоятельность Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд получили в следующем году, когда отправились в экспедицию на Пинегу вдвоем, без филологов.

ТЕКСТЫ

№ 1

♩ = 52

Ой, сто - ро - нуш ка,

13/4

13/4

Detailed description: This system contains the first four measures of the piece. The top staff is in treble clef with a 13/4 time signature. The bottom staff is in bass clef. The lyrics 'Ой, сто - ро - нуш ка,' are written below the notes. Measure numbers 13/4 are indicated at the end of each staff.

ай, да шо - же - да...

13/4

13/4

Detailed description: This system contains measures 5 through 8. The top staff continues the melody in treble clef, and the bottom staff provides accompaniment in bass clef. The lyrics 'ай, да шо - же - да...' are written below the notes. Measure numbers 13/4 are indicated at the end of each staff.

ох, да шо... цю - же -

10/2

10/2

Detailed description: This system contains measures 9 through 12. The top staff continues the melody in treble clef, and the bottom staff provides accompaniment in bass clef. The lyrics 'ох, да шо... цю - же -' are written below the notes. Measure numbers 10/2 are indicated at the end of each staff.

- да... [шо - же - даль]

Detailed description: This system contains measures 13 through 16. The top staff continues the melody in treble clef, and the bottom staff provides accompaniment in bass clef. The lyrics '- да... [шо - же - даль]' are written below the notes. Measure numbers are not explicitly shown at the end of this system.

- на - я.

Ой, що - же - да...

ай, да не - зна - ко...

ох, да не... не - зна -

- ко... не - зна - ко

- ма - я.

Не зна - ко - ма - я...

эй, да не - ве - сё...

о - й(и),
ой, да не... не - ве -

- сё... ай, не - ве - сё

- ла - я.

8/4

Не - ве - сё - ла - я...

13/4

(о)

ой, да жисть тос - кли

- ва - я, жи... о - й(н), жисть

ле, жисть тос - кли

- ва - я.

Жисть тос - кли - ва - я...

ой, да стос - ко - ва...

ой, да стос - ко

- ва... стос - ко - ва

- ла - (о) - се.

Стос-ко - ва - ла - се...

эй, да сго - ре - ва

- ло... ой, да сго... сго - ре -

- ва... сго - ре - ва

- ла - (о) - се.

Сго - ре - ва - ло - се...

эй, дак не с-по Ва...

ой, дак не... ой, не с-по

Ва... не по [Ва -

- (о) - нюш - ке].

Как с-по ре - цю - ш(ы) - ке,

ой, да - к(ы) не с-по ма...

ой, да не... не с-по

ма... не с-по ма

- туш - ке...

Ой, сторонушка, ай, да цюжеда... ох, да цю... цюжеда...
 [цюжедаль]ная.
 Ой, цюжеда... ай, да незнако... ох, да не... незнако...
 незнакомая.
 Незнакомая... эй, да невесё... ой(и), да не... невесё... ай,
 невесёлая.
 Невесёлая... ой, да жисть тоскливая, жи... ой(и), жисть ле,
 жисть тоскливая.
 Жисть тоскливая... ой, да стоскова... ой, да стоскова...
 стосковала(о)се.
 Стосковаласе... эй, да сгоревало... ой, да сго... сгорева...
 сгоревала(о)се.
 Сгоревалосе... эй, дак не с-по Ва... ой, дак не... ой, не с-по
 Ва... не по [Ва(о)ношке].
 Как с-по рещюш(ы)ке, ой, дак(ы) не с-по ма... ой, да не... не
 с-по ма... не с-по матушке...

№ 2

♩ = 52

Ой, да круг - то ку - сто - чи - ка бы - ло, пе -

- нё - чи - ка хме... ой, хме - ли - нуш - ка

вьёт - це. Ой,

хме - ли - ну - ш(ы) - ка да

вьёт - - - це, дак

у... да-й у мо - лод - на бы - ло, у дя - ой,

- тин - ки да се... ой, жи - во серд - це ой,

рвёт - - - це. Ой,

рве - - - т(ы) - це.

жи - во - то сер - деч - ко - то

рвёт - це, да

по... ой, да [по-й...]по-це му - то ле раз(ы)... раз - ры - ой,

- ва - ит - це - да мил... ой, мил не - прав - ду ой,

лю - бит. Ой,

мил - то не - пра - в(ы)-ду - то

лю - бит, да

лю... лю да я
я... ой, да лю.б(ы)-лю я дев - ку, да лю.б(ы)-лю я
- б(ы)-лю я

кра - (о) - сну-й, да я, ой, лю-блю кра - са

ой,

- ви - цу. Ой,

лю - блю я кра... ой, да кра.са -

- ви - цю, дак

я, ох, дак я - то тог да - то лю-бить те - бя не

ста - (о) - ну, да гу... ой, гу-лять пе - ре

- ста - ну...

Ой, да круг-то кусточика было, пенёчика
 Хме... ой, хмелинушка вьётце.
 Ой, хмелинуш(ы)ка да вьётце,
 Дак у... да ой, у молодца было, у дятинки да
 Се... ой, живо сердце рвётце.
 Ой, живо-то сердечко-то рвётце, да
 По... ой, да [по-й...] поцему-то ле раз(ы)... разрываитце — да
 Мил... ой, мил неправду любит.
 Ой, мил-то неправ(ы)ду-то любит, да
 Я, ой, да люб(ы)лю да я девуку, да люб(ы)лю я кра(о)сну-й, да
 Я, ой, да люблю красавицу.
 Ой, люблю я кра... ой, да красавицу, дак
 Я, ох, дак я-то тогда-то любить тебя не ста(о)ну, да
 Гу... ой, гулять перестану...

№ 3

♩ = 52

Ой, из - за ле - су, да ле...

ой, да ле - су те...

ой, да тём - но - го, ой, да

из - за
и... ой, из - за са - ди - ч(и) - ка,
- ди - ка.

са - ду зе - лё...

ой, зе - лё - но - го. А

и... из - за са - ди - ч(и) - ку

зе - лё... да зе - лё...

ой, зе - лё - но - го, ой, да

по - ды - ма - ла - се ту...

по - ды -

ай, да ту - ця тѣ...

ой, да тѣм - на - я. Ой,

по - ды - ма - ла - се ту...

по - ды -

ох, да ту - ця тѣ...

о - й(и),

ой, да тѣм - на - я, э - ой, да

что - то дру - га - я ту - ця,

ай, да не - спо - со...

ой, спо - соб - на - я. Ой,

что - то дру - га - я да не -
- то дру - га - я да не...

спо - со... не - спо - со...
не спо_со...

ой, спо - соб на - я, ой, да

со... со гро - ма - ми - то со...

со гро -

ай, да со гро - му - (о) -

ой, гро - му - ци - ма...

Ой, из-за лесу, да ле... ой, да лесу тѣ... ой, да тѣмного, ой, да
 И... ой, из-за садич(и)ка, саду зелѣ... ой, зелѣного.
 А и... из-за садич(и)ку зелѣ... да зелѣ... ой, зелѣного, ой, да
 Подымаласе ту... ай, да туця тѣ... ой, да тѣмная.
 Ой, подымаласе ту... ох, да туця тѣ... ой, да тѣмная, э-ой(и), да
 Что-то другая туця, ай, да неспосо... ой, способная.
 Ой, что-то другая да неспосо... неспосо... ой, способная, ой, да
 Со... со громами-то со, ай, да со грому(о) ой, громуцима...
 Ой, со громами-то со... да со грому... ой, [громуцима]...

№ 4

♩ = 44

Из - за ле - су - то, ле...

ле - су тѣм -

- на - го, ой, да

из - за са - дич - ку бы -

- ло зе - лё - (а - о) - на - го.

Вы - ка - та - ла - се ту - (ва)...

ту - ця г(ы) - ро

- зна - я, э - ой, да

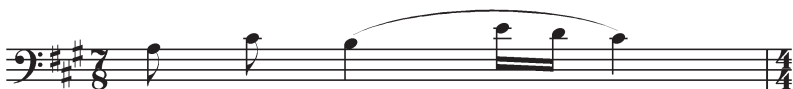
что ли дру - га - я да не...

не - спо - со - бна - я.

Что дру - га - я да не - (я)...

не - спо - со -

бна - я, э - ой, да

со г(ы)-ро - ма - ми- то со -

(о) гро - ма - (э - о) - щи - ма.

Со гро - ма - ми- то со - (я)...

со гро - ма - (у) -

- щи - ма, э - ой, да

со ма - лань - я - ми да со - (ой)...

со па - ля - (у) - щи - ма.

Со мол(ы)ня - ми - то со...

со по - ля -

- щи - ма, э - ой, да

на ту - й по - ру - то, на...

на то вре - меч - ко...

Из-за лесу-то, ле... лесу тёмного, ой, да
 Из-за садичку было зелё(а-о)наго.
 Выкаталасе ту(ва)... туця г(ы)розная, э-ой, да
 Что ли другая да не... неспособная.
 Что другая да не(я)... неспособная, э-ой, да
 Со г(ы)ромами-то со(о) грома(э-о)щими.
 Со громами-то со(я)... со грома(у)щими, э-ой, да
 Со маланьями да со-(ой)... со паля(у)щими.
 Со мол(ы)нями-то со... со полящими, э-ой, да
 На ту-й пору-то, на... на то времечко...

№ 5

♩ = 64

К(ы) - ра - й(и) ли ку - сто - (ч) - чи - ка бы - ло, да

кра... ой, кра - й(и) да пе - нё - чи - ка

хме - ли - на, ой,

хме - ли - на не вьёт - се.

Хме - ли - на не вьёт - (от) -

ой, - (от) -
це... О - й(и), по - то - му же

хме - ли - на не вьёт - це - да - к(ы)

ми - л(ы) не - пра... ой,

мил не прав-ду лю - бит.

Мил не - прав - ду лю -

- (у) -

- бит... Ой, да лю - б(ы) - лю я дев - ку, да

лю - б(ы) - лю я кра - (э) - сну, да

лю - блю е - ё я, кра - са... ой,

лю.блю кра - са - ви - цу.

Лю - блю кра - са - ви - (и) -

- цу... Ой, я - то те - бя лю -

- би - т(и) да не ста - ну, да да

гу - лять пе... эй,
- (у) - эй,

гу - лять пе - ре - ста - ну.

Гу - лять пе - ре - ста -

- ну... Ой, пе - ре - д(ы) мо - ло - д(ы) -

ой,

- по - м(ы) да де - ви - ца да

сто - (я) - ит да слё... ой,

ой,

сто - ит, слё - зы ро - нит.

К(ы)рай(и) ли кусто(ч)чика было, да кра... ой, край(и) да пенёчика
Хмелина, ой, хмелина не вьётсе.

Хмелина не вьётце... ой(и),
Потому же хмелина не вьётце — дак(ы)
Мил(ы) непра... ой, мил неправду любит.

Мил неправду любит... ой, да
Люб(ы)лю я девку, да люб(ы)лю я кра(э)сну, да
Люблю её я, краса... ой, люблю красавицу.

Люблю красавицу... ой,
Я-то тебя любит(и) да не стану, да
Гулять пе... эй, гулять перестану.

Гулять перестану... ой,
Перед(ы) молод(ы)цом(ы) да девица да
Сто(я)ит да слё... ой, стоит, слёзы ронит.

№ 6

♩ = 56 - 60

- нуш -

Шёл И - ва - ну - ш(ы) -

- ко го - ро - ю, да

раз - у - да - лы - й(и)

- лый

шё - л(ы) - то по - ро - ю.

Роз - у - да - лой да

шёл да по - ро - ю, да

не - сёт гу - сли

по - д(ы) по - ло - ю.

Не - сёт гу - с(и) - ли

ПОД ПО - ло - ю да

ЗВОН - ча - ты - е

ПО - д(Ы) ПРА - во - ю.

Звон - ча - ты - е

под по - ло ю, да

са - м(ы) в гу - сли

за - и - г(ы) - ра - ет.

Ой, са - м(ы) в гу - сель -

- цы и - г(ы) ра - ет да

ду - шу Ма - шу

за - ба - в(ы) ля - ёт.

Ду - шу Ма - шу да

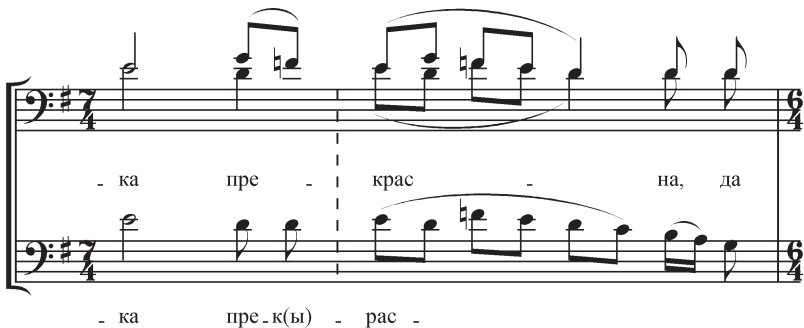
за - ба - в(ы) | ля - ет, да

не плачь, Са - шень -

- ка пре - к(ы) | рас - на.

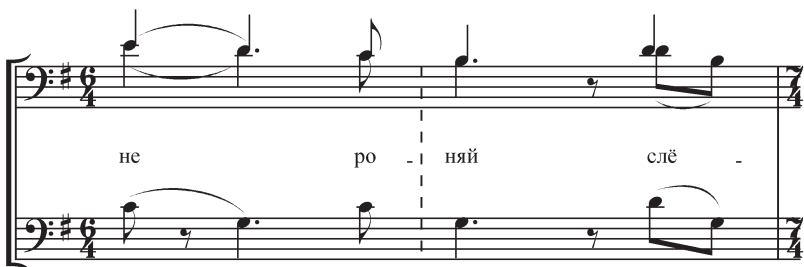
Не плачь, Са - ше - н(и) -

- шень -

- ка пре - крас - на, да

- ка пре - к(ы) - рас -

не ро - нияй слё -

- зы на - п(ы) рас - но...

Шёл Ивануш(ы)ко горою, да
 Разудаль(и) шёл(ы)-то порою.
 Розудалой да шёл да порою, да
 Несёт гусли под(ы) полою.
 Несёт гус(и)ли под полою да
 Звончатые под(ы) правою.
 Звончатые под полою, да

Сам(ы) в гусли заиг(ы)рает.
Ой, сам(ы) в гусельцы иг(ы)рает, да
Душу Машу забав(ы)ляёт.
Душу Машу да забав(ы)ляет, да
Не плачь, Сашенька прек(ы)расна.
Не плачь, Сашен(и)ка прек(ы)расна, да
Не роняй слёзы нап(ы)расно...

КОММЕНТАРИИ

Все звукозаписи выполнены Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд. Материалы хранятся в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Буквенное обозначение (ФВ) указывает на вид хранения (фонд фонографических цилиндров), трехзначное число — номер цилиндра, двузначное число через дефис — порядковый номер записи на нем. Нотировки по фондовым копиям выполнены Ю. И. Марченко.

№ 1. ФВ 610-02. «Ой, сторонушка, ай, да цюжедалная». Зап. 13 июля 1929 г. в с. Замежное (Республика Коми, Усть-Цилемский р-н, Пижемский с/с). Исп.: Чупрова Екатерина Савельевна (1910 г. р.), Мяндина Марфа Фёдоровна (1889 г. р.), Чупрова Анна Савельевна (1906 г. р.), Торопов Тимофей Савельевич (1904 г. р.). Варианты см.: Песни Печоры... № 65 (с. 102—103), 331 (с. 356 — запись текста осуществлена в экспедиции 1929 г. З. В. Эвальд в д. Аврамовская от Е. П. Чупрова).

№ 2. ФВ 624-02. «Ой, да круг-то кусточика было, пенёчика». Сведения о записи см. коммент. 1. Исп.: Чупрова Екатерина Савельевна (1910 г. р.), Чупрова Анна Савельевна (1906 г. р.), Мяндина Федосья Федуловна (1907 г. р.), Мяндина Марфа Федоровна (1889 г. р.). Варианты см.: Песни Печоры... № 17 (с. 49—50), 180 (с. 221—222); Традиционная культура Усть-Цильмы... № 76, 77 (с. 229—231).

№ 3. ФВ 626-02. «Ой, из-за лесу, да лесу тёмного». Сведения о записи см. коммент. 1. Исп.: Чупрова Екатерина Савельевна (1910 г. р.), Мяндина Марфа Федоровна (1889 г. р.), Чупрова Анна Савельевна (1906 г. р.), Торопов Тимофей Савельевич (1904 г. р.). Варианты см.: Песни Печоры... № 46 (с. 82—83); Традиционная культура Усть-Цильмы... № 34 (с. 129—131).

№ 4. ФВ 664-02. «Из-за лесу-то, лесу тёмного». Зап. 17 июля 1929 г. в с. Ижма (Республика Коми, Нижне-Печорский р-н, Ижемский с/с). Исп. Истомин Павел Яковлевич (1858 г. р.). Сведения о вариантах см. коммент. 3.

№ 5. ФВ 669-02. «Край ли кусточика было, да край да пенёчика». Зап. 19 июля 1929 г. в с. Щельяюрское (Республика Коми, Нижне-Печорский р-н, Щельяюрский с/с). Исп.: Вотьков Феон Павлович

(1971 г. р.), Беляев Яков Филатович (1875 г. р.), Рочев Осип Захарович (1878 г. р.). Сведения о вариантах см. коммент. 2.

№ 6. ФВ 665-01. «Шёл Иванушко горою». Сведения о записи см. коммент. 13. Исп.: Вотьков Феон Павлович (1871 г. р.), Беляев Яков Филатович (1875 г. р.), Рочев Осип Захарович (1878 г. р.). Отдаленные варианты см.: Песни Печоры... № 157 (с. 194—195); Традиционная культура Усть-Цильмы... № 18, 19 (с. 91—93).

**СВАДЕБНЫЙ ФОЛЬКЛОР
ДМИТРИЕВСКОЙ ВОЛОСТИ 20—30-х гг. XX в.
В ЗАПИСЯХ УСТЬЯНСКОГО КРАЕВЕДА
М. И. РОМАНОВА¹**

Публикация и комментарии А. Н. Власова

Принято считать, что первые записи устьянского фольклора были сделаны известным фольклористом-музыкологом Е. Э. Линевой в 1902 г. Однако сведения о поездке Е. Э. Линевой на Устье и Северную Двину появились достаточно поздно.² Имеются в виду публикации Ю. И. Марченко двух текстов групповой причеты и лирической протяжной песни «В лете калина...»,³ а также публикации отрывков полевого дневника Е. Э. Линевой.⁴ И только в 1975 г. на Устье специально для серьезной систематической работы по сбору фольклорно-этнографического материала направляются фольклористы-музыкологи Ленинградской консерватории (рук. А. М. Мехнецов). В результате появились

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-04-00349а «Музыкально-поэтический фольклор Устья: проблема региональной составляющей севернорусской народной культуры».

² Е. В. Гиппиус опубликовал несколько песен с голоса братьев Копыловых (с. Фоминское) из коллекции Е. Э. Линевой, но эти записи не относятся непосредственно к устьянской традиции. См.: Двадцать русских народных песен в звукозаписях Е. Линевой, М. Пятницкого, З. Эвальд, Е. Гиппиуса: 1897—1935 / Сост., нотирование и общ. ред. Е. В. Гиппиуса. М., 1979. С. 66.

³ *Марченко Ю. И.* 1) Из ранних записей групповой причеты на Русском Севере // Из истории русской фольклористики. СПб., 1990. Вып. 3. С. 144—147; 2) Исторический ракурс изучения севернорусской песенной культуры и современное состояние местных фольклорных традиций // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. Вып. 4—5. С. 336.

⁴ *Смирнов Д. В.* Экспедиция Е. Э. Линевой на Устье // Живая старина. 2009. № 1. С. 43—46; *Щитин В. И.* По следам экспедиции Е. Э. Линевой на Устье // Живая старина. 2010. № 1. С. 55—57.

два выпуска сборника «Устьянские песни»,⁵ однако даже в них нет еще отсылок на экспедицию Линевой и другие материалы. Собранный материал лег в основу монографического исследования Е. И. Мельник (Якубовской) «Образование вариантов в народной песенной традиции (на материале лирических песен Устьянского района Архангельской области)».⁶ Кроме того, следует указать и на недавнюю публикацию рукописной записи свадебного обряда 1920-х гг. по автобиографическим рассказам Ивана Федоровича Нагишева, жителя Устьянского района Архангельской области.⁷

Таким образом, устьянская традиция благодаря собирательской работе и немногочисленным, но важным научным публикациям по музыкальному фольклору исследователей получила легитимный статус самобытной фольклорной традиции Русского Севера. Однако вне поля зрения исследователей оказалось множество записей устьянского фольклора, сделанных местными любителями, музейными сотрудниками, одиночками краеведами, школьными учителями, студентами областных вузов и т. д. Возможно, эти материалы позволят, во-первых, восполнить пробел в собирательской практике, который наблюдается с начала XX в. по 70-е гг. (более двух поколений носителей традиции), во-вторых, наиболее полно представить жанровый, сюжетный состав памятников устьянского фольклора, местных обычаев и верований.

Наиболее крупные коллекции архивных материалов по Устью можно обнаружить в Вельском краеведческом музее.⁸ Известно, что в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН хранятся две рукописи М. И. Романова: «Фольклор Устья»

⁵ Устьянские песни / Сост. А. Мехнецов, Ю. Марченко, Е. Мельник. Л., 1983, 1984. Вып. 1, 2.

⁶ Мельник (Якубовская) Е. И. Образование вариантов в народной песенной традиции (на материале лирических песен Устьянского района Архангельской области) : Дис. ... канд. искусств. Л., 1985. Результаты исследования отражены также в статье: Мельник (Якубовская) Е. И. Песенный тип и вариант в локальной традиции // Русская народная песня: Стиль, жанр, традиция : Сборник научных статей. Л.: ЛОЛГК, 1985. С. 28—45.

⁷ Мехнецова К. А. Свадебный обряд 1920-х гг. глазами участника (по автобиографическим рассказам Ивана Федоровича Нагишева, жителя Устьянского района Архангельской области) // Рябининские чтения — 2011 : Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 444—446.

⁸ Власов А. Н. Некоторые актуальные проблемы современной фольклористики (Краткий обзор музейных коллекций, собраний и публикаций краеведов северной России. Современное состояние, проблемы изучения) // Из истории русской фольклористики. СПб., 2013. Вып. 8. С. 593—594.

и «Словарь Устьянских народных говоров»; в Отделе рукописей РГБ, ф. 218-515-2 — копии записей М. И. Шалауровой-Федоровой.

Сложность введения в научный оборот этих ценных и многочисленных источников заключается не только в том, что они не всегда соответствуют критериям аутентичности, с профессиональной точки зрения, но и в том, что материалы разбросаны по разным хранилищам страны или находятся в частных руках и до сих пор остаются в не разобранном виде.

Михаил Иванович Романов (1886—1956), уроженец Вельского уезда Вологодской губернии (ныне Вельского района Архангельской области), является значимой фигурой в местном краеведческом движении, о котором вышел небольшой биографический очерк в 2006 г.⁹ Им было издано: «История одного северного захоластья» (В. Устюг, 1925),¹⁰ в литературном альманахе «Север» за 1936 г. описание коновальского обряда и сказка «Топорик-самосек».¹¹ «Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области, XVII—XX вв.» (М., 2004), «Хроника старого дома» (самиздат).

Еще в 1936—1937 гг. Романов подготовил к публикации сразу три крупных работы: «Фольклор Устья», «Говоры Устьянских волостей» и «История Устьянских волостей», но арест помешал осуществить его планы. После десяти лет ГУЛАГа здоровье его резко пошатнулось, и он почти не занимался исследовательской работой. После смерти в 1956 г. интерес к трудам и личности краеведа возобновляется только в 2000-х гг. в основном со стороны местной общественности: его имя носит улица в г. Вельске, библиотека в с. Дмитриево, с 2006 г. в Устьянском районном центре пос. Октябрьский проводятся ежегодные краеведческие конференции, посвященные его памяти, «Романовские чтения».¹² В настоящее время по инициативе Устьянского краеведческого музея

⁹ *Веревкина Г. А., Мильчик М. И.* Михаил Иванович Романов — выдающийся краевед Русского Севера : Штрихи к портрету. Вельск, 2006. См. также: *Власов А. Н.* Некоторые актуальные проблемы современной фольклористики. С. 594—595.

¹⁰ Первоначально он обратился за поддержкой в Вельский отдел Вологодского общества изучения Северного края (далее — ВОИСК), но получил отказ в связи с отсутствием средств. В итоге книга была напечатана в Великом Устюге, став на долгие годы своеобразной визитной карточкой краеведа, несмотря на последовавшую критику (*Веревкина Г. А., Мильчик М. И.* Михаил Иванович Романов... С. 17).

¹¹ Из фольклорных записей // Север : Альманах. Архангельск, 1936. № 1. С. 116—123.

¹² Усилиями местного музея издан диск, в котором помещены доклады и материалы «Романовских чтений» : Материалы I—IV Романовских чтений. П. Октябрьский, 2010.

и исследователей истории местного края ведется интенсивный поиск творческого наследия М. И. Романова с целью подготовки его к изданию.

Личная жизнь краеведа М. И. Романова имеет особую ценность для историка, в ней с редкой полнотой отразился разлом в истории России первой половины прошлого века. Человек незаурядный, Романов всегда был полон творческих идей, замыслов.

Весной 1922 г. он выступил инициатором создания Общества изучения Устьянского края с целью исследования местных архивов, исторические памятники которых гибли, «истлевая от сырости или съедаемые мышами, а то и нарочно сжигаемые». Он предполагал проводить дальнейшие исследования главным образом на территории Важского региона, с которым Устьянские волости составляли «одно целое». Поскольку в Вельске, куда он обратился за поддержкой, уже действовал отдел Вологодского общества изучения Северного края, его идея осталась на бумаге, хотя сам он в 1923 г. стал членом этого отдела.¹³

Определяющую роль в формировании интереса М. И. Романова к истории, языку, фольклору родного края сыграл архив Дмитриевской волостной земской избы, волею судьбы хранившийся в его родовом доме в д. Алферовской. В этом доме, построенном в 1745 г. прадедом бабушки М. И. Романова сотским Дмитриевской волости Потапом Михайловичем Синицким, первоначально размещалась волостная изба. В ходе губернской реформы Екатерины II Дмитриевская волость была включена в Бестужевскую, а волостная изба упразднена. В 1798 г. крепкое еще здание было передано под жилье приехавшему из с. Бестужево священнику Павлу Первушину. Вместе с домом крестьяне передали ему и амбар, в котором хранилась всеми забытая коробка с архивом Дмитриевской земской волостной избы. Первым начал разбирать и систематизировать содержимое коробки его отец — Иван Михайлович Романов. Кое-какие грамоты он отослал академику Николаю Петровичу Лихачеву. После смерти отца в 1918 г. архив оказался в опасном положении, так как документы начали использовать для домашних нужд. «Спасло дело мое возвращение с фронта гражданской войны в 1920-м году, — вспоминал позднее М. И. Романов. — Мне пришлось всерьез заняться этим архивом — памятником Дмитриевской устьянской старины, что сыграло исключительную роль во всей моей последующей жизни...»¹⁴

Анализируя письменные свидетельства той или иной эпохи, Романов умело вплетал их в ткань повествования о не-

¹³ *Веревкина Г. А.* Начало пути: М. И. Романов и Вельский отдел ВОИСК // Материалы I—IV Романовских чтений. П. Октябрьский, 2010. С. 17.

¹⁴ Там же. С. 3.

легкой судьбе дмитриевских крестьян, находившихся под непосильным налоговым бременем государства. Это были, главным образом, подлинные грамоты XVII—XVIII вв. из собрания В. Ф. Кулакова, национализированного в декабре 1918 г. и положенного в основу Вельского музея, а также документы Верховажской ратуши и Верховажского Успенского собора, вывезенные В. М. Неклюдовым из Верховажья в октябре 1922 г. Согласно грамоте 1652 г. за «непослушание», т. е. неуплату налогов, правительство грозило ликвидировать земское самоуправление на Устье и приказывало «бить кнуты нещадно». Используя материалы первого важского краеведа М. Н. Мясникова, Романов описывает Важскую Благовещенскую ярмарку, на которую ездили и дмитриевские крестьяне. Будучи атеистом, он не упустил возможности показать негативное отношение крестьян и приходских священников к поборам в пользу новгородского митрополита, обильно цитируя челобитную 1636 г. из архива Верховажского Успенского собора.

Грамоты петровской эпохи характеризуют возросшие налоги и трудовые повинности, которые несло местное население в пользу государства. Так, в 1701 г. в связи с началом строительства около Архангельска каменной крепости Петр приказал сгонять туда всех каменщиков и подмастерьев, а для земляных и других работ посылать от пяти дворов по человеку и по подводе. Романов подверг резкой критике полицейский характер государства эпохи Петра I, в котором даже церковь превратилась в орудие политического сыска. В своей книге он использовал документ, в котором архиепископ Холмогорский и Важский Рафаил призывал священников нарушать тайну исповеди. Одновременно Романов отмечал, что «раскол пользовался большим уважением среди населения».

Как уже отмечалось выше, книга «История одного северного захолустья» была написана на основании архива Дмитриевской волостной земской избы, но материалы Вельского музея краеведения существенно дополнили ее и послужили яркой иллюстрацией описываемых автором событий местной истории.¹⁵

Надо признать, что исторические труды Романова в настоящее время представляют собой наиболее не разобранную часть архива.

Определенный научный интерес представляет «Словарь своеобразных слов в народном говоре Устьянской — Дмитриевской волости».¹⁶ Словарь Романова — это не просто сборник диалект-

¹⁵ *Веревкина Г. А.* Начало пути. С. 18.

¹⁶ РО ИРЛИ, ф. № 66 (Романов), оп. 5. М. И. Романов. Словарь Устьянских говоров. Народные говоры по реке Устья. Устьянский, Вельский и часть Черевковского района. Словарь А и Б и т. д. Материалы поступили в

ной лексики, это еще и попытка с помощью анализа местных речений, топонимов ответить на коренные исторические вопросы о происхождении славянского населения Устья, о путях и роли новгородской и ростовской колонизации края и даже о том, как воспринимало средневековое население Устья микрокосм и мир в целом.

Обратимся к структуре словарной статьи, посвященной свадебному обряду, например:

Баня невесты — *последнее перед свадьбой мытье невесты в бане, со многими заговорными словами и специальными магическими обрядами.*

Составитель включает слова, в статье о которых содержится попытка этимологического анализа:

Бедно — *обидно, горько. Бедно стало до слёз, / Бедно мне да забедно, / Бедно показалось... (из причета).*

Отметим, что, как правило, Романовым приводятся только одно грамматическое значение слова и его толкование. Часто наивные толкования значения слова и сама цель составления словарной статьи для устойчивого речевого выражения, отдельного словесного фольклорного образа и попытки исторического экскурса уведут составителя от собственно лингвистических задач своего труда. Словарь Романова превращается в многожанровое сооружение, эклектичное по своему замыслу. Словарный труд является своеобразным источниковедческим «сводом», лишенным серьезной научно-методологической базы.

Таким образом, словарь местного говора, составленный краеведом, становится важным инструментом в его фольклористических исследованиях и сложившимся жанром краеведческой литературы. Составление словарей является ярчайшим признаком перекодировки устной культуры в письменные формы. Различного рода словари, словники, лексиконы представлены в разных жанровых формах, но, несомненно, их объединяет одно — стремление показать свое отличие от нормативного общерусского литературного языка и других диалектов. И это массовое увлечение на местах — несомненный признак «саморефлексии» народной традиции.

Главная ценность «Фольклора Устья» — наиболее завершенного труда (из двадцати очерков отсутствуют лишь три) — заключается не только в попытке показать, как отразились в местном фольклоре история, верования, обычаи и быт края. В первую очередь, это собрание песен, народных рассказов и сказок, заго-

1986 г. № 52, 338 с. В состав рукописи входят также: 1. Добавление «Список мужских и женских имен, в народном произношении Устьянских волостей» (л. 339—347); 2. Очерк М. И. Романова «Устьянские народные говоры Архангельской области» (Пежма, 1950. 66 с.) (далее — *Романов. Словарь*).

воров, причитаний, которые он записывал в течение почти двух десятилетий. Уникальность собранных материалов заключается в том, что они характеризуют фольклорную традицию Устья в период, когда с первой поездки в 1902 г. Е. Э. Линевой и до 1978 г. здесь не велось серьезной систематической работы по сбору фольклорно-этнографического материала.

В своих исследованиях Романов использовал так называемый «краеведческий» метод анализа и систематизации огромного и разнородного материала, отличие которого он видел в том, что «ученый специалист берет свой материал отовсюду; краевед же в пространственном отношении ограничен. Его задача — дать облик определенной и необширной местности, представляющей целостную единицу...».¹⁷ Романов оказался в условиях и обстоятельствах естественного применения на практике сложнейшего полевого метода «вживания» в традицию. Он с рождения находился в атмосфере народной жизни и проявлял к ней глубокий интерес. М. И. Романов вспоминал: «В детстве я купался в целом океане фольклора». Большим знатоком местной традиции были его «могучая и суровая» бабушка, происходившая из старообрядческой семьи, а также ее приятельницы, односельчане.¹⁸ В доме Романовых, как и в других крестьянских семьях, случались «помочи». Маленький Михаил с братом и сестрой выходили на угор, сидели там и ждали толпы «помочан» с пением. «Как волны прибоя, нахлынули первые звуки знакомой мелодии. Вскоре показалась темная масса толпы. Но не слышен ни говор, ни смех, ни визг девиц. Льетесь и все побеждает широкая, торжественная мелодия песни, колыхающая звуки на своих упоительных волнах. Хочется и плакать, и сделать что-то особенное, хорошее, героическое. Появляется тоска по какой-то потерянной далекой родине, по раздольной степи над ширью Дуная, по берегу которого ходит беглянка-полонянка, бежавшая с чужбины и стремящаяся на родину, на Русь, она умоляет „молдцев-перевозщиков“ перевести ее за Дунай, отдает им за это и деньги, и наряды, и украшения, а в конце-концов и самое себя. Тоска этой полонянки так живо передается мелодией песни, что из глаз невольно показываются слезы, а сердце разрывается от жалости».¹⁹

Поэтому нет необходимости провозглашенный Романовым «краеведный» метод исследования местной культуры обозначать как особую научную методологию. Глубокое знание местной жизни, любознательность, широкий кругозор для сопоставлений культурных явлений, знание иностранных языков, личный

¹⁷ РО ИРЛИ, кол. 66 (Романов), п. 4, Фольклор Устья, л. 5.

¹⁸ Романов М. И. Устья. Тула, 1985. С. 364.

¹⁹ Там же. С. 377—378.

жизненный опыт, начитанность, знакомство с авторитетными учеными — вот составляющие этого метода.

В своем труде краевед предпринимает попытку выявить взаимосвязь между, казалось бы, несопоставимыми явлениями народной культуры: фольклорными образами и орнаментом на одежде, устойчивыми мотивами в резьбе прялок и домов, обычаями и верованиями, особенностями местного словоупотребления. В конечном счете, он решает задачи исторической реконструкции народной культуры Устьянского края.

Наряду с весьма курьезными размышлениями относительно генезиса фольклора, неприятием компаративистики как одного из ведущих методов в фольклористике и так называемой «расовой теории», у него встречаются откровенно наивные реконструкции в духе известного марровского направления в лингвистике, приводившие его к весьма сомнительным выводам и рассуждениям.²⁰ Ярким примером применения этого метода является в книге «Фольклор Усти» очерк 4 «Плач рабыни», или следующие его высказывания: «Словотворчество было в первобытные времена не обыденным и не легким делом. Каждое слово изобреталось с не меньшим трудом, чем более поздние достижения материальной культуры, — орудия, оружие, металлы, машины. Каждое новое слово, как великое изобретение, начинало совершаться во вселенной, — населенной людьми, владеющими только ручной речью, — тот же путь, какой совершали и достижения материальной культуры: огонь, каменные орудия, горшечное искусство и т. д. Вместе со словами бродили по всему миру и заключенные в них магические настроения и понятия, выродившиеся впоследствии в мифы»; «Творцом отдельного нового слова могла быть каждый раз новая человеческая группа, но не племенная. Племена не было, потому что не было еще отдельных звуковых языков. По всему миру обитала одна человеческая „раса“, объяснявшаяся всем понятной речью жестов и мимики. В эту «речь» только постепенно, поодиночке, внедрялись „жуткие“, священные и не всем доступные магические слова звуковой речи. Следовательно, не может быть речи о заимствовании фольклорных тем от каких-то „избранных“ рас, не может быть речи и о существовании

²⁰ Н. Я. Марр применил к языкознанию учение исторического материализма. По его мнению, язык — такая же надстроечная общественная ценность, как искусство; язык является приводным ремнем в области надстроечной категории общества. Язык возник у всех народов независимо друг от друга, но поскольку культура едина и в своем развитии проходит одни и те же этапы, то все процессы в ней проходят аналогично. Язык, по Марру, образовался из первичных «фонетических выкриков». Первичная речь, как реконструировал ее Марр, состояла всего из четырех лексических элементов — САЛ, БЕР, ЙОН, РОШ. И все слова всех языков мира Марр был склонен сводить к этим четырем элементам.

самих рас в те эпохи, когда разговорная речь формировалась и закладывались основные споры фольклорных тем. Раса — явление очень позднего времени».²¹

Рассуждение, весьма характерное для теоретических положений Н. Я. Марра, который отвергал генетическое родство языков и даже такие очевидные вещи, как заимствования слов, он объяснял единством глоттогонического (языкотворческого) процесса.

Вместе с тем Романов в своих теоретических посылках не всегда строго следует Марру: «Не отрицая полезности и необходимости работы по сравнению фольклорных тем, бытующих у всех народов земли, необходимо признать, однако, что компаративистика привела, с одной стороны, к сухому и мертвому формализму, с другой — к фашизму, признающему творцом фольклорных тем „избранные расы“ и „благородные классы“. Не удовлетворяет и научно отвергнутая мифологическая школа, выводящая фольклор из „творческого духа народа“, именно, своего народа, считающая его осколками былой мифологии, именно, мифологии своего народа. Фактов заимствования нельзя отрицать, но нельзя и подчинять им всю область фольклора. <...> Это объясняется не заимствованием, а одинаковой стадией культурного развития. Так что корни однородных сказочных тем могут залегать именно в древней культовой подпочве. Подпочва же эта создавалась не одной „избранной расой“ и не одним „благородным классом“, до днесь существующим, а длинным рядом сменившихся, прогрессирующих и смешивавшихся между собой „рас“, и даже не рас, а стадияльных состояний человечества. Когда закладывалась эта общая сокровищница, рас еще не было, не было еще „ни эллина, ни иудея“, ни германца, ни славянина».²² Хотя и в вульгарной форме, Романов разделяет как будто положения историко-типологической теории.

Следует признать, что с методологической точки зрения исследование Романова не выдерживает серьезной критики. Поэтому встречаются в тексте исследования действительно парадоксальные и курьезные выводы.

Приведем пример такой интерпретации текста детской заклички: «Судя по одной детской песенке-заклинанию, радуге придавалось, однако, большое значение: „Радуга-дуга, / Не давай дождя, / Давай солнышка / Из-под бревнышка“». Радуга представляется тут распорядительницей над дождем и солнцем, может дать по произволу или то, или иное. Непонятным представляется, в ее прямом смысле, последняя строчка. Возможно, что последнее слово нужно производить не от „бревно“, а от „бровь“. Солнце

²¹ РО ИРЛИ, кол. 66 (Романов), п. 4, Фольклор Устья, л. 58.

²² Там же, л. 290.

представляется как бы глазом неба, который в ненастную погоду закрывается насупленной бровью, а в ясную выглядывает из-под нее. Такое представление о солнце вытекает из самой палеонтологии этого слова».²³

Подобные интерпретации с позиций устаревших и вульгарно (наивно) понятых теорий и некритическое использование чужих методологий, к сожалению, обесценивают в целом труд Романова. Кроме того, слишком явное понимание фольклорных памятников как исторической основы жизни общества приводят к недопустимым с современных научных позиций выводам: «Безусловно, принятый мною подход к фольклору возбудит обвинение в возврате к мифологической школе. Но ошибка этой школы таилась не в ее „мифологичности“, а в том, что она вывела мифологию из недр своего народа, своей „нации“. Между тем как мифология, так и язык — общечеловеческое достояние. Без палеонтологического анализа, принесенного Н. Я. Марром, этого, конечно, нельзя было ни понять, ни, тем более, доказать».²⁴

Подобная «смешанность» методологических позиций и теоретическая наивность автора проявляется практически в каждой его попытке трактовать тот или иной фольклорный текст, этнографический факт: «Эта пестрота концепций не противоречие, а различные стадии развития культа от анимистической стадии, через тотемизм, к политеистическому божеству. Культурные воззрения никогда не стояли на одном месте. Они все время развивались, совершая головокружительные, непонятные для нас, прыжки от одной стадии к другой; в данном случае, от дуги к мамонту и, затем, к богине девице. Материалом для выявления всех этих концепций мы брали, главным образом, детский фольклор. Детские песенки-заклинания являются переживаниями более древних заклинаний, практиковавшихся раньше взрослыми при исполнении культовых обрядов».²⁵ Столь же необоснованным и нелепым является утверждение: «От этих же детских песенок ведут свое происхождение частушки».²⁶

О концептуальной несостоятельности труда «Фольклор Устья. Пережитки древних эпох в фольклоре и быте северной деревни» в полной мере свидетельствуют названия очерков, составляющих ее содержание: **Очерк первый.** Лики древних богов (1. Боги стихий. 2. Бытовые боги. 3. Духи болезней и борьба с ними. 4. Заговорные слова, употребляемые для лечения и предупреждения болезней. 5. Духи вод и лесов. 6. «Бывальщины» о леших, колдунах и проч. 7. Миф о страдающем и воскресающем божестве).

²³ Там же, л. 129.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, л. 20.

²⁶ Там же.

Очерк второй. Канонизированный фольклор. Областные культы Севера и древние торговые пути (1. Канонизация фольклора. 2. Областные культы времени феодализма. 3. Первичные культы. 4. Киево-новгородский культ Перуна. 5. Ростовский Велес и боги Тмутаракани. 6. Культ Георгия на Ваге и Двине. 7. Охотничьи и пастушьи заговорные слова. 8. Единство происхождения культов Устюга, Усьи и Вятки. 9. Скандинавское происхождение культа Прокопия). **Очерк третий.** Отражения христианства в фольклоре (1. Духовный фольклор. 2. Составные элементы в воззрениях на загробную жизнь. 3. Причитания над покойниками. 4. Сказание об антихристе и кончине мира. 5. Фольклорные отражения истории церкви на Севере. 6. Фольклор, отражающий упадок и отмирание религии). **Очерк четвертый.** Плач рабыни (1. Варяги на Руси. 2. Работорговля). **Очерк пятый.** Свадебный обряд (1. Сватанье. 2. Уговорка и девичник. 3. Утренние и вечерние причитания невесты. 4. Песни о женской доле. 5. Причитания невесты по различным частным случаям. 6. Последняя баня невесты. 7. «Поезд». 8. «Вышибание» невесты. 9. «Вывод» невесты. 10. Передача красоты и обряд с сеном. 11. Последний девичник. 12. Прощание невесты. 13. Свадьба в доме жениха и «хлебины». 14. Заключение). **Очерк шестой.** Ребенок северной деревни в фольклоре и быте. (1. «Поносы» и «приносы». 2. Первая баня ребенка. 3. Крестины. 4. Заговоры и меры против ревливости и болезней ребенка. 5. Колыбельная песня. 6. Ребенок младшего возраста. 7. Ребенок старшего возраста). **Очерк седьмой.** Коновальский обряд (1. Коновальский обряд. 2. Некоторые заговорные слова, употреблявшиеся коновалами). **Очерк восьмой.** Исторический фольклор (1. Древние и неопределенные времена. 2. Былина об устьянском воеводе Бедеяеве. 3. Исторические времена и лица). **Очерк девятый.** Лирика. (1. Любовь мужская. 2. Любовь женская. 3. Разлука. 4. Измена. 5. Брак. 6. Песни на другие лирические темы). **Очерк десятый.** Песни хороводные, плясовые, шуточные (1. Хороводные песни. 2. Плясовые песни. 3. Шуточные песни). **Очерк одиннадцатый.** Частушки (1. Семья, колхоз. 2. Товарищеская среда, комсомол. 3. Наряды, подарки. 4. Вечеровки, игрища. 5. Первая любовь. 6. Любовь легкомысленная и любовь серьезная. 7. Любовь покорная и любовь гордая. 8. Брак. 9. Любовь и брак в колхозной деревне. 10. Старая рекрутчина и Красная Армия. 11. Отходничество, лесозаготовки, пятилетка. 12. Школа, учитель, образование). **Очерк двенадцатый.** Сказки.

Выявление источниковой базы «Фольклора Устья» Романова, использование ее в изучении и исторической реконструкции фольклорной традиции Устья является одной из сложных и важных проблем предпринятого исследования.

Записи устьянского фольклора, отразившиеся в его книге, фиксировались примерно в период с 1924 по 1934 г. в населен-

ных пунктах Дмитриевского сельского совета от исполнителей разных возрастов. Паспортизация записей Романова является неполной: нет точной даты записи, возраст исполнителя указывается неточно. Характерны такие отсылки и замечания собирателя относительно своих информантов: «со слов старухи Офимьи Рогачевой из дер. Кырканды; Парасковья Буторина, старуха-знахарка дер. Алферовской, неграмотная; Вас. Ан. Паршин, дер. Березник».

Иногда им дается более полная характеристика, например, молодой исполнительницы Соболевой: «молодая, полная красивая девица с Мехреньгских починков, голос у нее был бархатный, густой». Обычно на «помочах» в доме М. И. Романова именно Соболева запедала песню «Ой, да собирался-то добрый молодец» — прокатывалось волной.²⁷

В Приложениях 1, 2 «Фольклора Устья» приводится Указатель исполнителей с указанием на репертуар (отсутствует в наст. публ.).

Следует отметить, что у Романова были свои корреспонденты — его ученики, которые по его заданию вели опрос исполнителей.

Особый интерес в книге Романова вызывают приводимые им фольклорные тексты и этнографические сведения по народной культуре Устья, записанные им со слов односельчан. В публикуемом ниже этнографическом очерке автор уделяет большое внимание жанру свадебных причитаний, он считает: «Другим складом древностей являются причитания невесты. В верховьях Устья они сохранились с особенной полнотой и целостностью. В них звучат отголоски эпохи работорговли, плачи и вопли проданных в рабство „девок славянских“. Сложились они, конечно, не на Устье, а занесены были сюда волной ростовской колонизации. Ростовские земли лежали на старейших путях работорговли. Волхово-Днепровский путь начал функционировать позднее, когда Волгу и Дон заперли кочевые орды печенегов, а потом половцев. Очень много древних пережитков связано с рождением и воспитанием детей, а также с некоторыми сторонами сельского хозяйства и скотоводства. Все эти пережитки описываются и анализируются в первой части настоящей книги».²⁸

При публикации текста очерка «Свадебный обряд» были использованы исторические комментарии Романова, которые были им специально изложены в очерке 4 «Плач рабыни». В них последовательно проводится автором идея, что в текстах причитаний и некоторых песенных сюжетах отражены переживания женщины древней эпохи «работорговли» на Руси:

²⁷ Романов М. И. Устья. С. 378.

²⁸ РО ИРЛИ, кол. 66 (Романов), п. 4, Фольклор Устья, л. 12—14.

Эти славянские работорговцы, превратившиеся затем в феодальных господ, выделились из главенствующей верхушки родовой общины, из ее «отцов». Живой товар они черпали отчасти из своих общин, отчасти путем нападений и захватов в плен членов других общин. Эти-то «отцы», продающие «детей», при сближении этих терминов с терминами современной семьи, дали далеко не точное представление об обычае продажи родителями своих детей. Слово «отец» или «батюшка» нужно понимать не в семейном, а в социальном смысле, в том самом, в каком «батюшкой» назывался царь, священник или помещик. Но и узкую семью нужно понимать не в нашем смысле. В ней отец был, главным образом, властелин, далеко не всегда наделенный — привычными для нас, но не для того времени, — родительскими чувствами. Поэтому нельзя отрицать и продажи детей собственными родителями. Во всяком случае, в истории церкви говорится о ее борьбе с обычаем продажи детей родителями.

Следы продажи девиц их родителями, хотя и в значительно измененном виде, встречались до конца XVIII в. В 80-х гг. XVIII ст. сольвычегодский мещанин Соскин пишет об одной своеобразной категории товара, привозимого в Сольвычегорск на Прокопьевскую ярмангу. «При всем том, — пишет он, — объясняю бываемую на прокопьевской ярманге редкость следующую. Приезжают в то время крестьянские дочери, девки для избрания себе женихов и выходят в замуж, который обряд состоит в такой церемонии: как те невесты приплывают по Вычегде в лодках и квартируют боле под городом на берегу с родителями при тех лодках, у продажи своих продуктов. Хотящие их видеть женихи приходят к тем невестам и смотрят их».²⁹

Эта «бываемая редкость» не что иное, как пережиток древних варяго-славянских торгов, где рядом с пушниной, медом, воском, хлебом и лошадьми продавались и «девки», а также и мужская «челядь». Продавцами на этих торгах часто были родители или родовладыки. Пережитки таких воззрений на родительскую власть существовали и в XIX в. Очень распространено было мнение, что за убийство или изувечение родного сына или дочери «и царь не властен» наказывать, а может быть наложено только церковное покаяние.³⁰ Даже Соскину бросилась в глаза генетическая связь между работорговлей и обычаем выставлять невест на показ на ярмарке. «Сей обычай, — пишет он, — можно сравнить с базаром константинопольским, на котором для продажи и бракосочетания жен и девиц, невольниц находится много».³¹

Подобные комментарии автора даны в публикуемом ниже очерке в виде сносок. Кроме того, в Приложениях 1—2 даны тек-

²⁹ [Соскин А.] История города Соли Вычегодской древнейших и нынешних времен : сочинение А. Соскина // Вологодские епархиальные ведомости. 1881. № 14. С. 354—355.

³⁰ О том же говорит М. Н. Покровский: *Покровский М. Н.* Русская история: В 3 т. М., 1922. Т. 1. С. 2.

³¹ [Соскин А.] История города Соли... С. 355.

РО ИРЛИ, кол. 66 (Романов), п. 4, Фольклор Устья, л. 217.

сты свадебного фольклора и наблюдения автора за состоянием брачных отношений местных жителей 20—30-х гг. XX в., которые расположены в других частях книги «Фольклор Устья».

Публикуемый текст, кроме комментариев М. И. Романова и комментариев автора публикации, снабжен замечаниями В. И. Щипина.³²

О чер к п я т ы й

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД

Бытовую обрядность вообще и свадебную в частности не следует смешивать с церковной обрядностью. Та и другая обрядности часто переплетались между собой, иногда сливались, но в большинстве случаев довольно резко отграничивались одна от другой, а иногда вставали одна к другой во враждебные отношения. Это вполне понятно. Церковная обрядность — это обрядность, насильно водворенная господствующим классом. Бытовая же обрядность — обрядность самобытная, народная. Термин «народная», правда, не отличается определенностью, и сама эта «народная обрядность» далеко не единого происхождения. Но тем не менее население северной деревни считало ее своей и определенно отличало от церковной, «казенной», т. е. государственной.

Церковная обрядность скользила по поверхности деревенской жизни, бытовая же обрядность пропитывала все ее поры. Если это не так было заметно в местах, открытых для веяния цивилизации, то в захолустьях, подобных Устьянским волостям, беспредельное господство бытовой обрядности бросалось в глаза на каждом шагу. Бросалось в глаза, что корни этой обрядности покоятся где-то далеко по ту сторону христианства, в эпохах, живших анимистическими и тотемическими верованиями, во времена древних языческих богов и почитания душ умерших предков. Тут и там встречаются в этой обрядности осколки и целые руины древних исторических переживаний. Звучат слезы и вопли жертв древних форм эксплуатации человека человеком, звучат идеи и устремления древней души, ищущей выхода к лучшему // л. 254
будущему, звучат иной раз старые исторические и географические имена, упоминаются древние формы труда, быта и вооружения.

Особенно много всего этого в свадебной обрядности, и особенно в свадебной обрядности верхних сельсоветов реки Устья. Захолустность местности способствовала их сохранению. Нигде,

³² Щипин Владимир Игоревич (1951 г. р.) — автор работ по истории Русского Севера. Автор наст. публ. использует комментарии В. И. Щипина и приносит ему искреннюю благодарность.

даже и по среднему течению реки Устья, — не сохранились свадебные обряды с такой полнотой и в такой древней неприкосновенности. Мне удалось их записать уже в тот момент, когда практически они уже отошли в область минувшего, но помнившее их поколение еще не сошло в могилу. Теперь большинство тех, кто дал мне эти сведения, померли, и возможно, что теперь уже не удалось бы восстановить их с такой полнотой.

1. Сватанье

До выхода замуж¹ девушка устьянской деревни пользовалась большой свободой. Нельзя этого же сказать о соседней двинской деревне. Правда, большим позором считалось родить до венца, но не меньшим позором было и не иметь «дружка». Отношения с «дружком» зачастую не были платоническими, но это обстоятельство в укор девице не ставилось, не было бы только «околотка», то есть ребенка от связи с «дружком». Безусловно, такие отношения часто вели именно к «околотку», а этим самым и к браку по любви, так как единственным способом «прикрыть грех» был выход за того, кто был повинен в нем. Следствием очень свободного отношения к вопросу о девственности [являлось, например, то, что] в устьянском сва//дебном обряде отсутствовали показ нижней рубашки после первой ночи и чествование девственности невесты.

Браки по любви были нередки и независимо от беременности невесты. Вообще, воля жениха и невесты играла большую роль, если она не противоречила понятиям о «ровне» и «неровне». Эти понятия играли громадную роль в вопросе о браке. Здесь особенно ярко выступало классовое расслоение² старой деревни. Деревенский богатей редко допускал женитьбу своего сына «в худом роду» или выход своей дочери «в худой род». Материальные расчеты при этом иногда не играли никакой роли, так как «давать приданое» с невестой на Устье не было принято.

— Низковато, даре, породой-то, — говорил такой «высокородный» мужик своему сыну.

— Подумай сам, с кем в родню-ту войдешь: Макарко да Васька Сраленок, вековичные казаки (батраки). Кто к тебе на свадьбу-то приедет? К кому пировать-то поедешь?³

И эти доводы казались чрезвычайно убедительными. Вся «порода» жениха могла оскорбиться и не явиться на свадьбу.

Вообще, идеи о высоте породы, идеи древнего местничества крепко бытовали в северной деревне. Они играли большую роль не только в браке, а и во всем укладе жизни. На пиру старались

¹ У Романова — «взамуж». — *А. В.*

² У Романова — «выступала классовая расслоенность». — *А. В.*

³ Нет ссылки на информанта. — *А. В.*

рассаживаться «по породе», и посаженные, по их мнению, «низко», нередко оскорблялись и уходили с пиру или вступали в драку с оскорбителями.

Соображения о породе нередко становились поперек воле жениха и невесты и отдавали решение дела в руки старших. До сватанья дело доходило только после некоторых предварительных переговоров между родственниками жениха и невесты. Еще до // сватанья невеста начинала готовить «дары»: рубашки, полотенца л. 256 и т. д. Накануне или в день сватания невеста мылась в бане, с одной или двумя подругами. Часто вместо подруг приглашалась знахарка, творившая над невестой в бане «нарядные» заклинания. Заклинания имели целью привлечь к невесте внимание и любовь не только жениха, но и сватовщиков.⁴

Несколько вариантов «нарядных слов» приведено было в предыдущем очерке.⁵ Здесь приведу еще один вариант, приспособленный специально для банных заклинаний над невестой.

Пойду я, раба божья [имярек] благословясь,
Приду, перекрестясь,
В теплую банюшку, на теплый полоч.
Буду я рабу божью Анну
Мыть и обмывать,
Ключевой водой обливать.
Мою, смываю
Худерьбу⁶ и похулу.
Мою, намываю
Красоту и похвальбу.
Пусть она краше,
Пусть она баше,
Краше и румянее
Схожего солнца.
Глянулась бы всем
И казалась бы всем
Плечами плечиста,
Лицом личиста,
Речами речиста,
Походочкой всех басся.⁷
Казалась бы и глянулась бы,⁸ //
Как лазуревый цветочик,

л. 257

⁴ *Сватовщик* — тот, кто сватает невесту для жениха. — *Романов. Словарь*.

⁵ См. Приложение 1. — *А. В.*

⁶ Местное — от слова «худоба». — *А. В.*

⁷ *Басся* — красивее, от баско — красиво. — Комментарий М. И. Романова. *Баской* — красивый; *бассяе*, *башчэ* — красиво. — *Романов. Словарь*.

⁸ *Глянуться* — нравиться.

Как жемчужный камешочек,
Как виноградная ягодка.
Чтобы старые и малые
Зрели и смотрели,
Глаз не сводили.
Чтобы суженый-ряженный
Зрел и смотрел,
Глаз не сводил,
От нее не отходил.
Все бы люди
Пришли-смотрели,
Отошли — хвалили.
И ныне и присно
И во веки веков. Аминь.⁹

Если невеста особенно хотела привлечь сердце жениха, то пускалось в ход «присушное слово», имевшее более определенную установку, направленную на определенную личность. Присушных слов ходит много вариантов. Привожу из них один из наиболее содержательных:

Катится черная грозная туча
Со зрелым каленым камнем,
Зрело калено камень,
Вались не на воду, не на землю,
Вались на ретивое сердце
Раба божья Федора,
Чтобы раб божий Федор
Без рабы божьей Анны
Не мог часу часовать
Минуты миновать.
Как маленький ребенок
От матери из утробы родится,
На белый свет глядит да узрит, //
Так бы раб божий Федор
Зрил да узрил
На рабу божью Анну.
Как дровца в печке
Изгорают на уголье,
Так бы у раба божья Федора
Сердце изгорало
По рабе божьей Анне.
Как в жилой избе
Магица сохнет да вянет
От дыму да от жару,¹⁰

л. 258

⁹ Записано в д. Мехреньга.

¹⁰ Предполагается дымное, курное отопление.

Так бы у раба божья Федора
Сердце сохло да вяло
По рабе божьей Анне.
Как рыба на берегу
Не может дня днeвать,
Ни часу часовать,
Ни минуты миновать,
Так бы и раб божий Федор
Без рабы божьей Анны
Не мог ни дня днeвать,
Ни часу часовать,
Ни минуты миновать.
Будьте мои слова
Крепки и лепки,
Крепче булатного ножа,
Вострее щучьего зуба.¹¹

Время сватанья и свадьбы считалось особенно опасным. В это время девушка всего легче поддавалась «порче», «урокам», «сглазу» и т. д. Всякое неосторожное слово, особенно выражение восторга перед ее красотой или телесной добротностью может ее // «изурочить».¹² Завистливый взгляд может «сглазить».¹³ л. 259 Оханьем и аханьем можно ее «озевать».¹⁴ Боротся против всего этого можно было только особыми оградительными словами, которые особенно хорошо «льнули» в бане.¹⁵ Собственно говоря, основная цель всех свадебных бань не санитарная, а магическая, оградительная. Оградительные слова назывались «обережь»,¹⁶ или «урочное слово». Приведу один вариант «обережи».

Под восточной стороной
Есть сине море океан.
В том море-океане
Есть остров Буян.
На том острове на Буяне
Стоит свят божий храм.
В том святом божьем храме

¹¹ Кошелев Павел Трефилов, коновал, д. Армино, умер между 1928 и 1936 гг. Отчество и примерное время смерти установлены по: *Романов Мих.* Из фольклорных записей : Коновальский обряд // Север : Альманах. Архангельск, 1936. № 1. С. 119. — В. Ш.

¹² *Изурочить* — испортить завистливым взглядом или сомнением, завистливой мыслью и т. д.; см. *обуроцишь* (коми — урсавны). — *Романов. Словарь.*

¹³ *Сглизить* — испортить завистливым взглядом. — *Романов. Словарь.*

¹⁴ *Озевать* — причинить вред взглядом. — *Романов. Словарь.*

¹⁵ *Поверья*, нет ссылок на источники. — А. В.

¹⁶ *Обережь 1* — заговорное слово от сглазу. — *Романов. Словарь.*

Есть стол-престол.
 На том столе-престоле
 Сидит ангел господен.
 Тот ангел господен
 Держит жимолостный лук
 Да калену стрелу.
 Я, раба божья Офимья,
 Помолось поклонюсь
 Тому ангелу господню.
 Отбивай, отстреливай
 От рабы божьи Анны
 Уроки и призеры,
 Прикосы, приговоры
 От чернеца, от черницы,
 От колдуна, от колдуницы,
 От двоежена, от троюжена,
 От двоезуба, от троюзуба,
 От девки простоволоски,
 От женки красноголовки. //
 Злому, лихому,
 Урочливому, завидливому
 Соли в глаз, смолы на язык
 Дресвяный камень в зубы,
 Громова стрела в щеки...¹⁷

Сваты приезжали вечером. С женихом приезжали кто-либо из его семьи и из наиболее почетных родственников, последний как представитель всего женихова рода. Явившись в дом невесты, сваты молились перед иконами и вступали в переговоры о приемлемости или неприемлемости сватания. Если сватание принималось, сваты ставили на стол четверть или две водки (3—6 литров) и усаживались на лавки.

На сватанье сзывались родителями невесты их влиятельнейшие родичи. Выдать или нет невесту, могли давать совет и они. В этом сквозит, опять-таки, далекий отзвук родового права. Невеста же приглашала на сватанье своих подруг. Впрочем, они сами прибегали и без особых приглашений.

Прежде чем пить водку, уславливалось количество «даров» с невесты и количество водки с жениха во время свадьбы. Вопрос о приданом редко поднимался, только в тех случаях, когда невеста страдала какими-либо физическими недостатками или была беременна не от жениха. Зато очень жаркому обсуждению подвергались «дары» — рубашки, полотенца, «становины», — которые она должна раздарить родственникам жениха во время свадьбы.

¹⁷ Рогачева Евфимия Дмитриевна, д. Кырканда. Или Рогачева Евфимия Яковлевна, зап<исано в> д. Кырканда, 1926 г., умерла в 1932 г.

После этого уже начиналось «пропиванье» невесты и девушку начинали называть невестой. Тут только выступала она сама, но не с тем или иным решением вопроса, а с обрядовым причитанием. //

Выступая перед столом, где ее «пропивали», она закрывала л. 261 голову платком и начинала «ухать». Протяжно выкрикивая слова причетов, она время от времени «ухала» во весь голос и, заломив руки, с размаху падала на пол. Чтобы предупредить значительные ушибы, на пол перед ней настилали соломы. Вся картина «уханья» носила печать страшного горя и отчаяния. Женская половина присутствующих часто плакала и вторила ее воплям. Невеста пела, обращаясь к отцу:

«Ты, схожее солнышко,
Мой родимый батюшко,
Ты не пей, мой батюшко,
Того пива пьяного,
Да вина зеленого.
То не пиво пьяное,
Не вино зеленое,
А разлука вечная
Со мной, сердечным дитячком.
Меня разлучит, девицу,
С татенькой да с мамонькой,
Да с родными братьями,
С милыми сестрицами.
Еще разлучит девицу
Со родной сторонущкой».

После небольшой паузы поет как бы про себя:

«Сидит мой батюшко,
Сидит призадумался,
Сам-о[т] призаплакался».

Обращается к матери:

«Ты не пей-ко, матушка,
Того пива пьяного,
Да вина зеленого...» и т. д.

Обращается к дяде:

«Мне бедно да забедно,
Бедно показалось //
На тебя, на дядюшку.
Чем тебе наскучила,
Чем я напрокучила:
По часту гостила ли,
Опила, объела ли?»

л. 262

Что же избываешь ты,
Отдаешь младешеньку
На чужую сторону?
Жалко мне расстатися,
Жалко разостатися
Со родней великою».

Обращается ко всем родным:

«Чем я вам наскучила,
Чем я напрокучила?
Была я ленива ли,
Тихо ли ходила ли,
Али худо робила,
Вам добра не спорила?
Али я гостилася,
Напроход басилася,¹⁸
Мылась-промывалася,
Робить не старалася?
Что вы меня гоните
Со села, со города,
Как лихого ворога?»

Идет к девицам, собравшимся за перегородкой или в другой избе. Причитает перед девицами:

«Любушки-голубушки,
Вы подружки милые,
Жалко мне расстатися,
Жалко разостатися
С милыми подружками.
Вам дивья,¹⁹ голубушки. //
Ведь у вас, голубушки,
Татеньки просужие,²⁰
Мамки жалостливые,
Само упросливые.²¹
У меня, у девицы
Скородумны батюшко,
Скородумка матушка,
Скоро думку сдумали,
Пропили младешеньку
На чужую сторону».²²

л. 263

¹⁸ *Напроход басилася* — постоянно наряжалась.

¹⁹ *Дивья* — хорошо, славно.

²⁰ *Просужий* — рассудительный, умный.

²¹ *Упросливый* — такой, которого можно упросить, покладистый.

²² Предыдущие причитания представляют из себя сводку причетов, записанных со слов Офимьи Рогачевой (д. Кырканда) и Устина Мих<айло-вича> Попова (д. Лушово). Запис<ано в> 1927—<19>28 гг.

Во время «пропивания» невесты вина приносят и девицам.

Жених, «отведя рядовую» за столом, то есть выпив одну или две чарки, может уйти из-за стола. Он, большей частью, идет к девицам и здесь сидит с невестой, уговариваясь с ней относительно будущей совместной жизни.

После сватания, для прочности дела, жених нередко брал с родителей невесты «заклад»²³ в виде каких-либо ценных вещей из туалета невесты. Если свадьба расстраивалась вопреки желанию жениховой родни, заклад не возвращался.

II. Уговорка и девичник

После сватанья свадьба еще не считалась бесповоротно решенной. Наоборот, с этого-то времени обе стороны и начинали старательно взвешивать все «за и против», начинали собирать сведения друг о друге. Родственники невесты ездили «смотреть живота» в доме жениха. Кроме того, теперь-то невеста и привлекала особенное внимание других женихов. Теперь выступала ее настоя//щая цена во мнении мужской молодежи. Если невеста обладала какими-либо большими положительными качествами, ее начинали «пересватывать». Для ее родителей начиналась трудная задача, отвергнуть ли нового жениха или принять его «пересватыванье», отвергнув первого. Если принимать «пересватыванье», нужно было платить за вино, выпитое с первым женихом. л. 264

Когда все взвешено и решено, мать или отец жениха ехали в дом невесты на «уговорку». Жених мог и не быть на «уговорке». Самая «уговорка» могла быть простым посещением без угощения, но могла вылиться и в новую пирушку. Угощающей стороной опять была сторона жениха, а не невесты. Они привозили с собой вино и гостинцы. На «уговорке» определяли окончательно вопрос о «дарах» и количестве вина с жениха. Мать или родственница жениха просматривала содержимое невестина сундука и всю ее одежду. Если считала, что одежды недостаточно, начинали торговаться о том, что должны были справиться невесте ее родители до или после свадьбы.

Тут же начиналось выкраивание «даров» из невестиных запасов. Невеста причитала при этом:

«Ты, бела лебедушка,
Родимая мамушка,
Не пускай-ко, мамушка,
Нелюбую гостьюшку
До дубова ящика.
Как у этой гостьюшки

²³ *Заклад 2* — какая-либо ценность в обеспечение полученного кредита. — *Романов. Словарь.*

Руки шибко длинные,
 Да глаза бесстыжие,
 Рожа нестыдливая.
 Режет в лепенечики,
 В мелкие кусочки
 Полотно беленое, //
 Да скатерти бранные,
 Да узоры красные,
 Все запасы девичьи.
 Я ткала трудилась,
 Шила веселилась
 Для себя, для девицы,
 Да для тебя, для мамушки.
 А она, бесстыжая,
 Все узоры выбрала,
 На дары изладила.
 Мне, младой, оставила
 Лишь одну изгрибину
 Твердую, колючую». ²⁴

Окончательное изготовление «даров» происходит на девичнике.

Девичник нередко совпадает с «уговоркой»,²⁵ но часто устраивается и отдельно. Невеста приглашает подруг и они, под руководством матери невесты, изготавливают и раскладывают «дары». Девицам устраивается при этом небольшое угощение. Сама невеста участия в работе не принимает. Она ходит около подруг и причитает:

«Хожу я, девица,
 По светлой по светлице,
 По высокой горнице,
 У светлого солнышка,
 У родного батюшка,
 У белой лебедушки,
 У родимой матушки.
 Ох-ти мне да ох-ти мне,
 Ох-ти мне тошнехонько!
 У схожего солнышка,
 У родного батюшка
 Мало мне осталось //
 Неги-красованьица.
 Уж не два годочика,

²⁴ Предыдущие причитания представляют из себя сводку причетов, записанных со слов Офимьи Рогачевой (д. Кырканда) и Устина Мих<айловича> Попова (д. Лушово). Зап<исано в> 1927—<19>28 гг.

²⁵ *Уговóрка* — соглашение. — *Романов. Словарь*.

А только два денечика,
А неделька маленька,
А деньки коротеньки.
Часики часуются,
Время коротается.
Ровно гуси-лебеди
В теплую сторонушку,
Улетает времячко.
Как вода из ключика,
Утекают-катятся
Скорые минуточки,
Утекают-катятся,
Назад не воротятся.
Похожу я, девица,
По светлой по светлице,
По высокой горнице,
Посмотрю на татеньку,
Посмотрю на мамоньку,
На сестер, на братьицев,
На дядьев, на тетюшек,
На ближних соседюшек,
На всех людей добрых.
Скоро нам расстаньице,
Скоро распрощаньице.
Скоро мне-ка с горюшком
Годики коротати
На чужой сторонушке
Без своей роденушки».

Обращается к подругам:

«Вы живите, любушки,
В девушках красуйтесь,
В бабью жизнь не суйтесь.
Бабья жизнь не красота, //
Сердечку только сухота.
Докатится времячко
До весны до красные,
До веселых радуниц.
Соберетесь, любушки,
На крутом угорышке
Над широкой реченькой,
Речкой половодною.
Запоете, девушки,
Свои девьи песенки,
Песенки веселые.
Вспомяните, любушки,
При своей беседушке
Про меня, про девицу.

л. 267

За весной за красною
Придет лето теплое.
Вы пойдете, любушки,
В мяндачи²⁶ садовые
По сока едреные.
Тут настанет жаркое
Время сенокосное,
Времячко веселое.
Придут летни празднички,
Ваши девьи игрищи,
Песенки игровые,
Ноченьки заревые.
Вспоминайте, любушки,
При своем весельице
Меня, красну девицу».

Просит девиц петь ей знакомые песни:

«Любушки, голубушки,
Вы подружки милые,
Уж вы спойте, любушки,
Мне-ка девью песенку». //

л. 268 Девицы поют, а невеста сидит, закрывшись платком, и плачет.
По окончании работы она благодарит подруг:

«Спасибо вам, любушки,
Любушки-голубушки.
Пособили, любушки,
Мне работу сробити,
Всю печаль опечаливать».

Садит подруг за стол, угощает обедом, поит пивом и вином.
После обеда прощается причитаниями. Для особо близких подруг сочиняются особые причеты, вроде:

«В забытьях позабыла,
Во горе покинула
Меня подружка Аннушка.
Вспомни, вспомни, Аннушка,
Нашу дружбу верную,
Верную примерную.
Навеку мы с Аннушкой
Друг с другом не ссорились,

²⁶ *Мяндач* — молодой сосновый лес. *Мяндаць* — лес из молодой сосны. — *Романов. Словарь*.

Друг друга не гневали,
Словом не кручинили.
Часто-часто с Аннушкой
Мы ходили парочкой
Во леса зеленые,
В мяндачи садовые,
В рощицы кудрявые,
По сока едреные,
По губы, по ягоды.
Мы с подружкой Аннушкой
Одну думу думали,
Одно дело делали.
Видно, отходили мы,
Видно, отгуляли мы.
Навеку не впервые,
Нынечи впоследние. //
Ты прости-ко, любушка,
Ты прости, голубушка,
Ты прости-ко, Аннушка,
Милая подруженька».

л. 269

В заключение она просит подруг навещать ее по утрам и по вечерам, пока она еще дома:

«Не покиньте, любушки,
Меня, красну девицу,
При горе, при бедности,
При большом несчастьице.
Приходите, любушки,
Ко мне, красной девице,
По утру ранешенько,
Вечером позднешенько».

После «уговорки» до самой свадьбы невеста ежедневно причитает по утрам и вечерам. На эти причитания собираются подружки невесты, и их тягучие прощальные песни чередуются с причитаниями невесты.

После «уговорки» свадьба еще может расстроиться. О надежде на расстройство свадьбы говорится и в некоторых причетах этого периода, как, например:

«В забытье позабыла
Во горе покинула
Свою девью красоту.
Сидит воля-красота
Под кутным окошечком,
Сидит пригорюнилась,
Сама призаплакалась.

л. 270

Ты срядись-ко, волюшка,
Старой дальней тетушкой.
Ты сходи-ко, волюшка,
На чужую сторону
Ко чужу-чуженину. //
Посмотри-ко, волюшка,
У чужа чуженина
Каково живиньце,
Много ли иминьца?
Откажи-ко, волюшка,
Чужому-чужанину
На чужую сторону
От меня от девицы.
Вот, срядилась волюшка,
Срядилась, приокуталась,
И пошла-то волюшка
В дальнюю дороженьку
К чужому чуженину
На чужую сторону».²⁷

III. Утренние и вечерние причитания невесты

После «уговорки» до свадьбы невеста причитает ежедневно два раза — на утренней и на вечерней заре. Утренние причеты начинались еще в постели. Проснувшись, невеста садилась на постели и плакала:

л. 271

«Я спала да лежала,
Темную ночь коротала,
Пуховую постельку
Камешком пролежала,
Пуховую подушечку
Во слезах потопила,
Одеяло цветное
В ноги запинала.
Не могла дожидаться
От белы лебедушки,
От родимы матушки //
Я побуду раннего.
Приходила матушка,
Правой ручкой будила,
Левой приокутала:
— По грехам што сдиется,
По грехам доспиется.
Да поспи-ко, дитятко,

²⁷ Причитания II главы представляют сводку из записей со слов: Устина Мих<айловича> Попова (д. Луцово), а также разных лиц из д. Мехреньга. Записано в 1928 г.

Поспи на здоровьице,
На запас да на время,
Себе на приданое.
Вот, как буду, девица,
На далекой стороне,
У чужа-чуженина
Не у родной матушки,
Не дадут понежиться,
Не дадут проспаться.
Люгая свекровушка
Ходит по-туринному,
Смотрит по-зверинному,
Да как бы пуще стукнути,
Да как бы пуще брякнути».

Вставая и одеваясь, продолжает:

«Не могла дожидаться
У схожего солнышка,
Родимого батюшка,
Слова которжливого,²⁸
Слова поспешливого,²⁹
Не могла дожидаться,
Не могла доглядитися.
Это что за честь пришла,
Что за негованьице?
Уж я знаю, девица,
Глупа сдогадалася:
Жалуют и милуют
Жалобой недоброю,
Чужой дальней стороной. //
Встану я с молитвою,
Я пойду с поклонами
По светлой по светлице,
По полу тесовому.
Уж я выйду, девица,
На мосты калиновы,
Со мостов калиновых
На частую лесенку,

л. 272

²⁸ *Которжливое* — ругательное от *котора* — ссора. *Которжліво слово* — укор, ругань.

«Как жила я, девица,
У родного батюшка,
Не слыхала, девица,
Слова которжливого». (Из причитания невесты). —

Романов. Словарь.

²⁹ *Поспешливое* — торопящее. — *А. В.*

По частой лесенке
На широку улицу». ³⁰

³⁰ *Вариант* (из главы 4 «Плач рабыни», л. 231—233):

Я спала да лежала,
Темную ночь коротала,
Пуховую постельку
Камешком пролежала,
Пуховую подушечку
Во слезах потопила,
Одеяльце цветное
В ноги занижала.
Не могла дожидатися
От белой лебедушки,
От родимой матушки
Я побуду раннего.
Приходила матушка,
Левой ручкой будила,
Правой приокутала:
— По грехам что сдеется,
По грехам доспеетса.
Не могла дожидатися
У схожего солнышка,
Родимого батюшка
Слова которжливого,
Слова поспешливого.
Не могла дожидатися,
Не могла доглядитиса.
Это что за честь пришла,
Что за негованьице? (Негованьице — то же, что и нега).
Уж я знаю, девица,
Глупа сдогадаласа:
Жалуют и милуют
Жальбой недоброю,
Чужой дальней стороной.

Ни в чем так ярко не выражены следы работоторговли, как в свадебных причитаниях усянской невесты, вышедших уже из упо//требления, но еще сохранявшихся в памяти некоторых старух вплоть до начала 30-х годов настоящего века. Нигде они не сохранились так полно, как в верхнем течении реки Устьи.

Неизбывная тоска, отчаянные рыдания проданных в рабство «девок славянских» явственно и живо звенят в этих причитаниях. Только имея в виду это их происхождение, можно понять, почему так много тоски, так много ужаса заключено в свадебных причитаниях. Самый ритуал причитаний полон дикого, безумного ужаса и трагизма. Невеста при каждой законченной мысли «ухает» и, заломивши руки над головой, со всего размаха падает на пол или на землю. Картина до того полна пережитками древнего ужаса перед рабской долей, что окружающие невесту женщины и девицы плачут и воют навзрыд.

Невеста умывается, молится перед иконами и идет на улицу.
На улице продолжает:

«На широкой улице
Заря разгорается,
Солнце поднимается.
Травушка зеленая
Под росой сгибается.
Поют птички пташечки,
Поют заливаются.
А у меня, красной девицы,
На ретивом на сердце
Тоска поднимается.
Ты прости-ко, улочка,
Чистая, широкая,

Перед глазами сами собой воскресают древние времена. Дремучие дебри. Бескрайние «поля» степей, перерезанные перелесками.

Укрепленные небольшие «городища», вместо обычных для нас деревень. Жители их отрезаны от остального мира и бездорожицей, и всеми опасностями диких дебрей и дикого «поля», где наибольшая опасность грозила не от хищных зверей, не от зыбучих болот, а от «чужого чуженина», чужеродного человека. Деревушки связаны были с остальным миром только через посредство бродячих дружин, — полукупцов, полуразбойников. Как ни опасно было иметь с ними дело, эти неустрашимые бродяги были необходимы. Они везли железо из Скандинавии, паволоки и узорочье из Византии, краски, вино и т. д. также имелись в составе их товаров. В обмен они брали меха, воск, коней и живой товар, главным образом девиц. //

Перед приездом этих купцов не одна девушка глухих славянских деревень ждала на свою голову самого великого несчастья, какое только могло случиться, — продажи в неволю.

По причитаниям можно довольно полно реставрировать всю картину продажи девицы в неволю. Представим себе глухую деревушку на берегу лесной речки, окруженную неширокими полями и безграничными лесами. Кругом она обнесена земляным валом и деревянным тыном. Сохранился еще родовой уклад, или по крайней мере его пережитки, выразившиеся в общности некоторых хозяйственных угодий и даже построек, а также в большой власти родовладыки, которого все называют «батюшке».

Перед приходом бродячих купцов («руси») старшины рода соображают, что можно променять им на необходимые для хозяйства вещи.

При недостатке мехов, воска, коней и других ходких товаров, остается один ресурс — продать несколько «девок». Это наиболее ходкий товар и всегда под руками. От намеченных жертв стараются скрыть роковое решение. Но отношение к ним невольно изменяется, их начинают лучше кормить, меньше заставляют работать. Не только жалость, но и коммерческий расчет играет при этом большую роль. Чем упитаннее и красивее будет товар, тем большую цену за него дадут.

По необычайной доброте родителей, или родовладык, жертва догадывается о ждущей ее участи. Она начинает тосковать. По ночам одолевают ее недобрые предчувствия.

Ты прости, селеньице,
Домики веселые,
Садики зеленые.
Вы простите, милые
Любушки-подруженьки,
Все соседи ближние,
Да все люди добрые.
Вы простите, пташечки,
Пташечки веселые.
Вы простите, цветики,
Цветики лазоревы. //
Ведь на той-там стороне
Солнышко горячее,
Морюшко зыбучее,
Люди не жалостливы,
Боги не милостливы.
Не поют там пташечки,
Не цветут там цветики,
Лишь крапива жгучая,
Да осоть колючая
У схожего солнышка,
Родимого батюшка,
Я спала да нежилась
До обеда позднего.
Я не знала, девица,
Во которой стороне
Белый свет светается,
Заря занимается,
Всходит красно солнышко,
А на той-там стороне,
У чужа-чуженина
У лихой свекровушки,
Надо встать ранехонько,
Работать скорехонько.
Лихая свекровушка
Ходит по-туриному,
Смотрит по-звериному,
Говорит загадками,
Злыми все наветками.
Тут узнаю, девица,
Во которой стороне
Белый свет светается,
Заря занимается».³¹

³¹ По записям со слов Офимьи Рогачевой (д. Кырканда), Устина Михайловича Попова (д. Луцово), Ильи Константиновича Буторина (д. Алферовская).

Наиболее разнообразны и богаты вариантами вечерние причитания. Как только начинало смеркаться, невеста накрывала лицо // платком и первым долгом обращалась к матери:

л. 274

«Сегодня у Господа
Вечер вечеряется,
Заря занимается.
А у меня, у девицы,
На ретивом на сердце
Тоска поднимается.
Жалкая, желанная,
Моя родная матушка.
Отпусти ты, матушка,
Меня, красну девицу,
На широку улицу,
Походить по улочке,
Попрощаться с местичком,
Навеку не впервые,
В девушках впоследствии».

Получив разрешение, она идет на улицу, где ее ожидают уже девицы. С ними вместе она ходит по деревне, кланяется и причитает:

«Сегодня у Господа
Вечер вечеряется,
Солнце закатается.
За закатным солнышком
Заря занимается,
У меня, у девицы,
На ретивом на сердце
Тоска поднимается.
Пойду-выйду, девица,
По полу пиленому
Под полать брусовую,
Во двери стеклянные,
На моста калиновы,
Со мостов калиновых
На частую лесенку,
Со частые лесенки
На раскатну улочку. //
Ступлю я легонько,
Поклонюсь низехонько
Во все четыре стороны,
Всему свету белому,
Да всем людям добрым.
Как на нашей стороне
Сколь баско да хорошо:
Рощицы зеленые,

л. 275

Мяндачи сосновые,
Поля наши низкие,
Они не каменистые.
Расут хлеба едреные,
Жита колосистые да
Овсы брунистые.
Вокруг наших полюшек
Огороды частые,
Перевицы красные,
Кольшки точеные,
Жерди золоченые.
Как на нашей стороне
Колокола бамкают,
А на той-там стороне,
Вишь, вороны каркают.
Там леса дремучие.
Болота зыбучие,
Реки порожистые,
Горы каменистые.
Там пески сыпучие,
Солнышко горючее,
Пожни пеньеватые,
Сена ломоватые.
Там поля гористые,
Сами каменистые,
Хлеба неедреные,
Луга незеленые,
Жита неколосистые,
Овсы небрунистые. //
Растет крапива жгучая,
Да осоть колючая,
Изожгет да исколет
Мои нежны рученьки».³²

л. 276

³² *Вариант* (из главы 4 «Плач рабыни», л. 234—240):

В тоске и ожидании рокового исхода изнывает она с этого времени.
Особенно усиливается ее тоска по вечерам. //

«Сегодня у господ, — плачет она, —
Вечер вечеряется,
Солнце закатается.
У меня, у девицы,
На ретивом на сердце
Тоска поднимается».

С тяжелой тоской ходит она по родной деревне, плачет и прощается со всеми ее уголками и закоулками, ставшими теперь бесконечно милыми, незабываемыми. Горько вспоминает минувшие дни:

«Как жила я девица,
Жила красовалася

Просит девиц:

«Пожалейте, девушки,
Меня, красну девицу,
Приутеште, любушки,
Тоску мою лютую,
Да печаль великую
Своей девьей песенкой,
Навеку не впервые,
В девушках впоследние».

У схожего солнышка,
Родимого батюшка».

Она знает, что в неволе предстоит ей тяжелая работа, бессонные ночи за работой, всяческие издевательства. Все, что лежит в будущем, рисуется в самых мрачных красках:

«Там леса дремучие,
Болота зыбучие,
Грязи там вязучие
Да пески сыпучие,
Реки порожистые,
Горы каменистые,
Солнышко горячее,
Морюшко зыбучее».

Сравнивает людей и богов своей деревни, таких знакомых и милых, с людьми и богами чужой стороны:

«Как на нашей стороне
Люди жалостливые,
Боги милостливые,
А на той-там стороне
Боги немилостливы,
Люди нежалостливы. //
Там не придет мамушка,
Не пошлет с работушки,
Придет там чуж-чуженин
С плеточкой шелковой».

Сравнивает природу и условия работы дома и на чужой стороне:

«Как на нашей стороне
Рощицы садовые,
Мяндачи сосновые,
Поля наши чистые,
Хлеба колосистые,
Поженки зеленые,
Цветики лазоревы.
А на той-там стороне
Пожни камневатые,

По этой просьбе девицы поют тягучие печальные песни о тяжелой доле замужней женщины. Репертуар этих песен довольно богат. Привожу их дальше отдельным параграфом.

Сена ломоватые.
Там поля гористые,
Сами каменистые.
Растет крапива жгучая
Да осоть колючая,
Изожгет да исколет
Мои нежны рученьки».

Пробует она уговорить родителей не продавать ее в неволю:

«Мое схоже солнышко,
Мой родимый татенька,
Бог судья те, татенька!
Избываешь, татенька,
Меня, красну девицу,
От села, со города,
Как лихого ворога.
Бог судья те, татенька!
Уж как не дал, татенька,
Мне зрости да вырости.
У меня у девицы //
Ручки-ножки тоненьки
В плечах сила легонька».

Видя непреклонность отца, обращается к матери:

«Жалкая, желанная,
Моя родная матушка,
Ты сыми-ко, матушка,
С родимого батюшки
Всю-ту волю-большину,
Со меня со девицы
Всю печаль-кручинушку».

Бывали попытки избежать рабства бегством, уходом из дома. В причитаниях встречается описание блужданий девицы, которая ушла из дома «во чистое полюшко». Там лежали «три пути-дороженьки». Пошла она по первой дороге, но вскоре сообразила, что эта дорога ведет ее как раз навстречу работорговцам. Пошла по второй, но оказалось, что она ведет в самую глушь лесов и болот. По ней рыскали «звери лютые», от которых у девицы не было никакой защиты, никакого оружия.

«Тут пошла я девица
Ко синему морюшку.
На синем на морюшке
Стадо уток плавает.
Вдоль синего морюшка,
По крутому бережку

От девиц невеста возвращается домой и обращается к матери:

«Посмотри, послушай-ко,
Моя родная матушка,
На любушек-голубушек.
Сколь им жить-то весело,
Распевать, беседовать,
Да говорить, советовать.
Как на их, голубушках,
Все наряды цветные
[Как цветы цветут] да светуют.
А на мне, на девице,
Призатускло платьице,
Призавяля красота».

Молодец похаживат,
Молодец похаживат,
Да тугой лук натягиват.
Простонала стрелонька,
Стрелонька каленая,
Угодила стрелонька
В белую березоньку
Над моей головушкой. //
Побежала девица
От синего морюшка.
Увидала девица
Стоит банька утхляя
Углы обвалилися,
Окна покосилися.
Отворила девица
Эту баньку утхлую.
Увидала девица
Шамшуру-кикимору.
У ее глаза змеинные
Когти-ге зверинные,
Испужалась девица,
Двери призахлопнула».

После этих приключений беглянка возвращается домой. В самом деле, куда было убежать в те времена? Кругом леса да болота. Дикие звери и не менее дикие люди. Люди еще страшнее зверей. Одинокого беглеца — особенно женщину, — не стоящего под покровительством своего рода, «изгоя», всякий мог взять в рабство или убить безнаказанно. Страшнее же всего были сонмы злых духов, обитавших везде — в реках, лесах, камнях, болотах. Беглеца, неограждаемого своими родовыми богами, они могли замучить, убить, высосать кровь или увести в свой таинственный жуткий мир.

Оставалась одна дорога к избавлению — смерть. Но самоубийца, как и беглец, лишался покровительства своих богов, отлучался от своего рода, не мог после смерти попасть в обиталище своих умерших сородичей и предков. После смерти он должен // был вечно блуждать, преследуемый

Обращается к отцу:

л. 277

«Мое схоже солнышко,
Мой родимый батюшке,
Бог судья те, татенька,
Избываешь, татенька,
Меня, красну девицу,
Со двора, со города, //
Как лихого ворога.
Скоро вы избудете,
А долго не забудете.
Бог судья те, татенька.
Уж как не дал, татенька,
Мне взрости да вырасти,
Да с умом собратися.
У меня, у девицы,

злыми духами. Другое дело, если бы смерть последовала или в бою, или в качестве жертвы родовым богам, от руки своей родни. Поэтому девица просит отца:

«Ты сходи-ко, татенька,
К кузнецу во кузницу.
Уж ты скуй-ко, татенька,
Три сабельки вострые
Да три ножа булатные.
Отруби мне, татенька,
С плеч головку буйную.
Уж ты брось-ко, татенька,
Мою буйну голову
Да мое тело белое
Во синее морюшко,
Морюшко глубокое».

До последнего дня она волнуется, умоляет богов помешать продаже ее в рабство, наблюдает: за несчастными и счастливыми приметам. При счастливых приметах радуется и обольщается надеждой:

«Прилетела пташечка
Со чужие стороны.
Села птичка-пташечка
Под кутно окошечко,
К моей дивьей красоте.
Мне сказала пташечка:
— Ты не плачь-ко, любушка,
Не тужи, голубушка!
В чужой дальней стороне
Все-те люди примерли,
Все они преставились,
На тот свет отправились».

Ручки-ножки тоненьки,
В плечах сила легонька».

Снова обращается к матери:

«Жалкая, желанная,
Моя родная матушка,
Ты сыми-ко, матушка,
С родимого батюшка

Но вот является другая, недобрая примета: //

«Вдруг, за этой пташечкой
Прилетел сизой орел.
Уж как сел сизой орел
На окно косельчато.
Мне сказал сизой орел:
— Ты поплачь-ко, любушка,
Потужи, голубушка,
В чужой дальней стороне
Кони изналажены,
Сабельки наточены,
Копья заторочены.
Чары пьют прощальные.
Только сесть да ехати
В дальний путь-дороженьку».

Она молится своим богам:

«Заломите бурами,
Черными колодами
Все пути дороженьки
С черной дальней стороны.
Чужого чуженина
Силу-рать великую
Во пути запутайте,
Пались бы, попались бы
Чужие чуженины
На зверя рыскучего,
Зверя поскакучего,
Да на медведя лютого».

Но вот прошел слух, что шайка бродячих торговцев уже приближается, что она ведет торг по соседним деревушкам-градкам. Девушка в ужасе. Стихи ярко передают это: //

«Испужалось у меня
Да ретивое сердчко.
Подломились у меня.
Да по колен резвы ноги.
Отвалились у меня
Да по кистям белы руки».

[Сыми-]ту вольку-большинку,
А с меня, со девицы,
Всю печаль великую.
Откажи-ко, мамушка,
Чужому чуженину
На чужую сторону».³³

В праздничные дни невеста причитает почти целый день, чередуя причитания с песнями подруг. В этих причитаниях всего больше выливается личного, авторского. Они очень разнообразны и приводят их все нет возможности. Привожу одно причитание невесты, выходявшей за человека, любившего выпивать и играть в карты, что она хорошо знала. Нужно сказать, что действительность оправдала ее опасения, выраженные в причетах, и ей пришлось разойтись с мужем.

л. 278

«Сегодня у Господа
Воскресенье светлое,
Всех людей просветило,
Меня одну прослезило. //
Похожу, погуляю
У схожего солнышка,
У родного батюшка
По светлой по светлице,
По высокой горнице.
Уж как наша светлица
В темном лесе рублена,
Да на конях вожена,
Вниз по Устье плавлена,
К бережку представлена,
На красу поставлена.
Мимо нашей светлицы
Ходят люди добрые,
Люди все хорошие,
Ко ранней заутрене,
Ко денной обеденке,
Ко поздней вечеренке.
А во дальней стороне
У чужа-чуженина
Во чистом во полюшке
Стоит домишко старое,
Углы обвалилися,
Окна покосилися.
У чужа-чуженина

³³ Составлено по записям со слов Ал. Ст. Паршинского (д. Алферовская), Устина М<ихайловича> Попова (д. Лушово), Офимьи Рогачевой и Елизаветы Дм<итреевны> Рогачевой (д. Кырканда).

Из скота-живиньца
Лишь петух да курица,
Из добра-иминьца
Только крест да пугвица,
А из хлеба-обили
Сухаришек ситеве.³⁴
Сам охоч чуж-чуженин
В карточки поигрывать,
Картами похлапывать,
Серебром побрякивать.
Он охоч, чуж-чуженин, //
Рюмочкой постукивать,
Пьяным напиватися,
Во грязи валятися.
Настуюсь я, девица,
У кабака на лесенке
И насплюсь я, девица,
Во дворе под еслями,
Навижусь я, девица,
На белом на личике
Синевиц-подглазениц.³⁵
Тут я вспомню, девица,
Тебя, схожее солнышко,
Родимого батюшку,
Не добром, не спасибом,
А укорой горькою.
Тут я вспомню, девица,
Тебя, родиму мамушку,
Что умела вырастить,
Не умела выдати.
Остаешься, татенька,
Ты старым-старшенек,
Да худым-худешенек.
Доживешь ты, татенька,
До весны до красные.
После весны красные
Будет лето теплое.
И пойдешь ты, татенька,
Вверх по Усье-матушке
На ту речку Кизиму.
Придешь, сядешь, татенька,
К шалашу тесовому
Над рекой над Кизимой,
На крутом угорышке.
Посидишь-послушаешь,

л. 279

³⁴ Корзина, из которой сеют хлеб.

³⁵ Синяков от побоев.

Посидишь-подумаешь: //
 — Страшно мне приняться
 Тяжеленько взятыся
 За косу точеную
 А была бы девица,
 Все бы дело сделала:
 Подкосила травоньку,
 Нагрела зародки.³⁶
 Скукует кукушечка
 На березке беленькой,
 За речкой за Кизимой.
 Это не кукушечка,
 Это я — горюшечка».³⁷

IV. Песни о женской доле

Эти песни часто поются на свадьбе, не только девицами, но и женщинами, участницами свадебных церемоний.

1

Было непошто³⁸ с дому торопиться.
 Жить у татеньки в домике хорошо.
 В чужих людях рано будят,
 На работушку гонят до зари.
 Мне чужая работа не по силе,
 С той работушки рученьки болят.
 Болят ручки, ноют мои плечи,
 Со здыханьца белая грудь болит.
 Сердце бьется, к печали предается:
 Кого любила, того мне стало жаль.
 Жаль тошнехонько своего милого,
 Жаль Иванушка, парня-сокола. //
 Куда же он скрылся, соколик, удалился
 На все лето, милый, от меня?
 На все лето, да на всю зиму,
 На весь кругленький, милый, на годок.
 На прощаньице миленький оставил
 С руки перстень, золото кольцо.
 Золотое-то колечико литое
 Он для памяти мне-ка подарил.
 Днем на рученьке колечико носила,
 К ночи в головы клала я его,
 По утру я раннешенько вставала,

³⁶ *Зароды* — стога.

³⁷ Со слов Пелагеи К. Буториной (д. Алферовская).

³⁸ *Непошто* — незачем. — А. В.

Улевалась горячими слезьми.
Потому я уливалась-уплакалась,
Что желанного видела во сне.
Две пуховые ноченькой подушки
Потопила я, девушка, в слезах.
Одеяльце легкое цветное,
Ох, да не согрело белые груди.
Потому же оно ведь не согрело,
Что без милого друга спать легла.
За окошечко, девушка, взглянула,
Вижу, едет мой милый на коне.
Едет, едет мой миленький, желанный
Во высоком верховом седле.
Во деревенку миленький заехал,
Он в гармошажку баско заиграл.
— Ты играй-ко играй, моя гармошка,
Да слушай, милая, хорошая моя!³⁹

2

Девья воля дорогая,
А бабья воля не такая.
Сейчас куда волюшка
Девалась, да куда потерялась? //
А на родимой на сторонке
Воля жить осталась.
Завела меня воля во неволю,
А из неволи да во худую славу.
Худая-та слава мне, девушке, надоела,
А гулять-то воля со милым не велела.
У нас с миленьким была любовь большая,
А разлука очень тяжела.⁴⁰

л. 282

3

На родимой на стороншке не болит сердечико,
На чужой-дальней стороншке растужилося.
У родимого у батюшки работа легка.
У родимой у матушки погулять вольно.
Я гуляла день до вечера, до белой зари,
До белой зари, до утренней.
По утру поздным-позднешенько будит матушка:
— Ты вставай-ко, дочка милая. Обедать пора.
— Обожди, моя родимая, дай еще поспать.

³⁹ Записано в д. Кырканда.

⁴⁰ Записано в д. Кырканда.

— Неровно-то взамуж выйдется,
Неровен-то муж достанется,
Либо вор, а либо пьяница,
Век промашься.
На чужой дальней сторонушке
Будит свекровушка,
Во потемочках будит, да ругается,
Над сонливой над молодой насмехается:
— Ты вставай, вставай, молодушка,
Работать надо давно.
Ты работай-ко, молодушка, да не постаивай,
На родимую сторонку да не поглядывай,
Про своих да про родимых не выспрашивай.⁴¹

4

л. 283

Горе мое да гореваньце,
Наперед меня горе родилось. //
Родилось горе в субботу,
А уж как я, молода, в воскресенье.
Отдает меня сударь-батюшко взамуж,
Да за такого же гада за урода.
Уж и худ же он, гад, да некорыстен,
А к тому же он, гад, да испивает,
На цареву на кружалище ходит,
С кабака поздно вечером прибродит.
Он разуться, раздеться сам не может,
Раздевать его надо, дурака.
За сапог я берусь, млада, за правой,
Он пинает во белое лицо.⁴²

5

Спородила меня матушка
На закате красна солнышка,
На исходе светла месяца.
Как вспоил да вскормил татенька,
Отдавала взамуж маменька.
Как у нашего у татеньки
Семь полей пшены засеяно.
Как у нашей-то у маменьки
Три нас дочери хорошие,
Все три дочки запросватаны:
Перва доченька за барина,
А другая за татарина,

⁴¹ Синицкая Марфа Антоновна, 60 лет, д. Куриловская. — *В. Щ.*

⁴² Записано в д. Кырканда.

Третья дочка за крестьянина.
Отдавала меня мамушка
За сто верст, за всю за тысячу,
За три церкви за соборные,
За три звонь колокольные.
Не велела мне-ка мамушка
Почасту гостить, проведывать,
В семь годочиков одинова.
Я в недельку стосковалася,
На другую сгоревалася. //
Как на третью на неделюшну
Не пилося и не елося,
К мамке в гости захотелося.
Уж я выйду, молодешенька,
На высокое крылечико.
Попрошу а, молодешенька,
Да у птички-пташки крылышки.
Полечу я, молодешенька,
Во сырой во бор, на дерево.
Ты скрипи, скрипи, деревцо,
Слушай, мамушка родимая.
Не твое ли чадо молится,
Восковая свечка топится?
Она в гости к мамке просится.⁴³

л. 284

6

Я по сеням шла,
По новым сеням, решетчатым,
Призаврав полы у куньи шубоньки,
Чтобы шубонька не прошумливалала,
Чтобы петельки не промолвили,
Чтобы пуговки не пробрякнули,
Чтобы не учул мой лютый свекор,
Чтобы не сказал он своему сыну,
Своему сыну, да моему мужу.
Ежеден он пьет, вовсе пьян живет,
Уж он бьет свою жену по белу лицу,
По белу лицу за безделицу.⁴⁴

Первые две песни поются чаще других. Последние четыре уже мало кто помнит, дальше я помещаю песни более нового происхождения.

⁴³ Рогачева Елизавета Дмитриевна, записано в д. Кырканда, 1926 г.

⁴⁴ Попов Устин Михайлович, д. Лушево, брат Кошелевой Евд<окии> Мих<айловны>, свекр сестры Романова М. И. Манефы Ивановны, в замужестве Поповой. — В. III.

7

л. 285

Стоит верба над рекой,
 Вся она увешена.
 Я у татеньки, у маменьки
 Жила не испотешена. //
 Тешат, тешат молодую
 На семнадцатом году.
 Уж хоть тешьте, хоть не тешьте,
 Самоходочкой уйду.
 Татеньке без сватанья,
 Мамоньке без страданья,
 Красным девушкам без слез,
 Меня миленький увез.⁴⁵

8

Случилась беда-несчастье,
 От купца дочка ушла.
 Отец с матерью дочери хватились,
 Все улочки изошли,
 Своей дочки не нашли,
 Ко племянникам зашли:
 — Вы, племяннички родные,
 Не слыхали ли сестры?
 — Не плачь, наш дядюшка родной,
 Не пропала твоя дочь,
 Не пропала, на руки попала,
 Как во самую вчерашнюю полночь.
 На Кокшеньге на реке, на бережочке,
 Стоит церковь Спаса на красе.
 Тут венчалась твоя дочка.
 Она венчалась и обручалась,
 Слезно плакала, рыдала.
 Не за барина она попала,
 Не за барина, не за купца,
 А за крестьянина парня-молодца.⁴⁶

В последних выступает просыпающаяся воля женщины к самостоятельности, резкий протест против сложившегося веками рабского, безответного положения.

Если свадьба совершалась по любви и по желанию брачующихся, то многие из приведенных выше причетов выбрасывались л. 286 и, вообще, // наблюдалось стремление сократить древний ритуал

⁴⁵ Записано в д. Кырканда.

⁴⁶ Синицкая Марфа Антоновна, 60 лет, д. Куриловская. — В. Щ.

до минимума. Песни на свадьбе тоже подбирали более жизнерадостные. Из старинных этого рода песен можно привести только одну.

9

«Как у ключика, да у гремучего,
У колодчика да у дубового,
У свежи воды да у ключевые
Там стоял ин белый шагречек,
Белый шатричек, полотняненький.
А уж у того ли ключика гремучего
Добрый молодец, да он коня поил.
Красна девица да воду черпала.
Она черпала да низко кланялась.
Прилетали голубь со голубкою.
Они испив воды да прочь
Отлетели далекошенько во чисто поле,
В раздольице во широкое.
Садилась они да во одно гнездо,
Оне ножками да соплетались,
Крылышками да сомахались,
Мюсочками да соклевались,
Одну-ту они думушку думали.
Дивья тому, кто мил кому
Неболوزه⁴⁷ тому, что не мил никому».⁴⁸

Причитания невесты по различным частным случаям

1

К умершей матери.
Если мать похоронена недалеко, причитания происходят на могиле. //

«В забятях позабыла,
Во горе покинула
Белую лебедушку,
Родимую мамушку,
На погостах боевых.
Уж ты дунь, буен ветер,
Из-за лесу темного
На погосты буевы.

л. 287

⁴⁷ *Неболوزه* — нехорошо.

⁴⁸ Кошелева Мария Федоровна, д. Кырканда, внучка Кошелевой Евд<о-кии> Мих<айловны>, со слов своей бабки.

Уж ты сдунь, буен ветер,
 Со святы могилушки
 Родимые матушки
 Желтые песочки,
 Легки камешечики.
 Уж ты, мать сыра земля,
 Расколись да разомкнись.
 Приоткройся, гробова доска.
 Уж ты сдунь, буен ветер,
 Легко покрывальшко
 Со белого личика
 Родимой матушки.
 Подымись-ко, матушка,
 Свои очи ясные,
 Свои брови черные,
 Уж ты встань-ко, матушка,
 На резвые ноженьки.
 Ты пойдём-ко, мамушка,
 Со мной во товарищи.
 Что у нас-то диется,
 Что ведь совершается,
 У схожего солнышка,
 Родимого батюшка,
 Скоро думка думается,
 Скоро и кончается
 Для меня, для девицы
 Горе начинается. //
 Слава, слава Господу
 Да Царю Небесному,
 Созвала я скликала
 Белую лебедушку,
 Родимую матушку.
 Чу, идет ведь матушка
 Со погоста буева.
 Лапоточки скрипают,
 Бадажок чувьркает.
 На крыльцо сдымается,
 За кольцо имається».

Если причеты происходили на улице, невеста делает вид, что она ведет кого-то с улицы в избу.

«Поведу я, девица,
 Свою родну мамушку
 На частую лесенку,
 Со частые лесенки
 На красно крылечико,
 Со красна крылечика
 На моста калиновы,

Со мостов калиновых
Во светлую светлицу,
Во высокоу горницу.
Иду не по-старому,
Стукаю не по-прежнему,
Со стуканьем, с бряканьем,
С причитаньем-плаканьем.
Садись-ко ты, матушка,
На бросову лавочку.
Приустали у тебя
По колен резвы ноги.
Ты возьми-ко, матушка,
По правую рученьку
Родимого батюшка. //
Ты сыми-ко с батюшки
Всю-ту волю-большину,
А с меня, со девицы,
Всю печаль великую».

л. 289

После небольшой паузы, как бы одумавшись, она всплескивает руками и причитает:

«Уж я глупа девица,
Глупа сдогадалася:
Со тое-там стороны
Не выходят выходцы,
Не выносят весточки».⁴⁹

2

К умершему отцу:

«Уж ты дунь, буен ветер,
Со всех четырех сторон
На погосты буевы.
Уж ты сдунь, буен ветер,
Со святы могилушки
Родимого батюшка
Желтые песочки,
Легки камешечики.
Расколись ты, гробова доска.
Уж ты сдунь, буен ветер,
Легки полотеньшки
Со белого личика,
Со схожего солнышка,

⁴⁹ Рогачева Елизавета Дмитриевна, д. Кырканда, со слов своей матери.

Родимого батюшка.
Подыми ты, батюшке,
Свои очи ясные.
Уж ты встань, мой батюшке,
Приди к красной девице, //
Дай благословеньице
На чужую сторону,
Ко чужу-чуженину,
Слава, слава Господу,
Да Христу Небесному.
Созвала я скликала
Схожего солнышка,
Родимого батюшка
Со погоста буева.
Чу, идет мой батюшке,
Легки травки шелестят,
Камешечки скрипают,
Бадажек чувыркает,
Несет благословеньице
Мне-ка красной девице». ⁵⁰

Делает вид, что ведет отца в избу, садит на лавку, кланяется ему в ноги:

«Садись ты, батюшко,
На брусову лавочку
По правую рученьку».

Кланяется матери:

«А ты, родна матушка,
По левую рученьку».

Садится сама между матерью и воображаемым отцом и просит:

«Посоветуй, татенька,
Моей родной матушке.
Откажи-ко, матушка,
Чужину-чуженину
На чужую сторону,
Вы съмите с девицы
Всю печаль великую». ⁵¹ //

⁵⁰ Обращается она ... «ко всей родне великой», кланяется ей, упрашивает ее не гнать ее «со села со города». Не находя жалости у живых, обращается к умершим, в первую очередь к матери, если ее нет в живых. Сначала кланяется земле и молится ветру, повелителю загробного мира: «Уж ты дунь, буен ветер...»

⁵¹ Офимья Рогачева, д. Кырканда.

Брату, находящемуся в солдатах:

«В забытье позабыла,
 Во горе покинула
 Осколочка ясного,
 Родимого братейка.
 На черной на стороне
 На службе на царской.
 Не знает, не ведает,
 Родимой мой братейко
 На чужой сторонущке,
 Что на нашей стороне
 Тучи собираются.
 Ко нашему городу
 Рати соезжаются,
 Отдают меня, девицу.
 Во полон полоньти,
 Родимого батюшку
 Во корень розорити.
 Чую, конь попрыскивает,
 Молодец похваляется.
 Едет добрый молодец,
 Мой родимый братейко
 На пиры, на братчины,
 На мой девий праздничек».⁵²

4

Когда начинают варить пиво.

«Это что же за диво,
 Что за дивованьце:
 У родного татеньки
 На широкой улице
 Огни загорелися,
 Вода закипелася,
 Пиво заварилось, //
 Ты скажи-ко, татенька,
 Что к какому праздничку,
 Разве ко христову дню
 Али ко Петрову дню?
 Уж я глупа, девица,
 Глупа сдогадалася,
 Что пива-та варятся

л. 292

⁵² Офимья Рогачева, д. Кырганда.

И вино-то курится
На пиры, на братчинки,
На веселы свадебки.
Попрошу я, девица,
Вышнего спасителя.
Уж ты дай нам, господи,
Тученьку грозовую,
Да дождя матерого.
Ты залей-ко, тученька,
На широкой улице
Родимого батюшки
Те огни великие.
Расколи-ко, стрелонька,
Стрелонька громовая,
Судно пиворарное».

5

Брату, отправляющемуся за женихом:

«Голубочик сизенький,
Соколочик ясенький,
Мой родной братейко,
Ты куда сряжаешься,
Куда снаряжаешься?
Глупа, глупа девица,
Глупа сдогадалася.
Это ты сряжаешься
На чужую сторону //
Ко чужу-чуженину.
Это снаряжаешься
По чужа-чуженина.
Помолюсь я Господу
Да Христу Небесному,
Что тебе бы, братейку,
Во дорожке спутаться,
Во лесах запутаться,
Во чистом во полюшке
Голова положите».⁵³

л. 293

Последняя баня невесты

Очень разнообразны причитания, связанные с последней баней невесты. В бане творятся приведенные раньше заклинания

⁵³ Последние причитания со слов Офимьи Рогачевой, Устина Михайловича Попова, Елизаветы Дмитриевны Рогачевой (со слов ее матери).

и магические манипуляции, имеющие целью оградить невесту от «уроков» и «призеров». Причеты начинаются после бани. Вернувшись домой из бани, невеста причитает:

«Спасибо, матушка,
За парную банюшку.
Истопила матушка
Парную банюшку,
Парную и неугарную.
Только за то не спасибо:
Не указала матушка
Мне пути-дороженьки
Во парную банюшку.
Пошла я, девица,
Пошла заблудилася.
И ушла я, девица,
Во чистое во полюшко. //
Во чистом во полюшке
Три пути-дороженьки.
Перва путь-дороженька
Во леса дремучие,
В болота зыбучие.
Другая дороженька
Ко синему морюшку.
Третья путь-дороженька
На чужую сторону
Ко чужу-чуженину.
Угодила девица
В ту ли путь-дороженьку
Ко чужу-чуженину
На чужую сторону.
И пришла я, девица,
Середь поля чистого
Стоит дворище старое.
У дворища старого
Углы обвалилися,
Окна покосилися.
По кирпичной середе
Ходит баба старая,
Ходит обрягается,
Меня дожидается.
Уж как тут я, девица,
Встала-призадумалась,
Назадь воротилася.
Тут пошла я, девица,
В другую дороженьку —
Во леса дремучие,
В болота зыбучие,
Во лесах дремучих

л. 294

л. 295

Я понаблудилася. //
В болотах зыбучих
Страсти насмотрелася.
От зверей могучих
На елях спасалася,
Со лесным хозяином
Девушка встречалася.
Тут я придумалась,
Назад воротилася.
Тут пошла я, девица,
Ко синему морюшку.
На синем на морюшке
Стадо уток плавает.
Вдоль синего морюшка
По крутому бережку
Молодец да похаживает.
Молодец похаживат
Да тугой лук натягиват.
Простонала стрелонька,
Стрелонька каленая,
Угодила стрелонька
В белую березоньку
Над моей головушкой.
Побежала девица
От синего морюшка.
Увидала девица,
Стоит банька утлая,
Углы обвалилися,
Окна поносилися.
Отворила девица
Эту баньку утлую.
Увидала девица
Шамшуру-кикимору.
У её глаза змеиные,
Когти-то зверинные. //
Испужалась девица,
Двери призахлопнула.
Тут сняла я, девица,
Со правые рученьки
Золото колечико.
Покатись, колечико,
Укажи дороженьку,
Покатилось кольчико
По лужку зеленому
По траве по шелковой.
Где колечко катится,
Тут дорожка кажется.
И пошла я, девица,
По этой дороженьке.

л. 296

И дошла я, девица,
До парные банюшки.
Наша парна банюшка
На красе поставлена,
На крутой угорышек».

Кланяется матери, сестре и другим родным:

«Тебе спасибо, мамушка,
За щелока едреные,
Да за шелка шелковые.
Тебе спасибо, татенька,
За мыла канфоровы.
Тебе спасибо, братейко,
За дрова сосновые.
Тебе спасибо, сестрица,
За воду ключевую.
Как зашла я, девица,
Во сени сосновые.
Во сенях сосновых
Есть три крюка медные.
На первый крюк повесила
Коснички-накоснички, //
Мелки наборочнички.
На другой крюк весила
Свои платочки белые,
На третьей крюк весила
Свое платье цветное.
Отпирала девушка
Во парную банюшку
Двери-те стеклянные.
Двери тут стеклянные,
Каменки хрустальные.
Три таза тут медные,
Три окна колодные.
На окно положила
Свое мыло цветное.
На другое клала я
Свои белила белые.
А на третье клала я
Свои румяна красные.
Уж я стала, девица,
Мыться-промыватися.
Уж я мылась, девица,
Мылась сберегалася:
Водой бы не сбутькати,
Тазом бы не брякнути,
Не репу жать бы девице
Шамшуры-кикиморы.

л. 297

Уж водой я сбилькала,
 Уж я тазом брякнула,
 Разбудила, девица,
 Шамшуру-кикимору
 Под полком поддубовым.
 Увидала Красота
 Шамшуру-кикимору
 На полке на дубовом: //
 Когти-те устарила,
 Да зубы-те оскалила,
 Испужалась Красота
 Шамшуры-кикиморы,
 Залетала Красота
 По парной по банюшке.⁵⁴
 Угодила Красота
 В дымное окошечко,
 Улетела Красота
 В дымное окошечко
 Через быстру реченьку,
 Через Устью матушку,
 За большу дороженьку,
 На белу березоньку,
 На саму вершиночку.
 Кричит-вопит Красота:
 — Спасибо, девица,
 Что в честе ты держала,
 Да в обиходе водила.⁵⁵
 А за то не спасибо,

⁵⁴ Духом-хранителем девицы в пределах своего рода была Красота, представлявшаяся в виде птицы. Вот откуда идут ласкательные имена — голубушка, ласточка, касаточка, лебедушка, а в финском фольклоре — уточка, курочка. Уходя из пределов рода, девица лишалась этого хранителя, так как Красота была родовым духом и в чужой род переходить не могла. Как только переступа//ла невольница за границу родной земли <...> По одним вариантам Красота топится в огненной реке, по другим — невольница передает ее своей младшей сестре (л. 249—250).

⁵⁵ Такое поведение личного духа вполне понятно. Рабыня — не член своего рода. Обряд «одерёни» отделил ее от своего рода, как дерно могилы отделяет мертвых от живых. Рабыня будет членом того рода, куда забросит ее судьба. В каждом роде имелись свои боги. Среди <н>их чуждому духу было и не могло быть места. В дороге, между границами родов, у Красоты имелся злобный враг — Шамшура-Кикимора. Мотивы — борьбы и нападений Шамшуры-Кикиморы на Красоту часто встречаются на старых полотенцах Устья и Кокшеньги. Красота обычно сидит на вершине дерева, а Шамшура-Кикимора, в образе тигра или кошки, с широкой пастью и длинным хвостом, стоит под деревом. На некоторых вышивках Красоту охраняет строй девиц с копиями в руках, а по ту и другую стороны дерева стоят женские фигуры в жреческих позах.

Что не сказала девица
Во парной во банюшке
Шамшуры-кикиморы.
Заростай, дороженька,
Во парную банюшку
Ельничком, березничком,
Мелким подорожничком.
Тут прошла я, девица,
Навеку не впервые,
В девушках впоследствии».

Кланяется сестре:

«Дай-ко мне-ка, сестрица,
Рыбной кости гребешок, //
Гребешочек частенький».

л. 299

Кланяется матери:

«Принеси-ко, мамонька,
Мне-ка платье цветное,
Мне-ка нарядиться,
Мне-ка набаситься».

Причесавшись и переодевшись в праздничное платье, невеста
ходит по избе и причитает:

«Похожу я, девица,
У схожего солнышка,
Родимого батюшка
По светлой по светлице,
По высокой горнице,
Навеку не впервые,
В девушках впоследствии.
Посмотрите на меня
Все вы, люди добрые,
Старые и малые.
Заводил мне батюшка
Платье разноцветное,
По деревне первое,
От людей отменное,
Лишь цветет да светает».

Кланяется отцу:

«Тебе спасибо, татенька,
Что умел ты, татенька,
Выпоить да выкормить,
Снарядить да набасить».

А за то не спасибо —
Не умел ты, татенька,
Добра места выбрати
У чужа-чуженина
На чужой стонушке.
На чужой на стороне
Там недоброй батюшка,
Там лихая матушка». //

л. 300 Заплетает косу и причитает:

«Уж ты, коса-косонька,
Девье красованьце.
Уж вы, косны-коснички,
Шелковые ленточки.
Покатайся, косонька,
С плечика на плечико
К ретиву сердечики.
Пролетел мой девий век,
Как весной большой водой,
Уплыл будто вешний лед.
У родного батюшки
Под красным окошечком
Садики сажённые,
Во садах во садиках
Распевают пташечки.
Я охоча, девица,
Во садах во садиках
Ходити да гуляти
Со шитьем со тканьцем,
С девьим красованьцем».

Если невеста отдается против ее воли, то прибавляется:

«Бог судья те, татенька!
Не хотел ты, татенька,
Мной подорожитися.
Отдаешь ты, татенька,
Меня, красну девицу,
Силою, неволею,
Большой неохотою.
Мне идти не хочется,
А воли снять да не приводится.
Если снять мне волюшку
С родимого батюшка,
Да с родимые матушки, //
Осудят люди добрые
Меня, красну девицу.
Ты сходи-ко, татенька,

л. 301

К кузнецу во кузницу.
Уж ты скуй-ко, татенька,
Три сабельки вострые,
Да три ножа булатные.
Отруби мне, татенька,
С плеч головку буйную.
Да уж ты брось-ко, татенька,
Мою буйну голову,
Да мое тело белое
Во синее морюшко,
В морюшко глубокое.
Лучше быть мне, девице,
В море утопленную,
Чем на свете жить,
Да за неровнею». ⁵⁶

«Поезд»

Свадебный «поезд» составляется из родственников жениха. Чем богаче и почетнее жених, тем многочисленнее и богаче «поезд».

Поезжане являются на верховых лошадях или в праздничных экипажах, — тарантасах или санях, — со множеством колокольцев под дугами.

В доме у жениха бывает небольшое угощение, носящее характер подкрепления в дорогу. Поезжане сидят при этом в верхней одежде, в полной дорожной готовности. Перед отправкой поется песня:

Как за тыном было тынышком,
За серебряной решеточкой,
Во дворе было по-за терему, //
Ходит добрый молодец, детинушка.
Он имает своего добра коня,
Он уздает его уздой серебряной,
Он седлает его черкасским седлом.
Да уж и кличет он громким голосом:
— Уж вы, братцы, мои товарищи,
Вы седлайте-ко своих добрых коней,
Вы точите-ко сабли вострые,
Вы поедем со мной во товарищи,

л. 302

⁵⁶ По записям со слов Офимьи Рогачевой, Парасковьи Буториной (д. Алферовская), Устина Михайловича Попова, Ал. Ст. Паршинского, Елизаветы Дмитриевны Рогачевой (со слов ее матери) и по записям учеников Кыркандской школы Ивана Абрамова и Михаила Шестакова.

Что во дальнюю ли путь-дороженьку,
В чужу-дальнюю сторонушку
По красну девицу, Анну Ивановну.⁵⁷

Начальник поезда, — из особо почетных родственников жениха, — называется «тысяцким». Специально для предотвращения всякого рода «порчи» и «уроков» от жениха и всего «поезда», несут «дружка» и «посаженный сватушке». «Дружкой» приглашался какой-либо знахарь.

Его обязанностью было шептание заговорных слов. «Тысяцкий» назывался также «большим боярином», а все остальные «поезжане», а в том числе и «князь» — жених, — носили звание «бояр». Звание тысяцкого в свадебном чине считалось, вообще, весьма почетным, значительно выше звания «князя». В этом сказалось, быть может, древнее новгородское понятие о высоком звании этого новгородского чина. Устьянские волости, до подчинения Москве, управлялись выборными тысяцкими.

«Поезд» мчался к деревне невесты со звоном колокольцев, с песнями, с криками, с ревом гармоний. У околицы деревни или у дома невесты его останавливали местные ребята и требовали «воротное». «Воротное» выплачивалось деньгами или водкой. Пока шли переговоры о размерах «воротного», к невесте собирались девушки со всей деревни.

Невеста причитала в это время: //

л. 303

«Я спала да лежала,
Темную ночь коротала,
Подушечку пуховую
Всю в слезах умочила.
Одеяло цветное
В ноги запинала.
Мне во сне приснилось,
Младе показалось:
Прилетела пташечка
Со чужие стороны.
Села птичка-пташечка
Под кутно окошечко
К моей дивьей красоте.
Мне сказала пташечка:
— Ты не плачь-ко, любушка,
Не тужи, голубушка.
В чужой дальней стороне
Все те люди примерли.
Все они представились,
На тот свет отправились.

⁵⁷ Свадебная опевальная. Исполнители не названы. — А. В.

Вдруг, за этой пташечкой
Прилетел сизой орел,
Уж как сел сизой орел
На окно косельчато.
Мне сказал сизой орел:
— Ты поплачь-ко, любушка,
Потужи, голубушка.
В чужой-дальней стороне
Кони изналажены,
Молодцы снаряжены,
Сабельки наточены,
Копья заторочены,
Чары пьют последние.
Только весть да ехати
В дальний путь-дороженьку». //

Кланяется иконам, каждой в отдельности:

л. 304

«Помолось я Господу,
Да Христу Небесному,
Спасу с Богородицей,
Да Егорью Храбромю,
Да Миколе Вешнему,
Да распятью честному,
Парасковье-Пятнице,
Да Илье громовому,
Да Казанской Матушке и т. д.
Заломите бурями,
Черными колодами
Все пути-дороженьки
В чужу-дальну сторону,
Чужака-чуженина
Силу-рать великую
Во пути запутайте.
Пались бы, попались бы
Чужие-чуженины
На зверя рыскачюго,
Зверя поскакучюго,
Да на медведя лютого».

Заслышав звон колокольчиков подъезжающего «поезда», не-
веста причитает:

«Испужалось у меня
Да ретивое сердчко.
Подломились у меня
Да по колен резвы ноги.
Отвалились у меня
Да по кистям белы руки».

Идет к окну и смотрит на улицу:

«Это что же сбилось,
 Что же это сдилось: //
 У схожего солнышка,
 Родимого батюшка,
 Во светлой во светлице
 Люди сбунтовалися
 В окна заметалися?
 Там, во чистом полюшке,
 Сила-рать наехала.
 Скачут кони борзые,
 Блещут сабли вострые.
 А по нашей реченьке
 Ходки лодки наплыли,
 Ровно гуси серые
 От синего морюшка.
 На широкой улице
 Все нашли-наехали,
 Все земли незнамые,
 Люди незнакомые,
 Сила-рать великая,
 Сила королевская».⁵⁸

Кланяется отцу:

«Мое схоже солнышко,
 Мой родимый батюшко,
 Ты приставь-ко, батюшко,
 К воротам воротничков,
 Да ко дверям придверничков,
 По за тыну тынщиков,
 По за валу лучников.
 Чужина-чуженина

⁵⁸ Тот же вариант находим в Очерке 4 в главе 3 «Торг» и следующий комментарий: «Варяги приближаются к городку. Стража на вышке бьет в деревянное било. Приближающиеся трубят в рога в знак того, что они не собираются нападать врасплох, а идут с добрыми намерениями. Вооруженные парламентары выходят с той и другой стороны. Население городка наблюдает за приближающимся отрядом с деревянной ограды и из окон высоких теремов. Страх, любопытство, ожидание покупок поднимают настроение у всех, кроме несчастных девушек, предназначенных к продаже». // И [комментарий] к концовке: «Между тем парламентары обеих сторон условились о порядке вступления в город. Гости дали слово не превращать торг в побоище. Стража ворот, „воротники“, взяла с них заложников. Обезоруженные заложники могут быть убиты, если вооруженные гости вздумают пустить в ход свое оружие. Пережитком этого является обычай брать залог, „воротное“, со свадебного „поезда“, при его въезде в деревню невесты» (л. 239—240).

Силу-рать великую
Отбивай от городу.
Заиграйте, трубоньки,
Трубоньки отбойные,
Заряжайте, братейка,
Пулями да порохом
Ружья зверобойные». ⁵⁹ //

«Поезжане» входят в избу. Невеста вскрикивает и плачет: л. 306

«Не успел мой батюшко
Ворот призатворити,
Дверей призахлопнути.
Не успели лучники
Легки стрелы выпустить,
Как нашла-наехала
Сила-рать великая,
Сила необорная.
Заиграли сабельки,
Сабельки булатные.
Застонали стрелоньки,
Стрелоньки каленые.
Алой кровью полита
Травонька зеленая.
Не в пиру-похмельице
На широкой улице
Улеглись-уكلалися
Братыца родимые.
Захватили вороги
Город-городищице,
Крепкое печищице,
Как схожего солнышка,
Родимого батюшка,
Во полон полонили.
Белую лебедушку,
Родимую матушку,
На век упокоили.
Соколочков ясненьких,
Моих родных братьицев,
Со города вышибли.
Меня, красну девицу,

⁵⁹ Последние слова, конечно, позднейшая модификация. В причитаниях вообще наблюдается большая путаница различнейших эпох, т.<ак> к.<ак> каждая «мастерица», инструктирующая невест в причетах, может вносить, и часто вносит, свое личное, авторское. Мною здесь берутся не целые причитания, а из многих вариантов, и беру самое архаичное. (Тот же вариант текста находим в Очерке 4 в главе 3 «Торг».)

Горькую, несчастную,
За себя получили.⁶⁰ //

л. 307 *«Вышибание» невесты*

При входе в избу поезжане стараются задержать разными вопросами и расспросами, как будто бы они и в самом деле явились из «земли незнамые». Иногда происходят состязания в загадывании и отгадывании загадок.

Невеста стоит за столом, в сутках, и причитает:

«Дайте мне-ка, девице,
Со раем протитися.
Ты прости, прости, мой рай,
Мой раек пресветленький!
А охоча была, девица,
Под красным окошечком
Сидеть да беседовать
С шитьицем со браньицем,
С девьим рукодельицем».

Гости, один за другим, садятся к одному концу стола и передвигаются по лавке к суткам, додвинувшись до невесты, они начинают ее «вышибать», т. е. понемногу вытеснять из-за стола. Невеста обращается к дружке и тысяцкому:

«Уж вы, дружка с тысяцким,
Со большим боярином,
Что вы меня гоните?
Я не в вашей горнице,
Не за вашим столиком.
Я не ваш хлеб кушаю
И не вас послушаю».

Обращается к матери:

«Ты, бела лебедушка,
Родимая матушка,
Допусти-ко, матушка,
До кирпичной, середь».

⁶⁰ По разным записям из д. Кырканда, Лушово, Алферове и Мехреньга. Тот же вариант текста находим в Очерке 4 в главе 3 «Торг» // и комментарий: «Но предназначенная девице судьба неотвратима. Страшные гости идут в дом отца. Бывали случаи, когда они захватывали деревню врасплох и грабили ее. О таком случае говорится и в причитаниях» (л. 241—242).

Мать отвечает:

л. 308

«Будет, будет, доченька.
Выходи, родимая».

Выходя из-за стола, невеста причитает:

«Видно здесь мне, девице,
Уж не место-местичко,
Мне-ка не жилищнице.
Отказал мне татенька
От села от города,
От веселой горенки.
Ты отдай мне, татенька,
За полетки денежки.
Белая лебедушка,
Родимая мамушка,
Дай хлеба отхожие».

Мать начинает собирать на стол. В первую очередь выносятся и ставятся стопкой на середину стола караваи. Тысяцкий ставит на стол вино в четвертях. Невеста смотрит на гостей и начинает их высмеивать:

«Посмотрю да погляжу:
Это что же за люди.
Из земли незнамые,
Люди незнакомые.
Чтобы вам, чуж-чужины,
В дорогах попутаться,
Во лесах запутаться.
Пасться бы вам, чужиним,
На медведя лютого,
На медведя черного.
Положить бы головы
Во чистом во полюшке. //
Не бывать бы чужинам
На нашей сторонушке.
Вишь, нашли-наехали
Наголо лапотники.
Тажелки-то⁶¹ смольные,
Пояски ременные,
Колпачки лесобные,
Рукавицы-вачеги.
Лапти все истоптаны
И веревки липовы.

л. 309

⁶¹ *Тяжелка* — рваная рабочая одежда.

Сидят чужи-чужины
 Как [с]ычи безгнездые,
 Сами загуменные.
 Ведь на вашей стороне
 Все леса дремучие,
 Болота зыбучие,
 Ходят звери лютые
 Под самыми окнами,
 У чужа-чуженина
 Стоит избище старое,
 Да дворище утлое.
 Из скота да живота
 Лишь петух да курица.
 Из посуды медные
 Только крест да пугвица,
 У избища старого
 Углы обвалилися,
 Окна покосилися.
 На печи в углу сидит
 Сам орлище старое.
 По брусowym лавочкам
 Сидят орлята малые,
 Сами соплеватые. //
 На кирпичной середе
 Тут орлиха старая,
 Старая, сердитая,
 Сажей вся замазана».

Невеста делает паузу и как бы начинает одумываться. После паузы продолжает:

«Ох-ти мне, да ох-ти мне,
 Ох-ти мне тошнехонько!
 А как за грех-то сдиется,
 По грехам доспиеется,
 Как я буду, девица,
 У тебя во светлице,
 Ты не ставь, чуж-чуженин,
 Мне-ка во причинушку,
 Не вороти кручинушку⁶²
 За слова досадные.
 Не сама я вздумала.
 Добры люди сложили,
 На веки уложили.
 Только что вы девицу
 Из поместья вышибли,

⁶² *Воротить кручину* — мстить.

Притеснили девицу
Ко печному столбику?
Мне куда деватися,
Куда притулитися?
Пойди я, девица,
На моста калиновы,
Со мостов калиновых
На красно крылечико,
Да на широку улочку.
Попойду тихохонько,
Да поклонюсь низехонько. //
Три недели прохожу.
Пойдем, девья красота,
Со мной во товарищи».

л. 311

Обращается к девицам:

«Вы пойдете, девицы,
Со мной во товарищи».

Невеста в сопровождении девиц выходит на улицу. На улице кланяется на все четыре стороны и причитает:

«Попойду я, девица,
По широкой улице.
Посмотрю я, девица,
Во все четыре стороны.
Как на нашей стороне
Сколь весело местичко,
Да сколь счастливо времичко.
Времичко часуется,
Счастьице минуется.
Как на нашей стороне
Люди жалостливые,
Боги милостливые.
А на той-там стороне
Люди не жалостливы,
Боги не милостливы.
Там не придет матушка,
Не пошлет с работушки.
Придет там чуж-чуженин
С плеточкой шелковою».

Обращается к девушкам:

«Вы пойдете, девицы,
Во высоки хоромы.
Сколько нам ни плаката,
Надо нам вернуться
Во светлую светлицу //

Ко схожему солнушку,
 Родимому батюшку.
 Уж как шла я, девица,
 Через речку огненну,
 Лежит жердка тоненька,
 Тоненька, сосновенька.
 Вперед пошла красота
 По той жердке тоненькой,
 Пошла, пошатнулася,
 Да в реку свалилася,
 Там и утопилася.
 Так во сне мне снилося,
 Так на деле сдиялось».

Стоит под окном своей избы и слушает:

«Чую за окошечком,
 Во светлой во светлице
 Все пиры да братчины,
 Все веселы празднички.
 Пропивают девицу
 На чужую сторону». ⁶³

«Вывод» невесты

Невеста с девушками идут в другую избу или в особую горенку той же избы, где происходит переодевание невесты. Девицы поют при этом одну из старых песен о женской доле. Наряженную невесту выводят к гостям две женщины, одна за одну руку, другая — за другую. Третья женщина несет поднос с «дарами». Если «даров» много, за ней еще идут с «дарами» на л. 313 подносах. // Подойдя к столу, все враз делают три поклона гостям. Невеста причитает:

«Здорово во тереме
 Вышжы Спаси-образы!
 Здорово во тереме,
 Посаженный тысяцкий,
 Сам великий боярин!
 Здорово во тереме,
 Посаженный сватушко!
 Здорово во тереме,
 Все сватъя да сватъюшки!

⁶³ По записям со слов Устина М. Попова, Офимьи Рогачевой, Елиз<аветы> Дм<итриевны> Рогачевой (со слов ее матери) и по записям учеников Кыркандской школы.

Здорово во тереме
По-за золоту столу
Все князи да бояра!
Здорово во тереме,
Дружка наша друженька,
Друженька хорошая!
К нашему-то татеньке
Налетели соколы,
Наезжали молодцы.
Навозили молодцы
Много пива пьяного,
Вина накуренного,
Много водки сладкие».

Дальше продолжает одна из женщин:

«Мы-то шли дорогою,
Шли приутомилися,
На пороге в горницу
Чуть не оступилися.
Поднесите, молодцы,
Нам хоть по стаканчику».

Гости подносят женщинам и невесте по стакану. Любящие вы//пить спутницы невесты новыми причетами выпрашивают по второй, третьей и т. д. чарке, приводя также доводы, что у человека две ноги, дом без троицы не строится, изба о четырех ногах и т. д. После четвертой или пятой рюмки начинается раздача «даров». Невеста причетами же, но поименно, вызывает каждого гостя и дарит ему что-либо: рубашку, полотенце, отрезы полотна, узорную поподольницу к нижней женской рубашке и т. д. Причета эти разнообразны и придумываются каждой невестой наперед, под руководством опытной старухи-причетницы. Приведу, для примера, два таких именных причета:

л. 314

1

«Подойди — подступи,
Алексей Иванович,
Ко мне, красной девице,
Не гнушайся, сватушко,
Моим рукодельцем,
Той рубашкой новою,
Новой кашемировой,
Простроченой, вышитой
Для тебя излаженной».

«Подойди — подступи,
 Ванюшка Ефимович,
 Ко мне, красной девице,
 У тебя, у молодца,
 Русы кудри чесаны,
 Бело лицо вымыто.
 Ты не погнушайся-ко
 Белым платом бранным,
 Шитым полотенышком,
 Вытирати досуха
 Свое лицо белое». //

л. 315 После раздачи даров одна из женщин поет или говорит скороговоркой:

«Как на вас, на молодцах,
 Сапоги козловые,
 Кафтаны суконные,
 Кушаки шелковые.
 Можно вам положить
 Серебром да золотом.
 Вы кладите девице
 Кто рубль, кто два,
 С тысяцкого полтора.
 Мы дарили полотном,
 А вы дарите золотом,
 А меди не кладите нам,
 Нам медь не годится,
 Тяжело с ней возится».

На поднос, поставленный на стол, первым кладет жених — гостинец и деньги, а за ним кладут деньги остальные. Невеста причитает:

«Не осудите за дары.
 У меня, у девицы,
 Земля неродимая,
 Льны не уродились,
 Натонко не прялися,
 Звонко не ткалися,
 Бело не белилися.
 У меня, у девицы,
 Родимые братъица
 В поле полевальнички,
 В лесе лесовальнички.
 Ходят они по лесам,
 По зыбучим болотам, //

Вот, они наловят вам
В лесу зверя разного:
Лис, куниц да соболей.
Мы тожно вам выплатим».

л. 316

Опять выступает одна из женщин:

«На вас, на молодцах,
Кафтаны синие,
Шапочки бобровые.
У вас, у молодцев,
Кони сторублевые,
Дуги золоченые,
Шлеи простроченые,
Серебром усажены.
Вам, хорошим молодцам,
Только сесть да ехати,
Нашу красну девицу
Подхватить да увезьти».

Отец невесты берет ее за руку и передает жениху. Девушки поют:

«Сдал-то, сдал-то батюшке
Со бумажных рученек
На железны пащолки⁶⁴
Чужому чуженину».

Одна из женщин опять просит:

«Навозили молодцы
Много пива пьяного,
Много водки сладкие.
Поднесите, молодцы,
По веселой чарочке».

Невеста разносит и подает всем по стакану пива или по рюмке водки. Последнему подносит жениху. Жених пьет и целует // ее. Невеста причитает:

л. 317

«Пристыдил чуж-чуженин
При отце при матери,
При родимых братицах,
При всей родне великой».

⁶⁴ Пащелки — кисти рук. — А. В.

Отходя от стола, продолжает:

«Недолго я стояла
Много я простояла:
Татеньку и мамоньку,
Всю родню великую,
Простояла девица
Свою девью красоту».

Передача красоты и обряд с сеном

Невеста уходит от гостей к девицам и там причитает:

«Допустите, любушки,
До брусовы лавочки.
У меня у девицы,
Приустали ноженьки,
Да отмахались рученьки.
Пристыдилось у меня
Мое лицо белое.
Уж вы дайте на очи
Белую лебедушку,
Родимую матушку».

Кланяется матери:

«Ты сыми-ко, матушка,
С души красны девицы,
С сердечного дитятка,
Мое платье цветное».

л. 318 Снимает платье. По свадебному ритуалу оно дарится кому-ли-
бо, обычно младшей сестре невесты. Эта процедура связана // с
передачей личного девичьего духа, красоты. Невеста спрашивает
и отвечает себе:

«Мне куда девать будет
Мое платье цветное,
С честной девьей красотой?
Уж отдам я, девица,
Его схожему солнышку,
Родимому батюшку.
Стар родимый батюшка,
Не ходит на гулянице.
Тоскливо будет красоте.
Нет, тут не место-местичко!
Уж отдам я, девица,
Белой лебедушке,

Моей родимой матушке.
Родимая матушка
Станет обряжаться,
Замарает красоту.
Нет, тут не место-местичко!
Уж отдам я, девица,
Соколочку ясному,
Родимому братейку.
Будет моя красота
В карточки проиграна,
В кабаке пропивана.
Нет, тут не место-местичко!
Уж отдам я, девица,
Свою девью красоту
Моей родимой сестрице.
Ты носи-ко, сестрица,
Береги, родимая. //
На веселом игрище
С тобой будет красота,
На твою работушку
Пойдет везде в товарищи.
Тут ей место-местичко!»

л. 319

Отдает платье и кое-какие украшения. Продолжает:

«Заносило на небе
Со полдня и с полночи,
Сокатились тученьки
В одну тучу грозную.
Надкатилась тученька
Над леса дремучие,
Над болота зыбучие.
Леса убоялися,
Сук за сук хваталися,
К земле приклонялись.
Надкатилась тученька
Над луга зеленые,
Над цветы лазоревы.
Травы убоялися,
Цветы закрывалися,
К земле приклонялися.
Надкатилась тученька
Над поля высокие,
Над хлеба едреные.
Хлеба убоялися,
Брунь за брунь⁶⁵ хваталися,

⁶⁵ Брунь — колос.

К земле приклонялись.
 Надкатила тученька
 К родимому татеньке
 Над наш двор колевчатый⁶⁶ //
 И стрелила стрелонька.
 Всех ведь Бог помиловат.
 Только меня, девицу,
 Меня не помиловал.
 Угодила стрелонька
 Мне в ретиво сердчико».

Кланяется сестре:

«Принеси мне, сестрица,
 Дай сенца зеленого,
 Травоньки шелковые
 Со любые поденки.
 Как скошоной травоньки
 Не приростить к кореям,
 Так отданой девице
 Нет уж, не возвратитъ
 Времечка минувшего,
 Нет уж, не заплетывать
 Косоньки по-девичьи,
 Нет уж, ей не гуливать
 По высокой горенце
 Родимого батюшка».

Сестра приносит сено. Невеста припадает к нему лицом. Древний обряд «одернования» в этом случае остался только как отдаленный намек на древнее его значение.⁶⁷ Девицы вместе с невестой поют:

«Близко золота стола
 Золотая лесенка.
 На первую ступень ступлю,
 Серебро рассыплется,
 На другу ступень ступлю,
 Жемчуга раскатятся.
 На третью ступень ступлю,
 Девица расплается. //

⁶⁶ *Колевчатый*, от сканд. *Kollig* — веселый, спокойный.

⁶⁷ После отцовского благословения совершается заключительная обрядность — проведение под клочком сена или под куском дерна, «одежень». Эту обрядность в устьянском свадебном ритуале совершает почему-то сестра невесты. Проведенная под дерниной или клочком сена девица считалась уже рабыней. Этим обрядом все нити к свободе бесповоротно обрезались. Девушка бросается плашмя на землю и «вопит».

Как на синем на море⁶⁸
 Три червонных корабля.
 Как на первом корабле
 Много злата, серебра.
 На другом на корабле
 Много платья цветного.
 А на третьем корабле
 Девицы красавицы,
 Плачут-уплакаются,
 Слезьми уливаются».

Последний девичник

Пока невеста передает красоту, гости обедают. Едят они свои пироги и пьют свое вино. Родители невесты их ничем не угощают. По окончании их обеда выходят из заборки девицы с невестой и насильно вытесняют гостей из-за стола. Невеста обращается к жениху:

«Ты сидишь, чуж-чуженин,
 Ты сидишь обедаешь,
 Ничега не ведаешь,
 Оторвался твой добрый конь
 От столба точеного,
 От кольца злаченого.
 Убежал твой добрый конь
 Далек в чисто поле.
 Как во том чистом поле
 Лежат три дороженьки,
 Да три росотанюшки,
 Первая дороженька
 Во луга зеленые.
 Вторая дороженька
 На твою сторонушку, //
 Третья путь-дороженька
 Во леса дремучие,
 В болота зыбучие.
 Угодил твой добрый конь
 В третью путь-дороженьку
 Во леса дремучие,
 В болота зыбучие.
 Там ему, добру коню,
 И голова положити».

⁶⁸ Дальнейшая судьба невольниц хорошо известна из исторических источников. Их гнали и сплавливали в лодках на волжские рынки, а оттуда в Византию или в Азию через Черное или Каспийское море, корабль с девицами-невольницами встречается в одной из свадебных песен.

Обращается к отцу:

«Родимый мой татенька,
Дай мне саблю вострую,
Дай мне броню грецкую,
Да ружье немецкое.
Не жалей, мой татенька,
Ни свинцу, ни пороху.
Чужина-чуженина
Силу-рать великую
Выбивай из городу».

Вытеснив гостей, девицы размещаются за столом. Невеста причитает:

«Слава, слава Господу,
Да Христу Небесному,
Отказал мой батюшко
Чужину-чуженину
На чужую сторону».

Обращается к матери:

«Жалкая, желанная
Моя родная матушка,
Не жалей ты, матушка,
Хлеба-соли ситного
Любушкам-голубушкам,
Девушкам подруженькам, //
Накорми нас, матушка,
В девицах впоследствии».

л. 323

Родители невесты собирают теперь на стол и угощают невесту с ее подругами. Невеста причитает:

«Навеку не впервые,
Девицей впоследствии.
Уж вы дайте на глаза,
Приведите на очи
Родимого татеньку,
Да родимую матушку».

Отец и мать приходят:

«Уж ты сядь-ко, татенька,
Да родная мамонька,
На бросову лавочку.
Сядем пообедаем
Три недели девице
Не пилося не елося,

А теперь девице
Поесть захотелось».

После обеда невеста причитает:

«Спасибо те, батюшко
И родима матушка,
За хлеб-соль великую,
Да за гостьбу любезную.
Напилась, наелася
На три года круглые
Со белой лебедушкой,
Со родимой матушкой.
Из красна окошечка
Погляжу я, девица,
На широку улицу.
Стоят сады зеленые, //
Поют пташки веселые,
Поют не веселехонько,
А тихим-тихохонько».

л. 324

Невеста и девицы встают за столом, но не уходят. Невеста начинает «выкликать» к чарке или стакану пива сначала своих родственников, а потом и поезжан.

Обращается к брату:

«Голубочек сизенький,
Соколочек ясененький,
Родимой мой братейко,
Олександр Иванович,
Подойди подступи
Близко красной девицы,
Выпей чару хмельного.
У тебя, у молодца,
Голова во сто рублей,
Кудри во пятьсот рублей.
На икажной кудерьке
По скатной жемчужинке».

Подав рюмку вина или стакан пива, невеста кланяется вместе со всеми девушками. Так вызываются все ребята своей деревни. Приведу, для примера, еще два вызова.

1

«Назову по имени
Вознесу извотчинкой.
Свет Иван Иванович,

Подойди-ко, поступи
 Ко мне, красной девице,
 Выпей чару хмельную,
 Хмельную прощальную.
 Не ломайся, молодец,
 Не гордись богатством,
 Не хвались пригожеством. //
 Подойти тебе ко мне
 Не через поле чистое,
 Не через луга зеленые,
 Через одну лишь горницу».

2

«Подойди-ко, поступи,
 Петрован Ондриевич,
 Ко мне, красной девице,
 Выпей чару хмельную,
 На веку последнюю.
 По полу по горенке,
 Не по лесу темному,
 Не замочишь ноженек,
 Не изорвешь кафтанчика».

Каждый вызванный, выпив стакан водки или пива, кладет на поднос к невесте какую-нибудь серебряную монету. После соседей и своих родственников невеста вызывает женскую половину свадебного «поезда» и садит их за стол.

«Неохота девице
 Называть по имени,
 Величать извотчиной,
 Да назову по имени, —
 Вознесу извотчиной.
 Анна Миколаевна,
 Подойди-ко, поступи,
 Выпей чару хмельную
 От меня, от девицы,
 Сядь со мною, девицей,
 За столы дубовые». //

После женщин вызывает жениха:

«Не клонись, головушка,
 Головушка буйная.
 Ты не гнись, могут хребет.
 Неохота девице
 Называть по имени

Величать извотчиной
Чужина-чуженина
Неловкое имячко.
Федор Николаевич,
Подойди-ко, поступи,
Выпей чару хмельную
От мена, от девицы».

Жених пьет чару и дарит невесте кокошник. Она причитает, бросая кокошник в угол:

«Напахнул буен ветер
Со чужие стороны.
Перенес буен ветер
По ногам и по рукам,
По ретиву сердчику».

Обращается к жениху:

«Добры люди баели,
С ветром весть носилася
Про тебя, про молодца,
Что охоч ты, молодец,
Все деньки прохаживать,
Ночи все прогуливать,
По царевым кабакам
Пьяным напиватися,
По грязи валятися. //
Добры люди баели,
Сторона судачила,
Что охоч ты, молодец,
В карточки поигрывать,
Картами подкапывать,
Деньгами побрякивать.
Весь ты проиграешся,
Без штанов останешся.
Добры люди баели,
Да вороны каркали,
Как я буду, девица,
За тобой, за молодцем,
Что бывать мне, девице,
На вине пропиваной,
В кабаке заложенной,
В карточки проигранной».

л. 327

После паузы продолжает, низко кланяясь:

«Поклонись, головушка,
Головушка буйная.

Ты погнись, могут хребет!
Как я буду, девица,
За тобой, за молодцем,
Не поставь ты в винушку,
Не вороти кручинушку,
Не сама я вздумала,
Не сама придумала,
Добры люди баели,
Сорока судачила,
С ветром весть носилася».

Выходит из-за стола и кланяется жениху в ноги. Жених поднимает ее и целует. Невеста дарит жениха платком и берет кокошник. Потом берет она братыню с пивом и угощает всех поезжан. Поезжане уходят в другую избу. Невеста обращается к де-

л. 328 вицам:

«Уж вы спойте, девицы,
Честну девью песенку,
Во которой песенке
Часто поминается
Татенька и мамонька».

Девицы поют несколько песен, начиная, чаще всего, со следующей:

«Лучше бы я, девушка, у батюшка жила,
С утра день до вечера улочку мела,
Мела, мела улочку, распахивала.
Распахавши улочку, ко батюшке пошла.
От татеньки от мамоньки в зеленый сад ушла.
Села я, младешенька, под зелен под кусток.
Послушала я, девица, что пташечки поют.
Поют, поют пташечки, насвистывают,
Нам с дружкой желанненьким разлуку все сулят.
Эх ты, скука, разлука, чужая сторона.
Чужая сторонюшка без ветру сушит,
А лихая свекровушка без винности бранит,
Журит-бранит девицу, ругает завсегда.
Осержусь я, девица, на мати, на отца,
Три я года, девица, к ним в гости не зайду,
А на четвертый годичек пташкой полечу.
Родимого татеньку в море утоплю.
Свою родную матушку к сосне привяжу.
Родимого братейка в солдатики отдам.
Стану жить я, девица, в домике одна.
Лихой своей свекровушке не стану уважать».⁶⁹ //

⁶⁹ Исполнители и место не указаны. — А. В.

Пение девиц продолжается до тех пор, пока отец невесты с женихом и поезжанами не придут и не прогонят девиц с невестой из-за стола. Выйдя из-за стола, невеста причитает:

«Ох-ти мне, да ох-ти мне,
Ох-ти мне тошнехонько!
Отказал мне батюшка
От села-селищица,
Крепкого печищица.
Согнал мена батюшка
Со села со города,
Как лихого ворога.
Вы пойдемте, любушки,
Бедные голубушки,
Со мной во товарищи
На широку улицу».

Невеста и девицы уходят на улицу. Невеста прощается «со стороной», кланяясь на все четыре стороны:

«Ты прости, осталася,
Сторона родимая.
Сторона-сторонушка,
Сторона любимая.
Заростай, дороженька,
Ельничком, березничком,
Мелким подорожничком.
Не бывать, не хаживать,
Травоньки не минывать.
Ты прости, осталася,
Речка наша реченька,
Тихая, глубокая.
Не бывать, не плавывать,
По воду не хаживать. //
Вы прости, остались,
Все поля, высокие,
Да хлеба едреные,
Огороды частые,
Перевицы красные,
Колышки точеные,
Жердки золоченые.
Не бывать, не жанывать,
Снопиков не вязывать.
Вы прости, остались,
Поженки зеленые,
Травоньки высокие,
Цветики лазоревы,

Цветы духовитые.
Не бывать, не нашивать,
Травоньки не кашивать.
Ты прости, остались,
Ухожья любимые,
Где ходила девица
По грибы, по ягоды.
Видно, отходила я,
Видно, отгуляла я.
Не бывать во ельничке,
Во частом березничке.
Ты прости, осталася,
Каткая катушечка.
Ты прости, осталася,
Качкая качулинка.
Ты прости, остались,
Девичьи забавушки,
Игрища веселые,
Песенки игровые,
Видно, отыграла я,
Да отвеселилася». //

л. 331

Предлагает девицам вернуться в избу:

«Пойдемте, голубушки,
К татеньке во светлицу.
Сколько нам не гуляти,
Сколько нам не ходити,
Надо нам вернуться».

У дверей причитает:

«Забирайтесь, любушки,
За скобу железную.
Я правой ногой ступлю
Во светлую светлицу,
Во высоко горницу.
Встаньте, встаньте, любушки,
В ряд по половичинке.
Вы кладите, любушки,
Крест по-писаному
Поклон по-ученому».

Девицы выстраиваются в избе в ряд, невеста продолжает:

«Что не верба ломится,
Не вершина клонится,
Идут красны девицы,
Переводы ломаются,
Половицы колются».

Невеста здороваётся с поезжанами. При каждом обращении все девицы низко кланяются:

«Здорово во тереме,
В сутках, во большом углу,
Свышни спасы-образы.
Здорово во тереме,
На кирпичной середе,
Батюшке да матушке!
Здорово во тереме,
На скамье на дубовой, //
Дружка наша друженька,
Друженька хорошая.
Здорово во тереме,
Посаженной тысяцкой,
Самоглавный боярин!
Здорово во тереме,
Славный добрый молодец,
Сам ты, чужой-чуженин!
Здорово во тереме,
В сутках, во большом углу,
Посаженный сватовщик!
Здорово во тереме,
По за золоту столу,
Все князи да бояра!»

л. 332

Гости встают, отец берет икону. Невеста падает на колени и, обхватив его обоими руками, причитает:

«Попрошу я, девица,
У схожего солнышка,
У родимого тятеньки,
Божья благословеньица.
Уж ты дай мне, тятенька,
Свое благословеньице
На чужую сторону.
С твоим благословеньицем
На воде не танывать,
На огне не гарывать,
Станут боги миловать,
Станут люди жаловать».

Отец благословляет иконой. Подходит мать с караваем в руках. Невеста падает на колени и обхватывает ее руками:

«Попрошу у мамушки
Божья благословеньица.
Жалкая, желанная,
Моя родная мамонька. //

Жаль с тобой расстатся,
 Жалко распротитися.
 Пришло, видно, времячко,
 Надо нам расстатся,
 Надо распротитися.
 Уж ты дай мне, мамонька,
 Твое благословеньице
 На чужую сторону.
 С твоим благословеньицем
 На воде не танывать,
 На огне не гарывать,
 Станут боги миловать,
 Станут люди жаловать».

Мать благословляет невесту. Невеста падает на колени перед братом, обнимает его:

«Ты, голубчик сизенький,
 Соколочек ясененький,
 Мой родимый братейко.
 Уж ты дай мне, братейко,
 Свое благословеньице
 На чужую сторону» и т. д.

Так она прощается со всеми родными, прося у всех благословенья на чужую сторону. Потом отец берет невесту за руку и передает жениху. Девицы поют:

«Повел, повел батюшко
 Душу красну девицу
 Из раю пресветлого
 На чужую сторону.
 Отдал, отдал батюшко
 Со бумажных рученок
 На железны пащолки
 Чужину-чуженину».⁷⁰

Невеста обдаривает девиц гостинцами, и они уходят. Жених ведет невесту из дому. На этом причитания невесты кончаются. // В дальнейшем ритуале свадьбы ее роль совершенно пассивная и безмолвная. Вплоть до церкви она едет с закрытым лицом. Проезжая по деревням, молча раскланивается на обе стороны. В церкви женщины расплетали ей перед венцом девичью косу, а после венца заплетали две женских косы, укладывали их кругом головы и надевали кокошник. Кокошник был ее постоянным убором с этого времени. Даже и ночью он не снимался. Снимался только в бане и при расчесывании волос.

⁷⁰ Исполнительницы не указаны. — А. В.

Свадьба в доме жениха и «хлебины»

После венца свадебный поезд и родственники невесты ехали в дом жениха. Дальнейший ритуал ничем особенно не отличался от общеизвестных свадебных традиций и обычаев. Обсыпанье молодых зерном и хмелем, первое ложе на хлебных снопах и так далее. Единственно, что необходимо отметить, — это то, что свадебное угощение в доме жениха давалось не только семьей жениха, а всем его родом. Все родственники приносили свое вино и свои пироги. Они поочередно угощали новую родню своими приношениями, так что свадебный обед превращался в целую серию отдельных обедов. Это, безусловно, пережиток древнего родового уклада, когда свадьба считалась делом всего рода, а не одной семьи. Таковы же были «хлебины» — пирушка в доме невесты спустя несколько дней после свадьбы. На хлебинах род невесты угощал род жениха, и обед на хлебинах был такой же серией обедов, как и свадебный обед в доме жениха.

Из песен, которые пелись на свадьбе в доме жениха, можно отметить [следующую, под названием] // [«]Хороводная[»]. л. 335
Спрашивают и отвечают две партии: одна из родственников невесты, другая из родственников жениха.

1

— Соколы, млады, ясны,
Далеко ли вы летали?
— Далеко, далеко, во чистое поле,
Во раздольице во широкое.
— Уж вы что там видели?
— Уж мы видели, видели
Белого лебеда на заводе.
— Что же вы не взяли, не повзяли?
— Уж мы взяли и повзяли,
На белые руки подняли,
По суставчикам расщипали,
На блюдечка расклали,
Да все боярам раздали.
Уж вы лебеда рушайте, рушайте!
Не стыдитесь, гости, кушайте, кушайте!⁷¹

2

Отставала лебедушка
От стада лебединого.

⁷¹ Исполнители не указаны. — А. В.

Приставала лебедушка
Ко стаду ко гусиному.
Ее гуси стали поклевывать,
Незнакомые, пощипывать.
— Уж вы не клюйте-ко, гуси серые,
Не щиплите меня незнакомую.
Не сама я к вам прилетела-та.
Занесло меня погодою,
Да погодушкой немалою,
С частым дождем, да со вихорем.⁷² //

л. 336

3

Из-за леса, да из-за лесика,
Из раздольица из широкого,
Вылетал же млад ясен сокол,
Млад ясен сокол, белокрыльчатый,
Белокрыльчатый, да белоперчатый.
Он сажился к нам на горницу,
Да на высокие на палаты на боярские.
А выезжал же добрый молодец,
Привозил же он красну девицу,
Красну девицу, Анну Ивановну.⁷³

Часто пели партия на партию, стараясь превзойти друг друга. На хлебинах тоже имелись свои специальные песни, трактующие главным образом о гощении молодой в доме родителей, о ее тоске, об отношениях между зятем и тещей, часто с шутливым и даже фривольным содержанием.

4

Не во столики рюмочки бренчат,
Не стаканы выговаривают.
Анна гуляет по терему,
По высокому Ивановна.
Она белится, румянится,
Во цветное платье рядится,
У Федора в гости просится.
— Уж ты, Федорушко, ладушка моя,
Николаевич, удала голова,
Отпусти-ко в гости к бабушке,
Да к родимой моей матушке.
Дорогая буду гостыюшка,

⁷² Исполнители не указаны. — А. В.

⁷³ Записано в Дмитриевском с/с.

Наливная винна ягодка.
— Уж ты да Анна свет Ивановна душа,
Посиди-ко у меня в терему, //
Погляди-ко на меня, на сокола,
Да на Федю Николаевича,
Молодца, чистяка, беляка,
На коленки, на коленки, жонка, встань
Да на бутылку, на бутылку денег дай!
Как по бережку конь бежит,
По другому бежит сивый жеребец.
На коне сидит удалой молодец,
Што ли Федя Николаевич.
Он на коней-то погаркивает,
Ко двору он приворачивает,
Ко двору-то ведь ко тещюшкову,
К терему-то ведь ко тещиному.
— Уж ты, Аннушка Ивановна, душа,
Ты возьми-кося коня за удила,
Отведи коня во широкий во двор,
Накорми его пшеницею,
Ключевой напой водицею.
Што из терема, из терема бежит,
Бежит теща, только лесенка трещит,
Лишь ступенечки потрескивают,
У крыльца столбы покачиваются.
— Уж ты, зятюшко, ты, зятюшко, дружок,
Уж ты, Федя Николаевич,
Вот спасибо же, спасибо же тебе,
Что привез ты дочку Аннушку,
Наливную винну ягодку.⁷⁴

л. 337

5

Теща для зятя пирог пекше.
Три гуся, три утки, баранье стегно,
Свинины полоса да семь лебедей. //
Перцу да луку на семь рублей.
Соли да крупы на четыре рубли.
В печку садила, чело своротила.
Из печи вымала, всю печь изломала.
Зятенько пришел, до присадки съел.
Теща на зятя прогневалася.
— Как тебя, зятенько, не разорвало?
Да как тебя, зятенько, не растреснуло-то?

л. 338

⁷⁴ Записано в Дмитриевском с/с.

Заключение

Великий Октябрьский сдвиг 1917 г. уже набросил тени забвения на многие подробности обрядовых традиций северной деревни. В Дмитриевском сельсовете, где собран весь вышеприведенный материал, уже в 1925 г. большинство свадеб совершалось без церковной санкции, а в 1926—<19>29 гг. вообще все церковные обряды отошли в область преданий. Но бытовая обрядность оказалась более живучей и держалась до 1930—<19>32 гг. Эти годы принесли полный переворот во всем экономическом фундаменте деревни, а вместе с тем и во всех ее идеологических надстройках, в том числе и в свадебном ритуале.

л. 339 Все заменилось простой процедурой записи в отделе ЗАГС сельсовета и небольшой пирушкой до и после записи. Сплошь и рядом // даже и запись откладывается на неопределенный срок. Брачные союзы стали делом соглашения брачующихся, а не их родителей, что часто наблюдалось раньше.

Если горькие причитания невесты, идущие из времен работорговли, имели еще основание в условиях замужней дореволюционной жизни, то теперь эти основания отошли в область темных и тяжелых преданий. Брак перестал быть неразрывным ярмом, вечной каторгой для женщины. Поэтому вслед за прочими отмершими пережитками исчезли из быта деревни и свадебные причитания с песнями о тяжелой женской доле. Исчезла классовая расслоенность деревни внутри, исчезла классовая отчужденность к людям, стоящим вне деревни. Классовая отчужденность в брачном вопросе, несомненно, существовала. Деревенская девушка считала неприемлемым для себя брак с чиновником, дворянином и т. д., несмотря на видимую выгодность его для нее. Идеалом деревенской девушки была не бездельная жизнь за чиновником, а трудовая жизнь за крепким крестьянином. Это выражено и в фольклоре. Возьмем, например, следующую хороводную песню:

Захотела меня мать
За царя взамуж отдать.
Царь уедет воевать
Мне-ка горе горевать.
Нет, нет, мамонька,
Не пойду, родимая!
Захотела меня мать
За попа взамуж отдать.
Поп с кадилом по могилам,
Мне кадило раздувать.
Нет, нет, мамонька,
Не пойду, родимая! //
Захотела меня мать
За судью взамуж отдать.

л. 340

Судья судит за вино,
Меня засудит заодно.
Нет, нет, мамонька,
Не пойду, родимая!
Захотела меня мать
За урядника отдать.
Он в рестанскую садит,
Мне рестанску сторожить.
Нет, нет, мамонька,
Не пойду, родимая...⁷⁵

И так далее вплоть до Иванушка, простого крестьянского парня, которого девушка находит единственно подходящей партией для себя. К новым советским служащим этого отношения уже нет. Наоборот, девушка согласна идти за своим избранником в любые переплеты и положения, что выражается некоторыми частушками, вроде:

Мой миленок коммунист,
А я — коммуналочка.
На позицию пойдем,
Отчаянная парочка.

⁷⁵ Исполнители не указаны. — *А. В.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

НАРЯДНОЕ СЛОВО¹

[1]

Встану я на зорьке²
На ясной, на прекрасной,
Встану благословясь,
Пойду перекрестясь.
Стану я умываться
Чистым мылом,
Святой водой,
Холодной ключевой
Со стрелоньки громовой.
Поклонюсь, покорюсь
Зореньке ясной,
Марье-Марине-Маремьяне.
Сряди и набаси
Меня, красную девицу,
На чужую сторону,³

¹ Любовь и ненависть считались тоже чем-то вроде болезни. Их тоже можно было «насылать» и лечить заговорными словами. В связи со свадебным обрядом у меня даны дальше образцы «присяжных» и «нарядных» слов. Посредством присущих слов девушки или женщины старались привлечь к себе любовь мужчины.

Иногда прибегали к этому и мужчины, но значительно реже. «Нарядные слова» должны были окружать женщину или девушку атмосферой симпатии, придавать ей притягательную чарующую силу, действующую не на одного возлюбленного, а на всех окружающих, главным образом на свекровь, свекра и других членов новой семьи.

Здесь я привожу противоположные присущим и нарядным словам, так называемые «рассушные слова». Посредством этих слов старались внушить антипатию или ненависть между двумя любящими друг друга супругами или любовниками.

² Текст содержится в очерке 4 (л. 222—223, № 5). Записан со слов Офимьи Рогачевой. Исторический комментарий: «В этот же отдел я отношу несколько заговорных слов, направленных, с одной стороны, против девичей тоски, а с другой — имеющих целью покрыть девушку ореолом привлекательности. Обращаются они все к „красной девице“, обитающей на море-океане, заступнице славянских женщин. Несомненно, что возникли они под большим воздействием глубокой тоски проданных рабынь, а также под воздействием желания привлечь к себе симпатии чужих людей и этим облегчить тяжкую рабскую долю. Во всяком случае, они связаны с выходом взамуж и замужеством. А так как настоящий очерк зиждется, главным образом, на свадебном фольклоре, то приведение их здесь я считаю уместным» <...> (л. 217).

³ Заговор имеет много вариантов. Между прочим, щеть „красной девицы“ оказывается то золотой, то железной, то жемчужной и даже алмазной.

К чужим людям.
Казалась бы я
Лицом личиста,
В плечах плечиста.
Казалась бы и глянулась бы,
Как лазуревый цветочик,
Как жемчужный камешочик,
Как виноградная ягодка.
Все бы люди
Пришли-смотрели,
Отошли-хвалили,
И ныне и присно
И во веки веков. Аминь.

[2]

Встану я благословясь,⁴
Пойду перекрестясь
Ключевой водой умываться,
Громовой стрелонькой обтираться,
Смывать с себя
Худерьбу и похулу,
Намывать на себя
Красоту и похвальбу.
Пусть я баше,
Пусть я краше,
Краше и румянее
Схожего солнца.
Глянулась бы всем
И казалась бы всем
Плечами плечиста,
Речами речиста,
Походочкой всех бассяя.
Чтобы старые и малые //
Зрели и смотрели,
Глаз не сводили,
От меня не отходили.

⁴ Текст содержится в очерке 4 (л. 223—224, № 6). Анна Фед<оровна> Лопатина, ученица Мехренгской школы, со слов своей матери, 1928 г. Вариантов нарядных слов имеется много. Все их привести невозможно. Дальше, в связи с баней невесты, приводится еще один образец.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

1

Полонянка за Дунаем¹
По крутому по красному берегу,
По желту песку по рассыписту,
Водле матушку, водле Дунай-реку
Тут ходила, тут гуляла душа красная девица.
Она вопила своим зычным голосом:
— Уж вы гой еси, перевозчики добры молодцы,
Перевезите-ко меня за Дунай реку.
Уж я дам вам перевозного пятсот рублей.
Уж как мало вам того покажется,
Так я дам вам всю тысячу.
И еще того мало покажется,
Так дам я вам со белых со плеч кунью шубоньку.
И еще того мало покажется,
Так дам я вам со правой руки злачен перстень,
И еще того мало покажется,
Так сама я к вам во полон пойду.²

2

О степном наезднике, похитителе девиц:

Отправлялся добрый молодец³
Во чистое полюшко⁴ гулять.
Перво полюшко молодец проехал,
На другое поле заезжал.

¹ Текст содержится в очерке 4 (гл. 2, л. 218). Сказки, песни и заговорные слова, содержащие те или иные следы эпохи работорговли. «Следы былой работорговли ясно заметны в некоторых видах фольклора, больше всего в причитаниях невесты. В сказках можно встретить только намеки на побочные обстоятельства из эпох работорговли, например о поездках за море для торговли или о похищении девиц. Мало следов работорговли и в песенном фольклоре. Только песню о полонянке на Дунае, без всякого сомнения, нужно отнести к эпохе работорговли, в остальных, приводимых в следующей главе, можно отметить только некоторые намеки на эту эпоху».

² Сообщившая эту песню старуха д. Кырканда Евдокия Мих<айловна> Кошелева говорила, что песня была длиннее, но всей она не запомнила, помнит только, что дело идет о полонянке, старавшейся попасть с чужой стороны на Русь. Под Дунаем тут подразумеваются вообще границы чужой земли, а под перевозчиками — торгово-разбойничьи дружины руссов.

³ Текст содержится в очерке 4, гл. 2, л. 219.

⁴ *Поле* — степь.

Как на третье полюшко заехал,
Начал сон его долить.
Ой да начал сон его долить,
Дрема с ног стала валить.
Привязал добра коня он к дубу
Ко сырому коня ко дубу,
Ко сырому ко дубозяку,
К серебрянному кольцу.
Ко серебрянну колечики,
Ой да на шелковый поводок.
На шелковый коня поводочик,
Да на шелковую на травушку,
На лазоревый цветок.
Да тут раскинул добрый молодец
Белый шатричек шатер.
Да он положил под головушку
Свое высокое седло,
Што такое ли седельшко,
Золотые стремена.
Да брал за ручку красну девицу,
Сам ложился с милкой спать.
Уж я лягу отдохну
Под дубок, под сосенку,
Под такую-ка сосенку,
Под кудряву зелену.
Што зеленая сосенка
От ветру шатается,
Ото сна ли добрый молодец
Пробуждай-буждается.⁵
Пробуждался добрый молодец, —
Нет коня, нету седла.
Нет коня, нету седлышка,
Да нет девицы у шатра.⁶

Новые варианты песни имеют продолжение:

Посмотрел он в чисто полюшко:
В поводу коня ведут.
Как на том ли добром конике
Красна девица сидит,
Слезно плачет, говорит:
— Ох ты, вор, дурак, изменщик,
Изменил, девку, меня.

⁵ Новая вставка вместо какой-то старой, позабытой. — *А. В.*

⁶ Старые варианты на этом и кончались. Безусловно, в такое неприятное положение могла поставить добра молодца только такая «милая», которой приходилось играть эту роль поневоле.

Знать, иную полюбил,
Ладишь взамуж ее братъ;
Ладишь взамуж ее братъ,
Меня, девушку, покидать.⁷

3

Тоска по воле:

Скажите-ко, гусли-мысли мои,
Да про мое горе-несчастье.
Ой да печальное сердечико мое.
Печальное сердечико мое,
Без престани тужит да тоскует оно,
Да все по прежней воле.
Куда воля деваласа,
Да куда потеряласа?
Ой да осталась волюшка
На родимой сторонушке.
Ой да на родимой сторонке
Да там волюшка осталась.
Да кабы к этой-то волюшке
Нажить сизы крылышки,
Да ко этим бы ко крылышкам,
Да позлаченные бы перышки. //
Младой молодец вызнялся бы высоко,
Вызнялся бы высоко, да полетел далеко,
К любушке сударушке своей,
Да сел-то бы я на окошечко,
Сел бы я на косисчато.
Да стал-то бы я ворковать,
Любушку-сударушку стал бы утешать.⁸

⁷ Евдокия Фед<оровна> Рогачева, д. Кырканда.

⁸ Федор Арх<ипович> Рогачев, д. Кырканда, 1926 г. Эта песня имеет и другие, значительно более обработанные варианты. Этот вариант мне кажется наиболее старым из них.

БЕЛОМОРСКИЙ ЭПОС В ЗАПИСЯХ Д. М. БАЛАШОВА 1957 г.

(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ПУШКИНСКОГО ДОМА)

Публикация и комментарии Л. И. Петровой

Экспедиция на побережье Белого моря летом 1957 г. положила начало плодотворной собирательской деятельности Дмитрия Михайловича Балашова. Вместе с тем это была единственная экспедиционная поездка, в которой будущий знаменитый писатель-историк Земли Русской являлся официальным представителем Института русской литературы АН СССР, сотрудником которого он мог бы стать, но так и не стал.

Впервые присутствие Д. М. Балашова на заседании Сектора народного творчества Пушкинского Дома было зафиксировано 14 февраля 1956 г.¹ В следующем году он стал аспирантом А. М. Астаховой, безусловно, делившейся со своим учеником в том числе и богатейшим опытом фольклориста-собираателя.

Первые шаги Д. М. Балашова в науке были признаны старшими коллегами весьма успешными. Когда (по окончании аспирантуры) встал вопрос о его дальнейшей научной судьбе, она, казалось, была уже predetermined: «Б. Н. Путилов (в то время зав. сектором. — Л. П.): „Возможности для оставления Д. М. Ба-

¹ Протокол № 7 от 14 февраля 1956 г. // Протоколы научных заседаний за 1956, 1957 г. Начато 11 января 1956 г. Окончено 8 октября 1957 г. С. 34. (Индекс № 530). Протоколы научных заседаний сектора народного творчества, на которые мы здесь ссылаемся (в основном это машинописные копии), объединены в «папки-скоросшиватели», имеющие свой индекс и заголовки, и находятся в настоящее время на хранении в Отделе русского фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

лашова на работе в секторе есть, но необходимо мнение сектора“.

А. М. Астахова как научный руководитель считает, что Д. М. Балашова целесообразно оставить в секторе. Н. П. Колпакова считает, что Д. М. Балашова целесообразно оставить в секторе. Высоко отзывается об экспедиционной работе Д. М. Балашова и материалах, которые он привез. А. Д. Соймонов присоединяется к мнению Н. П. Колпаковой. Н. В. Новиков дает высокую оценку статей Д. М. Балашова, которые идут в томе 4 „Русского фольклора“. В. Г. Базанов: „Вопрос об оставлении Д. М. Балашова должен решить прежде всего заведующий сектором. Но нужно серьезно обсудить диссертацию. Это нужно обязательно. Вопрос об оставлении Д. М. Балашова нужно обсудить в связи с обсуждением его диссертации“. Б. Н. Путилов присоединяется к мнению В. Г. Базанова».²

Обсуждение кандидатской диссертации Д. М. Балашова «Древняя русская баллада» состоялось 1 февраля 1960 г.³ Однако единодушное одобрение работы⁴ и рекомендация ее к защите не решили вопроса о зачислении бывшего аспиранта в штат Пушкинского Дома. Поддержанное абсолютным большинством и отраженное в резюме заседания предложение В. Е. Гусева «предпринять все усилия, чтобы Д. М. Балашова оставить в штате сектора, просить дирекцию изыскать возможности для оставления Д. М. Балашова на работе в секторе» вызвало неожиданное сопротивление со стороны В. Г. Базанова, в то время — заместителя директора ИРЛИ АН СССР: «А. М. Астахова высказывает огорчение по поводу того, что В. Г. Базанов, всегда поддерживавший талантливых людей, не проявляет энтузиазма в вопросе оставления Д. М. Балашова. Это вопрос важный для нашего коллектива. Плохо будет, если мы не поддержим специалиста, талантливого человека, выросшего в нашем коллективе».⁵

² Протокол № 1 заседания сектора народного творчества от 4 января 1960 г. // Протоколы научных заседаний 1960 г. Начато 4 января 1960 г. Окончено 29 декабря 1960 г. С. 5. (Индекс № 630).

³ Протокол № 3 заседания сектора народного творчества от 1 февраля 1960 г. // Там же. С. 12—15. Далее цитируется по этому документу с указанием соответствующей страницы.

⁴ Приведем лишь некоторые из прозвучавших на этом заседании высказываний. Гусев В. Е.: «работа Д. М. Балашова производит хорошее впечатление сочетанием глубокого теоретического подхода к материалу и детальным анализом его» (С. 12); Н. В. Новиков: «Диссертация удалась, это вдумчивый и серьезный научный труд» (С. 13); «Н. П. Колпакова согласна с определением В. Е. Гусева диссертации как незаурядной. Способность к самостоятельному мышлению ярко видна в диссертации» (С. 13); Б. Н. Путилов: «Мнение сектора единодушно, диссертация получилась» (С. 14).

⁵ Там же. С. 15.

«Прочесть работу Д. М. Балашова, — отвечал В. Г. Базанов, — имел возможности в силу загруженности. Диссертация важна для решения вопроса об оставлении Д. М. Балашова в секторе, [ее] должны были внимательно прочесть те ученые, которые морально отвечают за работу его в секторе. Лично против Балашова ничего не имею, но говорить о нем, как о таланте, едва ли следует. Не нужно слишком спешить, слишком эмоционально подходить к оценке молодого специалиста».⁶

Несмотря на возражение сотрудников («Н. В. Новиков не считает, что проявляем поспешность»)⁷ и принятое 1 февраля решение («Учитывая хорошие итоги работы Д. М. Балашова над диссертацией и то, что его работа связана с планами работы сектора, считать весьма желательным зачисление Д. М. Балашова в штаты сектора»)⁸, вопрос о дальнейшей научной судьбе Д. М. Балашова оставался открытым вплоть до осени 1960 г. В последний раз начинающий фольклорист присутствовал на заседании сектора народного творчества 1 сентября (протокол № 23). Впрочем, связи Д. М. Балашова с Пушкинским Домом, как известно, не прерывались в течение всей его жизни. Став сотрудником Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (далее — ИЯЛИ) (1960—1969), Д. М. Балашов не мог не продолжить собирательскую деятельность на Русском Севере, в том числе и совместно с пушкинодомцами.⁹

В те по-своему драматичные годы фольклорные записи не были предметом коммерческого торга. Совместные экспедиции разных организаций совершались во имя общей цели сохранения народной культуры и потому было естественным, что в одной из этих организаций оставались оригиналы, а в другой — копии. Оригиналы записанных Д. М. Балашовым в 1957 г. материалов, публикуемых в настоящей работе, хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (р. V, кол. 172). Сведения о наличии соответствующих копий в ИЯЛИ приведены в публикации Н. Л. Шибановой «Опись рукописных коллекций фольклорных материалов, собранных Д. М. Балашовым, хранящихся в архиве Карельского Научного центра РАН».¹⁰

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Зимняя экспедиция 1961/62 г. на Терский берег Белого моря с С. Н. Азбелевым; экспедиция 1964 г. на Терский берег Белого моря с Т. И. Орнатской; экспедиция 1963 г. на Печору — с Ю. К. Бегуновым.

¹⁰ Опись рукописных коллекций фольклорных материалов, собранных Д. М. Балашовым, хранящихся в Архиве Карельского научного центра РАН / Подгот. к печ. Н. Л. Шибанова // Русский фольклор : Материалы и исследования. СПб., 2008. Т. 33. С. 425—475.

«Отчет о поездке на побережье Белого моря летом 1957 г.¹¹

Поездка моя носила чрезвычайно скромный характер. Послан я был на полмесяца для участия в экспедиции Карельского филиала АН СССР, организованной К. В. Чистовым. Экспедиция же эта намечалась с месячным сроком работы, так что я, собственно, мог лишь ознакомиться с приемами и методами собирательской работы.

Моя личная задача состояла в том, чтобы ознакомиться с бытованием балладного репертуара на Севере. В задачи петрозаводской экспедиции входило: во-первых — сбор песен, во-вторых — эпического репертуара. К сожалению, К. В. Чистов был болен и не смог возглавить экспедицию, в которую вошли, таким образом, четыре человека: я и три студентки третьего курса филфака Петрозаводского университета с опытом собирательской работы.¹²

Поскольку я был вызван в Петрозаводск раньше, то срок экспедиции мне был продлен до 20 дней, а денежная сумма увеличена с 800 до 900 рублей.

К величайшему сожалению, Сектор не смог снабдить меня магнитофоном никакой конструкции, что весьма нерасчетливо. Если у нас мало денег, тем более нужно посылать людей с магнитофонами. Это будет ровно вдвое дешевле, чем снаряжать потом отдельную экспедицию за напевами.

Экспедиция К<ирилла> В<асильевича> тоже не была снабжена магнитофоном. Я буквально вырвал в филиале любительский магнитофон „Эльфа-6“ и две кассеты с пленкой, которые и исписал целиком в первом пункте моей работы — в Шуерецкой. Так что вместо трехсот-четырехсот музыкальных записей, которые я мог бы сделать при наличии хорошего прибора и пленки, я сделал 59 — столько, сколько уместилось на моих двух кассетах, и то в одном месте, на Карельском берегу.¹³

¹¹ Текст печатается по машинописной копии (с правкой чернилами и карандашом), хранящейся в РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 1, л. 1—19. В текст мы позволили себе внести незначительную синтаксическую правку. К отчету была приложена карта с указанием маршрута экспедиции 1957 г., начерченная рукой Д. М. Балашова (РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 1) — см. рисунок.

¹² Фамилии студенток Д. М. Балашовым не называются. По сведениям, содержащимся в «Описании коллекций русского фольклора Научного архива КарНЦ РАН» (см.: Полевые исследования и архивация фольклорных и этнографических материалов : Материалы V научно-практического семинара. Петрозаводск, 21—22 марта 2012 г. Петрозаводск, 2012. С. 140), это были И. В. Суханова, С. К. Вавилина, Л. И. Лукина. Однако все публикуемые в настоящей работе тексты, в том числе пять, аккуратно переписанные кем-то чернилами (№ 9, 11, 16, 24, 26), сопровождаются пометой, сделанной рукой Д. М. Балашова: «Записал Д. Балашов».

¹³ На магнитофон были записаны песни свадебные, лирические, с движением (см. опись кол. 284 в Фонограммархиве ИРЛИ РАН, а также пере-

Сверх того — пусть те, кто знаком с этим „Эльфом“, скажут, что это за система. Не говоря о конструкции, весом он приближается к той сумочке перемётной, в которой была заключена тяга земная. А не взять его совсем я не мог по соображениям научной честности. Когда я поступал в аспирантуру, у меня произошел памятный для меня разговор с Флавием Васильевичем,¹⁴ который сказал мне: „На словах-то вы все за то, чтобы изучать и собирать песни с напевами, а вот на деле...“ Ну и я не хотел, чтобы у меня расходились слова и дела.¹⁵

Путь мой был таков: 30 июня я выехал из Ленинграда. 1-го был в Петрозаводске, где ознакомился с архивными материалами прошлых экспедиций в Кемский район; выпрашивал магнитофон и проч<ее>, 4-го июля мы выехали в Кемь, где сделали первые записи. 5-го — в Шуерецкую, где и работали до 16-го числа. 16-го я простился с девушками и поехал в Кемь.

Зная карту, несложно было рассудить, что Терский берег вдвое ближе, чем Ленинград (разумеется, для продолжения поездки у меня были и более веские причины).

Не зная тогда результатов поездок Н. П. Колпаковой на Терский берег, я ожидал найти здесь значительный пласт древних баллад. (Я был знаком с экспедицией [А. В.] Маркова, [А. Л.] Маслова и [Б. А.] Богословского.)

Увы! В Чаванге, на родине Аграфены Матвеевны Крюковой еще помнят, как ее выдавали замуж, как отец тащил девушку за косу из погреба, но не помнят ни одной былины или баллады из всего обширного репертуара сказительницы, некогда привезенного ею с Терского берега.¹⁶

Итак, после разговоров с рыбаками и выяснения путей, я сел в Кемь на поезд и поехал в Кандалакшу. В Кандалакше пересел на пассажирский катер и 19-го, в день окончания моей командировки, был в Умбе (поселок Лесной) — административном и хозяйственном центре Терского берега. Здесь я представился властям, сделал ряд записей в Умбе-деревне (в том числе три баллады и стих про Егория). Нашел местного краеведа — старожилу Петра Ивановича Пирогова — и от него получил историко-географические советы для дальнейшего путешествия. Самую

чень фонозаписей, осуществленных собирателем: РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 280).

¹⁴ Флавий Васильевич Соколов (1920—2003) — музыковед-фольклорист, с 1953 по 1957 г. — заведующий Фонограммархивом Сектора народного творчества Пушкинского Дома.

¹⁵ Этот абзац заключен в скобки (чернилами) и перечеркнут карандашом.

¹⁶ Т. е. «привезенного ею» на Зимний берег, где и производил от сказительницы записи А. В. Марков.

древнюю историю заселения берега я изучал еще раньше, при подготовке своего реферата.

В Умбе я три дня ждал оказии. Из Умбы на грузовом боте проехал в Кузомень, где нашел сказочницу, сестру Пирогова, и записал от нее свыше двадцати сказок. Записал я здесь и 60 песен, но ни одного „стиха“ — они исчезли полностью. Из Кузомени я прошел пешком в Варзугу (20 км), где работал восемь дней. Из Варзуги опять пешком вернулся в Кузомень, застал там уже знакомый грузовой бот и с ним отправился дальше, в Тетрино.

Из Тетрино я сходил на один день в Чаваньгу (это 25 км в один конец). Вернувшись, делал записи и ждал парохода из Архангельска. 13-го августа, утром, пришел пароход. Было легкое волнение, поэтому посадка происходила романтически: с пляшущих лодок на пароход лезли по веревочному шторм-трапу. Пристаней там, за Умбой, нет; пароходы и даже боты останавливаются в открытом море, а с берега к ним подъезжают лодки — карбаса́.

На обратном пути я нигде не задерживался. В Умбе пересел на другой пароход, в Кандалакше в тот же день на поезд, в Кеми слез только на полдня, чтобы взять магнитофон и зарисовать Кемский собор. Два дня потратил в Петрозаводске на поездку в Кижы и 18-го августа был в Ленинграде.

Итого я ездил 50 дней. За вычетом переездов-переходов и времени, проведенного в Петрозаводске, на сбор материалов у меня осталось 11 полных дней в Кеми и Шуерецкой и 19 дней на Терском берегу. Всего 30 дней полевой работы.

Белое море изумительно красиво. (Возможно, мне повезло — нынче там было необыкновенно жаркое лето.) Фиолетовые граниты, обитые ледником, сползают в воду, на них щетина соснового леса. Голубые горы вдали. Удивительно нежные и тонкие тона и необыкновенные белые ночи с цветным непотухающим небом.

Уже в Шуерецкой не растет хлеб; сельское хозяйство имеет здесь исключительно подсобный характер: держат коров, садят картошку, кое-кто — лук, редиску, но уже очень редко. За сеном ездят на лодках.

Основное занятие жителей — рыбная ловля. С Карельского берега ходят „на Мурман“, на Баренцево море за рыбой, на Терском бегу больше ловят у дома, по тóням (это избушки, куда перебираются жить и рыбачить на все лето).

Ловят селедку, камбалу, корюшку и т. д. С Терского берега ходят в горло Белого моря за тюленями. Но богатство края составилось на семге. Промысел этой дорогой рыбы особенно значителен на Терском берегу. Впрочем, нынче улов семги снизился. Все же благодаря рыбе живут люди зажиточно, особенно на Терском побережье. В магазинах всюду есть сахар, мука, крупы и т. д.

В Умбе — лесосплав и лесной завод. В Варзуге и Умбе есть рыбопроизводящие заводи́ки, но очень устарелые.

Край был и раньше сравнительно очень богат. До сих пор стоят двухэтажные купеческие дома разбогатевших на рыбе промышленников, и стоят часто — чуть ли не через два дома на третий. Основательные амбары для рыбы.

В устье Варзуги, к примеру, до революции находилось 18 судов местных владельцев, кузомлян и варзужан. В самой Кузомени было пять лавок.

Архитектурно Терский берег и Карельский мало отличаются друг от друга. Чудесные шатровые церкви сохранились в Кеми и в Варзуге. К сожалению, очень много интересной архитектуры было уничтожено во второй половине <19>30-х годов, а в Шуерецкой уже после войны от молнии сгорела шатровая церковь.¹⁷

Заселялся край новгородцами с незапамятных времен. Сначала тут промыслили пушного зверя, позже стали ловить рыбу. Огромное значение для экономики края имел Соловецкий монастырь. Владения его были по всему Терскому берегу. Староверчество, как это ни странно, доходит только до Умбы. Дальше „на низ“ — низом считается восточный конец Терского берега, — староверческих семей совсем нет.

Позднее сюда устремились переселенцы с востока и юга. От Архангельска (с Двины) они двигались „вверх“ по берегу, в сторону Кандалакши. Эти новые жители смыли на Терск<ом> берегу старинную новгородскую эпическую традицию, принесли заметное аканье в песнях. Влияние Архангельска продолжалось и позже, почему Терский берег богаче городскими романсами, в отличие от Карельского, и беднее эпосом.

Новгородская традиция была отодвинута от берегов и отошла в глубь Кольского полуострова. Так Варзуга была, видимо, богаче эпосом, чем Кузомень, а название „старины“ я записал в Умбе от женщины родом с Вялозера — она одна на всем моем пути знала и употребляла это слово. (Чуть я не поехал в Вялозеро, но там, сказала она мне, уже никого не осталось из старых жителей.)

На Терском берегу (название которого, по преданию, произведено от тверских князей, соперничавших с Новгородом за право владения) древнейшее поселение — Варзуга. Раньше тут был погост Карельский. В 1419 году он был сожжен „мурманам“—норманнами, видимо, — и перенесен вверх по реке, за пороги, с новым названием: Варзуга. Умба, Кузомень, Тетрино появились в XVI—XVII веках.

Варзуга очень долго сохраняла значение центра края. Здесь, по зимам, устраивалась ежегодная Никольская ярмарка; на нее съезжались со всего побережья, а из глубин Кольского полуострова саамы гнали оленей на продажу, везли озерную рыбу.

¹⁷ Этот абзац отмечен скобками и перечеркнут карандашом.

В настоящее время родственные связи и знакомства жителей распределяются по берегам. На Карельском — знают друг друга по Карельскому берегу, на Терском — связи между жителями простираются от Кандалакши до Пялиц. Так, в Умбе я познакомился с гостившей там певицей из Тетрина. В Тетрине застал кузюмку, ныне живущую в Кандалакше, и т. д. Соответственно перемешивается и фольклорный репертуар, хотя каждое село имеет свои особенности в напевах и репертуаре.

Песенным центром, признанным всеми жителями Терск<ого> бер<ега>, является Варзуга.

В одежде — старинных сарафанов и повойников держатся старухи, они очень красивы и величественны в этих сарафанах. Молодежь и женщины средних лет все носят современные костюмы; жители культурны, много ездят, много видели, живут зажиточно и очень чисто, в поморские избы приятно заходить. Такая же чистота на тонях. Народ замечательно приветливый, гостеприимный, честность там поразительная. Пробыв на Белом море меньше двух месяцев, я возвращался оттуда, как будто бы уезжал от родных мест.

Каковы же результаты поездки? Сразу скажу, я собирал „досельный“ фольклор, ограничив себя не в жанре, а в историческом периоде (за немногими исключениями). Привез я песни, сказки, баллады, былины, духовные стихи, детский фольклор, старинные частушки.

Старших исторических песен и плачей я не обнаружил. Частушки записывал походя, только досельные, и специально их не искал.

Всего записей у меня 900 (моих личных; кроме того, я привез 51 песню из записанных студентками). Из них эпических записей и духовных стихов — 44, сказок и преданий — 47, частушек — 367. Песен, в том числе детского фольклора, — 442 записи. Среди разговоров исполнителей, записанных мною, имеется также несколько поговорок. Возраст исполнителей в целом от 50 до 60 лет. Иногда старше, до 70 и более. Реже — младше.

Женщины моложе этого возраста обычно не знают или плохо знают старинный репертуар. Это — следствие не одного возрастного распределения репертуара, а, главным образом, — изменения всего строя жизни.

Старинные песни лучше сохранены там, где существовал самодетельный хоровой коллектив, — как в Шуерецкой и ряде сел по Терскому берегу.

Публикации, доступные широким массам, и радио, главным образом, определяют сейчас, будет ли жить или умрет традиция старинной песни, так как радио сейчас — основной авторитет для села.

Молодежь поет то же, что и везде. Так я по всему Белому морю от Шуерецкой до Тетрино слышал «Подмосковные вечера».

В Варзуге, где поют, идя на работу и с работы, поют, проезжая на машине на покос или возвращаясь на карбасах с того же покоса (и поют хорошо, я слушал), — что же поют девушки? Это все те же песни, что и у нас здесь. Так я запомнил песенку «...Встречу милого как-нибудь летом, / И спрошу я, волнение тая...», которую девушки в Варзуге пели особенно выразительно. А неделю назад слышу — брат напевает себе под нос то же самое на абсолютно тот же мотив; он слышал ее в Ириновке, под Ленинградом. Песня из песенника — автор Харитонов.

Дело в том, что старые песни были прикреплены к каким-то обрядовым сторонам жизни — свадьбы, гуляния, посиделки и т. д., а жизнь переменялась. Старые песни поют еще на „балах“, т. е. на праздниках, особенно когда под хмельком.

Поскольку меня прежде всего интересуют особенности общественного художественного сознания, определяющие жизнь и изменение фольклора, то я записывал не только тексты, но и все реплики, разговоры и оценки, суждения, которые слышал от исполнителей по поводу песен, „стихов“ и сказок, с тем, чтобы восстановить потом, насколько возможно, непосредственный народный взгляд на фольклор.

Вот обзор собранного материала по жанрам.

Записей былин, баллад и духовных стихов — всего у меня 44, не считая мелких отрывков. Сюда входят и поздние духовные стихи XIX в.

Эпос — вообще „стихи“ находятся в стадии полного разрушения. „Стихи нынче не поют, ни к чему теперь“, — по словам самих исполнителей. При этом Карельский берег богаче эпическими произведениями, чем Терский, особенно Гридино и Калгалакша, где я как раз не был. В Шуерецкой мною записаны: „Козарин“, „Соломан“, „Дунай и королева“, два „Сухмана“, три варианта баллады „Жил-был князь 90 лет“, два — „Домны“ и один — „Князя Михайлы“. Кроме того, несколько духовных стихов, среди них интересны „Егорий-змееборец“ и „Алексей человек Божий“. При этом на те же сюжеты я мог сделать еще пять-шесть записей. На Терском берегу, при самом крайнем тщании, я записал только былинку „Катерина и Алёша“ (это „Чурила и Катерина“), взятую из книги; два дефектных варианта „Ивана Годиновича“ да „Илью Муромца“ в прозаическом пересказе. Из баллад: „Вдову Пашицу“ — дважды; „Домну“ — шесть раз; „Жил-был князь 90 лет“ — три раза; „Князя Михайлу“ — три раза и одного „Князя Романа“. Из духовных стихов — „Егория-мученика“ и, интересные культурно-исторически, распетые поздние стихи XIX века: „Стих бедного старика“, „Гора Афон“, „Стих юного отшельника“ и „Плачевный стих“.

Кроме того, записал несколько отрывков, среди них — начало песни про Иова и Мару. Это в трех селах из пяти обследованных.

Наиболее популярны на обоих берегах стихи про „Алексея человека Божьего“ и святого Егория и баллады „Домна“ и „Жил-был князь 90 лет“.

Былины, по существу, кончились совсем. Характерно, что и то, что записано мною, — это былины позднего образования, новеллистические и приближающиеся к балладам.

Почему умирают „стихи“? Некоторые женщины объяснили так: раньше стихи пели, как избы мыли, скоблили стены, а теперь обои клеят, так не моют стен и стихов не поют.

Дело, конечно, не в этом, а в изменении строя жизни. Рассказывая мне балладу „Домна“ в Шуерецкой, одна исполнительница прибавила: „Это все быль, было, было, так же сватались, так же бросались на ножики“. А относительно „Князя 90 лет“ я слышал такое пояснение: „Слушать старинных стариков — пригодится молодым. Есть и сейчас — наскажут, насплетничают, а потом и верно, живут плохо“.

По мере того как исчезает возможность сопоставлять сюжеты и мораль баллад и былин со своей жизнью, исчезают из живого бытования сами стихи. То же касается и духовных стихов.

Однако в эпосе есть и другая сторона: мы-то его ценим не за то, что он отображает нашу жизнь, а как памятник великого прошлого и памятник народного искусства. Чтобы люди научились ценить эпос с этой стороны, надо, чтобы они увидели его в книге, услышали по радио, то есть по каналам высокой для них, авторитетной городской культуры.

С этой стороны очень интересно, что грамотность не только не мешает, но и активно помогает сохранению эпоса.

Исполнитель, который записал свои „стихи“, лучше их помнит. Две былины из записанных мною переняты из книг. Неплохо вспомнить также, какое значение имела ранняя письменная фиксация эпоса других народов, например, исландских и ирландских саг. А между тем, кто из фольклористов приложил руку к выпуску дешевых изданий эпоса для народа? Никто. Большое дело было отдано предпринимателям. На тягу народа к тому, чтобы преодолеть разрыв письменной и устной литературы откликнулась церковь, отсюда эти новые стихи: „Стих бедного старика“ и др.

Исторических песен почти не встречалось. Я записал сравнительно позднюю, по существу солдатскую песню „При лужку, лужку, лужку стояла армия в кружку“ и песню „В непоказанное время царя требуют в Синод“ с оригинальным концом. Песен про Грозного, Разина, татарский полон — не было.

Плачей я не нашел.

Сказки я записывал главным образом на Терском берегу.

На Карельском берегу К. В. Чистов почти не находил сказок и просил выяснить, почему это? Я нашел в Шуерецкой одного

сказочника — рыбака. Записал от него сказку про солдата и генеральскую дочь, анекдот про Петра I и Соловецкого отшельника, анекдот про генерала, несколько загадок. Он, кроме того, пересказывает книги, например „Марракотову бездну“ Конан-Дойла, в чем видно опять же тяготение к слиянию литературы и фольклора.

Дело в том, что с этого берега за рыбой ходят на Мурман одни мужчины и, возможно, это определяет репертуар сказочников и то, что летом трудно найти рассказчиков. Кроме того, теперь ходят на больших судах, где есть радио, книги. Раньше же, по словам сказочника, „на Мурман ходили — мелкая посуда, три-четыре человека. Осенью тёмно, шторм, выйти некуда. Ну, соберутся с соседних тоней и — кто чего“.

Впрочем, нашел я и одну старушку с волшебными сказками. Записал от нее сказку про Алёнушку и брата Иванушку (козлика). Знала она „Финиста ясна сокола“ и много других. Я дал ее адрес девушкам, когда уезжал. (Ходили ли они к ней — не знаю.)

На Терском берегу тони под боком, забираются туда всеми семьями и, хотя сейчас рыбацкая тоня совсем не то, что было раньше (заходя — я видел свет, радио, журналы, том Майн Рида), все же сказки целее.

Я нашел двух сказочниц в Кузомени и Варзуге и записал от одной 21 сказку, в большинстве — волшебные старинные сказки, и одно историческое предание (как англичанка здешни берега разоряла). От другой, в Варзуге, я записал 18 волшебных и детских сказок; первые она подзабыла, а детские у нее очень хороши. Там же я записал еще сказку от другой женщины. Сверх того, достал адреса двух знаменитых по берегу сказочников в Умбе и в Пялицах.

Интерес к сказкам падает. Многие жители спрашивают: „А кому это нужно?“

Место сказки заменяет роман с приключениями и фантастикой. Однако как элемент культурного и художественного наследия сказка может сохраниться. Иногда сказки рассказывают на сцене.

Сказка в литературной обработке, например сказки Пушкина, очень живо воспринимается и влияет на устную сказку. (Так, я записал интересный вариант царя Салтана.) Многие сказки берутся из сборников сказок и передаются в местной обработке. В волшебных сказках Терского берега Кашей бессмертный заменен всюду нечистым духом или дьяволом. Чрезвычайно широко распространена злая Яга-баба, часто с дочерьми. Стойко сохраняется сказочная обрядность, троичность событий, сказочные речевые формулы и проч.

Больше всего я привез песен. Всего записей у меня моих личных — 442. Повторных дословных записей среди них немного.

По-видимому, для того периода и места, к которым относятся записанные мною песни, характерно, что обрядовые действия и песни годового сельскохозяйственного цикла целиком вытеснились гуляньями и игровыми песнями. Во всяком случае, я тщательно спрашивал про специальные новогодние или весенние песни.

Большинство песен делится только на два раздела — протяжные, распевавшиеся на беседах, на качелях (отсюда название — „качельные“) на праздниках, и плясовые, скорые („утушные“ или „заюшки“), сопровождавшие пляски и хороводы.

Из собственно обрядовых песен в старшем поколении сохранились свадебные песни, которых я записал немног<им> более сорока.

По воспоминаниям женщин я записывал последовательность обряда свадьбы на Карельском и Терском берегах и песни старался записывать и там, и там в этой последовательности. При этом выбор песен на разных берегах отличен, а в пределах одного берега обряд свадьбы, как кажется, почти одинаков. В Шуерецкой я записал также свадебную причетъ и свадебное виноградьё — „Среди-то было Китая, славного города“, а на Терском — несколько вятских свадебных песен, среди них приговор дружки, — от переселенцев вятичей. В Варзуге записал также несколько шуточных свадебных песен: „Каты покаты“, „С поверья, с поверья“,¹⁸ „Витя на грядке трясется“ и проч., которые поются детям, присутствующим на свадьбе.

Обряд свадьбы сохраннее на Терском берегу, чем в Шуерецкой. В Тетрино при мне вымазали тестом неудачливого свата. Но все же свадебные песни и обряд умирают. Про одну недавнюю молодую свадьбу женщины передавали мне: „и спели «Звёздку»,¹⁹ а боле ничего и не знают, и ни одной песни не допели до конца”.

Переселенка из Кировской области (не без оттенка областного самолюбия, разумеется) говорила мне про местные свадьбы, что и поют-то не так, и не сядут по чину, а „как собаки бежат за стол“, — в общем, „некультурно у них свадьбы проходят“. Это тот редкий случай, когда под словом „культура“ понималась культура народная, сельская, а не джаз с фокстротом.

Жизнь свадебной песни определяется сравнимостью со всей жизнью. Одна из женщин в Варзуге спела мне песню „Много, много у сыра дуба...“ и вдруг, поглядев на внучку, брошенную родителями, заплакала и пояснила шепотом: „Вот и она так же... Мать бросила, и отец уехал“.

Когда сравнимость со своей жизнью исчезает — песни умирают. Умирают скорее всего такие, которые связаны с насиль-

¹⁸ В машинописи «Сноверья — сноверья» — вероятно, неточное отражение рукописного оригинала.

¹⁹ В машинописи — «Звестку».

ственной отдачей замуж. Например, „Как свата ругают“ я записал с большим трудом.

В свадебных песнях ясно видно, как и в иных, разновременность их сочинения. Некоторые имеют очень древнюю основу, другие менялись и сочинялись позже, вплоть до второй половины прошлого века. Но сейчас появления новых свадебных песен или переработки старых не наблюдается. В прошлое уходит весь в целом свадебный обряд.

Другая группа песен, выделить которую я сумел только на Терском берегу, — это рекрутские. Их сравнительно мало, и теперь они уже не поются. Меня даже спрашивали, можно ли их петь, не запрещено ли? Лишний пример того, как могут быть перетолкованы наши теории о нехарактерности тех или иных жанров для советского времени, и как мы должны быть осторожны, прежде чем говорить о ненужности чего-либо. Рекрутские песни характеризуются особой группой напевов, так что мне начали петь одну лирическую песню, сказав, что это рекрутская, а потом поправились: „она не рекрутская, а мотив у нее, как у рекрутской“. Всего записей собственно рекрутских песен у меня не более 15-ти. Одна песня поздняя, времени русско-турецкой (балканской) войны, по существу солдатская, но пелась как рекрутская. Как рекрутскую песню пели прощание Чайльд Гарольда с родиной из Байрона.

По красоте своих напевов и образов старинные рекрутские песни могли бы украсить репертуар любого народного хора.

Плясовые песни (всего у меня около 100 записей): в Шуерецкой их чаще всего зовут „утушные“ — по названию хоровода, на Терском — „заюшки“. По мере движения по берегу от Карельского берега к Архангельску плавная медленность „утушных“ шуерецких песен сменяется все большей стремительностью, и в Тетрине меня угостили такой скороговоркой, которая может посрамить знаменитый речитатив Фигаро.

Вообще и в целом растяжность песен Карельского берега на Терском умеряется и сменяется большой живостью при движении на „низ“, то есть в сторону Архангельска.

О смерти плясовых песен (нынешняя молодежь их не поет и не знает) мне объяснили так: „Гармоней раньше не было, плясали кадрили под песни“. Теперешние старухи пели эти милые, часто остроумные, иногда грустные по содержанию, как „Деревенька-деревня“, песни на беседах и гуляньях в молодости. Содержание их бытовое, чрезвычайно разнообразное. Это истинное море поэзии, юмора, замечательных ритмических рисунков и широкая картина народной жизни. Среди них есть и песни, воспроизводящие дворянскую жизнь XVIII века глазами крестьян. Но более всего — песен о своей жизни, любви, радостях, горестях и прочее.

Протяжным песням — они дали наибольшее количество записей — повезло больше. Они, собственно, делятся на качельные, беседные и т. д. Но деление это теперь потеряло всякую четкость и перепуталось. Поют их на праздниках, на „балах“, как называют вечеринки с угощением по всему Терскому берегу. Молодежь, случаясь тут, подпевает.

Песенные пласты тут те же, что и для плясовых. Ясно ощутимы XVIII и XIX века. Ряд песен, видимо, — местные: „Сорока от Старчины неподалече стоит“ или „По Белу морю корабличек бежит-таки, бежит, к Кеми городу корабличек спешит-таки, спешит“.

Собственно крестьянская протяжная песня в большей чистоте представлена на Карельском берегу. На Терский берег через Архангельск во множестве проникли романсы, мещанский и кабацкий репертуар начала нашего века, как-то: „Папирочка, друг мой тайный“ и прочие перлы.

Впрочем, есть песни, пришедшие из города, но очень красиво и по-своему распеты. Есть красивые песни недавнего сочинения, времени первой империалистической войны: „Дым клубится над Невой“ и другие.

Явно сказывается тяготение к обогащению репертуара произведениями профессионального искусства. Поют Пушкина, Лермонтова.

Беда в том, что между народным искусством и классикой стояла и стоит — я знаю провинциальных гастролеров эстрадников достаточно хорошо, чтобы говорить об этом, — мутная волна невообразимой мещанской пошлости, которая усваивается в деревне под маркой городской культуры.

Когда я ехал на пароходе в Кижы и обратно, репродуктор безостановочно обливал меня столь низкопробными „штучками“, что я за эти несколько часов приобрел неврастению и самые мрачные мысли о будущем нашей советской песенной культуры.

Наши толстые научные издания плохо доходят на „места“, а контролировать массовую продукцию пицци духовной мы или брезгуем, или не можем.

Старинных частушек я привез 367, главным образом с Терского берега. О частушках, вообще говоря, существуют два мнения: одно — старое, что частушка примитивна, губит старинную песню, вытесняя ее и т. д.; другое — новое, что частушка, вытесняя старинную песню, является прогрессивным, интересным, богатым жанром фольклора, откликается на все стороны жизни и т. п.

Мне показалось, что оба эти мнения неверны с самого начала. Частушка ничего не вытесняет. У частушки свое назначение в жизни, в быту. Это особый жанр, который не может заменить песню и никогда ее не заменял. Частушка выполняет задачу тех

коротких скоморошин, которые есть еще у Кириши Данилова, сверх того служит для поэтических диалогов-соревнований на беседах.

В Вологодской области частушка обычно сопровождается дробь (пляску).

Подобные песенки с тем же назначением есть и у других народов, например, в Испании, в<о> Вьетнаме. Та сфера чувств и настроений, которая выражается протяжной лирической песней, в основном частушкой не затрагивается. И если протяжная песня гибнет, то уступает место она городскому мещанскому романсу, а позже — современной советской лирической песне, но никак не частушке.

Что касается детского фольклора, то я привез его хоть и немного, но всех жанров — детские колыбельные, байки, детские складки для среднего возраста (одна из них интересна политическим намеком, насмешкой над Николаем II, сочиненной, вероятно, в войну 1914 года), кроме того, детские сказки и свадебные песни для детей. Есть и тут литературные заимствования. Широко распространена, к примеру, казачья колыбельная Лермонтова. Детские байки построены на каком-то очень простом музыкальном ладе, но том самом, который в сложных разработках пронизывает всю толщу старинных местных песен. Вероятно, поэтому местная молодежь, хотя и не поет, но легко может спеть правильно старинные песни, чего уже не умеют девушки и юноши, выросшие в городе, когда берутся за старинный репертуар.

Для того чтобы фольклор, воспринимаемый народом только как отражение окружающей их жизни, сделать достоянием народа уже как историческую ценность, как памятник родной старинной культуры, каким он является для нас, необходимы доступные издания.

У меня после многочисленных разговоров с самыми разными людьми (от руководителей района до рядовых рыбаков и рабочих) возникла мысль о том, что следовало бы издать сборник Терского фольклора разных жанров с сопроводительной статьей полубеллетристического характера и короткими вступлениями к разделам или отдельным песням, где словами самих исполнителей (так будет живее и доходчивее) давались бы художественные и бытовые оценки песням — те, которые приходится слышать и записывать от исполнителей. Такой сборник был бы доходчив, был бы прочтен с удовольствием и помог бы очень знакомству с культурным наследием своего края всем тем людям, которые сейчас едут осваивать богатства Кольского полуострова. Ведь край стремительно развивается и заселяется у нас на глазах».

Отдельные замечания Д. М. Балашова могли показаться спорными, к примеру — мнение о положительной роли дешевых из-

даний эпоса для сохранения эпической традиции. Но неоспоримо впечатляющими оказались результаты его первой экспедиции, позволившие А. М. Астаховой с уверенностью заявить при обсуждении его диссертации: «Д. М. Балашов проявил себя, кроме того, как очень хороший собиратель, из молодых собирателей он на первом месте».²⁰

Вместе с тем из всего собрания эпических записей Д. М. Балашова 1957 г. опубликовано лишь две: духовный стих о Егории Храбром (РО ИРЛИ, р. V, к. 172, п. 2, № 3)²¹ и баллада «Князь, княгиня и старицы» (РО ИРЛИ, р. V, к. 172, п. 2, № 232).²²

Хранящиеся в Пушкинском Доме рукописи Д. М. Балашова — исписанные крупным размашистым почерком (шариковой ручкой) большие листы — это не перебеленные, а именно полевые записи собирателя.²³ Исключение составляют тексты № 9, 11, 16, 24, 26 (см. Примечания).

В настоящую работу вошли все образцы (в том числе фрагменты) былин — вне зависимости от степени разрушенности сюжета, представленного конкретным вариантом, и большая часть баллад и духовных стихов из собрания Д. М. Балашова 1957 г. Тексты публикуются без каких-либо правок (не унифицируются, в частности, различия в написании одних и тех же слов в текстах, к примеру: «быдто» и «будто» — текст № 10, стихи 21 и 22; «Фалилеевна» и «Фалелеевна» — текст № 10, стихи 2 и 6, «королевишьня» и «королевисьня» — текст № 18, стихи 39 и 44). Однако в единичных случаях отражения собирателем ассимиляции согласных производится соответствующая замена буквы, сопровождаемая ее подчеркиванием (вместо «веть» — «ведь»). Сохранены все ударения, проставленные собирателем. Знаки препинания приведены в соответствие с современными нормами грамматики. Заглавия, данные исполнителем, приводятся в комментариях

²⁰ Протокол № 3 заседания сектора народного творчества от 1 февраля 1960 г. // Протоколы научных заседаний 1960 г. Начато 4 января 1960 г. Окончено 29 декабря 1960 г. С. 15. (Индекс № 630).

²¹ Русские народные баллады / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова. М.; Л., 1963. С. 194—195.

²² Там же. С. 60—61. В этом же издании в разделе «Новые баллады» опубликованы 4 образца романсной лирики: с. 339—340 — Три спутника (РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 295), с. 362—363 — Мальвина (РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 123); с. 367—368 — На том ли острове Буяне (РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 46); с. 369—370 — Морская легенда (РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 253).

²³ По свидетельству Ю. И. Марченко, хорошо знакомого со стилем работы Д. М. Балашова-собиравателя, Дмитрий Михайлович записывал исполняемый текст шариковой ручкой, как правило, в тетрадах большого формата и — с чрезвычайной быстротой. Лишь иногда он просил кого-либо из участников экспедиции переписать зафиксированный им вариант.

после указания архивного шифра. Заголовки, принадлежащие Д. М. Балашову (если они не совпадают с указанными перед текстами названиями сюжетов), заключены в квадратные скобки.

БЫЛИНЫ

Сухман (№ 1, 2)

№ 1

- У Владимира-царя да был почестен пир
На бояр-князей, да добрых молодцев.
На пиру-то все да порасхвастались:
Богатый хвастает да золотой казной,
5 Глупый хвастает молодой женой,
Умный хвастает да старой матерью.
На пиру сидит Сухмантьюшко Одихмантьевич.
Он не пьет, не ест, не кушает,
Белой лебеди не рушает
10 И ничем в пиру не хвастает.
Говорит ему Владимир-князь:
«Что, Сухмантьюшко, не ешь, не пьешь,
Что не ешь, не пьешь, не кушаешь,
Белой лебеди не рушаешь
15 И ничем в пиру не хвастаешь?»
Говорит Сухмантьюшко Одихмантьевич:
«Я поеду за Непру-реку,
Привезу тебе лебедь белую, некровавлену.
А тогда я и похвастаю!»
20 Садился на коня своего доброго
Да поезжал к Непре-реке.
Глядь — течет Непра-река не по-старому,
Не по-старому, не по-прежнему.
Стал Сухмантьюшко Непру-реку выспрашивать:
25 «Что течешь, Непра-река, ты не по-старому?»
Отвечает мать Непра-река:
«Стоит за мной, за Непрой-рекой, сорок тысячей,
Сорок тысячей злых татаровей.
Они мост мостят с утра до ночи.
30 Намостят они в день — а я в ночь вырою.
Из сил уж я выбиваюся!»
Садился Сухмантьюшко на добра коня,
Мать Непру-реку он перескакивал.
Не мочил копыт его добрый конь.
35 Подъезжал Сухмантьюшко ко дубинушке,
Ту дубинушку за вершинку брал,
Стал дубинушкой той помахивать:

- Махнёт, махнёт — станет улица,
А отмахнёт назад — переулочек.
- 40 Всех побил татар до единого.
Убежало ли три татарчѣнка,
Под кусточком, под ракитовым, схоронилися,
Из-за кўстика стрелки пўстили
Во его в бока, в тело белое.
- 45 Он убил этих трёх татарченок.
Листьем маковым позатыкивал
Свои раны он глубокия,
Затем садился на добра коня
И поезжал ко князю ко Владимиру.
- 50 Говорит ему Владимир-князь:
«Что не привез ты мне, Сухмантьюшко,
Лебедь белую, да не кровавленную?» —
«Ох, Владимир-князь красно солнышко!
Приходилось мне за Непрой-рекой не до лебедей:
- 55 Повстречалась мне сила ратная,
Сорок^а тысячей злых татаровей,
Злых татаровей — шли на Киев-град».
Не поверил Владимир-князь.
Он велел отвести его в погреба глубокие,
- 60 А сам поехал ко Непре-реке.
Увидал Владимир-князь силу ратную,
Сорок тысячей — вся побитая.
Приезжал Владимир-князь в свои полаты белокаменны,
Велел Сухмантьюшко привести к нему.
- 65 «Соберу тебе, Сухмантьюшко, почестен пир.
Ты бери с меня казны, да сколько надобно!» —
«А не надо мне, Владимир-князь, золотой казны.
Не умел меня ты в пору миловать,
Да не умел меня ты в пору жаловать.
- 70 А теперь тебе не видать меня!»
(*И уехал проч.*^б)

^а В ркп числительное обозначено цифрой.

^б В ркп первоначально «прочь», но «ь» зачеркнуто.

№ 2

(*Пировали:*)

Собрались князи-бояра,
Напились-наелись, да приросхвастались,
Стали хвастать силой богатырской.
А Владимир-князь по горенке похаживает,

- 5 Таковы слова да выговаривает:
«Ты зачем, Сухмантьюшка, не ешь, не пьешь,

- Белой лебеди-ко ты не рушаешь,
 Да ничем во пиру ты не хвастаешь?»
 А говорит тут Сухмантьюшко Одихмантьюшко:
- 10 «Мне ничим-ка теперь похвастати.
 Буде тем я похвастаю,
 Что я поеду-ка ко Непры-реки
 Да привезу я вам лебедь белую,
 Лебедь белую — да не кровавленную!»
(Живьём, в руках.)
- 15 Вот приехал Сухмантьюшко ко Непры-реки,
 Мать Непра-река течет да не по-старому,
 Не по-старому, да не по-прежнему:
 Что вода с песком да помутилася.
 А за Непрой стоят цело войско злых татаровей.
- 20 «Они мост мостят с утра до ночи.
 Они день мостят — а я ночью вырою».
 Тут белу сосну он да с коренья рвал,
 Снизу доверху да белый сок бежал...
(Он на пиру говорил:)
 «Я махну вперед — да стане улица,
- 25 Отмахну назад — да переулочки!».
*(Он хвастал: так дрался — так лебедь не привёз.
 Его уж стали забрали.)*
 Тут Сухмантьюшке да не поверили.
 Они брали его за белы руки,
 Отводили его в темницу тёмную.
(Он затем им показал:)
 «Посмотрите-ка у меня раны глубокие!
- 30 Когда кровь у меня из ран ручьём текла,
 Так рвал я листья маковы
 Да затыкал те раны глубокие».
*(Тут его и отпустили, поверили. И пошли с войском...
 А дальшие я не знаю!)*

Дунай и Настасья-королевна

№ 3

- Ходил-гулял Дунаюшко из Земли в Землю,
 Из Земли в Землю, да из орды в орду.
 Вот пришел Дунаюшко к королю в Литву.
 Поставил его король на конюшен двор.
- 5 Перво три года жил он конюхом,
 Потом положил князь его на новы сени,
 На новы сени — присенщиком.
 Три года служил он присенщиком.
 А король любил его да добром жаловал,
- 10 А короля жена — да паче короля.

- А Настасья-королевична — да во душе держит.
 И собирается у князя почестен пир.
 И походит Дунаюшко на почестен пир.
 На походе Настасья-королевишна ему указыват:
- 15 «Не ходи-ко ты, Дунаюшко, да на почестен пир!
 На честном пиру все поедя,^a попьют,
 Все попьют, покушают — да станут хвастати.
 И ты похвастаешь мной, да красной девушкой!»
 На пиру-то все поели, попили.
- 20 Поели, попили — и стали хвастати.
 Один хвастае да золотой казной,
 А умной хвастае да старой матерью,
 А безумный хвастае да молодой женой.
 А иной хвастае да силой богатырскою.
- 25 А Владимир-князь по горенке похаживает,
 А таковы слова да выговаривает:
 «А что же ты, Дунаюшка, не ешь, не пьешь,
 Белой лебеди ты да не рушаешь,
 Да ничим в пиру да не хвастаешь?»
- 30 Вот и молвит тут Дунаюшко:
 «А ничем мне теперь и хвастати!
 Нету у меня да золотой казны,
 Да нету у меня и молодой жены.
 Вот ходил я, Дунаюшко, из орды в орду,
 Из орды в орду, да из Земли в Землю.
- 35 И принял меня князь да Кряковинский.
 Поставил [положил]^b меня князь да на конюшен двор.
 Первы три года служил я во конюхах.
 А другó три года служил я на новых сенях.
- 40 А меня король любил да добром жаловал,
 А короля жена — да паче короля,
 А королевишна — в душе держит.
 День работаю я на новых сенях,
 А ночь сижу я у Настасьи-королевишны».
- 45 Как возговорит Владимир-князь:
 «Ах вы, воры, да разбойники!
 Вы берите Дунаюшко за белы руки,
 Да ведите ко плахи ко кровавья,
 Да рубите буйну голову,
- 50 Да вынимайте вы язык со теменью,
 А ретивó сердце со печенью —
 А полагайте вы на златó блюдо,
 А приносите вы да на почестен пир!»
 Повели разбойники ко плахи ко кровавья.
- 55 Увидала Настасья-королевишна,
 Что ведут его ко плахи ко кровавые:
 «Ай же вы, воры-разбойники!
 А берите у меня злата, сколько надобно —
 А отдайте мне Дунаюшко!

- 60 Да идите во царев кабак,
 Да купите там горьку пьяницу.
 Да ведите его на плаху кровавую
 И рубите буйну голову,
 Да вынимайте язык со теменью,
 65 Да ретивó сердце со печенью —
 И кладите на злато блюдо
 Да и несите на почестен пир»...
 А и стала Дунаюшко выспрашивать:
 «Есть ли у тебя, Дунаюшко, молода жена?»
 70 Отвечал ей Дунаюшко:
 «Есть у меня молода жена,
 Молода жена, да малы деточки». —
 «Да бери-ко, Дунаюшко, да добра коня,
 Да поезжай-ко ты да к молодой жены,
 К молодой жены, да к малым деточкам!»

^a Так в ркп.

^b Возможно, скобками собиратель отметил вариант исполнения, поправку исполнителя или же соотнес этот стих с б-м.

Соломан и Василий Окулович

№ 4

- Поехал Соломан-царь на заводи,
 Он стрелять лебедей-гусей
 Да^a серых утушек,
 Серых уток да перелетных.
 5 И колько^b той ночи ему спалось,
 А много во снах виделось:
 Сокатился со правой руки да золотой перстень
 Со того ли пёрста со мезёныша
 Да рассыпался на мелкие зернышки.
 10 Прилетали клевать эти зернышки
 Два черны^b ворона,
 Два черные заморски граючие.
 Оны клюют, да самы разговор ведут,
 Как у Соломана-царя жену отнять.
 15 Один ворон говорит другому:
 «А как же нам у живого мужа жену отнять?» —
 «Состроим три черня три корабля.
 На первый корабль кладем^b мы красна золота,
 А на второй кладём да скатна жемчуга,
 20 А на третий кладём птицу райскую —
 Будет песни петь она заморские». —
 Тут и приехали корабли во гавань-то корабельную.
 И стали ей поклоняться:

- «Ты царица Соломатица!
 25 Пойди посмотри наших товаров заморских!»
 Первые послы со двора не сошли —
 А другие послы на двор пришли:
 «Ты поди-ко ты, поди на наши корабли
 Посмотреть наших товаров заморских!»
- 30 И пошла царица Соломатица.
 И взошла она на первый корабль —
 Увидала там красно золото.
 И не могла она думушкой подумати.
 А на второй корабль взошла —
- 35 И увидала там скатный жемчуг.
 И не могла она думушкой подумати.
 А на третий корабль она взошла —
 Там поет песни птица райския^Г
 Про того ли Василья сын Окуловича.^Д
- 40 Она под ту песню и уснула крепким сном.
 Подымали якоря булатные,
 Да распущали паруса полóтные,
 И отправились во синё море.
 Так русская земля потаилася —
- 45 А немецкая земля да показалася.
 А вот приехал, воротился Соломан-царь.
 И пошёл он со своим флотом вслед.
 Оглянулся Василий сын Окулович:
 «Поглядите-ко, — сказал, — сзади не орлы летят,
- 50 Не орлы летят да не пшено клюют,
 Не пшено клюют да со пшеницею»...
 (Это Соломан-царь их в море и победил. Бой сделали.)

^а В ркп первоначально «Лебедей-гусей да», но «Лебедей-гусей» зачеркнуто.

^б Так в ркп.

^в Возможно, «кладем» вместо «кладём» — следствие скорописи (ср. стихи 19, 20), как и в других случаях фиксации «е» вместо «ё».

^Г В ркп «и» из «а»: прилагательное относится к существительному «песни», а не «птица».

^Д Далее в ркп зачеркнут стих: «Она под эти песни райские».

Иван Годинович

№ 5

- «Ты чего, чего племянничек, не женишься,
 На кого же ты, племянничек, надеиссе?» —
 «Мне молода взять — да вся корысть чужа,
 Мне подслéпа взять — да за баюг водить,
 5 Мне-ка стару взять — да на печи лежать,

На печи лежать да киселём кормить,
 Киселём кормить да молоком поить!»
 Одеваючи, да отправляючись,
 Отправляючись да во чистó поле.
 10 Во чистóм поле да кудрева стоит,
 Кудрева стоит — да дым столбом валит.
 Он приехал ко крыльцу^а
 И привязал коня да к золоту кольцу.
 Он по лестовкам идёт — да подгибаются,
 15 Он по сеничкам идет — да сени дыблются,
 Сени дыблются да новы́ колыблются.
 Он в палату-ту зашёл — палата покачалася,
 Как у окон ставники да покосилися,
 На столах питьё-яденье расплескалося.
 20 «Я не вор пришел да не разбойничек,
 Я о том дели́ пришел — да я об сватовстве!» —
 «Как моя-то ведь Аксеньюшка просватана
 За того купца да за богатого —
 За Идóлища да за проклятого!
 25 Как сидит моя Аксенья под сорока замков,
 Под сорока замков да всех шурупчатых:
 Чтобы буйныя-то ветры не провеяли,
 Чтобы красное-то солнце не просвётило».
 Тут садится на коня да добрый молодец,
 30 Подъезжат-то доброй молодец к замку, к высокоу крыльцу.
 Привязал коня да к золоту кольцу.
 (Как приехал)^б —
 Он сломал замки да все шурупчаты,
 Он как брал свою Аксенью за белы́ руки,
 Целовал свою Аксенью в сахарны уста,
 35 Посадил свою Аксенью да на добра́ коня.
 Они ехали-поехали — Аксеньюшка спроговорила:
 «Пора с коня вставать, да кóню вздох давать,
 Коню вздох давать, шатёр растягивать!»...
 (Вот он не послушался её — а потом их настиг этот
 купец, Идóлище, и битва какá была. Отнял он её.)

^а В ркп: «...он приехал ко крыльцу...» — неясно, был ли этот стих сказан или неполностью зафиксирован.

^б Взятое в круглые скобки сочетание зачеркнуто: скорее всего, пение было прервано этими словами, а затем продолжено.

№ 6

Жил был дядюшка с племянничком.
 Захотелось дядюшке племянничка жени-ти-то:
 «Ты чего, чего, племянничек, не женишься?
 На кого же ты, племянничек, надеишься?»

- 5 Тут спроговорит племянничек дядюшки:
«Мне-ка стара взять — дак на печи лежать,
Мне подслёпу взять — дак за батог водить.
Мне молóду взять — так и чужá корысть».
Только видели племянничка съезжаючись,
10 Они видели: да отправляючись,
Только видели, как на коня-то сел,
А не видели, как от двора пошёл...
*(Он невесту искал, Евфросинью каку-то,
королеву какую-то.)*

Чурила и Катерина [Алёша и Катерина]

№ 7

- Как жил да был Ермил судáрь Васильевич.
У его была жена Катерина Микулична.
Как уйдёт Ермил да во Божью церквú —
Так пойдёт по улице Алёшенька Попович млад.
5 На его бабы глядят — так косяки трещат,
На его девки глядят — дак кулаки грызут.
Есь посмотрят на Алёшу на Поповича:
У Алёши брови — бúди sóболи,
У Алёши очи были — sóколы,
10 У Алёши ли́цо — бúди маков цвет,
У Алёши шубочка — да видь хорошá-дорогá,
(Поповский сын, дак!)
У Алёши тросточка — чистóго серебра.
Есь посмотрят на побýки богатырские.
Увидала его Катенька Микулична:
15 «Гостите-ко к нам, да Алексей-судáрь!
Моего-то Ермила его дома нет,
Ушёл Ермил да во Божью церкву.
У меня на столи да самовар кипит,
Во теплые лóжичка кроватовцы стоит,
20 Ишá кровать стоит, перинца пуховáя».
На вышке дома жила девка Ермила молодая.
(Монашина жила там.)
Увидала она Алешеньку Поповича:
«Какой это, — говорит, — кобёл на крыльцо бежит?
Какой это кобель во кольцо стучит?»
25 А инó к Катеньке в гости Алексей-судáрь!»
Она ли́стовку кинáла под высóк терём,
Она шубочку накинёт на одно плечо,
Она башмачишка надёрнет на босú нóгу —
(Торопится мужу сказать, дак!)
Прибежала девка ко Божьей церкви,

- 30 Она в церкву-то вскочила — начал не кладёт,
Большому-то она не кланяется,
Она миру-то, народу, не устыжается.
«Где-ка тут Ермил да Богу молится?
Во своём дому беды не ведает:
- 35 У его в дому гостит Алёшенька Попович млад,
(Всё при народе-то и говорит, при публике.)
И сведён Алёша во покои во особы!»
И тут Ермил он из церкви вон,
Побежал к своему ко подворьюцу.
Он шаг шагнул — на рундук скочил
- 40 Во тёмные да во прихожие.
Встречает его Катенька Микулишна:
Она боса, она нага, раздетая.
И пошёл Ермил в спальню-горницу —
А на кровати спит Алёшенька Попович млад.
- 45 И срубил Ермил ему буйну голову!
*(А прежде срубил, так и ничего не было.
Теперь-то срубит...)*

Козарин

№ 8

- У города было Берёзова
У того Петра да Карамышева
Воспородила жена сына.
На роду его попортили,
5 Свет Петровича пошкотили,
Отдали ко бабушке ко задворенке.
Она растила его да двенадцать лет.
Стал Казарин по улицам побегивать,
Он кого за ручку хватит — у того и ручка проч.^a
- 10 Стали его ребяташки побранивать:
«Ох ты, выблядок, да заугольщина!»
Стал он у бабушки выспрашивать:
«Чьего я роду и племени?»
Стала она высказывать:
- 15 «На роду тебя попортили,
Отдали ко мне, бабушке-задворенке.
Ты из города Берёзова,
Того Петра да Карамышева».
(Какой князь был.)
Вот он и поехал к родителям.
- 20 Приняли его родители обратно...
(Не помню больше ничего.)

^a Так в ркп, ср. примеч. б к тексту № 1.

**Исцеление Ильи Муромца + Илья Муромец
и Соловей-разбойник**

№ 9

Илья Муромец не ходил, до тридцати^а годов всё сидел.

Ушли на сенокос отец да мать. Пришли старушки, пить запросили. Он говорит: «Я не могу ходить!» Спустились в подвал, ему говорят: «Поди спустись в подвал, там питьё есть!»

(Дедушка-то списывал все эти стихи, да тетрадь потеряна, дети изорвали.)

Они зачерпнули и выпили, и ему дали, «Испей, — говорят, — Илья Муромец да сын Иванович!» Он испил. Они спросили: «Имеешь ли силу?» Он говорит: «Я силу имею такую, что землю переверотить!» Да ему дали ещё. «Теперь наполовину меньше, теперь убавили сил!»

Родители пришли — а сын ходит на ногах, и обрадели, что сын заходил. Он и рассказал, что такие-то старушки были, они пить дали.

У отца, у матери запросил благословения. «Дайте мне коня, — говорит, — куда смогу, туда и поеду». Отец с матерью не спускали: «Куда ты поедешь? До тридцати^а годов сидел!» А он им ответил: «Не дадите благословения — так поеду!» Они и дали благословение.

Приехал — три^а дороги: первая дорога — женатому быть, вторая дорога — убитому быть, а третья — богатому быть. Он поехал в ту дорогу, где живому не быть. Ни конному, ни пешему нельзя было проходить: нечиста сила непроходимая была. Он всю её избил.

Едет. А этот Змей сидит на семи дубах и на семи верстах. Змей зревел — да конь на колени пал у Ильи. Он коня щёлкнул: «Ах ты, волчья сыть, да собачья стать! Не слышал ты посвисту змеинного, а голосу зверинного!» Стрелил — и попал в глаз. Привязал этого Змея ко коню, к стремени — и повёз.

Вот мимо змеиного-то дому везёт — вышли дети и говорят: «Матушка, раньше-то батюшка мужиков возил, а нынче отца-батюшку мужик везёт!» Она и вышла: «Отдай, говорит, я како хочешь имение отдам!» Он говорит: «Не дам! Я повезу в Киев Владимиру стольне-киевскому показать»...

^а В ркп числительное обозначено цифрой.

БАЛЛАДЫ

Дмитрий и Домна

№ 10

- Жила-была Домна Александровна,
У ей дочь была да Домна Фалилеевна.
А сватался к ней три года Митрей Васильевич.
А подруга у ней была Настасья Васильевна,
5 Митрея-князя Васильевича сестра.
Домнушка да Фалелеевна.
А сидела она да во комнатке.
Проезжал тут Митрей Васильевич.
А уж он брал тут снежку, да снегу белого,
10 Снегу белого, да снежку пушистого.
Уж он бросил, кидал ей в окошечко —
Он разбил-пробил ей околелку.
(Думал пошутить, однако — не сломать.)
Бросалась Домнушка она по плеч в окно,
Она по плеч в окно, ровно по поясу.
15 «Ещё этот ли да Митрей-князь?
Ещё этот ли Васильевич?
А сказали: он хорош-пригож,
Он хорош-пригож, лучше на свете и нет!
А головища у его — да как овинища,
20 Ручища — ^абыть да ^бграблища,
Ножища — быдто вилища,
А глазища — будто лошадиныя!»
А ёму, Митрею-князю, да пало бесчашно,
А Васильевичу да пало заслушно
(Заинтересовался, знать.)
25 Вернулся Митрей-князь да от заутрени,
От заутрени да от Христовския —
Он сказал своей сестрицы Настасье Васильевне:
«Ты сестрица родимая!
Собери-ко пир да созови на пир
30 Свою подругу Домнушку да Фалилеевну.
Она так меня да опозорила —
И плохима словами обзывает меня.
Я хочу я её да за себя замуж ей взять!»
Вот первы звы да ко двору пришли:
35 «Уж ты Домнушка, пожалуй, да Фалилеевна,
Зовет тебя Настасья Васильевна да на почёсный пир!»
А первы звы от ворот ещё не успели уйти —
А други звы ко двору успели придти:
«Уж ты Домнушка, пожалуй, пожалуй, не задерживайся,
40 Ты пожалуй к подруги на почестный пир!
Приглашает тебя Настасьюшка да на почестен пир». —

- «А я уж знаю, знаю всё: она меня зовё^в да не на почестен пир —
А она хочет меня ведь заму́ж взять,
Замуж взять за брателка!»
- 45 Это так дело не сбудется, это так у нас не сложится.
Выходила она да на крылечико,
Впрягала жеребца она, запрягала неезженного,
А в корету садилась да в чёрную.
А тогда она садилась, поехала.
- 50 А ей сказала родимая матушка:
«Я сегодня во сне видела: потеряла я крест серебряный —
Потеряю я тебя, Домнушку да Олесандровну!»
А распростилась она со родимой матинкой
А она да на вечный век.
- 55 Распростилась она, да поклонилась.
А её матинка провожала далеким да далекешенько.
И приворачивала она во кузницу:
«Ой вы, кузницы, да вы кузницы!
Вы скуйте мне-ка три ножичка,
60 Три булатных, да три стальных».
Тут сковали ей три ножичка,
Три ножичка, три булатных.
А у ней одевать-то было всё невидное,
Всё невидное, да всё незаметное.
- 65 Подъезжает Домнушка к палаты белокаменной —
А все собаки на цепях да залаяли,
Все залаяли они да забаяли:
«Вот идё, идё да всё укладница,
Всё укладница идё, да переводница».
- 70 А ступила она в комнату,
А Настасьюшка Васильевна встречает уж ей:
«Уж ты Домнушка, пожалуй, да Фалилеевна пожалуй!»
Раздевает её да принимает её.
А на печи старуха забаяла,
- 75 Забаяла, да как залаяла:
«Вот пришла, пришла укладница,
Да вот пришла переводница!»
Вот ступила в палату белокаменну.
А сидит Митрий-князь Васильевич
- 80 Да за дубовым столом да за новеньким
Да на камышевом да на стульчике
Да прями зеркальца да прями заморского.^Г
Да тут все гости её принимать хотят.
Да тут Митрий-князь ей во всю спину кланялся:
- 85 «Ты пройди, пройди, Домнушка, за дубов стол,
За дубов стол, да на камышевый стул!»
А вынимала Домнушка, а видь никто не заметные,
Она три ножичка, да три булатные.
И бросалась она на ножички и на булатные.
- 90 Она речь сказала, да речь спромолвила:

«Не достанься, тело бело, Митрию-князю на порыганье,
Да Васильевичу на издевание!
А достанься, тело белое, да мать сыру землю,
Мать сыру землю да в гробову доску».
⁹⁵ Тут и гости все переполохались,
Оны все тут испугались,
И о чем оны не догадались:
Это что тако с подружкой сделалось?
Тут подружка Настасья забегала,
¹⁰⁰ Она забегала, заволновалася,
Забегала, испугалася.
Полагали тут в карету в черную,
Отвозили Домнушку да Фалилеевну
Да ко родимой матинки, да Домне да Олександровной.
¹⁰⁵ Да родима мати она ведь плакала,
А Настасью Васильевну да проклонила тут.^д

^{а-б} Так в ркп, но, возможно, было пропето «быдъта» (т. е. «будто»), ср. следующие два стиха.

^в Так в ркп.

^г Далее в квадратных скобках указан вариант стиха: «Прямь его стоит заморско зеркальце».

^д При повторном исполнении конца баллады, как указано собирателем, вместо последних двух строк были сказаны другие:

«Да померла твоя да доченька!»
Она-ко тут да расплакалась.
Да упала к ей на белую грудь:
«Ты скажи, скажи, родная дочь!..»
А уста у ней уж загранилися,
Загранилися, не шевелилися.
Схоронила матинка во сыру землю,
Во сыру землю; да поклонилася.
А с тех пор она да осердилася.

№ 11

Сватался Митрий Васильеич да по три года.
На четвертый год только свадьбы быть,
Только к венцу пойти да овенцетисе,
Случилосе Митрию к заутрени
⁵ Васильевичу ко воскресенские.
Мимо ту ли идет палату белокаменну —
Мимо Софьи Никулишны,
Мимо Домны Фалилеевны.
А бросалася Домнушка по плеч в окно,
¹⁰ Фалилеевна по поясу:
«Сказали про Митрия: хорош и пригож,
Про Васильевича — краше свету нет!

- У его ноги кривы́ да глаза косы́,
А голова — как пивной котёл,
15 Он сутул-горбат, да наперед поклап,
Русы волосы — кольё заонесское,
А речь — гово́рья корельская!»
Воротился Митрий от заутрени
Васильевич от воскресенския.
- 20 Приходит к сестры да Марье Васильевны:
«Ой ты ой еси, сестра Мария Васильевна!
Ты собирай-ко стол пировать.
Да зови Софью-то Микулишну
Со той ли Домной с Фалилеевной.
- 25 Скажи: брателка Митрия дома нет,
А Васильевича не <с>лучилосе:
Он ушел да в лес полесовать
За куницамы, да за лисицамы,
За всякима за разныма птицамы».
- 30 И приходит звать Марья дочь Васильева:
«Ты пойдём-ка, Софья дочь Микулична,
Со той ли Домной Фалилеевной
На почестен пир!
У мя брателка Митрия в доме нет:
- 35 Он ушел-ка в лес полесовать
За куницамы, за лисицамы,
За всякима разныма птицамы».
Не спускает Софья Микулична
Свою дочь Домну Фалилеевну:
- 40 «Мне ночесь мало спалось, а во снах виделось:
Ты оставила с правой руки злачён перстень,
А со белой груди чудесный крест!»
Не послушала Домна свою мать,
Набело-то стала умыватися,
- 45 Снарядно́-то стала снаряжатися.
Умёршо-то платьице на низ кладёт,
А кристовско-то^а платьице в середоцке,
А воскресеньское-то платьице на самый верх.
Пришла, отворила двери на́ пату —
- 50 Крест-от кладёт по-писа́ному,
Поклон ведёт по-учёному:
«Ты здорово живешь, да Марья дочь Васильевна!» —
«Приходи-ко, до́бро жаловать, Домна Фалилеевна!
Ты садись-ка поди да во большой угол».
- 55 А выходит Митрий да из-за за́весы
А Васильевич из-за узорчатой,
(Он, вишь, ухоронился омманом!)
Наливает чару зелена вина
Да выпивает до самого-то дна.
А наливает чару красного вина
- 60 И подносит Домны Фалилеевны:

- «Выпей-ко от сутулого, да от горбатого,
 От ног-то кривых, да от глаз-то косых,
 От головы-то — да от пивного котла,
 От русых вóлосов — кóлье заонесское,
 65 От речи-говóри от корельской!»
 Тут Домнушка да испугалася:
 «Ты вой еси, Митрей сын Васильевич!
 Ты спусти меня на круто красно крылецко
 С белым светом расставатися,
 70 А с отцом-матерью да розвидатися!»
 И вышла на крыльцо красное.
 Сходила Домна во кузницу,
 Сковала Домнушка два ножицька,
 Два ножицька два булатные.
 75 Пошла да во чисто поле.
 Клала она тупым концом да во сырú землё,
 А вострым-то концом да в ретиво сердце:
 «Не достанься, тело белое,
 Ни(и)^б сутулому, ни горбатуму,
 80 Ни ногам кривым, да ни глазам косым!
 А достанься, тело белое,
 Чёрным вóронам на слётъше,
 А серым волкам на сбéишшо!»^в
 А выходит утром рано мать,^г
 85 Поглядела в чисто поле:
 «А чего они, чёрны-то вороны, слетаются,
 А серые-то волки сбегаются?»

И пошла она в чисто поле. Пришла — дочь погибла на ножиках. Вороны расклевали, а серы волки растаскали. И сама-ко погибла, на те же ножи пала!

^а Можно прочесть и «христовско-то».

^б В ркп «Ни и»; считаем, что нелогичное в данном контексте появление союза «и» — результат продолжительности предыдущего звука «и», если, разумеется, это не описка при перебеливании полевой записи.

^в В ркп «збéишшо»; от «сбегаться», «з» — результат ассимиляции согласных.

^г Этот стих в ркп отмечен круглыми скобками: либо он был сказан (а остальное пропето), либо он представляет собой поправку исп.

№ 12

- Как и пошел^а наш Митрий ко заутрени,
 Свет и Васльевич ко Воскресеньския,
 Ко Воскресенския, ко Вознесенския.
 Увидала его Домна да Фалелеевна
 5 Из того окна да из косищатого:

- «Не этот ли, маменька, Митрий-князь,
А не этот ли, маменька, свет Васильевич?
Он сутул-горбат, а наперёд — поклоп,
Ещё ноги-то кривы, да что и глаза косы,
10 Голова у него — да как пивной котёл!»
Воротился-то Дмитрий он от заутрени,
От Вознесенския, да от Воскресенския.
Пришёл наш Митрий к сестрице, ко Марье Васильевне.⁶
«Собери-ко ты, сестрица, стол-почестен пир!
- 15 Созови-ко-сё ты подружечек,
Созови-ко да Домну Фалелеевну.
Ты скажи, сестрица: да брата дома нет.
Он ушел^а у нас да в лес полесовать
За куницамы, да за лисицамы,
20 За медведямы, да за злодэямы».
- Пошла Марьюшка ко Домне да Фалелеевне.
«Уж пойдём-ко, Домнушка, на девинный стол,
На девинный стол, да на почестен пир!
Тут уже Митрия да-ко дома нет.
- 25 Как ушел^а наш Митрий в лес полесовать
За куницамы, да за лисицамы,
За медведямы, да за злодеямы».
- Одевалася Домна да Фалилеевна,
Да снаряжалася да ище Домнушка.
- 30 Тут и спроговорит маменька родимая:
«Ты куды, куды да снаряжаишься,
Ты куды, куды, да Фалелеевна,
Ты куда у нас да отправляишься?»
- Тут спроговорит Домна да Фалилеевна:
35 «Похожу я ведь да на почестен пир».
- Тут и спроговорит маменька родимая:
«Я ночесь малó спала — да много видела:
Потеряла я с руки да свой злачён перстень,
Потеряла я с груди да крест серебряный!»
- 40 Не спроговорит Домнушка матери ничего.
Одеваится Домна да Фалилеевна,
Одеваится, да снаряжаются,
Вознесёнское платьице на низ кладёт,
Подвинесьное платье на верх одинё.
- 45 Воскресеньское платье наверх кладёт.
А и пошла Домна да Фалелеевна.
Счо идет по лестовкам — лестовки дыблются,
Что по сеничкам идёт — сени колыблются,
Как зашла в палату — палата покачалася.
- 50 Тут спроговорит Митрей да что ль Васильевич:
«Приходи-ко, Домна да Фалелеевна,
Ко ногам кривым, да ко глазам косым!
Голова-то у меня — да чугунная,
Да поговóря-то у меня — да речь корельская».

- 55 Тут ведь Домнушки да за беду сталó,
Фалалеевны да за великую.
Повернися Домна да Фалалеевна,
Она сходит, Домнушка, во кузницу.
Тут скуют Домнушки да ей три ножичка,
60 Ей три ножичка да три булатного.
Она тупыма концами — да во сыру землю,
А востры конца — да к ретиву сердцу!
Тут падёт Домна да на сырú землю:
«Не достанься, моя молодость, Митрию Егоровичу!»
(Дальше не мать ли как-то приходила...)

^a Возможно, «е» вместо «ё» в слове — результат машинальной записи соб.

^б Первоначально было пропето (или сказано): «Егоровне», затем исполнительница, видимо, поправилась. В ркп зафиксировано «Егоровне», рядом в круглых скобках «Васильевне».

№ 13

- Что-й пошёл Димитрий к честной ранней заутрени.
Увидала из окна да Домна Фалалеевна:
«Что и сказали про Митирия: хорош-пригож,
Про Митрияновича — да его лучше нет!
5 Что и ногй кривы́, да всё глаза косы́,
Ещё кудерцы да заонежские,
Поговорочка да всё корельская!»

Что услышал эти слова Димитрий Митриянович. Пришел от заутрени и сказал матери, чтобы собрала пир. «Собери, — говорит, — чесной пир да созови Домну Фалалеевну!»¹⁰

- Скажи, что Димитрия да дóма нет,
Митрияновича да не случилося:
Что-й уехал Димитрий за куницами,
За куницамы, да за лисицамы,
15 За медведямы да за злодеямы».
Тут собрала матушка почестен пир,
Созвала и Домну Фалалеевну.
Вот Димитрий на полати затену́лся...^a
(Не знаю, как поётся тут.)
Приходит Домна Фалалеевна на почестен пир.
20 Поздоровалась (уж не знаю, как), а Димитрий заговорил с полатай:
«Приходи-тко, Дóмна Фалалеевна,
Ко ногам кривым да ко глазам косым,
Что кудерьям да заонежским,

- К поговóрюшке да всё корельские!»
25 Ей не понравилось, так она ушла — и закололась, говорят.
(Только эти слова помню. Стыдно ей показалось!)

^a Стих не спет, а сказан.

№ 14

- Жил-был Митрий-князь да свет Васильевич.
Он сватался на Домны Фалилеевной
Да по три года, по три осени —
На четвертый год лишь бы свадьбы быть,
5 Лишь бы свадьбы быть, да лишь к венцу идти.
А пошёл Митрей-князь ко заутрени —
А бросилась Домнушка по плеч в окно,
По плеч в окно, да ровно по поясу:
«А не этот ли, матинка, есть Митрий-князь,
10 А не этот ли есть свет Васильевич?
А голова-то у него — да как овинища,
А глаза у него — как коровища,
А ножища-то у него — быдто вилища,
А ручища — быдто граблища!»
15 Это Митрею-князю во слух пало,
Во слух пало, да за беду пришло,
За беду пришло да не за малую.
Пришел Митрий-князь да от обеденки.
Говорит сестре он Марьюшке:
20 «Собери-ко ты, Марьюшка, почестен пир!
Да не зови-ко не попов, не дьяконов —
А зови подружек-названушек
Да позови во-первых Домну Фалилеевну».
Вот первы звы на двор пришли:
25 «Ты пожалуй-поди, Домна Фалилеевна,
Да спусти, спусти, Софьюшка Никулишна!»
Первы звы со двора не сошли —
А другие звы на двор пришли:
«Ты поди-ко, поди, Домна Фалилеевна,
30 Да спусти-ко, спусти, Софьюшка Никулишна,
К Марьюшке к подружке на почестен пир!
У ей брата, Митрия-князя, право, дома нет,
Да свет Васильевича да не случилось:
Он ушел да за охотамы,
35 За куницамы да за лисицамы,
Стрелять-палить малых утушек».
Вторы звы со двора не сошли —
А третьи звы на двор пришли:
«Ты поди-ко, поди, Домна Фалилеевна,

- 40 Да спусти-ко, спусти, Софьюшка Никулишна!»
 Да походила тут Домна Фалилеевна
 К Марьюшке к подружке на почестен пир
 Говорила ей тут мать родна:
 «Мне не много-ко нынче спалось,
 45 А много во сне виделось:
 Потеряла я со шеи крест серебряный —
 Да потеряю я тебя, Домна Фалилеевна!»^a
 Пошла Домнушка на почестен пир.
 Подходит Домна Фалилеевна
 50 Ко широким воротам — ^bкнязю Митрею.^b
 А стоят у ворот да приворотнички:
 «Это ли есть Митрея-князя укладница,
 Да это ли есть его переводница,
 Да это ли есть цепной кобёл?»
 55 И ступила она в палату белокáменну —
 Да вот и сидит тут сам Митрей-князь.
 И заговорила тут Марьюшка-подружка:
 «Это ли есть Митрея-князя укладница?»
 (Оны ведь сватают, так ничего не знают!)
 Повернулась Домна Фалилеевна,
 60 И пошла она да во чисто поле —
 На три ножичка булатные бросалася.^г
 (Мать-то ей не спускала. Ну, она им хоть худо
 сделала — так и они ей тоже худо!)

^a Далее в ркп зафиксирован спор между исполнительницей и «подсказывавшими» ей женщинами: «Три креста, да три серебряных!» — «У ей одна дочь была, не три!»

^{b-в} В ркп отмечен вариант исполнения: «ко Марьюшке».

^г В ркп отмечен вариант исполнения: «И бросилась на три ножичка булатные».

№ 15

- Сватался Митрей-князь он на Домнушке
 По три года да по три осени —
 На четвёрту осень только свадьбы быть,
 Только свадьбы быть, да только к венцу пойти.
 5 Пошёл Митрей-князь да ко заутрени,
 Ко заутрени ко воскресеньския.
 А бросалась Домнушка по плеч в окно,
 Фалелеевна да по поясу:
 «Вот не этот ли, маменька, есь Митрей-князь?
 10 Вот не этот ли, сударыня, Васильевич?
 У его глаза косы, ноги кривы,
 Поговóра у его всё корельское,
 А он сутул-горбат, да наперёд покляп!»

- А эти речи Митрею во слух пришли,
15 Во слух пришли, да за бедú стали.
Домой пришёл:^а
«Собери-ка, маменька, стол-почестен пир,
Созови-ка Домну Фалилеевну!
Скажите, что Митрея-князя дома нет,
20 Не случилось, да не пригодилось:
Ушёл Митрей-князь да за лисицами,
За лисицами, да за куницами».
Вот первы́ послы да на двор пришли:
«Приходи-ка, Домна Фалилеевна,
25 На почестен пир, да за девичий стол!
А у нас Митрея-князя и дома нет,
Не случилось, да не пригодилось:
Ушёл Митрей-князь за лисицами,
За лисицами, за куницами,
30 За медведямы, да за злодеямы».
Мать-то ей не отпускает:^а
«Не ходи-ко, Домна Фалилеевна!
Мне-ка ночесь спалось — да много виделось:
Сокатился грозен крест да со белых грудей».
35 А Домнушка мать не слушает,
Собирается на почестен пир:
Побелёшеньку Домна да умывается,
Почищёхоньку Домна да снаряжается.
Пошла она, Домна Фалилеевна.
40 Как открывает двери-то^б —
А Митрей-князь во большом углу сидит.
«Приходи-ко, — говорит, — Домна Фалилеевна,
Небыванная, да долгожданная,
Ко сутулому да ко горбатому,
45 Ко глазам косым, да ко речам ко корельским!» —
«Отпусти-ко мне домой сходить!» —
«Хоть куда хошь ходи — да только моей слови^в!»
Домой пришла...^а
Сковала она два ножичка.
50 И упала на эти ножички,
И решила она сама себя.

^а Стих сказан.

^б Далее в квадратных скобках, вероятно, пояснение соб.: «Домна Фалилеевна».

^в Т. е. «слыви».

№ 16

Сватался Митрий по три года,
Васильевич по три осени.
Тут случилася: Митрию к заутрени,

- Васильевичу к воскресеньския.
5 Бросалася Домнушка по плеч в окно,
Фалелеевна бросалася по поясу:
(*Сватался он.*)
«Сказали про Митрия: хорош-пригож,
Про Васильевича — краше в свети нет!
У его ноги кривы, да глаза косы,
(*Девка не хотела — дак захулила.*)
- 10 Речь — поговоря корельская!»
Те ему речи во слух палí,
Во слух палí, да за беду сталí,
За ту ли за просмешицу великую.
Воротился тут Митрий от заутрени
- 15 А Васильевич от воскресеньския
(*Не мог вытерпеть!*)
Да приходит ко палаты белокаменной,
Говорит сестры Софьи Васильевной:
«Собирай-ко пир на весь мир,
Зови-ко, зови Софью Микулишну
(*Тёщу.*)
- 20 Со той ли Домной с Фалилеевной!
Скажи-ка: у меня брата Митрия дома нет,
Васильевича не случилось:
Он ушел-то в лес полесовать,
Во чисто поле ушел поляковать —
- 25 За куницамы ушел, за лисицамы,
За разныма за всякыма за птицамы»...
«Не ходи ты, Домна Фалелеевна!
Мне ночесь мало спалось — во снях виделось:
Потеряла со белой груди чудён крест,
30 Со правой руки золотой перстень!»
Не послушала Домна Фалелеевна родной матери.
Умывалася Домнушка побелее,
Снаряжалася Домнушка снаряжднее
И приходит к палате к белокаменной.
- 35 Выходит тут Митрий из-за завесы,
Васильевич из-за узорчатой.
Наливает он чару зеленá вина,
Подносит Домны Фалелеевны:
«Ты прими-ко, прими от сутулого,
40 Ты прими-ко, прими от горбатого,
От глаз косых, да от ног кривых!»
(*Она выходила с угощенья.*)
Пошла в кузницу,
Сковала три ножичка.
Тупым концом клала в сыру землю,
45 А вострым — в ретивó сердце!
Мать-то ее и вышла на крыльцо и говорила,
Что чёрные вороны слеталися, а собаки сбегалися...

Сестра и братья-разбойники

№ 17

Жила-была молодá вдова,
А у вдовушки было девять сыновей,
Десятая дочь любимая.
Девять сыновей под разбой пошли,
5 Десятую дочь замуж выдали
По край мóря за морьяника.
Жили год, жили два.
На третий год стосковалася,
К матери в гости задавалася:
10 «Пойдём, пойдём, марьяничка,
Ты к тёще, а я к братьям родным!»
Шли день, шли другой.
На третий день остановились,
Нарубили дров малёшенько,
15 Распустили дым тонёшенько...
Напали воры-разбойники:
Марьяника зарезали,
(*Мужжика-то её!*)
А марьяничка в воду бросили,
(*Сына-то!*)
А марьянинку во полон взяли.
20 И все спать легли. Один не спит.
Вот он стал у ей выспрашивать:
«Чего ты роду, чегó племени?» —
«У царя было в доме девять сыновей,
А десятая дочь была любимая.
25 Девять сыновей во разбой пошли,
А десятую дочь замуж выдали,
Выдали замуж за морьяника
Жили год, жили другой.
На третий год стосковалася
30 И к матери в гости задавалася.
Шли день, шли другой.
На третий день остановились,
Нарубили дров малёшенько,
Пустили дым тонёшенько.
35 Напали воры-разбойники,
Морьяника зарезали,
А морьяничка в воду бросили,
А марьянинку во полон взяли».
Тут разбойник в ноги бросился:
40 «Ты прости, сестра родимая!
Вставайте, братья родимые,
Мы не морьяника зарезали —
Зарезали зятя любимого!

Мы не морьяничка в воду бросили —
45 В воду бросили племянника!
Мы не морьянинку во полон взяли —
А мы взяли в плен родную сестру:
Ты прости, сестра родимая!»
(Все в ноги бросились.)

№ 18

Были у короля девѣтъ сынков,
Деветъ сынков, деветъ разбойничков.
Зародѣлася у короля десята дочь
Настасья да королевична.
5 Что ей братьяца не возлюбѣли,
Не возлюбѣли — да во разбой пошли,
Во разбой пошли, да во разбойнички.
Они год жили, другой жили,
(Всего 13 лет)
Она выросла,^a да Марья, дѣбольша.
10 Ехали купци, купци-боярова.
Ещё выдали Марью за того купца,
За того купца, да за боярина.
Тут у их свадьба пирком-столком,
Тут-от день жили, оне другой жили,
15 Они нажили — домой поехали.
<О>не^b поехали — да день-от дѣ ночи.
Они день едут, они другой едут.
Их пристигла да ночь темная.
Они ведь день идут, да их пристигла ночь,
20 Ночка темная, да ночь осѣнная.
Тут раскинули шатѣр белой полотняной,
Уложили спать, да спать постелюшку,
Привязали коней всё — да призаспали.
Ещё Марьюшке да всё не спѣтися.
25 Вдруг не гром гремит, да вот не стук стучит —
Вдруг наехало девѣтъ сынков, девѣтъ братанѣицев.
Оне взели хозяина, конѣм стоптали,
Ещё Марьюшку к себе взели.
Все разбойнички да призазапали,
30 А один разбойничек не спит — лежит,
Он не спит — лёжит да думу думает,
Думу думает, совет советует.
Он ведь спрашивает у Марьи...^b
Один разбойник, он не спит — лежит,
35 Он не спит, лежит да думу думает,
Ещё речь ведет да всё выпрашивает:
«Ты чьего роду, да чьего племени,
Ты откудашна, да откуда едете?»

- Тут спроговóрит Марьюшка-королевишьня,
40 Тут спроговорит, да тут времё...^в
«Тут было у короля деветь сынков,
Что деветь братанов, деветь родименьком.
Зародилосе у короля десята дочь,
Что десята дочь Настасья да королевисьня.
45 Не возлюбили братаньца, во розбой пошли,^г
Во розбой пошли, да во разбойнички.
Дожила ведь Марьюшка до полных лет,
Выдали ей за того купца, купца-королевиця.
А домой поехали, их пристигла ночь,
50 Их пристигла ночка, да ночка темная,
Ночка темная, да ночь осённая.
Тут оне-то роскинули шатёр белой полóтняной,
Ложились спать да на постелюшку.
Вдруг не гром гремит, да вдруг не стук стучит —
55 Вдруг приехало деветь сынков, деветь разбойничков.
Тут разбойнички да прироссорилися,
^дВзяли, убили у мя хозяина оне.
(*Выжила одна доченька!*)^е
А один-от брат да всех братов будит:
«Вы родным-родные братаньца,
60 Вы вставайте-ко-сь, вставайте-ко!
Мы-то что-то сделали, да мы...
У родной сестры убили хозяина.
Мы-то зятюшка убили да сестру погубили!»
Уж все тут схватились, да все заохали.
(*Они стали, да собрались, да поехали. Куды уж
поехали — не помню уж.*)

(Из разговоров присутствующих женщин:

«Как её не могли узнать?» — «Уж верно маленька была, родилась. Она росла — они уж были во разбойниках. Она их не знала, и они её не знали».)

^а Первоначально исп. спела: «Настасья», но затем исправилась. В ркп. помета соб.: «Имя исполн<ительница> путала».

^в В ркп «Не».

^в Исполнительница сбилась (примеч. собирателя).

^г Далее исполнительница пропела: «Не возлюбили Анастасию-королевичну», но тут же поправилась.

^{д-е} В ркп «Взяли, убили у мя хозяина, / Оне выжила одна доченька».

Князь, княгиня и старицы

№ 19

- Жил-был князюшка девяносто лет,
А взял княгинушку да двадцати пяти.
Жил с княгинею да ровно три года,
Ровно три года, да три осени.
- 5 На четверту осень князь гулять пошёл.
Он ходил-гулял ровно три года.
Ровно три года, ровно три осени.
(Годы не без осени.)
А на четвёрту осень князь домой пошёл.
(Нагулялся.)
- 10 Повстречались ему две старицы,
Две старицы, да две монашицы.
«Вы откуда идите, откуда путь дёржите?
Не видали ли мою княгинушку,
Мою кнегинушку да Катеринушку?» —
«Видали-то — не видали, а слыхом слышали
- 15 Про твою княгинушку да Катеринушку.
Придешь,^a князюшко, на крылечико,
Поколотишься во колечико —
Придёт встречать тебя кнегинушка,
Кнегинушка Катеринушка:
- 20 В одних чулочиках без башмачиков,
В одном повойничке да без косыночки —
А ты сломи-сруби у ней да буйну голову,
Спролей-спролей у ней да кровь татарскую!
Придешь, князюшка, в первую горенку —
- 25 В первой горенке колыбель висит.
(У ней будто ребёнок принесённый без него.)
Придешь, князюшко, в другу горенку —
Все ключи-замки переломаны.
Придешь, князюшко, в третью горенку —
Цветно платьице всё изношено.
- 30 Пойдешь, князюшко, ^bво глубок погрёб^a —
Сладки вина все повыпиты,
Да сладки прянички все поедены.
Пойдешь, князюшко, на конюшен двор —
Кони вóроны все в назьму стоят
- 35 И не пьют воды ключовые,
И не едят травы муравые».
Пришел князюшка да на крылечико,
Поколотился во колечико.
Пришла встречать его кнегинушка Катеринушка:
- 40 В одних чулочиках без башмачиков
Да в одном повойничке без косыночки —
Он сломил-срубил ей буйну голову.

- Пошел князюшка в первую горенку —
 В первой горенке вѣснут пялышки:
(Вместо колыбели.)
- 45 Не столько шито — сколько плакано,
 Тебя, князя, домой дождано.
 Пришел князюшка в другу горенку —
 На столе лежит писемышко:^г
 Не столько писано — сколько плакано,
- 50 Все тебя, князя, домой дождано.^д
 Пришел князюшка в третью горенку —
 Все ключи-замки заржавели,^е
 Тебя, князюшка, дождаючи.
 Да цветно платьеи всё неношено,
- 55 Да тебя, князя, домой дождано.
 Пошёл князюшка в погреба глубокие —
 Вина все там целиком стоят,
 Сладки прянички все не едены.
 Пришел князюшка на конюшен двор —
- 60 Вороны кони все в шелку стоят,
 Едят пшеницу белоярову.
 Он садился на добра коня,
 Поехал догонять стариц да чернокнижниц:
(Так будто.)
 «Ох вы, старицы, да чернокнижницы,
- 65 Я срублю у вас, склоню да буйну голову,
 Спролю да кровь татарскую!
 Вы достаньте мне живой воды.
 А не достанете мне живой воды —
 Я срублю-сломлю у вас да буйну голову!»
(Уж княгиню не оживить ему всё равно.)

^а Возможно, в этом слове (здесь и далее) «е» вместо «ё» — лишь результат скорописи.

^{б-в} Вариант при исполнении: «в погреба глубокие».

^г Вариант при исполнении: «грамотка».

^д Вариант при исполнении: «дождаючи».

^е Вариант при исполнении: «да все целѣшеньки».

№ 20

- Жил-был князюшко до девяноста^а лет,
 Взял княгинюшку да девятнадцать лет.
 Да жил с княгинюшкой ровно три года,
 Ровно три года, да ровно три месяца.
- 5 На четвертый год да князь гулять пошёл.
 Он ходил-гулял да ровно три года.
 Ровно три года да три месяца.
 А на четвертый год да князь домой пошёл.

- Попадает ему навстречу две старицы,
10 Две старицы, две чернокнижницы.
Одна старица — да крестна матушка,
Друга старица — да рódна тётушка.
Он стал спрашивать у ней, да выведывать
Про свою да про жену да про княгинюшку.
- 15 «Мы видом ей да не видели,
А мы слыхом о ней да много слышали:
Есть у ей полюбленный молодой детинушка,
Все сладкí питья да все повыпиты,
Все мягкíе прянички да все приедены,
20 Казна-сóбина да вся издёржана,
А как конички во конюшены по колен во назьму стоят».
Пошел князюшко да он во кузницу,
Да сковал князюшко да саблю острую,
Да подъезжает он к своему дому.
- 25 Выбегает встречать княгинюшка
Без башмачиков, в одних чулочиках —
Срубил князюшко да буйну голову!
Ейна буйная головка пала не на землю и не на воду,
А полетела она Богу на небо.
(«А было чудес раньше!» — «Правда».)^б
- 30 Зашёл князюшко да в первую комнату —
На столе письмо писано,
Не столько писано — сколько плакано,
Всё князя́ домой дожидаются.
Зашёл князюшко да во темный погреб —
- 35 Все сладки питья да повысохли,
(Значит, не пошевелёны.)
А все мягкíе прянички да призаплеснели,
Казна-сóбина да перещитана.
(Вот как они наврали, значит!)
Пошёл князюшко да на конюший двор —
А как конички по колен в серебри блестят.
(«Значит, так начищены, что как серебро блестят». —
«Ой, сам над собой чего князь сделал!»)
- 40 Пошел князюшко, разыскал крестну матушку да родну тётушку
И срубил у них да буйну голову.

^а Здесь и далее в тексте числительное обозначено цифрой.

^б Зафиксированные собирателем (здесь и далее по тексту) реплики принадлежат не только исполнительнице, но и слушавшим ее женщинам.

№ 21

Жил-был князь да девяноста лет,
Уж он взял княгиньку девяти годов,
Девяти годков, да лет семнадцати.

- Уж он жил с княгинькой ровно три годá,
5 Ровно три годá, ровнó три осени.
На четвертýй год да князь гулять пошёл,
Он ходил-гулял да ровно три годá,
Ровно три годá, ровно три осени,
На четвёртýй год да князь домой пошёл.
- 10 Что-й попали встречу князю три старицы,
Что ль три старицы, да три монашицы.
«Уж вы гой еси, старицы-монашицы!
Не видали ли княгиньки девяти годков,
Девяти годков, да лет семнадцати?» —
- 15 «Что-й твоя-то княгинька за блудом пошла,
За блудом пошла — да заблудилася.
Что-й зайдёшь в палату — колыбель висит,
А зайдёшь в другú — так и другá висит,
А зайдёшь в третью — так и третья висит.
- 20 Уж как выбежит она тебя встречать без повойничка,
Без повойничка, в одном кокошничке,
Без косты́чика, в одной рубашечке,
Без башмáчиков, в одних чулóчихах.
Вкруг амбáриков дорожки приуторены,
- 25 Муравá-трава да приуто́птана,
Годовалые хлебы приуёдены,
Золотá казнá да прииздёржана».
Попрощался князь, да и домой пошёл.
Что-й подходит князь да к своему дворцу.
- 30 Выбегает его встречать княгинька без повойничка,
Без повойничка, в одном кокошничке,
Без косты́чика, в одной рубашечке,
Без башмáчиков, в одних чулочихах.
Он берёт княгиньку за белы́ руки́,
- 35 И повёз княгиньку во чисто́ полé —
Что-й отсек он княгиньке буйну голову,
Уж он бросил тело зверя́м да на съедение!
Уж и сам тут князь да и домой пошёл.
Счо ль заходит в палату — а пелá^а веснút:
- 40 Счо-й не сколько шито, сколько плакано,
Всё тебя, князя́, домой дожидано.
Что и в другú зашёл — так и други вёснút:
Что-й не столько шито, сколько плакано,
Всё тебя, князя́, домой дожидано.
- 45 А в третью зашёл — так и третьи вёснут:
Что-й не столько шито, сколько плакано,
Всё тебя, князя, домой дожидано.
Вкруг амбариков дорожки не утóрены,
Муравá-трава да не утóптана,
- 50 Годовалые хлебы не изъедены,
Золотá казна да не издёржана.
Ту^б и поехал князь догонять^в стари́ц.

- Что и одну-то старицу конём стоптал,
А другú-то старицу копьём срубил.
55 А третья-то старица взмолилася,
Князю старому да поклонилася:
«Ты не бей, не губи да мóей гóловы!
Оживлю тебе княгиньку девяти годков,
Девяти годков да лет семнадцати».
*(А вот опять конец настоящий не знаю,
оживила как-то... Вспомнила!)*
- 60 Счо-й дала она князю живой воды.
Что-й поехал князь да во чистó поле,
Обрызгáл тут он тело живой водой —
Ожила княгинька девяти годков,
Девяти годков, да лет семнадцати.
*(Нáврали. Они сказали, что выбежит она, а она просто не
одевалась; да так жила-дожидáла, что он долго не идёт.)*

^a «Пяла» — большие четырехугольные пальцы.

^b Так в ркп.

^b Вариант при исполнении: «доставать».

№ 22

- Жил-был князюшко да девяносто,
Взял княгинюшку да девяти годов.
Жили с князюшкой ровно три года,
Ровно три года, ровно три осени.
5 На четвертый год да князь в поход пошёл.
Ходил-гулял да ровно три года.
Жила князюшка да Катеринушка
Ну, не <с>только шила — сколько плакала,
Князя́ домой дождаючи.
- 10 На шестой годок да князь домой пошел.
Попало навстречу ему три старицы,
Три старицы, да три черноризницы.
Одна старица да была крестна матушка,
А дру́га старица — да родна тётушка
- 15 А третья старица — да родна тётушка:
(тоже)
«Приедешь, князюшко, да ко крылечуку,
Стукни-брякни, князюшко, да во колечико.
Выбежит встречать тебя княгинюшка да Катеринушка:
Без башмачиков, в одних чулочиках,
20 Без кокошничка, да в одном платочуку —
Ты склони-сруби да буйну голову,
Ты спролей-спролей да кровь горячую!
Ступишь, князюшко, да в перву комнату —
В первой комнаты да колыбель висит.

- 25 Спустишься, князюшко, во втору комнату —
Во второй комнате лежит писемчко:
Тебя, князюшко, домой да не дожидано!
Спустишься, князюшко, да во темной погрёб —
Во темном погребе все прянички, все-то съедены,
- 30 Сладки водочки да все-то выпиты».
Приехал князюшко да ко крылечику,
Стукнул-брякнул князюшко да во колечико.
Выбегат тут встречать Катеринушка:
Без башмачиков, в одних чулочиках,
- 35 Без кокошничка, в одном платочику.
Он склонил-срубил да буйну голову,
(*Вот ведь какой!*)
Он sproлил-sproлил да кровь горячую!
Он ступил в первую комнату —
В первой комнаты висят п्याлышко:
- 40 Не столько шито — сколько плакано,
Его, князя, домой дожидано.
Он ступил во втору́ комнату —
Во второй комнаты лежит писемчко:
Не столько писано — сколько плакано,
- 45 Тебя, князя, домой дожидано.
(*Всё ведь наврали!*)
Он спустился во темной погреб —
Все-то прянички да призаплёснели,
Сладки водочки да призакислили.
Он спустился на конюшний двор —
- 50 Все-то конички да приубраны,
Приубраны, да приулажены.
Тут выбирал он самолучшего коня.
Не видели князя седучи, только видели поедучи.
Догонил он три старицы, да три черноризницы.
- 55 Они, старицы, да помолилися,
Ему в ноженьки да поклонилися:
«Оживим тебе молоду Катерину!
Достанем мы тебе живой воды».

№ 23

- Уж как жил-был князь да девяноста лет,
Уж он взял себе княгиньку девяти годов,
Девяти годов, а лет семнадцати.
Пришло время-та ему — да служба царская,
- 5 Служба царская, да государская
На три годика, да на три осени,
На три годика, да на три осени.
На четвертой год дак он домой пошёл.

- Попадает ему да три старчинки,
¹⁰ Три, три старчинки, да три монашки.
 «Уж вы старчинки, да вы монашки!
 Не видали ли княгини да девети годков,
 Девети годков, да лет семнадцати?» —
 «Уж мы видом не видали — слыхом слышали:
¹⁵ Что-й твоя княгинька да за блудом ушла,
 За блудом ушла — да заблудилася.
 Шелкова трава да вся истоптана,
 Годовалы хлебы да все изъедены,
 Золотá казна да вся издёржана.
²⁰ Ты в конюшну-ту зайдёшь — так по колён в грязе.
 (Тётка-то Олёна пела так:
 «Добры кони-то стоят да по колён в говне».)
 Ты приедешь к дому к белокаменному —
 Тут ведь выйдет княгинька девети годов,
 Девети годов, да лет семнадцати:
 Без кокошничка, в одном платочки,
 (Уж она, бедна, выбежит — так не успеет одеться!)
²⁵ Без чулочиков, в одних башмачиках.
 А в палату-то зайдёшь — колыбель вёснёт,
 А в другую-то зайдёшь — так и вторá вёснёт,
 А во третью-то зайдёшь — так и третья вёснёт».
 Богатырско-то сердце да расходилося,
³⁰ Богатырска кровь да роскипелася,
 Он садился на коня да приезжал к дому,
 Он приехал к дому белокаменну.
 Как выходит тут княгинька да девети годков,
 Девети годков, да лет семнадцати:
³⁵ Без кокошничка, в одном платочике,
 Без чулочиков, в одних башмачиках —
 Он срубил с неё по плечам голову!
 Он в палату-то зашёл — да там красна́ висят:
 Что-й не сколько шито — да сколько плакано,
⁴⁰ Всё тебя, князя́, домой дожидано.
 А во втору зашёл — так там вторы́ висят:
 Что-й не сколько шито — да сколько плакано,
 Всё тебя, князя́, домой дожидано.
 А в третью зашёл — так и третей́ висят:
⁴⁵ Что-й не сколько шито — да сколько плакано,
 Всё тебя, князя́, домой дожидано.
 Шелковá трава да не утоптана,
 Золотая казна да не издёржана,
 Годовые-то хлебы да не изъедены,
⁵⁰ А как кони-то стоят да по колён в добри́.
 Богатырское-то сердце расходилося,
 Богатырское-то раскипелося.
 Он одну монашенку конём стоптал,

- А другú монашенку серпóм пожа́л.
55 Ище́ третья́-то монашенка возмоли́лася,
Ище князю в ноги поклонилася...
*(Как-то ключóву воду нашёл, да как-то жену оживил. Живой
воды какой-то нашёл...
Да уж зарезана была, дак тоже неправда!)*

№ 24

- Жил тут ведь князь да девяноста^а лет
Он ведь брал себе княгиню да девяти^а годов,
Девяти годов, да десяти летóв.
Он ведь жил со княгиней ровно три года,
5 На четверто<й>-ет год да князь гулять пошёл.
Он ходил-то гулял да ровно три года,
На четвёртой-от год да князь домой пошёл.
Счо настречу ему идёт три старицы,
Счо три старицы идет, да три монашинки.
10 «Уж вы гой еси, старицы-монашицы!
Не видали ле кнегинушки девети годов,
Девети годов да десети летóв?» —
«Мы видóм-то не видали — да слыхóм-то слышали,
Счо твоя-то княгинушка за блудом пошла,
15 За блудом она пошла — да заблудиласе,
За гульбой она пошла — да загуляласе.
Счо к амбарикам дорожочки уторёны,
Все шурупчаты замочки исприломаны,
Годовалья хлебы все приёнены,
20 Ище сладкие мёды все йспиты,
Все ведь добрые конички по колен стоят в говне,
Белояровой пшеницы да не насыпано,
Ключевой свежей воды да не наношено.
Что в первú спальнú зайдешь — да колыбель вёснет,
25 Что во втору спальнú зайдешь — да все втора вёснет,
Что в третью спальнú зайдешь — да всё третья вёснет.
Уж как выйдет кнегинушка да без повойничка,
Без повойничка, в одном она платочике,
Без чулочиков, в одних она башмачиках,
30 Без канмóтница^б, в одной она рубашеcki —
Ты сказни-сруби да буйну голову,
Раскинай-ко, розмечи да по чисту полю!»
Что не лютое сердце да росходилося —
Богатырская кровь да роскипелосе.
35 Счо приехал(ы)^в князь да к широкú двору.
Счо выходит кнегинушка стрецёт его:
Без повойничка, в одном она платоцику,
Без чулоциков, в одних башмачиках,

- Без канмотница, в одной она рубашочки —
- 40 Счо сказнил у ей да буйну голову,
Розметал он, роскинал да по чисту́ полю!
Счо бросалсе кнезь да все к амбарикам —
Счо дорожочка к амбарикам не уторёна,
Все шурупчаты замочки не приломаны,
- 45 Годовалыя хлебы не приедёны,
Ище сладки вина-мёды не испиты.
Ище добры ведь конички по колен стоят в шелку,
Белоярова пшеницы принасыпано,
Ключевой свежой воды да принаошено.
- 50 Счо в перву спальню зашел — да все пяла́ вёснут:
Что не сколько в пялах шито, боле плакано,
Счо тебя-то, князя́, домой дождидано.
Счо во втору́ спальню зашёл — да счо вторы вёснут:
Счо не сколько в пяла шито, вдвое плакано,
- 55 Счо тебя-то, князя, домой дождидано.
Счо в третью-то спальню зашёл — да счо третьи вёснут.
Счо не сколько в пялах шито, втрое плакано,
Счо тебя, князя́, домой было дождидано.
Счо не лютое сердце расходилосе —
- 60 Богатырская кровь да роскипелосе.
Счо ведь перву-то старицу конём стоптал,
Счо втору́-то он старицу копьём сковал,
Что третья-то ведь старица взмолилася:
«Уж ты вой еси, кнезь да девяноста лет!
- 65 Счо-й одна-то ведь старица — ведь мать твоя,
А друга-то ведь старица — сестра родна,
Что третья-то ведь старица — ведь крёсна мать!»
*(Вот ведь наврала ему! Не видали, не слышали — а погубили!
Быль ли, враки ли, а говорят: сказка — врака, а стих — быль.)*

^a Числительное в ркп обозначено цифрой.

^б «Канмотничек» — сарафан, по словам исполнительницы.

^в В ркп «приехали», «ы» считаем огласовкой согласного «л».

Князь Роман губит свою жену

№ 25

- Жил да был Роман да князь Михайлович,
У него была княгиня, Марья дочь Андреевна.
У них прижито княжно дитё, Настасья дочь Романовна.
Что ль хитра-мудра была Настасья девяти годков,
- 5 Что-й растешилася-разнежилася Настасьюшка.
Стала тут ей мамушка убайкивать,
Что-й убайкивать, да ведь унянькивать.
И сама тут заснула крепким сном,

- Крепким сном да непробудным.
- 10 Как приехал Роман да князь Михайлович —
Не встречает его княгиня, Марья дочь Андреевна.
Он заходит в палату белокаменну,
И берёт он княгиню за белы руки,
Счо-й выводит княгиню во резвы сені,
- 15 Из резвých сеней да на крылечико.
Посадил он княгиню во кареточку,
И повёз он княгиню во темны леса,
Во темны леса да во дремучие.
Закопал он княгиню во сырú землю,
- 20 Во сыру землю да под три кольшка,
Под три кольшка, да под три ковanych.
Пробудилась княжно дитё, Настасья дочь Романовна,
Видит — нет её да родной мамушки.
Тут и пошла Настасьюшка да ведь по бабушкам,
- 25 Ведь по бабушкам, да ведь по нянюшкам:
«Уж вы гой еси, бабушки да нянюшки!
Вы скажите-ко, да где-ко мамушка?» —
«Счо-й твоя-то мамушка ушла к соседям на бесёдушку».
Тут и пошла Настасьюшка к соседям на бесёдушку —
- 30 Тут и ведь мамушки да не случилось,
Тут и ведь мамушки не пригодилось.
Счо-й и пошла Настасьюшка да ведь ко бабушкам,
Счо-й ко бабушкам, да ведь ко нянюшкам:
«Уж вы гой еси, бабушки да нянюшки!
- 35 Вы скажите, где да моя мамушка?» —
«Счо-й твоя-то мамушка ушла да во парнú баню».
Тут и ведь мамушки да не случилось,
Тут мамушки не пригодилось.
Тут и пошла опять Настасьюшка ко бабушкам,
- 40 Счо-й ко бабушкам да ведь ко нянюшкам:
«Уж вы гой еси, бабушки, вы нянюшки!
Не видали ле да мóей мамушки?» —
«Счо-й твоя-то мамушка ушла да во Божью церковь,
Во Божью церковь да Богу молитися».
- 45 «Уж вы здравствуйте, попы-отцы духовные,
Уж вы здравствуйте, причетники церковные,
Уж вы здравствуйте, князья, княгини первобрачные,
Уж вы здравствуйте, крестьяна православные!» —
«Почему у тя, Настасья, не учёсана коса,
- 50 Не учёсана коса да не увíты волоса?»
Тут уж мамушки да не случилось,
Тут уж мамушки не пригодилось.
Тут пошла Настасьюшка ко бабушкам, ко нянюшкам.
А навстречу Настасьюшке два серých волка.
- 55 «Не убоюсь я двух серých волков!
Уж вы гой еси, два серы волка,
Не видали ли да моей мамушки?» —

- «Счо-й твоя-то мамушка во сырой земли,
 Во сырой земли, да под трема колышками,
 60 Под трема колышками, да под тремя коваными!»
 Тут пошла Настасьюшка во свой дворец.
 Уж тут пала она в ноги к родному батюшке:
 «Уж ты гой еси, батюшко, князь Роман Михайлович!
 Ты скажи-ко-се, да где-ка мамушка?» —
- 65 «Ты не плач,^a не реви, дочь Настасьюшка!
 Я срублю тебе три терема — златы венцы,
 Я сошью тебе шубочку в пятьсот рублей,
 Заведу тебе да родну матушку». —
 «Ты сгори, моя шубочка в пятьсот рублей,
- 70 Вы сгорите, три терема — златы венцы,
 Уж ты сгинь-пропади, да лиха мачеха!»
 Тут поехал князь Михайло^b во темны леса,
 Уж он выкопал княгиню из сырой земли.
 (*Уж тут я не знаю: живу привёз? Говорят — живу,
 а уж не знаю, как тут, раз зарыта была!*)
 Он привёз Настасьи родну матушку.
 (*Верно, так — и конец.*)

^a Так в ркп.

^b Ошибочно вместо «Роман»: «Видимо, спутала из-за отчества или частого употребления» кн<язя> Михайлы в других текстах» (примеч. собирателя).

Мать князя Михайлы губит его жену

№ 26

- Поезжаёт кнезь Михайло
 О да он во чистоё полё
 О да во широкоё раздольё.
 А наказует кнезь Михайло
 5 Да своей матери: «Родная
 Да свет сударыня большая!
 Да ты корми мою кнегиню,
 Да молоду жону Марфиду
 Да бело ситнима хлебами.
- 10 Да ты пои мою кнегиню
 Да уж ты сладкима водами.
 Да не поспел кнезь-то Михайло
 Да <с> широка-то двора съехать
 Да во чисто полё заехать —
- 15 Да закормила кнегиню
 Да что овсяныма хлебами,
 Да запоила кнегиню
 Да троёсуточной водою.

Да по три байны в день топила,
20 Да по три щелоку варила,
Да по три мыла измывала,
Да горечь камень нажигала,
Да во белы груди спущала —
Да бёлы груди прожигала,
25 Да что бладея вынимала...
Доброй коничек поткнулся,
Да с головы шляпа скатилась:
«Да ищё есь в доми несчастье,
Да есь нсчастье есь немало:
30 Да разве мать моя неможет,
Да молода жена хворает?»
Да она сходила к рыболовцам:
«Да рыболовцы, рыболовцы!
Да уж вы сделайте колоду,
35 Да вы набейте на колоду
Да по три обруча железных.
Да напишите на колоду,
Да напишите три приметы.
Да что перва-то примета:
40 Да свою душу погубила.
Да что втора-то примета:
Да я Марфиду уходила.
Да-й а третья-то примета:
Да я младеня вынимала.
45 Да вы спустите колоду
Да во, во синее море.
Да не пристань, моя колода,
Да не к камёшку, не к берёжку,
Не круту красну бережочку!»
50 Да приезжает кнезь да Михайло
Да он из чистого поля,
Да из широкого раздолья,
Да что выходит мать стречать.
Да молода жена не стречает.
55 «Да уж ты, мать моя родна,
Да свет сударыня больша!
Да уж ты где, моя кнегина,
Да молода жона Марфида?» —
«Да ушла в Божью-то церковь
60 Да за тебя Бога молити!»
Ой ведь тут-то не случилось,
Ей ведь тут не при<г>одилось.
«Да уж ты, мать моя родная!
Да ты скажи мне сушу правду,
65 Да сушу правду неутайну,
Да где моя жена кнегина,
Да молода жена Марфида?» —

- «Да у соседов на бесёды!
Тебя, мужа, не встречает».
- 70 Да что бросался князь Миайло
Да счо к соседам на беседу —
Да ище тут ей не случилось,
Да ище тут не пригодилсе.^а
«Да уж ты мать моя родная!
- 75 Да ты скажи всю сушу правду,
Да сушу правду неутайну:
Да скажи, где моя кнегина,
Да молода жена Марфида?» —
«Да ты сходи ты к рыболовцам —
- 80 Да рыболовцы лучше знают,
Да рыболовцы правду скажут».
Да что бросалсе князь Михайло
Да бросалсе к рыболовцам.^б
«Да рыболовцы вы, рыболовцы!
- 85 Да вы скажите сушу правду,
Да сушу правду неутайну:
Да ище где моя кнегиня,
Да молода жона Марфида?» —
«Да что твоя-то кнегина
- 90 Да что во синем-то море,
Да во широком раздолье!»
Да счо приходит князь Михайло
Да к своей матери родное:
«Да уж ты, мать моя родная,
- 95 Да по прозванью — змея люта!»

^а Так в ркп — вместо «пригодилось».

^б Рядом со стихом в ркп зафиксированы реплики присутствовавших на записи женщин: «Где он сам-то был?» — «Да гулять уехал!» — «Вишь, 90 лет да 9 годов! Тоже мать наврала, да. Он не пошел, не посмотрел, да».

№ 27

- Как поехал князь Михайло
На царскую службу,
На государеву работу.
Говорил князь Михайло
- 5 Своей матери родныя:
«Уж ты, мать моя родная,
Что-й по имени Овдотия,
Уж ты пой, мати́, беляну
Сладким мёдом с калачами!»
- 10 Со двора-то только съехал,
До другого не доехал —
По три бани в день топила,

По три веничка носила,
По три камни нажигала,
15 Бѣлы грѹди прожигала,
Там младѣня вынимала.
Поила беляну
Болотною водою.
Высекала тут мати
20 Сыродѹбую колоду,
Туда клала беляну,
Туда же и младѣня.
Спускала колоду
Во синее море,
25 Да на широкое раздолье.
Как приехал князь Михайло
Со царския службы,
Со государевой работы:
«Уж ты, мать моя родная!
30 Скажи, где моя беляна,
Молода жена Марфида?» —
«Твоя-то беляна
Ушла во парную баню!»
Пошёл князь Михайло
35 Во парную баню.
Тут беляны не случилось,
Тут беляны не пригодилось.
Пошел князь Михайло
К своей матери родныя:
40 «Уж ты, мать моя родная,
Что по имени Овдотья!
Скажи, где моя беляна,
Молода жена Марфида?» —
«Твоя-то беляна
45 Ушла в Божию церковь!»
Тут пошёл князь Михайло
Во Божию церковь —
Тут беляны не случилось,
Тут беляны не пригодилось.
50 Тут пошел князь Михайло
К своей матери родныя:
«Уж ты, мать моя родная,
Что-й по имени Овдотья!
Скажи, где моя беляна,
55 Молода жена Марфида?» —
«Что твоя-то беляна
Ушла к соседям на бесѣду!»
Тут пошёл князь Михайло
Ко соседям на бесѣду.
60 Тут беляны не случилось,
Тут беляны не пригодилось.

«Что-й соседи вы, соседи,
Что-й соседи порядóвны!
Не ута́йтесь, не убойтесь,
65 Вы скажите су́щю правду,
Су́щю правду неутайну,
Скажите, где моя беляна,
Молода жена Марфида?» —
«Со двора ты только съехал —
70 Твоя маменька родная
По три бани в день топила,
По три веничка носила,
По три камня нажигáла,
Белы груди прожигала,
75 Там младéня вынимала.
Поила беляну
Болотною водою.
Высекала тут маги
Сыродубову колоду,
80 Спускала колоду
Во синее море,
На широкое раздóлье».
Тут пошел князь Михайло
К своей матери родныя.
85 «Уж ты, мать моя родная,
По прозванью — змея люта!
Не утайся, не убойся,
Ты скажи-ка су́щю правду,
Су́щю правду неутайну,
90 Скажи, где моя беляна,
Молода жена Марфида?» —
«Со двора ты только съехал,
До другого не доехал —
Я по трёх банí в день топила,
95 По три веничка носила,
По три камня нажигала,
Белы груди прожигала,
Там младеня вынимала.
Поила беляну
100 Болотною водою.
А потом и высекала
Сыродубую колоду,
Тут и клала беляну,
Туда же и младеня.
105 Спускала колоду
Во синее море,
Во широкое раздолье...»
Пошли на корабль, достали эту колоду, подняли и — живá там!

(С конца^а не помню.)

Поехал князюшко во чисто поле.

Оставил со свекровой.

(Тоже три года, да три осени, тоже взял
девятилетнюю, мóлоду Марфиду. Столько же
ходил годов, как и тот.)^б

Свекрова ей не любила.

Три парны баенки топила,

⁵ Горюч камень нажигала.

Да на белы груди спускала,

Белы грúди прожигала.

В хрустатúю^в колоду полагала,

В синё море опускала.

¹⁰ Вот вернулся князюшко домой:

«Где же моя белая беляга,

Мóлода Марфида?» —

У матери спрашивает.

«А она ушла к соседу на беседу!» —

¹⁵ Мать отвечает. Ну, и он пришёл к соседу на беседу:

«Вы скажите, не утайте,

Где моя белая беляга,

Мóлода Марфида?»

И соседы ему сказали:

²⁰ «Твоя маменька три парны баенки топила,

Горюч камень нажигала,

На белы груди спускала,

Белы грúди прожигала,

Во синё море спускала».

²⁵ Повернулся князюшко, больше ни слова.

Пошёл князюшко да во чистó поле,

Во чистó поле широкое —

На три ножичка булатные скололся.

И тут мать его просталась:

³⁰ «Прости ты, князюшко,

Да прости ты, сыночек мой!

Я три душеньки сгубила:

Перву душеньку сгубила

У себя в утробы;

³⁵ А втору душеньку сгубила —

Белую белягу, молодú Марфиду.

А третью душеньку сгубила —

Тебя, князя, тебя молодого!»

^а Т. е. «с начала».

^б Текст сказан после баллады «Князь, княгиня и старицы» (см. № 22).

^в «Пели так» — пояснение на полях ркп.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

Егорий и Змей

№ 29

Три города, три стóльных
Три стóльные, да три соборные
Сквозь землю прошли.
А на Рахминско царство Бог беду спустил,
5 Он беду спустил, да Бог, немалую:
Напустил Змею да семиглавую.
Та Змея-то стала есть да по головушки,
По головушки да по скотинья —
В том граду скота да не заводилася.
10 Стали брать людей они по жéребью.
Выпал жéребей да самому царю,
Самому царю, царю Ага́питу.
Тут Ага́пит-царь да призадумался.
Приходит к ему жена княгинюшка:
15 «Не кручинься царь, да не печалуйся!
У тя есть ведь кем да заменитися —
Есть немíла дочь да одинакая,
(Она мачеха этой дочери.)
Прекрасная Агапья Агапеевна
(Говорит он:)
«Уж ты, милая дочь да одинакая,
20 Прекрасная Агапья Агапеевна!
Ты во каку веру веруешь?
А каким богам, Богу молишься?
Я в ту веру тебя замуж отдам!
Одевай-ко платье цвётное,
25 Платье цвётное, да самолучшее». —
Скидывает она платье цвётное,
Платье цвётное, да самолучшее.
Одевает она платье черное,
Платье черное, да платье печальное.
30 И повезли её да ко синю́ морю,
Ко синю́ морю да ко люту́ Змею,
Ко люту́ Змею да на едение,
К семиглавому да на пожрание.
Прискакал Егорий Храбрый да на белóм коне,
35 Говорит Агапье Агапеевне:
«Змея к берегу заподблизается —
Ты тогда меня ото сна буди!»
Змея-то к берегу подблизается
И кричит-рычит да громим голосом:
40 «Голодн́ым я теперь голодн́ешенька!
Две голóвы съем человеческих,
А третью съем да кониную —

- Сытым я стану сытёшенька!»
 А Егорий Храбрый ото сна не пробуждается.
 (Внук исп.: «А ещё у неё полились жемчужные слёзы!» —
 «Ты не мешай! Знаешь, так сам сказывай!»)
- 45 Упала слеза Егорью да на белó лицо —
 Тут вскочил Егорий Храбрый:
 «Что ж ты, девица, меня да жгешь огнём?»
 Говорит Егорий Храбрый он лютой Змее:
 «Да ты люта́ Змея, да будь кротка́-смирна́,
 50 Да как скотинушка у хозяина!»
 Тут люта́ Змея да с места не шелóхнется.^a
 Вязал Егорий Змею да на шелкóв^b повóд
 Да отдавал повóд да в руки дивице:
 «Да ты веди Змею в царство Рахминское,
 55 В царство Рахминское, да ко царю Агапиту.
 Если будет веровать в веру крещёную —
 Тогда не спускай Змею да на едёние,
 Семиглавою да на пожрение!
 А если не будет веровать в веру крещеную —
 60 Тогда спускай Змею да на едёние,
 Семиглавою да на пожрёние!»
 Тут взмолился Агапий своей дочери:
 «Не спускай Змею да на едение,
 Семиглавою да на пожрение!
 65 Я буду веровать в веру крещеную».
 Тогда вёл Егорий Храбрый Змею да на крутú гору́
 И рубил Змею да на мелкí куски.
 Отныне дó веку Змеяна́ гора.
 (Змеи разошлись от кусков — значит, гора змеиная.)

^a Реплики присутствовавших при исполнении стиха женщин: «Так она и окаменела?» — «Испугалась!» — «Да не то, что испугалась...» — «Наговор имел?» — «Нет, как он святой был!»

^b Далее в ркп зачеркнуто «пояс».

Егорий Храбрый (фрагмент)

№ 30

- Туры-олени по горам пошли,
 Серые волки по засекам,
 А белые горносталя по темным лесам.
 Свежá рыба ступила в морскú глубину.
 5 Да зародился на роду да могутной богатырь,
 Что на имя Егорий Светохра́брый.
 Стал Егорий пяти-шести годков,
 Да замóг наш Егорий конём владать^a
 <...>
 Неверное царище Грубиянице

- 10 Он Божьи-то церкви взял, на дым спустил,
 А из Божьих-то икон взял мосты смостил,
 Фёдора Смоленского под низ спустил,
 А царицу, дочь прекрасную, изуродовать хотел.
 А царица, дочь прекрасная, хитра была, мудра:
- 15 Да уходила во пещоры, в горы каменные,
 Да уносила своего да чада милого,
 Ещё на имя Егорья Светохраброго.
 Да ёще стал наш Егорий пяти-шести годков,
 Да замог-то наш Егорий конём владать,
- 20 Он конём владать, да копьём шурмовать.
 Запросил у своей мамки благословленьице:
 «Да уж ты дай мне благословленьице немалое,
 Ты немалое, да дай великое —
 Я поеду к неверному царицу Грубиянищу
 25 Я надсмешки-то ему да отсмеивать!» —
 (*А как воевали-то они там, не знаю, очень воевали тревожно.*)
 «Убьёт тебя, наверно, царище Грубиянище —
 А не даю я тебе благословленьица!»...
 (*Как-то он на свою смелость сказал: «Поеду!» Уж очень
 красивый конец-то там, такой треложный.*)

^a Далее — пропуск: исполнительница сбилась, вспоминая текст.

Михаил Архангел

№ 31

- «Свет ты наш, Михаил Архангел,
 Да воструби во трубу золотую!»
 Вострубит в трубу золотую,
 Всех живых-мёртвых со сна да он разбудит:
- 5 «Вставайте-ка, праведные души,
 Да воротитесь лицами ко палаты —
 Отворёны вам райские двери,
 Сготовлена вам райская пища,
 Одежда носима-неизносима!»
- 10 Возрадуются праведные души,
 Идущие в царство небесно.
 «Вставайте-ка, грешные души,
 Да воротитесь-ко лицами ко палаты:
 Да сготовлена вам вечная мука
- 15 Со огнём, да со горячей
 Со смолой да со кипячей!»
 Расплачутся грешные души:
 «Свет ты наш, Михайло Архангел!
 Чего же ты нас отсылаешь
 20 Да в царство небесное нас не спускаешь?» —

«Ой же вы, грешные души!
Спорожоны вы на трудо́ную землю.
(Человек трудится, так должен он поститься,
молиться.)
Чего же вы Богу не молились?
По средам да по пятницам не постились,
25 На каждую субботу не причащались,
Да нищему-убогому милостыни не давали,
На́гого-босо́го вы не одевали,
Жадного убо́гого вы не напоили,
Во тюрьме сидящих вы не посещали,
30 Да во гробе умёршего вы не провожали?»
(Это жизненно. Оный, бедный, лежит он мокрый,
да жадный — так никто не подумает его навестить,
напоить.)

Алексей человек Божий

№ 32

*(Господи Иисусе Христе, помилуй нас. Можно ли стишок
спеть? — Пойте во славу Божию!)*

Жил-был Яфимьян, да князь богатый.
А охвоч был Яфимьян Богу молиться,
По средам, по пятницам постился,
На каждую субботу причащался.
5 Да он молился Господу Богу со слезами,
Да он молился Господу Богу да со желаньем:
«Да дай-ко ты мне, Господи, отродье —
Да на младые-то годы да на утеху,
Да на старые годы да на замену,
10 А на умерши дни мне на поминок!»
Да тут не так скоро дело ведётся,
А так скоро в стиху поётся.
Пресвятая Богородица гласом прогласила,
Да человеческим-то язы́цем да говорила:
15 «Ай же ты, Яфимьян, да князь богатый!
Да ты сходи во свою да во теплу спальню
Да ко своей ко обручной княгине:
Твоя обручная княгиня сына породила.
Да ты сходи-ко к попам, да к прото́дьякам,
20 Да наречайте ему имя Алексе́ем,
Да Алексе́ем да Божьим человеком!»
Да тут не так скоро дело ведётся,
А так скоро в стиху поётся.
Тут собирал Яфимьян, да князь богатый,
25 Да собирал он да крещение большое.

Да созвал он попов и протодьяконов,
Он собрал всех князей и бояр больших,
Да он собрал же всех да на крещенье,
На крещенье своего сына.

30 Да все князи-бояра большие
Подарками Алексеюшко дарили,
Да золотыми вещами наградили.
Да наречали ему имя Алексеем,
Да Алексеем да Божьим человеком.

35 Да не так скоро дело ведётся,
Ещё так скоро в стиху поётся.
Да стал уже Алексеюшко да он расти да,
Да стал расти не по часам, а по минуткам.
Да он уж рос сперва да по часочкам,

40 Теперь растет он да по минуткам.
Да так скоро в стиху поётся,
А не так скоро дело ведётся.
Да стало Алексею да семь лет уж —
Да отдал его батюшка да учиться.

45 Ему учение-то да далось,
Да он читать-писать да скоро научился.
Да ещё так скоро в стиху поётся,
Да не так скоро дело ведётся.
Да стало Алексеюшко лет пятнадцать —

50 Да он писал-то всё рукописанье,
Рукописанье да он большое,
Да он писал-то всё божественно.
Да он большим-то людям пример казъл,
Да чтобы все да испытали,

55 Да чтобы все его рукописанье читали.
Да все наслушаться да не могут.
Да как ему быть таким писателем,
Да вот писателем ему, руководителем.
Да ещё так скоро в стиху поётся,

60 Да не так скоро дело ведётся.
Да стало ужо Алексеюшко да лет за двадцать —
Да захотел его батюшко женити.
Да Алексеюшко женитьба не далася,
Да он жениться да не охотел.

65 Да он уж батюшка не огрубляет,
Да он в ногах ведь матушки да упадает:
«Да ты прости, прости, родимая мама!
Да упроси ты родного батька,
Да чтобы он этого не делал,

70 Чтоб жениться да не заставил.
Да я за вас буду Богу молиться,
Да за ваши грехи буду поститься».
Да не так скоро дело ведётся,
А ещё так скоро в стиху поётся.

- 75 Ему выбрали невесту
Да во другому ему царстве,
Да во другом да государстве.
Да ему выбрали хорошу,
Ему выбрали княгиню,
- 80 Да той княгиню Катерину.
Да обручали его с княгиней.
Да они собрали свадьбу большую.
Да собрались генералы и купчи вси,
Да ту<т> съезжались да к Ефимьяну
- 85 Да на велику да на свадьбу
Да к одинакому да сыну,
Да ко сыну Алексею.
Да оно не так скоро дело ведется,
Да оно так скоро в стиху поётся.
- 90 Тут сидели гости да все бояра,
Да тут сидели да выпивали,
Да тут сидели да воскушали.
Да тут сидели купцы-бояри,
Ему тут все замечали
- 95 Да ему вопрос задали:
«Да что же, Алексеюшко, да ты не пьешь, не воскушаешь?
Да разве тебе обручная княгиня не в совете,^a
Да разве мы тебе, гости, да не приличны?»
Да ищѣ так скоро в стиху поётся,
- 100 Да не так скоро дело ведётся.
Да долго пили-пировали,
Да долго свадьбу проиграли.^b
Да он не пьёт да не воскушает,
Да про себя он, Алексеюшко, да розмышляет:
- 105 Да всё не будет пить, да он уж бросит.
Да она-то, молодая, да всё видит,
Да на Алексеюшко взирает.
Да он молодчик-то хороший
Да у отца-то да Яфимьяна,
- 110 Да у его мать была-то хороша.
Да все пили-то да напивались,
Да тут становились гости пьяны
Да по домам да разъезжались.
А Алексеюшко остался...^b
- 115 Да он пошел в свою да теплую спальню.
Снимал он с руки да обручальный перстень
Да отдавал своей обручной княгине,
Да обручной княгине Катерине.
Отвязал он шелков пояс,
- 120 Да отдавал он своей княгине:
«Да до тех пор я не приду,
Да ты не жди меня домой уж...
Да злачен перстень раздаётся,

- Да шелков пояс расплетется —
 125 Да я тогда к тебе да возвращаюсь,
 Да я тогда к тебе приеду.
 Да ты смотри на злачен перстень,
 Да ты смотри на этот пояс!»
 Да так скоро в стиху поётся,
 130 Ещё не так скоро дело ведётся.
 Да злачен перстень распаялся,
 Да шелков пояс ведь расплелся —
 Да Олексеюшко ведь не видно,
 Да не видать-то нам, не будет.
 135 Да вот не в долгом будё время —
 Да возвратился калика,
 Да калика он прохожий.
 Да выходил он в это царство,
 Да в это царство-государство.
 140 Да он стучал тут во калитку.
 Да выходили тут холопи,
 Да спросили у калики:
 «Да ты куда идешь, калика,
 Да ты куда идешь, прохожий?» —
 145 «Да я иду ко Ефимьяну,
 Да к Ефимьяну, князю богатому!»
 Да дологались туто слуги,
 Да дологали Ефимьяну:
 «А стучит какой-то прохожий,
 150 Да что у нас ^гстучит-то верной^д
 Да-от прохожий не простой же,
 Непростой да тут калика,^с
 Такой калика оборваной».
 Да выходил тут Ефимьян-князь,
 155 Да принимал калику правдой.
 Да он калике да обрадовался.
 Да он одел калику в первых,
 Да он омыл калику в первых,
 Да накормил калику верну.
 160 «Да ты откуль идёшь, калика,
 Да ты откуль, калика верна,
 Да ты откуль, калика, был да,
 Не видал ли ты мово сына?» —
 «Да я вам всё да роскажу.^ж
 165 Да я не то, что там видались —
 Да во одной келье мы жили,
 Да мы в одной пустыне с ним спасались,
 Да во темном лесу молились,
 Да за свои грехи спасались,
 170 Да за родителей молились!» —
 «Олексеюшко да не видно,
 Да он ничо нам не напишет,

- Да он писатель был хороший.
Да мы его всё дожидали.
175 Да прошло тридцать годов уж.³
Вещи все уж приотлели,
Шелков пояс расплетался,
Злачен перстень распаялся —
Олексеюшко не видно!»
- 180 Упитали туто старца,
Стали старца оставляти.
Да сработали ему келью
Да возле каменного дому.
Да были злы таки холопи:
185 Да они кушанье носили,
Да носили Алексею —
Да всё кушанье приели,
Да всё помои выливали.
(*Есть и злы холопы, как и люди — не однаки.*)⁴
Вот сказал туто холопам:
- 190 «Да не ходите трои сутки,
Да трои сутки не смотрите.
Да на четверты поглядите
Да Офимьяна приведите,
(*Они-то злы были и не сказали. Может,
сказали бы отцу...*),
Ефимьянушко пришлите!»
- 195 Не идут, прошли эти минуты.
Ещё так скоро в стиху поётся,
Да не так скоро дело ведётся.
Не идут день, другой уж.
Прошло время, сроки все вышли.
- 200 Вышел Ефимьян да на парадно крыльцо:
Запах носит во всему Римску царству,
Запах ладаном, [благоухает]⁵
Туто бросились во келью.
Как пришли во келью ко старцу —
- 205 Старец тут лежит омытый,
Он омытый и обшитый.
А лампада теплится перед им же,
А лампада туто горела
Да зажигалася поденно.
- 210 А не знали, кто зажгё ей:
Да там не бывали люди,
Да закрывалась келья крепко.
Да дивовался Ефимьян-князь:
«Да почему тамо огонь горит?»
- 215 Да Офимьян-князь надумал,
Да заглянул Офимьян во келью:
Да тамо старец лежит обмытый.
Да рукописанье пало в руки,

- Да рукописанье прочитали.
 220 Да тамо сказано: «Я ведь сын ваш.
 Да ты прости-ко, родной батько, маме,
 Да обручальной кнегины,
 Да кнегины Катерине!
 Да у вас холопы были злые.
 225 Они помои выливали
 Да всё кушанье приедали». —
 «А ты чего нам не сказался,
 Да ты чего не рассказал же!
 Я построил бы тебе келью,
 230 Да я тебе келью не такую.
 Тебе обручная княгиня бы носила,
 Тебе маменька родная бы поила.
 Да вот какие злы холопы:
 Да вы чего же вы неверны!»
 (*Он их расстрелял, слуг неверных.*)
 235 Да тут пришла его княгиня,
 Да на гроб ему пала:
 «Да ты чего, чего не сказался!
 Да я с тобой бы была в пустыне,
 Да со тобою бы спасалась,
 240 Да со тобою бы Богу молилась.
 Да я теперь-то я седая,
 Да я ведь стала немогутна,
 Не могу больше работать.
 А замены у нас нету!»
 245 Да хоронили Алексея —
 Да из других-то государств
 Да так на похоронах были,
 Были все князи-бояра.
 Да колокола-то ведь были,
 250 Да Олексеюшко [сположили].
 Да молодого поминали.¹

^a Рядом пояснение соб.: «[совести]».

^b Далее зачеркнут начатый было стих: «Да Олексеюшко...»

^b Отсюда идёт запись со вторичного исполнения, отличающаяся от первого варианта (примеч. соб.). Однако восстановить первоначальный вариант не представляется возможным, поскольку неясно, был ли он зафиксирован в ркп и чем вызваны поправки в записи.

^{г-д} Первоначально: «стучит неверной калика».

^e Стих вписан между строк.

^ж Далее (вместо двух последующих стихов) первоначально следовали строки: «Да я с вашим сыном был во кельи. / Да во одной пустыне мы жили, / Да мы в одной пустыне Богу молились».

^з В скобках указан вариант: «Да тридцать лет уже не видно».

^и Далее исп. вновь поясняла: «Он был писателем, руководителем, писателем он бы был, так его отец женил».

^к Здесь и далее дополнение в квадратных скобках принадлежит, вероятно, собирателю.

^л В ркп зафиксированы комментарии исп.: «30 лет ходил, за 30 лет жены он не сказался. Это всё было, всё было, были такие люди. Ну, что и теперь, есть начитанные. Вот тут остался одна, 24 года жила, детей вырастила, дом создала, а нигде по сторонам не трепалась. Теперь нет таких людей...»; «Он за неё Богу молился, чтобы и она, значит, не моталась, а жила праведной жизнью...»; «Можно было по облику спознать».

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ

БЫЛИНЫ

Сухман

№ 1. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 17.

Зап. в период с 5 по 16 июля 1957 г. в с. Шуерецкое Кемского р-на Карельской ССР от Пелагеи Степановны Югоровой, 62 лет.

«Когда-то на веках у меня книга была, так пела и запомнила ещё в ребячестве» (исп.).

№ 2. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 2 «Сухман Одихмантьевич».

Зап. в период с 5 по 16 июля 1957 г. в с. Шуерецкое Кемского р-на Карельской ССР от Натальи Степановны Ананьиной, 74 лет.

Дунай и Настасья-королевна

№ 3. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 3 «Дунаюшко».

Зап. в период с 5 по 16 июля 1957 г. в с. Шуерецкое Кемского р-на Карельской ССР от Натальи Степановны Ананьиной, 74 лет.

«Подсказывали сёстры Марина Ст<епановна> Богданова, 68 л<ет>, Пелагея Ст<епановна> Югорова, 62 г<ода>» (примеч. соб.).

«Эти стихи всё про князей старых... да про Илью... Местны, шуерецкие, старухи знали» (исп.).

Соломан и Василий Окулович

№ 4. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 7 «Про Соломана-царя».

Сведения о месте, времени записи и исполнителях см. примеч. к № 3.

Иван Годинович

№ 5. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 22.

Зап. летом 1957 г. в с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. от Марины Поликарповны Дьячковой, 57 лет. Запись с пения.

«Пели сестра да мать. Маленькая была, не запомнила конца» (исп.). Исп. вспоминала былинку так: «Он срядился да поехал из дóму, князь. Князь Владимир, верно, был. В какую-то командировку, верно, поехал — на войну ли или как. Вот ей и оставил» (к. 172, п. 2, № 21 об.).

№ 6. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 114.

Зап. летом 1957 г. в с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. от Евдокии Дмитриевны Конёвой, 59 лет.

По свидетельству исп., отец ее «очень грамотный был, он выписывал „Деревенские досуги“».

Чурила и Катерина [Алёша и Катерина]

№ 7. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 95 (исправлен на № 105).

Зап. летом 1957 г. в с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. от Анны Емельяновны Чуниной, 54 лет.

По свидетельству соб., А. Е. Чунина «вычитала стих в какой-то газете, уж не помнит, какой. Стих поет, конечно. Но сейчас говорила, т<ак> к<ак> больна». Исп. вспоминала, что «про князей пели, как боролись-то, когда про Илью-то — Илья Муромец да сын Иванович. Пели про Добрыню Никитича. Они с теткой Марьей-то, старухи; про Олёшу. Нынче запоют, так хужее голоса у народа, раньше лучше-то были голоса у женщин».

Козарин

№ 8. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 6.

Сведения о месте, времени записи и исполнителях см. примеч. к № 3.

Исцеление Ильи Муромца + Илья Муромец и Соловей-разбойник

№ 9. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 231.

Зап. летом 1957 г. в с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. от Анны Марковны Клещовой, 69 лет.

По свидетельству собирателя, у отца А. М. Клещовой «была книжечка, куда он записывал [былины] стихи про Илью Муромца, Добрыню Никитича и другие». Из реплик исп.: «Прежде-то ходили поморы с того берегу, семгу брали и сказки сказывали — тако красиво».

Текст печатается по перебеленной записи Д. М. Балашова. Возможно, беловая копия сделана кем-то позднее, поскольку в с. Варзуга собиратель был в 1957 г. один (см. его экспедиционный отчет).

БАЛЛАДЫ

Дмитрий и Домна

№ 10. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 37, л. 1—2 об. «Домна».

Зап. в период с 5 по 16 июля 1957 г. в с. Шуерецкое Кемского р-на Карельской ССР от Екатерины Михайловны Каллиевой, 71 года.

Из реплик исп.: «Это всё из жизни взято: так же люди жили, так же сватались, так же она бросалась на ножички». По свидетельству соб., баллада «записана с пения. Перебои ритма связаны с распевом некоторых стихов» (л. 2 об.). Однако некоторые стихи были все же, вероятно, не спеты, а сказаны.

№ 11. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 230 «Митрий».

Зап. летом 1957 г. в с. Тетрино Терского р-на Мурманской обл. от Анны Марковны Клещовой, 69 лет.

Текст печатается по перебеленной записи Д. М. Балашова. Копия сделана тем же почерком, каким скопирован текст № 9 (см. примеч.).

№ 12. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 106.

Зап. летом 1957 г. в с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. от Настасьи Степановны Дьячковой, 73 лет.

По свидетельству соб., «помогала петь (укладывала на пение) Александра Ивановна Чурилова, 72 лет: „Голосу-то нету. Нать ей на такой голосочек-то — что пели“». «Прежде пели-то стихи целыма утрами» (исп.).

№ 13. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 115.

Зап. летом 1957 г. в с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. от Евдокии Дмитриевны Конёвой, 59 лет.

По указанию соб., текст записан с пения, но исп. «переходила на речь, т<ак> к<ак> плохо помнила текст».

№ 14. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 4.

Сведения о месте, времени записи и исполнителях см. примеч. к № 3.

«А эти стихи, про князей, шли между народом, так и передавались» (свидетельство Пелагеи Степановны Югоровой, с уточнением соб.: «а не от калик»). Из реплик исп.: «Стихи все на один мотив, а песни — на разню».

№ 15. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 4.

Зап. в период с 19 по 21 июля 1957 г. в с. Умба Терского р-на Мурманской обл. от Дарьи Затеевны Березиной, 67 лет.

По указанию соб., «сама с Вязозера. Выучила старины (в Умбе названия „старинны“ нет, только „стихи“) от мамы там. А мама тамошняя. И от дедушки. Там был такой дед Панфил». «Здесь этих старин не поют», по мнению исп. По свидетельству соб., Д. З. Березина знала еще «Козарина», «Князя Михайла», «Соломана», слыхала про «Жену разбойника», «Князя Романа».

№ 16. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 187 «Домна» (стих).

Зап. летом 1957 г. в с. Тетрино Терского р-на Мурманской обл. от Ольги Григорьевны Кузнецовой, 75 лет.

Текст печ. по перебеленной записи Д. М. Балашова. Копия сделана тем же почерком, каким скопирован текст № 9 (см. примеч.).

Кроме публикуемых текстов, имеется еще два отрывка баллады «Дмитрий и Домна», записанных Д. М. Балашовым в 1957 г.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 5 (с. Умба Терского Мурманской — от Марфы Матвеевны Подымниковой, 58 лет); там же, № 112 (с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. — от Александры Ивановны Чуриловой, 72 лет).

Сестра и братья-разбойники

№ 17. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 2 [«Вдова Пашица»].

Сведения о времени, месте зап. и исп. см. примеч. к № 15.

№ 18. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 107.

Зап. летом 1957 г. в с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. от Настасьи Степановны Дьячковой, 73 лет.

По свидетельству соб., «Исполнит <ельница> хотя и пела, но с трудом, путаясь, припоминала текст».

«Нынче радио поёт, да патефоны поют — так не запели песни, и стихов не запели, всё забыли» (исп.).

Кроме публикуемых текстов, имеется еще один отрывок баллады «Сестра и братья-разбойники», записанный Д. М. Балашовым в 1957 г.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 112 (с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. — от Александры Ивановны Чуриловой, 72 лет).

Князь, княгиня и старицы

№ 19. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 5.

Сведения о времени, месте записи и исп. см. примеч. к № 3. Н. С. Ананьина про баллады: «Эты пустяжны».

№ 20. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 21.

Зап. в период с 5 по 16 июля в с. Шуерецкое Кемского р-на Карельской ССР от Анны Васильевны Галашкиной, 61 года.

№ 21. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 116.

Зап. летом 1957 г. в с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. от Евдокии Дмитриевны Конёвой, 59 лет.

Текст записан с пения. По мнению соб., напев этой баллады схож с напевом баллады «Князь Роман губит свою жену» (см. № 25). «Князь Михайло» (см. № 26) исполнен «на особый напев».

№ 22. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 29.

Зап. в период с 5 по 16 июля в с. Шуерецкое Кемского р-на Карельской ССР от Анастасии Михайловны Исаковой, 66 лет.

№ 23. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 99.

Зап. летом 1957 г. в с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. от Паулы Емельяновны Приданниковой, 53 лет.

Запись сопровождается пояснением, вероятно, исполнительницы: «Каждый стих обычно поётся по два раза, но иногда и по одному».

№ 24. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 232 «Князь девяносто лет».

Зап. летом 1957 г. в с. Тетрино Терского р-на Мурманской обл. от Анны Марковны Клещовой, 69 лет.

Текст печатается по перебеленной записи Д. М. Балашова. Копия сделана тем же почерком, каким скопирован текст № 9 (см. примеч.). Рукой Д. М. Балашова, кроме указания на собирателя («Зап. Д. Балашов»), отмечено, что запись велась «с пения».

«В Великий пост стихи пели, песен-то не пели» (исп.).

Кроме публикуемых текстов, имеется еще один отрывок баллады «Князь, княгиня и старицы», записанный с пения Д. М. Балашовым в 1957 г.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 23 (с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. — от Марины Поликарповны Дьячковой, 57 лет).

Князь Роман губит свою жену

№ 25. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 117 «Князь Роман».

Сведения о времени, месте записи и исп. см. примеч. к № 21.

Текст записан с пения.

Кроме публикуемого текста, имеется фрагментарный пересказ баллады «Князь Роман губит свою жену», зафиксированный Д. М. Балашовым в 1957 г.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 97 (с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. — от Павлы Емельяновны Приданниковой, 53 лет).

Мать князя Михайлы губит его жену

№ 26. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 216 «Князь Михайло».

Сведения о времени, месте зап. и характере ркп см. примеч. к № 11.

Зап. от Татьяны Семеновны Елисеевой, 66 лет, и Анны Марковны Клещовой, 69 лет.

№ 27. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 118 «Князь Михайло».

Сведения о времени, месте записи и исп. см. примеч. к № 21.

Текст записан с пения.

№ 28. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 30 «Про Марфиду».

Зап. в период с 5 по 16 июля в с. Шуерецкое Кемского р-на Карельской ССР от Анастасии Михайловны Исаковой, 66 лет.

«Это мы самы собой пели, старухи нас учили» (исп.).

Кроме публикуемых текстов, имеется еще один сокращенный вариант баллады про «Князя Михайла»: РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 98 (с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. — от Павлы Емельяновны Приданниковой, 53 лет).

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

Егорий и Змей

№ 29. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 20.

Сведения о времени, месте зап. и исп. см. примеч. к № 20. А. В. Галашкина: «Кондратьевна меня научила. 12 годов мне было, я этот стих запомнила»; «Я у Кондратьевны в няньках жила, так выучила этот стих».

Кроме публикуемого текста, имеется краткий пересказ стиха «Егорий и Змей»: РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 32 (с. Шуерецкое Кемского р-на Карельской ССР — от Анастасии Петровны Логиновой, 53 лет).

Егорий Храбрый (фрагмент)

№ 30. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 95 (исправлен из № 65).

Зап. летом 1957 г. в с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. от Анастасии Дорофеевны Чуриловой, 67 лет.

Из беседы с собирателем: «На мотив он (стих о Егории Храбром. — Л. П.) такой треложный, его запоёшь, так-так и слёзы льются, не можешь с собой совладать»; «Песни-то были проголосны. Счас и голоса-то не таки. Так поют — не голосисто, толстыма голосамы-то»; «Я много помнила в молодости, а после концы забыла и серёдки, так уж...».

Кроме публикуемого, Д. М. Балашовым записан еще один фрагмент стиха о Егории Храбром: РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 2, № 66 (с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. — от Агафьи Макаровны Кузнецовой, 70 лет).

Михаил Архангел

№ 31. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 34 (исправлен на № 31).

Зап. в период с 5 по 16 июля в с. Шуерецкое Кемского р-на Карельской ССР от Анастасии Петровны Логиновой, 53 лет.

От А. П. Логиновой конспективно записан духовный стих «Два Лазаря» (Там же, п. 1, № 32), а также начало стиха «Расставание души с телом», обозначенного как «Рыдание у гроба» (Там же). Слышала про балладу «Князь, княгиня и старицы»: «Этот красивый стих — как она [т. е. княгиня] ожидала [мужа]... Слушать старинных стариков очень хорошо — пригодится молодым. Теперь-то ни к чему, а раньше-то послушаешь... Она как стала говорить тот стих, так мы наплакались. Есть и на самом деле — насажут и насплетничают, а потом и на самом деле живут люди плохо» (Там же).

Алексей человек Божий

№ 32. РО ИРЛИ, р. V, кол. 172, п. 1, № 38.

Сведения о месте, времени зап. и исп. см. примеч. к № 10.

Е. И. ЯКУБОВСКАЯ

**ПСКОВСКИЕ ПЕСНИ СЕСТЕР СУДАКОВЫХ
В ЗАПИСИ Н. Л. КОТИКОВОЙ**

Собрание Натальи Львовны Котиковой — одно из значительных как по объему, так и по качеству звуковых коллекций Фонограммархива Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Оно поступило в архив в 1981—1982 гг. при активном содействии заведующего В. В. Коргузалова. Передачу фольклорного собрания Котиковой Пушкинскому Дому можно считать закономерным завершением ее труда по созданию звуковой антологии песенной и инструментальной классики Псковской земли.

Первые, столь важные для определения творческого пути собирательницы, поездки в Псковскую область состоялись в 1946—1949 гг. как плановые экспедиции ИРЛИ. Маршруты ее дальнейших собственных полевых исследований были взаимосвязаны с ними и во многом определялись тем опытом, который был получен. Собственно, коллекция 1950—1970-х гг. (последняя экспедиция состоялась в 1971 г.) является итогом масштабного научного труда, задачи и методы которого были заложены еще в 1940-е гг.

Значительное место в псковском собрании Н. Л. Котиковой принадлежит песенной традиции северной части области — районов, прилегающих к Псковскому и Чудскому озерам: современным Печорскому, Псковскому, Гдовскому, а также граничащим с ними районам Ленинградской и Новгородской областей и приозерной части Эстонии. Местная песенная культура обнаруживает единство и обладает яркими чертами — многие из них весьма архаичны, другие относятся к периоду расцвета «протяжного» стиля песенности. Яркими, узнаваемыми особенностями отличается местный многоголосный «хоровой» стиль, расцвет которого приходится на рубеж XIX—XX ст. Многие приметы данной тра-

диции (в различных жанрах по-разному) прослеживаются на юг и юго-запад области вплоть до Опочки.

Котикова поставила себе задачу поиска наиболее характерных для местной песенной культуры образцов и, в особенности, выдающихся народных певцов и инструменталистов-мастеров, художественно одаренных, крупных личностей, способных достойно передать в акте воспроизведения-воссоздания устного произведения заложенный в нем творческий потенциал. В течение почти десятилетия (с 1951 по 1959 г.) она создавала фонотколлекцию музыкальной традиции северно-псковских земель. Значительную роль в этом процессе сыграли встречи с выдающимися народными исполнителями, среди которых такие яркие певицы, как Т. И. Каношина, Н. Г. Дунаева, Е. Ф. Укатова из Печорского района, ансамбли «Гдовская старина» и «Лосицкая старина».

В 1960-е гг. центром собирательской деятельности Н. Л. Котиковой стали южные районы Псковской области, исторически связанные с Великими Луками. Однако в 1966 г. собирательница вновь вернулась к традиции Псковского Обозерья. Судьба свела ее с семейным ансамблем четырех сестер Судаковых — уроженок побережья Псковского озера.¹ Художественный уровень исполнения, полнота традиционного репертуара этого ансамбля не уступали лучшим народным мастерам Печорского и Псковского районов, ранее записанным Н. Л. Котиковой.

Участниками записей, ставшими свидетелями рождения высоких образцов традиционного исполнительского искусства сестер Судаковых, были фольклорист А. М. Мехнецов и композитор Г. Г. Белов. В те годы они были молодыми музыкантами, которых Наталья Львовна приобщала к собирательской деятельности, помогая во встречах с народной песней и ее выдающимися творцами и хранителями найти собственный путь в музыке. Много позже Г. Г. Белов вспоминал о Судаковых: «Пели они исключительно. И вот: они поют — и закат! И все это вместе сливается в какую-то картину. Очень сильное впечатление: у меня слезы накалились... И Наталья Львовна, помню, была очень растрогана всем этим».²

Познакомившись с сестрами в пригороде Ленинграда Лахте, где в то время постоянно проживали трое из них, Н. Л. Котикова

¹ Фамилия Судаковых весьма распространена в округе: так, в хоре деревни Анашкино Середкинского (ныне Псковского) района, записанного экспедицией ИРЛИ в 1941 г., эту фамилию носят пять певиц, в том числе руководительница коллектива.

² Интервью Г. Г. Белова автору настоящей публикации, посвященное его участию в экспедициях Н. Л. Котиковой, записано в октябре 2008 г. и хранится в архиве автора.

сделала в феврале—марте 1966 г. записи их пения вместе с четвертой сестрой — запевалой ансамбля Е. П. Гуняшиной, которая приехала погостить к сестрам из деревни. Затем собирательница запланировала дополнительный маршрут своей летней псковской экспедиции — на родину исполнительниц, в Эстонию, деревню Любница. Ей удалось записать там Евлампию Петровну Гуняшину — одну и в ансамбле с односельчанками. Как и в первый раз, записи вел звукорежиссер А. И. Гомартели — постоянный участник многих экспедиций Н. Л. Котиковой.

Родная деревня сестер Судаковых оказалась богатой на песенниц. В полевом дневнике 1966 г. Наталья Львовна пишет: «В автобусе <...> встретили женщину из Любницы. Вспомнили Евлампию Петровну Гуняшину, а она сказала: „У нас еще лучше певицы есть: тетя Катя Щёлокова и Ириша Стрелкова — они главные вывóдчицы“». Приводимые ниже выдержки из дневника собирательницы помогают представить творческую обстановку, которая царила на записи любницких певиц, дают их лаконичные портреты. «24/VII. Выехали в Любницы. Вечером проводили запись. Великолепно поют — многоголосие, интересные, художественно-выразительные подголоски, особенно когда первый раз спели (чтобы показать) песню „Гусарик“. Пели „за сердце хватающе“ — удивительно!! Геня³ даже прослезился — мы с ним только переглянулись и ахнули. При записи [певицы] растерялись и пели менее интересно. Верхний голос иногда поет в очень высокой tessiture. Записали 8 песен. Тексты, как говорят сами исполнители, „с километр“. Ирина Ивановна Стрелкова статная высокая женщина, редкой энергии и артистичности (несколько резковата в сравнении с Евлампией Петровной). Евлампия Петровна нас узнала сразу, назвала по именам и пошла с нами по деревне собирать певцов. Чудесная старуха! 25/VII проводили запись текстов, а вечером записывали на магнитофон напевы. Всего записали 25 напевов, 33 текста + припевки. И всего 1 наигрыш на гармони, т<ак> к<ак> гармонист был абсолютно пьян. У него профундовый бас и зовут его [в деревне] Шаляпин».

Позже, весной 1968 г. семейный ансамбль Судаковых выступал в Ленинградском Доме композиторов, чему предшествовала дополнительная поездка Н. Л. Котиковой в Лахту с целью уточнения этнографических деталей хода свадебного обряда, хоропроводных действ. Тогда же были сделаны повторные записи песен, записаны новые. Материалы всех трех указанных записей использованы в настоящей публикации.

Семейный квартет сестер Судаковых — это хорошо спетый ансамбль мастеров-исполнителей, владеющих солидным репертуаром традиционного фольклора (в списке, составленном се-

³ Г. Г. Белов.

Рис. 1. Семья Судаковых. Слева направо: 1-й ряд — Евлампия Петровна Гуняшина, Евдокия Федоровна Судакова (мать), Наталья Петровна Судакова, Федосья Петровна Судакова; 2-й ряд: Татьяна Павловна Гуняшина (дочь Е. П. Гуняшиной), Татьяна Петровна Судакова, Нина Федоровна Петрова (дочь брата Федора).

страдами в порядке подготовки к записи песен, 132 названия, но на самом деле их гораздо больше). В коллекцию входят лирические, хороводные, плясовые и свадебные песни, баллады, лирические и плясовые припевки (частушки), сплавные припевки («Дубинушка»).

Ансамбль состоит из четырех родных сестер: Евлампии Петровны Гуняшиной (1890 г. р.), Натальи Петровны Судаковой (1886 г. р.), Федосьи Петровны Судаковой (1893 г. р.) и Татьяны Петровны Судаковой (1903 г. р.). Все они были удивительными долгожительницами (две из них достигли 100-летнего возраста). Их мать Евдокия Федоровна (урожденная Терешина) была родом из деревни Путьково Гдовского уезда, в то время Петербургской губернии. Она в свое время была замечательной песенницей. Многие редкие и старинные песни сестры выучили от нее. Был у них еще брат Федор, который служил во флоте. В отличие от сестер, он умер очень рано (25-ти лет).

Родная деревня сестер Судаковых Любница — старинное русское поселение. В середине XVII в. эта деревня, наряду с другими богатыми рыболовецкими селами, расположенными в Колпинской губе Псковского озера, считалась одним из наиболее доходных владений знаменитого псковского воеводы

Рис. 2. Федор Петрович Судаков. На обороте фотографии надпись:
«Память дорогим родителям. Федя».

Рис. 3—4. Деревня Любница в наши дни. Июль 2008 г.

Рис. 5. Деревня Любница. Вид из дома Гуняшиных. Июль 2008 г.

А. Л. Ордина-Нашокина. Среди местных жителей существует предание, что деревня Любница получила свое название из уст Петра I, который приезжал сюда отдохнуть и любовался красотой озерного побережья.

Любница, как и все побережье Псковского озера, до революции входила в Псковский уезд Псковской губернии. «После революции перешли в Эстонскую Республику, — рассказывала Н. Л. Котиковой Евдокия Петровна Гуняшина, — нас разделяло от Советского Союза Псковское озеро».⁴ У многих жителей «эстонского» побережья были родные и знакомые на «советской» стороне. И Судаковы решили перебраться в Россию. К этому времени из всех сестер одна только Евлампия Петровна была замужем, поэтому она осталась на родине.

Остальные сестры и мать семейства в 1924 г. отправились искать счастья в Ленинград. Они сняли квартиру в поселке Лахта — ближнем ленинградском пригороде. Трудлюбивые и предприимчивые, они быстро выстроили собственный домик. Умение строить крепкое благосостояние неустанным трудом, предпринимательская интуиция — драгоценное наследство

⁴ Тетрадь Котиковой № 1, л. 1.

Рис. 6. Дети Гуняшины: Татьяна, Петр, Людмила. 1927 г. Эстония.

Рис. 7. Семья Гуняшиных: Петр, Татьяна, Евлампия Петровна, Людмила, Павел (отец). 1937 г. Эстония.

Рис. 8. Евлампия Петровна Гуняшина. 1974 г.

традиционной крестьянской культуры — снискали им всеобщее уважение на новом месте, люди с пользой для себя перенимали у них опыт огородничества и цветоводства. Вскоре «лахтинская» часть семьи Судаковых пополнилась. Брат Федор умер в 1927 г., оставив двухлетнюю дочь Нину — ее приютили и воспитали тетушки.

Евлампия Петровна Гуняшина оставалась в Любнице со своей семьей: женила сына, выдала замуж старшую дочь Татьяну. На ее долю выпало много испытаний: муж утонул, рано умерла дочь Людмила (в 14 лет). Во время Великой Отечественной войны оккупанты немцы, эстонцы отобрали у Е. П. Гуняшиной дом: сын Петр служил в Советской Армии, дочь-комсомолка попала в концлагерь. Но ничто не могло сломить в ней дух доброты, расположения к людям. Соседи отзывались о ней как об отзывчивой, «компанейской» (компанейской) женщине, а внучка Наталья вспоминала, что чуть ли не вся деревня приходила к Евлампии Петровне «посидеть, посоветоваться», даже тогда, когда она уже не выходила из-за старости и болезни.

В семейном ансамбле Евлампия Петровна с юных лет была признанным лидером. Она и песен знала больше, оставаясь в родной деревне, в то время как сестры еще в 1920-е гг. уехали из нее, и обладала способностью начать песню и вести за собой других исполнителей. Песни для нее — неотъемлемая часть деревенской жизни, ведь раньше пели не только во время свадеб

и календарных праздников, но и на работе (и в поле, и в избе, и на озере). Даже там, где обычно звучала инструментальная музыка — во время пляски можно было услышать пение: искусную имитацию плясовых наигрышей. Евлампия Петровна рассказывала Н. Л. Котиковой: «Раньше гармоней у нас не было, на четыре деревни одна гармошка. Мы только песнями и забавлялись. Плясали под язык. Как выделаем, только ну! *Припевочки* под пляску, а *припевки* — под песни.

Мой муж пассажир
Мою юбку заложил,
А я его трубку —
За свою за юбку!»

Музыкальность и любовь к пению, хороший голос Евлампия Петровна передала своей дочери Татьяне Павловне и внукам Александре и Наталье. Внучка Гуняшиной Наталья Владимировна вспоминала, что ее сестру Александру девочкой приводили к Н. Л. Котиковой, которая была признанным, известным педагогом по сольфеджио, автором замечательных учебных пособий по этому предмету на материале народных песен, чтобы та посоветовала, стоит ли ребенку заниматься музыкой и, в частности, пением. Собирательница очень хвалила слух и голос девочки, и та потом пела в самодеятельном хоре.

Желание поделиться песенным богатством, сохранить доставшиеся им от матери замечательные старинные песни, сберечь их, чтобы они не потерялись с уходом сестер из жизни, было для них вполне осозанным. «Я хотела уложить эти песни на хорошее место, как будто они мне мешали», — говорила Евлампия Петровна Наталье Львовне Котиковой.⁵ «Считай, что эти песни теперь народом забыты»⁶ — с этим не могли примириться сестры Судаковы. Не только память о матери-песеннице, о родных местах, о далекой старине заставляли их искать возможность записать свой репертуар. Они хотели, чтобы песни звучали, да не как-нибудь, а именно так, как их пели в народе.

Много позже, уже в 1986 г., Татьяна Петровна Судакова написала проект обращения к деятелям культуры с целью сохранения и пропаганды народной песни. Этот замечательный документ публикуется полностью в Приложении 2. «Я родилась на берегу Псковского озера в Обозерье, и потому я пристрастно отношусь к народной песне», — писала она. Обращаясь к авторитетным, с точки зрения простого человека, в области культуры людям, она призывает их защитить подлинное звучание народных пе-

⁵ Тетрадь Котиковой № 1, л. 1. 28/II.1966 г.

⁶ Там же, л. 1 об.

Рис. 9. Татьяна Судакова в костюме народности сето. 1920-е гг. Эстония.

сен: «Моя просьба к вам, писатели: не разрешайте композиторам и поэтам обрабатывать народные песни. Народные песни должны петь в первозданном виде с начала и до конца. Обработчики так обработают народную песню, что от нее мало что останется народного». Но главное — это не просто сохранить песни, но и донести их до людей: «Уважаемые писатели, ведь собраны большие арсеналы народных песен, и все они лежат в архивах, пылятся в кассетах. <...> Меня волнует, как и где хранить народные песни? Все песни находятся в разных организациях, и часть из них может погибнуть. Я думаю, может быть, надо создать архив или хранилище какое, или переложить все песни на ноты, потом отпечатать в большие книги и хранить как историческую ценность. Или переложить на играющие пластинки и на концертах передавать по радио? <...> Если будете медлить, товарищи, то русская народная песня будет записана в Красную Книгу» (см. Приложение 2).

Серьезное отношение к песне унаследовала и дочь Евлампии Петровны Татьяна Павловна Гуняшина. Когда в 1994 г. в Любнице ее записывали участники фольклорного ансамбля «Супрядки» (г. Нарва, Эстония), петь она стала только после обещания выучить записанные песни: «Песни все пишут и пишут! Приезжали и ко мне, и к моей маме и из Петербурга, и из Тарту, а никто их не поет!»⁷

Знакомство Натальи Львовны Котиковой с семейством Судаковых произошло в феврале 1966 г. Весной этого года она вместе с Г. Г. Беловым едет в Лахту, где 7 и 8 марта записывает от четырех сестер лирические, свадебные и хороводные песни, припевки.

Отношение сестер к записи песен было исключительно ответственным и серьезным (недаром чуткая к ситуации Наталья Львовна подчеркнула эту серьезность мягким каламбуром: «при исполнении», намекая на запись песен как исполнение некоей «службы», обязанности перед будущими поколениями). Специально для записи исполнительницы составили список своего репертуара, а потом записали слова песен в четыре толстых тетради: «Раздольные песни» (Протяжные или доле-вые), «Хороводные песни», «Свадебные грустные» (протяжные) и «Свадебные песни веселые (величавые) (т. е. величальные. — Е. Я.)». Материалы из тетрадей песен используются в публикации, в Приложении приводится список репертуара, составленный самими сестрами.

Записи вела Татьяна Петровна, особенно старинные песни проверялись «сестрой Евлашей», о чем обстоятельная младшая

⁷ Беседа автора статьи с внучкой Е. Н. Гуняшиной, Н. В. Карловской. Архив Е. И. Якубовской.

Рис. 10. Сестры Судаковы в день записи. На обороте надпись рукой Н. Л. Котиковой: «8 марта 1966 г. Сестры Судаковы: Феодосия Петровна, Наталия Петровна, Евлампия Петровна, Татьяна Петровна при исполнении русских песен».

сестра сообщала в своем рукописном сборнике (рис. 11). Запись текстов имеет характерные особенности. Исполнительница сумела передать на письме ритмическую пульсацию распева с помощью повторения распеваемых гласных (см., например, запись песни «Молодость», № 15а). При сопоставлении самозаписи песен с фонограммой трудно не оценить остроумие и эффективность данного приема.

Рукописные материалы сестер Судаковых, а также фотографии из семейного архива для настоящей публикации любезно предоставлены внучками Е. П. Гуняшиной Натальей Владимировной Карловской (Санкт-Петербург) и Александрой Владимировной Юмашевой (Ряпина, Эстония), за что автор статьи выражает им сердечную благодарность. Искренняя благодарность также Александру Николаевичу и Антонине Евгеньевне Кузнецким (Таллинн) за труды и содействие в поиске потомков семьи Судаковых. Фотографии деревни Любница были сделаны А. Е. Кузнецкой специально для этой публикации.

Из обширного репертуара семейного ансамбля Судаковых для публикации выбраны лирические и частично хороводные песни. Приуроченные песни (пасхальные № 1—7, летние № 8—12, масленичные № 13, 14) — узкообъемные, распетые в протяжной форме, исполнялись, когда в праздники девушки парами ходили по

современных им «советских» лирических песен. Исполнению Судаковых присущи неизменный тонкий музыкальный вкус и чувство меры.

Нотации песен выполнены автором настоящей публикации, нотная графика — Л. В. Ереминым.

ПАСХАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

№ 1

У ворот, ворот, ворот и широких

♩ = 72

1. У во - рот, во - рот,

ва - рот и ши - ро ки - их, да

А - й(и) лю - ли (и) - лю - ли, да

ва - рот и ши - ро (о) - ки - (й)их.

2. У во - рот со - сна.

Detailed description: The musical score is written for voice and piano. It begins with a tempo marking of quarter note = 72. The key signature has one sharp (F#). The score is divided into two systems. The first system contains the first two lines of music, with lyrics '1. У во - рот, во - рот,' and 'ва - рот и ши - ро ки - их, да'. The second system contains the next three lines, with lyrics 'А - й(и) лю - ли (и) - лю - ли, да', 'ва - рот и ши - ро (о) - ки - (й)их.', and '2. У во - рот со - сна.'. The score includes various musical notations such as treble and bass clefs, time signatures (2/4, 3/4, 4/4), and dynamic markings like 'ff'.

со - сна дол - га вы - ро - сла, да

А - й(и) лю - ли (и) - лю - ли, да

баль - ша вы ро - сла.

3. Са - сна вы ро - сла,

а - на за - ша та - ла - ся, да

А - й(и) лю - ли (и) - лю - ли, да

за - ша та (а) - та - ся.

4. Доч - ка к ма - те - ри
 в го - сти со - би - ра ла - ся. да
 А - й(и) лю - ли (и) - лю - ли, да
 са - би - ра (а) - ла - ся.

У ворот, ворот, в́орот и широких, да
 Ай(и), люли-люли, да в́орот и широки(й)их.

У ворот сосна, сосна дóлга выросла, да
 Ай(и), люли-люли, да бóльша выросла.

5 Сасна выросла, ана зашаталася, да
 Ай(и), люли-люли, да зашаталася.

Дочка к матери в гости собиралася,⁹ да
 Ай(и), люли-люли, да сáбиралася.¹⁰

⁹ В полевой тетради перед словом *собиралася* в скобках: *ладилась*.

¹⁰ Во время предварительной записи эта строка была спета как: *В гости ладилась*. Далее следует текст, который отсутствует на фонограмме, но был записан собирательницей во время подготовки данной записи. Начиная с третьей строфы, припев собирательницей опускался, а под текстом следует примечание: *После каждой строки «Да ай люли, люли»*

- В гости ладилась, она собиралась,
 10 Да-ай(и), люли-люли, да снаряжалась.
- Она трем мылам, мылам умывалась,
 Да-ай(и), люли-люли, да умывалась.
- Первым миличком со белиличком,
 Да-ай(и), люли-люли, да со белиличкам.
- 15 Вторым мыличком млада со румяничком,
 Да-ай(и), люли-люли, да со румяничком.
- Третьим мыличком млада с горячим слезам,
 Да-ай(и), люли-люли, да горячим слезам.
- Поумылась млада, убелилась,
 20 Да-ай(и), люли-люли, да убелилась.
- В чистая зеркальце да млада выглядалась,
 Да-ай(и), люли-люли, да выглядалась.
- На свою красу млада дивовалась,
 Да-ай(и), люли-люли, да дивовалась.
- 25 Что куда моя краса, краса сподевалась,
 Да-ай(и), люли-люли, да сподевалась.
- И я ишла, а я по новѣм сеньям,
 Да-ай(и), люли-люли, да по новѣм сеньям.
- И я нясла млада шубу новаю,
 30 Да ай(и), люли-люли, да шубу новаю.
- Шубу новую, шубу соболѣвую,
 Да ай(и), люли-люли, да соболѣвую.
- И чтобы шубушка, да она прошумела,
 Да ай(и), люли-люли, да прошумела.
- 35 Чтобы петелька¹¹ они ни забрякали,
 Да ай(и), люли-люли, да ни забрякали.
- Не услышал бы мой да лютѣй свекор,
 Да ай(и), люли-люли, да мой лютѣй свекор.
- Мой лютѣй свекор, свекор со свекровушкой,
 40 Да ай(и), люли-люли, да со свекровушкой.

с соответств[ующим] продолжением. В настоящей публикации припев восстанавливается по аналогии с первыми четырьмя строфами.

¹¹ Окончание *a* подчеркнуто собирательницей.

У меня-то муж да горька пьяница,
Да ай(и), люли-люли, да горька пьяница.

Он в кабак идет, да он шатается,
Да ай(и), люли-люли, да он шатается.

45 С кабака идет — он да валяется,
Да ай(и), люли-люли, да он валяется.

А домой придет, да он раскуражится,
Да ай(и), люли-люли, да раскуражится:

— Ты разуй-раздень, распояшь меня,
50 Да ай(и), люли-люли, да распояшь меня! —

У меня млада, в меня руцы белаи,
Да ай(и), люли-люли, да руцы белаи.

На руках перстни, перстни золоченые,
Да ай(и), люли-люли, да золоченые.

№ 2

Как грянул гром перед тучю

$\text{♩} = 72$

The musical score is written for voice and piano. It consists of three systems of staves. The first system has a vocal line and a piano accompaniment. The second system continues the vocal line and piano accompaniment. The third system also continues the vocal line and piano accompaniment. The tempo is marked as quarter note = 72. The key signature has two sharps (F# and C#). The time signature is 4/4. The lyrics are: 1. Как гря - ну - л(ы) гро - м(ы) да гром по - ряд ту - (у) - че - ю, да А - й(и) лю - ли - ли - (и) - лю - ли, да

пе рьяд ту (у) - че - ю.

2. Как сто - я л(ы) сын

пя - ре - д(ы) род - ной ма ту - шкой, да

А - й(и) лю - ли (и) - лю - ли, да

род - ный ма ту - шкой.

3. "Ро - д(ы) - на - я ма ту - шка,

а ты у - жа - ни (и) мя - ня, да

А - й(и) лю - ли (и) - лю - ли, да

у - жа ни мя - ня!

4. Ни о же - нишь, ма - т(и),

а ты вос - по - ка - (а) - (а) - нишь - ся, да

А - й(и) лю - ли (и) - лю - ли, да

ва - спа - ка - нишь - ся.

5. Ва спа - ка - ис - ся.

а ты по - сли схва - тишь - ся, да

А - й(и) лю - ли (и) - лю - ли, да

по - сле схва - тишь - ся". //

Как грянул(ы) гром(ы), да гром перяд тучею,
Да ай(и), люли-люли, да перяд тучею.

Как стоял(ы) сын пядед(ы) родной матушкой,
Да ай(и), люли-люли, да родной матушкой.¹²

⁵ И как просил сын своёй родной матушки,
Да ай(и), люли-люли, да родной матушки:

— Род(ы)ная матушка, а ты ужани мяня,
Да ай(и), люли-люли, да ужани мяня!

Ни оженишь, мат(и), а ты воспокаишься,¹³
¹⁰ Да ай(и), люли-люли, да воспокаишься.

Воспокаишься, а ты послди схватишься,
Да ай(и), люли-люли, да после схватисся.¹⁴

Потом схватишься, а я прочь уйду,
Да ай(и), люли-люли, да а я прочь пойду.

¹² Следующая строфа была пропущена исполнителями во время магнитофонной записи.

¹³ На фонограмме, соответственно песенному распеву, это слово звучит как *васпакайся* (или *-ишься*), что отражено в нотной записи.

¹⁴ Рядом со словом *после* вписан вариант *потом*.

15 Я пойду наймусь во поле коров пасти,
Да ай(и), люли-люли, да коров пасти.

Я куплю себе трубу новую,
Да ай(и), люли-люли, да трубу новую.

Труба новая золоченая
20 Да ай(и), люли-люли, да золоченая.

Погоню коров, а я на зеленый луг,
Да ай(и), люли-люли, да на зеленый луг.

Загрублю в трубу, трубу золоченую,
Да ай(и), люли-люли, да золоченую.

25 Я пушу гулы по всем, всем по сторонущкам,
Да ай(и), люли-люли, да по сторонущкам:

Не услышит ли моя родна матушка,
Да ай(и), люли-люли, да родна матушка —

«Что не мой ли сын во поле коров пасет,
30 Да ай(и), люли-люли, да во поле коров пасет?»

№ 3

У вдовушки, у бедной сиротушки

$\text{♩} = 148$

1. У вдо - ву - шки,
бед - най си - ро - ту - шки,
Ай, лю - ли, ай, лю - ли,
бед - най си - ро - ту - шки.

2. Бы - ла ди - (е) - вить сы - нов,
а де - ся - та - я дочь,

The musical score is written in a single system with four staves. The first two staves correspond to the first vocal line, and the last two staves correspond to the second vocal line. The music is in 4/8 time and features a key signature change from one flat to two flats. The tempo is marked as quarter note = 148.

Ай, лю - ли, ай, лю - ли,
а де - ся - та - я дочь.

3. Ди - (е) - вить сы - нов
пы - д(ы)ра - збой все у - шли,
Ай, лю - ли, ай, лю - ли,
под раз - бой все у - шли.

4. А де - ся - та - ю дочь
за - муж вы - да - ли,
Ай, лю - ли, ай, лю - ли,
за - муж вы - да - ли.

5. За ма - ря - ни - на,
са - ма - ря - ни - на,
Ай, лю - ли, ай, лю - ли,
са - ма - ря - ни - на.

У вдовушки, бедной сиротушки,
Ай, люли-люли, ай, люли, бедной сиротушки.

Была ди(е)вить сынов, а десятая дочь,
Ай, люли-люли, ай, люли, а десятая дочь.

⁵ Ди(е)вить сынов пьд(ы) разбой все ушли,
Ай, люли-люли, ай, люли, под разбой все ушли.

А десятаю дочь замуж выдали,
Ай, люли-люли, ай, люли, замуж выдали.

За марянина, самарянина,
¹⁰ Ай, люли-люли, ай, люли, самарянина.¹⁵

А ехала дочь в гости к матери,
Ай, люли-люли, в гости к матери.

Мужу дочери голову снясли
А с сыном дочь во полон взяли.
¹⁵ И во полон взяли, стали спрашивать:
— А каково рода, какой племени?
— А такова рода, такой племени:
У вдовушки, бедной сиротушки
Было девять сынов, а десятая дочь.
²⁰ — А сестрица ты наша родная,
А мы братцы твои родимые!
А мы мужу твоему голову снясли.
А тябя с сыном во полон взяли,
Ай, люли-люли, во полон взяли.

№ 4

Я полю, полю капусту

Musical score for the song 'Я полю, полю капусту'. It consists of three staves of music in 6/8 time. The first staff starts with a tempo marking of ♩ = 160. The lyrics are: '1. Я по - лю, по - лю ка - пу - сту, ни вы - па - ла - ва - ю, Лю - ли, ай, лю - ли,'. The second staff continues the lyrics: 'ни вы - па - ла - ва - ю,'. The third staff continues the lyrics: 'Лю - ли, ай, лю - ли,'.

¹⁵ Далее текст был записан собирательницей с пересказа.

ни вы - па - ла - ва - ю.

2. При - по - люсь ко край - ку,
при - ша - нуть ко тын - н(ы) - ку,
Лю - ли, ай, лю - ли,
при - ша - нуть ко тын - ку.

3. Я по - слу - ша - ю мла - да,
што в из - бы га - ва - ря,
Лю - ли, ай, лю - ли,
што в изь - бы га - ва - ря.

4. Што в изь - бы га - ва - ря:
ма - во му - жа жу - ря,
Лю - ли, ай, лю - ли,
ма - во му - жа жу - ря.

Я полю, полно капусту, ни выпалаваю,
Люли, ай, люли, ни выпалаваю.

Приплюсь ко крайку, пришанусь ко тын(ы)ку,
Люли, ай, люли, пришанусь ко тынку.

⁵ Я послушаю млада, што в избы гаваря,
Люли, ай, люли, что в избы гаваря.

Што в избы гаваря: маво мужа журия,
Люли, ай люли, маво мужа журия.¹⁶

Ты жаны не бьешь, жаны волно даешь,
¹⁰ Люли, ай люли, жаны волно даешь.

Взял-то муж плеть и повел жану в клеть,
Люли, ай люли, и повел жану в клеть.

Бил по подушке, а сказал — по жаны,
Люли, ай люли, а сказал — по жаны.

¹⁵ Бил по перины — сказал, что по спины,
Люли, ай люли, сказал, что по спины.

Он жану не безвечил — отца-мать он потешил,
А люли, ай люли, отца-мать он потешил.

№ 5

Повыдала меня матушка

$\text{♩} = 72$

The musical score is written in 4/4 time with a tempo of 72 beats per minute. It consists of two systems of music. The first system has a vocal line and a piano accompaniment. The vocal line starts with a fermata over the first measure, followed by the lyrics '1. По вы-да-ла мя-ня ма-ту-шка'. The piano accompaniment features a steady eighth-note pattern in the right hand and a similar pattern in the left hand. The second system continues the vocal line with the lyrics 'за-мхи мя-ня, за-ба-ло-ты, да' and the piano accompaniment continues with the same rhythmic pattern.

¹⁶ Далее текст был записан собирательницей с пересказа. Запись снабжена примечанием: *После каждой строки «Ай люли, люли» с соответств[ующим] окончанием строки.*

Лес - ли, да
 за мхи мя - ня, за ба - ло - ты.
 2. За мхи мя - ня, за ба - ло - ты - (ы), да
 за три ре - чу - шки глы - бо - ких, да
 Лес - ли, да
 за три ре - чу - шки глы - бо - ки.
 3. За три ре - чу - шки глы - бо - ких, да

за ста - ро - ва му - жа вза муж, да

Ле ли, да

за - (а) ста - ро - ва му - жа вза муж. //

4. Ни вя - ле - ла род - на я ма... ма - ту - шка

Сем год в гос - ти не бы ва - ти, да

Ле ти, да

сем год в гос - ти не бы ва - ти. //

5. Я го - рю - ша, всё го - док я про - жи - ла,
я (а) вто - рой про - ту - жи - ла, да
Лё - ли, да
я вто - рой про - ту - жи - ла.

Повыдала мяня матушка
За мхи мяня, за балоты, да
Лёли, да за мхи мяня, за балоты.

За мхи мяня, за балоты(ы), да
5 За три речушки глыбоких, да
Лёли, да за три речушки глыбоки.

За три речушки глыбоких, да
За старово мужа взамуж, да
Лёли, да за старово мужа взамуж.

10 Ни вялела родная ма... матушка
Сем год в гости не бывати, да
Лёли, да сем год в гости не бывати.

Я горюша, всё годок я прожила,
Я(а) второй протужила, да

15 Лёли, я второй протужила.¹⁷

Сулила мне родна матушка,
Да мне приданова много,
Лёли, да мне приданова много.

Сундук да коробку,
20 Да яще точева трубку,
Лёли, да яще точева трубку.

Сулила мне родная матушка
Яще¹⁸ грядку вязову,
Да-лёли, яще да плетку шелкову.

25 Всю-то тёмную-то ночку
Да грядка, она проскрипела,
Лёли, да грядка, она проскрипела.

Всю-то темнаю ночушку¹⁹
Плетка шелкова просвистала,
30 Да лёли, плетка шелкова просвистала.

С вечера мое тело
Как снег (оно) было бело,²⁰
Лёли, да что снег было бело.

К свету мое тело
35 Как²¹ мать-земля потемнела,
Лёли, что мать-земля потемнела.

¹⁷ Далее текст был записан собирательницей с пересказа. В записи имеются вставки, сделанные во время записи песни на магнитную ленту, под текстом примечание собирательницы: *Выверить текст*. Во время предварительной записи Н. Л. Котикова записала припев как *Лёли*, затем исправила на *Люли*. В некоторых строках видны следы нескольких исправлений *ю* на *ё* и обратно: очевидно, собирательница сомневалась, какая буква точнее передает звучание. На фонограмме четко слышен звук *ё*; в интересах цельности подачи текста, в дальнейшем изложении в настоящей публикации сохраняется в припеве именно этот звук.

¹⁸ В ркп слово *Яще* зачеркнуто, затем написано снова и вновь зачеркнуто.

¹⁹ Над словом *ночушку* вписан вариант *ночку*.

²⁰ Над словом *Как* вписан вариант *Что*. Слово *оно* поставлено в скобки как вариант распева строки.

²¹ Над словом *Как* вписан вариант *Что*.

Повыдала меня матушка

Повыдала меня матушка за мхи меня за болоты,
Да люли, да за мхи меня за болоты.

За мхи меня за болоты, за три речушки глыбоки,
Да люли, да за три речушки глыбоки.

⁵ За три речушки глыбоки, да за старова мужа замуж,
Да люли, да за старова мужа замуж.

Ни велела родна матушка да семь год в гости не бывати,
Да люли, да семь год в гости не бывати.

Я годочек прожила, да я второй протужила,
¹⁰ Да люли, да я второй протужила.

Я на третий годочек да к ронной матушке в гости захотела,
Да люли, да к ронной матушке в гости захотела.

Полечу, горюша горькая, во батюшкин зелен садик,
Да люли, да во батюшкин зелен садик.

¹⁵ Я послушаю, горюша горькая, что мой батюшка рядя,
Да люли, да что мой родненький рядя.

Что мой батюшка рядя, да зеленое вино куря,
Да люли, да зеленое вино куря.

Про меня горюшу горькую ни разочку не вспомяня,
²⁰ Да люли, да ни разочку не вспомяня.

Горько-горько я заплачу, жалобно я зарыдаю,
Да люли, да жалобно я зарыдаю.

Я послушаю, горюша горькая, что матушка рядя,
Да люли, да что родная рядя.

²⁵ Моя матушка рядя, столы она собирая,
Да люли, да столы она собирая.²²
Столы она собирая, да гостей она.²³

Про меня горюшу горькую ни разочку не вспомяня,
Да люли, да ни разочку не вспомяня.

²² В обеих строках зачеркнуто: *накрывая*.

²³ Пропущено слово (судя по другим вариантам, *дожидая*).

Горько-горько я заплачу, жалобно я зарыдаю,
30 Да люли, да жалобно я зарыдаю.

Я послушаю, горюша горькая, что братцы мои рядю<т>,
Да люли, да что братцы мои рядю<т>.

Братцы мои рядю<т>, добрых коней седлают,
Да люли, да добрых коней седлают.

35 Про меня горюшу горькую ни разочку не вспомяну<т>,
Да люли, да ни разочку не вспомяну<т>.

Горько-горько я заплачу, жалобно я зарыдаю,
Да люли, да жалобно я зарыдаю.

Я послушаю, горюша горькая, что сестры мои рядю<т>,
40 Да люли, да что сестры мои рядю<т>.

Сестры мои рядю<т>, светло платье одевают,
Да люли, да светло платье одевают.

Про меня горюшу горькую часто-часто вспоминаю<т>,
[Да люли, да часто-часто вспоминают].

№ 6

На улице дождик

$\text{♩} = 88$

1. На у - ли - цы дож - ди - к(ы), на ши - ро - кый час - тый,
Ай, лю - шень - ки - лю - ли, на ши - ро - кый час - тый.

2. Брат ся - стри - цу во - ди, по го - лов - ки дро - ча,
по го - лов - ки д(ы) - ро - ча,

Ай, лю - шень - ки - лю - ли, по го - лов - ке дро - ча. //

3. Ты ра - сти, ся - стри - ца, ты ра - сти, род - на - я,

Ай, лю - шень - ки - лю - ли, ты ра - сти, род - на - я! //

На улицы дождик(ы), на широкий частый,
Ай, люшеньки-люли, на широкий частый.

Брат сястрицу вода, по головки д(ы)рбча,²⁴
Ай, люшеньки-люли, по головке дрбча.

5 — Ты расти, сястрица, ты расти, родная,
Ай, люшеньки-люли, ты расти, родная!

Вырастишь, сестрица — будешь хорошáя,
Ай, люшеньки-люли, будешь хорошáя.²⁵

Отдам тебя взамуж не близко — далёко,
10 Ай, люшеньки-люли, не близко — далёко.

Не близко — далёко, за Москву три вёрсты,
Ай, люшеньки-люли, за Москву три вёрсты.

Куда не поеду — к сестрицы заеду,
Ай, люшеньки-люли, к сестрицы заеду:

15 «Здорова, сестрица, здорова, родная,
Ай, люшеньки-люли, здорова, родная!

²⁴ Одна из исполнительниц спела: *з(ы)ладя*.

²⁵ Далее текст был записан во время предварительной подготовки фонозаписи.

Как живешь, сестрица, живешь, дорогая,
Ай, люшеньки-люли, живешь, дорогая?»

«Живу я, братец, живу я, родимый,
20 Ай, люшеньки-люли, живу я, родимый,

Живу я, родимый — мой свекор все злится,
Ай, люшеньки-люли, мой свекор все злится,

Свекор мой все злится, свекрова журится,
Ай, люшеньки-люли, свекрова журится,

25 Деверья хлопочут, золовки колотют,
Ай, люшеньки-люли, золовки колотют».

«Ты живи, сестрица, терпи, дорогая,
Ай, люшеньки-люли, терпи, дорогая!

Свекор твой все злится — сама стара будешь,
30 Ай, люшеньки-люли, сама стара будешь.

Свекрова журится — сама точно будешь,
Ай, люшеньки-люли, сама точно будешь.

Деверья хлопочут — в самых жоны буду<т>,
Ай, люшеньки-люли, в самых жоны буду<т>.

35 Золовки колотя — сами в люди пойду<т>,
Ай, люшеньки-люли, сами в люди пойду<т>».

№ 7

Не в золоту трубушку трубили

$\text{♩} = 72$

The musical score consists of two systems of staves. The first system has a vocal line and a piano accompaniment line. The vocal line starts with a treble clef and a key signature of one flat. The piano accompaniment starts with a bass clef and a key signature of one flat. The second system continues the vocal and piano lines. The lyrics are written below the vocal line.

1. Ни в зо - ло - ту тру - бу - шку тру - би - ли,

Ни в за - ла - ту тру - бу - шку тру - би - ли, а //

2. Па за - рям ско - ти ну - шку го ня - ли,

Па за - рям ско - ти ну - шку го ня - ли, да

3. Ма - ла - дых ня - ве - ню - шек бу - жа - ли,

Ма - ла - дых ня - ве - ню - шек бу - жа - ли (и)

4. "Вста - вай - ти, ня - ве - ню - шки - го - луб - ки (и),

Вста - вай - ти, ня - ве - ню - шки - го - луб - ки (и), //

5. Ни па - ра ль, ня - ве - ню - шки, лён по - лю - ти?"
ня - ве - ню - шки - м(ы)

Ни в золóту трубушку трубили,
Ни в залáту трубушку трубили, а

Па зарям скотинушку гоняли,
Па зарям скотинушку гоняли, да

⁵ Маладых нявёнюшек бужали,
Маладых нявёнюшек бужали:

«Вставайти, нявёнюшки-голубки,
Вставайти, нявёнюшки-голубки!

Ни пара ль, нявенюшки, лён полоти?²⁶
¹⁰ И не пора ль невенюшкам(ы) лен полоти?»

«Полоть, полоть, батюшка, мы по́йдем,
Полоть, полоть, батюшка, мы по́йдем:

Если по́йдем, батюшка, не наподем,
Если по́йдем, батюшка, не наподем,

¹⁵ А под межой, батюшка, пролэжим,
А под межой, батюшка, пролэжим!»²⁷

А я молоденька, торопленка,
А я молоденька, торопленка:

Батюшка Москва-Питер горела,
²⁰ Батюшка Москва-Питер горела,

А я на пожаричке побывала,
А я на пожаричке побывала,

А я решетцем вóдицу носила,
А я решетцем вóдицу носила.

²⁵ Сколько во решетице водицы,
Сколько во решетице водицы,

Столько моему милому прожити!
Столько моему милому прожити!

²⁶ В данной строке вместо слова *нявенюшки* одна из певиц спела: *нявенюшкым(ы)*. Далее текст был записан во время предварительной подготовки фонозаписи.

²⁷ В тетради Судаковых эта строка читается: *Под межюю, батюшка, пролежим*, и за ней следует: *А ты молодешенек прожурить*. Далее текст обоих вариантов совпадает.

ЛЕТНИЕ ПЕСНИ

№ 8

Сповыйдем-ка мы, красные девушки

$\text{♩} = 68$

1. Э - о... о - ох,
Спо - вы - йдем - ка мы, красна-и де... де - ву - шки, да,
лё - о... // о - ой, на кру - ту - ю
го... ой, да на го - ру!

2. Э - о... о - ох,
По - смо - трим - ка, бе-ла-и ля - бе - (о)-ду - шки, да,
лё - о... // о - о, на сн - ни - я
мо... ой, да на мо - ря.

3. Э - о... о - ох,
по то - му бы - ло па-си-н-и-му мо... по мо-ре - чку, да,
лё - о... // о - ох, бе-гли лёг-ки
ло... о, лёг-ки ло - дки.

Detailed description: The image shows a musical score for a song. It consists of three verses, each with a vocal line and a piano accompaniment line. The key signature is two flats (B-flat and E-flat), and the time signature is 4/4. The tempo is marked as quarter note = 68. The first verse starts with a treble clef and a key signature of two flats. The second and third verses also start with a treble clef and a key signature of two flats. The score includes various musical notations such as notes, rests, slurs, and dynamic markings like 'V' and 'ff'. There are also some performance instructions like '//' and '(♩)'. The lyrics are in Russian and describe a summer scene with girls and a boat.

Э-о... о-ох, сповыйдим-ка мы, краснаи де... девушки да
Лё-о... о-ой, на крутую го... ой, да на гору!²⁸

Э-о... о-ох, посмотрим-ка, белаи лябё(о)душки, да
Лё-о... о-о, на синия мо... ой, да на моря.

⁵ Э-о... о-ох, по тóму было па синиму мо... по моречку, да
Лё-о... о-ох, бегли лёгки ло... о, лёгки лодки.²⁹

Э-ох, во которой да во легонькой ло... лодочке (да)
Мой... ох, милой гуляя... да гуляя.

О-ох, платочком белаим девушка машала я, да
¹⁰ Мой... ох, мой милóй не ви... (он) не видя.

Э-о, я голосом девушка кричала я, да
Мой... ох, мой милой не слы... да не слыша.

Эх-ох, тижалёшонька я девушка, вздохнула я, да
Мой... ох, милой догада... ой, догадался.

¹⁵ Э-ох, а вы бросьте, бросьте, братцы, не гребите, а вы
Но... новые весёлочки заложите!

Э-ох, а вы дайте-ко, а мне братцы, повидаться
Со своей... ох, со своей любе... любезной.

Э-ох, не видался я со своей любезной
²⁰ Со... ох, со такого вре... я время.

Э-ох, со времячко теплого да
Со... ох, теплого летичка.³⁰

²⁸ В тетради Судаковых «Раздольные песни» перед этой строфой имеется еще одна: «*Ох, поосталися мы, красные девушки, / Гулять во теплое лето, ох, во лето*» (л. 33).

²⁹ Слева от этой строки в ркп — пометка: «м. 3» (т. е. малая терция). Далее следует текст, записанный во время подготовки фонозаписи.

³⁰ Под текстом — замечания собирательницы: (*С пересказа последние слова*). Слова 2-х последних куплетов напомнила сестра, а Евл[амтия] Петровна не могла как следует пропеть их и путала текст.

№ 8а

Сповыйдем-ка мы, красные девушки

$\text{♩} = 60-68$

1. Э - о... о - ох,

С-по - вы - йдем - ка мы, кра. сна (й)и де - де - ву - шки, да

Ле - о... ой, на кру - ту - ю

го... ой, да на го - ру!

2. Э - о... о - ох,

е-по смо - трим - ка, бе - ла - и ля - бе - (о) - (о) - ду - шки, да

Detailed description: The image shows a musical score for a song. It consists of six systems of music. Each system has a vocal line and a piano accompaniment line. The key signature is two flats (B-flat and E-flat), and the time signature is 2/4. The tempo is marked as quarter note = 60-68. The lyrics are in Russian. The first system shows the beginning of the first phrase. The second system continues the first phrase. The third system continues the first phrase. The fourth system shows the end of the first phrase and the beginning of the second phrase. The fifth system shows the beginning of the second phrase. The sixth system continues the second phrase. There are some markings like '1. Э - о...' and '2. Э - о...' which likely refer to different versions or parts of the song. There are also some markings like 'С-по' and 'е-по' which might be initials or part of the lyrics. There are also some markings like 'го...' and 'го...' which might be part of the lyrics. There are also some markings like 'ру!' and 'ду - шки, да' which are part of the lyrics. There are also some markings like 'о - ох,' and 'о - ох,' which are part of the lyrics. There are also some markings like 'о - ох,' and 'о - ох,' which are part of the lyrics. There are also some markings like 'о - ох,' and 'о - ох,' which are part of the lyrics.

Ле - о... о - ох, на си - ни - я
 мо... ой, да на мо - ря.
 3. Э - о... о - ой,
 с - чо то му бы - ло с - по си - не - му мо - ре - чу, да
 Ле - о... о - ой, бег - ли лё... лёг - ки
 лё - гки
 ло... ой, лё - гки ло - дки.
 4. Э - о... ой, вы

в ко - то - рой жа ва лё - ги.нькай ло - (о) - (о) - да.чки, да

Ле - о... о - ох, мой ми.лой гу.

...ля... ой, ну гу.ля - я.

о - ой,

пла - то - чком бе - ла - и.м(ы)де.ву.шка ма - ша да я, да

ле - о... о - ой, мой ми.той ис

ви... да ня ви - дя.

Э-о... о-ох, сповыйдим-ка мы, красна(й)и де... девушки, да
Лё-о... о-ой, на крутую го... ой, да на гору!

Э-о... о-ох, спосмотрим-ка, белаи лябё(о)душки, да
Лё-о... о-ох, на синия мо... ой, да на моря.

5 Э-о... о-ой, с-по тóму было с-по синему моречку, да
Лё-о... о-ой, бегли лё... лёгки ло... ой, лёгки лодки.

Э-о... ой, в(ы)... в которой жа ва лёгинькай лодачки, да
Лё-о... о-ох, мой милой гуля... ой, ну гуляя.

Э-о... о-ой, платочком белаим(ы) девушка машала я, да
10 Лё-о... о-ой, мой милóй не ви... да ня видя.

№86

Повыйдем-ка мы, красные девушки

$\text{♩} = 68$

1. А - о - (о)... о - ох,

По - вы - йдем - ка мы, красна(й)и де - ву - шки, да,

лё - о... о - ой, на кру - ту - ю

го... ой, да на го - ру!

The musical score is written in G major and 2/4 time. It features a vocal line and a piano accompaniment. The tempo is marked as quarter note = 68. The lyrics are in Russian. The score includes a key signature change from one sharp to two sharps and a time signature change from 2/4 to 3/4. There are double bar lines with repeat signs at the end of the piece.

2. А - о - (о)... о - ох,

По - смо - трим - ка, бе - ла - и ля - бе - ду - шки да,

Ле - о... о - ой, на си - гни - я

мо... ой, да на мо - ря!

3. А - о - (о)... о - ох,

по - то - му - та на си - нс - му мо - ре - чку да,

Ле - о... о - ой, бе - гли ле - гки

ло... ой, лёгки лодки.

А-о... о-ох, повыйдем-ка мы, красна(й)и девушки, да
Лё-о... о-ой, на крутую го... ой, да на гору!

А-о... о-ох, посмотрим-ка, белаи лябёдушки, да
Лё-о... о-ой, на синия мо... ой, да на моря!

5 А-о... о-ох, по тóму-та па синему моречку, да
Лё-о... о-ой, бегли легки ло... ой, лёгки лодки.

№ 9

Я скажу сама себе, красная девушка

♩ = 68

Я ска - жу са - ма се - бе,

Я... а ай,

я кра - сна я де... о - й(и), де - ву - шка,

се - бе сло - во - ва... ой, сло - во - ва - (а) - лась.

2. А - о... о - ох,

Ку - да ма - я, да

ма... а - ай,

ма - я кра - са де... ой, де - ви - чья,

ку - да па - дя - ва... ай, спа - дя - ва - ла(сь)?

3. Э - о... о - ох,

в ро - ди ти - ля, да

ва... ой,

ва род - на - ва ба... а - й(и) ба - тю - шки

в са - лу за - гу - ля... ай, за - гу - ля - лась.

4. А - о... ой,

в су - да ры - ни, да

ва... ой,

ва род - нинь - кай ма... о - х(ы), ма - ту - шки

в ра - ло за - ля - жа ай, за - ля - жа - лась.

5. А - о... о - ох,

в род - ны (й)их бра - тьях, да

кра... а - ой,

кра - са в да ра - ги их го - стях

дол - го за - го - сти... за - го - сти - лась.

А-о... о, я скажу сама сябе,
 Я... а-ай, я красная де... ой(и), девушка,
 Сябе сдивова... ой, сдивовалась.

А-о... о-ох, куда мая да
 5 Мá... а-ай, мáя краса де... ой, девичья,
 Куда падыва... ай, спадывала(сь)?

Э-о... о-ох, в родитиля да
Ва... о-ой, ва родна́ва ба... ай(и), батюшки,
В саду загуля... ай, загулялась.

¹⁰ А-о... о-ох, в сударыни да
Ва... о-ой, ва роднинькай ма... ох(ы), матушки,
В ра́лю³¹ заляжа... ай, заляжалась.

А-о... о-ох, в родны́(й)их братья́х да
Кра... а-ой, краса в дараги́их гостях
¹⁵ Долго загости... загостилась.³²

Э-ох, в родных сестра́х, да
На широкой улушке
Долго гуля... да гуляла.

Э-ох, напал туман,
²⁰ Ту... ту́ман на сине море,
На море глы... на глыбоко.

Э-ох, напала роса
На... на траву мураваю,
На леса дрему... на дремучи.

²⁵ Э-ох, напала тоска да
На... а на буйну головушку,
На сердце рети(во), да на ретиво.

Э-ох, со буйно́й головушки, да
Мой золотой венoк,
³⁰ С головки скати... да скатился.

Э-ох, с путевóй косы, да
Мои алы ленты, ох, ленточки
С косы выпле... да выплетали.

Э-ох, на сырую землю, да
³⁵ Мои, да мои алы, ах, ленточки
На землю упали, да упали.

Э-ох, в черную грязь да
Мои... мои алы лен... ох, ленточки
Во грязь позамя... да позамяли.

³¹ В *ра́лю* — в ларе, сундуке.

³² Далее следует текст, записанный во время предварительной подготовки фонозаписи.

№ 9а

Я скажу сама себе, красная девушка

♩ = 64

1. Я ска - жу са - ма ся - бе,

Я... а - ай,

я кра - сна я де... о - о - й(и), де - ву - шка,

ся - бе сди - во - ва... ай, сди - во - ва - лась. //

2. А - о... о - ох,

Ку - да ма - я, да

ма... а ай,

ма - я кра - са де... о - й(и), де - ви - чья,

ку - да спа - дя ва... ай, спа - дя - ва лась?

3. А - о... о - ох,

в ро - ди ти - ля, да

ва... о ой,

ва род - на - ва ба... о - х(ы) ба - тю - шки

в са - ду за - гу - ля... ай, за - гу - ля - лась.

4. А - о... о - ох.

в су - да - ры - ни, да

ва... о - ой,

ва - род - ни - ньюй ма... а - й(и), ма - ту - шки

в ра - лю за - ля - жа... ай, за - ля - жа - лась.

Я скажу сама сябе,
 Я... а-ай, я красная де... о-ой(и), девушка,
 Сябе сдивова... ай, сдивовалась.

А-о... о-ох, куда мая да
 5 Мá... а-ай, мая краса де... ой(и), девичья,
 Куда спадява... ай, спадявалась?

А-о... о-ох, в родитиля, да
 Ва... о-ой, ва родна́ва ба... ох(ы), батушки,
 В саду загуля... ай, загулялась.

¹⁰ А-о... о-ох, в сударыни, да
 Ва... о-ой, ва роднинькой ма... ай(и), матушки,
 В рáлю заляжа... ой, заляжалась.

№ 10

По улущке, девушки, пройдём

$\text{♩} = 72$

The musical score is written in a key signature of one flat (B-flat) and a 4/4 time signature. It consists of a vocal line and a piano accompaniment. The tempo is marked as quarter note = 72. The score is divided into several systems. The first system shows the beginning of the piece with the lyrics '1. А - о... а - ох,'. The second system continues with 'с-по у - лу - шки, де - ву - шки, про - йдём,'. The third system has 'ой, да про - йдём, да'. The fourth system has 'вдо - л(и) да по ши...'. The fifth system has 'уж как ши - ро кой.' and ends with a double bar line. The piano accompaniment features a steady eighth-note bass line and a more active treble line with chords and melodic fragments.

1. А - о... а - ох,
 с-по у - лу - шки, де - ву - шки, про - йдём,
 ой, да про - йдём, да
 вдо - л(и) да по ши...
 уж как ши - ро кой.

2. Э - (о) - о... о - (э) - ой,

за - тя - ним мы, де - ву - шки, спо - ем,

ой, да спо - ем, да

пе - сн - ку но...

ой, пе - сню но - ва ю.

3. Э - (о) - о... о - ой,

пе - сню но - ва - ю, де - ву - шки, спо - ем,

ой, да споём, да

пра ночушку тём...

о-ой, про тёмна ю.

4. Э-(о) - о... о - ох, ты но. [челнька...]

А-о... а-ох, с-по улушки, девушки, пройдем,
 ой, да пройдем,
 Да вдол(и) да по ши... уж как широкой.

Э(о)-о... о-ой, затайнем мы, девушки, споём,
 5 ой, да споём
 Да песенку но... ой, песню новаю.³³

Э-о... о-ой, песню новаю, девушки, споём,
 ой, да споём
 Да пра ночушку тём... о-ой, про тёмнаю.

³³ Дополнение собирательницы, записанное со слов исполнителей там же, 13 апреля 1969 г.: В песне «По улице девушки, пройдем» (2-й куплет) — О-ой, да затайнем мы с горяшка (вместо: «девушки»), споем Да песенку, песню новаю.

- 10 Э-о... о-ох, ты ноченька,³⁴
ты ночушка темна,
Темна осенья... ой, осенняя.
- Э-ой, темная осенняя,
ой, да осенняя,
- 15 Само упосле... ой, сама упоследняя.
- Э-ой, нету в ночушки того,
ой, да того
Да правильного со... нету солнышка.
- Э-ой, яще нету в ночушки того,
20 ой, да того
Светлого ме... нету месяца.
- Э-ох, яще нету в девушки, в меня,
ой, да в меня
Родителя-ба... нету батюшки.
- 25 Э-ой, яще нету в сиротушки,³⁵ в меня,
ой, да в меня
Да сударыни-ма... нету матушки.
- Э-ох, яще нету в девушки, в меня,
ой, да в меня
Да доброго мо... нету молодца.

№ 11

Не пора ли нам, не времечко

♩ = 68

The musical score is written on two staves. The top staff is a vocal line in G major, 4/4 time, with lyrics: "1. А · о... о - ох,". The bottom staff is a piano accompaniment in G major, 4/4 time, featuring a rhythmic pattern of eighth and sixteenth notes. The tempo is marked as quarter note = 68.

³⁴ Далее текст записан во время подготовки фонозаписи.

³⁵ Над словом *сиротушки* в скобках стоит *девушки*.

Ни по ра ли нам, ни вре мя чка

ой, ня вр(и)с мя чка

с у ли цы до мо...

ой, до мой и (и) дти.

2. А о... о - ох,

при дём мы, де вушки до мой,

ой, да до мой, да

до - ма де - лать не...

ой, де - лать не - ча ва.

з. Э-(о) - о... о - ой.

де - лать-то ста - ло не - ча ва.

ой, да ни - (с) - ча - ва.

ра - бо - тать ня хо...

ой, ня хо - чи тца.

4. Э-(о) - о... о - ох,

ра - бо - тать - то нам ня хо - че - тца,

ой, ня хо - чи - тца,

жи - вот ни ва - ро...

ой, ни ва - ро - ти - (и) - тца.

5. А-(у) - о... о - ой,

жи - вот - та ни ва - ро - ти - тца,

ой, ни ва - ро - ти - тца,
лю - бить ста - ло не...
ой, лю - бить
ой, ста - ло не - ка ва.

А-о... о-ох, ни пора ли нам, ни времячка,
ой, ня ври(е)мячка,
С улицы домо... ой, домой идти?

А-о... о-ох, придём мы, девушки, домой,
5 ой, да домой,
Да дома делать не... ой, делать нечава.

Э-о... о-ой, делать-то стало нечава,
ой да ни(е)чава,
Работать ня хо... ой, ня хочитца.

10 Э-о... о-ох, работать-то нам ня хочетца,
ой, ня хочитца —
Живот ни варб... ой, ни варбтитца.

А(у)-о... о-ой, живот-та ни варбтитца,
ой, ни варбтитца:

15 Любить стало не... ой, любить стало не́кава.³⁶

Э-ой, медельских-то ребят³⁷ нам будет любить,
ой, да любить —

³⁶ Одна из певиц спела: *Ой, стало неково*. Далее следует текст, записанный во время предварительной подготовки фонозаписи.

³⁷ Из деревни Медли (*примеч. собирательницы*).

Они за рекой... за рекой живут.

Э-ох, шартовских нам ребят³⁸ любить,
20 Да они далеко... далеко живут.

Э-ох, калпінских нам ребят³⁹ любить,
ох, любить —
Рэбята кутей... ой, кутейники.

Э-ох, башкировских нам ребят⁴⁰ любить —
25 Во их сяло ма... сяло маленько.⁴¹

Э-ой, авдеевских нам ребят⁴² любить,
ой, любить —
Они полу... полуверские.⁴³

Э-ох, брязенских нам ребят⁴⁴ любить,
30 ох, любить —
Они старове... староверские.

Э-ой, своих-то нам будя любить —
Ребята просми... ой, да просмишнаи.

Э-ох, любить-то нам будя, не любить
35 Ох, да своих дереве... ой, деревенских.⁴⁵

№ 12

Пришла я девушка на свое подворьеце

О-о-о, пришла я девушка на свое подворьеце,
Подворья не узнала.

О-о-о, заросло широкое мое подворьеце
Травой-муравою.

5 О-о-о, не травушкой заросло мое подворьеце —
Да розовым цветочком.

О-о-о, цвели, цвели на подворье цветики —
Розовы повяли, повяли.

³⁸ Из деревни Шартово (*примеч. собирательницы*).

³⁹ Из деревни Колпино (*примеч. собирательницы*).

⁴⁰ Из деревни Башкирёво (*примеч. собирательницы*).

⁴¹ «Три дома только было» (*примеч. исполнителей*).

⁴² Из деревни Авдеево (*примеч. собирательницы*).

⁴³ Первоначально исполнители спели *чухноватые*.

⁴⁴ Из деревни Березье (*примеч. собирательницы*).

⁴⁵ «На конец повторяется последний куплет» (*примеч. исполнителей*).

О-о-о, любил, любил парень девушку,
10 Любил меня — бросил.

О-о-о, бросил, бросил меня добрый молодец,
Бросил, насмеялся.

МАСЛЕНИЧНЫЕ ПЕСНИ

№ 13

А ни одна в поли дорожка

$\text{♩} = 88$

The musical score is written for voice and piano. It consists of three systems, each with a vocal line and a piano accompaniment. The key signature is one flat (B-flat), and the time signature is 3/4. The tempo is marked as quarter note = 88. The score includes lyrics in Russian and musical notations such as slurs, ties, and dynamic markings. The first system starts with a vocal line: "1. А ни од на (,) я в по ли" and a piano accompaniment. The second system continues the vocal line: "да ро(и)... да да ро жка." and the piano accompaniment. The third system starts with a vocal line: "2. А как и та я сня жком" and a piano accompaniment. The fourth system continues the vocal line: "па (в)за... па за вья ла." and the piano accompaniment. The fifth system starts with a vocal line: "3. А сьвр - ху бе (,) ла - (и)и - м(ы) па" and a piano accompaniment. The score ends with a double bar line and repeat dots.

1. А ни од на (,) я в по ли
да ро(и)... да да ро жка.

2. А как и та я сня жком
па (в)за... па за вья ла.

3. А сьвр - ху бе (,) ла - (и)и - м(ы) па

закры... пазакры... ла.

4. А как один (♩) братец ва

сястри... васястри... ны.

- А ни одна в поли даро(й)... да даро́жка.
 А как и тая сняжком па(в)за... пазавья́ла.
 А съверху бела(й)им(ы) пазакры́... пазакры́ла.
 А как один братец ва сястри... ва сястрицы.⁴⁶
- 5 Как и тот во гости ня е... ой, ня едя.
 А он приедя, он ни на... да ни надолго,
 А на одинаю темну но... темну ночку,
 А он и той ночки ни ночу... ни ночуя,
 А он начую, он протоску... протоскуя.
- 10 Он ложился спать под око... под окошко,
 А он часто окно открыва... открывая,
 Света белого ажида... ожидая,
 Лицо белое умыва... умывая,
 А полотенечком утира... утирая,
- 15 А башмачки с чулкам собира... собирая,
 Скоры ноженьки обува... обувая,
 А он синь кафтан одева... одевая,
 А он сбруюшку собира... собирая,
 А он добра коня уседла... уседлая.

⁴⁶ Далее текст был записан во время предварительной подготовки фонозаписи. В данной публикации сохранена графика полевой записи собирательницы.

- 20 А он на широк двор выхо... [да] выходя,⁴⁷
 А с широка с двора соезжа... соезжая.
 А сестра брата проводи... проводила,
 Как сестра брату говори... говорила:
 — А ты братка-соловей... соловейка!
- 25 А ты когда ко мне в гости бу... в гости будешь?
 — А ты, сястрица дорога... дорогая!
 А я тогда к тебе в гости бу... в гости буду:
 С гор сняжки все пораста... порастают,
 Быстры речушки поразолью... разольются,
- 30 Пастушки в рожки заигра... заиграют,
 А пастушач(и)ки загало... загалосют.

№ 13а

И как одна в поле дорожка

$\text{♩} = 64$

The musical score is written in 4/4 time with a tempo of quarter note = 64. It consists of three systems of music. The first system shows the beginning of the first line of the song. The second system contains the second line of the song, with a double bar line and repeat sign at the end. The third system shows the beginning of the second line of the song. The lyrics are written below the vocal line.

1. И как одна в поле
 да ро - (й)... да да - ро жка.

2. И как и та я снс - жком

⁴⁷ Данная строка во время предварительной записи текста не получила необходимой для размера напева формы, так как певицы первоначально ее пропустили. Вспомнив о пропуске, они не смогли сразу установить ее место. Первоначально собирательница вставила ее после строки: *А он синь кафтан одева... одевая*, затем, зачеркнув, она перенесла строку ниже — на то место, где она осталась в данной публикации. В квадратных скобках автором публикации дополнен недостающий для распева слог.

па - за (й)... па - за - вья ла.

3. И свер-ху бе - лень - ким па - (а).

за - кры-(й)... па - за - кры ла.

И как одна в поле дарó(й)... да дарожка.
 И как и тая снежком паза(й)... пазавьяла.
 И сверху беленьким пазакрý(й)... пазакрыла.
 И как один-та братец ва сястри... ва сястрицы.
 5 И как и тот-та во гості ня е(й)... да ня едя.

№ 136

Ай, не анная в поли дорожка

♩ = 84

1. Ай, не ан - на - я

в по - ли

да - ро - (й)... да до - ро жка (о).

2. И как и та - (о) - я

сня - жком

па за - (й)... па - за - вья ла.

Ай, не анная в поли даро(й)... да дорожка,
 И как и тая сняжком паза(й)... пазавьяла.
 А сверху белен(и)ким пазакры(й)... пазакрыла.
 И как один-та братец(ы) ва сястри... ва сястрицы,
 5 А ён и тот-то ва гости ня е... да ня едя.

№ 14

Зеленейся, мой зеленый сад, в огороде

♩ = 72

1. Зе - ля - ней ся,
 мой зя - лё - ный сад,

Рась - цвя - тай, мой сад, во - го - ро - ди!

2. А вы пой - те,

рась - пя - вай - те,

Ма - лы пта - шац - ки, во - го - ро - де!

3. А вы пой - те,

рась - пя - вай - те,

Мо - во зя - (а) - тя зве - се - ляй - те!

4. Мо - во го - стя

до - ро - го - ва.

Зе - ля - ней - ся, сад мой зя - лё - ный!

Зелянейся, мой зялёный сад,
Расьцьвятай, мой сад, в огороде!

А вы пойте-расьпявайте,
Малы пташачки, в огороде!⁴⁸

⁵ А вы пойте-расьпявайте,
Мово зя(а)тя звеселяйте —

Мово гостя дорогова.
Зелянейся, сад мой зялёный!

⁴⁸ При предварительной записи текста исполнительница спела: *во садочке*.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ, НЕ ПРИУРОЧЕННЫЕ
К КАЛЕНДАРНЫМ ПРАЗДНИКАМ

№ 15

Ну ж ты, молодость моя

$\text{♩} = 64$

1. Ну ж ты, (х)мо... ай, мо - ло - дость мо - я...

мо - ло - дость да ну мо - я

Ну ж ты, мо - ло - дость да мо - я, да

мо - ло - де... мо - ло - де - шка - я! //

2. И ко - гда мо(й)... мо - ло - дость про - шла...

Ко - гда мо - ло - дость мо - я про - шла, да

Ка - да мо - ло - дость

ми - но - ва... ми - но - ва - да - ся? //

Detailed description: The image shows a musical score for a song. It consists of two systems of music. Each system has a vocal line and a piano accompaniment line. The first system is for the first verse, and the second system is for the second verse. The tempo is marked as quarter note = 64. The key signature has two flats (B-flat and E-flat). The time signature is 4/4. The score includes lyrics in Russian and musical notation with notes, rests, and dynamic markings. There are double bar lines with repeat signs at the end of each system.

3. Ни даянь - ком ведь мо - ло - дость про - шла...

Не день - ком да мо - ло - дость про - шла, да

те - мный но... те - мный но - чушкой. //

4. Не в лю - бов жа - на вил(н) бы - ло му - жу

Не в лю - бо - (ы) жа - на ведь бы - ло му - жу

на - вя - за... на - вя - за - да - ся. //

5. Ох, не сжи - ти мне е - ё, не сбыть...

Что не сжить с - ё, мне я - ё не сбыть, да
 мне я - ё не про... мне не про - да - ти. //
 6. Не ку - пцу же - ну бы - ло про - дать...
 Не ку - пцу жа - ну бы - ло про - дать, да
 ни то - ва... не то ва ри - цу. //

Ну-ж ты, (х) мо... ай, молодость моя...
 Ну-ж ты, молодость да ну моя, да
 Молоде... молодецкая!

И когда, мо(й)... молодость прошла...
 5 Когда молодость моя прошла, да
 Минова... миновалась?

Ни дянком ведь молодость прошла...
 Не деньком да молодость прошла, да
 Тёмный но... тёмный ночушкой.

10 Не в любов жана вит(и) было мужу...
 Не в любов(ы) жана ведь было мужу
 Навяза... навязалась.

Ох, не сжити мне её, не сбыть...
Что не сжить её, мне яё не сбыть, да
15 Мне яё не про... мне не прѳдати.

Не купцу жену было продать...
Не купцу жану было продать, да
Ни това... не товарищу.

Как спое... споеду(й) молодец...
20 Как поеду было молодец, да
Я во нов... я во нов горѳд.⁴⁹

И куплю, куплю я молодец...
Как куплю, куплю я молодец,
Тесу но... новова.

25 И сострою-сорублю...
И сострою было, сорублю
Нов тесов... нов тесов кораб.

Со двенадцатью было гребцам,
Со двенадцатью гребцам,
30 С тонким новым весельцам.

Как спущу, спущу я свой кораб
Во синё я море,
Я во сине... море.

Как гребцы, гребцы мои гребут,
35 Как гребцы, гребцы-то мои гребут,
Словно песе... словно песенки поют.

А кораб, кораб-то мой бежит,
А кораб было мой бежит,
Что сокол... что сокол-то летит.

40 А жена, жена моя сидит,
А жена-то моя сидит,
Словно ба... словно барыня.

А я выйду, выйду молодец,
Ах, я выйду, было, молодец, да
45 Я на крутой... я на крутой крылец.

И я закричу было молодец,
И я закричу было молодец
Громким го... громким голосом:

⁴⁹ Далее текст был записан во время предварительной подготовки фонозаписи. В публикации раскрыты сокращения, сделанные собирательницей при полевой записи.

«И воротись моя, было, жена,
50 Воротись, моя жена,
Словнё барыня, словно барыня!

А будем жить мы с тобой,
А будем жить мы с тобой
Все по пре... все по-прежнему.

55 А любовь-совет вести
А любовь-совет вести
Все по старо... все по-старому».

№ 15а

Молодость

Ну ж ты молодость моя, да молодецкая!⁵⁰

Запев: Молодецкая...
Не видал я, молодость, тебя да когда ты,
Когда ты-ы-ы прошла.

5 *Запев:* Когда ты, молодость, прошла...
Когда молодость моя прошла да
минова... да миновалася.

Запев: Миновалася...
Не в любовь-та мне моя жена да
навязала... навязалася.

Запев: Навязалася...
10 Мне не сжить, не сбить своей жены, да
Не това... не товарищу ее отдать.

Запев: Не товарищу ее отдать...
Я поеду а я молодец да
я во нов... я во нов город.

15 *Запев:* Я во нов город...
Я куплю, куплю я молодец да
Тесу но... тесу новова.

Запев: Тесу новово...
Я срублю, срублю молодец да
20 Нов тесов, нов тесов караб.

⁵⁰ В публикации сохраняются все особенности рукописи: оригинальная графическая подача слогораспевов, обозначение частей песенной строфы (запев).

Запев: Нов тесов кораб...
Посажу-ка я свою жану да
Я во нов-ка... во нов караб.

Запев: Я во нов караб...
25 Что сидит моя-а-а жена да
Словноя ба... словноя боярыня.

Запев: Словноя барыня...
Я найму, найму да я молодец да
Гребцов-пе... гребцов песенников.

30 *Запев:* Гребцов-песенников...
Что гребцы мои-и-и гребут да
Гребцы пе... гребцы песенки-е-е поют.

Запев: Гребцы песенки поют...
Пойду-выду, выду молодец да
35 На круту... на круту гору.

Запев: На круту гору...
Закричу я молодец да
Громким го... громким голосом.

Запев: Громким голосом...
40 Ты вернись, вернись, моя жена да
Словная ба... словная барыня.

Запев: Словная барыня...
Теперь бу-у-удем с тобой, жона,
Жить да все по-ста... все по-старому.

45 *Запев:* Все по-старому...
А любовь в нас теперь пойдет⁵¹ да
Все по-пре... все по-прежнему.

Запев: Все по-прежнему...
Не сиять-то солнышку теперь да
50 Все по-ле... все по-летнему.

Запев: Все по-летнему...
Не любить-то мне теперь тебя, да
Все по-пре... все по-прежнему.

⁵¹ Зачеркнуто: *любить-то буду я тебя.*

№ 16

На бережке камешек разбелёшенек лежит⁵²

♩ = 92

The musical score is written for voice and piano. It consists of three systems, each with two staves (treble and bass clef). The key signature is one sharp (F#) and the time signature is 4/4. The tempo is marked as ♩ = 92. The score includes three verses of lyrics. The first system covers the first two lines of lyrics. The second system covers the next two lines. The third system covers the final two lines. The score ends with a double bar line and repeat signs (//).

1. На бе - ри - жки ка - ме - шок
 о - ой, ра - з(ы) - бя лё - ша - ник да ля - жит.

2. А - о - (о)... о - х(ы), раз - бя лё - ши - ни к(и) да ля - жит...
 с-под э - та - ва ка - ме - шка
 о - ой, бя - жит ре - чинь - ка, а - на ни шу - мит.
 ре - чка

3. Э - о... о - х(ы), бя - жи р(и) - е - чинь - ка, а - на ни шу - мит...

⁵² Слева на полях замечание собирательницы: *Поется с движением, отчетливо ритмически.*

Што над э - той ре - чень - кай

сад... о - ой, сад зя - лё - ни - нькай да сто - ит.

На бэрижки камешок
О-ой, раз(ы)бляёшаник да ляжит.

А-о-ох(ы), разбляёшиник(и) да ляжит...
С-под этава камешка

⁵ О-ой, бжит речинька, ана ни шумит.

Э-о-ох(ы), бжи[т] р(и)ечынька, ана ни шумит...
Што над этой реченькай
О-ой, сад зялёненькай да стоит.⁵³

И-ох, сад зелененький стоит...

¹⁰ Да что во этом садике
Со... ой, соловеюшка поёт.

Ох, соловеюшка ли да поет...
Ты не пой, не пой в саду соловьюшко,
Не пой вольнай, да бы молодой!

¹⁵ Ой, не пой вольнай, да бы молодой...
Ни давай тоски-назолушки
Сердечу... сердечушку было моему!

Ох, сердечушку было моёму...
Да что свекрова-матушка

²⁰ Ох, она лиха была до меня.

Ой, она лиха была до меня...
Посылала молодешеньку
Ох, в полночь босу меня за водой.

⁵³ Этот стих одна из исполнительниц спела так: *Сад... [сад зялёнень]... кай да стоит*. Далее следует продолжение песни, записанной во время предварительной подготовки фонозаписи.

В полночь босу меня за водой...
25 Да приузябли мои ноженьки,
Ох, по морозу босу идучи.

По морозу босу идучи...
Да приукоркли мои рученьки
Ой, ведёрочки в руках держучи.

30 Ой, ведерочки в руках держучи...
Да пойду я, молодёшенька,
Ой, к родной матушки я домой.

Ой, к родной матушки я домой...
— Да родимая моя матушка,
35 Ой, за что рано замуж отдала? —

Ой, за что рано замуж отдала?
— Да родимая моя доченька,
Ой, рано волюшка сама взяла. —

Рано волюшка сама взяла...
40 — Да родимая моя матушка,
Ой, за что смалу меня не била? —

За что смалу меня не била?
— Да родимая моя доченька,
Ой, жаль мне, деточка, было тебя.

45 Жаль мне, деточка, было тебя...
Да родимая моя доченька,
Виновата это была я!

№ 17

Улятая мой душа-соколик

$\text{♩} = 52$

1. У - ля - та - я мой
ду - ша - со - ко - лик, //
У - ля - та - я мой си - зой.

The musical score is written in treble clef with a tempo marking of quarter note = 52. It consists of three staves of music. The first staff begins with a 4/4 time signature and contains the melody for the first line of lyrics. The second staff continues the melody and includes a double bar line with repeat dots. The third staff concludes the piece with a final cadence.

2. Я со сле - зам дру - жку
сво - му про - си - ла:
"Мя - ня ты, ми - лай не за - забудь!"
3. И ты ня плачь - ка
ду - ша - Ма - ша,
И не взды - хай - ка ти - жа - ло!

Улятая мой душа-соколик,
Улятая мой сизой.

Я со слезам дружку своему просила:
«Мяня ты, милай, не забудь!»

⁵ И ты ня плачь-ка, душа-Маша,
И не вздыхай-ка тижало!⁵⁴

И я тогда тебя, Маша, забуду,
И когда скроются мои глаза.

И уста кровью запякутся,
¹⁰ И я не буду тябя целовать.

И я не буду тебя целовать
И душой-Машей называть!

⁵⁴ Далее текст был записан во время предварительной подготовки фонозаписи.

№ 18

У моёва у милова сад зелёный под окном

$\text{♩} = 84$

The musical score is written in G major (one sharp) and 4/4 time. It consists of two systems of vocal and piano accompaniment. The first system is for the first ending, and the second system is for the second ending. The piano accompaniment features a steady eighth-note bass line and a more melodic upper line with some chords. The vocal line is simple and follows the lyrics.

1. У мо - ва у ми - ло...
у ми - ло ва сад зя - лё...
сад зя - лё - най под о - кном. //

2. Под о - кном, да што ва е...
что ва с - там ва са - до...
ва са - до - чки са - ла - вс - й(и)

са - ла - ве - й(и) гро - мка по - ёт. //

4. Вот по - ёт, да ты ня пой...

ты ня пой в са - ду, са - ло...

ой, са - ло - вья, ня пой, во...

ня пой воль - най, ма - ла дой! //

У моёва у мило... у милова
Сад зялё... сад зялёнай под окном.

Под окном...

Да што ва е... што ва етам ва садо... ва садочки

⁵ Салаве(й)и... салаве(й)и громка поёт.⁵⁵

⁵⁵ Первоначально исполнители спели здесь: *Соловеюшка поёт*. Над словом *соловеюшка* вписан вариант <солове>й громко, который и зафиксирован на фонограмме.

Вот поёт...
Да ты ня пой... ты ня пой, в саду салó... ой, салóвья...
Ня пой, во... ня пой, вольной маладой!⁵⁶

Молодой...
10 Не давай... не давай тоски-назо... ох, назолу
Сердечу... сердечушку моему.

Моему...
Сердца бьё... сердце бьется, грудь мое сдаё... сдается,
Ково нету, очень жаль.

15 Очень жаль...
Да без тово... без тово мое серде... ох, сердечко
Все повы... повысохло (ли) во мне.

Ох, во мне...
Шла я ле... шла я темным, шла я темным,
20 Ни боя... ни боялась а я никого.

Никово...
Я не во... я не вора да я ни май... ни майора,
Ни до... ни донскова казака.

Казака...
25 Да шла я садо... садом, шла зеленым, ох, зеленым,
Мне каза... мне казался алый цвет.

Алый цвет...
Цветик а... цветик алай, лист лавро... ох, лавровый,
В моем зе... в моем зеленом саду.

30 Во саду...
Я по садику гуляла, ох, гуляла,
Цветы а... цветы алые полила́.

Полила...
Все цвето... все цветочки были ра... были разны,
35 Один то... один тоненький высок.

Ох, высок...
Что на этом... что на этом на цвето... на цветочке
Лист лавро... лист лавровый зеленой.

Зеленой...
40 Подойду... подойду к тому цвето... ох, цветочку,
Нет ли ми... нет ли милова дружка.

⁵⁶ Эта строфа во время предварительной записи текста отчеркнута собирательницей и слева стоит помета: *Распутать*. Далее следует текст, записанный во время подготовки фонозаписи.

Ох, дружка...
 Отмахну... отмахнулся лист широ... ох, широкий,
 Вышел ми... вышел миленький дружок.

№ 19

Нам незачем в люди торопиться

$\text{♩} = 66$

1. Нам не - за - чам в лю - ди то - ро - пи... и -

- ой, то - ро - пить ца,

у на - с(ы) до - ма ся - во - дни хо - ро - шо,

ой, хо - ро - шо, о - ой, да в(ы)

в лю - дях сср - цу мо - ё - му ти - жа - ло.

2. В лю - дях сср - цу мо - ё - му ти - жа - ло,

Detailed description: The image shows a musical score for a song. It consists of five systems of music. Each system has a vocal line (treble clef) and a piano accompaniment (treble and bass clefs). The key signature is one sharp (F#) and the time signature is 4/4. The tempo is marked as quarter note = 66. The lyrics are in Russian. The first system starts with '1. Нам не - за - чам в лю - ди то - ро - пи... и -'. The second system continues with '- ой, то - ро - пить ца,'. The third system has 'у на - с(ы) до - ма ся - во - дни хо - ро - шо,'. The fourth system has 'ой, хо - ро - шо, о - ой, да в(ы)'. The fifth system has 'в лю - дях сср - цу мо - ё - му ти - жа - ло.' followed by a double bar line. The sixth system starts with '2. В лю - дях сср - цу мо - ё - му ти - жа - ло,'.

ой, ти - жа - ло, да
 ти - жа - лё - ши - ни - ка мо - ём сер - де...
 ой, да сер - де - чку:
 ко - во не - ту, та - во о - чень жаль. //
 Ка - во не - ту, та - во о - чень жаль, а
 ой, о - чень жаль, да
 мил у - е - хал, лю - бе - знай у - да - ли... э -

- ой, у - да - ли - (и) - пл - ся

жить на тё - пла - я ле - то ут мя - ня.

4. Жить на тё - пла - я ле - то ут мя - ня, о -

- ой, ут мя - ня - (а), да

на спо - мни ду - ши ми - лой о - ста...

он о - ста - (а) - вил

с пра - вий ру - чу - шки зо - ло - то ко - лью.

Нам незачам в люди торопи... и-ой, торопитьсяца,
У нас(ы) дома сяводни хорошо, ой, хорошо,
О-ой, да в(ы) в людях сердцу моёму тижало.

В людях сердцу моёму тижало, ой, тижало,
5 Да тяжалёшин(и)ка моём сердце... ой, да сердечку:
Кóво нету — тáво очень жаль.

Кáво нету — тáво очинь жаль, а-ой, очинь жаль,
Да мил уехал, любезнай удали... э-ой, удалился
Жить на тёплае лето ут мяня.

10 Жить на теплая лето ут мяня, о-ой, ут мяня(а),
Да на спомин души милой⁵⁷ оста... он оставил
С правый ручушки золото кольцо.⁵⁸

С правой ручушки золото кольцо, ой, да кольцо,
Да сумлевалася красная девица, ой, девица:
15 Где колеченька буду я носить?

Где колеченька буду я носить, ой, носить?
Да день на ручушки кольцо носи...
К ночи в головы кольцо клалá.

К ночи в головы кольцо клалá, ой, да клалá,
20 Да поутру я ранёшенько встава... ой, я вставала,
Умывалася горькими слезам.

Умывалася горькими слезам, ой, да слезам,
Да близь кроватушки я подходила, ой, подходила —
Закипела горяча кровь во мне.

25 Закипела горяча кровь во мне, ой, во мне.
Да не киши ты, кровь во мне горя... ой, горяча —
Верно, кончилась с милым любовь.

⁵⁷ Одна из исполнительниц спела: *души своей*.

⁵⁸ Далее текст был записан во время предварительной подготовки фонозаписи.

№ 20

Тёмная ночушка ня спится

$\text{♩} = 72$

1. Тё. мна - я но - чу - шка ня спи - тся,
са - ма я зна - ю,
па - ча - му. //

2. Са - ма я зна - ю, па - ча - му...
я дру - жку ми ло -
му ска - за - ла:

Detailed description: The score is for a song in 4/4 time with a tempo of 72 beats per minute. It features two vocal parts and piano accompaniment. The first system shows the vocal line starting with '1. Тё. мна - я но - чу - шка ня спи - тся,' and the piano accompaniment. The second system continues with 'са - ма я зна - ю,'. The third system shows a piano solo section with 'па - ча - му.' and a double bar line. The fourth system starts with '2. Са - ма я зна - ю, па - ча - му...' and continues with 'я дру - жку ми ло -' in the fifth system. The final system concludes with '- му ска - за - ла:'.

"За мной, ма-льчик,

ни го-нись!"

3. За мно-ю, ма-льчек, не го-нись...

Е-слив по-го-ни-

-шься за мно-ю,

па-тя-ря ешь.

свой сто-кой.

4. И па - тя - ря - (и)ншь свой по - кой...

Ты вспо - мни взду - май,

друг лю - бе (э)-знай,

где гу - ля - ли

мы с то - бой!

Тёмная ночушка ня спитя,
Сама я знаю, пачаму.

Сама я знаю, пачаму...
Я дружку милому сказала:
5 «За мной, мальчик, ни гонись!»

За мною, мальчек, не гонись...
Еслив погонишься за мною —
Патяряешь свой покой.

И патяря(й)ишь свой покой...
10 Ты вспомни вздумай, друг любе(э)знай,
Где гуляли мы с тобой!⁵⁹

Мы на крутой берег садились,
Мылись чистою водой.

Милый водою умывался,
15 А я горькими слезам.

Милый платочком утирался,
А я правую рукой.

№ 21

Девушка хорошая уродилася

$\text{♩} = 76$

1. Де - ву - шка хо - ро - ша - я
у - ро - ди - ла - ся,
Да го - рю - шка
мне го - рю - шка вя - ли - ка - я
при - клю - чи - ла - ся.

2. При - клю - чи - ла - ся...
Ку - ла ми - лай скрыл - ся,

The musical score is written in G major (one sharp) and 4/4 time. It consists of two systems of vocal melody and piano accompaniment. The first system includes the first two lines of the lyrics. The second system includes the remaining lyrics. The tempo is marked as quarter note = 76. The score ends with a double bar line and repeat dots.

⁵⁹ Далее текст был записан во время предварительной подготовки фонозаписи.

Ку - да он у - ля - тел?

3. Ку - да он у - ля - тел...

Он в и - на - ю в(ы)лю - би - лся,

про де - ву - шку за - был.

Девушка хорошая уродилась,
Да (мне)⁶⁰ горюшка вяликая приключилась.

Приключилась...
Куда милай скрылся, куда он улятел?

⁵ Куда он улятел...
Он в инаю в(ы)любился, про девушку забыл.⁶¹

Про девушку забыл...
Возьму я ведерочки, пойду я за водой.

Пойду я за водой...
¹⁰ Прихожу я к речке — не едет ли милой?

Едет милой в лодочке —
Крашенный прибор.
Веселки еловые
Гнутся над водой.

¹⁵ Тонкий белый парус
Трепеща над волной.
За любовь, за дружбу
Милый «здравствуй» не сказал.
За любовь, за ласку

²⁰ Милый шапочку не снял.

⁶⁰ Н. П. Судакова поет: *Да*, а Е. П. Гуняшина — *Мне*.

⁶¹ Далее следует текст, записанный во время подготовки фонозаписи.

№ 22

Гусаричка

♩ = 48

1. Што
(♩) за ре - чинь - кой бы - ло, за ре ко - ю, да
гу - са - ри - чок се - но ко - ся.

2. Гу - са - ри - чок се - но ко - (о) - (о) - ся, да...
о - о...

о - х(ы), а дру - го - ю бы - ло сто - ро - но - ю, да
гу - са - ри - чка ва - ду но - ся.

3. Гу - са - ри - чка во - ду но - ся, да...

О - о...

О - х(ы), а - на но - ся, са - ма Бо - га про - ся, да

Са злай(и), Бо - же, ча - сты - ва до - ж(и) - дя! //

4. Са - злай, Бо - же, ча - сты - ва до - (о) - (о) - жжа, да...

О - о...

О - х(ы) што - ба тра - ву - шку в по - ле смо - чы - ла, да

дру - жку ко - су п(ы)ри - ту - пи - ла. //

Што за речинькой было, за рекою, да
Гусарічок сено кося.

Гусарічок сено кося, да...
О-о... ох(ы), а другою было стороною, да
5 Гусарічка ваду нося.

Гусарічка вóду нося, да...
О-о... ох(ы), ана нося, сама Бога прóся, да:
— Сáздай(и), Боже, частова дóж(и)дя!

Сáздай, Боже, частыва дóжжа-на...
10 О-о... ох(ы), штоба травушку в поле смочыла, да
Дружку косу п(ы)ритупила!⁶²

Дружку косу притупило...
Работать ему в поле не дало,
С работы его сменила.

15 С работы его сменила...
Молодой-то было гусаричке
Да воды домой поносити.

Воды домой поносити...
В чистом поле край большой дороге

20 Стояла в поле ялина.

⁶² Далее следует текст, записанный сестрами Судаковыми в тетради «Раздольные песни» (л. 3 об.—4).

Стояла в поле ялина...
Ни ялинушка в поле стояла, да
Стояла бела береза.

Стояла бела береза, да о-о-о... ох,
25 Она тонка, тонка высокая,
Листом она широкая.

№ 22а

Гусаричек

♩ = 60

1. Ай, что-й-то бы-ло за реч-кый, да
бы-ло в(ы)-за ре-ко-ю, да
гу-са-ри-чо-к(ы) се-но ко-ся. //

2. Ай, гу-са-ри-чек се-но ко-ся, да
О - о...

о - х(ы), да о - н(ы) ко - ся, пра - во, Бо - гу про - ся, да:

"Са - зда - н, Бо - же, ча - сты - ва до - жжа!"

3. Ах, со - здай, Бо - же, ча - сты - ва до - жжа, да

Э - о...

о - х(ы), штё - бы тра - ву - шку бы - ло смо - чи ло, да

дру - жку ко - су при - ту - пи ло.

А - ах...

А - ах...

а - х(ы), мо - ло до ва да бы - ло гу - са ри - чка, да

с ра - бо - ты я - во сме - ни ло.

5. А с ра - бо - ты е - во сме - ни ло, да

О - о...

о - х(ы), со ра - бо - ту - шки я - во сме - ни ло, да
ох, с ра - бо - ту - шки

ра - бо - тать я - му - то не да - ло.

Ай, что-й-то было за речкый, да было в(ы)за рекою, да
Гусаричок(ы) сено кося.

Ай, гусаричек сено кося, да
О-о... ох(ы), да он(ы) кося, право, Богу прося, да
5 «Сздай, Боже, частова дожджа!»

Ах, создай, Боже, частыва дожджа, да
Э-о-о... ох(ы), штёбы травушку было смочило, да
Дружку косу притупило, да.

Дружку косу притупило, да
10 А-а... ах(ы), молодова да было гусаричка, да
С работы яво смянило.

А с работы ево сменило, да
О-о... ох(ы), со работушки яво сменило, да
Работать яму-то не дало.⁶³

15 Да работать ему не дало, да
А-а... ах(ы), только дало бы девицы
Воды поносити.

Да девицы воды поносити,
А-о... ох(ы), в чистом поле, край было дорожке
20 Стояла бела береза.

А стояла бела береза, да
О-о... ох(ы), да она тонка было высокая
Листом широкая.

Листом было широкая...
25 А-о... ох(ы), под этой было под березой
Гусарик лежит убитый.⁶⁴

Он убитый, призакрытый
Черною китайкой.

Приходила к ему жана,
30 Жана молодая.

Приоткрыла черную китайку
И его узнала.

⁶³ Далее следует текст, записанный во время подготовки фонозаписи.

⁶⁴ Последние три строфы Е. П. Гунышина вспомнила после того, как песня была спета.

ПРИМЕЧАНИЯ

При отсылке к опубликованным ранее вариантам напевов лирических песен приняты следующие сокращения:

Котикова — *Котикова Н. Л.* Народные песни Псковской области / Под общ. ред. С. В. Аксюка. — М.: Музыка, 1966.

Малер — *Mahler E.* Altruisische Volkslieder aus dem Peřoryland. [Старинные русские народные песни Печорского края]. Basel: Bärenreiter-Verlag, [1951].

Обзор — Народная традиционная культура Псковской области : Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра: В 2 т. Псков: Издательство Областного центра народного творчества, 2002.

Песни Псковской земли — Песни Псковской земли: Календарно-обрядовые песни: (По материалам фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории) / Сост. А. Мехнецов. Л.: Сов. композитор, 1989. Вып. 1.

Фридрих — *Фридрих И. Д.* Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда. Кн. 1. Песни: детские, хороводные, беседные, обрядовые, заговоры и духовные стихи и др. / Собраны И. Д. Фридрихом; Под ред. проф. Латвийского университета П. Шмита; Фоногр. записи мелодий на ноты переложены М. Гривским. Рига: Isdotaar Kulturas fonde, 1936.

Фридрих-1972 — Русский фольклор в Латвии. Песни, обряды и детский фольклор / Сост. И. Д. Фридрих. Рига: Лиесма, 1972.

№ 1. У ворот, ворот, ворот и широких. Исполнялась на пасхальных гуляниях. Комментарий исполнителей: «Эта песня пасхальная, ее пели молодухам, кот<орым> не попасть домой в гости: пусть молодухи поплачут. Мы жили около озера и весной как говорится, ни горой, ни водой ни пройти, ни проехать. Зимой вышли замуж только, а на Пасху домой не съездить».

Котикова МФ 1966-весна; 01-08.⁶⁵ Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым, А. И. Гомартели и А. М. Мехнецовым в пос. Лахта 7 марта 1966 г. от Е. П. Гуняшиной, Н. П. Судаковой, Ф. П. Судаковой и Т. П. Судаковой. Перед исполнением следует объявление собирающейницы: *Пасхальная песня: «У ворот, ворот». Исполняют сестры Судаковы.*

Поэтический текст: Тетрадь 1, № 7, с. 26 (л. 13 об.)—30 (л. 15 об.). Аналогичный текст имеется в тетради Судаковых «Раздольные песни» (л. 28—29).

Вариант напева: № 2 наст. изд. Варианты: *Котикова*, 20 (д. Городище Печорского р-на); *Песни Псковской земли*, 90 (д. Любница),

⁶⁵ Коллекция в настоящее время не имеет шифра и обозначается, например, так: «Котикова МФ 1966-весна; 01-08», где МФ — Магнитофонный фонд, 1966-весна — период записи, 01 — номер кассеты, 08 — номер записи.

93 (д. Лисьё),⁶⁶ 94 — зачин (д. Красная Горка Печорского р-на); *Обзор*, с. 268, № 3 (д. Лисьё Печорского р-на).

№ 2. Как грянул гром перед тучею. Исполнялась на пасхальных гуляниях. Комментарий исполнителей: «Песня общая. Пасхальная». Комментарий собирателя: *Напев «У ворот, ворот широких».*

Котикова МФ 1966-весна; 01-09. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым, А. И. Гомартели и А. М. Мехнецовым в пос. Лахта 7 марта 1966 г. от Е. П. Гуняшиной, Н. П. Судаковой, Ф. П. Судаковой и Т. П. Судаковой. Перед исполнением следует объявление собирательницы: *Пасхальная песня: «Как грянул гром перед тучею». Исполняют сестры Судаковы.*

Поэтический текст: Тетрадь 1, № 36, с. 90 (л. 45 об.)—92 (л. 46 об.). Записан 5 марта 1966 г. Аналогичный текст имеется в тетради Судаковых «Раздольные песни» (л. 31—31 об.).

Вариант напева: № 1 наст. изд.

№ 3. У вдовушки, у бедной сиротушки. Исполнялась на пасхальных гуляниях. Комментарий исполнителей: «Эту тоже пели на Пасхе (не в тынок). По улице ходили и пели».

Котикова МФ 1966-лето; 01-07. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым и А. И. Гомартели в д. Любница Эстонской ССР (Пыльвеский р-н, с/с Микитина Гора) 25 июля 1966 г. от Е. П. Гуняшиной (1890 г. р.). Перед исполнением следует объявление собирательницы: *Пасхальная песня «У вдовушки, у бедной сиротушки». Исполняет Гуняшина Евлампия Петровна.*

Поэтический текст: Полевая тетрадь Котиковой (тексты), 1966 г., с. 141—142, июля 1966 г., № 9.

Вариант напева: № 4 наст. изд. Варианты: *Котикова*, 17, 18 (д. Декшино, Городище Печорского р-на); *Песни Псковской земли*, 96 (д. Замошье Печорского р-на),⁶⁷ *Обзор*, с. 268, № 4.

№ 4. Я полю, полю капусту. Исполнялась на пасхальных гуляниях. Комментарий собирательницы: *Чрезвычайно интересная по ритму.* Комментарий исполнителей: «Пасхальная песня — молодухам» (см. примеч. к песне «У ворот, ворот» — № 1 наст. публ.).

Котикова МФ 1966-весна; 02-01. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым, А. И. Гомартели и А. М. Мехнецовым в пос. Лахта 7 марта 1966 г. от Е. П. Гуняшиной. Перед исполнением следует объявление собирательницы: *«Я полю, полю капусту, не выпальваю». Исполняет Евлампия Петровна Гуняшина.*

Поэтический текст: Тетрадь 1, № 8, с. 31 (л. 16)—32 (л. 16 об.). Аналогичный текст имеется в тетради Судаковых «Раздольные песни» (л. 15 об.).

Вариант напева: № 3 наст. изд.

№ 5. Повыдала меня матушка. Исполнялась на пасхальных гуляниях. Комментарий исполнителей: «Пасхальная, ходили по деревне и пели». В тетради Судаковых имеется дополнение: «Пели молодухам».

⁶⁶ Данный образец перепечат.: *Обзор*, с. 268, № 3.

⁶⁷ Данный образец перепечат.: *Обзор*, с. 268, № 4.

Котикова МФ 1966-весна; 01-06. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым, А. И. Гомартели и А. М. Мехнецовым в пос. Лахта 7 марта 1966 г. от Е. П. Гуняшиной, Н. П. Судаковой, Ф. П. Судаковой и Т. П. Судаковой. Перед исполнением следует объявление собирательницы: *Пасхальная песня: «Повыдала меня матушка за мхи, за болоты». Исполняют сестры Судаковы.*

Поэтический текст: Тетрадь 1, № 5, с. 20 (л. 10 об.)—21 (л. 11). Аналогичный текст имеется в тетради Судаковых «Раздольные песни» (л. 29 об.—30 (сулила мне матушка приданого много)). Вспоминая сюжет песни для записи, исполнители припомнили фрагмент другой песни с этим же зачином (о дочке, прилетающей в родной дом кукушкой — см. № 5а наст. публ.), первоначально считая, что этот фрагмент — часть сюжета о старом муже. Так ее и записала Н. Л. Котикова. Приводим вариант текста песни в самозаписи исполнителей:

Повыдала мяня матушка за мхи меня за болоты,
Да люли, да за мхи меня за болоты.

За мхи меня за болоты, за три речушки глубоки,
Да люли, за три речушки глубоки.

За три речушки глыбоки, а и за старого мужа замуж,
Да люли-и-и, за старого мужа замуж.

Сулила мне родна матушка приданого много,
Да люли, приданого много.

Сундук да коробку, да еще точева трубку,
Да люли-и-и, да яще точева трубку.

Сулила мне родная матушка грядку вязову,
Да люли-и-и, еще грядку вязову.

Сулила мне родная матушка еще плетку шелкову.
Да люли-и-и, да еще плетку шелкову.

Всю-то ночку тёмную грядка проскрипела,
Люли-и-и, вязовая грядка проскрипела.

Всю-то ночку темную плетка просвистела,
Люли-и-и, шелковая плетка просвистела.

С вечера мое тело как снег было бело,
Люли-и-и, как снег было бело.

К свету мое тело как мать-земля потемнела,
Люли-и-и, как мать-земля потемнела.

Варианты: *Котикова*, 19 — сводный вариант текста (д. Городище Печорского р-на); *Песни Псковской земли*, 100—104 (д. Лисьё,⁶⁸ Каменка,

⁶⁸ Данный образец перепечат.: *Обзор*, с. 389—390, № 16.

Колпино, Красная Горка, Замошье Печорского р-на) — с текстом № 5а; *Обзор*, с. 389—390, № 16 (перечень записей в Псковском и Печорском р-нах, с. 393, № 16).

№ 5а. Повыдала меня матушка. Исполнялась на пасхальных гуляниях. Комментарий исполнителей: «Пасхальная, пели молодухам».

Самозапись исполнителей: тетрадь Судаковых «Раздольные песни» (л. 26 об.—27 об. (дочь прилетает кукушкой)). Напев — см. № 5 наст. публ.

Варианты: *Котикова*, 19 (д. Городище Печорского р-на); *Песни Псковской земли*, 100—104 (д. Лисьё, Каменка, Колпино, Красная Горка, Замошье Печорского р-на); *Обзор*, с. 389—390, № 16 (перечень записей в Псковском и Печорском р-нах, с. 393, № 16).

№ 6. На улице дождик. Исполнялась на пасхальных гуляниях. Комментарий исполнителей: «Пасхальная. Пели на улице».

Котикова МФ 1966-весна; 03-05а. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым, А. И. Гомартели и А. М. Мехнецовым в пос. Лахта 8 марта 1966 г. от Е. П. Гуняшиной, Н. П. Судаковой, Ф. П. Судаковой и Т. П. Судаковой. Перед исполнением следует объявление собирательницы: «*На улице дождик*». *Исполняют сестры Судаковы*.

Поэтический текст: Тетрадь 1, № 37, с. 93 (л. 47)—94 (л. 47 об.). 5 марта 1966 г. Аналогичный текст имеется в тетради Судаковых «Раздольные песни» (л. 23—23 об.).

Варианты: *Котикова*, 82 (с. Старый Изборск Печорского р-на).

№ 7. Не в золоту трубушку трубили. Оригинал звучит на полтона выше. Исполнялась на пасхальных гуляниях. Комментарий исполнителей: «Пасхальная. В тынок ходили».

Котикова МФ 1966-весна; 01-04. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым, А. И. Гомартели и А. М. Мехнецовым в пос. Лахта 7 марта 1966 г. от Е. П. Гуняшиной, Н. П. Судаковой, Ф. П. Судаковой и Т. П. Судаковой. Перед исполнением следует объявление собирательницы: *Пасхальная песня: «Не в золоту трубушку трубили»*.

Поэтический текст: Тетрадь 1, № 38, с. 95 (л. 48)—96 (л. 48 об.). 5 марта 1966 г. Аналогичный текст имеется в тетради Судаковых «Раздольные песни» (л. 32).

№ 8. Повыйдем-ка мы, красные девушки. Исполнялась на летних гуляниях. Комментарий исполнителей: «Летняя — пели на улице».

Котикова МФ 1966-весна; 01-01. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым, А. И. Гомартели и А. М. Мехнецовым в пос. Лахта 7 марта 1966 г. от Е. П. Гуняшиной. Перед исполнением следует объявление собирательницы: *Песня: «Повыйдемте-ка мы, красные девушки»*. *Исполняет Евлампия Петровна Гуняшина*.

Поэтический текст: Тетрадь 1, № 1, с. 3 (л. 2)—6 (л. 3 об.). Текст имеется в тетради Судаковых «Раздольные песни» (л. 33—33 об.). Запись передает ритм пульсации в распевах с помощью повтора распеваемой гласной. Кроме спетых для записи строф, перед основным сюжетом песни имеется еще одна строфа:

Ох, поосталися мы, красные девушки,
Гулять во теплое лето, ох, во лето.

О-о-о, повыдим-ка мы, красные девушки,
Да лё-ё-ё, на крутую да на гору.

О-о-о, посмотрим-ка-а-а, белаи лебёдушки,
Да лё-ё-ё, на синее моря, да на моря.

О-о-о, по тому-то по синему моречку
Да лё-ё-ё, бегли легки лодки — лодки.

О-о-о, во которой-то во легонькой лодочке,
Да лё-ё-ё, мой милой гуля... да гуляя.

О-о-ох, голосом я девушка кричала,
Да лё-ё-ё, мой милой не слы... да не слыша.

О-о-о, платочком белым девушка машала
Да лё-ё-ё, мой милой не видя, да не видя.

О-о-о, тяжелешенько, а я девушка вздохнула,
Да лё-ё-ё, милой догада... догадался.

О-о-о, да стойте-ка, братцы, не гребите, вы
Да лё-ё-ё, новые веселочки заложите!

О-о-о, дайте мне, дайте повидаться
Да лё-ё-ё, со своей любе... да любезной.

Варианты: *Песни Псковской земли*, 106,⁶⁹ 107 (д. Лисьё и Каменка Печорского р-на), *Обзор*: на с. 201 — перечень зап. в Гдовском р-не (сюжет № 34), на с. 392 — перечень зап. в Печорском р-не (сюжет № 10).

№ 8а. Сповыйдем-ка мы, красные девушки. Исполнялась на летних гуляниях. Комментарий исполнителей: «Летняя — пели на улице».

Котикова МФ 1966-весна; 01-02. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым, А. И. Гомартели и А. М. Мехнецовым в пос. Лахта 7 марта 1966 г. от Е. П. Гуняшиной, Н. П. Судаковой, Ф. П. Судаковой и Т. П. Судаковой. Перед исполнением следует объявление собирательницы: *Летняя песня*: «Ох, повыйдемте-ка мы, красные девушки». *Исполняют сестры Судаковы: Евлампия Петровна, Наталья Петровна, Федосья Петровна и Татьяна Петровна.*

Полный поэтический текст см. № 1 наст. публ.

№ 8б. Повыйдем-ка мы, красные девушки. Оригинал звучит на полтона ниже. Исполнялась на летних гуляниях. Комментарий исполнителей: «Летняя — пели на улице».

Котикова МФ 1966-весна; 03-02. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым, А. И. Гомартели и А. М. Мехнецовым в пос. Лахта 8 марта 1966 г. от Е. П. Гуняшиной, Н. П. Судаковой, Ф. П. Судаковой и Т. П. Судаковой. Перед исполнением следует объявление собирательницы: *Песня*: «Ох, повыйдемте мы, красные девушки». *Исполняют сестры Судаковы.*

Полный поэтический текст см. № 1 наст. публ.

⁶⁹ Данный образец перепечат.: *Обзор*, с. 387, № 11.

№ 9. Я скажу сама себе, красная девушка. Оригинал звучит на полтона ниже. Исполнялась на летних гуляниях. Комментарий исполнителей: «Летняя — пели на улице».

Котикова МФ 1966-весна; 01-03. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым, А. И. Гомартели и А. М. Мехнецовым в пос. Лахта 7 марта 1966 г. от Е. П. Гуняшиной, Н. П. Судаковой, Ф. П. Судаковой и Т. П. Судаковой. Перед исполнением следует объявление собирательницы: «Я скажу сама себе, красная девушка». Исполняют сестры Судаковы.

Поэтический текст: Тетрадь 1, № 2, с. 7 (л. 4)—11 (л. 6). Аналогичный текст имеется в тетради Судаковых «Раздольные песни» (л. 5 об.—6).

Варианты: Котикова, 31 (д. Городище Печорского р-на); Песни Псковской земли, 108 (Любница, 1982 г., от Е. П. Гуняшиной),⁷⁰ Обзор, с. 199, № 5 (перечень записей в Гдовском р-не); с. 392, № 9 (перечень записей в Псковском и Печорском р-нах).

№ 9а. Я скажу сама себе, красная девушка. Оригинал звучит на полтона ниже. Исполнялась на летних гуляниях. Комментарий исполнителей: «Летняя — пели на улице».

Котикова МФ 1966-весна; 03-01. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым, А. И. Гомартели и А. М. Мехнецовым в пос. Лахта 8 марта 1966 г. от Е. П. Гуняшиной, Н. П. Судаковой, Ф. П. Судаковой и Т. П. Судаковой. Перед исполнением следует объявление собирательницы: «Я скажу сама себе». Исполняют сестры Судаковы.

Полный поэтический текст см. № 2 наст. публ.

№ 10. По улушке, девушки, пройдем. Исполнялась на летних гуляниях. Комментарий исполнителей: «Летняя песня, пели и шли по деревне».

Котикова МФ 1966-весна; 01-04. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым, А. И. Гомартели и А. М. Мехнецовым в пос. Лахта 7 марта 1966 г. от Е. П. Гуняшиной, Н. П. Судаковой, Ф. П. Судаковой и Т. П. Судаковой. Перед исполнением следует объявление собирательницы: «По улушке, девушки, пройдем». Исполняют сестры Судаковы.

Поэтический текст: Тетрадь 1, № 3, с. 12 (л. 6 об.)—15 (л. 8). Текст имеется в тетради Судаковых «Раздольные песни» (л. 7 об.). Вторая строфа в этом варианте звучит так: «Э-ой, затынем мы с горюшка (вместо: девушки), споем, Песенку новаю». В 1969 г., беседуя с сестрами Судаковыми, Н. Л. Котикова делает запись в полевой тетради, отмечая эту замену.

№ 11. Не пора ли нам, не времечко. Исполнялась на летних гуляниях. Комментарий исполнителей: «Летняя песня». Комментарий собирателя: Напев, близкий предыдущему».

Котикова МФ 1966-весна; 01-05. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым, А. И. Гомартели и А. М. Мехнецовым в пос. Лахта 7 марта 1966 г. от Е. П. Гуняшиной, Н. П. Судаковой, Ф. П. Судаковой и Т. П. Судаковой. Перед исполнением следует объявление собирательницы: «Летняя песня: «Не пора ли нам, не времечко с улицы домой идти». Исполняют сестры Судаковы.

⁷⁰ Данный образец перепечат.: Обзор, с. 386—387, № 10.

Поэтический текст: Тетрадь 1, № 4, с. 16 (л. 8 об.)—19 (л. 10). Текст имеется в тетради Судаковых «Раздольные песни» (л. 8—8 об.). Исполнительницы в конце песни меняют порядок стрóf, предпоследняя строфа становится последней: «*О-о-о, любить-та нам было, не любить, ой, да любить / Да своих деревенских. // О-о-о, своих-та нам будя ребят любить / ой, да любить / Ребята просмишныи*». В этом варианте ход развертывания мысли представляется более продуманным с точки зрения логики развертывания сюжета, чем спетый вариант.

Исполнение песен с перечислением жителей соседних деревень и их шутовой характеристикой — характерная особенность девичьих гуляний. Чаще песни с таким содержанием исполнялись на плясовые напевы. Приводим текст шуточной песни из тетради сестер Судаковых, о том, какой «славой» пользуются парни, живущие в местной округе (к сожалению, напев песни остался не записанным):

Тары-бары раздобары⁷¹

Тары-бары раздобары — Подборовские,
Магазею оборвали — Сомоловские,
Столбу богу молились — Хомутовские,
С гроба бабу потеряли — Курокские,
Тинятинны кушаки — то Иштеськи мужики,
С грехом пополам — то Березенские,
Солому пропивали — то Любницкие,
На костки кишки делили — то Дубоцки.

№ 12. Пришла я девушка на свое подворьеце. В тетради Судаковых «Раздольные песни» эта песня обозначена: «Подворьеце (мамина песня, 100 лет)» (л. 18). Мать сестер Судаковых Евдокия Фёдоровна (урожденная Терешина) была родом из деревни Путьково Гдовского уезда, в то время Петербургской губернии. К сожалению, напев песни не был записан.

Варианты: *Обзор*, с. 192 (№ 1); данный образец ранее опубликован Г. Лобковой. Древности Псковской земли. Жатвенная обрядность. Образы, ритуалы, художественная система. СПб., 2000. С. 209—210, № 24 (д. Чернево Гдовского р-на), также упоминается в перечислении на с. 199, № 6 (*Обзор*. Перечень зап. в Гдовском р-не).

№ 13. А ни одна в поле дорожка. Оригинал звучит на полтора тона ниже. Исполнялась только на Масленицу.

Котикова МФ 1966-весна; 03-06. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым, А. И. Гомартели и А. М. Мехнецовым в пос. Лахта 8 марта 1966 г. от Е. П. Гунашиной, Н. П. Судаковой, Ф. П. Судаковой и Т. П. Судаковой. Перед исполнением следует объявление собирательницы: «*Не одна в поле дорожка*». *Исполняют сестры Судаковы*.

Поэтический текст: Тетрадь 1, № 18, с. 59 (л. 30)—63 (л. 32). Текст имеется в тетради Судаковых «Раздольные песни» (л. 20—20 об.). По сравнению со спетым, в нем пропущена одна строфа в описании отъ-

⁷¹ Тетрадь Судаковых «Раздольные песни» (л. 30 об.).

езда брата со двора: *«Он добра коня оседлая. / С широка с двора соезжая»*. В полевой тетради это место записано: *«А он добра коня уседлая... уседлая. / А он на широк двор выхо... выхода, / А с широка с двора соезжа... соезжая»*.

Варианты: *Котикова*, 21—23 (д. Городище, Декшино Печорского р-на); *Песни Псковской земли*, 81—85 (д. Заходы, Воронкино, Киршино,⁷² Лесицко⁷³ Печорского р-на, д. Любница Пыльваского р-на Эстонской ССР); *Обзор*, с. 194, № 5 (д. Чудская Рудница Гдовского р-на), на с. 200, № 12 (перечень зап. в Гдовском р-не); с. 393, № 15 (перечень зап. в Печорском и Псковском р-нах).

№ 13а. И как одна в поле дорожка. Оригинал звучит на полтона ниже. Исполнялась на Масленицу.

Котикова МФ 1966-лето; 01-15. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым и А. И. Гомартели в д. Любница Эстонской ССР, Пыльваского р-на, с/с Микитина Гора, 25 июля 1966 г. от Стрелковой Ирины Ивановны (1901 г. р.), Бородкиной Анастасии Петровны (1901 г. р.), Соловиной Ирины Петровны (1897 г. р.) и Гуняшиной Евлампии Петровны (1890 г. р.). Перед исполнением следует объявление собирательницы: *«Как одна в поле дорожка»*. Исполняют: *Ирина Ивановна Стрелкова, Анастасия Петровна Бородкина, Ирина Петровна Соловина и Евлампия Петровна Гуняшина. Запевает Ирина Ивановна Стрелкова.*

Поэтический текст: Полевая тетрадь Котиковой (тексты), 1966 г., с. 153—154, № 17.

Данный вариант записан в родной деревне сестер Судаковых — Любнице. Исполнительницы продемонстрировали, как именно у них пели эту песню. Затем они предложили записать, как песня звучала в деревне Кулье, на родине А. П. Бородкиной. Этот вариант также публикуется (см. № 13б наст. публ.).

№ 13б. Ай, не анная в поли дорожка. Исполнялась на Масленицу.

Котикова МФ 1966-лето; 02-01. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым и А. И. Гомартели в д. Любница Эстонской ССР Пыльваского р-на, с/с Микитина Гора, 25 июля 1966 г. от Ирины Ивановны Стрелковой (1901 г. р.), Анастасии Петровны Бородкиной (1901 г. р.), Ирины Петровны Соловиной (1897 г. р.) и Евлампии Петровны Гуняшиной (1890 г. р.). Перед исполнением следует объявление собирательницы: *«Как одна в поле дорожка»*. Исполняют: *Ирина Ивановна Стрелкова, Анастасия Петровна Бородкина, Ирина Петровна Соловина и Евлампия Петровна Гуняшина. Запевает Анастасия Петровна Бородкина.*

Поэтический текст: Полевая тетрадь Котиковой (тексты), 1966 г., с. 153—154, № 18: «2-й вариант. Запев. Ан. Петр. Бородкина (родом из Кулье)».

Данный вариант записан с запевом А. П. Бородкиной, которая показала, как песня звучала на ее родине, в деревне Кулье (на берегу Псковского озера).

⁷² Данный образец перепечат.: *Обзор*, с. 387, № 12.

⁷³ Данный образец перепечат.: *Обзор*, с. 388, № 13.

№ 14. Зеленейся, мой зеленый сад, в огороде. Исполнялась только на Масленицу. Е. П. Гуняшина вспоминала: «Я как сейчас помню, как бабушка моя эту песню пела (кончая и опять начиная). Была такая мода: когда зять придет на масленицу в гости, петь такую песню».

Котикова МФ 1968; 01-04. Записана Н. Л. Котиковой и А. М. Мехнецовым в пос. Лахта 23 апреля 1968 г. от Е. П. Гуняшиной. Перед исполнением следует объявление собирательницы: «*Зеленейся, мой зеленый сад*». Исполняет *Гуняшина Евлампия Петровна*. Комментарий собирательницы в полевой тетради: «„Ясно, хорошо, — баба так и пела“», — сказала *Ев. Петровна, услышав запись*.

Поэтический текст: Тетрадь 2, с. 71а (л. 36 об.)—72 (л. 37). 31 марта 1968 г. Имеется также самозапись этого фрагмента песни в тетради Судаковых, озаглавленного «Зеленейся, мой сад» (л. 37 об.):

Зеленейся, сад, сад зелены-ы-ый
Расцвета-а-ай, мой сад, в огороде-е-е!

А вы пойте-распевайте,
Малы пташечки, во садо-очке!

А вы пойте-е-е, взвеселяйте-е-е
Мово зятя-я, а гостя-я дорого-о-ово!

Варианты: *Обзор*, с. 389, № 15 (д. Горбатицы Печорского р-на); с. 392, № 13 (перечень зап. в Печорском р-не).

№ 15. Ну ж ты, молодость моя.

Котикова МФ 1966-лето; 04-17. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым и А. И. Гомартели в д. Любница Эстонской ССР Пылъваского р-на, с/с Микитина Гора, 24 июля 1966 г. от Ирины Ивановны Стрелковой (1901 г. р.), Анастасии Петровны Бородинкиной (1901 г. р.), Ирины Петровны Соловиной (1897 г. р.) и Евлампии Петровны Гуняшиной (1890 г. р.). Перед исполнением следует объявление собирательницы: «*Молодость*». *Запевает Ирина Ивановна Стрелкова*.

Поэтический текст: Полевая тетрадь Котиковой (тексты), 1966 г., с. 84, № 2. Вариант текста имеется в тетради Судаковых «Раздольные песни» (л. 34—35) (см. № 15а наст. публ.).

Варианты: *Фридрих*, 299; *Фридрих-1972*, 325; *Малер*, 115 (д. Городище Печорского р-на); *Котикова*, 50—53 (д. Кулье, Декшино и Городище Печорского р-на); *Обзор*, с. 384, № 5 (д. Каменка Печорского р-на); *Обзор*, с. 394, № 18 (перечень зап. в Печорском, Палкинском и Пыталовском р-нах); *Обзор*, с. 571, № 26 (перечень зап. в Опочецком р-не).

№ 15а. Молодость. В тетради Судаковых «Раздольные песни» этот вариант текста записан на л. 34—35. Он отличается от того, что был записан на родине сестер в д. Любнице как по конструкции строфы (с выделенным зачином), так и по большей полноте сюжета. Собственно, спетый в Любнице «укороченный» вариант изменяет содержание песни на прямо противоположное. Во время записи в Любнице присутствовала и принимала участие в исполнении одна из сестер — запевала ансамбля Е. П. Гуняшина, но «заводчицей» была не она, а И. И. Стрелкова.

К сожалению, напев песни, соответствующий данному варианту текста, не был записан.

№ 16. На бережке камешек разбелёшенек лежит. Комментарий исполнителей: «Пели на супрядках, на озере, и в Великом посту».

Котикова МФ 1966-весна; 04-06. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым, А. И. Гомартели и А. М. Мехнецовым в пос. Лахта 8 марта 1966 г. от Е. П. Гуняшиной, Н. П. Судаковой, Ф. П. Судаковой и Т. П. Судаковой. Перед исполнением следует объявление собирательницы: «*На бережке камешек разбелёшенек лежит*». Исполняют сестры Судаковы.

Поэтический текст: Тетрадь 2, № 40, с. 3 (л. 2)—6 (л. 3 об.). 5 марта 1966 г. Текст имеется в тетради Судаковых «Раздольные песни» (л. 9—10). В рукописи видны следы многочисленных уточнений текста песни. Однако существенных отличий от спетого варианта нет. В шестой строфе вместо: «Не давай *тоски-назолушки*» записано: «Ни давай *тоски-досадушки* о-о-о, / Сердеченьку было моему!».

Варианты: *Котикова*, 37, 38 (д. Декшино и Кулье Печорского р-на); *Обзор*, с. 388—389, № 14 (д. Горбатицы Печорского р-на); с. 392, № 12 (перечень зап. в Печорском и Псковском р-нах).

№ 17. Улятая мой душа-соколик. Оригинал звучит на полтона ниже.

Котикова МФ 1968; 01-09. Записана Н. Л. Котиковой и А. М. Мехнецовым в пос. Лахта 23 апреля 1968 г. от Е. П. Гуняшиной. Перед исполнением следует объявление собирательницы: «*Улятая мой душа-соколик*». Исполняет Евлампия Петровна Гуняшина.

Поэтический текст: Тетрадь 2, с. 70 (л. 35 об.)—71 (л. 36). 31 марта 1968 г. Текст, идентичный спетому, имеется в тетради Судаковых «Раздольные песни» (л. 36 об.).

Варианты: *Малер*, 31 (д. Городище Печорского р-на), 31а (д. Печки Печорского р-на, Н. Г. Дунаева); *Котикова*, 157 (д. Мишина Гора Полновского р-на); *Обзор*, с. 560, № 5 (д. Броды Опочецкого р-на); *Обзор*, с. 567, № 3 (перечень зап. в Красногородском и Опочечком р-нах).

№ 18. У моёва у милова сад зелёный под окном. В тетради Судаковых возле названия этой песни помета: «Мамина песня».

Котикова МФ 1966-весна; 03-07. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым, А. И. Гомартели и А. М. Мехнецовым в пос. Лахта 8 марта 1966 г. от Е. П. Гуняшиной, Н. П. Судаковой, Ф. П. Судаковой и Т. П. Судаковой. Перед исполнением следует объявление собирательницы: «*У моёва у милова сад зелёный под окном*».

Поэтический текст: Тетрадь 1, № 17, с. 54 (л. 27 об.)—58 (л. 29 об.). Текст имеется в тетради Судаковых «Раздольные песни» (л. 10 об.—11 об.).

Варианты: *Котикова*, 32, 49 (д. Печки, Городище Печорского р-на); *Обзор*, с. 194. № 6 (д. Дворище Струго-Красненского р-на), на с. 200, № 10 (перечень зап. в Плюсском и Струго-Красненском р-нах).

№ 19. Нам незачем в люди торопиться. Комментарий исполнителей: «Рыбацкая песня, когда ловили ночью снетков: начинали рыбу ловить с 1 августа по ноябрь, до морозов».

Котикова МФ 1966-весна; 01-07. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым, А. И. Гомартели и А. М. Мехнецовым в пос. Лахта 7 мар-

та 1966 г. от Е. П. Гуняшиной, Н. П. Судаковой, Ф. П. Судаковой и Т. П. Судаковой. Перед исполнением следует объявление собирательницы: «*Нам незачем в люди торопиться*». *Исполняют сестры Судаковы*.

Поэтический текст: Тетрадь 1, № 6, с. 22 (л. 11 об.)—25 (л. 13). Текст имеется в тетради Судаковых «Раздольные песни» (л. 6 об.—7). Отличие от спетого варианта — лишь то, что в предпоследней строфе автор самозаписи воспроизводит строку, которая рифмуется с последней: «Закипела во мне горяча кровь» (спето: «Закипела горяча кровь во мне»).

Варианты: *Обзор*, с. 196, № 10 (д. Ветеря-3, Гдовского р-на); *Обзор*, с. 395, № 21 (перечень зап. в Печорском и Псковском р-нах).

№ 20. Тёмная ночушка ня спится. Оригинал звучит на тон ниже.

Котикова МФ 1968; 01-11. Записана Н. Л. Котиковой и А. М. Мехнецовым в пос. Лахта 23 апреля 1968 г. от Е. П. Гуняшиной, Н. П. Судаковой, Ф. П. Судаковой и Т. П. Судаковой. Перед исполнением следует объявление собирательницы: «*Тёмная ночушка не спится*». *Исполняют сестры Судаковы*.

Поэтический текст: Тетрадь 2, с. 69 (л. 35). 31 марта 1968 г. Текст без отличий от спетого имеется в тетради Судаковых «Раздольные песни» (л. 4 об.—5).

Варианты: *Котикова*, 158 (д. Мишина Гора Полновского р-на); *Обзор*, с. 396, № 47, 51 (перечень зап. в Печорском р-не).

№ 21. Девушка хорошая уродилася.

Котикова МФ 1966-весна; 04-08. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым, А. И. Гомартели и А. М. Мехнецовым в пос. Лахта 8 марта 1966 г. от Е. П. Гуняшиной и Н. П. Судаковой. Перед исполнением следует объявление собирательницы: «*Девушка хорошая уродилася*». *Исполняют Гуняшина и Наталья Судакова*.

Поэтический текст: Тетрадь 2, № 56, с. 47 (л. 24). 5 марта 1966 г. Текст, идентичный спетому, имеется в тетради Судаковых «Раздольные песни» (л. 17—17 об.).

№ 22. Гусаричка.

Котикова МФ 1966-весна; 04-10. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым, А. И. Гомартели и А. М. Мехнецовым в пос. Лахта 8 марта 1966 г. от Е. П. Гуняшиной, Н. П. Судаковой, Ф. П. Судаковой и Т. П. Судаковой. Перед исполнением следует объявление собирательницы: «*Гусаричка*». *Исполняют сестры Судаковы*.

Приводимый поэтический текст записан в тетради Судаковых «Раздольные песни» (л. 3 об.—4). Более полный сюжет песни представлен в варианте № 15а, записанном в д. Любнице при участии Е. П. Гуняшиной.

Варианты: *Малер*, 61 (д. Городище Печорского р-на); *Котикова*, 48 (д. Городище Печорского р-на); *Обзор*, с. 392, № 11 (перечень записей в Печорском р-не).

№ 22а. Гусаричек.

Котикова МФ 1966-лето; 04-16. Записана Н. Л. Котиковой, Г. Г. Беловым и А. И. Гомартели в д. Любница Эстонской ССР Пылъваского р-на, с/с Микитина Гора, 24 июля 1966 г. от Ирины Ивановны Стрелковой (1901 г. р.), Анастасии Петровны Бородинкиной (1901 г. р.),

Ирины Петровны Соловиной (1897 г. р.) и Евлампии Петровны Гунышиной (1890 г. р.). Перед исполнением следует объявление собирательницы: *Песня «Гусаричек»*. *Исполняют: Ирина Ивановна Стрелкова, Анастасия Петровна Бородкина, Ирина Петровна Соловина и Евлампия Петровна Гунышина. Запевает Анастасия Петровна Бородкина.*

Поэтический текст: Полевая тетрадь Котиковой 1966 г., с. 105—107, № 1. Перед текстом собирательница отмечает: «Первый раз спели просто замечательно, при записи растерялись». Вариант текста имеется также в тетради Судаковых «Раздольные песни» (л. 3 об.—4).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ТАТЬЯНА СУДАКОВА

СПИСКИ ПЕСЕН ИЗ РЕПЕРТУАРА СЕСТЕР СУДАКОВЫХ¹

Хороводные песни

1. Суша ты груша моя
2. На улице дождь и мороз
3. У ворот девка стоит
4. Я по горенке ходила-гуляла
5. Из-за леса, из-за гор
6. Я у тятеньки спрошусь
7. Вдоль улицы в конец (не брала)
8. Долина-долинушка
9. По травы, по травушки
10. Из-за лесичка, лесочка темного (песня есть у них)
11. Я по бережку ходила-гуляла
12. Девушка-красавица моя
13. Размолодый казачок по лугу гуляя
14. Заинька белый
15. А мы, девушки, ленок сеяли
16. Я на стулике сижусь, во руках топор держу (есть)
17. Родная матушка, пойдем в хоровод гулять
18. По лужечку девки гуляли
19. Ни в золоту трубушку трубили — пасхальная, в тынок (в протяжные)
20. Голова в Тани болит
21. Стой ты, белая береза, стой ты, не шатайся
22. У ворот парень (милой) стоял, все потамливался
23. Из-под по зорюшки, по зори, из-под утряной белой
24. Петуны поют — я домой не иду
25. Родная матушка, в меня голова болит
26. Во зеленой рощице елочка стои

¹ Список включает 132 названия. Тексты песен записаны в четыре тетради, соответствующие заголовкам разделов.

Протяжные песни — долевые песни

1. Я скажу сама себе — пели на улице, летняя
2. По улущки мы девушки пройдем — летняя
3. Не пора ли нам, не времячко с улицы домой идти — летняя
4. Повыдим-ка мы, белые лебедушки — летняя
5. Што нам незачем в люди торопиться — пели на супрядках и когда рыбачили
6. Темна ноченька не спится, сама не знаю почему — на супрядках и когда рыбачили
7. У моего у милого сад зеленый — рыбацкая
8. Рано пташечка запела — рыбацкая
9. Рассказать ли вам, подружки — летняя и рыбацкая (известная)
10. Ну-ж ты Ванюшка, разудала голова — рыбацкая (известная)
11. Я на стулике сiju (Е. П.)
12. В саду при долине поет соловей
13. Последний день разлуки — известная
14. Я полю, полю капусту, не выпалываю — пасхальная, пели молодухам
15. Повыдала меня матушка — пасхальная, пели молодухам
16. Сулила мне матушка приданого много — пасхальная, пели молодухам
17. У ворот, ворот, ворота широкие — пасхальная, пели молодухам
18. Грянул гром перяд тучею (пасхальная)
19. На улице дождик, на широкой частый — пасхальная
20. Ой, за Балканам — известная
21. Девушка хорошая уродилась — пела Евлампия одна (взяли на пленку)
22. Подворьице: *мамина песня*
23. Из-за поля девки просу поля: *мамина песня*
24. На бережке камешек лежит — пели на супрядке
25. Гусаричка
26. Мамаша дочке говорила
27. Молодость
28. Жила Катя одинокая
29. Мы посеяли, девки, лён
30. Аленький цветочек — тюремная
31. Ни одна в поле да дорожка — масляная
32. По Дону гуляя казак молодой (для себя)
33. Во саду ли в огороде девица гуляла — известная
34. Ни довольно ль нам, ребята, чужо пиво пити
35. При долины калина стоит
36. Елочка (Секли мы елочку в три топора) — хороводная песня
37. Что по морю, морю синему — ходили в тынок, вообще в хоро-воде пели
38. Гуля-голубочек — тюремная
39. Сашенька-Машенька, розочка моя (для себя)
40. Тары-бары, раздобары
41. Коляда (для себя)

42. У Платона казака — я мотива точно не помню
43. Луговка моя луговая — свадебная (для себя)
44. Ах ты доля моя, доля — известная
45. Тихо по дорожке брежжится вокруг
46. Повыдала меня матушка № 2
47. Ухорь купец (для себя)
48. Раз прислал мне барин чаю (для себя)
49. Грянул гром перяд тучею (пасхальная)
50. Улетая мой душа-соколик
51. Расцветай, мой сад
52. Ни в золоту трубушку трубили — пасхальная, ходили в хоровод

Свадебные песни протяжные

1. Наш братец миленький
2. Не белы лебёдушки в поле забелелися
3. От крутого крыльца, от точеного столба
4. Потихоньку, бояры, со горы спускайтесь
5. На горы трава растёт, под горой ручей бязи
6. Гоголь по речке плыве
7. Береза белая, зелена кудревая
8. На море, на море, на тихой заводе
9. Когда груша росла, да зелена выросла
10. Не спеши, Настасьюшка, на чужу сторонушку
11. Песня крестной матушке
12. Боже благослови, Христос
13. Мой родимый батюшка, прости-благослови
14. Родимый батюшка, учеши головушку
15. А мы сядемте, сестрицы
16. Во нашу горницу ведут новую дворницу
17. Ах ты, байничек
18. Соколы вы, соколы, соколы вы ясныи — мотив как у <...>
19. Наша лебедь белая
20. Ехал друженька вымо наше село
21. Береги, Иванушка, нашу большу подружку
22. Сокол-соколушка

Свадебные песни веселые (величавые)

1. Истоптана травина — почетная песня была
2. Ты пчела ли моя пчелушка
3. Расшаталася грушица
4. Что по сахару речка бежит
5. Кто у нас эту гору укатал
6. В огороде река разливалась широка
7. Калпинска зорюша (да) медельское солнышко (Московско солнышко да ленинградска зорюшка), а как любницка река — она не вся глубока

8. У чарочки у серебряной золотой веночек
9. Иван удалой рыболовщиком был
10. Окол сада, окол сада
11. По сеням было, по сенячкам
12. У Иванушки сени новые, у Васильевича поновее
13. Что у месяца звезды частые
14. Что за нашим за двором стоит туча серебра (с серебром)
15. А мы девушки горох сеяли
16. На горке, на горочке стояла сосночка
17. При саду, саду, саду, да хе, хе, хе
18. Оля ты Оля, жила в чистом поле
19. Две сережки, две яхонки
20. Бегала галка по ельничку
21. Полетели гуси-лебеди
22. Теща для зятя пирог пекла
23. В нас Татьянушка траву жала
24. Ну-ж ты млад соловей
25. В нас на горе стоит мельница
26. Иван-то Иванович с утра рано вставал
27. Нам сказали: Тимофей не богат
28. Ну-ж ты голубь-голубок (Гуля Голубочек)
29. Растопися, парная баинка
30. Звярёк (фольклёр) — *мамина песня*, пели после свадьбы. Когда конец стола, пели замужние женщины
31. Благодарность, добрый молодец
32. Луговка моя луговая

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ТАТЬЯНА СУДАКОВА

ОБРАЩЕНИЕ К ДЕЯТЕЛЯМ КУЛЬТУРЫ

21/ХІ.<19>86 г.

Уважаемые писатели, композиторы, певцы!

Большое вам спасибо и низкий поклон за то, что вы беретесь за большое и благородное дело, чтобы наши старые русские народные песни пелись, и распевали их по всей матушки Руси.

Моя просьба к вам, писатели: не разрешайте композиторам и поэтам обрабатывать народные песни. Народные песни должны петь в первоизданном виде с начала и до конца. Обработчики так обработают народную песню, что от нее мало что останется народного. Если сохраняют напевность песни, то из текста песни что-то выпустят или переставят целые предложения. Например, песня «Утушка луговая», конец песни выброшен — «Мово мужа не будите, / Мой-то муж спит со похмелья, / Со большого перепоя» и далее: «Варя, варя пиво зеленое, Для своего

мужа дорогого». Хотя тогда еще не было закона «Борьбы с пьянством». И еще песня «По улице мостовой, по широкой столбовой»: пропущены слова: «За ней парень славный барин, офицерик молодой», и далее слова: «Белы руцы подожди». В народе есть поговорка: «С песни слово не выбросишь».

Если к старинной народной песне подходить с литературной стороны, то народная песня не отразит жизнь и быт наших предков. Да, народные песни длинны в исполнении, но надо понять, что у наших предков не было другой музыки, как песни, и потому, чтобы эта песня дольше пелась, в этой длинной песне наши предки выражают и горькую жизнь, и радость, надежды и в общем, всю жизнь.

Я родилась на берегу Псковского озера в Обозерье, и потому я пристрастно отношусь к народной песне. Нас четыре сестры Судаковых в 1968 г. передали Ленинградскому Дому композиторов около 80 песен разных напевов. И за эти 20 лет ни одна наша песня не пелась со сцены ни в Ленконцерте, ни на других концертах. Так зачем надо было нам попусту трудиться? К нам приезжали музыковед Котикова, композитор Геннадий Белов и еще один человек, а 8 апреля концерт в Д<оме> Композиторов, где мы исполнили 12 песен.

Уважаемые писатели, ведь собраны большие арсеналы народных песен, и все они лежат в архивах, пылятся в кассетах. Может быть, народная песня не поется потому, что их нелегко переложить на ноты? Один композитор или преподаватель музыки приезжал в деревню к моей сестре, так и не мог записать песню на ноты, насколько она сложна — напевность песни.

Меня волнует, как и где хранить народные песни? Все песни находятся в разных организациях, и часть из них может погибнуть. Я думаю, может быть, надо создать архив или хранилище какое, или переложить все песни на ноты, потом отпечатать в большие книги и хранить как историческую ценность. Или переложить на играющие пластинки и на концертах передавать по радио?

Я с удовольствием слушала артистку Евгению [Смолянинову] в исполнении народной песни. Пела Евгения вполголоса, видимо, где-то так поют. Народную песню поют и в полный голос, как поет Людмила Зыкина, Рюмина (?), Татьяна Петрова.

Надо немедленно создать в Ленинграде ансамбль или клуб народной песни. Или вот, скажем, идет концерт в зале «Октябрьский», ведь можно пропустить певца или певицу с народной песней? А что делает наша консерватория, неужели она не может подготовить исполнительницу народных песен? Если будете медлить, товарищи, то русская народная песня будет записана в Красную Книгу (кстати, народная песня связана с природой, например, «Гоголь по речке плывет» или «Расшталася грушица, расшталася зеленая»).

ЭКСПЕДИЦИИ СЕКТОРА НАРОДНОПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ИРЛИ АН СССР В ПЕРМСКУЮ ОБЛАСТЬ (1962—1963)

Публикация и комментарии Г. Н. Щупак

В 1962—1963 гг. состоялись две фольклорные экспедиции Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в Пермскую область. Наряду с экспедициями других учреждений (в первую очередь, образовательных¹), они обозначили начало нового этапа в развитии исследовательского интереса к традиционной культуре и фольклору Прикамья.

Предпосылки к осуществлению первой поездки в Пермскую область определились незадолго до ее начала, на одном из заседаний Сектора народнопоэтического творчества, состоявшемся 15 марта 1962 г. На заседании постулировались два основных тезиса: 1) экспедиционную работу Сектора в ближайшие годы необходимо посвятить задаче создания коллективной монографии «Русское народное творчество в современную эпоху»;²

¹ Среди них нужно назвать прежде всего Пермский государственный университет им. А. М. Горького (далее ПГУ), а также Московскую государственную консерваторию имени П. И. Чайковского (оба учреждения осуществляли экспедиционную работу в организационных рамках летней фольклорной практики студентов).

² Чуть позже было утверждено иное название монографии: «Современное состояние русского фольклора (по материалам фольклорных экспедиций 1958—1963 гг.)». Задачи планируемого исследования заключались в «обобщении научных результатов экспедиционной работы за последнее пятилетие в связи с проблемой современного народного творчества», в «создании возможно более объективной и основанной на конкретном материале картины состояния русского фольклора в районах, обследованных экспедициями». (План проведения научно-исследовательских и опытных работ по важнейшим проблемам естественных и гуманитарных наук на 1963 год // Годовой план работы Сектора народнопоэтического творчества на 1963 год. (Индекс 211). Л. 2). Годовые планы и отчеты, протоколы

2) по возможности, экспедиции следует проводить совместно с региональными университетами и пединститутами, что позволит шире развернуть собирательскую работу.³ В ходе заседания сотрудница Сектора З. И. Власова⁴ выступила с предложением поехать вместе с Пермским университетом в Чайковский район Пермской области, где в те годы полным ходом шло строительство Воткинской гидроэлектростанции. По предположению З. И. Власовой, собирательская работа в районе, связанном с крупномасштабной стройкой, могла бы дать хороший материал для монографии о современном состоянии фольклора.⁵

Инициатива З. И. Власовой получила одобрение сотрудников Сектора народнопоэтического творчества. Была сформирована экспедиционная группа, в которую помимо З. И. Власовой вошли Л. И. Емельянов,⁶ В. В. Коргузалов,⁷ а также сотрудник Сектора современной литературы Ю. А. Андреев.⁸ Фольклорная экспеди-

научных заседаний Сектора народнопоэтического творчества в наст. вр. хранятся в Отделе русского фольклора ИРЛИ РАН)). В итоге завершение и издание монографии так и не состоялись; большинство статей и материалов, относящихся к запланированной теме, были опубликованы в 9-м томе ежегодника «Русский фольклор», получившем подзаголовок «Проблемы современного народного творчества» (М.; Л.: Наука, 1964).

³ Протокол № 4 заседания Сектора народного творчества от 15 марта 1962 года // Протоколы научных заседаний Сектора народного творчества. 1962 г. (Индекс 630). Л. 19—26.

⁴ Власова Зоя Ивановна (27.12.1925, д. Сукманы Нытвенского р-на Пермской обл. — 10.01.2006, г. Санкт-Петербург). Окончила историко-филологический факультет Молотовского (Пермского) университета в 1948 г. В 1954—1957 гг. — аспирантка, с 1957 по 2004 г. — сотрудник ИРЛИ. Подробнее см.: Пушкинский Дом : Материалы к истории: 1905—2005. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 419—420. О З. И. Власовой см. также: *Иванова Т. Г.* Зоя Ивановна Власова // Живая старина. 2006. № 2. С. 59; Скоморохи в памятниках письменности / Сост. З. И. Власова, Е. П. Фрэнсис (Гладких); Вступ. статья Т. Г. Ивановой. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 3—4.

⁵ Протокол № 4 заседания Сектора народного творчества от 15 марта 1962 года // Протоколы научных заседаний Сектора народного творчества. 1962 г. (Индекс 630). Л. 24.

⁶ Емельянов Леонард Иванович (02.02.1929, станица Курья Алтайского края — 14.09.1996, г. Санкт-Петербург). Окончил русское отделение филологического факультета Ленинградского университета в 1953 г. С 1953 по 1956 г. — аспирант, с 1955 по 1993 г. — сотрудник ИРЛИ. Подробнее см.: Пушкинский Дом... С. 442.

⁷ Коргузалов Всеволод Владимирович (14.03.1920, г. Петроград — 05.06.1999, г. Санкт-Петербург). Окончил теоретико-композиторский факультет Ленинградской консерватории в 1954 г. Сотрудник ИРЛИ с 1955 по 1996 г. (в 1967—1986 гг. возглавлял Фонограммархив). Подробнее см.: Пушкинский Дом... С. 460.

⁸ Андреев Юрий Андреевич (08.09.1930, г. Днепропетровск — 17.07.2009, г. Санкт-Петербург). Окончил русское отделение филологического факуль-

ция в Пермскую область направлялась Институтом русской литературы впервые.⁹ В соответствии с принятой ранее договоренностью к собирательской работе фольклористов-пушкинодомцев подключились студенты филологического факультета Пермского государственного университета (I курс, всего 18 человек), под руководством преподавателя М. А. Ганиной,¹⁰ проходившие летнюю фольклорную практику. Общими силами в течение трех недель (с 23 июня по 14 июля) было обследовано более 20 населенных пунктов, входящих в Фокинский, Сосновский, Ольховский, Альяшинский и Заводо-Михайловский сельсоветы.¹¹ Вскоре после завершения экспедиции в местной газете «Камский гидростроитель»¹² появилась заметка З. И. Власовой, в которой сообщалось о задачах и некоторых результатах собирательской работы в Чайковском районе.¹³ Содержание данной заметки, вместе

тета Ленинградского университета в 1953 г. С 1953 по 1956 г. — аспирант, с 1956 по 1983 г. — сотрудник ИРЛИ. Подробнее см.: Пушкинский Дом... С. 398.

Задачи Ю. А. Андреева в экспедиции ИРЛИ 1962 г. заключались в исследовании читательских интересов жителей Чайковского района, в анализе книжного репертуара сельских библиотек и торговых пунктов, — иначе, как определил сам Ю. А. Андреев, — в изучении того, «кто, что и как читает в этом районе». Свои наблюдения он изложил в статье: *Андреев Ю. А.* Книги и люди. (Путевые раздумья) // Нева. 1963. № 7. С. 152—163.

⁹ Четырьмя годами ранее в Ныробском и Чердынском районах Пермской области работала археографическая экспедиция ИРЛИ. См.: *Бегунов Ю. К., Демин А. С., Панченко А. М.* Отчет об археографической экспедиции в верховья Печоры и Колвы в 1959 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, 1961. Т. 17. С. 545—557.

¹⁰ Ганина Маргарита Александровна (род. 05.05.1925, г. Пермь) — кандидат филологических наук (1968), доцент (1972) кафедры русской литературы ПГУ, в 1960—1970-е гг. — руководитель фольклорного кружка на филологическом факультете. Руководитель фольклорных экспедиций в районы Пермской обл. В 1962 г. осуществляла руководство фольклорной практикой студентов-филологов ПГУ, принявших участие в совместной с ИРЛИ (Пушкинский Дом) экспедиции в Чайковский район. См.: Краеведы и краеведческие организации Перми : Библиографический справочник / Сост. Т. И. Быстрых, А. В. Шилов. Пермь: Курсив, 2000. С. 103.

¹¹ Названия сельсоветов приводятся в соответствии с административно-территориальным делением Чайковского р-на по состоянию на время проведения экспедиции.

¹² «Камский гидростроитель» — печатный орган парткома КПСС, объединенного стройкома и управления строительства Воткинской ГЭС.

¹³ *Власова З. И.* Фольклорная экспедиция в Чайковском районе // Камский гидростроитель. 1962, 21 июля. № 55 (539); в отраслевом библиографическом указателе «Русский фольклор» за период 1960—1965 гг. данная газетная заметка не учтена.

с фрагментами ее чернового варианта, приводится в настоящей публикации (раздел I).

8 октября 1962 г. на очередном заседании сотрудников Сектора народнопоэтического творчества участники экспедиции представили отчет о своей летней поездке в район Воткинской ГЭС. Работа была признана плодотворной. Л. И. Емельянову, З. И. Власовой и В. В. Коргузалову предложили подготовить проект издания собранных в Чайковском районе материалов. В связи с этим было решено провести повторную экспедицию в обследованный район.¹⁴ Она проходила с 18 февраля по 8 марта 1963 г. На этот раз рабочая группа состояла из Л. И. Емельянова, З. И. Власовой, В. В. Коргузалова и аспирантки А. Н. Мартыновой,¹⁵ 27 февраля к пушкинодомцам присоединились три студентки ПГУ. Фольклористы побывали в селах Степаново, Фоки, Кёмуль, Ольховка, Завод Михайловский, деревнях Ваньки, Новая Бурня, Пихтовик, поселке Савино. Отчитываясь об итогах зимней поездки в Чайковский район, Л. И. Емельянов отмечал активное, живое состояние традиционного пласта местного фольклора. Поиски революционных, рабочих песен, форм советского фольклора дали отрицательный результат, современный свадебный обряд не вызвал интереса собирателей. На основе записей, осуществленных в прикамских экспедициях, участники последних предполагали подготовить сборник «Фольклор Чайковского района». Поддерживая эту идею, А. М. Астахова, В. Е. Гусев и другие сотрудники Сектора высказывали мнение, что экспедиционную работу в Чайковском районе нужно обязательно продолжить, сделать ее более целеустремленной, собрать недостающий материал по традиционному фольклору, провести записи в районе непосредственного строительства Воткинской ГЭС.¹⁶ Планы, связанные с дальнейшим обследованием Чайковского

¹⁴ Среди лиц, поддержавших идею проведения повторной экспедиции в Пермскую обл., упоминаются А. М. Астахова, Н. П. Колпакова, В. Я. Пропп, И. Д. Тулупников и Б. Н. Путилов. См.: Протокол № 17 заседания Сектора народного творчества от 8 октября 1962 года // Протоколы научных заседаний Сектора народного творчества. 1962 г. (Индекс 630). Л. 79—82.

¹⁵ Мартынова Антонина Николаевна (род. в 1932 г. в д. Кузаранда Заонежского р-на Карело-Финской ССР). Окончила русское отделение филологического факультета Ленинградского университета в 1956 г. и аспирантуру ИРЛИ в 1962 г. по специальности «фольклористика». С 1968 по 2006 г. — сотрудник ИРЛИ (Сектор народнопоэтического творчества, Рукописный отдел). Подробнее см.: Пушкинский Дом... С. 479—480.

¹⁶ Протокол № 8 заседания Сектора народного творчества от 18 марта 1963 года // Протоколы научных заседаний Сектора народного поэтического творчества за 1963 год. (Индекс 630). Л. 32—36.

района, а также с изданием сборника фольклорных материалов, к сожалению, так и не воплотились в жизнь.

По итогам двух экспедиций 1962 и 1963 гг. З. И. Власова и А. Н. Мартынова подготовили большую обзорную статью «Современный фольклорный репертуар одного района», которая была опубликована в ежегоднике «Русский фольклор».¹⁷ Авторы обозначили в статье некоторые стороны бытовой жизни советской деревни, раскрыли страницы биографий отдельных исполнителей, представили систематизированные этнографические сведения, привели образцы фольклорных произведений. В последующие годы З. И. Власова неоднократно обращалась к записям из Чайковского района, используя их в своих научных работах о традициях скоморошества.¹⁸

Все материалы, собранные в пермских экспедициях, поступили на хранение в ИРЛИ. В настоящее время магнитофонные пленки (на бобинах) сосредоточены в Фонограммархиве (МФ, кол. 251), полевые записи, дневники, беловые копии записей, рисунки — в Рукописном отделе ИРЛИ (р. V, кол. 229), там же находятся и экспедиционные фотографии (р. V, кол. 106).

События зимней экспедиции 1963 г. получили отражение в дневниках А. Н. Мартыновой и З. И. Власовой, содержание которых составляет основной предмет настоящей публикации (разделы II и III). А. Н. Мартынова вела дневниковые записи с самого начала экспедиции и до ее завершения (12 февраля—10 марта 1963 г.). 27 февраля собиратели разделились на две рабочие группы. Л. И. Емельянов и А. Н. Мартынова направились в с. Завод Михайловский, находящееся в южной части района, а В. В. Коргузалов и З. И. Власова — в с. Кемуль, расположенное в 15 километрах на юго-запад от г. Чайковского. С этого дня З. И. Власова начала вести отдельный дневник, посвященный работе в с. Кемуль. Отметим, что дневники обеих собирательниц помимо непосредственного описания хода собирательской работы передают и особенный, романтический колорит зимней экспедиции, и атмосферу жизни советской деревни в противоречивую эпоху руководства страной Н. С. Хрущевым.

Экспедиционный дневник А. Н. Мартыновой существует в двух версиях. К первой относятся записи, которые собиратель-

¹⁷ Власова З. И., Мартынова А. Н. Современный фольклорный репертуар одного района // Русский фольклор. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 9. С. 240—271.

¹⁸ Власова З. И. О влиянии поэтических традиций скоморохов в фольклоре Чайковского района Пермской области // П. И. Чайковский и Урал / Сост. Б. Я. Аншаков. П. Е. Вайдман. Ижевск: Удмуртия, 1983. С. 75—85; Власова З. И. Скоморохи и фольклор // Русский фольклор. Л.: Наука, 1987. Т. 24. С. 44—64.

ница вела в общей тетради непосредственно во время экспедиции (РО ИРЛИ, р. V, кол. 229, п. 4, № 201). В настоящей публикации ссылки на данную тетрадь приводятся с указанием «пд» (полевой дневник). Возникновение второй версии (РО ИРЛИ, р. V, кол. 229, п. 1, № 1) связано с тем, что, переписывая дневник набело перед сдачей в архив, А. Н. Мартынова вносила некоторые исправления в первоначальный текст (дополнения и сокращения различного рода, стиливая правка изложения). Для обозначения данной версии применяется указание «бркп» (беловая рукопись). В отличие от полевого дневника, в его беловой версии отражена полная хронология событий (в пд записи обрываются на дате 4 марта 1963 г.). В настоящей публикации данная версия (бркп) приводится в качестве основной. Наиболее значимые по содержанию фрагменты полевого дневника, отличные от белового варианта, представлены в сносках.

Дневник З. И. Власовой публикуется по беловой рукописи (бркп: РО ИРЛИ, р. V, кол. 229, п. 3, № 1). В одной из полевых тетрадей (пд: РО ИРЛИ, р. V, кол. 229, п. 4, № 200, л. 79—81 об.) содержатся черновые наброски к данному дневнику, которые З. И. Власова делала непосредственно в экспедиции.

Указания на даты событий в публикации приведены к единой форме. Распределение текста по абзацам отредактировано. Пунктуация и орфография исправлены в соответствии с современными нормами. Исключение делается для фрагментов цитированной речи сельских жителей, отражающей диалектные особенности языка. В угловых скобках раскрываются сокращения авторов дневников, в квадратных скобках даются восстановленные слова.

Публикация иллюстрируется рядом избранных фотографий, сделанных участниками экспедиции зимой 1963 г.

I

СТАТЬЯ З. И. ВЛАСОВОЙ «ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ЧАЙКОВСКОМ РАЙОНЕ»

(Камский гидростроитель. 1962. 21 июля. № 55)

В селах и деревнях ближайших к городу Чайковскому сельсоветов с 23 июня работает фольклорная экспедиция. В ее состав входят научные сотрудники Института русской литературы АН СССР (Ленинград) и группа студентов-филологов Пермского государственного университета.

Главной задачей экспедиции является изучение современного состояния устного народного творчества. Выбор именно

Чайковского района обусловлен тем, что фольклор здесь никогда раньше не собирался и не изучался.¹⁹

Среди населения района в памяти старшего и среднего поколения продолжают жить старинные бытовые лирические песни. Хорошо сохранились циклы хороводных («круговых») песен, «парочных», или «вечерочных» (иногда их называют «рождественские»), и «проходочных». В большинстве деревень помнят, хотя исполняют уже редко, свадебные величальные песни.²⁰

Почти в каждой деревне есть талантливые певцы, хранители старинной народной песенной культуры, такие как Александра Леонтьевна Юркова, 57 лет (с. Фоки), Варвара Гордеевна Ко[м]ова, 80 лет (д. Большой Букор), Татьяна Дмитриевна Лебедева, 59 лет, и Ульяна Григорьевна Гребенщикова, 55 лет (с. Сосново).

Участниками экспедиции сделано около 150 магнитофонных записей, записано около 300 самобытных песенных текстов, не считая частушек, загадок, пословиц.

Работники отдела культуры и руководители самодеятельности никак не учитывают и не используют в своей работе богатых песенных традиций, живущих среди населения района. Если несколько лет назад в ряде деревень и сел еще существовали свои небольшие самодеятельные хоры, то теперь их нет. В с. Сосново был организован хор под руководством заведующей тогда Сосновским клубом Е. Г. Горбуновой, исполнявший наряду с новыми современными песнями и местные традиционные песни. Но руководительница ушла на пенсию, и хор распался.

Инициативы самих участников самодеятельности и ее организаторов из народной среды недостаточно. Необходимы помощь и внимание к их работе со стороны районных работников куль-

¹⁹ В черновом варианте публикуемой статьи, сохранившемся среди материалов экспедиции, задачи работы собирателей обозначены более детально: «Главная задача экспедиции — изучить состояние устного народного творчества в районе строительства Воткинской ГЭС. Участников экспедиции интересовало, какие поэтические традиции старинной народной культуры сохранились в быту: помнят ли коренные жители старинные песни, поет ли их молодежь; живут ли в быту сказки, загадки, частушки. Особенно интересно было выяснить, как повлияло на характер народной поэтической культуры появление в районе огромного строительства, имеющего важное народно-хозяйственное значение; нашел ли этот факт отражение в песнях, частушках, поговорках, загадках?» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 229, п. 1, ед. хр. 236, л. 12—16 об.).

²⁰ В черновом варианте статьи сведения о бытовании свадебного фольклора представлены более широко: «Многие стороны свадебного обряда почти забыты; невеста не причитает и не плачет, выходя замуж. Но „зглядьши“, „пропывышки“, девичник еще устраиваются. Песни, сопровождающие свадебный обряд, главным образом, величальные, хорошо помнят в деревнях района» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 229, п. 1, ед. хр. 236, л. 12—16 об.).

туры. Богатый репертуар традиционных народных песен, еще живущий в памяти коренного населения района, может быть с успехом использован самодеятельными коллективами городских и сельских клубов. Хороводные, «вечерочные», свадебные величальные и шуточные песни представляют собой богатый материал для инсценировок и хорового исполнения. Они раскрыли бы современному зрителю и слушателю характерные черты народной культуры в прошлом, и среди исполнителей и ценителей старинной народной песни руководители самодеятельности нашли бы неплохой актив для организации народных хоров при клубах.

II

ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АН СССР В ЧАЙКОВСКИЙ РАЙОН ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ

(12 февраля—12 марта 1963 г.)

Дневник А. Н. Мартыновой

12 февраля 1963 года

Экспедиция Сектора народного творчества Института русской литературы Академии Наук СССР в составе четырех человек выехала из Ленинграда в 18:53 поездом Ленинград—Свердловск.

Состав экспедиции: Емельянов Л. И. — кандидат наук, младший научный сотрудник — начальник экспедиции; Власова З. И. — младший научный сотрудник; Коргузалов В. В. — младший научный сотрудник; Мартынова А. Н. — аспирантка.

Маршрут экспедиции: г. Пермь — г. Чайковский — сельсоветы Чайковского района Пермской области.

Цель экспедиции — изучение современного состояния народного творчества Чайковского района. Более конкретная цель — запись произведений устного народного творчества для подготовки сборника «Фольклор Чайковского района».

Члены экспедиции продолжают работу, начатую летом 1962 г. в этом же районе сотрудниками сектора народного творчества Емельяновым, Власовой, Коргузаловым.

14 февраля

В 8:49 (по московскому времени) приехали в г. Пермь. Устроились в общежитии обкома КПСС. Выяснилось, что биле-

ты на самолет Пермь—Чайковский можно приобрести только на 16 февраля. Взяли билеты на первый самолет (7:15 утра).²¹

Договорились с преподавателем фольклора кафедры русской литературы Университета Ганиной М. А. о возможности просмотра фольклорного материала, записанного студентами в Чайковском районе летом 1962 г. Емельянов Л. И. подготовил текст радиопередачи о результатах работы летней экспедиции, сопровождающейся магнитофонными песенными записями. Магнитофонные записи были подготовлены для радиопередачи В. В. Коргузаловым в Ленинграде.

15 февраля

Емельянов Л. И. и Коргузалов В. В. утром были в радиокомитете и договорились о возможности радиопередачи. Подготовленный Емельяновым текст²² было предложено расширить за счет более подробной характеристики исполнителей.²³ З. И. Власова и А. Н. Мартынова с утра знакомились с фольклорными материалами Пермского университета. М. А. Ганина попросила Власову и Мартынову посмотреть сборник песен Пермской области,²⁴ собранных студентами в течение трех последних лет. Сборник подготовлен Ганиной М. А. и лаборантками кафедры русской литературы.

Сборник оказался, на наш взгляд, недостаточно квалифицированно подготовленным. Песни размещены в сборнике на основании классификации по стилистическим особенностям и местным названиям песен. Таким образом, выделены жанры: хороводные, круговые, игрищенские, веселые, плясовые, побасенки, присказульки.²⁵ Среди тюремных и разбойничьих песен

²¹ В пд далее: «Позвонили в Р<ай>к<ом> КПСС Чайковского района с просьбой оказать помощь транспортом» (л. 4).

²² В пд далее: «...работниками областного радио...»; зачеркнуто (л. 5).

²³ В пд далее: «Емельянову и Коргузалову было сделано также предложение выступить по местному телевидению с рассказом о характере работы экспедиции» (л. 6).

²⁴ По всей вероятности, имеются в виду подготовительные материалы к изданию: Народные песни Пермского края : Сборник текстов: В 2 т. / Сост. М. А. Ганина, Т. Ф. Пирожкова, Р. В. Комина, Р. С. Спивак. Пермь, 1966. Т. 1. 274 с.; Пермь, 1968. Т. 2. 414 с. Данный двухтомник — самое объемное на настоящий момент собрание поэтических текстов обрядового и необрядового фольклора русского населения Прикамья. В числе прочих, в сборник включены материалы, записанные в Чайковском (до января 1962 г. — Фокинском) р-не — в селах и деревнях: Альняш, Большой Букор, Дубовая, Каменный Ключ, Кемуль, Лукинцы, Марково, Фоки, Чумна, и др.

²⁵ В пд далее: «Среди свадебных песен помещены причитания без указания на то, что это особый жанр» (л. 7).

помещены известные авторские о Степане Разине, а также песни революционного подполья.

Недостаточное знание текстов песен составителями сборника сказывается и в том, что песни, не имеющие ценности, представлены в многочисленных вариантах.

Частушки в сборнике помещены по следующим разделам: советские частушки, частушки о колхозе, чувовские частушки, чувовские лирические, кемульские частушки, частушки о зав<едающем> клубом, частушки о трактористе, добавление Кетовой,²⁶ лунные частушки. Причем в группу лирических отнесены заведомо сатирические.²⁷

Эти и много других замечаний на недостатки сборника мы высказали составителям. И посоветовали познакомиться с книгой Н. П. Колпаковой «Русская народная бытовая песня».²⁸

Познакомиться с записями студентов нам почти не удалось, т<ак> к<ак> по словам Ганиной, материалы находятся у студентов.

Вторую половину дня заняло обсуждение членами экспедиции текста, подготовленного Емельяновым для радиокомитета. Вечером были в оперном театре.

16 февраля

В 11 ч<асов> 15 мин<ут> прилетели на самолете в г. Чайковский. К часу дня устроились в гостинице. Сразу пошли в Р<ай>к<ом>²⁹ партии и городской исполком.³⁰ Разговаривали с зав<едающим> отделом культуры исполкома Тарасовым В. Д. Объяснили ему цель экспедиции, предложили провести семинар об использовании фольклора в самодеятельности и преподавании (Семинар подготовлен Емельяновым). Исполком берет на себя обеспечение явки на семинар работников клубов, домов культуры, учителей. Семинар будет проведен 26 февраля.

Перед этой же аудиторией будет прочитана лекция Власовой «Зачем мы записываем фольклор». 26 февраля Мартынова должна дважды (в школе и в клубе гидростроителей) прочесть свою лекцию «Мораль и этика в педагогической системе А. С. Макаренко».

²⁶ В брпк напротив данной фамилии стоит знак вопроса в скобках; в пд: «добавление М. С. Кетовой»; Манефа Степановна Кетова — жительница с. Вильгорт Чердынского района, исполнительница народных песен, участница сельского хора.

²⁷ В пд далее: «В группе песен «Близкие к литературным» помещены известные авторские песни» (л. 8).

²⁸ Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня. М.-Л.: изд-во Акад. наук СССР (Ленингр. отд-ние), 1962. 284 с., ил., ноты.

²⁹ Райком — районный комитет.

³⁰ Исполком — исполнительный комитет.

Вечером были в клубе. Зав<едающий> клубом т<оварищ> Беккер подробно рассказал о работе кружков клуба.

17 февраля³¹

Воскресенье. Нам необходимо добраться до с. Фоки и оттуда в с. Степаново. Но сегодня не уехать; автобус, идущий на д. Фоки, набит бывает до потолка, а с грузом в него вообще не берут. Придется ждать до завтра и обращаться за помощью к Тарасову.

Были в клубе.

18 февраля

С утра пытались найти хоть что-нибудь, на чем можно было бы уехать в д. Фоки. Надежды на автобус, такси, лошадь постепенно гасли. Пришлось снова обращаться в исполком. Только в 2 ч<аса> дня, на исполкомовской машине мы выехали в д. Фоки.

Здесь мы снова застряли. Оказалось, что машиной до д. Степаново не добраться, доехать можно только до д. Савино, а дальше — только санный путь. Но в Фоках нельзя получить ни машины, ни лошади. Исполком обещает завтра утром выслать машину из Чайковского сюда, чтобы отвезти нас до д. Савино. Сегодня же машина нужна для других дел.

Итак, пришлось остаться на ночь. В гостинице ни одного места не оказалось, пошли в дом к Юрковой Александре Леонтьевне, от которой летом уже было записано много песен. Здесь обнаружили, что один из магнитофонов испорчен. Пришлось менять планы. Вместо того, чтоб ехать в разные места по 2 человека, придется ехать всем вместе.

Вечером записывали песни от хозяйки. Семь песен записали на магнитофонную ленту. З. И. Власова подробно записывала биографию исполнительницы.³²

Ночь провели на полу, постели устроив из пальто.

19 февраля

Потерянный день. Неудачный день. Во-первых, дождь. Кругом лужи, мокрый снег. А мы все в валенках, без галош... Во-вторых, машину нам прислали вместо утра к 5 ч<асам> вечера. До 5 ч<асов> мы, ожидая машину с часу на час, толклись на улице. Очень жалели, что ушли от Александры Леонтьевны, от которой еще можно было бы записывать. Но там нас не нашел бы водитель.

³¹ Описание данного дня отсутствует в брпк и приводится целиком по пд (л. 11).

³² В пд далее: «...чего не было сделано летом. Оказалось, что Мартынова разучилась записывать и первые из спетых песен не успевала записывать. К концу вечера запись улучшилась» (л. 13).

И вот... Вряд ли завтра все мы не заболеем.

В 5 ч<асов> мы, наконец, выехали. Дорогой чуть-чуть не произошла катастрофа. Наш «газик» довольно основательно стукнул грузовую машину, т<ак> к<ак> дорога настолько скользкая, что тормоза не сработали. К счастью, стукнулись о резиновые колеса прицепа. Обошлось.

На ночь устроились в общежитии леспромхоза. Емельянов Л. И. пытался по телефону договориться с председателем Степановского с<ельского> совета относительно транспорта на завтра. Пока туманные обещания.

Познакомились с зав<едующей> клубом, Ганиевой Лидией Сергеевной. Еще в г. Чайковском нам рекомендовали ее как очень энергичного работника. Она и на нас произвела такое же впечатление. Отправив нас отдыхать (в чем, говоря откровенно, мы очень нуждались), она взяла на себя переговоры относительно способа нашего дальнейшего передвижения.

20 февраля

12 ч<асов> дня, а мы все еще в поселке Савино. Зав<едующая> клубом Ганиева Л. С. подробно рассказала нам о работе клуба, что есть самодеятельность, что участвует в ней человек 20—25 постоянного актива. Это молодежь, в основном — учителя. Есть хор, песни берутся из сборников, ставятся пьесы. Очень много частушек, стишков написано самой Ганиевой на местные темы.³³

Восьмой день экспедиции, а мы еще не добрались до цели. Таковы, видимо, зимние трудности.

В 12:30 нашли лошадь, погрузили в сани мешки и отправились в д. Ваньки. Старик-возница прихватил еще знакомую старуху, таким образом, в санях нас оказалось 6 человек. Лошадка попала отличная, и все было прекрасно, правда, изредка с саней кто-нибудь вываливался, но никого это не огорчало, пешком в такую погоду в зимнем лесу тоже неплохо пройти. Старуха, стараясь удержаться в санях, наваливалась на старика и говорила ему: «Что ты муркаешь? Вот на девке двое сидят, она и то не муркает».

Часа в 2 устроились на квартире у Зиновии Панфиловны Мерзляковой. Дом старый, но просторный и светлый, здесь много свежего воздуха в отличие от других местных домов, как мы потом убедились.

Сразу же направились по адресам, полученным от деда-возницы и от исполняющего обязанности председателя колхоза. Власова З. И. побывала у Тюкаловой Аксиньи Егоровны, Тюкаловой Лукерьи Васильевны, Глуумовой Дарьи Николаевны, Щел-

³³ В пд далее: «В основном, это критические, сатирические стихи. Они очень хорошо принимаются зрителями» (л. 15).

Рис. 1. Участники экспедиции (слева направо): А. Н. Мартынова, З. И. Власова, Л. И. Емельянов вместе с местным жителем по дороге в д. Ваньки. 20 февраля 1963 г. Надпись на обороте фотографии: «По пути в д. Ваньки. Ждем В. В. Коргузалова».

РО ИРЛИ, р. V, кол. 106, п. 3, № 1249.

кановой Александры Васильевны. Ей удалось собрать их и начать запись песен. Тексты песен оказались очень интересными, напевы же типично северные.

Емельянов, Коргузалов и Мартынова дважды ходили к Осипу Евграфовичу Кулагину, на которого нам указывали все как на отличного певца и знатока песен. Правда, нас предупреждали, что вероятно, петь он не будет, т<ак> к<ак> старовер. К сожалению, мы не застали его дома; он работает, и будет работать сегодня часов до 12 ночи.

Поэтому все трое присоединились к Власовой З. И. На магнитофон записали 7 песен, текстов больше. К сожалению, все время певички угощались брагой, и вскоре мы вообще вынуждены были прекратить записи. Это — Масленица. Интересно, постоянно ли это будет нам помехой или это временное явление?

После обеда Емельянов, Коргузалов и Мартынова пошли в местный клуб, чтоб выяснить, какая работа ведется там и, если можно, сделать информацию о целях нашей экспедиции. Информировать оказалось некого. В клубе — холодной, полуразвалившейся избе с несколькими расшатанными скамейками — шел фильм, который смотрели несколько ребятишек. Заведующий

Рис. 2. Запись в д. Ваньки. А. Н. Мартынова и Дарья Николаевна Глумова, 75 лет. 20 февраля 1963 г. Надпись на обороте фотографии: «Проверяется записанное».

РО ИРЛИ, р. V, кол. 106, п. 3, № 914.

клубом объяснил нам, что он работает в клубе по совместительству, основная его профессия — тракторист. Договорились о времени для более продолжительного разговора.

Вечером вновь записывали у Тюкаловой Лукерьи Васильевны от знакомых нам уже певиц. Записывали в прежних условиях до тех пор, пока брага не начала слишком явно сказываться на пении. Одно в этом хорошо — певицы поют не для нас, поют то, что они обычно поют для себя, собираясь именно в таком составе. Это те песни, которые живут среди них. Мы их просто подслушиваем. Эта группа женщин, по уверению всех жителей деревни, и есть основной певческий коллектив деревни. Они и сами об этом говорят, правда, заверяя нас, что главное лицо в их «компании» — Тюкалов Еремей Федотович. А его-то мы еще не видели и не слышали.

21 февраля

Утром Власова и Мартынова пошли снова к Лукерье Васильевне, уверенные, что так рано певицы еще не начали праздновать. Но надежды наши были тщетны. Певиц мы в прежнем составе разыскали у Щелкановой Александры Васильевны. Записали не-

сколько песен, частушек. Снова мешает то, что все постепенно пьянеют все более и более, пока не исчезла возможность вести хоть какую-нибудь запись.

Трижды заходили к Тюкалову Еремею Федотовичу и ни разу не застали его дома. Но во время нашего обеда он пришел сам, к сожалению, в абсолютно пьяном состоянии.³⁴ Договорились, что, дав ему отдохнуть, зайдем за ним и пойдем к Харитонье Вавиловне Тюкаловой. По отзывам Еремея Федотовича, это хорошая певица. Тюкалова Х. В. уже встречалась с нами дважды и дважды отказывалась петь.

Вечером Емельянов и Коргузалов снова (в который раз) ходили к О. Е. Кулагину и снова не застали его дома. (Один из немногих людей, которые еще работают в эти дни.)

Власова и Мартынова пошли к Еремею Федотовичу с тем, чтоб с его помощью заставить петь Харитонью Васильевну, которая продолжает нас интересоваться. Но по дороге к ней Еремея Федотовича «перехватили» наши старые знакомые: Тюкаловы А<ксинья> Е<горовна> и Л<укерья> В<асильевна> и Глумова Дарья [Николаевна].³⁵ Старика буквально втолкнули в избу, нам пришлось последовать за ними.

Записи велись прежним порядком. Мартынова дублирует записи Власовой, дело подвигается уже довольно успешно. Но певицы спивались на глазах и таки спились. Пришлось уйти. Правда, уже 10 ч<асов> вечера.

Двумя часами раньше Власова и Мартынова были в клубе и разговаривали с зав<едующим> клубом. Выяснили, что никакой работы в клубе не ведется, молодежь иногда приходит на танцы, но это 5—6 человек. Никаких лекций, никакой самостоятельности. Несколько раз энтузиасты собирались на репетиции, но ничего так и не получилось. Пьесы, стихи брали из выписываемых для клуба журналов.

От Тюкаловой Мартынова пошла к парторгу³⁶ колхоза, чтоб поговорить с ним о состоянии культ<урной> работы на селе. Масленица докатилась и до его дома. Парторг мертвецки пьян. Зато удалось познакомиться с бригадиром самой крупной комплексной бригады колхоза. Он рассказал, что бригад в колхозе 5, в его бригаде 180 человек, из них молодежи человек 50, что бригада считается лучшей в колхозе, заработки в колхозе неплохие — 70—80 руб<лей> в месяц.

³⁴ В пд далее: «Рассказал о себе, петь один отказался» (л. 19).

³⁵ В бркп: «Васильевна» — очевидная описка (л. 20).

³⁶ Парторг — партийный организатор; в СССР — выборный представитель партийной группы КПСС (завода, цеха, совхоза, колхоза).

22 февраля

Сегодня с утра В. В. Коргузалов и Мартынова ушли в д. Степаново, расположенную в 4 км от д. Ваньки.

Степаново — деревня в 50—60 дворов, бригада колхоза им. Куйбышева.

В г. Чайковском и д. Ваньки мы взяли несколько адресов певиц и, представившись в сельском совете, направились к одной из них. Горячева Анна Степановна оказалась радушной, гостеприимной женщиной 50 лет. Она охотно вызвалась собрать женщин, с которыми она часто поет. Через час мы начали записи сначала от трех женщин: Оглезневой Анны Осиповны и Порсейвой Ольги Осиповны (сестер) и Оглезневой Евдокии Ивановны.

Оглезнева Анна Осиповна (59 лет) постоянно живет здесь, замужем не была. 30 лет работала в колхозе: на ферме, кладовщиком. Единственный сын работает инженером в г. Куйбышеве. Анна Осиповна — самая старшая в многодетной семье; братьям, сестрам и племянникам заменила мать, и относятся они к ней с трогательным уважением. Приветлива, хоть строга, без лишних слов и суеты. К песням относится серьезно, ее отношение к записи как-то сразу настроило всех остальных женщин на серьезный лад — и отлично нам работалось в этот день.

Порсева Ольга Осиповна, 50 лет. Приехала в гости к сестре из Воткинского района. Высокая, полная женщина, больше 40 лет на вид дать нельзя. Полна чувства собственного достоинства. Очень любит песни и отлично поет их. Помнит все местные, несмотря на то, что 30 лет здесь не живет. Не работает, муж — слесарь, у них 5 детей.

Оглезнева Евдокия Ивановна, 60 лет. До сих пор красива и энергична, резковата на язык, нашу работу считает чуть ли не бездельем, но песни знает, поет хорошо. Родилась в д. Дубовой (около с. Фоки), но здесь живет уже 43 года. Уже 2 года на пенсии. Муж был на фронте, вернулся инвалидом, умер уже 10 лет назад. Кажется, мы не встречали здесь ни одной семьи, не пострадавшей от войны.

Запись велась в доме Анны Осиповны, в большой комнате с высоким потолком, правда, абсолютно холодной. Пели женщины хорошо, на 2—3 голоса. Песни почти все известные по записям в этом районе. Напевы, манера пения тоже типичны для этого района. В этот день мы записали 13 текстов. Мы готовы были продолжать записи, но женщины рвались к домашним делам. К сожалению, Масленица докатилась и сюда. Запись закончили в 5 часов вечера, решили не возвращаться в д. Ваньки, утром продолжить записи.

Устроились у Анастасии Даниловны Оглезневой. Она присоединилась к нашим певицам вместе с Горячевой Анной Степановной через полчаса после начала записи.

Оглезнева Анастасия Даниловна (55 лет) — пенсионерка. Почти всю жизнь работала в лесном хозяйстве: помощником лесника, лесным сторожем, лесником. Детей не было, муж — лесник. Почти молчалива, умное лицо, очень быстро понимала все, что мы требовали от певич, и без лишних слов помогала нам создать соответствующее настроение у певич.

Горячева Анна Степановна (50 лет). Живет вдвоем с мужем, трое детей живут не дома. 20 лет не работает уже, ведет хозяйство, муж на пенсии. Очень энергична, веселье бьет ключом. Собирая певич, за 30 минут обежала всю деревню и привела женщин. Песни знает прекрасно, но голос (как уверяет она — после недавней болезни) почти исчез. Но о ней певичы говорили: «Она не сводит песню, хотя голос слабый».

Вечером сходили к учительнице пения школы Мухиной Полине Филипповне. Полина Филипповна после войны была одной из самых активных организаторов самодеятельности в д. Степаново.³⁷ В это время в местном клубе была поставлена старинная свадьба, которую вывозили в районный центр. Самодеятельный коллектив д. Степаново занял тогда на смотре первое место. Но в <19>50-<e> гг. клуб из д. Степаново был переведен в д. Ваньки. Это, конечно, неправильно. В д. Степаново восьмилетняя школа, много учителей, сельский совет. Все это теперь не используется. Культурной жизни нет никакой. Изредка можно посмотреть фильм, вот и все. Полина Филипповна подтвердила нам, что все те женщины, от которых мы записывали, участвовали в постановке свадьбы. Она же посоветовала обратиться к Анастасии Михеевне Оглезневой, которая была активной участницей самодеятельности.

Вместе с Полиной Филипповной мы сходили к Анастасии Михеевне, записали от нее свадебный местный обряд (порядок свадьбы). Она перечислила и песни, которые пелись на свадьбе. Одна петь отказалась, сославшись на то, что не помнит хорошо все песни. Пообещала завтра прийти к Анне Осиповне.

В 10 часов вечера зашли к Анне Клементьевне Порсейвой. Она не местная жительница, живет здесь недавно, но сегодня здесь празднуют ее именины, и собрались все наши певичы, в их числе — наша хозяйка. Мы приглашены. Здесь мы послушали и запомнили много песен, которые завтра попытаемся записать.

На этом вечере мы встретились еще с одной интересной женщиной — Ефросиньей Евстигнеевной Соломенниковой. Она поразила меня отношением к песням: охотно пела народные песни

³⁷ Из записей З. И. Власовой: «В 1946—<19>47 гг. в Степаново был самодеятельный хор из женщин-колхозниц, выступали со „своими“ песнями (т. е. местными)» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 229, п. 4, ед. хр. 200, л. 12).

и молчала, когда пелся романс. На вопрос, почему не поет эту песню, она ответила: «Мертвая песня».³⁸

23 февраля

Сегодня с утра снова собрались у Анны Осиповны. Записано 23 текста. К знакомым нам певицам присоединилось еще трое. Это встреченные нами вчера Соломенникова Ефросинья Евстигнеевна и Оглезнева Анастасия Михеевна, а также Порсева Лидия Афанасьевна.

Порсева Лидия Афанасьевна (67 лет) пела мало.

Соломенникова Е<фросинья> Е<встигнеевна> (52 г<ода>) работает техничкой в с<ель>совете, библиотеке. До этого 15 лет работала токарем. Здесь живет 8 лет, до этого жила в д. Ванí. Высока ростом, шумна и даже криклива, невзрачной наружности, но при этом обладает несомненным вкусом, именно она вчера отказалась петь романсы, называя их «мертвыми».

Оглезнева Анастасия Михеевна (62 г<ода>). Отлично помнит свадебный обряд и все свадебные песни.

23 февраля, вечер

Коргузалов и Мартынова вернулись на базу. По дороге на свою квартиру присоединились к Емельянову, который записывал песни от Петра Фомича Кошкарова.³⁹

24 февраля

Записывали песни и сказку от Петра Фомича Кошкарова. На лошади (с бубенцами) выехали в д. Савино. Выбраться в тот день оттуда не смогли, пришлось заночевать в леспромхозе, в той же комнате общежития, где ночевали на пути в д. Ваньки.

25 февраля

Утром с попутной грузовой машиной доехали до г. Чайковского. Коргузалов сошел в с. Фоки, чтоб закончить там записи.

Завтра здесь, в Чайковском, мы должны прочитать лекции и провести семинар. Но никого из нужных нам работников исполкома и горкома партии мы не нашли.

Переписывали тексты.

³⁸ В пд далее: «Завтра и она придет петь» (л. 23).

³⁹ В пд далее описывается работа З. И. Власовой и Л. И. Емельянова в д. Ваньки: «Оставшиеся в д. Ваньки Емельянов Л. И. и Власова З. И. продолжили запись песен здесь. 22 февраля Власова записывала от тех же певиц. Вечером была у Леонида Алексеевича Глухова, много песен записано. Емельянов ходил по адресам, но никого из указанных ему певцов не нашел дома. Масленица в д. Ваньках принимает форму повсеместного пьянства. 23 февраля Власова вела запись вместе с Емельяновым от Ефроксии Агапитовны Кошкаровой и ее сына Герасима Егоровича Кошкарова» (л. 27).

26 февраля

В беседе с Тарасовым выяснили, что лекция Власовой и семинар Емельянова проведены не будут, так как ничего не было сделано для того, чтоб собрать культработников.

Мартынова читает лекцию в школе № 2 для учеников 7—11 классов. Прочитала в 8 часов вечера. Вечером вернулся из с. Фоки Коргузалов.

27 февраля

Выехали из г. Чайковского на машине во второй половине дня. Мартынова, Емельянов и студентка первого курса Пермского университета Вахтомова Светлана выехали в с. Завод Михайловский. Коргузалов, Власова и 2 студентки — в с. Кемуль.

В с. Завод Михайловский приехали вечером. Устроили на квартире у пенсионерки, бывшего бухгалтера. Оказалась она женщиной веселой и общительной; оказалось, что играет она на баяне; оказалось, что сама сочинила песню, которую тут же и продемонстрировала.

Если бы она имела к тому же обыкновение топить печь хоть изредка, то мы явились бы ее самыми горячими поклонниками. Но оказалось также, что печь топить она не намерена, обогревается и готовит еду при помощи керосинки, которой 40 лет, и в которой 40 лет не менялись фитили (и 40, вероятно, еще не должны меняться по подсчетам хозяйки). Оказалось также, что квартиру заполняют полчища котов, совершенно наглых, возглавляемых отличной дворнягой.

Перночевав на полу в тесном соседстве с четвероногими, наполовину замерзшие, на следующий день мы со скоростью автомобиля помчались на другую квартиру, провожаемые злобным лаем пса и шипением котов.

Но вечером, слегка закусив дорожными припасами, мы все-таки записывали песни от соседки нашей хозяйки — Раисы Осиповны Горбуновой.

Горбунова Раиса Осиповна — местная жительница, 60 лет, сейчас на пенсии. Записали от нее 7 песен.⁴⁰ Судя по всему, с ней придется много поработать, есть что записать от нее, и голос приятный, хоть небольшой. Поэтому о ней позже.

28 февраля

Устроились на квартире у Александры Ивановны Соболевой. Теплая (!) квартира, чистая, и всего один кот. Хозяйка — вологжанка, но живет здесь давно. К сожалению, песен не знает. Зато здесь мы будем в состоянии отдохнуть после работы. Одна ком-

⁴⁰ В пд далее: «...плясовые, парочные, луговые» (л. 30).

ната, но столько несуетливой заботы видим мы от хозяйки, что чувствуем себя буквально как дома.

С утра вновь записывали от Раисы Осиповны Горбуновой. Записали 9 песен.

Познакомились с Девятовой Марией Федоровной. Все указывали на нее, как на лучшую певицу села, активную участницу самодеятельности. Мария Федоровна — сгусток энергии и буквально неисчерпаемый источник фольклора. Ей 57 лет, пенсионерка, но продолжала работать до сегодняшнего дня. Сегодня окончательно уходит на пенсию. А пенсия маленькая — 25 руб<лей>.

Артистически исполнила она нам «Гпрутеньку бычка» и не хуже — другие песни. Голос не назовешь хорошим, но память великолепная, интонации, жестикуляция артистические. При всем том какая-то постоянная душевная приподнятость, шутки, прибаутки, постоянно слетающие с языка, не дают нам ни на одну минуту отложить карандаш, и это ее тоже смешит. Конечно, завтра снова к ней. Сегодня записали 11 песен. Здесь и свадебные, и парочные, и «продольные», и плясовые.

Вечером были на предвыборном собрании. Там познакомились с директором восьмилетней школы Иваном Ивановичем Синельщиковым. Договорились с ним о возможности организации радиопередачи.

1 марта

Записывали от Раисы Осиповны Горбуновой.⁴¹ Сегодня она нам спела 13 песен. Приятный, хоть и небольшой голос, красивая внешность, удивительно молодые огромные глаза. Движения сдержаны и полны своеобразной грации, чуть замедленная певучая речь — от всей ее фигуры веет каким-то спокойствием, хочется без конца смотреть на нее и слушать. А ведь ей 60 лет. Родилась в Фокинском районе (д. Сайгатке) в 1903 г. Там жила до 22 лет. Насильно была отдана замуж в д. Пещеры. Замуж отдали после того, как она сходила в клуб, не спросив родителей. Когда перед самой свадьбой упросила своих родителей не выдавать ее за нелюбимого, жених предъявил требование уплатить все издержки на свадьбу. Платить было нечем, пришлось согласиться. Но муж первый, вероятно, так всю жизнь и любил Раису Осиповну, совсем недавно, перед своей смертью, он просил ее приехать к нему, чтоб он умер на ее руках.

В Пещерах работала на лесных работах, баржи грузила, работала на сплаве. Ездили с мужем в Сибирь, пытались устроиться там, вернулись. В <19>36 г. поселились в Михайловском Заводе. С этих пор живет здесь. С первым мужем разошлась в <19>38 г.,

⁴¹ В пд далее: «Пили у нее чай. Долго беседовали» (л. 31).

Рис. 3. Мария Федоровна Девятова, 57 лет.
С. Завод Михайловский. 28 февраля 1963 г.
РО ИРЛИ, р. V, кол. 106, п. 3, № 1237.

с тех пор дважды выходила замуж, а сейчас — четвертый муж, моложе ее на 15 лет, живут вместе уже 18 лет. Муж — рабочий леспромхоза. В колхозе никогда не работала. Во время войны работала пожарником, после войны на пункте приема масла, плела лапти, была няней. С 1958 г. на пенсию вышла.

Днем записывали песни от Девятовой Марии Федоровны и ее племянницы — Русиновой Евгении Федоровны. Русиновой 50 лет, она много работала здесь зав<едующей> клубом, неплохой голос, но песен не знает народных, поет то, что слышит по радио и находит в сборниках. Нам она мешала, останавливала свою тетю, когда та начинала петь, уверяя, что ее песни «ерунда», пела романсы и пр<очее>.⁴²

Вечером Емельянов Л. И. готовил передачу по радио с демонстрацией песен, записанных в Михайловском Заводе.

⁴² В пд далее: «...в то время как Мария Федоровна пела нам великолепные песни» (л. 31).

2 марта

Сегодня мы были у Марии Федоровны Девятовой. Она много рассказывала о себе, пела много песен. Рассказы прерывала частушками, прибаутками, приправляла пословицами и поговорками.⁴³

Вечером ходили на радиоузел, Емельянов выступал с радиопередачей.⁴⁴ Все прошло отлично, песни звучали очень хорошо. После передачи зашли к Девятовой Марии Федоровне. Она рассказывала в это время сказки своей квартирантке, девушке 18 лет.

3 марта

Участвовали в выборах.⁴⁵ С кандидатами в депутаты мы познакомились на предвыборном собрании.

В здании клуба познакомился с местным любителем народных песен Казанцевым Александром Ильичем. Он живет в 7 км от с. Завод Михайловский, записано у него около сотни песен. Но в основном он коллекционирует сборники песен (дореволюционные). Познакомиться с его записями нам не удалось: старик в этот же день уезжает в г. Чайковский. Но летом он приедет в Ленинград, там его сын живет рядом с Л. И. Емельяновым, и Александр Ильич обещал, что привезет свои записи.

Вечером записывали песни от Девятовой Марии [Федоровны].⁴⁶

4 марта

Утром в 9 ч<асов> Мартынова читала лекцию в школе для учеников 7—8 кл<ассов>.

Снова записывали песни от Девятовой М. [Ф.] Сегодня от нее записано 30 песен.

Несколько слов о ней. Высокая, полная, строго говоря, некрасива. А между тем, очень приятно смотреть на нее: умные глаза, искренний смех, энергичные движения, какая-то заражающая жизнерадостность.

А жизнь была у Марии Федоровны очень и очень трудная. Родилась в 1906 году в огромной крестьянской семье (10 детей) в с. Завод Михайловский. С 7 лет отец начал приучать к тяжелой крестьянской работе. Рассказывала, как совсем крошечным ребенком уже боронила и даже жала серпом, как обрезала руку,

⁴³ В пд далее: «Записали 11 песен, 2 сказки» (л. 32).

⁴⁴ В пд далее: «...о целях и итогах нашей экспедиции. Удалось передать по радио и несколько песен, записанных от Горбуновой и Девятовой» (л. 32).

⁴⁵ 3 марта 1963 г. проходили выборы в Верховный Совет и местные Советы депутатов трудящихся РСФСР.

⁴⁶ В брпк: «Ивановны» — очевидная описка (л. 43).

и как был перепуган отец. Помнит гражданскую войну. А потом — комсомолка, член комитета бедноты, борьба с кулаками. И песни, первая самодеятельность на селе с ее участием. И так до этих дней. Без Марии Федоровны в клубе не ставится ни одна пьеса, не поется хором ни одна песня.

И при этом — всю жизнь тяжелый труд. Труд в лесу, на химическом заводе, требующий огромного здоровья и крепких рук, труд наравне с мужчинами. Зато и язык у Марии Федоровны, как бритва. Она и сама это знает и вспоминает много случаев из своей жизни, когда ее находчивость и острый язык выручали ее. А еще выручали многочисленные навыки трудовые, многие ремесла, которые она в совершенстве знает.

И где бы ни работала, песни, прослушанные однажды, запоминались. И сколько же она их знает! «Как проглотила песни все, не помню».

Рассказывала, как приехали к ее подруге богатые сваты из-за Камы. Девушки долго пели им величальные песни, надеясь, что богатые гости хорошо отдарят их. Но богатый сват дал девушкам... копейку. Тогда-то и вышла Мария Федоровна и спела ему озорную песню о «свате-недоробе», вконец уничтожившую спесивого гостя. Пришлось ему раскошелиться.

«Много лет мне, — говорит Мария Федоровна, — Богу⁴⁷ бы молиться надо, как говорят старухи, а у меня рука не поднимается, робила много или что».

«Скажут мне что мужики, я им и отвечаю. А другие бабы заревут и уйдут. На каждое слово не насердишься, не наобижаешься, когда работаешь».

Во время войны работала на лошади в лесу. «„Я каждым поленом бью фашистов по голове“, — вот весь был мой сказ». А когда из-за болезни снимали с тяжелой работы, то Мария Федоровна, расставаясь с лошадью, плакала; «лошадь ведь тоже все понимает», — уверяет она.

С войны не вернулся муж, была она у него десятой женой (она обстоятельно перечислила все 9 предшествующих), но с ней он прожил более 15 лет. С тех пор живет одна, долго работала техничкой в клубе.

О чем бы ни рассказывала Мария Федоровна — все это яркие, поистине художественные эпизоды, яркие, красочные картины. Люди, как живые, встают перед глазами.

А сколько прибауток, шуток, поговорок. Садится на кровать: «Свят, свят, свят, как люди вдвоём спят: мне одной тесно». Пьет пиво («чтоб промочить горло»):

— Рюмочка Христова,
Ты откуда? — Из Ростова.

⁴⁷ В брпк слово написано со строчной буквы (л. 46).

— Паспорт есть? — Нет, нема.

— Сейчас будет тюрьма.

Спела песню: «У тетушки Алёны песни посолёны, а я не солила».

Женщины сидят у нее, слушают, спрашивают, откуда столько песен знает? — «А я была в дыре, на самом дне, оттуда выскочила — все знаю». Смеется: «Хотела песни в утиль сдать, да попадут в переделку — не так переделают. Лучше вы заберите их».

О ее песнях — репертуар самый разнообразный: парочные, игровые, свадебные, «продольные», плясовые. И сказки.

Сегодня в 6 ч<асов> Мартынова читала второй раз лекцию. На этот раз для учителей заводомихайловской школы. После лекции были у Раисы Осиповны Горбуновой, записали от нее 12 песен.

5 марта

Утром записывали песни от Алабужевой Гликерии Филипповны (63 г<ода>). Она местная жительница, член партии, пенсионерка. Вся седая, на вид дашь 70 л<ет>, не меньше. Голос старческий, дрожащий. Записали 10 песен — все то, что записывали от Девятовой или Горбуновой.

Вечером записывали от Марии Федоровны Девятовой. Записали 27 песен — и все отличные.

6 марта

Сегодня утром ушли на лыжах в д. Пихтовики за 5 км. Нам говорили, что там хорошие певицы. Дорога была отвратительная, никакой лыжни, к тому же по ней с утра слегка прошелся трактор... Но самое плохое — сломался магнитофон. Мы собрали певиц, полная изба набралась народу, прослушали записи, сделанные в с. Завод Михайловский, а принимать звук аппарат отказался начисто. И так ни одного звука и не принял. Это очень расхолодило певиц, начали они расходиться, и удержать их оказалось невозможно. Записали 10 песен, стали на лыжи и пошли обратно.

Приближается к концу наша работа в с. Завод Михайловский. Несколько слов о селе. В Заводе Михайловском около 120 дворов. Население 650 человек. Около 100 человек работают в леспромхозе. Остальные — в школе, больнице, магазине, столовой и пр. Рабочих леспромхоза по утрам возят на машинах в лес. И постепенно лес отодвигается от села, как он уже далеко отодвинулся от г. Чайковского.

Зарботки рабочих хорошие: 100—120—150 и до 200 руб<лей> в месяц. Достаток чувствуется почти в каждом доме. Имеется большой клуб, он тоже выгодно отличается от ваньковского. Здесь часто идут фильмы, бывают танцы, готовятся концерты

Рис. 4. А. Н. Мартынова с юным жителем села Завод Михайловский. Надпись на обороте фотографии: «Может быть, будущий фольклорист?» РО ИРЛИ, р. V, кол. 106, п. 3, № 1238.

самодеятельности. Но в самодеятельности народное творчество почти не используется (разве только частушки). Песни берутся из сборников. Основную культ<урно->массовую работу ведут учителя (директор школы Иван Иванович Синельщиков — парторг села).

Расположено село в исключительно живописном месте.

7 марта

Снова записываем от Раисы Осиповны Горбуновой.

Днем позвонили в г. Чайковский, чтоб на завтра вызвать машину сюда, т<ак> к<ак> автобус ходит только 2 раза в неделю и, если мы будем ждать его, то опоздаем на самолет. Оказалось, что

8 <марта> машину в с. Завод Михайловский прислать не смогут. Пришлось заказать на сегодня.

Итак, через 2 часа мы уезжаем. Это как-то неожиданно. Конечно, за сутки много не сделаешь, но здесь еще столько можно сделать! Ну, что же, едем. Вместе с нами уезжает студентка Пермского университета Вахтомова Светлана, которая жила и работала с нами все 8 дней.

Интересна особенность этого села. Мы записали здесь 177 песен от пяти исполнительниц, а собрать их вместе не смогли. Раиса Осиповна не ходит почти никуда и поет одна. Девятова Мария Федоровна поет везде и всюду, но нет женщин, с которыми бы она пела постоянно или хотя бы часто. Дважды она предлагала совместное с другими женщинами пение, и дважды это никуда не годилось.

8 марта

Вдвоем с Зоей Ивановной выслушали поздравления Л. И. Емельянова.

Вчера в гостин<ице> г. Чайковского мы встретились с З. И. Власовой (оказалось, что Коргузалов уехал раньше). Сходили в клуб гидростроителей, попросили Лысоконя⁴⁸ прислать запись своей песни в институт.⁴⁹

А теперь — отдых. Кажется, заслуженный. Завтра утром летим в г. Пермь.

9 марта

Мы в Перми. Нигде в гостин<ицах> ни одного места. Устроились у родственников З. И. Власовой. Были в радиокomite. Оказалось, что радиопередача так и не состоялась: была потеряна первая страница текста. Нужно ее восстановить. Очень просили подготовить вторую передачу, уже по результатам этой экспедиции.

Билеты заказаны на 10 марта, значит, едем 10. 12 <марта> мы в Ленинграде.

⁴⁸ Лысоконь Александр Петрович — руководитель художественной самодеятельности клуба гидростроителей в г. Чайковском (РО ИРЛИ, р. V, кол. 229, п. 1, № 238, л. 3 об.).

⁴⁹ Имеется в виду ИРЛИ.

III

3. И. Власова

ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ЧАЙКОВСКИЙ РАЙОН ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ ЗИМОЙ 1963 г. ДНЕВНИК ГРУППЫ, РАБОТАВШЕЙ В КЕМУЛЕ

27 февраля 1963 года, с. Кемуль

После работы в колхозе им. Куйбышева (деревни Ваньки, Степаново) экспедиционный состав наш разделился на две группы: я и В. В. Коргузалов с двумя студентками-первокурсницами Пермского университета отправились в Кемуль, остальные⁵⁰ — в Михайловский Завод.

Добраться до Кемуля оказалось не просто. До Ольховки, где находится сельсовет, правление колхоза, школа-интернат, кино-театр и магазины, ходит автобус. А от Ольховки до Кемуля дорога занесена — машине не пройти. Из Кемуля вышел было бульдозер, но сломался на половине пути. Мы вышли у правления колхоза, втащили рюкзаки, магнитофон, чемодан с батареями. К нашему появлению отнеслись с интересом, сейчас же дали лошадь, не с розвальнями, а с кошёвкой! — и велели ехать одним, «без ямщика». («Отдадите лошадь конюхам на конном дворе!») Мы были обрадованы отношением, а студентки — доверием! Лиза сейчас же уселась на облучок, правда не без борьбы с Тоней Девятовой, и мы покатали по снежному ослепительно-сверкающему под солнцем полю. Через час мы были в Кемуле, только разок вывалившись.

Кемуль... Огромное село, растянувшееся на 2 километра. Уже давно показались дома «нижнего конца», а мы всё едем по верхней дороге полем. Наконец въехали в деревню, всю утопающую в снежных сугробах и заносах, но красивую и приветливую. Высоко на горе голубеет между деревьями сада беседка, ниже ее — пустующее зимой здание ясель и детского сада. Отдали лошадь и отправились с рюкзаками в здание клуба, где как раз находился председатель колхоза, его заместитель и все колхозное «начальство». Идем по улице, сопровождаемые лаем собак, бегущими детишками, которые вообразили, что «приехали артисты», и в клубе «будет концерт». Нам предложили устроиться недалеко от клуба, у Данилы Николаевича Тельнова, у него «пятистенка» и как раз из одной половины выехали квартиранты.⁵¹ Я иду договариваться с хозяйкой.

⁵⁰ Л. И. Емельянов, А. Н. Мартынова и студентка Пермского университета С. Вахтомова. См. дневник А. Н. Мартыновой с 27 февраля 1963 г.

⁵¹ В пд далее указывается, что студентки Пермского университета поселились «в доме учителей нач<альной> школы» (л. 79).

Хозяева обедают. Меня встречают приветливо, приглашают к столу. Хозяин крупный, усатый, похожий на откормленного кота, весело гудит в усы, что мы хорошо сделали, выбрав Кемуть для записи песен. «Не хочу хвалиться, а уж Кемуть по песням всегда был на славе». Хозяйка — статная, суховатая, лет 50 с лишним женщина, Домна Васильевна, показывает комнату. Тут же прибавляет, что у нее отелилась корова, молоко можно покупать у нее, и мясо, и картошки хватит. Устраиваемся неплохо.

Итак, мы в колхозе «Прикамье». В него входят три деревни: Кемуть, Ольховка, Харнава⁵² и поселок Сайгатка, почти слившийся с г. Чайковским. Колхоз крепкий, с хорошо налаженным хозяйством. Председатель его, В. Ф. Лушников, в 1958 г. окончил Пермский сельхозинститут, по специальности агроном. 4 года работает председателем. В колхозе большая животноводческая ферма, свиноферма, птицеферма, плодовый сад. У колхозников прекрасные, просторные и высокие дома, с красивыми кружевными наличниками; плотники в Кемуте свои, строить умеют прочно и красиво. Очень хорошее здание клуба, в зелени берез летом, зимой тоже выглядит нарядно. В клубе — телевизор, большой зрительный зал, небольшая библиотечка; в селе есть начальная школа. Одна из учительниц руководит кружком самодеятельности, готовят пьесы, стихи, разучивают песни. Музыкального руководителя нет, его заменяет отчасти заведующая клубом. Повидать ее не удалось, она уехала на семинар в Букор.

Мы навестили моих летних знакомых певиц М. А. Сухоплюеву и М. С. Чепкасову. Записали от них несколько песен и договорились, что завтра они соберут в 2 часа в клубе группу женщин,⁵³ часть бывшего в Кемуте самодеятельного хора, получившего в 1957 г. первое место на районном смотре в Фоках.

Выясняем известных по селу певцов. Это прежде всего сами «Мони», как зовут обеих Матрен. Каждая из них примечательна в своем роде. Матрена Савельевна Чепкасова — среднего роста женщина с испорченным оспой лицом и теплыми серыми глазами. У нее приятное лицо, несмотря на следы оспы, застенчиво мягкая улыбка. Ей 46 лет, она одинока, живет в семье младшей сестры, Елены Савельевны, помогает поднимать ее детей, вести хозяйство, работает в колхозе. Она заменяет своей сестре мать с детских лет. Мать и отец ее умерли рано. Она осталась от матери 12 лет (мать умерла от воспаления легких, отец — от кровотечения из носу (!); «никак не могли остановить, так и истёк»). «В сиротах» жилось тяжело. Всех детей осталось 5, но две

⁵² Современный вариант названия деревни — Харна́вы.

⁵³ В пд далее: «...в старинных костюмах, которые у них сохранились» (л. 79).

Рис. 5. Матрена Антоновна Сухоплюева, 62 года, и Матрена Савельевна Чепкасова, 46 лет, в традиционных костюмах. С. Кемуль. 4 марта 1963 г. РО ИРЛИ, р. V, кол. 106, п. 3, № 979.

старшие сестры были уже замужем, а двум младшим М<атрена> С<авельевна> заменяла мать. Они трое первые вступили в колхоз, потом сестры вышли замуж.

Матрена Савельевна проработала 26 лет на ферме, 18 лет дояркой, 8 лет на птицеферме. «Теперь что, все механизировано, и вода теплая, а раньше на ферме была самая тяжелая работа. В войну и корм-то на себе таскали, а стадо ведь накормить надо!» Она была одной из лучших колхозниц, почти ежегодно получала премии. Постоянная делегатка районных слетов, постоянно «выбирали в президиум» на своих колхозных собраниях.

Петь М<атрена> С<авельевна> любит «смолоду», у нее красивый, чистый голос, песен она знает много, поет их «с душой», отлично помнит весь свадебный цикл, ни одна свадьба в Кемуле не обходится без приглашения «Федоровых сестер», как зовут обеих Матрен.

Несколько лет назад у М<атрены> С<авельевны> начались нервные припадки, сопровождающиеся потерей сознания. Она продолжает работать в колхозе зимой и летом, но уже робко начинает настаивать на пенсии. При нас она подала заявление в совет бригады. К ее заявлению отнеслись с уважением, обещали обсудить, похлопотать перед правлением колхоза.

Но вообще с пенсиями в колхозе дело обстоит плохо. По словам председателя, 46 человек нуждаются в пенсии, все — люди преклонного возраста, «положившие жизнь» на работу в колхозе. А колхоз не располагает такими фондами, чтобы сразу всех удовлетворить. Вот и работают, пока могут. В селе много одиноких женщин, сыновья и мужья которых погибли в В<еликой> Отечественной войне, почти все они существуют на небольшое пособие, выплачиваемое за сыновей. С выдачей пенсий в колхозе плохо, и пример тому — другая замечательная певунья села — Матрена Антоновна Сухоплюева. Это старейшая коммунистка села. До революции вся семья ее батрачила. В 1917 г. отец сразу примкнул к большевикам, был членом комитета бедноты; в 1918 г. его расстреляли колчаковцы. М<атрена> А<нтоновна> после гибели отца осталась с матерью и братом. Они первыми вступили в колхоз. Брат погиб во время Финской кампании в 1939 г. До революции не было ни земли, ни усадьбы. В колхозе М<атрена> А<нтоновна> работала сначала рядовой, потом звеньевой, садоводом, бригадиром; вела огромную общественную работу, помогала в распространении облигаций гос<ударственных> займов, участвовала в колхозной самодеятельности. В 1935 г. она была делегаткой в числе 30 чел<овек> от Пермской области на слет колхозников-ударников, была в Кремле, видела членов Политбюро Ц<ентрального> К<омитета>.⁵⁴

До сих пор она бережно хранит вырезку из журнала, где сфотографирована «рядом с Калининым!» (показывает обложку книги «II-й Всесоюзный съезд колхозников-ударников»). Сейчас М<атрене> А<нтоновне> 62 года, она еще работает, «где может», а пенсии не получает. Один сын — бригадир, но у него на руках большая семья; другой — инвалид; по несчастному случаю попал под машину и теперь — месяц дома, да <месяц>⁵⁵ в больнице. Работает одна сноха, но у той еще и дети. Матрене Антоновне трудно и как-то обидно: «Всю жизнь я работала, и в колхозе, и на партийных делах, и всё как-то — как не было. Всегда в президиум выбирали; где какое собранье — всё меня. А теперь вот — и пенсии не имею». «Я со своей-то активностью и неч⁵⁶ жила, почитали меня», — добавляет она, как бы смутившись, что высказала все свои жалобы на жизнь.

Возвращаясь от М<атрены> С<авельены> и М<атрены> А<нтоновны>, мы заходим в клуб. Там открытое партийно-комсомольское собрание по вопросу об изменениях в системе гос<у>

⁵⁴ В ркп изначально было написано: «видела и разговаривала с членами Политбюро ЦК» (л. 7 об.).

⁵⁵ В ркп: «месяц дома, да дома в больнице» — по всей видимости, описка (л. 8).

⁵⁶ «Нечо» — ничего, хорошо.

дарственного> контроля в бригаде № 1 (с. Кемуль). Выясняем, что в Кемуле неплохая парт<ийная> организация и активная комсомольская группа. На собрании подняли вопрос о благоустройстве села: деревянные мосты через р. Кемульку не годятся при современной с<ельско>хоз<яйственной> технике, быстро изнашиваются. — Надо подумать над этим, — говорят колхозники.

Комсомольцы⁵⁷ требуют, чтобы до Кемуля ходил автобус. Говорят о ремонте школы, о противопожарных мероприятиях, о налаживании постоянной телефонной связи. После собрания многие остаются слушать выступление Н. С. Хрущева⁵⁸ перед избирателями по телевизору, а потом концерт из столицы. Вечером соседка рассказывает хозяйке свои впечатления: «Долго вчера Хрущев-от говорил. Под конец-от закашлял уж. Про штаны опять чо-то зачал: пуговиц-де надо. Штаны-де без пуговиц держаться не будут. А солдату это нельзя: ему то ли оружье держать,⁵⁹ то ли штаны». Хозяйка: «Дак ведь это он чо-небудь к делу говорил».

28 февраля

С утра обошли ряд адресов. Выяснилось, что один из замечательных певцов деревни, Павел Клем<ентьевич> Чепкасов простудился на Масленице. Он лежал на полатах, лохматый, весь помятый, с температурой. Бабка его лежала на печи. При нашем появлении он, кряхтя и кашляя, слез в полушубке, но по его виду сразу стало ясно, что никакой речи о песнях быть не может. К врачу он не обращался. Мы оставили таблетки сульфадимезина и просили его лежать, а бабушку — лечить его и обязательно вылечить до нашего отъезда. К другому певцу, Кириллу Ефимовичу, мы даже не пошли. Его «хозяйка» пришла к нашей и пространно объяснила, что он до Масленицы очень был болен, а на Масленице «перехватил» и теперь не встает. Третий певец из этой же компании (первые два — двоюродные братья) Харлам Яковлевич Макаров уехал на базар в г. Чайковский и вернется только 2 марта, в субботу.

Мы немножко приуныли. Уж очень нам хвалили этих братьев Чепкасовых и Харлама Яковлевича. Зашли к Афанасию Павловичу Кузьминых. Один он петь не стал, «песни такие, на голоса поднимать надо», но назвал около десятка песен из своего репертуара и пригласил прийти к нему потолковать еще раз. Среди названных им песен есть очень интересные: о разорении Москвы Наполеоном («Был я на горе») и просто неизвестные по

⁵⁷ В ркп: «колхозники-комсомольцы», первое слово зачеркнуто.

⁵⁸ Никита Сергеевич Хрущев (1894—1971) — первый секретарь Центрального Комитета КПСС с 1953 по 1964 г.

⁵⁹ В пд: «дёржать».

запеву. В. В. Коргузалов подробно выспросил его «про жизнь», записал его биографию.

В 2 часа началась запись в клубе от женщин; было 5 человек; исполнение на редкость хорошее, чистые голоса, четкий рисунок мелодии; высокая по сравнению с другими деревнями района, культура хорового исполнения. Записали 13 свадебных и круговых песен, записали на магнитофон часть песен, взятых мной у этих же певцов летом.

Затем женщины заторопились «стряпать», «кормить скотину», готовить ужин и пр<очее>. Мы условились собраться снова в 2 часа в клубе на следующий день.

Дома нас ждала встреча с корреспондентом областного радио из отдела с<ельского> хоз<яйст>ва. Он желал бы побеседовать с нами и записать беседу на магнитофон вместе с некоторыми образцами записанных нами песен.

В клубе состоялся общественный суд над «расхитительницей общественного добра» (пропал мешок гречи). Нам хотелось пойти, но из-за беседы с корреспондентом мы на суд не попали.

В 10-м часу вечера я одна зашла в клуб. Группа молодежи пристроилась у телевизора. Две пары танцевали в пальто под патефон. Несколько девушек и ребят наблюдали. Я спросила их о частушках, песнях, загадках. Засмеялись: «Вам летом вон сколько загадывали, что, всё уже отгадали?» — «Это у ребятшек да у старух надо спрашивать». Поговорили об отношении к песням, старым и новым. Результаты обычные и малоинтересные: старые песни не любят, не поют, не понимают: «я и слов-то не разберу, тянут что-то». Частушки не поют. «После войны еще пели», «Это у баб надо спрашивать, они пьяные такие⁶⁰ поют!» Почти все учатся, и всем хочется вырваться из колхоза.

Завтра в клубе намечена репетиция и опять общее собрание в связи с письмом-обращением Заглады.⁶¹

Дома хозяйин и хозяйка интересно рассказывали о прошлом и настоящем Кемуля. В прошлом Кемуть — большое село (270 дворов!), «шибко богатых не было, а жили с достатком». В селе было 4 магазина, большая церковь, церковно-приходская школа. Выращивали много льна и конопли, семена их, а также

⁶⁰ В ркп слово «такие» подчеркнуто; очевидно, таким образом обозначен интонационно-смысловой акцент фразы.

⁶¹ Загледа Надежда Григорьевна (1894—1977) — советская колхозница, ударница, звеньевая полеводческого звена колхоза «Первое Мая» Черняховского района Житомирской области Украинской ССР (1929—1972); Герой Социалистического Труда (1961), заслуженный работник сельского хозяйства Украинской ССР (1974). В конце 1950-х—начале 1960-х гг. Н. Г. Загледа многократно выступала в советской прессе и по радио с патристическими призывами к различным социальным и профессиональным группам людей на темы любви к труду, тяги к знаниям и т. п.

муку и гречневую крупу возили на продажу. У многих были свои маслоделки (и сейчас еще в колхозе сохранилось «4 штуки»); масло льняное и конопляное — также предмет продажи. Ездили на лошадях в г. Сарапул (28 км от села через Каму), в с. Сайгатку, где бывали большие ярмарки.

Селу насчитывают лет 400: «Прадеда я не помню, — говорит Д. Н. Тельнов, — ему уж лет сто было, дак он ишо про деда своего рассказывал, тот тожэ тут родился. А ить старики-те жили подолгу, по сту лет и боле».

По словам Дан<илы> Ник<олаевича>, на месте Кемуля были болота и тайга. Кемуль, по словам стариков, — это камыш; «камышей тут было много»; речка поэтому — Кемулька. В десяти километрах от Кемуля, вернее, от места, где возникло село, было другое большое село — Рычино. Из него выехало несколько семей и поселилось на месте, где теперь Кемуль. Вырубили тайгу, «осушили место». Рычино существует и теперь, но в нем — дворов 10.

В селе Кемуль многие занимались извозом. «Водку возили из Сарапула в Осу; бывало до 100 подвод в селе ночевало чужих ямщиков только».

В селе есть свои плотники, портные, «катавалы». Некий Александр Максимович делает плетеные из ивовых прутьев «кашики» (шумовки) и корзины. (В момент нашего пребывания в Кемуде он уехал погостить к дочери.) Раньше много и красиво ткали. Сейчас еще сохранились у многих ткацкие станки «крóсна», но ткут на них только половики. Льна стали сеять мало. Плели раньше (вернее, ткали) красивые узорные пояса.

Сам Данила Николаевич Тельнов (56 лет) из бедной батрацкой семьи. Семья была 9 человек, а земли — полторы десятины. Весь век жили в работниках. «Хозяева хлеба и всего давали. Вот у Вахрамея зиму и лето всей семьей работали». Сейчас Д<анила> Н<иколаевич> живет в просторной «пятистенной» избе, на стене висят полученные им в колхозе за хорошую работу почетные грамоты. Каждое утро он исправно уходит в 9<-м> часу на «разнарядку», работает в бригаде, «куда пошлют».

Наши студентки отправились в Ольховку записывать «новые песни». Пошли пешком, хотя начиналась небольшая метель. Собираются пойти в школу и записывать частушки и песни от старшеклассниц. В Кемуде они просто дублировали наши записи. Лиза еще училась записывать. Тоня помогала ей, сама она записывает быстрее, хотя не все слова схватывает, особенно в протяжных песнях.

1 марта

Утром я пошла, как и наш хозяин, на «разнарядку» в домик возле конного двора — «бригадирскую». Там собралось человек

12 мужчин, там же были председатель и бригадир. Я пристроилась в уголке и, объяснив, что хочу поговорить с зав<едующим> фермой (бывшим руководителем Кемульского хора), начала слушать. Ветеринар объясняла председателю, что новые родилки для коров оказались очень холодные и лучше устроить их в новых, теплых помещениях фермы. Мужчины вмешивались в разговор, внося разные уточнения и каждый свое мнение. Председатель обсуждал также, где лучше поставить котлы для кипячения воды и сам набрасывал чертеж котельной. Вошла женщина, проработавшая один день на свиноферме, и плачущим голосом начала рассказывать, как она боится маленьких поросят, она просила, чтобы ее перевели на телят. Колхозники принялись дружно ее урезонивать. Поговорить толком с М. А. Чепкасовым не удалось. Услыхав о хоре, он замахал руками, у него коровы телятся, не до того. «Время сейчас такое», — извинился он и исчез.

Секретарь парторганизации⁶² — Ив<ан> Ем<ельянович> Серпов.⁶³ Он предложил вечером перед собранием прочитать колхозникам лекцию и рассказать о нашей работе. Назначили лекцию на 8 часов.

Все начальство озабочено тем, что ко дню выборов дорога в Кемуль не расчищена. Бульдозер пошел было, но опять сломался, а в магазин должны привезти много товара. Послали несколько подвод.

На обратном пути спрашиваю ребятешек о<б> играх и загадках. «Пятнашки» у них называются «заяпанки», загадки не говорят: «А ты нам загадай». Но уже пора спешить в клуб.

В два часа снова записываем в клубе песни от тех же женщин. Елена Архиповна Юркова приглашает к себе вечером, после собрания. Я бегу в 5 часов домой, чтобы успеть подготовиться к лекции. Но, увы! В магазин привезли «на двух подводах» водки и пива, кренделей и бубликов, булочек и пр<очее>. Народ кинулся в магазин, возникла огромная очередь; собрание не состоялось, лекция также.

Мы отправились к Елене Архиповне. Елена Архиповна Юркова — женщина 44 лет с приятным приветливым лицом, открытой улыбкой, хохотунья, певунья.⁶⁴ Она немного полновата и очень миловидна. Знакомство с ней было своеобразным. «Вы завтра Елену пригласите в клуб, как в бригадирской будете, — сказала мне Матрена Савельевна. — Она там техничкой робит». Я спросила в бригадирской о Елене Архиповне, и Василий Яковлевич, бывший пред<седатель> колхоза, сейчас садовод, живо отрядил за ней какого-то маленького полусогну-

⁶² Парторганизация — партийная организация.

⁶³ В пд: Сизов (л. 80 об.).

⁶⁴ См. рис. 7.

того человечка, уже очень немолодого. Я догнала его, и мы пошли вместе.

Перейдя наискось поле и р. Кемульку, попали в «Нижний конец» села. Елена Архиповна орудовала ухватом у топящейся печки. «Тебя в бригадирской требуют», — сказал мужичок, он был совсем глухой и, оказывается, ничего не понял из объяснений.

Я назвала хозяйку по имени-отчеству, представилась сама и пригласила ее прийти в клуб. «Хорошо, — ответила она спокойно, — я приду». Ни удивления, ни шуток, ни конфузливых смешков. И она пришла, а потом очень хорошо пела, обнаружила богатый песенный запас, не всегда известный ее подругам, хороший слух и память.

Мы пришли к ней вечером. Изба была чистая, пол устлан половиками. Белые занавески у окон, у печки, белые покрывала на кроватях; карточки в рамках по стенам, цветы на окнах.

Пришла также и Матрена Антоновна. Вдвоем они напели нам множество песен и пригласили приходить на следующий день с утра, они будут делать пельмени и петь, а мы записывать; а потом мы все вместе попробуем «кемульских пельменей». От такого радушного приглашения нельзя было отказаться, мы поблагодарили и обещали прийти с утра. В залог нас просили оставить магнитофон с вечера. Это было хорошо, т<ак> к<ак> мы вышли в страшную метель. Дорогу замело совершенно, и мы проваливались частенько, потеряв дорогу, но мы были под впечатлением слышанного и виденного, и дорога показалась короткой.

Судьба Ел<ены> Арх<иповны> оказалась (это как правило у наших исполнительниц!) очень нелегкой.

Родного отца она не смела признать. Он был «из кержаков», «согрешил» с ее матерью, когда та была в девушках, а мать ее была мирская, и о браке не могло быть речи. «Отец мой роднот — баскушкой был молод-от, да и теперь ишо нечо!» Мать вышла замуж за Архипа Юркова, тот согласился взять ее и беременную (хороша, видно, была мать Елены Архиповны). Елена Архиповна появилась на свет «в бане». Мать ее рано умерла, отчим женился снова, Елене Архиповне было тогда 7 лет; ее не выгнали, стали держать как работницу, т<ак> к<ак> отчим женился на этот раз на богатой, хозяйство было большое, скота много. Держали ее плохо, работать заставляли много, жестоко били. Были случаи, когда девочка, боясь очередной расправы, ночевала в поле или в огороде. В 1930 г. отчима из-за мачехи раскулачили, и Е<лена> Арх<иповна> [в] 12 лет осталась одна. Дом отдали ей. Она рвала летом лен в колхозе, а зимой пошла в школу, сразу во 2-й класс, т<ак> к<ак> читать выучилась самоучкой, «несмотря на батрацкую жизнь». Она окончила 4 класса, а с 14 лет пошла работать на ферму, пасла свиней. Так пробыла «свинопасом» три года, а 17<-ти> лет вышла замуж. Через два

с половиной года мужа взяли в армию, потом началась «финская война», и он погиб в 1939 г. Елена Арх<иповна> осталась одна с 4-месячной дочкой и продолжала работать на ферме, уже дояркой. Она проработала на ферме 20 лет, из них самыми тяжелыми были военные годы. «Один раз бригадир Кибардин за ноги с печи сволок от малинького робёнка — некому было ехать с семенами в Сосново. Робёнок в ясли, а меня с подводами на троё суток. Домой-то приехала, — робёночек жив, а овцы и курицы все пропали с голоду, некто не догадался покормить их без меня. — Нонче на ферме-то можно робить, вода тебе теплая тут и всё, а мы сами пилили и кололи, тёплым поили коров. Теперь вот каждая косточка болит».

30 июня 1962 г. Ел<ена> Арх<иповна> поехала за силосом на тракторных санях. Трактор и сани поднимали тучу пыли. Женщины сидели на санях. Еще садясь на сани, Ел<ена> Арх<иповна> заметила в них дыру и подумала: «в эту дыру кто-то попадет». И когда трактор пошел, она неловко повернувшись, упала. В туче пыли это не сразу заметили, ее тащило под санями 50 метров, переломило обе ключицы, изувечило ногу. 18 дней она лежала без движения, «уколами только и держалась», потом полгода провела в больнице. Работать на ферме она уже не может, ее устроили в бригадирскую техничкой. Но мыть пол ей тяжело.

Ел<ена> Арх<иповна> поражает какой-то жизненной цепкостью, стойкостью характера, сочетающимися с огромным каким-то радостным жизнелюбием. Песни она любила и запоминала с первого раза. «Памятливая была», — даже мачеха ее удивлялась этому и сердилась. Пела Ел<ена> Арх<иповна> много, хоть и жила трудно. Но совершенно поразило меня то, что ее родным отцом оказался Чепкасов Кирилл Ефимович, о котором нам в деревне прожужжали все уши и который лежит больной, по словам его жены. Мне захотелось повидать его вдвое сильнее. Во-первых, многие бабы говорили о его красивой внешности, голосе, мастерстве песенном и плотником; во-вторых, несомненно, он передал свой талант певца Ел<ене> Арх<иповне>, интересно было сравнить их манеру пения, их репертуар. В-третьих, хотелось узнать об отношении отца к дочери от него самого. С этими мыслями мы и вернулись домой.

2 марта

Утром корреспондент получил-таки от нас «интервью». Пришла наша очередь «записаться на магнитофон». В<севолод> В<ладимирович> обстоятельно характеризовал особенности местной песенной культуры, я кратко сказала о задачах и цели нашей работы.

Отправились к Ел<ене> Арх<иповне> «на пельмени». Там уже они всю хозяйничали с Матр<еной> Антоновной.

Всеволода Вл<адимировича> усадили лепить пельмени. Я схватилась за тетрадку и карандаш. Угощали нас отменно, пельменями и брагой. Песни записали редкостные и много. Писали до 3 часов. Потом помогли Ел<ене> Арх<иповне> навести порядок в бригадирской. В<севолод> В<ладимирович> таскал нам воду, мы быстро вымыли пол. Заглядывавшие в дверь мужчины ахали: «Ленинградцы-то! Ну брат, теперь держись!» Вечером М. А. Сухоплюева очень приглашала прийти на празднование дня рождения ее снохи. Но мы отказались, т<ак> к<ак> на вечер были приглашены к хозяину двое певцов. Один из них, Харлам Яковлевич, вернулся из Чайковского, был навеселе, обещал обязательно прийти, даже прокатил нас по деревне в розвальнях. Но... жена приготовила баню, и после бани он предпочел отдохнуть. Мы не были на него за это в претензии, человек целый день был на морозе.

Пришел Аф<иноген> Клем<ентьевич> Чепкасов, брат Павла Клементьевича и двоюродный брат Кирилла Ефимовича. Среднего роста, коренастый, с крупными чертами лица и очень простоватым видом. Вдвоем с хозяином они спели нам несколько песен, но больше рассказывали.

Выяснилось, что в прошлом Кемуть славился и сказочниками, назвали до 10 исполнителей, но в живых один. «Вам бы приехать к нам лет на 10 раньше!» Этот единственный оставшийся в живых сказочник приходится родным дядей Харламу Яковлевичу, бондарь по профессии, но живет в лесу, гонит смолу, проезжей дороги к нему нет. А хорошо бы к нему добраться!⁶⁵ Как выяснилось, большой певицей является и наша хозяйка; Домна Васильевна помнит много редкостных песен, и о «разоренье Москвы» знает; голос у нее еще очень хороший, но петь отказалась: «Вот уж в выборы⁶⁶ разве, выпью дак». Зато мужу и Афиногену Клем<ентьевич> она все время подсказывала песни и слова.

Мы опять загрустили по случаю болезни Кирилла Ефимовича. Хозяин, усмехаясь в усы, пробубнил: «Ладно, вот завтра я вам всех певцов позову. Напоют вам. Хозяйка вон пельменей надела, браги бидончик стоит». Мы начали объяснять, что не можем записывать пьяных, плохо получается. Хозяин сказал, что пьяные не будут, а по стакашку поднесет «для смелости».

Харлам Яковл<евич> обещал также в 12 часов прислать нам своих дочерей с подружками, как только они приедут домой, одна из школы, другая из техникума. Аф<иноген> Клем<ентьевич>

⁶⁵ В пд: «Вот бы к нему попасть! А попадем ли? На завтра пригласили девочек 14—15 лет петь песни и частушки. Вечером — намечен мужской хор. А как же сказочник? Когда?» (л. 80 об.).

⁶⁶ Имеется в виду: в день выборов, 3 марта.

собирается пойти на выборы к 6 утра, «там и почту раздам» (он работает почтальоном).

3 марта

С утра хозяин побежал обходить всех певцов и своих родных, приглашая в гости. Он прибежал, рассказывал, кого пригласил, и сообщал нам: «Я сказал, что сперва шибко подавать не буду; люди с делом приехали, дело государственное». Мы ушли голосовать,⁶⁷ когда в избу уже стал собираться народ. Вернувшись, я сразу обратила внимание на прямо-таки изящную внешность красивого седого старика с тонкими чертами лица, молодыми и озорными глазами, с вьющимися усами и бородой, сидящего на лавке у окна. «Кто это?» — побежала я к хозяйке. — «Да Кирилл Ефимович!» — «Как?!» — Я ахнула и побежала к Кириллу Ефимовичу знакомиться. Я объяснила ему наши намерения и возлагаемые на него надежды. Он держался приветливо и как-то скромно. «Не знаю, понравятся ли вам наши песни». Потом разговорился, и вот что выяснилось: старуха у него просто вредная и до ужаса ревниво к нему относится, а он не так уж и болен. Петь он любит: «в семье я такой вырос»; брат и отец его считались лучшими певцами села. Жили они довольно справно, но детей грамоте не учили. Читать и писать Кирилл Еф<имович> выучился «самоуком», в 1917 г. «был призван» и служил в гвардейском Финляндском полку в Петрограде. «Керенского тожé я своими глазами видел. Когда его спехнули, дак тогда демобилизовали нас». Позже участвовал в гражданской войне, а в <19>31 г. должен был быть раскулачен, но уехал в Западную Сибирь, а в 1935 г. вернулся и работал в колхозе. Кир<илл> Еф<имович> — хороший плотник. 23 января 1942 г. он был мобилизован и до конца войны работал в стройбатальоне в Закамске; 15 октября 1945 г. был демобилизован и опять продолжал работать в колхозе плотником. У него три сына и дочь. Старший сын и дочь работают в колхозе, средний сын — инженер, гордость семьи, работает на Воткинской ГЭС, младший учится в сельхозтехникуме. Теперь Кир<илл> Еф<имович> на пенсии, читает Гоголя («Тараса Бульбу»), газеты и журналы, читает с интересом купленную нарочно «Историю гражданской войны». До 1962 г. получал пенсию. «Теперь отказали: сыновья де большие, помогут!»

Записывали песни до обеда, затем хозяйка, объявив, что все уже «перепрело», пригласила всех к столу. К нам пришли девочки 14—16 лет, мы записали от них несколько песен и частушек, затем снова пошли к гостям. Записали много песен, очень разных. Мы удивлялись обширности репертуара и его своеобразию: здесь

⁶⁷ 3 марта 1963 г. проходили выборы в Верховный Совет и местные Советы депутатов трудящихся РСФСР.

интересное сочетание общерусской, точнее средневолжской традиции с северной, печорско-мезенской. Сколько песен, известных мне только по собранию Киреевского и Якушкина и казавшихся давно «умершими» в памяти народной, удалось услышать в таком вот живом и естественном исполнении! Скоро мы отказались от записи на магнитофон, гости сильно подвыпили, исполнение стало хуже, прерывалось возгласами, слова исчезли в шуме и разговорах. Я, однако, старалась услышать и записать все, что поют, потом можно будет попросить спеть еще раз.

После небольшого перерыва хозяева начали настойчиво приглашать в гости к Кир<иллу> Ефимовичу. Отправились туда. Хозяин, увидев нас, вышел за ворота без шапки, седой, красивый — и поклонился в пояс. Нас усадили, начали угощать, потом запели. Поднося гостям, хозяйка и другие женщины пели величальные свадебные. О нас скоро забыли. В. В. Корг<узалов> сидел в переднем углу, толковал о чем-то с двумя стариками. Хозяин сел рядом со мной, рассказывал о детях, показывал их карточки, вспоминал свою службу в Петербурге в Финляндском полку, Васильевский остров, весь как-то молодец и скулы у него порозовели. Он разошелся, да и все тоже, он начал сам запевать, и, хотя гости уже охрипли, но пели долго, и много, и хорошие песни. Особенно хорошо пела жена Харлама Яковлевича — Агафья Вахрамеевна, а вместе с ним — еще лучше. Потом хозяин начал уговаривать нас остаться ночевать у него, но я поблагодарила и отказалась. Тогда Харлам Яковлевич с женой начали тащить меня к себе и дотащили до дому, но я объяснила, что хозяйка моя тогда обидится, и вернулась. По дороге зашла в клуб, там еще горел свет и сидели за столом члены комиссии, но все уже проголосовали.

4 марта

Утром обошли наших протрезвевших певцов и попросили их собраться вечером у Павла Клементьевича, чтобы записать на магнитофон подслушанные вчера песни и часть новых, что споют. Потом записывали песни от хозяина с хозяйкой, пока они их пели; пришли их всевозможные родственники — фотографироваться; мы зашли также к М<атрене> С<авельевне> Чепкасовой сфотографировать ее в старинном костюме, какой носили в Кемуде еще в <19>20-х годах,⁶⁸ там, конечно, была и другая, Матрена Антоновна, и еще множество молодых и старых женщин, детей и подростков. Все захотели фотографироваться, потом, без наших просьб, начали петь (продолжалось празднование дня выборов), пошли по кругу стаканы с брагой. Мы извинились и ушли, пора уже было идти к Павлу Клементьевичу.

⁶⁸ См. рис. 5.

Рис. 6. Песельники с. Кемуль. В первом ряду слева направо: Кирилл Ефимович Чепкасов, 65 лет, Афиноген Клементьевич Чепкасов, 49 лет, Павел Клементьевич Чепкасов, 65 лет. Во втором ряду слева направо: Харлам Яковлевич Макаров, 54 года, Данила Николаевич Тельнов, 56 лет. 4 марта 1963 г.

РО ИРЛИ, р. V, кол. 106, п. 3, № 993.

Наши певцы собрались исправно, чистые, трезвые. Писали от них много, потом хозяйка начала варить пельмени и не отпустила нас, не угостила. Павел Клем<ентьевич> с братом спели свою любимую «Там на гори, там женци жнуть», Харлам Яковл<евич> с женой — свою любимую «Из под белыё берёзки», а Кирилл Ефимович один спел «Вы поля ли поля...». Жена его не поет, но пришла тоже — стеречь, наверное, своего старика.

Братья Чепкасовы из многодетной семьи, оба неграмотные, но выучились читать: Пав<ел> Клем<ентьевич> — самоучкой; Афиног<ен> Клем<ентьевич> закончил два класса ликбеза. Петь любят с детства, учились у отца и матери. Родители пели хорошо; родители занимались извозом, дед и прадед — ямщики, ездили по тракту Оса—Сарапул, возили товары в Осу. Пав<ел> Клем<ентьевич> участвовал в I мировой войне, дошел до Румынии, потом 3 года служил в Красной Армии, после демобилизации работал в колхозе («больше на сушилке»), в 1942 г. был мобилизован и работал на заводе в Нижнем Тагиле, в 1945 г.

Рис. 7. Песельницы с. Кемуль. В первом ряду по центру: Агафья Вахрамеевна Макарова, во втором ряду слева: Елена Архиповна Юркова, 44 года. 4 марта 1963 г. Надпись на обороте фотографии: «Женский хор на семейном празднике».

РО ИРЛИ, р. V, кол. 106, п. 3, № 888.

сломал руку и был «уволен домой». Сейчас колхозник-пенсионер, но с 1962 г. пенсию не получает.

Афиноген Клементьевич до 1937 г. работал на лесочастках и торфоразработках. В 1937 г. вступил в колхоз, был «рядовым» колхозником, но «больше плотничал». 1 июля 1941 г. был мобилизован и в том же году ранен («руку мне перебили» — он засучивает рукав, показывает шрамы: «Всю руку обтыкали иголками»), лечился в госпиталях Свердловска и Новосибирска, 7 месяцев провел дома («по ранению»), снова был призван в армию, воевал на Курско-Орловском направлении, демобилизован в 1945 г. В колхозе 8 лет возил горючее, а последние три года работает почтальоном.

Не менее характерна биография Х<арлама> Я<ковлевича> Макарова. Он из бедной семьи (погорельцы), у него два брата и сестра, семья небольшая, но жили плохо. Всю зиму рубили и возили дрова на продажу в Сарапул. Сам Х<арлам> Я<ковлевич> неграмотен; был в школе две недели, умеет расписаться (мать его изувечила руку, а он был старший в семье — и со школой было кончено). Работал в колхозе еще подростком и, несмотря на отсутствие всякого образования, освоил молотилку, стал механи-

затором в колхозе. 30 августа 1941 г. был мобилизован, воевал в пехотных частях Тимошенко, на Калининском фронте, был ранен в ногу и раненый захвачен в плен; он был в 14 концлагерях, пережил три года и одиннадцать месяцев страшного лагерного режима, в 1945 г. в числе других 50 человек был направлен в «работники» к немцу-фермеру, работал у него два месяца, затем «место это заняли канадцы»; Х<арлам> Я<ковлевич> с помощью союзников попал снова в советскую армию; в 1945 г., 25 декабря был демобилизован и работает в колхозе 17 лет углежогом.

5—6 марта

Утром мы начали складываться и прощаться с хозяевами. В 11 ч<асов> за нами подъехала лошадь, и мы простились с Кемулем с надеждой, что еще раз вернемся сюда поработать. Мы торопились попасть в Чайковский, чтобы успеть съездить в Воробны и Сосново. Однако В<севолод> В<ладимирович> получил тревожные вести из дому и 6<-го> утром улетел в Пермь с билетом Чайков<ский>—Л<енингра>д на самолет, а я осталась смотреть архив райисполкома и газетные подшивки в городском парткабинете, решив вечером выехать в Сосново. Вечером ко мне в гостиницу пришла зав<едующая> клубом из Букора, и я отложила поездку, чтобы обо всем ее расспросить. Я узнала, что летняя моя знакомая исполнительница, прекрасная певица Варвара Гордеевна Комова тяжело больна и не встает с постели. Узнала о делах в клубе, вернее, об отсутствии их.

[7—10 марта]

7 [марта]. Смотрели стенгазеты на ГЭС (упр<авление> шлюза), 8 [марта] — подшивку газет в парткабинете. 9 [марта]. Вылетели в Пермь. 10 [марта]. Выехали в Л<енингра>д.

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРОВ

ЗАПРЕЩЕННЫЕ ПЕСНИ: К ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДСКОГО ФОЛЬКЛОРА В 1920-е гг.

(ПЕСНИ В ЗАПИСИ Л. В. ДОМАНОВСКОГО
ИЗ ФОЛЬКЛОРНОГО СОБРАНИЯ РО ИРЛИ)¹

Публикация и комментарии Н. Г. Комелиной

Работа, предлагаемая вниманию читателей, — продолжение публикации материалов папки «Особое хранение» Фольклорного собрания Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург).² Особое хранение предполагало, что определенные фольклорные материалы не выдавались посетителям архива по политическим либо этическим причинам. Тематически материалы папки «Особое хранение» разбиваются на три блока: политический фольклор, «мещанский» и блатной, эротический. Коллекция № 193 была сформирована в 1969 г. Практически все тексты, хранящиеся в этой коллекции, представляют собой записи городского фольклора. Политических мотивировок помещения городских песен в спецхран нет, поэтому можно предпо-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук «Запрещенный фольклор в истории советской науки» МК-3884.2014.6.

² См.: *Комелина Н. Г.* 1) «Репрессированные архивы»: К постановке вопроса // От конгресса к конгрессу : Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов : Сборник докладов. М., 2010. Т. 1. С. 279—288; 2) Политический фольклор из «Особого хранения» фольклорного фонда Пушкинского Дома // Русский политический фольклор : Исследования и публикации. М., 2013. С. 306—401.

ложить этические и эстетические причины изъятия песенного фольклора из основного хранения.

В преамбуле автор данной публикации предпринимает попытку ответить на вопрос, почему фольклористов 1920-х гг. особенно привлекал городской фольклор и почему записанные ими тексты были позднее помещены в «особое хранение». В связи с этим пристальное внимание будет уделено истории становления социологического подхода в отечественной фольклористике 1920-х гг., в частности рецепции теории немецкого ученого Ганса Наумана в России.³

После революции 1917 г. изменяется отношение к народу; соответственно расширяется и представление о фольклоре. «Освобожденный народ» — это крестьяне и рабочие. Если раньше «народ» в целом отождествлялся фольклористами с крестьянством, то теперь в связи с гегемонией пролетариата в революционной борьбе ученым пришлось корректировать свое отношение к понятию «народ».

Д. Бранденбергер в статье «Сталинский популизм и невольное создание русской национальной идентичности» отмечает разницу в отношении к категории «нация/народ» в 1920-х и 1930-х гг. Он пишет: «Как известно, большевики были непреклонны в подчеркивании приоритета классового сознания над национальным. <...> Русский национализм, в частности, казался настолько серьезной угрозой для молодой республики Советов, что любые позитивные упоминания русскости в 1920-е годы непременно осуждались: в них видели проявления „великодержавного шовинизма“, отсылающего к царской эпохе. Нерусский национализм в тот период также осуждался».⁴ Социологизм в этнографии и фольклористике 1920-х гг. связан, по-видимому, с упомянутым приоритетом класса над нацией.

Фольклор в научном дискурсе 1920-х гг. понимался двояко. С одной стороны, он мог выступать в исследовательском восприятии как трансляция угнетаемыми классами «спущенных сверху ценностей», согласно теории Ганса Наумана (см. ниже). С другой

³ Не хотелось бы преуменьшать роль других школ и тенденций: в 1920-е гг. продолжали свою деятельность авторитетные научные общества (в частности, Русское географическое общество), а также ведущие фольклористы и этнографы, представлявшие различные течения отечественной фольклористики (Н. Е. Ончуков, Д. К. Зеленин и мн. др.). Рассуждения о социологическом подходе в советской фольклористике и теории «спущенных ценностей» в настоящей статье относятся к городской песне и не затрагивают проблематики, связанной с иными жанрами фольклора.

⁴ Бранденбергер Д. Сталинский популизм и невольное создание русской национальной идентичности // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78). <http://magazines.russ.ru/nz/2011/4/br4.html>. Дата обращения: 08.07.2014.

стороны, «круг объектов фольклористики» включал «материальный и духовный быт культурно-отсталых народов».⁵ В работах 1920-х гг. классовый подход применялся во многих исследованиях, так как был основой марксистской социологии.

Академик С. Ф. Ольденбург полагал: «Взаимодействие между различными социальными средами есть явление не менее важное, чем взаимодействие между расами и народами».⁶ Е. Г. Кагаров в статье «Что такое фольклор» утверждал, что «социологический подход к фольклористике и на западе и у нас упрочивается с каждым годом все сильнее и глубже. Филология и социология — вот те две основные оси, вокруг которых неизменно должны будут вращаться фольклористические изучения».⁷ Статья Ю. М. Соколова 1926 г. «Очередные задачи изучения русского фольклора» носит императивный характер и направлена на социологизацию фольклористики. Ученый пишет: «Остро ощущается в настоящее время недостаточная углубленность исторического метода в направлении социологической или, точнее, классовой и историко-экономической разработки».⁸ И далее: «новые требования современной науки, и самый фольклорный материал настойчиво толкают на планомерное и всестороннее применение социологического метода».⁹

Социологическое направление в фольклористике 1920-х гг. было поддержано теорией Ганса Наумана.

По утверждению Ю. М. Соколова, «советские фольклористы ознакомились с этими книгами [Ганса Наумана. — *Н. К.*] лишь к 1926 году».¹⁰ В письме к М. К. Азадовскому (1927) он сообщает: «Недавно была в Москве Н. М. Элиаш и поделилась впечатлениями о фольклоре в Германии. Много интересных книг вышло. Нам надо бы в Германии поработать в течение года».¹¹

⁵ *Жирмунский В. М.* Проблема фольклора // Сергею Федоровичу Ольденбургу: К пятидесятилетию научно-общественной деятельности 1882—1932: Сборник статей. Л., 1934. С. 199.

⁶ Цит. по: *Никифоров А. И.* Социально-экономический облик севернорусской сказки 1926—1928 годов // Там же. С. 377.

⁷ *Кагаров Е. Г.* Что такое фольклор // *Художественный фольклор*. М., 1929. Т. 4—5. С. 8.

⁸ *Соколов Ю. М.* Очередные задачи изучения русского фольклора // *Художественный фольклор*. М., 1926. Т. 1. С. 11.

⁹ Там же. С. 12.

¹⁰ *Соколов Ю. М.* Русский былинный эпос (Проблема социального генезиса) // *Литературный критик*. 1937. № 9. С. 174. Говоря о «теории» Г. Наумана, Ю. М. Соколов ссылается на две его книги: *Naumann H.* 1) *Primitive gemeinschaftskultur. Beiträge zur Volkskunde und Mythologie*. Jena, 1921; 2) *Grundzüge der deutschen volkskunde*. Leipzig, 1922.

¹¹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — НИОР РГБ), ф. 542 (Азадовский М. К.), кар.

Характеризуя теорию Наумана, М. К. Азадовский видит ее источники в постулатах, сформулированных Отто Группе. «Все культурные ценности, утверждал Группе, вырабатываются в высших классах населения и лишь спустя определенное время демократизируются и становятся достоянием широких народных масс. Эта мысль Группе об „опустившейся культуре“ легла в основу последующих определений фольклора. Наиболее отчетливо ее сформулировал крупнейший швейцарский фольклорист Э. Гофман-Крайер (E. Hoffmann-Krauer) в статье „Was ist Volkskunde“: „Das Volk produziert nicht, es reproduziert nur“ («Народ не производит, он только воспроизводит»)).¹²

Р. Дорсон, говоря о фольклористике в СССР, упоминает последователей теории Наумана в ряду ученых не-марксистского склада: «В 1936 году Коммунистическая партия внезапно осознала, что фольклористы поддерживали антимарксистскую теорию. Согласно точке зрения большинства европейских фольклористов, наиболее точно сформулированной немцем Гансом Науманом, фольклор передается от элиты к народу, где находится в виде спустившегося сверху культурного достояния».¹³ Последователями Наумана в СССР Дорсон считает В. М. Жирмунского и Ю. М. Соколова.

В статье 1928 г. «О социологическом изучении фольклора» Ю. М. Соколов пишет: «Исходя из других побуждений, чем русские фольклористы, немецкие ученые также заостряют проблему о социальной природе так называемых „народного“ искусства, „народного“ быта, „народного“ творчества. Наиболее яркое выражение это течение нашло себе в трудах весьма даровитого и оригинального немецкого ученого Ганса Наумана. Проф<ессор> Науман с большой успешностью и яркостью раскрывает, как наряду с пережитками элементов примитивной культуры в быту и творчестве широкой народной массы наблюдается то, что можно назвать „gesunkenes Kulturgut“. Огромное большинство народных песен, рассказов, обычаев и обрядов является лишь переработкой культурного богатства, заимствованного из вышестоящих в экономическом и культурном отношении социальных слоев. В частности, Науман подчеркивает могучее воздействие города на деревенскую жизнь и фольклор в прошлом и настоящем. <...> Важно то, что центр внимания фольклористики перемещается к вопросам остро социального порядка. Это ли

70, № 46, л. 2 (Письма Соколова Ю. И. к Азадовскому М. К. 1926—1933 гг. Письмо от 12 марта 1927 г., Тверь).

¹² Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1963. Т. 2. С. 283.

¹³ Dorson R. Concepts of Folklore and Folklife Studies // Folklore and Folklife. Chicago, 1982. P. 17.

не приближение фольклористики к социологии? И прав Науман, когда именно в этом построении вопросов социологического порядка он видит отличительные черты новой „современной фольклористики и этнографии“». ¹⁴

Городская песня хорошо вписывалась в теорию Наумана о «спущенных сверху ценностях»; возможно, и по этой причине интерес к ней и к городским темам в фольклористике 1920-х гг. был очень велик.

1930-е гг. отмечены сменой парадигм государственной идеологии. Помимо марксистско-ленинского учения, провозглашавшего интернационализм и классовый принцип, основой политики Сталина становятся постулаты о дружбе народов и трудовом героизме. Изменение идеологического курса существенно видоизменяет подходы, доминировавшие в фольклористке на протяжении 1920-х гг. Конституция 1936 г. утверждает победу социализма в одной отдельно взятой стране и соответственно уничтожение эксплуататорских (антагонистических) классов. Репрезентация фольклора как творчества угнетаемого либо освобожденного народа утрачивает актуальность. На первый план выдвигается, по-видимому, понимание фольклора как «творчества братских народов СССР». В науке о народном творчестве в 1930-е гг. возрождаются «дореволюционные» идеи и темы; происходит реставрация взглядов на фольклор как на «старину».

Меняется и отношение к теории Наумана: становится возможным, во-первых, отринуть противоречащую духу марксизма идею о том, что народное творчество — всего лишь испорченный слепок культуры эксплуататорских классов, и, во-вторых, — подвергнуть критике буржуазного (немарксистского и даже «фашистского») ученого и его возможных последователей.

Объектом критики оказывается вышедший в 1932 г. учебник Ю. М. Соколова «Русский фольклор», где автор еще в позитивном ключе излагает теорию Г. Наумана. По мнению Ю. М. Соколова, «несомненным фактом» является то, «что так называемые „народные“ произведения — былины, сказки, песни и пр<очее>, почитавшиеся прежними исследователями за „исконно-народные“, т. е. исконно крестьянские, часто таковыми по своему происхождению не могут быть названы. В результате детальных исследований оказывается, что очень многие из чрезвычайно популярных фольклорных произведений возникли не в толще «народной» (крестьянской) массы, а в господствовавших материально и политически, и, следовательно, более культурных социальных слоях: в феодальной боярской знати, дворянстве, торговом купечестве, а также в промежуточных слоях — духовенстве (многие духов-

¹⁴ Соколов Ю. М. О социологическом изучении фольклора : (Ответ проф. Юрию Поливке) // Литература и марксизм. 1928. № 2. С. 37—38.

ные стихи, заговоры и т. д.), мещанстве».¹⁵ Далее на протяжении нескольких страниц Ю. М. Соколов рассуждает о немецкой фольклористике: о Йоне Мейере, авторе книги «Искусственные песни в народных устах» (1906), который находил литературные источники для народных песен; его ученике профессоре Гансе Наумане, который продолжил работу своего учителя.¹⁶

Выход в свет этого учебника вызвал скандал. Ю. М. Соколова обвиняли в тенденциозности подачи материала: блатной и мещанской песням было посвящено около пятидесяти страниц, а колхозной — только десять.

В письмах к М. К. Азадовскому обрисованы проблемы, которые возникли в связи с изданием книги.

В письме от 1 ноября 1931 г. Ю. М. Соколов сообщает о планах написать четвертую часть учебника: «На днях засяду за составление 4-го и последнего выпуска, посвященного новым жанрам, — частушкам, переделкам романсов, фабричному фольклору, блатному фольклору, а также фольклорным жанрам самого последнего времени, создающихся в коллективизирующейся деревне. Этот наш общий с Борей¹⁷ курс я рассматриваю, как подведение итогов своей и Бори многолетней лекторской работы в вузах. На будущий год переработаю книгу и переиздам одним большим томом».¹⁸

В почтовой открытке от 7 июня 1932 г. имеются сведения о состоявшемся докладе Ю. М. Соколова и дискуссии по книге «Русский фольклор»: «У меня здесь в Москве ряд событий: 1). Мой доклад на п<убличной> лекции кафедры ЦИПКЗНО¹⁹ о задачах и перспективах фольклора и фольклористики с дискуссией о моей IV книжке „Русс<кого> фольк<лора>“, которая уничтожена (сдана в утильсырьё); меня упрекали гл<авным> о<бразом> в „непрорациональном распределении полож<ительного> и негативного материала“. Очень доставалось и Н<иколаю> М<ихайловичу>²⁰ как редактору. Однако все велось в <нрзб> хвалительных тонах, чтобы не показалось на какую-либо травлю специалиста. Отмежевались от меня (хотя опять-таки

¹⁵ Соколов Ю. М. Русский фольклор. Частушки. Мещанские и блатные песни. Фабрично-заводской и колхозный фольклор. М., 1932. Вып. 4. С. 34.

¹⁶ Там же. С. 34—35.

¹⁷ Имеется в виду Соколов Борис Матвеевич (7(19).04.1889—30.07.1930) — фольклорист, брат Ю. М. Соколова.

¹⁸ НИОР РГБ, ф. 542 (Азадовский М. К.), кар. 70, № 46, л. 14—14 об. (Письма Соколова Ю. М. к Азадовскому М. К. 1926—1933 гг. Письмо от 7 июня 1932 г., Москва).

¹⁹ Центральный институт повышения квалификации заочников народного образования.

²⁰ Маторин Николай Михайлович (1898—1936) — этнограф, религиовед и фольклорист.

очень осторожно) некоторые ученички (Мореева,²¹ Розенфельд),²² <нрзб> Скафтымов²³ и Рыбникова²⁴ и др. Тон задавал краевед Клабуновский (дир<ектор> ЦИПКЗНО). 2). Его статья о IV в<ыпуске> будет печататься в 4 № „Лит<ература> и язык в школе“, где будет (по моему предложению) напечатан и мой ответ. Пойду на <нрзб> к Горькому. Расскажу ему об ценнейшей книге».²⁵

Препятствия распространению учебника чинились и далее. «Сейчас какая-то канитель начинается вокруг моего IV в<ыпуска> „Русского фольклора“. После дискуссии руководство кафедры ЦИПКЗНО (института, издавшего книгу) чего-то напугалось и боится рассылать книгу заочникам. Я как следует не могу разобраться, что предосудительного или нежелательного находят в книге. Она прошла очень строгую цензуру в Главлит. Я не вижу никаких оснований к панике».²⁶

Отказ включать в учебные пособия для вузов разделы о блатной и мещанской песне отражен и в обсуждении учебника, подготавливаемого Институтом литературы в Ленинграде. В «Протоколе научного заседания отдела фольклора народов СССР ИЛИ АН СССР по обсуждению статей, представленных для I тома издания „Русский фольклор“ (3-й день конференции, утреннее заседание)» от 2 июня 1939 г. говорится:

«Ю. М. Соколов. Необходимо дать статью и о блатном фольклоре. Студенты спрашивают, почему их не вооружают правильной точкой зрения на блатной фольклор, не указывают, как надо его расценивать. Особенно такая статья нужна педагогам. В таком солидном издании мы не можем обойти блатной и мещанский фольклор. <...>

А. И. Никифоров. Скажу несколько слов в защиту необходимости изучения мещанского фольклора. И в городе, и в деревне имеет

²¹ Мореева Ангелина Константиновна (1902—?) — фольклорист (см.: Мореева А. К. Творческая помощь сказителям // Фольклор России в документах советского периода 1933—1941 гг. : Сборник документов. М., 1994. С. 156—160).

²² Розенфельд Б. Л. (1896—?) — фольклорист.

²³ Скафтымов Александр Павлович (1890—1968) — литературовед и фольклорист. В 1924 г. опубликовал книгу «Поэтика и генезис былин» (Саратов; М.).

²⁴ Рыбникова Мария Александровна (1885—1942) — педагог, литературовед и фольклорист. Участвовала в совещаниях, организованных Всесоюзным домом народного творчества (ВДНТ) в Москве (см.: Фольклор России в документах советского периода 1933—1941 гг. : Сборник документов. М., 1994).

²⁵ НИОР РГБ, ф. 542 (Азадовский М. К.), кар. 70, № 46, л. 24 об. (Письма Соколова Ю. М. к Азадовскому М. К. 1926—1933 гг. Письмо от 7 июня 1932 г., Москва).

²⁶ Там же, л. 31.

место мещанский фольклор. Необходимо учесть тот пласт, который спускает это фольклор в деревню. Важен для изучения и фольклор деклассированных групп. Мне часто приносят записи блатных песен. Как к ним относиться. Что делать педагогу в деревне, когда блатной фольклор идет в руки.

П. И. Калецкий. В 10 томе „Истории литературы“ будет дано отражение пинкертоновской литературы. С таким же основанием вопрос о блатном и мещанском фольклоре должен быть поставлен в издании „Русский фольклор“. Вопрос о рабочем фольклоре, вопрос о частушке не может быть изучен без преодоления мещанского фольклора.

М. К. Азадовский. Говорить о том, что такое явление существует, не приходится. Но если мы говорим о фольклоре деклассированных групп, то выдвигал же Е. В. Гиппиус проблему изучения дворянского фольклора. Почему тогда не изучать и студенческого фольклора, или почему не изучать анекдотов. Ни Веселовский, ни Всеволод Миллер не ставили вопроса о изучении анекдотов, как таковых. Все ли, что существует в устной форме, является фольклором? Основная наша установка: фольклор — народное творчество. К обсуждению проблемы об изучении блатного и мещанского фольклора надо еще вернуться.²⁷

Усиленная критика Г. Наумана была спровоцирована постановлением Всесоюзного комитета по делам искусства при Совнаркомом СССР о пьесе «Богатыри» Демьяна Бедного, в котором теория «аристократического» происхождения фольклора объявлялась ошибочной. В газете «Правда» в статье И. Лежнева и Л. Тимофеева «Бедные люди» (газета «Правда» от 21 ноября 1936 г.) говорилось: «Что это за „странная наука“, которая ставит себе целью дискредитировать народное творчество и отнять его у народа? Кому выгодно утверждать, что народ получает культуру от высших классов? Фашистам, конечно. Это и доказывает всеми силами фольклористика фашистской Германии, в лице Ганса Наумана».²⁸

Историки фольклористики (Т. Г. Иванова, В. А. Бахтина) обращаются к теории Г. Наумана в основном применительно к его критике середины 1930-х гг.,²⁹ интерпретируя ее как прояв-

²⁷ РО ИРЛИ. Документы делопроизводства Отдела русского фольклора ИРЛИ. Протоколы заседаний 1939 г., л. 225.

²⁸ Соколов Ю. М. Русский былинный эпос. С. 172.

²⁹ Подробно историю «критики» сам Ю. М. Соколов изложил в статье: Соколов Ю. М. Русский былинный эпос. С. 171—196; см. также: Бахтина В. А. Фольклористическая школа братьев Соколовых (Достоинства и превратности научного знания). М., 2000; Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900—первая половина 1941 г. СПб., 2009; Богданов К. А. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009.

ление вторжения политики в науку. Т. Г. Иванова характеризует Ю. М. Соколова как последователя «исторической школы», указывая, что теория «княжеского» происхождения былины принадлежит учителю Соколова — В. Ф. Миллеру и не имеет отношения к немецкому фольклористу. В. А. Бахтина также склонна считать, что Ю. М. Соколов не был сторонником теории Наумана.

Несмотря на критику элитаристского подхода Наумана к фольклору, «отстаиваемый им тезис о социальных различиях внутри одной культуры в известном смысле соответствовал ленинскому положению о культурной дихотомии — сосуществованию в каждой национальной культуре двух национальных культур — буржуазно-помещичьей и церковной, с одной стороны, и демократической — с другой».³⁰

Отвечая на обвинения в увлечении идеями Наумана, Ю. М. Соколов подчеркивает: «я (в лекциях. — *Н. К.*) говорил, что даже те элементы, которые проникали в народ из культуры господствующих классов, и те не воспринимались народом пассивно, а подвергались творческой переработке, исходя из положения основоположников марксизма, что „мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями“» (*Маркс и Энгельс. О Фейербахе // Архив Маркса и Энгельса. М., 1924 г. Кн. 1.*)³¹

Как утверждает К. А. Богданов, «именно советские фольклористы стали в итоге авторами эксперимента, масштабно продемонстрировавшего социальную реализуемость охаиваемой ими же теории Ганса Наумана о двух культурных слоях, составляющих в своей совокупности национальную культуру, — культуру цивилизаторской элиты и культуру низших слоев общества, с характерным для нее смешением примитивно-всеобщих (*primitive Gemeinschaftkultur*) и „сниженных“ культурных ценностей (*gesunkenes Kulturgut*)». Этот «эксперимент» выразился в «инициировании и редактировании текстов, которым надлежало считаться „фольклорными“».³²

Явно недемократическая и противоречащая духу марксизма теория Наумана оказалась «подспудно востребованной» в некоторых магистральных направлениях советской фольклористики — с ее помощью народ можно было воспитать по собственному плану. Точнее, по мысли Наумана, «спущенные сверху»

³⁰ Там же. С. 260—261. Но у Ленина (точнее — в марксизме) культура народа не является «спущенной» культурой, она творится самостоятельно и на самом деле выше элитарной культуры, идея, которая и была, по-видимому, камнем преткновения в критике Наумана в СССР.

³¹ *Богданов К. А. Vox populi.* С. 175.

³² Там же. С. 19.

ценности не были навязаны: народ сам выбирал, что ему нравится в «высокой»/господствующей/городской культуре. Согласно идеям немецких фольклористов, заимствование происходило непреднамеренно и случайно. Советские идеологи, напротив, всегда стремились к активной роли в формировании «вкуса» народа. Соответственно, вторым шагом после фиксации того, что имеет советское общество и «что поет деревня», было создание «советского фольклора», сконструированного и спущенного «сверху» в качестве нового «культурного достояния».

Сформулировав кратко, можно сказать, что популярность Наумана в 1920-х гг. связана с актуальностью социологического подхода в науке и востребованностью городского фольклора (который мог трактоваться как *gesunkenes Kulturgut*). Отказ от теории Наумана происходит в 1930-е гг. в связи с критикой «фашизма» и возвратом к изучению «песен народностей».

«Смена парадигм» государственной идеологии, вторгавшейся в фольклористику, предопределила «табуирование» определенных пластов народного творчества. Несмотря на то что возможность изучения «фольклора деклассированных групп», мещанского и блатного фольклора в 1939 г. все-таки обсуждалась (см. выше), собирательская, исследовательская деятельность, ведущаяся в этом направлении, была приостановлена. Показателен в этой связи и факт помещения публикуемой нами коллекции Л. В. Домановского в «особое хранение».

ТЕКСТЫ

В публикации представлены тексты из коллекции 193 «Особое хранение». Все песни, включенные в публикацию, извлечены из собрания Л. В. Домановского. Судя по указанию архивиста, это коллекции 99 и 111. В коллекции 99 была обнаружена единица хранения «Мещанские романсы, тюремные и блатные песни. Запись Л. В. Домановского 1937—1940 гг.». Довольно большое число песен из собрания Домановского, сохранившихся в виде обрывков и фрагментов, не имеющих указания на исполнителя и место записи, имеет соответствия (рукописные копии, перебеленные записи и др.) в этой единице хранения. Часть песен, имеющих соответствия, приведена нами по коллекции 99. Временные границы публикуемых текстов 1929(?)—середина 1960-х гг.

Автор публикации выражает особую благодарность хранителю фольклорного фонда РО ИРЛИ Я. В. Зверевой, предоставившей возможность работать с материалами коллекций, а также Н. Н. Рычковой за помощь в комментировании текстов.

Леонид Владимирович Домановский (21.03.1920, д. Доманово Новоржевского р-на Псковской обл. — 03.04.1968, Ленинград) был сотрудником Отдела фольклора ИРЛИ РАН с 1957 по 1968 г. В 1955 г. в ЛГУ защитил кандидатскую диссертацию по теме «Освободительное движение первой четверти XIX в. в народном творчестве».¹ На протяжении многих лет он присылал свои полевые материалы в институт.

Одна из посылок с записями 1930—1940-х гг. адресована Н. П. Андрееву. Домановский в сопровождающем письме пишет ему: «Сейчас я решил пренебречь личным и выслать Вам часть своего материала, около 32 песен и 600 частушек, всего 6 тетрадей. На этот раз мне приходится отсылать Вам, я очень хорошо осознаю это, беспомощное сырье, может быть, даже затрудняющее дальнейшую обработку, т<ак> к<ак> я не дал различных требуемых сведений. Вполне понятно, что я знаю о своем материале больше, чем я сообщил, но я не знаю, что главное нужно сообщить, чтобы оно пригодились впоследствии. Как видите, мне едва ли известны самые элементарные правила. Поэтому мне бы очень даже хотелось услышать не только мнение о присланном материале, ценность его, но и, главным образом, беспощадную критику. <...> Обратите особое внимание на дореволюционные частушки (русские песни, запис<анные> от К. А. Скребцовой само собой), а также на частушки о тов<арище> Сталине, среди них есть немного избирательных, было бы очень своевременно их опубликовать. Будучи в Калининской области, я встречал много антисоветских частушек, я долго не решался их записывать и отослать вам сейчас, не зная, если в том какая-нибудь ценность. Они обречены на вымирание, но я думаю, „прикрывать“ их все же нельзя, т<ак> к<ак> они многое характеризуют, вернее, характеризовали. Если я не прав, то извините, что их послал Вам. Сообщите, имеются ли записи, подобные песням „Про Качаевскую Маню“, „Маня и Вася“.² Я заинтересовался их своеобразным построением, кроме того, они остались единственными и довольно распространенными в Новоржевском районе Калининской обл. Стоит ли высылать подобные?»³

Тексты публикуются с сохранением авторской орфографии. Сокращения раскрываются в угловых скобках, восстановленные слова и фрагменты слов — в квадратных. Значительное количество текстов переписано Домановским из альбомов. Фрагменты,

¹ Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 439.

² Названные Домановским песни обнаружены в коллекции не были. Однако в комментариях к другим городским песням они упоминаются.

³ РО ИРЛИ, р. V, кол. 99 (Домановский В. Л.), п. 3, № 6—7 (Письма Л. В. Домановского 1938 г., 1940 г.), № 6, л. 1—2 (Письмо к Н. П. Андрееву).

неясные по смыслу, Домановский отметил многоточиями и знаками вопросов.

№ 1

Я — сын рабочего подпольного партийца.
Отец любил меня, и я им дорожил.
Но извела его проклятая больница.
Туберкулез его в могилу положил.

И вот оставшись без отцовского надзора,
Я бросил мать, а сам на улицу пошел.
А эта улица дала мне званье вора.
Так постепенно до решоточки дошел.

И так скитался я и с планом и без плана.
Я в лагерях бывал разочков 25.
А в тридцать первом с окончанием канала
Решил с преступностью покончить и порвать.⁴

⁴ Имеется в виду Беломорско-Балтийский канал. Он был построен с 1931—1933 гг. В песне ошибочно стоит дата начала работ, однако в других вариантах песни указан 1933 г. После завершения строительства значительное число заключенных — строителей канала — было амнистировано. Идея исправления преступника трудом тиражировалась во время постройки канала. См.: Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства 1931—1934 гг. / Под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М., 1934. Книга о Беломорканале написана в рамках проекта «История фабрик и заводов», для которого советские фольклористы записывали фольклор рабочих. Ср.: «И конечно, только в стране, в которой вопрос — „кто кого“ — был решен окончательно, только в стране, быстрыми шагами идущей к бесклассовому обществу, только на основе социалистической пенитенциарной системы было возможно создать из профессионалов-воров — ударников-энтузиастов. И мы видели, как Беломорканал строили бывшие воры, карманники, спекулянты и рецидивисты. И сейчас, когда началось перевоспитание социалистическим трудом, тогда стали звучать в поэзии деклассированных совсем иные мотивы.

Эх, прощай моя жизнь воровская,
И картежная с нею игра.
Не махну уж ножом у виска я,
Все бывшее — как дым от костра.
Никогда уж не буду я вором,
Не попутчик вора, не собрат,
Эй, студеное Белое Море!
Твоей свежести очень я рад... —

писал в своем стихотворении один из заключенных, работавших на Беломорканале» (*Цехновицер О. В.* [Тюремные песни] / Вступ. статья и подгот.

Я прибыл в город (позабыл его название).
Решил на фабрику работать поступить.
Но мне сказали: «Вы отбыли наказание,
И просим адрес наш покаместь позабыть».

И так скитался я от фабрики к заводу,
Везде я слышал один и тот ответ.
Скажите, граждане, скажите же мне, вору,
Какую жизнь я райскую нашел?

Поверте, граждане, как трудно исправляться,
Когда правительство на встречу не идет.
И мне пришлось еще по лагерям скитаться.
Кому пришлось, тот сразу же поймет.

№ 2

Камера сорок вторая,
Там тихо томится бандит.
Пайки⁵ своей не брал он,
С голоду сильно ослаб.
Центральной кассации ждал он.
«Если Калинин⁶ откажет,
То расстреляют меня.
Руки мне, ноги свяжут,
Только настанет заря».
Тут слышу, ключи прозвенели,
Громко прокликнул конвой:
«Довольно, мальчишка, томиться
И ждать избавленья себе.
Пойдем, мы тебя успокоим
На двадцать четвертой версте».

текстов Т. С. Царьковой, коммент. М. Л. Лурье // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год / Отв. ред. Т. С. Царькова. СПб., 2012. С. 486).

⁵ *Пайка* — все казенные продукты (хлеб, баланда), положенные по закону заключенному.

⁶ Калинин Михаил Иванович (1875—1946) — советский государственный и партийный деятель.

МЕЩАНСКИЕ РОМАНСЫ, ТЮРЕМНЫЕ И БЛАТНЫЕ ПЕСНИ

Переписано из записной книжки Островецкого Ивана Максимовича, бывшего в лагерях (№ 3—8)

№ 3

Горит свеча в вагоне тускло

Горит свеча в вагоне тускло,
Казачи все спокойно спят.
Лишь поезд наш несется лихо,
Лишь только слышно тах-тах-тах.
Один казак он одинокий,
Склонивши голову на грудь,
Тоска по родине далекой;
— Придется дома отдохнуть?
Ах, мать моя родная,
Зачем на свет меня пустила,
Судьбой несчастной наградила
И жизнь тюремную обрекла.
Бушлат и шапка-арестантка,
Меня услонцем⁷ назвала.
Тюрьма меня переродила,
Тюрьма свободу отняла.
И вот начал повал баланов,⁸
Один лежал уж без ноги,
К нему подбег же арестанец.
— Давай-ка, братец, перевяжу.
Давай-ка, братец, перевяжу
И на носилки положу.
И в дом по Мурманской дорожке⁹
Я в Соловки тебя отвезу.

№ 4

Побег

Между топких болот пробирались
Три удалых, лихих молодца

⁷ *Услонец* — (от УСЛОН или СЛОН) с 1923 г. Управление Соловецкого лагеря принудительных работ особого назначения ОГПУ.

⁸ *Баланы* — еловые отрезки длиной 6 м; бруски. — Пояснение И. М. Островецкого.

⁹ Аллюзия к популярной песне «По Муромской дорожке». На Русском Севере была распространена переделка «По Мурманской дорожке».

Туда всеми силами рвались,
Где их ждали родные сердца.
Завезли их в края отдаленны,
Где болота и водная ширь.
За вину их, давно искупленную,
Заключили в былой монастырь.¹⁰
Но попала на душу кручина,
Переполнила сердце тоской.
И решили тут трое молодчиков
Пробираться обратно домой.
Трое суток бежали без устали,
А потом захотелось им отдохнуть.
Кстате в поле сарайчик заброшен,
Не мешало б прилечь и заснуть.
Но случайно, неожиданно, негаданно
Вдруг погоня на них набрела.
Их обратно вести не приказано,
Знают, судьба их была решена.
И вот снова Онежской дорогой
Беглецов мирно сторожа вели,
Тридцать верст провели и одумались.
Что случилось здесь, каждый поймет.
Где васнуется рожь, колыхается,
И опять потянулись леса
У дороги три трупа валяются,
То застрелены три беглеца.
Не придет мать с горячей молитвою
На могилу сыночка рыдать,
Об убийстве далеко на Севере
Ей нескоро придется узнать.
Не придут ни друзья, ни товарищи
Долг последний усопшим отдать,
Только лес погребальное пение
Вечно будет об них вспоминать.

№ 5

За тюремной кирпичной стеной

За тюремной кирпичной стеной
Молодой арестант помирал,
Он, склонивши на грудь головою,
Потихоньку молитву шептал:
— Ой, всевышний творец,
Дай мне силы подышать

¹⁰ Намек на Соловецкий монастырь.

Еще несколько дней,
Дай проститься с женой молодой
И обнять престарелую мать.
Перед смертью тяжелые цепи
Помогите на ногах мне порвать.
Очень рано с семьей разлучили,
Заключили в сырую тюрьму,
Осудили меня невиновно,
Скоро, скоро я, бедный, умру.
Заходит кузнец наш, тюремщик,
С молотком и зубилом в руках
— Ну, товарищ, давай свои ноги,
...брат отходил в кандалах.
Разлетелись тяжелые цепи
От удара привычной руки...¹¹

№ 6

Спишь ты, спишь, моя родная

Спишь ты, спишь, моя родная,
Спишь в земле сырой,
Я пришел к твоей могиле
С горем и тоской.
Я пришел к тебе, родная,
Чтоб тебе сказать,
Что в меня теперь вторая
Есть на свете мать.
Что твой муж, тобой любимый,
Мой отец родной,
Твоему бедняги сыну
Стал совсем чужой.
Никогда твоих, родная,
Слов мне не забыть,
Без тебя, моя родная,
Плохо стало жить.
Все слова твои, родная,
Сбылись они,
Встань же, встань, моя родная,
На меня взгляни.
С него дождик льет осенний,
Холодок знобит,
У твоей сырой могилы
Сын бедняк стоит.
В старом рваном зипунишке,

¹¹ Здесь запись обрывается, у Домановского — знак вопроса.

В ветхих сапогах,
И душа моя печальна,
Слезы на глазах.
Приюти меня, родная,
Здесь в земле сырой,
Будем спать мы сном спокойным
Рядышком с тобой.

№ 7

Тюремная

В воскресенье мать-старушка
К воротам тюрьмы пришла
И родному она сыну
Передачу принесла.
Надзирателю сказала
Справедливые слова:
— Ноги старые устали,
Сорок верст пешком прошла.
Передайте хлеб сыночку,
А то люди говорят,
Что в тюрьме так заключенных
Сильно голодом морят.
Надзиратель усмехнулся:
— Твой сыночек осужден,
Осужден у прошлой ночи,
На покой отправлен он.
Расстреляли его ночью
У тюремной у стены,
Когда приговор читали,
Знают звездочки одни.
Побледнела мать-старушка,
Пошатнулася она.
У привратника невольно
Покатилась слеза.
— Я купила хлеб сыночку
За последние гроши,
Так отдайте заключенным
На помин его души.
Повернулась мать-старушка,
От ворот тюрьмы пошла,
И никто про то не знает,
Что в душе она несла.

№ 8

Вот в темнице несносной
Разбойник там сидел,
Ждал смерти позорной.
Он сам про то говорил:
Так скоро я дождуся к себе палача,
Я сам разочтуса с виною своей.
Не долго со слезам судьей я своих умолял,
Што быть мне на казни,
Хотят меня наказать.
Кладите жарчее костры вы,
Источите вострее ножи вы для меня,
Берите, спалите разбойника на огне,
Не плачьте, не тужите, друзья, вы обо мне.
Я казни достоин, тово я заслужил,
Я в поле был воин, рубил и губил.
В лесах я в дубровых
На всех я нападал,
Как сокол на птицу,
На всех я налетал.
Чужих слез, моленья
Ни отково я не принимал,
Моего сожаленья
Никто не видал.
Вот, рок ты мой несчастный,
Зачем я суда попал,
Булаг мой превострый,
С котормым я гулял?
Теперь бы я помчался
К родной стороне,
С родным повидался,
Жалеют обо мне.
Прос[ти], мои родные,
Предобрые мои друзья,
Все уже мои были злотые,
Прекрасные были места.
Вдруг застучали солдаты в дверях,
Штыки заблистали в разбойника в глазах,
Разбойник кознулся своей поникшей головой,
Вдруг цепи рванулись, с разбойника цепь долой.
— Берите, ведите в позорный ваш приют.
Палач развернулся, разбойничка нет,
Дрочите вы, злодеи, на воле,
Я от вас иду, героев удалых я под вас подведу.
Герои удалые разограблют и вас,
Булаг мой преострый, показнит он вас.

Записано от молодого человека, бывшего в лагерях (№ 9—12)

№ 9

Поехал казак на чужбину

Поехал казак на чужбину далеко
На добром коне на своем вороном,
Он свою родину навеки спокинул
...¹² не вернуся в отеческий дом.
Напрасно козачка, жена молодая
И утро и вечер на север глядит,
Ждет, не дождется с восточного края,
Откуда мой милый казак прилетит.
Там за горами, где метелицы вьются
И сильно морозы зимою трещат,
Там на лужочки, там на зеленом
Козацкие кости под снегом лежат.
Казак умирает, друзей умоляет
Насыпать бугорчик земли в головах,
Пусть на могилы калина родная,
Качаясь красуется в ярких цветах.

№ 10

Ах, зачем эта ночь

Ах, зачем эта ночь
Так была хороша.
На балела бы грудь,
Ни страдала душа,
Птицей [в] роще ветвей
Саловой громко пел.
И с любовью моей
Я ей в очи глядел.
Полюбил я ее, полюбил горячо,
А она на любовь смотрит так холодно.
Ни понравился ей моей жизни конец
И с пастылым назло пашла под венец.
Ни видала она, как я в церкви стоял,
Прислонившись к стене, безутешно рыдал.
Звуки вальсов неслись...

¹² Здесь пропуск в записи, у Домановского — многоточие и знак вопроса.

.....¹³ дом,
Я в каморку свою пробирался с трудом,
И всю ночь напролет я все думал о ней,
Каково будет жить век без милой моей,
Вышел на берег я, небосвод голубой,
Любовался стоял я над Волгой рекой.
Волга в волны свои молоца приняла,
По волнам по воде одна шапка плыла.

№ 11

Гоп со смыком

Граждане, послушайте меня,
Гоп со смыком — это буду я.
О так, друзья, послушайте меня,
Ремеслом я выбрал кражу,
Из тюрьмы я не вылажу,
И так я пью, и пью, и пью,
Гражданам проходу не даю.
По трамваям я летаю,
Расаков перегоняю,
Сам без фонаря домой нейду.
Если морда не побита,
Не достоин ты бандита, —
Так заведено в районе нашем.
Если в раю бог не поможет,
Не дам проходу сатаны.
Брын¹⁴ дубовый я достану,
Чертенят полохать¹⁵ страну:
«Почему нет водки на луны?»
Иван Предтечи там без головы
Имеет свои фабрики халвы.
Блядь я буду, не забуду
Искалечу я Иуду,
Знаю, где червонцы он кладет.
И так, друзья, вы все живите,
На тот свет скорее спешите,
Пейте, нюхайте, курите,

¹³ Здесь пропуск в записи, у Домановского — знаки многоточия.

¹⁴ Видимо, следует читать «дрын»; дрын — длинная палка, дубинка или что-л<ибо> другое, обычно предназначаемое для удара (Словарь русского аргю. http://gramota.ru/slovari/argu/53_3473. Дата обращения 27.01.2013).

¹⁵ *Полохать* — пугать; ударить, сильно ударить (Словарь русских народных говоров. Л., 1995. Вып. 29. С. 129).

Только место там не шухерните.¹⁶
А если место шохернете,
К чорту в лапы попадете,
Он вначале отдубасит,
Фонарями изукрасит,
И не бывать уж вам в Москвы.

№ 12

Лодарь-отказчик — это я

Лодарь-отказчик — это я (да, да).
Граждане, послушайте меня.
Спою вам песню эту,
Без меня еще не пета,
Как живут филоны¹⁷ в лагерях.
Хлеба получаем триста грамм,
А к вечеру в желудке тара-рам.
И как волк по нарам свищешь,
Пайку хлеба треснуть ищешь,
Но за это ходишь с фонарем.
И как только я шамовку¹⁸ наберу,
Ищу себе партнера на буру.¹⁹
Целу ночь я с ним играю,
Все другое забываю,
А утром от развода убегу,
А от развода же мы прячемся под нары,
Да не один, а три-четыре пары,
Нас [начальник?] выгоняет
И работать заставляет,
С ним заводишь тары-бары,
Кроешь его матом, как хотишь:
«Что же, лагерный придурок, ты молчишь?
Ведь ты знаешь, что в субботу
Мы не ходим на работу,
А у нас суббота через день».
А если на работу мы пойдем,
То ни на шаг от костра мы не отойдем,
Разобьем друг другу лица,

¹⁶ *Шухерить, шухернуть* — гнать, прогонять, пугать; расправляться (Словарь русского арго. http://www.gramota.ru/slovari/argo/53_16737. Дата обращения: 27.01.2013).

¹⁷ *Филон* — тот, кто уклоняется от работы, лентяй, лодырь.

¹⁸ *Шамовка* — еда.

¹⁹ *Бура(ы)* — разновидность карточной игры. (Словарь русского арго. http://www.gramota.ru/slovari/argo/53_1171. Дата обращения: 05.07.2014).

Растеряем рукавицы,
На костре все валенки сожжем.
А если ты соскучился по дому,
То [летишь] с записочкой к [лагому? — *Н. К.*],
Скорчишь клюквенную рожу —
Мигом пальцы отморожем.
И освобождение прошу
Так [идут недели и года],
Чтобы не работать никогда.
Каждый день я так гуляю.
Если хочешь, я сыграю,
Карты у меня всегда.

Записано от молодого человека (инвалида от рождения)
(№ 13)

№ 13

Пастушка

Как-то раз по весне пасла стадо овец
Чернобровая Катя-пастушка,
И понравился ей покровитель сердец
Белокурый красавец Андрюшка.
«Бросим, Катя, с тобой деревенскую жизнь
На веселую жизнь городскую,
Изукрашу тебя всё я в бархат, шелки
И куплю шляпу большую».
Вот проходит уже год, а Андрея все нет,
И не едет в деревню за Катей.
Взяв ребенка с собой, проклиная судьбу,
Едет в город разыскивать батьку.
Научилась она русско-горькое пить,²⁰
И ребенок у ней тут скончался.
Научилась она по панелям ходить,²¹
Белокурый навстречу попался:
«Здравствуй, миленький мой
Мужик и отец,
Я давно тебя здесь ожидаю».
Он кудрями взмахнул, белокурый подлец:
«Я тебя ведь не знал и не знаю».
За насмешку его, за поругану честь
На панели ему отомстила.

²⁰ В других вариантах — «водку горькую».

²¹ Т. е. заниматься проституцией.

№ 14

Катюшенька

Дело было так, в лето жаркое,
На опушке сосновой лесной.
Все поведаю без утайки,
Я о любви расскажу роковой.
С каждым годом все расросталось
Небольшое село средь полей.
В том селе жила раскрасавица,
Было имя Катюшенька ей.
Чернобровая и румяная,
Обжигала своей красотой.
И Катюшеньку в утро ясное
Повстречал человек молодой.
Очи карие взглядом встретились.
Этот взгляд Катеньку приметил,
И Катюшенька познакомилась,
Стала гулять она с ним.
Но за кем беда не встречается:
Он Катюшеньку стал забывать.
Дни и ноченьки стала Катя
Грустить, тосковать.
Вот подъехала лодка к берегу,
Вышла парочка в лес погулять,
Прислонилась близко к дереву,
Стала тихо о чем-то шептать.
«Наслаждайтесь, мои милые,
Любоваться над вами пришла».
И с последнею своей тут силою
Реворвер тут на них навела.
И раздалось тут два выстрела,
У опушки у самой сосны,
И соперники повалилися,
Трупы взяли к себе тростники.
Третьей пулею, что осталась
В реворвере у ней на запас,
Третьей пулей жизнь окончила, —
Так печален этот рассказ.
Прошло полгода, выпал первый снег,
Пострадала душа не одна,
А на месте том лишь осталась
Раскудрявая большая сосна.

Переписано из альбома Кошелевой Марии Васильевны, ученицы 6-го класса (№ 15—18)

№ 15

Кухарочка (песня) (На мотив «Коробочки»)

Всей душой полюбил я кухарочку,
Все коклеты готов я сожрать,
Разукрашу рогожей кибарочку
И с клопами поставлю кровать.
На кроватку из стружек перину
И ковер из навозных цветов,
Наряжу я ее, как корзину,
И отдам это все за любовь.
Чудный сад разведу я в Кубани,
Где так нежно поет воробей.
Под душистою веткой крапивы
Целовать ее буду нежней.
А как только о том я узнаю,
Что цыганочка мне неверна, —
Наказанье такое придумаю,
Захохочет и сам Сатана.

№ 16

Пролетарочка

На заводе была парочка.
Он был слесарь, рабочий простой,
А она была пролетарочка,
Всем известна своей красотой.
И она ему полюбилася,
Что не мог он свой взгляд оторвать,
Кажду ноченьку ему снилася,
Как увидел ее в первый раз.
Как-то они повстречались.
Он стоял перед ней как шальной,
А она ему улыбалася
И сказала: «Иш, добрый какой!»
«Пролетарочка черноокая,
Ты душистый весенний цветок.
Ах, ты, жизнь моя одинокая,
Пожалей хоть молодца разок».

А второй-то раз повстречались
В том саду, где поет соловей.
Целовал ее, миловал.
И шептал, что ты будешь моей.
За работою, за машиною, —
Он так думал, — что я проживу,
Заработаю два с половиною
И ей красный платочек куплю.
И пришла беда, не миновалась,
Что при жизни, она померла,
Молодая жизнь закатилась —
Под машину попала она.
Прибежал он и к ней на грудь упал,
На душистый, измятый платок,
Целовал ее губки алые,
Целовал он ей красный платок.

№ 17

Мать

Мать лежит в гробу,
Избрана в последний раз,
А ребенок удивленно
С тех цветов не сводит глаз.
И звучит неутомимо
Серебристый голосок:
«Мама, подари мне
Хоть один цветок».
Но ответу не дождался,
Сам с собою говорит:
«Мама спит, когда проснется,
То, наверно, подарит...
Няня, няня, расскажи
Мне всю правду и не скрой:
Умерла ль моя мамаша,
Умерла иль крепко спит?»
«Умерла твоя мамаша,
Ей там вечный упокой,
Вон там мамин стоит гробик,
Вон там в комнате большой».
Побежал туда малютка:
«Мама, мама!» — и затих.
Разорвалось детско сердце,
И хоронит обоих.

№ 18

Коля

Двенадцать часов ночи
Шел Коля домой,
А Настиньки ребята
Кричат: «Коля постой».
Коля остановился.
Они кругом его:
— Сейчас Колю зарежем,
Сейчас Колю уьем.
— За что же вы, ребята,
Товарища своего?
Из круга отвечают:
— Зарежем все равно...
— Товарищ ты мой милый,
В деревню ты беги,
И на вот тебе денег,
Извозчика найми.
— Извозчик, ты, извозчик,
Скорей лошадь гони.
Он кровью истекает
От финских от ножей.
Двенадцать часов ночи
Все с фабрики идут,
А Колю в чистом поле
На кладбище везут.
Зачем было влюбляться,
Зачем было любить?
Не лучше тебе Коля
Иру²² позабыть.

Записано от Алексеевой Нюши, ученицы 4-го класса (№ 19)

№ 19

Отец-зверь

Первый факт опишу я вам,
Кто не слышал, могу я пропеть.
Этот случай был в одном городе,
Как отец мог детей своих сжечь.
Этот случай был близ Саратова

²² Ире песня посвящена переписчицей. Отсюда изменение имени. —
Пояснение Л. Д. Домановского (РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 20).

И зовется тот город Петровск,
Там жила семья небогатая,
Мать больная лежала, точно воск.
Долго мучилась мать-страдалица
И спокинула весь белый свет,
Лишь оставила двух детей своих
И дала им последний совет:
«Милые детушки, спокладаю вас,
Трудно будет без мамы вам жить,
Не причешут вас, не умоют вас,
И придется раздетым ходить».
Схоронил ее одинокую,
И отец для детей стал чужой
Он нашел себе жену новую
С злобным сердцем и коварной душой.
И не раз и не два говорила она:
«Давай уничтожим детей,
Печь мы вытопим и сождем мы их,
И вдвоем будет жить веселей».
По словам они это сделали,
Отец печку скорей затопил.
Сына младшего завязал в мешок,
Мигом в печку его посадил.
Его девочка сказала: «Папочка,
Завяжи мне от страха глаза,
Чтоб не видеть смерть ужасную,
И попростимся с тобой навсегда».
Завязал глаза своей девочке
И хотел ее в печку бросать,
Увидала здесь бабка родная
И на помощь людей стала звать,
Ворвался народ — спасли девочку,
А уж мальчик-то мертвый лежал,
Все лицо его обгорелое
Страх кошмарный людям придавал.
Тут забрали их с женой красавицей
И в Петровский исправдом отвели,
Дали комнату уютную,
И дождутся судебной поры.
Ах, отцы, отцы, вы жестокие,
Как не жалко своих вам детей,
Убиваете и сжигаете
Из-за мачехи подлой своей.

Записано от Федоровой Александры Федоровны, учительницы начальной школы (№ 20, 21)

№ 20

Любовь, все знают, хороша

Любовь, все знают, хороша,
Когда взаимная бывает.
Но часто в случаях она
У многих жизнь отрывает.
Я много песен перепел,
Сейчас спою одну пред вами,
Судили девицу одну,
Она дитя была годами.
И вот настать ей должен суд.
Зал наполнен был народом,
И судьи все уселись в круг,
Конвой очистил ей дорогу.
Она просила говорить,
Ей судьи в том не отказали...
Когда окончила она,
То зал наполнен был слезами.
«Смотрите, чем не хороша?
Мой взор не омрачен годами,
Смотрите, вот моя душа,
Она открыта перед вами.
Глубоко гордость затаил,
Свое молчанье я нарушу.
За что он полюбил меня,
За красоту мою аль душу?
Среди товарищей-друзей
Он издевался надо мною,
Он гордо хвастался другой,
Не дорожил, безумец, мною.
Он гнал на улицу меня,
Я со слезами уходила... —
И горько плакала она,
Свое бывшее вспоминая. —
Однажды выгнал он меня,
Я отомстить ему решила.
Я нож вонзила ему в грудь,
О, судьи, я его убила...
Я снисхождения не прошу,
Я признаю себя виновной,
Так вы судите поскорей,
А то и так уж сердцу больно».
Вдруг притаилась она,

Последний вздох в груди раздался,
А приговор в руках судей
Так не дочитанный остался.

№ 21

Позадумал я жениться

Позадумал я жениться,
Взял приданно небольшое:
Ножик, вилки, полбутылки,
Сам парнишка небольшой.
Привет: Чал мин куна, кул мин чана
Чан мина, кулмин чан,
Мы торгуем баклажанами,
Кулмин мина, кулмин чан.

Думал женка не помеха,
Сам парнишка небольшой,
А как прожил с ней полгода,
Народился сын второй.
Привет.

Вижу дело уж тут плохо,
Я от женки убежал
На Украину далеко,
Чтобы глаз их не видал.
Привет.

Там на шахте я работал,
Много денег получал.
Не о чем я там не думал,
Но вышел большой скандал.
Привет.

Вдруг повестку получаю —
Срочно ехать в Ленинград.
А кому я там так нужен?
Сам известно не рад.
Привет.

Вот приехал, заявился,
Вызывают меня в суд.
Там я с женкой повстречался,
Заболела моя грудь.
Привет.

Я судей спросил, в чем дело,
Отвечайте мне скорей?

Суд ответил, что я бросил
Шестерых своих детей.
Припев.

Эх, товарищи вы судьи,
Я им вовсе не отец,
Я и брал ее с ребятами,
Вы поймите, наконец.
Припев.

Обращусь ко всем мужчинам,
Всяк пример с меня бери,
Кто задумает жениться —
Без детей жену бери.
Припев.

Переписано из альбома девушки (№ 22, 23)

№ 22

Песня про Валию

Это было недавно
В двадцатом году,
Любил гимназистку
Я Валию одну.
Гулял я с ней год,
Гулял я с ней два.
Она изменила
Меня молодца.
Гулял я на свадьбе,
Гуляла одна,
Своим ухажером
Дразнила меня.
Я был растерзанный
И сам не в себе,
Искал я нагана,
Наган был при мне.
Стрелять я не буду,
Письмо напишу.
Пишу письмо Вали,
Ответа прошу.
На утро все встали,
Пошли пировать,
А я пошел к Вали,
Дела разбирать.
Пришел к Вали в зал

И стал говорить:
«Ох, Валечка, Валя,
Бросаешь любить». —
Даешь мне измену,
Стреляю в себя,
Назад отвернувшись,
С нагана в тебя.
Вот выстрел раздался —
Народ побежал,
А Валечкин папа
Меня задержал.
«Ой, миленький папа,
Ты Мишу не тронь,
Во всем виновата
Здесь наша любовь.
Ой, милая мама,
Привет передай
Родным и знакомым
Подругам моим». —
Подруги вздыхали,
Наутро пришли,
Гроб на руки взяли
И Валю несли.
А Миша над гробом
Стихи сочинял,
Увидевши Валю,
Без чувства упал.
Пришел Миша в чувство,
Спросил: «Валя где?»
А Валя зарыта
В сырой во земле.
Теперь за решеткой
Сижу я один.
Однажды подходит
Ко мне гражданин.
Товарищ, товарищ,
За что ты сидишь,
Сижу за убийство,
Я Валю убил.

№ 23

Нюра

Что вы, граждане, припечалились,
Я хочу вам сейчас рассказать,
Нередкие были случаи,
Брат сестру приглашает гулять.

Поздно вечером возвращается,
Возвращается Нюра домой.
Отпустил ее прочь от публики.
И потом кричит: «Нюра, стой!».
Подошел он к ней аккуратненько
И хотел правой рукой обнять,
И начал ее уговаривать:
«Давай, Нюра, со мною гулять».
«Что ты, братец мой, не с ума ль сошел!
Как не стыдно тебе говорить?
От людей-то нам будет совестно
И про нас будут все говорить».

На базар осенью отец с матерью
Повезли они рожь продавать.
Зашел в комнату и сказал:
«Вот теперь никуда не уйдешь».
Преступление совершилось
И не вынесла это она.
Тогда в груди разрыв получилась,
Испугался брат, пишет грамоту
И оставил ее на столе,
Взял веревочку и повесился
На своем на простом чердаке.
Возвращается отец с матерью,
Платье Нюры купили они,
Зашли в комнату — видят мертвую,
И записка лежит на столе.
И в записке этой сказано:
«Вы ругайте меня, отец-мать,
Ни в чем Нюлочка не виновная,
Во всем виноват я, подлец».
По лицу отца слезы капали,
Без сознания здесь сделалась мать,
Вы, товарищи, собирайтесь,
Хулигана из петли тягать.

Записано от Павлова Миши, мальчика 12 лет (№ 24—26)

№ 24

Там в саду при долине

Там в саду при долине
Громко пел соловей,
А я мальчик на чужбине

Позабыт от людей,
Позабыт, позаброшен.
С молодых юных лет
Я остался сиротою,
Счастья в доле мне нет.
Прогудел гудок протяжный,
Все рабочие идут,
А черкесы в это время
Там облаву ведут
В неожиданной облаве
Бедный мальчик попал,
Окруженный двум мильтонам,
Уголовно шагал.
Был он в кожаной тужурке,
Был он в кожаных штанах,
Был он в кожаной фуражке,
Два нагана в руках.
Привели и посадили
И сказали: «Сиди».
И наутро объявили,
Что ты будешь убит.
Открывается темница,
Вошла шайка палачей,
Повели они Ваню
К смертной казни скорей,
Повели по переулкам,
Кто-то крикнул: «Беги».
Двадцать пуль ему вдогонку,
Семь застряло в груди.
На столе лежит покойник,
Ярко свечи горят,
Это был убит налетчик,
За него отомстят.
Вот умру я, умру,
Похоронят меня,
И родные не узнают,
Где могилка моя.
И никто не узнает,
И никто не придет,
Только раннею весною
Соловей пропоет.
Пропоет и прощечечет
И опять улетит,
И родные не узнают,
Где бедный мальчик лежит.

Песня про Васю Акулинского
(первый вариант)

Вы послушайте, ребята,
Песню новую спою
Про Акуловского Васю,
Про его горьку судьбу.
В понедельник праздник был,
Вася на ярмарке ходил,
Вася по ярмарке ходил,
С красноармейцем сердит был.
Стали в чайну собираться,
Стали к Васи поддираться,
Разгорелась в Васе кровь,
Вася из-за столика в порог,
Вася из-за столика в порог,
Красноармейцу ножик в бок,
На лошадушек садились.
Стали Васю догонять,
На селе Васю догнали,
Стали Васю стрелять,
На могилочку вели,
В ручки палочку дали,
На коленки ставили,
Яму копать заставили.
Пулю в сердце, пулю в грудь,
Вася не мог не охнуть, не вздохнуть.
«Дорогой товарищ мой,
Сходи в Акулово домой,
Скажи папаши моему,
Что не работник я ему,
А работник полевой
Лежу в могиле кровавой,
Растянулись ноженьки».
Полно ясенькому солнышку
По Акулову светить,
Полно Акуловскому Васе
По гуляночкам ходить.

Песня про Васю Акулинского
(второй вариант)

Вы послушайте, ребята,
Песню новую спою.
Про Акуловского Васю,
Про его горьку судьбу.
Мама Васю уверяла
На семнадцатом году:
«Гуляй Вася посмирнее,
Не втеряешь голову».
Вася маму не послушал,
Шел на ярмарку гулять.
Стали в чайну собираться,
Сидел Вася за столом.
Стали к Васе поддираться,
Закипела в Васе кровь.
Вася шапочку в порог,
Комсомольцу ножик в бок.
Комсомольцы выскочили:
«Куда Васю упустили?»
Кто видел, тот сказал:
«Вот туда Вася бежал».
Васю на конях догнали
И с винтовочки стреляли.
«Стой, Васютка, милый друг,
Не уйдешь из наших рук».
Васю к стенке приставляли,
Больше страху придавали.
Васи лопаточку дали,
С собой на кладбище веди,
На коленки ставили,
Яму рыть заставили.
Братец милый мой,
Сходи в Акулово домой,
Скажи папаши моему,
Что не работник я ему.
Скажи маменьке моей,
Больше не видываться с ней.
Скажи брату моему,
Что всю наряду отдаю.

№ 27

Песня про Васю Акулинского
(третий вариант)

Вы послушайте, ребята,
Песню новую спою
Про Акулинского Васю,
Про его горьку судьбу.
Сынок Вася зародился
В девятьсот втором году.
С обрезаночкой носился
Не заметно никому.
Матка Васю уверяла
На семнадцатом году:
«Гуляй Вася посмирнее,
Не втеряешь голову».
Вася матку не послушал,
На гуляночку пришел.
Народ в чайну собирался,
За столом Вася сидел.
Стали к Васе поддираться,
Закипела в Васе кровь.
Стали камешкам кидаться,
Вася шапку под порог,
Милиционеру ножик в бок.
Тот, кто видел, не сказал,
Куда Васенька бежал.
Мужики сразу сказали,
Что в овес Вася бежал.
Васю на конях нагоняли,
Из винтовочек стреляли.
Когда Васеньку догнали,
Его сразу обыскали.
[На]шли ножик, пистолет, —
В посаде Васи нет.
Притянуло Васи руки
Про себя яму копать.
Дали лопату ему в руки,
Повели на кладбище.
Когда ямочку копал
И поклоны отсылал:
«Передайте маменьке моей,
Что не будет Васенька у ней,
Передайте вы отцу моему,
Что не работник я ему.

Передайте брату моему,
Что всю наряды отдаю.
Передайте всей моей семье,
Что не будет Васенька в родне.
Когда поклоны отослали
И скомандовали: «Стреляй»,
Первая пуля улетела,
Убить Васю не хотела:
Вторая пуля прямо в лоб,
Вася схватился за столоб;
Третья пуля в голову,
Упал Вася на траву.

Записано от Соколовой Клавдии, 52 лет (№ 28)

№ 28

Напрасно, девица, страдаешь

Напрасно, девица, страдаешь,
Напрасно думаешь о нем,
Он всё одно тебя не любит,
Он любит карты и вино.
Тебя тоска в могилу сгонит,
Ему бродяге всё одно.
Недолго все так продолжалось, —
Красотка скоро померла,
Тело мертвое не держат,
Тело нужно хоронить.
Родные в тра(в)уре стояли,
Гроб черным бархатом обит.
Горели свечи восковые,
В гробу красотка крепко спит.
А перед гробом на коленях
Стоял красавец молодой,
Шептал он бледными устами:
«Прости, что сделал я с тобой.
Не знал, не знал, что меня любишь,
Не знал, что любишь ты меня.
Теперь узнал, когда в могиле
Из-за любви в землю пошла».

ПРИМЕЧАНИЯ

№ 1. РО ИРЛИ, р. V, кол. 193, № 18, Материалы из архива Л. В. Домановского (кол. 111).

Ф. Жиганец отмечает, что одним из популярных мотивов, на который исполняется эта песня — «подражание мелодии известной „воровской“ баллады («Судьба во всём большую роль играет»)». «Биография» главного героя, когда вором становится сын партийного рабочего, обретает актуальность после партийных чисток 1937 г.: «Например, бывший „вор в законе“ Михаил Дёмин, ставший позже писателем, тоже происходил из семьи „подпольщика-партийца“, и его семья подверглась репрессиям. В результате Дёмин оказался на уголовном „дне“» (*Жиганец Ф.* Блатная лирика : Сборник. Ростов н/Д., 2001. Цит. по: <http://a-resni.org/dvor/jasynrabortch.php>. Дата обращения: 27.01.2013). «Дёмин, автор песни, пел ее в конце сороковых во время этапа на 503-ю стройку, т. е. на строительство восточного участка так называемой „Мертвой дороги“ Салехард—Игарка» (*Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник (1940—1991). М., 2001. С. 308). Возможно, Михаил Дёмин (Георгий Евгеньевич Трифонов) был автором этой песни. Известны контаминации с песней «Зачем растратчиков нам брать из Ленинграда?..». Джекобсоны выделяют три варианта песни (*Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор ГУЛАГа... С. 374—376). Варианты: *Джекобсон М., Шерер Д.* Песни советских заключенных как исторический источник // Живая старина. 1995. № 1. С. 9—10; *Шелег М.* Споем, жиган... : Антология блатной песни. СПб., 1995. С. 169—170; В нашу гавань заходили корабли : Песни / Под ред. Э. Н. Успенского. М., 1996. С. 79 («Я сын рабочего, подпольщика-партийца»); Уличные песни / Сост. Добряков Алексей. М., 1997. С. 28; *Жиганец Ф.* Блатная лирика. С. 286—288, и др.

№ 2. РО ИРЛИ, р. V, кол. 193, № 27, л. 1, кол. 111, Домановский Л. В., п. 1, № 41, л. 40—40 об.

Мещанские романсы, тюремные и блатные песни

Примечание собирателя: «Данные песни были случайно мне показаны одним рабочим рудника им. С. М. Кирова Островеверховым Иваном Максимовичем. Островеверхов, отбывая в 1930—1931 гг. наказание в лагере на Севере, по Мурманской дороге записывал от своих товарищей песни, которые ему понравились с целью их заучить. Некоторые он помнил и пел, но сейчас уже забыл. В прошлом Островеверхов — крестьянин, сын кулака, урожд. Краснодарского края, Лабинского р-на, станицы Урупской. Возраст 34 г<ода>».

Записная книжка Островеерхова очень потерта. Он ее хранит как память. Копии мной делались без определенной цели, на всякий случай. Украинские песни, на мой взгляд, некоторые весьма любопытны, возможно и ценные, я старался копировать точно, т<ак> к<ак> я (и, как оказалось, сам Островеверхов) украинского языка совсем не знаю (Л. Домановский. Осень 1939 г. Тюремные песни)».

№ 3. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 4.

Зап. осенью 1939 г. в пос. им. С. М. Кирова Кировского р-на — от Ивана Максимовича Острроверхова, 34 лет. Примечание собирателя: «малограмотен».

Перетекстовка популярной солдатской песни «Горит свеча в вагоне тихо». Можно назвать ее «соловецкой» версией. О фольклоре Соловков см.: *Глубоковский Б.* 49 : Материалы и впечатления. Соловки, 1926; *Лихачев Д. С.* Соловки 1928—1931 гг. // Фольклор и культурная среда ГУЛАГа. СПб., 1994. С. 165—174. Существуют матросская, казачья и блатная версии песни. Матросская: *Пясковский А. В.* Коллективная пролетарская поэзия: Песни Донбасса. М., 1927. С. 134—135. А. В. Пясковский упоминает о существовании четырех вариантов песни: «Это старая матросская военная песня. При старом режиме была запрещена» (Там же. С. 134). См. также: *Жиганец Ф.* Блатная лирика. С. 76—78. Варианты собраны на сайте: <http://a-pesni.org/popular20/gorivsvetcha.htm>. Дата обращения: 08.07.2014.

№ 4. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 6.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 3.

Вероятно, в основе песни лежит реальный факт. О побегах из Соловецкого лагеря см.: *Сошина А. А.* Мутный призрак свободы: о побегах с Соловков в 1923—1939 гг. // Соловецкое море. 2007. № 6.

Песня в несколько измененном виде исполнялась Аркадием Северным.

№ 5. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 6.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 3.

Джекобсоны приводят два варианта песни (*Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор ГУЛАГа... С. 44—45). Публикуемый текст ближе ко второму варианту — из архива радиопрограммы «В нашу гавань заходили корабли». «Текст этой песни является переработкой стихотворения „Смерть арестанта“, сочиненного политическим заключенным Вечником на Карийских рудниках в Желавской центральной тюрьме» (*Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор ГУЛАГа... С. 46). Песня была включена в печатные песенники начала XX в. Варианты: *Петров В.* 3 фольклору правопорушників // Етнографічний вісник. Киев, 1926. Кн. 2. С. 53 («За кірпичної тюремно стіною» в записи Н. Дмитрюка); Современная баллада и жестокий романс / Сост. С. Адоньева, Н. Герасимова. СПб., 1996. С. 265—266 («За кирпичной тюремной стеною». Зап. в 1978 г. в д. Малое Борисово Бабаевского р-на Вологодской обл. Исп.: Георгиевская Аполлинария Ивановна (1903 г. р.), Вениаминова М. и Гашкова Н.); Песни царской неволи / Сост. С. И. Красноштанов. Хабаровск, 1985. С. 63—64.

№ 6. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 7—7 об.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 3.

Отрывок текста см.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 22, л. 16 об. (Ученический альбом (владелец не выявлен). Альбом приобретен от Н. Макиной — ученицы 8-го кл^{асса} > 2 ср^{едней} шк^{олы}>, в г. Кировске, пос. Кирова. 9/ХІІ.<19>40 г.).

Песня на стихи «У могилы матери» самодеятельного ярославского поэта XIX в. И. З. Сурикова. На грампластинке вышла в 1911 г. в испол-

нении С. П. Садовникова с аккомпанементом балалайки и мандалины. Песня записывалась в фольклорных экспедициях в 1970—1990-е гг.

№ 7. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 8—8 об.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 3.

Джекобсоны приводят три варианта песни. Вариант, записанный Л. В. Домановским, ближе всего ко второму варианту из архива радиопрограммы «В нашу гавань заходили корабли». Он был прислан из г. Кирова. Оговаривая, что эта песня не встречается в сборниках до 1917 г., Джекобсоны, опираясь на лексику (привратник, верст, на помин души), помещают ее среди дореволюционных. Эта песня исполнялась в одном из лагерей Коми АССР в конце 1930-х гг. (*Джекобсон М., Джекобсон Л. Песенный фольклор ГУЛАГа... С. 22—24*). Варианты: Современная баллада и жестокий романс. С. 257—258 («В воскресенье мать-старушка». Зап. в 1978 г. в д. Никольское Бабаевского р-на Вологодской обл. Исп.: Елизавета Ивановна Крутикова (1915 г. р.), Горбова В. и Шгарева И.).

№ 8. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 9—9 об.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 3.

В правом верхнем углу зачеркнута надпись собирателя: «выяснить?».

Тюремная переработка, видимо, сделанная заключенными. Начало этой песни встречается в народной драме Царь Максимилиан.

№ 9. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 10.

Зап. в 1938 г. по пути в Кировск из Ленинграда — от молодого человека, бывшего в лагерях.

Публикуемый текст восходит к песне на стихи Е. П. Гребёнки (1812—1848) «Казак на чужбине» (1838). Гребёнка был автором многих песен. «Лучшие стихи созданы в романсной или песенной манере: „Черные очи“ («Очи черные, очи страстные...») (1843), народный вариант до сих пор пользуется широкой популярностью), „Песня“ («Молода еще я девица была...») (1841), «Почтальон» (1841)), „Українска мелодія“ («Ні, мама, не можна не люба любити» (1840))» (Русские писатели. 1800—1917. Т. 2. Г—К. М., 1992. С. 14).

№ 10. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 11—11 об.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 9.

Народный вариант стихотворения Н. А. Риттера (переработка А. М. Давыдова) (1916), музыка Н. Бакалейникова (Песни русских поэтов / Сост. В. Е. Гусев. Л., 1988. Т. 2. С. 370, 490). Две последние строки заимствованы из городской лирической песни «Меж крутых бережков...» (приписывается М. Ожегову (1893)) (Песни русских поэтов... С. 269—270, 641). М. Ожегов сотрудничал с издателями (П. В. Каменевым, Е. А. Губановым), которые помещали его песни в массовые песенники. «Песни О<жегова> часто распевались еще до опубликования, они охотно исполнялись хорами песельников в трактирах, на их сюжеты выпускались лубочные картинки. Особой, долго не проходящей популярностью пользовались песни „Колечко“ («Потеряла я колечко...»), „Зачем ты, безумная, губишь...“, „Меж крутых берегов...“, „Чудный месяц плывет над рекою...“ и др.» (Русские писатели. 1800—1917. Т. 4. М—П. М., 1999. С. 403). Варианты: Современная баллада и жестокий романс. С. 154; Жестокие романсы Тверской области /

Сост. Л. В. Брадис, Е. В. Петренко, М. В. Строганов, И. С. Тарасова. Тверь, 2006. С. 14; Русский романс на рубеже веков / Сост. В. Мордерер, М. Петровский. Киев, 1997. С. 260.

№ 11. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 12—12 об.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 9.

Джекобсоны приводят пять вариантов песни. Самый подробный — по статье Н. Хандзинского (*Хандзинский Н.* Блатная поэзия // Сибирская живая старина. Иркутск, 1926. Вып. 1. С. 73—75). Однако Джекобсоны не оговаривают, что Хандзинский воспроизвел текст, написанный на стене. Песня ли это, он не уточняет. «Это, пожалуй, одна из самых длинных и популярных песен профессиональных преступников, известная всем под названием „Гоп со смыком“. Она упоминается в нескольких статьях о тюремных песнях. Ее мелодия использовалась по крайней мере в четырех других песнях. <...> Популярности песни во многом способствовал Л. Утесов, который исполнял второй вариант песни, в обработке композитора П. Игнатъева, с эстрады и даже записал его на пластинку в 1932 г. По воспоминаниям Д. Лихачева, именно второй вариант пелся профессиональными преступниками с начала 1930-х гг. на Соловках. Утесовская пластинка в конечном итоге стала решающим фактором в ее распространении. С начала 1950-х гг. она исполнялась студентами в туристических походах» (*Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор ГУЛАГа... С. 207). «Дем'яновский записав був р. 1926-го од учнів 18 Трудшколи на Подолі в Київі такі, приміром, пісні: <...> „Гоп со смыком“» (*Петров В.* 3 фольклору правопорушників. С. 46). «Как указывает один из обследователей, летом на окраинах Ленинграда пользовалась большой популярностью песня „Гоп со смыком“ — „несомненно составленная рецидивистом“. Всего эта песня насчитывает ... 263 куплета!» (*Авлов Гр.* В борьбе за песню / Жизнь искусства. 1927. 1 февраля. № 5. С. 7). См. также: *Неклюдов С. Ю.* «Гоп со смыком» — это всем известно... // Фольклор, постфольклор, быт, литература : Сборник статей к 60-летию Александра Федоровича Белоусова. СПб., 2006. С. 65—85. Варианты: *Петров В.* 3 фольклору правопорушників. С. 57—58 («Гоп со смыком» в записи Н. Дмитрук в Киеве); *Уличные песни / Сост. А. Добряков. М., 1997. С. 52* («Гоп-со-смыком» — «Родился я у беса под забором...»); Там же. С. 53—54 («Родился на Подоле Гоп-со-смыком...»).

№ 12. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 13.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 9.

Отказ от работы в лагере — путь в вору в законе, которые не идут на компромиссы с лагерной администрацией. Согласно воровским законам, вор не должен работать. Варианты: *Жиганец Ф.* Блатная лирика. С. 71—72. Начало песни в варианте Ф. Жиганца апеллирует к «Гопу со смыком»:

«„Гоп со смыком“ петь неинтересно:
Все двадцать три куплета нам известны.
Я спою вам песнь такую,
Песню новую, другую —
Как живут филоны в лагерях».

Вариант Домановского более подробен.

№ 13. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 14—14 об.

Зап. осенью 1935 г. в Ленинграде — от молодого человека, 20 лет. Примечание собирателя: «[записана] в Институте протезирования (ул. Карла Маркса, 9/12). Песня записана от инвалида от рождения (фамилию не помню) возраст 20 лет. Во время моего лечения в институте протезирования (сентябрь 1935—январь 1936)».

Варианты: В нашу гавань заходили корабли. С. 169 («Пастушка» — «По деревне ходила со стадом овец...»); Городские песни, баллады, романсы / Сост., подгот. текста и коммент. А. В. Кулагиной, Ф. М. Селиванова; Вступ. статья Ф. М. Селиванова. М., 1999. С. 389.

№ 14. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 14 об.—15.

Зап. А. Бобровым и О. Николаевым в 1978 г. в д. Ивановская Кадуйского р-на Вологодской обл. Исп.: Пикина Екатерина Ивановна, 1913 г. р.

Вариант: Современная баллада и жестокий романс. С. 38—39 («Этот случай был в лето жаркое»).

№ 15. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 17—18.

Зап. осенью 1936 г. в пос. им. С. М. Кирова Мурманской обл. Кировского р-на — от Марии Васильевны Кошелевой, 14 лет, ученицы 6-го класса 2 средней школы.

Переделка городской лирической песни «Всею душой полюбил я девицу...» (народная версия стихотворения А. Вельтмана «Полюбил всею душой я девицу») (*Якуб А. С. Современные народные песенники // Известия Отделения русского языка и словесности. СПб., 1914. Т. 19. Кн. 1. С. 71*). Варианты: Русский романс на рубеже веков. С. 273; <http://a-pesni.org/popular20/polubilvsej.htm>. Дата обращения: 08.07.2014.

№ 16. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 18—19.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 15.

Пародия на популярную песню «Кирпичики». Музыкальный деятель 1920-х гг. Л. Лебединский считал песню «Кирпичики» куда более «вредной», нежели городские романсы, так как она претендовала на то, чтобы быть новой рабочей песней, однако и содержание, и напев роднили ее со «второсортным» мешанским фольклором. «Таков же В. Кручинин, пустивший вальс „Две собачки“ в виде песни „Кирпичики“, создавший и „знаменитую“ „Шахту № 3“, отвратительную „цыганщину“, искалечившую музыкальный вкус миллионов. Подобные произведения — цвет, аромат медленного перерожденчества, разложения и вредительства» (*Лебединский Л. Наш массовый музыкальный быт // Пролетарский музыкант. 1930. № 9—10. С. 18*). «Музыка „Кирпичиков“ притупляет. У нее монотонный, однообразный ритм. <...> „Кирпичики“ воспитывают сонную, ленивую, инертную волю, они отучают мысль от стремительности, остроты и блеска» (Там же. С. 7—30). О «Кирпичиках» см.: *Бахтин В. С. «Кирпичики» // Нева. 1997. № 10. С. 225—229; Неклюдов С. Ю. «Все кирпичики да кирпичики...» // Шиповник: Историко-филологический сборник к 60-летию Р. Д. Тименчика. М., 2005. С. 271—303. Запись «Кирпичиков» обнаруживается и в старообрядческом лицевом сборнике XIX в.: «На украини где то в городі я убогий семі раділас, лет сімнадцяти горемічняя на кірпічної завод найнилас» (Древлехранилище им. В. И. Малышева*

ИРЛИ РАН, кол. М. С. Бурмагиной, № 93, л. 103 об., карандашная надпись скорописью, начала XX в.); автор настоящей публикации выражает благодарность Арине Бильдюг, указавшей на эту запись. О пародии на «Кирпичики» в блатной среде: *Цехновицер О. В.* [Тюремные песни]. С. 503—504. Пародией уже в свою очередь на «Пролетарочку» является песня «Семен/Сергея – пролетарий»: «Служил на заводе Семен-пролетарий» (*Бахтин В. С.* Из городского песенного репертуара 1920—1930-х гг. // Живая старина. 1995. № 1. С. 20); «Служил на заводе Серенька-пролетарий» (В нашу гавань заходили корабли. С. 36); «Сергея-пролетарий» (Уличные песни. С. 308—309). Вариант: В нашу гавань заходили корабли. С. 42 («Пролетарочка» – «На заводе том была парочка...»).

№ 17. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 19.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 15. Собиратель, по-видимому, ошибочно указывает «Переписано из альбома Лиды Кошелевой».

Примечание собирателя: «Подобные альбомные песни с крепкой долей примитивного сентиментализма, бывшего совсем недавно в большом ходу, отходят безвозвратно в прошлое. Любопытно, что они все еще продолжают встречаться в тщательно припрятываемых тетрадочках у девочек-школьниц 4—7 кл<ассов>. Мне думается, что в этом влияет некоторая доля романтики, стремление иметь „свою тайну“, над материалом которой (песенками, наивными стишками и пр.), конечно же, задумываются. У деревенских девушек и учениц альбомы играют роль песенников».

№ 18. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 20.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 15.

Переделка песни «Аржак». С. Ю. Неклюдов считает песню «Аржак» зависимой от песни «Маруся отравилась». Вероятно, что в основе обеих лежит уголовная хроника. Варианты песни и анализ см.: *Неклюдов С. Ю.* Почему отравилась Маруся? // Габриэлиада: К 65-летию Г. Г. Суперфина. Цит. по интернет-ресурсу: <http://www.ruthenia.ru/document/545633.html>. Дата обращения: 08.07.14.

№ 19. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 21.

Зап. летом 1937 г. в д. Болоково Новоржевского р-на Калининской обл. Исп.: Нюша Алексеева, 12 лет, ученица 4-го класса.

В папке «особое хранение» этот же текст не паспортизирован: РО ИРЛИ, р. V, кол. 193, № 23, Материалы из архива Л. В. Домановского (кол. 111), л. 3—3 об. Зап. от «Ал. Н. 17/VIII—37». Варианты: *Лурье М. Л.* Народная баллада «В одном городе близ Саратова...»: (Постановка вопросов и публикация вариантов) // Вестник РГГУ: Ежемесячный научный журнал. 2009. № 9. С. 216—258 (Серия «Литературоведение. Фольклористика»); В нашу гавань заходили корабли. С. 170—171 («Печка» — «В одном городе близ Саратова...»). Джекобсоны считают эту песню вариантом песни про Митрофаньевское кладбище (*Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор ГУЛАГа... С. 466—469). В сборнике «Современная баллада и жестокий романс» (С. 126—127) приведен вариант песни «Мы с товарочкой вдвоем училися». Содержание соответствует песне

«В одном городе близ Саратова», однако имеет другое ритмическое оформление: «Ох, была беда да близ Саратова / Жила семейшка да небогатая» (зап. в 1978 г. в д. Давыдовка Бабаевского р-на Вологодской обл. Исп.: Меленцова Анна Матвеевна (1908 г. р.), Штарева И. и Горбова В.).

№ 20. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 22—23.

Зап. летом 1937 г. в д. Доманово Новоржевского р-на Калининской обл. Исп.: Александра Федоровна Федорова, 21 года, учительница начальной школы.

Вариант: из архива Л. В. Домановского (р. V, кол. 99, п. 3, № 22, л. 26—27). Примечание собирателя: «Ученический альбом (подлинный владелец не выявлен). Альбом приобретен от Н. Макиной — ученицы 8-го кл^{асса} 2 ср^{едней} шк^{олы} в г. Кировске, пос. Кирова. 9/ XII—40 г.»:

«Песня.

Зачем люблю тебя так сильно,
Зачем мне скучно без тебя,
Зачем так смотришь на меня лукаво,
Зачем терзаешь ты меня.
Огонь горит, пылает, но любовь жарче огня,
Огонь залить возможно,
Но любовь ничем нельзя
Любовь тогда лишь хороша,
Когда взаимная бывает,
Но в частых случаях она,
У многих жизни отнимает,
Теперь я песню вам спою,
Своими видел я глазами,
Судили девицу одну.
Она дитя была годами, вот скоро ей начнется
Суд. Весь зал наполнен был народом,
И судья все сидят вокруг, конвой пробил
Для ней дорогу, она просила говорить.
И судья ей не отказали, когда окончила она,
Весь зал наполнен был слезами. Смотрите,
Всем я хороша, мой вздор не омрачен годами,
Судите все мои друзья, я вот открыта
Перед вами, большую гордость затая, свое
Молчанье я прекращаю, за что он полюбил меня,
За красу ли я не знаю, и долго я
Боролась с ним. Но воля чувств не уступила,
Ушла от матери родной, судья, я его любила
Среди товарищей своих.
Хвалиться стал уже другою,
А я узнала все о нем,
Не дорожит безумец мною,
Однажды встретилась я с ним,
И отомстить ему решила,

Вонзила в грудь ему кинжал,
О! Судья, я его любила.
Я снисхожденье не прошу,
И признаюсь, что виновата,
Читайте приговор скорей,
А то и так уж сердцу больно,
Вдруг пошатнулася она,
Последний вздох ее раздался,
И приговор в руках судьи,
Так недочитанным остался».

«Эта песня о профессиональной преступнице <...> написана на мотив романса „Он виноват“ музыка М. Перроте. В светском романсе, начинающемся со слов „Не говорите мне о нем“, женщина хочет забыть обидевшего ее мужчину. В воровской песне она убивает его» (Джекобсон М., Джекобсон Л. Песенный фольклор ГУЛАГа... С. 220). Джекобсоны приводят три варианта песни (Там же. С. 214—220). Самый ранний вариант: *Глубоковский Б.* 49 : Материалы и впечатления. С. 30—31. Варианты: Песни узников / Сост. В. Пентюхов. Красноярск, 1995. С. 124—125; В нашу гавань заходили корабли. С. 150—152; Современная баллада и жестокий романс. С. 40—41 («Сейчас вам случай расскажу»), 41—43 («Любовь, я знаю, — хорошо), 314—315 («В Московском зале городском»); Уличные песни. С. 189—190 («Судили девушку одну»); Баллады / Предисл. и публ. С. Б. Адоньевой // Русский школьный фольклор : От вызываний Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А. Ф. Белоусов. М., 1998. С. 175, 176—177; Альбомы детской колонии / Предисл. и публ. М. В. Калашниковой // Там же. С. 382—383.

№ 21. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 24.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 20.

Фрагментарно, не с начала, песня представлена в «особом хранении» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 193, № 23, Материалы из архива Л. В. Домановского (кол. 111), л. 4).

№ 22. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8.

Зап. летом 1927 г. в д. Доманово Новоржевского р-на Калининской обл. — от девушки.

В папке «особое хранение» представлена полевая запись текста, текст неполный, не с начала (РО ИРЛИ, р. V, кол. 193, № 23, Материалы из архива Л. В. Домановского (кол. 111), л. 1).

№ 23. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 24 об.—25.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 22. Примечание собирателя: «переписана из альбома девушки».

Варианты: Современная баллада и жестокий романс. С. 117—118.

№ 24. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 25.

Зап. летом 1937 г. в д. Доманово Новоржевского р-на Калининской обл. Исп.: Миша Павлов, 12 лет. Примечание собирателя: «знает много романсов „жестокого“ типа».

Этот же текст (вероятнее всего, полевая запись) хранится в папке «особое хранение» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 193, № 23, Материалы из ар-

хива Л. В. Домановского (кол. 111), л. 9—9 об.). Джекобсоны излагают историю песни, основываясь на работах Р. Ротштейна, Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд. Согласно им, в основу песни лег романс 1870-х гг. «Она посмотрела мне грустно в лицо». В начале XX в. появляются фольклорные переработки романса, одна из которых публикуется в сборнике братьев Соколовых «Сказки и песни Белозерского края» (М., 1915). Именно эта версия, согласно Ротштейну, была переработана малолетними преступниками, и, в записи М. Афанасьева и Запори́жжа «Как в саду при до́ліні», была опубликована в 1926 г. (*Петров В. 3 фольклору правопорушників*. С. 54). Песня озвучивала фильм «Путевка в жизнь», что способствовало ее популярности (*Джекобсон М., Джекобсон Л. Песенный фольклор ГУЛАГа...* С. 479—480). «В результате широкого использования музыки и песен в кино 1930-х гг. рождается эффект прямого эмоционального участия и объединения коллектива. Об этом свидетельствует, например, популярность песен советской кинокомедии. Возникает впечатление, что поют не актеры фильма или кинопублика, а само народное содружество» (*Гюнтер Х., Хэнсен С. Введение // Советская власть и медиа : Сборник статей под общ. ред. Ханса Гюнтера и Сабины Хэнсен*. СПб., 2006. С. 9—10).

Джекобсоны приводят три варианта песни. Второй вариант, по коллекции А. Варди, включает сюжет песни «Если урика поймали». В публикуемом тексте налицо контаминация с песней «Налетчик» (*Джекобсон М., Джекобсон Л. Песенный фольклор ГУЛАГа...* С. 149—152). Такая же контаминация есть в тексте из «Неожиданно в облаву» (Ванюша попадает в облаву, мать узнает об этом, Ванюша бежит и погибает). Вторая часть — «Вот умру я, умру» (Зап. в 1978 г. Е. Столяровой и И. Смирновым в д. Лог Кадуйского р-на Вологодской обл. Исп.: Василий Ефимович Кольцов (1919 г. р.)) (Современная баллада и жестокий романс. С. 256—257). См. также комментарий М. Л. Лурье в сборнике О. Цехновицера (*Цехновицер О. В. [Тюремные песни]*. С. 619—621). Варианты: Современная баллада и жестокий романс. С. 193—196; Уличные песни. С. 92; *Цехновицер О. В. [Тюремные песни]*. С. 513—514. № 25—27. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 25—27.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 24.

Второй вариант: зап. летом 1937 г. в д. Болоково Новоржевского р-на Калининской обл. Исп.: Алексей Хохлов, 11 лет. Примечание собирателя: «он песню заучил от мальчика из д. Полушкина Посадниковского с/с этого же района».

Третий вариант «Акуловского Васи» в виде фрагментарной записи (не с начала) хранится в РО ИРЛИ (р. V, кол. 193, № 23, Материалы из архива Л. В. Домановского (111 кол.), л. 10—10 об.). В тексте из «особого хранения» отсутствует начало и конец песни. Однако сравнение текстов позволяет предположить, что в «особое хранение» была помещена полевая запись именно этого текста из коллекции № 99.

Примечание собирателя: «подобных по содержанию, построению песен в деревнях Лиховского с/с, Васьково-Иглинского с/с Новоржевского р-на довольно много (см. присланные ранее «Про Качаевскую Маню», «Вася и Маня»). Они распространились в ущерб

высоко художественной старинной песни. Старую песню молодежь вообще не знает, помнят ее только старики».

№ 28. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 28.

Зап. в марте 1938 г. в пос. им. С. М. Кирова Кировского р-на Мурманской обл. Исп.: Клавдия Соколова, 52 лет (урожд. д. Скребино Чарозерского р-на Вологодской обл.).

В основе песни — стихотворение Я. Полонского «Подойди ко мне, старушка...» (1856). Подробнее см.: *Неклюдов С. Ю.* Фольклорные переработки русской поэзии XIX в. : Баллада о Громобое // И время и место : Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Осповата. М., 2008. С. 574—593. Варианты: Современная баллада и жестокий романс. С. 109, 110, 146—148; современные варианты см.: <http://a-pesni.org/dvor/dajtehodu.php>. Дата обращения: 08.07.2014.

РАЗДЕЛ IV. АРХИВЫ. БИБЛИОГРАФИЯ

А. И. ВАСКУЛ

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «НОВГОРОДСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» (1838—1917)¹

(АННОТИРОВАННЫЙ ТЕМАТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ)

Новгородские губернские ведомости (далее — НГВ), как и большинство губернских ведомостей, выходили в 1838—1917 гг. Первоначально газета издавалась еженедельно, а с 1895 г. — два раза в неделю.

В Неофициальной части НГВ, которая сначала называлась «Прибавление», помещались различные материалы регионального характера: сведения географические, топографические, исторические, археологические, статистические, этнографические и др. Статьи фольклорно-этнографического содержания публиковались с первых лет издания газеты (18, 65, 85, 104). Наибольшее количество фольклорных материалов пришлось на конец 1850-х—начало 1870-х гг., благодаря собирательской деятельности местных краеведов, а также лиц, оказавшихся волею судьбы в Новгородской губернии.

Федор Федорович Пардалоцкий (ок. 1823—сер. 1880-х), смотритель уездных училищ, член Новгородского статкомитета, корреспондент Русского географического общества,² был одним из активнейших корреспондентов НГВ. В заметке «Народные

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 11-34-00329а2.

² Дубинин Н. П. Ф. Ф. Пардалоцкий // Русская старина. 1891. Т. 71. № 9. С. 642; Модзалевский Б. Л. Пардалоцкий Федор Федорович // Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. 13. С. 313.

приметы, суеверия и предрассудки, заговоры и ворожба» (7) описываются поверья о галках, ласточках, кротах и т. д. В статье особое внимание уделено приметам, связанным с определением погоды, календарем, похоронами, родильным и свадебным обрядами. Здесь же помещены лечебные (от зубной боли, кровь оставивать, от пьянства) и скотоводческие (если корова потерялась, на первый выгон скота) заговоры. Серия статей посвящена календарной обрядности, старинным праздникам Валдайского уезда (68—70). В некоторых случаях приводятся тексты песен, а также делается попытка объяснить происхождение праздников. Например, название «коляда», считает Ф. Ф. Пардалоцкий, восходит к имени бога мира Коляда у славян. Пардалоцкий опубликовал хороводные песни с подробным описанием хороводных фигур и игр (106), а также несколько текстов отдельных песен (107). Особое внимание Ф. Ф. Пардалоцкий уделял истории города Валдая и Валдайского уезда, которая отразилась в местных преданиях (96, 99). Кроме того, Ф. Ф. Пардалоцкий опубликовал «малые» жанры фольклора: загадки (83) и пословицы (80—82).

На страницах НГВ Михаилом Кондратьевичем Герасимовым,³ земским фельдшером Уломской волости Череповецкого уезда, тесно сотрудничавшим с Русским географическим обществом и Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, печатаются предания о «панах» и кладях (89), а также заклинательные тексты, среди которых преобладают пастушечьи и охотничьи заговоры (32).

Одним из корреспондентов НГВ явился также Руф Гаврилович Игнатъев (1818—1886), историк, археолог, архивист, краевед Новгородской, Оренбургской и Уфимской губерний.⁴ В конце 1840-х—начале 1850-х гг. он служил почтмейстером в Новгородской губернии и активно занимался собирательской деятельностью. В статье «Новгородские праздники» дается характеристика календарных праздников с текстами песен, к некоторым из которых приведены ноты в приложении «Мотивы новгородских народных песен» (59). Также им напечатан текст баллады о сестре и братьях-разбойниках, записанный в Тверской губернии (105), и несколько исторических преданий (92, 93).

³ Риммер Э. П. Герасимов Михаил Кондратьевич // Вологодская энциклопедия. Вологда, 2006. С. 161.

⁴ Историки Южного Урала: Вторая половина XIX—начало XX в. Оренбург, 1999. С. 27—49; Нугаева Ф. Г. Р. Г. Игнатъев — историк, архивист, краевед (1818—1886 гг.) // Отечественные архивы. 2008. № 2. С. 27—31; Васкул А. И. Ахутин Никифор Иванович // Русский фольклор. СПб., 2012. Т. 36. С. 677—678.

Никифором Ивановичем Ахутиным (ок. 1860—1914), несколько лет преподававшим в Череповецкой учительской семинарии и Мариинской женской гимназии, опубликована серия статей, где помещены народные песни и частушки, тексты которых классифицированы по тематическому принципу (111—117).

Тематика печатавшихся фольклорно-этнографических материалов на страницах НГВ весьма разнообразна. Встречаются комплексные описания фольклорной традиции какого-либо населенного пункта, например сел Яргомж Череповецкого уезда (3) и Тигина Кирилловского уезда (4), или целого уезда Новгородской губернии, например Боровичского уезда (5). Но значительное количество статей являются публикациями фольклорных текстов и обрядов. Среди них материалы, касающиеся календарной обрядности, преимущественно празднования Масленицы (62, 66, 76) и святок (52—55, 58, 63—65, 67, 69, 70, 75), описания свадебных обычаев (37, 40—42, 44—46), верований и суеверий местных жителей (11—13, 19, 22, 23), заговорные тексты (30, 32—34), предания (85, 88—93, 95, 98, 103).

Принципы оформления указателя. Материал расположен по тематическим рубрикам, внутри в алфавитном порядке. Если подряд встречается несколько статей, принадлежащих одному автору, то в таком случае они приводятся по хронологии. В тех случаях, когда один и тот же источник имеет отношение к двум и более разделам, он помещается только в одном, к которому более тяготеет по тематике. При описании «Неофициальная часть» не указывается, поскольку в ней опубликовано большинство материалов. В некоторых выпусках НГВ отсутствует пагинация страниц, что отразилось в библиографических описаниях. Аннотации приводятся, как правило, только для тех работ, заглавие которых не раскрывает их полного содержания.

Библиографический обзор снабжен двумя вспомогательными указателями: именованным и географическим.

СОБРАНИЕ ТЕКСТОВ И МАТЕРИАЛОВ ПО РАЗНЫМ ЖАНРАМ

1. *Антипов В.* Очерк Уломского края Череповецкого уезда // Новгородские губернские ведомости. 1895. 30 апр., № 32. С. 2—3; 4 мая, № 33. С. 2—3.

Суеверия, приметы, пословицы, загадки.

2. *Белавин Ф.* Описание 3 стана Новгородского уезда // Новгородские губернские ведомости. 1861. 28 окт., № 43. С. 371—376; 4 нояб., № 44. С. 380—384.

Сведения о пище, одежде, основных занятиях, нравственном облике жителей. Рассказ о знахарке.

3. *Б-л-в. Яргомж* (его местность, ремесла и промышленность крестьян, их нравы и обычаи) // Новгородские губернские ведомости. 1869. 12 апр., № 15. С. 119—120; 19 апр., № 16. С. 125—126; 26 апр., № 17. С. 129—130.

Череповецкий уезд. Описание быта, занятий, религиозных верований. Упоминается о вере в леших, водяных и проч. Знахари. Килы. Обереги для скота (в Великий четверг на рассвете ходят за вересом).

4. *Из-лов С-ийй. Тигина* // Новгородские губернские ведомости. 1870. 12 сент., № 37. С. 6—7; 19 сент., № 38. С. 7—8; 26 сент., № 39. С. 5—6.

Сведения о местоположении (Кирилловский уезд), народонаселении. Описания жилища, основных занятий и ремесел жителей. Черты характера, образованность населения. Предание о Литве. Описание празднования Масленицы, святок, Пасхи, Троицына дня.

Текст плясовой песни: «Вы ерши, / Рыбка маленькая, / Костоватенькая...».

5. *Михайловский М., свящ.* Боровичский уезд, очерки и сообщения // Новгородские губернские ведомости. 1874. 13 июля, № 28. С. 4—5.

О суевериях, перечисляются народные обычаи и верования: лешие, колдуны, глаза, свадьба и т. д. Сведения о постройках, одежде. Религиозные верования.

6. *Оборотни* (из сельских наблюдений во время падежа скота) // Новгородские губернские ведомости. 1872. 15 апр., № 16. С. 4—5; 22 апр., № 17. С. 4.

О случаях, когда колдуны в виде животных душили людей. Сказка о сапогах-скороходах.

Про обряд опаживания села во время угрозы падежа скота. Текст заговора.

7. *Пардалоцкий Ф.* Народные приметы, суеверия и предрассудки, заговоры и ворожба // Новгородские губернские ведомости. 1875. 3 мая, № 18. С. 9—10; 10 мая, № 19. С. 9—10.

Приметы, связанные с определением погоды, календарем, похоронами, родильным обрядом (в некоторых случаях не совсем приметы, а скорее предохранительные действия). Свадебный обряд. Приметы счастливой и несчастной жизни молодежи. Суеверия и предрассудки. Легенда о том, почему плохо относятся к галкам и воробьям и любят ласточек. Суеверия, связанные со смертью, церковными обрядами и христианским календарем. Предание о радуге (змея, пьющая воду). О наказании крота. Обычай при переходе в новый дом. Лечебные и скотоводческие заговоры.

8. *Рубинов Петр.* Живые остатки язычества // Новгородские губернские ведомости. 1863. 11 мая, № 19. С. 221—222.

Об обычаях Кирилловского уезда (ранее — Чарандский округ). О приношении жертвы перед сенокосом: раньше оленями, сейчас — быками. Обычай единоборства (между селами). Катание на лошадях на Масленицу. О вере в леших, водяных, банников, гуменников, кикимор, домовых.

9. Усть-Коширское // Новгородские губернские ведомости. 1869. 3 мая, № 18. С. 136—137.

Две песни («Как вчерашняя вода / Не покрыта была...»; «Я на горку шла / Тяжело несла...»). Предание о кладе, найденном при постройке церкви. Загадки. Описание деревенских посидок. Тексты хороводных песен. Описание игр.

Мифология и верования

10. *Вересов П.* Сила молитвы : (Народное сказание) // Новгородские губернские ведомости. 1895. 30 апр., № 32. С. 2.

Очерк о муже-мертвце, являвшемся жене.

11. *Виноградов Василий.* Слышанное о суевериях простолюдина при встрече св. Пасхи // Новгородские губернские ведомости. 1869. 23 авг., № 34. С. 245; 6 сент., № 36. С. 258—259.

О верованиях на Пасху. В Пасхальную ночь особенно озлобляется нечистая сила: может спасти страстная свеча. Если остаться в церкви, когда все уйдут на утренний крестный ход, то можно увидеть умерших родственников. Если во время Пасхального богослужения незаметно что-либо украсть, то не будешь уличен в воровстве. В Пасхальную ночь можно увидеть колдунов. Легенда о том, что при воскрешении Христос заковал сатану в стул с железными оковами.

12. *Зверев [И. С.]* Одно из поверий моей родины : (Из каникулярных записок семинариста) // Новгородские губернские ведомости. 1870. 21 февр., № 8. С. 5—6.

Об обычае накануне Петрова дня сторожить закликух, которые выдают все молоко у коров.

13. *К. Село Передки* (Новгородской губернии, Боровичского уезда) // Новгородские губернские ведомости. 1869. 12 июля, № 28. С. 197.

О верованиях в Великий четверг: ходят за вересом и жгут его на полу, прыгая по нему всем семейством (для здоровья); до зари изображают, что косят сено, подгребают его (для урожая летом); берут куриное яйцо и водят по бокам лошади, приговаривая: «как это яйцо кругло, так и ты будь кругла».

14. *К-ский А.* Обращение и уход нашего простолюдина за животными // Новгородские губернские ведомости. 1869. 21 июня, № 25. С. 183—184.

Об «обходе» пастуха. Нельзя ругать корову, поминать черта — может потеряться. Куры, которые сами расклеивают свои яйца — предвестницы несчастья, в таком случае им обрубают клювы.

15. Несколько слов о порче // Новгородские губернские ведомости. 1857. 9 февр., № 6. С. 39—43; 16 февр., № 7. С. 45—51.

Описывается несколько случаев порчи: как мужчина не смог причаститься и беременной женщине по ночам мерещились крысы. Приводятся рассуждения автора, заметки о знахарях.

То же // Московские губернские ведомости. 1857. 9 февр., № 6. С. 61—66; 16 февр., № 7. С. 73—80.

То же // Тверские губернские ведомости. 1857. 8 июня, № 23; 15 июня, № 24; 22 июня, № 25.

16. О птичьем крике и о суеверии крестьян // Новгородские губернские ведомости. 1854. 3 апр., № 14. С. 78—79.

17. *Остряков П.* Суеверия в Новгородской губернии // Новгородские губернские ведомости. 1861. 18 ноябр., № 46. С. 394—398.

Вера в домовых, водяных, леших, оборотней: описания внешности, функции, способы как увидеть.

18. Падение Перуна. Первые православные церкви. Древний кафедральный Софийский собор в Новгороде // Новгородские губернские ведомости. Прибавление. 1840. 20 янв., № 3. С. 12—14.

19. Предрассудки и поверья наших простолюдинов // Новгородские губернские ведомости. 1880. 20 сент., № 38. С. 6—7.

Об оберегах во время родов и крещении. Вера в домовых, водяных, леших. О лечении и порче колдунами.

20. Пример суеверного обычая крестьян // Новгородские губернские ведомости. 1870. 15 авг., № 33. С. 6.

Об обычае после обмывания покойников выливать воду и выбрасывать солому в озеро, откуда затем берется питьевая вода, отсюда и рост заболеваемости.

21. Религиозно-историческое значение избы славянина // Новгородские губернские ведомости. 1852. 5 янв., № 1. С. 1—2.

То же // Нижегородские губернские ведомости. 1852. 14 июня, № 24. С. 95—96.

См.: *Афанасьев А. Н.* Религиозно-языческое значение избы славянина // Отечественные записки. 1851. № 6. Науки и искусства. С. 33—66.

22. Современные поверья наших простолюдинов относительно колдунов и чародеев и объяснение происхождения этих поверий // Новгородские губернские ведомости. 1868. 4 мая, № 18. С. 117; 11 мая, № 19. С. 124.

О продаже души и чернокнижии. О способах предохранения от злых людей.

23. Современные поверья наших простолюдинов относительно колдунов и чародеев и объяснение происхождения этих поверий // Новгородские губернские ведомости. 1880. 13 сент., № 37. С. 6—8.

О том, как становятся колдунами. Связь верований в колдунов с язычеством.

24. *С-д-в А. Кликуша* // Новгородские губернские ведомости. 1872. 30 дек., № 53. С. 7.

Рассказ о женщине из Устюженского уезда, которая была испорчена и бесновалась при слове «змея».

25. *Т. Д.* Замечательный случай с желающими вступить в брак // Новгородские губернские ведомости. 1869. 8 ноябр., № 44. С. 407—408.

О том, как у невесты случался припадок, как только начиналось венчание. Перед этим ей приснился сон, что ей не быть замужем, пока не исполнит обещанного — во время болезни она дала обет, что сходит помолиться Тихвинской Божией матери.

Приметы

26. *Кремер А.* Свод народных примет о посеве и уборке хлеба и сена, о пахоте и удобрении земли // Новгородские губернские ведомости. 1851. 12 мая, № 19. С. 88—92; 19 мая, № 20. С. 93—98.

То же // Земледельческая газета. 1851. 6 февр., № 11. С. 85—87; 9 февр., № 12. С. 89—96.

То же // Архангельские губернские ведомости. 1851. [3 марта], № 9. С. 70—72; [10 марта], № 10. С. 76—81.

То же // Ярославские губернские ведомости. 1851. 14 апр., № 15. С. 141—144; 21 апр., № 16. С. 159—160; 28 апр., № 17. С. 169—171; 5 мая, № 18. С. 174—176.

27. *Шухвостов Н.* Могут ли быть принимаемы в руководство народные приметы в сельском хозяйстве // Новгородские губернские ведомости. 1870. 22 авг., № 34. С. 5—6; 5 сент., № 36. С. 6—7.

Развенчание примет.

Заговоры. Народная медицина

28. Бабничанье // Новгородские губернские ведомости. 1863. 28 сент., № 39. С. 404—405.

О дурных последствиях рождения в крестьянских домах. Некоторые подробности родильного обряда.

То же // Олонецкие губернские ведомости. 1863. 20 июля, № 28. С. 103—104.

29. *Б-в А.* Кровопускание // Новгородские губернские ведомости. 1869. 15 марта, № 11. С. 84—85.

30. *Вересов П.* Пастух // Новгородские губернские ведомости. 1896. 25 июля, № 54. С. 2—3.

Приведен материал о пастушеских заговорах.

31. *-в -ий.* Одна из наших лекарок и одна из ее панацей // Новгородские губернские ведомости. 1870. 14 марта, № 11. С. 6—7; 21 марта, № 12. С. 7.

Описание случая лечения в Великий четверг (ледяное окунание).

32. *Герасимов М. К.* Молитвы, заговоры и заклинания, записанные в Череповецком уезде // Новгородские губернские ведомости. 1896. 19 сент., № 69.

Пастушечьи и охотничьи заговоры.

33. По части этнографии // Новгородские губернские ведомости. 1866. 29 янв., № 4. С. 59—60.

4 молитвенных стиха при пробуждении и отхождении ко сну и 6 лечебных заговоров, записанных в Валдайском уезде.

34. Простонародные верования относительно лихорадки и способов ее лечения и объяснение происхождения этих верований // Новгородские губернские ведомости. 1868. 5 окт., № 40. С. 286; 12 окт., № 41. С. 293.

Заговорные тексты.

35. *Страхов П. И.* О русских простонародных банях // Новгородские губернские ведомости. 1856. 14 июля, № 28. С. 176—180; 21 июля, № 29. С. 182—187; 28 июля, № 30. С. 188—192; 4 авг., № 31. С. 194—201; 11 авг., № 32. С. 204—209.

ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ

Свадебные обряды

36. *Арсеньев Ф. А.* Порча // Новгородские губернские ведомости. 1863. 15 июля, № 28. С. 314—315.

О порче на свадьбах.

То же // Вологодские губернские ведомости. 1863. 11 мая, № 19. С. 61—62.

37. *Виноградов А.* Свадебные причеты // Новгородские губернские ведомости. 1896. 10 марта, № 19. С. 2—3.

38. *Гиляровский Федор, протоиер.* Порча в народе браков // Новгородские губернские ведомости. 1872. 6 мая, № 19. С. 5—6; 13 мая, № 20. С. 5—8.

Попытка развенчать суеверия. Приводятся случаи порчи. Описание свадебного обряда.

39. *Гиляровский [Ф.], протоиер.* Женитьба и замужье // Новгородские губернские ведомости. 1873. 7 июля, № 27. С. 4—5; 28 июля, № 30. С. 5—6; 18 авг., № 33. С. 5—6.

О счастливых и несчастных днях для замужества. Автор пытается рационально объяснить рядом факторов такие несчастные браки. Бедствия чадородия.

40. *Иванов В. Ф.* Причет невесты-сироты // Новгородские губернские ведомости. 1895. 27 июля, № 57. С. 2.

41. *Иванов В. Ф.* Свадебные причеты [в Кириллов. у.] // Новгородские губернские ведомости. 1896. 20 июня, № 45. С. 2; 23 июня, № 46, С. 2—3.

42. Крестьянская свадьба в приходе X-в (Кирилловского уезда) // Новгородские губернские ведомости. 1869. 3 мая, № 18. С. 137—138.

Описание двух видов свадеб: уводная и сговорная. Текст свадебной песни.

43. От редакции // Новгородские губернские ведомости. 1866. 28 мая, № 21. С. 334.

Пояснения к статье «Свадебная старина» (см. № 46).

44. *С-в В.* Деревенская свадьба : Рассказ крестьянки Старорусского уезда // Новгородские губернские ведомости. 1869. 22 февр., № 8. С. 60—62.

Описание обряда с включением причитаний и песен.

45. Свадебные обычаи в Череповецком уезде, в Ярославском приходе // Новгородские губернские ведомости. 1865. 16 окт., № 45. С. 577—579.

Последовательное описание свадьбы. В некоторых местах с включением строк из свадебных причитаний и песен. Есть сноски, в которых поясняются предметы быта и одежда.

46. Свадебная старина // Новгородские губернские ведомости. 1866. 28 мая, № 21. С. 334—336.

Свадебные песни и приговоры.

Похоронные обряды

47. Похоронные обычаи и приметы, наблюдаемые в Яргомжском приходе, Череповецкого уезда // Новгородские губернские ведомости. 1865. 13 ноябр., № 49. С. 650.

Последовательное описание похоронного обычая.

48. *Рубинов Иринарх*. Кусонские похороны // Новгородские губернские ведомости. 1865. 23 янв., № 4. С. 9.

О похоронном обычае. С оттенком сожаления, что жители не по-христиански провожают усопших. Взгляд явно стороннего наблюдателя.

Календарно-хозяйственные обряды

49. *А. В.* Из нравов Андожан // Новгородские губернские ведомости. 1868. 7 дек., № 49. С. 379—380.

Об обычае «подвязывать березки». Описание гадания: березки подвязывают на Егорьев день, а на Троицу смотрят.

50. *А-в И.* Ильин день в Устюцкой волости (Устюжнского уезда) // Новгородские губернские ведомости. 1869. 15 февр., № 7. С. 55—54 (sic!).

51. *А-в.* Богоносцы // Новгородские губернские ведомости. 1869. 22 марта, № 12. С. 93.

Обычаи на Пасху.

52. *А-в.* Из деревни после святок // Новгородские губернские ведомости. 1869. 5 апр., № 14. С. 109.

Колядование. Переряживание. Гаданья. Автор связывает праздник с греко-римской традицией.

53. *А-ский.* Из воспоминаний бывшего Тихвинца (Святочные нравы горожан) // Новгородские губернские ведомости. 1869. 1 февр., № 5. С. 39—40.

Ряженье. Текст славления.

54. *А-ский.* Святочный вечер в Оглобине, Тихвинского уезда : (Очерк деревенских нравов) // Новгородские губернские ведомости. 1869. 8 февр., № 6. С. 45—46; 8 марта, № 10. С. 75—76.

Описание святочных увеселений молодежи. Тексты песен. Описание посиделок. Гадания.

55. *Б.* Христолавы (Из святочных обычаев Белозерска) // Новгородские губернские ведомости. 1899. 24 дек., № 99. С. 1—2.

56. *В-кин.* Поэзия и проза деревенской жизни // Новгородские губернские ведомости. 1863. 10 авг., № 32. С. 349—350; 17 авг., № 33. С. 357—359.

Описание праздника, балагана, лубков (приводятся тексты с картинок).

То же // Голос. 1863. 13 июля, № 178. С. 695—697.

57. Вербная неделя // Новгородские губернские ведомости. 1895. 19 марта, № 22. С. 7.

58. *Вересов П.* Васильев вечер // Новгородские губернские ведомости. 1895. 31 дек., № 100. С. 2—4.

Приведен материал по гаданиям и суевериям.

59. *Игнатъев Р. Г.* Новгородские праздничные // Новгородские губернские ведомости. 1853. 31 янв., № 5. С. 22—25; 7 февр., № 6. С. 28—31; 14 февр., № 7. С. 35—39.

Описание календарных праздников с текстами песен. В конце подшивки приведены ноты к опубликованным песням.

60. *Куприянов И.* Празднества древнего Новгорода // Новгородские губернские ведомости. 1858. 20 дек., № 51. С. 434—441; 27 дек., № 52. С. 446—450; 1859. 3 янв., № 1. С. 2—9.

Описание крестных ходов и местных праздников в хронологическом порядке (1 сентября — Новый год, 9 сентября — в пределе Софийского собора память Иоакиму и Анне, 15 сентября — Крестный ход в память Великомученика Никиты и Сретения чудотворной иконы Владимирской, и т. д.).

61. *Л-в А.* Деревенский праздник // Новгородские губернские ведомости. 1868. 21 дек., № 51. С. 400—401; 1869. 29 марта, № 13. С. 100—101.

Безотносительно к конкретному празднику. Общие места всех праздников.

62. Масляница // Новгородские губернские ведомости. 1895. 5 февр., № 11. С. 6—7; 9 февр., № 12. С. 5—6.

63. *Навроцкий Н.* Отрывок из письма о поездке в Новгород // Новгородские губернские ведомости. 1858. 6 сент., № 36. С. 303—307.

О святках, ряженных.

64. Некоторые из святочных обычаев в г. Старой Руссе // Новгородские губернские ведомости. 1866. 12 февр., № 6. С. 82—83.

65. Новгородские округники // Новгородские губернские ведомости. Прибавление. 1840. 6 янв., № 1. С. 3—5.

О святочных гуляниях.

66. [О Масленице] // Новгородские губернские ведомости. 1858. 1 февр., № 5. С. 32—34.

67. *Обыватель.* Кирилловские кудесы // Новгородские губернские ведомости. 1869. 1 февр., № 5. С. 39.

Святочные увеселения.

68. *Пардалоцкий Ф.* Простонародный календарь, или Заметки старины о некоторых праздниках и днях святых, сохранившиеся между жителями Валдайского уезда и частью Боровичского //

Новгородские губернские ведомости. 1854. 13 февр., № 7. С. 36—39.

69. *Пардалоцкий Ф.* Коледа // Новгородские губернские ведомости. 1855. 2 апр., № 14. С. 72—73.

Описание обряда с текстами песен.

70. *Пардалоцкий Ф.* Коляда // Новгородские губернские ведомости. 1873. 25 авг., № 34. С. 5.

Название восходит к имени Бога мира Коляда у славян. Приведены тексты колядок (26).

71. Последний день Масленицы в селе Чистом Дору, Кирилловского уезда // Новгородские губернские ведомости. 1869. 17 мая, № 20. С. 147.

72. *Рубинов Иринарх.* Обычай, существующий у крестьян селения Барских Кусонь Новгородского уезда, при выгоне коров в поле в Егорьев день (25 апреля) // Новгородские губернские ведомости. 1864. 20 июня, № 25. С. 52—53.

73. *Рубинов.* Наведы, обычай в деревне Барских Кусонях навещать родителей // Новгородские губернские ведомости. 1864. 15 авг., № 33. С. 70.

Предание о волхвах, пришедших с дарами к матери Божией. Помимо описания обычая в статье приводится предположение, откуда он пошел.

74. [*Снегирев И. М.*]. Нечто о русских складчинах и братчинах, особенно о Никольщине и Михайловщине // Новгородские губернские ведомости. 1853. 3 янв., № 1. С. 1—3. Подпись: С.

То же // Ведомости московской городской полиции. 1852. 5 дек., № 269.

То же. Отд. изд. М., 1852. 7 с.

75. *С-в В.* На Рождестве в Руссе // Новгородские губернские ведомости. 1870. 31 янв., № 5. С. 4—5.

Тексты христославлений. Описание конкретного случая славления в Руссе. Попытка объяснить истоки этого обычая.

76. *С---в Н.* [О Масленице] // Новгородские губернские ведомости. 1859. 1 марта, № 9. С. 71—74.

Материал по посиделкам, играм, повседневному этикету

77. Посидки : (Деревенская картинка) // Новгородские губернские ведомости. 1895. 26 нояб., № 92. С. 2—3.

Описание посиделок. Приводятся первые строки песен.

78. *Ях-ов И.* Деревенская вечеринка // Новгородские губернские ведомости. 1895. 24 дек., № 99. С. 4—5.

Тексты песен, исполняемых на вечеринках.

Пословицы, поговорки, присловья

79. Весна в русских народных пословицах и играх // Новгородские губернские ведомости. 1895. 16 марта, № 21. С. 6—7.

То же // Правительственный вестник. 1895. 9 марта, № 54.

То же // Подольские губернские ведомости. 1895. 1 апр., № 26. С. 193—194.

То же // Владимирские губернские ведомости. 1895. 24 марта, № 12. С. 1—2.

То же // Нижегородские губернские ведомости. 1895. 29 марта, № 13. С. 5; 5 апр., № 14. С. 3.

То же // Тобольские губернские ведомости. 1895. 2 апр., № 27. С. 475—476.

80. *Пардалоцкий Ф.* Заметка о пословицах // Новгородские губернские ведомости. 1873. 13 окт., № 41. С. 4.

Пословицы Новгородской губернии. Прозвища Боровичан и его окрестных селений.

81. *Пардалоцкий Ф.* Несколько пословиц // Новгородские губернские ведомости. 1874. 31 авг., № 35. С. 5.

82. *Пардалоцкий Ф.* Несколько приветствий, употребляемых вместо: «Бог помочь!» // Новгородские губернские ведомости. 1874. 31 авг., № 35. С. 5.

Загадки

83. *Пардалоцкий Ф.* Заметка о загадках // Новгородские губернские ведомости. 1873. 1 сент., № 35. С. 4—5.

34 загадки с отгадками.

ПРОЗАИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ

Сказки

84. *Боголюбов И.* Вор Ермошка (Сказка) // Новгородские губернские ведомости. 1896. 29 дек., № 95.

Предания и легенды

85. *А. П.* Народный обычай // Новгородские губернские ведомости. Прибавление. 1841. 27 сент., № 39. С. 167.

Предание о похороненном в Торопецком уезде витязе и обычае на его могилу бросать ветку.

То же // Саратовские губернские ведомости. Прибавление. 1841. 1 нояб., № 44. С. 111.

86. *Белавин Пл.* Клад : Рассказ крестьянина // Новгородские губернские ведомости. 1861. 25 марта, № 12. С. 112—114; 1 апр., № 13. С. 120—122; 8 апр., № 14. С. 134—137.

О старовере Ереме, который провел своих односельчан и завладел их богатством.

87. *Вересов П.* Небывальщина (Записано в д. Тарасове Антушевой вол.) // Новгородские губернские ведомости. 1895. 27 авг., № 66. С. 3.

88. *Г.* Клад в два ушата золота // Новгородские губернские ведомости. 1869. 22 февр., № 8. С. 62; 1 марта, № 9. С. 69—70.

Предания о кладах.

89. *Герасимов М. К.* Предания о «панах» и кладах, записанные в южной части Череповецкого уезда Новгородской губернии // Новгородские губернские ведомости. 1896. 1 авг., № 56; 4 авг., № 57.

90. *Городецкая М. Д.* Заповедные рощи : (Страничка из народных преданий) // Новгородские губернские ведомости. 1895. 27 авг., № 66. С. 2—3.

91. *Е. П.* Отвага и мужество устюжан и белозерцев при нашествии Литвы на Устюжну в 1608 году // Новгородские губернские ведомости. 1869. 20 сент., № 38. С. 265—266; 27 сент., № 39. С. 381; 11 окт., № 41. С. 393—394; 18 окт., № 42. С. 401—402.

Исторический рассказ, заимствованный из старинной рукописи (хранящейся как святыня при Устюжском соборе) и устных преданий.

92. *Игнатъев Р. Г.* Еще о Мшаге // Новгородские губернские ведомости. 1849. 18 июня, № 25. С. 110—113.

Пересказ предания о р. Шелони.

93. *Игнатъев Р. Г.* Курганы Новгородской губернии. Белозерский уезд : Статья 1 // Новгородские губернские ведомости. 1853. 14 марта, № 11. С. 60—64; 21 марта, № 12. С. 68—71.

С пересказом преданий.

94. *Листов Александр.* Замечательная ель // Новгородские губернские ведомости. 1869. 22 ноябр., № 47. С. 426—427.

О старике, который зарыл свое богатство под елью и поставил черта его сторожить.

95. О кладах // Новгородские губернские ведомости. 1859. 7 нояб., № 45. С. 361—364.

Народные предания. Клад, найденный в Новгороде.

96. *Пардалоцкий Ф.* В память столетия города Валдая // Новгородские губернские ведомости. 1873. 27 янв., № 4. С. 5; 17 марта, № 11. С. 5—6.

Предание о посещении г. Валдая Петром I.

97. *Пардалоцкий Ф.* Наказание за неверие и обращение от раскола в православие // Новгородские губернские ведомости. 1873. 27 окт., № 43.

Мужик ушел из дома, когда принесли икону Божьей Матери, и заболел. После этого обратился в православную веру, и силы вернулись.

98. *Пардалоцкий Ф.* Предание о кукушке // Новгородские губернские ведомости. 1874. 6 апр., № 14. С. 6.

О споре кукушки и ворона.

99. *Пардалоцкий Ф.* Об основании города Череповца и несколько местных Череповецких слов // Новгородские губернские ведомости. 1874. 31 авг., № 35. С. 4—5.

О двух отшельниках: Афанасии (Железный Посох) и Феодосии.

100. Письма из Новгорода // Новгородские губернские ведомости. 1862. 14 июля, № 28. С. 280—287.

Легенда о постройке владыкой Макарием мельницы на Волхове близ крепости. Попытка заставить Волхов работать оказалась безуспешной.

101. Пропагандисты народного суеверия // Новгородские губернские ведомости. 1877. 17 сент., № 38. С. 7—8; 24 сент., № 39. С. 7—8.

Рассказ о пустыни преп. Ефросина. Об истязании монахов разбойниками в поисках клада.

Житие Ефросина.

102. *Якимов А.* События в г. Устюжне-Железопольской во время междоусобия // Новгородские губернские ведомости. 1861. 13 мая, № 19. С. 171—173.

О чудотворных иконах.

103. *Н. Ям-Яжелобицы* : (Этногр. заметки) // Новгородские губернские ведомости. 1895. 5 марта, № 18. С. 6—7; 9 марта, № 19. С. 6—7.

Предания о кладях.

АНЕКДОТЫ

104. Два анекдота об императрице Елисавете Петровне // Новгородские губернские ведомости. Прибавление. 1842. 7 февр., № 6. С. 29.

ПЕСЕННАЯ ЛИРИКА

105. *Игнатъев Р. Г.* Древняя новгородская песня // Новгородские губернские ведомости. 1851. 13 окт., № 41. С. 194.

Текст баллады о сестре и братьях-разбойниках, записанный в Тверской губернии.

106. *Пардалоцкий Ф.* Хороводные песни в Демянском уезде // Новгородские губернские ведомости. 1874. 31 авг., № 35. С. 5.

Описание игр с текстами песен.

107. *Пардалоцкий Ф.* Заметка о старинных русских песнях // Новгородские губернские ведомости. 1876. 11 сент., № 37. С. 7.

3 песни: «Шел детинушка дорогою, / Шел удалый молодец широкою. / Пристигала молодца темная ночь, / Темная ночь осенняя», «Удалой ямщик коня поил, / Коня поил, сам думу думает: „Как убить мне молоду жену“», «Веселые по улочке похаживали, / Гусельцы, волынки понашивали. / Попросились у бабушки-старушки ночевать».

108. *Поспелов В.* Народные песни (Собранные в некоторых местностях Крест. у.) // Новгородские губернские ведомости. 1875. 15 марта, № 11. С. 5—6; 12 апр., № 15. С. 6—7.

20 песен с комментариями. Среди них посидочные, игровые и любовные. Делятся на 3 тематических блока: 1. Жизнь до замужества девки и парня; 2. Замужняя женская доля; 3. Мужские песни о войне, России.

109. *С. Белозерский* обводный канал // Новгородские губернские ведомости. 1896. 29 сент., № 72.

Приведен текст песни о канале.

110. *С-в.* Заметки о жизни и быте раскольников местечка Городец Старорусского уезда // Новгородские губернские ведомости. 1873. 6 янв., № 1. С. 5—6; 13 янв., № 2. С. 6—7.

Приведены тексты песен (3).

ЧАСТУШКИ

111. *Ахутин Н. И.* Современные русские песни // Новгородские губернские ведомости. 1895. 3 дек., № 94. С. 2—3; 7 дек., № 95. С. 1—2.

112. [*Ахутин Н. И.*] Современные народные песни. I. Частушки «о милом» // Новгородские губернские ведомости. 1895. 24 дек., № 99. С. 6; 1896. 11 янв., № 3. С. 4; 14 янв., № 4. С. 4; 18 янв., № 5. С. 4; 21 янв., № 6. С. 4; 28 янв., № 8. С. 4.

113. [*Ахутин Н. И.*] Современные народные песни. II. Влияние города // Новгородские губернские ведомости. 1896. 15 февр., № 12. С. 4; 18 февр., № 13. С. 4.

114. [Ахутин Н. И.] Современные народные песни. III. Осмеяние щегольства // Новгородские губернские ведомости. 1896. 7 марта, № 18. С. 3; 7 апр., № 25. С. 3; 21 апр., № 29. С. 2.

115. [Ахутин Н. И.] Современные народные песни. IV. Рекруты и гуляки // Новгородские губернские ведомости. 1896. 11 июля, № 50. С. 3; 18 июля, № 52. С. 3.

116. [Ахутин Н. И.] Современные народные песни. V. Девичье горе // Новгородские губернские ведомости. 1896. 15 авг., № 60. С. 3.

117. [Ахутин Н. И.] Современные народные песни. VI. Семейное положение // Новгородские губернские ведомости. 1896. 10 авг., № 59. С. 2—3.

Приведены тексты частушек.

118. Гаврилов М. В. Народные частушки // Новгородские губернские ведомости. 1896. 17 нояб., № 86.

НАРОДНЫЙ ТЕАТР

119. Д. Г. Праздничный Петрушка // Новгородские губернские ведомости. 1895. 2 апр., № 25. С. 9.

120. Кукольный театр на Руси [из статьи В. Н. Перетца] // Новгородские губернские ведомости. 1896. 4 янв., № 1. С. 6.

То же // Правительственный вестник. 1895. 11 нояб., № 248; 12 нояб., № 249; 13 нояб., № 250.

См.: Перетц В. Н. Кукольный театр на Руси : (Ист. очерк) // Ежегодник императорских театров: Сезон 1894—1895 гг.: Приложения. СПб., 1895. Кн. 1. С. 85—185.

121. Очерк Новгородской ярмарки // Новгородские губернские ведомости. 1860. 17 сент., № 38. С. 349—351; 24 сент., № 39. С. 354—357.

Балаган с Петрушкой. Выкрики бабы, продающей леденцы.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА

122. Пардалоцкий Ф. Несколько местных валдайских слов // Новгородские губернские ведомости. 1855. 28 мая, № 22. С. 129—131.

Толкование некоторых терминов обрядовых практик.

ПРОГРАММЫ ПО СОБИРАНИЮ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

123. Правила по устройству Антропологической выставки Императорского общества любителей естествознания, антропо-

логии и этнографии, состоящего при Московском университете, в 1879 году // Новгородские губернские ведомости. 1878. 29 июля, № 30. С. 7—8.

124. Приглашение к содействию в собирании памятников народного творчества от П. В. Шейна // Новгородские губернские ведомости. 1880. 18 окт., № 42. С. 8.

125. Программа для собирания народных юридических обычаев // Новгородские губернские ведомости. 1867. 24 июня, № 25. С. 458—461; 1 июля, № 26. С. 479—482; 8 июля, № 27. С. 450—451 (sic!).

126. [Срезневский И. И.]. Программа для собирания образцов народного языка и словесности // Новгородские губернские ведомости. 1852. 29 марта, № 13. С. 53—55.

То же. Отд. изд. СПб., 1852. 4 с.

То же // Памятники и образцы народного языка и словесности : Прибавления в Известия имп. АН по отд-нию яз. и словесности. СПб., 1852. Тетр. 1. Стб. 1—4.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А. В. 49	Гиляровский Федор (протоиерей)
А. П. 85	38, 39
А-в. 51, 52	Городецкая М. Д. 90
А-в И. 50	
А-ский 53, 54	Д. Г. 119
Антипов В. 1	
Арсеньев Ф.А. 36	Е. П. 91
Ахутин Н. И. 111—117	
	Зверев [И. С.] 12
Б. 55	
Б-в А. 29	Из-лов С-ийй 4
Б-л-в 3	Иванов В. Ф. 40, 41
Белавин Пл. 86	Игнатъев Р. Г. 59, 92, 93, 105
Белавин Ф. 2	
Боголюбов И. 84	К. 13
	К-ский А. 14
В-кин 56	Кремер А. 26
-в -ий 31	Куприянов И. 60
Вересов П. 10, 30, 58, 87	
Виноградов А. 37	Л-в А. 61
Виноградов Василий 11	Листов Александр 94
Г. 88	Михайловский М., священник 5
Гаврилов М. В. 118	
Герасимов М. К. 32, 89	Навроцкий Н. 63

Обыватель 67
Остряков П. 17

Пардалоцкий Ф. Ф. 7, 68—70,
80—83, 96—99, 106, 107, 122
Перетц В. Н. 120
Поспелов В. 108

Рубинов 73
Рубинов Иринарх 48, 72
Рубинов Петр 8

С. 109
С-в 110
С-в В. 44, 75

С---в Н. 76
С-д-в А. 24
Снегирев И. М. 74
Срезневский И. И. 126
Страхов П. И. 35

Т. Д. 25

Шейн П. В. 124
Шухвостов Н. 27

Якимов А. 102
Ях-ов И. 78

Н. 103

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Андога, Череповецкий у. 49

Белозерск, гор. 55
Белозерский обводный канал 109
Белозерский у. 93
Боровичский у. 5, 68

Валдай, гор. 96
Валдайский у. 33, 68

Городец, Старорусский у. 110

Демянский у. 106

Кирилловский у. 8, 41
Крестовский у. 108
Кусони, Новгородский у. 48
Кусони Барские, Новгородский у.
72, 73

Новгород, гор. 60, 63, 100

Оглобино, Тихвинский у. 54

Русса 75

Передки, Боровичский у. 13.

Старая Русса, гор. 64
Старорусский у. 44

Тарасово, Белозерский у. 87
Тигина, Кирилловский у. 4
Тихвин, гор. 53
Третий стан Новгородского у. 2

Уломский край, Череповецкий у. 1
Усть-Коширское, Новгородский
у. 9
Устюжна, Устюжна-Железополь-
ская, гор. 91, 102
Устюжнский у. 24
Устюцкая волость, Устюжнский
у. 50

Хотеновский приход, Кириллов-
ский у. 42

Череповец, гор. 99
Череповецкий у. 32, 89
Чистый Дор, Кирилловский у. 71

Шелонь, р. 92

Ям-Яжелобицы, Валдайский у.
103
Яргомж, Череповецкий у. 3
Яргомжский приход, Череповец-
кий у. 47
Ярославский приход, Череповец-
кий у. 45

А. Н. РОЗОВ

**ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
«КАЛУЖСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ»
(1862—1917)**

(АННОТИРОВАННЫЙ ТЕМАТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ)

Журнал под названием «Калужские епархиальные ведомости»¹ издавался два раза в месяц с 1862 по 1907 г.² Он, как и другие подобные епархиальные журналы, состоял из двух частей: Официальной и Неофициальной.³

В первом номере КЕВ в отличие же от иных епархиальных ведомостей не было опубликовано никакой программы нового издания,⁴ более того, до 1870 г. даже не указывалась фамилия его редактора.⁵ Лишь в 1865 г. в КЕВ было напечатано обращение редакции к читателям, в котором подводился итог трехлетия журнала.⁶ Отмечалось, что калужское городское и сельское духовен-

¹ Далее — КЕВ.

² С февраля 1907 г. вместо КЕВ стал издаваться «Калужский церковно-общественный вестник».

³ Неофициальная часть называлась «Прибавлением к „Калужским епархиальным ведомостям“». Однако в конце каждого последнего номера за год публиковался Указатель к Неофициальной части КЕВ.

⁴ Лишь в 1870 и 1871 гг. было отмечено, журнал будет издаваться по прежней программе, утвержденной Священным Синодом.

⁵ С 1870 г. редакторами стали священники Дмитрий Егорович Рождественский и Иван Дмитриевич Любимов. С 1880 г. после смерти Д. Е. Рождественского редактором стал протоиерей И. Д. Любимов, настоятель Предтеченской церкви в Калуге. Начиная с № 3 1890 г. редактором стал ректор Калужской духовной семинарии (далее — КДС) Дмитрий Георгиевич Лужецкий, в 1904 г. его сменил инспектор той же семинарии Алексей Преображенский.

⁶ От редакции калужскому епархиальному духовенству // 1865. № 2 (31 янв.). С. 23—27.

ство практически не принимает участия в деятельности своего печатного органа, почти нет материалов, рассказывающих о живой деятельности служителей церкви в приходах, о народной религиозно-нравственной жизни. «Назначение провинциальной литературы вообще, по нашему мнению, в том, чтобы выяснить все бытовые условия и особенности края: исторические, географические и современные этнографические».⁷ Далее подчеркивалось, что священник по сути «религиозно-нравственный руководитель народа, следовательно, вся область религиозно-нравственной жизни народа со всеми ее уклонениями, с ее верованиями, поверьями и суевериями, с ее преданиями и обычаями, подлежит наблюдению священника. Эти-то наблюдения желательно было бы обнародовать к общему сведению, чтобы таким образом выяснилась религиозно-нравственная физиономия общества, и само духовенство могло бы яснее сознать свое положение среди общества и определить для себя способ действований. Таким образом, не одни описания преданий, суеверий и обычаев народных, но и простые, краткие известия о резких проявлениях общественной нравственности, примеры более или менее замечательной огрубелости нравов и под<обного> могли бы составить великое сокровище для епархиальных ведомостей».⁸

Для того чтобы побудить духовенство стать корреспондентами, редколлегия в 1867 г. предваряет «Заметки новопоставленного священника» следующими словами: журнал «будет с удовольствием принимать подобные заметки и других священнослужителей».⁹

В 1870 г. только что назначенные редакторами Д. Е. Рождественский¹⁰ и И. Д. Любимов¹¹ вновь обращаются к служителям церкви с просьбой помочь журналу и присылать разнообразные материалы о приходской жизни, свои предложения о способах улучшения народных нравов, о методах искоренения суеверий, нехристианских обычаев и обрядов. Редакция была готова принимать любые статьи и заметки, даже предельно краткие и не отличающиеся какими-либо литературными достоинствами.¹²

⁷ Там же. С. 25.

⁸ Там же. С. 25—26.

⁹ Соколов Д. Заметки новопоставленного священника // 1867. № 3 (15 февр.). С. 61.

¹⁰ Д. Е. Рождественский (протоиерей Калужской Никитской церкви) умер в 1880 г. (см. о нем: КЕВ. 1880. № 24 (31 дек.). С. 544; 1881. № 1 (15 янв.). С. 1—10).

¹¹ И. Д. Любимов умер в 1890 г. (см. о нем: КЕВ. 1890. № 4 (28 февр.). С. 67—72; 77—84).

¹² Рождественский Д., Любимов И. От редакции калужскому епархиальному духовенству // 1870. № 1 (15 янв.). С. 25—27.

Несмотря на все эти обращения, Неофициальной части, видимо, не удалось в полной мере выполнить стоящие перед ней задачи. Не случайно в 1881 г. Калужский епархиальный съезд принял решение о прекращении с 1882 г. ее издания, оставив лишь Официальную часть.¹³ Делегаты съезда говорили о том, что эта часть КЕВ по своему содержанию не соответствует той затрате, которая производится на нее. По мнению священника П. Спасского, КЕВ должны быть «непосредственным выражением местной церковной жизни во всех ее разнообразных видах и формах проявления и быть настольной справочной книгой, к которой бы духовенство всегда могло обращаться для разрешения разных вопросов в своей служебной практике».¹⁴ Эта задача не выполняется, так как издание мало объемом, редко выходит, а духовенство присылает свои материалы в недостаточном количестве. Тем не менее Спасский выражал надежду, что новый архиепископ пересмотрит решение съезда.¹⁵ Действительно, новый съезд, состоявшийся через несколько месяцев, оставил неофициальный отдел, но постановил, чтобы редакция «озаботилась об увеличении сего отдела чрез более точное исполнение утвержденной Священным Синодом программы».¹⁶ Отвечая на это решение, редакция отметила, что выполнение данной рекомендации потребует значительного увеличения денежных расходов. Если только деньги найдутся, то отдел будет увеличен в качественном отношении, т. е. по содержанию. Поскольку не все читатели помнят, знают программу КЕВ, утвержденную Синодом 20 лет назад, то редколлегия считает целесообразным ее привести. По программе в Неофициальной части помещаются: 1) Церковно-историческое и статистическое описание Калужской епархии; 2) Материалы для жизнеописания Калужских иерархов; 3) Сведения о существующих в Калужской епархии расколоучениях; 4) Местные народные благочестивые обычаи, народные религиозные поверья и предрассудки; 5) Сказания о чудотворных иконах и о чудесных исцелениях; 6) Церковные слова и беседы, преимущественно приспособленные к пониманию простого народа; 7) Статьи духовного содержания, оригинальные и переводные, особенно имеющие интерес современности; 8) Описание замечательных случаев и событий в Калужской епархии, в особенности взятых

¹³ КЕВ. 1881. № 4 (28 февр.). С. 70.

¹⁴ *Спасский П.* По поводу постановления Калужского епархиального съезда от прекращения выхода неофициального отдела калужской епархиальной газеты (Калужск. епарх. ведом. 1881. № 4. С. 70) // 1881. № 14 (31 июля). С. 304—308

¹⁵ Там же. С. 308.

¹⁶ Редактор. Духовенству Калужской епархии от редакции епархиальных ведомостей // 1881. № 21 (15 нояб.). С. 434.

из живых отношений священников к прихожанам; 9) Вообще все, что может быть полезно духовным пастырям и способствовать распространению спасительных познаний, раскрытию и воспитанию нравственно-религиозного чувства в православном христианине.

Комментируя пункты программы, редакция подчеркивала, что для их выполнения необходима помощь всего приходского духовенства, которое пока еще мало участвует в издании КЕВ. Для стимулирования деятельности служителей церкви подчеркивалось, что все материалы, присылаемые в журнал, оплачиваются.

Выполнение первого, самого важного, сложного пункта, по мнению редакции, возможно осуществить, лишь дав предварительно описание каждого городского и сельского приходов. Это дело настоятеля храма, и составить такое описание несложно, так как существует программа, опубликованная еще в 1869 г., для ведения церковной летописи.¹⁷ К сожалению, можно констатировать, что подобное полное описание (ср. такой материал, содержащий и фольклорно-этнографические сведения в Рязанских и Пензенских епархиальных ведомостях) не было осуществлено КЕВ за все годы его существования.

И в дальнейшем неоднократно, чаще всего при смене редакторов, журнал обращался к духовенству с просьбой присылать статьи и заметки, печатал рассуждения корреспондентов о целях и задачах издания.¹⁸ Недостаточное количество местного материала привело к тому, что КЕВ публикует много перепечаток из разных изданий церковной и светской печати (всего использовано около 60 источников).

Тем не менее с 1862 по 1906 г. в КЕВ были публикации, в которых содержались сведения фольклорно-этнографического характера. Одни из статей предназначались для знакомства духовенства, главным образом сельского, с историей, смыслом праздников как христианских, так и возникших еще в язычестве. Например, Н. Молочковский (№ 64) рассказал о языческих корнях праздника Масленицы, отметил черты двоеверия в нем, т. е. сочетание языческих и христианских элементов, дал описания празднования этих дней в конце XVII—второй половине XVIII в.

¹⁷ I. Распоряжения Святейшего Синода. По делу о составлении церковно-исторического и статистического описания епархий // 1869. Часть официальная. № 1 (15 янв.). С. 1—3.

¹⁸ *Преображенский А.* От редакции // 1904. № 4 (29 февр.). С. 93—94; *Изумрудский, свящ.* Назначение епархиальных ведомостей для духовенства епархии // 1904. № 9 (15 мая). С. 261—264; *В-кий П.* Pro domo sua // 1905. № 3 (15 февр.). С. 79—81; № 4 (28 февр.). С. 104—110; От редакции // 1906. № 3 (15 февр.). С. 71.

По мнению Молочковского, не следует отмечать Масленицу шумно и весело.

Сельский священник Н. Никольский (№ 14) привел интересный материал о вере крестьян в то, что злые люди могут напустить в дом нечистых духов, поэтому нельзя обижать плотников при строительстве нового дома, что «залом», пучок надломленных и переплетенных хлебных злаков на ниве, — дело колдунов и колдуний, подробно описан случай мнимого «полтергейста». Автор, убежденный в том, что долг священника — разоблачать суеверия и предрассудки, делал все возможное, чтобы убедить их в нелепости подобных представлений. Также поступал и другой сельский иерей, А. Покровский (№ 40): уговаривал своих прихожан отказаться от ряда нехристианских похоронных обычаев, боязни нечистой силы, карающей людей на перекрестке дорог. М. Извеков (№ 72) подробно описал «встречу солнца» под Петров день (28 июня) в одной из соседних с Калугой деревень, языческий по происхождению, праздник обожествления светила.

В журнале помещалось немало материалов о жизни старообрядцев и особенно различных сект (скопцов, молокан). При этом нередко публиковались тексты их песнопений (статьи Я. Извекова, Д. Соколова: № 92—96).

Больше всего публикаций посвящено убеждению прихожан по-христиански проводить большие и малые праздники, воскресенья, посвящая их служению Богу и отказываясь от разгульных развлечений: мирских песен, плясок, игр и т. д. (№ 42—58).

Из фольклорных жанров преобладают разного рода предания: топонимические, о некогда существовавших монастырях и церквях, об явленных чудотворных иконах, о местных юродивых, о разбойниках,кладах и т. д.

Любопытно мнение служителя церкви о том, какие книги полезны для народа (№ 91). Автор убежден, что ничего не дают в плане народного образования фольклорные сборники былин, сказок, песен, духовных стихов, поговорок, так как все эти произведения и без того народу известны.¹⁹ Наиболее полезны для простолюдинов, по его мнению, загадки, менее полезны пословицы и поговорки.

В 1907 г. в приложении к КЕВ печатается Указатель статей Неофициальной части, в которой рубрики «Местные народные благочестивые обычаи, народные религиозные поверья и предрассудки», отмеченной в программе журнала в 1881 г., уже нет.

Уже не раз отмечалось, что на протяжении всех лет своего существования КЕВ испытывали трудности, связанные главным образом с тем, что журнал так и не стал общепархиальным ор-

¹⁹ Автор ссылается на сборники Ф. И. Буслаева, И. А. Худякова и других.

ганом, поэтому опять встал вопрос о ликвидации неофициальной части, но вместо этого с февраля 1907 г. КЕВ сменил журнал «Калужский церковно-общественный вестник» (далее КЦОВ). Этот печатный орган открывался публикацией от редакции.²⁰ В ней отмечалось, что в начале года «комиссия под председательством главного редактора КЕВ выработала проект нового издания».²¹ Проект был одобрен епархиальным съездом калужского духовенства, и в том же месяце Синод разрешил издавать КЦОВ, который должен был постепенно стать еженедельным. Необходимость преобразования КЕВ в КЦОВ редакция объясняла двумя причинами: 1) пробуждением интереса в печати и в обществе к церковным вопросам; 2) распоряжением Синода о возрождении приходской жизни путем организации пастырских собраний и приходских советов. Была опубликована программа нового журнала, в которой не нашлось места проблемам религиозно-нравственной жизни прихожан, а поэтому в КЦОВ очень мало статей, посвященных народным праздникам, обрядам, обычаям. Можно назвать только научно-популярные работы, посвященные язычеству древних славян,²² истории наиболее знаменательных христианских праздников,²³ рассуждения о том, что разные стороны домашнего быта, весь ход свадебного обряда, суеверия должны быть отражены на страницах церковных летописей. В качестве примера суеверного обычая описывается ночное изгнание смерти во время эпидемии рогатого скота в одном из сел Жиздринского уезда, в котором принимали участие женщины.²⁴ Были также опубликованы программа для составления историко-археологических описаний церквей и приходов Калужской епархии и проект устава Калужского церковного историко-археологического общества. Эти документы тоже предполагали собрание фольклорно-этнографических сведений (№ 110, 111).

Итак, можно констатировать, что КЕВ, несмотря на сравнительно небольшое количество фольклорно-этнографических

²⁰ Редактором стал инспектор КДС Алексей Преображенский; в 1908 г. его сменил протоиерей Дмитрий Некрасов (с № 28 за 1917 г. врио редактора стал преподаватель КДС А. Архангельский), помощниками которого стали преподаватель КДС М. Покровский и протоиерей А. А. Кудрявцев, которого в 1915 г. сменил священник И. Виноградов.

²¹ От редакции // 1907. Февраль.

²² Религиозные воззрения русских до принятия ими христианства // 1914. № 18 (20 июня). С. 1—3; № 19 (1 июля). С. 1—44; № 20 (10 июля). С. 1—4; № 21 (20 июля). С. 1—4; № 21 (20 июля). С. 1—4; № 22 (1 авг.). С. 6—8; № 23 (10 авг.). С. 2—4; № 24 (20 авг.). С. 1—4.

²³ Рождество Христово // 1911. № 1 (1 янв.). С. 1—2; *Георгиевский Григорий*. Праздник Рождества Христова : Исторический очерк // 1913. № 1 (1 янв.). С. 3—6.

²⁴ С. М. Б. О летописях церковных // 1909. № 19 (1 июля). С. 6—8.

материалов по сравнению с другими подобными журналами, все-таки дает представления о быте местного населения, о деятельности калужского духовенства на ниве религиозно-нравственного воспитания прихожан.

Принципы оформления указателя. Весь материал по тематическому принципу делится на 12 разделов. Внутри них публикации расположены в алфавитном порядке. Статьи одного автора помещаются в хронологическом порядке (от наиболее ранней до наиболее поздней публикации).

В тех случаях, когда один и тот же материал имеет отношение к двум или более разделам, он помещается только в одном, к которому он ближе по тематике, в других разделах на него даются ссылки.

После фамилии и имени автора в именном указателе приводится его порядковый номер по тематико-библиографическому указателю, а также отмечаются его сан и место службы.

Ввиду того что, как отмечалось, в КЕВ довольно мало местных публикаций, в указателе не только приводятся названия текстов, взятых из иноепархиальных и светских газет и журналов, но и дается их аннотация, так как отбирались, в основном, те описания праздников, обрядов, обычаев, суеверий и т. д., которые имели место в Калужской епархии.

I. Особенности народного православия. Языческие представления в нем

1. *Воинов М., свящ.* Катехизическое поучение IV: О почитании святых // 1862. № 15 (15 авг.). С. 235—238.

Крестьяне называют иконы «богами» и почитают их как богов; это грех идолопоклонства, так как молятся не самим иконам, а тем, кто на них изображен.

2. *Д[обронравов]в М.* Учение о пастырстве в посланиях и поучениях древнерусских митрополитов и епископов XIII—XV вв. // 1887. № 3 (15 февр.). С. 51—56.

О древнерусском двоеверии; народные суеверия; языческие божества; языческие черты в народных обрядовых праздничных песнях; народная демонология, волхвы, чудцы, песельники, плясцы, скоморохи.

3. Религиозные воззрения русских до принятия ими христианства // 1914. № 18 (20 июня). С. 1—3; № 19 (1 июля). С. 1—4; № 20 (10 июля). С. 1—4; № 21 (20 июля). С. 1—4; № 22 (1 авг.). С. 6—8; № 23 (10 авг.). С. 2—4; № 24 (20 авг.). С. 1—4.

Религиозные воззрения славян-язычников; языческая мифология. Из-за устойчивости языческих религиозных воззрений основными источни-

ками изучения древнерусского язычества являются до сих пор бытующие различные обряды, заговоры, приметы и т. д. Религия древних славян. Сонм божеств у них (перечень персонажей и их функций). Народная демонология (домовые, лешие, водяные, русалки и др.). Связь русалок с троицкой обрядностью. Представления наших языческих предков о человеке, о душе, о загробной жизни. Похоронные обряды. Простота богослужебного культа у язычников. Языческие места моления; религиозные культы, молитвы, жертвоприношения, гадания. Основные праздники: Коляда, встреча весны, Радуница, Семик, Купало и т. д. Другие праздники. Принятие христианства; специфика двоеверия; множество пережитков в современных народных праздниках. Близость народного мировоззрения к природе.

См. также: № 110.

II. Суеверия, приметы, поверья, толкования снов.

Роль священников в борьбе с предрассудками и суевериями

4. *Архангельский С.* Сельский священник о. Пров Зюков // 1867. № 22 (30 нояб.). С. 560—569.

Сельский священник П. Зюков (1782—1845) заботился о нравственном благе своих прихожан, объяснял правила веры и христианской нравственности, боролся с крестьянскими суевериями, волшебством, приметами, запрещал петь мирские песни в праздничные дни.

5. *Благовест* // 1885. № 23 (15 дек.). С. 615—629 (перепеч. из «Ярославских епархиальных ведомостей»).

Народные верования о колоколах. Колокольный звон как предвестник смерти. Звук колокола при гаданиях.

6. Заметка о появившейся во многих списках *молитвы* от холеры // 1885. № 10 (31 мая). С. 259—275 (перепеч. из «Тверских епархиальных ведомостей»).

Заметка печатается по распоряжению архиепископа Владимира. Эта «молитва» распространяется и в Калужской епархии. Приведен текст, проведен его анализ. Вывод: «молитва» противоречит правильному христианскому учению. Это — плод шарлатанства.

7. Затмение солнца и луны // 1880. № 17 (15 сент.). С. 377—380 (Перепеч. из «Руководства для сельских пастырей». 1880. № 31).

Суеверные представления у народа о затмениях.

8. *И-в.* О чем и как должен беседовать с церковной кафедры сельский священник со своими прихожанами // 1868. № 16 (31 авг.). С. 447—466.

Русский народ суеверен и легковерен. Двоеверие — как отличительная черта простого народа. Устойчивость языческих обрядов и обычаев. Крестьяне не понимают основные христианские истины, не знают основные догматы христианства и суть церковных праздников. Грубость и из-

вращенность народной нравственности. На все простой человек смотрит с утилитарной точки зрения. В праздники преобладают богопротивные игры, забавы, пьянство, обжорство, суеверия. Все это мешает распространению христианского просвещения. Священник должен бороться со всеми искажениями христианства, объясняя всю ложь, нелепость и несообразность с православной жизнью этих явно языческих черт.

9. *Из-в.* О воздействии священника на прихожан помимо учительства в церкви // 1891. № 14 (31 июля). С. 478—482.

Священник должен изучить заблуждения и суеверия прихожан. Подобное изучение лучше всего делать в их домах. О некоторых суевериях: считают, что соборовать больного — значит готовить его к смерти. Перед или после посева ржи валяют служителей церкви или человека большого роста по полю (это типично для Московской губернии и граничащих с ней уездов Калужской губернии). Священник должен доказать прихожанам нелепость того или иного обычая с точки зрения учения церкви. Очень важны домашние собеседования. Это надежное средство от уклонения прихожан в раскол.

10. *Из-ков Д.* Воспитательное влияние учителей сельских народных школ // 1868. № 10 (31 мая). С. 279—295.

Священник, учитель народной школы, знакомясь с разными сторонами быта прихожан, должен искоренять грубые антихристианские обычаи и суеверия. Очень осторожно надо показывать детям нелепость, вред, несоответствие с христианством ряда крестьянских поверий и обычаев, отучать учеников от них. Через молодое поколение просвещение будет оказывать влияние и на взрослых.

11. Как понимать встречающиеся в Номоканоне слова: *Воркулаки* и *Антисикотии*? // 1875. № 10 (31 мая). С. 179—186 (перепеч. из «Тамбовских епархиальных ведомостей»).

Воркулаки — мифические существа славянского происхождения. Внешний их вид; письменные и устные свидетельства о воркулаках. Вера в оборотничество. Образ волка в народных представлениях. Связь волка с колдунами и ведьмами (по народным представлениям). Два рода воркулаков: 1) колдун, превратившийся в волка; 2) простые люди, превращенные колдунами в волков. Русское поверье о подобных существах перешло в Грецию, а там оно отчасти изменило свое значение. У греков — это вампиры, в России — упыри.

12. Ложный и истинный взгляд на кометы // 1873. № 14 (31 июля). С. 328—338 (перепеч. из «Русского вестника»).

Народ видит в кометах огненные бичи — предвестники Божьего наказания грешному человеку. Крестьяне боятся комет, в случае их появления просят отслужить молебен.

13. *Любимов И., протоиер.* К 900-летию юбилею крещения русского народа // 1888. № 11 (15 июня). С. 198—215.

Языческие культы и божества.

14. *Никольский Н., священ.* Нечто о суеверии простого народа : (Рассказ сельского священника) // 1862. № 22 (30 нояб.). С. 381—393.

Крестьяне верят, что злые люди могут напустить в дом нечистых духов; особенно опасаются плотников, поэтому при закладке дома их щедро угощают. Рассказы о проделках «напускных» духов. В 1861 г. распространился слух, что в сельце Муратове в доме одного из крестьян эти духи совершают нечто из ряда вон выходящее: «стучат, бросают камнями, бьют сковороды, горшки и т. д.». Хозяйка пришла к священнику и рассказала о том, что четыре дня делается в избе. Пять дней назад в дом пришли слепые; поводырь просил девушку цыганку плясать, она не захотела; хозяева стали ругать поводыря, он ушел, пригрозив: «ну, попомните ж». Хозяйка просила священника поднять на дом иконы и освятить дом. Священник разуверил женщину в ее предрассудках, но она стояла на своем. Священник был уверен, что все это проделки цыган-квартирантов, но выполнил просьбу прихожанки, при этом и цыгане тоже молились. На третий день женщина вновь пришла и сказала, что нечистые стали еще больше бушевать; священник сказал ей, что дьявол боится креста и молитвы, а эти «нечистые» ничего не боятся; следует выгнать квартирантов. Священник со студентом семинарии ночью вновь пошли в деревню, остались в избе и убедились, что все это проделки цыган. Второе суеверие — это «залом»: пучок хлеба, надломленный и переплетенный. Народ верит, что это дело колдунов и колдуний. Женщины работали на поле священника и жали рожь; увидели «залом» и кричали батюшке, чтобы он не наступал на «залом», который якобы даже нельзя жать, иначе это сразу приведет к несчастью; жницы рассказали истории о «заломах». Священник перекрестился, разорвал «залом» и сказал, что руки у него не свело. Боязнь «прожинов» в хлебах; священник объяснил прихожанкам, что их делают мыши, черви или какое-нибудь насекомое. Долг священника — разоблачать суеверия и предрассудки.

15. *Никольский Н., священ.* Приходская летопись Воскресенской села Лисина церкви // 1874. № 8 (30 апр.). С. 120—122.

Население прихода религиозно и набожно; суеверия и приметы есть, но их значение ослабевает, как и искусство знахарок и ворожей.

16. Новоизмышленная молитва // 1903. № 16 (31 авг.). С. 402—409.²⁵

Текст данной «молитвы» напоминает «Сон Богородицы». Это — простой набор слов, перемешанных с краткими молитвословиями православной церкви. Сделана «молитва» неумело и безграмотно.

17. О воде и ее тепловых свойствах как свидетелях премудрости и благости Творца (Читано в дворянском собрании 30 марта) // 1897. № 9 (15 мая). С. 260—267; № 10 (31 мая). С. 287—292.

Народные поверья о живой воде, т. е. о целебности воды, приобретаемой ею при первом ударе грома. Гадания с водой. Языческий обычай:

²⁵ «Молитва» была прислана по почте жителю Калуги.

в зависимости от того, утонет или не утонет женщина, брошенная воду, судили — ведьма она или нет.

18. «О призоре очес» // 1892. № 1 (15 янв.). С. 1—9.

Среди крестьян распространено суеверие: вера в сглазование (в лихой глаз). Это суеверие — от язычества. О молитве, читаемой священником при постели матери-родильницы. Далее приводятся выдержки из статьи протоиерея Языкова «О призоре очес» (Душеполезное чтение. 1891. № 10). В церковной молитве есть слова «от очес призора». Многие понимают, что это — от сглазования. История происхождения веры в сглаз. Церковь всегда боролась со сглазованием (примеры).

19. О сглазовании // 1874. № 10 (31 мая). С. 194—198 (перепеч. из «Тульских епархиальных ведомостей»).

Вера в сглазование встречается не только у русских. История данного суеверия. Народные представления о сглазе. Народные средства предохранения от сглаза; роль в этом знахарок. Соль как спасительное средство от сглаза. Значение соли в народных обычаях и суевериях.

20. От редакции Калужскому епархиальному духовенству // 1865. № 2 (31 янв.). С. 23—27.

В журнале мало материалов, рассказывающих о живой деятельности духовенства в народной среде, об особенностях религиозно-нравственной жизни прихожан. Именно священники должны изучать все отклонения от истинного православия: языческие суеверия, обычаи, предания (все подобные сведения должны быть обнародованы в епархиальных ведомостях).

21. От редакции Калужскому епархиальному духовенству // 1870. № 1 (15 янв.). С. 23—24.

Издание ведомостей — это общее дело редакции и всего духовенства епархии. Редакция обращается к служителям церкви с просьбой присылать материалы по жизни в приходах, в том числе о благочестивых обрядах, о народных религиозных поверьях и предрассудках, о влиянии различных промыслов и занятий на возвышение или упадок религиозно-нравственной жизни прихожан, о наиболее известных священниках, оказывающих большое влияние на духовную жизнь прихода. Интересны также материалы о способах искоренения тех или иных предрассудков, суеверий, пороков.

22. Суеверия в образованном классе // 1882. № 6 (31 марта). С. 163—164 (перепеч. из «Воронежских епархиальных ведомостей»).

Командир батальона, когда навстречу солдатам попался протоиерей, приказал им плевать и бросать песок в сторону священника. Даже простой мужик не позволит себе такого, а барин может. Священник предсказал, что офицер погибнет в первом же бою, так и произошло.

См. также: № 110, 111.

III. Народная демонология

23. Поверье о домовом // 1884. № 5 (15 марта). С. 128—129 (перепеч. из «Московских епархиальных ведомостей»).

Крестьяне верят, что домовый если не полюбит какую-нибудь скотину, например лошадь, то изведет ее (примеры). Священник доказал крестьянину, что его лошадь донимают летучие мыши.

См. также: № 2, 3.

IV. Народная медицина. Заговоры

24. Вопросы на исповеди // 1866. № 4 (28 февр.). С. 104—118 (перепеч. из «Смоленских епархиальных ведомостей». Автор епископ Петр).

Священник должен спрашивать исповедующихся: не согрешили ли они волхвованием (колдовством), каким-нибудь суеверием (например, ношением ладанок от болезней), ворожбой, гаданиями, заговорами, верою в судьбу, в тяжелые и легкие дни, в приметы (например: встреча со священником — к несчастью); не согрешили ли непочитанием праздников: работой в эти дни, нескромными играми, разгулом и т. д.

25. Грекулов Г., *свящ.* Разработка народных суеверий в церковных поучениях // 1879. № 20 (31 окт.). С. 384—389 (перепеч. из «Орловских епархиальных ведомостей». 1878. № 20).

Автор представил на рассмотрение епархиального цензурного комитета несколько своих поучений о предрассудках и суевериях простого народа. Все болезни крестьяне лечат ворожбой. В день Рождества Христова и день Богоявления жгут на дворах костры для того, чтобы души покойников, навещающих в это время свои дома, не мерзли. До написания своих поучений о. Грекулов собрал данные о местных суевериях, а потом в двух беседах объяснил прихожанам вред подобных суеверий для православной веры. Потом он прочитал по требнику описание тех наказаний, которые полагаются за прорицание, волхование и чарование. Крестьяне не знали, что ворожить — большой грех, не знали они и что как ворожеи, так и обратившиеся к ним отлучаются от святого причастия на несколько лет. Священник прочитал в церкви поучение о заговорах, которые представляют собой не что иное, как кошунство, а также содержат богопротивные представления об Иисусе Христе, Божьей Матери и святых ангелах. В своих проповедях, беседах, публичных чтениях Грекулов разбирал истинный смысл заговоров. Приведен текст заговоров.

26. Должно ли пастырю Церкви допускать в своем приходе употребление заговоров и безразлично относиться к употребляемому его прихожанами отговорам? // 1872. № 10 (31 мая). С. 251—257 (перепеч. из «Орловских епархиальных ведомостей»).

Редакция ответила, что, как считает наука, это — явление магнетизма, поэтому заговоры не противны христианству. Священник может допускать существование заговоров в своем приходе. Однако, с христианской точки зрения, заговоры запрещены христианской верой и христианскими законами. Православная церковь считает их грехом, так как они суеверный обряд и остаток язычества. Священник должен бороться с заговорами.

27. *Любимов Д., свящ.* Сибирская язва на людях и лечение оной // 1885. № 19 (15 окт.). С. 499—510.

Лечатся у знахарей заговорами. Рассказ о дьячке-колдуне (знахаре).

28. *Малинин П., свящ.* Благодатная целебная помощь от елея, освященного при благословении хлебов на всенощном служении // 1870. № 1 (15 янв.). С. 20—22.

Подобный елей, в зависимости от характера болезни, следует принимать внутрь или помазать больное место. Это способ лечения распространен среди народа.

29. *Масловский А., свящ.* В поученье предающимся пьянству // 1873. № 3 (15 февр.). С. 66—67 (перепеч. из «Полтавских епархиальных ведомостей»).

Средства, к которым прибегают ворожеи, чтобы отучить людей от пьянства.

30. *Павловский Х., свящ.* По поводу статей, помещенных в «Калужских епархиальных ведомостях» за 1880 год, № 17, часть неофициальная. С. 364—376 // 1881. № 12 (30 июня). С. 267—268.

Автор ссылается на работу профессора философии В. Д. Азбукина, который не отвергает вредного воздействия «любопытного и завистливого глаза на молодые и особенно более нежные предметы». В церковной молитве о родительнице есть «прошение об избавлении ее от очес призора». Бабки сбрызгивают водой тех, кто якобы подвергся сглазованию. Это действительно помогает. Сбрызгивать можно вином или уксусом.

31. *Спаский П.* Помощь Божья : (Рассказ священника) // 1874. № 3 (15 февр.). С. 49—51.

Священник вылечил своего сына младенца маслом от лампы Животворящего Креста (в Калуге), смешанным с маслом от Гроба Господня; к животу приложил изображение на атласе святого мученика и целителя Пантелеймона, присланного вместе с скоропослушницей с Афонской горы.

См. также: № 3, 15, 19, 99.

V. Гадания

32. *Беляев А., священник.* Поучение, сказанное 14 сентября сего 1879 г. по случаю обращения некоторых прихожан его к так называемой «ясновидящей» // 1879. № 21 (15 нояб.). С. 397—400.

Эта «ясновидящая» временно пребывала в Калуге и предсказывала людям будущее. Священник убеждал своих прихожан, что это мнимая пророчица, ибо будущее знает один только Бог.

33. *Воинов М., священник.* Катехизическое поучение III-е // 1862. № 14 (31 июля). С. 221—224.

Жители прихода, среди которых есть колдуны, ворожеи и гадатели, нарушают I заповедь. Нельзя обращаться к ним, верить их наговорам; следует прекратить гадание на картах, бобах и псалтыри. Также нарушают заповедь суеверы, которые верят разным пустякам, старинным обрядам и приметам, например: считают, что понедельник — день тяжелый, поэтому в это время не начинают какое-нибудь новое дело; в пятницу не полагается прясть; во время холеры опаживают селения; во время похорон бросают деньги в могилу; верят в счастливые и несчастливые встречи (встреча с соборованным человеком сулит неудачу). Все эти суеверия бесполезны и грешны.

34. Откуда привнесен в среду народную суеверный обычай узнавать свою судьбу чрез гаданье в зеркало? // 1873. № 22 (30 нояб.). С. 514 515 (перепеч. из «Вологодских епархиальных ведомостей»).

См. также: № 3, 5, 17, 24, 25, 39, 72.

VI. Обряды

1. Свадебные обряды

35. *Думитрашков К.* Свадебные обычаи, требующие отмены // 1865. № 15 (15 авг.). С. 405—413 (перепеч. из «Руководства для сельских пастырей»).

Молодые не знают и не видят друг друга до свадьбы. Огромные расходы на свадебный пир. Демонстрация признаков невинности молодой невесты.

См. также: № 87, 88.

2. Родильные и крестильные обряды

36. Замечание о некоторых народных обычаях, соблюдаемых в некоторых местах до рождения и при рождении детей как-то: о церковных поясах, употребляемых беременными женщинами

для счастливого чревоношения, и об отверсти царских врат в церкви во время трудных родов, и т. п. // 1877. № 10 (31 мая). С. 175—177 (перепеч. из «Христианского чтения»). 1876. Март—апрель).

37. *Масловский В.* Обычай отворять Царские врата при трудных родах // 1872. № 17 (15 сент.). С. 426—430 (перепеч. из «Пензенских епархиальных ведомостей»).

38. О суеверном обычае опускать в крещальную купель родимую сорочку // 1875. № 6 (31 марта). С. 11—116 (перепеч. из «Тульских епархиальных ведомостей»).

Некоторые повивальные бабки, следуя поверью, считают, что родившиеся в сорочке — счастливые люди, и просят священника опустить родимую сорочку в купель, в которой крестят младенца, а также благословить ее крестом, возлагаемым на ребенка. Некоторые священники соглашались на это, другие — нет. Священник не должен разрешать это действие.

39. Что делать с водой, остающейся после крещения, а также с волосами, постригаемыми у младенцев при крещении // 1873. № 22 (30 нояб.). С. 515—516 (перепеч. из «Черниговских епархиальных ведомостей»).

Священник должен препятствовать разным гаданиям по воску с волосами новорожденного.

См. также № 18.

3. Похоронно-поминальные обряды

40. *Покровский А., свящ.* О местных предрассудках и суевериях // 1865. № 11 (15 июня). С. 298—301.

Ямщик рассказывает своему седоку — священнику, что когда в доме покойник, то на окно вешают полотенце; в избе же на полотенце стоит стакан воды, так как существует поверье, что душа, выйдя из нечистого тела, сначала моется в стакане, потом вытирается полотенцем. Пока покойник не похоронен, его душа часто посещает свой дом и каждый раз моется. Обычай поминовения на 40-й день: «отпуск», т. е. проводы; за воротами служат панихиду; сюда же приходят соседи; их потчуют оладьями с медом и пирогами, на которых делают лестницу. Душа благодарит за прежнюю хлеб-соль, за ласки и привет, просит поминать предков, а сама «определяется к месту». Ямщик крестится на перекрестке (на росстане), так как здесь «приключается всякое лихо и худая немочь». На росстанях колдунья наносит порчу, а бес постоянно караулит человека. Если у кого-то происходит падеж скота или кто-либо в семье болеет, то режут лозовую палку и бросают ее на перекрестке, тот, кто ее поднимет, возьмет все неприятности на себя. Священник разъяснял ямщику смысл православной религии и убеждал оставить все эти предрассудки.

41. Приходские обеды // 1878. № 1 (15 янв.). С. 13—16 (перепеч. из «Пензенских епархиальных ведомостей», в которых пу-

бликация основана на материалах из «Херсонских епархиальных ведомостей»).

1. Поминки. 2. Общие обеды в неделю жен мироносиц; женщины собирают пожертвования. 3. Приходские обеды после общественных литий; во время христианских праздников; после молебствия с крестным ходом весной при севе. Священник не должен препятствовать соблюдению этих народных обычаев. Священник должен присутствовать на подобных обедах, облагораживая их.

См. также: № 3, 33, 64, 99.

VII. Праздники народно-церковного календаря

*О сути и назначении праздников и воскресных дней;
о христианском и нехристианском их проведении*

42. В. Г. П. Необходимое разъяснение // 1896. № 11 (15 июня). С. 328—329.

Ответ на публикацию «Церковного вестника» (№ 14), в которой утверждалось, что предложение епископа Макария прекратить воскресные базары якобы не прошло в городской Думе. Однако на втором заседании Думы (27 февраля) это предложение было принято.

43. Воинов М., свящ. Катехизическое поучение: IX, X // 1862. № 17 (15 сент.). С. 271—273; 274—276; Катехизическое поучение: XI. С. 329—332.

IV заповедь гласит, что седьмой день недели надо посвящать Богу; следует заниматься богоугодными делами, ходить в церковь к утрени и обедни; раньше редкое посещение церкви сваливали на барщину, теперь на лень или беспечность.

44. Добрые вести (Из Васильурского уезда) // 1865. № 13 (15 июля). С. 359 (перепеч. из «Нижегородских епархиальных ведомостей»).

О приговоре волостного схода о благочестивом проведении праздников: об отмене гульбищ в Троицын и Духов дни; запретить в это время пляски, конские скачки и т. д.

45. Извеков И., свящ. Обзорение архиепископом Калужским и Боровским Виталием церквей II благочиннического участка Калужского уезда // 1891. № 18 (30 сент.). С. 589—600, № 19 (15 окт.). С. 627—637.

Архиепископ говорил об истинно христианском проведении воскресных и праздничных дней. Многие крестьяне едут в эти дни в город на базар. Тем самым нарушается святость и чистота праздников.

46. Как проводят англичане и французы праздничные дни // 1876. № 3 (15 февр.). С. 58—60 (перепеч. из «Церковного вестника»).

47. *Лужецкий Н., свящ.* Слово в неделю 27-ю // 1901. № 1 (15 янв.). С. 4—11.

О святости праздничных дней, которая часто нарушается. На земле надо воспитывать себя для небес. В праздничные дни христианин пробуждается для новой, светлой жизни, в его сознании укрепляются христианские идеалы. Существуют обязанности православного человека в праздники: посещение церкви, благотворительность.

48. [*Макарий, епископ.*] Слово, сказанное преосвященнейшим Макарием, епископом Калужским и Боровским, в Калужском соборном храме, о хранении Воскресного дня пред большим количеством слушателей, нарочито для выслушиваний сего слова приглашенных (в неделю мытаря и фарисея 1896 г.) // 1896. № 3 (15 февр.). С. 77—84.²⁶

О нарушении прихожанами, жителями Калуги, IV Заповеди Божьей: святить день Господен: работают рынки, базары, идет торговля. Необходимо всю торговлю, базары перенести.

49. *Малинин П., свящ.* Поучение во время бездождья (Произнесено в 1869 г. по случаю засухи и падежа скота в храмовый праздник вмч. Георгия) // 1897. № 17 (15 сент.). С. 473—478.

О нехристианском проведении воскресного дня: в церкви мало народу; бесчинные игры. Как надо по-христиански проводить воскресные дни.

50. О праздновании воскресного дня // 1881. № 17 (15 сент.). С. 352—357 (перепеч. из «Воскресного дня»).

История праздника. Мнения отцов церкви об этом дне. Характер проведения воскресенья во времена раннего христианства. Обычай празднования воскресенья с вечера субботы.

51. О праздновании сельскими причтами храмовых праздников // 1864. № 4 (29 февр.). С. 62—66.

Церковь не запрещает обильно угощать в праздники родных и знакомых, пить вино, но надо знать меру, чтобы все это не стало излишеством. Праздники истощают пищевые запасы, денежные сбережения. В храмовый праздник приезжает много гостей, гостящих от трех дней до недели. О меню праздничного стола, любовь к водке. Присловья при питье, поговорки. Кроме гостей из своей среды священнику приходится угощать пришедших поздравить с праздником прихожан. Проведение праздников разорительно для духовенства. Священники должны сделать праздничные развлечения невинными и благородными.

²⁶ Печатается по особому распоряжению Его Преосвященства с предписанием всем священникам Калужской епархии произнести это слово в один из Воскресных дней настоящего Великого поста.

52. *Павловский Х., свящ.* Вразумление и наказание за нечестование местного праздника // 1874. № 10 (31 мая). С. 191—194.

Крестьянка в храмовый праздник золила рубашки; у нее отказала рука. Обращение к ворожеям не помогло. Женщина поняла, что она оскорбила праздник. Помолилась у иконы св. Димитрию Салунскому, священник отслужил по ее просьбе молебен этому святому, помазала руку маслом из лампы, горящей у этой иконы, и все прошло.

53. *П. В.* Как проводить день по-христиански : (Внебогослужбное чтение) // 1892. № 16 (31 авг.). С. 508—511; № 17 (15 сент.). С. 530—533; № 18 (30 сент.). С. 568—570; № 19 (15 окт.). С. 597—602; № 20 (31 окт.). С. 630—635.

Данная публикация представляет собой сокращенное и видоизмененное изложение ряда статей из «Православного собеседника» за 1855 и 1856 гг. под заглавием «День святой жизни, или ответ на вопрос: как мне жить свято».

54. Письмо преосвященного Викторина, епископа Полоцкого и Витебского к Витебскому губернатору об отмене базаров в воскресные и праздничные дни // 1882. № 2 (31 янв.). С. 54—59 (перепеч. из «Полтавских епархиальных ведомостей»).

55. По вопросу о праздничном отдыхе // 1897. № 17 (15 сент.). С. 479—481 (перепеч. из «Церковного вестника». № 33).

Петербургская городская Дума 6 августа приняла постановление о воскресном и праздничном отдыхе для приказчиков и сидельцев. Теперь торговать можно лишь с 12 до 17 часов, а следовательно, торговцы могут присутствовать на обеде. *От редакции:* Калужская городская Дума должна взять пример с Петербурга.

56. 17-я годовщина прекращения торговли по праздничным дням в городе Смоленске // 1898. № 21 (15 нояб.). С. 749—751 (перепеч. из «Смоленских епархиальных ведомостей»).

57. *С. М. Д.* Корреспонденция из Полотняного Завода // 1891. № 15 (15 авг.). С. 496—504.

О посещении архиепископом Калужским и Боровским Виталием поселка Полотняный Завод, во время которого он говорил о необходимости запретить базары в воскресные и праздничные дни.

58. *Смирнов В., свящ.* Поучение к сельским прихожанам на IV заповедь Закона Божьего // 1864. № 20 (31 окт.). С. 361—364.

Об истинно христианском проведении праздничных и воскресных дней, которые должны быть целиком посвящены Богу, благодарности за его благодеяния. Необходимо отложить житейские заботы, молиться дома, читать богоугодные книги, помогать бедным, ходить в церковь. Многие в праздники грешат вдвойне, посвящая это время не Богу, а бесу.

59. *Смирнов Д.* О христианском провозждении дней праздничных // 1894. № 8 (30 апр.). С. 249—255.

В Англии, США свято соблюдают покой праздничного дня. Попытки в России ввести строгое соблюдение праздничного покоя (с XVII в.). В 1881 г. по многолетнему ходатайству митрополита Филарета Александр II запретил театральные спектакли накануне воскресных и праздничных дней. О постановлениях разных городских дум о времени открытия и закрытия лавочной торговли, о перенесении базаров с воскресений в будние дни. Во многих городах и селах вопрос о покое праздничных дней не обсуждается. Далее о сущности истинно христианского празднования воскресных и праздничных дней.

О количестве народно-церковных праздников

60. Праздники и труд // 1910. № 32 (10 нояб.). С. 1—2; № 33 (20 нояб.). С. 1—2.

Государственная Дума будет рассматривать вопрос о сокращении праздничных дней. Большое количество праздников вредит экономике страны. Споры вокруг данного проекта. По мнению автора, христианские праздники не могут вредно отражаться на благосостоянии народа. Главное не в количестве праздников, а в их нехристианском отмечании. Именно с этим борется церковь. Не следует уменьшать количество праздников, а надо дать возможность духовенству продолжать борьбу за истинно христианский характер народных праздников.

Почитание и значение отдельных дат календаря

61. Из домашней беседы священника с прихожанами о високосном годе и Касьяновом дне // 1880. № 5 (15 марта). С. 119—123 (перепеч. из «Душеполезного чтения». 1880. Февраль).

Новый год. День Василия Великого

62. *Браник И.* Русские народные обряды при праздновании Нового года // 1874. № 1 (15 янв.). С. 11—14 (перепеч. из «Руководства для сельских пастырей»).

Святочные забавы, суеверные обряды, главный пункт русских святок — гадания 31 декабря.

63. Новый год в старину на Руси // 1888. № 1 (15 янв.). С. 1—6 (перепеч. из «Русского паломника»).

Крещение

См. № 25.

Масленица

64. *Молочковский Н., свящ.* Русская масляница в ее христианском, историческом и бытовом виде и смысле // 1893. № 2 (31 янв.). С. 47—61.

Общесловный характер праздника. В эту неделю церковь вспоминает и изображает грехопадение наших прародителей. История праздника. Черты двоеверия и суеверие в нем. Языческие корни Масленицы. Языческие пляски, ряженье, чучела из снега и соломы, катания, составление длинных поездов, песни. Масленица — праздник новолетия и приближения весны. Весенний языческий бог Пуст. Постепенное сокращение продолжительности Масленицы (от 14 до 4 дней). Магическое значение блинов как поминального блюда. Описание празднования Масленицы в конце XVII—второй половине XVIII в. Автор убежден, что ныне нет причин отмечать Масленицу весело и шумно.

Великий пост. Предпасхальные обычаи

65. Празднование вербного воскресенья в Москве за 200 лет до настоящего времени // 1874. № 5 (15 марта). С. 89—93 (перепеч. из «Орловских епархиальных ведомостей»).

66. Страстная неделя за границей // 1877. № 8 (30 апр.). С. 121—123 (перепеч. из «Церковного вестника»).

Пасха

67. Древняя Русь в великие дни. «Велик день» — Преполование Пятницы // 1903. № 7—8 (30 апр.). С. 159—164 (перепеч. из «Душеполезного чтения». 1895. Апрель).

Подготовка разных кушаний и питья. Разные игры в Светлую неделю, в том числе: качели, катание яиц.

68. Обычай дарить друг другу красные яйца в праздник Пасхи и значение его // 1875. № 8 (30 апр.). С. 142—145 (перепеч. из «Московских епархиальных ведомостей»).

69. Празднование Пасхи в старинной Руси // 1884. № 7—8 (30 апр.). С. 179—183 (перепеч. из «Литовских епархиальных ведомостей»).

Вера в то, что солнце в Светлое воскресенье играет. Описание встречи Пасхи. Царское и народное отмечание праздника. Игра в яйца, в битки, в свайку, в чехарду; качели; гуляние у церквей.

См. также: № 109.

Троица

70. *Рождественский Д., свящ.* О каких условиях к принятию спасительной благодати Святого Духа напоминает обряд святой Церкви — украшать в праздник Пятницы храм Божий зеленеющими растениями и благоухающими цветами // 1870. № 14 (31 июля). С. 419—427; № 15 (15 авг.). С. 445—455.

71. *Соловьев В., свящ.* Из воспоминаний прошлого // 1877. № 8 (30 апр.). С. 115—121.

Дед автора, служивший в том же селе, сумел убедить прихожан прекратить богохульный обычай на Троицу. Именно в этот день мужчины и женщины шли в попову или церковную рошу, варили там яичницу, громко пели нескромные песни, плясали. Когда начинался дождь, то все прятались на церковной паперти. Здесь также продолжалось веселье, при этом нередко образ, висящий над входом в церковь ставили лицом к стене и продолжали плясать.

См. также: № 44.

Духов день

См. № 44.

Петров день, 29 июня

72. *Извеков М.* «Встреча солнца» под Петров день (Из народных суеверий) // 1898. № 14 (31 июля). С. 477—480.

Описание праздника в деревне Головнине (15 верст от Калуги). 28 июня в 11 часов вечера народ собирается около реки у разведенных костров. Деревенская молодежь спускает с горы в реку огненные круги — горящие колеса от крестьянских телег. Огромная радость для всех, если колесо удачно скатилось прямо в воду. То же самое делают и в других деревнях. От местных жителей автор узнал, что это ежегодно делается с давних времен. Молодежь, а иногда и пожилые люди, делают складчину, заготавливают для угощения припасы, дрова, старые колеса в огромном количестве. Во время этих ночных сборищ бывает пиршество. В некоторых деревнях женщины сообща варят в одном котле кашу, иногда пекут блины. В это же время играют, поют песни. Все это длится до восхода солнца, и все смотрят, как оно восходит. При появлении солнца костры гасятся, колеса уже не бросают, потом расходятся по домам. Каких-то особенных песен не поют, исполняются разные и самые обыкновенные песни. Автор приводит текст из сборника А. Терещенко. Это языческий обряд обожествления солнца. Праздник солнца — 24 июня в день Ивана Купалы (отождествляется с Ярилой и Ладой). Не все понимают смысл праздника, только некоторые говорят, что в этот день «солнце играет».

Святки и Рождество Христово, 25 декабря—7 января

73. *Богородицкий С., свящ.* Сочувственный отклик на добрый призыв // 1904. № 22 (30 нояб.). С. 699—706.

О рождественском и пасхальном христославлении. Народный взгляд на таинство елеосвящения. Священник, изучая народные обычаи, должен искоренять все то, что является чуждым христианской вере. Борьба с праздничными базарами, дурными фабричными песнями.

74. *Георгиевский Г.* Праздник Рождества Христова. Исторический очерк // 1913. № 1 (1 янв.). С. 3—6.

История возникновения праздника. Празднование Рождества Христова на Руси и в России и его христианские черты. Славление Христа в царском дворце в Москве.

75. *Добромыслов Г., свящ.* Разговор сельского священника с наставником беспоповцев (С моленной Иваном Сидоровым Блином) // 1873. № 19 (15 окт.). С. 428—434.

Священник в 1871 г. ходил в святки славить Христа в д. Родькиной Боровского у. В доме Сидорова после прославления Христа священник стал ждать, когда семья приложится к кресту. Хозяин-старик не подошел. Раньше священник заранее извещал дату, когда он придет славить в ту или иную деревню, чтобы прихожане заранее приготовились к его приходу: зажгли свечи перед иконами, постирали скатерть на стол и т. д. В это время Сидоров и ему подобные уходили из дома или прятались в нем. В этот раз священник не объявил сроков славления.

76. «Известия» // 1865. № 7 (15 апр.). С. 177 (перепеч. из «Калужских губернских ведомостей»).

О святочных ряженных; один из них — «черт» — до полусмерти напугал ребенка.

77. Народные обряды у славян в праздники Рождества Христова // 1876. № 3 (15 февр.). С. 56—58 (перепеч. из галицко-русской газеты «Слово»).

78. *Недоходовский Я.* Елка для учащихся Калужского духовного училища // 1897. № 1 (15 янв.). С. 20.

79. *Ратмиров И.* Заметка // 1901. № 22 (30 нояб.). С. 639—642.

Любовь детей к празднику Рождества Христова и к песнопению «Христос рождается». Часто в устах юных певцов текст и напев славословия сильно меняются. Автор публикует канонический текст, обоснованный на церковном обиходном напеве. Он удобен для исполнения одним—тремя голосами. Ноты для удобства даются в цифровой системе.

80. Рождественская елка // 1877. № 1 (15 янв.). С. 17—19 (перепеч. из «Воскресного чтения». 1875. № 50).

81. Рождество Христово // 1911. № 1 (1 янв.). С. 1—2.

О нехристианском проведении праздника в городе: визиты, маскарады, танцы, богатый стол в домах. Нет прославления Христа. С христославлением ходит по домам церковный причт, но не все принимают его. Далее об истинно христианском праздновании этого праздника.

82. *С. М. Б.* Воспоминания сельского священника // 1909. № 1 (1 янв.). С. 3.

Рождественское христославление, осуществляемое духовенством, — это не только унижение славильщиков, но и прихожан.

83. *Син-кий К.* Рождественская школьная елка // 1903. № 23 (15 дек.). С. 636—641.

84. Христославление по чужим приходам // 1863. № 24 (31 дек.). С. 428—433.

Описание рождественского христославления в Калуге, совершаемого причтами по чужим приходам. Это — нарушение закона, посягательство на права приходских служителей церкви, самоунижение. Несмотря на то что подобное посещение не своих прихожан наблюдается с давних пор, его надо прекратить.

85. *Февралев И., свящ.* Слово на праздник Рождества Христова // 1878. № 3 (15 февр.). С. 35—40.

Осуждение святочных зрелищ, безобразных нарядов, плясания. Греховность мирских удовольствий в этот праздник.

86. *Хвалебнов С.* Елка в церковной школе села Хозец (Козельский уезд) // 1910. № 2 (10 янв.). С. 8.

Программа детского вечера.

См. также: № 25, 109.

VIII. Хозяйственные обычаи и обряды

87. *С. М. Б.* О летописях церковных // 1909. № 19 (1 июля). С. 6—8.

В церковных летописях надо отмечать уровень посещения прихожанами церкви в воскресные и праздничные дни; давать описание домашнего быта, описывать древние обычаи. В качестве примера такого обычая приводится ночное изгнание смерти во время эпидемии рогатого скота в одном из сел Жиздринского уезда, в котором принимали участие женщины. Обычай языческий, но с христианскими элементами. Здесь использовались: икона св. Власия, церковные свечи и ладан. Необходимо подробно записывать весь ход свадебного обряда, общих молебнов в случае засухи по полям и колодцам.

См. также: № 9, 33, 41, 99, 105.

IX. Посиделки, игры, хороводы, танцы, развлечения (главным образом молодежи)

88. Заметка о детских играх // 1869. № 8 (30 апр.). С. 207—214.

Прятки, текст считалки; игра «в свадьбу» вредна для нравственного чувства детей; в этой игре изображается бракосочетание, поведение жениха и невесты, их отношения друг с другом; игра сопровождается смехом играющих. Кошунственная игра «в духовника», также сопровождаемая смехом.

89. *Кишкин Г.*²⁷ Письмо свт. Тихона, епископа Воронежского // 1862. № 4 (28 февр.). С. 52—54.

Тихон возмущен тем, что в Воронеже восстановили разрушенные качели; качели приводят к соблазнам и бесчиниям. Нынешнее время требует покаяния, слез, плача, а не развлечений.

90. Отношение христианина к картежной и тому подобным играм // 1876. № 1 (15 янв.). С. 8—11 (перепеч. из «Воскресного чтения». 1875. № 40).

После телесных и духовных напряжений в качестве отдыха можно заняться приличной игрой, которая может быть даже полезной. Нельзя играть часто, долго, в надежде на выигрыш, прибегать при этом к обману и хитрости. Неумеренная игра опасна. Страстные игроки плохие христиане; страстная игра оказывает негативное влияние на религиозно-нравственное состояние играющих. Страстные игроки также плохие граждане и члены семейств.

См. также: № 2, 8, 24, 49, 67, 69, 71, 72, 85.

X. Произведения устного народного творчества

Былины

91. *И-в Д.* О народных книгах // 1868. № 3 (15 февр.). С. 93—107; № 4 (29 февр.). С. 93—107.

Некоторые ревнители народного просвещения, зная, что народ любит свою литературу, стали издавать для него сборники былин, сказок, песен, стихов, пословиц и поговорок. Другие издают описание народных суеверий, предрассудков, различных поверий. По мнению автора, издание для народа древних сказок, поговорок, песен, духовных стихов ничего не дают в плане народного образования. Не надо простым людям «покоиться» на знакомых им суеверных рассказах, сказках, былинах, пословицах и т. д.; основа апокрифических сказаний — суеверие. Ссылки на книги Буслаева, Худякова и др. Полезны лишь загадки, менее полезны пословицы и поговорки.

²⁷ Автор — калужский губернский прокурор, приславший в редакцию копию письма, написанного св. Тихоном 20 июня 1769 г. деду Кишкина — Тимофею Васильевичу Кишкину, который поставил эти качели.

Духовные стихи

92. *Доброгорский А.* Калужской губернии скопцы; их верование и нравоучение // 1871. № 13 (15 июля). С. 300—306; 1872. № 2 (31 янв.). С. 32—34.

О песнях скопцов. В № 2 за 1872 г. приведены два текста песнопений.

93. *Извеков Я.* Сведения о скопцах в Тарусском и Калужском уездах в конце прошлого и начале нынешнего столетия // 1862. № 5 (15 марта). С. 63—76.

Сведения из местных преданий, но главным образом из дел о скопцах, хранящихся в архиве Калужской духовной консистории. Рассказывается о духовных стихах скопцов; приведены отрывки исполняемых песен.

94. К характеристике хлыстовской секты (в Калужской губернии) // 1869. № 24 (31 дек.). С. 667—674.

Тексты хлыстовских стихов (два номера) и текст приговора.

95. О так называемых дешовских молоканах // 1872. № 13 (15 июля). С. 306—312; № 14 (31 июля). С. 331—336.

О песнопениях молокан. № 17 (15 сент.). С. 421—425: текст молоканской «проповеди».

96. *Соколов Д.* Очерк хлыстовщины в пределах Тарусского уезда // 1896. № 12 (30 июня). С. 344—354; № 14 (31 июля). С. 411—421; № 16 (31 авг.). С. 491—508; № 19 (15 окт.); 1897. № 1 (15 янв.). С. 20—24; № 2 (31 янв.). С. 56—59; № 4 (28 февр.). С. 123—126; № 5 (15 марта). С. 155—159; № 6 (31 марта). С. 191—195; № 7/8 (30 апр.). С. 227—235; № 9 (15 мая). С. 267—270; № 10 (31 мая). С. 292—296; № 11 (15 июня). С. 326—331.

Тексты заклатья, присяги, песнопений, величаний; описание радения и песнопения, исполнявшиеся в это время.

См. также: № 91.

Сказки

См. № 91.

Несказочная проза

(легенды, предания, былички, анекдоты и т. д.)

97. *Воинов М., свящ.* Катехизическое поучение VIII: Не сотвори себе кумира // 1862. № 16 (31 авг.). С. 265—268.

Примеры присловий.

98. «Известия» // 1866. № 24 (31 дек.). С. 736—739 (перепеч. из «Современного листка»).

Об одной из старообрядческих легенд, опубликованных В. Варенцовым в «Сборнике русских духовных стихов» (1860).

99. *Из-ов Н.* Историческое описание церкви и прихода с. Сергиевского Калужского уезда // 1882. № 22 (30 нояб.). С. 633—638; 1883. № 3 (15 февр.). С. 69—73; № 5 (15 марта). С. 131—134; № 16 (31 авг.). С. 431—438; № 17 (15 сент.). С. 456—463.

Предание о том, что барский дом был построен на золото, отобранное у Пугачева генералом В. А. Карроном. Народное предание о том, что место для церкви указано самой Божьей Матерью: икона в честь Покрова ее два раза являлась именно на этом месте; предание о кладах, о разбойниках. Опахивание села. Крестьяне верят в порчу. Заговоры. Похоронные суеверные обычаи.

100. *И. Л.* Историческое описание Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря // 1862. № 13 (15 июля). С. 202—213.

Народное предание о Лютике-надзирателе при начальном строительстве монастыря; предание об основателях монастыря кн. Воротынских.

101. Историческое описание Калужского Лаврентиева монастыря и принадлежащей к нему Крестовской церкви // 1862. № 1 (15 янв.). С. 1—17; № 2 (30 янв.). С. 19—35; № 3 (15 февр.). С. 36—50; № 4 (1 марта). С. 54—56; № 6 (31 марта). С. 84—91; № 7 (15 апр.). С. 101—106; № 8 (30 апр.). С. 107—124.

Устные народные предания о раннем периоде существования монастыря; народные предания о блаженном Ермиле, жившем в конце XVII в.; предания о часовне, стоявшей на месте нынешней Крестовской церкви.

102. Лихвинский Покровский Добрый монастырь XIV—XIX вв. : (Краткий очерк истории и современного состояния монастыря) // 1898. № 11 (15 июня). С. 385—390.

Топонимические предания.

103. *Никольский Д., дьякон.* Описание Калужской Ильинской церкви // 1900. № 11 (15 июня). С. 236—243.

Устные предания о храме и его строителях.

104. *Никольский Н., свящ.* Приходская летопись Воскресенской, села Лисина церкви // 1874. № 7 (15 апр.). С.120—122.

Топонимическое предание о происхождении названия села; предание о старинном женском монастыре; предание об источнике, открытом рогом быка.

105. О церкви святых жен Мироносиц города Калуги // 1862. № 10 (31 мая). С. 156—165.

Предание о том, почему церковь посвящена святым мироносцам: строители храма — ямщики, скотоводы и земледельцы в праздник св. Мироносиц совершали молебен на начала сельскохозяйственных работ и на выгон скота; к этому дню была приурочена ярмарка, на которой торговали лошадьми и рогатым скотом. Церковь была построена в 1698 г.

106. Преподобный Тихон, основатель Тихоновой пустыни. Калужский чудотворец // 1864. № 1 (15 янв.). С. 7—93.

До сих пор у местных монахов бытуют предания о Тихоне, жившем в XV в.; топонимическое предание.

107. *Рождественский А., свящ.* Сказание об иконе Божьей Матери: Взыскание погибших, что в селе Боре Тарусского уезда // 1864. № 24 (31 дек.). С. 436—437.

Предание об обете спасшегося от замерзания крестьянина сделать список с иконы Божьей Матери, находящейся в другом храме; обет был исполнен, и икона была пожертвована в церковь своего прихода. Это произошло в 1808 или в 1809 г.

См. также: № 111.

Пословицы и поговорки

108. *Тимофеев П.* Письмо в редакцию // 1893. № 18 (30 сент.). С. 572.

Просьба к духовенству Калужской епархии сообщать различные местные пословицы, поговорки, присловья, скороговорки, присказки, побасенки, приговорки, речения, обиняки, иносказания, окольные выражения и т. п.

См. также: № 91.

Загадки

См. № 91.

Песни

109. Замечательный опыт обучения священником прихожан церковному пению // 1866. № 6 (31 марта). С. 178—195 (перепеч. из «Вятских епархиальных ведомостей»).

Один сельский священник требовал от прихожан, чтобы они при посещении домов односельчан на Пасху и на Рождество, а также во время крестных ходов пели вместе со священником молебны, при этом он не запрещал крестьянам петь в праздники мирские скромные песни. В результате из деревенского быта почти ушли грубые, бурлацкие песни.

См. также: № 24, 64, 71—73, 91, 109.

XI. Различные программы, документы

110. *Цветков И.* Записка с изложением вопросов, предлагаемых притчам приходских церквей Калужской епархии, для отобрания от них сведений о состоянии их церквей и приходов за время самостоятельного существования епархии (1799 г.) // 1897. № 12 (30 июня). С. 360—364.

Среди вопросов есть один, имеющий отношение к фольклорно-этнографическим материалам: «Не было ли и не сохраняется ли среди прихожан каких-либо народных верований, обрядов, суеверий, празднеств, не имеющих основания в церковных уставах, и вообще других живых остатков народной религиозной жизни прежних времен?»

111. *Цветков И.* Программа для составления историко-археологических описаний церквей и приходов Калужской епархии // 1909. № 29 (10 окт.). С. 12—13; № 30 (20 окт.). С. 14—15; № 31 (1 нояб.). С. 13—14.

В рубрике «Общий состав прихода и его составные части», в числе других задается вопрос: «Как объясняют в приходе название того или иного поселения?»

В рубрике «Географическое положение прихода» содержатся вопросы: «5. Всегда ли, по народным сказаниям или по документам, поселение находилось на теперешнем месте и с тем же названием, что и теперь, или оно перенесено из другого места и изменило свое название?»; «6. Нет ли каких-либо сказаний или преданий о начале поселения и об основателе или основателях его, а равно о времени переселения его из одного места в другое и его причинах?»

В рубрике «Остатки древностей общих»: «7. Есть ли в народных сказаниях следы древних поселений («городищ», «замчищ», «селищ»)»; «9. Есть ли предания о древних, уже не существующих монастырях?»; «10. Сохранились ли народные воспоминания о 1812 г. (к 100-летию войны)?»

В рубрике «Церковь и церковные древности и достопримечательности»: «43. Предания о чудотворных иконах».

В рубрике «Причт и прихожане»: «67. Есть ли среди прихожан суеверия, суеверные обычаи и обряды?»

XII. Varia

112. *Недоходовский Ф.* Материалы для истории сельского нищенства в Калужской губернии // 1899. № 3 (15 февр.). С. 102—108.

113. *Покровский Ф.* Духовно-училищные бурсы // 1864. № 7 (15 апр.). С. 111—125; № 9 (15 мая). С. 162—169.

Хороший, добротный материал о быте учащихся; их пища; прозвища.

114. *Рожественский Д., протоиер.* Каким образом христианин по жизни своей может и должен уподобляться распятому на кресте? // 1877. № 5 (15 марта). С. 67—73.

Надо избегать несовместимых с требованиями истинно христианской жизни удовольствий и наслаждений.

115. *Ф.-в.* В какой мере позволительны христианину удовольствия и какие? // 1876. № 1 (15 янв.). С. 1—7.

Сначала надо искать истинные духовные утешения, которые истребляют страсти, а уже потом можно без вреда позволять себе земные удовольствия.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ²⁸

Архангельский С. 4	Лужецкий Николай, священник 47
Беляев Алексей, священник Калужской Георгиевской церкви на Воробьевке 32	Любимов Дмитрий, священник с. Карамышева 27
Богородицкий С., священник 73	Любимов И. Д., протоиерей, редактор Неофициальной части 13
В. Г. П. 42	
Воинов М., священник с. Покрова Перемышльского уезда 1, 33, 43, 97	Макарий, епископ Калужский и Боровский 48
Георгиевский Григорий 74	Малинин Петр, священник с. Адамовского у. 28, 49
Доброгорский Ал. 92	Молочковский Николай, священник, преподаватель КДС 64
Добротыслов Г., священник 75	Недоходовский Ф. 112
Д[обронравов]в М. 2	Недоходовский Яков, учитель Калужского духовного училища 78
И. Л. 100	Никольский Д., дьякон Калужской Ильинской церкви 103
И-в. 8	Никольский Николай, священник с. Лисина 14, 15, 104
И-в Д. 91	
Из-в. 9	
Извеков Иоанн, священник 45	
Извеков М. 72	
Извеков Я. 93	Павловский Харитон , священник 30, 52
Из-ков Д. 10	П. В. 53
Из-ов Н. 99	Покровский А., священник 40
Кишкин Гр. 89	

²⁸ Фамилии иноепархиальных авторов в перепечатках из других периодических изданий не учитываются.

Ратмиров Иван, преподаватель церковного пения в КДС 79
Рождественский А., священник с. Бор Тарусского у. 107
Рождественский Д., священник 70
Рождественский Дмитрий, протоиерей 114

С. М. Б. 83, 87
С. М. Д. 57
Син-кий К. 82
Смирнов В., священник с. Роцца, Тарусского у. 58
Смирнов Д. 59
Соколов Дмитрий, эксперт по делу тарусских хлыстов, протоиерей Калужской Никитской церкви 96

Соловьев Виктор, священник с. Почапа Тарусского у. 71
Спасский Павел, священник 31

Тимофеев П. 108

Ф-в. 115
Февралев Иоанн, священник 85

Хвалебнов Сергей. Елка в церковной школе с. Хозец Козельского у. 86

Цветков Иван, старшина Калужского церковного историко-археологического общества, преподаватель КДС 110, 111

СПИСОК УЕЗДОВ И СЕЛ, УПОМИНАЕМЫХ В КЕВ²⁹

Боровский уезд
Родькина, деревня 75
Жиздринский уезд
87
Калуга
32, 48, 64, 78, 79, 84, 96, 101, 103, 105, 106, 110, 111
Калужский уезд
45, 93
Головнино, деревня 72
Полотняный Завод 57
Сергиевское 99
Козельский уезд
Хозец 86
Лихвинский уезд
Покровский Добрый монастырь 102

Медынский уезд
Адамовское 28, 49
Перемышльский уезд
Перемышль 100
Покрово 1, 33, 43, 97
Тарусский уезд
93,96
Бор 107
Почапа 71
Роцца 58
Таруса 93, 96
Села без указания уезда
Карамышево 27
Лисино 14, 15, 104
Муратово, село 14

²⁹ Перечислены лишь населенные пункты Калужской епархии.

Е. И. КАМШИЛОВА

БЕЛГОРОДСКИЙ АРХИВ И. Я. ЛЕСЕНЧУК В ФОНОГРАММАРХИВЕ ИРЛИ РАН

В Фонограммархиве Института русской литературы (ИРЛИ) (Пушкинский Дом) РАН хранится архив семи экспедиций в Белгородскую область Инессы Яковлевны Лесенчук. Архив содержит 64 аудиокассеты, каждая длительностью один час. Ранее материалы этой коллекции не публиковались; исследований в связи с ней не проводилось.

Большую часть материала составляют сказки. В среднем на одну кассету приходится 11 сказок, что занимает больше половины времени звучания. Преобладание сказок в данной коллекции обращает на себя внимание в связи с новым ростом интереса к проблемам изучения народной сказки.

Наличие излюбленных, наиболее часто встречающихся сюжетов («Сестрица Аленушка и братец Иванушка», «Чудесная дудочка», «Коза луплена») позволяет сравнивать варианты, а большое число информантов — рассмотреть разные манеры рассказывания сказки, от схематичного пересказа событий до артистического исполнения с песенными вставками.

Невозможно установить точные причины более или менее частой записи сказок в разных районах, можно лишь констатировать факт, что есть районы с преобладающими жанрами. Например, в селе Подсереднем ни один жанр не сравнится количественно со свадебными песнями. Напротив, в экспедиции июля 1981 г. в селах Большое, Ближние Россошки и в хуторе Япринцев Редкодуб было записано огромное количество сказок — и практически ничего другого. Экспедиции июня 1983/84 г. (села Вербное и Готовьё) в этом плане находятся посередине. Предположительно количество сказок, записанных в этих экспедициях, обусловлено не предпочтением целого района или общества, а также не специальной целью экспедиции, а только

вкусом и умением конкретных сказителей. Поэтому для исследовательской работы, направленной на изучение сказительского мастерства, архивы экспедиций в села Вербное и Готовье являются подходящим материалом.

Особенного внимания в записях последних экспедиций заслуживают две сказительницы. В селе Вербном 31 сказочный текст из 69 записан от Ольги Тихоновны Дуровой, интереснейшей рассказчицы, владеющей артистической манерой исполнения. В селе Готовье экспедиция встретила с другой уникальной сказительницей — Акулиной Васильевной Дёшиной, которая исполнила 137 текстов, в том числе 59 сказок.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
----------------------	---

РАЗДЕЛ I. ФОЛЬКЛОРИСТИКА: ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ. СТАТЬИ

В. И. Еремина. Теория и методика сравнительно-исторического изучения фольклора и литературы в трудах В. М. Жирмунского	7
Г. Л. Венедиктов. Морфология русской сказки как отражение законов общества. Публикация и комментарии М. А. Никифоровой	45
А. П. Евгеньева. Новые задачи изучения фольклора в связи с диалектологией. Публикация Я. В. Зверевой	81
С. В. Березкина. Два спорных наброска А. С. Пушкина в фольклорном стиле («Расходились по поганскому граду...», «Не курится там огонек малешенок...»)	112
Из эпистолярного наследия писателя-сказочника, художника С. Г. Писахова. Публикация и комментарии А. А. Горелова	121
Документы по защите докторской диссертации А. М. Астаховой. Публикация и комментарии Т. Г. Ивановой	150

РАЗДЕЛ II. ФОЛЬКЛОР: НЕИЗДАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

А. Б. Никаноров. Сборник Иоганна Георга Доппельмайра «Russische Volkslieder für eine Singstimme mit Klavierbegleitung» («Русские народные песни для голоса с фотепиано») (Неизвестная публикация музыкального фольклора рубежа XVIII—XIX вв.)	195
Марковский песенник. Публикация и комментарии Т. С. Шенталинской	240

Фольклорно-этнографические заметки В. Федоркова «На рыбной ловле» (По материалам РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН). Публикация и комментарии М. В. Рейли	286
Обонежские причитания в записи З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиуса (1926). Публикация и комментарии А. Ю. Кастрова . . .	317
Рукописный архив И. М. Левиной: «импровизационные» кукольные игры и другие фольклорно-этнографические материалы (Мезень, 1928 г.). Публикация и комментарии М. Н. Власовой	367
Ю. И. Марченко. Замечания о лирических песнях Печоры, записанных Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд (По материалам экспедиции Секции крестьянского искусства ГИИИ, 1929 г.)	390
Свадебный фольклор Дмитриевской волости 20—30-х гг. XX в. в записях устьянского краеведа М. И. Романова. Публикация и комментарии А. Н. Власова	442
Беломорский эпос в записях Д. М. Балашова 1957 г. (По материалам архива Пушкинского Дома). Публикация и комментарии Л. И. Петровой	535
Е. И. Якубовская. Псковские песни сестер Судаковых в записи Н. Л. Котиковой	607
Экспедиции Сектора народнопоэтического творчества ИРЛИ АН СССР в Пермскую область (1962—1963). Публикация и комментарии Г. Н. Щупак	720

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРОВ

Запрещенные песни: к истории социологического изучения городского фольклора в 1920-е гг. (Песни в записи Л. В. Домановского из Фольклорного собрания РО ИРЛИ). Публикация и комментарии Н. Г. Комелиной	762
---	-----

РАЗДЕЛ IV. АРХИВЫ. БИБЛИОГРАФИЯ

А. И. Васкул. Фольклорно-этнографические материалы на страницах газеты «Новгородские губернские ведомости» (1838—1917) (Аннотированный тематико-библиографический указатель)	809
А. Н. Розов. Фольклорно-этнографические материалы на страницах журнала «Калужские епархиальные ведомости» (1862—1917) (Аннотированный тематико-библиографический указатель)	828
Е. И. Камшилова. Белгородский архив И. Я. Лесенчук в Фонограммархиве ИРЛИ РАН	858

Научное издание

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

В ы п у с к 9

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН*

Редактор издательства *И. Н. Рабовская*
Художник *П. Палей*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Н. И. Журавлева, Л. Д. Колосова,*
А. К. Рудзик и Е. В. Шестакова
Компьютерная верстка *Е. С. Егоровой*

Подписано к печати 29.12.14.
Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 54.0. Уч.-изд. л. 50.6.
Тираж 500 экз. Тип. зак. № 1017.

Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.com

ООО «ИПК «Береста»
196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, 28

ISBN 978-5-02-038225-1

9 785020 382251

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины с отделами «Книга—почтой»

- 119192 Москва, Мичуринский проспект, 12, корп. 1;
(код 495) 932-78-01
Сайт: <http://LitRAS.ru/>; e-mail: okb@LitRAS.ru
- 199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1;
(код 812) 328-38-12; e-mail: naukaspb1@yandex.ru

Магазины «Академкнига» с указанием букинистических отделов

- 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298;
(код 3952) 42-96-20; akademkniga@list.ru
- 660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45;
(код 3912) 27-03-90; akademkniga@bk.ru
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
(код 499) 124-55-00 (Бук. отдел)
- 119192 Москва, Мичуринский проспект, 12;
(код 495) 932-74-79 (Бук. отдел)
- 127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2;
(код 495) 621-55-96 (Бук. отдел)
- 101000 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8, строение 4
(код 495) 624-72-19 (Бук. отдел)
- 142290 Пушкино Московской обл., МКР «В», 1;
(код 49677) 3-38-80
- 191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57;
(код 812) 272-36-65; academkniga.spb@bk.ru
(Бук. отдел)

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон для оптовых покупателей: (код 499) 143-84-24

Сайт: <http://LitRAS.ru/>

E-mail: info@LitRAS.ru

Склад, телефон: (код 495) 932-74-71

Факс: (код 499) 143-84-24